This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav
605
25

Harvard College Library

BOUGHT WITH INCOME

FROM THE BEQUEST OF

HENRY LILLIE PIERCE,

OF BOSTON.

Under a vote of the President and Fellows,
October 24, 1898.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXI-й. ІЮЛЬ. 1900 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Императоръ Николай I и Польша въ 1825 — 1831 годахъ.** П. К. Шильдера ..... 1— 32

II. **Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.** (Окончаніе)..... 33— 55

III. **Александръ Ефимовичъ Измайловъ. 1779—1831 гг.** Н. Кубасова..... 57— 78

IV. **Письмо Михаила Никифоровича Каткова Помпею Николаевичу Батюшкову о положеніи дѣлъ въ Ямбургскомъ генералъ-губернаторствѣ** ..... 79— 82

V. **Нѣмцы о Пушкинѣ въ 1899 г.** М. Веневитиновъ ..... 83—111

VI. **Изъ записокъ барона Дедема**..... 113—138

VII. **Краткій очеркъ жизни и дѣятельности генералъ-лейтенанта Карла Александровича Бельгарда.** В. Ф. Орѣусъ..... 139—152

VIII. **Разбитая жизнь.** Разсказъ ссыльнаго. (Къ исторіи бродяжничества на Руси). (Окончаніе). С. А. Кобленцъ. ..... 155—182

IX. **Изъ дневника П. Г. Дивова** ..... 183—200

X. **Записки Михаила Чайковскаго.** (Садыкъ-Мехмедъ паша). Переводъ П. В. Тимощукъ..... 201—224

XI. **Записная книжка „Русской Старины“:** Къ исторіи Московскаго университета въ началѣ XIX вѣка. Письмо М. Муравьева къ В. Н. Каразину (стр. 56).—П. Збышевскій. (Изъ исторіи польской смуты въ 1863 г.). Сообщ. А. Мердеръ (112).—Записка слободско-украинскаго губернатора Муратова о статскомъ совѣтникѣ Каразинѣ. 1-го марта 1826 г. (153—154).

XII. **Библіографическій листокъ** (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) **Архивъ Брюлловыхъ.**

2) Портретъ ген.-лейт. **Карла Александровича Бельгарда.** Грав. П. И. Хелминскій.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1900 г.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ подѣламъ редакціи: по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, № 39.
1900.

VII-я книга „Русской Старины“ выйдетъ 1-го іюля 1900 г.

Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ митрополиту московскому Филарету (съ 1812 по 1867 гг.), изданныя съ біографическими свѣдѣніями и пояснительными примѣчаніями А. Н. Львовымъ. С.-Петербургъ, 1900 г.

Высокое положеніе Филарета, митрополита московскаго, его выдающееся значеніе и вліяніе въ рѣшеніи вопросовъ церковной и государственной жизни придаютъ, безъ сомнѣнія, особенный интересъ всему, что касается этого выдающагося дѣятеля.

Въ бумагахъ покойнаго митрополита Филарета, хранящихся въ архивѣ Святѣйшаго Синода, имѣется довольно большое количество писемъ разныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, обращавшихся къ владыкѣ или за разъясненіемъ по разнымъ случаямъ текущей церковной и гражданской жизни въ Россіи, или же сообщавшихъ ему о важнѣйшихъ происшествіяхъ, съ объясненіемъ иногда отношеній разныхъ историческихъ дѣятелей къ совершающимся событіямъ и съ указаніемъ побужденій и цѣлей того или другого мѣропріятія. Письма эти обнимаютъ время съ 1812 г., когда Филаретъ только-что сдѣлался ректоромъ С.-Петербургской духовной академіи, и оканчиваются 1867-мъ — годомъ кончины знаменитаго московскаго святителя.

Всѣхъ писемъ [1]), напечатанныхъ въ разсматриваемой нами книгѣ,—378, и они принадлежатъ 89-ти духовныхъ и свѣтскимъ авторамъ.

Письма эти сгруппированы по авторамъ, расположеннымъ по хронологическому порядку ихъ первыхъ писемъ; письма каждаго автора помѣщены тоже въ хронологическомъ порядкѣ. Такое расположеніе печатаемыхъ писемъ представляетъ то удобство, что даетъ возможность непрерывно слѣдить—иногда на протяженіи длиннаго періода времени—какъ за существовавшими взаимоотношеніями между авторомъ писемъ и адресатомъ, такъ равно и за тѣми предметами, которые ихъ въ данную пору интересовали.

Для облегченія справокъ приложены въ концѣ книги предметный и личный указатели, а текстъ снабженъ примѣчаніями, въ которыхъ А. Н. Львовъ сообщаетъ краткія біографическія свѣдѣнія объ авторахъ писемъ и о тѣхъ лицахъ и событіяхъ, о которыхъ говорится въ письмахъ.

Обратимся къ самымъ письмамъ. Прежде всего напечатаны собственноручныя письма князя А. Н. Голицына, имѣвшія значеніе и интересъ не столько со стороны сообщаемыхъ въ нихъ фактовъ, сколько для характеристики взаимныхъ отношеній, существовавшихъ между княземъ А. Н. Голицынымъ и митрополитомъ Филаретомъ за періодъ времени отъ 4-го января 1812 до 24-го мая 1841 года. Приведемъ нѣкоторыя изъ писемъ.

9-го января 1813 г. кн. А. Н. Голицынъ писалъ: «Высокопреподобный Отецъ Филаретъ Вамъ извѣстно, что съ Высочайшаго дозволенія учреждается здѣсь Общество библейское, которое будетъ имѣть первое засѣданіе въ субботу будущую, т. е. 11-го генваря въ домѣ, мною занимаемомъ, въ 12 часовъ по полуночи. Сословіе сіе поручило мнѣ звать въ сей день Ваше Высокопреподобіе, прося сдѣлать ему честь принятіемъ на себя званіе члена онаго. Пресвященные: митрополиты Амвросій и Серафимъ архіепископъ минской и духовникъ Его Величества мною уже приглашены въ члены. Пребываю въ протчемъ съ истиннымъ высокопочитаніемъ Вашего Высокопреподобія покорнѣйшій слуга кн. Александръ Голицынъ».

Въ постъ-скриптумѣ къ письму отъ 31-го декабря 1823 г. князь сообщаетъ: «изъ Китая получены самыя пріятныя извѣстія о нашей духовной миссіи. Правительство китайское свидѣтельствуетъ свое удовольствіе и государь къ знакъ благоволенія своего послалъ отцу архимандриту [1]) 3-го Владиміра».

Въ секретномъ письмѣ отъ 19-го января 1831 г. кн. Голицынъ, между прочимъ, писалъ: «Теперь обращусь къ порученію Государя: Онъ велѣлъ мнѣ испросить Ваше мнѣніе въ разсужденіи Бѣлорусской епархіи. Государь имѣетъ намѣреніе имѣть тамъ архіерея болѣе сообразнаго съ видами Правительства и Бѣлорусіи; нынѣшній [2]), какъ сказываютъ, добродѣтеленъ, ревностный поборникъ православія, но, находясь посреди торжествующаго римско-католическаго духовенства, иногда увлекаясь усердіемъ къ пользѣ своей церкви, выходитъ изъ предѣловъ, предписываемыхъ благоразумною осторожностію, и рѣзокъ. Государь хотѣлъ бы безобидно перевесть его въ другую епархію, а на мѣсто его избрать: кроткаго духомъ, палкаго сердцемъ, чтобъ онъ безтрепетно рѣшался на многолѣтнюю борьбу съ духовенствомъ хитрымъ, гордымъ, властолюбивымъ»...

Изъ писемъ князя А. М. Горчакова приведемъ письмо отъ 5-го января 1861 г., въ которомъ онъ писалъ: «Г. оберъ-прокуроръ Синода, по просьбѣ моей, доставилъ Вашему Высокопреосвященству копіи съ грустныхъ сообщеній, полученныхъ изъ Константинополя [3]). Я дозволю себѣ прибавить копію съ частнаго письма ко мнѣ кн. Лобанова, сопровождавшаго эти сообщенія. Посланникъ нашъ еще не получилъ, когда писалъ ко мнѣ, предписанія министерства, которое Вашему Высокопреосвященству извѣстно. Я приглашалъ кн. Лобанова не падать духомъ и надѣяться, какъ мы надѣемся, что благословеніе Божіе подкрѣпитъ дѣйствія стараній нашихъ къ сохраненію единства православной церкви».

Интересно письмо Н. В. Елагина отъ 29-го декабря 1858 г. Вотъ нѣкоторыя выдержки

---

[1]) По разсказамъ лицъ, близко стоявшихъ къ митрополиту Филарету въ послѣдніе годы его жизни, онъ, предъ самою своею кончиною, уничтожилъ много бумагъ, наполнявшихъ его кабинетъ; несомнѣнно, что съ этимъ погибло много писемъ.

[1]) Архимандритъ Петръ, начальникъ Пекинской миссіи и директоръ С.-Петербургскаго библейскаго общества — Примѣч. А. Н. Львова.

[2]) Епископъ могилевскій Павелъ (Морекъ—Павловъ); 7-го августа 1831 г. переведенъ архіепископомъ въ Тобольскъ.

[3]) Князь Лобановъ писалъ, что 150 болгаръ въ Константинополѣ открыто перешли въ латинство и что они посылаютъ отъ себя уполномоченныхъ во всѣ концы Болгаріи для совращенія болгаръ въ папизмъ.

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ

КАРЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ БЕЛЬГАРДЪ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

1900.

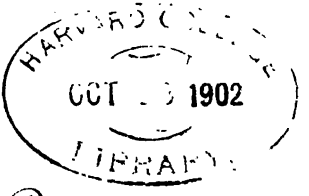
ІЮЛЬ.— АВГУСТЪ.— СЕНТЯБРЬ.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ТОМЪ СТО ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., № 39.
1900.

~~Slav 2510~~
P Slav 605.25



Peirce fund.

Императоръ Николай I и Польша.

1825—1831 г.г.

XIII [1]).

Наступилъ 1831 годъ,—годъ страшнаго разсчета между Россіею и Польшею, наложившаго свою роковую печать на правительственныя мѣропріятія послѣдовавшаго затѣмъ цѣлаго двадцати-пятилѣтія.

Несмотря на всѣ недавнія личныя огорченія, испытанныя цесаревичемъ въ Польшѣ, незлобіе и доброе сердце его имѣли случай выказаться еще разъ въ полномъ блескѣ въ самомъ началѣ года. Посылая императору Николаю въ письмѣ изъ Бржестовицы отъ 1-го (13-го) января 1831 года свои вѣрноподданническія поздравленія и пожеланія наилучшихъ успѣховъ, Константинъ Павловичъ прибавилъ:

«Но я не могу сдѣлать этого, не осмѣлившись еще разъ поручить вашему милосердію заблудшій народъ, члены котораго не всѣ виновны, а виновны именно тѣ, которые вывели его на путь преступленія и всевозможнаго разврата.

«Пощада для нихъ, дорогой и несравненный братъ, и снисхожденіе для всѣхъ,—это мольба брата, имѣвшаго несчастіе, изъ послушанія, посвятить лучшую часть своей жизни на образованіе войскъ, къ сожалѣнію, обратившихъ свое оружіе противъ своей родной страны.—Моя общественная роль кончена послѣ всего того, что случилось со мною въ послѣднее время, никакое командованіе не прельщаетъ меня». Затѣмъ цесаревичъ выразилъ желаніе остаться при своемъ гвардейскомъ отрядѣ,

[1]) См. „Русскую Старину“ іюнь 1900 г.

выведеннымъ имъ изъ Варшавы. «Потерпите, чтобы я остался съ нимъ»,— писалъ Константинъ Павловичъ,—«ихъ судьба будетъ моею. Если же тѣмъ не менѣе вы полагаете, что я долженъ разстаться съ нимъ, разрѣшите мнѣ совсѣмъ удалиться отъ дѣлъ и сдѣлаться совершенно незначущимъ (que je devienne absolument nul), чѣмъ, я чувствую это все болѣе и болѣе,—я являюсь въ дѣйствительности» [1]).

Почти одновременно, императоръ Николай писалъ цесаревичу 3-го (15-го) января:

«Трудно прозрѣть будущее, но соображая въ предѣлахъ человѣческаго разума, взвѣшивая различныя вѣроятія успѣха, трудно предположить, чтобы новый годъ оказался для насъ болѣе тяжелымъ, чѣмъ 1830 годъ; дай Богъ, чтобы я не ошибся. Я желалъ бы видѣть васъ спокойно водворившимся въ вашемъ Бельведерѣ и порядокъ возстановленнымъ повсюду, но сколько еще предстоитъ сдѣлать, прежде чѣмъ быть въ состояніи достигнуть этого.—Кто изъ двухъ долженъ погибнуть,— такъ какъ повидимому погибнуть необходимо—Россія или Польша? Рѣшайте сами. Я исчерпалъ всѣ возможныя средства, чтобы предотвратить подобное несчастіе, средства, совмѣстимыя только съ честью и моею совѣстью, эти средства исчерпаны, или, по крайней мѣрѣ, ничто не можетъ заставить меня повѣрить, чтобы ихъ хотѣли тамъ; что же мнѣ остается дѣлать»? [2])

[1]) „Mais je ne saurais le faire sans oser encore recommander à votre clémence une nation égarée et dont tous les membres ne sont pas tous coupables, mais bien ceux qui les ont induits dans le sentier du crime et de la perversité de tous genres. Grâce pour eux, cher et excellent frère, et indulgence pour nous,—c'est le voeu d'un frère qui a eu le malheur de passer la plus belle époque de sa vie et par obéissance à former une troupe qui malheureusement a tourné ses armes contre son pays natal.—Mon rôle public est fini après tout ce qui vient de m'arriver; tout commandement ne me flatte aucunement... Souffrez que je reste avec elle (la garde); leur sort sera le mien. Si toutefois vous jugez, cher et excellent frère, que je dusse la quitter, souffrez que je me retire entièrement et que je devienne absolument nul, ce que je sens de plus en plus que je le suis". (Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 1-го (13-го) января 1831 года).

[2]) „Il est difficile de pénétrer dans l'avenir, mais en combinant humainement parlant les diverses chances, il paraît difficile qu'elle pût être pire pour nous que celle de 1830, et fasse le ciel que je ne me trompe pas. Je voudrais vous voir tranquillement établi dans votre Belvédère et tout rentré dans l'ordre, mais que de choses à faire avant que de pouvoir en venir là. Qui des deux doit périr, car il parait que périr il faut, est-ce la Russie ou la Pologne? Décidez vous même. J'ai épuisé tous les moyens possibles pour prévenir un pareil malheur; les seuls moyens compatibles avec l'honneur et ma conscience, ces moyens sont épuisés, ou du moins rien ne peut me faire croire que l'on en veuille là bas; que me reste-t-il à faire?" (Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 3-го (15-го) января 1831 года).

Вскорѣ въ Варшавѣ принято было рѣшеніе, довершившее разрывъ Польши съ Россіею. 13-го (25-го) января 1831 года сеймъ объявилъ династію Романовыхъ лишенною польскаго престола. Такимъ образомъ сами поляки развязали руки императору Николаю, и единоборство Россіи съ Польшею стало неизбѣжнымъ. Императоръ Николай отвѣтилъ на этотъ вызовъ 25-го января (6-го февраля) манифестомъ, въ которомъ было сказано:

«13-го сего мѣсяца, среди мятежнаго противозаконнаго сейма, присвоивая себѣ имя представителей своего края, дерзнули провозгласить, что царствованіе наше и дома нашего прекратилось въ Польшѣ, и что тронъ, возстановленный императоромъ Александромъ, ожидаетъ иного монарха. Сіе наглое забвеніе всѣхъ правъ и клятвъ, сіе упорство въ зломысліи исполнили мѣру преступленій; настало время употребить силу противъ незнающихъ раскаянія, и мы, призвавъ въ помощь Всевышняго Судію дѣлъ и намѣреній, повелѣли нашимъ вѣрнымъ войскамъ идти на мятежниковъ. Россіяне! Въ сей важный часъ, когда съ прискорбіемъ отца, но съ спокойною твердостію царя, исполняющаго священный долгъ свой, мы извлекаемъ мечъ за честь и цѣлость державы нашей, соедините усердныя мольбы свои съ нашими мольбами предъ алтаремъ Всевидящаго, Праведнаго Бога. Да благословитъ Онъ оружіе наше, для пользы и самихъ нашихъ противниковъ; да устранитъ скорою побѣдою препятствія въ великомъ дѣлѣ успокоенія народовъ, десницею Его намъ ввѣренныхъ, и да поможетъ намъ, возвративъ Россіи мгновенно отторгнутый отъ нея мятежниками край, устроить будущую судьбу его на основаніяхъ прочныхъ, сообразныхъ съ потребностями и благомъ всей нашей имперіи, и положить на всегда конецъ враждебнымъ покушеніямъ злоумышленникомъ, мечтающихъ о раздѣленіи».

Въ день изданія манифеста, главныя силы русской арміи перешли границы Имперіи и вступили въ царство Польское [1]), а 13-го (25-го)

[1]) Донося императору Николаю 28-го января (9-го февраля) 1831 года изъ Высоко и Мазовецка о благополучномъ вступленіи арміи въ предѣлы царства Польскаго, графъ Дибичъ украсилъ письмо свое тяжеловѣснымъ разсужденіемъ, могущимъ служить образцомъ стилистики забалканскаго героя: „L'absence totale de troupes régulières, même de tout poste d'avertissement dans un espace aussi grand et vis-à-vis nos forces concentrées paraît indiquer une grande nullité dans les mesures défensives du gouvernement qui a osé prendre sur lui la conduite de la rebellion criminelle, soutenue malheureusement par la soi-disante noblesse en presque totalité, ainsi que par le clergé, avec cette chaleur insensée qui a toujours distinguée les Sarmates des Slaves du nord et qui me paraît une suite de l'éducation faite toujours dans un sens semi-républicain-aristocratique et des séductions d'un sexe qui s'est distingué dans ce malheureux pays depuis des siècles plus encore par son immoralité et son penchant pour les intrigues politiques, et qui est mené encore par un clergé ignorant et inconséquent et plus immoral encore“.

февраля послѣдовалъ рѣшительный бой передъ Прагою при Гроховѣ, заставившій польскую армію отступить въ Варшаву съ потерею до 12.000 человѣкъ. Съ нашей стороны потери были также весьма велики и состояли изъ 9.400 человѣкъ.

Около пяти часовъ вечера графъ Дибичъ, послѣ нѣкотораго колебанія, прекратилъ бой и приказалъ войскамъ стать биваками въ одной верстѣ отъ Праги. Рѣшеніе, внезапно принятое фельдмаршаломъ, лишило его плодовъ одержанной побѣды и возможности окончить кампанію однимъ рѣшительнымъ ударомъ. А между тѣмъ дѣла противника находились не въ блистательномъ положеніи Во время сраженія Хлопицкій былъ тяжело раненъ; удаленіе его съ поля битвы лишило польскую армію общаго управленія. Номинальный главнокомандующій Радзивиллъ совершенно растерялся, шепталъ про-себя молитвы, а на вопросы отвѣчалъ текстами изъ священнаго писанія: малодушный Шембекъ плакалъ; Уминскій ссорился съ Круковецкимъ, и изъ старшихъ строевыхъ начальниковъ одинъ Скржинецкій сохранилъ полное присутствіе духа и обнаружилъ распорядительность, содѣйствующую поддержанію нѣкотораго порядка въ потрясенной арміи» [1]). Когда же, послѣ нашей кавалерійской атаки, среди поляковъ распространилась паника, она отразилась и на Радзивиллѣ, который ускакалъ со свитой въ Варшаву.

«Если бы Дибичъ зналъ—въ какомъ состояніи находилась польская армія»—пишетъ А. К. Пузыревскій,—«то едва-ли бы пріостановился въ нанесеніи полякамъ рѣшительнаго удара. Деморализація была полная; всѣ почти стремились въ Варшаву, полагая тамъ найти убѣжище. Радзивиллъ дотого растерялся, что приказалъ очистить не только Прагу, но и пражскій тетдепонъ; только впослѣдствіи онъ отмѣнилъ это приказаніе, вернувшись и самъ въ Прагу, чтобы озаботиться отступленіемъ арміи за Вислу; Скржинецкій долженъ былъ прикрывать эту опасную операцію, которая началась въ 6 часовъ вечера; сначала должны были переправиться обозы, затѣмъ кавалерія, наконецъ пѣхота. При этомъ случаѣ обнаружилась главная невыгода Гроховской позиціи, т. е., что въ тылу ея было дефиле—единственный мостъ чрезъ Вислу. Потрясенныя части собрались къ нему въ безпорядкѣ; пѣхота, кавалерія, артиллерія, обозы—все это торопилось переправиться поскорѣе, мѣшало одно другому. Около полуночи переправа окончилась. Радзивиллъ поручилъ защиту тетдепона бригадѣ Малаховскаго, а самъ возвратился въ Варшаву.

«Жители Варшавы, слѣдившіе съ возвышеннаго берега рѣки за ходомъ сраженія, были устрашены постепеннымъ приближеніемъ гула

---

[1]) Пузыревскій: Польско-Русская война 1831 года. С.-Петербургъ 1890, т. II, стр. 106.

канонады; множество приносимыхъ съ поля сраженія раненыхъ, разсказы бѣглецовъ—все это повергло ихъ въ ужасъ и смятеніе; національная гвардія побросала мундиры и смѣшалась съ населеніемъ; не много нужно было усилій, чтобы привести городъ въ повиновеніе русскому правительству; но когда гроза притихла—всѣ постепенно успокоились, и настроеніе быстро измѣнилось» [1]).

Спрашивается, въ чемъ заключалась таинственная причина ранняго прекращенія боя? Почему графъ Дибичъ отказался отъ немедленнаго штурма Праги и на плечахъ непріятеля не овладѣлъ мостомъ, представлявшимъ единственный путь отступленія для разбитаго непріятеля, или же не выставилъ на берегу многочисленную артиллерію съ угрозой бомбардировать мятежную столицу?—Для объясненія столь страннаго образа дѣйствій фельдмаршала приводятъ разныя причины: графомъ Дибичемъ руководилъ будто ложный разсчетъ, на основаніи котораго онъ полагалъ, что, разгромивъ польскую армію, Варшава покорится безъ новаго кровопролитія. Другіе утверждаютъ, что прекращеніе боя послѣдовало по настоятельному совѣту графа Толя. Бенкендорфъ приписываетъ внезапное бездѣйствіе графа Дибича неумѣстнымъ совѣтамъ цесаревича Константина Павловича и пишетъ:

«Въ Варшавѣ распространился общій ужасъ. Мостъ черезъ Вислу былъ покрытъ бѣгущими; безпорядокъ сдѣлался общимъ; мятежная столица уже видѣла себя на краю гибели и выбирала депутацію для поднесенія побѣдителю ключей и испрошенія помилованія. Еще одно усиліе, чтобы овладѣть прагскими укрѣпленіями, Варшава была бы наша, и революція окончена. Но въ эту рѣшительную минуту звѣзда фельдмаршала Дибича померкла. Онъ заколебался, велѣлъ войскамъ построиться въ колонны для атаки, повелъ ихъ, но потомъ самъ остановилъ ихъ порывъ и такимъ образомъ задержалъ побѣду, а съ нею и развязку дѣла. Онъ утратилъ свою славу и изъ экспедиціи, которой слѣдовало быть однимъ громовымъ ударомъ, брошеннымъ рукою могущественнаго владыки Россіи на слабыхъ мятежниковъ маленькаго царства Польскаго, развилъ продолжительную кровавую войну. Съ этого времени убѣдившись самъ, но уже поздно, въ неизвинительной своей ошибкѣ и тщетно искавъ ее поправить, Дибичъ потерялъ энергію и то, можетъ быть преувеличенное, довѣріе, которое питалъ къ своимъ дарованіямъ. Въ упомянутую выше минуту, когда онъ велъ свои колонны на прагскія укрѣпленія, одинъ генералъ далъ ему совѣтъ пріостановить нападеніе, чтобы избѣжать кровопролитія, и онъ имѣлъ слабость его послушаться. Дибичъ никогда не хотѣлъ назвать этого генерала по имени и тайну свою унесъ въ гробъ; но на смертномъ ордѣ сказалъ графу

[1]) Пузыревскій, т. II, стр. 108.

Орлову: «Мнѣ дали этотъ пагубный совѣтъ; послѣдовавъ ему, я провинился передъ государемъ и Россіею. Главнокомандующій одинъ отвѣчаетъ за всѣ свои дѣйствія». Заслуженная Дибичемъ укоризна глубоко отозвалась въ благородномъ сердцѣ его, преданномъ государю и Россіи, и погасила его твердость и таланты. Думаютъ, что совѣтъ, остановившій карательный мечъ, поднятый имъ надъ крамольною Варшавой, принадлежалъ цесаревичу Константину Павловичу. Видъ этого города, гдѣ цесаревичъ жилъ и начальствовалъ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, гдѣ образовались его связи и устроился его бракъ, гдѣ укрѣпились всѣ его привычки, видъ этого города въ минуту грозящаго ему бѣдствія могъ тронуть сердце цесаревича и внушить ему мысль о спасеніи Варшавы. Если точно имъ данъ былъ этотъ совѣтъ, то онъ понесъ жестокое наказаніе въ горестяхъ и униженіи, не перестававшихъ съ тѣхъ поръ его преслѣдовать и низведшихъ его вскорѣ въ гробъ, вдали отъ сбереженной имъ Варшавы» [1]).

Въ письмѣ къ императору Николаю, посланномъ графомъ Дибичемъ на другой день послѣ Гроховскаго сраженія, главнокомандующій ничего не упоминаетъ о данномъ ему совѣтѣ и объясняетъ прекращеніе боя слѣдующимъ образомъ:

---

[1]) Записки генералъ-адъютанта Бенкендорфа были послѣ его смерти прочитаны императоромъ Николаемъ; при малѣйшемъ уклоненіи отъ истины или неточности разсказа, государь дѣлалъ на поляхъ поправки—поэтому историкъ не можетъ оставить безъ вниманія обстоятельство, что разсказъ Бенкендорфа о цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ не вызвалъ со стороны императора Николая ни малѣйшаго возраженія. Не служитъ ли отсутствіе всякой поправки косвеннымъ доказательствомъ справедливости и разсказа Бенкендорфа?

Въ неизданной части записокъ Эразма Ивановича Стогова разсказъ о вмѣшательствѣ Константина Павловича въ исходъ Гроховскаго сраженія переданъ со словъ очевидца съ нѣкоторымъ фантастическимъ оттѣнкомъ, слѣдующимъ образомъ:

„Полы у палатки были подняты, Дибичъ передъ палаткой сидитъ на барабанѣ, пригнулся къ колѣнямъ и грызетъ ногти правой руки, замѣтно, что онъ слышитъ каждый выстрѣлъ; штабные, адъютанты, ординарцы—всѣ разосланы. Говорили, что сраженіе къ концу, поляки разбиты. При палаткѣ Дибича оставался я одинъ. Внизу, галопомъ ѣдетъ великій князь Константинъ Павловичъ, подъѣхалъ и громко сказалъ: „фельдмаршалъ! поздравляю васъ съ побѣдой!“ – Дибичъ будто не видитъ, не пошевелился и продолжалъ кусать ногти. Я думалъ, не хватилъ ли онъ чрезъ-чуръ. Великій князь громко говоритъ: „фельдмаршалъ, поляковъ рѣжутъ какъ барановъ! фельдмаршалъ, милосердія!“ Дибичъ не шевелился.—Великій князь вспылилъ: „фельдмаршалъ, съ вами говоритъ старшій братъ вашего государя!“ Дибичъ, точно кто ткнулъ шиломъ, быстро вскочивъ, руку къ шляпѣ и проговорилъ: что угодно приказать вашему высочеству?—„Прекратить рѣзню!“—Дибичъ обернулся къ съѣхавшимся штабнымъ и адъютантамъ и повелительно скомандовалъ: „отбой на всѣхъ пунктахъ“. (Записки эти находятся въ распоряженіи редакціи „Русской Старины“).

«Вся линія войскъ подвинулась впередъ, и такъ какъ Грохово оказывалось занятымъ, то поляки бѣжали въ безпорядкѣ и оставили поле сраженія, покрытое трупами и усѣянное ружьями, киверами и даже косами. По приближеніи князя Шаховскаго, я построилъ его баталіоны въ колонны къ атакѣ; въ это время его артиллерія подбивала полевыя батареи поляковъ. Пѣхота, кавалерія—все искало спасенія въ бѣгствѣ. Но такъ какъ наступилъ вечеръ, то я не могъ штурмовать само предмѣстіе, еще вооруженное многочисленною артиллеріею. Я приказалъ прекратить огонь (j'ai fait cesser le feu); мятежники отступили къ Прагѣ, гдѣ расположились подъ прикрытіемъ орудій этого укрѣпленія; тамъ они не могли держаться и ночью очистили это предмѣстье» [1]).

Предмостное укрѣпленіе продолжало держаться и, по мнѣнію графа Дибича, занято было на другой день послѣ Гроховской битвы четырьмя или пятью батальонами.

Что же касается цесаревича Константина Павловича, то онъ писалъ государю 14-го (26-го) февраля: «Если бы всѣ оказались на своихъ мѣстахъ, какъ это слѣдовало бы ожидать, день былъ бы рѣшительнымъ и кампанія оконченной. Но Богу угодно было рѣшить иначе, и все отложено до другаго раза. Если бы князь Шаховской прибылъ бы на наше правое крыло, какъ онъ долженъ былъ сдѣлать это, никогда поляки не увидѣли бы снова Праги, но—не понимаю—произошло колебаніе. Впрочемъ, поговорка говоритъ: que sans des si et des mais, l'on met des villes dans des bouteilles» [2]).

---

[1]) „Toute la ligne s'étant avancée et Grokhowo se trouvant occupé, les Polonais ont fui en désordre et ont abandonné le champ de bataille, converts de morts et parsemé de fusils, de schakos et même de faux. Le prince Schakowskoy s'étant rapproché, j'ai formé ses bataillons en colonnes d'attaque; son artillerie démontait pendant ce temps les dernières batteries de campagne polonaises. Infanterie, cavalerie, tout cherchait son salut dans la fuite. Le jour étant cependant tombé je n'ai pu faire attaquer le faubourg lui-même, garni encore de nombreux canons. J'ai fait cesser le feu; les rebelles se sont retirés à Prague où se sont placés sous le canon de cette place; ils n'y pouvaient tenir et comme j'ai eu déjà l'honneur de le dire, ils ont évacué dans la nuit ce faubourg".

Изъ письма графа Дибича къ императору Николаю отъ 14-го (26-го) февраля 1831 года изъ Грохова, которое начинается слѣдующимъ общимъ обзоромъ боя 13-го числа: „La journée d'hier a été sanglante et décisive. Les troupes de Votre Majesté Impériale ont battu les rebelles, les Polonais fuient derrière la Vistule; les approches de Prague avaient été occupées et le faubourg a été evacué durant la nuit, la tête de pont tient seule encore et ne peut contenir que 4 ou 5 bataillons au plus".

[2]) Si tout le monde s'eut trouvé à sa place, comme il y avait à prévoir, la journée eut été décisive et la campagne terminée; mais le bon Dieu en a décidé autrement et c'est pour une autre fois que la partie est remise. Si le prince Schakowskoy serait arrivé à notre aile droite, comme il devait le faire, jamais

Получивъ донесеніе о Гроховской побѣдѣ и достигнутыхъ ею отрицательныхъ результатахъ, императоръ Николай высказалъ фельдмаршалу неудовольствіе, справедливо замѣтивъ: «Почти не вѣроятно, что послѣ такого успѣха непріятель могъ спасти свою артиллерію и перейти Вислу по одному мосту. Слѣдовало ожидать, что онъ потеряетъ значительную часть своей артиллеріи и что произойдетъ вторая Березинская переправа [1]). И такъ, потеря 8.000 человѣкъ и никакого результата,

---

les Polonais n'eussent revu Prague, mais je ne sais, il y a eu hésitation. Au reste le proverbe dit que sans des s i et des m a i s, l'on met des villes dans des bouteilles". (Изъ письма цесаревича къ императору Николаю отъ 14-го (26-го) февраля 1831 года).

[1]) „C'est hier à 3 heures qu'est arrivé Boudberg porteur de votre lettre du 14 (26). Je bénis Dieu pour le succès qu'il a daigné nous accorder; la bravoure de nos excellentes troupes ne saurait me surprendre, je ne m'étonnerais que du contraire. Mais je vous avoue, mon cher ami, que je m'attendais à de plus grands résultats, et surtout plus décisifs, vu l'immense supériorité de nos forces et les autres avantages que la position nous offrait. Il est presque incroyable qu'après de telles chances, l'ennemi ait pu sauver toute son artillerie et repasser en entier la Vistule sur un seul pont. L'on pouvait au moins s'attendre à lui voir perdre une grande partie de son artillerie et voir répéter un second Bérézina. Maintenant c'est partie remise. Il faut le dire que le bon Dieu l'a voulu ainsi et s'y résigner, en continuant cette guerre odieuse avec toute la vigueur possible".

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 21-го февраля (5-го марта) 1831 года. Въ томъ же письмѣ, государь снабдилъ фельдмаршала слѣдующими наставленіями на случай сдачи Варшавы:

„Reste enfin la supposition d'une reddition; elle ne doit être qu'à discrétion. Vous ferez dans ce cas arrêter tous les grands coupables, en faisant amnistie à la м е л о ч ь; j'appelle grands coupables les fauteurs de l'attaque contre Belvédère et les assassins, les membres du gouvernement illégal et sur tout Tchartorisky et Lélével, et autres faquins semblables. Vous établirez dans la ville telle administration que vous trouverez convenable pous le moment. Je vous autorise de transformer le château royal en hôpital militaire, en ne respectant que le cabinet de feu l'Empereur. Tous les objets, tels que l'uniforme de l'Empereur et autres objets qui lui ont appartenus, me seront envoyés sur le champ. Les objets royaux comme trône etc. devront être mis en lieux de sûreté et scellés jusqu'à nouvel ordre. Vous ferez de même mettre les scellés sur la bibliothèque de l'université et celle de la société des belles-lettres. Les canons de Varna devront être enlevés et envoyés à Dunabourg. Du reste la plus exacte discipline, le moins de troupes possible en ville et l'indispensable en casernes. Le mieux serait de confier la garde de la ville à la Garde, qui y posséde ses établissements et ses habitudes".

Въ письмѣ отъ 4-го (16-го) марта 1831 года, государь снова возвращается къ этому предмету и пишетъ:

„Ma lettre précédente vous a délié les bras et mis au fait de mes résolutions irrévocables: 1) S o u m i s s i o n complète. 2) A m n i s t i e p o u r t o u s h o r s l e s g r a n d s c o u p a b l e s, et rien de plus; il s'entend que je conserverais au pays ses lois d'administration, mais rien d'engagements constitutionels

развѣ только тотъ, что непріятель потерялъ по малой мѣрѣ то же число людей. Это очень, очень прискорбно! но да будетъ воля Божія!» [1]).

Но какъ бы то ни было, графъ Дибичъ не съумѣлъ воспользоваться психологическимъ моментомъ и потому несетъ передъ потомствомъ отвѣтственность за недовершеніе побѣды подъ Гроховымъ, а въ слѣдствіе сего за семи-мѣсячную отсрочку въ покореніи царства Польскаго [2]). Поляки опомнились вò-время; князь Радзивиллъ отказался отъ

---

et surtout de conditions de soumission. Plus que l'on tardera à se soumettre et plus que l'on aura versé de sang et moins l'on pourra espérer d'indépendance".

[1]) „Ainsi 8.000 hommes hors de combat, et excepté une perte pour le moins égale en hommes chez l'ennemi, aucun autre résultat! C'est bien facheux. Mais que la volonté de Dieu se fasse!" (Изъ письма императора Николая графу Дибичу отъ 24-го февраля (8-го марта) 1831 года).

[2]) Въ письмѣ отъ 8-го (20-го) февраля 1831 года, императоръ Николай писалъ между прочимъ графу Дибичу:

„D'après ce que vous me dites, je vous crois maintenant devant Varsovie, mais je me demande ce que vous y ferez? Une fois que l'ennemi a su se refuser à un combat en rase campagne, où le nombre vous assurait un avantage probable et qu'il se sera renfermé dans les retranchements, quel avantage aurez-vous? Voudrez vous faire le second volume de l'assaut de Praga? Je n'y vois rien d'avantageux? ainsi que reste-t-il à faire? Il me paraît, comme je vous l'ai toujours dit qu'en tournant Varsovie et en l'isolant ainsi de tous les moyens physiques et moraux, c'est à dire en la privant par là de ses relations avec l'Europe, vous forcerez probablement l'armée à sortir et venir vous offrir le combat où toute chance de succès est pour vous et cette armée tombée, détruite, Varsovie est à vous et par conséquent la Pologne soumise".

Приведенныя строки изъ письма государя подали поводъ къ ошибочному заключенію, будто бы императоръ Николай, не одобряя повтореніе Суворовскаго штурма, вызвалъ бездѣйствіе графа Дибича послѣ Гроховской побѣды. Письмо государя написано при томъ очевидномъ предположеніи, что поляки въ виду наступавшей русской арміи откажутся отъ намѣренія принять сраженіе въ открытомъ полѣ впереди Праги; сверхъ того упомянутое здѣсь письмо получено было графомъ Дибичемъ 14-го (26-го) февраля, на другой день послѣ Гроховскаго сраженія, въ то время, когда фельдмаршалъ собирался послать въ Петербургъ донесеніе о происшедшемъ наканунѣ боѣ; слѣдовательно, письмо государя, даже ложно понятое, не могло повліять на несвоевременный отбой, данный, по приказанію главнокомандующаго, вечеромъ 13-го (25-го) февраля.

Графъ Дибичъ пишетъ государю 14-го (26-го) февраля:

„C'est au moment ou je voulais envoyer le Colonel Boudberg avec la nouvelle de la sanglante bataille d'hier, qui après des chances quelque fois presque douteuses par le retard du détachement du prince Schachoffskoi à reprendre l'offensive, a eu pour résultat décisif la retraite de l'armée rebelle dans un état bien dérangé au delà de la Vistule, que j'ai eu le bonheur de recevoir avec une grande célérité la lettre de Votre Majesté Impériale du 8 Février".

Дѣйствительно, письмо императора Николая отъ 8-го (20-го) февраля,

званія главнокомандующаго, и вмѣсто него избранъ былъ Скржинецкій, который немедленно принялся за реорганизацію арміи. Измѣнившаяся обстановка препятствовала графу Дибичу исправить ошибку, сдѣланную 13-го февраля; а затѣмъ предстоящее вскрытіе Вислы не позволяло и думать о переправѣ на лѣвый берегъ. Оставалось только расположить армію по квартирамъ. Съ этого времени для злополучнаго фельдмаршала начался печальный періодъ колебаній, дѣйствій ощупью и нелѣпыхъ предначертаній, между тѣмъ какъ инициатива дѣйствій всецѣло перешла на сторону поляковъ, которые воспользовались ею не безъ успѣха. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ писалъ Ф. П. Опочинину 13-го (25-го) марта изъ Бѣлостока: «Военныя наши дѣйствія не заключаютъ, какъ ихъ ни разсказывай, доселѣ ничего рѣшительнаго и, по моему глупому смыслу, поляки имѣютъ доселѣ l'initiative дѣйствій надъ нами. У насъ войска на бумагѣ бездна и, какъ говорится, чортова пропасть, а на дѣлѣ взять—вездѣ такой некомплектъ, что ей-ей страшно». По мнѣнію Дениса Давыдова: «Дибичъ былъ человѣкъ умный, это безспорно, но умъ, подобно безумію, имѣетъ многія степени. Умъ Дибича далеко не былъ необыкновеннымъ. Кажется, что ему была бы по плечу какая-нибудь войнишка съ какимъ-нибудь Гессенскимъ курфирстомъ, но врядъ-ли онъ могъ управиться даже съ королемъ Саксонскимъ.—Мантія полководца была не по росту Дибичу».—Скржинецкій и его сотрудники олицетворили собою образъ того фантастическаго Саксонскаго короля, созданнаго воображеніемъ Давыдова, который долженъ былъ низвести Забалканскаго героя на степень прежняго ничтожества! Въ этой печальной истинѣ пришлось, къ сожалѣнію, убѣдиться постепенно самому императору Николаю, и къ тому же въ войнѣ, отъ которой, по мѣткому выраженію государя, зависѣло: политическое бытіе Россіи.

Николай Павловичъ высказалъ эту мысль въ письмѣ отъ 2-го (14-го) апрѣля, сопровождая её слѣдующими разсужденіями:

«Да будетъ воля Божія! Я ей покоряюсь; но, однако, мнѣ позволено будетъ выразить вамъ мое изумленіе и мою скорбь, что въ теченіе всей этой несчастной войны, вы извѣщаете меня больше о пораженіяхъ,

---

снабженное еще припискою отъ 9-го (21-го) февраля, доставлено было графу Дибичу съ необычайною скоростью, пробывъ въ дорогѣ всего шесть дней. Отвѣтъ же главнокомандующаго полученъ былъ государемъ только по прошествіи восьми дней, т. е. 20-го февраля (4-го марта).

Замѣтимъ здѣсь, что императоръ Николай былъ вообще того мнѣнія, что драма, разыгравшаяся въ Польшѣ, должна быть окончена рѣшительнымъ ударомъ, и писалъ графу Дибичу 17-го февраля (1-го марта) 1831 года, еще до полученія донесенія о Гроховскомъ сраженіи: „Il est temps que ce drame finisse d'une manière éclatante“.

чѣмъ о счастливыхъ дѣлахъ, что, имѣя, согласно вашему рапорту, 189.000 человѣкъ подъ ружьемъ, мы ничего не предпринимаемъ противъ, приблизительно, 80.000 человѣкъ и что непріятель встрѣчаетъ насъ повсюду, по меньшей мѣрѣ, въ равномъ числѣ, мы же почти всегда дѣйствуемъ малыми силами..... Безпокойство мое не поддается описанію, потому что во всѣхъ вашихъ распоряженіяхъ я не вижу ничего могущаго обѣщать успѣхъ и наконецъ обезпечить за вами исходъ кампаніи, такъ какъ я не усматриваю въ вашихъ собственныхъ мысляхъ ничего опредѣленнаго (je ne vois enfin rien de fixe dans vos progres idées).... Не удивляйтесь поэтому, что я удрученъ оборотомъ, который приняла правая война, начатая съ огромными средствами, и, скажемъ прямо, отъ которой зависитъ политическое бытіе Россіи,—все это держится вашей головою! Что же я могу сдѣлать на такомъ разстояніи другаго, какъ не скорбѣть послѣ совершившагося факта и не проповѣдывать постоянно одно и то же? Докажите мнѣ, что я ошибаюсь, и я буду счастливъ въ этомъ; но я не брежу, я говорю на основаніи фактовъ..... Не обижайтесь сказаннымъ мною, оно приличествуетъ тому, который одинъ имѣетъ право говорить вамъ правду и который васъ искренно любитъ, хотя и не всегда одобряетъ ваши измѣнчивыя рѣшенія (vos déterminations trop peu stables). Да вдохновитъ васъ Богъ» [1]).

Въ послѣдовавшихъ затѣмъ письмахъ императоръ Николай писалъ Дибичу:

«Суворовъ умѣлъ бить поляковъ съ малымъ числомъ людей».—Я не

[1]) Que la volonté de Dieu soit faite! et je m'y résigne; mais il m'est très permis de vous exprimer ma surprise et ma douleur de ce que dans cette malheureuse guerre vous m'anoncez bien plus d'échecs que de bonnes nouvelles; qu'avec 189.000 hommes dans votre rapport, nous ne faisons rien devant à peu près 80.000; que l'ennemi est partout en nombre pour le moins égal, et nous partout presque toujours en forces inférieures et insuffisantes... Mon inquiétude ne peut se décrire, par ce que je ne vois rien dans toutes vos dispositions, qui puisse faire présager un succès, qui puisse enfin vous assurer l'issue de la campagne, parceque je ne vois enfin rien de fixe dans vos propres idées... Ne vous étonnez pas alors que je sois navré de la tournure qu'a prise une guerre juste, commencée avec des moyens immenses et tranchons le terme, dont dépend l'existence politique de la Russie,—tout cela repose sur votre tête! Que puis-je moi dans cet éloignement si non me désoler après coup et prêcher toujours la même chose. Prouvez moi que je me trompe et j'en serais heureux; mais je ne rève pas, je parle sur des faits... Ne vous offensez pas de mon langage, il est celui qui convient à celui qui seul a le droit de vous parlez vrai, et qui vous aime sincèrement malgré qu'il n'approuve pas toujours vos déterminations trop peu stables. Que le bon Dieu vous inspire". (Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 2-го (14-го) апрѣля 1831 года.

[2]) „Souvoroff savait battre les Polonais avec peu de monde". (Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 5-го (17-го) апрѣля 1831 года).

отчаяваюсь и не буду ни въ чемъ отчаяваться. Русскіе не могутъ быть постоянно побѣждаемы поляками; въ томъ порукою вѣка. Богъ поможетъ намъ снова сіе доказать. Итакъ мужество, твердость; обладайте ею сами и вселите ее въ души тѣхъ, которые могли бы колебаться; съ нами Богъ, и все можетъ еще поправиться» [1]). Правду сказать, я не знаю болѣе ни того, что вы дѣлаете, ни того, что происходитъ въ васъ, и готовъ поспорить, что этого не пойметъ кто бы то ни было.... Ваша постоянная нерѣшительность, марши и контръ-марши могутъ только истощать и убивать армію; она должна потерять всякое довѣріе къ своему вождю, когда она не видитъ другаго результата своихъ безполезныхъ усилій, какъ нужду и смерть!.... Ради Бога не теряйте времени, будьте тверды въ своихъ рѣшеніяхъ, не колеблитесь постоянно и постарайтесь смѣлымъ и блестящимъ подвигомъ доказать Европѣ, что русская армія неизмѣнно та же, какою дважды она была въ Парижѣ. Плачевное воздѣйствіе этой несчастной кампаніи на нашихъ друзей— хуже, чѣмъ можно представить себѣ это. Все можетъ быть исправлено, если, въ концѣ концовъ, вы снова станете тѣмъ, чѣмъ вы были. Постоянство, сила, непоколебимая твердость и поболѣе дѣятельности и порядка, съ Божіею помощью, снова приведутъ насъ къ днямъ славы. Русскій народъ, а вмѣстѣ съ нимъ и я не можемъ понять, чтобы его армію нельзя было вести къ побѣдѣ, когда рѣчь идетъ о томъ, чтобы повести русскихъ сражаться съ поляками. Нужно снова доказать ему это, и съ Божіею помощью мы достигнемъ этого» [2]).

---

[1]) „Que Sa sainte volonté soit faite! Je suis prêt et résigné à tout. Je prends de grands moyens, mais ne désespère, ni ne désespèrerais de rien. Des Russes ne peuvent pas être toujours vaincus par les Polonais; les siècles sont là pour le prouver. Dieu nous aidera pour le prouver encore. Courage donc, fermeté; ayez en vous-même et sachez la faire passer dans l'âme de ceux qui pourraient faiblir, съ нами Богъ et tout pourra se remettre". (Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 9-го (21-го) апрѣля 1831 года).

Въ такомъ же духѣ государь писалъ 13-го (25-го) апрѣля 1831 года: „Il ne faut pas ni se laisser abattre par un grand revers, ni surtout laisser voir aux autres ce que l'on éprouve et faire ainsi tomber l'esprit de l'armée. Dites positivement à tous, officiers et soldats, que j'attends la nouvelle d'une victoire, que les Russes doivent toujours finir par battre les Polonais, et que je ne croirais jamais le contraire. Il faut les conduire et vous le saurez faire je n'en doute pas avec l'espoir que nous mettons en Dieu, tous tant que nous sommes... Constance et persévérance et tout ira bien et à bonne fin".

[2]) „En vérité je ne sais plus ce que vous faites ni ce qui se passe en vous et je défie qui que ce soit de le comprendre... Tout cela est réellement inexplicable—et fort triste et pour ici et pour l'armée, que vos continuelles irrésolutions, marches et contre-marches ne font qu'épuiser et abattre; elle doit perdre toute confiance en son chef, quand elle ne voit d'autre résultat de ses efforts inutiles que la misère et la mort!.. Au nom de Dieu, ne perdez pas de temps,

«Я ничего не понимаю ни во всемъ томъ, что происходитъ, ни въ вашихъ намѣреніяхъ, и съ покорностью волѣ Божьей ожидаю того, что Ему въ Его милосердіи будетъ угодно сотворить изъ всего этого. Вѣдь это въ первый разъ, что русская армія въ составѣ, по словамъ вашего же собственнаго рапорта, 89.000 человѣкъ оказывается въ оборонительномъ положеніи противъ мятежниковъ численностью отъ 40.000 до 50.000 человѣкъ. Суворовъ, располагая вдвое меньшими силами, чѣмъ у непріятеля, умѣлъ побѣждать его, потому что онъ умѣлъ внушать русскому солдату, что онъ долженъ постоянно побѣждать двухъ непріятелей; я опасаюсь, чтобы вскорѣ армія не утратила этого преданія и не увѣровала бы въ противное.—Tout cela est pitoyable», прибавилъ государь [1]).

Приведенныя здѣсь выписки изъ писемъ императора Николая въ достаточной мѣрѣ выясняютъ плачевное положеніе дѣлъ въ дѣйствующей арміи въ 1831 году и отношеніе къ нимъ государя. Затруднительность нашего положенія усиливалась еще появленіемъ въ рядахъ нашей арміи холеры и возстаніемъ въ бывшихъ польскихъ провинціяхъ, затруднявшимъ сообщенія съ арміею и самое продовольствованіе ея. Пришлось организовать резервную армію, начальство надъ которой ввѣрено было графу П. А. Толстому. Наконецъ графъ Дибичъ пришелъ къ печальному заключенію, что русская армія не въ силахъ побороть польскую революцію и что для сего потребуется содѣйствіе народнаго ополченія [2]). Всѣ эти обстоятельства побудили императора Николая 5-го

soyez ferme dans vos résolutions ne tergiversez pas continuellement, et tâchez par une action brillante et hardie de prouver à l'Europe que l'armée russe est toujours celle qui a été deux fois à Paris. L'effet détestable de cette malheureuse campagne sur nos ennemis et même sur nos amis est pire que l'on ne peut se l'imaginer. Tout peut être réparé, si à la fin des fins vous redevenez ce que vous avez été. Constance, force et fermeté inébranlable et plus d'activité et d'ordre nous ramèneront avec l'aide de Dieu à des journées de gloire. La nation russe ne peut comprendre et moi avec, que ses armées ne soient pas menées à la victoire, quand il s'agit de mener des Russes combattre des Polonais. Il faut le lui prouver de rechef, et avec l'aide de Dieu, nous y arriverons".

[1]) Je ne comprends rien à tout ce qui se passe ni à vos intentions, et j'attends avec soumission aux volontés de Dieu ce qu'il voudra dans sa miséricorde faire dériver de tout cela. C'est la première fois qu'une armée russe forte d'après votre propre rapport de 89.000 combattants, se trouve sur la défensive devant 40.000 à 50.000 révoltés. Souvoroff avec la moitié des forces de l'ennemi savait le battre par ce qu'il savait persuader aux soldats russes qu'ils devaient battre toujours deux ennemis; je crains que bientôt l'armée n'en perde la tradition et ne croie le contraire". (Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу 27-го апрѣля (9-го мая) 1831 г.).

[2]) Въ письмѣ къ императору Николаю отъ 2-го (14-го) апрѣля графъ Дибичъ пишетъ:

(17-го) апрѣля вызвать изъ Тифлиса фельдмаршала графа Паскевича-Эриванскаго.

„En général il est certain qu'il faut les plus grands moyens pour dompter cette révolution et qu'il faudra employer contre l'incendie dans nos provinces même toutes les forces militaires et même nationales de la Russie. Je répète que c'est le plus cruel malheur pour moi d'avoir si mal répondu par les opérations de l'armée aux justes espérances de Votre Majesté Impériale. Je prie Dieu de vouloir me donner les forces pour ne pas succomber à l'abattement du chagrin profond qui me dévore et de m'inspirer les moyens pour rétablir autant que possible les malheurs essuyés".

Всего болѣе долженъ былъ безпокоить императора Николая полнѣйшій упадокъ духа, замѣченный имъ въ фельдмаршалѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ письмо графа Дибича отъ 12-го (24-го) апрѣля 1831 года:

„Que je serais heureux de pouvoir réparer le passé au moins en partie, mais je ne serais pas digne de vous servir, Sire, si je ne vous avouerais pas avec franchise, que je sens avoir baissé sensiblement dans mes facultés morales et physiques, et que malgré toute la peine que je me donne pour reprendre mes anciens sentiments de confiance dans le succès, les revers continuels et surtout la non réussite de toutes les opérations que j'ai cru pouvoir mener à un but heureux avec les forces principales m'ont inspiré une espèce de timidité morale qui m'a été inconnue autrefois dans les plus grands revers et qui d'après moi est un des plus grands défauts d'un commandant en chef. Je ferai tout mon possible pour vaincre ce malheureux sentiment; les conseils du brave Toll m'aideront en cela, mais je repète que je craindrais de manquer à mon devoir si je n'exprimais pas devant Votre Majesté mes appréhensions, d'autant plus qu'une faiblesse toujours augmentante de nerfs, irrités par des effets moraux, pourra augmenter le mal. Votre Majesté connait mon dévouement entier à remplir exactement ses volontés, j'espère qu'elle est aussi persuadée que je sacrifie avec plaisir toute personnalité et tout amour propre, si elle trouvait un chef plus digne que moi pour commander ses armées, et qu'elle l'est aussi de mes sentiments que je suis dans tous les temps, et partout à ses ordres, sans bornes et sans limites".

Спрашивается, что же можно было ожидать отъ полководца, утратившаго всякую вѣру въ свои собственныя предначертанія, который самъ произнесъ надъ собою приговоръ, выраженный въ приведенныхъ выше строкахъ, и, будучи удрученъ постоянными неудачами, называлъ себя: „le plus malheureux des hommes"?

Графъ Толь находился не въ лучшемъ положеніи; о немъ фельдмаршалъ писалъ 4-го (16-го) мая 1831 года:

„Il y a dans plusieurs chefs et surtout dans ceux que l'âge et les fatigues de tant de guerres ont vicilli, une certaine fatigue, suite d'une rude campagne d'hiver et dont le succès n'a pas répondu aux espérances qu'on s'était formé. Je ne m'exclus pas de ce nombre, Sire, malgré toutes les peines que je me donne et mon moral est encore plus abattu que mon physique. Le mécontentement de Votre Majesté Impériale exprimé d'une manière aussi douloureuse pour moi,

XIV.

Когда дѣйствующая армія перешла границу царства Польскаго началась междоусобная война, императоръ Николай задалъ себѣ вопросъ, что же слѣдуетъ дѣлать послѣ вторичнаго покоренія возставшей страны

---

m'abat encore tous les jours davantage. Je prie Dieu qu'Il veuille bien me donner des nouvelles forces et je cherche à employer celles qui me restent aussi bien que je l'entends, mais je sens bien qu'elles ne répondent pas à mes voeux et je serais coupable si je ne répétais pas cette malheureuse conviction à votre Majesté. En vertu d'elle je n'aurais pas hésité un moment de supplier Votre Majesté de permettre que je remette les hauts intérêts qu'elle a daigné me confier au comte Toll, mais malheureusement il sent aussi ses forces décliner et m'a formellement déclaré qu'il ne pourrait jamais accepter le commandement de l'armée; si donc Votre Majesté n'a pas d'autre en vue, je ne puis que me fier à la grâce de Dieu qu'Il m'inspirera mieux dans le sens de vos augustes intentions et dans vos intérêts, Sire, et qu'Il voudra dans Sa miséricorde suprême augmenter mes forces et me laisser surpasser avec résignation les cruelles épreuves, pour pouvoir recouvrir votre confiance".

Упадокъ силъ, замѣченный главнокомандующимъ въ графѣ Толѣ, побудилъ 11-го (23-го) мая 1831 года фельдмаршала написать о немъ государю еще слѣдующія строки:

„Malheureusement ma triste situation est encore bien empirée par le changement visible qui s'est opéré dans l'état physique de mes premiers et fidèles aides Toll et Neidhart. Les fatigues énormes de la campagne d'hiver et l'âge, qui ne permet pas de supporter pareille chose, les a rendu méconnaissables et tout les deux viennent encore me répéter aujourd'hui leur ferme persuasion qu'il leur est impossible de remplir leurs fonctions avec cette activité que les circonstances actuelles demandent si sérieusement et qu'ils ont au moins besoin d'un repos, après lequel le premier se fera un devoir de revenir à l'armée comme chef de corps, le second sera disponible pour le poste que Votre Majesté Impériale lui destinera.

„Je ne puis pas leur refuser de présenter cette persuasion à Votre Majesté; je vous ai fait mes aveux sur le même article depuis assez longtemps, Sire, mais si Votre Majesté Impériale malgré cela et la fatalité dont la Providence divine paraît vouloir punir toutes mes entreprises, veut cependant me conserver dans mon poste, j'espérerai comme toujours dans l'aide de Dieu de trouver des forces, et dans ce cas je ne pourrai demander que Gortchakoff et Berg à la place de Toll et de Neidhart. Ayant exposé cette conviction à Votre Majesté en serviteur malheureux mais fidèle, il me reste à répéter avec la même franchise, que j'ai la persuasion qui peut être fausse comme tant de mes suppositions l'ont été, mais que je crois jusqu'à présent vraie, que même le passage de la Vistule ne donnera pas une souveraine décision aux affaires, tant que les insurgés ne sont pas comprimés dans nos provinces".

На это заявленіе императоръ Николай отвѣчалъ 23-го мая (4-го іюня) 1831 года:

„Je ne vous réponds r i e n au sujet de ce que vous m'avez écrit au nom de Toll et Neidhard, quoique j'ai peine à croire qu'ils vous aient chargé de me demander à s'en aller dans le moment le plus décisif de la guerre. Si à

и какимъ образомъ удовлетворить интересы Россіи въ этомъ сложномъ политическомъ дѣлѣ. Первоначальныя мысли свои по этому вопросу государь изложилъ въ собственноручной запискѣ, въ которой, подъ впечатлѣніемъ огорченія, вызваннаго недавними событіями, онъ пришелъ къ совершенно неожиданному заключенію, что Россія не имѣетъ никакого интереса владѣть провинціями, неблагодарность которыхъ обнаружилась столь очевиднымъ образомъ. Поставивъ вопросъ такимъ образомъ, государь остановился на мысли новаго раздѣла Польши между Россіею, Австріею и Пруссіею.

Приведемъ здѣсь содержаніе записки императора Николая.

«Польша постоянно была соперницей и самымъ непримиримымъ врагомъ Россіи,—пишетъ государь.—Это наглядно вытекаетъ изъ событій, приведшихъ къ нашествію 1812 года, и во время этой кампаніи

---

leur honte c'est le cas, alors je dis hardiment qu'ils ne sont plus dignes de porter l'uniforme russe; l'on meurt à son poste, mais on ne le quitte pas, et c'est vous qui auriez dû le leur dire".

Вообще въ то время государь былъ недоволенъ штабомъ графа Дибича и писалъ главнокомандующему 2-го (14-го) мая:

„En attendant il m'est revenu que Toll s'est permis de donner un soufflet à un officier polonais prisonnier; je vous laisse à penser l'effet qu'une pareille cochonnerie a produit sur moi. Je vous prie de lui dire que je suis étonné de ce qu'un aide de camp général à moi aie osé se souiller au point de faire chose pareille".

Еще ранѣе, 22-го апрѣля (4-го мая) государь писалъ: „Je dois à cette occasion vous dire que toutes les notions qui nous arrivent de l'armée s'accordent à dire que l'on se plaint généralement de la grossièreté de Toll qui l'est surtout envers les généraux".

Графъ Дибичъ на послѣднее обвиненіе отвѣчалъ 30-го апрѣля (12-го мая):

„J'ai parlé à Toll de ce que Votre Majesté Impériale m'écrit sur son compte; il a été extrêmement sensible et peiné d'un pareil reproche qu'on lui fait, ne se rappelant positivement pas d'avoir dit des grossièretés à aucun général, tout en ayant souvent fortement exigé l'exécution des ordres donnés. Il supplie de lui citer un fait pour pouvoir s'en rappeler et être plus sur ses gardes, ou se laver du reproche s'il serait injuste".

Относительно пощечины, данной графомъ Толемъ, въ перепискѣ графа Дибича не встрѣчается никакихъ разъясненій.

Но если графъ Дибичъ, до извѣстной степени, отстаивалъ въ глазахъ государя своихъ ближайшихъ сотрудниковъ, графа Толя и Нейдгарта, то онъ съ другой стороны съ полною безпощадностью обвинялъ большинство генераловъ своей арміи въ неспособности и отсутствіи соображеній. Такъ, напримѣръ, главнокомандующій неодобрительно отзывался о генералъ-адъютантѣ баронѣ Розенѣ, равно какъ о графѣ Паленѣ 2-мъ; князя Щербатова признавалъ: „une nullité des plus tristes pour toute disposition militaire"; одинъ графъ Паленъ 1-й удостоился особенной похвалы; но и тому фельдмаршалъ желалъ побольше здоровья. Вообще же графъ Дибичъ, въ письмѣ

опять-таки поляки, болѣе ожесточенные, чѣмъ всѣ прочіе участники этой войны, совершили болѣе всего злодѣйствъ изъ тѣхъ же побужденій ненависти и мести, которыя одушевляли ихъ во всѣхъ войнахъ съ Россіею. Но Богъ благословилъ наше святое дѣло, и наши войска завоевали Польшу. Это неоспоримый фактъ. Въ 1815 году Польша была отдана Россіи по праву завоеванія. Императоръ Александръ полагалъ, что онъ обезпечилъ интересы Россіи, возсоздавъ Польшу, какъ составную часть Имперіи, но съ титуломъ королевства, особою администраціею и собственною арміею. Онъ даровалъ ей конституцію, установившую ея будущее устройство, и заплатилъ такимъ образомъ добровольнымъ благодѣяніемъ за все зло, которое Польша не переставала причинять Россіи. Это было местью чудной души (C'était la vengeance d'une belle âme). Но цѣль императора Александра была ли достигнута?»

отъ 27 го апрѣля (9-го мая), произнесъ надъ своими сотрудниками слѣдующій безпощадный приговоръ:

„Dans plusieurs de mes rapports précédents j'ai eu occasion de soumettre à Votre Majesté toute la gêne que m'impose constamment le manque d'aides capables de bien diriger une opération ou un commandement isolé. Parmi mes généraux, sans en excepter même les chefs de corps, la grande majorité remplie de bravoure personnelle et même de très bonne volonté, se trouve dénuée soi de moyens, soit de l'habitude de toute disposition et surtout de toute combinaison militaires. Une fois soumis à une direction supérieure ils pensent que leur devoir se borne uniquement à obéir et exécuter; pour tout objet soit grave soit peu important ils attendent des ordres, sans même les demander, et toute mesure, tout détail que les instances du chef n'auraient point prévus restent négligés. C'est ainsi que parvenus eux-mêmes à un commandement isolé, ils se trouvent manquer de l'aplomb et de l'expérience nécessaires pour le mener habilement, surtout au milieu de circonstances un peu graves ou compliquées. Une semblable gêne m'est principalement pénible au milieu de la guerre actuelle, lorsque le système dont l'ennemi a fait choix, son extrême activité, la hardiesse de ses partis et tous ses efforts pour attiser une guerre nationale m'obligent impérieusement à détacher des troupes tantôt pour maintenir nos communications, tantôt pour défendre quelque point menacé sur l'immense étendue que nous avons à couvrir, ou bien pour escorter nos convois et préserver nos dépots et nos hôpitaux, ou enfin pour étouffer quelques germes de rebellion naissante. Dans toutes ces opérations secondaires j'ai pu jusqu'à présent soit trouver quelques officiers actifs parmis les plus jeunes des généraux, soit remédier à l'inhabileté du chef par un surcroît de forces à sa troupe. Tel ne pourrait plus être le cas dans une combinaison stratégique; là je me trouve limité pour le choix d'un chef détaché aux seuls commandants des corps, et la force numérique elle-même ne saurait remédier à l'impéritie du commandant ou au manque de vigilance".

Много лѣтъ спустя императору Николаю пришлось вторично услышать нѣчто подобное въ 1854 году, но при несравненно болѣе тягостныхъ политическихъ и военныхъ обстоятельствахъ—когда князь Меншиковъ началъ жаловаться на своихъ крымскихъ сотрудниковъ!

*

«Я сказалъ выше, что главная цѣль заключалась въ обезпеченіи интересовъ Россіи путемъ возсозданія Польши, счастливой и процвѣтающей подъ покровительствомъ и благодаря связи съ Россіей. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что эта маленькая страна, разоренная, ослабленная безпрерывными войнами, напряженіемъ, вызывавшимся цѣлымъ рядомъ революцій, частымъ переходомъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, въ пятнадцатилѣтній промежутокъ времени достигла замѣчательнаго благосостоянія; ея финансовыя средства оказались не только достаточными для удовлетворенія потребностей страны, но послужили еще для образованія наличнаго фонда казначейства, пригодившагося въ теченіе почти года, для покрытія всѣхъ нуждъ настоящей борьбы. Наконецъ, армія, созданная по образцу арміи Имперіи, снабженная всѣмъ и богато надѣленная запасами въ арсеналахъ, безъ всякаго обремененія страны, достигшая рѣдкаго совершенства, оказалась въ состояніи послужить кадрами для 100.000 человѣкъ. Что же хорошаго вышло изъ этого для Имперіи? Огромныя жертвы, хотя и не выдѣленныя особо изъ того, что было сдѣлано въ 1813 и 1814 годахъ, были принесены для осуществленія завоеванія ея; другія столь же значительныя жертвы были принесены въ послѣдующія 15 лѣтъ, частью для содержанія и снаряженія арміи, частью для вооруженія крѣпостей и обременительнаго содержанія ядра войскъ, служившихъ ей инструкторами.

«Имперія, въ ущербъ своей собственной промышленности, была наводнена польскими произведеніями; однимъ словомъ, Имперія несла всѣ тягости своего новаго пріобрѣтенія, не извлекая изъ него никакихъ иныхъ преимуществъ, кромѣ нравственнаго удовлетворенія отъ прибавленія лишняго титула къ титуламъ своего государя. Но вредъ былъ дѣйствительный. Прежнія польскія провинціи, видя, какъ ихъ соотечественники пользуются вблизи ихъ всѣми правами самостоятельнаго народа, которыми они даже злоупотребляютъ, болѣе чѣмъ когда-либо стали задумываться надъ тѣмъ, какъ ускользнуть отъ владычества Имперіи. Поэтому оказалось, что, при первой же искрѣ, эти провинціи готовы были возстать и, какъ слѣдствіе этого, самымъ пагубнымъ образомъ повліять на дѣйствія арміи. Другое еще болѣе существенное зло заключалось въ существованіи передъ глазами порядка вещей, согласно съ современными идеями, почти не осуществимаго въ королевствѣ, а, слѣдовательно, невозможнаго въ Имперіи. Зародившіяся надежды нанесли страшный ударъ уваженію власти и общественному порядку и впервые привели къ несчастнымъ послѣдствіямъ, открытымъ въ концѣ 1825 года. Разъ ударъ былъ нанесенъ, примѣръ поданъ, трудно предположить, чтобы во время всеобщихъ волненій и смутъ эти идеи не продолжали развиваться, несмотря на доказанную ихъ призрачность

и опасныя послѣдствія. Однимъ словомъ, это являлось разрушеніемъ того, что составляло силу Имперіи, то-есть убѣжденія, что она можетъ быть велика и могущественна лишь при монархическомъ образѣ правленія и самодержавномъ государѣ. То, что было ложно въ основаніи, не могло продержаться долго. При первомъ же толчкѣ, зданіе рухнуло. Такъ какъ интересы различно понимались въ обѣихъ странахъ, то отсюда проявилось разногласіе въ воззрѣніяхъ на жизненный вопросъ: какимъ образомъ разсматривать и судить преступленія противъ безопасности государства и особы государя. То, что признавалось какъ преступленіе въ Имперіи, было оправдано и даже нашло защитниковъ въ королевствѣ. Вслѣдствіе всего этого создались непреодолимыя затрудненія, настроеніе умовъ обострилось, поляки укрѣпились въ своемъ намѣреніи избавиться отъ русскаго владычества и, наконецъ, довели дѣло до катастрофы 1830 года.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ средства примиренія, совмѣстимыя съ достоинствомъ Россіи, были снова испробованы, но напрасно. Присяга была повсюду нарушена, измѣна сдѣлалась общею, и всякая возможность соглашенія исчезла. Тогда-то были двинуты русскія войска. Они шли, чтобы отомстить за свою народную честь, оскорбленную самою черною неблагодарностію въ томъ, что она представляетъ наиболѣе священнаго. Всевозможныя неслыханныя жертвы приносятся ежедневно для этой цѣли. Но, когда она будетъ достигнута и вопросъ будетъ рѣшенъ силою оружія, въ чемъ же будетъ заключаться р е з у л ь т а т ъ, къ которому нужно будетъ стремиться? Или лучше сказать, въ чемъ будетъ заключаться при этихъ обстоятельствахъ и с т и н н а я п о л ь з а Р о с с і и?

«Все, что дѣлается, и все, что еще происходитъ въ Польшѣ, очевидно, доказываетъ, что прошла пора великодушія; неблагодарность поляковъ сдѣлала его невозможнымъ, и на будущее время во всѣхъ сдѣлкахъ, касающихся Польши, все должно быть подчинено истиннымъ интересамъ Россіи. Установивъ это положеніе, нельзя не согласиться, что русскій интересъ не совмѣстимъ съ существованіемъ польскаго королевства въ томъ видѣ, какъ оно было создано въ 1815 году, и при условіи сохраненія имъ своей конституціи. Дѣло идетъ не только о томъ, чтобы лишить Польшу матеріальной возможности вредить Россіи, но слѣдуетъ еще разсмотрѣть, какое вознагражденіе можетъ получить Россія за свои тяжкія жертвы и какія выгоды она можетъ извлечь изъ обладанія Польшей? На первый вопросъ легко отвѣтить: ничто не можетъ вознаградить Россію за жертвы и потери, понесенныя ею лишь для отомщенія за свою народную честь. Что же касается втораго вопроса, мнѣ кажется, что Россія не можетъ извлечь изъ Польши такой, какова она есть, никакихъ д ѣ й с т в и т е л ь н ы х ъ в ы г о д ъ, и что еще болѣе

важно, что для имперіи даже нѣтъ гарантій, которыя могли бы обезпечивать ей въ будущемъ спокойное обладаніе этой страною. И такъ, вѣрный принципу, который я высказалъ въ началѣ, то-есть истинной пользѣ Россіи, я полагаю, что единственный способъ отдать себѣ отчетъ въ этомъ вопросѣ заключается въ слѣдующемъ:

«Россія—держава могущественная и счастливая сама по себѣ; она никогда не можетъ быть угрозою ни для другихъ сосѣднихъ государствъ, ни для Европы. Но она должна занимать внушительное, оборонительное положеніе, способное сдѣлать невозможнымъ всякое нападеніе на нее. Бросивъ взглядъ на карту, страшно становится, видя, что граница польской территоріи имперіи доходитъ до Одера, тогда какъ фланги отходятъ за Нѣманъ и Бугъ, чтобы упереться близъ Полангена въ Балтійское море и устьевъ Дуная въ Черное море. Въ этой выдающейся части находится армія, чтобы держать ее въ покорности. Эта страна ничего не приноситъ Имперіи. Напротивъ того, она не можетъ существовать иначе, какъ посредствомъ постоянныхъ жертвъ со стороны Имперіи, чтобы дать ей возможность удовлетворить потребностямъ собственной администраціи. Такимъ образомъ, убѣдительно, что выгоды отъ этого неудобнаго положенія ничтожны, а недостатки велики и даже угрожающи. Остается рѣшить, какъ помочь этому? Я тутъ не вижу другаго средства, кромѣ слѣдующаго:

«Объявить, что честь Россіи получила полное удовлетвореніе завоеваніемъ королевства, но что Россія не имѣетъ никакого интереса владѣть страною, неблагодарность которой была столь очевидна; что истинные ея интересы требуютъ установить свою границу по Вислѣ и Нареву; что она отказывается отъ остальнаго, какъ недостойнаго принадлежать ей, предоставляя своимъ союзникамъ поступить съ нимъ по своему усмотрѣнію; что, тѣмъ не менѣе, оставаясь вѣрною своимъ принципамъ, Россія предоставляетъ той части королевства, которая останется за нею, пользованіе ея законами и учрежденіями въ той мѣрѣ, которая окажется совмѣстимою съ истинными будущими интересами; что титулъ королевства польскаго останется присвоеннымъ этой части страны, во избѣжаніе того, чтобы подобное наименованіе, данное другой какой-либо части, не создало бы вновь государства враждебнаго Россіи, чего она не потерпитъ ни въ какомъ случаѣ»[1]).

По мѣрѣ дальнѣйшаго хода междоусобной польско-русской войны, императоръ Николай пришелъ къ заключенію, что задуманное имъ рѣшеніе польскаго вопроса представляется въ дѣйствительности невозможнымъ. Такимъ образомъ, мысли государя, изложенныя въ вышепри-

---

[1]) Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

веденной запискѣ, остались безъ примѣненія и перешли къ потомству какъ любопытное политическое разсужденіе.

Тѣмъ не менѣе, записка императора Николая была, вѣроятно, передана на обсужденіе фельдмаршала Паскевича, потому что послѣдній, съ своей стороны, представилъ государю, 4-го (16-го) іюня 1831 года, записку, въ которой, взамѣнъ безвозмездныхъ уступокъ воеводствъ лѣваго берега Вислы и Кракова, онъ предлагалъ замѣнить ихъ устьями Нѣмана съ городомъ Мемелемъ и крѣпостью Торномъ съ одной стороны, и Восточной Галиціей—съ другой.

Паскевичъ въ упомянутой запискѣ писалъ государю слѣдующее:

«Разсматривая со всѣхъ сторонъ теперешнее положеніе, мнѣ пришло на мысль: нельзя ли наказать дерзкихъ и неблагодарныхъ такъ, чтобы они въ дальнѣйшемъ своемъ потомствѣ чувствовали сіе, упрочить навсегда наше положеніе въ Польшѣ, словомъ, постановить такимъ образомъ, какъ вы, государь, въ манифестѣ своемъ изволили сказать, что надобно, чтобы Польша для Россіи была полезна, но не вредна[1]).

«Разсуждая на сихъ основаніяхъ, я осмѣливать изложить мои мысли:

«Какимъ образомъ наказать неблагодарныхъ поляковъ, какъ не лишивши ихъ даже имени поляка?

«Для исполненія сего надобно уничтожить царство Польское.

«Въ Европѣ согласятся ли на сіе? ибо въ этомъ (то-есть въ настоящемъ положеніи вещей) они видятъ ослабленіе Россіи, а всѣ государства, не исключая ни одного, думаютъ, какъ бы насъ ослабить.

«То какимъ образомъ постановить, чтобы интересовать государства въ нашу пользу?

«Я полагаю слѣдующее:

«1) Три воеводства на лѣвой сторонѣ Вислы уступить Пруссіи, т. е. Мазовецкое, Калишское и Сандомірское; четвертое Краковское—уступить Австріи.

«2) Взамѣнъ уступленныхъ Пруссіи сихъ трехъ воеводствъ, Пруссія должна уступить намъ крѣпость Торнъ съ окрестностями, по удобству, и восточной Пруссіи по рѣку Прегель; если же большое сопротивленіе будетъ на сіе, или доходы или населеніе превышаютъ требуемыя нами земли отъ Пруссіи, то уступку взять по мѣстности. Въ семъ, перерѣзанномъ многими рѣками въ разныхъ направленіяхъ, краѣ можно сдѣ-

[1]) Припомнимъ здѣсь, что въ манифестѣ императора Николая отъ 25-го января 1831 года сказано: „возвративъ Россіи мгновенно отторгнутый отъ нея мятежниками край, устроить будущую судьбу его на основаніяхъ прочныхъ, сообразныхъ съ потребностями и благомъ всей нашей Имперіи, и положить навсегда конецъ враждебнымъ покушеніямъ злоумышленниковъ, мечтающихъ о раздѣленіи".

лать хорошую границу. Если и на сіе Пруссія не согласится, то можетъ взамѣнъ земель, ею получаемыхъ, давать деньгами; но во всякомъ случаѣ, граница съ этой стороны должна быть по крайней мѣрѣ по Нѣманъ съ городомъ Мемелемъ и съ другими городами, сколько удобство для коммерціи того потребуетъ.

«3) Австріи уступить Краковское воеводство, а взамѣнъ взять Тарнополь или другія земли въ обмѣнъ по числу народонаселенія и доходовъ.

«4) Если же отъ Пруссіи трудно будетъ получить взамѣнъ трехъ воеводствъ, то уступить Пруссіи два, а два воеводства уступить Австріи на вышеизложенныхъ основаніяхъ.

«Такимъ образомъ, сіи двѣ державы будутъ дѣйствовать съ нами, ибо участвовали въ семъ раздѣлѣ, какъ то было и при вашей бабушкѣ. Польза обѣихъ сихъ державъ въ уничтоженіи королевства состоитъ въ томъ, что притязанія Россіи, какъ королевства Польскаго, на взятыя Пруссіею и Австріею провинціи имъ уничтожаются. Если взять въ соображеніе, что королевство Прусское не только имѣетъ отъ Польши пріобрѣтенныя въ первомъ раздѣлѣ провинціи, но даже и сама Пруссія есть уступка отъ Польши курфюрсту Бранденбургскому, то удовольствіе ея будетъ велико, когда все, могущее возродить домогательства, однимъ актомъ уничтожается. Австрія находится въ томъ же положеніи, и существованіе королевства Польскаго есть ей всякую минуту угроза на ея галиційскія провинціи. Итакъ, Пруссія и Австрія будутъ въ нашихъ интересахъ. Но Франція и Англія что скажутъ?

«По теперешнемъ новомъ образованіи Франціи, она весьма сильна, и, конечно, съ нею надобно бы весьма осторожно поступать.

«Но можетъ быть, что для общаго спокойствія, когда онѣ увидятъ, что Россія, отдавая свои провинціи за Вислой, отступаетъ, такъ сказать, отъ Европы, то, можетъ быть, согласятся; въ противномъ случаѣ, надобно выждать время, или когда Франція будетъ въ войнѣ, или когда будетъ имѣть внутреннія безпокойства.

«Что же касается до Англіи, то я не полагаю, что если будутъ согласны съ нами Австрія и Пруссія, чтобы Англія могла намъ вредна быть, выключая въ коммерціи.

«Итакъ, изъ сихъ предположеній явствуетъ:

«1) Что Россія ничего не потеряетъ въ народонаселеніи и въ доходахъ, ибо получитъ взамѣнъ то же.

«2) Государство выиграетъ гораздо лучшую границу, ибо Висла представляетъ всѣ удобства къ дефенсивной войнѣ и для коммерціи во время мира.

«3) Симъ ваше императорское величество докажете европейскимъ

государствамъ, что вы не хотите распространяться въ Европѣ, ибо отдаете провинціи, которыя въ наступательной войнѣ ихъ устрашали.

«4) Накажете сей народъ за ихъ вѣроломство и неблагодарность искорененіемъ ихъ съ лица земли и тѣмъ покажете, что вы не хотите сдѣлать имъ честь носить имя ихъ короля.

«5) Введете Пруссію и Австрію быть участницами въ семъ дѣлѣ.

«6) Но важнѣе всего, что вы изволите уничтожить представительное правленіе въ вашемъ государствѣ, которое, по тепереннимъ мыслямъ въ Европѣ, влечетъ и вашихъ россійскихъ подданныхъ къ симъ новизнамъ; но если онаго не будетъ, то государство Россійское, не имѣвши въ себѣ ничего разнообразнаго, будетъ представлять оплотъ противъ вольнодумства» [1]).

Русское правительство не рѣшилось, однако, вступить на путь международныхъ переговоровъ по вопросу, затронутому въ приведенныхъ нами запискахъ; поэтому высказанныя въ нихъ предположенія остались лишь любопытными памятниками политическаго настроенія минуты.

XV.

Неудачный оборотъ, принятый польско-русскою войною, вызвалъ слѣдующее письмо графа Чернышева къ фельдмаршалу Паскевичу, отъ 5-го (17-го) апрѣля:

«Государь императоръ, желая, чтобы при настоящихъ обстоятельствахъ, какъ политическихъ, такъ и военныхъ, ваше сіятельство находились при особѣ его величества, высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ сообщить о семъ вашему сіятельству и покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, въ исполненіе сей высочайшей воли, поспѣшить сколь возможно пріѣздомъ въ С.-Петербургъ.

«Управленіе войсками и краемъ, вамъ ввѣреннымъ, его величество соизволитъ предоставлять устроить тѣмъ же порядкомъ, какой былъ принятъ во время отсутствія вашего въ С.-Петербургѣ въ минувшемъ году, а именно: войска на кавказской линіи подчинить совершенно генералу-отъ-кавалеріи Эммануэлю, а войска, въ Грузіи находящіяся, подчинить начальнику штаба вашего, генералъ-лейтенанту Панкратьеву; гражданскую же часть оставить на томъ основаніи, какое заблагоразудить изволите. Впрочемъ, если ваше сіятельство изволите признать нужнымъ сдѣлать въ порядкѣ управленія по военной части

[1]) Князь Щербатовъ: „Князь Паскевичъ“, т. 4-й, стр. 175–179.

какія-либо измѣненія, то его величество предоставляетъ оныя вашему усмотрѣнію, но желаетъ только, чтобы всѣ распоряженія о семъ были окончены въ нѣсколько дней, дабы его величество могъ сколь возможно скорѣе имѣть удовольствіе увидѣть васъ въ С.-Петербургѣ».

Графъ Паскевичъ получилъ письмо 20-го апрѣля (2-го мая); сдѣлавъ необходимыя распоряженія, онъ выѣхалъ изъ Тифлиса 26-го апрѣля (8-го мая) и прибылъ въ Петербургъ 12-го (24-го) мая[1]). Между тѣмъ, съ самаго вызова Паскевича, неудовольствіе императора Николая противъ графа Дибича съ каждымъ днемъ все болѣе возростало. Нерѣшительность главнокомандующаго и неустойчивость въ его мысляхъ (Je ne vois rien de fixe dans vos progres idées) побудили государя выработать планъ для дѣйствій противъ польскихъ мятежниковъ; но, сообщая графу Дибичу свои предположенія, государь не хотѣлъ, однако, насиловать намѣренія и волю главнокомандующаго, напротивъ того, въ письмѣ, отъ 7-го (19-го) апрѣля, предоставлено было фельдмаршалу, по обсужденіи плана совмѣстно съ Толемъ и Нейдгартомъ, слѣдовать собственному плану, если онъ будетъ признанъ лучшимъ; но, прибавилъ государь: «требую письменнаго опроверженія».

Спорный вопросъ заключался въ слѣдующемъ: графъ Дибичъ предполагалъ перейти Вислу въ верхнемъ ея теченіи, между тѣмъ какъ императоръ Николай справедливо признавалъ нижнюю Вислу мѣстомъ будущей переправы арміи на лѣвый берегъ, при чемъ продовольствованіе войскъ могло быть обезпечено соглашеніемъ съ прусскимъ правительствомъ[2]).

Отвѣтъ графа Дибича, на присланный ему планъ дѣйствій, не удовлетворилъ императора Николая. «Отвѣтъ вашъ на мой проектъ,—пи-

---

[1]) 23-го апрѣля (5-го мая) 1831 года, графъ Паскевичъ писалъ графу Чернышеву:

„Отношеніе вашего сіятельства отъ 5-го апрѣля № 180 я имѣлъ честь получить 20 го числа сего мѣсяца. Для исполненія высочайшей государя императора воли во всей точности, я въ то же время приступилъ къ необходимымъ распоряженіямъ, а по окончаніи оныхъ, поставлю себѣ въ непремѣнную обязанность выѣхать изъ Тифлиса сего мѣсяца 26-го числа, хотя и теперь страдаю лихорадочными припадками. Прося покорнѣйше васъ, милостивый государь, доложить о семъ его императорскому величеству, съ истиннымъ почтеніемъ и пр. (Архивъ военнаго министерства).

[2]) Въ письмѣ отъ 7-го (19-го) апрѣля императоръ Николай писалъ Дибичу:

„Je vous propose donc dans la note ci-jointe mon plan de campagne que j'abandonne tout à fait à votre jugement, quoique convaincu de l'immense avantage qu'il vous présente. Je désire que vous le raisonniez avec Toll et Neidhardt, décidez ensuite, et au cas qu'il vous convienne tout en me répondant, procédez de suite à son exécution; dans le cas contraire suivez votre plan, arrêté avec Toll dans la note que vous m'avez envoyé".

салъ государь 22-го апрѣля (5-го мая) 1831 года, — мнѣ доказываетъ, что вы съ удовольствіемъ готовы отказаться отъ всякой отвѣтственности, сваливъ ее на меня, предоставляя себѣ впослѣдствіи сказать, что я помѣшалъ вамъ исполнить ваши намѣренія, и я предвижу уже, что можетъ быть подобное соображеніе побудило васъ отказаться отъ наступленія, къ которому вы приступили. Я не хочу характеризовать, насколько подобный образъ дѣйствій можетъ быть признанъ предосудительнымъ, тѣмъ болѣе, что, хотя я и убѣжденъ, что мой планъ представляетъ единственно возможное рѣшеніе вопроса, я вамъ, однако, положительно приказалъ руководствоваться исключительно вашимъ личнымъ убѣжденіемъ. Только быстрое и немедленное исполненіе могло сдѣлать эту операцію удобною и рѣшительною, но если вы предполагаете двинуться лишь черезъ четыре недѣли, и при томъ вести дѣло съ тою же слабостію, съ тою же нерѣшимостью и при соблюденіи того же безпорядка, я предвижу одно несчастіе и гибель, вмѣсто почти вѣрнаго успѣха» [1]).

---

[1]) La réponse à mon projet me prouve que vous êtes charmé de vous décharger de la responsabilité de tout ce qui se fait sur moi, en pouvant dire pour le futur que c'est moi qui vous ai empêché de suivre vos projets, et je prévois déjà que c'est peut-être cela qui vous a fait renoncer à l'attaque que vous aviez commencée. Je ne caractériserai pas ce qu'une pareille manière de faire aurait de blamable, d'autant plus, que tout en étant convaincu que ce que je proposais était le seul parti à prendre, je vous ai expressément ordonné de ne suivre que votre propre conviction. Il n'y avait qu'une prompte et immédiate éxécution qui pouvait rendre cette opération aisée et décisive; mais si ce n'est qu'en quatre semaines que vous comptez vous mettre en mouvement, et que le tout soit conduit avec la même faiblesse, la même irrésolution et le même désordre, je ne prévois que malheur et désastre, an lieu d'un succès presque certain".

Когда графъ Дибичъ усмотрѣлъ изъ этихъ строкъ гнѣвъ государя, онъ отвѣчалъ 30-го апрѣля (12-го мая):

„Je suis bien malheureux du mécontentement de Votre Majesté Impériale avec les opérations, mais je m'y soumets avec résignation, je ne me sens pas au contraire coupable du reproche accablant d'avoir cédé au plan d'agir par la droite et basse-Vistule par un calcul qui serait, j'ose le dire, infâme de ma part. Si Votre Majesté peut me croire capable d'une telle conduite, je ne puis trouver de consolation que dans la conviction que l'Etre Suprême qui lit dans tous les coeurs me donne la force de supporter comme homme ce malheur si inattendu pour quelqu'un qui trouvait une consolation réelle, dans les malheurs de la carrière politique, dans des intentions toujours fidèles et à toute épreuve; mais ces mêmes sentiments qui ne me quitteront jamais, Sire, me font un devoir, Sire, de vous avouer franchement que je ne conçois pas comment avec une pareille supposition de l'intention infâme (je dois répéter le seul mot applicable à une telle conduite) de vouloir rejeter mes torts sur mon souverain, ne fussiez vous pas même mon bienfaiteur, ne m'eussiez vous pas même comblé de cette confiance qui est bien au dessus de toutes les grâces,—vous pourriez gar-

Для разъясненія положенія дѣлъ въ арміи, императоръ Николай послалъ къ фельдмаршалу генералъ-адъютанта графа Орлова[1]), «pour suppléer par une conversation à tout ce que mes lettres paraissent n'avoir pu vous faire comprendre». Но пока графъ Орловъ пробирался черезъ возставшую Литву въ главную квартиру фельдмаршала, на театрѣ военныхъ дѣйствій произошли новыя событія. Скржинецкій, ободренный бездѣйствіемъ Дибича, предпринялъ наступательное движеніе противъ гвардейскаго корпуса. По мнѣнію императора Николая, высказанному въ письмѣ къ графу Дибичу: «все это движеніе непріятеля было бы настоящимъ безумiемъ, если бы вы не пріучили его безнаказанно предпринимать все. Есть мѣра всякому терпѣнію, а я, кажется, проявилъ его въ достаточной степени»[2]).

---

der la moindre confiance pour les temps futurs, confiance sans laquelle tout sera glacé."

Императоръ Николай остался при своемъ мнѣніи и писалъ 6 го (18-го) мая:

„Vous vous êtes offensé de ce que j'ai dû vous écrire, en recevant la singulière note qui a motivé ma réponse. Je suis persuadé que vous n'avez pas voulu donner un sens pareil à ce que vous écriviez, le fait est cependant que vous l'avez écrit, et que l'effet que cela a produit sur moi d'abord, a été partagé par t o u s ceux qui l'ont lu comme moi".

Когда въ письмѣ отъ 4-го (16-го) мая графъ Дибичъ выражалъ свое глубокое горе по поводу того, что совершенно лишился довѣрія государя, императоръ Николай отвѣтилъ фельдмаршалу 10-го (22-го) мая:

„Vous me dites que vous voyez avoir perdu ma confiance; si c'était entièrement le cas, vous me connaissez assez pour savoir que je ne vous aurais pas conservé le commandement de l'armée; ce n'est pas dans mon caractère. Mais rappelez vous de ce qui s'est passé avant votre départ d'ici, de ce que je n'ai cessé de vous répéter depuis, de ce que vous avez persisté de faire depuis, et d e s r é s u l t a t s que tout cela a eu et jugez vous même si ma confiance a été complétement justifiée... Ici tout va bien, le commerce est pareil à celui de l'année 1817, c'est à dire immense; l'année dernière il n'y avait que 15 vaisseaux d'arrivés à cette époque; il y en a plus de 400 déjà à Cronstadt, et plus de 800 à Riga; des victoires à côté de cela et une prompte fin et tout serait bien,—mais!"

Изъ этихъ строкъ письма императора Николая видно, насколько ошибочна была сложившаяся легенда о томъ, что графъ А. Ѳ. Орловъ отправлялся въ дѣйствующую армію вѣстникомъ увольненія графа Дибича отъ должности главнокомандующаго.

[1]) Государь писалъ фельдмаршалу: „Je vous renvois pour tout à Orloff qui vous vaudra mieux que dix lettres".

[2]) „Tout ce mouvement de sa part serait une vraie folie, s'il n'avait pas été habitué par vous de pouvoir tout entreprendre impunément et en face de vous, sans que même vous le sachiez. J'espère dans la miséricorde Divine qu'Il vous donnera dans ce moment décisif assez d'énergie pour ne pas laisser échapper cette occasion précieuse de punir l'ennemi de son audace et de le battre dans la position la plus avantageuse possible pour vous et la plus fatale pour lui, si vous savez en profiter. Aussi mon angoisse n'est pas à décrire; il est

Дибичъ, наконецъ, встрепенулся, и 14-го (26-го) мая разыгралась кровопролитная битва при Остроленкѣ. Здѣсь, подобно тому, какъ и подъ Гроховымъ, одержана была рѣшительная побѣда, но нерѣшительность главнокомандующаго вторично спасла польскую армію отъ гибели; несмотря на настоянія графа Толя, фельдмаршалъ, отказавшись отъ преслѣдованія непріятеля, далъ Скржинецкому возможность спокойно отступить съ разбитою арміею въ Варшаву [1]). Бездѣйствіе графа Дибича послѣ остроленкской побѣды принесло плачевные плоды. Совершилось то, что предвидѣлъ императоръ Николай, когда писалъ фельдмаршалу: «Теперь поляки будутъ имѣть достаточно времени, чтобы восполнить свои потери, укрѣпить, что имъ нужно, однимъ словомъ, изгладить всѣ слѣды своего пораженія, заставляя насъ путемъ новыхъ и тя-

---

temps que nous sachions enfin que l'armée russe existe, car en vérité on pourrait en douter d'après tout ce qui arrive... L'ennemi vous dérobe le mouvement de toutes ses forces, vous brûle votre pont de communication et vous n'en savez rien; enfin depuis trois jours la garde se bat et se tire par son audace et la sagesse de Michel de la position la plus difficile, et c'est à peine alors que vous daignez vous convaincre qu'elle mérite la peine que vous marchiez à son secours! Je défie qui que ce soit de vous comprendre. Enfin voici la dernière occasion pour vous justifier aux yeux de tout militaire; espérons en Dieu que vous ne la laisserez pas échapper; cela serait trop fort... Il y a mesure à toute patience et je crois en avoir eu assez... Enfin je veux encore espérer de la bonté Divine, que vous redeviendrez ce que vous devez être, et personne n'en sera plus heureux et sous tous les rapports que moi". (Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу, отъ 14-го (26-го) мая 1831 года).

[1]) 23-го мая (4-го іюня) 1831 года императоръ Николай писалъ графу Дибичу: „J'ai reçu hier soir votre lettre du 15 (27) d'Ostrolenka; la bravoure de nos grenadiers, ainsi que des autres troupes qui ont pris part au combat sanglant du 14 (26), est admirable comme toujours. Il est d'autant plus triste de voir que ces braves ont été sacrifié comme le 13 (25) sous Praga, dans une affaire sans résultat, comme sans vrai but dans cette occasion, tandis qu'une autre direction prise depuis Nur, amenait immanquablement la destruction de l'armée Polonaise... L'on peut encore moins comprendre pourquoi vous n'avez pas profité du succès du 14, pour poursuivre l'ennemi, et ayiez attendu 24 heures pour le faire suivre par un détachement. Tout cela est inexplicable et fait craindre de nouvelles pertes sans plus de résultats".

Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 27-го мая (8-го іюня) 1831 года, государь снова возвращается къ оцѣнкѣ Остроленкскаго сраженія и пишетъ:

„Les détails sur la bataille sont d'un grand intérêt et relèvent encore plus l'éclat de la bravoure admirable de nos excellentes troupes; d'autant plus je regrette que ce succès nous ait coûté si cher. Je crois toujours aussi que si vous aviez poussé de suite fortement ce qui ne s'était pas battu aux trousses de l'ennemi, le succès eut été bien plus grand encore... Activité, prudence et vigueur et que le Ciel vous soit en aide, un grand pas est fait, sachez en profiter et prouvez que vous êtes encore le старый Забалканскій".

желыхъ жертвъ искупить выгоды, за которыя мы уже такъ дорого заплатили и отъ которыхъ добровольно отказываемся».

Дибичъ расположился между Пултускомъ, Голыминомъ и Маковымъ, готовясь къ движенію на нижнюю Вислу.

«Prouvez que vous êtes encore le старый Забалканскій»,—писалъ императоръ Николай графу Дибичу, но государь такъ и не дождался воскресенія стараго Забалканскаго. 1-го (13-го) іюня Николаю Павловичу пришлось заключить переписку съ своимъ фельдмаршаломъ горестнымъ восклицаніемъ: «Прощайте, любезный другъ, поступите же, наконецъ, такимъ образомъ, чтобы я могъ понять васъ (Adieu, mon cher ami, faites enfin de façon que je puisse vous comprendre)». Но это письмо [1]) не было уже прочитано графомъ Дибичемъ: 29-го мая (10-го іюня) фельдмаршалъ внезапно скончался отъ холеры въ с. Клешовѣ, около Пултуска.

Графъ Толь, на основаніи «учрежденія объ управленіи большой дѣйствующей арміи», вступилъ во временное командованіе войсками [2]),

---

[1]) Hier soir est arrivée votre lettre du 25; elle n'a fait qu'augmenter mon étonnement et mon affliction par les lenteurs inexplicables que vous mettez à vos opérations. C'est elles qui vous ont privé de tous les avantages que la glorieuse journée d'Ostrolenka vous offrait pour abîmer encore plus un ennemi battu. Toutes les lettres de Varsovie prouvent unanimement leur surprise et leur joie de ce que vous ne les avez pas poursuivis. Maintenant ils auront tout le temps pour se refaire de leurs pertes, fortifier ce qui leur convient, en un mot effacer toutes les traces de leur défaite pour nous faire acheter par de nouveaux et cruels sacrifices les avantages que nous avons déjà si chèrement payés, et que nous abandonnons gratuitement... Adieu, mon cher ami, faites enfin de façon que je puisse vous comprendre". (Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу, отъ 1-го (13-го) іюня 1831 года).

[2]) Сообщая, 4-го (16-го) іюня 1831 года, цесаревичу Константину Павловичу извѣстіе о кончинѣ графа Дибича, императоръ Николай писалъ:

„Vous vous êtes dit d'avance avec quel pénible sentiment j'ai appris hier soir la triste nouvelle de la mort de notre digne maréchal; j'y perds un ami, et vous, cher Constantin, un être qui vous était sincèrement dévoué et vous conservait un profond sentiment de reconnaissance".

Цесаревичъ, по поводу того же событія, писалъ государю 2-го (14-го) іюня:

„Malgré les défauts du maréchal et ses fautes stratégiques, dont certe je ne suis pas juge, je ne saurais m'empêcher de le plaindre ainsi que sa perte, l'ayant sincèrement aimé. Sa mort est trop prompte au dire du courrier pour qu'elle soit toute naturelle; est-ce choléra, est-ce autre chose?"

Въ письмѣ отъ 7-го (19-го) іюня, цесаревичъ снова возвращался къ смерти графа Дибича, высказывая о немъ слѣдующее сужденіе:

„Je regrette infiniment le maréchal, qui certainement était un homme de bien et de rare probité et ayant des principes moraux et de soumission qui ne sont plus de ce siècle. Pour les défauts, et qui n'en a pas? et il serait fort injuste et de peu d'équité de vouloir prétendre qu'il n'en ait pas, lorsque chacun en a plus ou moins".

но, отправляя, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Петербургъ всеподданнѣйшее письмо, онъ просилъ государя о скорѣйшемъ назначеніи главнокомандующаго, признаваясь, что чувствуетъ себя неспособнымъ принять на себя столь важную обязанность. Просьба графа Толя вполнѣ соотвѣтствовала прежнимъ его заявленіямъ, сдѣланнымъ еще покойному фельдмаршалу.

Желаніе графа Толя исполнилось въ самомъ скоромъ времени.

Еще до Остроленкскаго сраженія смѣна Дибича графомъ Паскевичемъ представлялась уже до нѣкоторой степени вполнѣ вѣроятною; но какъ справедливо замѣтилъ будущій князь Варшавскій: «Остроленкское дѣло удержало мою поѣздку въ армію, ибо трудно было послать смѣнить главнокомандующаго, выигравшаго сраженіе»[1]). Когда же 3-го (15-го) іюня пришло въ Петербургъ извѣстіе о кончинѣ графа Дибича, то на другой день 4-го (16-го) іюня послѣдовалъ указъ Сенату о назначеніи фельдмаршала графа Паскевича-Эриванскаго главнокомандующимъ дѣйствующею арміею. Въ виду возстанія въ Литвѣ, принимавшаго все бо́льшіе размѣры, новый главнокомандующій долженъ былъ, для большей безопасности, избрать морской путь, а затѣмъ слѣдовать въ армію черезъ Пруссію. Онъ быстро собрался въ предстоявшій ему новый походъ и 6-го (18-го) іюня отправился изъ Петергофа въ три часа утра на пароходѣ «Ижора» въ Мемель. По прибытіи въ этотъ городъ 9-го (21-го) іюня, фельдмаршалъ, продолжая путь черезъ Тильзитъ, пріѣхалъ въ армію въ ночь съ 13-го (25-го) на 14-е (26-е) іюня.

Изъ Пултуска, фельдмаршалъ Паскевичъ 17-го (29-го) іюня писалъ императору Николаю: «Я рѣшилъ дѣйствовать по плану, апробованному вашимъ величествомъ». Планъ же государя заключался въ томъ, чтобы совершить переправу на нижней Вислѣ и затѣмъ идти къ Варшавѣ[2]).

Ф. П. Опочинину цесаревичъ писалъ изъ Витебска 8-го (15-го) іюня 1831 года: „полагаютъ, что Дибичъ умеръ: 1) или отъ холеры, 2) или отъ отравленія въ ѣдѣ, 3) или отъ отравленія своевольнаго и 4) или отъ удара. Вотъ слухи. Странно и странно, въ два часа будучи здоровымъ и гуляющимъ по саду въ 11 часовъ вечера, умереть въ часъ по полуночи". Разсуждая о скоротечности человѣческой жизни, цесаревичъ не предчувствовалъ, что уже онъ самъ стоитъ на краю могилы; ему лично предстояло въ скоромъ времени испытать, что можетъ сотворить холера въ нѣсколько часовъ времени.

Подробности кончины фельдмаршала, дошедшія до цесаревича, оказались невѣрными: Дибичъ заболѣлъ ночью на 29-е мая и скончался утромъ въ $11^1/_4$ часовъ.

[1]) Князь Щербатовъ: „Князь Паскевичъ", т. 4, стр. 19.

[2]) Въ запискахъ П. К. Менькова (томъ 2, стр. 183) воспроизведенъ со словъ Паскевича фантастическій разсказъ фельдмаршала о томъ, какъ „отецъ командиръ" на вопросъ государя, какому плану онъ намѣренъ слѣдовать, внезапно вдохновившись, указалъ на Осьекъ, какъ на мѣсто будущей пере-

Вскорѣ послѣ кончины графа Дибича-Забалканскаго, прусская армія также понесла чувствительную потерю. 11-го (23-го) августа 1831 года въ Познани скончался отъ холеры фельдмаршалъ графъ Гнейзенау; его постигла одинаковая участь съ другомъ и сотоварищемъ по Наполеоновскимъ войнамъ графомъ Дибичемъ. Смерть Гнейзенау весьма опечалила императора Николая; онъ писалъ по этому случаю графу Паскевичу изъ Царскаго Села 26-го августа (7-го сентября) 1831 года.

«Прусская армія и мы всѣ сдѣлали невозвратную потерю въ фельдмаршалѣ Гнейзенау, который меня и Россію любилъ и видѣлъ спасеніе Европы и пользу Пруссіи въ короткой связи обоихъ государствъ».

Не напрасно императоръ Николай отзывался въ столь сочувственныхъ выраженіяхъ о героѣ войнъ за освобожденіе Германіи, никогда не забывавшемъ чувство признательности къ Россіи за жертвы, принесенныя ею въ 1813 году; во время польско-русской войны Гнейзенау искренно соболѣзновалъ о неудачахъ, постигшихъ русскую армію подъ предводительствомъ графа Дибича, и въ апрѣлѣ совѣтовалъ королю Фридриху-Вильгельму III немедленно вступить съ двумя корпусами въ Польшу, чтобы покончить съ возстаніемъ [1]).

Н. Шильдеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

правы черезъ Вислу, и получилъ благословеніе государя на совершеніе этого подвига. Однимъ словомъ, изъ этого разсказа оказывается, что переправа на нижней Вислѣ была придумана какъ нѣчто новое, не приходившее никому въ голову, равно какъ и продовольствованіе арміи изъ Пруссіи; въ дѣйствительности же подобный планъ дѣйствій былъ уже давно предначертанъ государемъ, и подготовительныя къ тому работы приведены въ исполненіе графомъ Дибичемъ.

[1]) Briefe des Feldmarschalls Grafen Gneisenau an seinen Schwiegersohn Wilhelm Scharnhorst.—Historische Zeitschrift. 1896.

Большинство напечатанныхъ въ этомъ историческомъ журналѣ писемъ графа Гнейзенау относятся къ 1831 году.

Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.

XXIII [1]).

1851 годъ.

Опрокинутыя сани.—Слова Николая I о герцогѣ Мекленбургъ-Стрелицкомъ.—Статья о Фанни Эльслеръ.—Князь Петръ Михайловичъ Волконскій.—Баронесса Фредериксъ.—Ударъ съ княземъ Чернышевымъ.—Праздники 1-го іюля.—Мостъ во Владимірѣ.—Генералъ-маіоръ Поливановъ.—Театръ въ Красномъ Селѣ.—Маневры.—Смерть Френа и Полѣнова.—Открытіе Московской желѣзной дороги.—Внезапное возвращеніе государя изъ путешествія.—Разсказы о Брестъ-Литовскомъ шоссе.—50-лѣтній юбилей графа Вронченко.—Варшавская желѣзная дорога.—Піеска „Чему быть, тому не миновать".—Пріемные дни русской аристократіи въ Парижѣ.—Присяга великаго князя Николая Николаевича.—Новыя правила для посѣтителей Публичной библіотеки.—Занятія, по волѣ государя, статсъ-секретаря барона Корфа съ великими князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами.—Разговоръ государя о Публичной библіотекѣ, о частныхъ коллекціяхъ, о Луи-Наполеонѣ, лордѣ Гренвиллѣ, драмѣ Кукольника „Денщикъ". о женахъ сосланныхъ по дѣлу 14-го декабря.

На масляницѣ, поздно вечеромъ, государь возвращался въ саняхъ въ Зимній дворецъ. Посереди Адмиралтейской площади, застроенной балаганами, его кучеръ неосторожно задѣлъ ѣхавшія мимо извощичьи сани, которыя опрокинулись. Первымъ движеніемъ государя было выскочить изъ своихъ и подбѣжать къ лежавшимъ на боку извозчичьимъ. «Не ушиблись ли вы?»—спросилъ онъ у поднявшихся уже на ноги сѣдока и извозчика. Первый, узнавъ тотчасъ спрашивавшаго, отвѣчалъ, что ему не сдѣлано никакого вреда, а послѣдній жаловался только на то, что

[1]) См. „Русскую Старину" іюнь 1900 г.

у его саней переломили оглобли. Между тѣмъ, государь, не полагаясь на повторенныя увѣренія сѣдока, что онъ нисколько не ушибся, заставилъ его, почти силою, сѣсть въ свои, царскія сани и ѣхать въ нихъ домой, а самъ пошелъ ко дворцу пѣшкомъ, велѣвъ извозчику слѣдовать за собою. Но послѣдній, тоже узнавъ, изъ словъ сѣдока, съ кѣмъ столкнулся, вмѣсто исполненія приказанія, со страху повернулъ въ другую сторону. На другой день, однако жъ, онъ, по приказанію государя, былъ отысканъ полиціею и приведенъ во дворецъ, гдѣ, за свою гривенную оглоблю получилъ—25 р. сер.

Опрокинутый сѣдокъ былъ родственникъ генералъ-адъютанта барона Мейендорфа, нѣкто Вольфъ, молодой человѣкъ, только-что выпущенный изъ школы. Но государь, усаживая его въ свои сани, не спросилъ, кто онъ таковъ, и обо всемъ этомъ случаѣ узнали уже на другой день, изъ разсказовъ самого Вольфа своимъ роднымъ.

Послѣ уже начатія повелѣнныхъ мнѣ занятій съ герцогомъ Мекленбургскимъ, я случайно встрѣтилъ государя, на обычной его пѣшеходной прогулкѣ. Остановясь со мною, онъ милостивѣе, кажется, чѣмъ когда-нибудь, пожалъ мнѣ руку со словами: «Спасибо за новую дружбу».—Затѣмъ, мимоходная наша бесѣда, хотя и на улицѣ, но при ярко-сіявшемъ полувесеннемъ солнцѣ (2-го марта) продолжалась минутъ пять, и государь, въ продолженіе ея, распространился съ похвалою о прекрасныхъ дарованіяхъ новаго моего ученика, о благородномъ его характерѣ, живомъ желаніи быть полезнымъ Россіи и пр.

Положеніе его,—сказалъ онъ, между прочимъ—трудное, ибо согласись, что благородному человѣку не легко отказаться отъ родины и посвятить себя новому отечеству, устроенному совсѣмъ на другихъ началахъ, но онъ, кажется, понялъ уже, что править Россіею, и теперь весь нашъ.

При такихъ разговорахъ на улицахъ, или въ саду [1]), государь всегда приказывалъ собесѣднику тотчасъ накрываться, хотя бы то было и лѣтомъ.

Если въ Петербургѣ танцовщица Фанни Эльслеръ всегда вызывала живой восторгъ, то въ Москвѣ, гдѣ она давала представленія въ продолженіе зимы съ 1850-го на 1851-й годъ, этотъ восторгъ достигъ совершеннаго неистовства, переступившаго даже предѣлы приличія. Такъ, изъ-подъ ея экипажа выпрягали лошадей и возили на себѣ, при чемъ

---

[1]) Бывъ имъ удостоиваемъ весьма часто, я вношу сюда, разумѣется, только тѣ, которые могутъ служить въ какомъ-нибудь отношеніи къ характеристикѣ императора Николая.

должностныя лица садились на козлы, на запятки и т. п. Петербургская публика знала, что такія неумѣстныя выходки возбудили большое неудовольствіе государя, но что впрочемъ выраженію ихъ не препятствовали оффиціально. Вдругъ, въ «Сѣверной Пчелѣ» (21-го марта № 64), появились стихи, порицавшіе и осмѣивавшіе эту восторженность, но въ такомъ тонѣ и съ такой точки зрѣнія, которые мнѣ представились почти столько же неумѣстными, какъ и сама та восторженность. Въ городѣ говорили, что эти стихи напечатаны—по Высочайшему повелѣнію; но какъ высшему нашему Цензурному комитету (2-го апрѣля 1848 г.) ничего не было дано о томъ знать, то я и счелъ, по обязанности его предсѣдателя, противнымъ долгу нашего призванія удержаться отъ представленія государю замѣчаній о неприличіи сихъ стиховъ. Въ Комитетѣ, по предложенію моему, состоялся слѣдующій журналъ.

«Комитетъ, по разсмотрѣніи напечатанныхъ въ «Сѣверной Пчелѣ» стиховъ, подъ заглавіемъ: «Отрывокъ изъ Московской жизни», нашелъ, что, содержа въ себѣ, можетъ статься, и справедливое, но весьма, однако же, рѣзкое порицаніе всего московскаго населенія, по случаю преувеличеннаго чествованія Фанни Эльслеръ, они едва-ли могутъ быть признаны приличными въ томъ отношеніи, что сравниваютъ и какъ бы ставятъ въ параллель преходящія похвалы нѣсколькихъ восторженныхъ лицъ съ тѣми общими, священными чувствами вѣрноподданнической любви и преданности, за которыя вся Москва удостоивалась всегда изъявленій монаршаго благоволенія.

«Считая, что включеніе въ напечатанные для публики стихи подобнаго сравненія не можетъ не быть огорчительно для самой большей части московскихъ жителей, не участвовавшихъ въ этихъ смѣшныхъ изліяніяхъ восторга, и потому неумѣстно, комитетъ долгомъ признаетъ такое заключеніе свое повергнуть на Высочайшее воззрѣніе».

Слухи городскіе оказались справедливыми. Журналъ нашъ возвратился съ слѣдующею надписью государя, не показывавшею, впрочемъ, никакого неудовольствія на комитетъ: «Напечатано съ моего дозволенія, какъ полезный урокъ за дурачества части Московскихъ тунеядцевъ».

На другой день, графъ Орловъ, по докладу котораго разрѣшено было напечатать стихи, разсказалъ мнѣ, что государь пенялъ ему за непредвареніе нашего Комитета, что они будутъ напечатаны по его волѣ.

— За то—прибавилъ государь—Комитетъ порядкомъ погонялъ меня!

Черезъ присоединеніе Публичной библіотеки къ составу министер-

ства императорскаго двора, я имѣлъ случай болѣе сблизиться съ начальникомъ этого министерства, княземъ Петромъ Михайловичемъ Волконскимъ, котораго до тѣхъ поръ зналъ болѣе, только по его прежнимъ служебнымъ подвигамъ и по обществу, и весьма мало по дѣловымъ сношеніямъ. Этотъ примѣчательный, историческій старецъ, котораго современная публика не очень жаловала за брюзгливость и еще болѣе за скупость, забывая, что онъ скупится не на свои, а на царскія деньги, тотчасъ приковалъ къ себѣ все мое вниманіе, все глубокое уваженіе. Несмотря на жестокую болѣзнь, выдержанную имъ въ 1845-мъ и 1846-мъ годахъ, и которую всѣ врачи признавали въ то время безусловно смертельною, онъ до такой степени оправился и ожилъ, что въ 1850-мъ нельзя было замѣтить слѣдовъ этой болѣзни ни въ физическомъ, ни въ моральномъ отношеніи. Онъ былъ бодръ тѣломъ и духомъ до невѣроятности, и чудесную, часто удивлявшую меня память, сохранилъ до самой своей кончины. Пріѣзжая къ нему часовъ въ 10 утра и ранѣе, я всегда заставалъ его уже не только одѣтымъ, но даже въ мундирѣ, и всегда за бумагами. Взглядъ его на предметы, изощренный многолѣтнею опытностью и проходившею черезъ его руки массою важнѣйшихъ и разнообразнѣйшихъ дѣлъ, былъ необыкновенно ясенъ; онъ понималъ и обнималъ все съ перваго слова, почти прежде, нежели это слово было вполнѣ выговорено; между тѣмъ давалъ докладывающему высказаться, внимательно выслушивалъ, разсуждалъ, не перебивая и не смѣшивая предметовъ, и хотя обыкновенно начиналъ съ отказа, особливо когда дѣло шло о новой издержкѣ, но потомъ склонялся на убѣжденія, или побѣдно отвѣчалъ на нихъ самыми логическими возраженіями; словомъ, работать съ нимъ было истиннымъ наслажденіемъ. Врагъ, и въ себѣ и въ другихъ, всякаго пустословія, всякаго фразерства, жеманства, всего напыщеннаго, привыкнувъ при множествѣ его занятій дорожить временемъ, онъ прямо шелъ къ корню, къ основѣ дѣла, и бумаги его отличались такимъ лаконизмомъ, которому, при нашей бюрократической плодовитости, не встрѣчалось примѣра ни въ какомъ другомъ вѣдомствѣ. Рѣдкая изъ нихъ переходила на вторую страницу. Но, потому же самому, ненавидя всякое шарлатанство и все не относившееся прямо къ дѣлу, онъ требовалъ такой же сжатости и отъ другихъ. Лоскъ и блестки редакціи не производили на него никакого дѣйствія: чѣмъ короче и проще, тѣмъ лучше, хотя бы являлся одинъ сухой скелетъ. Человѣкъ дѣла и практики, Волконскій былъ далекъ отъ всякой идеологіи; но, впрочемъ, въ то время, когда я ближе узналъ его, и отъ всякаго энтузіазма. Здраваго ума, логики, разсудительности, всего этого было въ немъ пропасть, но жестоко ошибся бы тотъ, кто сталъ бы искать или старался бы возбудить въ немъ огонь, воодушевленіе, поэзію мысли: онъ былъ холоденъ, какъ воплощенный

опытъ. При краткости и сжатости формъ изложенія, распространявшейся у него равно и на бумаги, и на изустную работу, князь успѣлъ отправленіе дѣлъ по своему министерству довести до изумительной степени быстроты, хотя почти по каждому изъ нихъ требовался предварительный докладъ государю, и хотя каждую бумагу, была ли она изъ Государственнаго Совѣта, или отъ простаго мужика, онъ непремѣнно самъ прочитывалъ всю, отъ начала до конца. Едва проходилъ одинъ день, много два, отъ представленія или вопроса, и уже являлся отвѣтъ, съ изъясненіемъ испрошенной имъ высочайшей воли. Наконецъ, что касается до внѣшняго обращенія князя, то оно было очень просто, также безъ фразъ, нѣсколько даже холодно, но вообще вѣжливо. На то, что называется представительностію, онъ, несмотря на длинную, безконечную опытность, и, казалось бы, привычку, не былъ сроденъ и даже нѣсколько затруднялся при появленіи передъ большимъ числомъ людей.

Какъ Сперанскій любилъ цвѣты, какъ Васильчиковъ былъ страстный любитель охоты и лошадей, какъ Голицынъ окружалъ себя милліономъ табакерокъ, такъ и Волконскій имѣлъ свою страсть—часы, карманные, столовые, стѣнные и пр. При немъ самомъ всегда находилось ихъ трое: одни въ перстнѣ на рукѣ, или иногда въ мундирной пуговицѣ, и по однимъ въ каждомъ жилетномъ карманѣ; а утромъ, вставъ, первымъ дѣломъ его было собственноручно завести часы, всѣхъ видовъ и размѣровъ, разсѣянные по его комнатамъ, числомъ около тридцати. Припомнивъ, однако, что цѣлая жизнь старика была всегда поглощена службою, и что даже и тогда еще, несмотря на свои 76 лѣтъ [1]), онъ продолжалъ работать какъ поденщикъ, легко можно было помириться съ этою невинною странностію.

Одинъ важный упрекъ, который останется на памяти Волконскаго, состоитъ въ томъ, что онъ не велъ своихъ записокъ, или не заставлялъ, по крайней мѣрѣ, другихъ записывать о всемъ, происходившемъ передъ его глазами, или проходившемъ черезъ его руки. Проведя всю жизнь при дворѣ и почти неотлучно при лицѣ двухъ монарховъ, сложившихъ исторію цѣлаго полувѣка; начальникъ Главнаго штаба въ 1812-мъ году; спутникъ Александра во всѣхъ его побѣдныхъ шествіяхъ и мирныхъ поѣздкахъ; свидѣтель его кончины; 25-ть лѣтъ министръ Николаева двора. . . . . Какая полная, обильная событіями и предметами для наблюденій жизнь; сколько воспоминаній, сколько анекдотовъ! И между тѣмъ, все это исчезло со смертію дѣйствователя, не оставивъ никакого слѣда для исторіи [2]).

---

[1]) Князь скончался въ 1852-мъ году 77-ми лѣтъ.

[2]) Здѣсь надо, впрочемъ, сказать, что князь каждый день записывалъ

6-го декабря 1850 года доблестный нашъ старецъ достигъ высшей цѣли давнишнихъ своихъ стремленій, осуществленія мечты, тревожности которой онъ не скрывалъ отъ приближенныхъ. Князь былъ пожалованъ въ генералъ-фельдмаршалы. Императоръ Николай снисходительно приникъ къ послѣднему желанію вѣрнаго своего слуги и, наканунѣ своего тезоименитства, самъ принесъ ему фельдмаршальскій жезлъ. 8-го числа новому фельдмаршалу представлялся, въ Гербовой залѣ Зимняго дворца, весь гвардейскій корпусъ, подъ начальствомъ наслѣдника цесаревича и съ прочими великими князьями въ своихъ рядахъ. Все это безмѣрно радовало Петра Михайловича, переносившагося тутъ въ старину, когда, въ званіи начальника главнаго штаба, онъ находился во главѣ арміи. Вскорѣ затѣмъ, по всему придворному вѣдомству предписано было, въ рапортахъ, представленіяхъ и пр., его свѣтлости вмѣсто прежняго заголовка: господину министру императорскаго двора, писать впредь: господину генералъ-фельдмаршалу, министру императорскаго двора....

Въ апрѣлѣ 1851 года, въ самый день тезоименства императрицы, Волконскому, по случаю одного новаго назначенія ко двору, показалось, что государь хочетъ поставить его на очную ставку съ однимъ изъ его подчиненныхъ. Онъ глубоко симъ оскорбился и, въ первомъ волненіи, на другой день рано отправилъ слѣдующее письмо, котораго содержаніе осталось тайною для всѣхъ, кромѣ самого государя и лица, изложившаго, со словъ князя, это письмо, послѣ впрочемъ собственноручно имъ переписанное.

«Прослуживъ 57 лѣтъ, въ томъ числѣ 25 при лицѣ вашего императорскаго величества, съ чистымъ усердіемъ и, благодаря Бога, съ неукоризненною совѣстію, я, во все продолженіе многолѣтней моей службы, руководствовался однимъ чувствомъ—безпредѣльною преданностію къ моимъ государямъ и ревностнымъ исполненіемъ возлагаемыхъ ими на меня обязанностей. Воля вашего величества всегда была для меня священнѣйшимъ закономъ, второю моею религіею. Чуждый всякаго лицепріятія, я слѣдовалъ ей неуклонно, и смѣю сказать, съ самоотверженіемъ, и былъ столько счастливъ, что вы, всемилостивѣйшій государь, постоянно удостоивали меня высочайшаго вашего благоволенія. Осыпанный милостями вашими, я былъ наконецъ возведенъ на высшую степень государственныхъ званій. Мнѣ оставалось только усугубить послѣднія, при преклонныхъ лѣтахъ моихъ, силы, чтобы заслужить вполнѣ эту великую монаршую милость и скончать остатокъ дней моихъ у

что-то въ памятную книжку, которую тотчасъ пряталъ въ столъ, когда кто-нибудь входилъ въ комнату; но это что-то, какъ одному приближенному удалось раза два подмѣтить, относилось главнѣйше и едва-ли не исключительно до службы.

подножія вашего престола. Но внезапный гнѣвъ вашего величества, въ которомъ, къ жестокому прискорбію, выразилась для меня и потеря довѣренности вашей, каковою столько лѣтъ имѣлъ я счастіе пользоваться, глубоко потрясъ мою душу. Лишаясь этого драгоцѣннаго достоянія со вредомъ для самой службы, я нахожусь вынужденнымъ всеподданнѣйше просить ваше императорское величество объ увольненіи меня отъ управленія высочайше ввѣреннымъ мнѣ министерствомъ».

Что же сдѣлалъ государь? Онъ въ ту же минуту самъ поспѣшилъ къ князю, объяснилъ причины и истинный смыслъ своего дѣйствія, расцѣловалъ его и, объявивъ, что только смерть можетъ ихъ разлучить, тутъ же разорвалъ принесенное съ собою письмо Волконскаго. Старикъ, увлеченный только первою вспышкою, разумѣется, не могъ остаться холоднымъ къ такимъ изъявленіямъ милости и—все было забыто!

Жена оберъ-шталмейстера, статсъ-дама баронесса Цецилія Владиславовна Фредериксъ, жестоко прохворала весь апрѣль, и внутренній ракъ, или какой-то подобный тому недугъ подвергнулъ ее всѣмъ пыткамъ соединеннаго петербургскаго факультета, даже и самымъ мучительнымъ операціямъ. Внимательность государя и императрицы окружала ее всѣми возможными попеченіями и ласками, и ничто не помогло! Государь, передъ самымъ отъѣздомъ своимъ въ Варшаву [1]) успѣлъ еще заѣхать проститься съ нею. Спустя нѣсколько часовъ, страданія ея окончились на вѣки.

Баронесса Фредериксъ, урожденная графиня Гуровская, сестра извѣстнаго политическаго писателя, полька и католичка [2]), принявшая позже православную вѣру, принадлежала къ современной исторіи нашего двора. Воспитанная вмѣстѣ съ императрицею, будучи старше ея только нѣсколькими годами, она была ближайшимъ ея другомъ дотого, что въ своемъ кругу онѣ называли себя «ты» и «ты». Женщина добрая, со всѣми вѣжливая, всѣмъ доступная, не отказывавшая по возможности никому въ помощи, особенно же не дѣлавшая никому преднамѣренно зла,—свойство столь важное въ приближенныхъ ко двору,—она пользовалась общею любовію и потому уже, что была отраженіемъ боготворимой нашей императрицы. Мужъ ея, нѣкогда командиръ лейбъ-гвардіи Московскаго полка и едва-ли не умерщвленный бунтовщиками 14-го декабря 1825 года, былъ тоже человѣкъ добрый, но котораго жена всю жизнь влекла, съ ступени на ступень, за торжественною своею колесницею. Анекдотовъ о немъ ходило по городу множество.

---

[1]) Государь уѣхалъ въ Варшаву въ ночь съ 28-го на 29-е апрѣля, вслѣдъ за императрицею, которой такъ понравилось пребываніе тамъ въ предшедшую осень, что она рѣшилась повторить снова свою поѣздку весною 1851 г.

[2]) Императоръ Александръ II исправилъ: „протестантка".

Встрѣтясь со мною, за нѣсколько дней до кончины своей жены, онъ просилъ меня, какъ опытнаго заграничнаго туриста, составить ему смѣту для поѣздки въ Киссингенъ, «comme il avait l'intention d'y aller dès la mort de sa femme» [1]). Вслѣдъ за этимъ, я свидѣлся гдѣ-то съ оберъ-гофмаршаломъ графомъ Шуваловымъ и не утерпѣлъ, чтобы не передать ему этой черты супружеской нѣжности.

— Eh bien—отвѣчалъ графъ—cela ne m'étonne guère, parce qu'hier encore j'ai reçu de sa part une lettre sinon officielle, du moins officieuse, ou il me demande s'il peut espérer qu'après la mort de sa femme on lui conservera l'appartement de la cour, qu'ils avaient occupé ensemble a Tsarskoé Selo [2])!

Лѣтніе мѣсяцы 1851 года я провелъ, для здоровья моей жены, за границею, и потому все, происходившее на родинѣ, становилось мнѣ извѣстнымъ только изъ писемъ моихъ корреспондентовъ. Вотъ перечень главныхъ фактовъ, совершившихся во время моего отсутствія изъ столицы.

Съ княземъ Чернышевымъ сдѣлался ударъ, уже не первый въ его жизни, но сильнѣйшій прежнихъ. При одномъ изъ личныхъ докладовъ его государю, у него отнялся языкъ. Немедленное кровопусканіе спасло ему жизнь, но не могло вполнѣ возстановить силъ, и его отвезли лѣчиться въ Киссингенъ.

1-е іюля было праздновано въ Петергофѣ разными воинскими торжествами минованіе 25 лѣтъ отъ назначенія императрицы шефомъ Кавалергардскаго полка.

Къ этому дню, весь корпусъ офицеровъ, прежнихъ и находившихся еще въ полку; поднесъ ей великолѣпнѣйшій альбомъ, съ разными живописными изображеніями, относящимися до исторіи полка и пр., въ серебряномъ ковчегѣ и переплетѣ, за которые извѣстному нашему художнику Сазикову заплачено 15.000 р. сер. Но наградъ по полку не было никакихъ и причину такой невзгоды приписывали дуэли, бывшей, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, между двумя молоденькими офицерами, почти мальчиками, графомъ Гендриковымъ и барономъ Розеномъ. Послѣ обѣда, они повздорили между собою, и ссора кончилась тѣмъ, что Розенъ

---

[1]) Такъ какъ онъ имѣлъ намѣреніе туда ѣхать послѣ смерти своей жены.

[2]) Итакъ—отвѣчалъ графъ.—Это меня не удивляетъ, потому, что вчера я еще получилъ отъ него письмо, если не оффиціальное, то по крайней мѣрѣ услужливое, гдѣ онъ спрашиваетъ меня, можетъ ли онъ надѣяться, что послѣ смерти своей жены, ему оставятъ помѣщеніе во дворцѣ, которое они вмѣстѣ занимали въ Царскомъ Селѣ.

всадилъ Гендрикову пулю въ голову,—рана, отъ которой послѣдній умеръ, спустя нѣсколько дней, въ жестокихъ страданіяхъ.

Въ Владимірѣ, при крестномъ ходѣ, провалился только-что оконченный новый мостъ и въ паденіи своемъ увлекъ множество людей, слѣдовавшихъ за процессіею. Изъ числа ихъ до 150 человѣкъ погибло на мѣстѣ и еще болѣе значительное число было изувѣчено.

Въ московской коммиссаріатской коммиссіи обнаружились какіе-то безпорядки и недостатокъ суммъ, вслѣдствіе чего начальникъ ея, генералъ-маіоръ Поливановъ, былъ отданъ подъ судъ. Прикосновенность подсудимаго къ дѣлу оказалась, однако жъ, неважною, и государь простилъ его; но пока курьеръ везъ извѣстіе о томъ въ Москву, Поливановъ, не дождавшись его, застрѣлился [1]).

Для развлеченія офицеровъ въ Красносельскомъ лагерѣ, устроенъ былъ тамъ, по представленію наслѣдника цесаревича, временный театръ, на который пріѣзжали играть артисты императорскихъ театровъ. Эти спектакли, довольно часто повторявшіеся, открылись впервые «Бѣлою Камеліею», прелестною пьескою, сочиненною братомъ жены моей, надѣлавшею въ предшедшую зиму настоящій furore въ С.-Петербургѣ и Москвѣ и въ особенности очень понравившеюся при дворѣ.

Красносельскими маневрами командовалъ въ это лѣто, съ одной стороны, графъ Ридигеръ, знаменитый покоритель Гергея. Государь былъ въ совершенномъ восхищеніи отъ искусныхъ его распоряженій и эволюцій и тѣмъ опять поднялъ старика, который, отъ малаго знанія дѣлъ и языка, погибалъ совершенно безмолвнымъ членомъ въ Государственномъ Совѣтѣ, не успѣвъ при томъ стяжать благоволенія къ себѣ князя Чернышева, постоянно обходившагося съ нимъ почти какъ съ мальчикомъ.

Въ теченіе лѣта, всемогущая смерть не коснулась ни одного изъ государственныхъ нашихъ сановниковъ, но унесла много людей, пользовавшихся извѣстностію въ другихъ отношеніяхъ. Умерли, между прочимъ, въ глубокой старости, два труженика науки: знаменитый оріенталистъ Френъ, слава нашей Академіи наукъ и одинъ изъ самыхъ ревностныхъ ея дѣятелей, и тайный совѣтникъ Полѣновъ, много писавшій и еще болѣе работавшій про себя надъ собираніемъ матеріаловъ для нашей исторіи XVIII вѣка. Въ послѣднее время, онъ управлялъ всѣми архивами министерства иностранныхъ дѣлъ, и, сверхъ того, послѣ назначенія князя Шихматова министромъ, былъ назначенъ на его мѣсто предсѣдателемъ русскаго отдѣленія Академіи наукъ. Сверхъ того, умерли: живописецъ Егоровъ, одна изъ первыхъ артистическихъ нашихъ знаменитостей, особенно по живописи образовъ; президентъ медико-

[1]) Императоръ Александръ II замѣтилъ: „Выдумка, онъ и доселѣ живъ".

хирургической академіи Шлегель и архитекторъ Ефимовъ, составившій планъ для учрежденнаго въ то время въ Петербургѣ Ново-Воскресенскаго женскаго монастыря и погребенный подъ основаніями возникавшаго его произведенія.

Но важнѣйшимъ событіемъ этого періода времени было открытіе С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги, на первый разъ для императорской фамиліи. Разумѣется, что по всему ея протяженію сперва нѣсколько разъ проѣхали: графъ Клейнмихель и, частію, даже оберъ-гофмаршалъ графъ Шуваловъ и лейбъ-медикъ Мандтъ, чтобы удостовѣриться, каждому по своей части, будетъ ли покоенъ проѣздъ для императрицы. 18-го августа, вечеромъ, она прибыла на Петербургскую станцію и провела ночь въ предназначенномъ для нея вагонѣ, состоявшемъ изъ трехъ изящно убранныхъ комнатъ, съ каминомъ, съ кухнею, погребомъ и ледникомъ. Поѣздъ, въ которомъ находились также государь, цесаревичъ съ супругою и двумя старшими своими сыновьями и оба младшіе великіе князя [1]), тронулся 19-го числа въ 4-мъ часу утра, сначала очень медленно, чтобы не потревожить сна императрицы. Въ движеніи своемъ этотъ поѣздъ былъ неоднократно останавливаемъ государемъ для обозрѣнія разныхъ работъ желѣзной дороги и, сверхъ того, подвергся задержкѣ отъ нелѣпости одного изъ строителей, которому вздумалось, для украшенія какого-то моста, выкрасить идущіе по немъ рельсы масляною краскою [2]), отъ чего, несмотря на все напряженіе паровъ, колеса вертѣлись безплодно, нисколько не подвигая локомотива, пока успѣхи отскоблить краску... Во многихъ пунктахъ дороги все окрестное населеніе стекалось къ ней, чтобы полюбоваться на царскую фамилію, впервые катящуюся по желѣзнымъ колеямъ изъ одной своей столицы въ другую. Но въ самой Москвѣ, отъ поздняго прихода поѣзда, родилась страшная сумятица. Неизвѣстно почему, разсчитали, что путешественники должны пріѣхать непремѣнно въ 7 часовъ вечера, и съ этого часа весь городъ ждалъ у станціи. Но пробило уже 8 и 9, а ихъ все еще нѣтъ; безпокойство и нетерпѣливость перешли въ волненіе. Толпа вообразила себѣ, что случилось какое-нибудь несчастіе. Стали кричать: «нѣтъ государя; уходили его злодѣи!» Шумъ все возрасталъ и принималъ почти размѣры бунта, какъ наконецъ въ 11 часовъ появился поѣздъ. Тогда не было предѣла восторгу. Выйдя изъ вагона, государь, въ виду всѣхъ перекрестясь и обнявъ Клейнмихеля, направился прямо къ часовнѣ Иверской Божіей Матери и пріѣхалъ въ Кремлевскій дворецъ уже въ первомъ часу ночи.

---

[1]) Императоръ Александръ II къ этому прибавилъ, что здѣсь же находились: „Великая княгиня Ольга Николаевна съ своимъ супругомъ и герцогъ Веймарскій, сынъ великой княгини Маріи Павловны съ своей супругой".

[2]) Императоръ Александръ II исправилъ: „посыпать рельсы пескомъ".

Двадцатипятилѣтіе коронованія, 22-го августа, подобно двадцатипятилѣтію царствованія, не отличалось ничѣмъ особеннымъ при дворѣ. Государь еще прежде объявилъ, что ѣдетъ въ Москву молиться и благодарить Бога, а не веселиться, чѣмъ и объяснялось отсутствіе наградъ и всякихъ придворныхъ празднествъ. Вообще, во все это пребываніе въ Москвѣ императорскаго дома, было только два бала: у князя Сергія Михайловича Голицына и у военнаго генералъ-губернатора, графа Закревскаго.

Молебствіе, совершенное 22-го августа въ Успенскомъ соборѣ, рѣчь митрополита Филарета и пр., какъ описанное въ газетахъ, не можетъ имѣть здѣсь мѣста; но о чемъ умолчали газеты, это о несчастіи, случившемся на желѣзной дорогѣ, на самыхъ первыхъ порахъ. Пока государь оставался въ Москвѣ, происходило по этой дорогѣ постоянное движеніе фельдъегерей; но, за неокончаніемъ еще вполнѣ втораго ряда рельсовъ, петербургскій имѣлъ приказаніе отправляться въ путь каждый разъ не прежде прибытія московскаго. Это правило было, однакожъ, нарушено, и около Клина два поѣзда въ туманную погоду столкнулись на всемъ ходу, такъ что нѣсколько человѣкъ машинистовъ и кочегаровъ легло на мѣстѣ. Вину въ этомъ одно вѣдомство слагало на другое. Дѣло, впрочемъ, осталось безъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

Въ началѣ сентября, государь уѣхалъ изъ Москвы, для обозрѣнія войскъ, въ Луцкъ, Елисаветградъ и Кіевъ, а императрица, съ остальными членами своего дома, возвратилась въ Царское Село, снова тѣмъ же путемъ.

Открытіе желѣзной дороги для публики [1]), за тѣмъ же неокончаніемъ еще втораго ряда рельсовъ, равно какъ нѣкоторыхъ станціонныхъ домовъ и пр. могло послѣдовать не прежде 1-го ноября. Много ли будетъ охотниковъ прокатиться по новой дорогѣ? спрашивали въ городѣ въ ожиданіи этого событія, и вездѣ почти слышался одинъ отрицательный отвѣтъ [2]). Съ одной стороны, пугали всѣхъ не собственно желѣзная дорога, а образъ ея устройства и движенія по ней въ Россіи, гдѣ столь многое предоставляется любимому нашему а в о с ь. Съ другой стороны, въ изданномъ тогда же Положеніи, являлись разныя стѣсненія, не только противныя порядку, заведенному вездѣ въ Европѣ, но и мало соотвѣтственныя свойству и назначенію желѣзныхъ дорогъ вообще. Отъ каждаго пассажира требовались и формальный паспортъ и свидѣтельство полиціи на безпрепятственный выѣздъ; всѣмъ надле-

---

[1]) Но еще не для товарныхъ поѣздовъ, которые стали отправляться лишь съ 11-го числа.

[2]) Возвратясь изъ-за границы еще въ началѣ сентября, я въ это время давно уже былъ въ Петербургѣ.

жало быть на станціи за часъ до отправленія поѣзда, а пожитки свои привозить туда за два часа; запрещалось курить не только въ вагонахъ, но и на остановочныхъ пунктахъ и пр.

— Прибавьте къ этому—толковали въ городѣ—поспѣшность, съ которою устроена дорога, неопытность кондукторовъ и прочей прислуги, всю вѣроятность ихъ пьянства и всякихъ отъ нихъ грубостей, и согласитесь, что, въ первое по крайней мѣрѣ время, мало кто отважится на такую головоломную и окруженную столь многими непріятностями поѣздку!

По городу разнесся даже анекдотъ, разумѣется вымышленный, будто бы два министра, которыхъ взаимная ненависть была всѣмъ извѣстна, находя, что обоимъ вмѣстѣ нельзя долѣе жить на свѣтѣ, но считая, однакоже, неприличнымъ ихъ званію и лѣтамъ кончить дѣло поединкомъ на животъ или на смерть, рѣшились бросить узелокъ, кому изъ нихъ трижды прокатиться по новой дорогѣ между столицами.

Несмотря на все это, та же публика, наканунѣ первой поѣздки, утверждала, что за требованіемъ билетовъ явилось до полутора тысячи человѣкъ, но что самой большей части было отказано, такъ какъ поѣздъ беретъ съ собою, въ одинъ разъ, не болѣе трехсотъ пассажировъ. И это все были одни празднословные вымыслы.

Первый поѣздъ долженъ былъ отправиться изъ С.-Петербурга и изъ Москвы одновременно, въ 11-ть часовъ. Ненастное и темное, почти какъ ночь, утро не помѣшало огромнымъ массамъ народа столпиться къ этому времени на станціи и вокругъ нея. То же самое происходило и въ Москвѣ, гдѣ любопытство возбуждено было еще въ высшей степени, ибо у насъ, по опыту сообщенія съ Царскимъ Селомъ и Павловскомъ, по крайней мѣрѣ знали уже давно, что такое желѣзная дорога, а тамъ она представлялась совершенною новизною. Публика ждала молебствія или освященія новаго пути, но ихъ не было, за совершеніемъ уже этого обряда передъ царскою поѣздкою.

— Да и зачѣмъ служить молебенъ?—говорили остряки,—скорѣе придется отслужить въ Москвѣ панихиду!

Наконецъ, вмѣсто 11-ти часовъ, поѣздъ, подъ предлогомъ новости дѣла, тронулся въ 20 минутъ 12-го и достигъ мѣста назначенія совершенно благополучно, но тоже, вмѣсто 5-ти часовъ утра, какъ слѣдовало по положенію, только въ 9-ть [1]). Московскій поѣздъ, съ своей стороны, двинулся тоже въ 12-мъ часу и прибылъ сюда въ половинѣ 10-го. Пассажировъ на этотъ разъ было, по соразмѣрности, конечно, немного и съ обѣихъ сторонъ почти равное число. Изъ Петер-

[1]) Напечатанное Положеніе назначало для переѣзда 18-ть часовъ; но этотъ срокъ, съ перваго же дня, увеличенъ до 22-хъ.

бурга выѣхало: на первыхъ мѣстахъ 17, на вторыхъ 63 и на третьихъ 112, всего 192; изъ Москвы же пріѣхало всѣхъ 134. Въ противность предсказаніямъ скептиковъ, все оказалось прекраснымъ: и вагоны, и станціонные дома, и прислуга. Цѣны были опредѣлены съ перваго дня слѣдующія: за первое мѣсто 19, за второе 13, за третье 7 руб. сер.

Такимъ образомъ, въ теченіе менѣе года, совершились два огромныя событія, одно многознаменательное для Сѣверной столицы, другое и для нея, и для Москвы, и для цѣлой Россіи: открытіе Благовѣщенскаго моста, отнинувшее всѣ ужасы весеннихъ и осеннихъ сообщеній черезъ Неву въ область преданій, и открытіе С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги, перенесшее, какъ нѣкогда, при первой мысли о томъ, выразился императоръ Николай, Москву въ Кронштадтъ и обратно.

Послѣ всѣхъ исполинскихъ подвиговъ славнаго царствованія, это былъ достойный вѣнецъ его двадцатипятилѣтія!

По возвращеніи моемъ изъ-за границы, я 23-го сентября былъ приглашенъ императрицею къ обѣду въ Царское Село. Государь, какъ я уже писалъ, въ началѣ этого мѣсяца поѣхалъ въ Луцкъ, Елисаветградъ и Кіевъ, и по маршруту ожидали его возвращенія только черезъ день, т. е. 25-го числа. За столомъ, сверхъ императрицы, цесаревича и его супруги, находились: министръ двора князь Волконскій, генералъ-адъютантъ графъ Паленъ, прусскій министръ Роховъ и я, всего семь человѣкъ; но оставался еще пустымъ восьмой приборъ, поставленный для великаго князя Константина Николаевича, который только передъ самымъ обѣдомъ прислалъ сказать, изъ Павловска, что почему-то не можетъ быть. Итакъ мы сѣли, кончили устерсы и супъ и уже принимались за говядину, какъ вдругъ тихо отворилась задняя дверь во внутреннія комнаты и изъ нея выглянулъ—государь, котораго, хотя онъ обыкновенно предупреждалъ маршрутные сроки, въ эту именно минуту никто не ожидалъ. Императрица вспорхнула, какъ птичка, съ своего мѣста, и всѣ мы, разумѣется, тоже тотчасъ вскочили изъ-за стола. Пошли семейныя объятія, разспросы, точно въ частномъ быту; прибѣжали немедленно и дѣти цесаревича и повисли на шеѣ у дорогаго дѣдушки... Впервые еще случилось мнѣ быть свидѣтелемъ такой фамильной сцены въ царственномъ домѣ, и передъ величественною простотою этой картины я едва могъ удержаться отъ слезъ. Рохова, проведшаго лѣто на франкфуртскомъ сеймѣ, государь также обнялъ, а намъ, остальнымъ, ласково поклонился, назвавъ каждаго поименно. Потомъ сѣли опять за столъ, накрытый, какъ я уже сказалъ, будто нарочно на восьмерыхъ. Хозяинъ, какъ былъ, въ дорожномъ сюртукѣ, помѣстился возлѣ хозяйки, мы спустились каждый ниже на одинъ при-

боръ, и обѣдъ начался съизнова. Государь казался чрезвычайно утомленнымъ и прямо въ томъ сознавался, разсказывая, что всего только четверо сутокъ съ четырьмя часами какъ выѣхалъ изъ Елисаветграда, да и изъ этого времени однѣ сутки провелъ еще въ Кіевѣ.

— Гдѣ не было шоссе и по пескамъ—говорилъ онъ,—мы (т. е. онъ съ графомъ Орловымъ) никакъ не успѣвали сдѣлать въ сутки болѣе 340 верстъ; но на шоссе, какъ посмотрѣли сегодня при утреннемъ чаѣ сколько проѣхали отъ вчерашняго, т. е. въ 24 часа, вышло 480 верстъ.

Боже мой! подумалъ я, какая безпрерывная нить опасностей для этой дорогой жизни! И когда каждый изъ насъ, послѣ такого полета и стольких безсонныхъ ночей, тотчасъ залегъ бы спать, этотъ человѣкъ, составлявшій во всемъ изъятіе, едва сѣвъ за столъ, послалъ фельдъегеря въ Павловскъ сказать Константину Николаевичу, чтобы отнюдь не пріѣзжалъ самъ, а ждалъ бы его.

— Quand nous nous leverons de table—прибавилъ онъ—et que je me serai décrassé et rasé, j'irai embrasser la nouvelle-née (родившуюся въ его отсутствіи великую княжну Ольгу Константиновну) et la maman.

Разговоръ за столомъ носилъ на себѣ, однакожъ, явные слѣды усталости новопріѣзжаго. Государь коротко разспрашивалъ о Царскосельскомъ и Павловскомъ обществѣ того сезона, о тамошнихъ увеселеніяхъ, о томъ, гдѣ Паленъ и я провели лѣто за границею, о здоровьи князя Чернышева и фельдмаршала князя Варшавскаго, котораго въ Луцкѣ, при смотрѣ, ушибла лошадь; но не входилъ самъ ни въ какіе подробные разсказы и не предлагалъ также тѣхъ плодотворныхъ вопросовъ, которыми такъ всегда умѣлъ поддерживать бесѣду. Замѣтно было, впрочемъ, изъ его словъ, что онъ въ эту поѣздку остался чрезвычайно доволенъ тремя вещами: 1) осмотрѣнными имъ войсками; 2) новымъ Московско-Бобруйскимъ шоссе, которому, какъ онъ тутъ же отозвался, «никогда подобнаго не видывалъ, а лучшаго, конечно, никогда и не увидитъ», 3) весьма уже далеко подвинувшимся въ то время постояннымъ мостомъ черезъ Днѣпръ у Кіева. Обѣдъ шелъ чрезвычайно скоро; государь кушалъ очень мало, а за нимъ спѣшили или отказывались и другіе; послѣ же стола тотчасъ подали кофе, а за нимъ, почти въ ту же минуту, безъ всякихъ дальнѣйшихъ разговоровъ, послѣдовалъ и прощальный поклонъ.

Поѣздка эта, какъ я слышалъ послѣ отъ имѣвшихъ случай часто видѣть государя, если и утомила его болѣе обыкновеннаго тѣлесно, то чрезвычайно оживила его духъ, въ которомъ, въ послѣднее передъ нею время, замѣчали какую-то особенную мрачность, или, что̀ называется, mauvaise humeur. Проявленіе этого дурнаго расположенія духа преимущественно обнаруживалось всегда, когда шло дѣло о заграничныхъ отпускахъ, въ разрѣшеніи которыхъ, кромѣ значительнаго возвышенія

цѣнъ за паспорты (250 р. для здоровыхъ и 100 р. для больныхъ), онъ снова сдѣлался въ это время строже и разборчивѣе, чѣмъ когда-либо. Одному богатому, неслужащему курляндцу, съ родни мнѣ, который просился къ водамъ съ больною семьею, было объявлено, что онъ, вмѣсто чужихъ краевъ, можетъ ѣхать къ отечественнымъ водамъ. Такіе примѣры, какъ и простые отказы, повторялись безпрестанно. Но ни надъ кѣмъ дѣло не разразилось такъ плачевно, какъ надъ сыномъ бывшаго нѣкогда оберъ-шталмейстера князя Долгорукова, служившимъ въ Государственной канцеляріи и просившимся за границу на годъ, по здоровью, не только разстроенному, но и совершенно разрушенному. На представленіи о томъ, государь, къ испугу высшаго петербургскаго общества, написалъ: «Уволить отъ службы».

Восхищеніе государя отъ Брестъ-Литовскаго шоссе, изъявленіямъ котораго я былъ свидѣтелемъ, не осталось безъ послѣдствій, можно сказать совершенно необычайныхъ и безпримѣрныхъ. Это шоссе, со всѣми къ нему принадлежностями, строилъ, по подряду, отставной поручикъ Вонлярлярскій, человѣкъ очень хорошій, очень умный и геніальный спекуляторъ, въ совершенствѣ исполнившій въ этомъ случаѣ свою контрактную обязанность, но взявшійся за дѣло, какъ и всякій подрядчикъ, все же имѣя въ виду извлечь для себя выгоды. Вдругъ, приказомъ 25-го сентября, онъ «за примѣрно-превосходное и совѣстное исполненіе взятой на себя обязанности, былъ пожалованъ изъ отставныхъ поручиковъ—прямо въ статскіе совѣтники, съ назначеніемъ состоять при 1-мъ отдѣленіи собственной его величества канцеляріи для особыхъ порученій!

12-го октября, совершилось пятидесятилѣтіе службы нашего министра финансовъ. Это число пришлось въ пятницу, всегдашній день его личнаго доклада; но государь, въ нѣжной предупредительности, велѣлъ ему на этотъ разъ явиться къ себѣ, вмѣсто пятницы, въ четвергъ. Едва Вронченко вошелъ въ кабинетъ, какъ государь, взявъ со стола приготовленные заранѣе знаки Андреевскаго ордена, самъ ихъ на него возложилъ и потомъ прочелъ ему написанный собственноручно проектъ грамоты на эту милость. Вронченко, почти въ безпамятствѣ отъ такого счастья, припалъ къ его ногамъ и умолялъ отдать ему этотъ черновой проектъ, какъ драгоцѣннѣйшую для него награду; но государь не согласился, говоря, что проектъ отошлется въ 1-е отдѣленіе собственной канцеляріи, для заготовленія по немъ настоящей грамоты. Въ городѣ нельзя было обраться толковъ и пересудовъ о новомъ андреевскомъ кавалерѣ; но едва-ли они имѣли основаніе. Важнѣйшее, неожиданнѣйшее, невѣроятнѣйшее, такъ сказать рѣшительнѣйшее въ карьерѣ Вронченко было—назначеніе его управлять министерствомъ фи-

нансовъ; все же прочее, какъ скоро труды и личность его были угодны государю, долженствовало слѣдовать за этимъ само-собою.

Еще зимою съ 1850 на 1851 годъ учрежденъ былъ особый Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ наслѣдника цесаревича, для разсмотрѣнія вопроса: быть или не быть желѣзной дорогѣ изъ Петербурга въ Варшаву. Этотъ Комитетъ рѣшилъ дѣло, преимущественно основавшись на мнѣніи графа Гурьева, тѣмъ, чтобы окончательное разсмотрѣніе его отложить на годъ со времени открытія Московской дороги, дабы удостовѣриться изъ опыта, какіе доходы будетъ приносить сія послѣдняя. Но, въ пребываніе свое въ Москвѣ осенью 1851 года, государь перевершилъ этотъ вопросъ, велѣвъ приступить къ построенію Варшавской дороги немедленно и въ возможной скорости, не столько для тѣхъ цѣлей, для которыхъ обыкновенно сооружаются желѣзныя дороги, сколько изъ видовъ стратегическихъ.

— Въ случаѣ внезапной войны,—говорилъ онъ,—при теперешней общей сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Европѣ, Варшава, а оттуда и весь нашъ западъ могутъ быть наводнены непріятельскими войсками прежде, чѣмъ наши успѣютъ дойти изъ Петербурга до Луги.

Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было новую дорогу строить на счетъ казны, посредствомъ займа. Прямаго публичнаго извѣщенія о семъ, впрочемъ, въ то время, не послѣдовало, но явилось, нѣкоторымъ образомъ, косвенное, въ приказѣ 8-го октября, которымъ объявлялось особенное монаршее благоволеніе товарищу главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями, генералу Герстфельду, за «отличное и вполнѣ удовлетворительное исполненіе возложеннаго на него порученія по изысканіямъ къ сооруженію С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дороги».

Смерть короля Ганноверскаго, этого энергическаго до упорства старичка, который одинъ, въ минувшіе страшные годы, умѣлъ отстоять монархизмъ въ Германіи, не осталась у насъ безъ нѣкотораго сочувствія, хотя, впрочемъ, по его лѣтамъ, она не могла быть неожиданною. Извѣстіе о ней пришло сюда въ одну изъ ноябрьскихъ субботъ, когда на воскресенье уже былъ назначенъ спектакль въ Царскомъ Селѣ, гдѣ имѣлъ еще свое пребываніе императорскій домъ. Вслѣдствіе того спектакль отмѣнили, но только въ половину, т. е. вмѣсто представленія въ постоянномъ театрѣ, устроенномъ въ одной изъ залъ стараго дворца, актеры играли въ Александровскомъ, гдѣ, вмѣсто декорацій, были поставлены простыя ширмы. Въ этотъ день давалась новая, неигранная еще тогда на петербургскихъ театрахъ, русская пьеска, въ родѣ французскихъ «Провербовъ», подъ заглавіемъ: «Чему быть, тому не миновать». Эта умная, милая болтовня принадлежала также перу сочинителя

«Бѣлой Камеліи», т. е. брату моей жены. Государь чрезвычайно остался ею доволенъ и нѣсколько разъ принимался хвалить (впрочемъ заочно) своего редактора «Инвалида», должность, которую занималъ въ то время мой шуринъ.

Большія собранія въ петербургскомъ высшемъ обществѣ, въ теченіе зимы 1851 года, были чрезвычайно рѣдки. При всѣхъ препонахъ, полагавшихся заграничнымъ поѣздкамъ, главная часть нашего большаго свѣта находилась тогда въ Парижѣ, и вмѣсто того, чтобы принимать здѣсь, распредѣлила между собою вечера тамъ. Посреди политическаго шума, борьбы партій и ожидавшихся безпокойствъ, графъ Воронцовъ-Дашковъ, графиня Разумовская, князь Радзивиллъ, Рибопьеръ и другіе учредили свои пріемные дни въ з а п р е щ е н н о м ъ Парижѣ, какъ бы у себя дома, въ нашемъ мирномъ Петербургѣ!

26-го ноября, въ Георгіевъ день, ровно черезъ четыре года послѣ присяги великаго князя Константина Николаевича, принесъ такую же съ тѣмъ же торжествомъ и по тому же церемоніалу, великій князь Николай Николаевичъ. Случилось только двѣ разницы въ окружавшихъ обстоятельствахъ: во 1-хъ, Константинъ Николаевичъ во время своей присяги былъ уже женихомъ и даже сама невѣста его уже находилась въ Петербургѣ, а для Николая Николаевича будущее его въ семъ отношеніи оставалось еще покрытымъ совершенною неизвѣстностью; во 2-хъ я тогда уже болѣе мѣсяца преподавалъ Константину Николаевичу законовѣдѣніе, а братъ его еще не приступалъ ни къ какимъ занятіямъ по этой части. Наканунѣ этого дня, пришли сюда первыя телеграфическія вѣсти о новомъ переворотѣ въ Парижѣ, приблизившемъ Наполеона «le petit», какъ его тогда у насъ называли, къ роли Наполеона «le grand».

Разныя преобразованія, предпринятыя въ Публичной библіотекѣ со времени вступленія моего въ управленіе ею, повели за собою, между прочимъ, и составленіе, для ея посѣтителей, новыхъ правилъ. Проектъ ихъ я отвезъ, въ началѣ декабря, къ князю Волконскому. Бѣдный старичекъ въ то время уже около мѣсяца имѣлъ ногтоѣду на ногѣ и не выѣзжалъ, даже не могъ ходить, сколько отъ боли, столько и отъ невозможности обуваться. Эти страданія не мѣшали ему, однакожъ, работать и оканчивать дѣла съ обыкновенною дѣятельностью и быстротою, и вся разница состояла въ томъ, что государь, вмѣсто пріема его и выслушиванія его докладовъ у себя, самъ къ нему приходилъ [1]). При та-

[1]) Князь жилъ во дворцѣ, близъ стараго Эрмитажа, и особый подъѣздъ, съ котораго вела къ нему лѣстница, назывался, частно и оффиціально, подъѣздомъ „князя Волконскаго".

комъ докладѣ, врученъ былъ Волконскимъ и мой проектъ. На другой день, государь встрѣтилъ меня съ моимъ сыномъ въ Большой Морской.

— Здорово, Корфъ,— сказалъ онъ, остановясь и указывая на моего мальчика,—что, который нумеръ? А все ли у тебя благополучно? Читалъ я твое Положеніе для посѣтителей; все очень хорошо, только не надо пускать въ Библіотеку кадетъ. Что имъ тамъ читать при элементарномъ ихъ образованіи? Нужныя по степени ихъ книги есть и въ собственныхъ корпусныхъ библіотекахъ. Нижнимъ чинамъ тѣмъ болѣе нечего тамъ дѣлать. Студенты—дѣло другое: это прямая ихъ обязанность и назначеніе. Передѣлай же, пожалуйста, статью въ этомъ смыслѣ.

Подъ конецъ царствованія императора Николая, частью отъ болѣзненнаго состоянія императрицы, частью же отъ увеличившагося въ немъ самомъ, съ лѣтами, нерасположенія къ представительности, то, что называется при нашемъ дворѣ большими выходами, т. е. церемоніальныя шествія въ придворный соборъ, бывавшія въ прежнее время разъ двѣнадцать и болѣе въ году, становились постепенно все рѣже и назначались, напослѣдокъ, кромѣ какихъ-нибудь особенныхъ придворныхъ церемоній (крестинъ, бракосочетаній и проч.) уже только въ Пасху, въ Рождество и въ праздникъ Богоявленія. Такъ и 6-го декабря 1851 г., въ день тезоименитства государя, все ограничилось однимъ лишь выходомъ въ малую Дворцовую церковь, въ которую приглашалась всегда военная свита, а изъ числа прочихъ особъ являлись, безъ зова, только нѣкоторые изъ членовъ Государственнаго Совѣта и изъ другихъ приближенныхъ. Послѣ обѣдни, государь, сказавъ нѣсколько словъ старшимъ членамъ Совѣта, обошелъ быстро остальныхъ и, остановясь передо мною, стоявшимъ однимъ изъ послѣднихъ, протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— А я къ тебѣ опять съ челобитною: за двухъ послѣднихъ, понимаешь? Надѣюсь, что ты, изъ дружбы ко мнѣ, и въ этотъ разъ не откажешь.— И онъ пошелъ такъ скоро далѣе, что я могъ только поклониться, не успѣвъ ничего выговорить.

Между тѣмъ, мнѣ не трудно было понять, къ чему относились эти мимолетныя слова, такъ какъ еще наканунѣ управлявшій воспитаніемъ великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей генералъ-адъютантъ Философовъ предварилъ меня объ отзывѣ государя, что и имъ уже пора бы начать свои занятія по законовѣдѣнію и что онъ самъ меня о томъ попроситъ. Вслѣдствіе того, возвратясь домой, я написалъ записку, въ которой, изъявивъ благоговѣйную готовность сдѣлаться, по силамъ, достойнымъ вновь явленнаго мнѣ знака монаршаго довѣрія, испрашивалъ разрѣшеніе, должны ли занятія съ великими князьями имѣть то же содержаніе и тотъ же объемъ, какіе предначертаны были его величествомъ для бесѣдъ моихъ съ старшимъ ихъ братомъ?

Записка эта возвратилась съ слѣдующею надписью: «Душевно благодарю; желаю, чтобъ занятія ваши были совершенно на подобіе бывшихъ съ Константиномъ Николаевичемъ, хотя предваряю, что младшіе братья не столь еще приготовлены, какъ былъ онъ».

Великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи были воспитаны и ведены, какъ и всѣ дѣти императора Николая, въ самой патріархальной простотѣ. Половина ихъ, въ Зимнемъ дворцѣ, въ концѣ извѣстнаго большаго корридора, возлѣ самой ротонды, передъ малою Дворцовою церковью, состояла, кромѣ самой маленькой передней, всего изъ трехъ комнатъ: залы, которая была вмѣстѣ бильярдною, гостиною и даже столовою (для завтраковъ, потому что обѣдали великіе князья вмѣстѣ съ августѣйшими своими родителями); спальни, гдѣ стояли, почти рядомъ, имѣя какую-нибудь сажень между собою, головами къ стѣнѣ, двѣ низенькія и узенькія походныя кровати, и гдѣ, на диванѣ, постоянно спалъ при нихъ многіе годы помощникъ Философова, дальній мой родственникъ, теперь генералъ-адъютантъ, баронъ Корфъ; наконецъ учебной, гдѣ вдоль всѣхъ стѣнъ размѣщена была библіотека. Большою залою, примыкавшею къ учебной и посреди которой стояла огромная модель корабля [1]), они располагали только въ случаѣ чрезвычайныхъ и болѣе многочисленныхъ пріемовъ. Когда начались мои занятія съ ними, я, при одной изъ нашихъ бесѣдъ, чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ и жаловался на лихорадочный ознобъ.

— Совѣтую вамъ,—сказалъ Михаилъ Николаевичъ,—напиться на ночь горячаго чаю и хорошенько укрыться шинелью.

Этотъ совѣтъ укрыться ш и н е л ь ю содержалъ въ себѣ цѣлую исторію ихъ спартанскаго воспитанія!

22-го декабря, за столомъ у государя присутствовали, сверхъ цесаревича и его супруги и двухъ младшихъ братьевъ, генералъ-адъютантъ графъ Паленъ, оберъ-шенкъ графъ Віельгорскій и я.

— Ну—сказалъ государь, подойдя передъ обѣдомъ ко мнѣ первому—я, кажется, испытываю твое терпѣніе до конца (намекъ на новыхъ моихъ учениковъ); но за то, уже впередъ, огромное тебѣ спасибо.

За нѣсколько дней передъ симъ, цесаревичъ и супруга его осчастливили своимъ посѣщеніемъ обновленную мною Публичную библіотеку и остались всѣмъ очень довольны. Какъ только сѣли за столъ, государь сказалъ:

---

[1]) Въ этой залѣ прежде, при императорѣ Александрѣ I-мъ и въ первые годы царствованія его преемника, собирался Государственный Совѣтъ, переведенный, впослѣдствіи, въ Эрмитажъ.

— Я слышу отъ дѣтей, что ты сдѣлалъ изъ библіотеки просто чудеса, и кругомъ виноватъ, что еще не побывалъ у тебя; но если бъ ты зналъ, какъ въ концѣ года я заваленъ... постараюсь, впрочемъ, скоро исправить свою вину [1]). Виноватъ еще и въ томъ, что отнялъ у тебя твои хорошенькія рукописи, съ которыми свидѣлся, впрочемъ, въ Эрмитажѣ, какъ съ старыми знакомыми: представь, что онѣ мнѣ памятны, почти совѣстно сказать, еще съ 1805 года, когда ихъ привезъ Дубровскій! Правда, что, въ тогдашнія мои лѣта, онѣ не много доставляли мнѣ удовольствія... За то, я велѣлъ передать тебѣ изъ Эрмитажа разныя другія рукописи и пропасть книгъ. Надо жѐ намъ, наконецъ, согласиться въ цѣли. Эрмитажная библіотека есть, въ моемъ понятіи, семейная, и потому въ ней должно быть то, что̀ можетъ понадобиться мнѣ или моей семьѣ; все прочее, вся латынь, все ученое, слѣдуетъ въ Публичную библіотеку, гдѣ будетъ гораздо полезнѣе. При томъ оба заведенія состоятъ теперь въ одномъ главномъ вѣдомствѣ и все нужное Эрмитажу можно будетъ тотчасъ получать изъ библіотеки.

Далѣе, государь говорилъ еще о торфяномъ ея отопленіи и прибавилъ, что запахъ отъ него заносится даже въ Караванную; хвалилъ мысль мою имѣть во внутреннихъ лѣстницахъ деревянныя ступени, потому что, въ случаѣ пожара, ихъ можно тотчасъ отломать, а желѣзныя такъ накаляются, что становятся хуже деревянныхъ; разсуждалъ, тоже съ похвалою, о произведенномъ нами перемѣщеніи всѣхъ печей въ подвалы, о вновь устроенныхъ вертящихся витринахъ и пр.; словомъ, изъяснялся обо всѣхъ сдѣланныхъ у насъ улучшеніяхъ, какъ бы самъ ихъ осматривалъ, очевидно по разсказамъ его сыновей. Но когда я упомянулъ, что во всемъ этомъ гораздо болѣе заслуги со стороны моего помощника князя Одоевскаго съ архитекторомъ Собольщиковымъ, которыми все главное сдѣлано во время заграничной моей поѣздки, то онъ замялъ мои слова и, какъ бы не разслышавъ ихъ, перемѣнилъ предметъ разговора. Было также говорено объ извѣстной московской коллекціи старопечатныхъ книгъ Карабанова, именно около этого времени перешедшей, послѣ смерти ея владѣльца, въ руки правительства, и объ еще болѣе извѣстномъ московскомъ же «Древлехранилищѣ» Погодина, о которомъ въ особенности царевна отзывалась съ чрезвычайнымъ уваженіемъ.

— Уполномочиваю тебя—сказалъ мнѣ государь—если Погодинъ расположится продать свое собраніе, при жизни или послѣ смерти, войти съ нимъ въ условія для его пріобрѣтенія въ казну. Всегда желатель-

---

[1]) Государь, дѣйствительно, удостоилъ библіотеку своимъ посѣщеніемъ 13-го декабря 1852 года.

нѣе, для самаго сбереженія такихъ коллекцій, чтобы онѣ оставались въ рукахъ правительства, а не частныхъ людей [1]).

— Et pourtant,—замѣтила цесаревна—si ici un particulier n'avait pas songé à recueillir et à ramasser ces curiosités elles auraient été perdues pour la science.

— C'est vrai,—отвѣчалъ государь—mais quel est le sort ordinaire de ces collections? Après la mort de celui qui les a amassées à grands frais, des héritiers ignorants ou cupides cherchent à s'en défaire à tout prix et elles finissent par se disséminer, s'il n'arrive pas encore pire, comme avec la célèbre collection du Comte Pouchkine, brulée en 1812 [2]). Я благодарилъ за великолѣпный портретъ императрицы Екатерины II, работы современнаго ей художника Левицкаго, присланный библіотекѣ въ подарокъ отъ государя, и сказалъ, что онъ поставленъ въ Ларинской залѣ, гдѣ производитъ безподобный эффектъ, составляя, однакожъ, маленькій анахронизмъ, потому что и Ларинская зала и вся эта часть библіотеки построена при нынѣшнемъ государѣ, котораго портретъ находится въ отдѣленіи рукописей.

— Этому легко пособить,—возразилъ усмѣхнувшись государь—мою рожу выкинуть, а на ея мѣсто поставить портретъ Екатерины.

— Позвольте протестовать противъ этого, государь—отвѣчалъ я—вашъ портретъ стоитъ между знаменитыми трофеями вашихъ побѣдъ: рукописями Ахалцихскими, Ардебильскими и пр. и не можетъ тутъ никому уступить своего мѣста!

Изъ числа разговоровъ, не относившихся до библіотеки, интереснѣйшіе за этимъ обѣдомъ были слѣдующіе:

1) Государь спросилъ у императрицы:

— As-tu déjà lu la lettre de Fritz (такъ онъ называлъ всегда, въ домашнемъ кругу, прусскаго короля)? Il va jusqu'à dire qu'avant la fin de l'année prochaine Louis Napoléon deviendra notre collègue. Je me permets d'en douter. Qu'il devienne tout ce qu'il voudra, grand-Muphti même, s'il lui plait; mais quant au titre d'Empereur ou de Roi, je ne crois pas qu'il soit assez imprudent pour y viser... J'ai encore remarqué

---

[1]) Послѣ многихъ переговоровъ, собраніе Погодина было куплено, осенью 1852 года, за 150 тыс. руб. сер.

[2]) — И однако,—замѣтила цесаревна,—если бы здѣсь частный человѣкъ не подумалъ собрать и подобрать эти рѣдкости, онѣ были бы потеряны для науки.

— Это вѣрно,—отвѣчалъ государь,—но какова обыкновенно участь этихъ коллекцій? Послѣ смерти того, кто собралъ ихъ съ большими расходами, неѣственные или алчные наслѣдники стараются во что бы то ни стало отъ нихъ отдѣлаться и кончаютъ тѣмъ, что коллекція умаляется, если худшее не случается, какъ со знаменитою коллекціею графа Пушкина, сгорѣвшей въ 1812 г.

une chose dans la lettre de Fritz: il prétend que Louis Napoléon a été, par sa conduite, cause de la mort de sa mère; mais jamais je n'en ai entendu parler [1]), и государь обратился съ вопросомъ о томъ къ графу Палену, какъ долго находившемуся нашимъ посланникомъ въ Парижѣ; но и тотъ отвѣчалъ, что никогда ничего подобнаго не слыхивалъ [2]).

2) Была рѣчь о замѣнѣ въ Англіи министерства Пальмерстона министерствомъ Гренвиля; но государь, несмотря на извѣстное его нерасположеніе къ первому, не выразилъ тутъ никакого мнѣнія и сдѣлалъ только Палену нѣсколько вопросовъ о прежней карьерѣ Гренвиля.

3) Спросивъ меня, видѣлъ ли я новую драму Кукольника: «Денщикъ», государь очень ее хвалилъ. Когда же цесаревичъ замѣтилъ, что въ ней есть хорошіе стихи, но, какъ драматическое цѣлое, она лишена жизни, длинна и скучна (что было и общимъ мнѣніемъ публики), государь согласился, что пьеса слишкомъ растянута.

4) На вопросъ императрицы, поѣдетъ ли государь въ тотъ вечеръ въ театръ, онъ отвѣчалъ, что еще не знаетъ, удосужится ли, потому что долженъ писать фельдмаршалу (князю Варшавскому).

— Бѣдный фельдмаршалъ,—продолжалъ государь—мало того, что онъ самъ все хвораетъ и хворають также и умираютъ его дѣти; вотъ теперь сгорѣлъ еще его Гомель (имѣніе князя въ Могилевской губерніи) со всѣмъ, что было у него тамъ собрано.

---

[1]) Государь спросилъ у императрицы:

— Прочла ты уже письмо Фрица? Онъ дошелъ до того, что говоритъ, будто до конца будущаго года Людовикъ Наполеонъ сдѣлается нашимъ товарищемъ. Я позволяю себѣ сомнѣваться въ этомъ. Пусть онъ сдѣлается чѣмъ онъ хочетъ, самимъ великимъ Муфтіемъ, если это ему нравится, но что касается до титула императора или короля, я не думаю, чтобы онъ былъ настолько неосторожевъ, чтобы посягалъ на него.... Я еще замѣтилъ одну вещь въ письмѣ Фрица: онъ утверждаетъ, что Людовикъ Наполеонъ, чрезъ свое поведеніе, былъ причиною смерти своей матери; но я никогда не слышалъ объ этомъ.

[2]) Здѣсь—одна очень примѣчательная вещь. На другой день, встрѣтясь съ графомъ Бенкендорфомъ (племянникомъ шефа жандармовъ и наслѣдникомъ его графскаго титула), пріѣхавшимъ сюда изъ Берлина, гдѣ онъ состоялъ въ то время военнымъ нашимъ агентомъ и, вмѣстѣ, домашнимъ, такъ сказать, посредникомъ между обоими царственными домами, я разсказалъ ему объ этомъ разговорѣ. „Comment—возразилъ онъ—personne n'a-t-il donc remarqué que le Roi de Prusse dans sa lettre ne songeait nullement à la véritable mère de Louis Napoléon et qu'il s'exprimait simplement a u f i g u r é, en voulant dire que le président de la république avait violé et abrogé la constitution, dont lui-même était le produit et le fils". (Какъ,—сказалъ онъ,—никто не замѣтилъ, что король прусскій въ своемъ письмѣ нисколько не думалъ о настоящей матери Луи Наполеона и что онъ выражался иносказательно, желая сказать, что президентъ республики, будучи ея сыномъ, нарушилъ и ограничилъ конституцію).—Дѣйствительно, это никому не пришло на мысль.

5) Вслѣдствіе какого-то à parte съ сидѣвшею возлѣ государя цесаревною, котораго я не разслышалъ, онъ перечислилъ всѣхъ женъ преступниковъ 14-го декабря, которыя, при ссылкѣ ихъ мужей въ Сибирь, добровольно за ними послѣдовали, и прибавилъ, что, во всякомъ случаѣ, «c'était un trait de dévouement digne de respect, d'autant plus qu'on voyait si souvent le contraire» [1]).

Во время стола прибѣжали дѣти цесаревича и съ ними маленькій Николай Константиновичъ, котораго, вмѣстѣ съ его сестрою, перевезли на время отсутствія ихъ родителей (они проводили ту зиму въ Венеціи), въ Зимній дворецъ, подъ крылышко къ доброй бабушкѣ, и помѣстили гамъ въ комнатахъ, бывшихъ великой княгини Ольги Николаевны.

За обѣдомъ у императрицы сдѣлался обыкновенный ея припадокъ біенія сердца, и она принуждена была удалиться, что, однакожъ, не помѣшало ей принять насъ послѣ стола, лежа на диванѣ, у котораго сѣли государь и всѣ мы.

— Allez vous aujourd'hui chez les enfants?—спросила она меня—je veux dire chez les grands enfants: Nicolas et Michel [2])?

— Я отвѣчалъ, что это не мой день и что буду у нихъ завтра.

— Tâchez donc d'en faire non des jurisconsultes, mais des hommes connaissant les véritables intérêts de leur patrie»—сказала императрица [3]).

---

[1]) Это былъ знакъ преданности, достойный уваженія, тѣмъ болѣе, что такъ часто видимъ противное.

[2]) Идете вы сегодня къ дѣтямъ? спросила она меня.—Я хочу сказать къ большимъ дѣтямъ: Николаю и Михаилу?

[3]) Постарайтесь сдѣлать изъ нихъ не юрисъ-консультовъ, но людей знающихъ настоящіе интересы ихъ отечества,—сказала императрица.

Къ исторіи Московскаго университета въ началѣ XIX вѣка.

Письмо М. Муравьева къ В. Н. Каразину [1]).

Я все брежу объ университетѣ и посылаю вамъ мой бредъ. Не такимъ ли образомъ выразить намъ въ докладѣ?

Что касается до Московскаго университета, то для доставленія ему всей дѣятельности и вліянія, каковыхъ онъ можетъ быть способенъ, комитетъ устремилъ все свое вниманіе, какъ на разсмотрѣніе недостатковъ, препятствовавшихъ ему донынѣ исполнять совершенно назначеніе свое, такъ и на пріисканіе истинныхъ способовъ увеличить приносимую имъ пользу. Съ одной стороны усмотрѣли мы, что первоначальное начертаніе его было чрезвычайно ограничено, какъ малымъ числомъ и содержаніемъ профессоровъ, такъ и скуднымъ иждивеніемъ, употребленнымъ на студентовъ, которые ожидали нетерпѣливо времени оставить университетъ, не окончивъ полнаго ученія. Гимназія, смѣшанная съ университетомъ, занимала главное вниманіе какъ начальниковъ онаго, такъ и публики и налагала нѣкоторое неуваженіе на самый университетъ. Съ другой стороны въ проектѣ, предложенномъ разсмотрѣнію комитета, и бумагахъ, заимствованныхъ отъ кураторовъ, не взирая на нѣкоторое прѣніе противныхъ мнѣній, не нашли мы средствъ довольно сильныхъ для отвращенія сихъ неудобностей.

Я оставляю строчки сіи въ полное распоряженіе ваше и есмь съ истиннымъ и совершеннымъ почтеніемъ и преданностію вашъ покорнѣйшій слуга М. Муравьевъ.

P.S. Я помню гдѣ-то выраженіе: въ глубокой увѣренности; не лучше ли въ полномъ увѣреніи.

---

[1]) Къ сожалѣнію, на собственноручномъ письмѣ М. Муравьева нѣтъ обозначенія времени, когда писано письмо. Ред.

Александръ Ефимовичъ Измайловъ.

1779—1831 гг. [1])

III.

1826—1829 годы жизни Измайлова.—Служба въ Твери.—Служебныя и литературныя занятія Измайлова.—Тверское общество; отношеніе его къ Измайлову и Измайлова къ нему.—Причины перевода въ Архангельскъ.—Измайловъ въ Архангельскѣ. Общество послѣдняго.—Непріятности по службѣ. С. И. Миницкій. Ссора съ нимъ Измайлова и устраненіе послѣдняго отъ службы вице-губернатора.—Отъѣздъ Измайлова въ Петербургъ.

1826 годомъ начинается новая эпоха въ жизни и дѣятельности Александра Ефимовича. Ноября 5-го, какъ значится въ формулярѣ, онъ былъ опредѣленъ въ Тверь на должность вице-губернатора.

«Не знаю еще самъ»—писалъ онъ И. И. Дмитріеву 9-го ноября—«долго ли останусь въ Петербургѣ. И прежде имѣлъ мало времени на служеніе Музамъ; теперь велятъ совсѣмъ ихъ оставить и посвятить все время на дѣла Вакха».... [2]).

Оставивъ семью въ Петербургѣ и взявъ съ собой лишь сына Александра (впослѣдствіи профессора Военно-Медицинской Академіи), онъ выѣхалъ изъ столицы и въ декабрѣ 1826 года былъ уже на мѣстѣ новаго служенія.

Трудно сказать положительно, что̀ заставило Александра Ефимовича промѣнять, какъ онъ самъ выражается, «служеніе Музамъ на дѣла Вакха»,—можетъ быть, непріятности по службѣ въ Петербургѣ, отъ ко-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ іюнь 1900 г.

[2]) „Русск. Архивъ“ 1871 г., стр. 994—995. См. также его стих. „На отъѣздъ въ Тверь“ (Собр. соч., т. I, стр. 265—267).

торыхъ, какъ мы видѣли, онъ не былъ свободенъ; но вѣрнѣе предположить, что причиной къ тому были разсчеты чисто матеріальные, а, пожалуй, и усталость отъ постоянно напряженной дѣятельности записнаго журналиста и живаго работника вообще на поприщѣ литературы. Какъ ни какъ, но средства, доставляемыя Александру Ефимовичу перомъ и службой въ департаментѣ, были недостаточны для жизни въ Петербургѣ съ большой семьей. По крайней мѣрѣ, извѣстно, что Измайловъ мечталъ о вице-губернаторствѣ еще въ 1813 году, что̀ видно изъ письма его къ Н. Ѳ. Грамматину [1]). Это даетъ намъ поводъ думать, что Александръ Ефимовичъ стремился самъ получить мѣстечко вице-губернатора, и, что, вѣроятно, въ данномъ случаѣ съ его стороны были приложены нѣкоторыя старанія; но, добившись назначенія, уѣзжать изъ столицы, гдѣ у него было такъ много пріятныхъ воспоминаній, гдѣ онъ началъ свою литературную и служебную карьеру и пріобрѣлъ имя, Александру Ефимовичу было, очевидно, не легко, и вице-губернаторская дѣятельность не рисовалась ему въ хорошихъ краскахъ:

«Донесу вамъ по чистой совѣсти—писалъ онъ Дмитріеву—что передъ отъѣздомъ моимъ изъ Петербурга былъ чрезвычайно боленъ и пріѣхалъ полубольной»....

....«утѣшаюсь единственно тѣмъ,—писалъ онъ еще ранѣе Дмитріеву—что скоро возстановятся откупа и что не долго буду исправлять должность перваго цѣловальника въ губерніи"....[2]).

Въ то время въ число обязанностей вице-губернатора входило и наблюденіе за питейнымъ дѣломъ, что̀ Александру Ефимовичу было въ особенности не по душѣ. А возиться съ питейными дѣлами Измайлову приходилось постоянно, на что онъ съ раздраженіемъ жалуется въ своихъ письмахъ. Въ разсчетѣ, что служба въ качествѣ вице-губернатора будетъ полегче службы въ Петербургѣ, Александръ Ефимовичъ сильно ошибся.—Не говоря о томъ, что ему непріятно было мѣнять столицу на провинцію, самая жизнь его въ Твери сложилась такъ, что онъ радъ былъ изъ нея вырваться, тѣмъ болѣе, что служба отымала у него еще больше времени, чѣмъ въ Петербургѣ.

«Въ первые мѣсяцы моего здѣсь пребыванія, не столько волею, сколько неволей, такъ занялся питейными и другими новыми для меня дѣлами»,—пишетъ онъ И. И. Дмитріеву—«что едва имѣлъ время вести переписку съ женой, которая пріѣхала сюда въ началѣ мая. Наканунѣ ея пріѣзда принялъ я губернаторскую должность и во все продолженіе времени моего губернаторства, цѣлыя семь недѣль,—клянусь богами

---

[1]) „Библіограф. замѣтки" 1859 г., стр. 421 (Ср. также: собр. соч., т. I, стр. 359).

[2]) „Русск. Арх.", 1871 г., стр. 995.

моими—Аполлономъ и Бахусомъ,—не спалъ покойно ни одной ночи, видѣлся съ семействомъ моимъ только во время обѣда и сидѣлъ почти безвыѣздно въ своемъ кабинетѣ, какъ въ тюрьмѣ [1])».

Замѣщенія же губернаторской должности для Александра Ефимовича были не рѣдки. Да и его собственныя обязанности, какъ вице-губернатора, были нелегки, особенно если принять во вниманіе частые разъѣзды съ ревизіонной цѣлью по уѣздамъ губерніи и для пріема рекрутовъ;

..... признаюсь, оглупѣлъ
Я отъ рекрутскаго пріема.. .

пишетъ Александръ Ефимовичъ одной изъ своихъ знакомыхъ [2]).

Вообще, служба въ Твери для Измайлова была весьма не легка, къ тому же, будучи далеко уже не молодымъ, онъ частенько и прихварывалъ, что видно изъ его писемъ къ И. И. Дмитріеву, женѣ и другимъ лицамъ.

Но муза его не дремала и въ тверской глуши; правда, она была уже не такъ плодовита, какъ въ Петербургѣ, но Александръ Ефимовичъ ухитрялся писать стихи и во время своихъ разъѣздовъ [3]); да и въ Твери онъ написалъ кромѣ разныхъ посланій, альбомныхъ стиховъ и нѣсколько басенъ.

Подводя итогъ тверской жизни Измайлова, приходится повторить, что ни служба, непріятная ему по самымъ своимъ обязанностямъ, ни общество не удовлетворили Измайлова, и сдѣлалъ онъ въ Твери по части столь любимой имъ литературы очень мало. А у него были кое-какія желанія поработать перомъ: онъ мечталъ между прочимъ загладить свою неисправность по отношенію къ подписчикамъ «Благонамѣреннаго», прекратившагося по случаю его отъѣзда:

«Надѣюсь,—писалъ онъ 6-го іюля 1827 года Дмитріеву—что послѣ всѣхъ этихъ испытаній (служебныхъ) буду несравненно свободнѣе прежняго, а, можетъ быть, для сюрприза подписчикамъ на «Благонамѣренный» выдамъ остальные нумера этого несчастнаго журнала» [4]).

Но Александръ Ефимовичъ не имѣлъ времени даже «написать, какъ слѣдуетъ, письма». Мечталъ онъ «выправить свои стишонки, коихъ много еще не было напечатано», но и это намѣреніе осталось невыполненнымъ: «ничего печатнаго почти не читаю, кромѣ сенатскихъ указовъ и изрѣдка «Сѣверной Пчелы». Не читалъ даже критики на мои басни,

---

[1]) ibidem.

[2]) Е. Н. Ергальской (неизд.).

[3]) Напр.: на пріемѣ рекрутовъ (см. въ собр. сочин. т. I, 294), въ Кашинѣ хозяйкѣ дома, любезно принявшей его (неизд.) и мн. др.

[4]) „Русск. Арх". 1871 г, стр. 996.

напечатанной въ «Телеграфѣ», хотя этотъ журналъ и получается у насъ въ клубѣ»—писалъ онъ И. И. Дмитріеву [1]).

Понятно, что при такихъ условіяхъ трудно было что-нибудь сдѣлать по части поэзіи. Мы уже указали на то, что не удовлетворяло Измайлова и общество тверское. Дѣйствительно, Тверь была далеко не «литературный городъ», и интересы тверской интеллигенціи рѣзко расходились съ интересами петербургскаго журналиста. Въ его письмахъ и стихахъ мы нерѣдко встрѣчаемъ ѣдкіе нападки на пустоту и глупыя развлеченія тверянъ: въ широкомъ распространеніи тамъ были карты, а Александръ Ефимовичъ былъ заклятымъ врагомъ ихъ; карточной же игрой увлекались и мужчины и—еще болѣе ихъ—женщины.

«Представь себѣ—говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ женѣ—что здѣсь ежегодно продается картъ на 18.000 рублей (ассиг.) Теперь играютъ только въ вистъ и бостонъ, а прежде играли и въ банкъ. Нарочно записные игроки пріѣзжали для этого въ Тверь. Есть и дамы, которыя понтируютъ и мечутъ банкъ. Спасибо губернатору—онъ запретилъ эту проклятую игру. Въ гостиницѣ Гальяни прибитъ листъ, на которомъ написано, что если будутъ тамъ играть въ банкъ, то первый разъ взыщется за это штрафа 500 рублей, а послѣ, не знаю—что-то гораздо хуже».... [2]).

«Здѣшнія дамы,—говоритъ онъ въ другомъ письмѣ—не только мужей, но и дѣтей для картъ забываютъ и дома рѣдко бываютъ» [3]).

Не сойдясь съ мужскимъ обществомъ, Измайловъ не сошелся и съ обществомъ тверскихъ дамъ, хотя онъ считался и самъ себя называлъ большимъ поклонникомъ прекраснаго пола. «Писатель для дамъ» не ужился съ послѣдними: его сатирическая муза нашла себѣ много пищи для хлесткаго изображенія нравовъ тогдашнихъ тверянокъ, и онъ даже поплатился за свои смѣлыя картины въ обычномъ, присущемъ ему теньеровскомъ жанрѣ. Сыръ-боръ загорѣлся изъ -за сказки Измайлова «Бабушка и внучка» [4]), которую одна изъ тверскихъ «бабушекъ» приняла на свой счетъ. На Александра Ефимовича посыпались пасквили, тотъ отвѣчалъ, и «дѣло дошло до скандала»: говорятъ, что тверскія дамы обратились будто бы съ жалобой на Измайлова къ губерна-

---

[1]) Ibid., стр. 999.

[2]) Отъ 24 янв. 1827 г.

[3]) Отъ 15 февр. 1827 г. Въ одномъ изъ неизд. стих. Измайлова есть такія строки:

„Не милы мнѣ дамы-игрицы въ Твери:
Весь день козыряютъ, чортъ ихъ побери!“.

[4]) Собр. соч. т. I, стр. 205. Ср. также его сказку „Дворянка-буянка“ (ibid., стр. 230)

тору и будто бы это было поводомъ къ его скорому перемѣщенію изъ Твери въ Архангельскъ. Да и не однѣ дамы вызывали со стороны Александра Ефимовича ѣдкія насмѣшки: почти всѣ стихотворенія, писанныя Измайловымъ въ Твери, дышатъ сатирой и на мужское общество, и на тамошніе порядки, на начальствующихъ лицъ, учрежденія и т. п. [1]). Характерно въ этомъ отношеніи его стихотвореніе, написанное по случаю отъѣзда обратно въ столицу его петербургскаго пріятеля Н. П. Мятлева, пріѣхавшаго въ Тверь навѣстить Измайлова:

«Не любятъ здѣсь литературы,
Здѣсь всѣ почти карикатуры...
(Скажу я по секрету Вамъ).
Особенно изъ старыхъ дамъ —
Клянусь, здѣсь многія дворянки
Не стоютъ, право, и крестьянки:
Играютъ въ карты день и ночь
И сплетничаютъ во всю мочь»... [2])

Не мудрено, поэтому, что Александръ Ефимовичъ постоянно обращался къ Петербургу, радовался пріѣзду своихъ столичныхъ друзей-пріятелей и въ воспоминаніяхъ о нихъ находилъ утѣшеніе.

Впрочемъ, и въ Твери были кое-какія лица, къ которымъ Измайловъ относился съ уваженіемъ и въ обществѣ которыхъ любилъ бывать. Но такихъ лицъ было не много. Прежде всего, «почтеннѣйшая», по выраженію его, сосѣдка — княгиня Елизавета Семеновна Хилкова [3]); она была «важной дамой», въ Твери жители которой её называли не иначе, какъ «княгиней-богиней». Съ ней было знакомо не мало литераторовъ, и въ альбомъ ея запечатлѣвали знаки своего уваженія такія лица, какъ И. И. Дмитріевъ, Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, знаменитый графъ Д. И. Хвостовъ; въ ея альбомъ писалъ, какъ хорошій знакомый и сосѣдъ ея, и Измайловъ [4]).

Кромѣ того, съ большимъ уваженіемъ относился Александръ Ефимовичъ къ архіепископу тверскому и кашинскому Амвросію [5]).

---

[1]) Ср. его сказку „Крестьянинъ и кляча.“(Собр. соч., т. I, стр. 71—73).

[2]) Ср. его любопытную „Инструкцію женѣ моей тверской вице-губернаторшѣ“ (Собр. соч., т. I, 371, впервые обнарод. сыномъ Измайлова въ „Русск. Стар.“ 1875 г. т. XIV, стр. 758—760), сообщившимъ, что „Инструкція“ эта, какъ говоритъ семейное преданіе, „доведена была кѣмъ-то до свѣдѣнія государя и что государь, при прочтеніи ея, много смѣялся“.

[3]) Урожденная Волчкова; за кн. Степаномъ Алексѣевичемъ Хилковымъ (1786—1854) была въ третьемъ замужествѣ; скончалась въ Москвѣ 2-го іюля 1856 года. См. о ней „Сѣв. Пчела“ 1856 г. № 15, „Рус. Арх.“ 1871 года, стр. 988 и др.

[4]) Издан. см. въ собр. сочин., т. I, стр. 376, 250, также 332, 393.

[5]) Въ міре Алексѣй Протасовъ (См. о немъ въ словарѣ С. А. Венгерова, т. I, вып. II, стр. 493—496).

Въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву отъ 11-го августа 1827 г. онъ называетъ Амвросія «умнѣйшимъ, ученѣйшимъ, благороднѣйшимъ и любезнѣйшимъ человѣкомъ» [1]). Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ его «красой ученыхъ всѣхъ монаховъ»,

«Который, молвить не въ укоръ,
Умнѣе даже Филарета [2]),
Краснорѣчивѣе его» [3]).

Измайловъ любилъ бывать у него (и тотъ не оставлялъ его своимъ посѣщеніемъ), и назидательныя бесѣды съ преосвященнымъ оставили глубокій слѣдъ въ душѣ Александра Ефимовича; онъ вспоминалъ архіепископа и впослѣдствіи, когда былъ въ Архангельскѣ и Петербургѣ. Кромѣ того, симпатіей его пользовались мужъ покойной Пономаревой, А. И. Пономаревъ, жившій недалеко отъ Твери, затѣмъ нѣкоторые сослуживцы, напримѣръ, губернаторъ В. А. Борисовъ и его семья (но только первое время по пріѣздѣ въ Тверь), прокуроръ Приказа общественнаго призрѣнія Н. И. Голубевъ, военные—за ихъ молодечество, галантность и пр. Но все-таки общество въ Твери было не по немъ, оно тяготило его, онъ всегда чувствовалъ себя петербуржцемъ, что̀ видно изъ каждаго письма его, изъ каждаго стихотворенія. Впрочемъ, скоро ему пришлось проститься съ Тверью. Въ 1828 году въ мартѣ мѣсяцѣ Измайловъ получилъ новое назначеніе—вице-губернаторомъ же въ Архангельскъ, куда и выѣхалъ вскорѣ, не теряя времени.

Трудно съ положительностью сказать, что̀ было причиной его перемѣщенія въ Архангельскъ; самъ Александръ Ефимовичъ ничего не говоритъ объ этомъ ни въ своихъ письмахъ, ни въ произведеніяхъ. Весьма вѣроятно, что это перемѣщеніе отнюдь не было личнымъ желаніемъ Измайлова, и что оно было сдѣлано въ силу распоряженія свыше, въ удовлетвореніе какихъ-нибудь жалобъ на него, можетъ быть, и со стороны тверскаго общества, чему, между прочимъ, не противорѣчатъ и его письма. Но какъ бы то ни было, несомнѣннымъ остается тотъ фактъ, что, какъ начальникъ, Александръ Ефимовичъ оставилъ по себѣ хорошую память въ сердцахъ подчиненныхъ. До насъ дошло любопытное письмо тверскихъ сослуживцевъ Измайлова, посланное ими по случаю его смерти въ редакцію «Московскихъ Вѣдомостей».

«Чиновники здѣшней казенной палаты, — говорится въ немъ — узнавъ о кончинѣ почтеннаго начальника своего бывшаго тверскаго вице-губернатора статскаго совѣтника Александра Ефимовича Измай-

[1]) „Рус. Арх.“ 1871 г., стр. 999.

[2]) Филаретъ Дроздовъ (род. въ 1782 г., ум. въ 1867 г.); съ 1826 г. митрополитъ московскій.

[3]) „Русс. Арх.“ 1871 г., стр. 1014, см. также „Славянинъ“ 1829 года—VIII, стр. 255, собр. соч., т. I, стр. 360.

лова, оставившаго въ сердцахъ ихъ неизгладимое временемъ благодарное воспоминаніе, совершили въ память его вчерашняго числа панихиду въ Желтиковомъ монастырѣ. Достойный настоятель монастыря съ братіей охотно исполнилъ сіе ихъ желаніе».....

Извѣстіе о семъ заключается словами:

«Миръ праху твоему, человѣкъ благородный! Память о тебѣ будетъ жить въ сердцахъ всѣхъ, кто зналъ и умѣлъ цѣнить тебя. Прими въ селеніяхъ вѣчности награду за твои добродѣтели» [1]).

Это выраженіе чувствъ чиновниковъ, теплымъ словомъ помянувшихъ своего бывшаго начальника, по поводу его кончины, совершенно искренно. Измайловъ, какъ начальникъ, былъ человѣкъ въ высшей степени гуманный, добрый. Изъ неизданныхъ писемъ его къ женѣ и одному родственнику мы узнаемъ, что онъ не разъ, за время своего вице-губернаторства въ Твери, посылалъ бумаги въ Петербургъ къ высшему начальству, прося заступничества за какого-нибудь чиновника, подвергшагося немилости со стороны губернатора. И Измайловъ былъ въ правѣ сказать въ одномъ изъ своихъ писемъ:

«Напрасно, Иванъ Ивановичъ [2]) изволитъ обо мнѣ худо думать. По совѣсти можно сказать, немного у него такихъ вице-губернаторовъ. Есть, впрочемъ, опытнѣе меня, дѣльнѣе, умнѣе, но любимѣе—ни одного» [3]).

Но, заступаясь за чиновниковъ, которые того стоили, Измайловъ строго каралъ своихъ подчиненныхъ, уличенныхъ имъ въ противузаконныхъ поступкахъ, особенно во взяткахъ,— и никакіе доводы, ни даже уговоры губернатора, не могли смягчить тогда Александра Ефимовича.

Вмѣстѣ съ тѣмъ добросовѣстный, честный Измайловъ не могъ равнодушно смотрѣть, не могъ терпѣть упущеній или безпорядковъ, допускаемыхъ въ казенномъ дѣлѣ кѣмъ бы то ни было, хотя бы его ближайшимъ начальствомъ: онъ нѣсколько разъ писалъ о различныхъ безпорядкахъ въ тверской палатѣ къ министру, несмотря на все неудовольствіе тогдашняго тверскаго губернатора Борисова.

Понятно, что подобное отношеніе къ дѣлу и лицамъ, выше стоящимъ по службѣ, не могло не навлечь на Измайлова непріятностей: съ нимъ поссорилось все высшее начальство Твери, начиная съ губернатора, который писалъ министру, прося убрать отъ него этакого безпокойнаго и до невозможности неуживчиваго вице-губернатора.

---

[1]) „Моск. Вѣд." 1831 г., № 24.

[2]) И. И. Розенбергъ—директоръ департамента госуд. казначейства (ум. 16-го дек. 1829 г.).

[3]) Отъ 8 марта 1829 г.

Но Измайловъ не унимался: онъ въ свою очередь посылаетъ новую бумагу, въ которой, въ рѣзкихъ выраженіяхъ, описываетъ представителей тверской администраціи, не щадя даже ... жены самого губернатора Борисова. Но это не прошло для Измайлова даромъ: несмотря на заступничество за него такихъ лицъ, какъ И. И. Розенбергъ, И. М. Ореусъ [1]), Д. М. Княжевичъ [2]) и другихъ, «поэзія не устояла», какъ выражалась про его устраненіе отъ должности тверскаго вице-губернатора задѣтая имъ, въ письмахъ къ министру, жена Борисова.

Александръ Ефимовичъ получилъ строгій выговоръ отъ министра и вскорѣ затѣмъ указъ о переводѣ его на вице-губернаторскую должность въ Архангельскѣ. Измайловъ до поры до времени снесъ этотъ ударъ безропотно и, оставивъ семью въ Твери [3]), выѣхалъ въ началѣ мая въ Архангельскъ въ надеждѣ, что «встрѣтитъ тамъ людей болѣе порядочныхъ», чѣмъ въ Твери. Но надежда эта, какъ увидимъ, была напрасна.

Весь май мѣсяцъ 1828 года Измайловъ провелъ въ пути къ мѣсту новаго назначенія. По дорогѣ заѣзжалъ онъ въ Москву, гдѣ былъ принятъ радушно И. И. Дмитріевымъ; тамъ же онъ успѣлъ повидаться и со старыми своими литературными пріятелями и знакомыми, оставившими въ разное время Петербургъ: съ А. Ѳ. Мерзляковымъ, М. Т. Каченовскимъ, Н. А. Полевымъ и другими [4]). Заѣзжалъ онъ и въ Троицко-Сергіевскую обитель и въ имѣнье графа Д. И. Хвостова, взглянуть на знаменитую Кубру [5]), и вездѣ по дорогѣ, отъ скуки, писалъ стихи. Подви-

---

[1]) Тайн. сов., товарищъ министра финансовъ, впослѣдствіи сенаторъ.

[2]) Директоръ департ. госуд. казначества; впослѣдствіи попечитель Одесскаго учебн. округа, основатель Одесск. общества исторіи и древн. (род. въ 1788 г., ум. въ 1844 г.) См. о немъ въ „Рус. Ст.“, 1888 г., т. LVIII, стр 125—142.

[3]) Супруга Измайлова вмѣстѣ съ дочерьми пріѣхала въ Тверь за нѣсколько мѣсяцевъ до перевода Александра Ефимовича въ Архангельскъ.

[4]) См. „Славянинъ“ 1828, VII, стр. 254.

[5]) Рѣка въ имѣніи графа, которую не разъ воспѣвалъ въ своихъ виршахъ знаменитый ея метроманъ-владѣлецъ (см. подробности въ акад. изд. соч. Г. Р. Державина, т. II. Спб. 1869, стр. 304—308). Измайловъ по примѣру гр. Салтыкова, Державина и др. писателей, обращавшихся по этому поводу съ стихотворными посланіями къ „Пѣвцу Кубры“, набросалъ слѣдующее довольно остроумное стихотвореніе за время пребыванія своего въ имѣніи графа.

„Пѣвцу Кубры“

„О рѣчка малая, Кубра!
Славнѣй ты Тигра и Евфрата,
Славнѣе, чѣмъ Дунай и Ра,
Хоть ты струями не богата.
Но воспоенъ пѣвецъ тобой,
Парнасскаго исполненъ жара,

гаясь ближе къ мѣсту назначенія, Александръ Ефимовичъ долго принужденъ былъ, «за разрушеніемъ колесницы», прожить въ Вологдѣ, гдѣ свелъ кое-какія знакомства, написалъ нѣсколько басенъ и различныхъ стихотвореній [1]). Наконецъ, «послѣ разныхъ приключеній» онъ достигъ Архангельска и тотчасъ вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей.

Но тутъ Александру Ефимовичу, какъ говорится, совсѣмъ не повезло; ему жилось въ Архангельскѣ хуже даже, чѣмъ въ Твери. Тамъ, по крайней мѣрѣ, «тучный фабулистъ» могъ въ качествѣ вице-губернатора болѣе или менѣе продолжительное время оставаться въ городѣ, но съ новымъ назначеніемъ ему пришлось проводить почти все время въ разъѣздахъ. Разъѣзды эти, дурно дѣйствовавшіе на Измайлова еще во время тверской службы, здѣсь, въ зимнюю стужу, совершенно разстроили его здоровье; при томъ же ему часто приходилось по дѣлу рекрутскаго набора или по другимъ служебнымъ обязанностямъ уѣзжать въ довольно далекія и глухія мѣстности. О занятіяхъ литературой при подобномъ положеніи дѣла, конечно, и говорить было нечего; Александръ Ефимовичъ не имѣлъ времени и прочитать что-нибудь.

«Занятія мои, по уѣздамъ въ Россійской словесности—писалъ онъ графу Хвостову отъ 31-го января 1829 года—ограничивались чтеніемъ донесеній рекрутскихъ отдатчиковъ, мірскихъ приговоровъ и безтолковыхъ прошеній всякаго рода» [2]).

И понятно, что, какъ въ Твери «дѣла кабацкія» не позволяли Александру Ефимовичу быть исправнымъ служителемъ Музъ, такъ и въ уѣздахъ Архангельской губерніи возня съ «мірскими», канцелярскими, рекрутскими и т. п. дѣлами не могла ему навѣять какихъ-нибудь поэтическихъ образовъ. Все-таки Измайловъ ухитрялся и въ такомъ положеніи писать стихотворенія, но на сюжеты самые прозаическіе. Такъ, имъ написана во время разъѣздовъ «Бѣжецкая вице-губернаторская пѣсня», гдѣ онъ описываетъ свой тревожный сонъ въ Бѣжецкѣ: ему не спалось, а, если и удавалось забыться, то тотчасъ передъ нимъ возставали самыя непріятныя, будничныя картины, большею частью съ сюжетомъ изъ его служебной дѣятельности; то видѣлъ онъ

Соперникъ древняго Пиндара;
Своей волшебною рукой
Прославилъ онъ тебя на лирѣ,
И стала первой ты рѣкой
Во всемъ подлунномъ здѣшнемъ мірѣ.

Стихи эти (неизд.) Измайловъ написалъ карандашомъ на стѣнѣ въ китайской бесѣдкѣ графа подъ стихами „раболѣпнаго Воейкова", также нѣкогда заѣзжавшаго въ имѣніе гр. Хвостова. (Изъ неизд. письма Измайлова къ женѣ отъ 16-го мая 1828 г.).

[1]) „Русск. Архивъ" 1871, стр. 999—1002.

[2]) „Р. Стар." 1890, № III, стр. 675.

„Отдатчиковъ, земскихъ головъ,
И рекрутовъ тощихъ, трехъ меньше вершковъ",

то мужиковъ, ползающихъ на колѣняхъ съ просьбой,

„Которыхъ и самъ Новиковъ [1]) не пойметъ",

и ему становилось такъ плохо, что онъ готовъ былъ уѣхать даже въ... Тверь [2]).

Написалъ онъ также въ Шенкурскѣ «рекрутскую пѣсню» (въ стилѣ народной пѣсни), въ которой ободряетъ воиновъ на служеніе царю и отечеству; покидая Шенкурскъ, онъ оставилъ надпись на печкѣ въ той комнатѣ, которую занималъ; кромѣ того «простился въ стихахъ съ жителями Мезени», гдѣ ему пришлось прожить цѣлый мѣсяцъ; дорогой въ Холмогоры сочинялъ въ кибиткѣ сказку. По пріѣздѣ въ Холмогоры сильно заболѣлъ, слегъ въ постель, но скоро поправился благодаря усердію врача Шелле, о чемъ свидѣтельствуетъ его «надпись, сдѣланная надъ кроватью», въ которой онъ пролежалъ нѣсколько сутокъ больнымъ [3]).

Что касается жизни собственно въ Архангельскѣ, то она мало представляла пріятнаго для Александра Ефимовича по тѣмъ же причинамъ, что и въ Твери. Дни проходили у него какъ-то однообразно и скучно. Правда, вскорѣ по пріѣздѣ онъ началъ-было прилежно читать Ломоносова и высказалъ однажды желаніе увидѣть «хорошее изданіе его твореній, неполное, но избранное, съ комментаріями»...

«Да надъ этимъ надобно посидѣть—писалъ онъ гр. Д. И. Хвостову—а комментаріями немногіе любятъ и могутъ у насъ заниматься» [4]).

Затѣмъ онъ посѣщалъ иногда учебныя заведенія [5]), изучалъ архангельское нарѣчіе, на которомъ между прочимъ написалъ письмо въ «Славянинъ» о томъ, какъ онъ проводитъ день [6]); составлялъ «архангельско-русскій словарь, для котораго набралъ болѣе 200 словъ»; собиралъ старыя книги, рукописи; подготовлялъ новое изданіе своихъ сочиненій, но постоянные разъѣзды и дѣла по службѣ отвлекали его отъ занятій литературой, и онъ успѣлъ по части послѣдней немного сдѣлать за время своего втораго и послѣдняго вице-губернаторства.

Что касается архангельскаго общества, то въ немъ Измайлову при-

---

[1]) Его секретарь.

[2]) См. Собр. соч., т. I, стр. 269.

[3]) Любопытнымъ и заслуживающимъ вниманія памятникомъ его разъѣздовъ, кромѣ стиховъ, остались его „Письма о самоѣдахъ", частью напечатанныя. (См. собр. сочин., т. II, стр. 188—202; также см. „Славянинъ" 1829 г. XII, стр. 497—511; „Маякъ" 1844 г., т. XV).

[4]) „Славянинъ" 1828, VIII, стр. 364.

[5]) Между прочимъ гимназію и духовную семинарію, преподаваніе въ которыхъ, судя по письмамъ Измайлова, было весьма неудовлетворительно, такъ что онъ предпочелъ учить своего младшаго сына дома.

[6]) См. „Славянинъ" 1828 г., VIII, стр. 151.

шлось такъ же скоро разочароваться, какъ и въ Твери. При болѣе близкомъ знакомствѣ оно показалось Александру Ефимовичу хуже тверскаго.

„Въ Архангельскѣ, Шенкурскѣ и Мезени
Люди хуже, чѣмъ олени...
Иной, ей Богу, людоѣдъ,—
Страшнѣе самоѣдъ",

писалъ онъ къ женѣ отъ 30-го августа 1829 года [1]).

Правда, старый «писатель для мужчинъ и дамъ» не могъ обойтись совершенно безъ общества, особенно женскаго, и мы знаемъ, что кое-кто и пользовался его симпатіями, хотя и слабыми. Такъ, любя вращаться среди дамъ, онъ и въ Архангельскѣ появлялся часто въ ихъ обществѣ, занимая ихъ чтеніемъ стиховъ своихъ или чужихъ (между прочимъ Пушкина, Крылова), игралъ съ ними «въ вопросы и отвѣты», писалъ имъ «стихи въ альбомъ», поздравительные, экспромпты и т. п.

Изъ мужскаго общества особенной симпатіей его пользовался губернаторъ Иванъ Яковлевичъ Бухаринъ [2]), человѣкъ весьма добросовѣстный, честный, дѣятельный, но крайне вспыльчивый. Измайловъ высоко цѣнилъ его честность и дружилъ съ нимъ; кромѣ того, онъ съ большой любовью относился къ нѣкоторымъ изъ своихъ подчиненныхъ, къ доктору Шелле, и водилъ хлѣбъ-соль съ кое-какими иностранными купцами, которыхъ немало было въ Архангельскѣ. Но такихъ лицъ было слишкомъ немного, и Измайловъ былъ обреченъ на постоянную тоску, горечь которой усиливала разлука съ семьей, оставшейся въ Твери. [Александръ Ефимовичъ оставилъ семью въ Твери, такъ какъ съ одной стороны, не рѣшился везти её на далекій сѣверъ, съ другой, не могъ удѣлить ей изъ своего скромнаго жалованія достаточно средствъ на проживаніе въ Петербургѣ [3])].

Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ Александра Ефимовича постигла крупная непріятность по службѣ. Чистосердечный, честный и открытый, онъ любилъ говорить правду въ глаза, не терпѣлъ низкопоклонства и «коленоподгибательства» (его выраженіе), и посему неминуемо долженъ былъ придти въ непріятное столкновеніе съ лицами, дѣйствовавшими противъ его убѣжденій. Замѣтивъ массу упущеній въ палатѣ, взяточничество, злоупотребленія властью и недобросовѣстное въ высшей степени отношеніе къ дѣлу

---

[1]) Собр. соч., т. I, стр. 360.

[2]) И. Я. Бухаринъ,—съ 1810 г. былъ гродненскимъ губернаторомъ, затѣмъ кіевскимъ, наконецъ архангельскимъ; скончался въ Москвѣ на 86 г. отъ роду (въ 1858 г.) въ чинѣ тайн. совѣтника. (Похорон. на кладб. Моск. Новодѣв. монастыря).

[3]) Впрочемъ, семья Измайлова, съ помощью добрыхъ людей, успѣла переѣхать въ Петербургъ до возвращенія Александра Ефимовича изъ Архангельска.

*

самого генералъ-губернатора С. И. Миницкаго, Измайловъ возмутился [1]). Однако онъ долго терпѣлъ, ожидая лишь удобнаго случая «вывести на свѣжую воду всѣ плутни», и наконецъ такой случай представился. Миницкій однажды вмѣшался въ распоряженія Измайлова по дѣлу коекакихъ злоупотребленій губернскаго казначея, затѣмъ выразилъ Александру Ефимовичу свое неудовольствіе за то, что онъ круто обошелся съ однимъ изъ фаворитовъ генералъ-губернатора и даже началъ преслѣдовать Измайлова въ обществѣ. Александръ Ефимовичъ долго боролся съ непріязненнымъ расположеніемъ къ нему этого грубаго начальника, но дѣйствовалъ по-своему.

«Ни жалованья здѣсь, ни взятокъ не беру,—писалъ онъ женѣ—

.....За то, когда умру,
Не попаду къ бѣсамъ въ подземныя селенья:
Не сдѣлалъ никому по службѣ притѣсненья,
Но защищалъ крестьянъ, сколь могъ, отъ разоренья;
За правду, хоть теперь терплю,
А все такъ, какъ тебя, люблю.
Амвросій [2]) запретилъ мнѣ ревновать лукавымъ
И беззаконникамъ. „Изсохнутъ какъ трава“,—
Прощаясь, мнѣ сказалъ. Ахъ! что за голова!
Быть лучше бѣднымъ, лишь бы правымъ.
Архіерея я ослушаться не могъ,
За правду же заплатитъ Богъ“ [3]).

Наконецъ, когда терпѣніе Измайлова истощилось, онъ рѣшилъ отписать обо всемъ къ министру. Бухаринъ, хотя и державшійся взглядовъ Александра Ефимовича, все же совѣтовалъ ему сначала не дѣлать такого рѣшительнаго шага, но убѣжденный Измайловымъ въ невозможности дѣйствовать иначе, склонился на его сторону и самъ отправилъ въ Петербургъ бумагу о подвигахъ Миницкаго, отношенія съ которымъ у этихъ двухъ представителей архангельской гражданской администраціи изъ натянутыхъ перешли въ открыто враждебныя.

Жена Измайлова, отъ которой онъ ничего не скрывалъ, сильно тревожилась и, изъ опасенія, что его могутъ отставить, умоляла его въ своихъ письмахъ прекратить «эту войну». Но Александръ Ефимовичъ, твердо увѣренный въ своей правотѣ и успѣхѣ донесеній министру, успокаивалъ ее, совершенно серьезно выставляя ей на видъ необходимость рѣшительныхъ мѣръ и всю неосновательность ея страха,

---

[1]) Ср. его басню „Скотское правосудіе“ (Собр. сочин., т. I, стр. 101—102), написан. въ Архангельскѣ въ минуту особеннаго раздраженія на Миницкаго и его секретаря.

[2]) Бывшій архіепископъ тверской и кашинскій; ум. въ 1831 г. (см. выше)

[3]) Собр. сочин., т. I, стр. 360.

и упрекая ее въ малодушіи [1]). Вотъ напримѣръ, какъ онъ отвѣчаетъ на одно изъ ея писемъ:

«Сегодня получилъ отъ тебя, милая Катенька, письма отъ 12-го ноября. Вмѣсто того, чтобы укрѣпить мое здоровье, они его разстроили. Побойся Бога, не будь такъ малодушна. Министръ сердится на меня: его воля—пусть и побранитъ... Не брань министра страшитъ меня, а твои слезы. И такъ, мой другъ, довольно въ жизни настоящаго, существеннаго горя; для чего же прежде времени плакать и изнурять себя по пустякамъ? За что меня отставить? за то, что я берегъ государево добро? что привелъ палату въ такое положеніе, въ какомъ никогда она до меня не была? что соблюдаю въ точности присягу? Нѣтъ, за это нынѣшній государь не отставляетъ... а если бы и отставилъ, то опять опредѣлитъ и дастъ еще лучшее мѣсто. Лучше быть отставлену за правду, нежели за участіе и связь съ плутами и ворами. Я надѣюсь твердо на Бога... неужели на Него ты не надѣешься»? [2]).

Надежду на Бога онъ высказываетъ не разъ въ своихъ письмахъ: «Не безпокойся обо мнѣ, милая Катенька: у меня сильный покровитель и защитникъ—Богъ, сильнѣе графа Аракчеева»... [3])

Но жена по-прежнему продолжала «убиваться». Тогда Александръ Ефимовичъ (зная, что она привыкла его видѣть всегда въ веселомъ настроеніи), дабы увѣрить ее, что у него совѣсть чиста и спокойна, посылаетъ ей рядъ писемъ, въ которыхъ отношенія свои (купно съ Бухаринымъ) къ Миницкому описываетъ въ самомъ шутливомъ тонѣ:

«Войска наши, какъ слышно, размѣщены по зимнимъ квартирамъ, а у насъ Архангельскѣ съ начала зимы открылась междоусобная война. Одинъ мужъ уже имѣлъ нѣсколько сраженій, хотя не генеральныхъ, съ своей женой, и каждый разъ оставался побѣдителемъ. Принялъ всѣ мѣры, чтобъ не допускать къ своей супругѣ непріятельскаго войска. Начальникъ штаба генерала Миницкаго—Ш... [4]) искуснымъ и рѣшительнымъ маневромъ раздѣлилъ два соединенныхъ корпуса Бухарина и Измайлова; послѣдній принужденъ отступить; но ретирада его для непріятеля была страшнѣе атаки. Начальникъ штаба Ш. раненъ не въ бровь, а въ самый

---

[1]) Ср. написанную имъ въ Архангельскѣ басню „Орелъ и Сорока“ (собр. соч., т. I, стр. 100—101).

[2]) Письмо отъ 22-го ноября 1828 г. (неизд.).

[3]) (Неизд.) отъ 19-го окт. 1828 г.

[4]) Шамаринъ — правитель канцеляріи архангельскаго генералъ-губернатора. Между прочимъ на Шамарина Измайловъ написалъ „быль“—„Воевода и подъячій съ приписью“, не вошедш. въ собр. сочин. (см. сборникъ въ пам. Смирдина. Спб. 1858 т. I, стр. 335. Тутъ же и „посланіе Измайлова Смирдину“). Стихотвореніе это въ свое время не было пропущено въ печать цензоромъ Корсаковымъ, написавшимъ: „или измѣнить конецъ или вовсе исключить“. (См. „Отчетъ Имп. публ. библіотеки за 1889 г.,—Спб. 1893 г., стр. 68).

глазъ картечью, и даже главнокомандующій получилъ нѣсколько контузій, которыя переноситъ съ примѣрнымъ терпѣніемъ. Хотя и открылъ-было онъ недавно съ одной маскированной батареи огонь, но выстрѣлы не причинили никакого вреда» [1])...

Или: «Сегодня въ два часа по полудни непріятель сдѣлалъ самый сильный натискъ на корпусъ Измайлова; но онъ давно уже приготовился къ нападенію, и непріятельскія войска, командуемыя рапортующимъ больнымъ начальникомъ штаба Шамаринымъ, отретируются со скандаломъ, а начальникъ штаба въ лазаретѣ и главнокомандующій въ обозѣ получатъ тяжелыя и опасныя раны не въ генеральномъ сраженіи, но въ партизанской схваткѣ. Въ первомъ дѣлѣ уже убитъ одинъ человѣкъ—старый атаманъ разбойниковъ, т. е. командиръ уѣздныхъ казначеевъ—губернскій казначей» [2])...

Или, вотъ какъ онъ рисуетъ программу своей дѣятельности, если его лишатъ должности:

«Если не дадутъ мнѣ хорошаго вице-губернаторскаго мѣста, пойду... въ актеры—трагическіе: лѣтъ десять еще могу украшать сцену. А не то—въ шуты: еще лучше! То-то начну проказить... Всего выгоднѣе быть шутомъ» [3])...

Но отпоръ Миницкому кончился для Измайлова и Бухарина плохо. Миницкій, явившись въ Петербургъ, успѣлъ оклеветать и того и другаго передъ высшимъ начальствомъ, и оба его противника были лишены должности. Впрочемъ, у Александра Ефимовича были въ Петербургѣ сильные друзья и покровители, которые добились того, что Измайловъ былъ причисленъ къ министерству финансовъ.

Но этимъ дѣло не кончилось. Положеніе Измайлова, въ которомъ онъ очутился, было для него слишкомъ тяжело; не говоря о томъ, что онъ лишился такимъ образомъ средствъ къ существованію, его до глубины души возмутило такое несправедливое къ нему отношеніе, испытываемое имъ не первый разъ.

«Вся моя вина—писалъ онъ съ горечью одному изъ своихъ родственниковъ—[4]) въ томъ, что тверской губернаторъ золъ, архангельскій генералъ-губернаторъ глупъ, а правитель канцеляріи его мошенникъ и возмечталъ о себѣ какъ второй Навуходоносоръ. Непремѣнно надобно было подличать передъ ними, или рѣшительно съ ними при первомъ случаѣ поссориться, когда честь и польза службы того потребуютъ. Я

---

[1]) Письмо отъ 23-го окт. 1828 г. (неизданное).
[2]) Отъ 25-го окт. 1828 г. (неизд.).
[3]) Отъ 1-го марта 1829 г. (неизд.)
[4]) Къ М. А. Каменеву-Любовскому.

такъ и сдѣлалъ... Пусть говорятъ обо мнѣ что̀ угодно [1]); но, надѣюсь, не скажутъ, по крайней мѣрѣ, чтобы я подличалъ предъ старшими себя и кривилъ душой. Пишу, что̀ велитъ Тотъ, Имъ же царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду... Если бы Спаситель—заключаетъ свое письмо Александръ Ефимовичъ—сошелъ опять на землю и опредѣлился въ россійскую службу по гражданской части не въ столицѣ, а въ провинціи... не прослужить бы ему и мѣсяца въ одной губерніи: тотчасъ бы перевели въ другую, а изъ другой—въ третью» и т. д. [2]).

Измайловъ рѣшилъ продолжать дѣло, войти съ ходатайствомъ къ самому государю и «объяснить ему все, какъ было»: для этого нужно было ѣхать въ Петербургъ, и онъ, на-скоро собравшись, 16-го мая 1829 года оставилъ Архангельскъ.

IV.

1829—1831 годы жизни Измайлова въ Петербургѣ.—Бѣдственное положеніе безъ службы; пріисканіе занятій; уроки въ Пажескомъ корпусѣ.—Дѣло съ С. И. Миницкимъ и оправданіе Измайлова по архангельской службѣ.—Послѣдній годъ жизни Измайлова; болѣзни, кончина.—Общая характеристика Измайлова, какъ писателя и человѣка.

Оскорбленнымъ, разбитымъ физически и нравственно прибылъ Измайловъ въ Петербургъ, гдѣ на первое время его ждала не лучшая участь, чѣмъ въ Архангельскѣ. Прежде всего нужно было позаботиться о пріисканіи средствъ къ жизни, ибо, хотя онъ и былъ причисленъ къ министерству финансовъ чиновникомъ особыхъ порученій, но жалованія не получалъ. Всю надежду Александръ Ефимовичъ возлагалъ на то, что ему удастся устроиться при какомъ-нибудь журналѣ, но и тутъ онъ потерпѣлъ неудачу: кто-то перебилъ у него мѣсто сотрудника при журналѣ Греча [3]). А недостатокъ средствъ сильно давалъ себя чувствовать Измайлову, и онъ горько жаловался въ своихъ письмахъ къ Дмитріеву [4]) и неизвѣстному лицу [5]) на ту несправедливую задержку жалованія, ко-

---

[1]) Ср. его послѣсловіе къ баснѣ „Орелъ и Сорока", написан. въ Архангельскѣ. (Собр. соч. т. I, стр. 101):

„Пускай глупцы зовутъ меня излишне строгимъ,
Неосторожнымъ, дерзкимъ, злымъ" и т. д.

[2]) Отъ 2-го марта 1829 г. (неизд.)

[3]) „Иллюстрація" 1846 г., № 17.

[4]) „Р. Архивъ" 1871, стр. 1003 и др.

[5]) „Иллюстрація" 1846 г. № 17.

торая происходила благодаря происканъ Миницкаго. Эта задержка такъ тяготила Александра Ефимовича, что онъ просилъ даже объ отдачѣ его подъ судъ, чтобы тѣмъ скорѣе разрѣшилось его неопредѣленное положеніе. Приходилось уповать только на Бога.

«Я въ крайности, не въ бѣдности, а въ совершенной нищетѣ,—но не унываю и на Бога уповаю»—писалъ онъ одному изъ своихъ пріятелей [1]).

Наконецъ, чтобы какъ-нибудь бороться съ нуждой, Александръ Ефимовичъ не отказался отъ предложенія давать уроки словесности въ Пажескомъ корпусѣ [2]). Занятія въ корпусѣ, судя по дошедшимъ до насъ въ рукописи отрывкамъ дневника Измайлова, интересовали его, радовали его и подборъ учениковъ и ихъ успѣхи etc [3]). Замѣтимъ, кстати, что, несмотря на короткое время своего преподаванія въ корпусѣ, онъ снискалъ къ себѣ самое искреннее расположеніе и теплую любовь со стороны воспитанниковъ [4]). Но мѣсто преподавателя въ Пажескомъ корпусѣ, конечно, далеко не могло удовлетворить нуждамъ Александра Ефимовича, и онъ былъ радъ даже, въ погонѣ за кускомъ хлѣба, давать частные уроки [5]). Наконецъ, онъ задумалъ снова приняться за изданіе журнала; онъ уже составилъ его программу, получилъ утвержденіе [6]), напечаталъ публикаціи (журналъ предполагалось назвать «Любитель Отечественнаго»), но изданіе это не осуществилось, ибо, во-первыхъ, какъ онъ самъ говоритъ,—«ему предложили мѣсто и такое мѣсто, какого и во снѣ не видѣлъ»,—во-вторыхъ, предпріятію тому помѣшали болѣзнь и смерть. Не осуществилось также намѣреніе его напечатать кое-что изъ своихъ бумагъ (между прочимъ дневникъ) и выпустить новое изданіе своихъ басенъ и сказокъ.

Такъ разбивались одно за другимъ предпріятія Александра Ефимовича, на старости лѣтъ принужденнаго съ такими усиліями пріиски-

---

[1]) Ibid.

[2]) Говорятъ, что онъ получилъ это предложеніе при содѣйствіи Я. И. Ростовцева, тогда адъютанта вел. кн. Михаила Павловича (см. „Дѣло“ 1874 г. № 4); но, чтобы начать уроки, Измайлову все-таки пришлось испытать немало проволочекъ (см. „Иллюстрація“ 1846 г. № 18).

[3]) См. подробности въ письмѣ Измайлова къ И. И. Дмитріеву: „Р. Арх.“ 1871 г., стр. 1005; также въ статьѣ „петерб. старожила“ (Бурнашева): „Кто былъ оригиналомъ Митрофанушки“ („Иллюстрація“ 1861 г., № VII, впрочемъ статья эта полна грубыхъ ошибокъ).

[4]) Въ дошедшихъ до насъ въ рукописи отрывкахъ дневника Измайлова часто встрѣчаются замѣтки Александра Ефимовича о своемъ преподаваніи въ корпусѣ и о тѣхъ знакахъ уваженія, которые часто выражали ему пажи, весьма довольные его и лекціями и обхожденіемъ.

[5]) См. „Р. Архивъ“ 1871 г., стр. 1004.

[6]) Отъ 27 ноября 1829 года.

вать себѣ необходимыя средства къ существованію. Къ несчастіямъ разнаго рода присоединились еще болѣзни, которыя чаще и съ большими осложненіями стали навѣщать писателя, уже и безъ того разстроеннаго и ослабѣвшаго отъ перенесенныхъ бурь. Такъ, едва успѣвъ оправиться отъ удара, постигшаго его въ началѣ 1830 года, вслѣдствіе котораго онъ надолго лишился способности владѣть нѣкоторыми членами, Измайловъ въ мартѣ мѣсяцѣ сильно простудился и заболѣлъ горячкой.

«Тогда и послѣдній скудный источникъ моихъ финансовъ изсякъ совершенно»—писалъ онъ И. И. Дмитріеву.—«Но Богъ милостивъ:—прибавляетъ онъ—въ то время, когда искуснѣйшіе врачи сомнѣвались въ моемъ исцѣленіи, болѣзнь моя и дѣла приняли счастливѣйшій оборотъ. Государь воздвигъ меня, можно сказать, со смертнаго одра, всемилостивѣйше пожаловавъ мнѣ, по ходатайству благотворительнаго и справедливаго министра, 2.000 рублей. Миницкаго отставили, а любимцы его, ненавидѣвшіе насъ съ Бухаринымъ за то, что мы знать ихъ не хотѣли, и не умѣли подгибать колѣни, и теперь, чай, сидятъ въ Петропавловской крѣпости» [1]).

Дѣйствительно, къ началу апрѣля 1830 года дѣло Измайлова съ Миницкимъ было разобрано; оказалось, что Измайловъ былъ виновенъ только въ «нѣкоторыхъ неприличныхъ выраженіяхъ» [2]), допущенныхъ имъ въ сношеніяхъ съ архангельскимъ генералъ-губернаторомъ, по адресу правителя канцеляріи—Шамарина. Миницкій же былъ уволенъ отъ службы «за предосудительные и пользамъ службы несоотвѣтственные поступки» [3]). Получивъ, такимъ образомъ, давно желанное оправданіе, Александръ Ефимовичъ подалъ черезъ министра Канкрина государю прошеніе, «коимъ, повергая Монаршему благоуваженію крайне бѣдное положеніе свое при многочисленномъ семействѣ и долголѣтнюю безпорочную службу, испрашивалъ назначенія ему жалованія для спасенія его при наступающей старости отъ совершенной нищеты». Просьбу эту 8-го августа того же года высочайше повелѣно было исполнить. Департаменту казначейства былъ отданъ приказъ «объ опредѣленіи статскаго совѣтника Измайлова на первую могущую открыться вакансію начальника отдѣленія по департаменту государственнаго казначейства», и, хотя таковой въ наличности не оказалось, но департаментъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, нашелъ возможнымъ «считать Измайлова начальникомъ одного изъ контрольныхъ отдѣленій съ производствомъ ему

---

[1]) „Р. Арх." 1871, стр. 1004.

[2]) Изъ доклада гр. Е. Ф. Канкрина его императ. величеству, отъ 8-го августа 1830 г. (Архивъ министерства финансовъ).

[3]) См. „Общій морской списокъ", Спб. 1890 г., стр. 365.

штатнаго жалованія по 3.000 рублей въ годъ» [1])... Въ ноябрѣ того же года, какъ значится въ формулярѣ, онъ было уволенъ вовсе отъ службы съ пенсіономъ въ 2.000 рублей въ годъ.

Послѣднимъ утѣшеніемъ Александра Ефимовича было—удачная выдача замужъ младшей дочери [2]), въ напутствіе которой, при ея вступленіи въ брачную жизнь, онъ далъ «инструкцію», начинающуюся словами:

„Опора нѣжная дебелаго слѣпца!
Ты покидаешь мать и хвораго отца,
И только-что теперь изъ-подъ вѣнца!
Прими же ты мое сердечно поздравленье,
Благословенье;
Приданнаго не дамъ тебѣ причина: нѣтъ!
Не крючкотворецъ я,—поэтъ.
А дамъ, пожалуй, наставленье,
Инструкцію въ стихахъ:
Да врѣжутся мои слова у васъ въ сердцахъ“....

(Дальше идетъ наставленіе мужу и женѣ, подкрѣпляемое частыми ссылками на Священное Писаніе) [3]).

Но наслаждаться прелестями спокойной жизни Александру Ефимовичу пришлось не долго,—дни его были сочтены: въ четвергъ 16-го января слѣдующаго года (1831) на одной изъ лекцій въ корпусѣ онъ почувствовалъ себя дурно, и, несмотря на тотчасъ же оказанную помощь, привезенъ былъ домой въ безпамятствѣ и въ два часа по полудни скончался [4]). 18-го января состоялось торжественное погребеніе на средства, собранныя обширнымъ кругомъ знакомыхъ и друзей Александра Ефимовича, большею частью изъ пишущей братіи. Гробъ несли всѣ оказавшіеся налицо петербургскіе литераторы. Похороненъ онъ на Смоленскомъ кладбищѣ, гдѣ стоитъ и понынѣ надъ его могилой скромный памятникъ.

Нѣкоторые журналы и газеты почтили умершаго писателя краткими некрологами [5]).

---

[1]) Изъ архива министерства финансовъ по департаменту госуд. казначейства отъ 11 авг. 1830 г., за № 51.

[2]) См. „Иллюстрація“, 1846 г. № 17.

[3]) Собр. соч., т. I, стр. 367—370.

[4]) Гр. Д. И. Хвостовъ такъ отмѣтилъ скоропостижную кончину А. Е. Измайлова въ надгробіи, посвященномъ нашему баснописцу:

Но ахъ! закашлявшись на родинѣ Пиндара,
Въ Петрополь приката, скончался отъ удара.

(См. „Стихотворенія гр. Д. И. Хвостова“, т. VII, Спб. 1834, стр. 227 и 276).

[5]) „Колокольчикъ“, № 6, стр. 24; „Сѣв. Пчела“, № 56; „Литерат. газета“ № III, стр. 39; „Сѣв. Меркурій“, № 5 и др.

Такъ грустно закончилось на 52-мъ году существованіе человѣка, въ продолженіе болѣе чѣмъ 30 лѣтъ неустанно, по мѣрѣ силъ своихъ, трудившагося на поприщѣ общественной, въ широкомъ смыслѣ, и литературной, въ частности, дѣятельности. Тяжело было Александру Ефимовичу на закатѣ своихъ дней сознавать себя въ томъ горькомъ, безотрадномъ положеніи, въ которомъ онъ очутился по несправедливости.....

25 слишкомъ лѣтъ, не выѣзжая изъ Петербурга, прослуживъ въ одномъ вѣдомствѣ, какъ честный чиновникъ, и столько же поработавъ на нивѣ нашей литературы, какъ честный откровенный литераторъ, какъ журналистъ, поставившій одной изъ цѣлей своего органа—будить чувство состраданія къ несчастнымъ, наконецъ, какъ представитель одного изъ лучшихъ нашихъ литературныхъ обществъ, Александръ Ефимовичъ на старости лѣтъ долженъ былъ оставить городъ, гдѣ, можно сказать, сложилась его жизнь и слава, и ѣздить по весямъ Россійскаго государства, перекочевывая изъ одного уѣзда Тверской губерніи въ другой, или тащясь по промерзлой почвѣ архангельскихъ тундръ за рекрутскими наборами, по «кабацкимъ дѣламъ» и прочимъ обязанностямъ вице-губернатора тогдашнихъ временъ. Тяжело жилось въ провинціи Александру Ефимовичу среди удручающей пустоты провинціальнаго прозябанія, дрязгъ и плутней чиновниковъ, испытывая подъ часъ несправедливости и упреки со стороны ближайшаго начальства, но еще тяжелѣе пришлось ему чувствовать себя въ Петербургѣ послѣ своихъ невольныхъ странствованій, по причинамъ намъ извѣстнымъ. Глубокой грустью и истинно-безотраднымъ чувствомъ отзываются его письма и произведенія двухъ послѣднихъ годовъ его жизни. Онъ уже не пишетъ ни шуточныхъ посланій, ни мадригаловъ, ни эпиграммъ, если же и прозвучитъ кое-когда шутливая нотка, то какой-то болѣзненностью и грустью вѣетъ отъ нея.

Порой въ отчаяніи Александръ Ефимовичъ перестаетъ считать себя и сочинителемъ, и отказывается отъ званія стихотворца:

„ . . . . Я ужъ не поэтъ.
Плохой теперь я сочинитель:
Не только для стиховъ, для прозы не гожусь“ [1]),—

писалъ онъ въ концѣ 1830 года женѣ, которой нѣжное попеченіе о своемъ больномъ мужѣ доставляло ему самое лучшее облегченіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ—какъ мы успѣли замѣтить—въ немъ сильнѣе говоритъ религіозное чувство, надежда на Бога и Его милость. Не переставая интересоваться текущей литературой и слѣдя за появляющимися въ ней новинками, онъ въ то же время прилежно занимается чтеніемъ Священнаго Писанія, проситъ, чтобъ ему чаще читали изъ него, такъ какъ

[1]) Собр. соч., т. I, стр. 361.

самъ онъ, почти потерявъ зрѣніе, не въ состояніи дѣлать этого; этимъ глубокимъ, живымъ религіознымъ чувствомъ проникнуто все, что писалъ онъ въ послѣдніе предъ смертью годы.

Многіе пожалѣли объ его смерти,—многіе изъ тѣхъ, что получали отъ него чисто-нравственныя и въ особенности матеріальныя благодѣянія, которыя Александръ Ефимовичъ въ изобиліи расточалъ въ лучшую пору своей жизни; пожалѣли его многіе и изъ пишущей братіи, какъ тѣ, съ которыми онъ сохранялъ дружбу и былъ привѣтливъ, такъ и тѣ, съ кѣмъ онъ нерѣдко вступалъ въ перебранку на столбцахъ своего журнала.

«Покойный Измайловъ,—записалъ Кюхельбекеръ въ свой дневникъ вскорѣ послѣ смерти Александра Ефимовича,—былъ истинно-добрый мужикъ: я зналъ его очень хорошо, любилъ его и многимъ ему обязанъ» [1]).

«Измайловъ былъ человѣкъ самыхъ честныхъ, благородныхъ правилъ, добрый семьянинъ, кроткій, благонравный, добродушный»,—вспоминаетъ о немъ Гречъ въ своихъ «Чтеніяхъ» [2]).

«Измайловъ стоилъ того, чтобы знать его коротко,—писалъ Булгаринъ.—Во всемъ онъ былъ оригиналенъ: и по фигурѣ, и по одеждѣ, и по образу жизни, и по изложенію въ своихъ сочиненіяхъ, и даже по голосу. Лучшая изъ всѣхъ его оригинальностей была удивительная честность и праводушіе» [3]).

А тотъ самый Воейковъ, который такъ осмѣялъ Измайлова въ своемъ «Домѣ сумасшедшихъ», между прочимъ писалъ ему въ 1827 году:

«Веселость и счастье были всегда вашими адъютантами, а чистая совѣсть—начальникомъ штаба» [4]).

Итакъ, вотъ какимъ представляется Александръ Ефимовичъ, его жизнь и дѣятельность по документальнымъ даннымъ, воспоминаніямъ отзывамъ знавшихъ его лицъ и проч.; но для полноты его біографіи, какъ весьма существеннымъ пособіемъ, можно воспользоваться его собственными указаніями на свою личность, разсѣянными въ стихотвореніяхъ, прозаическихъ произведеніяхъ и на страницахъ его журнала «Благонамѣренный», въ статьяхъ, выноскахъ, примѣчаніяхъ.

Трудно указать другаго, кромѣ Александра Ефимовича, писателя, котораго не только личность, но вся жизнь со всѣми ея повседневными частностями, даже мелочами, выражалась бы такъ полно въ его произведеніяхъ, какъ у Измайлова.

---

[1]) „Русск. Старина“ 1883, VIII, стр. 114.
[2]) Т. II, стр. 295.
[3]) „Сѣв. Пчела“ 1849 г., № 141.
[4]) Письмо отъ 10-го апрѣля 1827 г. (неизд.)

Этотъ добродушный и откровенный до наивности литераторъ—весь въ своихъ произведеніяхъ, и если бъ до насъ не дошла его біографія, мы по однимъ лишь его произведеніямъ могли бы довольно близко познакомиться съ семейными, служебными и прочими обстоятельствами его жизни. Къ его произведеніямъ, въ данномъ случаѣ, какъ нельзя болѣе, подходитъ старинный стихъ:

„Душа писателя въ твореніяхъ видна".

«Творенія» Измайлова тѣмъ цѣннѣе для насъ въ этомъ отношеніи, что онъ, при своей откровенности, былъ замѣчательно правдивъ, въ чемъ легко убѣдиться, сравнивъ его собственныя данныя о себѣ съ тѣмъ, что сообщаютъ о немъ современники или говорятъ документы. Въ упомянутой нами ранѣе статьѣ Галахова читатель найдетъ довольно подробную характеристику писателя на основаніи его произведеній и можетъ убѣдиться, насколько, дѣйствительно, личность и малѣйшія стороны жизни и особенности Александра Ефимовича полно отражаются въ произведеніяхъ этого въ высшей степени добродушнаго, откровеннаго до наивности и, прибавимъ, симпатичнаго писателя. Измайловъ,—если можно такъ выразиться,—пропиталъ каждую строку своихъ произведеній своею личностью; онъ слился съ ними такъ нераздѣльно, что, читая его—басню-ли, сказку-ли, подстрочное-ли примѣчаніе его въ журналѣ подъ чужими произведеніями,—ну, такъ и видишь предъ собой этого добродушнѣйшаго русскаго человѣка.

Въ этомъ отношеніи Галаховъ, дѣйствительно остроумно выразился, что Измайловъ,—была личность «эгоистическая въ добромъ смыслѣ» [1]): онъ любитъ, чрезвычайно любитъ говорить о себѣ, о своей личности, о всемъ, что относилось и относится къ нему.

Но можно-ли осуждать его за эту слабость: пусть онъ много любитъ говорить и говорилъ о себѣ, но онъ былъ истинно русскій добрый человѣкъ, и, читая его professions, знакомясь съ его личностью по его собственнымъ же указаніямъ о себѣ, мы знакомимся съ однимъ изъ честнѣйшихъ и добрѣйшихъ людей стараго времени, гдѣ и среди мрака, грубости и невѣжества были все же люди, память о которыхъ достойна самаго глубокаго уваженія; мы знакомимся въ лицѣ Александра Ефимовича, если не съ крупнымъ общественнымъ дѣятелемъ или писателемъ крупнаго таланта, то во всякомъ случаѣ съ человѣкомъ, сдѣлавшимъ много добра и не принесшимъ никому зла ни дѣйствіемъ, ни своими безобидными произведеніями. И съ полною справедливостью на его могилѣ можно было бы написать ту самую эпитафію, которую онъ сочинилъ своему отцу:

---

[1]) „Современникъ" 1850 г., № 23, отд. крит., стр. 54.

„Здѣсь прахъ покоится честнóго человѣка:
Онъ зла не дѣлалъ и врагамъ;
Служилъ съ усердіемъ отечеству полвѣка,
И имя доброе оставилъ только намъ“ [1])...

И Измайловъ,—заключимъ мы біографію его,—имѣлъ полное основаніе выразить слѣдующую мысль о своей «могилкѣ», жалуясь въ одномъ изъ писемъ женѣ изъ Архангельска на притѣсненія Миницкаго и видя оправданіе своей дѣятельности лишь въ потомствѣ:

... «на мою могилку, когда и внуковъ уже нашихъ не будетъ, зайдутъ добрые люди и помолятся.—«Вотъ,—скажутъ,—здѣсь погребенъ баснописецъ Измайловъ, котораго немногіе при жизни умѣли оцѣнить» [2]).

Ив. Кубасовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Помѣщ. въ „Собр. сочин.“, т. I, стр. 383.
[2]) Отъ 1-го марта 1829 г. (неизд.)

Письмо Михаила Никифоровича Каткова—Помпею Николаевичу Батюшкову о положеніи дѣлъ въ виленскомъ генералъ-губернаторствѣ [1]).

9-го ноября 1869 г.

Многоуважаемый,
Помпей Николаевичъ!

Васъ постигло тяжкое испытаніе, и я не могу не выразить моего глубочайшаго соболѣзнованія. Я знаю ваше честное гражданское чувство и не сомнѣваюсь, что вы безропотно покорились священной волѣ государя, которому угодно было удалить васъ изъ края, гдѣ вы съ такою преданностью служили ему. Но въ то же время, васъ постигла скорбная утрата въ лицѣ такъ нѣжно любившей васъ сестры вашей, которая не могла перенести поразившаго васъ удара, такъ неожиданнаго для всѣхъ.

Въ положеніи вашемъ я принимаю тѣмъ живѣйшее участіе, что интрига, которой нѣтъ имени, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, распускаетъ въ публикѣ слухи, будто бы ваше, равно какъ и контръ-адмирала Шестакова увольненіе отъ должности было послѣдствіемъ какихъ-то сношеній со мною, будто бы у меня былъ сдѣланъ обыскъ и будто бы у меня найдены ваши письма, компрометтирующія васъ?

Пишу къ вамъ объ этомъ потому, что слухи эти сильно распространены въ Петербургѣ и въ своихъ главныхъ основаніяхъ идутъ изъ высшихъ административныхъ сферъ. По пріѣздѣ вашемъ въ Петербургъ вы, безъ сомнѣнія, были осаждены ими.

Мы оба, какъ вы, такъ и я, можемъ быть равнодушны къ общественнымъ сплетнямъ, но можемъ ли мы оставаться спокойны при малѣйшемъ сомнѣніи, что мы оклеветаны предъ государемъ?

---

[1]) П. Н. Батюшковъ былъ передъ тѣмъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа и только-что отчисленъ отъ этой должности.

Что касается меня, то я готовъ отважиться на все и пожертвовать всѣмъ для того, чтобы государю императору, которому посвящены были всѣ мои помыслы и дѣйствія, была открыта истина.

Контръ-адмирала Шестакова я вовсе не зналъ, никогда не видалъ его и никогда не находился, ни по какому предмету, ни въ прямыхъ, ни въ косвенныхъ сношеніяхъ съ нимъ. Крестьянское дѣло въ Западномъ краѣ я зналъ во всѣхъ его подробностяхъ гораздо прежде, чѣмъ онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Вильну, и не думаю, чтобы онъ могъ сообщить что-нибудь новое какъ по этому вопросу, такъ и вообще по дѣламъ тамошняго управленія. О циркулярѣ, полученномъ имъ отъ генералъ-губернатора для разсылки по мировымъ учрежденіямъ, я узналъ впервые изъ «Виленскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», гдѣ онъ былъ напечатанъ, и о содержаніи этого циркуляра была рѣчь въ моей газетѣ на основаніи опубликованнаго во всеобщее свѣдѣніе документа. Другіе же документы, о которыхъ была рѣчь въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и которые поразили меня, и вынудили къ разъясненіямъ и подали къ тому первый поводъ, относились не къ Шестакову. Подлежа закону гласности, циркуляры административной власти по крестьянскимъ учрежденіямъ не составляютъ канцелярской тайны, а всякій легко можетъ узнавать и о ихъ существованіи, и о ихъ содержаніи. Могъ ли генералъ-губернаторъ разсчитывать на то, что его циркуляры останутся тайною, когда они назначались имъ для разсылки по мировымъ учрежденіямъ, которыя обязаны предъявить ихъ обѣимъ заинтересованнымъ сторонамъ? Весь край зналъ о ихъ существованіи. Слухи о нихъ проникли даже за границу и копіи съ нихъ были распространены повсюду. Въ Москвѣ многіе знали ихъ прежде, чѣмъ они дошли до моего свѣдѣнія.

За нѣсколько часовъ предъ симъ, просматривая газету «Вѣсть», которая, какъ вамъ вѣроятно извѣстно, служитъ органомъ лицъ, находящихся въ близкихъ сношеніяхъ и съ шефомъ жандармовъ, и съ виленскимъ генералъ-губернаторомъ, я встрѣтилъ ясные, совершенно не двусмысленные намеки на мои сношенія съ вами и съ Шестаковымъ. Клевета, проникнувъ въ печать, обязываетъ меня къ личному объясненію, и считаю своимъ долгомъ предувѣдомить васъ объ этомъ, въ надеждѣ, что вы поймете и оцѣните побужденія, которыя заставляютъ меня заговорить публично о васъ и о моихъ отношеніяхъ къ вамъ. Васъ я давно знаю, съ вами дѣйствительно находился въ сношеніяхъ. Но въ какихъ? Когда вы завѣдывали дѣломъ постройки храмовъ въ Западномъ краѣ, я препровождалъ къ вамъ пожертвованія, которыя собирались на этотъ предметъ въ редакціи моей газеты, а отъ васъ получалъ оффиціальныя свѣдѣнія для публикаціи о ходѣ этого дѣла. По назначеніи васъ попечителемъ въ Вильну, вы раза два, или три присылали мнѣ религіозныя римско-католическія изданія, которыя выходили при вашемъ управле-

ніи, и въ то же время, по просьбѣ моей, сообщали мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія, появлявшіяся впрочемъ и въ «Виленскомъ Вѣстникѣ», свѣдѣнія объ учебномъ дѣлѣ въ вашемъ округѣ и объ успѣхахъ русскаго языка между католиками, которыми этотъ важный вопросъ обязанъ вашей неутомимой и просвѣщенной заботливости.

Я долженъ сказать это въ печати и смѣю думать, что вы вслѣдствіе этого не посѣтуете на меня за нескромность. Клевета, какъ мнѣ извѣстно, воспользовалась даже вашею поѣздкою въ Москву и увѣряетъ съ непостижимою наглостью, будто вы диктовали мнѣ статьи о тѣхъ систематически, очевидно, предумышленныхъ и поразительныхъ уклоненіяхъ отъ объявленной высочайшей воли, на которыя было съ подробнымъ объясненіемъ указано въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ виду тѣхъ неотразимо пагубныхъ послѣдствій, которыя не замедлили бы произойти, если бы распоряженія генералъ-губернатора не были замѣчены и продолжали приводиться въ исполненіе. Но клевета, примѣшивая ваше имя къ этому дѣлу, забыла только то, что статьи «Московскихъ Вѣдомостей» появились въ свѣтъ задолго до вашего выѣзда изъ Вильны, и что стало быть трехдневное пребываніе ваше въ Москвѣ не можетъ имѣть съ ними ничего общаго. Вчера одно уважаемое и заслуживающее вполнѣ довѣрія лицо, прибывши изъ Петербурга, сообщило мнѣ, что тамъ толкуютъ также о томъ, что вы, находясь въ Москвѣ, по старому доброму знакомству посѣтили меня. Но я принималъ у себя многихъ лицъ, стоявшихъ въ главѣ администраціи, начиная съ нынѣшняго министра внутреннихъ дѣлъ. Неужели я зачумленный или каторжный, что даже простое знакомство со мною можетъ компрометтировать людей почтенныхъ и заслуженныхъ. Что же сдѣлалъ я предосудительнаго въ моей дѣятельности, которая протекла на глазахъ у всѣхъ?

Если бы даже и былъ между нами какой разговоръ о положеніи крестьянскаго дѣла въ виленскомъ генералъ-губернаторствѣ, то развѣ откровенное выраженіе мнѣнія по этому предмету можетъ быть сочтено за дѣло предосудительное и преступное? Но именно объ этомъ-то предметѣ не было ни слова сказано между нами. Я видѣлся съ вами два раза: по пріѣздѣ вы сдѣлали мнѣ короткій визитъ, при которомъ, кромѣ обычныхъ привѣтствій, мы не успѣли сказать другъ-другу почти ни слова, а на другой день вы у меня обѣдали въ обществѣ довольно многочисленномъ и послѣ стола уѣхали прежде всѣхъ. Единственный сколько-нибудь дѣловой предметъ, котораго мы касались въ общемъ разговорѣ, было распространеніе русскаго языка между иновѣрцами, къ чему подало поводъ случайное въ то время присутствіе у меня католическаго священника Фелинскаго, съ которымъ я васъ познакомилъ, и который сообщилъ вамъ свои взгляды и соображенія по этому вопросу.

Разумѣется, всѣхъ этихъ подробностей я не могу разсказывать въ печати; тѣмъ не менѣе надобно же разъяснить сущность дѣла и отразить клевету. Не знаю, какъ я успѣю въ этомъ, въ печати я могу дать только тѣ намеки, которые высказались въ печати же. Сію минуту принялся бы я за перо, но я едва имѣю силы дописать и это длинное посланіе къ вамъ. Здоровье мое страшно потрясено, я чувствую невыносимое стѣсненіе въ груди и едва могу держать перо въ рукѣ. Извѣстія одно другаго мрачнѣе доходятъ до меня изъ Петербурга. Вчера былъ день моихъ именинъ, и никогда еще не проводилъ я этого дня такъ печально. Вотъ результатъ моей многолѣтней дѣятельности, на которую я положилъ всего себя, и въ которой, видитъ Богъ, не имѣлъ никакого побужденія, кромѣ пользы и службы государю.

Будущее, близкое будущее разоблачитъ всю истину. Но мои силы уже надломлены, и мнѣ остается только молить Бога за дѣло, которому служилъ. Я долженъ поспѣшить принятіемъ мѣръ къ тому, чтобы такъ или иначе прекратить мою публичную дѣятельность и передать кому-нибудь нашу газету. И такъ я не знаю, успѣю ли скоро написать необходимое объясненіе для печати. А между тѣмъ клевета, которая касается и вашей и моей чести, продолжаетъ распространять свой ядъ. Я уполномочиваю васъ показывать всѣмъ вашимъ друзьямъ и знакомымъ это письмо мое, за каждое слово котораго я готовъ отвѣчать хотя бы предъ судомъ [1]).

Душевно преданный М. Катковъ.

---

[1]) Письмо это 13-го ноября было представлено императору Александру II, который, встрѣтивъ генералъ-адъютанта Николая Васильевича Зиновьева, женатаго на сестрѣ Помпеи Николаевича, сказалъ ему: „Прочиталъ письмо Каткова къ Батюшкову,—много правды. Хочу тебѣ его показать, но въ настоящую минуту оно у императрицы“.

Нѣмцы о Пушкинѣ въ 1899 г.

V [1]).

Прежде, чѣмъ приступить къ рѣшенію только-что указанной задачи, намъ, однако, необходимо коснуться, въ видѣ матеріала, мнѣнія нѣмецкихъ писателей объ отдѣльныхъ, преимущественно главнѣйшихъ произведеніяхъ Пушкина. Оцѣнка этихъ произведеній съ точки зрѣнія нѣмецкой критики уяснитъ намъ самую постановку нашей главной задачи посредствомъ ряда отвѣтовъ на вопросы, вызванные предыдущей главою. Мы должны убѣдиться въ томъ, насколько борьба творческаго самознанія съ внѣшними на него вліяніями отразилась на достоинствахъ и качествахъ произведеній Пушкина. Мы не будемъ однако касаться лицейской эпохи въ поэтической дѣятельности Пушкина и смѣло можемъ ее пропустить, какъ періодъ подготовительный и уже достаточно затронутый нами въ упоминаніяхъ о стихотвореніяхъ «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» и «Принцу Оранскому». Впрочемъ, мы будемъ обращать вообще вниманіе лишь на тѣ произведенія Пушкина, которыя упоминаются юбилейными нѣмецкими о немъ статьями, и считаемъ излишнимъ дополнять, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, скудныя данныя этого источника. Нѣмецкая критика всего подробнѣе и существеннѣе останавливается на поэмахъ и драматическихъ произведеніяхъ Пушкина, лирикѣ его отводитъ незначительное сравнительно мѣсто, а его сочиненій въ прозѣ, за небольшими исключеніями, касается почти мимоходомъ. Въ этомъ порядкѣ мы приступаемъ къ нашему обзору.

«Руслана и Людмилу» нѣмцы вполнѣ правильно отмѣчаютъ, какъ

[1]) См. «Русскую Старину», май 1890.

первый шагъ, вполнѣ обезпечившій литературную славу Пушкина. Поэма эта, благодаря своему объему и содержанію, впервые указала русскому обществу на силы поэта во всей ихъ полнотѣ, а равно и обнаружила его подлинное имя. Критика юбилейной прессы особенно подчеркиваетъ такое значеніе произведенія Пушкина и подробно обсуждаетъ причины успѣха «Руслана и Людмилы». Да не посѣтуютъ на насъ читатели за обстоятельную передачу нѣмецкихъ отзывовъ.

«Въ 1820 году появилась поэма «Русланъ и Людмила», первое произведеніе, подписанное: Александръ Пушкинъ. Этою поэмою, сочиненною въ формѣ народной сказки, русская поэзія открыла себѣ путь въ область всемірной литературы и особенностями своихъ подробностей возбудила въ Россіи столько же восторга, сколько и порицанія. Однимъ эта поэма показалась дерзкимъ вызовомъ, брошеннымъ по адресу неуязвимыхъ преданій классицизма, другіе привѣтствовали въ немъ свѣтлую зорю новѣйшей поэзіи. Въ «Русланѣ и Людмилѣ» народныя повѣрія подверглись фантастическому пересказу со своею яркостью и сочностью красокъ, присущихъ романтизму, со всею, недоступною предшественникамъ Пушкина, прелестью языка, со всею игрою чувствъ, переливающихся до самой ѣдкой сатиры. По мнѣнію историковъ русской литературы, немногія геніальныя творенія способны были возбудить страсти до такой степени, какъ эта поэма» (ф. Ст.). Второй критикъ относится къ этому первому крупному плоду таланта Пушкина нѣсколько строже и говоритъ: «несмотря на свою незрѣлость и отсутствіе оттѣнка истинной народности, произведеніе это заслужило несомнѣнный успѣхъ новизною сюжета и необычностью его обработки» (Норденъ), и затѣмъ повторяетъ извѣстіе перваго автора о спорѣ, возникшемъ изъ-за поэмы Пушкина, между «молодымъ поколѣніемъ и приверженцами ложнаго классицизма». Третій критикъ, Адамъ, во главѣ романтиковъ, восхищавшихся поэмой Пушкина, называетъ Жуковскаго и сообщаетъ, что классики отнеслись къ ней, какъ къ пародіи на народныя пѣсни. Успѣхъ «Руслана и Людмилы» зависѣлъ отъ рѣзкости, съ которою Пушкинъ, какъ романтикъ, выступилъ противъ приверженцевъ царившаго тогда псевдоклассицизма (Ульманнъ). Брандесъ, мнѣніе котораго не лишено интереса, говоритъ о «Русланѣ и Людмилѣ» слѣдующее: «это произведеніе имѣло громадный успѣхъ, хотя являлось лишь сказкой въ стихахъ, заимствованной изъ русскаго народнаго преданія. Поэма эта, помимо старательности въ отдѣлкѣ и искусства въ изложеніи сюжета, не представляла даже оригинальности. По чисто романтическому своему характеру и при полномъ отсутствіи психологическаго значенія, это произведеніе произвело впечатлѣніе лишь нѣкоторою легкостью тона и сильною чувственною окраскою». Любопытно, по реторическимъ прикрасамъ, объясненіе успѣха «Руслана и Людмилы»

Голантомъ. «Впечатлѣніе, произведенное этою поэмою, было подобно пушечному выстрѣлу среди ночной тишины или метеору, озарившему глубокій мракъ небесъ. Поэма эта въ корнѣ нарушила всѣ господствовавшія въ тогдашней литературѣ условія неестественности и манерности. Въ «Русланѣ и Людмилѣ» нельзя было найти слѣдовъ ни *лодульности* и жеманности классиковъ, ни плаксивой чувствительности и туманной мечтательности романтиковъ. Глупцы, засѣвшіе за оплоты классицизма, объявили «Руслану и Людмилѣ» войну и поэму эту, совмѣстно съ ея авторомъ, восходящимъ свѣтиломъ, оцѣнили по достоинству лишь Жуковскій, поэтъ и переводчикъ, да историкъ Карамзинъ». Однако не всѣ нѣмецкіе критики ограничиваются однимъ полемическимъ значеніемъ поэмы, какъ причиною ея необычайнаго успѣха, и многіе изъ писателей со вниманіемъ останавливаются на ея положительныхъ достоинствахъ. «Языкъ»,—говоритъ Энгельгардъ,—«яркость и легкость изображенія, богатство мысли и юмора, насмѣшливость сатиры и сила реализма, въ связи съ глубокимъ пониманіемъ русскихъ народныхъ преданій, бывшихъ до того въ полномъ пренебреженіи,—все это показалось чѣмъ-то небывалымъ въ русской литературѣ, и превосходство Пушкинскаго гѣнія принуждены были признать даже его враги». Цабель отмѣчаетъ въ «Русланѣ и Людмилѣ», «прелесть изложенія, глубину чувства и легкость насмѣшки», Адамъ,—чарующее обаяніе слога, мелодичную плавность стиховъ, живую роскошь картинъ и пластичный реализмъ въ изображеніи пестраго сказочнаго міра. Прочіе нѣмецкіе писатели даютъ подобные же отзывы. Въ этой поэмѣ Пушкинъ проявилъ всѣ свои отличительныя черты, художественность, легкость шутки, сильную чувственность и грустный лиризмъ настроенія (Ремеръ), сдѣлалъ попытку связать чужеземный романтизмъ съ мѣстными особенностями русской народности («Веймарская газета»); несмотря на свою незрѣлость, поэма эта отличается свѣжестью и жизненностью. и соединяетъ въ себѣ самые разнообразные элементы: романскую пылкость южнаго воображенія съ сказками о скудной природѣ сѣвера и итальянскіе мотивы съ русскими подробностями (Шакъ). Нѣкоторые авторы статей въ нѣмецкихъ газетахъ ограничиваются только упоминаніемъ названія разбираемой поэмы Пушкина, не входя въ ея оцѣнку (Французъ, Стернъ, Ржехакъ, «Вѣнская Новая Пресса»), или указываютъ въ немъ слѣды чуждыхъ вліяній, какъ напримѣръ Аріоста (Норденъ, Цабель, Адамъ, Брандесъ, Французъ), нѣмецкихъ романтиковъ вообще (Французъ) и Виланда въ особенности, а равно и Жуковскаго (Брандесъ). О. Вольбрюкъ сообщаетъ, что Пушкинъ, по мѣрѣ работы надъ «Русланомъ и Людмилою», прочитывалъ на вечерахъ у Жуковскаго отрывки изъ поэмы, въ которой явны вліяніе русскаго романтика съ одной стороны, а съ другой—слѣды народныхъ преданій родины. Энгельгардтъ

сравниваетъ «Руслана и Людмилу», по произведенному впечатлѣнію, съ Гётевскимъ Гецомъ фонъ-Берлихингенъ, но съ оговоркою: «въ нѣмецкой литературѣ уже до Геца существовали произведенія, проникнутыя реализмомъ, а Пушкинъ впервые далъ образецъ новой художественной формы, порвавъ съ преданіями классицизма и не запутавшись въ лабиринтѣ романизма».

Первый періодъ ссылки Пушкина, именно эпоха его пребыванія на югѣ Россіи, ознаменовалась появленіемъ четырехъ его поэмъ, написанныхъ подъ впечатлѣніями Кавказа, Крыма и Бессарабіи, именно: «Кавказскаго плѣнника», «Братьевъ разбойниковъ», «Бахчисарайскаго фонтана» и «Цыганъ». Эти четыре произведенія, которыя мы для сокращенія ссылокъ назовемъ южными поэмами Пушкина, останавливаютъ на себѣ особенное вниманіе нѣмецкой критики и даютъ матеріалъ для соображеній большинству изъ числа авторовъ юбилейныхъ статей (Адамъ, Брандесъ, Вольбрюкъ, «Веймарская газета», Голантъ, Энгельгардтъ, Ремеръ, Ржехакъ, Стернъ, Ульманнъ, Францозъ, Шакъ, д-ръ Z.). Знающій по-русски читатель оцѣнитъ въ этихъ произведеніяхъ всѣ достоинства формы и языка, а пользующемуся переводомъ понравятся описанія степей и горныхъ странъ (Францозъ). Поэмы эти со всею пестротою колорита и яркою живостью изображаютъ богатыя картины чуждой Пушкину среды (Dr. Z.), свидѣтельствуютъ о благотворномъ вліяніи, почерпнутомъ Пушкинымъ изъ посѣщенія новаго для него края (Стернъ), и отмѣчены печатью непосредственнаго сближенія съ дѣйствительною жизнью (Голантъ). Оцѣнивая каждую изъ южныхъ поэмъ въ отдѣльности, нѣмецкіе писатели высказываютъ слѣдующія мысли: «Братья разбойники» являются отраженіемъ очень сильной личности (Ремеръ), превосходятъ всѣ прежнія произведенія Пушкина пластичностью формы, совершенствомъ психологическаго анализа и поэтическою прелестью (Голантъ); поражаютъ искренностью чувствъ, которыя нельзя упрекнуть въ явной подражательности Байрону, хотя «Разбойники» Пушкина, конечно, отличаются отъ настоящихъ; поэма эта съ наивною вѣрностью отражаетъ настроеніе самого автора (Брандесъ). «Кавказскій Плѣнникъ» представляетъ собою величественное описаніе природы (Ремеръ) и замѣчателенъ ея картинами (Брандесъ), обратилъ Пушкина изъ извѣстнаго поэта въ знаменитаго и послужилъ первымъ поводомъ для послѣдующихъ описаній Кавказа въ русской литературѣ (Вольбрюкъ). Татарская повѣсть («Веймарская газета») «Бахчисарайскій Фонтанъ» содержитъ въ себѣ великолѣпное описаніе мрачныхъ тайнъ и безмолвныхъ страданій магометанскаго гарема (Ульманнъ) и отражаетъ сильную личность автора (Ремеръ). Особенно поэтическія достоинства и красоты «Цыганъ», лучшей изъ южно-русскихъ поэмъ Пушкина (Брандесъ), поражаютъ

нѣмецкую критику превосходнымъ изображеніемъ непосредственной по дикости природы Земфиры (Ремеръ). Но,—говоритъ Энгельгардтъ,—образы героевъ въ южныхъ поэмахъ Пушкина «недостаточно очерчены и освѣщены, совсѣмъ, какъ у Байрона, который также не умѣлъ изображать характеры. Однако, въ «Цыганахъ» Пушкинъ, возвышается надъ своимъ оригиналомъ и въ лицахъ Алеко и Старика создаетъ такіе противоположные и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поразительные по реализму и жизненной правдѣ типы, какихъ мы тщенно стали бы искать у Байрона». Вліяніе байронизма на четыре перечисленныя поэмы Пушкина нѣмецкая критика вообще не оставляетъ безъ вниманія (д-ръ Z., Ремеръ), а одинъ писатель этому вопросу посвящаетъ слѣдующія строки. «Всѣ подробности байронизма: міровая скорбь, пресыщеніе жизнью и презрѣніе общественныхъ условій пропитываютъ всѣ лирическія и эпическія произведенія Пушкина этого періода его творчества. Въ каждой изъ названныхъ четырехъ поэмъ явны слѣды какого-нибудь изъ героевъ Байрона, именно Чайльдъ-Гарольда въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ», Гяура, въ «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ», Шильонскаго узника и Корсара въ «Братьяхъ разбойникахъ» и, наконецъ, героемъ «Цыганъ» оказывается тотъ же самый Байроновскій типъ скептика и врага цивилизаціи, какой, въ болѣе грубомъ видѣ, воплощенъ въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ» (Шакъ). Подобное же мнѣніе высказываютъ Адамъ, Брандесъ и Ульманнъ, а Французъ останавливается на скудной несложности содержанія южныхъ поэмъ и на однообразномъ впечатлѣніи отъ постоянной раздвоенности героевъ, которая обусловлена внѣшними причинами. Но законченностью и симпатичностью своихъ женскихъ типовъ Пушкинъ превосходитъ Байрона, по отзыву нѣкоторыхъ нѣмцевъ (Энгельгардъ, Шакъ), которые восхваляютъ нашего поэта также и за картины природы и черты мѣстной и народной жизни (Адамъ, Энгельгардъ, Ульманнъ).

Ограничившись однимъ упоминаніемъ о «Графѣ Нулинѣ» (Вольбрюкъ, Стернъ, Шакъ, «Веймарская газета») или замѣтками о проникнутомъ ѣдкою сатирою реализмѣ этой поэмы (Французъ) и о сходствѣ ея съ Байроновскимъ Беппо (Французъ), нѣмецкая критика главное свое вниманіе обращаетъ на капитальное произведеніе Пушкина, именно на «Евгенія Онѣгина».

Этимъ романомъ въ стихахъ занимаются чуть ли не всѣ наши источники (Адамъ, Бахманъ, Брандесъ, «Веймарская газета», Вольбрюкъ, «Гамбургскій листокъ» (№ 18) и «Указатель» (№ 19), Голантъ, журналъ «Дома», Энгельгардтъ, Феликсъ, Французъ, Норденъ, Ремеръ, Ржехакъ, Сандоръ, Стернъ, ф. Ст., Ульманнъ, Шакъ, Цабель, д-ръ Z., газеты: «Кельнская», «Крестовая», «Вѣнская Пресса и Недѣля»); уже одинъ этотъ длинный перечень именъ авторовъ и изданій

свидѣтельствуетъ о томъ, что нѣмецкая критика въ «Евгеніи Онѣгинѣ» видитъ главнѣйшее произведеніе Пушкина, не только по размѣрамъ, но и по значенію. Даже время, посвященное поэтомъ занятіямъ надъ этимъ лучшимъ своимъ произведеніемъ («Новая Вѣнская Пресса»), недостижимымъ образцамъ романа въ стихахъ («Гамбургскій мѣстный указатель», № 19), вознесшимъ Пушкина на верхъ славы (Стернъ), привлекаетъ особенное любопытство нѣмцевъ, указывающихъ на разные, хотя въ общемъ приблизительно и согласные, періоды 1823—1831 годовъ (Шакъ), 8 лѣтъ (Цабель), 7 лѣтъ 4 мѣсяца (Вольбрюкъ) и къ тому еще 17 дней (Адамъ). Такъ какъ «Евгеній Онѣгинъ» видимо является центромъ вниманія нѣмецкой критики, то наши читатели вѣроятно не посѣтуютъ на насъ за приведеніе въ подлинныхъ выраженіяхъ главнѣйшихъ отзывовъ объ этой поэмѣ. «Во многихъ чертахъ этой поэмы,— говоритъ Цабель, — отражается пессимизмъ лорда Байрона, Мюссе и Леопарди и все-таки въ своихъ подробностяхъ она имѣетъ какой-то, совершенно особенный, оттѣнокъ русской народности. Оттѣнокъ этотъ обусловленъ не только мѣстомъ дѣйствія, происходящаго въ Петербургѣ и Москвѣ, въ городѣ и деревнѣ, но и самыми характерами изображаемыхъ лицъ». «Другіе русскіе поэты далеко превзошли Пушкина, но его «Евгеній Онѣгинъ» настолько же извѣстенъ въ Россіи, насколько у насъ (то-есть въ Германіи) драмы Шиллера. Этотъ романъ даетъ дѣйствительно хорошую картину русской жизни того времени, но Пушкинъ не виноватъ въ томъ, что эта картина не привлекательна (wenig ansprechend). Все очарованіе этой поэмы заключается единственно въ прелести ея языка, и этимъ соображеніемъ должны руководствоваться нѣмецкіе читатели, не могущіе по переводамъ согласиться съ высокою оцѣнкою этого романа въ Россіи» (журналъ «Дома»). «Главнѣйшее произведеніе Пушкина имѣетъ прямое отношеніе къ міровой скорби, которую онъ, если не во всѣхъ подробностяхъ, то въ главнѣйшихъ чертахъ, облекъ въ «Онѣгинѣ» въ спеціальный нарядъ русской народности. При всемъ байронизмѣ своего характера, «Евгеній Онѣгинъ» въ сущности является чисто русскимъ представителемъ Николаевской эпохи, тунеядцемъ, который никогда ничѣмъ не занимался, лишнимъ человѣкомъ въ обществѣ, съ которымъ связанъ судьбою, и безъ характера, чтобы вырваться изъ него. По словамъ Герцена, онъ всегда чего-то ждалъ, но ничего не случилось, и вся его жизнь протекла въ безплодномъ чаяніи..... Конечно, въ «Онѣгинѣ» можно замѣтить недостатки, въ планѣ его нѣтъ связности, ходъ завязки страдаетъ отсутствіемъ движенія и вліяніе Байрона отражается на небрежности разсказа болѣе, чѣмъ казалось бы необходимымъ. Но въ этой повѣсти преобладающее значеніе принадлежитъ народнымъ чертамъ. Русская жизнь проходитъ передъ нами, какъ движущаяся панорама, со всѣми свѣтскими и помѣ-

щичьими нравами, съ картинами природы и временъ года, съ чертами закоснѣлаго суевѣрія и моднаго воспитанія. Странное, всю поэму проникающее, смѣшеніе восторженности и скептицизма, пламенной поэтичности и холодной разсудочности, также являютъ собою чисто русскую особенность» (Ульманнъ). «Романъ этотъ описываетъ жизнь разочарованнаго представителя тогдашняго русскаго общества и заключаетъ въ себѣ образцовое изображеніе общественной жизни и соціальныхъ типовъ Россіи, при чемъ разсказъ сопровождается глубокою наблюдательностію и остроумными сатирико-юмористическими выходками автора («Веймарская газета»). «Подчиненіе модѣ проходитъ по всему «Евгенію Онѣгину» и самою яркою чертою проявляется въ эпизодѣ убійства Онѣгинымъ своего лучшаго друга, Ленскаго, вызваннаго на дуэль ради соблюденія условій общественнаго приличія» (Брандесъ). «Евгеній Онѣгинъ» составилъ эпоху въ русской литературѣ. Въ немъ Пушкинъ впервые и съ полнымъ сознаніемъ провозгласилъ идею реализма. Содержаніе поэмы вполнѣ исчерпывается Пушкинскимъ стихомъ

Тамъ русскій духъ, тамъ Русью пахнетъ [1]).

Романъ этотъ былъ вѣрнымъ зеркаломъ тогдашней русской дѣйствительности, и въ этомъ зеркалѣ русское общество сейчасъ же себя узнало. Въ лицѣ Онѣгина встрѣчаемъ мы родоначальника всѣхъ тѣхъ общественныхъ типовъ, которые представлены Лермонтовымъ въ Печоринѣ, Гоголемъ въ Тентетниковѣ, Тургеневымъ въ Рудинѣ и Гончаровымъ въ Обломовѣ. Всѣ эти типы объясняются особенностями русскаго характера, и честь открытія этихъ особенностей принадлежитъ Пушкину. Въ своемъ романѣ «Наканунѣ» Тургеневъ для изображенія человѣка дѣла принужденъ былъ взять типъ болгарина, а Гончаровъ образцомъ живой силы и практическаго ума избралъ нѣмца Штольца» (Голантъ). «Въ новѣйшее время, когда русскій романъ заслужилъ международное значеніе и всемірную оцѣнку, часто возникалъ вопросъ о томъ, который именно русскій романъ слѣдуетъ признавать самымъ выдающимся образцомъ русской словесности. Прежде такимъ произведеніемъ обыкновенно считались «Мертвыя Души» Гоголя, но теперь русскіе литераторы согласны въ убѣжденіи, что ни «Война и Миръ», ни «Анна Каренина» Толстаго не могли бы появиться, если бы не имѣли предшественника въ «Евгеніи Онѣгинѣ», въ которомъ Пушкинъ вступилъ на почву трезваго реализма, независимаго отъ злобы дня и не отмѣченнаго ни романтизмомъ, ни доктринерствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ «Онѣгинъ» является первымъ русскимъ художественнымъ романомъ, отражающимъ среду образованнаго общества, о свѣтлыхъ и темныхъ

[1]) „Руслан и Людмила“, Прологъ.

сторонахъ котораго Пушкинъ могъ судить гораздо лучше, чѣмъ многіе его современники («Гамбургскій листокъ» № 18). «Евгеній Онѣгинъ» явился предшественникомъ въ стихахъ цѣлой серіи героевъ позднѣйшихъ русскихъ романовъ въ прозѣ» (Стернъ). Единственнымъ диссонансомъ во всемъ этомъ нѣмецкомъ, болѣе или менѣе хвалебномъ, хорѣ, является отзывъ анонима «Новой прусской крестовой газеты», который говоритъ слѣдующее: «знаменитый «Евгеній Онѣгинъ» по своему содержанію является задуманнымъ на низменномъ уровнѣ понятій, такъ какъ выдвигаетъ героя съ душою низкою, безотчетною къ нравственнымъ запросамъ и не чувствующею отвращенія къ обыденной низости» (sic).

Сдѣланныя выписки исчерпываютъ область общей оцѣнки «Евгенія Онѣгина». Но нѣмецкіе критики не ограничиваются такою оцѣнкою и входятъ по поводу поэмы Пушкина въ частныя соображенія. Изъ такихъ частностей одною изъ главнѣйшихъ является вопросъ о слѣдахъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ» вліянія Байрона. Отчасти вопросъ этотъ уже затронутъ въ приведенныхъ нами отзывахъ. Мы рѣшаемся дополнить эти отзывы слѣдующими подробностями. Въ «Евгеніи Онѣгинѣ»,—говоритъ одинъ изъ критиковъ,—«нельзя отрицать слѣдовъ Байрона въ чертахъ героя, разочарованнаго свѣтскаго человѣка, но въ немъ отражаются въ извѣстной степени и личные взгляды автора и кое-какія особенности его собственнаго характера. Однако, отдѣльныя, полныя жизни, картины поэмы даютъ такое вѣрное изображеніе всего русскаго быта, что Пушкинъ никакъ не можетъ быть обвиненъ въ недостаткѣ самостоятельности» (Адамъ). Другой писатель указываетъ, что «весь планъ «Онѣгина» и въ особенности типъ его главнаго героя едва-ли могли возникнуть въ воображеніи поэта безъ воздѣйствія Байрона» (Бахманъ). Третій нѣмецкій авторъ, не называя байронизма, объясняетъ мизантропію «Онѣгина» личными впечатлѣніями Пушкина. «Любя всю ярмарку общественнаго тщеславія, Пушкинъ далъ намъ остроумное и вѣрное ея изображеніе, особенно въ первыхъ пѣсняхъ своего главнаго произведенія. Но вездѣ, гдѣ мы встрѣчаемся съ такимъ изображеніемъ, вездѣ оно проникнуто чувствомъ горькаго презрѣнія. Авторъ постоянно подчеркиваетъ, что онъ вполнѣ созналъ его пустоту и вынесъ изъ него лишь разочарованіе, горечь страданія и чувство отвращенія. Весь вопросъ въ томъ, насколько это настроеніе, свидѣтельствующее объ увлеченіи Байрономъ, было у Пушкина искреннимъ (Ульманнъ) «Онѣгинъ» не мыслимъ безъ Байрона (Францозъ). «Конечно»,—объясняетъ Норденъ,—«суть настроенія великаго англичанина осталась чужда русскому поэту, который, наравнѣ съ Байрономъ, не былъ способенъ выработать свое собственное самостоятельное міровоззрѣніе». Приведемъ еще одну цитату, которая послужитъ намъ переходомъ къ опре-

дѣленію тѣхъ произведеній иностранныхъ литературъ, которыя нѣмецкіе критики выбираютъ для сравненія съ «Евгеніемъ Онѣгинымъ». Хотя черты Байрона,—пишетъ ф. Ст., говоря объ одесскомъ періодѣ Пушкинскаго творчества,—еще продолжаютъ отражаться въ русскомъ поэтѣ, совмѣстно со слѣдами нѣмецкаго романтизма, но съ этого времени почвенная русская окраска придаетъ произведеніямъ Пушкина полную самостоятельность. Правда, его романъ въ стихахъ «Евгенія Онѣгина» неоднократно сравнивали съ «Донъ Жуаномъ» Байрона, но это сравненіе касается только характера героя. Самый романъ, помимо своихъ поэтическихъ достоинствъ, имѣетъ и высокую культурно-историческую цѣну, какъ живое изображеніе русскаго общества, показное образованіе котораго предается бичеванію въ слѣдующихъ стихахъ:

„Мы всѣ учились понемногу,
Чему-нибудь и какъ-нибудь,
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
У насъ не мудрено блеснуть".

Большинство нѣмецкихъ критиковъ ограничивается краткимъ указаніемъ на сходство «Евгенія Онѣгина» съ «Донъ-Жуаномъ» Байрона (Адамъ, Брандесъ, Ремеръ, д-ръ Z., «Веймарская газета»), но нѣкоторые писатели подробно обсуждаютъ вопросъ объ этомъ сходствѣ. «Въ каждой исторіи литературы»,—пишетъ Стернъ —сообщается, что «Евгеній Онѣгинъ» возникъ на почвѣ Байроновскаго «Донъ-Жуана». Этой почвѣ, какъ извѣстно, обязана происхожденіемъ обширная эпическая литература, въ которой можно насчитать цѣлый рядъ подобныхъ же самостоятельныхъ поэмъ. Въ своей основѣ Пушкинскій романъ ограниченъ болѣе узкими, рѣзкими предѣлами, чѣмъ «Донъ-Жуанъ», бурныя приключенія котораго увлекаютъ насъ на пространство цѣлаго полуміра. Безъ сомнѣнія, Байронъ является родоначальникомъ какъ поэтическаго воспроизведенія современной жизни, такъ и постояннаго чередованія объективнаго разсказа съ сатирическими вставками автора. Но планъ, ходъ дѣйствія въ «Онѣгинѣ» и характеристика героевъ отличаются еще большею своеобразностью, чѣмъ допускается общепринятыми правилами». Цабель ограничиваетъ сходство «Онѣгина» съ «Донъ-Жуаномъ» и «Чайльдъ-Гарольдомъ» вставками въ разсказъ собственныхъ замѣчаній и намековъ автора. Мы отводимъ далѣе мѣсто указанію Сандора на «Онѣгина», какъ на типъ, соединяющій въ себѣ черты, напоминающія «Донъ-Жуана», «Манфреда», «Гамлета» и «Фауста», и удовольствуемся здѣсь упоминаніемъ о томъ, что журналъ «Сцена и Свѣтъ» (№ 15, въ текстѣ Пушкина) признаетъ, что «Онѣгинъ» настолько же принадлежитъ всемірной словесности, какъ «Донъ-Жуанъ» и «Чайльдъ-Гарольдъ». Но на мнѣніи Энгельгардта намъ не-

обходимо остановиться, какъ на возраженіи противъ обычнаго сравненія «Онѣгина» съ Байроновскимъ «Донъ-Жуаномъ». «Это обвиненіе»,—такъ выражается Энгельгардтъ,—«можно допустить лишь въ самой незначительной долѣ; Пушкинъ самымъ энергическимъ образомъ возставалъ противъ подобнаго пониманія своего «Онѣгина». Конечно, въ первой особенно главѣ поэмы, мы можемъ замѣтить нѣкоторые слѣды Байроновскаго вліянія, но затѣмъ слѣды эти вскорѣ исчезаютъ, и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи «Евгеній Онѣгинъ» представляется намъ произведеніемъ, поразительнымъ по своей реальности и по характеру своей истинно русской народности. Типы Татьяны, Евгенія и Ленскаго, а равно и достоинства этой поэмы ставятъ ее гораздо выше Байроновскаго «Донъ-Жуана». Если Евгеній, герой романа, и не имѣетъ никакихъ положительныхъ качествъ, то, углубившись въ содержаніе поэмы, мы должны признать, что самъ Пушкинъ стоитъ гораздо выше изображеннаго имъ типа, который онъ въ концѣ концовъ разоблачаетъ до полной наготы». Бахманъ находитъ связь между «Онѣгинымъ» и другимъ героемъ Байрона, но не «Донъ-Жуаномъ». По мнѣнію этого писателя, Пушкинскій Онѣгинъ является предшественникомъ Лермонтовскаго Печорина, а оба эти типа въ свою очередь происходятъ отъ ихъ общаго родоначальника Чайльдъ-Гарольда. Между этимъ Байроновскимъ героемъ и типомъ Печорина Онѣгинъ составляетъ только звено и переходную ступень. Французъ идетъ еще дальше и къ предметамъ сравненія присоединяетъ еще Гётевскаго «Фауста». «По манерѣ изложенія»,—говоритъ этотъ критикъ—«Онѣгинъ» вполнѣ напоминаетъ «Чайльдъ-Гарольда» и «Донъ-Жуана». Чѣмъ художественнѣе подражаніе этимъ образцамъ, со всею годностью и негодностью въ пріемахъ изложенія, со всѣми причудами и отступленіями автора отъ своего сюжета, тѣмъ менѣе мы склонны въ этой почти рабской копіи усмотрѣть побѣду русскаго поэта надъ англійскимъ; тѣмъ менѣе мы можемъ признать въ «Онѣгинѣ» произведеніе равное Гётевскому «Фаусту», истинную жемчужину всемірной поэзіи, такъ называютъ эту поэму русскіе исторіки словесности, преувеличивая заслуги Пушкина. Тѣмъ не менѣе эта комедія тунеяднаго дворянина заслуживаетъ особеннаго вниманія именно въ отношеніи ея культурно-историческаго значенія. По формѣ она подражательна, но по содержанію отличается самобытностью народности». Изложенному мнѣнію Француза, смягченному въ своемъ концѣ, противорѣчитъ не только-что вышеприведенный отзывъ Энгельгардта, предпочитающаго «Онѣгина» «Донъ-Жуану», но и согласныя съ этимъ отзывомъ оцѣнки Пушкина въ сравненіи съ Байрономъ, принадлежащія Адаму и Нордену. Въ заключеніе приведенныхъ нами образцовъ отношенія нѣмецкой критики къ сходству «Онѣгина» съ твореніями иностранной литературы, мы должны еще

остановиться на мнѣніи д-ра Z. Не довольствуясь сравненіемъ съ «Донъ-Жуаномъ» Байрона, этотъ анонимъ пользуется новѣйшимъ примѣромъ и сообщаетъ, что «Евгеній Онѣгинъ» написанъ въ духѣ Лиліенкроновскаго Поггфреда (sic). Это любопытное сообщеніе о вліяніи post factum требуетъ объясненія. Въ числѣ новѣйшихъ нѣмецкихъ писателей пріобрѣлъ извѣстность баронъ Детлефъ фонъ-Лиліенкронъ (род. 1844), участвовавшій въ войнахъ Германіи 1866 г. и 1870—71 годовъ и прославившійся разсказами изъ военнаго быта, поэмами, стихотвореніями, драмами и романами. Какъ лирикъ, Лиліенкронъ считается лучшимъ современнымъ представителемъ реализма въ поэзіи. Изъ числа написанныхъ имъ эпическихъ поэмъ одна носитъ заглавіе «Поггфредъ» (Poggfred). Къ сожалѣнію, въ московскихъ библіотекахъ и книжныхъ магазинахъ мы не могли найти этой поэмы, интересъ къ которой возбужденъ въ насъ словами анонимнаго критика въ «Сѣверо-Германской Всеобщей газетѣ» (№ 9) [1]). Во всякомъ случаѣ, д-ръ Z указалъ намъ на любопытный фактъ посмертнаго вліянія живаго писателя на мертваго. Впрочемъ, можетъ быть, что вопросъ этотъ гораздо проще рѣшается въ обратномъ смыслѣ. Тѣмъ болѣе жаль, что слава знаменитаго творенія барона Лиліенкрона не успѣла еще дойти до Москвы.

Посмотримъ теперь, какъ нѣмцы смотрятъ на типы, выведенные Пушкинымъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ», и въ чемъ эти типы отражаютъ черты русской народности и общественной среды? Начнемъ съ главнаго героя поэмы. Евгеній является пресыщеннымъ кутилой (Цабель), одновременно Донъ-Жуаномъ, Манфредомъ, Гамлетомъ и Фаустомъ, каждымъ понемножку и вмѣстѣ съ тѣмъ «русскимъ дворяниномъ начала нашего столѣтія» (Сандоръ). Въ первомъ объясненіи Евгенія съ Татьяной въ саду, когда онъ, въ отвѣтъ на ея признаніе въ любви, въ рѣзкой холодной отповѣди открываетъ передъ нею свое презрѣніе къ свѣту и предостерегаетъ ее отъ неразумнаго шага, Ульманнъ видитъ чисто-русскую черту самоистязанія и даже глубости ума, отличающей особенно героя «Кавказскаго Плѣнника». Французъ замѣчаетъ, что въ Россіи и до сихъ поръ еще много Онѣгиныхъ, подобныхъ тѣмъ, которые, по вышеприведенному опредѣленію Герцена, всю жизнь проводятъ въ безплодномъ ожиданіи чего-то не случающагося и этимъ ожиданіемъ удовлетворяютъ всѣ свои запросы. Отто Феликсъ считаетъ Онѣгина прототипомъ всѣхъ русскихъ нигилистовъ, какъ выведенныхъ Тургеневымъ въ Лаврецкомъ, Рудинѣ и

[1]) Лиліенкронъ и его сочиненія дали матеріалъ цѣлой книгѣ, написанной Отто Бирбаумомъ и вышедшей въ 1892 году въ Лейпцигѣ. (Otto Bierbaum, Detlev von Liliencron, Leipzig, 1892). См. также о Лиліенкронѣ въ „Энциклопедическомъ словарѣ", издаваемомъ Брокгаузомъ по-русски въ Петербургѣ (т. XVII, а, стр. 684).

Базаровѣ, такъ и получившихъ политическую окраску въ печальныхъ событіяхъ начала 1880-хъ годовъ. «Въ томъ-то и заключается»,—говоритъ этотъ критикъ,—«все значеніе каждаго, истинно великаго художника, изображающаго человѣчество, что въ чертахъ героя своей эпохи онъ безсознательно даетъ намъ типъ, изъ котораго вытекаютъ всѣ образы послѣдующихъ эпигоновъ». Далѣе, намекая на современность Пушкина поколѣнію декабристовъ, къ числу которыхъ онъ однако не принадлежалъ, Отто Феликсъ продолжаетъ: «лихорадочная суетливость и безплодная жажда подвиговъ, пылкое стремленіе къ высокимъ идеаламъ и грубое обращеніе съ людьми, готовыми ссуществить эти идеалы простыми средствами, хотя бы отчасти, безграничное мягкосердіе рядомъ съ самою безсердечною жестокостью, сентиментальность рядомъ съ почти циническимъ скептицизмомъ,— вотъ тѣ, кажущіяся несовмѣстимыми противорѣчія, которыя составляютъ ужасы чистилища, проходимаго еще не вполнѣ установившеюся душою русскаго народа. Земнымъ сосудомъ для этой души въ началѣ столѣтія служилъ Евгеній Онѣгинъ и, подобно своему автору, онъ былъ отголоскомъ своего поколѣнія, со всѣми его пороками и добродѣтелями». Ржехакъ въ блѣдномъ лицѣ Евгенія Онѣгина почему-то находитъ оттѣнокъ д е к а д е н т с т в а (sic), а г-жа Зин. Венгерова (№ 54) приводитъ изъ юбилейнаго Пушкинскаго нумера журнала «Міръ и Искусство» отзывъ Минскаго, на основаніи котораго Онѣгинъ жестокъ въ своихъ стремленіяхъ къ недостижимому, грубо отталкивая Татьяну и влюбляясь въ нее, когда она сдѣлалась женою другаго.

Отношеніе типа Онѣгина къ характеру и личности самого Пушкина также не оставляется нѣмецкими критиками безъ вниманія. Большинство рѣшаетъ этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, признавая, что въ своемъ романѣ авторъ отразился какъ въ зеркалѣ, во всей рѣзкости и противоположности между реальными людьми и созданіями идеала (ф. Ст.), воспроизвелъ черты собственной біографіи (Брандесъ, Ремеръ), нарисовалъ свой собственный портретъ, хотя и отрицаетъ такое сходство (Сандоръ). Шакъ замѣчаетъ, что, подобно Гётевскому Фаусту, подробности Евгенія Онѣгина намекаютъ на личныя приключенія автора, которыя Пушкинъ сознательно ввелъ въ свой романъ, а Отто Феликсъ находитъ, что Пушкинъ, въ своей способности къ быстрой смѣнѣ впечатлѣній, препятствующей твердымъ рѣшеніямъ, является двойникомъ не только Евгенія Онѣгина, но даже всего русскаго народа въ его типическихъ чертахъ. Изъ всѣхъ критиковъ лишь одинъ Энгельгардтъ беретъ нашего поэта подъ свою защиту и, какъ мы уже видѣли, ставитъ Пушкина выше созданнаго имъ типа Онѣгина.

Переходя къ прочимъ героямъ поэмы, нѣмцы хвалятъ Пушкина за его вполнѣ русскіе типы Ленскаго, Татьяны и Ольги (Норденъ) и осо-

бенно за изображеніе русскихъ дѣвушекъ (Бахманъ). Ленскій въ особенности привлекаетъ сочувствіе нѣмцевъ, какъ «восторженный, длинноволосый поэтъ, учившійся въ Геттингенѣ и преклоняющійся предъ Кантовскимъ императивомъ (Цабель), какъ пылкій и мечтательный юноша, по словамъ самого Пушкина,

Съ душою прямо Геттингенской,
Поклонникъ Канта и поэтъ (Сандоръ).

Въ своемъ мѣстѣ мы укажемъ, что германскій оттѣнокъ въ Ленскомъ не остался безъ вліянія вообще на оцѣнку нѣмцами Пушкина, какъ поэта. Прелестный типъ Татьяны особенно нравится нѣмецкимъ критикамъ и вызываетъ ихъ искреннія похвалы. «Настоящимъ героемъ Онѣгина»,—говоритъ Энгельгардтъ,—«является не мужчина, а женщина, именно Татьяна. Въ трогательномъ, удивительно обрисованномъ, образѣ дѣвушки Пушкинъ создалъ непроходящій типъ величайшей красоты и чистоты. Подобнаго типа никогда не создавала русская словесность, и только Лиза въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» Тургенева можетъ нѣсколько подходить къ нему. Тургеневъ, Достоевскій и Толстой могли создать свои произведенія лишь на основѣ Пушкинскаго Онѣгина и въ особенности прелестнаго образа Татьяны, которую великій анатомъ человѣческой души, Достоевскій, имѣлъ право назвать безсмертнымъ и недостижимымъ образцомъ. По словамъ другаго заграничнаго писателя, «изображеніе Татьяны, странная въ ней смѣсь смѣшныхъ предразсудковъ съ рѣшительною волею, нѣжной довѣрчивости съ трезвымъ взглядомъ на жизнь,—всѣ эти черты относятся къ области истинныхъ жемчужинъ поэзіи» (Цабель). Третій критикъ (Адамъ) сознается въ своемъ увлеченіи и очарованіи «трогательнымъ по сердечной простотѣ образомъ бѣдной, пренебреженной Татьяны, этого идеальнаго типа русской дѣвушки». Другіе писатели также останавливаются на созданіи перваго типа русской дѣвушки, какъ на величайшей заслугѣ Пушкина, которому обязаны и Тургеневъ, и Толстой (Вольбрюкъ). Бахманъ замѣчаетъ, что Татьяна послужила прототипомъ всѣхъ русскихъ дѣвушекъ, образы которыхъ рисуются не только Пушкинымъ въ своихъ остальныхъ прозаическихъ произведеніяхъ, но и послѣдователями великаго поэта, Тургеневымъ, Гончаровымъ и Толстымъ. Прототипъ этотъ проникнутъ поэтичностью и является самостоятельнымъ созданіемъ Пушкина, какъ изображеніе рѣшительнаго и дѣятельнаго характера, впервые повторяющагося въ Наташѣ «Войны и мира». Ульманнъ пользуется характеристикою Татьяны по Герцену, а Сандоръ ограничивается краткимъ пересказомъ ея романа съ Евгеніемъ Онѣгинымъ и приходитъ къ слѣдующему выводу: «какъ романтикъ, Пушкинъ сохранилъ чувство поэтической справедливости, а какъ ученикъ

Байрона, онъ увидѣлъ конецъ своего романа и обрывисто закончилъ его» Тотъ же Сандоръ указываетъ на портретъ Арины Родіоновны въ нянѣ Татьяны Лариной.

Ольга Вольбрюкъ передаетъ о впечатлѣніи, которое производили, по мѣрѣ ихъ появленія въ журналахъ, отдѣльныя главы «Евгенія Онѣгина», встрѣчавшіяся читателями съ напряженнымъ вниманіемъ. «О героинѣ романа, Татьянѣ, толковали, какъ о дѣйствительно существующей личности и умоляли поэта одарить ее счастьемъ; одни стали упрекать Онѣгина за вызовъ Ленскаго на дуэль, другіе прямо нападали на него; возникали цѣлые споры, обсуждался какъ будто дѣйствительный случай, а конецъ романа былъ привѣтствованъ съ восторгомъ радости». Теперь, по прошествіи 70 лѣтъ, всѣ страсти улеглись, и нѣмцы хладнокровно относятся къ вопросу о литературной оцѣнкѣ «Евгенія Онѣгина», при чемъ, какъ увидимъ далѣе, нѣкоторые представители юбилейной критики судятъ о поэмѣ Пушкина очень строго. О техническихъ достоинствахъ «Евгенія Онѣгина» Цабель выражается слѣдующимъ образомъ: «Стихи текутъ съ поразительной легкостью по всѣмъ восьми главамъ повѣсти, приблизительно по 50 строфъ въ каждой; каждая строфа состоитъ изъ 14 четырехстопныхъ ямбическихъ стиховъ. Всѣ они отличаются такою силою и яркостью выраженія, что передача ихъ въ полномъ совершенствѣ недоступна многочисленнымъ нѣмецкимъ переводамъ, въ самыхъ лучшихъ изъ которыхъ «нельзя отрицать грубости въ изложеніи тонкостей подлинника и искаженія» его колорита блѣднымъ и не вполнѣ точнымъ пересказомъ (sic). Стернъ называетъ этотъ романъ въ стихахъ превосходно составленной повѣстью. Отзывъ О. Феликса отличается своеобразною суровостью. «Читающій «Евгенія Онѣгина» въ переводѣ»,—говоритъ онъ,—«очень склоненъ найти въ немъ не болѣе, какъ повѣсть въ стихахъ, такую же, какъ подобныя ей, встрѣчающіяся въ нѣмецкой литературѣ цѣлыми дюжинами, поэмы съ благозвучными стихами, красивымъ размѣромъ, съ легкимъ и плавнымъ слогомъ, съ сочувствіемъ къ природѣ, съ большимъ юморомъ и безобидною сатирою, съ расплывчатыми изображеніями характеровъ и съ бѣднымъ содержаніемъ, поразительнымъ по отсутствію дѣйствія» (sic). Но... «Это благодатное *но* на половину спасаетъ Онѣгина отъ неумолимаго приговора нѣмецкаго критика, который продолжаетъ: «стоитъ только, хотя бы въ переводѣ, глубже вникнуть въ значеніе двухъ главныхъ фигуръ, Евгенія и Татьяны, въ особенности же познакомиться съ подлинникомъ, перелистать произведенія подпольной русской печати, наполненныя всякимъ запретнымъ плодомъ, или даже почитать между строками главнаго критическаго, изданнаго въ Петербургѣ, труда Бѣлинскаго, чтобы вынести совершенно другія впечатлѣнія. Тогда объяснится вполнѣ, чѣмъ былъ Онѣгинъ, какимъ художественнымъ созданіемъ онъ явился народу, для

котораго былъ написанъ. Это портретъ отцовъ, въ которомъ сыновья и внуки узнаютъ собственныя черты и въ которомъ отражается истинно русское колебаніе характеровъ, указанное въ стихахъ А. К. Толстаго:

Во мнѣ надеждъ, и отчаяній рой,
Кочующей мысли прибой и отбой,
Приливы любви и отливы".

Послѣ только-что приведенныхъ словъ намъ будетъ понятенъ отзывъ о Пушкинѣ Француза, который находитъ, что слава нашего великаго поэта слишкомъ преувеличена въ Россіи. Однако излагать этотъ отзывъ здѣсь во всѣхъ подробностяхъ намъ кажется преждевременнымъ, такъ какъ намъ еще предстоитъ оцѣнка другихъ произведеній Пушкина.

Умалчивая о «Домикѣ въ Коломнѣ», нѣмецкая критика изъ числа остальныхъ эпическихъ поэмъ Пушкина останавливается только на «Полтавѣ» (Адамъ, Брандесъ, «Веймарская газета», Энгельгардтъ, Стернъ, Францозъ, Цабель, Шакъ и д-ръ Z) и на «Мѣдномъ Всадникѣ» (Адамъ, Бахманъ, Голантъ, Энгельгардтъ, Ульманъ, Цабель, д-ръ Z). Нѣкоторые писатели ограничиваются одною ссылкою на имя первой поэмы («Веймарская газета», Стернъ, д-ръ Z), а другія входятъ по ея поводу въ подробныя соображенія, указывая на великолѣпныя подробности произведенія, хотя и не оконченнаго Пушкинымъ (Шакъ), на замѣчательное описаніе знаменитой баталіи (Адамъ) и на прославленіе Петра во всемъ его величіи какъ воина (Цабель). Болѣе оригинальная, чѣмъ южно-русскія поэмы Пушкина «Полтава», по словамъ Француза, «явилась какъ бы вызовомъ критикѣ на задачу рѣшить вопросъ о томъ, на сколько авторъ освободился отъ вліянія Байрона». Вопросъ этотъ рѣшается не только положительно, но даже въ пользу Пушкина тремя его нѣмецкими критиками, которые даютъ ему преимущество передъ Байрономъ въ созданіи типа Мазепы (Энгельгардъ), «настоящаго, прямо народнаго казака» (Францозъ). Брандесъ выражается въ томъ же духѣ: «Полтава очевидно вдохновлена Байроновскимъ Мазепою; но само по себѣ юношеское произведеніе Байрона значительно превзойдено у Пушкина живостью картинъ, историческою вѣрностью страшнаго типа стараго гетмана, въ корнѣ отличнаго отъ романтическаго оттѣнка въ Байроновскомъ твореніи».

Помимо нѣмецкихъ критиковъ, упоминающихъ объ одномъ заглавіи «Мѣднаго Всадника» (Бахманъ, Голантъ, Энгельгардтъ, д-ръ Z), двое изъ нихъ вкратцѣ излагаютъ содержаніе поэмы (Ульманнъ и Адамъ). Послѣдній писатель, отмѣчая отсутствіе окончанія въ «Мѣдномъ Всадникѣ», сочиненномъ съ цѣлью прославить Петра Великаго, напоминаетъ описаніе памятника Петра, принадлежащее перу другаго славянскаго поэта, именно поляка Мицкевича. Предисловіе Пушкина къ «Мѣдному

Всаднику» Цебель называетъ гимномъ во славу Петербурга, а всю поэму—восхваленіемъ Петра Великаго.

Нашъ обзоръ сужденій нѣмцевъ объ эпическихъ произведеніяхъ Пушкина занялъ такъ много мѣста, что изложенію отзывовъ о его творчествѣ въ областяхъ драмы, лирики и повѣствовательной прозы мы принуждены отвести особую, слѣдующую главу.

VI.

Обращаясь къ драматическимъ произведеніямъ Пушкина, мы должны прежде всего отмѣтить прекрасную статью о нихъ въ Берлинскомъ журналѣ «Сцена и Свѣтъ» (Bühne und Welt, май, тетрадь 2, стр. 721—726) и сказать нѣсколько словъ объ авторѣ статьи. Александръ (Александровичъ) фонъ-Рейнгольдъ живетъ въ Петербургѣ, служитъ въ министерствѣ финансовъ и состоитъ членомъ союза русскихъ писателей. Послѣднее обстоятельство свидѣтельствуетъ о занятіяхъ литературою не на одномъ нѣмецкомъ языкѣ. Въ Германіи Рейнгольдъ извѣстенъ исторіей «Русской словесности», выходившею отдѣльными выпусками въ теченіе 1884—1886 г. и составляющею отдѣльный, седьмой по счету, томъ изданной въ Лейпцигѣ Вильгельмомъ Фридрихомъ «Исторіи всеобщей словесности» въ отдѣльныхъ обзорахъ, т. е. подобной нашему русскому изданію К. Л. Риккера подъ редакціею В. Ѳ. Корша и А. И. Кирпичникова. Несомнѣнныя достоинства труда Рейнгольда признаны критикою не только за границею, но и въ Россіи, о чемъ авторъ заявляетъ въ начальныхъ строкахъ своего предисловія. Главное преимущество названной книги заключается въ источникахъ, на которыхъ она основана, именно въ сочиненіяхъ и изданіяхъ, написанныхъ русскими учеными и напечатанныхъ въ Россіи. Это обстоятельство даетъ автору преимущество въ точности сообщаемыхъ имъ свѣдѣній сравнительно съ тѣми прискорбными ошибками заграничныхъ нѣмцевъ, образчики которыхъ мы встрѣчали въ главѣ нашей статьи, излагающей юбилейныя біографіи Пушкина. А. фонъ-Рейнгольдъ очень хорошо знакомъ съ своимъ предметомъ, хотя иногда способенъ возбуждать пререканія относительно нѣкоторыхъ подробностей не совсѣмъ обычнымъ для насъ освѣщеніемъ сообщаемыхъ имъ фактовъ. Несомнѣнно однако, что трудъ Рейнгольда является въ настоящее время лучшимъ на нѣмецкомъ языкѣ руководствомъ къ изученію исторіи русской литературы и въ этомъ отношеніи заслужилъ за границею вполнѣ правильную оцѣнку. Однако В. Генкель въ своей статьѣ о вступительной лекціи С. А. Венгерова

въ Петербургскомъ университетѣ (см. въ нашемъ перечнѣ, подъ № 36, «Мюнхенскія Новѣйшія Извѣстія» отъ 2-го августа) не вполнѣ удовлетворенъ почтенной (sic) исторіей русской литературы Александра фонъ-Рейнгольда, какъ источникомъ недостаточнымъ для полнаго уразумѣнія вопроса о сущности того свѣта, который «съ востока бросаетъ на западъ Европы такіе ослѣпительные лучи» (sic). Въ только-что приведенныхъ словахъ нельзя не признать даже иронiи, хотя и тщательно скрываемой подъ явно раздутою похвалою. Въ Пушкинской юбилейной нѣмецкой прессѣ 1899 г. А. фонъ-Рейнгольдъ принялъ участіе прекрасною статьею, озаглавленной: Александръ Пушкинъ, какъ драматургъ, помѣщенной въ берлинскомъ журналѣ «Сцена и Свѣтъ» (№ 15 по нашему перечню). Въ текстѣ къ портрету Пушкина, помѣщенному среди статьи Рейнгольда, редакція журнала дѣлаетъ слѣдующее заявленіе: «Помѣщая основательную и достойную внимательнаго изученія работу Александра фонъ-Рейнгольда, мы руководствуемся тѣмъ соображеніемъ, что несмотря на многочисленные славянскіе труды о Пушкинѣ его драматическія произведенія еще не подвергались спеціальному изслѣдованію. Съ этимъ замѣчаніемъ пожалуй можно согласиться и въ области Puschkiniana на русскомъ языкѣ, хотя драматическое творчество Пушкина входитъ у насъ въ общіе критическіе труды о немъ, а равно и составляетъ кромѣ того предметъ разборовъ отдѣльныхъ произведеній нашего поэта, напримѣръ «Бориса Годунова», «Русалки» и т. д. Статья Рейнгольда заслуживаетъ особенно нашего вниманія, и понятно, что мы будемъ преимущественно руководствоваться ею въ изложеніи оцѣнокъ нѣмецкой критики относительно драмъ и драматическихъ отрывковъ Пушкина, причемъ начнемъ съ главнаго его творенія, а именно съ «Бориса Годунова».

Приступая къ оцѣнкѣ этой драмы, нашъ главный и самый авторитетный источникъ, Рейнгольдъ, немногими словами очерчиваетъ состояніе русской драматической литературы до Пушкина и говоритъ: «Въ области драмы еще во времена Пушкина царили старыя псевдоклассическія преданія или трогательныя слезливыя пьесы, какъ отголосокъ гражданской драмы. Объ опытахъ сочиненія такъ называемыхъ народныхъ пьесъ не стоитъ и говорить. Авторъ, желавшій вывести на сцену живыхъ людей, долженъ былъ прибѣгнуть ко всѣмъ новымъ средствамъ». Пушкинъ пользуется одиночествомъ въ Михайловскомъ, чтобы, во французскихъ переводахъ, изучать Шлегеля, Шекспира, Шиллера, теорію драмы, а равно и русскую исторію по Карамзину и по древнимъ лѣтописямъ. Затѣмъ, Рейнгольдъ указываетъ на Пушкинскія статьи о драмѣ, на его «опытъ» о ея задачахъ и заключаетъ извѣстнымъ уже намъ отзывомъ о его неспособности рѣшить эти задачи. Сообщая о работахъ Пушкина надъ драматическою теоріею и «Борисомъ

*

Годуновымъ», Адамъ приводитъ длинныя выписки изъ письма поэта 1829 г. къ Н. Н. Раевскому. «Въ концѣ концовъ природное чутье, къ счастью Пушкина, натолкнуло его на Шекспира, и внѣ этого условія его Борисъ не могъ бы сдѣлаться образцовымъ произведеніемъ» (Рейнгольдъ). Въ числѣ источниковъ и образцовъ, повліявшихъ на Пушкинскую драму, нѣмецкіе критики называютъ, кромѣ Шекспира, еще Гёте, Шиллера, Кальдерона и Карамзина (ф. Ст.), древнія народныя русскія преданія (Стернъ, ф. Ст.). Приведемъ о «Борисѣ Годуновѣ» отзывы главнѣйшихъ юбилейныхъ статей—начиная, конечно, съ Рейнгольда. «Это великолѣпное произведеніе доказываетъ всю зрѣлость генія Пушкина, который въ 1825 году пишетъ: «Я сознаю, что мои силы развились вполнѣ, и чувствую, что способенъ творить» [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что трагедіи Шекспира «Король Ричардъ III» и «Макбетъ» произвели на Пушкина сильнѣйшее впечатлѣніе.... Борисъ Годуновъ вступилъ на престолъ послѣ смерти своего зятя (Ѳеодора Ивановича) и былъ обвиненъ въ кровавомъ преступленіи, въ убійствѣ 10-ти-лѣтняго, а по Пушкину 7-ми-лѣтняго царевича Дмитрія. Гласъ народа простилъ ему преступленіе, и усиліямъ Бориса удалось устроить комедію избранія на престолъ, которая во многомъ напоминаетъ сцену изъ «Ричарда III» многозначительнымъ молчаніемъ народа, нарушаемымъ при помощи подкупленныхъ крикуновъ. Въ остальномъ «Борисъ» не имѣетъ съ «Ричардомъ» ничего общаго. «Ричардъ» представляется намъ злобнымъ купающимся въ крови, демономъ и искуснымъ лицедѣемъ, который лишь въ самомъ концѣ уступаетъ угрызеніямъ совѣсти. Въ «Борисѣ», наоборотъ, происходитъ постоянная борьба между благородными побужденіями, свойственными благодѣтелю человѣчества и дальновидному политику, и необходимостью защитить свою шаткую власть и свою личность, а совѣсть не даетъ ему покоя съ той поры, какъ онъ достигаетъ своей тщеславной цѣли. Въ этомъ отношеніи Борисъ Годуновъ имѣетъ болѣе точекъ соприкосновенія съ Макбетомъ, настолько же по природѣ добрымъ и великодушнымъ. Бориса преслѣдуютъ такія же страшныя сновидѣнія, среди которыхъ является призракъ зарѣзаннаго царевича. Подобно угрозамъ Ричмонда Ричарду и Малкольма Макбету, сны Годунова воплощаются въ Лжедмитріи, который своимъ домогательствомъ престола угнетаетъ вѣнценоснаго убійцу». Рядомъ съ этимъ прекраснымъ сравненіемъ Пушинской драмы съ «Ричардомъ III» и «Макбетомъ», Шакъ ограничивается однимъ упоминаніемъ о несомнѣнномъ вліяніи названныхъ произведеній Шекспира на «Бориса Годунова». Далѣе, Рейнгольдъ подвергаетъ прекрасной критической оцѣнкѣ Пушкинскаго

---

[1]) Ср. послѣднія строки французскаго письма Пушкина къ Н. Н. Раевскому, написаннаго въ октябрѣ 1825 г. изъ Михайловскаго

героя, какъ драматическій характеръ и психологическій типъ, и эта оцѣнка стоитъ подробной ея передачи въ русскомъ переводѣ. «Образъ Бориса»,—говоритъ Рейнгольдъ,—«въ смыслѣ изображенія личности и какъ психологическая задача, отличается полнѣйшею самостоятельностію и точнымъ соотвѣтствіемъ съ понятіями русскаго народа. Въ своей государственной мудрости, Борисъ Годуновъ оказывается гораздо выше всей, окружающей его среды, а въ частной жизни исполненъ сердечной доброты и нѣжности къ своимъ дѣтямъ. Ему невыносима мысль о томъ, что сынъ его можетъ былъ лишенъ престола Лжедимитріемъ, кѣмъ бы этотъ самозванецъ въ сущности ни былъ. Задача Бориса, та задача, которой онъ посвятилъ всѣ свои силы, всю свою жизнь, не должна погибнуть. Хотя онъ достигъ престола путемъ преступленія, но онъ тѣмъ добросовѣстнѣе стремился исполнять обязанности государя, онъ жалѣетъ, что его усилія заслужить народную любовь встрѣтили противодѣйствіе въ стеченіи неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Душевный страхъ вызываетъ предъ царемъ призракъ измѣны у собственнаго порога. Онъ прибѣгаетъ, подобно Валленштейну, къ помощи суевѣрія и окружаетъ себя прорицателями, чародѣями и кудесниками. Враждебные ему бояре начинаютъ дрожать за свою собственную жизнь и, хотя не вѣрятъ въ самозванца, но въ воскресшемъ царевичѣ привѣтствуютъ своего избавителя, а Борисъ, сдѣлавшись невольнымъ тираномъ и мучась угрызеніями, убѣждается въ томъ, что душевный покой достигается только чистою совѣстью. Борисъ вызываетъ наше сочувствіе главнымъ образомъ тѣмъ, что въ немъ ничего насъ не отталкиваетъ; его преступленіе лежитъ за предѣлами драмы, а въ самой драмѣ мы видимъ только несчастнаго, который мало-по-малу склоняется подъ бременемъ своей неискупленной вины. Появленіе Лжедимитрія устрашаетъ его, какъ кара Божія, которой онъ долженъ покориться, а извѣстіе о самозванцѣ является для него послѣднею каплею, переполняющею чашу его страданій». Рейнгольдъ не ограничивается краткимъ пересказомъ содержанія драмы и осмысленнымъ выясненіемъ типа Бориса Годунова, но касается и вопроса объ исторической вѣрности Пушкинскаго творенія. «Любопытно»,—пишетъ этотъ критикъ,—«что до самаго послѣдняго времени «Борисъ Годуновъ» былъ предметомъ упрековъ Пушкину за повтореніе Карамзинской версіи разсказа о цареубійцѣ, завладѣвшемъ престоломъ». Затѣмъ Рейнгольдъ указываетъ на И. Н. Жданова, по мнѣнію котораго Пушкинъ, посвятивъ свою драму русскому историку, тѣмъ не менѣе значительно отклонился отъ взгляда Карамзина, который, въ освѣщеніи дѣяній и характера Годунова, отчасти руководствовался предвзятою мыслію и отчасти отразилъ свою собственную сантиментальность. Но поэтическій инстинктъ заставилъ Пушкина прибѣгнуть къ древнимъ лѣтописямъ, пре-

даніямъ и запискамъ современниковъ и въ нихъ уловить голосъ народа и духъ эпохи».

Судьба самозванца, давшая поводъ избрать его героемъ драматическаго произведенія, не только Пушкину, но и Шиллеру, даетъ Рейнгольду поводъ сравнивать плоды вдохновенія обоихъ поэтовъ, русскаго и нѣмецкаго. «Образъ Пушкинскаго Лжедимитрія (у Шиллера—Деметрія) является менѣе цѣлымъ, хотя изображенъ съ подобающимъ художественнымъ интересомъ. Это не простой обманщикъ, но человѣкъ съ чувствомъ, склонный къ видѣніямъ мечтатель, который признаетъ въ себѣ орудіе Провидѣнія и рѣшается выступить въ этой роли. Но Димитрій обладаетъ и чертами идеальнаго характера въ своемъ рыцарствѣ, великодушіи и сознаніи нравственныхъ обязанностей». Сцену у фонтана Рейнгольдъ называетъ «по справедливости красою всемірной поэзіи».

Заключительная, общая оцѣнка Пушкинскаго «Бориса Годунова» дѣлитъ нѣмецкихъ критиковъ на двѣ части, изъ которыхъ одна хвалитъ драму безусловно, а другая усматриваетъ въ ней недостатки (Энгельгардтъ, Францозъ, Сандоръ и Ржехакъ). Изъ этихъ названныхъ писателей одинъ упрекаетъ «Бориса Годунова» въ недостаткѣ драматическаго единства (Энгельгардтъ), другой ставитъ Пушкину въ вину то, что онъ обезсмертилъ имя татарина, который похитилъ царскій престолъ и ввелъ въ Россіи крѣпостное право (Ржехакъ). Недостатокъ связи въ планѣ драмы и между отдѣльными ея сценами всегда лишаетъ «Бориса Годунова» успѣха на театрѣ, при всемъ богатствѣ этой драмы чертами глубокой самобытности (Цабель). Несмотря на то, что «Борисъ Годуновъ» является лучшимъ драматическимъ произведеніемъ Пушкина, пьеса эта, по мнѣнію Француза, «построена не по всѣмъ правиламъ искусства и непригодна для театра, какъ рядъ сценъ, слѣдующихъ одна за другою безъ внутренней связи; но сцены эти преисполнены глубокою силою и мощными характеристиками. Такихъ людей не создалъ Пушкинъ ни въ одномъ изъ остальныхъ своихъ твореній, хотя и можно спросить: тѣ ли это люди, какіе жили въ 1598 году? Но отвѣта на этотъ вопросъ слѣдуетъ ждать лишь отъ того, кто зналъ такихъ людей. «Меня лично»,—заключаетъ Францозъ,—«удовлетворяетъ сознаніе полной вѣры въ такихъ людей при чтеніи «Бориса Годунова» или при воспоминаніи объ этомъ произведеніи». Отзывъ Сандора оказывается болѣе строгимъ и затрогиваетъ отсутствіе способности къ драмѣ не только у Пушкина, но и послѣднихъ русскихъ писателей. «Пушкинъ», говоритъ Сандоръ, «не съумѣлъ справиться съ величественнымъ сюжетомъ Лжедимитрія», со множествомъ вызываемыхъ этою темою мыслей и со сложностью сценарія и дѣйствующихъ лицъ. На этомъ произведеніи талантъ его осѣкся (sic). Мнѣ кажется, что въ

русской литературѣ драматическая поэзія вообще еще не укоренилась и что, кромѣ «Ревизора» Гоголя и «Власти тьмы» Толстаго, ни одна русская пьеса не можетъ разсчитывать на сценическій успѣхъ внѣ предѣловъ Россіи. Эта истина недавно доказана репертуаромъ труппы придворныхъ русскихъ актеровъ, игравшихъ въ Берлинѣ на сценѣ Лессингова театра». Д-ръ Z. обозначаетъ «Бориса Годунова» эпитетомъ «т а к ъ н а з ы в а е м о й д р а м ы», а другіе нѣмцы ничего не говорятъ о ней, ограничиваясь лишь сообщеніемъ ея заглавія (Ульманнъ, О. Феликсъ, Вѣнская Новая Пресса», журналъ «Дома») [1]). Однако, несмотря на упреки «Борису Годунову» въ его частностяхъ, нѣмецкіе критики все-таки признаютъ это произведеніе богатымъ жемчужинами несравненной красоты (Энгельгардтъ), превосходною драмою (Вольбрюкъ), а Голантъ подробно останавливается на достоинствахъ этой драмы. Отзыву Голанта мы, однако, даемъ мѣсто далѣе, въ описаніи впечатлѣнія, произведеннаго «Борисомъ Годуновымъ» при его появленіи въ печати, а теперь вернемся къ Рейнгольду и къ его авторитетному голосу. «Движеніе драмы, помимо нѣкотораго недостатка во взаимной связи сценъ, вполнѣ ясно, и послѣдовательно, и мотивировано. Ходъ дѣйствія развивается быстро, иногда захватываетъ духъ, и драматическій интересъ растетъ въ необходимой постепенности. Развязка поражаетъ, какъ ударъ вѣчной справедливости, внезапный, страшный, возмутительный, но она вѣрна исторіи и человѣческой природѣ. Языкъ и стихи, ямбическіе по размѣру, вполнѣ благозвучны, благородны, прекрасны, ярки въ своемъ немногословіи и выражаютъ полную мысль автора. Вообще «Борисъ Годуновъ» принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ всемірной словесности въ области высокой трагедіи». Рейнгольдъ, а за нимъ и Шакъ, опровергаютъ ошибочное мнѣніе нѣкоторыхъ нѣмецкихъ критиковъ (Вольбрюкъ, «Веймарская газета»), переводчиковъ (Фр. Фидлеръ), и издателей (Мейеръ, Рекламъ) Пушкина о томъ, что «Борисъ Годуновъ», какъ драма, будто бы не имѣетъ конца и въ такомъ видѣ оставлена авторомъ.

Отмѣчая «Бориса Годунова» вообще, какъ о б р а з ц о в у ю з р ѣ л у ю д р а м у Пушкина и п е р л ъ в с е м і р н о й с л о в е с н о с т и, Рейнгольдъ подробно распространяется о томъ впечатлѣніи, которымъ произведеніе это отразилось при своемъ появленіи въ свѣтъ, на русской читающей публикѣ. «Въ 1831 г.»,—говоритъ петербургскій нѣмецкій критикъ,—трагедія «Борисъ Годуновъ» вызвала первое громогласное заявленіе поэтическаго генія Россіи о своемъ существованіи. Изъ сценъ, казавшихся набросанными такъ легко и нанизанными безъ всякой

---

[1]) Ульманнъ ухитрился даже переврать имя «Бориса Гудунова» (sic). Впрочемъ, мы надѣемся, что это только опечатка.

связи, живо струилось прошлое Россіи; отчасти въ нихъ вѣяло вдохновеніе великаго британца, но изъ бездонной глубины этого вдохновенія былъ услышанъ голосъ человѣческихъ страстей. Въ пониманіи задачъ трагедіи Пушкинъ дошелъ до самаго корня. Послѣ всего того, что заключалось въ драматическихъ опытахъ предшественниковъ Пушкина, «Борисъ Годуновъ» могъ быть созданъ только зрѣлымъ и мощнымъ талантомъ». Другой нѣмецкій писатель съ подобною же похвалою описываетъ достоинства Пушкинской драмы, поразившія его современниковъ. «Царствованіе Годунова было богато политическими переворотами и они способны были вдохновить Пушкина, котораго всегда привлекалъ героическій элементъ въ исторіи. Громадно было впечатлѣніе, произведенное этою пьесою на тогдашнюю русскую литературную Россію. Историческая вѣрность въ изображеніи эпохи, искусный и блестящій діалогъ, глубокое знаніе народности, остроумныя обрисовки дѣйствующихъ лицъ, въ связи съ поэтическою прелестью слога и съ введеніемъ новыхъ словъ и выраженій,—всѣ эти черты доставили «Борису Годунову» въ тогдашней драматической словесности Россіи значеніе драгоцѣнной жемчужины. Сцена у Фонтана представляется единственною по своимъ достоинствамъ, по прелести поэзіи, по драматическому движенію и по знанію человѣческихъ страстей. «Борисъ Годуновъ» легъ въ основу русской драматической литературы, лучшимъ представителемъ которой явился впослѣдствіи Островскій» (Голантъ). Наконецъ, ф. Ст. (въ «Берлинской Вечерней Почтѣ») сравниваетъ успѣхъ «Бориса Годунова», при его обнародованіи, съ тѣмъ, какой выпалъ при подобныхъ же условіяхъ на долю Гётевскаго Геца фонъ Берлихингенъ. «Характерную черту таланта Пушкина надо признать въ той особенности, что дѣйствіе его единственной крупной по объему драмы происходитъ на русской почвѣ, между тѣмъ какъ его мелкія драматическія произведенія какъ-то: «Фаустъ», «Моцартъ и Сальери», «Каменный Гость», навѣяны вліяніемъ нѣмецкихъ оригиналовъ. Даже въ отношеніи «Русалки», его послѣдняго неоконченнаго произведенія, въ которой историки русской литературы усматриваютъ высшее проявленіе народной поэзіи, славянства въ связи съ художественнымъ творчествомъ, можно указать чужеземный источникъ вдохновенія, именно «Ундину» нѣмецкаго поэта Фуке». Изложенное замѣчаніе ф. Ст., анонимнаго критика «Берлинской Вечерней Почты», заставляетъ насъ разстаться съ «Борисомъ Годуновымъ» и перейти къ остальнымъ драматическимъ произведеніямъ Пушкина.

Упоминая о «Донъ Жуанѣ» (sic вмѣсто «Каменнаго Гостя»), «Моцартѣ и Сальери» и «Скупомъ рыцарѣ», Энгельгардтъ дѣлаетъ по поводу этихъ драматическихъ поэмъ слѣдующее замѣчаніе. «Каждое изъ этихъ произведеній, въ особенности два послѣднія, отличаются самыми

высокими художественными достоинствами. Какъ въ этихъ, такъ и во многихъ другихъ поэмахъ великаго русскаго писателя поражаютъ, какъ особенно замѣчательныя черты, широта взгляда и совершенства, примѣненныя авторомъ къ изображенію отличительныхъ свойствъ отдѣльныхъ національностей и крайне живое воспроизведеніе типовъ, принадлежащихъ къ самымъ разнообразнымъ народамъ и эпохамъ. Рѣдкая по силѣ поэтическая фантазія составляетъ яркую характеристическую черту таланта Пушкина, который чувствуетъ себя также дома и въ сферѣ Россіи, древней и новой, какъ и въ мірѣ классической древности, наконецъ въ средневѣковой эпохѣ Западной Европы, умѣя придавать своимъ произведеніямъ всѣ оттѣнки мѣстнаго и историческаго колорита». Голантъ ограничивается перечисленіемъ Пушкинскихъ «Моцарта и Сальери», «Скупаго рыцаря» и «Каменнаго Гостя», котораго по примѣру Энгельгардта также называетъ ошибочно «Донъ Жуаномъ». Отъ авторитетной критики Рейнгольда мы въ правѣ ожидать бо́льшаго вниманія къ каждому изъ названныхъ произведеній Пушкина въ отдѣльности. Это ожиданіе не обманываетъ насъ и относительно «Пира во время чумы» и «Сценъ изъ рыцарскихъ временъ», о которыхъ умалчиваютъ прочіе авторы юбилейныхъ статей.

«Каменный Гость»,—выписываемъ слова Рейнгольда,—«представляетъ собою замѣчательный художественный этюдъ. Произведеніе это затрогиваетъ вопросъ о благородствѣ человѣка, лишеннаго нравственныхъ устоевъ (Das Problem von der Selbstherrlichkeit eines entarteten Menschen). Фигура Лепорелло и финальная катастрофа заимствованы Пушкинымъ у Мольера и Да-Понте, во всемъ остальномъ пьеса эта вполнѣ самостоятельна. Въ Пушкинскомъ изображеніи характера Донъ Жуана, гордость, тщеславіе, презрѣніе къ смерти преобладаютъ надъ всѣми остальными побужденіями героя, какъ-то: его стремленіемъ къ красотѣ и неугасимымъ ненасытнымъ пламенемъ его, чисто эротической, любви. Этотъ И с п а н с к і й Ф а у с т ъ безъ зазрѣнія совѣсти попираетъ все чистое и святое. Подобно строителю Сольнесу [1]), онъ искушаетъ свою собственную судьбу и кидаетъ дерзостный вызовъ самому небу. Всѣ лица пластичны, какъ бы вылиты изъ металла, діалоги увлекаютъ простотою и блескомъ прелести; каждая строка проникнута предательскимъ смѣхомъ и пылкимъ темпераментомъ юга». О «Моцартѣ и Сальери» Рейнгольдъ ограничивается слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Различіе между геніемъ и талантомъ низшаго разряда проведено Пушкинымъ съ психологическою тонкостью». «Скупой рыцарь» даетъ нашему критику поводъ подозрѣвать въ этой поэмѣ реальную подкладку, заимствованную изъ отношеній Пушкина къ своему отцу, который «не былъ свободенъ отъ порока

[1]) Въ драмѣ того же имени, принадлежащей перу Ибсена.

стараго барона», именно скупости; но намекъ Рейнгольда на то, что Сергѣй Львовичъ способенъ былъ «умертвить въ себѣ всякія человѣческія чувства и дойти до полнаго окаменѣнія души», страдаетъ, внѣ всякаго сомнѣнія, приувеличеніемъ параллели. Такой же слѣдъ постояннаго отраженія личныхъ впечатлѣній А. С. Пушкина Рейнгольдъ находитъ и въ «Пирѣ во время чумы», написанномъ во время холернаго карантина и заимствованномъ изъ англійской трагедіи Дж. Вильсона «Городъ Мора». Однако лучшія мѣста этой пьесы, именно пѣсни Мери и предсѣдателя пира, отличаются полною самостоятельностью. «Сцены изъ рыцарскихъ временъ» могли бы, по мнѣнію Рейнгольда, «считаться однимъ изъ лучшихъ произведеній Пушкина, если бы были окончены. Обѣ, вставленныя въ эту пьесу, пѣсни, именно Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный и Воротился ночью мельникъ заслужили большую извѣстность и вѣрно отразили черты средневѣковаго быта».

Сцена изъ Фауста, которой «Веймарская газета» приводитъ одно заглавіе, и которою, по выраженію Шака, Пушкинъ заплатилъ свою дань нѣмецкому генію, вызываетъ Рейнгольда на сравненіе русскаго поэта съ Гёте. Сцена изъ Фауста поэтически дополняетъ твореніе Гёте. У Гёте одураченный докторъ является послѣдовательнымъ искателемъ наслажденій. Невинную Гретхенъ онъ опутываетъ всѣми сѣтями искушенія и ведетъ ее къ гибели. Даже посѣщеніе тюрьмы не способно вызвать въ немъ инаго чувства, кромѣ простой жалости, отъ которой онъ легко отдѣлывается въ своемъ стремленіи къ новымъ наслажденіямъ, нисколько не задумываясь надъ бременемъ своей отвѣтственности. Желая удовлетворить запросы этики, Пушкинъ спрашивалъ себя, изобразилъ ли Гёте, какъ эллинъ, своего героя нравственнымъ чудовищемъ? и долженъ былъ рѣшить этотъ вопросъ отрицательно. Пушкинъ хотѣлъ довести Фауста по крайней мѣрѣ до полнаго сознанія своей испорченности и написалъ глубоко продуманную сцену. Съ истинно діавольскимъ цинизмомъ Мефистофель поражаетъ смущеннаго доктора такимъ вѣрнымъ анализомъ его тайныхъ намѣреній относительно Маргариты, что изобличенный Фаустъ приходитъ въ бѣшенство и повелѣваетъ сатанѣ потопить первый, случайно появившійся на морѣ корабль, съ цѣлью избавить человѣчество отъ заразы порочныхъ плавателей. Въ этомъ выразилась дань почтенія, оказанная русскимъ поэтомъ не только великому германцу, но и этической идеѣ, вложенной въ основу всечеловѣческой трагедіи».

Лишь одинъ Норденъ называетъ Анжело и то мимоходомъ, но на Русалкѣ останавливается не одинъ нѣмецкій критикъ. Замѣчаніе ф. Ст. объ «Ундинѣ», Фуке, какъ прототипѣ драматической поэмы Пушкина, намъ уже извѣстно. Энгельгардтъ упоминаетъ о «Русалкѣ» въ перечнѣ сочиненій Пушкина, а Рейнгольдъ отводитъ особое мѣсто изло-

женію ея содержанія, не только по подлинному тексту Пушкина, но и по его окончанію, сохраненному Д. П. Зуевымъ. «Вопросъ о концѣ «Русалки» не рѣшенъ и до сихъ поръ»,—говоритъ Рейнгольдъ,—хотя и склоняется какъ будто въ пользу доводовъ Ѳ. Е. Корша, убѣжденнаго въ подлинности Зуевской записи. Упоминая объ этомъ предметѣ литературной полемики, нѣмецкій критикъ доказалъ, что, живя въ Петербургѣ, онъ усердно слѣдитъ за всѣмъ, что печатается о Пушкинѣ по-русски. Но вернемся къ оцѣнкѣ «Русалки» въ юбилейной статьѣ Рейнгольда. «Эта поэма»,—говоритъ онъ,—«по общему мнѣнію и по полному праву должна занять второе мѣсто послѣ «Бориса Годунова», но превосходитъ историческую трагедію Пушкина внутреннимъ чувствомъ и живостью драматическаго движенія. «Русалка» написана въ 1832—1833 г.г. въ Болдинѣ, въ ту эпоху, когда авторъ предался изученію народныхъ пѣсенъ славянъ. Въ извѣстномъ собраніи серба В. Ст. Караджича Пушкинъ нашелъ пѣсню, которою воспользовался какъ темою для своего произведенія», напечатаннаго въ «Современникѣ» уже по смерти автора, въ бумагахъ котораго ее отыскали въ неоконченномъ видѣ, въ составѣ пяти сценъ и 17 строкъ изъ начала шестой. Не отрицая въ «Русалкѣ» нѣкоторыхъ слѣдовъ, напоминающихъ объ «Ундинѣ», Фуке, Рейнгольдъ признаетъ однако, что эта поэма насквозь проникнута чисто славянскими миѳологическими элементами поэзіи и что Пушкинъ доказалъ этимъ произведеніемъ все свое умѣніе въ сочетаніи народной славянской пѣсни съ личнымъ поэтическимъ творчествомъ, сообщивъ фантастическимъ преданіямъ языческой эпохи всю глубину психологической задачи и все значеніе общечеловѣчности. О техническихъ и музыкальныхъ достоинствахъ «Русалки» читаемъ у Рейнгольда слѣдующія строки: «Движеніе въ этой драмѣ струится рѣкою, въ волнахъ которой отражается тема. Сильное впечатлѣніе какого-то грустнаго, подавленнаго (düsteres) настроенія проходитъ по всему произведенію и вполнѣ понятно, что Даргомыжскій выбралъ именно этотъ сюжетъ для своей прочувствованной оперы. Ни одно изъ остальныхъ твореній Пушкина не представляетъ такого богатаго матеріала въ отношеніи пѣвучести, такихъ выгодъ по своей мелодичности и лирическому настроенію. Оживленная природа поетъ здѣсь на всѣ лады. Голосъ утопленницы, невидимкою проникшей на княжескую свадьбу, хороводъ русалокъ, поднимающійся изъ волнъ въ утреннемъ туманѣ, печальные берега рѣки, жилище русалокъ на днѣ Днѣпра,—все это сообщаетъ оттѣнокъ музыкальности пьесѣ, сверхъ того проникнутой подвижною и горячею струею драматизма».

Прекрасными словами Рейнгольда мы закончимъ нашъ отчетъ о нѣмецкой критикѣ драматическихъ произведеній Пушкина и перейдемъ теперь къ его стихотвореніямъ, въ которыя включимъ не только лири-

ческія пьесы, но также и часть его эпическаго творчества, именно сказки, баллады и т. д., однимъ словомъ все то, что̀ ранѣе не нашло себѣ мѣста въ нашей статьѣ.

Мимоходомъ упомянувъ о «нѣсколькихъ русскихъ сказкахъ въ прекрасной поэтической обработкѣ» и о пѣсняхъ западныхъ славянъ, Энгельгардтъ, единственный изъ всѣхъ юбилейныхъ авторовъ, касается этого отдѣла произведеній Пушкина. Баллады вызываютъ Брандеса на слѣдующее замѣчаніе: «Двѣ изъ нихъ не только навѣяны Мицкевичемъ, но дословно переведены изъ него, хотя это нигдѣ точно не указано (?). Мы имѣемъ въ виду извѣстнѣйшія и всего чаще встрѣчающіяся въ нѣмецкихъ изданіяхъ Трехъ Будрысовъ и Воеводу. Можетъ быть это обстоятельство отмѣчено въ какихъ-нибудь прежнихъ изданіяхъ Пушкина, но отнюдь не въ новѣйшемъ дешевомъ [1]), а въ переводахъ Боденштедта, появившихся въ 1855 г., эти баллады прямо приписаны Пушкину».

Изъ лирическихъ стихотвореній Норденъ называетъ Чернь и Поэту, «въ которыхъ Пушкинъ пламенными словами излилъ свое негодованіе противъ толпы и русскаго общества», а Цабель и «Кельнская газета» (№ 35) останавливаются на Талисманѣ и Анчарѣ. Нельзя, по мнѣнію Цабеля, забыть два послѣднія стихотворенія, прочтя ихъ хоть разъ. По поводу Талисмана, одного изъ лучшихъ стихотвореній Пушкина, очень скоро по его сочиненіи въ 1827 г. переведеннаго на языки всѣхъ образованныхъ народовъ» [2]), «Кельнская газета» сообщаетъ, что въ стихотвореніи этомъ имѣется въ виду перстень, подаренный поэту княгинею Воронцовою. Затѣмъ нашъ источникъ продолжаетъ: «Идущій изъ Севастополя пароходъ, зайдя въ Ялту, огибаетъ гору Аюдагъ, возвышающуюся на южномъ берегу Крыма вблизи Юрзуфа. При видѣ любимыхъ Пушкинымъ скалъ путешественники, тѣснясь на палубѣ, называютъ имя поэта, и какой-нибудь его юный поклонникъ рѣдко удерживается отъ желанія запѣть Талисманъ [3]), какъ это напоминаетъ Рейнскіе пароходы передъ скалою Лореей, у подошвы которой пѣснь Гейне должна убѣдить все веселое общество туристовъ въ непо-

---

[1]) Этими словами Брандесъ не намекаетъ-ли на изданіе А. С. Суворина въ 10 томахъ, въ которомъ обѣ баллады приписаны Мицкевичу («Изъ Мицкевича»).

[2]) Данныя, приведенныя нами въ отдѣлѣ II настоящей статьи, гдѣ перечисляются нѣмецкіе переводы Пушкина, едва-ли подтверждаютъ заключеніе «Кельнской газеты» о своевременности переводовъ Талисмана.

[3]) Талисманъ положенъ на музыку Титовымъ еще въ 1829 г. (Межовъ, № 3991, ср. у него же №№ 4512, 4513 и 4523).

нятной причинѣ ихъ собственной грусти [1]) («Кельнская газета»). Странный, чтобы не сказать болѣе, отзывъ о поэзіи Пушкина мы находимъ въ коварной, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, статьѣ «Новой Прусской Крестовой газеты» (№ 10 по нашему перечню), которая положительную красоту находитъ у нашего поэта только въ описаніяхъ природы, а настоящую силу его таланта признаетъ только въ его большихъ политическихъ памфлетахъ (sic). Но, къ стихамъ Пушкина, проникнутымъ политическимъ свободомысліемъ (Ульманнъ), сочувствіемъ къ декабристамъ (Ц. К.), къ памфлетамъ и эпиграммамъ, нашедшимъ среди молодежи повсемѣстное распространеніе и усердныхъ читателей (Голантъ), гораздо справедливѣе и вѣрнѣе «Крестовой газеты» относится другой заграничный нѣмецкій критикъ, именно Ѳ. Феликсъ. «По правдѣ сказать»,—вотъ его слова,—«все недопущенное въ Россіи, собраніе запрещенныхъ стихотвореній Пушкина стоитъ по достоинствамъ неизмѣримо ниже его позволенныхъ цензурою лирическихъ произведеній, уже не говоря объ «Онѣгинѣ», «Борисѣ Годуновѣ», «Русалкѣ» и повѣстяхъ въ прозѣ». Къ числу энергическихъ стиховъ Пушкина надо причислить и его оду На выздоровленіе Лукулла, которою онъ затронулъ графа Уварова и окончательно возбудилъ противъ себя всю желчь и глупость высшихъ слоевъ Петербургскаго свѣта (Энгельгардтъ), Мы уже выше упоминали о статьѣ «Австрійской Народной газеты» (№ 43), въ которой ея авторъ, Ц. К., не входя въ критическую оцѣнку Пушкинской оды, ограничивается подробнымъ разсказомъ о послѣдствіяхъ саркастической выходки поэта и о его разговорѣ по поводу ея съ Бенкендорфомъ. Гораздо болѣе вниманія нѣмецкая критика обращаетъ на пьесы: Клеветникамъ Россіи и Памятникъ. Первое стихотвореніе возбуждаетъ у нѣмцевъ отнюдь не литературно-критическую оцѣнку, а лишь желаніе ограничиться указаніемъ на вызовъ Пушкина всему свѣту по поводу польскаго возстанія (Энгельгардтъ) или заявить о сомнѣніи въ искренности Пушкина, только какъ будто лишь для показнаго впечатлѣнія (Адамъ), примирившагося съ политическими условіями тогдашней дѣйствительности (Стернъ) и питавшаго свой искусственно возбужденный патріотизмъ враждебными чувствами противъ Польши и мирволившей ей Западной Европы (Брандесъ). Памятникъ даетъ поводъ Цабелю указать на вполнѣ сознательное пониманіе Пушкинымъ своихъ заслугъ русскому народу и на высокую его оцѣнку самого себя, а Бахмана—заявить объ отраженіи на этомъ стихотвореніи заимствованій изъ Овидія, Горація и Державина. «Пушкинъ»,—прибавляетъ Бахманъ,—«сочи-

[1]) Ich weiss nicht was soll es bedeuten,
Dass ich so traurig been?
Такъ начинается это извѣстное стихотвореніе Гейне.

нилъ эту свою лебединую пѣснь 21-го августа 1836 года, какъ будто предчувствуя близость своей кончины».

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о сочиненіяхъ, написанныхъ Пушкинымъ въ прозѣ, на которыя нѣмецкая критика обращаетъ вообще немного вниманія сравнительно съ поэтическими произведеніями Александра Сергѣевича. «Насколько хороши стихи Пушкина, настолько же отличается достоинствами и его проза», замѣчаетъ Цабель и въ доказательство приводитъ въ переводѣ отзывъ Гоголя о способности Пушкина изображать военныя битвы. «Изящные разсказы Пушкина открыли путь изображеніямъ жизни послѣдующихъ поколѣній и направленію сентиментально-натуральному, по выраженію одного русскаго критика» (Брандесъ). «Эти разсказы имѣютъ передъ прежними произведеніями Пушкина нѣкоторое преимущество въ отношеніи прелести и граціозности, силы воображенія, реальности изображенія, художественности отдѣлки и богатства мысли» (Голантъ). Впрочемъ, эти слова могутъ быть отнесены скорѣе къ «Капитанской дочкѣ», «Арапу Петра Великаго» и «Египетскимъ ночамъ». Нѣкоторые критики указываютъ на повѣсти Бѣлкина (Д-ръ Z, Французъ, О. Феликсъ), имѣвшія большое вліяніе на развитіе реалистическаго направленія въ русской литературѣ (Голантъ), а Бахманъ перечисляетъ эти повѣсти и по поводу женскихъ въ нихъ типовъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Капитанская дочь, Маша, героиня Дубровскаго, даже Барышня-крестьянка задуманы нѣсколько въ сентиментальномъ стилѣ Карамзина и Жуковскаго. Во всѣхъ этихъ лицахъ мы находимъ первообразы тѣхъ типовъ дѣвушки, которые повторяются и развиваются Тургеневымъ и Гончаровымъ. Всѣ эти дѣвушки томятся романтическимъ стремленіемъ къ чему-то неясному и съ покорностію безсилія отдаются избраннику сердца; въ большинствѣ, всѣ онѣ очень изнѣжены, но, когда надобно, оказываются способными на великіе подвиги». Кромѣ изложеннаго мнѣнія Бахмана и слѣдующаго далѣе отзыва Цабеля, нѣмецкіе критики лишь мимоходомъ упоминаютъ о Дубровскомъ (Энгельгардъ, «Веймарская газета») и о Капитанской дочкѣ («Веймарская газета»), предшественницѣ Гоголевскаго «Тараса Бульбы» (Брандесъ), превосходной повѣсти Пушкина, проза которой не устарѣла и для нашего времени (Энгельгардтъ)». Въ этой повѣсти, по словамъ Цабеля, «разсказъ о вымышленныхъ событіяхъ изъ патріархальнаго помѣщичьяго быта соприкасается съ мрачнымъ образомъ изверга Пугачева, но какъ съ появляющимся послѣ ужасной ночи солнцемъ, въ концѣ романа все примиряется появленіемъ величественной, доброй и справедливой царицы, именно Екатерины II». Въ Арапѣ Петра Великаго, въ которомъ Пушкинъ изобразилъ своего предка, находятся «превосходныя картины русскаго общества и прекрасный очеркъ личности самого царя» (Цабель). Въ этомъ разсказѣ Пушкинъ достигъ полной безъискусственности въ простотѣ и чистотѣ повѣствовательнаго слога,

въ высшей степени художественнаго и до сихъ поръ являющагося образцомъ, никѣмъ еще въ Россіи не превзойденнымъ (Голантъ). Адамъ ограничивается сообщеніемъ одного заглавія «Арапа Петра Великаго», а Шакъ—только упоминаніемъ объ историческихъ повѣстяхъ Пушкина. «Египетскія ночи», названныя однимъ изъ нѣмцевъ отрывкомъ изъ романа въ стихахъ, написаннымъ въ 1825 году, (sic—Шакъ), даютъ другому критику поводъ назвать Чарскаго портретомъ самого Пушкина (Брандесъ).

Въ интересныхъ (Шакъ) запискахъ о походѣ въ Эрзерумъ, «описанія тогдашней Арменіи и поразительно гадкаго и грязнаго города Эрзерума могли бы и теперь представить всю свѣжесть современности въ замѣткахъ Пушкина» («Кельнская газета»). Заглавіе этихъ записокъ отмѣчено также Голантомъ и анонимомъ «Веймарской газеты».

Мы уже выше указали на прекрасную (sic) Исторію Петра Великаго (sic), которую Сандору удалось найти въ сочиненіяхъ Пушкина. Брандесъ исправляетъ ошибку товарища, сообщая, что Пушкинъ далъ императору Николаю I легкомысленное обѣщаніе (sic) написать эту исторію за 6.000 р. ежегодной пенсіи. По другимъ свѣдѣніямъ, Пушкинъ написалъ лишь одни Матеріалы для исторіи Петра Великаго (sic—Голантъ) и только занимался для этой цѣли работами въ архивахъ. Но плодомъ этихъ архивныхъ занятій явилась Исторія Пугачевскаго бунта, а не Петра (Энгельгардтъ). Нѣкоторые нѣмецкіе писатели ограничиваются однимъ упоминаніемъ объ исторіи Пугачевскаго бунта (Шакъ, Сандоръ, Ц. К.) другіе видятъ въ ней плодъ не только труда Пушкина въ архивахъ, но и поѣздки его въ восточныя губерніи Россіи («Веймарская газета»). Юбилейная критика подвергаетъ это историческое сочиненіе самой разнообразной оцѣнкѣ, находя его дилетантскимъ (sic — журналъ «Дома»), основательнымъ изслѣдованіемъ (Вольбрюкъ), несравнимымъ, несмотря на всѣ достоинства, съ поэтическими произведеніями автора (Стернъ), страдающимъ явными недостатками въ общемъ и въ изложеніи (Энгельгардтъ). Лишь одинъ критикъ даетъ безусловно лестный отзывъ, первой подробной и достовѣрной «Исторіи Пугачевскаго» бунта, въ которой Пушкинъ, «съ талантомъ историка и съ сердцемъ патріота, изобразилъ Пугачева во всей его отвратительной изобрѣтательности палача и ненасытной кровожадности» (Цабель).

Нѣмцы сообщаютъ также и объ участіи Пушкина въ русскихъ журналахъ, гдѣ онъ возбуждалъ своимъ именемъ соревнованіе (Вольбрюкъ) двухъ самыхъ модныхъ тогда московскихъ Телеграфа и Вѣстника (Стернъ, «Веймарская газета»). Наконецъ, мы находимъ извѣстіе объ основаніи Пушкинымъ въ 1836 году собственнаго журнала, «Современника», недолго впрочемъ просуществовавшаго (Шакъ, «Веймарская газета»).

М. Веневитиновъ.

В. Збышевскій.

(Изъ исторіи польской смуты въ 1863 г.).

Въ 1879 году Эмигрантъ Владиславъ Збышевскій возбудилъ въ установленномъ порядкѣ ходатайство о разрѣшеніи ему вернуться въ предѣлы Россіи.

Возникшая по этому поводу переписка даетъ не безъинтересныя о немъ свѣдѣнія.

Оказывается, что въ 1863 году, въ чинѣ лейтенанта, онъ съ отрядомъ русскихъ судовъ находился въ Шанхаѣ, командуя пароходомъ Сибирской флотиліи—«Америка».

Въ одинъ прекрасный день Збышевскій исчезъ, оставивъ своему начальству письмо, въ которомъ объяснялъ, что не считаетъ возможнымъ служить дольше подъ россійскими знаменами, во избѣжаніе военныхъ дѣйствій противъ защитниковъ родины.

Чрезъ Панаму и Нью-Іоркъ, онъ пробрался въ Польшу, гдѣ, подъ именемъ Карпь и Карповскій, увлекся организаціей польскаго флота, коего назначенъ былъ адмираломъ.

Но попыткамъ его въ Лондонѣ, Парижѣ и Италіи не суждено было увѣнчаться успѣхомъ.

Сообщилъ А. Мердеръ.

Изъ записокъ барона Дедема.

Въ текущемъ году въ Парижѣ изданы записки генерала барона Дедемъ де-Гельдера [1]), голландца, служившаго въ рядахъ французской арміи во времена первой имперіи, послѣ присоединенія голландскаго королевства къ Франціи.

Баронъ Антонъ (Antoine Baudouin Gisbert) Дедемъ родился 23-го августа 1774 г. въ Голландіи; 10-ти лѣтъ отъ рода онъ отправился съ родителями въ Константинополь, гдѣ его отецъ занималъ въ теченіе 27 лѣтъ постъ голландскаго посланника; тамъ онъ готовился къ дипломатической карьерѣ, къ которой его предназначалъ отецъ, хотя онъ выказывалъ съ дѣтства рѣшительную склонность къ военной службѣ. Въ юныхъ лѣтахъ онъ много путешествовалъ, посѣтилъ Грецію, Малую Азію, Египетъ; въ 1793 г. вернулся на родину, въ Голландію, и, вступивъ на дипломатическое поприще, занималъ довольно видныя для своихъ лѣтъ и отвѣтственныя должности. Такъ, въ 1798 г. онъ былъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Парижѣ, съ 1800—1810 г. былъ послѣдовательно чрезвычайнымъ посланникомъ при Виртембергскомъ дворѣ, въ Берлинѣ, въ Вестфаліи, въ Неаполѣ. Въ 1810 г., когда Голландія была присоединена къ Франціи, баронъ Дедемъ рѣшилъ перемѣнить карьеру и посвятить себя военной службѣ и былъ назначенъ въ 1811 г. командующимъ бригадою въ дивизіи маршала Даву, стоявшей въ Голландіи. Въ 1812 году онъ совершилъ со своей бригадою походъ въ Россію въ авангардѣ короля Неаполитанскаго и былъ раненъ подъ Смоленскомъ. Дедемъ одинъ изъ первыхъ

[1]) Mémoires du général baron de Dedem de Gelder (1774—1825). Un général hollandais sous le premier empire. Paris.

вступилъ въ Кремль, а во время отступленія французской арміи привезъ въ Вильно извѣстіе объ этомъ несчастіи. Затѣмъ онъ служилъ въ «великой арміи» въ Германіи подъ начальствомъ маршала Нея, сражался при Бауценѣ, Лейпцигѣ, Ганау и т. д.; послѣ реставраціи Бурбоновъ вернулся въ Голландію.

Онъ скончался въ 1825 г.

Баронъ Дедемъ оставилъ мемуары, сохранившіеся въ его семействѣ, въ которыхъ онъ описалъ свою жизнь и политическія и военныя событія, имъ пережитыя; для насъ интересна та часть этихъ записокъ, въ коихъ онъ описываетъ кампанію 1812 г.; не вдаваясь въ своемъ описаніи въ изложеніе всѣмъ извѣстныхъ подробностей военныхъ дѣйствій, онъ разсматриваетъ эти событія съ точки зрѣнія политической и даетъ критическую оцѣнку дѣйствій французскихъ генераловъ и Наполеона I, стараясь по возможности быть безпристрастнымъ. Онъ рисуетъ въ своихъ запискахъ настроеніе французской арміи и ея вождей въ началѣ и во время похода, указываетъ на многія слабыя стороны въ организаціи этой арміи и на тяжелыя условія, въ коихъ она очутилась съ самаго вступленія своего на русскую землю; разсказываетъ, какъ смотрѣли на объявленіе войны Россіи люди болѣе дальновидные, какихъ они ожидали отъ нея результатовъ и, наконецъ, какъ относился самъ Наполеонъ къ дѣлаемымъ ему предостереженіямъ.

Съ этой частью записокъ барона де-Дедема мы намѣрены познакомить читателей «Русской Старины», такъ какъ его разсказъ дополняетъ отчасти извѣстныя намъ подробности великой эпопеи 1812 г.

I.

Въ 1810 г., въ то время, когда Голландское королевство, возникшее на развалинахъ Нидерландовъ, завоеванныхъ Франціей во время великой революціи, было присоединено къ французскимъ владѣніямъ, баронъ Дедемъ де-Гельдеръ былъ посланникомъ въ Неаполѣ. Согласно полученному имъ приказанію, онъ передалъ бумаги посольства повѣренному въ дѣлахъ Франціи и самъ отправился въ Парижъ. Императорскій дворъ находился въ Фонтенебло. Всѣ голландцы, представлявшіеся Наполеону, были принимаемы самымъ милостивымъ образомъ, изъ желанія этимъ позолотить горькую для нихъ пилюлю. Такого же пріема удостоился и де-Гельдеръ и даже нерѣдко былъ приглашаемъ на интимные вечера императрицы, гдѣ Наполеонъ подолгу бесѣдовалъ съ ними о дѣлахъ Голландіи и о лицахъ, стоявшихъ тамъ во главѣ правленія.

Не имѣя никакого опредѣленнаго назначенія, но постоянно вращаясь въ придворныхъ сферахъ, де-Гельдеръ прожилъ въ Парижѣ до 15-го апрѣля 1811 г., когда онъ былъ назначенъ бригаднымъ командиромъ.

«Въ теченіе восьми мѣсяцевъ, проведенныхъ мною въ Парижѣ,—читаемъ въ его запискахъ,—я имѣлъ возможность слѣдить за ходомъ политическихъ дѣлъ въ Европѣ. Я видѣлся ежедневно съ герцогомъ де-Бассано, съ князьями Меттернихомъ и Шварценбергомъ, съ графомъ Нессельроде, который былъ въ то время оффиціально секретаремъ русскаго посольства въ Парижѣ, но въ дѣйствительности былъ совѣтникомъ посланника князя Куракина и пользовался уже довѣріемъ императора Александра.

«Нессельроде жаловался мнѣ неоднократно на то, что отъ министра иностранныхъ дѣлъ герцога Кадора никогда нельзя было добиться никакого положительнаго отвѣта. Онъ не хотѣлъ даже передавать заявленій посланника и говорилъ зачастую: «я не смѣю сказать этого императору». Нессельроде замѣчалъ, что, дѣйствуя такимъ образомъ, нельзя будетъ придти къ соглашенію, и что Россія и Франція поссорятся вслѣдствіе того, что онѣ не имѣютъ возможности объясниться.

— Между тѣмъ ни вы, ни мы не нуждаемся въ новой войнѣ,—говорилъ онъ;—у васъ своя болячка—Испанія, у насъ Турція, гдѣ мы ведемъ войну столь же неполитичную и разорительную, какъ на Пиренейскомъ полуостровѣ.

«Нессельроде искренно желалъ, чтобы миръ не былъ нарушенъ; и хотя онъ предвидѣлъ, что миръ не будетъ продолжителенъ, но старался выиграть время. Онъ попросилъ меня переговорить объ этомъ съ герцогомъ де-Бассано, который тотчасъ передалъ его слова императору. Герцогу было приказано немедленно переговорить съ Нессельроде; послѣ перваго же ихъ свиданія, Наполеонъ былъ внѣ себя отъ гнѣва по поводу того, что герцогъ Кадоръ не передавалъ ему все, что слѣдовало, и отрѣшилъ его отъ должности, назначивъ министромъ иностранныхъ дѣлъ де-Бассано, который давно уже добивался этого назначенія, хотя совершенно не годился для него.

«Де-Бассано высказывалъ въ это время нерѣдко такіе же странные взгляды, какъ и его монархъ. Бесѣдуя съ нимъ, я старался однажды доказать ему, что императоръ Александръ I не могъ присоединиться къ континентальной системѣ, и, воспользовавшись случаемъ, сказалъ то, что графъ Нессельроде просилъ меня передать ему, что императоръ Александръ искренно желалъ сохранить дружественныя отношенія къ Франціи и дорожилъ дружбою Наполеона, но что онъ не могъ объявить войну Англіи.

— Россіи,—отвѣчалъ министръ,—остается только сдѣлать выборъ и присоединиться всецѣло къ нашей системѣ, а для того чтобы мы

*

были въ этомъ вполнѣ увѣрены, ей надобно предоставить намъ право размѣстить французскихъ таможенныхъ чиновниковъ отъ Ревеля до Кронштадта; но передайте графу Нессельроде, что малѣйшіе переговоры съ Англіей послужатъ поводомъ къ войнѣ съ Франціей.

— Впрочемъ я самъ скажу ему это,—прибавилъ онъ.

«Поляки видимо желали войны; всѣ извѣстія, получаемыя изъ Варшавы, свидѣтельствовали о томъ, что Россія имѣла полное право жаловаться на враждебныя демонстраціи со стороны поляковъ. Наполеонъ считалъ себя еще неготовымъ къ войнѣ, и это заставляло его медлить.

«Когда я уѣхалъ въ Гамбургъ, то императоръ приказалъ мнѣ вести переписку съ герцогомъ де-Бассано и увѣдомлять его обо всемъ, что я узнаю отъ моихъ прежнихъ политическихъ друзей въ Германіи. Это могло быть весьма затруднительно для меня, такъ какъ мой начальникъ, кн. Экмюльскій, былъ человѣкъ крайне неспокойный и подозрительный. Однако, онъ не препятствовалъ мнѣ исполнить возложенное на меня порученіе съ одной стороны потому, что я сообщилъ ему о повелѣніи императора, а во-вторыхъ, потому, что я часто сообщалъ ему получаемыя мною депеши. Онъ держалъ себя очень тактично.

— Я смотрю на вещи иначе,—говорилъ онъ;—я пишу въ своихъ донесеніяхъ совершенно противное; но каждый изъ насъ долженъ писать обо всемъ такъ, какъ онъ смотритъ на дѣло.

«Восемнадцать мѣсяцевъ спустя герцогъ де-Бассано сказалъ мнѣ въ Варшавѣ: «вы были жестокимъ пророкомъ», но на мои донесенія до тѣхъ поръ обращали весьма мало вниманія или, лучше сказать, на нихъ никто не обращалъ вниманія, такъ какъ всѣ были ослѣплены удачей. Я писалъ, между прочимъ, изъ Ростока, что нашими притѣсненіями мы до такой степени возстановили противъ себя Германію, что народъ возстанетъ противъ насъ, не спрашивая согласія своихъ монарховъ, и что если мы испытаемъ въ Россіи малѣйшее пораженіе, то мы можемъ быть отрѣзаны отъ Франціи; нѣмцы навѣрно возстанутъ поголовно, чтобы избавиться отъ владычества французовъ, и возстаніе это распространится до предѣловъ Голландіи. Я сообщилъ также любопытныя подробности о Россіи, о непреклонномъ намѣреніи русскихъ все сжечь и опустошить и завлечь насъ въ пустынную мѣстность, чтобы уморить голодомъ.

«Положеніе дѣлъ обрисовывалось въ такомъ видѣ уже въ 1811 г., и я тогда же посылалъ объ этомъ донесеніе за донесеніемъ въ Парижъ. Сынъ герцога Мекленбургскаго служилъ въ Россіи; отецъ писалъ ему, чтобы онъ подалъ въ отставку, но молодой принцъ отвѣчалъ, что напротивъ слѣдуетъ какъ можно болѣе сблизиться съ Петербургскимъ дворомъ, что сумасбродства Наполеона и его владычество окончатся вмѣстѣ съ осуществленіемъ его плановъ противъ Россіи и что послѣдняя освободитъ

Германію отъ его ига. Адъютантъ этого принца, пріѣхавшій изъ Петербурга, сообщилъ мнѣ еще нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя должны были послужить предостереженіемъ. Я добросовѣстно передалъ ихъ кому слѣдовало, но министръ и императоръ были не особенно довольны моимъ пророчествомъ. Я очень сожалѣю, что копіи съ моихъ писемъ утрачены въ Россіи. Тѣмъ не менѣе я могу утверждать, что такова именно была сущность моихъ предсказаній, которыя высказывались мною быть можетъ болѣе энергично. Я честно служилъ императору и всегда говорилъ ему правду, рискуя заслужить его неудовольствіе.

«Менѣе всего мы сходились съ княземъ Экмюльскимъ въ одномъ пунктѣ, а именно: относительно намѣреній берлинскаго двора. Онъ совершенно не довѣрялъ обѣщаніямъ короля и его министровъ; я ничего не утверждалъ относительно министровъ, но ручался за короля, чистосердечный характеръ котораго мнѣ былъ извѣстенъ. Я хорошо зналъ все происходившее въ Берлинѣ, но Франція хотѣла думать, что Пруссія не права.

«Наполеонъ ненавидѣлъ короля и всегда мечталъ свергнуть его. Какъ истый корсиканецъ и италіанецъ, Наполеонъ не могъ даже представить себѣ, какимъ образомъ Фридрихъ-Вильгельмъ могъ искренно быть его союзникомъ и другомъ. Французскіе генералы хотѣли воевать съ Пруссіей, чтобы получить помѣстья.

— Гдѣ же вы хотите, чтобы мы получили земли, какъ не въ Пруссіи?—говорили мнѣ нѣкоторые изъ нихъ.

— Не въ пустыняхъ ли Россіи,—говорили другіе,—намъ дадутъ маіораты? Вы плохой товарищъ, если вы не хотите, чтобы мы заняли Пруссію.

«Наполеону съ трудомъ удалось сдѣлать эту державу своей союзницей; противъ этого возставали многіе, между прочимъ маршалъ Даву, который до послѣдней минуты надѣялся, что мы отнесемся къ ней какъ къ странѣ непріятельской. Но, несмотря на это, получивъ противныя приказанія императора, онъ честно велъ переговоры съ генераломъ барономъ Кнобельсдорфомъ, коему королемъ прусскимъ было поручено сдѣлать вмѣстѣ съ маршаломъ Даву надлежащія распоряженія для прохода арміи черезъ Штеттинъ и Данцигъ.

«Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Гамбургъ маршалъ послалъ меня инспектировать 111-й полкъ и присутствовать при его окончательномъ сформированіи. Надобно было сформировать 4-й и 6-й батальоны такимъ образомъ, чтобы въ нихъ было старыхъ солдатъ и унтеръ-офицеровъ столько же, сколько въ другихъ батальонахъ, въ которые надобно было перечислить соотвѣтственное число новобранцевъ.

«Это дѣло требовало большаго вниманія; несмотря на обстоятельныя инструкціи, данныя намъ начальникомъ штаба, нѣкоторые генералы не удостоились за это похвалы; я же былъ настолько счастливъ,

что заслужилъ полное одобреніе маршала, и онъ поставилъ меня въ примѣръ другимъ. Вскорѣ онъ поручилъ мнѣ командованіе второй бригадою прекрасной дивизіи генерала Фріана (Friant), и мнѣ пришлось поселиться въ Новомъ Бранденбургѣ въ Мекленбургъ-Стрелицѣ.

«Сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь мѣсяцы (1811 г.) были употреблены на обученіе офицеровъ и солдатъ. Трудно себѣ представить, какъ много отъ насъ требовали. Мы едва успѣвали поѣсть. Маневры, ученія, экзамены въ полковыхъ школахъ, безконечные рапорты,—все это слѣдовало одно за другимъ. Мы были заняты съ 5 часовъ утра до 6 вечера. Едва-ли когда-нибудь такъ заботились о войскѣ и старались поддержать въ немъ столь строгую дисциплину.

«За потерянный платокъ наряжали строжайшее слѣдствіе. Въ случаѣ малѣйшей жалобы со стороны мѣстныхъ жителей, виновные подвергались самому строгому наказанію. Новобранцевъ судили сами солдаты. Штабъ-офицеры не могли оставить лагерь и отправиться въ городъ, не получивъ особаго дозволенія отъ бригаднаго генерала.

«Въ моемъ 33-мъ полку было 1.500 солдатъ, достаточно хорошо обученныхъ для того, чтобы быть произведенными въ унтеръ-офицеры; изъ нихъ болѣе 700 человѣкъ знали десятичную систему счисленія, первыя три правила ариѳметики, основы полевой фортификаціи, а 300 человѣкъ могли бы занять мѣсто секретарей въ департаментѣ любаго министра. Можно оплакивать потерю всѣхъ этихъ доблестныхъ людей, погибшихъ въ Россіи скорѣе по винѣ главнаго штаба, нежели отъ морозовъ.

«Войска расположились на зимнихъ квартирахъ лишь 15-го декабря, и то не надолго. Обученіе солдатъ продолжалось такъ же дѣятельно, какъ прежде, и хотя солдаты имѣли болѣе отдыха, чѣмъ въ лагерѣ, но за то бригаднымъ генераламъ было гораздо болѣе дѣла. Несмотря на то, что зима была очень суровая и дороги были занесены снѣгомъ, я разъѣзжалъ все время верхомъ, осматривая отдѣльныя части въ мѣстахъ ихъ расквартированія.

«Войскамъ было строго-на-строго запрещено требовать хотя бы одинъ раціонъ болѣе того, что полагалось; за всякую самовольную реквизицію виновнаго присуждали уплатить ея стоимость, и кромѣ того онъ подвергался наказанію, каковъ бы ни былъ его чинъ. Генералу Дальтону былъ сдѣланъ выговоръ въ дневномъ приказѣ, и онъ былъ посаженъ на три мѣсяца подъ арестъ за то, что потребовалъ столовыя деньги, не утвержденныя маршаломъ. Только благодаря этой строгости Мекленбургъ могъ прокормить такое огромное количество войска, превышавшее его средства».

13-го января 1812 г. генералу Дедему было приказано выступить

съ его бригадой изъ мѣста ея стоянки, а въ началѣ марта вся армія выступила въ походъ.

Пруссаки встрѣтили французскую армію крайне недоброжелательно и были недовольны кое-какими злоупотребленіями со стороны французовъ, которыя были неизбѣжны при проходѣ такого огромнаго войска въ странѣ бѣдной, жители которой, не любя французовъ, неохотно давали имъ самое необходимое.

«Наши офицеры особенно страдали отъ недостатка вина,—пишетъ генералъ Дедемъ;—нѣмцы его не употребляютъ, а мои офицеры были не въ духѣ, когда имъ приходилось обходиться безъ вина. Куда бы мы ни пришли, насъ встрѣчали съ неудовольствіемъ; дамы въ особенности не скрывали своего отчаянія по поводу того, что ихъ король былъ союзникомъ Наполеона противъ Россіи. Все это еще болѣе подтверждало то, что я неоднократно писалъ герцогу Бассано. Губернаторъ Данцига, генералъ Раппъ, принялъ насъ великолѣпно; тутъ послѣдній разъ разсортировали людей, которые были не въ состояніи переносить тягости военнаго времени, но офицерамъ было безусловно запрещено возвращаться во Францію: имъ велѣно было всѣмъ остаться въ Штеттинѣ. Въ Данцигѣ изготовлялись для арміи сухари; для перевозки ихъ и бочекъ съ мукой и солониной были приготовлены телѣги новаго образца, но армія была двинута въ Россію слишкомъ поспѣшно. Такъ какъ русскіе все разорили по пути, то возницы и ихъ лошади истребили дорогою провіантъ, предназначенный для войскъ, и повозки пришли къ мѣсту назначенія почти пустыя.

«Мы двинулись въ половинѣ мая на Эльбингъ, гдѣ нашли принца Экмюльскаго. Мы простояли на квартирахъ въ окрестностяхъ Браунсберга до 11-го іюня; въ этотъ день армія двинулась далѣе. Принцъ Экмюльскій хотѣлъ, чтобы его войско казалось многочисленнѣе, нежели оно было на самомъ дѣлѣ, и приказалъ проходя черезъ города, идти не по-взводно, но по-полувзводно. Еще важнѣе было приказаніе, имѣвшее самыя прискорбныя послѣдствія, а именно, чтобы, выступая изъ Данцига, каждый полкъ взялъ съ собою не болѣе 1.500 паръ сапогъ, не считая тѣхъ трехъ паръ, которыя были розданы каждому солдату и находились всегда при немъ.

«Пока шли всѣ эти приготовленія, я поселился въ замкѣ Линденау, въ двухъ льё отъ Браунсберга, гдѣ я засталъ и генерала Фріана; тутъ я получилъ знаменитый приказъ по полку, который весьма естественно возбудилъ ропотъ среди пруссаковъ. Каждому военному, офицеру и солдату, было предписано взять у того, у кого онъ квартировалъ, съѣстныхъ припасовъ на 10 дней. Мы запаслись сухарями и хлѣбомъ; у каждаго солдата былъ небольшой мѣшочекъ съ 10 фунтами риса и другой съ 10 ф. муки, которые были завернуты въ шинель. Мы за-

брали у мѣстныхъ жителей всѣ телѣги, для которыхъ нашлись упряжныя лошади, чтобы везти на нихъ фуражъ и даже солому. Трудно себѣ представить, какое мы причинили разореніе несчастнымъ жителямъ. Въ Гумбинненѣ императоръ произвелъ смотръ нѣкоторымъ корпусамъ арміи и объявилъ о производствахъ. Мы двинулись на Вильковишки по направленію къ Нѣману; роковой моментъ приближался.

«Мы прошли черезъ Пруссію не какъ чрезъ союзную страну, а скорѣе какъ чрезъ страну завоеванную.

«Приказъ относительно десятидневнаго провіанта былъ не что иное, какъ данное оффиціально разрѣшеніе грабить и дѣлать насилія; видя все это, отеческое сердце короля прусскаго должно было обливаться кровью. Но лояльность этого монарха была такъ велика, что онъ до послѣдняго момента давалъ Наполеону (который былъ въ то время номинально его союзникомъ) самые драгоцѣнные совѣты и оказывалъ ему самую существенную помощь. Его честность была такова, что до похода, въ продолженіе и по окончаніи его онъ старался не поддаваться своимъ сомнѣніямъ въ искренности Наполеона по отношенію къ нему, но старался увѣрить себя въ томъ (таково было свойство его великодушнаго сердца), что Наполеонъ пойметъ наконецъ свои собственныя выгоды, интересы Франціи и всей Европы и не только поддержитъ, но даже увеличитъ Пруссію.

«Нѣманъ былъ перейденъ 24-го іюня [1]) не безъ нѣкотораго колебанія. Графъ Нарбоннъ, посланный къ императору Александру I съ порученіемъ въ Вильно, передалъ Наполеону мирныя предложенія, сдѣланныя государемъ, который возложилъ всю отвѣтственность за войну на насъ, сказавъ: «чего хочетъ отъ меня императоръ французовъ? Будемъ жить по-прежнему въ добромъ согласіи, время еще не ушло; но если вы перейдете Нѣманъ, то я завлеку французскую армію въ глубину Россіи, гдѣ она найдетъ свою могилу».

«Трудно изобразить величественную картину, которую представляло 600 тысячное войско, расположившееся у подошвы холма, на которомъ Наполеонъ приказалъ разбить свои палатки. Съ этой возвышенности онъ обозрѣвалъ всю армію, Нѣманъ и мосты, приготовленные для нашей переправы [2]). Мнѣ удалось случайно полюбоваться этимъ зрѣлищемъ. Дивизія Фріана, которая должна была находиться въ авангардѣ, сбилась съ пути и достигла возвышенности въ то время, когда вся

---

[1]) Всѣ числа приведены по новому стилю.

[2]) Наполеонъ заказалъ своему батальному живописцу большую картину, изображающую переправу черезъ Нѣманъ. Я видѣлъ эскизъ этой картины у кн. Меттерниха въ 1815 г. Она исполнена какъ нельзя болѣе близко къ истинѣ. (Прим. автора).

армія была уже въ сборѣ. Императоръ, увидавъ, что мы наконецъ появились, подозвалъ Фріана и сталъ давать ему приказанія. Въ это время дивизія остановилась въ ожиданіи своего начальника передъ императорской палаткой; я подошелъ къ группѣ генераловъ, составлявшихъ свиту Наполеона. Среди нихъ царствовало зловѣщее молчаніе, чуть не унынie. Когда я позволилъ себѣ пошутить, генералъ Августъ де-Коленкуръ, съ которымъ я былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ, сдѣлалъ мнѣ знакъ и сказалъ тихонько: «здѣсь не смѣются; это великій день». Онъ указалъ при этомъ на противуположный берегъ рѣки, какъ будто хотѣлъ присовокупить: «вотъ наша могила».

«Когда императоръ прекратилъ разговоръ съ генераломъ Фріаномъ, дивизія прошла мимо всѣхъ армейскихъ корпусовъ, направляясь къ мостамъ; вскорѣ она очутилась на противуположномъ берегу. Тогда солдаты испустили громкіе крики радости, которые привели меня въ ужасъ; они какъ будто хотѣли сказать: «Теперь мы на непріятельской землѣ! наши офицеры не будутъ болѣе наказывать насъ, когда мы будемъ кормиться на счетъ жителей!» До тѣхъ поръ, согласно строгому предписанію императора, начальству удалось поддержать строгую дисциплину. Прокламаціи напоминали войску, что, проходя по владѣніямъ короля прусскаго, мы находились на территоріи союзника и что къ нему слѣдовало относиться такъ, какъ будто мы находились на французской землѣ. Мы видѣли, къ сожалѣнію, что это приказаніе нерѣдко было забыто или пренебрежено; но по крайней мѣрѣ войско поступало въ такихъ случаяхъ вопреки приказанію начальства, которое удерживало солдатъ, говоря: «когда мы будемъ на русской землѣ, вы будете брать все, что захотите». Такимъ образомъ министры и генералы Наполеона слѣдовали тому же принципу, коимъ руководствовались, какъ повѣствуетъ намъ Тацитъ, въ своихъ дѣйствіяхъ римскіе сенаторы и первые императоры: «Римляне, говоритъ онъ, не относились къ тѣмъ націямъ, съ которыми они воевали, какъ къ непріятелю, защищающему свое отечество, но какъ къ рабамъ, которые осмѣлились возмутиться».

«Авангардъ обошелъ лѣсъ, росшій у берега, но мы нашли въ немъ только кое-гдѣ слѣды людей; мы были уже въ странѣ пустынной. Императоръ, принцъ Невшательскій, король Неаполитанскій и принцъ Экмюльскій прокатились по сосновому бору и были удивлены или быть можетъ испуганы тѣмъ, что они не видѣли нигдѣ ни жителей, ни русскихъ солдатъ. Поляки, посланные на высокіе, поросшіе лѣсомъ холмы, чтобы обозрѣть мѣстность, донесли, что издали былъ виденъ арріергардъ непріятеля, двигавшійся по направленію къ Вильно.

«Въ два часа мы вошли въ Ковно. Кавалерія, подъ командою генерала Пайоля, вступила туда еще по утру, и при приближеніи ея непріятельская кавалерія выступила изъ города. Какъ извѣстно, русскіе,

сдѣлавъ видъ, будто они намѣрены защищать переправу черезъ Нѣманъ, отступили поспѣшно за Двину, гдѣ генералъ Пфуль устроилъ Дрисскій укрѣпленный лагерь. Уже въ Ковно армейскіе полки убѣдились въ томъ, что имъ придется все уступать гвардіи, чѣмъ они были весьма недовольны. Мы нашли въ городѣ много всякихъ съѣстныхъ припасовъ, но вскорѣ было получено приказаніе поставить у городскихъ воротъ караулъ и не впускать ни солдатъ, ни офицеровъ, ни даже генераловъ, такъ какъ все должно быть предоставлено въ распоряженіе императорской гвардіи, которая одна вступитъ въ городъ; остальные корпуса, не исключая авангарда, должны были стать по другую сторону города. Такимъ образомъ мы стали бивуакомъ по дорогѣ въ Вильно въ двухъ верстахъ отъ города въ сосновомъ лѣсу, на берегу Виліи, между тѣмъ какъ императоръ остановился въ Ковно, а гвардія грабила магазины и частные дома. Жители разбѣжались и разнесли ужасъ и уныніе по окрестности. Этотъ примѣръ конечно не могъ побудить населеніе прочихъ городовъ встрѣчать насъ съ удовольствіемъ и доставлять намъ все необходимое. Однако энтузіазмъ поляковъ и ихъ желаніе вернуть свою самостоятельность были столь велики, что многіе изъ нихъ все же встрѣчали насъ какъ желанныхъ гостей

«Русскіе сожгли большой виленскій мостъ, чтобы замедлить наше движеніе, которое и безъ того было крайне затруднено дождями и плохимъ состояніемъ дорогъ. Транспортныя повозки запаздывали; онѣ прибывали не рѣдко тогда, когда войско уже успѣвало выступить съ извѣстнаго пункта, вслѣдствіе чего солдаты на первыхъ же порахъ продовольствовались очень дурно. По недостатку хлѣба и овощей, они ѣли слишкомъ много мяса, котораго было въ изобиліи. Всѣ тѣ, которые участвовали въ походѣ 1806 г., выводили изо всего этого весьма неутѣшительныя заключенія. Состоявшій подъ моимъ начальствомъ полковникъ Ponchelon, командовавшій 33-мъ линейнымъ полкомъ, участвовалъ въ битвѣ при Эйлау и былъ женатъ на богатой полькѣ; онъ имѣлъ знакомыхъ среди мѣстныхъ поляковъ и былъ человѣкъ умный и способный, хотя довольно угрюмый; онъ предсказывалъ мнѣ въ самомъ началѣ, что дѣла примутъ дурной оборотъ. Мѣсяцъ спустя, въ Витебскѣ, онъ сказалъ мнѣ: «Я посылаю обратно всѣ свои вещи. Армія погибла». Хотя Наполеона во многихъ случаяхъ обманывали, но ему стало извѣстно вскорѣ по вступленіи въ Россію, что армія отчаивается въ успѣшномъ исходѣ войны.

«Мы вступили въ Вильно 28-го числа. Польскіе помѣщики, державшіе сторону Россіи, выѣхали изъ города; польская партія приняла насъ восторженно; но Наполеонъ не былъ доволенъ тѣми средствами, коими онъ располагалъ для дальнѣйшихъ дѣйствій, поэтому онъ не могъ обнадеживать поляковъ относительно ихъ будущей независимости.

— Воспользуйтесь случаемъ,—сказалъ онъ польскимъ депутатамъ;— постарайтесь вернуть свою независимость, пока я веду войну съ Россіей. Если вы усилитесь, то я включу васъ въ условія мирнаго договора, но я не могу проливать за васъ кровь французовъ; и если императоръ Александръ предложитъ мнѣ заключить миръ на возможныхъ условіяхъ, то я буду вынужденъ оставить васъ.

«Этотъ отвѣтъ, рѣдкій по откровенности со стороны завоевателя, былъ передѣланъ и смягченъ министрами и приближенными императора, но поляки напрасно полагались на слова этихъ подчиненныхъ лицъ. Имъ слѣдовало руководствоваться словами самого Наполеона; они также напрасно обвиняли его впослѣдствіи по поводу его мнимыхъ обѣщаній. Я слышалъ отъ одного изъ депутатовъ, что Наполеонъ даже сказалъ имъ:

— Я вижу, что у васъ нѣтъ достаточно средствъ; совѣтую вамъ не компрометтировать себя по отношенію къ русскому императору; я съ минуты на минуту могу заключить съ нимъ миръ.

«Въ Вильковишкахъ Наполеонъ обнародовалъ прокламацію противъ русскихъ и ихъ монарха. Въ Вильно же мы познакомились съ содержаніемъ прокламаціи императора Александра, которая была написана не менѣе энергично; за нею было право и справедливость. Что же касается воззванія, съ коимъ литовскій комитетъ обратился къ полякамъ, то въ немъ, равно какъ и въ высокопарномъ донесеніи Варшавскаго сейма, возвѣщалось возстановленіе Польскаго королевства. Но всѣ, кто зналъ близко Наполеона и его манеру выражаться, понимали, что въ этихъ прокламаціяхъ гораздо менѣе было видно намѣреніе императора возстановить королевство Польское, нежели чрезвычайное желаніе поляковъ, чтобы это совершилось, хотя всѣ ихъ надежды основывались только на двусмысленныхъ обѣщаніяхъ французскихъ министровъ. Рѣшивъ что-либо, Наполеонъ имѣлъ обыкновеніе выражать свое намѣреніе вполнѣ ясно. Обманчивыя надежды, честолюбіе и поверхностное знаніе человѣка, съ которымъ имъ приходилось имѣть дѣло, разногласіе между словами министровъ и тайными планами монарха, въ которыхъ поляки не могли дать себѣ отчета—вотъ что ввело въ заблужденіе этихъ восторженныхъ людей, которымъ было простительно горячо желать возстановленія независимости ихъ отечества.

«Непріятельская армія совершила отступленіе безподобно; это движеніе дѣлаетъ большую честь ея генераламъ и дисциплинѣ солдатъ. 27-го іюля вечеромъ насъ отдѣлялъ отъ нея глубокій оврагъ. Линія русскихъ войскъ тянулась вправо и влѣво. По утру, на разсвѣтѣ русское войско исчезло какъ бы по мановенію волшебнаго жезла. Каждый изъ насъ искалъ его и удивлялся тому, что его не видно; но наше удивленіе возрасло, когда, несмотря на быстроту нашего форсированнаго марша,

намъ не удалось уже не говоря отыскать русскую армію, но даже напасть на ея слѣдъ.

«Пройдя три версты за Витебскъ, мы не могли еще опредѣлить, въ какомъ направленіи совершилось отступленіе русскихъ. Нигдѣ не было ни одной павшей лошади, ни забытой повозки, ни отсталаго солдата.

«Однако самомнѣніе французовъ было такъ велико, что я самъ былъ свидѣтель, какъ нѣкоторые генералы сердились, если кто-либо выражалъ свое удивленіе по поводу этого отступленія. Я дерзнулъ во всеуслышаніе выразить свое удивленіе. Мнѣ отвѣчали холодно, что слово «отступленіе» не существуетъ въ словарѣ французской арміи! Это не помѣшало мнѣ пожелать въ душѣ, чтобы наша армія, черезъ нѣсколько времени, также блистательно совершила бы свое отступленіе.

«Наполеонъ, которому былъ переданъ этотъ разговоръ, былъ весьма недоволенъ моими замѣчаніями, и я узналъ въ Витебскѣ, что меня изобразили въ его глазахъ фрондеромъ и политическимъ резонеромъ. Дѣйствительно, я руководствовался всегда неизмѣннымъ правиломъ говорить то, что я думалъ о нашемъ положеніи; это было одно изъ свойствъ моего независимаго характера. Я имѣлъ вслѣдствіе этого однажды горячее объясненіе съ генераломъ Фріаномъ. Онъ хотѣлъ, чтобы я представилъ ему отчетъ о состояніи 33-го линейнаго полка и чтобы я показалъ численность его въ 3.280 человѣкъ, тогда какъ въ дѣйствительности въ немъ осталось, какъ мнѣ было извѣстно, не болѣе 2.500 человѣкъ. Форсированные переходы, недостатокъ продовольствія способствовали этой страшной убыли болѣе, нежели непріятельскій огонь. Генералъ Фріанъ полагалъ, что Наполеонъ разсердится на короля Неаполитанскаго, и такъ какъ онъ желалъ добиться новыхъ милостей, то боялся повредить себѣ, разгнѣвавъ монарха, и поэтому предпочелъ ввести его въ заблужденіе.

«Вы не хотите дать мнѣ вѣдомость, которую я требую»,—сказалъ онъ,—«я съумѣю достать ее и безъ васъ». Дѣйствительно, полковникъ Pouchelon составилъ ее въ томъ видѣ, какъ желалъ Фріанъ, т. е. показавъ наличный составъ полка въ 3.500 человѣкъ. Когда я укорялъ его за это, то онъ отвѣтилъ мнѣ: «я не хочу ссориться съ генераломъ Фріаномъ. Неужели вы думаете, что это дѣлается безъ вѣдома маршала? Не будемъ имъ мѣшать». Я узналъ впослѣдствіи, что въ представленной императору вѣдомости численность арміи была показана на 35.000 человѣкъ болѣе дѣйствительной. Также точно поступали и относительно провіанта. Я уже говорилъ, что, уходя съ зимнихъ квартиръ съ Пруссіи, каждому солдату былъ данъ небольшой мѣшечекъ съ 10 фун. риса и другой съ 10 фун. муки; по разсчету г.г. интендантовъ главной квартиры содержимое этихъ мѣшечковъ должно было замѣнить въ случаѣ надобности 20 дневный паекъ. По этому разсчету генералъ графъ Матье-

Дюма [1]) заявилъ императору въ Витебскѣ, что дивизія Фріана имѣла продовольствія еще на 17 дней, тогда какъ намъ уже приходилось пользоваться запасами. Если что-либо можетъ служить оправданіемъ Наполеона, такъ это именно то, что его жестоко обманывали въ донесеніяхъ.

«Запасы риса и муки были уже початы. Мои лошади зачастую голодали.

«Бывая въ гостяхъ у графа Дарю или у генерала Матье-Дюма, я приносилъ вечеромъ одинъ или два бѣленькихъ хлѣбца моимъ полковникамъ, въ видѣ лакомства, а эти господа, желая отплатить мнѣ за вниманіе любезностью, посылали мнѣ, въ видѣ большаго подарка, по половинѣ ржанаго хлѣба для моихъ солдатъ. По этому можно судить, каково было наше положеніе во время нашего тріумфальнаго шествія. И при подобныхъ-то обстоятельствахъ императору осмѣлились сказать оффиціально, что дивизія Фріана имѣла съѣстныхъ припасовъ на 17 дней. Въ награду за такое усердіе и заботливость Наполеонъ назначилъ въ Витебскѣ генерала Фріана командиромъ лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка. Это была награда для генерала, который долго командовалъ войскомъ на войнѣ, который уже въ Египтѣ командовалъ дивизіей и былъ извѣстенъ какъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и лучшихъ строевыхъ офицеровъ арміи; но разумѣется, это не свидѣтельствовало объ его административныхъ способностяхъ и умѣніи организовать войско. Принцъ Экмюльскій, двоюродный братъ Фріана, очень вѣрно охарактеризовалъ его, сказавъ: «генералъ Фріанъ самъ не знаетъ, что говоритъ; онъ уменъ только на полѣ битвы».

«Въ теченіе двѣнадцати дней, которые я стоялъ лагеремъ въ двухъ верстахъ отъ Витебска, мнѣ пришлось, чтобы не умереть съ голода, посылать партіи людей за провіантомъ для моихъ баталіоновъ и для главнаго штаба. Эти партіи отправлялись за пять, за шесть верстъ, переправлялись даже за рѣку и возвращались обыкновенно съ хорошей добычей; но нѣкоторыя изъ нихъ попадались въ руки казакамъ. Извѣстно, что мародерство дѣйствуетъ на арміи развращающимъ образомъ, уничтожаетъ дисциплину, способствуетъ дезертирству и вызываетъ со стороны солдатъ жестокіе поступки, коими они потомъ хвастаются; слушая ихъ, я содрогался. Война ожесточаетъ человѣческое сердце. Новобранцы были кротки и человѣколюбивы, многіе же изъ старыхъ солдатъ утратили всякое нравственное чувство.

«Нѣмецкіе корпуса соблюдали обыкновенно порядокъ и дисциплину даже при отступленіи. Голландцы менѣе всего переносили лишенія, форсированные переходы, холода. Ихъ нравственный духъ былъ вскорѣ

[1]) Mathieu-Dumas, главный интендантъ арміи.

поколебленъ. Ими были довольны въ отношеніи храбрости и обученія офицеровъ; но молодые люди, въ особенности, страдали сплиномъ, падали духомъ при мысли о томъ, что ихъ ведутъ далеко отъ родины, тосковали по своимъ методическимъ привычкамъ, и большинство изъ нихъ не отличалось той веселостью, любовью къ завоеваніямъ и господству, какими отличались французы, что, поддерживая въ нихъ бодрость духа, давало имъ возможность легче переносить лишенія и сутолоку, среди которой намъ приходилось жить. Маршалъ Даву пользовался еще по-прежнему вліяніемъ; дѣла шли еще на взглядъ достаточно хорошо для того, чтобы императоръ не имѣлъ повода упрекать его за то, что онъ совѣтовалъ ему начать походъ въ то время, когда Испанія причиняла еще Франціи довольно большія затрудненія. Наполеонъ надѣялся, что въ Витебскѣ къ нему явится русская депутація для переговоровъ, но онъ ошибся въ своихъ разсчетахъ.

«Императоръ созвалъ совѣтъ, на которомъ обсуждался вопросъ о томъ, куда идти—на Петербургъ или на Москву, или же остановиться, организоваться въ Польшѣ, устроить продовольственные магазины и прежде, нежели идти далѣе, уничтожить русскую армію, возвращавшуюся съ турецкой границы. Была сдѣлана попытка войти въ сношеніе съ казаками, которымъ подали надежду на образованіе независимаго государства [1]). Отвѣтъ получился неопредѣленный, уклончивый, даже отрицательный. Казаки дали понять, что они не видѣли никакой выгоды уйти изъ-подъ русскаго владычества, чтобы подпасть подъ власть Наполеона, отъ котораго они могли ожидать не столько свободы, сколько деспотизма.

«Въ окрестностяхъ Витебска населеніе проявило революціонныя чувства. Помѣщики со всѣхъ сторонъ стали обращаться къ витебскому губернатору, генералу Шарпантье, съ просьбою прислать охрану для ихъ защиты отъ крестьянъ, которые грабили помѣщичьи дома и дурно обходились съ самими помѣщиками (я самъ видѣлъ, какъ многія семейства переѣхали въ Витебскъ, заботясь о своей безопасности). Я полагаю, что императоръ могъ бы возбудить возстаніе въ русскихъ губерніяхъ, если бы онъ хотѣлъ дать волю народу, такъ какъ народъ этого ожидалъ, но Наполеонъ былъ уже въ то время не генералъ Бонапартъ, командовавшій республиканскими войсками. Для него было слишкомъ важно упрочить монархизмъ во Франціи, и ему трудно проповѣдывать революцію въ Россіи.

---

[1]) Наполеону приписывали намѣреніе вызвать возстаніе народа противъ дворянства и даже говорили, будто онъ принялъ къ этому мѣры. Но подобный образъ дѣйствій шелъ слишкомъ въ разрѣзъ съ его личными интересами и съ его деспотической системой правленія, чтобы можно было этому повѣрить. (Прим. автора).

«Рѣшивъ идти на Смоленскъ, Наполеонъ двинулся впередъ 11-го августа, и 17-го числа мы атаковали городъ. Въ этотъ день нѣсколько тысячъ человѣкъ было убито безъ всякой пользы, такъ какъ уже въ 4 часа по полудни по нѣкоторымъ признакамъ можно было судить, что непріятель готовится сжечь городъ и оставить его, хотя онъ еще оборонялся весьма энергично.

«Красивый, богатый и хорошо обстроенный Смоленскъ пострадалъ не только отъ бомбардировки, но былъ почти совершенно разграбленъ и сожженъ. Дивизія Фріана прошла сквозь пламя на городскую площадь, гдѣ и расположилась бивуакомъ. Я провелъ ночь на этой площади, лежа на роскошномъ диванѣ, который солдаты принесли изъ одного изъ сосѣднихъ богатыхъ домовъ. Я ѣлъ на ужинъ варенье, которое было превосходно; судя по огромнымъ запасамъ, которое мы находили вездѣ, въ особенности въ Москвѣ, надо полагать, что русскіе помѣщики истребляютъ варенье въ огромномъ количествѣ. Мнѣ принесли два великолѣпныхъ ананаса и персиковъ, хотя я предпочелъ бы съѣсть хорошаго супа, но на войнѣ разбирать не приходится, надобно ѣсть то, что придется.

«Надежда на то, что мы отдохнемъ въ Смоленскѣ, не осуществилась. Я получилъ въ 4 часа утра приказаніе двинуться далѣе и занять укрѣпленія за Днѣпромъ, затѣмъ мы прошли по развалинамъ предмѣстья, и вся армія двинулась къ Москвѣ. Отъ Наполеона зависѣло окончить войну въ Смоленскѣ, возстановивъ королевство польское, за что Европа была бы ему признательна. Если вѣрить тому, что я слышалъ, то русскіе ожидали этого. Говорили, будто генералъ Вильсонъ, бывшій представителемъ Англіи въ главной квартирѣ, писалъ въ Петербургъ и Лондонъ, въ первой депешѣ: «Все потеряно; Смоленскъ взятъ», а два дня спустя онъ послалъ втораго курьера съ извѣстіемъ: «Все спасено, французы идутъ на Москву». Императоръ Наполеонъ не съумѣлъ остановиться въ Смоленскѣ.

«Русскіе очистили постепенно Дорогобужъ, Вязьму и Гжатскъ и имѣли съ нами нѣсколько довольно жаркихъ стычекъ, впрочемъ, не имѣвшихъ особеннаго значенія, такъ какъ въ дѣлѣ бывалъ только одинъ авангардъ.

«Дорогобужъ былъ довольно порядочный городокъ; Вязьма, красивый городъ, казался только-что отстроеннымъ; онъ сожженъ въ то время, когда армія находилась въ Москвѣ; Гжатскъ менѣе обширенъ. Императоръ провелъ тутъ два дня, чтобы дать отсталымъ и ослабѣвшимъ время подойти и присоединиться къ своимъ полкамъ. Онъ хотѣлъ сосредоточить свою армію, такъ какъ все предвѣщало, что мы приближаемся къ рѣшительному дню. Всѣмъ было извѣстно, что фельдмаршалъ Кутузовъ заступилъ мѣсто Барклая-де-Толли и что побѣдитель турокъ,

желая отомстить за Аустерлицъ, хочетъ дать намъ сраженіе, не доходя до Москвы, чтобы спасти столицу».

II.

Упомянувъ о Бородинскомъ сраженіи и коснувшись болѣе подробно нѣкоторыхъ стычекъ, въ которыхъ авторъ самъ участвовалъ, онъ останавливается на описаніи вступленія Наполеона въ Москву.

«Шпіонъ,—говоритъ онъ,—добродушно принятый нами за дезертира, сообщилъ намъ, что русскіе собирались дать намъ сраженіе подъ стѣнами Москвы, гдѣ позиція ихъ была сильно укрѣплена. Дѣйствительно, 14-го (2-го) сентября по утру мы замѣтили нѣкоторыя приготовленія; русскіе вырубили деревья, возводили редюиты, а на высотахъ, окружавшихъ Москву, виднѣлась кавалерія. Я слѣдовалъ съ моей бригадою по пятамъ за королемъ неаполитанскимъ, который, идя все время впередъ, указывалъ намъ путь. Мы видѣли его постоянно среди развѣдчиковъ, и непріятель могъ также легко различить его по его большому бѣлому султану и по зеленому плащу съ золотыми петлицами. Русскіе сдѣлали четыре или пять выстрѣловъ изъ орудія; но огонь вскорѣ прекратился; пронесся слухъ, будто начались переговоры. Но адъютантъ императора, генералъ графъ Нарбоннъ, посланный съ какимъ-то порученіемъ къ королю неаполитанскому, сказалъ мнѣ: «Кончено, русскіе покидаютъ Москву, оставляя ее на великодушіе французовъ». Немного погодя императоръ проѣхалъ въ экипажѣ и, подозвавъ меня, сказалъ: «Прикажите войскамъ двинуться, еще не кончено». Я видѣлъ ясно, что онъ былъ озабоченъ; не знаю, какія были къ тому причины, но очевидно гр. Нарбоннъ считалъ извѣстіе, привезенное имъ, болѣе благопріятнымъ, нежели его нашелъ императоръ. Быть можетъ, его величество былъ недоволенъ радостью, которую выказали солдаты при мысли, что скоро начнутся переговоры о мирѣ. Они ясно выразили эти чувства, привѣтствуя императора въ то время, когда онъ проѣзжалъ мимо нихъ къ городу.

«Былъ седьмой часъ вечера, какъ вдругъ раздался выстрѣлъ со стороны Калужскихъ воротъ. Непріятель взорвалъ пороховой погребъ, что было, повидимому, условленнымъ сигналомъ, такъ какъ я увидѣлъ, что тотчасъ взвились нѣсколько ракетъ и полчаса спустя показался огонь въ нѣсколькихъ кварталахъ города. Какъ только я убѣдился, что насъ хотѣли поджарить въ Москвѣ, я тотчасъ рѣшилъ присоединиться къ моей дивизіи, стоявшей бивуакомъ, не сходя съ лошадей на

Владимірской дорогѣ, подъ стѣнами города; я устроилъ свою главную квартиру на мельницѣ, гдѣ я былъ увѣренъ, что я не буду сожженъ. Вѣтеръ былъ очень сильный; къ тому же было очень холодно. Только слѣпой могъ не видѣть, что это былъ сигналъ къ войнѣ на жизнь и смерть; все подтверждало извѣстія, полученныя мною еще въ январѣ мѣсяцѣ въ Ростокѣ и Висмарѣ относительно намѣренія русскихъ сжечь свои города и завлечь насъ въ глубь Россіи. Я уже говорилъ, что я предупреждалъ объ этомъ герцога де-Бассано и что король прусскій, какъ вѣрный союзникъ, предсказалъ императору Наполеону все, что съ нами случилось и что ожидало насъ впереди.

«Лучшіе дома Москвы были покинуты жителями, изъ коихъ иные уѣхали всего за нѣсколько минутъ до нашего вступленія въ городъ.

«Трудно себѣ представить чисто азіатскую роскошь, коей слѣды мы видѣли въ Москвѣ. Запасы, хранившіеся во дворцахъ и частныхъ домахъ, превзошли всѣ наши ожиданія. Если бы въ городѣ былъ порядокъ, то арміи хватило бы продовольствія на три мѣсяца; но дисциплины болѣе не существовало. Провіантскіе чиновники думали только о себѣ. Раненымъ генераламъ отказывали въ красномъ винѣ подъ предлогомъ, будто его не было, когда же, шесть недѣль спустя, герцогъ Тревизскій взорвалъ Кремль, то онъ приказалъ перебить хранившіяся тамъ двѣ тысячи бутылокъ вина для того, чтобы солдаты молодой гвардіи не перепились. Для того чтобы получить куль овса, надобно было имѣть разрѣшеніе генералъ-интенданта, а его было довольно трудно получить, а когда мы ушли изъ Москвы, то въ магазинахъ осталось столько овса, что его хватило бы для прокорма 20 тысячъ лошадей въ теченіе шести мѣсяцевъ. Уѣзжая изъ Москвы, я видѣлъ неимовѣрной длины складъ, подъ сводами котораго хранились кули съ превосходной крупичатной мукою; складъ этотъ былъ преданъ разграбленію, а между тѣмъ за недѣлю передъ тѣмъ я съ трудомъ получилъ мѣшокъ самой грубой муки. Если бы чиновники и въ особенности низшіе служащіе выказали болѣе дѣятельности и старанія, армія была бы лучше обмундирована и накормлена. Болѣе третьей части города осталось нетронутой, и въ ней было въ изобиліи все то, въ чемъ мы нуждались. Въ городѣ не было только сѣна и соломы, и принцъ Невшательскій посылалъ за ними по окрестнымъ деревнямъ. Казаки нерѣдко уводили у насъ лошадей, захватывали экипажи. Жителямъ Москвы надоѣли безобразія, чинимыя нашими слугами; потерявъ терпѣніе, они стали убивать ихъ или бѣжали просить помощи у казаковъ въ то время какъ наши люди пировали и нагружали всякимъ добромъ свои повозки и лошадей. Мнѣ кажется, что наши дѣла были бы гораздо лучше, если бы мы дѣйствовали осторожнѣе. Мнѣ удалось обставить дѣло такъ, что мои фуражиры возвращались всегда благополучно дня черезъ 4—5, и приносили мнѣ

яица, картофель и иногда дичь, благодаря тому, что мною было отдано строгое приказаніе ничего не брать даромъ кромѣ фуража, а за все остальное платить. Одинъ сержантъ, человѣкъ весьма порядочный, сопровождалъ всегда моихъ слугъ съ нѣсколькими вооруженными солдатами. Онъ не допускалъ никакихъ злоупотребленій, и эта мѣра дала прекрасные результаты. Однажды, жители деревни, въ которую мои люди часто являлись за покупками, вышли къ нимъ на встрѣчу, неся двухъ куръ и яица, и совѣтовали имъ не входить въ деревню, такъ какъ у нихъ были казаки, что̀ оказалось совершенно справедливо.

«Мнѣ послужилъ также на пользу слѣдующій случай. Я встрѣтилъ двухъ солдатъ, нагруженныхъ серебряными вазами и церковной утварью; это было въ двухъ шагахъ отъ маленькой церкви, находившейся возлѣ занятаго мною дома; я подумалъ, что солдаты ограбили именно эту церковь, отправился туда и передалъ всѣ вещи священнику, открывшему мнѣ двери.

«Солдаты продавали за безцѣнокъ великолѣпныя шубы. Въ Кремлѣ, въ комнатахъ, предназначенныхъ для императорской гвардіи, хранились серебряныя вызолоченыя блюда, бриллианты, жемчугъ, шелковыя ткани и т. п. Я представлялъ себѣ мысленно картину Самарканда при нашествіи Тамерлана. Пылавшій городъ напомнилъ мнѣ также пожары, истребившіе на моихъ глазахъ часть Константинополя и Смирны; но этотъ разъ зрѣлище было величественнѣе: это было самое потрясающее зрѣлище, какое мнѣ довелось видѣть. Я никогда не забуду четвертую ночь по вступленіи нашемъ въ городъ, когда императоръ былъ вынужденъ покинуть Москву и искать убѣжища въ Петровскомъ дворцѣ. Я выступилъ наканунѣ со своей дивизіей по Владимірской дорогѣ, но страданія, которыя я испытывалъ послѣ взятія Смоленска, вслѣдствіе полученной мною сильной контузіи, такъ усилились, что я не могъ болѣе сидѣть на лошади и былъ вынужденъ просить у короля неаполитанскаго позволеніе уѣхать для пользованія въ Москву, сдавъ временно командованіе бригадою. Пламя пожара освѣщало дорогу на разстояніи болѣе двухъ верстъ отъ города; подъѣзжая къ Москвѣ, я увидѣлъ цѣлое море огня и такъ какъ вѣтеръ былъ очень сильный, то пламя волновалось, какъ разъяренное море. Я радъ былъ добраться до моей мельницы, откуда я наслаждался всю ночь этимъ единственнымъ въ своемъ родѣ, зловѣщимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ величественнымъ зрѣлищемъ. Пожаръ Смоленска былъ еще величественнѣе: глядя на высокія стѣны и толстыя башни, по которымъ съ яростью взвивалось пламя, я представлялъ себѣ Иліонъ (Трою) въ роковую ночь, такъ высоко-художественно описанную Виргиліемъ. Пожаръ Москвы, обнимавшій собою гораздо большее пространство, былъ менѣе поэтиченъ.

«Императора Наполеона осуждали за то, что въ одномъ изъ своихъ

бюллетеней онъ говорилъ съ восторгомъ объ этой катастрофѣ. Но онъ не могъ упрекнуть себя въ этомъ случаѣ ни въ чемъ, и безъ сомнѣнія, онъ былъ бы радъ сохранить Москву, не изъ расположенія къ русскимъ, но для своей собственной выгоды. Какъ ни смотрѣть на пожаръ Москвы,—какъ на проявленіе высокаго патріотическаго чувства, или какъ на явленіе, вызванное безсильной злобою,—все-таки, рѣшимость русскихъ сжечь Москву была основана на плохомъ разсчетѣ; сожженіе ея не имѣло и не могло имѣть никакого вліянія на участь арміи. Я уже говорилъ, что въ уцѣлѣвшей части города остались огромные запасы и что если бы въ нашей арміи было болѣе порядка и начальство дѣйствовало бы предусмотрительнѣе, то мы могли бы безъ труда дойти обратно до Вильно. Провести зиму въ Москвѣ было немыслимо. Мы пробились до этого города, но ни одна изъ пройденныхъ нами губерній не была нами покорена. Армія генерала Кутузова сформировывалась вновь и начала обходить насъ съ праваго фланга; такъ какъ Тула и Калуга были во власти русскихъ, то она могла раньше насъ придти въ Можайскъ и въ Вязьму. Съ другой стороны, миръ, заключенный съ Турціей, давалъ арміи адмирала Чичагова полную возможность отрѣзать наши сообщенія съ Польшею; мы были слишкомъ далеко отъ Курляндіи, чтобы надѣяться на какую-либо помощь со стороны корпуса герцога Тарентскаго. Такъ какъ Витебскъ, какъ показали дальнѣйшія событія, не могъ быть нами удержанъ, то чѣмъ долѣе мы оставались въ сожженной или несожженной Москвѣ, тѣмъ вѣрнѣе была наша гибель; мы готовили себѣ приблизительно такую же судьбу, какая постигла Камбиза въ Лидіи или армію Александра Великаго въ пустынѣ Гедрозіи.

«Великая ошибка Наполеона состояла не въ томъ, что онъ пошелъ въ Москву, хотя это была неосторожность съ его стороны и противъ этого возставали почти всѣ его генералы въ Витебскѣ и въ Смоленскѣ; его ошибка заключалась въ томъ, что онъ остался въ Москвѣ.

«Вступая въ Москву, Наполеонъ былъ пораженъ тѣмъ, что ему на встрѣчу не выѣхала депутація и что его не встрѣтили съ почестями, какъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ; онъ былъ этимъ смущенъ, не зналъ, какъ поступить далѣе; роковая судьба внушила ему самое пагубное рѣшеніе. Онъ былъ на высшей ступени славы; его звѣзда померкла въ Москвѣ и вскорѣ закатилась.

«Императоръ Наполеонъ былъ озадаченъ, какъ человѣкъ, не привыкшій быть обманутымъ въ своихъ разсчетахъ. Онъ заперся въ Кремлѣ, какъ будто выжидая время, тогда какъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ каждый моментъ становился драгоцѣннѣе. Онъ все еще хотѣлъ заблуждаться. Вообразивъ, что Александръ будетъ просить мира, онъ былъ увѣренъ, что русскій императоръ поспѣшитъ по крайней мѣрѣ принять этотъ миръ, если онъ будетъ ему предложенъ. Король

неаполитанскій далъ одурачить себя старику Кутузову и повѣрилъ льстивымъ увѣреніямъ другихъ генераловъ, которые заключили перемиріе съ тѣмъ, чтобы выиграть время, и нарушили его самымъ неожиданнымъ образомъ двѣ недѣли спустя.

«На другой же день по прибытіи въ Москву, Наполеонъ призвалъ г-жу Бурсе, директрису французскаго театра, и приказалъ ей давать на сценѣ французскія пьесы. Г-жа Бурсе повиновалась, удивляясь спокойствію императора; она дала маршалу Дюроку важныя указанія, коими пренебрегли потому, что при французскомъ дворѣ все было спѣсь и хвастовство. Эта женщина, бывшая долгое время любовницею герцога Брауншвейгскаго, убитаго при Іенѣ, и ранѣе бывшая въ большой дружбѣ съ принцемъ Генрихомъ прусскимъ, видѣла въ Москвѣ всѣхъ высокопоставленныхъ лицъ и знала все, что дѣлалось и замышлялось противъ насъ. Императоръ старался забыться, посѣщая концерты и театръ; онъ часто игралъ въ бульотъ и былъ веселъ. Чтеніе журналовъ и множество декретовъ, подписанныхъ имъ въ Москвѣ, составляли его препровожденіе времени; онъ усыплялъ себя на краю пропасти. Онъ хотѣлъ также заняться организаціей страны, но люди, коимъ было поручено выполненіе этихъ мѣръ, не имѣли достаточно энергіи и необходимыхъ способностей, чтобы быть на высотѣ столь труднаго положенія. Слуги императора были плохи. Принцъ Невшательскій старѣлся; его начальникъ штаба, генералъ гр. Монтіонъ, былъ человѣкъ тщеславный; вообще выборъ людей былъ плохъ. Талантовъ было мало, а самомнѣнія бездна.

«Мнѣ приходится теперь говорить о мирныхъ переговорахъ, начатыхъ императоромъ чрезъ генерала графа Лористона, его адъютанта и послѣдняго посланника въ Петербургѣ. Я содѣйствовалъ отчасти посылкѣ этого уполномоченнаго, и вотъ что мнѣ извѣстно по этому поводу. Горреръ, французскій эмигрантъ, которому я спасъ жизнь и который былъ друженъ съ фельдмаршаломъ Кутузовымъ, говорилъ мнѣ, что заключеніе мира зависитъ не отъ императора Александра, а отъ арміи; и что императоръ по желанію народа назначилъ вновь командующимъ войскомъ фельдмаршала.

— Вы знали фельдмаршала въ Константинополѣ, - присовокупилъ онъ;—вы знаете, что онъ очень честолюбивъ и тщеславенъ; могу васъ увѣрить, что онъ принялъ командованіе арміей только въ надеждѣ отомстить за Аустерлицъ, такъ какъ императоръ Александръ несправедливо приписываетъ ему потерю этого сраженія. Какъ знать, не сочтетъ ли онъ за честь поработать для примиренія двухъ великихъ имперій? Миръ зависитъ отъ него; если онъ пожелаетъ, миръ будетъ заключенъ, безъ него сдѣлать этого не удастся. Такъ какъ я знаю

его близко, я отправлюсь къ нему и позондирую почву; я оставлю здѣсь въ залогъ жену, мать и дѣтей.

«Я передалъ эти слова Горрера графу Дарю, который въ свою очередь говорилъ объ этомъ съ императоромъ Наполеономъ. Два дня спустя мнѣ было приказано явиться къ императору, но какъ разъ въ этотъ день я лежалъ въ постели отъ полученной мною контузіи. Я написалъ графу Дарю, который показалъ мое письмо императору, и на слѣдующій день генералъ Лористонъ былъ посланъ для переговоровъ. Мнѣ сообщилъ объ этомъ тотъ же Горреръ, который тогда же сказалъ, что эти переговоры не приведутъ ни къ чему, такъ какъ Лористонъ везъ письмо къ императору Александру, а не обратились къ фельдмаршалу Кутузову какъ къ посреднику, и это не могло быть пріятно для самолюбія стараго воина. Но императоръ Наполеонъ не былъ уже генераломъ Бонапартомъ, который могъ писать эрцгерцогу Карлу, командующему австрійской арміей въ Италіи, и вести съ нимъ переговоры о мирѣ; въ Москвѣ онъ считалъ бы унизительнымъ для своего достоинства вести переговоры съ кѣмъ-либо инымъ, какъ съ россійскимъ императоромъ. Это разсужденіе было справедливо въ принципѣ, но на дѣлѣ было важно выпутаться изъ затруднительнаго положенія и поэтому слѣдовало поступиться самолюбіемъ. Въ оправданіе Наполеона скажу, что когда я увидѣлся два года спустя, въ Парижѣ, съ Горреромъ, то онъ признался, что его попытка не имѣла бы успѣха. Онъ видѣлся, послѣ нашего отъѣзда изъ Москвы, съ фельдмаршаломъ Кутузовымъ, который сказалъ ему, что онъ никогда не согласился бы заключить миръ послѣ взятія Москвы, но ежели бы Наполеонъ предложилъ ему заключить миръ послѣ сраженія при Бородинѣ, то онъ согласился бы на это, чтобы спасти священный для русскихъ городъ.

«Мы потеряли много драгоцѣннаго времени на эти переговоры. Наконецъ императоръ пришелъ къ убѣжденію, что придется рѣшить дѣло оружіемъ. Онъ отправилъ всѣхъ раненыхъ генераловъ и штабъ-офицеровъ въ Смоленскъ черезъ Можайскъ и Вязьму; они прибыли благополучно въ Вильно, тогда какъ обозъ съ провіантомъ и военными снарядами подвергся нападенію со стороны казаковъ, которые захватили и уничтожили большую часть повозокъ.

«Принцъ Евгеній употребилъ всевозможное стараніе, чтобы реорганизовать свой корпусъ, коимъ онъ былъ очень любимъ; италіанская гвардія была великолѣпна. Императоръ приказалъ ему идти изъ Москвы первому, занять прежде всего Можайскую дорогу, затѣмъ свернуть на старую Калужскую дорогу къ Малоярославцу, гдѣ онъ предполагалъ дать русскимъ сраженіе и гдѣ, какъ намъ было извѣстно, они возвели большія земляныя укрѣпленія. Что касается короля неаполи-

танскаго, то ему наскучила война; его удерживала въ Россіи только нѣкоторая привязанность къ Наполеону, хотя онъ уже имѣлъ поводъ во многихъ отношеніяхъ жаловаться на него.

«Князь Экмюльскій, посовѣтовавшій Наполеону идти на Москву, занялся теперь ревностно реарганизаціей арміи для предупрежденія катастрофы, которую онъ уже предвидѣлъ. Къ сожалѣнію, генералы и полковники не особенно любили его за его чрезмѣрную строгость и пожалуй еще болѣе за его честность и строгое соблюденіе дисциплины. Вслѣдствіе этого они всегда радовались втайнѣ, когда удавалось помѣшать его планамъ; по этой же причинѣ они выказали неумѣстное удовольствіе, когда стало извѣстно, что Наполеонъ, во время отступленія арміи, упрекнулъ его въ сердцахъ за ошибку, которую онъ заставилъ его сдѣлать, и назвалъ его подлецомъ».

III.

Наполеонъ уѣхалъ изъ Москвы, лелѣя въ душѣ надежду, что онъ еще вернется туда; эту призрачную надежду питали многіе французы, которые зарывали награбленныя ими вещи въ землю, полагая, что вернувшись возьмутъ все съ собою. Но эти надежды не осуществились.

«Когда я выѣхалъ изъ Москвы,—пишетъ баронъ Дедемъ,—въ ней уже показались казаки. Погода была великолѣпная, было такъ тепло, что мы обѣдали при открытыхъ окнахъ. Я провелъ первую ночь на бивуакѣ близъ загороднаго дома графа Ростопчина, отъ котораго остались однѣ развалины. Тутъ я увидѣлъ нѣсколькихъ француженокъ, которыя во что бы то ни стало хотѣли слѣдовать за арміей, хотя я предсказывалъ имъ всѣ бѣдствія, постигшія насъ въ непродолжительномъ времени.

«Большая дорога была загромождена повозками и экипажами; изъ нихъ большая часть были до такой степени нагружены или имѣли такія плохія запряжки, что въ первый же день увязли въ грязи, изъ которой не было возможности вытащить ихъ.

«Счастье покидало Бонапарта, но повидимому онъ былъ готовъ съ покорностью подчиниться своей судьбѣ и былъ настолько твердъ, что спокойно смотрѣлъ на грядущія несчастія; однако его обычная смѣлость смѣнилась роковой нерѣшительностью.

«Какъ только арміи стало извѣстно, что мы отступаемъ, всѣми овладѣла тревога и уныніе. Поминутно слышались крики: «казаки». Тогда люди, лошади, повозки стремительно двигались впередъ, толкая и давя другъ друга.

«Императоръ приказалъ мнѣ вести корпусъ вице-короля и князя Экмюльскаго и въ то время какъ принцъ Невшательскій объяснялъ мнѣ намѣренія его величества, я имѣлъ возможность изучить лицо этого необыкновеннаго человѣка, который предвидѣлъ всѣ трудности и бѣдствія, предстоявшія намъ, ибо онъ говорилъ о нихъ въ письмѣ къ маршалу Нею.

«Мы стремились какъ можно скорѣе выйти на Смоленскую дорогу. Погода была прекрасная, но ночи были уже свѣжія; черезъ день послѣ нашего выступленія изъ Москвы цѣлыхъ двое сутокъ шелъ дождь; но мы все еще надѣялись, что погода будетъ намъ благопріятствовать. Мы миновали Можайскъ. Тутъ мы увидѣли трупы французовъ, не похороненные во время нашего движенія въ Москву; къ счастью, морозъ, который уже порядкомъ давалъ себя чувствовать, предохранилъ насъ отъ заразы, которая при иныхъ условіяхъ неминуемо должна была развиться отъ множества павшихъ труповъ людей и лошадей.

«17-го (29-го) октября императоръ завтракалъ близъ Колоцкаго монастыря, гдѣ у насъ былъ госпиталь. Генералъ Винцингероде, взятый въ плѣнъ въ тотъ моментъ, когда онъ хотѣлъ войти въ Кремль, полагая, что мы уже оставили его, былъ представленъ императору въ Верещ. Наполеонъ обошелся съ нимъ очень рѣзко, подъ предлогомъ, что онъ былъ подданный короля Виртембергскаго и слѣдовательно принадлежалъ къ Рейнскому Союзу, который императоръ считалъ еще подвластнымъ себѣ. Съ молодымъ Нарышкинымъ, адъютантомъ этого генерала, обошлись вѣжливѣе; ему дали верховую лошадь, и онъ сопровождалъ Наполеона до Колоцкаго монастыря; но тутъ его отправили впередъ, чтобы скрыть отъ него наше бѣдственное положеніе, которое было очевидно. Императору и его свитѣ нерѣдко приходилось грѣться при огнѣ костровъ, въ которыхъ пылали лафеты и зарядные ящики, которые мы уничтожали, не желая оставить ихъ непріятелю.

«До Вязьмы наше отступленіе совершалось въ порядкѣ; запряжки артиллеріи и повозокъ были довольно хороши; у насъ было достаточно фуража и мы питались припасами, увезенными изъ Москвы, но, подойдя къ Вязьмѣ, непріятель началъ насъ тѣснить. Стихіи также ополчились противъ насъ; вслѣдствіе дождей дороги сдѣлались непроходимы, овраги и ручьи наполнились водою.

«Намъ то и дѣло приходилось взбираться и спускаться съ маленькихъ холмовъ, на которыхъ подъемъ вслѣдствіе заморозковъ былъ весьма скользкій. Французы, несмотря на всѣ сдѣланныя имъ предостереженія, не позаботились подковать лошадей на шипахъ; это было одною изъ главныхъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ мы потеряли значительную часть артиллеріи.

«Лошади французской кавалеріи были въ ужасномъ состояніи; кира-

сирскія лошади и вообще лошади всей тяжелой кавалеріи производили удручающее впечатлѣніе; между тѣмъ прусскіе, саксонскіе и виртембергскіе полки имѣли еще полный комплектъ лошадей, ибо имъ аккуратно перевязывали раны и начальствующія лица находились постоянно при своихъ частяхъ.

«Наполеонъ говорилъ: «Свыше 9 градусовъ мороза я не находилъ въ отрядахъ французской арміи ни одного генерала на своемъ посту»; къ сожалѣнію, эти слова были вполнѣ справедливы. Исключенія были весьма рѣдки, солдаты были терпѣливѣе начальства, такъ какъ оно громко роптало, а солдаты горевали молча; и хотя они стали со временемъ непослушны и дерзки съ офицерами, но я ни разу не слыхалъ, чтобы они бранили того, кто былъ виновникомъ ихъ несчастья.

«Повозки, на которыхъ везли припасы короля неаполитанскаго, были перехвачены русскими по дорогѣ въ Дорогобужъ; съ тѣхъ поръ онъ обѣдалъ вмѣстѣ съ императоромъ, но его адъютанты и офицеры его свиты остались безъ продовольствія. Такъ какъ у меня было всего вдоволь, то я предложилъ имъ роскошный ужинъ; у насъ было въ изобиліи мадера, бордо, токайское, кофе и т. п. Мои гости восторгались моимъ богатствомъ, но этотъ ужинъ былъ моей лебединой пѣснью; на слѣдующій день моя повозка была опрокинута и смята артиллеріей, и дрожки, полныя съѣстныхъ припасовъ, принадлежавшія одному изъ моихъ адъютантовъ графу Кастель-Бажаку, были захвачены казаками.

«Между Дорогобужемъ и Смоленскомъ холодъ давалъ уже себя сильно чувствовать. Пошелъ снѣгъ, и начались настоящіе морозы; но по прошествіи двухъ дней наступила оттепель; это было новое бѣдствіе, такъ какъ французы, увидавъ, что идетъ снѣгъ, запаслись санями въ покинутыхъ русскими деревняхъ, и у повозокъ всѣ колеса были замѣнены полозьями. Когда же съ наступленіемъ оттепели снѣгъ растаялъ, то экипажи не могли двигаться по грязи, и пѣхотнымъ офицерамъ и солдатамъ пришлось бросить свои съѣстные припасы. Несмотря на это, духъ войска былъ прекрасенъ; всѣ еще надѣялись, что наши бѣдствія окончатся въ Смоленскѣ, гдѣ, какъ говорили, армія остановится, и куда будто бы прибыло изъ Франціи 40 тысячъ свѣжаго войска; солдаты надѣялись получить тамъ свѣжій провіантъ и расположиться на зимнихъ квартирахъ. Обманчивыя надежды разсѣялись, когда войско не только не получило въ Смоленскѣ ожидаемаго раціона, но городскія ворота были заперты, лишь только императоръ вступилъ въ городъ. Армія, вынужденная расположиться бивуакомъ за стѣнами города, узнала съ отчаяніемъ, что не было и рѣчи о сорока тысячномъ войскѣ; всѣ были возмущены, узнавъ, что императорская гвардія грабила магазины и что вино изъ императорскаго погреба продавалось за безцѣнокъ.

«По пріѣздѣ въ Смоленскъ, я сильно захворалъ, сталъ кашлять кровью

и, застудивъ желудокъ, страдалъ диссентеріей. Графъ Дарю, который ухаживалъ за мною, какъ за ребенкомъ и которому я обязанъ спасеніемъ жизни, разсказалъ мнѣ, что въ первый вечеръ, проведенный въ Смоленскѣ, императоръ занимался при сальныхъ свѣчахъ, воткнутыхъ въ бутылки.

«Армія разсчитывала провести нѣкоторое время въ Смоленскѣ, но въ началѣ ноября было получено извѣстіе, что Витгенштейнъ переправился черезъ Двину, и что молдавская армія, соединившись съ волынской, отбивъ кн. Шварценберга, собиралась отрѣзать насъ отъ Березины. Въ арміи ходили самые зловѣщіе слухи; говорили, будто русскіе хотѣли захватить Наполеона живымъ и перебить всю остальную армію.

«Главная квартира выступила изъ Смоленска при самыхъ неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ. У меня украли послѣднюю верховую лошадь, и мнѣ пришлось идти далѣе пѣшкомъ. Я оставилъ городъ наканунѣ отъѣзда изъ него Наполеона. Было приказано взорвать городъ, но это не удалось исполнить, такъ какъ Платовъ настигъ нашъ арріергардъ прежде, нежели онъ успѣлъ зажечь городскія зданія.

«Настоящее бѣдствіе началось за Смоленскомъ; дорога была усѣяна трупами и умирающими, артиллерія и зарядные ящики были брошены.

«Послѣ сраженія при Красномъ, въ которомъ была разбита голландская и италіанская гвардія, я думалъ, что мы погибли окончательно. Русскіе окружили насъ со всѣхъ сторонъ: мнѣ казалось, что для арміи не оставалось выхода.

«Въ Дубровкѣ и Оршѣ мы нашли съѣстные припасы, но безпорядокъ, господствовавшій въ арміи, былъ причиной, что они не были выданы правильно; тутъ повторилась та же исторія, какъ въ Смоленскѣ: одни получили болѣе, чѣмъ было нужно, другимъ ничего не досталось, и они гибли отъ голода.

«Извѣстія все ухудшались; 22-го ноября я уже не могъ болѣе заблуждаться на счетъ нашего положенія, увидавъ вечеромъ, что графъ Дарю жегъ бумаги императора, и при томъ самыя секретныя. Его секретарь, показавъ ему одинъ документъ, лежавшій въ прекрасномъ перламутровомъ ящикѣ, сказалъ: «Мы не имѣемъ копіи съ него въ Парижѣ». Министръ отвѣчалъ: «Все равно, сожгите его».

«Когда я говорилъ объ этомъ за ужиномъ съ графомъ, то онъ сказалъ мнѣ: «завтрашній день переходъ черезъ Березину; онъ рѣшитъ нашу участь; быть можетъ, я не увижу болѣе Франціи, моей жены и дѣтей. Эта мысль ужасна».

«До какой степени французское начальство заблуждалось относительно истиннаго положенія дѣлъ, показываетъ то обстоятельство, что послѣ печальнаго перехода черезъ Березину никто не обращалъ вниманія на предостереженія, когда имъ совѣтовали спѣшить, говоря, что казаки преслѣдуютъ насъ по пятамъ».

Когда баронъ Дедемъ прибылъ въ Вильно, гдѣ уже цѣлыхъ 16 дней не получали извѣстій о Наполеонѣ, и сообщилъ генералъ-губернатору гр. Гогендорну о горестномъ положеніи французской арміи, то послѣдній не повѣрилъ ему и увѣрялъ, что у него хватитъ провіанта на 100 тысячъ человѣкъ и что магазины наполнены предметами обмундированія.

«Легко себѣ представить,—пишетъ авторъ записокъ,—съ какимъ любопытствомъ всѣ меня разспрашивали, въ особенности члены дипломатическаго корпуса. Герцогъ де-Бассано только и твердилъ: «не говорите имъ ничего». Онъ самъ не заблуждался на счетъ истиннаго положенія дѣлъ, но система мистификацій такъ въѣлась въ плоть и кровь французовъ, что министры Наполеона хотѣли во что бы то ни стало, чтобы вѣрили тому, что они говорили, и даже чтобы ничему и никому не вѣрили.

«Я былъ возмущенъ фарсомъ, который разыгрывали въ Вильно. 1-го декабря былъ концертъ у герцога де-Бассано; на слѣдующій день былъ большой балъ у генерала Гогендорпа. Я слышалъ, какъ польскія дамы спрашивали другъ друга, указывая на меня: «Кто этотъ ходящій скелетъ?» И узнавъ, что я первый человѣкъ, прибывшій изъ арміи, многія изъ нихъ обращались ко мнѣ съ вопросомъ о здоровьи ихъ мужей и родныхъ. Несмотря на запрещеніе герцога де-Бассано, я совѣтовалъ имъ уложить вещи и уѣхать въ Варшаву.

«Мало-по-малу стали прибывать въ армію несчастные солдаты; 6-го декабря пріѣхалъ самъ Наполеонъ, но онъ остановился въ Вильно всего на нѣсколько часовъ. Вскорѣ стало извѣстно, что, оставивъ командованіе арміей королю неаполитанскому, онъ уѣхалъ въ Парижъ. Это возбудило всеобщій ропотъ и негодованіе. Я видѣлъ, что люди самые спокойные были внѣ себя отъ гнѣва и если бы въ этотъ моментъ у кого-нибудь хватило духа объявить о низложеніи императора, то онъ былъ бы низложенъ».

«Русскіе слѣдовали за нашимъ арьергардомъ такъ близко, что вступили въ Вильно одновременно съ нимъ; въ городѣ произошелъ страшный безпорядокъ. Генералъ Гогендорпъ такъ мало вѣрилъ тому, что ему говорили, что онъ не успѣлъ спасти даже своихъ экипажей.

«Печальные остатки нашихъ экипажей, артиллеріи и казны остановились на Виленской горѣ. Французы грабили тутъ казну заодно съ казаками; тутъ были сожжены трофеи, взятые въ Москвѣ.

«Армія бѣжала по дорогѣ въ Ковно, гдѣ солдаты разграбили водочные склады, пили до опьяненія и сотнями падали замертво на улицахъ. Ковно было сожжено; разрозненные остатки «великой арміи» прибыли въ Кенигсбергъ, гдѣ всѣ были еще такъ далеки отъ мысли о подобной катастрофѣ, что ихъ приняли за отсталыхъ и думали, что главныя силы арміи ушли въ Варшаву».

Краткій очеркъ жизни и дѣятельности

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТА

Карла Александровича Бельгарда.

Много русскихъ дѣятелей иностраннаго происхожденія послужили въ свое время на благо и пользу Россіи, и занесли свое имя на столбцы исторіи; но немногіе, быть можетъ, изъ нихъ были столь вѣрными носителями русскаго духа и русскаго народнаго характера, какимъ былъ покойный генералъ-лейтенантъ Карлъ Александровичъ Бельгардъ. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова русскій витязь, съ его беззавѣтной храбростью на полѣ брани и съ его чисто русскимъ простодушіемъ и честностью въ жизни. Во все время прохожденія службы онъ отличался полнѣйшимъ безкорыстіемъ; ни разу ни къ кому не обращался съ просьбами о какой-либо денежной наградѣ, хотя по своимъ заслугамъ имѣлъ на то право; и какъ жилъ, такъ и умеръ, оставаясь безсребренникомъ. Качества Карла Александровича, какъ вождя и человѣка, создали ему громкую популярность въ кругу современниковъ.

Покойный генералъ-лейтенантъ К. А. Бельгардъ происходилъ изъ древняго французскаго дворянскаго, но небогатаго рода, эмигрировавшаго во время французской революціи 1792 года. Дѣдъ Карла Александровича участвовалъ во многихъ кампаніяхъ на Рейнѣ, во Фландріи, въ Италіи, въ Провансѣ и на прибережьяхъ Бретани.

Въ 1773 году его постигло большое несчастіе. Вслѣдствіе разныхъ интригъ, происковъ и доносовъ, онъ былъ обвиненъ въ государственномъ преступленіи и отданъ подъ военный судъ, который приговорилъ его къ лишенію чиновъ, орденовъ и къ заключенію въ тюрьмѣ на двад-

цать лѣтъ и одинъ день (sic!). Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе, и ни въ чемъ не виновный полковникъ, закованный въ кандалы, посаженъ въ цитадель, находившуюся въ Пиренеяхъ. Благодаря неслыханной энергіи его супруги, желавшей во что бы то ни стало спасти мужа, а также назначенію новаго военнаго министра графа Сенъ-Жермень, и заступничеству самой королевы, въ 1778 году назначенъ былъ пересмотръ дѣла полковника Бельгарда, при чемъ военный судъ объявилъ его оправданнымъ отъ всѣхъ взведенныхъ на него обвиненій и возстановилъ во всѣхъ правахъ, которыхъ онъ былъ неправильно лишенъ.

Революція застала Бельгарда генералъ-инспекторомъ артиллеріи; но не пожелавъ служить въ республиканскихъ войскахъ, онъ вмѣстѣ съ сыномъ Александромъ, капитаномъ артиллеріи, эмигрировалъ и всталъ въ ряды арміи герцога Прованскаго и графа д'Артуа. Черезъ годъ отецъ и сынъ перешли на службу въ Россію, при чемъ дѣдъ Карла Александровича, уже будучи въ преклонныхъ лѣтахъ, скончался въ 1795 году. Молодой сынъ его, капитанъ французской артиллеріи, былъ переведенъ тѣмъ же чиномъ въ русскую артиллерію и сталъ быстро подвигаться по службѣ. 1799 годъ уже засталъ его въ чинѣ полковника, но еще не принявшимъ русскаго подданства, которое онъ принялъ лишь въ 1805 году, передъ своимъ назначеніемъ въ Свеаборгъ.

Въ 1816 году онъ скончался, оставивъ трехъ сыновей и двухъ дочерей. Старшая была замужемъ за барономъ Зассомъ, а младшая за сенаторомъ, впослѣдствіи товарищемъ министра финансовъ Ореусомъ. Изъ братьевъ Александръ былъ убитъ, во время Севастопольской кампаніи, въ дѣлѣ на Черной рѣчкѣ, а младшій Валеріанъ Александровичъ умеръ недавно, членомъ комитета о раненыхъ въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи, достаточно выказавъ свою геройскую доблесть на Кавказѣ, гдѣ и понынѣ его вспоминаютъ.

Родившійся въ 1807 году Карлъ Александровичъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ выказывалъ пристрастіе ко всему военному, почему и былъ опредѣленъ отцомъ въ Пажескій Его Императорскаго Величества корпусъ. Въ 1826 году онъ былъ пожалованъ въ камеръ-пажи и назначенъ состоять таковымъ при императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, которая видимо его отличала, бесѣдовала и разспрашивала о матери и сестрахъ, часто пуская въ отпускъ для свиданія съ ними.

Въ 1827 году 25-го іюня, Карлъ Александровичъ былъ произведенъ въ прапорщики, въ лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ. Вмѣстѣ съ полкомъ онъ отправился въ турецкій походъ 1828 года и подъ крѣпостью Варной впервые проявилъ настолько мужества, что удостоился получить высочайшія благоволеніе и признательность. Сверхъ того, за время длившейся осады Варны, юный прапорщикъ получилъ орденъ

св. Анны 4 ст. съ надписью «за храбрость». Эта кампанія была боевымъ крещеніемъ Карла Александровича, послѣ котораго, въ виду наступившаго мира, пришлось продолжать фронтовую службу въ полку. Но пылкая душа Бельгарда жаждала боевой дѣятельности, и уже въ 1841 году онъ былъ переведенъ подполковникомъ въ Эриванскій карабинерный полкъ, которымъ и пришлось ему командовать съ 1843 по 1850-й годъ.

Съ полкомъ этимъ связано имя Карла Александровича; съ нимъ совершилъ онъ цѣлый рядъ кампаній, пріобрѣлъ себѣ славу кипучаго, неудержимо-смѣлаго командира и вмѣстѣ съ тѣмъ репутацію популярнѣйшаго начальника. Полкъ сразу оцѣнилъ личность вновь назначеннаго командира. Съ первыхъ же дней своего командованія эриванцами, онъ обратилъ особенное вниманіе на боевую жизнь полка, а потому поддерживалъ и развивалъ молодецкій духъ и удальство въ подчиненныхъ. Съ этой цѣлью онъ устраивалъ частыя военныя пирушки. Музыка и пѣсельники раздавались тамъ, гдѣ былъ Бельгардъ съ своими эриванцами. Какъ въ походахъ, такъ и въ штабъ-квартирѣ онъ свободное отъ служебныхъ занятій время проводилъ въ кругу офицеровъ, поощрялъ смѣлыхъ и смѣялся надъ робкими и нерѣдко самъ являлъ образцы удали. Для него ничего не стоило сѣсть на бѣшеную лошадь, проскакать во весь карьеръ отъ Манглиса до Тифлиса по отвратительной, ухабистой дорогѣ на разстояніи 47 верстъ; сдѣлать усиленный форсированный маршъ и быть совершенно бодрымъ. Бельгардъ скоро сдѣлался общимъ любимцемъ. Имя его въ бояхъ,—съ нами Бельгардъ,—служило девизомъ для каждаго изъ подчиненныхъ. Начиная отъ рядоваго до баталіоннаго командира, каждый по первому его призыву готовъ былъ броситься на явную опасность. Эриванцы и Бельгардъ сдѣлались грозой для горцевъ, и про подвиги Карла Александровича ротные запѣвалы сложили пѣсню:

Въ Закаталахъ шумъ воинскій
Собирается Джаматъ,
Сто старшинъ земли Лезгинской
Передъ Бельгардомъ стоятъ.
Взоромъ грознымъ ихъ собраніе
Съ высоты онъ осмотрѣлъ
И такое приказаніе
Передать имъ повелѣлъ.
Берегитесь, Джарцы, Тальцы
Да Аллахъ васъ сохранитъ!
А смотрѣть на васъ сквозь пальцы
Государь мой не велитъ.
Бѣлоканцы, Таналинцы,
Будьте смирны и умны,
А не то для васъ гостинцы
У меня припасены.

А султану Даніэлю
Послать тотчасъ объявить,
Что въ Ярибъ черезъ недѣлю
Я иду къ нему гостить.
Пусть скорѣе онъ смирится,
Перестанетъ бунтовать,
Знаетъ самъ, что не учиться
Мнѣ его съ двора сгонять!
И твердятъ съ великимъ страхомъ
Старшины по деревнямъ,
Знать, онъ посланъ къ намъ Аллахомъ,
Чтобъ карать насъ по дѣламъ,
Знать, недаромъ всѣхъ насъ проняль
Страхъ такой, что сгоряча
Всякъ изъ насъ по-русски понялъ
Рѣчь его безъ толмача.
Знать, недаромъ отъѣзжая
И Челяевъ объявлялъ,
Что Бельгардъ у Николая
Очень храбрый генералъ.

Имя Карла Александровича Бельгарда вскорѣ стало настолько извѣстно и популярно на Кавказѣ, что въ честь его слагались стихотворенія и не одними ротными запѣвалами, а людьми другихъ ранговъ, и нѣкоторыя изъ нихъ мы приведемъ ниже.

Изъ школы Бельгарда вышло много боевыхъ людей, которые прославили Эриванскій полкъ въ послѣднюю турецкую войну. Старые эриванцы, уцѣлѣвшіе со временъ Бельгарда, съ восторгомъ вспоминаютъ его боевое и во всѣхъ отношеніяхъ славное и счастливое время для полка [1]).

Первое дѣло, въ которомъ эриванцамъ суждено было воочію убѣдиться въ храбрости, а также въ боевой распорядительности ихъ славнаго командира, было взятіе въ 1844 году Элису.

За взятіе его Бельгардъ былъ награжденъ по опредѣленію георгіевской думы орденомъ св. Георгія 4-й ст., а по реляціи орденомъ св. Анны 2-й ст. О дѣлѣ этомъ существуетъ слѣдующее стихотвореніе:

Единодушными устами
Тебя мы славимъ, нашъ герой!
Благодаримъ, подъ знаменами
Стяжали славу мы съ тобой,
И въ битвахъ какъ въ пиру ликуя,
Ты насъ къ побѣдамъ предводилъ;
И на твердыняхъ Элисуя

---

[1]) Исторія Эриванскаго полка. П. О. Бобровскаго.

Ты съ нами какъ орелъ парилъ.
О подвигахъ твоихъ внимаетъ
Съ престола нашъ великій царь,
И для тебя онъ отверзаетъ
Монаршей милости алтарь.
За правоту, за добродѣтель
Самъ промыселъ въ бой тебя водилъ
И грудь твою, побѣдъ свидѣтель
Святой Георгій осѣнилъ.
Да сохранитъ вѣковъ зиждитель
Тебя на много славныхъ лѣтъ;
Ты вѣрныхъ слугъ царя хранитель,
Честь родины, - вотъ твой обѣтъ.

Но чѣмъ же мы, нашъ вождь любимый,
Благодаренье воздадимъ,
Тебѣ, начальникъ всѣми чтимый,
Чѣмъ мы тебя отблагодаримъ?
Мы поклянемся знаменами
Исполнить первый твой завѣтъ,
Жить дружно братскими сердцами
Для славы русской, для побѣдъ!!

Элисуйскимъ дѣломъ начался цѣлый рядъ военныхъ подвиговъ Карла Александровича Бельгарда, который, вплоть до назначенія его командиромъ 1-й бригады 10-й пѣхотной дивизіи, совершилъ въ общемъ 6-ть отдѣльныхъ кампаній на Кавказѣ, и благодаря своей огромной популярности среди войскъ сдѣлался однимъ изъ выдающихся кавказскихъ дѣятелей конца сороковыхъ годовъ.

Въ 1853 году мы встрѣчаемъ его на театрѣ войны въ Придунайскихъ княжествахъ. 27-го іюля ему былъ ввѣренъ мало-валахскій отрядъ, состоявшій изъ 3-хъ баталіоновъ пѣхоты, полка гусаръ и 2-хъ сотенъ казаковъ при 12-ти орудіяхъ, съ приказаніемъ наблюдать за побережьемъ Дуная между устьями рѣкъ Веде и Ольты, и въ случаѣ перехода турокъ на лѣвый берегъ въ большихъ силахъ, отступать на Букарестъ; но въ виду полученныхъ извѣстій о стягиваніи турками значительныхъ силъ въ окрестностяхъ Систова, Никополя, Видина и Рахова, отрядъ былъ усиленъ еще полкомъ пѣхоты и 12-ю легкими орудіями. Начальство надъ этимъ отрядомъ было поручено генералъ-лейтенанту Фишбаху.

Карлъ Александровичъ подчинился начальнику, сохраняя, впрочемъ, свою самостоятельность. «Генералъ Бельгардъ,—говоритъ П. К. Меньковъ,—шумитъ и кричитъ, и судитъ и рядитъ по-своему. Любитъ солдатъ Бельгарда за молодечество, любитъ и понимаетъ. Удальство всегда по душѣ русскому. Вмѣстѣ съ солдатомъ выпьетъ генералъ чарку водки и не поморщится: самъ затянетъ пѣсню удалую... Про турецкую артиллерію

говоритъ Бельгардъ солдату: вся эта басурманщина—дрянь. Стоитъ только наложить христіанскую руку на вражье орудіе, оно и стрѣлять перестанетъ!... И полѣзетъ съ Бельгардомъ солдатъ на чорта!»

Въ другомъ мѣстѣ, описывая совѣтъ, собранный генераломъ Фишбахомъ по случаю полученія неясныхъ приказаній, Меньковъ характерно выставляетъ нѣкоторыхъ участниковъ совѣта: «Собранный совѣтъ походилъ на запряжку въ баснѣ Крылова: Бельгардъ—парилъ въ облакахъ, раки пятились назадъ, рыба, самъ Фишбахъ, нырялъ въ воду. Совѣтъ кончился ничѣмъ». Между тѣмъ, въ это время блужданія (по словамъ Менькова) войскъ нашихъ по Молдаво-Валахскимъ княжествамъ нуженъ былъ начальникъ смѣлый, энергичный, рѣшительный, какимъ былъ покойный Карлъ Александровичъ; а не похожій на генерала Фишбаха, который терялся, сбивался приходящими приказаніями и получаемыми донесеніями. Вскорѣ впрочемъ на его мѣсто былъ присланъ генералъ-адъютантъ графъ Анрепъ-Эльмтъ. Видя извѣстную нерѣшительность въ дѣйствіяхъ мало-валахскаго отряда, прибрежные жители стали почти открыто на сторону турокъ и даже позволяли себѣ, пользуясь туманами, открывать огонь по нашимъ войскамъ. Генералу Бельгарду съ небольшимъ отрядомъ поручено было усмирить поднявшихъ голову жителей, что онъ блистательно и исполнилъ.

25-го декабря, остававшійся въ с. Четати съ Тобольскимъ полкомъ полковникъ Баумгартенъ внезапно былъ атакованъ болѣе чѣмъ восемьнадцатью тысячами турецкихъ войскъ.

Мѣры для охраненія нашего отряда, расположеннаго въ селеніи, были приняты слабыя, и только передъ разсвѣтомъ полковникомъ Баумгартеномъ были получены свѣдѣнія о наступленіи значительныхъ силъ непріятеля по направленію дороги, ведущей изъ с. Гунія. День, выбранный турками для движенія противъ отряда полковника Баумгартена, былъ ими выбранъ удачно, такъ какъ онъ совпадалъ съ первымъ днемъ праздника Рождества Христова, а турки могли разсчитывать застать отрядъ врасплохъ. Но несмотря на нѣкоторое запозданіе донесеній, прибывшихъ къ полковнику Баумгартену уже передъ самымъ началомъ боя, и недостаточность освѣщенія мѣстности вокругъ своей позиціи разъѣздами, полковникъ Баумгартенъ поспѣшно вывелъ войска впередъ с. Фонтыны-Банулуй, примыкавшаго къ с. Читати, и расположилъ ихъ въ боевомъ порядкѣ.

Уже съ 8 часовъ утра стали показываться по дорогѣ изъ с. Гунія сильныя кавалерійскія массы, численностью до 3.000 всадниковъ, и слѣдующія за ними густыя колонны пѣхоты. Турецкая артиллерія начала осыпать нашу позицію огнемъ 24-хъ орудій и наносила намъ большой уронъ. Первыя стремительныя атаки турецкой цѣпи, а также наступленіе поддерживавшихъ ее густыхъ колоннъ были отбиты; но

въ виду имѣвшихся у турокъ сильныхъ резервовъ, они непрестанно, въ теченіе болѣе двухъ часовъ, усиливали огонь и натискъ. Небольшому отряду полковника Баумгартена пришлось въ виду значительныхъ потерь какъ въ офицерахъ, такъ и въ нижнихъ чинахъ, перейти съ позиціи впереди с. Фонтыны-Банулуй въ деревню Четати, пройдя которую, по возможности укрѣпиться на склонахъ небольшой возвышенности къ югу отъ Четати. Но выходя изъ этой деревни, полковникъ Баумгартенъ увидалъ, что и предстоящую позицію придется очищать съ боя, такъ какъ она уже была занята непріятельской конницей и конной артиллеріею. Съ большими потерями наши войска очистили отъ непріятеля новую позицію и заняли ее; но въ виду непрестававшихъ бѣшеныхъ атакъ турокъ, вышедшихъ изъ с. Четати, а также дѣйствій турецкой конницы, подвергавшей опасности наше лѣвое крыло и грозившей окружить нашъ порѣдѣвшій отрядъ съ тыла, отрядъ считалъ свое дѣло окончательно потеряннымъ. Тѣмъ не менѣе Баумгартенъ рѣшилъ не отступать и защищаться съ горстью уцѣлѣвшихъ храбрецовъ. Наконецъ, снаряды и патроны изсякли. Ужь болѣе четырехъ часовъ длился неравный бой, и сотни труповъ покрывали мѣстность; освирѣпѣвшіе и упоенные побѣдой фанатики продолжали наступать и докалывать даже умирающихъ враговъ; снѣгъ на далекомъ пространствѣ сталъ краснымъ отъ пролитой крови.

Положеніе полковника Баумгартена стало критическимъ, и всякій изъ уцѣлѣвшихъ, начиная съ полковника до послѣдняго рядоваго, приготовился къ неминуемой смерти. Въ эти полныя ужаса и смятенія минуты, вдругъ, позади с. Четати и Фонтыны-Банулуя послышалась усиленная канонада, изрѣдка прерываемая трескомъ ружейныхъ залповъ. Непріятель сразу пріостановилъ наступленіе. Орудійные залпы въ перемежку съ перекатнымъ ружейнымъ огнемъ раздавались все ближе и ближе: то шелъ Бельгардъ на выручку своихъ...

Съ развѣвающимися знаменами, поспѣшно, чуть не бѣгомъ, появились одессцы на дорогѣ, ведущей изъ с. Моцецея, и, на ходу осыпая турокъ ружейнымъ огнемъ, бросились въ штыки на поставленнаго между двухъ огней непріятеля.

Вотъ что происходило у генерала Бельгарда, подъ утро 25-го числа. Войска его, прибывшія недавно изъ Букареста (около 300 верстъ) и сдѣлавшія этотъ утомительный по времени года переходъ въ пятнадцать дней, ничего не знали въ с. Моцецеи, лежащемъ въ 12-ти верстахъ отъ с. Четати, о движеніи турокъ, и спокойно приготовлялись справлять великій праздникъ Рождества Христова, когда часу въ 9-мъ утра, въ отрядѣ услышана была гдѣ-то далеко, къ сторонѣ Дуная, ожесточенная канонада. Генералъ Бельгардъ ни на минуту не колебался. По

направленію, откуда доносились звуки артиллерійскаго огня, онъ разсчиталъ, что завязавшееся дѣло происходитъ не иначе, какъ въ отрядѣ Баумгартена, а потому тотчасъ же, не дожидаясь приказаній изъ Былешти отъ генерала Анрепа, лишьославъ ему донесеніе, двинулся ускореннымъ маршемъ на выстрѣлы. Ранцы были оставлены подъ небольшимъ прикрытіемъ въ вагенбургѣ; войска шли быстро и съ видимымъ одушевленіемъ. «Только бы намъ не опоздать, братцы!» слышалось въ рядахъ, и люди надбавляли шагу.

Какъ видно изъ предъидущаго, генералъ Бельгардъ пришелъ вѣ-время, такъ какъ, по словамъ полковника Баумгартена, заявившаго объ этомъ въ «Русскомъ Инвалидѣ», если бы одессцы пришли къ мѣсту боя получасомъ позже, то Тобольскаго полка болѣе бы не существовало.

Между тѣмъ, вся ярость бѣшенаго натиска турокъ, оставившихъ отрядъ полковника Баумгартена, обратилась теперь противъ отряда генерала Бельгарда. Несмотря на подавляющее превосходство силъ турокъ и потери, сразу же понесенныя отрядомъ, генералъ Бельгардъ, водя по нѣсколько разъ самъ лично роты въ штыки, мужествомъ своимъ воодушевлялъ случайно останавливающіяся части и заставилъ, наконецъ, непріятеля укрыться въ с. Фонтыны-Банулуй, а оттуда поспѣшно отступать на с.с. Голенцы и Модлавини къ лагерю подъ Калафатомъ.

Недостаточность при отрядѣ кавалеріи, а также крайнее изнуреніе уцѣлѣвшихъ храбрецовъ помѣшало преслѣдованію непріятеля и заставило генерала Бельгарда на мѣстѣ дожидаться присоединенія къ нему остатковъ отряда полковника Баумгартена. Къ вечеру, на Моцецеевской дорогѣ отряды соединились. Встрѣчаясь съ одессцами, тобольцы обнимали ихъ, называя своими спасителями. Названія, данныя въ эту трогательную минуту другъ-другу полками, долго сохранялись между братьями по кровавому бою: одессцы называли тобольцевъ—героями, а тобольцы называли одессцевъ—спасителями. Остатки тобольцевъ, несмотря на понесенныя потери, были бодры и веселы.

Карлъ Александровичъ, всегда любимый солдатами и любившій съ ними подшучивать, увидавъ знакомаго запѣвалу Тобольскаго полка, единственнаго уцѣлѣвшаго изъ хора пѣсельниковъ, спросилъ его:

— Ты зачѣмъ остался живъ?

— А то какже,—отвѣчалъ запѣвало,—да если бы, ваше превосходительство, меня-то, запѣвалу, убили, такъ кто жъ сталъ бы учить новыхъ пѣсельниковъ?.. Нарочно для этого и остался, ваше превосходительство!..

Командиръ Тобольскаго полка полковникъ Баумгартенъ со слезами на глазахъ благодарилъ Карла Александровича и, не довольствуясь этимъ, написалъ ему письмо, напечатанное впослѣдствіи въ «Русскомъ Инвалидѣ», которое считаемъ нелишнимъ привести здѣсь въ подлинникѣ:

«Вчера писавши вамъ, я ничего не зналъ о производствѣ вашемъ въ генералъ-лейтенанты. Сегодня я получилъ о томъ увѣдомленіе, и потому спѣшу, почтеннѣйшій, многоуважаемый Карлъ Александровичъ, поздравить васъ и передать вамъ эту великую для меня радость. Вы не повѣрите, съ какимъ счастьемъ я принимаю каждую для васъ милость царя за Четатинское дѣло, которое, наконецъ, выставлено въ настоящемъ свѣтѣ, и никто болѣе не сомнѣвается, что однимъ только смѣлымъ и рѣшительнымъ вашимъ наступленіемъ съ одессцами могли быть спасены тобольцы отъ совершеннаго истребленія. До такой степени всѣ офицеры полка имѣютъ въ этомъ полное сознаніе, что обратились ко мнѣ съ просьбой просить ваше превосходительство принять отъ всѣхъ насъ золотой кубокъ, въ память столь славнаго для васъ дня, въ который тобольцы обязаны единственно вамъ своимъ спасеніемъ».

Въ семействѣ Карла Александровича долго хранилась шинель, бывшая на немъ въ день дѣла подъ Четати: она была пронизана 11-ю пулями.

— Надо будетъ сберечь на память это рѣшето,—говаривалъ онъ потомъ, смѣясь, сестрѣ.

За дѣло подъ Четати, генералъ Бельгардъ былъ награжденъ золотой шпагой, украшенной брильянтами съ надписью «за храбрость».

Послѣ отступленія нашихъ войскъ изъ Молдавіи и Валахіи, Карлъ Александровичъ былъ назначенъ начальникомъ 6-й пѣхотной дивизіи, съ которою и прибылъ въ Крымъ, гдѣ и принялъ участіе въ сраженіи 4-го августа на Черной рѣчкѣ.

По окончаніи тяжелой войны онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени съ мечами; и послѣ двадцатидвухлѣтней непрестанной боевой дѣятельности, пожелалъ быть зачисленъ по армейской пѣхотѣ, дабы имѣть возможность немного заняться своими семейными дѣлами, требовавшими его присутствія, тѣмъ болѣе, что въ 1855 году скончалась его супруга [1]), оставивъ ему четверыхъ малолѣтнихъ дѣтей. Но отдыхъ Карла Александровича продолжался недолго. Уже въ 1858 году, государю императору благоугодно было избрать его для командованія второй гвардейской дивизіей, и высочайшимъ приказомъ отъ 21-го ноября того же года, Карлъ Александровичъ былъ назначенъ начальникомъ оной.

Въ 1860 году, онъ вышелъ въ отставку и жилъ въ кругу своихъ оставшихся безъ матери дѣтей, и, занимаясь ихъ воспитаніемъ, не собирался вновь поступать на службу; но подошедшій тревожный 1863 годъ заставилъ его вновь взяться за старую боевую саблю и идти туда, откуда надвигалась опасность.

---

[1]) Урожденная Жемчужникова.

30-го сентября 1863 г., Карлъ Александровичъ былъ назначенъ начальникомъ 4-й пѣхотной дивизіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, начальникомъ калишскаго военнаго отдѣла. Первая изъ этихъ обязанностей не представляла для испытаннаго боеваго генерала никакихъ трудностей. Солдатъ понималъ Бельгарда, Бельгардъ любилъ и понималъ солдата, и гдѣ бы и какой бы военной частью онъ ни командовалъ, быстрыя и умѣлыя его распоряженія всегда приводили къ успѣху и славѣ нашихъ знаменъ.

Карлъ Александровичъ ни на минуту и не сомнѣвался въ томъ. Еще отъѣзжая изъ Варшавы и представляясь по случаю отъѣзда намѣстнику, онъ съ изумленіемъ выслушалъ, что ему приходится ѣхать до Калиша черезъ Австрію.

— J'espère,—сказалъ онъ,—que c'est pour la dernière fois!

На что графъ Бергъ съ многозначущей улыбкой отвѣчалъ ему: Essayez!

И черезъ три мѣсяца послѣ этого, дѣйствительно, Карлъ Александровичъ проѣхалъ свободно изъ Калиша въ Варшаву безъ конвоя, такъ какъ край былъ очищенъ отъ непріятельскихъ бандъ и наружно спокоенъ.

Не такъ легко было справиться съ административной частью управленія края. Съ 1862 г. бывшая прежде Калишская губернія со всѣми уѣздами и городами, на основаніи особаго военнаго положенія, была подчинена въ военно-полицейскомъ отношеніи намѣстнику военнаго отдѣла, оставаясь по гражданскому управленію въ составѣ смежной съ ней Варшавской губерніи. Начальнику военнаго отдѣла было поручено вѣдать политическую часть, слѣдить за крамольными поползновеніями, искоренять корни мятежа, преслѣдовать всякаго рода «офяры», т. е. вымогательства на пользу мятежей, вербовки въ революціонныя банды и проч. Права начальника отдѣла были очень велики, но при этомъ управленіе его, т. е. канцелярскій штатъ былъ самый ограниченный и состоялъ изъ двухъ, трехъ, изъ строя взятыхъ офицеровъ, и небольшаго количества писарей. Все же гражданское управленіе, судебное, почтовое, учебное, благотворительное и даже полицейское комплектовалось по-прежнему единственно польскимъ чиновничествомъ, старавшимся исподтишка содѣйствовать мятежному духу среднихъ классовъ и всякими quasi-законными путями укрывать главарей польскаго броженія.

Карлъ Александровичъ Бельгардъ, подавивъ насколько возможно, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ открытый мятежъ, очутился лицомъ къ лицу, безъ административной поддержки въ Варшавѣ, передъ тайнымъ, но сильнымъ чиновничьимъ міркомъ, старавшимся всячески ублажить и успокоить главнаго представителя русской власти въ краѣ,

чтобы тѣмъ удобнѣе втихомолку продолжать свою подпольную интригу. На первыхъ порахъ польское общество, какъ чиновники, такъ и мѣстные помѣщики пробовали явную борьбу съ представителями русской власти, но послѣ нѣкоторыхъ попытокъ, смирились и притихли, при чемъ нѣкоторые стали даже за-просто бывать у Карла Александровича въ домѣ. Духовенство, всегда враждебно настроенное противъ русскихъ властей, тоже пыталось въ началѣ пропагандировать анти-правительственныя вѣянія, но Карлъ Александровичъ хотя былъ римско-католическаго вѣроисповѣданія, сразу заставилъ трепетать всю клику ксендзовъ и неумолимой строгостью поставилъ дѣло такъ, что они не иначе подходили къ нему, какъ со знаками величайшаго почтенія. Однажды, напримѣръ, до свѣдѣнія Карла Александровича дошло, что ксендзъ одного изъ костеловъ, не совсѣмъ благонадежный въ политическомъ отношеніи, позволяетъ себѣ дѣлать какіе-то намеки въ своемъ обращеніи къ прихожанамъ, въ томъ числѣ и къ солдатамъ-католикамъ, отпускаемымъ для слушанія богослуженія. По окончаніи богослуженія, Карлъ Александровичъ быстрыми шагами подошелъ къ фронту вышедшихъ изъ костела солдатъ и обратился къ нимъ громкой и довольно своеобразной рѣчью:

— Ребята, помните, что священниковъ своихъ надо почитать и слушать. Но если они чуть что-нибудь скажутъ противъ царя и присяги— въ штыки ихъ, братцы!

— Такъ точно, ваше превосходительство,—громко пронеслось по рядамъ.

Вышедшіе изъ костела ксендзы стояли тутъ же съ невинными лицами, дѣлая видъ, что не понимаютъ русскую рѣчь генерала.

Одновременно съ столь рѣзкими подчасъ пріемами, Карлъ Александровичъ, будучи по природѣ радушнымъ и хлѣбосольнымъ хозяиномъ, широко отворилъ двери своего дома для всякаго, не раздѣляя поляка отъ русскаго, чиновника отъ шляхетнаго помѣщика, чѣмъ, конечно, всѣ калишцы вполнѣ пользовались. Про офицеровъ квартировавшаго въ городѣ полка и говорить нечего: они были у генерала, какъ у себя дома. Впрочемъ, помимо врожденнаго хлѣбосольства и гостепріимства, относительно поляковъ, Карлъ Александровичъ всегда держался того мнѣнія, что разъ мятежъ подавленъ, слѣдуетъ на все бросить завѣсу забвенія, такъ какъ нѣтъ ни одного поляка, такъ или иначе непричастнаго къ возстанію, и что поэтому преслѣдовать ту либо другую личность не слѣдуетъ. Будучи крайне проницательнымъ, онъ прекрасно видѣлъ мелкія козни окружающаго его польскаго кружка, но, видя ихъ мелочность и ничтожество, пренебрегалъ этими кознями. Вотъ какъ обрисовываетъ его дѣятельность въ Калишѣ одна изъ самыхъ свѣтлыхъ личностей того времени въ Польшѣ, вновь назначенный въ 1866 году губернаторомъ Ка-

липской губерніи, князь Щербатовъ [1]). «Это былъ,—пишетъ князь въ своихъ запискахъ про генерала Бельгарда,—съ головы до ногъ честный и порядочный человѣкъ въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова. Дѣятельная его прежняя жизнь утомила его сильно, здоровье измѣнило ему, онъ постарѣлъ и физически сильно ослабъ. Польскому низкопоклонству онъ придавалъ настоящее его значеніе и вовсе не ослѣплялся имъ. Генералъ можетъ быть любилъ почетъ, хотя я этого не замѣчалъ; мнѣ кажется, онъ только привыкъ къ чинопочитанію и военной дисциплинѣ»; въ другомъ мѣстѣ князь Щербатовъ говоритъ: «Генералъ Бельгардъ замѣчательно тонко и вѣрно оцѣнивалъ и разбиралъ все это полячество,—отъ него мало что могло укрыться. Но вся его фигура была такъ проста и добродушна, что рѣшительно за нимъ такой проницательности и подозрѣвать было невозможно».

Къ сожалѣнію, въ эти годы, въ главномъ управленіи всѣмъ краемъ не было достаточно единомыслія, возникали, по выраженію Карла Александровича, «междоусобицы», и борьба нѣкоторыхъ всесильныхъ партій не могла не отражаться на губерніяхъ, гдѣ частенько не знали, какого направленія держаться, благодаря партійности свыше и полученія противурѣчивыхъ указаній. Такъ, напримѣръ, въ то время, какъ Карлъ Александровичъ указывалъ въ своихъ донесеніяхъ, что положеніе дѣла въ подвѣдомственномъ ему краѣ требуетъ немедленной присылки опытныхъ по судебной части слѣдователей, ему отвѣчали изъ Варшавы, что ему предоставляется даже въ виду серьезности разслѣдованій обходиться своими средствами, т. е. двумя офицерами, при немъ состоящими, которые, какъ мы уже упоминали выше, были взяты въ минуты возстанія, изъ строя, и стало быть не имѣли представленія ни о какомъ судопроизводствѣ, ни о польскомъ, ни о русскомъ. Одновременно съ этимъ приходили бумага за бумагой, переполненныя всякими мелочными дрязгами, касающимися различныхъ общественныхъ дѣятелей и ихъ семействъ, не имѣвшими никакого существеннаго значенія.

Почему,—писалось въ одной бумагѣ,—коммиссаръ по крестьянскимъ дѣламъ X. былъ вечеромъ такого-то числа неучтивъ при встрѣчѣ въ саду съ помѣщикомъ У? Правда ли,—спрашивалось въ другой бумагѣ,—что жена коммиссара Z. играла въ костелѣ на органѣ (не во время богослуженія) нерелигіозныя аріи? Правда ли, что она же, купивъ стогъ сѣна, сложила его на дворѣ своей городской квартиры и тѣмъ поставляетъ въ опасность пожара своихъ сосѣдей?

На подобныя бумаги Карлъ Александровичъ, помимо своей нелюбви къ канцелярщинѣ, считалъ прямо недостойнымъ своего высокаго въ краѣ

---

[1]) Нынѣ командиръ 2-го армейскаго корпуса.

положенія что-либо отвѣчать и вмѣшиваться въ мелкія шляхетскія интриги, сплетни и доносы. Онъ разъ навсегда распорядился на подобныя бумаги не отвѣчать вовсе, хотя онѣ приходили за подписью графа Берга. Все это отозвалось на послѣдующихъ отношеніяхъ его съ намѣстникомъ.

Графъ Бергъ, хотя наружно оказывалъ заслуженному боевому генералу полнѣйшее вниманіе, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ препятствовалъ высшему назначенію Карла Александровича. Такъ, напримѣръ, когда оказалось свободнымъ мѣсто командующаго войсками Казанскаго военнаго округа и послѣдовалъ запросъ изъ Петербурга о его предполагаемомъ назначеніи на названный постъ, графъ Бергъ постарался отклонить такое назначеніе, говоря, что: генералъ Бельгардъ ему въ Польшѣ нуженъ.

За время дѣятельности своей въ Польшѣ, Карлъ Александровичъ былъ послѣдовательно награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго, пожалованіемъ въ вѣчное и потомственное владѣніе маіората въ царствѣ Польскомъ и, за два года до своей кончины, золотою табакеркою съ портретомъ его величества, украшенной брильянтами. Близкое знакомство съ дѣятельностью генерала Бельгарда по усмиренію польскаго мятежа дало основаніе его величеству, королю прусскому, пожаловать ему въ 1865 году орденъ прусскаго Краснаго Орла первой степени.

Въ 1868 году здоровье Карла Александровича, надломленное перенесенными трудами въ походахъ и бояхъ, начинало внушать нѣкоторыя опасенія. Но, вѣрный своему девизу «le service avant tout», Карлъ Александровичъ, иногда провозмогая себя, продолжалъ усиленно заниматься дѣлами по прочному умиротворенію края, а также командованіемъ ввѣренныхъ ему войскъ. Когда, съ прибытіемъ новаго губернатора и отдѣленіемъ въ краѣ административнаго управленія отъ военнаго, казалось бы, вліяніе и значеніе Карла Александровича въ краѣ должно было уменьшиться, онъ тѣмъ не менѣе оставался въ глазахъ всѣхъ служащихъ и неслужащихъ все тѣмъ грознымъ, но добродушнымъ, строгимъ, но всѣмъ доступнымъ и гостепріимнымъ генераломъ.

Празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея генералъ-адъютанта, барона Рамзая, назначеннаго помощникомъ намѣстника, въ Варшавѣ, побудило Карла Александровича, несмотря на чувствовавшееся нездоровье, ѣхать изъ Калиша въ Варшаву. Еще за обѣдомъ, въ день чествованія юбиляра, Карлъ Александровичъ былъ, какъ всегда, оживленъ и веселъ, произносилъ заздравныя рѣчи, но на обратномъ пути изъ Варшавы въ Калишъ, въ городѣ Коло, почувствовалъ себя плохо и принужденъ былъ остановить дальнѣйшее путешествіе. Трое сутокъ боролась могучая жизненная натура съ надвигавшимся полнымъ упадкомъ силъ, и въ те-

ченіе трехъ сутокъ, каждое утро подъѣзжалъ къ крыльцу больнаго запряженный экипажъ, чтобы продолжать путь, но болѣзнь брала свое, и 30-го марта 1868 года генерала Бельгарда не стало. Онъ тихо скончался на рукахъ успѣвшихъ прибыть членовъ своей семьи, послѣ чего прахъ его привезенъ изъ г. Коло въ Калишъ, гдѣ и преданъ землѣ при обычныхъ воинскихъ почестяхъ и громадномъ стеченіи народа. Духовенство всѣхъ вѣроисповѣданій сопровождало печальную колесницу до могилы.

Миръ праху твоему, представитель русской воинской доблести!

В. Ф. Ореусъ.

Записка слободско-украинскаго губернатора Муратова о статскомъ совѣтникѣ Каразинѣ.

1-го марта 1826 г.

Высочайше ввѣренной управленію моему Слободско-Украинской губерніи, Богодуховскаго уѣзда, помѣщикъ статскій совѣтникъ Василій Каразинъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1821 года, по высочайшему блаженной памяти государя императора Александра Павловича повелѣнію, доставленъ ко мнѣ изъ Шлиссельбурга съ нарочнымъ фельдъегеремъ, съ опредѣленіемъ ему непремѣннаго пребыванія въ помѣстьѣ его Богодуховскаго уѣзда въ селѣ Кручикѣ и съ порученіемъ мнѣ имѣть неослабное наблюденіе, чтобы онъ никуда не выѣзжалъ, обращая вниманіе и на людей, съ коими онъ будетъ имѣть сношеніе и чѣмъ самъ будетъ заниматься.

Высочайшее повелѣніе о семъ сообщено мнѣ было отъ бывшаго начальника главнаго штаба его императорскаго величества, князя Петра Михайловича Волконскаго и потомъ повторено отъ генерала-отъ-артиллеріи графа А. А. Аракчеева, съ объявленіемъ высочайшей воли, чтобы я доносилъ о всемъ заслуживающемъ вниманіе въ отношеніи поступковъ и дѣяній его.

Будучи точнымъ исполнителемъ высочайшихъ повелѣній и обращая вниманіе не только на его дѣянія и образъ жизни (въ которыхъ, впрочемъ, со времени назначеннаго ему пребыванія безвыѣздно въ его имѣніи, я не замѣтилъ ничего особенной важности въ себѣ заключающаго), но и зная характеръ сего человѣка и образъ самолюбивыхъ его мечтаній, я опасался, чтобы онъ не вздумалъ иногда чего-либо противнаго высочайшей волѣ, почему и представлялъ о семъ мое донесеніе, на которое объявлено мнѣ высочайшее повелѣніе, чтобы переписка Каразина производилась не иначе, какъ черезъ меня, а впослѣдствіи времени объявлена мнѣ высочайшая воля и о томъ, что Каразину воспрещается издавать въ свѣтъ всякое его литературное произведеніе.

О всемъ вышеизъясненномъ касательно статскаго совѣтника Каразина я имѣлъ счастье всеподданнѣйше донести его императорскому величеству отъ 16-го числа минувшаго января, исполняя между тѣмъ высочайшія повелѣнія безъ малѣйшаго послабленія.

При чемъ долгомъ считаю изложить здѣсь мое насчетъ г. Каразина слѣдующее заключеніе: безпокойный и затѣйливый характеръ его останется въ немъ, кажется, навсегда неизлечимымъ. Правда, что доселѣ не видно еще въ ономъ ничего стремящагося къ преступнымъ какимъ-либо дѣяніямъ и хотя съ одной стороны самолюбивыя его умствованія для всякаго благомыслящаго не инымъ чѣмъ будутъ казаться, какъ только странными и нелѣпыми мечтаніями, однако же съ другой,—въ людяхъ, менѣе укрѣпленныхъ зрѣлымъ разумомъ, могутъ иногда поселить и противныя общему порядку мнѣнія, особенно при томъ дарѣ слова и литературной способности, которыми Каразинъ обладаетъ въ высокой степени.

Къ сему долгомъ поставляю присовокупить еще слѣдующее:

1) Что Каразинъ есть человѣкъ семейный, имѣющій дѣтей шесть сыновей и одну дочь.

2) Имѣніе статскаго совѣтника Каразина собственное есть селеніе Кручикъ, здѣшней губерніи въ Богодуховскомъ уѣздѣ, то самое, въ которомъ онъ теперь находится; другое же, предназначенное вотчимомъ жены его, умершимъ генералъ-маіоромъ Бланкеннагелемъ, собственно для его дѣтей, состоитъ Московской губерніи въ Звенигородскомъ уѣздѣ, сельцо Аношкино. Но Каразинъ такъ обремененъ долгами, что собственное его имѣніе с. Кручикъ необходимо подвергнется конфискаціи и продажѣ съ публичнаго торга на уплату его долговъ, почему мнѣ нужно разрѣшеніе, гдѣ долженъ будетъ имѣть пребываніе Каразинъ, когда с. Кручикъ обратится въ продажу? О семъ предполагаю я войти въ свое время со всеподданнѣйшимъ къ государю императору представленіемъ.

РАЗБИТАЯ ЖИЗНЬ.

РАЗСКАЗЪ ССЫЛЬНАГО.

(Къ исторіи бродяжничества на Руси).

III [1]).

Впечатлѣнія, произведенныя первымъ днемъ въ ссылкѣ.—Поступленіе рабочимъ на винокуренный заводъ.—Начало неудачъ въ Сибири.—Поступленіе помощникомъ сельскаго писаря.—Намѣреніе возвратиться на родину.—Разочарованіе въ этомъ.

Деревня Д., къ которой я былъ приписанъ съ прочими, стояла на берегу р. Чулыма, тянулась одной улицей цѣлую версту. День былъ рабочій, тихій, жаркій, когда мы пришли въ нее. На улицахъ и во дворахъ была тишина, все какъ-то казалось дико, пусто, нигдѣ ни души, лишь собаки изрѣдка выбѣгали привѣтствовать насъ своимъ недружелюбнымъ лаемъ и то какъ-то не охотно.

Какая-то старушка, съ большимъ горбомъ на спинѣ, опираясь на палку, съ трудомъ передвигая ноги, попала намъ навстрѣчу, спросивъ насъ, какихъ мы губерній. Тамъ, куча ребятишекъ высыпала смотрѣть на насъ и о чемъ-то перешептывались между собою.

Шли мы, шли, да наконецъ и одумались: надо же гдѣ-нибудь остановиться. Но гдѣ и у кого? Вотъ мы увидѣли сѣдаго какъ лунь старика, сидящаго за воротами одного дома.

— Здравствуй, дѣдушка!

— Здорово, молодцы. Что, новенькіе?

---

[1]) См. „Русскую Старину“ іюнь 1900 года.

— Да, дѣдушка, новенькіе.

— А куда приписаны?

— Да сюда, въ вашу деревню.

— Какъ! къ намъ, въ Д.?

— Да.

— Вотъ, это доброе дѣло, рады добрымъ людямъ; поди, умѣете жать и косить?

— Умѣемъ, дѣдушка,— отвѣчали нѣкоторые.

— Вотъ это ладно, нашъ Парфенъ ищетъ косцовъ, пожалуй васъ и возьметъ; вечеромъ онъ пріѣдетъ домой, а сейчасъ въ полѣ.

— А какихъ будете губерень?

Каждый назвалъ свою.

— А къ кому же намъ, дѣдушка, пристать-то здѣсь?—спросилъ кто-то изъ насъ старика.

— А вы у старшины аль у писаря были?

— Нѣтъ, не были.

— Такъ вы наперво зайдите къ старшинѣ, только едва-ли онъ дома. вишь, пора-то рабочая, вся деревня въ полѣ; тамъ вамъ дадутъ десятника, и онъ разставитъ васъ по фатерамъ, пока, ну, а тамъ, знамо дѣло, лежать на боку не будете; была бы охота, а то завтра же поѣдете косить сѣно, рабочій народъ крещеному міру нуженъ.

Старикъ разсказалъ намъ, гдѣ живетъ старшина и писарь, мы поблагодарили и ушли. Старшины дѣйствительно дома не оказалось, и мы отправились къ писарю; онъ вышелъ къ намъ въ кумачевой рубашкѣ и въ плисовыхъ шароварахъ, съ трубочкой во рту. Это былъ старичекъ лѣтъ около 60-ти, украшенный сѣдиной, и по случаю большаго горба назади,—ходилъ согнувшись. Онъ объяснилъ намъ, что ему ничего о насъ не извѣстно, такъ какъ изъ волостнаго правленія бумаги еще не получено, а потому и никакого распоряженія сдѣлать онъ не можетъ, кромѣ того, что посовѣтовалъ подождать до вечера, или до утра, когда получится бумага. Нечего дѣлать, пришлось ожидать. Расположились мы у какого-то амбара. Тѣ, которые умѣли жать и косить, питали надежду, что ихъ возьмутъ работать; а я, да еще двое: одинъ полячекъ, а другой русскій, хилый такой, служилъ раньше гдѣ-то въ типографіи наборщикомъ,—отчаявались, потому что работъ, кромѣ крестьянскихъ, никакихъ здѣсь не было.

Вечеромъ съѣхались съ работъ крестьяне и всѣхъ способныхъ къ полевымъ работамъ расхватали. Остались мы трое. Ночевать насъ помѣстили къ одному крестьянину, а на завтра утромъ мы опять пошли къ писарю; бумага уже была получена. Разсказавъ ему свое безвыходное положеніе, мы получили совѣтъ обратиться на винокуренный заводъ къ управляющему.

Явились мы всѣ трое къ управляющему заводомъ, подали ему письмо писаря; онъ прочиталъ его, позвалъ нарядчика и передалъ насъ въ его распоряженіе. Нашли себѣ квартиру со столомъ у одного заводскаго рабочаго, у котораго тутъ же была своя избушка, съ платою ему 4 рубля въ мѣсяцъ, а утромъ слѣдующаго дня были распредѣлены на работы. Я назначенъ возить муку съ мельницы въ амбаръ.

Спустя нѣкоторое время я былъ назначенъ солодовщикомъ, но сдѣлавшійся пожаръ на заводѣ лишилъ меня мѣста, такъ какъ причину пожара приписали моей небрежности. Покинувъ заводъ, я служилъ помощникомъ сельскаго писаря В. Я. Мосина, а потомъ перешелъ на ту же должность къ сельскому писарю Ѳ. А. Богемскому, разжалованному изъ капитановъ и сосланному въ Сибирь за то, что далъ плюху начальнику. Онъ былъ женатъ на государственной преступницѣ Александровской, которая была сослана изъ Петербурга въ 1871 году, гдѣ она замѣшена была по извѣстному въ то время дѣлу государственнаго преступника Нечаева.

Я пріѣхалъ въ село Б. Квартира Богемскихъ состояла изъ одной комнаты въ крестьянскомъ домѣ. Переступивъ порогъ комнаты, я увидѣлъ страшный хаосъ: все было въ безпорядкѣ, книги и бумаги валялись на полу, кухонная и другая посуда, платье и прочій домашній скарбъ разбросанъ былъ по всѣмъ угламъ. На единственномъ столѣ кипѣлъ самоваръ: чайная посуда не мытая, корки хлѣба, папиросы, окурки, куски сахару,—все это было разбросано въ разныхъ мѣстахъ.

Было еще утро. Въ комнатѣ суетилась высокая, стройная женщина блондинка, съ остриженными въ кружокъ русыми волосами, круглымъ лицомъ и большими сѣрыми глазами, одѣтая по-домашнему. Костюмъ ея и волосы доказывали, что она не принадлежитъ къ числу здѣшнихъ жителей. Не успѣлъ я слова промолвить, какъ она уже задала мнѣ вопросъ:

— Не вы ли С. А.?

Я, удивленный такою неожиданностью, отвѣтилъ утвердительно.

— А очень пріятно! Пожалуйте, раздѣвайтесь, вотъ здѣсь, положите шубу; извините за безпорядокъ, мы еще не устроились. А вѣдь мы васъ ожидали еще вчера. Вы что, озябли?

— Да, признаюсь,—отвѣтилъ я.

— Такъ пожалуйте погрѣться, вотъ кстати и чай готовъ. А можетъ вы кофе желаете? Позвольте спросить: вы уроженецъ какихъ странъ?

— Изъ Одессы,—отвѣтилъ я.

— О, такъ нужно кофе! у васъ, я знаю, кофе въ большомъ употребленіи, такъ же, какъ у насъ въ Петербургѣ. Пожалуйста повремените немножко, кофе сейчасъ будетъ готовъ. Курите, папиросы вонъ тамъ,

на столѣ, а меня ужъ извините, я сейчасъ займусь приготовленіемъ кофе.

Русская печка жарко топилась, и гостепріимная хозяйка начала хлопотать около нея. Между тѣмъ Варвара Владиміровна (такъ звали Богемскую) разсыпалась въ любезностяхъ предо мною, разспрашивала меня много кое о чемъ, сама разсказывала, какъ она содержалась въ крѣпости, какъ слѣдовала въ партіи въ Сибирь, какъ здѣсь познакомилась съ Богемскимъ и вышла за него замужъ [1]). Сказать правду, я даже въ то время неловко чувствовалъ себя, меня все это до крайности стѣсняло, и я не въ состояніи былъ удовлетворить ея любопытства, отдѣлываясь на вопросы лишь коротенькими отвѣтами. Наконецъ я, въ свою очередь, спросилъ, гдѣ Ѳедоръ Андреевичъ (мужъ ея)? Она отвѣтила, что уѣхалъ по участку и дома будетъ дня черезъ два. Нисколько не скроюсь и скажу откровенно, что положеніе мое въ обществѣ Варвары Владиміровны можно было считать если не вполнѣ, то нѣсколько похожимъ на положеніе дикаря, первый разъ попавшаго къ европейцамъ. Богемская дѣйствительно была барыня великосвѣтская, образованная, а я въ сравненіи съ нею—дикарь. Кромѣ грубаго обращенія и всевозможныхъ пошлостей, я до того времени ничего не видалъ и не слыхалъ. А потому эта свѣтская вѣжливость мнѣ казалась довольно странною, и по тогдашнему моему понятію многое я находилъ даже непристойнымъ и по простотѣ своего сердца во многомъ обвинялъ въ душѣ Варвару Владиміровну.

Прожилъ я день, другой, а Ѳедора Андреевича нѣтъ, какъ нѣтъ. Болтаюсь безъ дѣла, что̀ для меня крайне непріятно было. Если бы я былъ занятъ дѣломъ, то навѣрно Богемская не приставала бы ко мнѣ со своими разсказами, да разспросами, которые мнѣ надоѣли хуже горькой рѣдьки. Здѣсь необходимо пояснить, какая рѣзкая противуположность произошла въ моей жизни въ послѣднее время. Я забылъ раньше сказать, что Мосинъ былъ человѣкъ въ высшей степени не разговорчивый, и вотъ, живя у него, бывало за цѣлый день услышишь не болѣе двухъ-трехъ словъ и то только относящихся къ дѣлу; зато ужъ при случаѣ,—ругани сколько угодно. А здѣсь, у Богемскихъ, все наоборотъ и, при моей неразговорчивости и застѣнчивости, такое положеніе меня обременяло; я даже занялъ обязанность няньки съ годовымъ ребенкомъ-сынишкомъ Богемскихъ, ради того только, чтобы какъ-нибудь выйдти изъ своего неловкаго положенія. На четвертый день пріѣхалъ и Богемскій. Ну, думаю, слава тебѣ, Господи, сяду за столъ, буду работать, тогда ужъ никто ко мнѣ не будетъ приставать со своими баснями. Анъ не тутъ-то было: проходитъ день, другой, а работы все никакой не

[1]) До замужества въ Сибири она была Александровская, жена полковника.

дають. Я ужъ вышелъ изъ терпѣнія и прямо заявилъ, что больше не могу быть безъ дѣла. Наконецъ, пристроили меня, сѣлъ я къ столу, вооружился перомъ и пишу съ утра до ночи.

Ѳедоръ Андреевичъ и Варвара Владиміровна Богемскіе оба одинаковыхъ лѣтъ,—по 40 каждому; характеръ же ихъ противоположный одинъ другому. Самъ Богемскій характера кроткаго, смирнаго и невозмутимаго, но зато она «бой баба»—такъ прозвали ее съ перваго раза крестьяне. Ѳедоръ Андреевичъ слишкомъ удивлялъ меня слѣдующей странностью: бывало напишешь что-нибудь и самъ хорошо знаешь, что не такъ, но онъ никогда этого не скажетъ, а все «хорошо». Но зато Варвара Владиміровна не постѣснится сказать дѣйствительность и черное бѣлымъ никогда не назоветъ и не задумается за какую-нибудь несправедливость прочитать въ самой вѣжливой формѣ, хотя кому бы то ни было такую нотацію, что всѣмъ чертямъ тошно станетъ. Всякая бумага, сочиненная Ѳедоромъ Андреевичемъ, предварительно просматривалась Варварой Владиміровной и если оказывалась удовлетворительнаго изложенія, то она разставитъ лишь знаки припинанія, передастъ мнѣ для записи въ исходящій и отсылки по принадлежности; въ противномъ же случаѣ, дѣлались ею измѣненія, дополненія, и затѣмъ передавалась мнѣ для переписки.

При обсужденіи общественныхъ дѣлъ, Варвара Владиміровоа подавала свои совѣты, а старшина и общественники бывало только рты разинутъ: «эко, баба, какъ ладно придумала, такъ и самому засѣдателю въ голову не пришло бы»! Всѣ соглашались, одобряли поданный совѣтъ и приводили въ исполненіе.

Нѣсколько уже разъ говорила мнѣ Варвара Владиміровна, почему я все сижу и не пойду куда-нибудь прогуляться, но я не слушалъ, а зналъ лишь свой столъ, стулъ и больше ничего. Вотъ, однажды она приказала запречь лошадь въ санки и затѣмъ пригласила меня съ собой. Я думалъ, что нуженъ ей въ качествѣ кучера, но нѣтъ, сама взяла въ руки возжи, сѣли мы рядышкомъ и поѣхали, а Ѳедоръ Андреевичъ остался дома. Катались по улицамъ, потомъ выѣхали за село, а на обратномъ пути заѣхали къ одному крестьянину посмотрѣть квартиру. Здѣсь хозяйка дома спросила Богемскую, указывая на меня:

— Что же, барыня, это вашъ муженекъ?

— Нѣтъ, это помощникъ нашъ, а мужъ мой дома.

Въ скоромъ времени, мы переѣхали на новую, болѣе удобную квартиру; здѣсь было приспособлено помѣщеніе и подъ канцелярію, въ которой я и устроился. Послѣ перваго катанья съ Варварой Владиміровной, таковыя уже нѣсколько разъ повторялись, но каждый разъ лошадью она правила сама. Катанья эти меня сильно стѣсняли, я замѣчалъ, какъ въ селѣ указывали на насъ пальцами.

Было утро 25-го декабря 1873 года. На дворѣ трещалъ сибирскій морозъ, и отъ густаго тумана на дворѣ ничего не было видно. Мы всѣ только-что встали, и я, затопивъ желѣзную печку, усѣлся грѣться противъ пылающаго огня въ ожиданіи чая, вспоминая о родинѣ, о томъ, какъ праздникъ Рождества Христова встрѣчался дома, при покойныхъ родителяхъ, какъ я остался сиротой и затѣмъ какъ познакомился съ тюремной жизнью. Вся картина прошлаго представилась въ моемъ воображеніи, и при этомъ, я горько, горько заплакалъ. Вдругъ настывшая отъ мороза дверь рванулась сильною рукою, и морозъ клубами поспѣшилъ ворваться въ теплую комнату, впередъ отворившаго дверь мужика, у котораго усы и борода были обледенѣлые. Пришедшій оказался сельскимъ старшиною Гармановымъ и впопыхахъ, едва переводя духъ, обратился къ вышедшему въ переднюю комнату Богемскому: «Ѳедоръ Андреевичъ! какое-то большое начальство наѣхало изъ губерніи и спрашиваютъ ихъ милость», — указывая на Богемскую.

— Такъ что же, гдѣ оно, начальство-то?—спросила Богемская старшину.

— А вотъ, идутъ сюда улицей, а я впередъ проулкомъ побѣжалъ извѣстить васъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ явилось и начальство: ачинскій окружный исправникъ Лавровскій, изъ Красноярска полковникъ жандармовъ Банинъ, два жандарма и нѣсколько человѣкъ мѣстныхъ крестьянъ въ качествѣ понятыхъ. Войдя въ комнату, полковникъ, обращаясь къ Богемской, спросилъ:

— Вы мадамъ Александровская?

— Да, бывшая Александровская, а сейчасъ Богемская. А что вамъ угодно?

— А вотъ, извольте видѣть, изъ Петербурга получена телеграмма, что у васъ находятся письма князя Ч.; такъ поэтому и поручено мнѣ истребовать отъ васъ эти письма,—они очень нужны къ дѣлу.

— Никакихъ писемъ у меня нѣтъ; объ этомъ я заявляла уже и на судѣ. Будучи еще въ Петербургѣ, я съ Ч. разссорилась и прервала всякія сношенія съ нимъ.

— Это прекрасно,—продолжалъ полковникъ.—Но для меня вашего заявленія недостаточно, я по долгу службы обязанъ произвести у васъ обыскъ и если.....

Но Богемская перебила полковника:

— Все къ вашимъ услугамъ, г. полковникъ, но предупреждаю, что писемъ вы у меня не найдете, потому что ихъ нѣтъ.

Понятно, что этимъ начальство не удовлетворилось, и начался обыскъ. Все перерыли и ничего конечно не нашли. Много было раз-

ныхъ писемъ, были и на французскомъ языкѣ, которыя полковникъ тоже просматривалъ, но нужныхъ ему не оказалось. Составленъ объ этомъ актъ, который, по прочтеніи Богемской, предложено было ей подписать. Полковникъ же, составляя этотъ актъ, почему-то вклеилъ въ немъ такую фразу: «находившихся у Александровской писемъ, по произведенному у нея обыску, не оказалось».

— Нѣтъ, такой актъ, г. полковникъ, я не подпишу, — сказала Богемская.

— Почему?

— А потому, на какомъ основаніи вы вставили «находившихся»? тогда какъ они никогда у меня не находились, и я вамъ ничего подобнаго не говорила.

— Да!—Такъ это ничего, я это слово выскоблю.

— Нѣтъ, г. полковникъ, потрудитесь ужъ пожалуйста переписать.

И полковникъ морщась, съ замѣтнымъ неудовольствіемъ, принялся переписывать актъ. Окончивъ, снова прочиталъ, всѣ присутствующіе подписали, и начальство уѣхало.

Спустя недѣлю послѣ описаннаго событія, волостное правленіе получило отъ земскаго засѣдателя 3-го участка Брусенцова предписаніе слѣдующаго содержанія. «Такъ какъ жена сельскаго писаря Богемскаго—государственная преступница Александровская, вмѣшивается въ дѣла сельскаго управленія, а потому предписываю, по полученіи сего, тотъ часъ же уволить Богемскаго отъ занимаемой имъ обязанности». Я остался жить у Богемскихъ и послѣ его отставки, и мы переѣхали въ Ачинскъ.

Въ Ачинскѣ мы поселились на квартирѣ, во флигелѣ того дома, куда меня водили въ первый день освобожденія. Я занялъ обязанность повара, Ѳедоръ Андреевичъ няньки, а на Варварѣ Владиміровнѣ лежала обязанность изыскивать средства къ пріобрѣтенію продовольственныхъ припасовъ. Она была привилегированная акушерка, и ее нѣкоторые приглашали на практику. Кромѣ того, кое-кто помогалъ просто изъ человѣколюбія. Помню д-ра Старогродзскаго, оказывавшаго помощь. Жизнь наша была скучная и однообразная.

Варвара Владиміровна часто уходила куда-то, а мы съ Ѳедоромъ Андреевичемъ оставались дома. Она хлопотала о пріисканіи службы какъ для мужа, такъ и для меня, но ничего не выходило; каждый разъ утѣшала насъ обѣщаніями.

Наконецъ, я рѣшился отправиться въ Томскъ. Разсчеты мои были таковы, что въ Томскѣ я непремѣнно долженъ быть арестованъ какъ человѣкъ, не имѣющій письменнаго вида. При арестѣ я имѣлъ въ виду показать, что я родомъ изъ Одессы, и такимъ образомъ распрощаюсь съ непривѣтливой Сибирью. Такъ и сдѣлалъ. Я явился къ полицейскому приставу и заявилъ о себѣ, это не имѣю письменнаго вида Меня

арестовали, а потомъ начали допрашивать. На допросѣ показалъ, что я одесскій мѣщанинъ, въ Сибирь пришелъ добровольно, съ цѣлью посмотрѣть страну; въ настоящее время возвратиться обратно средствъ не имѣю, почему и прошу отправить меня на родину этапнымъ порядкомъ. Приставъ отнесся къ моимъ показаніямъ недовѣрчиво, но тѣмъ не менѣе долженъ былъ писать то, что я показывалъ. Меня заперли въ арестантскую, а часа черезъ три вызвали и отправили въ тюремный замокъ, гдѣ и помѣстили въ камерѣ № 2, надъ дверью которой красовалась дощечка съ надписью: «За бродяжество».

Здѣсь изъ 35-ти слишкомъ человѣкъ было не болѣе пяти такихъ, которые попали въ тюрьму первый разъ за неимѣніе вида на жительство. Остальные же всѣ были «нашего поля ягодки». Тутъ были настоящіе, закоренѣлые бродяги, которые нѣсколько разъ уже бывали въ каторгѣ, нѣсколько разъ судились за бродяжество, выходили на поселеніе и опять бродяжничали.—Имъ весь путь отъ Шадринска до Иркутска и за Байкаломъ извѣстенъ былъ, какъ свои пять пальцевъ.

Въ особенности памятенъ мнѣ Катковъ, который отъ Томска до Иркутска не только зналъ всѣ села и деревни, но и разстояніе между ними, въ какомъ селѣ подаютъ лучше и гдѣ хозяева болѣе или менѣе извѣстны благотворительностью. Многіе бродяжничали въ силу привычки, облѣнившіеся къ труду, окончательно избалованные тюремною жизнію, и поэтому для нихъ жизнь постоянная, осѣдлая была невыносима. Такіе бродили взадъ впередъ, принорáвливая попасть въ тюрьму на зиму, гдѣ, до полученія справокъ о личности, находили полное обезпеченіе въ содержаніи, заводили новыя знакомства, заручались свѣдѣніями о томъ, гдѣ и въ какой тюрьмѣ свободнѣе и лучше содержаніе, и въ слѣдующій вояжъ стремились попасть въ ту тюрьму. По установленіи же справками личности, имъ выдавались полняки [1]) и отправлялись этапомъ къ мѣстамъ своихъ поселеній, куда приходили весной или въ началѣ лѣта. До наступленія холоднаго времени всюду бродили, стрѣляли, а подъ часъ, при удобномъ случаѣ, если встрѣчалось что-либо плохо лежащее, то и воровали. По этому поводу существуетъ въ Сибири пословица: «Поселенецъ что младенецъ, на что взглянетъ, то и тянетъ», На зиму же—опять въ тюрьму. Я встрѣчалъ такихъ, которые лѣтъ 20 состоя на причисленіи въ какой-нибудь волости, за все это время бывали въ своей деревнѣ день, два и то лишь по прибытіи каждый разъ въ партіи, пока успѣютъ размотать казенныя вещи, которыя крестьяне охотно покупаютъ конечно за полцѣны и затѣмъ, пріобрѣтя какія-нибудь лохмотья, опять отправляются за полнякомъ.

---

[1]) Полнякъ—комплектъ походной арестантской одежды.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ я вызванъ былъ изъ тюрьмы къ приставу, который огорошилъ меня словами:

— Что же ты врешь, что одесскій мѣщанинъ?

Но я, придерживаясь первоначальнаго своего показанія,—подтвердилъ его.

— Да, вѣрно, я одесскій мѣщанинъ.

— Врешь! Былъ когда-то мѣщанинъ, а теперь ссыльно-поселенецъ. Сказывай, куда причисленъ? Вѣдь ты по приговору Херсонскаго окружнаго суда за бродяжество сосланъ въ Сибирь.

Нечего было дѣлать, нужно было указать приставу мѣсто своей ссылки, и по этому дополнительному показанію также посланы были справки, а я отведенъ обратно въ тюрьму. Такимъ образомъ я разочаровался въ своихъ предположеніяхъ попасть обратно въ Одессу, и мысль объ этомъ должна была отойти на задній планъ. Зиму пришлось сидѣть въ тюрьмѣ въ ожиданіи справокъ изъ Ачинска. За это время я совсѣмъ палъ духомъ. Печаль на меня навалилась такая, что я никакъ не могъ себя утѣшить и постоянно ходилъ грустный и задумчивый. Я не боялся того, что меня погонятъ опять въ Ачинскъ, но меня въ высшей степени страшило наказаніе, которое я долженъ былъ понести по суду за самовольное оставленіе мѣста ссылки. За первый побѣгъ закономъ опредѣлено наказаніе плетьми двадцатью ударами; вотъ это-то для меня было ужаснѣе всего. Иной разъ я по цѣлымъ ночамъ не спалъ, все думалъ о томъ, какъ я перенесу это жестокое наказаніе. Да и было о чемъ кручиниться, потому что плеть, которой наказываютъ преступниковъ въ Сибири, по истинѣ ужасная вещь. Въ подобныхъ случаяхъ вся участь человѣка безусловно находится въ рукахъ палача, при ловкости котораго отъ 20-ти и даже болѣе ударовъ не можетъ быть и знака на тѣлѣ, но если онъ вздумалъ бы отпустить штукъ пятокъ по всѣмъ правиламъ своего искусства, то наказуемый ужь не встанетъ самъ съ мѣста, тогда несутъ его въ больницу. Двадцатью же ударами можно забить человѣка и до смерти.

Положимъ, что въ Сибири въ то время такъ нигдѣ и не наказывали; производилось же наказаніе такъ себѣ, только для виду, за что и спасибо сибирскому начальству, которое на наказаніе смотрѣло сквозь пальцы. Хотя и такъ, но а все же таки страшно было испытывать такое наказаніе. Я забылъ упомянуть, что изъ общественныхъ денегъ каждой камеры платилось палачу по 25 коп. за каждаго человѣка, присужденнаго къ наказанію плетьми, кромѣ того, всякій, подлежащій наказанію, всѣми силами старался и отъ себя ко дню наказанія умилостивить палача, для чего преподносилъ ему копѣекъ 50 или рубль.

Такой порядокъ практиковался по всѣмъ тюрьмамъ въ Сибири. Вотъ поэтому-то палачъ и доводилъ свое искусство до того, чтобы

наказаніе было не чувствительно; мало того, требовалось, чтобы не положить даже знака на тѣлѣ, что въ особенности для бродягъ имѣло важное значеніе. Между тѣмъ наказуемый, лежа, долженъ былъ кричать: «Ваше благородіе, помилуйте, помилуйте!» Впрочемъ, случалось иногда, хотя и рѣдко, что палачъ хоть одинъ разъ припуститъ плетью отъ души, то тогда просящій о помилованіи поневолѣ кричалъ. При наказаніяхъ всегда присутствовалъ кто-нибудь изъ чиновъ полиціи, но не было даже случая, чтобы кто-нибудь изъ нихъ требовалъ отъ палача примѣрнаго наказанія.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1875 г. вызвали меня въ судъ для объявленія приговора, которымъ я присужденъ къ аресту на три дня, или же денежному штрафу въ размѣрѣ десяти рублей и затѣмъ возвращенію обратно къ мѣсту ссылки. Въ мартѣ получилъ я по обыкновенію полнякъ зимней одежды и отправился этапнымъ порядкомъ въ Ачинскъ, куда и пришелъ въ началѣ апрѣля.

IV.

Вторичное путешествіе въ Томскъ.—Первые товарищи по бродяжничеству.—Попытка къ убійству и спасеніе отъ смерти.

Изъ полученнаго въ Томскѣ полняка я оставилъ только армякъ, который перешилъ на пальто, остальное же все продалъ и, выручивъ около четырехъ рублей, отправился съ ними опять въ Томскъ. Это было 9-го апрѣля 1875 года.

Въ Томскъ я прибылъ благополучно, безъ всякихъ приключеній въ пути. Оставаться въ Томскѣ, чтобъ быть опять арестованнымъ, было не удобно. Я купилъ себѣ котелокъ,—необходимая принадлежность бродягъ въ дорогѣ,—чаю и деревянную чайную чашку и отправился изъ Томска по Московскому тракту.

Бывало, остановлюсь гдѣ-нибудь у полеваго балагана, сварю въ котелкѣ чаю и тутъ же ночую. А такихъ ночлежныхъ помѣщеній по Сибири достаточно, всюду можно встрѣтить на пашнѣ балаганъ, крытый дерномъ, а въ Западной Сибири во многихъ мѣстахъ попадались гдѣ-нибудь въ лѣсу около пашенъ даже избушки съ сѣнями, съ русской печью, съ полатями и съ подпольемъ, въ которомъ бродяги иногда находили оставленные сельскими хозяевами съѣстные припасы, какъ-то: сметану, квашеное молоко и др. продукты, и все это смѣло употребляли въ пищу, нисколько не опасаясь отвѣтственности за это. Напротивъ,

поселяне даже сами сказывали, что продукты нарочито оставлены для прохожихъ; но я въ избушки не заходилъ, онѣ постоянно находились гдѣ-нибудь въ сторонѣ, далеко отъ дороги. Одна бѣда моя была та, что принужденъ былъ выпрашивать въ деревняхъ хлѣба и скажу теперь, что для этого нужна тоже особаго рода способность.

Попадались мнѣ бродяги и даже приглашали съ собой, но такими странными они мнѣ казались, что я никакъ не рѣшался присоединиться къ нимъ и на вопросы ихъ не признавался, что я тоже бродяга, а называлъ себя ссыльнымъ какой-нибудь ближайшей волости и что иду будто бы по дѣлу въ гор. Омскъ.

Травка уже зазеленѣла, деревья одѣлись, и наступило настоящее тепло. Я готовъ было уже и арестоваться, сильно надоѣло идти на одномъ хлѣбѣ,—окончательно ослабъ. Чай у меня тоже вышелъ, купить было не на что, а выпросить не хватало смѣлости. Слышалъ въ тюрьмѣ, что бродяги, за неимѣніемъ чая, пьютъ какую-то траву подъ названіемъ «бѣлоголовникъ», но я травы этой не зналъ, да едва-ли она въ то время и была. И такъ, вскипячу бывало воды, да съ хлѣбомъ и пью какъ чай.

Однажды я остановился на ночлегъ у балагана. Вскипятилъ воды, сижу и попиваю съ хлѣбомъ. Смотрю, идутъ ко мнѣ двое бродягъ. У одного въ рукахъ котелъ, а у другаго за спиной, и кромѣ того у каждаго по котомкѣ чѣмъ-то наполненныя, — значитъ, исправные, не то, что я. Пришли, поздоровались; начались разспросы; спросили меня, гдѣ я воду бралъ. Я указалъ. Одинъ пошелъ съ котелкомъ по воду и когда принесъ, то начали и они варить чай. Тутъ только они замѣтили, что я пью чай безъ молока, а у нихъ-то полонъ туязъ яицъ и котелокъ молока, потомъ оказались масляныя и творожныя шаньги; у меня же простой пшеничный хлѣбъ. Все это они насобирали неподалеку въ деревнѣ, въ которой я былъ, но получилъ лишь три-четыре куска хлѣба. Я признался, что не только у меня чай безъ молока, но даже и чаю-то нѣтъ, а одна кипяченая вода. Сразу же они поняли мою неопытность въ этой жизни и пригласили меня къ своей трапезѣ. Оба они были лѣтъ по 28-ми: одинъ средняго роста, рыжій, съ бритой бородой, голубыми глазами, какъ оказалось послѣ—грамотный, одѣтъ въ довольно поношенное ватное пальто, черезъ плечо кожаная сумка съ мѣдной солдатской пуговицей по серединѣ, на которую она застегивалась. А другой—высокаго роста, темнорусый съ рябоватымъ лицомъ и нѣсколько курчавой бородой. По смуглому лицу и большому носу, нѣсколько горбатому, онъ походилъ на жителя Кавказа, но оказался чисто русскимъ; одѣтъ былъ въ азямъ изъ сѣраго сукна, полы котораго по краямъ обшиты плисомъ. Перваго звали Степаномъ, а втораго Ѳедоромъ. Послѣ чая расположились на травкѣ, до-

стали свои трубочки и закурили. При этомъ пошли разные разсказы, при чемъ они объяснили мнѣ, что оба бѣжали съ каторги. Степанъ былъ присужденъ на 12 лѣтъ за то, что, состоя на военной службѣ, будучи унтеръ-офицеромъ, нанесъ своему начальнику оскорбленіе дѣйствіемъ, на которое вызванъ былъ послѣднимъ, и пробывъ уже въ каторгѣ четыре года, не вынесъ какихъ-то притѣсненій со стороны новаго начальства—бѣжалъ вмѣстѣ съ Ѳедоромъ, который поступилъ въ каторгу съ полгода небольше, и вотъ уже восьмой мѣсяцъ, какъ они идутъ вмѣстѣ.

Степанъ между прочимъ высказалъ намѣреніе, что если Богъ поможетъ благополучно пробраться до Шадринска, то хотѣлось бы и дальше пройти, побывать на родинѣ, въ Тамбовской губ., посмотрѣть хотя на жену и дѣтей, оставшихся въ Моршанскѣ. Но дѣло въ томъ, что идти дальше, въ особенности по Пермской губерніи, безъ паспорта трудно, а достать его тоже не легко. Онъ обрадовался, когда узналъ, что я грамотный, и сдѣлалъ намекъ на то, не могу ли я помочь ему въ его затруднительномъ положеніи относительно паспорта, но я сказалъ, что съ этимъ дѣломъ не знакомъ.

— Это ничего, только бы могъ порядочно писать, а все необходимое у меня есть,—сказалъ Степанъ.

— Мнѣ одному-то вотъ ничего и не подѣлать, потому что пишу плохо,—добавилъ онъ.

Дальнѣйшія сужденія по этому предмету отложены были до слѣдующаго раза. Ѳедоръ оказался не разговорчивымъ и о себѣ ровно ничего не разсказалъ, такъ для меня и осталось неизвѣстнымъ, за что онъ былъ сосланъ въ каторгу и на какой срокъ. Степанъ можетъ быть и зналъ, но тоже воздержался отъ разсказа, а я не смѣлъ разспрашивать. Они предложили мнѣ идти вмѣстѣ съ ними, отчего я не отказался и почему-то былъ даже радъ. Объ эти личности сразу же показались мнѣ симпатичными, у обоихъ проглядывало какое- то чувство добродушія, въ особенности качество это замѣчалось у Степана, да и въ обращеніи-то они были далеко лучше, чѣмъ другіе бродяги, которые заслуживали антипатію, вслѣдствіе грубаго и черезъ-чуръ нахальнаго обращенія. Переночевавъ, мы втроемъ отправились въ дальнѣйшій путь.

Жизнь моя въ обществѣ Степана и Ѳедора стала лучше, веселѣе, главное—сытъ. Я совсѣмъ не участвовалъ въ собраніи подаяній по деревнямъ. Входимъ, бывало, въ деревню, они и пойдутъ просить одинъ по одну, другой по другую сторону; я же выхожу впередъ за деревню, пріискиваю поудобнѣе мѣстечко, если случится близко вода, развожу огонь и начинаю чай варить. Ночевали также по балаганамъ, а если вздумается сдѣлать дневку, то пріискивали для этого избушку, на этотъ случай запасались больше и провизіей. На дневкѣ отдыхали, чинились;

бывали случаи, что вмѣсто дневки проживали по два и даже по три дня вслѣдствіе дождливой погоды.

На одной изъ дневокъ Степанъ разложился съ своей походной канцеляріей, которая хранилась у него въ сумкѣ. Было нѣсколько листовъ писчей бумаги, чернила и перья. Попросилъ онъ показать ему, какъ я пишу, я показалъ, и ему понравилось. Послѣ этого онъ прямо ужь обратился ко мнѣ съ просьбой написать подъ его диктовку путевой видъ на имя солдата. Отказаться было не ловко, и вотъ я пристроился къ письмоводству. Степанъ досталъ изъ сумки какой-то измятый лоскутокъ бумаги, изъ котораго и началъ мнѣ диктовать. Видъ этотъ написанъ былъ отъ имени одного изъ полицейскихъ управленій Восточной Сибири, для прослѣдованія рядовому такому-то на родину въ Тамбовскую губернію. По окончаніи текста этого докумена, я сдѣлалъ подпись помощника исправника, а Степанъ—секретаря; столоначальника же сдѣлали отсутствующимъ, т. е. написано было «столоначальникъ» и больше ничего. Затѣмъ Степанъ досталъ печать, вырѣзанную на кусочкѣ аспидной доски, зажгли бересту, накоптили ее и приложили къ документу—вышла отчетливо, да и вырѣзана была не дурно. Послѣ всего этого поставленъ былъ №, и документъ хоть куда.

Былъ іюнь 1875 года. День клонился къ вечеру. Лучи заходящаго солнца яркимъ блескомъ обливали живописную мѣстность, расположенную по большому Московскому тракту, извилисто тянувшемуся по Томской губерніи. Вокругъ все было тихо, пустынно. Изъ опушки лѣса показались четыре всадника; выѣхавъ на дорогу, они продолжали по ней свой путь. Длинныя тѣни отъ ихъ фигуръ ложились вдоль дороги, весьма медленно подвигаясь впередъ. Лошади, видимо усталыя, еле-еле передвигали свои ноги, а сидѣвшіе на нихъ изрѣдка и неохотно обмѣнивались словами. Одѣты они были въ крестьянскіе азямы, и у двухъ за плечами торчали ружья.

Мы въ это время отдыхали сидя на канавѣ и разсуждали о томъ, гдѣ бы найдти балаганъ для ночлега. Глаза наши были устремлены въ сторону ѣдущихъ, и видно было, что одинъ изъ четырехъ указывалъ что-то на насъ пальцемъ. Товарищи мои закурили трубочки, встали, и мы потихоньку отправились впередъ. Черезъ нѣсколько минутъ мужики насъ нагнали и стали разспрашивать, кто мы такіе. Мы конечно отвѣтили, что бродяги.

— А гдѣ вашъ четвертый товарищъ?

— Никакого четвертаго товарища не было у насъ,—отвѣтили мы.

— Какъ не было, коли былъ!

Мы, удивленные странностью вопросовъ, объяснили, что никого четвертаго у насъ не было и что втроемъ-то идемъ всего только вторую недѣлю. Потомъ спрашивавшій о чемъ-то потихоньку поговорилъ съ

остальными и затѣмъ обратился къ намъ со словами въ другомъ уже тонѣ.

— Куда же вы, ребятушки, въ бѣду лѣзете? Вѣдь васъ здѣсь въ селѣ заберутъ; тутъ уже нѣсколько человѣкъ арестовано вашего брата, и вы того же не минете. Мы бы васъ также арестовали, да ужъ и такъ-то міру маяты много и безъ васъ. Ступайте себѣ съ Богомъ, только трактомъ не идите, а сворачивайте въ сторону на проселокъ. Вотъ, тутъ, верстахъ въ 20-ти, будетъ деревня, а отъ нея окольный трактъ, имъ и дуйте.

При этомъ онъ показалъ вправо. Степанъ спросилъ о причинахъ такой строгости, и мужики разсказали, что дня четыре тому назадъ, вблизи деревни, отъ которой мы ушли уже верстъ 60, на пашнѣ, въ балаганѣ, найденъ трупъ убитаго человѣка, и слухъ есть, что около этого времени проходили четверо бродягъ.

— Вотъ теперя-ка засѣдатель и далъ приказъ всѣхъ бродягъ имать.

Мы какъ выслушали эту исторію, поблагодарили мужиковъ за такое къ намъ снисхожденіе и преподанное предостереженіе, да и подай Богъ ноги,—отправились по указанному пути въ сторону отъ тракта.

Солнышко начинало уже садиться, когда мы вышли на дорогу, по которой насъ направили. Лежала она засѣянными полями и вывела въ негустой сосновый лѣсъ, который вскорѣ окончился, и потомъ пошла березнякомъ, между которымъ изрѣдка попадалъ и осинникъ. Дорога эта вскорѣ раздѣлилась на двѣ—вправо и влѣво. Вотъ тутъ и возникъ вопросъ, которую изъ нихъ выбрать, и рѣшили идти вправо. Но чѣмъ дальше шли, тѣмъ дорога становилась все уже и уже и судя по колесному слѣду, нужно полагать, что ѣздили по ней очень не много; мы начали ужъ раскаяваться, что не пошли по той, которая вела влѣво. Продолжать этой дорогой путь до деревни, до которой намъ сказали 20 верстъ, было сомнительно. Ворочаться назадъ нужно было верстъ пять, а тутъ ужь совсѣмъ свечерѣло. Поэтому мы рѣшили здѣсь же и ночевать, а утро вечера мудренѣе. Но опять затрудненіе: нужно было чай варить, а воды нигдѣ не видно. Дорога же дальше шла по отлогому косогору и спускалась все ниже и ниже. Если идти впередъ, то навѣрно есть вода; но кто знаетъ, далеко ли еще нужно идти. Какъ мы ни прислушивались,—вокругъ мертвая тишина, которую изрѣдка лишь нарушали ночныя птицы. Іюнь мѣсяцъ время такое, что никакихъ полевыхъ работъ у крестьянъ нѣтъ, а потому и въ полѣ ни души. Мы находились въ нерѣшимости, идти ли дальше, или воротиться назадъ? Продолжать путь впередъ не обѣщало ничего хорошаго, потому что не только балагановъ не было, но и пашни прекратились. Наконецъ, общимъ совѣтомъ рѣшили такъ: дорога эта все-таки куда-нибудь должна вывести, если не въ деревню, то на пашню, или на заимку, и если намъ не

дойти ни до того, ни до другаго, то авось, если спустимся еще ниже,— будетъ вода и тамъ ночуемъ. Хлѣба у насъ достаточный запасъ. Оба мои товарищи закурили трубочки, и мы тронулись впередъ. Прошли еще полчаса. Ѳедоръ, бывшій до того времени молчаливымъ, началъ ругать мужиковъ.

— Чортъ бы ихъ побралъ, проклятыхъ мужиковъ, они должно быть такъ, зря, сыграли надъ нами такую штуку и направили насъ куда-то къ чорту на кулички! И онъ все время продолжалъ ворчать. Я молчалъ. А Степанъ все утѣшалъ насъ, говоря: «Вотъ, подождите еще немножко, дастъ Богъ, скоро на заимку придемъ, поужинаемъ, да еще подстрѣлимъ чего-нибудь, и ладно будетъ.

— Какая тутъ можетъ быть заимка, тутъ самъ дядя лѣшій не живетъ.

Наконецъ, ужъ и всѣ замолкли. Идти было не удобно, дорога не гладкая; къ тому же цѣлый день шли безъ отдыха. Всѣ-то ужъ начали въ душѣ проклинать крестьянъ и того, кто тамъ найденъ убитымъ. «Однако, тутъ должна быть вода»,—сказалъ Степанъ, указывая на ложбину. Пройдемъ еще туда, и если нѣтъ воды и здѣсь, то, дѣлать нечего, придется ночевать, только пить-то хочется, вотъ бѣда». Пошли. Вдругъ Степанъ радостно воскликнулъ: «А что? Я правду говорилъ, что на заимку прійдемъ, вонъ она матушка!» При этомъ указалъ впередъ, гдѣ и на самомъ дѣлѣ что-то чернѣлось.

— Какая, дьяволъ, тутъ заимка въ такой глуши!—Была бы заимка, такъ собаки бы лаяли,—возразилъ Ѳедоръ.

Но чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ яснѣе въ ночной темнотѣ обрисовывалась фигура какой-то постройки, и въ дѣйствительности оказалась полевая избушка, въ которой никого не было. Обрадовались мы и этому, а пуще тому, что тутъ же журчалъ по камушкамъ тихо ручеекъ чистой холодной воды, чрезъ который намъ пришлось перейти прежде, чѣмъ попасть въ избушку. Возлѣ избушки много было старой соломы.

— Тащи-ка охапку въ избу, да будемъ огонь разводить,—сказалъ Степанъ.

Въ избушкѣ оказалась и русская печка. Натаскали туда соломы, и въ избушкѣ сразу стало свѣтло. Потомъ розыскали дровъ, наклали въ печку, и въ избушкѣ стало еще веселѣе. Принесли воды, сварили чаю и начали ужинать. Ночь была теплая, тихая. Ѳедоръ нѣтъ, нѣтъ, да все къ чему-то внимательно прислушивается, а намъ ничего не говоритъ. Вышелъ онъ на дворъ, потомъ съ минуту постоялъ въ сѣняхъ, тоже притаивъ дыханіе, прислушался. Мы молчимъ, только переглядываемся, не понимая, что съ нимъ такое дѣлается. Вотъ онъ возвратился изъ сѣней къ намъ и почти испуганнымъ голосомъ проговорилъ: «Что-то, ребята не ладно, здѣсь мѣсто не чистое». А что такое?—спросилъ Степанъ.—«Ровно подъ поломъ кто-то стонетъ»—добавилъ Ѳедоръ. Мы тоже

прислушались, но ничего не слышно. Но Ѳедоръ не унимался, онъ опять подошелъ къ дверямъ, постоялъ и, затворивъ ихъ, вторично произнесъ: «Вотъ тѣ Христосъ, кто-то стонетъ!» Степанъ положительно не хотѣлъ вѣрить, но меня охватывалъ какой-то страхъ: нужно идти на дворъ, а одинъ боюсь, признаться же въ своей трусости не хотѣлось. Наконецъ порѣшили ложиться спать, и всѣ втроемъ отправились на дворъ за соломою. Въ сѣняхъ Ѳедоръ попросилъ насъ остановиться. Притаивъ дыханіе, мы начали вслушиваться, простояли минутъ пять,—тишина; потомъ дѣйствительно какъ будто что-то глухо простонало гдѣ-то далеко. Затѣмъ еще повторилось, но уже слабѣе, а потомъ еще и затихло. Послѣ этого мы простояли еще минутъ десять, и ничего не было слышно. Принесли въ избу соломы, разостлали на полу, помолились Богу и легли.

Я долго не могъ уснуть, но наконецъ усталость взяла свое, и я уснулъ. Проснулся уже тогда, когда солнышко заглянуло въ окна избушки. Товарищи мои тоже поднялись. Въ избушкѣ мы обнаружили признаки недавняго нахожденія здѣсь тоже должно быть бродягъ, что доказывали валявшіеся на полу куски разнаго хлѣба, не совсѣмъ еще засохшаго, а въ сѣняхъ—старыя ситцевыя лоскутья, какъ бы отъ женскаго передника, выпачканные въ дегтю.

По серединѣ сѣней было закрытое отверстіе въ яму, какія обыкновенно устраиваются въ деревняхъ для сохраненія разныхъ припасовъ. Яма эта была глубиной около двухъ саженъ, съ опущенной внутрь лѣстницей, въ которой виднѣлось только три ступеньки, а остальныя поломаны. Сварили мы чаю, напились, и стали собираться въ путь: Степанъ пошелъ въ сѣни, но сейчасъ же воротился обратно и заявилъ, что и вправду въ ямѣ кто-то простоналъ, что онъ слышалъ довольно ясно и что въ ямѣ есть кто-то.

Всѣ мы трое начали прислушиваться, окликать и положительно убѣдились, что тамъ кто-то есть, потому послѣ оклика послышались довольно слабые, человѣческіе стоны. Что оставалось дѣлать? Не обратить вниманія и уйти отсюда,—совѣсть не позволяла. Быть можетъ, свой же братъ бродяга какими-нибудь судьбами попалъ туда? Можетъ быть, забрелъ сюда также ночью и въ темнотѣ упалъ въ яму, ушибся настолько, что не могъ оттуда выбраться? Между тѣмъ стоны стали повторяться сильнѣе и чаще, что въ Ѳедорѣ болѣе усиливало страхъ, и онъ съ настойчивостью требовалъ, чтобы уйти всѣмъ изъ избушки. Но Степанъ порѣшилъ во что бы то ни стало добиться отвѣта изъ ямы. Поэтому онъ оперся руками въ колоды, въ которыхъ когда-то была западня, и, просунувъ почти половину своего туловища, желалъ заглянуть въ яму, но оборвался и полетѣлъ внизъ головой. Прошло минутъ пять молчанія, Степанъ подошелъ къ лѣстницѣ и сказалъ, чтобъ поскорѣе нащипать лучинъ и чтобъ мы туда же лѣзли, такъ какъ въ ямѣ, гдѣ-то въ углу, дѣйстви-

тельно стонетъ больной человѣкъ, но кругомъ такая темнота, что, кромѣ столба по срединѣ,—ничего больше не видно. «Полѣзайте и вы»,—сказалъ намъ Степанъ. Я нисколько не колеблясь спустился. Ѳедоръ, хотя на это смотрѣлъ съ какимъ-то страхомъ, но тоже спустился, хотя видимо неохотно. Степанъ досталъ спички, зажегъ лучину, я другую, и яма, имѣющая форму квадрата въ двѣ сажени, освѣтилась, но ни на полу и ни по угламъ, ничего не было видно кромѣ столба по срединѣ, поддерживающаго потолокъ ямы, и вотъ, у этого-то роковаго столба мы увидѣли слѣдующую ужасную картину.

Къ столбу, въ ростъ человѣка, оказалось привязаннымъ какое-то существо, издающее слабые, едва слышные стоны; тѣло его—гладкое, угольно-чернаго цвѣта съ глянцемъ. Головы не видно, она склонена на бокъ вправо и вся обмотана какимъ-то тряпьемъ. Мы подошли къ столбу и увидѣли привязанную женщину.

Тѣло ея спереди, начиная почти отъ шеи и до ногъ, все вымазано дегтемъ. Головы и лица совсѣмъ не было видно, потому что нижнее бѣлье и платье все вмѣстѣ поднято кверху на голову, тамъ закручено и завязано поверхъ головы веревкой и тоже прикрѣплено къ столбу. Въ это время несчастная должно быть почувствовала присутствіе возлѣ себя людей и произнесла чуть слышно шопотомъ: «Спасите, Христа ради». Въ одинъ мигъ Степанъ вынулъ изъ кармана ножикъ и сначала освободилъ ноги, потомъ на головѣ обрѣзалъ веревку, раскрутилъ одежду, опустилъ, и мы увидѣли измученное лицо и голову съ распущенными въ безпорядкѣ волосами. Отвязанная отъ столба, она повалилась на наши руки. Поднесли мы ее къ выходу, но тутъ встрѣтилось затрудненіе, какъ ее поудобнѣе поднять на верхъ. Оказалось, что эта несчастная была почти полумертвая, не въ состояніи была владѣть ни однимъ членомъ. Кое-какъ съ большимъ трудомъ, удалось намъ вытащить ее изъ ямы, принести въ избу и положить на солому. Степанъ сейчасъ же распорядился приготовить для больной чаю и, когда онъ поспѣлъ, мы приподняли больную и начали ее поить; она только одну чашку и выпила. «Насиловать сразу не надо»,—сказалъ Степанъ.

Въ это время она раскрыла глаза, которые до того были почти безжизненны, лицо блѣдно-мертвеннаго цвѣта, измученное, исхудалое, имѣющее продолговатую форму, губы синія, запекшіяся, носъ маленькій, нѣсколько вздернутый кверху; зубы замѣчательной бѣлизны, волосы на головѣ свѣтло-русые, руки синія, опухшія, и въ мѣстахъ, гдѣ были связаны, образовались въ тѣлѣ углубленія; вообще, все тѣло истощенное. Больная была роста средняго, лѣтъ около 25-ти. Ноги въ изорванныхъ чулкахъ и обуты въ деревенскія чарки. Платье розоваго ситца, изо-

рванное, но чистое. Ни головнаго платка и никакой верхней одежды не оказалось.

Послѣ чая больная закрыла глаза и видимо желала уснуть. Степанъ принялъ на себя обязанности сестры милосердія: онъ вынулъ изъ своей котомки бѣленькій мѣшочекъ, набилъ его мелкою соломой, зашилъ, и получилась подушка. Потомъ снялъ съ полатей двѣ доски, пристроилъ ихъ къ лавкѣ, которая была у печки, принесъ охапку соломы, разостлалъ, положилъ подушку, и больная перенесена была на устроенную ей постель. Послѣ этого онъ снялъ съ себя пальто, одѣлъ имъ больную и далъ намъ знакъ выйти на дворъ.

Солнышко уже было высоко, мѣстность оказалась живописною, а шумящій ручей придавалъ еще больше прелести. Подошли мы къ нему, вымыли руки, сѣли на зеленую травку; товарищи мои закурили трубочки и погрузились въ думы. Ѳедоръ былъ въ особенности опечаленнаго вида; но Степанъ хотя тоже молчалъ, но лицо его было свѣтлое, веселое, какъ будто онъ испытывалъ величайшее наслажденіе.

— Ну, какъ, братцы, думаете,—спрашивалъ онъ,—что намъ теперь дѣлать? Я молчалъ. Ѳедоръ же пробормоталъ: «Говори ты, можетъ быть, ты лучше знаешь». «Нѣтъ, да однако, какъ по-твоему, Ѳедюха; что нужно дѣлать съ этой несчастной?»—настаивалъ Степанъ. «А Богъ ее знаетъ! Еслибъ она могла ходить, то вывести ее въ деревню и тамъ, какъ знаетъ себѣ, а то, вишь, она ни сегодня, завтра помретъ,—совсѣмъ недвижима. По-моему такъ. Еслибъ не мы, то она все равно погибла бы въ ямѣ, а теперь... теперь,—ну, оставить ей весь нашъ хлѣбъ и пусть себѣ поправляется, не жить же намъ здѣсь съ нею».

— Нѣтъ, Ѳедюха, ты не резонно говоришь,—возразилъ Степанъ.—Вѣдь ты самъ же говоришь и видишь, что она недвижима, что же она будетъ дѣлать съ твоимъ хлѣбомъ-то, если оставить ее одну здѣсь?

— А такъ неужто же намъ жить здѣсь, пока она поправится?—недовольнымъ тономъ спросилъ Ѳедоръ.

— Ну, и не бросать же. Какова бы она тамъ ни была, Богъ съ ней, все-таки она человѣкъ, а бросать больнаго безпомощнаго человѣка на произволъ судьбы отъ Бога грѣшно, да и совѣсть не позволяетъ—сказалъ Степанъ.

— А если она помретъ, да кто-нибудь сюда наверпется, тогда какъ?—За чужіе грѣхи мы должны отвѣчать? Нѣтъ, какъ тебѣ угодно, а я на это не согласенъ. Если тебѣ хочется, то оставайся, а мы пойдемъ съ нимъ.

При этомъ Ѳедоръ кивкомъ головы указалъ на меня. Но я, до того времени молчавшій, къ удивленію Ѳедора, принялъ сторону Степана, одобривъ при этомъ мнѣніе послѣдняго, что нельзя бросать эту несчастную, и изъявилъ желаніе остаться со Степаномъ здѣсь пока.

— Ну, а коли хочется вамъ лѣзть въ петлю, то оставайтесь, я и одинъ пойду,—сказалъ Ѳедоръ.

Степанъ не ожидалъ такой выходки со стороны Ѳедора и видимо былъ недоволенъ имъ, потому нисколько не сталъ уговаривать, а на послѣднія слова его промолвилъ:

— И съ Богомъ, товарищъ, плакать никто не будетъ!

Послѣ этого, Ѳедоръ ничего не говоря, поднялся и ушелъ въ избушку.

— Неужели онъ одинъ пойдетъ?—спросилъ я Степана.

— А кто его знаетъ, можетъ быть, и пойдетъ,—отвѣтилъ онъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Ѳедоръ вышелъ изъ избушки съ котомкой и котелкомъ за плечами и направился на ту дорогу, по которой мы пришли, не сказавъ намъ даже «прощай».

По уходѣ Ѳедора мы пошли въ избушку. Больная спала. Мы опять вышли на дворъ и завели рѣчь о томъ, кто бы такой могъ быть извергъ, приговорившій эту несчастную къ такой ужасной смерти, и какое могло быть тяжкое преступленіе съ ея стороны? Положимъ, преступленіе понятно: вѣроятно, послѣдовала измѣна. Это продѣлка бродягъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Да, всякіе люди есть на свѣтѣ! Это нужно быть звѣремъ, а не человѣкомъ, чтобы совершить такое страшное преступленіе надъ беззащитной женщиной. Пособилъ бы Богъ поскорѣе поправить ее, а то она конечно все разскажетъ. Только вотъ бѣда: теперь бы надо молока ей, да мяса, бульонъ сварить бы ей, а этого ничего у насъ нѣтъ, и есть ли тутъ гдѣ близко жилье, не извѣстно. И еще одна необходимость, которую намъ никакъ не приходится исполнить, потому это дѣло женское: вымыть бы ее надо. Обо всемъ этомъ заботливо разсуждалъ Степанъ. Онъ рѣшилъ искать жилья, чтобы добыть необходимое для возстановленія силъ больной; поэтому онъ вздумалъ отправиться дальше по дорогѣ, а я долженъ былъ остаться въ избушкѣ. При этомъ онъ наказалъ мнѣ прислушиваться къ больной, не будетъ ли она чего просить. Оставшись одинъ, я боялся того, что Степанъ не воротится, и больная умретъ. При такихъ думахъ мнѣ даже жутко стало. Подойду потихоньку къ больной, прислушаюсь—спитъ, слышно дыханіе. Вышелъ на дворъ, сѣлъ у окна и поглядываю въ избу. Вдругъ послышалось мнѣ, что будто бы больная что-то произнесла. Я поспѣшилъ во внутрь, и дѣйствительно она что-то бормотала, но такъ безсвязно, что ничего нельзя было понять и не знаю: то ли ей во снѣ что грезилось, или же съ нею былъ бредъ. Я, подъ вліяніемъ опасенія за будущность больной и себя въ особенности,—чувствовалъ себя неловко и придумывалъ, чѣмъ бы себя развлечь. Пошелъ въ кусты, наломалъ вѣтвей и связалъ вѣникъ, потомъ пришелъ въ избушку и вздумалъ привести ее мало-мальски въ порядокъ. Прежде всего посмелъ

пыль съ оконъ и съ лавки, вынесъ солому, полъ подмелъ; затѣмъ на дворѣ нашелъ разбитый горшокъ, принесъ въ немъ воды и вымылъ столъ, лавку и окна; столъ, до того времени лежавшій на полу безъ одной ножки, я пристроилъ въ переднемъ углу къ лавкѣ. Затѣмъ снялъ икону, на которой былъ толстый слой пыли, и пошелъ съ нею къ ручью, тамъ тщательно ее обмылъ, на ней оказалось изображеніе Божіей Матери, и поставилъ на мѣсто. Избушка приняла совсѣмъ иной видъ; а больная все спала, и лишь изрѣдка слышны были ея стоны.

Солнце давно уже своротило съ полдня. Придя со двора въ избушку, я увидѣлъ, что больная, лежавшая до того времени лицомъ кверху, поворотилась на правый бокъ. Я сѣлъ на лавку около стола. Вдругъ она открыла глаза и стала смотрѣть на меня. Это какъ бы подстрекнуло меня къ необходимости сближенія съ незнакомкой; меня въ высшей степени интересовала ея симпатичная наружность и вообще вызывало сильное желаніе къ скорѣйшему открытію таинственной ея судьбы. И вотъ точно невидимой силой привлекло меня ближе къ ея постели, и я въ свою очередь также сталъ внимательно всматриваться въ глядѣвшіе на меня пристально глаза больной. Но что это были за глаза!.. Они говорили больше словъ; я какъ бы читалъ въ нихъ всю тяжесть истязанія, перенесеннаго этой несчастной женщиной; глаза эти выражали высокое чувство благодарности за избавленіе ея отъ смерти и мученій; я совершенно растроганъ былъ этими глазами, они какъ будто кого-то искали въ избѣ. Больная видимо хотѣла чего-то попросить, сказать что-то, но какъ будто не смѣла или боялась. Послѣ нѣсколькихъ минутъ такого состоянія она хотя тихо, но довольно ясно попросила напиться. Что была за радость для меня! Я подалъ ей холоднаго чаю, оставшагося въ чашечкѣ, приподнявъ ее за шею; она все выпила, а больше не было и сварить было не въ чемъ. Тутъ я постарался утѣшить ее, сказалъ, что скоро принесутъ молока и еще чего-нибудь съѣстнаго, и тогда она поѣстъ, а сейчасъ, кромѣ хлѣба, нѣтъ ничего. Вотъ тутъ я и вздумалъ воспользоваться случаемъ разспросить ее кое о чемъ и прежде всего задалъ ей вопросъ, какъ ее зовутъ. Она не сразу отвѣтила потихоньку: «Ольга». «Откуда ты?» Но на этотъ вопросъ вмѣсто отвѣта, у нея показались на глазахъ слезы, видно было, что послѣдній мой вопросъ задѣлъ ея самую больную сторону и, не желая болѣе безпокоить ее, я отошелъ прочь.

Я безпрестанно почти поглядывалъ въ окно, не идетъ ли Степанъ, и начиналъ ужь было приходить въ отчаяніе, какъ вдругъ изъ-за кустовъ показалась его фигура; я обрадованный побѣжалъ къ нему навстрѣчу. Первый вопросъ его былъ о положеніи больной. Я высказалъ ему надежду на выздоровленіе, чему и онъ обрадовался. Онъ разсказалъ, что до деревни такъ таки и не дошелъ; дорогой ему по-

пался навстрѣчу какой-то мужикъ и направилъ его на заимку, которая отъ нашей избушки была всего верстахъ въ пяти; тамъ ему надавали разныхъ припасовъ: тутъ были яйца, молоко, вяленая баранина, свѣжіе калачи и проч. Прійдя въ избушку, Степанъ удивился такой перемѣнѣ въ порядкѣ, за что̀ меня похвалилъ, и сейчасъ же началась стряпня.

Больная съ каждымъ днемъ поправлялась. Какъ только выходила провизія, Степанъ каждый разъ отправлялся на заимку и съ пустыми руками никогда не приходилъ, а однажды, такъ даже принесъ красненькій головной платокъ для больной. Вотъ, Ольга начала уже и похаживать. Однажды, въ воскресенье, она вымылась, причесалась, надѣла на голову платокъ и стала походить на воскресшую изъ мертвыхъ. Такъ мы прожили въ избушкѣ ровно десять дней.

Ольга была не словоохотлива; но какъ-то разъ, послѣ чая, Степанъ самъ попросилъ ее повѣдать намъ свое житье-бытье и о томъ, какими судьбами она попала сюда. Сначала она какъ будто не хотѣла, но потомъ, по глубокомъ раздумьи, вздохнувъ всею грудью, она начала свою грустную исторію и разсказала слѣдующее:

— Родиной я Иркутской губерніи, имѣю мужа вполнѣ исправнаго домохозяина-крестьянина и дочерей-малютокъ 4 и 5 лѣтъ. Въ Ильинъ день прошлаго года, съ крестьянскими дѣтьми я пошла въ лѣсъ по ягоды, верстъ за пять отъ нашего села. Дѣти въ лѣсу чего-то испугались и бросились въ сторону, хотя и не далеко отъ меня были, но ихъ не было видно, потому лѣсъ былъ густой. Ягоды у меня были уже набраны, и я начала было по тропинкѣ выбираться на полянку, какъ вдругъ, откуда ни возьмись, точно изъ земли выросли, передъ мной стояли двое бродягъ и загородили мнѣ дорогу, не пускаютъ ни взадъ, ни впередъ. Одинъ изъ нихъ постарше сказалъ: «Если закричишь, то сейчасъ же зарѣжемъ!» И показалъ ножъ. Я не помнила себя. Помню только, что плакала, кланялась обоимъ въ ноги, умоляла отпустить меня, говорила, что меня ждутъ дома малютки-дѣти, которыя навѣрно теперь плачутъ, но просьбъ моихъ не хотѣли и слышать. Моимъ же платкомъ завязали мнѣ глаза и повели...

При этомъ Ольга залилась слезами.

— Что только они дѣлали со мной, одному Богу извѣстно... Я была беззащитна, лишена была возможности хоть кому-нибудь заявить о себѣ. Первое время съ мѣсяцъ, я даже не видѣла деревни, потому что передъ деревней останавливались ночевать гдѣ-нибудь въ лѣсу и одинъ уходилъ въ деревню за провизіей, а другой, который постарше, оставался со мной. Деревню же проходили въ такое время, когда всѣ въ ней спали. А потомъ уже не стали такъ дѣлать, деревнями проходили и днемъ, но только одну меня не оставляли. Молодой побирался деревней, а другой

шелъ со мной, и было мнѣ наказано, что если я вздумаю гдѣ-нибудь хотя заикнуться о себѣ, то въ ту же минуту влетитъ мнѣ ножъ въ бокъ. Такъ прошло лѣто, прошла и осень, а я все находилась въ плѣну. Вотъ пришли мы въ Ачинскій округъ и тутъ остались зимовать въ Назаровской волости, гдѣ-то въ избушкѣ около мельницъ, расположенныхъ по небольшой рѣчушкѣ Агатѣ, протекающей тайгою, впадающей въ р. Чулымъ. Молодой-то парень, такой бѣлесоватый, котораго звали Осипомъ, былъ сапожникъ, крестьяне носили ему работу, а другой постарше—Матвѣй, былъ лѣтъ 45, онъ сказывалъ, что бѣжалъ изъ каторги, куда сосланъ былъ за убійство жены; онъ былъ такой черный, страшный, здоровенный мужчина. Матвѣй чинилъ крестьянамъ замки, лудилъ, самовары, отливалъ кольца и проч. Однажды я стала проситься отпустить меня, но Матвѣй ни за что не соглашался, а Осипъ такъ даже совѣтовалъ ему отпустить меня; изъ-за этого у нихъ между собою вышелъ раздоръ, и я послѣ того никогда уже не заикалась объ этомъ. Осипъ и съ самаго начала не хотѣлъ меня брать, но это все Матвѣй настоялъ. Осипъ какъ-то разъ сказалъ мнѣ, чтобъ я потерпѣла до весны, а тамъ, какъ выйдемъ опять въ дорогу, то я, говоритъ, предоставлю тебѣ случай уйти, такъ что и Матвѣй знать не будетъ, будетъ ужъ, говоритъ, тебѣ съ нами маяться-то. Съ великимъ нетерпѣніемъ я ожидала весны. Часто бывало горькими слезами плачу, какъ вспомню про мужа и своихъ милыхъ малютокъ, думаю: какъ-то они поживаютъ, что думаютъ обо мнѣ, и долго ли я еще буду томиться въ этомъ плѣну; но плакать-то нужно было такъ, чтобъ Матвѣй не видалъ, а то онъ бранился за это. Вотъ наступила и ожидаемая весна и пошли опять въ походъ. И до коихъ поръ, думаю, будетъ онъ меня вести, хоть бы гдѣ-нибудь забрали насъ, что ли. Вступили мы и въ Томскую губернію. Матвѣй съ той поры, какъ между ними вышелъ раздоръ изъ-за меня, глазъ съ меня не спускаетъ и совсѣмъ не сталъ оставлять меня съ Осипомъ, ну, просто, отъ меня ни на шагъ. Тутъ какъ-то они опять поссорились изъ-за того, что Осипъ одинъ все побирается по деревнямъ, а тотъ только меня караулитъ; я испугалась, думала, тотъ окаянный зарѣжетъ Осипа, такъ сильно озлился на него. Съ тѣхъ поръ Осипъ поклялся освободить меня, да и самъ хотѣлъ бросить своего товарища, больно ужъ и ему надоѣлъ. Должно быть, недѣли двѣ тому назадъ, мы ночевали въ одномъ балаганѣ. Осипъ намекнулъ мнѣ, чтобъ я эту ночь была готова, какъ только заснетъ Матвѣй, то чтобы встать и вмѣстѣ съ нимъ уйти. Страхъ какой-то меня объялъ; легла—не спится, до сна ли ужь тутъ было? Да, надо быть, и Осипу не спалось. Вотъ Матвѣй захрапѣлъ. Я трясясь сейчасъ же поднялась съ постели, а за мною и Осипъ,—схватилъ свою котомку, и мы вышли на дворъ. Только-что отошли мы отъ балагана саженей десятокъ, какъ увидали, что сзади насъ бѣжитъ Матвѣй со стягомъ въ

рукахъ и какъ только догналъ насъ, то прежде всего ударилъ Осипа по головѣ, тотъ такъ и повалился, какъ снопъ, потомъ еще раза два ударилъ лежачаго, но онъ съ перваго же удара былъ уже не живой, потому что даже ни разу не вскрикнулъ. Потомъ давай меня за косы таскать, да каблуками бить. Затѣмъ подошелъ еще къ Осипу, толкнулъ его ногою, но тотъ не пошевелился. Онъ взялъ и потащилъ его въ балаганъ, да тамъ и оставилъ, а послѣ собрался и повелъ меня съ собой; такъ мы цѣлую ночь и шли да не трактомъ и не путемъ-дорогой, какъ раньше, а все лѣсомъ, да полями, потому онъ боялся, чтобъ не было погони, если обнаружится убитый. Такъ мы прошли цѣлую ночь и половину дня, я совсѣмъ уже выбилась изъ силъ, и пришли вотъ въ эту самую избушку.

Я не могла смотрѣть на Матвѣя, какъ на убійцу и своего тирана, и задумала ночью отъ него уйдти, думаю себѣ: пусть лучше звѣрь меня съѣстъ въ лѣсу, чѣмъ находиться въ рукахъ убійцы. Днемъ я замѣтила дорогу, вотъ эту самую, которая идетъ отъ избушки черезъ ручей, и рѣшила по ней идти. Легли мы. Я жду не дождусь, когда захрапитъ мой извергъ. Страшно мнѣ стало, вся дрожу, какъ въ лихоманкѣ. Слышу: захрапѣлъ; я немножко еще подождала, а потомъ потихоньку встала, вышла изъ избушки и прямо черезъ ручей, да на дорогу. Ночь была свѣтлая, вотъ я иду, иду, да и оглянусь: не бѣжитъ ли онъ за мною. Начинала ужь было успокаиваться, думаю, заспался. Вдругъ, оглянулась, и о, Боже мой! Убійца бѣжалъ за мной, какъ звѣрь за своей добычей, издавая какіе-то дикіе, страшные крики. Я не знала, что мнѣ дѣлать: убѣжать отъ него не было возможности, кричать о помощи—не къ кому, такъ ужъ къ смерти и приготовилась, растянулась на дорогѣ, читаю молитву, да прощаюсь съ бѣлымъ свѣтомъ; нѣсколько разъ помянула имя мужа и дорогихъ своихъ дѣточекъ. Прибѣжалъ извергъ и давай меня бить, потомъ поднялъ на ноги и въ толчки погналъ обратно до избушки. Тутъ онъ снялъ съ себя ременный поясъ и началъ меня стегать по чемъ попало. Я потеряла терпѣніе и страхъ и прямо сказала ему, что если онъ будетъ меня мучить и не освободитъ отъ себя, то гдѣ-нибудь непремѣнно заявлю объ убійствѣ имъ Осипа. Я думала этимъ его устращать, но не тутъ-то было.

— А, ты будешь заявлять! Тебѣ, видно, Осипъ былъ любъ! Съ нимъ видно хотѣлось бродяжничать, постой, я повыколочу съ тебя эту дурь!

— Я такъ и думала, что онъ сразу меня убьетъ. Но нѣтъ, пуще прежняго принялся стегать тѣмъ же ремнемъ. Наконецъ, должно быть ему надоѣло; онъ взялъ передралъ свою опояску пополамъ и скрутилъ мнѣ назадъ руки, потомъ все, что было надѣто на мнѣ, заворотилъ на голову, закрутилъ и должно быть связалъ, такъ что я осталась нагою, потомъ поволокъ меня въ сѣни, вы-

мазалъ меня всю дегтемъ, что-то при этомъ приговаривая, и затѣмъ столкнулъ въ яму. Я сильно ушиблась и ужъ не помню того, какъ онъ привязалъ меня къ столбу, у котораго я простояла, должно быть, двое сутокъ и благодарю Тебя, Мать Пресвятая Богородица, что услышала мою, или, быть можетъ, милыхъ моихъ малютокъ молитву и послала этихъ избавителей меня отъ лютой смерти!

При этомъ Ольга перекрестилась на икону и зарыдала, какъ малый ребенокъ.

Мы переглянулись со Степаномъ, и онъ сказалъ:

— Да, такъ вона кто былъ убитый, изъ-за котораго и мы сюда попали! Ну и слава Богу, что такъ все кончилось. Значитъ: нѣтъ худа безъ добра.

На одиннадцатый день пребыванія нашего въ этомъ «нечистомъ мѣстѣ» мы всѣ трое вышли прямо на большой трактъ. Передъ выходомъ изъ избушки, Ольга стала на колѣни предъ иконой и со слезами помолилась. При этомъ и я никакъ ие могъ воздержаться, чтобъ не прослезиться. Въ первомъ же селѣ мы распрощались съ Ольгой Михайловной, пожелали ей всего хорошаго, а главное—поскорѣе добраться до своей родной семьи, обнять мужа и дорогихъ своихъ дѣточекъ. Она бѣдняжка такъ рада была за свое освобожденіе, что не находила и словъ выразить своей благодарности намъ и отсутствующему Ѳедору, дополнивъ таковую слезами.

Долго мы смотрѣли вслѣдъ удалявшейся отъ насъ Ольги, пока она совсѣмъ не скрылась изъ нашихъ глазъ; она слишкомъ скоро шла, точно до ея дома было разстояніе дневнаго пути и будто она торопилась придти пораньше. Какова-то будетъ встрѣча безъ вѣсти пропадавшей болѣе года женщины съ своимъ мужемъ и дѣтьми?—Такъ мы думали со Степаномъ....

V.

Арестъ и слѣдованіе по этапу въ Одессу.—Обратно въ Сибирь.—Характеристика сибирскихъ тюремъ.—Освобожденіе.

Въ Омскѣ я самъ явился въ полицію и заявилъ, что я одесскій мѣщанинъ, но что паспорта у меня нѣтъ, потерялъ, почему и просилъ отправить меня на родину этапнымъ порядкомъ, такъ какъ добровольно слѣдовать у меня нѣтъ средствъ. Немедленно былъ арестованъ, допрошенъ, составленъ открытый листъ и отправленъ въ тюрьму, а оттуда на другой же день ушелъ въ партіи пѣшеэтапнымъ порядкомъ. Партіи

здѣсь идутъ небольшія, человѣкъ по 10—15; во многихъ селахъ даже нѣтъ этапныхъ помѣщеній, и арестанты съ конвоемъ размѣщались по частнымъ квартирамъ. Распущенность ужаснѣйшая: пьянство, развратъ, воровство, картежничество, и во всемъ этомъ принимаютъ участіе сами конвоиры; но недостаточно этого, сами же они являются иниціаторами въ различныхъ оргіяхъ, конечно, на счетъ арестантовъ. Женщины извѣстнаго поведенія ждутъ прихода партіи съ нетерпѣніемъ, и сами являются для торга...

Въ случаѣ израсходованія арестантами своихъ денегъ, или у кого совсѣмъ таковыхъ нѣтъ, то старшимъ конвоя предлагались впередъ на все время похода кормовыя деньги, которыя сразу же всѣ и расходовались; продовольствовались же какъ арестанты, такъ и конвоиры подаяніемъ, которое выпрашивалось самымъ безцеремоннымъ образомъ арестантами, а при случаѣ, какъ тѣ, такъ и другіе, не прочь были и украсть что-нибудь.

Такимъ образомъ я добрался до Тюмени, отсюда на извѣстныхъ уже читателю тройкахъ до Перми, а потомъ на пароходѣ до Нижняго и затѣмъ по желѣзной дорогѣ до Одессы, съ остановками въ Москвѣ, Курскѣ и Кіевѣ.

Вотъ я опять очутился въ родномъ городѣ, но сердце что-то было не спокойно, ничего хорошаго оно не предвѣщало мнѣ.

Изъ тюрьмы препроводили меня въ полицію, изъ полиціи по обыкновенію въ мѣщанскую управу.

— Зачѣмъ же ты пришелъ,—спросили меня,—вѣдь ты по документамъ значишься сосланнымъ въ Сибирь, и у насъ исключенъ изъ числа наличныхъ, теперь тебѣ нельзя уже именоваться одесскимъ мѣщаниномъ.

— А какъ же теперь быть?—спросилъ я.

— Опять назадъ пойдешь въ Сибирь—былъ отвѣтъ.

Меня точно громомъ оглушило. Мнѣ страшно даже было подумать о томъ, что я, не совершивши никакого преступленія, за которое подлежалъ бы ссылкѣ въ Сибирь, принужденъ былъ остаться въ ней навсегда и совсѣмъ проститься съ родной Одессой. Итакъ, опять тѣмъ же путемъ я долженъ былъ слѣдовать въ суровый край непривѣтливой мачихи Сибири!

Въ іюнѣ мы пришли въ Томскъ и затѣмъ отправились въ Красноярскъ. Партія помѣщена была въ центрѣ города въ частномъ старомъ домѣ. Здѣсь никуда меня не вызывали, а чрезъ недѣлю времени отправили обратно въ Ачинскъ, гдѣ я былъ заключенъ въ тюрьму.

Въ былое время, Сибирскія тюрьмы среди арестантовъ, а въ особенности между бродягами, славились своею распущенностью и всякой предосудительнаго характера производительностью, какъ-то: выпускомъ

фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, звонкой монеты, всевозможнаго рода паспортовъ и др. документовъ, рѣзьбой фальшивыхъ печатей какого угодно правительственнаго учрежденія, поддѣлкой золота, золотыхъ вещей и даже наложенія на нихъ пробы. Къ числу такихъ тюремъ принадлежала въ описываемое время именно Ачинская тюрьма. Кому только изъ жителей Ачинскаго округа не извѣстно было, что изъ тюрьмы выпускались фальшивые рублевки и тройки? Но не скажу навѣрное, знала ли объ этомъ мѣстная администрація,—думаю, что нѣтъ, потому что въ теченіе моего, почти шестимѣсячнаго содержанія въ тюрьмѣ, ни одного раза не было обыска... Все же дѣлалось въ тюрьмѣ открыто, безъ малѣйшихъ опасеній на счетъ того, что занятія эти преслѣдуются закономъ. Въ каждой камерѣ имѣлись разные инструменты, необходимые по спеціальности каждаго. Въ камерѣ на верху, въ которой помѣщенъ былъ я, содержался одинъ субъектъ, котораго арестанты звали «дикимъ бариномъ». Повидимому, онъ когда-то принадлежалъ къ привилегированному сословію; родиной онъ былъ изъ Бессарабіи, но сосланъ былъ въ каторгу на продолжительный срокъ, бѣжалъ и въ Ачинскѣ уже судился за бродяжничество, за что и присужденъ былъ къ наказанію плетьми и ссылкѣ въ заводскія работы на пять лѣтъ. У этого «дикаго барина» въ камерѣ была золотоплавня, производилось литье серебряной монеты, золотыхъ вещей: колецъ, перстней, крестовъ и проч. Тутъ же было свое и пробирное учрежденіе; на каждую вещь, сдѣланную конечно изъ мѣди, накладывалась проба, и тогда она получала уже названіе золотой. Сплавлялись металлы слѣдующимъ образомъ: въ желѣзную большую жаровню, спеціально для этого устроенную, накладывались угли, туда же клался и нужный для сплава матеріалъ; потомъ нѣсколько человѣкъ арестантовъ, вооруженныхъ длинными деревянными дудками, дуютъ изо рта въ жаровню, пока не расплавится металлъ. По всему этому можно судить, насколько мѣстная администрація и непосредственное тюремное начальство—смотритель, имѣли за тюрьмою надзоръ.

Послѣдній совсѣмъ не ходилъ въ тюрьму, по крайней мѣрѣ я не помню, чтобы когда-нибудь видѣлъ его. Письмоводителя хорошо помню, такой низенькаго роста, курчавый, большеглазый, нѣкто Хомяковъ; его часто можно было видѣть въ камерахъ, онъ покупалъ у арестантовъ разныя вещи, занималъ деньги у нихъ и приносилъ нѣкоторымъ письменную работу. Бывало ли въ тюрьмѣ остальное начальство, тоже не помню, впрочемъ стряпчій изрѣдка заходилъ. Тюрьма эта носила лишь названіе тюрьмы потому, что обитатели ея, именно, только подсудимые арестанты, не пользовались свободой; въ остальномъ же во всемъ, за исключеніемъ отсутствія условій семейной жизни,—ничего не было похожаго на тюрьму. Ношеніе казенной одежды было не обязательно, а

кто въ чемъ хотѣлъ, въ томъ и ходилъ, какъ равно и въ остальномъ во всемъ жизнь арестанта зависѣла отъ средствъ, которыя пріобрѣтались по способностямъ каждаго. Водка была немного дороже противъ вольныхъ цѣнъ; пьяныхъ можно было видѣть чуть не каждый день. Съ крестьянъ, вновь поступающихъ въ тюрьму, брали «за парашу», смотря по состоянію, отъ одного и до ста рублей. Иной бѣдняга заказывалъ женѣ продать лошадей и коровъ и непремѣнно привезти требуемую сумму, чтобъ только избавиться отъ побоевъ и разныхъ притѣсненій, какія обыкновенно дѣлались при неуплатѣ. Случалось, что въ подобныхъ случаяхъ отнимали полъ-жизни у человѣка: накинутъ на голову арестантскій халатъ и начнутъ подчивать по бокамъ, такъ что бѣдняга и не знаетъ, кто его билъ. Жаловаться некому, да и нельзя, потому горькимъ опытомъ дознано, что послѣ жалобъ еще пуще прежняго доставалось. Оставалось одно: платить деньги.

Въ тюремной мастерской нѣсколько человѣкъ работали трубки въ мѣдныхъ оправахъ съ различными украшеніями; сапожники шили разную обувь. Тѣ и другіе работали на нѣкоего Михаила Осиповича, который былъ чѣмъ-то въ родѣ хозяина. Онъ каждую недѣлю съ своимъ товаромъ ходилъ на базаръ, при чемъ забиралъ и у «дикаго барина» золотой и серебряный товаръ и все это каждый разъ удачно сбывалъ.

Палачъ въ Ачинской тюрьмѣ (изъ арестантовъ) жилъ, какъ помѣщикъ, занималъ отдѣльное помѣщеніе, и всѣ будущія его жертвы (лишенные всѣхъ правъ состоянія и бродяги) оказывали ему подобающее уваженіе. Каждый день отъ артели выдавалось ему мясо и прочіе припасы, сколько его душѣ было угодно; кромѣ того, платилось отъ майдана окладное жалованье, да каждый присужденный къ наказанію считалъ непремѣнною своею обязанностію приподнести ему свою лепту по мѣрѣ возможности.

Майданщикъ Андрей Кукоевскій (онъ же Булатовъ) гремѣлъ не только въ тюрьмѣ, но слава о немъ носилась и въ городѣ, потому что едва ли городскими жителями покупалось столько картъ, сколько покупалъ ихъ почти ежедневно для тюрьмы майданщикъ. Деньги были почти у каждаго арестанта, а болѣе зажиточные ворочали сотнями. Богаче же всѣхъ въ тюрьмѣ былъ Осиповичъ; онъ всегда ходилъ въ накрахмаленной сорочкѣ, галстукѣ и при часахъ. Да, удивительныя были когда-то тюрьмы, въ особенности въ Сибири. Про нѣкоторыя изъ нихъ арестанты того времени такія разсказываютъ чудеса, что въ настоящее время никакъ и не вѣрится, а между тѣмъ это правда.

Наконецъ въ январѣ 1877 года меня освободили....

Разсказывать ли дальше? Нѣтъ, не стоитъ. Въ остальной моей жизни также нѣтъ ничего отраднаго.

Теперь я не прочь бы спросить кого-нибудь: кто виноватъ въ томъ,

что я сдѣлался ссыльнымъ, преступникомъ и вообще, въ глазахъ людей сталъ порочнымъ человѣкомъ?

Пожалуй, мнѣ отвѣтятъ: «никто больше, какъ виноватъ самъ». Пусть будетъ и такъ, прошлаго уже не воротишь; но такъ, или иначе, а жизнь моя окончательно исковеркана, разбита, самые лучшіе, молодые годы безвозвратно погибли въ грязномъ омутѣ этой жизни.

Мнѣ кажется, что если бы меня, послѣ смерти родителей, отдали къ сапожнику, то я вышелъ бы сапожникомъ, къ столяру—былъ бы столяромъ; но, какъ видно, я никому не былъ нуженъ, никто не хотѣлъ подать мнѣ руку помощи, вывести меня на торную дорогу съ той тропинки, на которой, 30 лѣтъ тому назадъ, я заблудился....

Да, я изъ роднаго гнѣзда выброшенъ былъ на улицу какъ негодная вещь! Всѣми былъ забытъ, всѣ отъ меня отвернулись, какъ будто для меня и не существовало добрыхъ людей. Никому не было до меня никакого дѣла. Однимъ словомъ, положеніе мое было самое безъисходное и настолько горькое, что я не съумѣю и теперь описать всей той горькой дѣйствительности, которую въ то время я испытывалъ.

А сколько кромѣ меня такихъ же несчастныхъ, обездоленныхъ и заброшенныхъ, гибнетъ на всемъ обширномъ пространствѣ святой Руси?

И вотъ, не находя себѣ ни въ чемъ опоры, я избралъ исходной точкой тюрьму,—это гостепріимное убѣжище всѣхъ, подобныхъ мнѣ жалкихъ существъ, а тюрьма познакомила съ Сибирью....

Но «нѣтъ худа безъ добра» говоритъ пословица, которую въ данномъ случаѣ я вполнѣ могу примѣнить къ себѣ. Всѣ страданія, лишенія и всѣ житейскія невзгоды, какія только мнѣ пришлось вынести въ свою жизнь, благодаря Бога, укрѣпили во мнѣ вѣру въ его святый Промыслъ; я научился въ трудныя минуты прибѣгать къ усиленной горячей молитвѣ и привыкъ въ этомъ находить самое вѣрное облегченіе въ своихъ бѣдахъ. Эти религіозно-нравственныя правила, благодаря многочисленнымъ случаямъ горькой и безъисходной жизни, въ которые я примѣнялъ ихъ,—остались во мнѣ и въ настоящее время.

С. А. Коваленко.

Изъ дневника П. Г. Дивова [1]).

1834 г.

Радуюсь тому, что, переходя отъ прошлаго года къ настоящему, мнѣ не приходится описывать всѣхъ ужасовъ общеевропейской войны, которая насъ миновала; но приходится горевать объ участи Португаліи и Испаніи. Въ Португаліи, раздираемой распрями двухъ братьевъ дона-Педро и дона-Мигуэля, не можетъ упрочиться власть королевы, признанной Англіей и Франціей, несмотря на то, что Англія оказываетъ поддержку бывшему бразильскому императору подъ видомъ покровительства его дочери, доннѣ-Маріи. Лиссабонъ и Опорто во власти донъ-Педро; несмотря на это, донъ-Мигуэль все еще не отказывается отъ своихъ притязаній. Поддерживаемый народомъ и духовенствомъ, онъ продолжаетъ войну и надѣется, повидимому, вступить въ столицу, которую ему пришлось оставить послѣ пораженія флота англійскимъ капитаномъ Непиромъ, состоявшимъ на службѣ у донъ-Педро.

Въ Испаніи послѣ смерти короля возгорѣлась междоусобная война, поддерживаемая сторонниками донъ-Карлоса, брата покойнаго короля, который, отмѣнивъ предъ смертью саллическій законъ, возстановилъ древній кастильскій порядокъ престолонаслѣдія, въ силу котораго женщины имѣютъ право вступать на престолъ. Вдовствующая королева объявлена регентшей, и большая часть испанскаго народа приняла сторону юной королевы, которой удалось въ концѣ прошлаго года подавить возстаніе въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ провинціяхъ королевства. Франція приняла сторону королевы и ея дочери, но не послала имъ на помощь войска. Донъ-Карлосъ не принималъ личнаго участія въ возбужденной

[1]) См. „Русскую Старину“, апрѣль 1900 г.

имъ междоусобной войнѣ. Увидимъ, что произойдетъ въ этихъ странахъ въ текущемъ году.

Франція при Луи-Филиппѣ не можетъ пользоваться внутреннимъ спокойствіемъ. Партія герцога Бордосскаго поддерживаетъ надежду молодаго принца, проживающаго съ королевской семьей въ изгнаніи въ Богеміи. Его мать, герцогиня Беррійская, разрѣшилась отъ бремени во Франціи ребенкомъ, отцомъ котораго былъ кн. Лукеззи-Палли, съ коимъ она тайно обвѣнчалась въ Неаполѣ и поселилась въ Австріи вдали отъ королевской семьи. Французская колонія Алжиръ была для правительства вѣчно живою раною, и оно готово отказаться отъ нея.

Бельгія, огорченная точно такъ же, какъ и Франція, бракомъ короля Леопольда съ одною изъ дочерей короля Людовика-Филиппа, не покончила еще своей распри съ Голландіей; между этими двумя державами затѣялась вражда. Если бы Англія и Франція не оказали помощи бельгійцамъ, то Голландія, разумѣется, одержала бы надъ ними побѣду и подчинила бы себѣ этихъ бунтовщиковъ.

Австрія раздѣляетъ, повидимому, наши взгляды относительно Голландіи и вообще относительно общеевропейскихъ дѣлъ. Между русскимъ и австрійскимъ императорами состоялось свиданіе въ Мюнхенгрецѣ. Король прусскій уклонился отъ этого свиданія и не раздѣляетъ виды обоихъ императорскихъ правительствъ.

Турція, спасенная отъ когтей египетскаго паши вооруженнымъ вмѣшательствомъ Россіи, сблизилась съ нами, что возбудило зависть Англіи и Франціи; это можетъ послужить со временемъ поводомъ къ войнѣ.

Англія занята своими внутренними дѣлами, такъ какъ якобинизмъ, извѣстный нынѣ подъ именемъ радикализма, дѣлаетъ быстрые успѣхи въ этой странѣ; она послала флотъ въ Средиземное море для наблюденія за нашими сношеніями съ Портой и не высказала открыто своего взгляда на португальскія дѣла, признавая дочь донъ-Педро, королеву Марію, законной наслѣдницей престола этой страны; она помогала ей лишь косвеннымъ образомъ, дозволивъ англійскимъ офицерамъ служить въ войскѣ донъ-Педра, разрѣшивъ ему пріобрѣтать въ Англіи военные снаряды и покровительствуя ихъ доставкѣ въ Португалію. Но всѣмъ этимъ пользуется и донъ-Мигуэль съ того лишь разницею, что англичане стараются захватить его транспорты съ боевыми снарядами.

Въ Италіи дѣла шли также не особенно хорошо. Королю Сардинскому удалось разстроить направленные противъ него планы заговорщиковъ, но зло еще не искоренено окончательно. Папа терпѣлъ притѣсненія со стороны Франціи, и Анкона была занята войсками этой державы. Въ Неаполѣ подготовлялся мятежъ.

Германія была обязана спокойствіемъ только стойкой и послѣдовательной политикѣ Австріи, но въ ней таился революціонный духъ, кото-

рый при малѣйшемъ поводѣ можетъ охватить Европу съ сѣвера до юга.

Данія и Швеція заняты своими внутренними дѣлами. Швеція идетъ быстрыми шагами по пути внутренняго развитія. Обѣ эти державы весьма слабо вліяютъ на дѣла Европы.

Сдѣлавъ бѣглый очеркъ положенія дѣлъ въ Европѣ, прослѣдимъ болѣе подробно внутреннее состояніе нашего отечества.

При дворѣ образовалось двѣ партіи, изъ коихъ одна покровительствуетъ нѣмцамъ, а другая—русскимъ. Наибольшимъ вліяніемъ у императора пользуются: князь Петръ Волконскій,—министръ двора, гр. Бенкендорфъ—стоящій во главѣ тайной полиціи, кн. Кочубей—предсѣдатель Государственнаго Совѣта, графъ Чернышевъ—военный министръ, кн. Меншиковъ—морской министръ.

За ними идутъ вице-канцлеръ гр. Нессельроде, министръ юстиціи Дашковъ и министръ внутреннихъ дѣлъ Блудовъ. Нѣтъ той вещи, которую эти три министра не могли бы исходатайствовать у императора для тѣхъ лицъ, коимъ они покровительствуютъ, но имъ приходится прилагать большое стараніе для того, чтобы государь принималъ ихъ мнѣніе въ дѣлахъ.

За этими лицами идутъ: генералъ Адлербергъ—директоръ походной канцеляріи, и Танѣевъ—начальникъ одного изъ отдѣленій канцеляріи его величества.

Блудовъ и Дашковъ дѣйствуютъ въ одномъ духѣ подъ эгидою Кочубея. Изъ этого источника то и дѣло исходятъ разныя нововведенія подъ названіемъ улучшеній, которыя производятъ однако весьма смутное впечатлѣніе.

Министерство финансовъ управляется Канкринымъ до сихъ поръ весьма благоразумно и осторожно, но онъ ввелъ въ обѣихъ столицахъ страсть къ ажіотажу. Серебряный рубль стоилъ 360 к. мѣдью и поднялся до 375 к., а полуимперіалъ или 5 р. сер. стоилъ $19^1/_2$ р. ассигнаціями. Военное министерство принимаетъ въ Петербургѣ уплаты золотомъ. Полуимперіалъ принимался за $18^3/_4$ р. ассигнаціями. Эта мѣра была вѣроятно вынуждена изобиліемъ золота, поступившимъ при уплатѣ податей.

Кромѣ вышеупомянутыхъ, наиболѣе вліятельныхъ лицъ были другія, пользовавшіяся вліяніемъ у великаго князя. Напримѣръ егермейстеръ Опочининъ и сенаторъ Полетика. Но великая княгиня не любитъ Полетику.

Императрица отличала въ особенности оберъ-камергера старика гр. Головкина и графиню Віельгорскую; ея дѣлами по благотворительнымъ учрежденіямъ завѣдуетъ Вилламовъ.

1833 годъ ознаменовался голодомъ, свирѣпствовавшимъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Подольская губернія дала Херсонской около 30 т. четвертей ржи; правительство приняло въ этомъ случаѣ весьма благоразумныя мѣры. Тѣмъ не менѣе весна текущаго года будетъ бѣдственной для населенія тѣхъ губерній, гдѣ не хватаетъ хлѣба.

Военнымъ министерствомъ съ успѣхомъ управляетъ гр. Чернышевъ. Издержки этого министерства уменьшены сосредоченіемъ полковъ и т. п.

Дѣла морскаго министерства шли въ истекшемъ году хорошо, но недостатокъ денежныхъ средствъ препятствовалъ столь желаемому усиленію флота. Особенно внушителенъ Черноморскій флотъ, коимъ командуетъ опытный морякъ—адмиралъ Лазаревъ.

Однимъ изъ выдающихся событій конца прошлаго года былъ пріѣздъ чрезвычайнаго турецкаго посланника, съ которымъ очень много носились, а также пріѣздъ принца Оранскаго и французскаго посланника маршала Мэзона.

Учрежденная въ Петербургѣ городская почта быстро развивается и приноситъ большой доходъ. Прянишниковъ, учредившій ее,—человѣкъ весьма способный.

Назначеніе первоприсутствующихъ въ Сенатѣ не принесло особенной пользы дѣлопроизводству. Меня болѣе всего огорчаетъ то, что многіе изъ моихъ сотоварищей дѣйствуютъ чаще всего подъ вліяніемъ министра юстиціи, нисколько не справляясь съ своимъ собственнымъ мнѣніемъ; это показываетъ, что они стараются подлаживаться къ тому, кто можетъ выхлопотать имъ какія-либо милости. Правду сказать, эгоизмъ играетъ вездѣ первенствующую роль. Поэтому нечего удивляться, если сенаторы идутъ тѣмъ же путемъ.

Января 3-го. Сенаторъ Лавинскій былъ на засѣданіи первоприсутствующимъ. Послѣ моихъ объясненій съ министромъ Дашковымъ я встрѣтилъ его очень любезно. Онъ сказалъ мнѣ, что безъ моего согласія онъ ни за что не принялъ бы этого назначенія, которое ставитъ его выше меня. Словомъ, онъ былъ весьма любезенъ; повидимому, онъ поведетъ дѣла какъ слѣдуетъ. По моему мнѣнію, онъ очень ловокъ и если не вполнѣ искренень, то по крайней мѣрѣ умѣетъ держать себя такъ, чтобы быть пріятнымъ.

Въ тотъ же день членъ Государственнаго Совѣта, кн. Любецкій, сообщилъ мнѣ, что бюджетъ утвержденъ единогласно, безъ увеличенія налоговъ, какъ того требовалъ министръ финансовъ еще въ 1832 г., и что онъ разбилъ гр. Канкрина по всѣмъ пунктамъ, доказавъ ему, что средства не истощены, и что онъ очутился въ затруднительномъ положеніи только потому, что онъ не пользуется этими средствами. Государствен-

ные крестьяне не внесли налоговъ за тѣ 25 лѣтъ, кои тянется ревизія, и вмѣсто того, чтобы облагать пошлинами частныхъ лицъ, слѣдуетъ прибѣгнуть къ этому источнику и т. д.

Гр. Строгановъ, зять кн. Кочубея, назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ, это назначеніе показываетъ, что вліяніе министра Блудова падаетъ; любопытно, что Блудовъ и Дашковъ, будучи товарищами министра, старались увеличить сферу вліянія товарищей министровъ; теперь это оружіе обращено противъ нихъ.

Говорятъ усиленно о подраздѣленіи Сената и о перенесеніи его департаментовъ въ другіе города. Два изъ нихъ предполагается имѣть въ Кіевѣ и въ Казани. Эта нелѣпость, предложенная при восшествіи на престолъ императора Николая, свидѣтельствуетъ о томъ, что находятся люди, которые хотятъ провести этотъ проектъ, несмотря на всю его несообразность потому, что онъ отвѣчаетъ разрушительнымъ цѣлямъ тѣхъ, кто хочетъ поколебать верховную власть монарха. Поговариваютъ о перемѣнахъ въ министерствѣ. Говорятъ, будто Блудовъ и Дашковъ покидаютъ свои мѣста и хотятъ служить при посольствахъ.

Января 16-го. Кн. Любецкій любезно пригласилъ меня на обѣдъ. За обѣдомъ много говорили о дѣлахъ Испаніи, поляки видимо желали, чтобы ея дѣла запутались, надѣясь, что эти осложненія вызовутъ обстоятельства благопріятныя для ихъ революціонныхъ стремленій. Кн. Любецкій восхвалялъ Блудова и Дашкова. Къ сожалѣнію, эти похвалы могли быть вызваны только либеральнымъ направленіемъ, коимъ отличается правительственная дѣятельность этихъ министровъ.

Императоръ уѣхалъ съ принцемъ Оранскимъ въ Кронштадтъ.

Января 21-го. Въ Эрмитажѣ былъ спектакль, на коемъ я не присутствовалъ.

Всѣ эти дни только и было разговора о появившихся вновь сочиненіяхъ, направленныхъ къ ниспроверженію религіи и порядка. На театрѣ очень часто играютъ La muette de Portici, подъ названіемъ Фенелла. Публика беретъ билеты съ боя; одни стремятся видѣть эту оперу изъ простаго любопытства, другіе изъ любви къ музыкѣ и прекраснымъ декораціямъ, исполненнымъ гдѣ?—къ сожалѣнію, въ Берлинѣ!

Въ тотъ же день меня посѣтилъ кн. Любецкій; онъ описалъ мнѣ подробно засѣданіе Государственнаго Совѣта, въ которомъ обсуждался вопросъ о бюджетѣ, и министру финансовъ не удалось добиться утвержденія новыхъ налоговъ. Онъ описалъ также засѣданія, въ которыхъ обсуждались средства къ улучшенію финансовъ и опровергались возраженія, сдѣланныя кн. Любецкимъ, и когда въ департаментѣ экономіи доказывали, что финансы Англіи и Франціи находятся въ плохомъ состояніи, а русскіе финансы въ несравненно лучшемъ положеніи. Когда

гр. Канкринъ увидѣлъ, что его противникъ разрушаетъ до тла зданіе, возведенное имъ во время его 11-ти лѣтняго управленія министерствомъ, то онъ явился на слѣдующее засѣданіе и заставилъ согласиться со своимъ мнѣніемъ семерыхъ сенаторовъ изъ числа присутствующихъ 21-го. Подъ конецъ всѣ присоединились единодушно къ его мнѣнію.

Князь Любецкій описывалъ также засѣданіе Государственнаго Совѣта, въ которомъ обсуждался вопросъ объ изданіи Свода законовъ. Графъ Канкринъ утверждалъ, что можно отпечатать Сводъ гражданскихъ и уголовныхъ постановленій, но что не слѣдуетъ обнародовать законовъ, касающихся управленія финансами; министры внутреннихъ дѣлъ и юстиціи также были противъ обнародованія законовъ. Государь, который присутствовалъ на этомъ засѣданіи, но не предсѣдательствовалъ въ немъ, выражалъ нетерпѣніе. Обсуждался также вопросъ о срокѣ, къ которому долженъ быть отпечатанъ Сводъ законовъ въ 8 томахъ и когда онъ долженъ войти въ законную силу. Блудовъ и Дашковъ полагаютъ, что это нельзя сдѣлать ранѣе 10 лѣтъ. Любецкій сказалъ, что достаточно одного года. Императоръ присоединился къ мнѣнію тѣхъ лицъ, которыя были за болѣе короткій срокъ; наконецъ, было рѣшено, что достаточно 2-хъ лѣтъ, т. е. что 1833 и 1834 гг. будетъ достаточно для того, чтобы ознакомить судей съ новымъ кодексомъ. Въ этомъ засѣданіи императоръ сказалъ, что онъ не понимаетъ разсужденій министра финансовъ; онъ желаетъ, чтобы законъ былъ всѣмъ извѣстенъ, и, слѣдовательно, отъ подданныхъ не должно скрывать ничего, касающагося управленія различными отраслями администраціи.

Февраля 23-го. Я былъ у графа Бенкендорфа, чтобы уговориться съ нимъ по поводу предварительныхъ распоряженій касательно маіората Радзивилловъ и воспользовался случаемъ, чтобы выразить мое искреннее сожалѣніе по поводу потери нашего сотоварища Посникова. Я сообщилъ ему отзывъ объ немъ министра юстиціи, который называлъ Посникова подъячимъ. Говоря о Сенатѣ, Бенкендорфъ сдѣлалъ весьма дѣльное замѣчаніе, а именно, что хотя дѣла и рѣшаются въ немъ очень быстро, но что эта быстрота не всегда совмѣщается съ правильнымъ рѣшеніемъ дѣла.

Марта 5-го. Обнародованъ указъ о перемѣнѣ формы въ министерствахъ. Сенату вмѣсто краснаго цвѣта присвоенъ зеленый по-прежнему съ бархатнымъ обшлагомъ; оставленъ прежній мундиръ, но къ нему добавлены ботфорты со шпорами въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Видъ получается довольно смѣшной.

Марта 15-го. Мы получили этотъ указъ 15-го числа; въ тотъ же день появился указъ объ увольненіи въ отставку всѣхъ служащихъ въ департаментѣ герольдіи. Оба указа взволновали всѣхъ. Нѣкоторые ви-

дятъ въ указѣ о перемѣнѣ формы шагъ къ уничтоженію чиновъ. Одинъ Богъ знаетъ, какой злой геній диктуетъ подобные указы.

Сперанскому поручено объяснить наслѣднику, передъ принесеніемъ присяги, его обязанности, какъ перваго подданнаго царя и служащаго въ рядахъ войска; присяга будетъ принесена во дворцѣ: 1) въ церкви и 2) въ Георгіевскомъ залѣ.

Марта 20-го. Разнесся слухъ, что къ освященію памятника императору Александру въ Петербургъ съѣдутся: короли прусскій и шведскій, принцъ Оранскій и фельдмаршалъ Веллингтонъ (которому предназначается вѣроятно шпага въ 100 тысячъ руб., заказанная Кабинетомъ). Говорятъ, что къ этому дню въ столицу соберется до 100 тысячъ войска.

Въ городѣ идетъ подписка для празднованія освобожденія Россіи отъ нашествія враговъ. 22-го числа я еще не получалъ подписнаго листа.

Марта 25-го. Совершилось освѣщеніе сенатской церкви. На освященіе были приглашены сенаторы, члены Государственнаго Совѣта и первые чины двора. Сенаторы были въ шитыхъ парадныхъ мундирахъ, члены Совѣта въ вицъ-мундирахъ, только одинъ графъ Литта былъ въ полной парадной формѣ.

Я нахожу, что внутренняя отдѣлка сенатскаго зданія плоха; только одна церковь отдѣлана со вкусомъ. Залъ общихъ собраній отдѣланъ бѣдно; все остальное въ томъ же духѣ. По окончаніи освященія въ 3-мъ департаментѣ былъ сервированъ завтракъ. Пили за здравіе императора, за процвѣтаніе Сената и за здоровье митрополита.

Марта 28-го. Я былъ приглашенъ на обѣдъ къ французскому посланнику, гдѣ были губернаторъ, оберъ-полиціймейстеръ, нѣсколько военныхъ и министръ юстиціи Дашковъ. Я воспользовался встрѣчею съ Дашковымъ, чтобы объясниться съ нимъ, и сказалъ ему, что онъ меня не понялъ, что я вовсе не хотѣлъ быть первоприсутствующимъ въ какомъ-либо департаментѣ и что я буду доволенъ, если окажется возможнымъ перевести меня въ 1-й департаментъ. Затѣмъ онъ говорилъ со мною о моемъ коллегѣ Лубяновскомъ, который очень сожалѣетъ, по его словамъ, что онъ уѣхалъ изъ Подольской губерніи, гдѣ его любили за то, что онъ помогалъ изъ своихъ личныхъ средствъ лицамъ, замѣшаннымъ въ возстаніи 1831 года.

Апрѣля 22-го. Государственный Совѣтъ, Сенатъ и вообще лица первыхъ 4-хъ классовъ были приглашены во дворецъ, чтобы присутствовать при принесеніи присяги наслѣдникомъ цесаревичемъ. Гражданская присяга была произнесена въ церкви, военная—въ Георгіевской залѣ.

Всѣ залы были переполнены войскомъ. Впереди царской фамиліи шли два гофмаршала и оберъ-гофмаршалъ. Наслѣдникъ сталъ на возвышеніи возлѣ императора и императрицы. Его величество самъ под-

велъ своего сына къ присягѣ. Великій князь прочелъ формулу присяги прекрасно. По окончаніи церемоніи онъ бесѣдовалъ съ дипломатическимъ корпусомъ, который былъ отъ него въ восторгѣ.

Апрѣля 25-го. Засѣданія Сената были открыты въ новомъ помѣщеніи самимъ императоромъ. Сенаторы и члены Государственнаго Совѣта изъ сенаторовъ встрѣтили императора у лѣстницы. Прежде всего былъ отслуженъ краткій молебенъ, затѣмъ всѣ отправились въ зало общихъ собраній. Императоръ занялъ свое кресло, наслѣдникъ сѣлъ по правую руку отъ него, великій князь Михаилъ—по лѣвую. Его величество произнесъ краткую рѣчь, въ которой сказалъ, что онъ поручаетъ сына своему брату, и объяснилъ, что указъ, касающійся русскихъ за границею, вызванъ необходимостью ограничить расходы великихъ княгинь.

Говоря о сынѣ, онъ поцѣловалъ брата. Послѣ этого вступленія былъ прочитанъ манифестъ о достиженіи наслѣдникомъ совершеннолѣтія, о принесенной имъ присягѣ и указъ, коимъ русскимъ подданнымъ воспрещается растрачивать свое имущество за границею. По прочтеніи этихъ актовъ засѣданіе было закрыто, и его величество осматривалъ затѣмъ зданіе Сената съ верха до низа.

Наканунѣ открытія новаго сенатскаго зданія лица первыхъ трехъ классовъ приносили во дворцѣ поздравленіе наслѣднику цесаревичу; насъ было около 70 человѣкъ. Наслѣдникъ поцѣловалъ каждаго три раза, такъ какъ это была пасхальная недѣля, и сказалъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ всѣмъ, кого онъ зналъ лично.

Апрѣля 30-го. Три первые департамента Сената созваны въ чрезвычайное собраніе для вскрытія духовнаго завѣщенія покойнаго графа Аракчеева. Изъ этого акта выяснилось, что императоръ Александръ превратилъ имѣніе Грузино въ маіоратъ, а покойный обязался сдѣлать приписку къ духовному завѣщанію съ указаніемъ, кого онъ назначаетъ наслѣдникомъ своего имущества; между тѣмъ этотъ актъ подписанъ императоромъ въ 1816 г., а до его (Аракчеева) смерти никто не былъ назначенъ наслѣдникомъ, такъ что по смыслу самаго завѣщанія право назначить наслѣдника принадлежитъ императору. Въ этомъ смыслѣ Сенатомъ и сдѣлано представленіе его императорскому величеству.

Іюня 5-го. Получено извѣстіе о кончинѣ канцлера князя Кочубея, скончавшагося въ Москвѣ; тѣло его повелѣно перевезти въ Петербургъ вѣроятно для того, чтобы похоронить съ большею помпою. По мысли этого предсѣдателя Государственнаго Совѣта, коимъ руководилъ Сперанскій, учреждены въ царствованіе императора Александра I министерства. Онъ былъ свѣдущъ въ дѣлахъ, но не былъ одаренъ отъ природы. При вступленіи на престолъ императора Николая возникла мысль о возстановленіи коллегіальныхъ учрежденій, основанныхъ Петромъ Ве-

ликимъ; но приближенные императора и главнымъ образомъ Кочубей были за сохраненіе министерствъ и настояли на своемъ.

Іюня 21-го. Я былъ на похоронахъ Кочубея, на которыхъ присутствовалъ государь и ихъ императорскія высочества.

Іюня 25-го. Мордвинову пожаловано графское достоинство; по всей вѣроятности, его хотѣли вознаградить этимъ за потерю мѣста предсѣдателя Государственнаго Совѣта, на которое предназначаютъ великаго князя Михаила.

Іюля 20-го. Заключены контракты на винные откупы, доходъ съ которыхъ повысился съ 19 на 20 милліоновъ. Въ награду за это императоръ пожаловалъ министру финансовъ графу Канкрину 200 тысячъ, сенатору Обрескову алмазные знаки Александра Невскаго, Журавлеву 25 тысячъ и разныя другія награды прочимъ лицамъ.

Августа 3-го. Я былъ съ визитомъ у князя Ливена, который принялъ меня весьма любезно и сказалъ мнѣ, что онъ польщенъ своимъ новымъ назначеніемъ, хотя постъ посланника вполнѣ соотвѣтствовалъ его желаніямъ.

Августа 17-го. Совершилось открытіе тріумфальныхъ воротъ. Около 3.000 человѣкъ войска, участвовавшихъ въ походѣ 1812 году, прошли подъ этимъ памятникомъ. Духовенство опоздало на церемонію, и она обошлась безъ обычнаго освященія, которое совершено позже.

Говорятъ, будто въ Москвѣ настроеніе общества весьма неблагонадежно; этимъ объясняются пожары, разоряющіе столицу; мирные граждане встревожены массою анонимныхъ брошюръ и подметныхъ писемъ.

Августа 30-го. День открытія колонны, воздвигнутой въ память императора Александра I; съ дворцоваго балкона зрѣлище было восхитительное. Мы шли вслѣдъ за императрицей, которой предшествовало духовенство, отслужившее молебенъ и панихиду по Александрѣ I. Когда процессія двинулась, то началась пушечная пальба.

Обойдя вокругъ колонны, мы вернулись тѣмъ же путемъ. Церемонія началась въ $11^1/_2$ часовъ и окончилась для насъ около 1 часа. Послѣ этого мимо колонны начали проходить войска всѣхъ родовъ оружія; въ 3 часа все было окончено. Вечеромъ была зажжена блистательная иллюминація. Всѣ члены коммиссіи по сооруженію колонны получили награды по чинамъ.

Сентября 1-го. Большая часть войскъ выступила изъ столицы въ Царское Село на маневры. Они кончатся 5-го числа, послѣ чего ихъ величества уѣдутъ: государь въ Казань, прочія особы во внутреннія губерніи, а императрица въ Берлинъ.

Сентября 15-го. Императоръ измѣнилъ свой маршрутъ, чтобы покончить какъ можно скорѣе, пока стоитъ хорошая погода, маневры въ Орлѣ, гдѣ собрано по этому случаю нѣсколько корпусовъ. Въ го-

родѣ только и говорятъ о пожарахъ въ Твери, Валдаѣ, Пензѣ и т. д. Увѣряютъ, будто императоръ вернется въ Петербургъ къ 5-му октября, что онъ не поѣдетъ въ Симбирскъ и Калугу, а отправится въ Берлинъ къ императрицѣ.

Сентября 25-го. Императоръ возвратился изъ путешествія, и вся царская фамилія возвратилась въ городъ, но говорятъ, что его величество уѣдетъ къ 1-му числу въ Берлинъ.

Сентября 26-го. Во дворцѣ совершился обрядъ крещенія великой княжны Анны Михаиловны, на который были приглашены особы первыхъ 3-хъ классовъ, для коихъ былъ большой обѣдъ. Въ тотъ же вечеръ императоръ уѣхалъ съ наслѣдникомъ цесаревичемъ въ Берлинъ, въ сопровожденіи графа Бенкендорфа. Князь Ливенъ остался въ Петербургѣ.

Ноября 9-го. Говорятъ, будто министръ финансовъ позволилъ себѣ сказать, что займы, заключенные имъ для Россіи, могли быть реализированы только благодаря его личному вліянію въ Европѣ. Графъ Васильчиковъ возразилъ на это нелѣпое заявленіе, замѣтивъ Канкрину, что, по его мнѣнію, Европа довѣряетъ также немного и средствамъ Россіи.

Декабря 6-го. Тезоименитство императора. Я былъ по утру во дворцѣ на baise-mains, а вечеромъ на балу. Марченко, князь Волконскій, Репнинъ, Нарышкинъ гофмаршалъ и Киселевъ (генералъ) назначены членами Государственнаго Совѣта. Принцъ Ольденбургскій произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Нѣсколько особъ пожаловано въ фрейлины.

1835 г.

Окинемъ бѣглымъ взглядомъ внѣшнія и внутреннія событія истекшаго года. Въ дѣлахъ внутренняго управленія замѣчались колебанія. Министры превышали свою власть и присвоили себѣ право смѣщать своихъ подчиненныхъ и другія преимущества. Государь интересовался исключительно военнымъ дѣломъ. До сихъ поръ еще не издано Свода законовъ и юристамъ приходится руководствоваться прежними далеко неясными законами, затемненными чуть не 40 т. указами и мнѣніями, имѣющими силу закона. Всѣ министры, бывшіе у власти въ 1834 г., сохранили свои мѣста. Въ Сенатѣ все шло по-прежнему, всѣ выбивались изъ силъ, чтобы число хорошо или дурно рѣшеныхъ дѣлъ было какъ можно больше.

Государь учредилъ свою личную канцелярію, коей завѣдуютъ два статсъ-секретаря, одинъ оффиціальный (Танѣевъ), а другой тайный (Бен-

кендорфъ). Всѣ министерства были обязаны въ исходѣ каждаго мѣсяца представлять отчетъ объ исполненіи данныхъ имъ приказаній или о причинахъ, помѣшавшихъ ихъ выполненію. Это не нравилось министрамъ, и они старались представлять отчеты по прошествіи трехъ мѣсяцевъ, но Танѣевъ обратилъ на это вниманіе государя, который повелѣлъ соблюдать установленный порядокъ.

Нѣкоторые думали, что по возвращеніи императрицы изъ Берлина образъ жизни при дворѣ измѣнится и что вечеровъ болѣе не будетъ, такъ какъ время года было уже позднее, но все продолжалось по-прежнему. Роскошь страшно развивается. Въ Москвѣ, Тулѣ, Пензѣ были пожары, которые приписываютъ поджогамъ. Императоръ посѣтилъ лѣтомъ нѣкоторыя губерніи и ѣздилъ въ Берлинъ, откуда онъ вернулся осенью вмѣстѣ съ супругою и старшей дочерью.

Дѣла внѣшней политики представляли весьма странное зрѣлище. Португаліей вновь завладѣлъ бывшій бразильскій императоръ донъ-Педро, въ пользу своей дочери донны Маріи ди-Глоріа, изгнавъ своего брата, донъ-Мигуля, который удалился въ Геную. Эта юная принцесса вступила въ бракъ съ принцемъ Саксенъ-Кобургскимъ, изъ семейства Бонапартовъ, несмотря на то, что Франція употребляла всѣ усилія къ тому, чтобы разстроить этотъ бракъ. Испанію раздирала гражданская война. Донъ-Карлосъ, удалившійся сначала въ Англію, сталъ во главѣ мятежниковъ противъ королевы Христины и ея дочери. Генералъ Мина, такъ дѣятельно и успѣшно сражавшійся противъ Наполеона, былъ снова призванъ стать во главѣ войска. Но разстройство финансовъ и нерѣшительность правительства не дали ему возможности разстроить замыслы донъ-Карлоса.

Франція, все еще тревожимая внутренними смутами, сохранила однако представительный образъ правленія, возникшій въ 1830 г., но броженіе умовъ въ этой странѣ велико; увидимъ, что̀ ожидаетъ ее въ будущемъ.

Англія, принявъ сторону существующаго во Франціи правительства, вступила съ этой державою въ союзъ; но къ концу года министерство Грея пало, Веллингтону было поручено сформировать новое министерство, во главѣ котораго сталъ Пиль. Хорошо было бы, если бы ему удалось обуздать радикаловъ, которые суть настоящіе якобинцы. Италію волновали разные бродяги: французы, поляки, италіанцы и другіе, которые съѣхались въ Швейцаріи и волновали страну. Этихъ негодяевъ удалось обуздать и изгнать изъ Швейцаріи. Турція, волнуемая египетскимъ пашою, который занялъ войсками Сирію, хотѣла объявить ему снова войну, но европейскимъ державамъ удалось предотвратить ее и помирить Порту съ этимъ бунтовщикомъ, всѣ замыслы котораго удавались.

Распря, возникшая между Бельгіей и Голландіей, затихла, но не была покончена. Австрія, Пруссія и Германскія государства были спокойны и заботились только о поддержаніи порядка и мира.

Швеція была взволнована сеймомъ; Данія готовитъ себѣ большія треволненія въ будущемъ, вводя у себя представительный образъ правленія. Что будетъ съ Европою въ 1835 г.? Нельзя предвидѣть ничего удовлетворительнаго для человѣчества, въ особенности въ Испаніи.

Февраля 18-го. На масляницѣ былъ рядъ баловъ и маскарадовъ. Самымъ блестящимъ былъ балъ у оберъ-церемоніймейстера Дашкова. Императоръ посѣщалъ публичные маскарады, онъ провелъ время весело на первомъ изъ нихъ, гдѣ его интриговало нѣсколько дамъ.

Февраля 27-го. Получено извѣстіе о кончинѣ императора австрійскаго; при дворѣ наложенъ трауръ на 4 недѣли. Его кончина есть бѣдствіе, постигшее Европу.

Въ городѣ разсказываютъ, что въ Патріотическомъ институтѣ кухарка, которую хотѣли уволить, подсыпала изъ мести мышьяку въ супъ, коимъ едва не отравилось 100—150 дѣвицъ. Ея преступленіе было обнаружено; оно могло имѣть страшныя послѣдствія, если бы императрица, по своему обыкновенію, попробовала супъ.

Марта 14-го. Въ день похоронъ австрійскаго императора, по распоряженію австрійскаго посланника, въ католической церкви была отслужена торжественная месса; вся церковь была задрапирована чернымъ, посреди нея возвышался роскошный катафалкъ. Полкъ имени покойнаго императора былъ выстроенъ шпалерами отъ Аничкова моста до Полицейскаго. Въ то время когда пѣли реквіемъ, было произведено три выстрѣла изъ орудій. Ожидали, что на эту заупокойную обѣдню пріѣдетъ императоръ, но въ церкви не было ни его, ни прочихъ членовъ царской фамиліи.

Марта 21-го. Сенату объявлено указомъ, что графъ Штакельбергъ, посланникъ въ Неаполѣ, просилъ объ увольненіи его съ этого поста и что на его мѣсто назначенъ графъ Матушевичъ.

Апрѣля 23-го. Послѣ именинъ государыни дворъ тотчасъ отправился въ Москву. Въ Петербургѣ остались только наслѣдникъ и великія княжны, дочери императора, подъ надзоромъ князя (Александра Николаевича) Голицына. Великая княгиня Елена Павловна уѣхала за границу. Императора ожидаютъ къ 23-му мая; онъ ѣдетъ въ Казань.

Мая 5-го. Я крестилъ въ Царскомъ Селѣ мою внучку Ольгу Липгардтъ и воспользовался случаемъ, чтобы навѣстить князя Александра Голицына и поговорить съ нимъ о дѣлахъ глазной лѣчебницы. Я просилъ о наградахъ для нѣкоторыхъ лицъ (о пожалованіи Гауфу званія коммерціи совѣтника, Лерхе—Станислава 2-й ст. и какой-нибудь награды

врачу Фуссу); онъ отвѣтилъ мнѣ, что министры руководствуются принципомъ не давать знаковъ отличія тѣмъ, кто работаетъ въ благотворительныхъ учрежденіяхъ; я замѣтилъ, что этотъ принципъ не выдерживаетъ критики и доказываетъ плохое знаніе человѣческаго сердца. Я настаивалъ на томъ, чтобы банкиру Гауфу было дано званіе коммерціи совѣтника, но онъ сказалъ, что это всецѣло зависитъ отъ министра финансовъ. Затѣмъ нашъ разговоръ перешелъ на другіе предметы. Голицынъ сказалъ мнѣ, что онъ читаетъ въ настоящее время придворные журналы царствованія Екатерины II, и прочелъ мнѣ подробное описаніе пріема, оказаннаго лавдграфинѣ Гессенъ-Дармштадтской, пріѣхавшей въ Россію со своей дочерью, которая была первою супругою императора Павла I. Описаніе этого пріема и празднествъ, устроенныхъ по этому случаю въ Царскомъ Селѣ, сдѣланное съ обычною въ прежнее время точностью, было весьма интересно. Мнѣ было жаль этого стараго царедворца, который, занимая министерскій постъ, всецѣло былъ погруженъ въ эти пустяшныя воспоминанія прошлаго; ибо иной книги въ его кабинетѣ не было.

Мая 14-го. Я провелъ вечеръ у статсъ-секретаря Танѣева; онъ сообщилъ мнѣ резолюцію императора по поводу вопроса, возбудившаго разногласіе въ Комитетѣ министровъ, а именно относительно уменьшенія количества войскъ въ царствѣ Польскомъ, гдѣ стояло 80 т., которыя хотѣли уменьшить до 50 т. съ тою цѣлью, чтобы внести въ государственную казну 21 милліонъ флориновъ и принять содержаніе остающихся 50 т. человѣкъ всецѣло на счетъ государства, не обременяя болѣе кассу королевства. Министръ финансовъ не согласился съ мнѣніемъ большинства членовъ Государственнаго Совѣта, поставивъ на видъ, что можетъ случиться неурожай и т. п., но заявилъ, что онъ готовъ принять 21 милліонъ флориновъ для употребленія ихъ по своему усмотрѣнію. Императоръ присоединился къ мнѣнію большинства противъ министра финансовъ. Очень любопытно, что князь Голицынъ сообщилъ мнѣ этотъ фактъ подъ секретомъ, а между тѣмъ онъ читалъ мнѣ эти бумаги въ присутствіи своей семьи, т. е. трехъ дамъ.

Мая 25-го. Государь съ государыней возвратились изъ Москвы. На слѣдующій день, въ Троицу, его величество присутствовалъ при освященіи собора Измайловскаго полка.

Іюня 1-го. Я получилъ отъ Голицына перстень для доктора Фусса; доктору Лерхе пожалованъ Станиславъ, но банкиру Гауфу не дано пока никакой награды.

Когда государь ѣхалъ въ театръ, у его коляски сломилась рессора, на Каравannой улицѣ; ихъ величества пересѣли въ экипажъ князя Лобанова, который случайно проѣзжалъ тутъ.

Іюня 5-го. Начались Красносельскіе маневры. На нихъ присут-

ствуютъ ихъ королевскія высочества, принцъ Нидерландскій съ супругою. Такъ какъ принцесса—сестра императрицы, то она будетъ жить въ Петергофѣ.

Архимандритъ Новгородскаго Юрьевскаго монастыря Фотій, большой интриганъ, завладѣвшій состояніемъ камеръ-фрейлины графини Орловой, встрѣтилъ императора въ монастырѣ не достаточно почтительно. Государь приказалъ заключить его на 10 дней въ Александро-Невскую Лавру, чтобы онъ обдумалъ свой поступокъ и научился исполнять обязанности настоятеля монастыря. Графиня Орлова употребила все свое стараніе, чтобы выманить прощеніе своему духовнику и довѣренному лицу, но императоръ былъ непреклоненъ.

Получено извѣстіе, что городъ Брестъ-Литовскъ выгорѣлъ почти до тла; пожаромъ, бывшимъ 1-го числа, истреблено 200 домовъ.

Іюля 1-го. Предсѣдатель Государственнаго Совѣта Новосильцовъ пожалованъ графомъ.

Іюля 20-го. Я былъ на освященіи церкви Смольнаго монастыря, построенной 70 лѣтъ тому назадъ извѣстнымъ архитекторомъ Растрели, и которая, не будучи отдѣлана внутри, была предоставлена все это время разрушительному дѣйствію непогоды. Императоръ Николай пожелалъ окончить постройку этого великолѣпнаго памятника искусства и назвалъ его въ память своей матери соборомъ всѣхъ учебныхъ заведеній. На церемонію освященія были приглашены только сенаторы, а 22-го числа воспитанницы разныхъ учебныхъ заведеній пѣли въ этомъ соборѣ хоромъ. Прекрасные размѣры этого зданія, простота и вмѣстѣ съ тѣмъ величественный видъ храма и обиліе свѣта пріятно поражаютъ съ перваго взгляда. Дарохранительница въ главномъ алтарѣ достойна св. даровъ, которые въ ней хранятся. Стѣны и колонны, облицованныя искусственнымъ бѣлымъ мраморомъ, безъ всякихъ посторонніхъ украшеній,—восхитительны. Однимъ словомъ, это образцовое произведеніе искусства, исполненное съ большимъ вкусомъ, на которомъ г.г. артистамъ есть чему поучиться.

Августа 1-го. Императоръ отправился съ императрицею, принцами Мекленбургскимъ и Нидерландскимъ на пароходѣ въ Данцигъ, откуда онъ послѣдуетъ сухимъ путемъ въ Калишъ. Въ тотъ же день получено извѣстіе о довольно серьезномъ народномъ волненіи въ Берлинѣ. Свиту императора оставляютъ: кн. Волконскій, Адлербергъ, Меншиковъ и Бенкендорфъ.

Августа 26-го. Великій князь Михаилъ вернулся изъ Калиша и принялся за свои обычныя занятія. Во время освященія Кульмскаго памятника, воздвигнутаго въ честь воиновъ, павшихъ въ 1813 г., императоръ пожаловалъ Андрея Первозваннаго Ермолову и Остерману. Они оба участвовали въ этомъ славномъ дѣлѣ, сражаясь противъ корпуса

Вандама. Мы узнали изъ газетъ о поѣздкѣ императора въ Вѣну для свиданія съ вдовою императора Франциска I. Онъ ѣздилъ къ ней съ строжайшимъ инкогнито. На обратномъ пути въ Россію государь осматривалъ Брестскія укрѣпленія.

Октября 16-го. Императрица возвратилась изъ своей поѣздки въ Калишъ съ великой княжной Ольгой Николаевной. Она остановилась въ Царскомъ Селѣ, но говорятъ, что собирается еще въ Москву на встрѣчу своему супругу, который уже успѣлъ осмотрѣть свои владѣнія отъ Варшавы до Кіева. Когда онъ былъ въ Варшавѣ, то депутаты Царства польскаго просили у него аудіенціи, которая и была имъ разрѣшена. Глава депутаціи, хотѣлъ произнести рѣчь, но едва успѣлъ онъ сказать: «Ваше Величество», какъ императоръ прервалъ его, сказавъ: «постойте». Депутатъ поклонился. Тогда императоръ сказалъ: «Я знаю, что вы хотите сказать мнѣ то же самое, что̀ вы сказали, господа, моему покойному брату. Вы выразили одушевлявшія васъ чувства преданности и признательности; вы отвѣсили ему глубокій поклонъ точно такъ же, какъ и мнѣ, и однако вы нарушили данную намъ клятву вѣрности. Вы заставили меня воздвигнуть крѣпость въ самомъ центрѣ Варшавы, которая превратитъ ее въ груду развалинъ при первомъ же мятежномъ движеніи; вторично я строить ее (Варшаву) не буду. Не разсчитывайте ни на французовъ, ни на нѣмцевъ и позаботьтесь воспитать вашихъ дѣтей въ сознаніи ихъ обязанностей по отношенію къ монарху» [1]). Объ этой рѣчи говорили вездѣ. Ею всѣ восторгаются.

Октября 29-го. Сегодня скончался петербургскій почтъ-директоръ Булгаковъ, къ величайшему прискорбію всѣхъ его знавшихъ. Говорили, будто у него большое состояніе, но вскорѣ послѣ его смерти пронесся слухъ, что у него не оказалось достаточно денегъ на погребеніе.

Ноября 1-го. Кончина почтъ-директора Булгакова обратила вниманіе правительства на выгоду, которую покойный извлекалъ отъ пересылки газетъ и журналовъ, отъ чего исчисляютъ ежегодно доходъ въ 130 т. р. Эти деньги обращены теперь въ доходъ казны съ отчисленіемъ изъ этой суммы 20 т. р. вознагражденія директору, что̀ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими доходами составитъ ежегодное вознагражденіе въ 30 т. р.

Ноября 7-го. Министръ внутреннихъ дѣлъ Блудовъ получилъ строгій выговоръ за то, что онъ послалъ докладъ самому императору, а не обычнымъ порядкомъ; его секретарь посаженъ на гауптвахту. Вслѣдствіе этого появился циркуляръ, коимъ министрамъ предписывается

---

[1]) Болѣе подробный текстъ этой рѣчи напечатанъ въ „Русской Старинѣ". Ред.

адресовать письма во время отсутствія императора статсъ-секретарю Танѣеву.

Ноября 22-го. Въ «Journal de S.-Pétérsbourg» появилась перепечатка язвительной критики, которую «Journal des Débats» позволилъ себѣ напечатать на рѣчь, произнесенную императоромъ въ Варшавѣ, при пріемѣ польскихъ депутатовъ. Почтовая цензура не пропустила этого номера, но императоръ счелъ за благо не только пропустить французскую газету, но перепечатать полностью ея содержаніе и текстъ своей рѣчи, съ указаніемъ на мѣста, пропущенныя въ ней издателемъ французской газеты. Надѣюсь, что по этому поводу не возникнетъ полемика и что этого шага будетъ вполнѣ достаточно, чтобы показать величайшее презрѣніе, съ какимъ у насъ относятся къ инсинуаціямъ французскаго правительства, которое пользуется нынѣ этимъ противузаконнымъ путемъ, чтобы высказывать свое мнѣніе, и оправдывается тѣмъ, что эта газета неоффиціальная, тогда какъ всѣмъ извѣстно, что она редактируется по его (правительства) приказанію и подъ его вліяніемъ.

Ноября 25-го. Въ городѣ только и разговора о различныхъ преобразованіяхъ въ вѣдомствѣ министерства финансовъ, отъ котораго хотятъ отнять казенныя имущества, присоединивъ ихъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, или образовать изъ нихъ отдѣльное вѣдомство; будущимъ начальникомъ этого новаго учрежденія называютъ ген. Киселева. Это заставляетъ думать, что этотъ человѣкъ начинаетъ мѣшать нѣкоторымъ царедворцамъ, и что ему хотятъ дать дѣло, чтобы онъ не мѣшалъ имъ проводить ихъ планы.

Декабря 15-го. Дворянство дало балъ въ домѣ Энгельгардта, нанятомъ съ этой цѣлью на нѣсколько лѣтъ. Всѣ присутствующіе были въ полной парадной формѣ. Ихъ Величества удостоили балъ своимъ присутствіемъ, ужинали и видимо остались довольны этимъ собраніемъ дворянъ Петербургской губерніи.

Декабря 18-го. Появился манифестъ, коимъ по случаю десяти-лѣтняго юбилея со вступленія на престолъ нынѣ царствующаго императора нѣкоторымъ лицамъ, замѣшаннымъ въ дѣлѣ 14-го декабря 1825 г., срокъ каторжныхъ работъ уменьшенъ съ 15 на 13 лѣтъ; подъ этотъ манифестъ подошелъ и мой племянникъ.

1836 г.

Февраля 2-го. Около 1 часа дня на Адмиралтейской площади загорѣлся большой балаганъ (Леманъ). При этомъ погибло нѣсколько сотъ человѣкъ обоего пола; многіе были тяжело ранены. Въ опубли-

кованныхъ оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ объ этомъ пожарѣ сказано, что подъ развалинами театра найдено всего 129 труповъ.

Февраля 7-го. Я былъ приглашенъ на обѣдъ къ сенатору Багрееву, женатому на дочери Сперанскаго. Эта дама показалась мнѣ очень капризной и повелѣвающей мужемъ. Я пристально наблюдалъ за ней, что она подмѣтила и старалась какъ можно лучше разыграть роль женщины, не любящей большихъ собраній и предпочитающей уединеніе.

Марта 4-го. Разсказываютъ, что министръ финансовъ, намѣревавшійся ѣхать за границу, позволилъ себѣ образовать на время своего отсутствія какое-то временное управленіе министерствомъ и представилъ свой проектъ императору чрезъ генерала Адлерберга. Государь былъ чрезвычайно недоволенъ этимъ поступкомъ своего министра и хотѣлъ смѣнить его. Гр. Канкринъ, узнавъ о неудовольствіи его величества, отказался отъ путешествія.

Апрѣля 21-го. День рожденія императрицы. При дворѣ былъ выходъ. Графиня Нессельроде, супруга вице-канцлера, пожалована въ статсъ-дамы. Великій князь Михаилъ не былъ во дворцѣ. Онъ нездоровъ, говорятъ даже, будто онъ ѣдетъ на 8 мѣсяцевъ за границу для поправленія здоровья.

Апрѣля 22-го. Былъ балъ при дворѣ, на который я былъ приглашенъ впервые въ качествѣ первоприсутствующаго 3-го департамента. Дипломатическій корпусъ былъ приглашенъ въ полномъ составѣ. Государь продолжительно бесѣдовалъ въ залѣ съ англійскимъ посланникомъ Даргамомъ, затѣмъ они удалились во внутренніе покои, чтобы бесѣдовать безъ помѣхи. Посланникъ возвратился въ зало черезъ полчаса; къ нему тотчасъ подошли гр. Орловъ и морской министръ кн. Меншиковъ. Я заключилъ изъ этого, что эти приближенныя къ императору лица продолжали разговоръ, начатый государемъ. Балъ окончился во второмъ часу. Въ $11^1/_2$ ч. былъ поданъ ужинъ. Залъ былъ декорированъ со вкусомъ.

Я замѣтилъ, что во время разговора съ государемъ посланникъ держался высокомѣрно. Этотъ разговоръ, продолжавшійся болѣе часа, возбудилъ толки о войнѣ съ Англіей. Я сомнѣваюсь, чтобы дѣло дошло до войны, но англичане будутъ угрожать намъ и постараются добиться уступокъ въ торговыхъ дѣлахъ, а если мы выкажемъ боязнь, то они достигнутъ своей цѣли.

Іюля 31-го. Въ послѣдній день маневровъ, конногвардейцы устроили въ Красномъ Селѣ фейерверкъ, который не удался. Фейерверкъ долженъ былъ напоминать сраженіе при Наваринѣ и Кульмѣ. Говорятъ, будто императоръ воспретилъ впредь устраивать фейерверки на счетъ офицеровъ.

Августа 29-го. Получено извѣстіе, что его величество имѣлъ несчастье опрокинуться въ коляскѣ и сломалъ лѣвую ключицу. Это несчастье случилось въ Чембарѣ, уѣздномъ городѣ Пензенской губерніи, который находится въ разстояніи 2.200 в. отъ Петербурга. Курьеръ, прибывшій 1-го сентября, привезъ успокоительныя извѣстія, разсѣявшія опасенія за будущее. Возвращенія его величества въ Петербургъ ожидаютъ къ 15-му числу; по всей вѣроятности, онъ не поѣдетъ въ Варшаву. Быть можетъ, это предостереженіе свыше, которое предотвратитъ еще бо́льшее несчастье.

Сентября 17-го. Поправившись въ Чембарѣ отъ ушиба, императоръ выѣхалъ въ Петербургъ 8-го числа и прибылъ 15-го числа въ Москву, откуда онъ совершилъ путь до Царскаго Села въ 41 часъ. Эта поспѣшность была вызвана, вѣроятно, желаніемъ доказать народу, что онъ вполнѣ поправился. Два дня спустя въ Красномъ Селѣ были малые маневры.

Октября 7-го. Императоръ пробылъ въ городѣ два дня. Войска также пришли изъ Царскаго Села. Онъ былъ на парадѣ въ манежѣ, катался по городу и былъ вечеромъ въ театрѣ, гдѣ его приняли восторженно. Государь не хотѣлъ показываться публикѣ, но императрица посовѣтовала ему показаться и поблагодарить за сдѣланный ему пріемъ.

Ноября 26-го. Было собраніе капитула Георгіевскаго ордена, подъ предсѣдательствомъ генерала Капцевича, который сообщилъ мнѣ, что министръ финансовъ старается выхлопотать таможеннымъ чиновникамъ право на полученіе этого креста. Онъ не сочувствуетъ, повидимому, этому нововведенію.

Была репетиція новой серьезной оперы, музыка которой сочинена Глинкою, а либретто написано барономъ Розеномъ. Это первая опера въ этомъ родѣ, сочиненная русскимъ композиторомъ. Императоръ присутствовалъ на репетиціяхъ и очень интересуется успѣхомъ этой оперы, которая была играна первый разъ 27-го ноября. Музыка не особенно понравилась, и вообще сюжетъ оперы не вызвалъ энтузіазма въ публикѣ.

Декабря 1-го. При дворѣ наложенъ на 3 дня трауръ, по случаю смерти принцессы Луизы Прусской, бывшей замужемъ за Радзивилломъ. Трауръ окончится 7-го числа, вслѣдствіе чего балъ, назначенный при дворѣ 6-го, отложенъ до 13-го.

Декабря 6-го. Придворнымъ чинамъ даны награды; 5 дѣвицъ, въ томъ числѣ графиня Нессельроде, пожалованы во фрейлины. По министерству иностранныхъ дѣлъ было мало наградъ. Наслѣдникъ цесаревичъ произведенъ въ генералы. Нѣсколько чиновниковъ театральнаго и конюшеннаго вѣдомствъ и нѣсколько состоящихъ при посольствахъ также получили награды.

Записки Михаила Чайковскаго.

(Садыкъ-Мехметъ паши).

LXVIII [1]).

Дѣятельность Чайковскаго послѣ кампаніи.—Объѣздъ имъ южной границы.—Устройство военной школы въ Ѳессаліи.—Внутреннее устройство этой провинціи.—Разбойники и борьба съ ними.—Али-паша, комендантъ крѣпости Превеза.—Крѣпость Бечъ-Бунаръ и ея комендантъ.—Янина.—Нравы турокъ.

По окончаніи войны, когда всѣ извѣстія, доходившія до насъ съ родины, свидѣтельствовали о наступленіи для польскаго народа новой эры, благодаря гуманнымъ мѣрамъ императора Александра II, я не могъ болѣе мечтать о новыхъ войнахъ для возстановленія Польши и о возстаніи въ самой Польшѣ и рѣшилъ направить всѣ свои усилія на военную выправку поляковъ и прочихъ славянъ, служившихъ султану подъ именемъ казаковъ, и на болѣе тѣсное сближеніе поляковъ со славянами. Я хотѣлъ, чтобы поляки вѣрою и правдою служили султану и Оттоманской Портѣ, сохраняя подъ турецкими знаменами свою народность, языкъ и обычаи, я хотѣлъ сблизить ихъ со славянами въ ожиданіи того времени, когда Господь позволилъ бы намъ, по своей неизреченной милости, сложить наши труды на алтарь отечества.

Я привезъ изъ Парижа цѣлую библіотеку всевозможныхъ военныхъ сочиненій и, пріѣхавъ въ Ѳессалію, собралъ молодыхъ унтеръ-офицеровъ поляковъ и славянъ и основалъ военную школу, директоромъ ко-

[1]) См. „Русскую Старину“ іюнь 1900 г.

торой былъ мною назначенъ капитанъ Грабскій, бывшій ветеранъ польской арміи во времена Наполеона I; офицеры добровольно согласились проходить съ этими унтеръ-офицерами курсъ разныхъ наукъ; кромѣ военныхъ предметовъ въ этой школѣ преподавались топографія, географія, ариѳметика, исторія и даже польская грамматика; всѣ науки преподавались на польскомъ языкѣ. Занятія въ школѣ были сразу поставлены какъ слѣдуетъ, несмотря на то, что этому всячески старались помѣшать старые малограмотные служаки и всѣ тѣ, которые полагали, что если солдаты будутъ болѣе образованы, то офицеры утратятъ надъ ними неограниченную власть, до которой они были большіе охотники, несмотря на свои демократическіе взгляды. Меня всегда смѣшили рѣчи этихъ господъ.

— Когда болгары будутъ болѣе образованы,—говорили они,—то они перестанутъ повиноваться намъ; лучше было бы оставить ихъ такими, какими были наши холопы въ Польшѣ; палка и дисциплина—вотъ наилучшая школа.

Такія мысли высказывались за границею польскими шляхтичами-демократами; видно, трудно отвыкнуть подъ старость отъ того, къ чему привыкнешь смолода.

Многіе роптали на мое нововведеніе, но повиновались мнѣ, и дѣло пошло на ладъ.

Взявъ съ собою одинъ эскадронъ драгунъ, коимъ командовалъ капитанъ Рика, я отправился съ нимъ на объѣздъ границы.

Что-за чудная страна Ѳессалія и Эпиръ, по истинѣ это мѣстопребываніе боговъ! Высокія горы поросли великолѣпнымъ лѣсомъ; вершины ихъ покрыты вѣчными снѣгами, а у подножія ихъ тянутся благоухающія степи, какъ на нашей Украйнѣ, луга и пахотныя поля, на которыхъ зерно родится самъ 30, ростутъ оливковыя, померанцовыя, лимонныя и гранатовыя рощи, тутовыя деревья; тутъ же цѣлыя горы разноцвѣтнаго мрамора и гранита, рудники, въ которыхъ добывается золото, серебро, мѣдь, желѣзо и каменный уголь; берега этой благодатной страны омываются двумя морями, почва ея орошается множествомъ ручьевъ и рѣкъ; въ лѣсахъ водятся всевозможные звѣри, дикія козы, серны, олени, медвѣди и даже рыси; моря и рѣки изобилуютъ рыбою, которую отправляютъ въ чужіе края цѣлыми судами,—такова дивная Ѳессалія. Имѣніе, стоющее сто тысячъ, при посредственномъ управленіи приноситъ сто тысячъ дохода, а при хорошемъ управленіи и болѣе того. Какъ было древнимъ богамъ не любить этотъ край? Его облюбовали бы и современные финансовые боги, съ самимъ Ротшильдомъ во главѣ, если бы они имѣли возможность поселиться въ этой странѣ и извлекать изъ нея доходъ. Но она завоевана мусульманскимъ оружіемъ, ею владѣютъ потомки сипаевъ, которые сами не хотятъ ра-

ботать и другимъ не даютъ, а хотятъ только безъ всякаго труда извлекать изъ всего выгоду и грабить народъ, хотятъ, чтобы имъ валились въ ротъ прямо жареныя перепелки. Вопреки всякой справедливости они покровительствуютъ разбойникамъ для того, чтобы держать въ вѣчной тревогѣ и повиновеніи покоренныхъ имъ райевъ. Они предпочитаютъ оставлять поля необработанными, предпочитаютъ, чтобы богатый и плодородный край обратился въ пустыню, нежели уступить кому-нибудь хоть пядь земли своихъ помѣстій, нежели подчиниться танджимату. Беи владѣли землями вопреки танджимату, разбойники были покорными исполнителями ихъ воли, а земля и жившіе на ней христіане были ихъ добычею и жертвою, терпѣли всевозможныя злоупотребленія, которыя прикрывались благовиднымъ предлогомъ, будто все это дѣлалось для сохраненія преобладающаго вліянія мусульманъ надъ христіанами; поэтому мусульманскія власти не смѣли притѣснять беевъ и поблажали имъ, тогда какъ всѣ ихъ поступки шли въ разрѣзъ съ танджиматомъ.

Арнауты, какъ говорятъ, потомки мирмидонянъ [1]), сражавшихся подъ предводительствомъ Ахилла и Александра Великаго, не знали инаго занятія кромѣ военной службы. Одни изъ нихъ поступали въ пограничную стражу, куда ихъ поставляли особые чиновники, такъ называемые сергердари; другіе служили беями или становились атаманами разбойничьихъ шаекъ, ибо надобно какъ-нибудь заработать средства къ жизни.

Правительство выдавало сергердарю на каждаго солдата по 60 піастровъ, или 12 франковъ въ мѣсяцъ, и по 300 драхмъ муки въ день. Сергердарь долженъ былъ дать взятку сначала въ Стамбулѣ, затѣмъ мѣстнымъ властямъ и кромѣ того нерѣдко и иностраннымъ консуламъ. Онъ долженъ былъ нанимать бинбашей, юзбашей, муэдзиновъ и чаушей, да и самъ долженъ же былъ кое-что заработать; поэтому, вмѣсто того чтобы выставить подъ ружье 1.000 человѣкъ, какъ онъ обязывался по контракту, онъ снаряжалъ всего человѣкъ 150—200. Но этимъ солдатамъ онъ не платилъ жалованія, объясняя это недостаткомъ наличныхъ денегъ въ казнѣ; поэтому навербованные имъ бѣдняки, отслуживъ срокъ, возвращались домой и распродавали свое имущество за третью часть его стоимости какому-либо чиновнику, подставленному сергердаремъ; положенной имъ муки они никогда не видали; а такъ какъ имъ надобно же было чѣмъ-нибудь существовать, то они занимались кражами, грабежами, которые приписывались разбойникамъ, гай-

[1]) Древнее ахейское племя въ Θессаліи. В. Т.

дукамъ, арматоламъ или клефтамъ [1]); несчастный народъ страдалъ, а газеты трубили о разбояхъ.

Арнауты, ставшіе атаманами разбойничьихъ шаекъ, немного получали денегъ отъ беевъ, у которыхъ ихъ также было не особенно много, но они всегда могли жить на всемъ готовомъ у нихъ на фольваркахъ и въ имѣніяхъ; они ѣли у нихъ, пили, пользовались всѣми удобствами и дѣлились доходами отъ своихъ разбоевъ со своими покровителями-беями. Они знали другъ друга наперечетъ; на мнимыхъ разбойниковъ устраивались облавы, въ горы посылались небольшіе отряды, чтобы изловить ихъ; они шумѣли, стрѣляли, но при этомъ никогда не бывало убито или поймано ни одного разбойника; иногда для виду убивали ни въ чемъ неповиннаго пастуха, пасшаго овецъ въ горахъ, который быть можетъ самъ сдѣлался бы со временемъ разбойникомъ, если бы онъ пожилъ долѣе на свѣтѣ; но дальновидные арнауты, желая спасти его отъ грѣха, заблаговременно отправляли его на тотъ свѣтъ.

Разбои были самой главной статьею дохода губернаторовъ; доходъ этотъ, хотя и незаконный, но былъ освященъ обычаемъ. Получивъ извѣстіе о появленіи разбойника или о совершеніи какой-либо крупной кражи, губернаторъ не розыскивалъ разбойника или украденной вещи, но арестовывалъ всѣхъ жителей деревни, заподозрѣнной въ укрывательствѣ вора; держалъ ихъ взаперти до тѣхъ поръ, пока они не откупались за извѣстную сумму. Сергердари сами производили слѣдствіе, мучили людей и облагали повинностью ту деревню, черезъ которую проходили разбойники, что̀ они узнавали по слѣдамъ, оставленнымъ ими на пескѣ или на камняхъ.

Пріѣхавъ въ Лариссу (Енишеръ), я нашелъ въ этомъ городѣ арестованными 3.653 ятакчей и ни одного разбойника. Каждый ятакча долженъ былъ заплатить губернатору 1.000 піастровъ, иные платили и въ десять разъ больше. Въ то время самымъ отчаяннымъ разбойникомъ считался Скальзояни изъ Эпира; онъ былъ племянникъ одного помѣщика грека, Бератли, который пользовался особыми привилегіями и такимъ вліяніемъ, что губернаторъ Арты, гдѣ онъ проживалъ, былъ въ полной отъ него зависимости. Молодой Скальзояни, которому было не болѣе 16 лѣтъ, слылъ лучшимъ стрѣлкомъ въ округѣ; но онъ былъ большой сорвиголова. Дядя часто строго наказывалъ его за его продѣлки; когда же племянникъ пожаловался на него однажды губернатору Арты, который былъ съ нимъ не въ ладахъ, то тотъ подарилъ м-

[1]) Христіанскіе предводители, послѣ завоеванія Греціи османами удалившіеся въ горы Македоніи, Эпира и Ѳессаліи, славились своими грабежами и внушали такой страхъ, что турецкіе паши заключали съ ними договоры, платили имъ жалованье и выдавали съѣстные припасы. В. Т.

лодому человѣку прекрасную англійскую винтовку, сказавъ: «чтобы отнять у твоего дяди охоту вмѣшиваться не въ свое дѣло, лучше всего поподчивать его пулею, чтобы онъ болѣе не всталъ».

Этотъ совѣтъ не пропалъ даромъ: молодой Скальзояни, въ тотъ же день устроивъ засаду, застрѣлилъ дядю, а самъ сдѣлался атаманомъ шайки разбойниковъ. Весь Радовистскій округъ трепеталъ передъ нимъ.

Радовистскій округъ, лежащій на правомъ берегу Аспропотама, противъ Аграфы Θессалійской, представляетъ собою страну скалъ, овраговъ, пропастей, поросшихъ оливковыми деревьями и дотого крутыхъ, что по нимъ съ трудомъ взбираются дикія козы. Всѣ дома въ немъ каменные, съ бойницами и отстоятъ одинъ отъ другаго на разстояніи ½ версты и болѣе. Дома эти, будучи разбросаны на разстояніи 20 кв. верстъ, составляютъ одну деревню или урочище съ населеніемъ въ нѣсколько тысячъ душъ.

Во время возстанія 1855 г. Скальзояни игралъ видную роль и былъ самымъ дѣятельнымъ предводителемъ клефтовъ, а по окончаніи возстанія сдѣлался снова атаманомъ разбойниковъ.

Эпирскій губернаторъ Гусни-паша послалъ противъ него баталіонъ пѣхоты, эскадронъ кавалеріи и батарею артиллеріи; однажды, въ тотъ самый моментъ, когда былъ поданъ обѣдъ, ему донесли, что Скальзояни находится по близости; Гусни-паша, не дотронувшись до ѣды, вскочилъ на лошадь и поскакалъ въ погоню за нимъ со всею своею свитою; поймать его однако не удалось; когда же всѣ вернулись и усѣлись снова за обѣдъ, и сняли крышки съ мисокъ, то оказалось, что онѣ были пусты, а въ одной изъ нихъ лежала карточка Скальзояни, на которой была вычислена стоимость всего съѣденнаго и было сказано, что все съѣдено имъ и его клефтами. Это не разсердило Гусни-пашу, но нагнало на него такой страхъ, что онъ ушелъ съ своимъ войскомъ въ Янину, а Скальзояни преспокойно хозяйничалъ въ Радовистѣ.

Вотъ въ какомъ положеніи я засталъ Θессалію и Эпиръ. Мнѣ была подчинена пограничная стража, состоявшая въ Θессаліи изъ четырехъ, а въ Эпирѣ изъ двухъ бинбашликовъ, подъ начальствомъ сергердаря Халиль-бея, впослѣдствіи паши. Пограничныхъ стражниковъ числилось до трехъ тысячъ человѣкъ, но на самомъ дѣлѣ ихъ было едва 1.000 человѣкъ.

Я началъ свой объѣздъ съ порта Воло, который могъ бы быть однимъ изъ самыхъ значительныхъ торговыхъ городовъ въ мірѣ и его портъ могъ бы быть прекраснѣйшею гаванью для обширнаго флота. Заливъ Воло представляетъ собою какъ бы внутреннее море; образуетъ возлѣ города узкій заливчикъ, на берегу котораго лежитъ мѣстечко Тригорія—гнѣздо словаковъ; на греческомъ берегу лежитъ городъ Амабополисъ, а на турецкомъ—селеніе Лихонія съ красивыми виллами

и померанцевыми, лимонными и гранатовыми рощами, принадлежащими по бо́льшей части одесскимъ, марсельскимъ и лондонскимъ купцамъ. Ромеръ видѣлъ тамъ много красивыхъ гречанокъ изъ Одессы, которыя были украшеніемъ Лихоніи. Въ самомъ Воло также было довольно большое общество, состоявшее изъ консуловъ и ихъ семей и мѣстныхъ купцовъ; англійскимъ консуломъ былъ Стуартъ, котораго весьма интересовалъ вопросъ о мѣстонахожденіи древнихъ Ѳивъ. Желая отыскать его, онъ то и дѣло совершалъ съ своей женою поѣздки по странѣ, но такъ какъ оба они не говорили ни по-турецки, ни по-гречески, то не могли столковаться съ проводниками; проводники не понимали, чего онъ искалъ, а Стуартъ только повторялъ: «Теѣу» (Ѳивы); а по-турецки tepe значитъ гора; поэтому проводники полагали, что онъ хочетъ полюбоваться видомъ съ горы, водили его съ горы на гору, говоря tepe; англичанинъ заносилъ въ свою записную книжку: «Теѣу» и нагружалъ ословъ и муловъ камнями, взятыми на каждой горкѣ, полагая, что это камни съ развалинъ прежнихъ Ѳивъ; онъ насчиталъ такимъ образомъ до двухъ тысячъ пригорковъ, на которыхъ стояли нѣкогда Ѳивы, и набралъ столько камней, что нагрузилъ ими впослѣдствіи цѣлое судно, которое послалъ въ даръ королевѣ Викторіи.

Объѣзжая военные посты въ окрестностяхъ Воло, я нашелъ вездѣ полный комплектъ пограничныхъ стражниковъ-арнаутъ, но всѣ они были дотого похожи другъ на друга, какъ близнецы; мои казаки сдѣлали то же наблюденіе, и какъ люди опытные, бывалые, разговаривая съ арнаутами, они сдѣлали незамѣтнымъ образомъ на нихъ кресты; оказалось, что мы увидали тѣхъ же, отмѣченныхъ крестами арнаутъ на слѣдующихъ постахъ; тогда мы поняли маневръ сергердарей, который состоялъ въ томъ, что на первомъ посту былъ положенный комплектъ солдатъ, которые по окончаніи смотра и по нашемъ отъѣздѣ изъ мѣстечка, тотчасъ спѣшили окольными путями на слѣдующій постъ и ожидали насъ, изображая новую часть въ полномъ комплектѣ и далѣе; такимъ образомъ обманывали инспекторовъ, посылаемыхъ правительствомъ. Не желая играть такую глупую роль, я показалъ бинбашамъ отмѣченныхъ крестами арнаутовъ; они были очень сконфужены, признались въ обманѣ, но увѣряли, что иначе поступать не могли, за неимѣніемъ средствъ. Этотъ опытъ послужилъ мнѣ впослѣдствіи на пользу.

Изъ Турки, куда выѣхали мнѣ на встрѣчу мѣстныя греческія власти, я отправился въ Чатальджи, или Ферсалу, гдѣ и остановился въ домѣ богатаго Шехъ-бея; онъ разсказывалъ мнѣ, что Чатальджи считается самой нездоровой мѣстностью Ѳессаліи, но что въ самомъ городѣ нигдѣ нѣтъ блохъ и клоповъ и что они не могутъ тутъ жить. Дѣйствительно, въ его домѣ не было этихъ враговъ человѣческаго покоя.

Желая убѣдить насъ въ истинѣ своихъ словъ, онъ послалъ въ Демако человѣка, который привезъ оттуда большой горшекъ, наполненный живыми клопами; ихъ выпустили въ одну комнату, гдѣ они быстро расползлись по всему полу; на другой день онъ повелъ насъ въ эту комнату, и мы увидѣли всѣхъ клоповъ мертвыми; турокъ доказывалъ, что это зависитъ отъ воздуха, и что въ Демако, которое лежитъ на горѣ и пользуется хорошимъ климатомъ, водятся милліоны клоповъ; мы испытали это впослѣдствіи на себѣ.

Изъ Демако, гдѣ находилась древняя крѣпость, укрѣпленная согласно всѣмъ новѣйшимъ требованіямъ науки, мы отправились въ Кардисту—сердце Ѳессаліи, такъ называли этотъ городъ въ древности, и это вполнѣ справедливо. Надобно признать, что въ прежнее время люди были лучшими стратегами, нежели теперь, ибо всѣ укрѣпленія, возведенныя въ Демако и въ Фанарѣ, были расположены такъ, что ихъ было не замѣтно даже спускаясь съ горъ на равнину, между тѣмъ какъ никто не могъ проѣзжать мимо Кардисты не замѣченнымъ изъ крѣпости; поэтому я поставилъ въ Кардистѣ сильный гарнизонъ и, развивая мой планъ обороны границы, доказывалъ необходимость укрѣпить Кардисту и имѣть тамъ главную квартиру или центральный пунктъ пограничной стражи Ѳессаліи и Эпира.

Въ монастырѣ, называемомъ Корона, въ которомъ было 200 келій, былъ помѣщенъ весь штабъ и эскадронъ, и люди и лошади имѣли вдоволь всего необходимаго. Монастырь былъ укрѣпленъ подобно крѣпости и стоялъ надъ обрывомъ, по которому шла дорога съ плоскогорья Неврокополи на плоскогорье Кардиста; другая дорога шла отъ плоскогорья Неврокополи къ границѣ черезъ большое и довольно многолюдное селеніе, Рендіево, жители котораго, румыны, назывались каракачанами. Многія ихъ поселенія находятся въ Ѳессаліи и Эпирѣ и даже въ горахъ Македоніи. Мужское населеніе очень красиво, напоминаетъ древнихъ римлянъ; это потомки бывшихъ римскихъ легіонеровъ, которые не смѣшались съ другими народами. Ихъ богатство составляютъ стада овецъ и рогатаго скота: они занимаются выдѣлкою разныхъ шерстяныхъ матерій, лѣтомъ живутъ въ горахъ, а зимою спускаются въ долины; ихъ дома построены изъ камня и походятъ на маленькія крѣпостцы, съ бойницами. Они очень зажиточны и болѣе образованы, нежели прочіе жители Турціи, характера смѣлаго и отважнаго, и если бы румынскому правительству удалось переманить ихъ на лѣвый берегъ Дуная, то у него были бы прекрасные легіоны для защиты своихъ владѣній. Многіе румыны, какъ напр. Гика, Конаки и др., суть выходцы изъ Эпира и Ѳессаліи, которые переселились изъ тамошнихъ горъ въ разное время; удивительно, что румыны, которые у себя на родинѣ отличаются большимъ легкомысліемъ и своеволіемъ, находясь подъ иноземной властью, оказы-

ваются самыми степенными людьми и готовы научиться самому строгому порядку. Въ нихъ сохранилась до сихъ поръ твердость характера, настойчивость и храбрость древнихъ римлянъ. Каракачаны внушаютъ къ себѣ въ окрестныхъ жителяхъ страхъ и уваженіе.

Въ Кастаніи мы пили вино, которое пѣнилось и было вкусно, какъ шампанское. На мѣстѣ оно сохраняется много лѣтъ, не утрачивая своихъ качествъ и продолжая пѣниться, но, будучи вывезено за Кастанскія горы, теряетъ вкусъ и болѣе не пѣнится.

Въ Серменикіой намъ пришлось пробыть три дня по причинѣ сильныхъ вѣтровъ, во время которыхъ опасно ѣхать по горамъ, у подошвы которыхъ зіяютъ пропасти. Съ горъ приходится спускаться нѣсколько верстъ на самомъ краю пропасти, по столь узкимъ тропинкамъ, по которымъ можетъ идти въ рядъ только одна лошадь. Господь хранилъ насъ, и мы совершили этотъ путь благополучно.

На рѣкѣ Аспропотамъ, отдѣляющей Аграфъ отъ Радовиста, находится старинный римскій мостъ, перекинутый съ одной горы на другую; длина этого моста, у котораго нѣтъ перилъ—120 шаговъ, а ширина 3 шага; глубина же пропасти до дна рѣки не менѣе 2.000 саженъ; мѣстные жители считаютъ эту глубину равною 200 минаретамъ, каждый вышиною въ 10 сажень; черезъ мостъ переходятъ пѣшкомъ и такъ какъ тутъ было много несчастныхъ случаевъ, то никто не рѣшается въ настоящее время проѣхать черезъ него на мулѣ или на ослѣ. Гусни-паша хотѣлъ, чтобы арнауты перевезли его черезъ этотъ мостъ на какомъ-то подобіи санокъ, къ которымъ онъ велѣлъ привязать себя, но, едва вступивъ на мостъ, онъ дотого перепугался, что сталъ кричать благимъ матомъ, какъ будто съ него сдирали шкуру; его тотчасъ потащили назадъ вмѣстѣ съ санками.

Я велѣлъ скупить въ сосѣднихъ деревняхъ весь холстъ, который можно было достать, и натянуть его на веревкахъ по обѣ стороны моста, чтобы ни люди, ни лошади не могли видѣть пропасти, и чтобы они шли какъ бы между двумя полотняными стѣнами; самый же мостъ я приказалъ посыпать пескомъ. Такимъ образомъ я прошелъ благополучно по этому мосту со всѣмъ эскадрономъ.

Этотъ переходъ создалъ намъ среди мѣстныхъ жителей славу искусныхъ кавалеристовъ, какихъ-то новыхъ центавровъ; они вообразили, что если мы за кѣмъ погонимся, то отъ насъ никому не уйти; это значительно помогло намъ поддерживать въ краѣ тишину и порядокъ.

Пройдя черезъ Радовистъ, мы увидѣли въ Комбоціи первую сторожевую башню, коихъ предполагалось выстроить на границѣ 180, каждая стоимостью до 300 тысячъ. Пока этихъ башенъ выстроено всего пять, а въ Анино былъ построенъ блокгаузъ, обошедшійся около милліона; онъ стоялъ на самой границѣ; по другую сторону ея тянулась высокая цѣпь

горъ; въ блокгаузѣ было устроено помѣщеніе для орудій; не знаю, что бы съ нимъ стали дѣлать въ случаѣ ненадобности. Смѣшно было строить блокгаузы и сторожевыя башни противъ разбойниковъ, когда для этого было бы достаточно имѣть кордоны. Въ случаѣ войны съ Грецiей при отступленіи войска эти милліонныя сооруженія пришлось бы оставить въ добычу непріятелю, а если бы турецкое войско перешло границу и вступило въ Грецію, то ихъ пришлось бы оставить безъ всякаго употребленія. Я написалъ въ этомъ смыслѣ донесеніе изъ Арты и пріостановилъ работы по постройкѣ этихъ башенъ, къ величайшему неудовольствію штаба и архитектора, или каменщиковъ и плотниковъ-грековъ, которые въ дѣйствительности были строителями этихъ зданій и офицерами штаба, такъ какъ сами штабные офицеры, коихъ тутъ было три, не имѣли ни малѣйшаго понятія ни о строительномъ искусствѣ, ни о фортификаціи. Одинъ изъ нихъ признался мнѣ, что онъ былъ чубукчемъ у начальника артиллеріи, другой—что онъ былъ сыномъ привратника военной школы, а третій—былъ изъ придворныхъ музыкантовъ, игралъ на флейтѣ; всѣ трое числились офицерами штаба, ѣли, пили и спали въ Артѣ, но ни одинъ изъ нихъ не умѣлъ указать, въ какихъ именно пунктахъ находились сторожевыя башни. Мнѣ пришлось отправиться за свѣдѣніями къ Кальфамъ, строителямъ грекамъ и съ ними объѣхать окрестности.

Въ Артѣ мы нашли великолѣпный каменный римскій мостъ, утвержденный на одной аркѣ и сохранившійся такъ прекрасно, что казалось, будто онъ только-что построенъ. За этимъ мостомъ намъ пришлось ѣхать болѣе 10 верстъ по померанцевой и лимонной рощѣ, въ которой деревья были такъ высоки, какъ самые высокіе наши клены. Выѣхавъ изъ этого лѣса, мы вступили въ обработанное поле, гдѣ охотились совершенно новымъ для меня способомъ. Въ этой мѣстности водилось множество куницъ, желтыхъ, какъ лисички, и извѣстныхъ тамъ подъ названіемъ цингаръ; мы разсыпались по полю, а куницы взбирались на деревья, гдѣ ихъ и стрѣляли, мы убили въ нѣсколько часовъ 120 куницъ.

Въ Салагорѣ находятся казенныя соляварни и такіе обширные рыбные промыслы, какихъ мнѣ еще не доводилось видѣть. Торговля рыбными продуктами ведется преимущественно съ тремя городами: Корфу, Тріестомъ и Мальтой, куда вывозится маринованная форель, омары въ видѣ консервовъ и бутарга—родъ красной, сухой икры превосходнаго вкуса. Торговля эта столь доходная, что Гассанъ-бей, болгаринъ изъ Филиппополя, принявшій мусульманскую вѣру и поселившійся въ Превезѣ, сталъ самымъ богатымъ изъ окрестныхъ помѣщиковъ, купилъ два небольшихъ парохода, которые были заняты исключительно перевозкою этихъ рыбныхъ продуктовъ изъ Салагоры въ Корфу, Тріестъ и Мальту.

Превосходная крѣпость Превеза, комендантомъ которой былъ Али-паша, построена, какъ говорятъ, подъ наблюденіемъ инженера-нѣмца, который получилъ за свои труды отличное вознагражденіе, но ни денегъ не привезъ въ Германію, ни самъ не вернулся домой. Али-паша имѣлъ обыкновеніе поручать подобнаго рода работы иностранцамъ, платилъ за нихъ щедро, въ присутствіи иностранныхъ консуловъ, а инженеровъ, возвращавшихся домой моремъ или сухимъ путемъ, убивали его клевреты, и деньги, которыя они везли съ собою, возвращались въ кассу паши; онъ умѣлъ обставить дѣло такъ, что никто и не подозрѣвалъ этого, и онъ всегда находилъ охотниковъ производить у него новыя работы.

Въ Превезѣ намъ оказалъ истинно славянское гостепріимство Гассанъ-бей. Мы застали въ этомъ городѣ коммиссію, посланную для составленія карты границъ; коммиссія эта состояла изъ извѣстнаго турецкаго каллиграфа и изъ доктора медицины, коимъ велѣно было исполнять обязанности инженеровъ; докторъ кромѣ того числился офицеромъ штаба. Они находились въ Превезѣ уже 3 мѣсяца и не знали, какъ приняться за работу; нашъ пріѣздъ вывелъ ихъ изъ затруднительнаго положенія; нашъ чертежникъ переснялъ для нихъ карту, составленную капитанами Ходосевичемъ и Боровичемъ, и они отправились въ Стамбулъ, не взглянувъ даже на границу. Эфенди былъ пожалованъ пашою и такъ полюбилъ съ тѣхъ поръ карты, что гдѣ бы онъ ни видѣлъ новенькую карту, онъ тотчасъ приказывалъ срисовать и раскрасить ее; надобно сказать, что онъ всегда выказывалъ мнѣ расположеніе и признательность, что особенно удивительно со стороны турка; второй былъ произведенъ въ полковники и командуетъ по-сейчасъ пѣхотнымъ полкомъ, въ которомъ медицинская часть сильно хромаетъ, но за то чрезвычайно развита любовь къ топографическимъ работамъ.

Превеза съ ея садами и заборами, обвитыми кактусами и алоемъ, съ ея прекраснымъ мѣстоположеніемъ, по справедливости можетъ назваться однимъ изъ красивѣйшихъ городовъ этой мѣстности. На полупути изъ Превезы въ Янину находится небольшая крѣпость Бечъ-Бунаръ—пять источниковъ. Она выстроена Али-пашою, чтобы держать въ повиновеніи его излюбленныхъ союзниковъ суліотовъ [1]) со стороны суши, такъ же точно, какъ для охраны со стороны моря были выстроены крѣпости Превеза и Парги. Этотъ развратный и честолюбивый правитель арнаутовъ мечталъ объ образованіи королевства Эпиръ, подъ владычествомъ котораго находились бы греки и арнауты. Поэтому онъ хотѣлъ удержать въ своемъ любимомъ Эпирѣ суліотовъ, самыхъ луч-

[1]) Суліоты—албанскій народецъ православнаго вѣроисповѣданія, въ началѣ нынѣшняго вѣка сохранявшій свою независимость отъ турокъ. Въ войну за освобожденіе они оказали Греціи важныя услуги. В. Т.

шихъ своихъ солдатъ грековъ и христіанъ, даровавъ имъ различныя выгоды и привилегіи, чтобы въ случаѣ надобности имѣть всегда наготовѣ греческую фалангу.

Мы застали въ Бечъ-Бунарской крѣпости старичка-капитана, бывшаго комендантомъ еще во времена султана Селима. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ назначенъ комендантомъ этой крѣпости, онъ ни разу не былъ ни въ Янинѣ, ни даже въ Превезѣ; гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ 26 полуслѣпыхъ и хромыхъ солдатъ и 4 артиллеристовъ, которые обрабатывали сады, сѣяли просо, кукурузу; у нихъ была въ крѣпости мельница, двѣ коровы, штукъ четырнадцать козъ и много разной домашней птицы; они воздѣлывали табакъ и покупали только кофе, сахаръ, соль и свѣчи; деньги же на покупку этихъ вещей они добывали продажею лисицъ и куницъ, на которыхъ охотились. Во всей крѣпости не было ни одной женщины. Комендантъ умѣлъ читать и писать и получалъ иногда старыя турецкія газеты. Когда къ нему пріѣхалъ капитанъ Ходосевичъ, посланный впередъ, чтобы приготовить для насъ помѣщеніе, то старичекъ сказалъ ему, что о казакахъ и обо мнѣ онъ слышалъ и читалъ въ газетахъ, что ему извѣстно, что по окончаніи войны русскій императоръ, заключивъ миръ съ султаномъ, далъ ему полкъ казаковъ и меня съ ними для того, чтобы мы очистили страну отъ разбойниковъ, и что онъ согласенъ принять казаковъ и устроить ихъ какъ можно лучше, какъ войско, состоящее на службѣ султана, но что онъ никогда не слыхалъ о такомъ народѣ, какъ «драгуны» и не знаетъ, что это за люди; поэтому онъ не можетъ впустить ихъ въ крѣпость, такъ какъ можетъ быть подъ этимъ кроется какая-нибудь измѣна со стороны грековъ. Ходосевичъ успокоилъ его, сказавъ, что онъ и самъ хорошенько не знаетъ, что за народъ эти драгуны, но что ихъ нашли въ горахъ и ведутъ напоказъ султану, какъ добровольныхъ плѣнныхъ, которые сами себя отдали подъ покровительство султана. Комендантъ принялъ эти слова за чистую монету, однако для пущей осторожности выкатилъ изъ сарая единственное орудіе, бывшее въ крѣпости и которое онъ пряталъ въ сарай подъ замокъ, чтобы его не украли; онъ зарядилъ его картечью, и самъ съ Ходосевичемъ поставилъ его въ томъ мѣстѣ, гдѣ должны были стоять драгуны.

Приготовившись такимъ образомъ, онъ принялъ насъ весьма любезно и со всевозможными почестями, и я только отъ Ходосевича узналъ о томъ, что онъ побаивался драгунъ; онъ посматривалъ на нихъ съ любопытствомъ и, несмотря на то, что Ходосевичъ успокаивалъ его, онъ всю ночь не смыкалъ глазъ, карауля ихъ съ заряженной пушкою. Впослѣдствіи я поставилъ въ Бечъ-Бунарѣ военный постъ изъ драгунъ съ офицеромъ, и комендантъ такъ подружился съ «народомъ драгуновъ», что когда, три года спустя, драгуны ушли изъ Эпира, то бѣд-

*

ный старичекъ заболѣлъ горячкой; ему все мерещились разбойники-греки, онъ призывалъ на помощь драгунъ, и видя, что они не приходятъ, умеръ съ отчаянія. Когда мы вернулись въ Ѳессалію и въ Эпиръ, то мы застали старичка умершимъ и похоронили его въ крѣпости, гдѣ онъ остался комендантомъ и послѣ своей смерти, такъ какъ его мѣсто никѣмъ не было занято.

Въ Янинѣ мы застали губернаторомъ маршала Рифатъ-пашу, того самаго, который, по смерти Муссы-паши, былъ комендантомъ Силистріи. Но гораздо замѣчательнѣе его были въ то время въ Янинѣ: Хагиръ-бей, бывшій въ молодости товарищемъ Мехмедъ-Али египетскаго; Паша-бей—зять Али-паши, который открылъ всѣ его замыслы Высокой Портѣ и былъ до нѣкоторой степени виновнымъ въ смерти этого выдающагося человѣка, и Эльмаръ-ага—селигдаръ, т. е. оруженосецъ, его любимецъ и слуга, не разлучавшійся съ нимъ съ его 15-тилѣтняго возраста до самой смерти.

Паша-бей и Эльмаръ-ага были люди очень престарѣлые; перваго мучило угрызеніе совѣсти, а второй еще горевалъ о смерти паши, котораго онъ боготворилъ, и оба ни о чемъ иномъ и не думали и неговорили, какъ объ Али-пашѣ. Они тотчасъ явились ко мнѣ, каждый съ своими разсказами, но такъ ненавидѣли другъ друга, что ихъ избѣгали приглашать вмѣстѣ, опасаясь какого-нибудь непріятнаго столкновенія.

Эльмаръ-ага восхваляетъ умъ Али-паши, который побѣдилъ всѣхъ своихъ противниковъ не оружіемъ, а своими дѣйствіями; если бы его не убили, говорилъ ага, то онъ навѣрно довелъ бы всѣ свои планы до конца; Эльмаръ-паша объяснялъ всѣ жестокости, совершенныя имъ, необходимостью.

Паша-бей говорилъ, что онъ изъ преданности къ мусульманству обвинилъ Али-пашу передъ Высокой Портою въ измѣнѣ отечеству, ибо, будучи его зятемъ и человѣкомъ хорошо образованнымъ, онъ велъ его корреспондедцію на греческомъ языкѣ и изъ нея узналъ, что паша уговорился не только съ греческой гетеріей, но и съ славянами, живущими въ Сербіи, и съ боснійскими беями, даже съ княземъ черногорскимъ напасть одновременно на турокъ, сбросить ихъ ярмо и выгнать ихъ изъ Европы. Бѣдный Паша-бей, пораженный мыслію о томъ, что́ было бы съ могущественнымъ мусульманскимъ государствомъ безъ калифа и султана, и опасаясь этого несчастія, которое представлялось ему страшнѣе конца міра, предпочелъ пожертвовать тестемъ, котораго онъ любилъ, какъ своего благодѣтеля; его побудила къ этому преданность къ мусульманской вѣрѣ. Разсказавъ это, онъ тотчасъ началъ читать вполголоса молитвы и перебирать четки.

Мы осмотрѣли домъ Эльмаръ-аги, который былъ настоящимъ музеемъ произведеній арнаутскаго искусства. Стѣны и потолки во всѣхъ

комнатахъ, коихъ было довольно много, были отдѣланы разноцвѣтнымъ деревомъ, украшеннымъ рѣзьбою съ цвѣтами, птицами и звѣрьми, которые были написаны такъ естественно, такъ были полны жизни, что они не потеряли бы по сравненію съ образцовыми произведеніями самыхъ лучшихъ мастеровъ. На одной стѣнѣ былъ изображенъ Али-паша во весь ростъ, на конѣ, вступающій верхомъ въ Прагу. Лошадь была сдѣлана такъ живо, какъ будто она готова соскочить со стѣны, а лицо Али-паши было такъ сурово, что васъ невольно охватывала дрожь. На другой стѣнѣ была изображена его жена, а возлѣ нея двѣ павы. Василика была похожа на Юнону, а павлиньи перья были исполнены такъ художественно, что каждое перышко, каждая пушинка отдѣлялись, какъ у живой птицы. Въ огромномъ залѣ, называемомъ диванъ-хане, были изображены на стѣнахъ битвы, въ которыхъ участвовали арнауты, и охотничьи сцены, исполненныя также мастерски. Во всѣхъ комнатахъ была масса оружія работы арнаутовъ, отдѣланнаго въ серебро и золото и осыпаннаго драгоцѣнными камнями; диваны были обиты шелковой матеріей ручной работой арнаутокъ. Его домъ стоялъ посреди небольшаго, но хорошенькаго парка, въ которомъ были устроены пруды и ручейки. Эльмаръ-ага угостилъ насъ бараниной, зажаренною по-арнаутски, и мы ѣли ее также по-арнаутски, безъ ножей и вилокъ, и рвали мясо руками, принимая вкусные куски изъ рукъ хозяина.

Я посѣтилъ вмѣстѣ съ Рифатъ-пашою островъ и развалины замка, въ которомъ томился и окончилъ жизнь гроза Эпира и Ѳессаліи—Али-паша. Рифатъ-паша, какъ истый турокъ, не восторгался дѣйствіями этого бунтовщика, а ломалъ себѣ голову надъ вопросомъ, какъ бы найти сокровища Али-паши, которыя навѣрно были гдѣ-либо зарыты. Видя, какъ дружелюбно относились ко мнѣ арнауты, онъ всячески подлаживался ко мнѣ, полагая, что я узналъ, гдѣ спрятаны эти сокровища. Онъ былъ занятъ этимъ болѣе, нежели своимъ губернаторствомъ.

Это былъ типъ современнаго турка, воспитаннаго въ Вѣнѣ; онъ говорилъ отлично по-нѣмецки и недурно по-французски. Онъ не выказалъ во время войны ни малѣйшихъ военныхъ способностей и не отличался храбростью, но за то превзошелъ себя въ происках и интригахъ. Будучи назначенъ предсѣдателемъ военнаго суда въ Шумлѣ, онъ подстрекалъ тайно мусульманъ противъ Омеръ-паши, какъ гяура, который только прикидывался мусульманиномъ, а Омеръ-пашѣ доносилъ тайно все, что о немъ говорили, не щадя никого. Въ своихъ секретныхъ донесеніяхъ сераскиру онъ изображалъ Омеръ-пашу самыми черными красками, а Омеръ-пашѣ доставлялъ для прочтенія секретную корреспонденцію, изъ которой тотъ могъ видѣть, какъ непріязненно относился къ нему сераскиръ. Онъ обращался со всѣми въ высшей степени любезно,

а за спиною дѣлалъ всякому непріятности. Онъ ненавидѣлъ изъ политическихъ видовъ всѣхъ христіанъ и иностранцевъ.

Однажды, я былъ нечаянно свидѣтелемъ съ нѣсколькими офицерами, какъ этотъ паша преподавалъ урокъ практической жизни своимъ тремъ сыновьямъ, малолѣткамъ. Паша лежалъ подъ деревомъ на диванѣ, а передъ нимъ стояли его сыновья, одѣтые въ мундиры съ саблею на боку, и много другихъ дѣтей, одѣтыхъ одни—христіанскими священниками, другіе иностранными консулами, а нѣкоторые въ своихъ собственныхъ платьяхъ. Одинъ изъ его сыновей сѣлъ въ кресло; къ нему стали подходить попы, цѣловали полы его платья, онъ указывалъ имъ мѣсто на землѣ, и они садились кучками; смотря на нихъ съ улыбкою, онъ приказывалъ подать имъ кофе и, какъ говорилъ мой слуга Гассибъ, угощалъ ихъ по-турецки. Двое другихъ мальчиковъ скрывались въ это время подъ деревомъ и, когда попы ушли, то, они напали на нихъ и ограбили, отнявъ все, что тѣ имѣли при себѣ. Та же сцена разыгралась съ консулами, съ тою лишь разницею, что консула усадили въ кресло и угощали его стоя, но и его ограбили, когда онъ уходилъ, и сдѣлали видъ, будто его топятъ въ рѣкѣ. Затѣмъ происходилъ судъ; дѣтей ловили, вели въ судъ; тѣ, которыя были коноводами, собственноручно били ихъ палками, чтобы, убивъ ихъ, зарыть вмѣстѣ съ ними въ землю свою тайну; по окончаніи суда читался фирманъ султана, и раздавались заграничные ордена.

Примѣтивъ насъ, Рифатъ-паша немного сконфузился, но сказалъ, улыбаясь: «они забавляются».

Я отвѣчалъ: «учатся быть пашами».

— Совершенно вѣрно,—отвѣчалъ онъ,—если бы не учились этому съ дѣтства, то мы не умѣли бы управлять народомъ, какъ должно.

Онъ былъ правъ, я ничего не могъ возразить на это.

Условившись съ Рифатъ-пашею, что онъ наберетъ 500 арнаутовъ, которые, находясь непосредственно подъ командою сергердара Муслимъ-бея, будутъ подчинены мнѣ, я уѣхалъ въ Мецову.

Мецова—огромное мѣстечко, въ которомъ живутъ каракачаны, о коихъ я уже говорилъ; населеніе этого мѣстечка доходитъ до 6 тысячъ душъ; въ немъ имѣется 800 каменныхъ прекрасно построенныхъ домовъ. Глубокій оврагъ дѣлитъ это мѣстечко на двѣ половины: большое и малое Мецово. Въ послѣднемъ немало домовъ, меблированныхъ на европейскій ладъ; мы видѣли тамъ нѣсколько фортепьянъ; каракачанки играютъ на роялѣ, хорошо говорятъ по-французски, занимаются преподаваніемъ и имѣютъ много ученицъ. Жители этого мѣстечка зажиточны, даже богаты; главное ихъ богатство составляютъ стада овецъ и рогатаго скота и сильныхъ и выносливыхъ лошадей, число коихъ весьма значительно. Между ними встрѣчается довольно много лошадей съ вью-

щейся, какъ у барановъ, шерстью; такія лошади цѣнятся особенно высоко, такъ какъ ихъ считаютъ очень сильными и кроткими,—два качества, отличающія каракачанскихъ лошадей.

Мы разговорились съ мѣстными жителями о легіонахъ Трояна, о румынахъ; они утверждали, что семейство Гика по происхожденію не албанцы, а настоящіе потомки бывшихъ легіонеровъ и что колыбель ихъ рода—Мецова; намъ показывали даже развалины домовъ, принадлежавшихъ семейству Гика и многимъ другимъ молдаванскимъ и валахскимъ семействамъ, одного происхожденія съ ними. Говорятъ, что когда господари фанаріоты набирали рекрутъ арнаутовъ для своей личной стражи, то мусульмане не захотѣли служить господарямъ гяурамъ, арнауты также не выказали желанія служить въ войскѣ, поэтому къ нимъ на службу поступили каракачаны.

По дорогѣ отъ Саламбріи къ Малой Мецовѣ намъ показывали пропасть, гдѣ гибнетъ ежегодно довольно много людей и лошадей. Впослѣдствіи, когда мнѣ пришлось часто проѣзжать этой дорогою, я этому не удивлялся, такъ какъ отъ Малой Мецовы мѣстность идетъ подъ гору и сворачиваетъ влѣво такъ круто, образуя обрывъ, что лошадь, спускаясь съ горы, ступаетъ на самомъ краю этого обрыва. Я никакъ не могъ добиться того, чтобы съ этой стороны были устроены перила. Мѣстныя власти отвѣчали мнѣ на всѣ мои просьбы: «своей судьбы не миновать», а мѣстныя жители увѣряли, что власти не разрѣшили имъ сдѣлать перила, говоря, что человѣкъ не долженъ переустраивать то, что сдѣлано Богомъ. Драгунскій военный постъ, поставленный мною въ Мецовѣ, сдѣлалъ по моему приказанію перила вдоль обрыва, и несчастные случаи прекратились, но когда драгуны выступили изъ этого мѣстечка, то перила тотчасъ были сброшены въ пропасть арнаутами.

Въ 1854 г. въ этомъ мѣстѣ произошло сраженіе между повстанцами-греками и турецкимъ войскомъ, подъ командою черкеса Абди-паши. Повстанцы сожгли нѣсколько домовъ; но черкесъ Абди-паша спасъ церковь, которую поджогъ кто-то изъ его единомышленниковъ. Абди-паша, спрятавшійся въ этой церкви, замѣтилъ огонь и успѣлъ потушить его. Этотъ паша былъ очень уменъ и отличный стрѣлокъ; онъ сражался съ повстанцами и собственноручно убилъ многихъ изъ нихъ; за это сраженіе турецкое правительство наградило его званіемъ маршала, а за спасеніе церкви онъ получилъ орденъ отъ русскаго правительства. Ревностно служа Высокой Портѣ, онъ считалъ себя вѣрноподданнымъ русскаго императора и получалъ за это дорогіе подарки въ видѣ золотыхъ кубковъ, серебряныхъ сервизовъ и перстней съ драгоцѣнными камнями. Не получивъ спеціальнаго военнаго образованія, онъ достигъ высшихъ должностей, снискалъ себѣ расположеніе солдатъ и составилъ себѣ порядочное состояніе, благодаря счастію, удачѣ, своему низкопо-

клонству передъ стариками и умѣнію снискать популярность между равными себѣ и подчиненными. Вообще черкесы нерѣдко составляютъ себѣ карьеру въ Турціи; гаремы турецкихъ сановниковъ переполнены черкешенками, которыя имъ покровительствуютъ: ce que femme veut, Dieu le veut.

Выѣхавъ изъ Мецовы, переправившись чрезъ высокія горы Сигосъ и Малакамъ и проѣхавъ обширное селеніе Каракачанку, мы прибыли въ Калабакъ—селеніе, лежащее у подошвы горы Метеоръ при самомъ началѣ Ѳессалійскаго плоскогорья. На горѣ Метеоръ также точно, какъ на Аѳонской горѣ, стоятъ 12 православныхъ монастырей. Обѣ эти монашескія республики владѣютъ обширными имѣніями въ Румыніи, изъ коихъ патріархъ, синодъ и приближенные патріарха извлекаютъ большіе доходы. Между этими двумя монашескими республиками та лишь разница, что на Аѳонѣ не только нѣтъ ни одной женщины, но даже нѣтъ ни одного звѣря, женскаго пола, тогда какъ въ Калабакѣ довольно много женщинъ, при томъ весьма красивыхъ, а на самой высокой скалѣ стоитъ женскій монастырь, съ исправительнымъ домомъ для фанарскихъ грѣшницъ и для греческой аристократіи другихъ городовъ. Къ этому монастырю нѣтъ дороги и даже самой узенькой тропинки; въ него можно попасть только однимъ способомъ: подняться въ корзинѣ, которую втягиваютъ кверху на канатѣ и, въ которой могутъ помѣститься всего двѣ особы, но обыкновенно подымаютъ только одну. Женскій монастырь отдѣляется отъ мужскаго непроходимою пропастью; и въ мужской монастырь также подымаются въ корзинѣ, хотя туда можно подняться и по ступенямъ, высѣченнымъ въ скалѣ.

Мѣстечко Калабакъ извѣстно побѣдою, одержанною турецкимъ войскомъ подъ начальствомъ Фуадъ-паши, который еще былъ въ то время Фуадомъ-эфенди, надъ соединенными силами повстанцевъ Греціи, Эпира и Ѳессаліи; этимъ сраженіемъ была окончена междоусобная война, и водворено спокойствіе въ этихъ двухъ турецкихъ провинціяхъ. Фуадъ-паша, не будучи военнымъ по профессіи, но обладая выдающимися способностями къ военному дѣлу, достигъ въ нѣсколько недѣль того, чего военачальники не могли достигнуть въ нѣсколько мѣсяцевъ съ регулярнымъ и иррегулярнымъ войскомъ. Человѣкъ талантливый и дѣйствующій настойчиво всегда стоитъ выше ремесленника и можетъ достигнуть бо̀льшаго.

Во время нашего пребыванія въ Калабакѣ, однажды, рано утромъ, когда едва начинало свѣтать, ко мнѣ явился неожиданно капитанъ Ромеръ и рапортовалъ слѣдующее. Ему не спалось, и онъ вышелъ изъ монастыря, въ которомъ мы помѣщались у подошвы горы, подышать чистымъ воздухомъ и прохаживался у подошвы горы Метеоръ, какъ вдругъ услыхалъ крикъ женщины, и, побѣжавъ къ тому мѣсту, откуда онъ раз-

давался, онъ увидалъ, что туда уже сбѣжалось нѣсколько казаковъ. Кричала женщина, лицо которой было закрыто вуалью и которую четыре монаха и какой-то грекъ старались насильно посадить въ корзину, не смотря на ея слезы и крики. Капитанъ Ромеръ приказалъ монахамъ именемъ Садыка-паши остановиться; женщина, услыхавъ мое имя, закричала по-французски.

— Если онъ другъ Антона Аллеона, я умоляю его именемъ этой дружбы спасти меня.

Капитанъ Ромеръ приказалъ солдатамъ освободить эту даму изъ рукъ монаховъ и грека и отвелъ ее въ одинъ изъ сосѣднихъ домовъ, гдѣ жилъ чорбаджій съ семьей; предоставивъ ее на попеченіе женщинъ, онъ приставилъ къ дому сильный караулъ, а самъ отправился ко мнѣ.

Я тотчасъ пошелъ къ этой дамѣ, которая сообщила мнѣ, что она родомъ изъ Еникіоя, на берегу Босфора, что она близкая родственница Аристарха, великаго Логофета; схвачена по его приказанію и привезена сюда для пожизненнаго заточенія въ монастырѣ. Она плакала, рыдала, просила меня защитить ее, говоря, что она хорошо знакома съ Аллеономъ, часто слышала отъ него мое имя, и что великій Логофетъ говорилъ, что насъ соединяетъ съ Аллеономъ тѣсная дружба. Дама хорошо говорила по-французски, была хороша собою и симпатична. Ей было лѣтъ двадцать съ небольшимъ. Я не спрашивалъ ее о причинѣ столь суроваго къ ней отношенія великаго Логофета; она также не касалась этого вопроса.

Грекъ и монахи тѣмъ временемъ скрылись, а калобакскій епископъ, къ которому я обратился по этому поводу, отвѣчалъ, что онъ въ такія дѣла не мѣшается, что это не его дѣло; и что единственную его обязанность составляетъ поить и кормить мусульманскихъ сановниковъ и увеселять ихъ. Онъ и насъ пригласилъ на роскошный завтракъ, за которымъ угостилъ насъ превосходнымъ старымъ виномъ, и самъ такъ много пилъ, что началъ подъ конецъ пѣть пѣсни, играть на балалайкѣ и подтанцовывать; онъ велѣлъ снести кушанье дамѣ, прося не мѣшать его въ это дѣло.

Спасенная нами дама или дѣвица отправилась въ моемъ экипажѣ въ Трикалу, гдѣ я помѣстилъ ее въ домѣ перваго чорбаджія Ѳессаліи. Она прожила у него нѣсколько мѣсицевъ; ее никто не преслѣдовалъ и не разыскивалъ. Въ скоромъ времени она вышла замужъ за Музуруса, богатаго купца съ Іоническихъ острововъ, у котораго было довольно большое имѣніе въ Ѳессаліи. Бракъ этотъ былъ очень счастливый, но мы съ капитаномъ Ромеромъ никакъ не могли узнать, что была за причина постигшей ее бѣды.

На всѣ наши вопросы она отвѣчала только: Monsieur Antoine (Alleon) y a été pour beaucoup. (Въ этомъ много виновенъ Антонъ Аллеонъ).

Несмотря на все наше любопытство, мы не могли быть назойливы.

Я писалъ объ этомъ Аллеону; но онъ отвѣчалъ мнѣ уклончиво; когда же я упомянулъ объ этомъ случаѣ при свиданіи съ нимъ, то онъ сначала отмалчивался, но потомъ попросилъ прекратить этотъ разговоръ. Такъ дѣло и осталось тайною, а быть можетъ оно могло бы послужить темою для интереснѣйшаго романа или повѣсти. Г-жа Музурусъ жива доселѣ и окружена взрослыми дѣтьми, изъ коихъ старшаго зовутъ Антономъ.

Я избралъ для своей главной квартиры Трикалу, родину Ахилла, не потому, что въ этомъ городѣ родился герой Иліады, а для того, чтобы не жить въ одномъ мѣстѣ съ губернаторомъ Ѳессаліи, Гусни-пашою, который жилъ въ Лариссѣ. Это былъ человѣкъ мало знакомый съ дѣлами и не особенно пріятный въ обхожденіи; я не хотѣлъ имѣть съ нимъ лишняго дѣла, что было бы неизбѣжно, живя въ одномъ городѣ; я предпочиталъ объясняться съ нимъ письменно. Къ тому же въ силу данной мнѣ инструкціи я былъ совершенно независимъ отъ губернатора и предпочиталъ быть первымъ въ Трикалѣ, нежели вторымъ въ Лариссѣ.

Главная квартира и 1-й эскадронъ казаковъ находился въ Трикалѣ, 2-й эскадронъ стоялъ въ Кардисѣ, 3-й—въ Демако, 4-й—въ Армиро, 5-й—въ Воло и 6-й—въ Чатальджи.

Первый эскадронъ драгунъ стоялъ въ Янинѣ, 2-й—въ Превезѣ и Салагорѣ, 3-й—въ Орси, тамъ же былъ и полковой штабъ. Тысяча человѣкъ арнаутовъ подъ командою Халимъ-бея занимали военные посты на границѣ Ѳессаліи отъ Воло до Аспропотама, а 500 человѣкъ арнаутовъ подъ командою Муслимъ-аги были разставлены отъ Аспропотома вдоль границы Эпира, до Превезы. Казацкія и драгунскіе почтовые отряды заняли: Калабакъ, Молокашъ, Мевну, Бечъ-Бунаръ. Эти почтовые отряды состояли каждый изъ 6-ти солдатъ и 1-го унтеръ-офицера и употреблялись для перевозки корреспонденціи и охраны дорогъ; такъ какъ они находились постоянно въ сношеніяхъ съ мѣстными жителями, то имъ было поручено слѣдить за всѣмъ, что происходило въ окрестностяхъ. Такимъ образомъ войска были разставлены вдоль всей границы, и она находилась постоянно подъ ихъ наблюденіемъ.

Арнауты получали отъ меня жалованье полностью и своевременно; каждому выдавалось, кромѣ того, 300 драхмъ муки въ день. При бинбашахъ-арнаутахъ состояли офицеры и унтеръ-офицеры казаки и драгуны, говорившіе по-турецки. Въ краѣ водворился порядокъ, разбои и злодѣйства прекратились, ихъ какъ рукою сняло. Денежная почта и товары не подвергались болѣе ограбленію на большихъ дорогахъ; вообще имущество и личность были въ большей безопасности, такъ какъ беи не позволяли себѣ прежнихъ злоупотребленій.

Это положеніе дѣлъ встревожило Гусни-пашу; онъ сталъ сбирать мазбатъ противъ меня и казаковъ, нашелъ нѣсколько беевъ, которые приложили свои печати къ этому мазбату, но люди болѣе порядочные

изъ числа мусульманъ и христіанъ, во главѣ съ богачемъ Гассанъ-беемъ, Молла-Тевфикъ-беемъ и другими лицами написали со своей стороны мазбатъ, который былъ посланъ великому визирю и въ которомъ они благодарили его за присылку казаковъ и меня. Были также получены письма отъ греческаго правительства, изъ Аѳинъ, которое благодарило за соблюденіе договора и за образцовую охрану границы. Тогда великій визирь, Али-паша, относившійся ко мнѣ всегда недоброжелательно, написалъ мнѣ письмо, горячо благодарилъ меня за все, сдѣланное мною, и просилъ написать ему откровенно, могу ли я ладить съ Гусни-пашою; въ противномъ случаѣ онъ просилъ указать, кого бы я желалъ видѣть на его мѣстѣ.

Я не жаловался въ своемъ отвѣтномъ письмѣ великому визирю на Гусни-пашу, но просилъ прислать Азиса-пашу, босняка, сына Изета-паши, прекраснѣйшаго кавалерійскаго офицера и моего добраго пріятеля.

Въ скоромъ времени, пріѣхалъ Азисъ-паша, и я перенесъ свою главную квартиру изъ Трикалы въ Енишеръ, или Лариссу, чтобы быть съ нимъ въ одномъ городѣ.

LXIX.

Интриги въ полку.—Цѣнныя качества арнаутовъ и болгаръ.—Освобожденіе арестантовъ.—Беи и арнауты.—Кончина Решидъ-паши.

Во время нашего пребыванія въ Ѳессаліи и Эпирѣ намъ жилось очень не дурно. Военная слава казаковъ и драгунъ была упрочена.

Къ сожалѣнію, на насъ обрушились въ это время двѣ бѣды: во-первыхъ, болѣзни; во-вторыхъ, интриги, нарушившія доброе согласіе между офицерами, что̀ отразилось, само-собою разумѣется, и на солдатахъ, и было причиною ихъ дезертирства, особенно частаго между поляками. Вслѣдствіе этого, многимъ офицерамъ пришлось выйти въ отставку.

Эти интриги произвели на меня крайне непріятное впечатлѣніе и доказали, что ненормальное положеніе, въ какомъ находились эмигранты-поляки, вліяло неблагопріятно на ихъ умъ и характеръ и лишило ихъ прежняго благородства. Поневолѣ приходилось признать, что эмигранты 1848 г. внесли много дурнаго въ среду эмигрантовъ 1831 г., которые, несмотря на всѣ сдѣланные ими промахи и ошибки, все же были представителями настоящаго польскаго шляхетства, всегда готоваго принести отечеству въ жертву свои личныя выгоды и стремленія, и которое худо ли хорошо служило Польшѣ и полагало въ этомъ свою заслугу. Богатство, матеріальныя выгоды, обезпеченіе будущности, желаніе вы-

двинуться въ ущербъ другому и занять чужое мѣсто, словомъ, весь катехизисъ современныхъ практическихъ людей былъ незнакомъ политическимъ эмигрантамъ 1831 г.

Все, что дѣлалось ими, даже въ томъ случаѣ, когда ихъ дѣйствія были направлены противъ личностей, которыхъ они обличали въ отсутствіи патріотизма, дѣлалось обыкновенно съ убѣжденіемъ, что этого требуетъ благо отечества.

Демократы нарушили своими происками сплоченность польскаго шляхетства; выше упомянутыми отрицательными свойствами обладали преимущественно эмигранты 1848 г., отъ которыхъ ими заразились быть можетъ безтолковые, но все же искренніе и благородные эмигранты 1831 г. Это было очевидно всѣмъ; всѣ понимали, какъ трудно помочь горю, тѣмъ болѣе, что войны не предвидѣлось по крайней мѣрѣ въ скоромъ времени, а пограничная служба перестала интересовать поляковъ. Въ началѣ у насъ было много дѣла, но когда пограничные жители были приведены въ повиновеніе, когда прекратились мало-по-малу разбои и наступило бездѣйствіе, то поляки, почивъ на лаврахъ, увлеклись интригами и происками; впрочемъ, они и къ этому скоро охладѣли, видя, что интриги не приносятъ имъ никакихъ существенныхъ выгодъ, ни повышеній, ни денежныхъ наградъ.

Мнѣ хотѣлось, чтобы наше войско было отозвано съ границы и получило какое-нибудь новое назначеніе, которое освѣжило бы его, подняло бы его духъ и прекратило бы дезертирство, принявшее столь огромные размѣры, что третій напримѣръ эскадронъ, коимъ командовалъ Дверницкій, потерялъ почти всѣхъ нижнихъ чиновъ. Правда, капитанъ былъ человѣкъ довольно несносный, допекавшій солдатъ; я назначилъ ему въ помощники маіора Махмуда-Муху, но тогда дѣло пошло еще хуже, они начали вдвоемъ преслѣдовать русскихъ, коихъ въ третьемъ эскадронѣ была добрая половина; всѣ унтеръ-офицеры, а за ними солдаты дезертировали; бѣжали и поляки; на своихъ мѣстахъ остались только болгары, которые несли одни всю службу.

Заботясь о томъ, какъ бы поскорѣе освободить войско отъ пограничной службы, я убѣдилъ моего пріятеля, ѳессалійскаго губернатора Азиса-пашу, созвать меджилисъ изъ статскихъ и военныхъ лицъ для пересмотра судебныхъ дѣлъ, по которымъ много лицъ томилось въ заключеніи со временъ Гусни-паши. Я былъ предсѣдателемъ этого меджилиса. Мы освободили въ теченіе нѣсколькихъ дней до двухъ тысячъ арестантовъ; народъ благословлялъ насъ и молился за здоровье султана Абдулъ-Меджидъ-хана. Мусульмане и христіане послали по этому случаю благодарственные мазбаты Высокой Портѣ и султану. Иностранные консулы, проживавшіе въ Ларисѣ и въ Воло, писали въ своихъ доне-

сеніяхъ посланникамъ, что въ Ѳессаліи никогда еще не было такъ спокойно и жители не пользовались такою безопасностью.

Г. Кономенесъ, исполнявшій обязанности посланника въ Аѳинахъ, сообщилъ мнѣ, что греческій министръ послалъ, по повелѣнію короля Оттона, благодарность Высокой Портѣ за водвореніе порядка на границѣ; мнѣ была прислана копія съ этой бумаги.

Все это было очень пріятно, но ни мало не содѣйствовало исполненію моихъ желаній. Мы продолжали стоять на границѣ.

Слѣдующее обстоятельство пришлось для меня весьма кстати, измѣнивъ положеніе дѣлъ. Въ Герцеговинѣ начались волненія, Черногорія готовилась къ войнѣ. Во главѣ возмутившихся герцеговинцевъ сталъ Лука Вуколловичъ; сербовъ заподозрили въ участіи въ этомъ движеніи. Такъ какъ правительству было извѣстно о моихъ сношеніяхъ съ сербами, то сераскиръ обратился ко мнѣ за совѣтомъ,—какъ поступить въ этомъ случаѣ; я отвѣчалъ, что, по моему мнѣнію, лучше всего было бы произвести демонстрацію, которая, не угрожая непосредственно Сербіи, заставила бы ея государственныхъ людей призадуматься; и что для этого слѣдовало бы выставить на Коссовомъ полѣ довольно сильный корпусъ войскъ; это было бы угрозою для Черногоріи и показало бы въ то же время, что мы имѣемъ на-готовѣ довольно значительныя силы.

Я вызвалъ драгунъ изъ Эпира, а казаковъ послалъ на границу и сталъ ожидать дальнѣйшихъ приказаній.

Я былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ ѳессалійскими беями; многіе изъ нихъ были люди весьма образованные, начитанные, знакомые съ греческой философіей, исторіей и литературой. Молоденькая и хорошенькая внучка Али-паши, вышедшая впослѣдствіи замужъ за Риза-бея, который былъ посланникомъ въ Петербургѣ и Тегеранѣ, писала на греческомъ языкѣ стихотворенія и повѣсти, подражая Жоржъ-Зандъ. Съ многими беями можно было пріятно провести время, но они знали, что я ни подъ какимъ видомъ не буду потворствовать ихъ продѣлкамъ, и поэтому во время моего пребыванія въ Ѳессаліи воздерживались отъ своихъ привычекъ; этимъ отчасти объясняется, почему количество разбоевъ за это время значительно уменьшилось.

Арнауты были прекрасные солдаты пограничной стражи; изъ нихъ вырабатывались дѣльные и способные офицеры. У меня въ Аграфѣ былъ одинъ бинбашъ, Ибрагимъ-ага, который считался бы прекраснымъ офицеромъ въ любомъ европейскомъ войскѣ. Я думаю, что если бы сформировать стрѣлковые баталіоны изъ однихъ арнаутовъ, то лучшаго войска нельзя бы желать; только слѣдовало бы сохранить ихъ строй, ихъ обычаи и поставить во главѣ ихъ офицеровъ исключительно изъ арнаутовъ. По моему мнѣнію, они отъ природы такіе же превосходные пѣхотинцы, какъ донцы природные кавалеристы. Они обладаютъ такою же

любовью къ военному дѣлу, такою же привязанностью къ своей родинѣ и ко всему своему, родному. Подобно тому, какъ донцы воспѣваютъ въ своихъ пѣсняхъ Стеньку Разина и Полтавскую битву, такъ точно арнауты воспѣваютъ Али-пашу и Мустафу-пашу. Героями ихъ пѣсенъ являются только свои, родные имъ люди. Они до такой степени дорожатъ жалованьемъ, что существуетъ такой анекдотъ: когда одинъ богатый ага, умирая, горевалъ о томъ, что онъ оправляется на тотъ свѣтъ одинъ, то его слуги, арнауты, сказали ему, что если онъ прибавитъ имъ жалованья на 5 піастровъ и будетъ платить его аккуратно впередъ, то они согласны идти съ нимъ и на тотъ свѣтъ. Чѣмъ болѣе я присматривался къ арнаутамъ, тѣмъ болѣе убѣждался въ томъ, что это дѣйствительно потомки славныхъ воиновъ Ахилла и Александра Македонскаго и, что обращаясь съ ними умѣло, изъ нихъ можно было бы сформировать превосходное войско. Я могъ положиться на нихъ болѣе, чѣмъ на поляковъ, и по сейчасъ сохранилъ съ ними дружественныя отношенія.

Энергія и слѣпое повиновеніе болгаръ, служившихъ въ казачьемъ войскѣ, могли быть поставлены въ примѣръ.

Въ это время я получилъ приказаніе пріѣхать какъ можно скорѣе въ Стамбулъ. Когда я пріѣхалъ, то во главѣ министерства стоялъ снова Решидъ-паша, но его вскорѣ похитила смерть. Я былъ у него наканунѣ его кончины; онъ сказалъ мнѣ, что когда насъ можно будетъ отозвать съ границы и когда дипломаты дружественныхъ и враждебныхъ къ намъ дворовъ свыкнутся съ мыслью, что мы служимъ султану и числимся въ турецкомъ войскѣ, то онъ передвинетъ насъ въ славянскія земли, чтобы сформировать польско-славянское войско, которое будетъ служить въ настоящее время султану, а въ будущемъ Польшѣ, что онъ уже говорилъ объ этомъ съ Риза-пашею. Решидъ-паша поручилъ мнѣ написать объ этомъ записку, которую онъ хотѣлъ представить на слѣдующій день султану; онъ просилъ меня остаться ночевать у него, въ Эмиргіанѣ, и у него же написать эту записку, но я просилъ отпустить меня домой, обѣщавъ привезти записку по утру. Я проработалъ всю ночь и на разсвѣтѣ, осѣдлавъ коня, поѣхалъ въ Эмиргіанъ.

Спускаясь съ горы, я увидѣлъ, что весь берегъ отъ Балты-Лимана до дворца великаго визиря былъ усѣянъ народомъ, а на Босфорѣ стояло такое множество каиковъ, что изъ Европы въ Азію можно было перейти сухимъ путемъ, шагая изъ одного каика въ другой. На всѣхъ лицахъ отражалось искреннее горе, даже отчаяніе, многіе плакали на взрыдъ. Я никогда не видалъ выраженія столь единодушной печали.

Решидъ-паша скончался на разсвѣтѣ. Доктора не считали его болѣзнь смертельной и даже опасной, но Господь въ своихъ неисповѣдимыхъ судьбахъ отозвалъ его, лишивъ Оттоманскую Порту человѣка,

который много для нея потрудился и высоко держалъ знамя правительства.

Люди, во всемъ желающіе видѣть что-либо необычайное, приписывали кончину Решида-паши отравѣ; одни обвиняли въ этомъ врачей грековъ, подкупленныхъ яко бы Россіей—во главѣ этихъ лицъ стояли англичане и нѣмцы; другіе обвиняли имамовъ въ отравленіи визиря, котораго нѣкоторые глупцы, изъ религіознаго фанатизма, называли гяуромъ. Греки любили Решида-пашу за то, что онъ былъ къ нимъ добръ и справедливъ; я не разъ слышалъ, какъ онъ говорилъ:

— Я предпочитаю грековъ армянамъ потому, что они любятъ свою родину, а армяне любятъ только деньги; греки могли бы быть хорошими подданными султана, армянъ же мы никогда не насытимъ деньгами; они всегда будутъ обманывать насъ и всегда будутъ намъ чужіе.

Я много разъ слышалъ эти слова изъ устъ Решидъ-паши. Музурусы, Фотіадесы, Аристархи и многіе иные греки пользовались его высокимъ покровительствомъ. Онъ довѣрялъ только одному армянину, своему секретарю Агопъ-эфенди.

Мусульманское духовенство считало Решида-пашу человѣкомъ высокаго ума, который оказалъ Турціи большія услуги и поставилъ ее на ноги. При томъ, будучи очень богатъ, онъ дѣлалъ много благодѣяній; мусульмане любили его какъ роднаго отца, и дѣйствительно онъ былъ таковымъ для нихъ; алчущіе и жаждущіе шли къ Решиду-пашѣ и уходили отъ него напоенные и накормленные; у кого было горе, тотъ шелъ къ нему за совѣтомъ и уходилъ отъ него утѣшенный. Онъ умѣлъ всякаго обласкать и привлечь къ себѣ и не обижалъ даже своихъ враговъ; поэтому между мусульманами, конечно, не нашлось бы человѣка, который хотя бы мысленно задумалъ что-либо дурное противъ этого визиря. Что же касается христіанскаго населенія Турціи, то можно сказать, что Решидъ-паша былъ его единственнымъ защитникомъ и покровителемъ.

У него могли быть недоброжелатели только среди высшихъ сановниковъ, завидовавшихъ тому, что онъ достигъ столь высокаго положенія и пользовался такимъ огромнымъ вліяніемъ и любовью народа, но, когда онъ скончался, то самые ярые его завистники и недоброжелатели скорбѣли объ его утратѣ.

По смерти Решида-паши, садръ-азамомъ былъ назначенъ Али-паша; дѣятельность правительства была по-прежнему успѣшна, такъ какъ султаномъ былъ Абдулъ-Меджидъ, а сераскиромъ Риза-паша. Нѣсколько дней спустя послѣ несчастнаго событія я былъ у сераскира; онъ спросилъ меня о запискѣ, которую я долженъ былъ подать Решиду-пашѣ, и о которой онъ говорилъ съ ними, условившись о томъ, какъ провести реформу.

Я представилъ Риза-пашѣ свою записку и нѣсколько дней спустя

былъ вызванъ въ сераскеріатъ, гдѣ мнѣ сообщили, что войско, коимъ я командовалъ, было причислено къ третьему корпусу и получило приказаніе двинуться въ Битагли (Bitaglji) и ожидать моего прибытія; а я былъ временно назначенъ въ коммиссію, на которую была возложена обязанность выработать правила для войска, которое будетъ нести службу на греческой границѣ. Въ эту коммиссію были назначены: дивизіонный генералъ Ибрагимъ-паша, бригадный генералъ Нурединъ-паша, членъ военнаго меджелиса, Мустафа-эфенди, драгоманъ сераскеріата и я; письмоводителемъ былъ назначенъ мой диванъ-эфенди, т. е. директоръ моей канцеляріи Весси-эфенди.

Перев. **В. В. Тимощукъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXI-й. АВГУСТЪ. 1900 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Императоръ Николай I и Польша въ 1825 — 1831 годахъ.** (Оконч.). Н. К. Шильдеръ..... 257—264
II. **Записки генерала В. И. Левенштерна**..... 265—297
III. **Внутреннія причины паденія Польши.** (Переводъ съ польской рукописи) . 299—326
IV. **Памяти Д. В. Григоровича.** (Пребываніе его въ главномъ Инжен. училищѣ). Ал. П. Савельева.. 327—336
V. **Изъ записокъ Д. А. Кармазина.** Сообщ. П. А. Тулубъ. 339—364
VI. **Гортензія Бегарна.** П. М. Майкова..... 365—381
VII. **Листки изъ дневника М. К. Мердеръ.** (Переводъ съ французскаго). Сообщилъ Алексѣй Мердеръ. 383—389
VIII. **Къ исторіи русской литературы:** Попытки братьевъ А. А. и М. А. Бестужевыхъ издавать журналъ. (1818—1823 г.)..... 391—405
IX. **Александръ Ефимовичъ Измайловъ. 1779—1831 гг.** Ив. Кубасова..... 407—430
X. **Записки Михаила Чайковскаго.** Перев. В. В. Тимощукъ..... 431—448
XI. **Записная книжка „Русской Старины“:** Два рескрипта о Н. Н. Новиковѣ. Рескрипты императрицы Екатерины II — ген. Лопухину. 23-го янв. и 11-го февраля 1786 г. (стр. 298). — Переправа имп. Николая I черезъ Нѣманъ въ 1846 г. Приказъ по 5-ой пѣхотной дивизіи 2-го декабря 1846 г. Сообщилъ подполковникъ К. І. Домбровскій (337 — 338). — О тайномъ ввозѣ въ Россію сочиненія Н. Тургенева. Письмо графа Орлова — Л. А. Перовскому, 15-го августа 1847 г. (382). — Къ характеристикѣ П. Коновницына: Письмо П. Коновницына — В. Н. Каразину. 26-го мая 1813. (390). — Приказъ графа Барклая де Толли по арміямъ съ благодарностью короля прусскаго, 12-го іюня 1814 года. (406).
XII. **Библіографич. листокъ** (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) **Архивъ Брюлловыхъ.**

2) Портретъ **Александра Ефимовича Измайлова** съ рисунка взятаго изъ альбома. Реш. Н. Н. Хелмицкій.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1900 г.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, 39.
1900.

VIII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го августа 1900 г.

Библіографическій листокъ.

Кафедра русскаго языка и словесности въ Юрьевскомъ (Дерптскомъ) университетѣ. Составилъ по архивнымъ и печатнымъ матеріаламъ Е. В. Пѣтуховъ. Юрьевъ. 1900.

Разбираемая нами книга Е. В. Пѣтухова, составляющая отдѣльный оттискъ изъ «Ученыхъ Записокъ Императорскаго Юрьевскаго университета», состоитъ изъ двухъ главъ и приложеннаго въ концѣ книги указателя личныхъ именъ.

Особенный интересъ представляетъ первая половина труда г. Пѣтухова, въ которой онъ знакомитъ читателя съ положеніемъ каѳедры русскаго языка въ Юрьевскомъ университетѣ со времени его основанія и до нашихъ дней. На ней мы и остановимся болѣе подробно.

При самомъ основаніи Дерптскаго (нынѣ Юрьевскаго) университета, по дарованнымъ ему временнымъ правиламъ — высочайше утвержденному плану 4-го мая 1799 г. и присоединеннымъ къ нему наименованіямъ 5-го января 1802 г.—полагался «учитель россійскаго языка», который долженъ былъ, кромѣ обученія желающихъ русскому языку, исполнять еще и обязанности университетскаго переводчика.

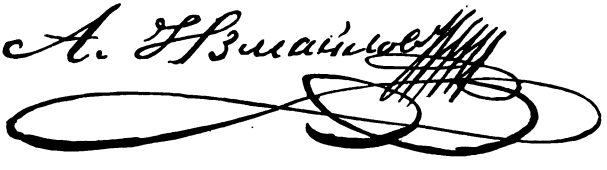
По уставу, утвержденному 12-го сентября 1803 г., въ числѣ другихъ, еще тогда немногочисленныхъ, каѳедръ положена была и каѳедра русскаго языка и литературы, представителями которой должны были быть «ординарный профессоръ россійскаго языка и словесности, который также ведетъ россійскую ученую переписку по препорученіямъ университетскаго правленія» и «лекторъ россійскаго языка, который состоитъ въ должности переводчика при университетскомъ Совѣтѣ».

Несмотря на равноправное съ внѣшней стороны положеніе каѳедры русскаго языка и литературы на-ряду съ другими каѳедрами философскаго факультета,—обученіе этимъ предметамъ съ самаго же начала не было сдѣлано обязательнымъ. Это обстоятельство, вытекавшее изъ взгляда на русскій языкъ со стороны новыхъ организаторовъ учебной части Юрьевскаго университета какъ на языкъ иностранный, подобно другимъ иностраннымъ языкамъ, сдѣлалось впослѣдствіи причиной многихъ пересудовъ и споровъ въ самой университетской средѣ и цѣлаго ряда запросовъ и распоряженій со стороны высшаго начальства, которое не могло не видѣть въ государственномъ языкѣ гораздо болѣе важнаго и существеннаго элемента университетскаго обученія, чѣмъ это представлялось административной и педагогической корпораціи университета, совершенно чуждой тогда обще-русскихъ государственныхъ интересовъ.

По новому уставу для этого университета, утвержденному 4-го іюня 1820 г., положеніе каѳедры русскаго языка и литературы улучшено прежнее. 17-го октября 1821 г. профессоръ русскаго языка и литературы В. И. Перевощиковъ, по предложенію Совѣта, представилъ планъ занятій по своему предмету для казенныхъ воспитанниковъ Медицинскаго института (при университетѣ), при чемъ находилъ этотъ планъ примѣнимымъ и къ прочимъ студентамъ всѣхъ факультетовъ. Планъ этотъ состоялъ въ слѣдующемъ: 1. Лекторъ русскаго языка долженъ преподавать этимологію и упражнять слушателей въ переводахъ съ русскаго языка на нѣмецкій. Послѣ того слушатели переходятъ къ профессору. 2. Профессоръ русскаго языка и литературы проходитъ съ ними синтаксисъ и остальныя части грамматики и упражняетъ ихъ въ переводахъ съ нѣмецкаго на русскій и въ разговорахъ. 3. Окончившимся основательно съ русскимъ языкомъ студентамъ профессоръ читаетъ исторію русской литературы и знакомитъ ихъ съ лучшими русскими писателями.

Несмотря на то, что планъ проф. Перевощикова былъ утвержденъ Совѣтомъ университета,—стремленіе студентовъ къ изученію русскаго языка было настолько слабо и невниманіе ихъ къ русскому языку столь очевидно, что Совѣтъ 18-го октября 1822 г. поставилъ продолжать декану медицинскаго факультета разъяснять воспитанникамъ Медицинскаго института настоятельную необходимость знанія ими русскаго языка въ виду возможности назначенія ихъ на службу во внутреннія губерніи Имперіи, а вскорѣ было постановлено даже сжать во время вакацій въ карцеръ тѣхъ студентовъ института, которые не будутъ усердно заниматься русскимъ языкомъ. Надо думать,—замѣчаетъ Е. В. Пѣтуховъ,—что и эта мѣра не имѣла благопріятныхъ послѣдствій, такъ какъ въ 1827 г. министръ народнаго просвѣщенія нашелъ необходимымъ указывать Совѣту на то, чтобы казеннымъ стипендіатамъ Медицинскаго института свидѣтельства объ окончаніи курса выдаваемы были не иначе, какъ по удостовѣреніи ихъ познаній въ русскомъ языкѣ.

16-го декабря 1836 г. была выражена высочайшая воля императора Николая Павловича: «во-первыхъ, строго подтвердить Дерптскому университету, чтобы никто не былъ удостоваемъ званія дѣйствительнаго студента, кандидата и лѣкаря безъ достаточнаго знанія русскаго языка, и во-вторыхъ, черезъ пять лѣтъ никого къ сей университетъ не принимать въ студенты, ежели не выдержитъ предварительнаго строгаго экзамена въ основательномъ знаніи русскаго языка». Но время шло, и со стороны университета, повидимому, не было ничего предпринято для того, чтобы привести въ исполненіе эту волю, и лишь, министръ народнаго просвѣщенія, гр. С. С. Уваровъ, очевидно уступая силѣ вещей, принуж-



(Копія съ портрета нарисованнаго въ 1820 году въ одномъ изъ альбомовъ).

Императоръ Николай I и Польша.

1825—1831 г.г.

XVI [1]).

Обратимся теперь къ тому, что дѣлалъ въ самое критическое время польско-русской войны цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

Послѣ Гроховской битвы, цесаревичъ въ виду временнаго затишья въ военныхъ дѣйствіяхъ, съ разрѣшенія главнокомандующаго, уѣхалъ въ Бѣлостокъ, гдѣ находилась княгиня Ловичъ [2]). Съ этого времени для цесаревича наступилъ самый тяжелый въ его жизни періодъ. «Мое положеніе такое, — пишетъ Константинъ Павловичъ въ письмѣ къ Ѳ. П. Опочинину,—что дѣйствительно живу со дня на день и нельзя даже обратить мысль или желаніе на будущее. Одна надежда на Господа Бога и упованіе на Его всемогущую волю. Безъ того есть съ чего съ ума сойтить. Жена у меня шибко была больна и теперь еще столь слаба, что лежитъ въ кровати уже другую недѣлю. Всѣ ея недуги не суть иное какъ послѣдствіе нашего выгона изъ Варшавы и претерпѣніе всѣхъ безпокойствъ какъ физическихъ, такъ и моральныхъ, а хуже всего продолженіе сего поло-

---

[1]) См. «Русск. Стар.» іюль 1900 г.

[2]) Цесаревичъ Константинъ Павловичъ писалъ по этому поводу императору Николаю: „Le maréchal, n'ayant rien en vue pour le moment, a bien voulu me permettre de prolonger mon séjour ici (т. е. въ Бѣлостокѣ) jusqu'à ce qu'il entreprenne quoi que ce soit".

женія, ибо по всѣмъ обстоятельствамъ конца не предвидится ни въ чемъ, слѣдовательно, и надежды нѣтъ къ тому»[1]).

Когда военныя дѣйствія возгорѣлись съ новой силой, цесаревичъ пожелалъ опять возвратиться съ своему гвардейскому отряду и даже настаивалъ на этомъ, но императоръ Николай воспротивился подобному намѣренію, находя неудобнымъ, чтобы братъ принялъ на себя вторично ту незначительную роль, не соотвѣтствующую занимаемому имъ положенію (le rôle insignifiant et inconvenant à votre rang), которую онъ уже разъ разыгралъ. «C'est préjudiciable et à votre caractère et à ce que vous avez été pour moi et à ce que vous êtes encore», — прибавилъ государь.

«Вамъ угодно было часто говорить мнѣ, что вы ревностно и преданно будете служить мнѣ»,—писалъ государь къ цесаревичу,—такъ вотъ позвольте же мнѣ во имя этого обѣщанія, даннаго съ вашей стороны и подъ видомъ личной мнѣ услуги, попросить ея у васъ, потребовать ея. Вся эта война мѣняетъ свой характеръ; изо дня въ день она становится болѣе серьезной, болѣе ожесточенной благодаря толкамъ, которые вожаки умѣютъ давать ей, пользуясь нашимъ долгимъ бездѣйствіемъ; уже однимъ изъ предлоговъ, которымъ они пользуются, между прочимъ, для воодушевленія противъ насъ войскъ, является бывшее ваше присутствіе въ арміи, какъ доказательство прямой мести. Отстранимъ даже призракъ подобной мысли. Я уже сказалъ вамъ и снова повторяю: никто не имѣетъ права упрекать васъ въ томъ, что вы не раздѣлили опасностей вашихъ храбрецовъ; благопріятный для этого моментъ миновалъ; другія соображенія, болѣе настоятельныя, должны противиться вашему возвращенію туда. Вы отказываетесь такъ же отъ командованія гвардіей, хотя я предлагалъ вамъ снова вступить въ него,—то было бы вполнѣ естественно и въ порядкѣ вещей, а въ будущемъ объединило бы все подъ вашимъ начальствомъ. Вы сіе не желаете, вѣроятно у васъ должны быть свои причины отказываться отъ него, но повторяю, это—именно то, чего я желаю. Болѣзненное состояніе моей несравненной сестры, о чемъ Михаилъ сообщаетъ мнѣ подробности, также является могущественнымъ побужденіемъ, чтобы въ настоящее время вамъ оставаться возлѣ нея. Однимъ словомъ, дорогой Константинъ, я долженъ настаивать на томъ, чтобы въ настоящую минуту вы отказались отъ намѣренія, на которое мнѣ невозможно согласиться»[2]).

---

[1]) Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ Ѳедору Петровичу Опочинину, отъ 13-го (25-го) марта 1831 года изъ Бѣлостока.

[2]) „Vous avez bien voulu me dire souvent que vous me serviriez avec zèle et dévouement; eh, bien, permettez que ce soit au nom de cette promesse de votre part et à titre de service que vous me rendrez que je

Убѣдительные доводы императора Николая оказались тщетными; цесаревичъ продолжалъ настаивать на своемъ мнѣніи. Тогда государь написалъ брату, что, исчерпавъ «все, что только было у меня на душѣ высказать вамъ какъ въ качествѣ брата, такъ и въ качествѣ преданнаго друга и, наконецъ,—что мнѣ было и постоянно будетъ самымъ тягостнымъ,—по долгу моей должности (par devoir de ma place), къ этому мнѣ болѣе нечего прибавить... Вы властны дѣйствовать въ настоящемъ случаѣ согласно вашей совѣсти, вашимъ убѣжденіямъ,—и я умолкаю. (Vous êtes le maître d'en agir selon votre conscience, votre conviction et—je me tais) [1]).

Не легко было императору Николаю писать все это брату, который, по выраженію государя, «былъ нашимъ властелиномъ и остался для меня таковымъ навсегда въ глубинѣ моего сердца (Vous qui avez été notre maître et qui pour moi l'êtes toujours au fond de mon coeur)»—но долгъ въ умѣ императора-рыцаря, какъ и всегда, взялъ верхъ надъ чувствомъ! Цесаревичъ покорился волѣ государя, которая, по его словамъ, для него была, есть и будетъ святая истина, и остался въ Бѣлостокѣ.

Наступили пасхальные праздники, и Константинъ Павловичъ писалъ Опочинину:

«Дай Боже, чтобы при сихъ высокоторжественныхъ дняхъ, по благости Его всѣ наши до сихъ поръ не весьма благополучныя событія, военныя и мірскія, перемѣнились въ нашу пользу. Я увѣренъ, что вы, любезный Ѳедоръ Петровичъ, раздѣляете въ полной мѣрѣ мои желанія,

---

vous la demande, que je l'exige. Toute cette guerre change de caractère; elle devient de jour en jour plus grave, plus acharnée par l'impulsion que les meneurs savent lui donner en profitant de notre longue inaction; déjà un des prétextes dont ils se servent entre autre pour animer la troupe contre nous est celui de votre présence passée à l'armée comme une preuve de vengeance directe. Eloignons même cette apparence de raison. Je vous l'ai dit et vous le répète: personne n'est en droit de vous faire le reproche de ne pas avoir partagé les périls de vos braves; le moment pour le faire est passé; d'autres motifs plus impérieux doivent s'opposer à votre retour là bas. Vous refusez aussi le commandement de la garde, quoique je vous avais proposé de le reprendre, ce qui eut été parfaitement naturel et en règle et plus tard réunissait le tout sous vos ordres. Vous ne voulez pas, vous devez avoir probablement vos raisons pour le refuser, cependant je le répète, c'est là ce que je désire. L'état souffrant de mon excellente soeur, dont Michel me donne les détails, est aussi un puissant motif pour vous fixer près d'elle dans ce moment. En un mot, cher Constantin, je dois insister à ce que vous renonciez pour le moment à cette intention, à laquelle il m'est impossible de consentir". (Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу, отъ 16-го (28-го) марта 1831 года).

[1]) Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу, отъ 30-го марта (11-го апрѣля) 1831 года.

*

истекающія отъ глубины сердца моего, чуждаго всегда всякаго зла и ничего другаго не желающаго, какъ общаго блага и справедливости... Я здоровъ, но до крайности скученъ и признаюсь, что надо много и много духу и твердости, дабы перенести теперешнее мое положеніе, вспоминая каждую минуту прошедшее... Есть минуты таковыя, что голова идетъ вокругъ и до съумасшествія не далеко. Если бы я былъ одинъ, почти всё потерявъ, бѣда не большая, но всѣ сіи невинныя жертвы и страдальцы каждую минуту передъ глазами и изъ мысли не выходятъ» [1]).

«Какая для меня разница въ окончаніи моихъ пятидесяти двухъ лѣтъ отъ роду и начатіи пятьдесятъ третьяго года съ предъидущими, и признаюсь, что никогда не воображалъ, чтобы могли постичь меня и моихъ тѣ всѣ несчастія, которыя уже были и продолжаютъ преслѣдовать, въ награду трудовъ, усердія, ревности къ службѣ и исполненія возложеннаго въ теченіе $16^1/_2$ лѣтъ. Богъ есть судія виновникамъ всего сбывающагося со всѣхъ сторонъ съ нами. Мое дѣло—молчаніе и терпѣніе и упованіе твердое на милость и благость Господа Всемогущаго, что поздно или рано выведетъ изъ сего столь труднаго положенія... Сегодня два года тому назадъ, какъ былъ торжественный въѣздъ государя въ Варшаву и гдѣ онъ былъ принятъ съ восторгомъ и съ изъявленіемъ наиживѣйшихъ чувствъ преданности и усердія. Я же былъ счастливъ тѣмъ, что могъ, какъ бы сказать, водворить моего государя, представя ему плоды заботъ всѣхъ родовъ, $16^1/_2$ лѣтъ продолжавшихся. Кто бы могъ тогда вообразить, что спустя два года все будетъ поставлено верхъ дномъ столь неистовыми, столь подлыми, столь неблагодарными, столь измѣнническими и столь ехидными способами, и которые завлекли цѣлый народъ и $^3/_4$ онаго противъ желанія и благополучія, которымъ онъ пользовался, въ бездну пропасти несчастія, въ угодность лицемѣровъ и ихъ пользу, дабы воспользоваться трудами другихъ. Волосы дыбомъ становятся, только-что объ этомъ подумаешь» [2]).

Вскорѣ пребываніе цесаревича въ Бѣлостокѣ сдѣлалось не безопаснымъ, вслѣдствіе появленія въ окрестностяхъ польскаго отряда Хлапов-

---

[1]) Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ Ѳ. П. Опочинину, отъ 1-го (13-го) мая 1831 года, изъ Бѣлостока.

[2]) Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ Ѳ. П. Опочинину отъ 5-го (17-го) мая 1831 года.

Въ припискѣ къ этому письму цесаревичъ написалъ:

„Pro memorio:

„1) сегодня 52 года, какъ я крещенъ.

„2) сегодня 36 лѣтъ, какъ я поступилъ на службу.

„3) сегодня 2 года, какъ былъ торжественный въѣздъ государя въ Варшаву для коронаціи".

скаго. Тогда цесаревичъ съ княгинею Ловичъ выѣхалъ 9-го (21-го) мая въ Слонимъ; но здѣсь поджидалъ его новый врагъ—холера. Страшась за свою супругу, цесаревичъ продолжалъ начатое отступленіе по бѣлорусскому тракту, черезъ Минскъ въ Витебскъ. По прибытіи въ послѣдній городъ, 3-го (15-го) іюня, цесаревичъ поселился въ домѣ генералъ-губернатора князя Хованскаго. Здѣсь Константинъ Павловичъ написалъ государю 7-го (19-го) іюня 1831 года послѣднее письмо, въ которомъ коснулся своего тягостнаго положенія и невозможности возвратиться въ Петербургъ.

«Я осмѣливаюсь настоятельно умолять васъ войти въ мое тягостное положеніе данной минуты,—писалъ цесаревичъ,—и въ ту фальшивую роль, которую я вынужденъ играть. Блуждая, какъ я, отдѣленный отъ плачевныхъ остатковъ моихъ, которыхъ я не долженъ былъ бы покинуть иначе какъ съ жизнью, и изъ чувства благодарности за вѣрность, которую они проявляли и доказывали мнѣ со времени всѣхъ моихъ несчастій; съ какимъ лицемъ и съ какимъ выраженіемъ хотите вы, дорогой и несравненный братъ, чтобы я явился къ вамъ въ Петербургъ, гдѣ уже, слава Богу, меня, надѣюсь, почти забыли? Или я могъ бы приблизиться къ вамъ съ выраженіемъ стыда? Или же съ выраженіемъ недовольнаго, какимъ я, конечно, никогда не буду? Или же съ видомъ огорченнаго, который будетъ истолкованъ своими и чужими въ смыслѣ недовольства и фальшивой распри, которая равнымъ образомъ есть и будетъ совершенно чуждой мнѣ, но которая, несмотря на это, будетъ по-своему истолкована недовольными, которые кишатъ повсюду? Или, наконецъ, для того, чтобы запереться у себя, почти не выходя оттуда, такъ какъ, признаюсь, я не буду въ состояніи показаться куда бы то ни было, не ощущая стыда за ту жалкую роль, которую я вынужденъ играть послѣ 36-ти лѣтъ службы. Благоволите также подумать, сколько людей потребуютъ отъ меня отчета въ своихъ родственникахъ и дѣтяхъ, которыхъ они мнѣ вѣрили и которыхъ я, повидимому, покинулъ, не будучи въ состояніи отвѣтить имъ съ доказательствами въ рукахъ и, тѣмъ не менѣе, они съ трудомъ этому повѣрятъ. Всѣмъ говорунамъ я не могу представить въ свое оправданіе письма, которыя вы соблаговолили мнѣ написать; они увидѣли бы въ нихъ только мою покорность и мое послушаніе въ исполненіи вашей высочайшей воли—удаляясь, согласно вашему желанію, изъ арміи» [1]).

---

[1]) „J'ose vous supplier instamment d'entrer dans ma pénible situation du moment et du faux rôle que je suis forcé de jouer; errant comme je le suis, séparé des tristes restes des miens, avec lesquels j'aurais dû ne me séparer qu'avec l'existence et par gratitude de la fidélité qu'ils m'ont prouvée et témoignée depuis tous mes malheurs, quelle mine et quelle figure voulez-vous, cher et excel-

Одновременно съ письмомъ къ государю, цесаревичъ излилъ также свою скорбь Ѳ. П. Опочинину и писалъ ему 7-го (19-го) іюня изъ Витебска:

«Я живу здѣсь уже четвертыя сутки и отдыхаю отъ скуки и усталости физической и моральной и никакого занятія другого не имѣю какъ скуку, скуку и скуку. Впрочемъ здоровъ, но жена по пріѣздѣ сюда крайне ослабла и уже третьи сутки какъ съ кровати не встаетъ, авось Господь Богъ поможетъ, надежда на Него одного. Здѣсь покамѣстъ все тихо и хорошо. По всей дорогѣ насъ окружали уваженіемъ и желаніемъ угодить и дѣлать пріятное во всѣхъ сословіяхъ. Симъ, признаюсь, я былъ весьма тронутъ и благодаренъ, въ особенности въ моемъ теперешнемъ скитающемся положеніи. Долго ли я здѣсь пробуду и что изъ меня будетъ, зависитъ отъ обстоятельствъ и отъ разрѣшенія государя императора на письмо, которое я сегодня къ нему послалъ. Испытавъ все въ службѣ военной, на старости лѣтъ испыталъ и должность фурштадтскаго чиновника: du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas. Что же дѣлать, ежели судьбѣ такъ угодно».

Развязка была уже близка. Въ ночь съ 14-го (26-го) на 15-е (27-е) іюня 1831 года, цесаревичъ Константинъ Павловичъ заболѣлъ холерою и въ тотъ же день въ 7¼ часовъ вечера скончался.

Княгиня Ловичъ увѣдомила государя о случившемся печальномъ событіи особымъ письмомъ:

«Мой братъ, вы будете очень несчастны, потому что несчастна я, а одно лишь обстоятельство въ мірѣ могло сдѣлать меня несчастной. Въ четыре часа онъ заболѣлъ, а въ восемь вечера! О, мой Боже, сжальтесь надъ нами, надъ императоромъ, надо мною, надъ нами... Мой братъ, каковы будутъ ваши приказанія относительно его?» [1]).

---

lent frère, que j'apporte auprès de vous à Pétersbourg où déjà, grâce à Dieu, l'on m'a, j'espère, presque oublié? Est-ce avec la mine de honte que je pourrai vous approcher? est-ce avec la mine d'un mécontent que certes je ne serai jamais? est-ce avec une mine peinée et qui sera interprétée par les siens et les étrangers comme mécontentement et brouille de famille partout? est-ce enfin pour me claquemurer chez moi, sans en sortir, puisque, je l'avoue, que je ne pourrai me présenter nulle part sans honte du triste rôle que je suis forcé de jouer après 36 années de service. De plus, veuillez songer combien de monde me demanderont compte de leurs parents et enfants qu'ils m'avaient confiés et que j'ai l'air d'avoir abandonnés et auxquels je ne pourrai répondre preuves en mains et, malgré cela, ils y croiront avec peine. Je ne pourrai présenter me justifications dans les lettres que vous avez daignées m'écrire, à tous ces parleurs et dans lesquelles ils ne verraient que ma soumission et mon obéissanc à exécuter vos ordres suprêmes... en m'éloignant d'après vos désirs de l'armée' (Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Никола отъ 7-го (19-го) іюня 1831 года, изъ Витебска.

[1]) „Witebsk, ce 15 (27) 1831.

„Mon frère, vous serez bien malheureux, car je le suis et une chose au mond

Вечеромъ, 17-го (29-го) іюня, генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ отправился къ государю, находившемуся въ Петергофѣ. «На пути,—пишетъ Бенкендорфъ,—встрѣтилъ меня фельдъегерь, который, остановивъ коляску, подалъ мнѣ записку отъ князя Волконскаго, требовавшаго, именемъ государя, неотложнаго моего прибытія.. Нѣсколько удивленный симъ, такъ какъ пріѣзда моего въ Петергофъ уже и безъ того ожидали, я, однако же, велѣлъ погонять лошадей и вскорѣ домчался до маленькаго домика, занимаемаго государемъ. Первыя попавшіяся мнѣ лица были два доктора императрицы. Ихъ озабоченный видъ крайне меня испугалъ. Едва я успѣлъ, на вопросъ мой, услышать, что императрицѣ сейчасъ пускали кровь, какъ вышелъ государь, весь въ слезахъ, и, схвативъ меня за руку, увлекъ въ свой кабинетъ. Здѣсь, въ такомъ волненіе, какъ мнѣ никогда не случалось его видѣть, онъ передалъ мнѣ полученное имъ извѣстіе, что братъ его, Константинъ Павловичъ, скончался отъ холеры [1]). Когда я прочелъ печальныя подробности этой внезапной кончины, государь сказалъ мнѣ, что, желая дать очевидное доказательство живаго участія, пріемлемаго имъ въ положеніи несчастной вдовы цесаревича, онъ сейчасъ отправляетъ меня къ княгинѣ Ловичъ съ изъявленіемъ ей своего соболѣзнованія и съ приглашеніемъ пріѣхать въ Петербургъ при тѣлѣ ея мужа, котораго она не рѣшалась оставить. Чувствуя себя при выѣздѣ изъ города совершенно здоровымъ, я вышелъ изъ государева кабинета больнымъ. Относя это единственно къ печальнымъ ощущеніямъ отъ неожиданной вѣсти о кончинѣ цесаревича, я пошелъ въ свои комнаты, чтобы распорядиться приготовленіями къ предстоящей поѣздкѣ; но едва успѣлъ, кончивъ ихъ, прилечь, какъ во мнѣ открылись всѣ признаки холеры. Прибывшій въ эту минуту изъ Петербурга врачъ государевъ Арендтъ, прибѣжавъ ко мнѣ, испугался при видѣ перемѣны въ моемъ лицѣ. Послѣ данныхъ мнѣ лѣкарствъ и горячей ванны, откуда меня вынули безъ чувствъ, мнѣ сдѣлалось нѣсколько

---

pouvait me rendre malheureuse. A quatre, il est tombé malade, mais à huit du soir! O mon Dieu, prenez pitié de nous, de l'Empereur, de moi, de nous... Mon frère, qu'ordonnez vous à progros de lui?

[1]) Кончина цесаревича Константина Павловича возвѣщена была манифестомъ, подписаннымъ 17-го іюня 1831 года на дачѣ Александріи близъ Петергофа, въ которомъ сказано:

„Среди печальныхъ сердцу нашему событій Всевышнему угодно было усугубить горесть нашу. Любезнѣйшій братъ нашъ цесаревичъ и великій князь Константинъ Павловичъ, пораженный заразительною болѣзнію, въ Витебскѣ свирѣпствовавшею, послѣ сильныхъ, но скоротечныхъ страданій скончался отъ холеры въ пятнадцатый день сего мѣсяца. Съ душою скорбною, но съ смиреніемъ къ неисповѣдимымъ опредѣленіямъ Царя царей, возвѣщаемъ всенародно о постигшей домъ нашъ печали“.

легче. Тотчасъ взяты были всевозможныя предосторожности для охраненія царскаго жилища отъ привезенной мною заразы. Но государь въ ту же еще ночь навѣстилъ меня и потомъ, въ теченіе слишкомъ трехъ недѣль, каждый день удостоивалъ меня своимъ посѣщеніемъ и продолжительною бесѣдою, предметы которой представляли, впрочемъ, обыкновенно мало отраднаго».

Въ это время ко всѣмъ заботамъ, обременявшимъ тогда императора Николая, присоединилась еще новая печаль: съ 14-го (26-го) іюня въ Петербургѣ открылась холера, которая черезъ нѣсколько дней приняла угрожающіе размѣры. Страшная болѣзнь привела въ трепетъ всѣ классы населенія и въ особенности простонародіе, которое всѣ мѣры для охраненія его здоровья, усиленный полицейскій надзоръ, оцѣпленіе города и даже уходъ за пораженными холерою въ больницахъ начало считать преднамѣреннымъ отравленіемъ. Стали собираться въ скопища, останавливать на улицахъ иностранцевъ, обыскивать ихъ для открытія носимаго при себѣ мнимаго яда, гласно обвинять врачей въ отравленіи народа. Напослѣдокъ, 22-го іюня (4-го іюля), чернь, возбужденная толками и подозрѣніями, столпилась на Сѣнной площади и, посреди многихъ другихъ безчинствъ, бросилась съ яростью разсвирѣпѣвшаго звѣря на домъ, въ которомъ была устроена временная больница. «Всѣ этажи,— какъ пишетъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ,—въ одну минуту наполнились этими бѣшеными, которые разбили окна, выбросили мебель на улицу, изранили и выкинули больныхъ, приколотили до полусмерти больничную прислугу и самымъ безчеловѣчнымъ образомъ умертвили нѣсколько врачей. Полицейскіе чины, со всѣхъ сторонъ тѣснимые, попрятались или ходили между толпами переодѣтыми, не смѣя употребить своей власти. Наконецъ, военный генералъ-губернаторъ графъ Эссенъ, показавшійся среди сборища, равномѣрно не успѣлъ возстановить порядка и также долженъ былъ укрыться отъ изступленной толпы. Въ недоумѣніи, что предпринять, городское начальство собралось у графа Эссена, куда прибылъ и командовавшій въ Петербургѣ гвардейскими войсками графъ Васильчиковъ. Послѣ предварительнаго совѣщанія, послѣдній привелъ на Сѣнную площадь батальонъ Семеновскаго полка съ барабаннымъ боемъ. Это хотя и заставило народъ разойтись съ площади въ боковыя улицы, но нисколько его не усмирило и не заставило образумиться. Въ ночь волненіе нѣсколько стихло, но все еще городъ былъ далеко отъ обыкновеннаго порядка».

Князь Меншиковъ въ дневникѣ своемъ пишетъ: «Принуждены были двинуть войска, которыя, не видя государя, показали недовѣріе къ начальству, но магическое для русскихъ слово все перемѣнило. Графъ Закревскій сказалъ, что поляки подбиваютъ народъ, и мигомъ преображенцы зарядили ружья. 23-го іюня (5-го іюля) государь поѣхалъ въ Пе-

тербургъ водою, на пароходѣ «Ижора», взялъ меня и доктора Арендта; мы пристали къ Елагину острову, который запертъ для охраненія отъ холеры. Здѣсь государь узналъ о положеніи города отъ военнаго генералъ-губернатора и другихъ лицъ, призванныхъ для свиданія и объясненія. Сѣлъ въ коляску и, взявъ меня съ собою, отправился на Преображенское парадное мѣсто, гдѣ лагеремъ стоялъ батальонъ сего полка. Государь объявилъ имъ, что есть злоумышленные люди, подбивающіе народъ къ безпокойству, что войска вчера возстановили порядокъ, что онъ войска благодаритъ и увѣренъ, что впредь также будутъ дѣйствовать. Солдаты отвѣчали восклицаніями преданности весьма замѣчательными и криками «ура!». Государь проѣхалъ потомъ Каретною частью, гдѣ погрозилъ нѣкоторымъ толпамъ и лавочникамъ. Оттуда проѣхалъ на Сѣнную площадь, гдѣ собрано было до 5.000 народу. Вставъ среди коляски и обратившись къ толпѣ, государь сказалъ:

— Вчера учинены были злодѣйства, общій порядокъ былъ нарушенъ, стыдно народу русскому, забывъ вѣру отцовъ своихъ, подражать буйству французовъ и поляковъ, они васъ подучаютъ, ловите ихъ, представляйте подозрительныхъ начальству, но здѣсь учинено злодѣйство, здѣсь прогнѣвали мы Бога, обратимся къ церкви, на колѣни, и просить у Всемогущаго прощенія.

«Вся площадь стала на колѣни и съ умиленіемъ крестилась, и государь тоже; были слышны нѣкоторыя восклицанія: «согрѣшили окаянные». Продолжая потомъ рѣчь свою къ народу, государь объявилъ толпѣ:

— Что, клявшись передъ Богомъ охранять благоденствіе ввѣреннаго ему Промысломъ народа, онъ отвѣчаетъ передъ Богомъ и за безпорядки, а потому онъ ихъ не попуститъ,—повторяя еще: — Самъ лягу, но не попущу, и горе ослушникамъ.

«Въ это время нѣсколько человѣкъ возвысили голосъ. Государь воскликнулъ къ народу:

— До кого вы добираетесь, кого вы хотите, меня ли? Я никого не страшусь, вотъ я!.. (показываетъ на свою грудь).

«Народъ въ восторгѣ и слезахъ кричалъ «ура!». Послѣ сего государь поцѣловалъ одного старика изъ народа и воротился на Елагинъ и въ Петергофъ.

«24-го іюня (6-го іюля) слухи и ложныя извѣстія о безпокойствахъ въ Петербургѣ тревожили насъ цѣлый день, и государь нѣсколько разъ собирался туда ѣхать. 25-го іюня (7-го іюля) день рожденія государя. Послѣ обѣда онъ опять поѣхалъ изъ Петергофа на пароходѣ къ Ела-

гину острову, гдѣ, взявъ графа Чернышева съ собою, объѣзжалъ городъ, былъ въ Аничковскомъ дворцѣ и возвратился въ Петергофъ»[1]).

Порядокъ былъ возстановленъ, но холера не уменьшилась—умирало до 600 человѣкъ въ день. Несмотря на значительное число вновь устроенныхъ больницъ, ихъ становилось мало; священники едва успѣвали отпѣвать трупы.

26-го іюня (8-го іюля) императоръ Николай писалъ фельдмаршалу Паскевичу:

«Здѣсь у насъ послѣдовали новыя весьма важныя затрудненія, которыя, однако, съ помощію всемогущаго, всемилосерднаго Бога, мы превозможемъ. Холера уже тринадцатый день насъ посѣтила и ею заболѣло болѣе 1.200 человѣкъ всѣхъ состояній и изъ коихъ до половины умерли! Народъ ей не вѣритъ, и буйство возросло до того, что два госпиталя разграбили и убили лѣкаря и другихъ. Мнѣ удалось унять народъ своими словами безъ выстрѣла, но войско, стоя въ лагерѣ, безпрестанно въ движеніи, чтобы укрощать и разсѣивать толпы. Вчера былъ я опять въ городѣ, меня съ покорностію слушаютъ и, слава Богу, начинаютъ приходить въ порядокъ. Но признаюсь, все это меня крайне мучаетъ, отъ тебя жду съ нетерпѣніемъ утѣшенія. Да поможетъ тебѣ Богъ»[2]).

Въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ, отъ 4-го (16-го) іюля, государь сообщилъ графу Паскевичу еще слѣдующія свѣдѣнія о ходѣ болѣзни въ Петербургѣ.

«Здѣсь со вчерашняго дня, благодаря милосердному Богу, холера нѣсколько слабѣетъ. Но дѣйствія ея были ужасны и на всѣ состоянія. Мы лишились отличнаго почтеннаго графа Оппермана; потеря сія для меня наичувствительнѣйшая, я его никѣмъ не могу замѣнить. Умерли также генералъ-интендантъ флота генералъ Головнинъ, морской артиллеріи генералъ-маіоръ Барановъ, путей сообщенія ген.-маіоръ Шефлеръ и Аѳанасьевъ и много другихъ. Графъ Ланжеронъ умираетъ и, наконецъ, сею же болѣзнію умерла статсъ-дама княгиня Куракина. Въ городѣ все тихо, и народъ вѣритъ и унылъ. Въ войскѣ потеря сносна, но въ Кронштадтѣ—ужасна! Потерялъ я также бѣднаго графа Потоцкаго, но сей не отъ холеры, а отъ камня въ печени».

---

[1]) Донесенія, представленныя генералъ-адъютанту Бенкендорфу изъ III-го отдѣленія, по поводу событій, сопровождавшихъ появленіе холеры въ Петербургѣ въ 1831 году.

[2]) Графу П. А. Толстому государь писалъ 29-го іюня (10-го іюля) 1831 года:

„Здѣсь появилась холера и уже около 2.000 ею заболѣло и половина померла. Были безпокойства и буйства, но съ помощію Божіею прекращены безъ оружія; но гибель эта большая". (Военно-Ученый Архивъ. Отд. 1. № 645.

15-го (27-го) іюля государь могъ уже сообщить Паскевичу болѣе успокоительныя извѣстія:

«Здѣсь все тихо и въ порядкѣ... болѣзнь, слава Богу, столь же скоро исчезаетъ, какъ страшно скоро развилась».

По свидѣтельству генералъ-адъютанта Бенкендорфа, въ Петербургѣ «на каждомъ шагу встрѣчались траурныя одежды и слышались рыданія. Духота въ воздухѣ стояла нестерпимая. Небо было накалено какъ бы на далекомъ югѣ, и ни одно облачко не застилало его синевы, трава поблекла отъ страшной засухи—вездѣ горѣли лѣса и трескалась земля. Дворъ переѣхалъ изъ Петергофа въ Царское Село, куда переведены были и кадетскіе корпуса. За исключеніемъ Царскаго Села, холера распространилась и по всѣмъ окрестностямъ столицы. Народъ страдалъ отъ препонъ, которыя полагались торговлѣ и промышленности. Правительство должно было работать за всѣхъ, подавая руку помощи нуждавшимся, предупреждая безпорядки и заботясь о народномъ продовольствіи».

Министерство внутреннихъ дѣлъ издало въ 1831 году: «Наставленіе къ распознанію признаковъ холеры, предохраненію отъ оной и къ первоначальному ея лѣченію». Эта брошюра наполнена многими любопытными правилами и причинила немало бѣдъ руководствовавшимся заключавшимися въ ней наставленіями. Лицамъ, подающимъ помощь одержимому холерою, предписывалось: «имѣть съ собою скляночку съ растворомъ хлориновой извести, или съ крѣпкимъ уксусомъ, которымъ чаще потирать себѣ руки, около носа, виски и проч., кромѣ сего носить въ карманѣ сухую хлориновую известь въ полотняной сумочкѣ».

Между тѣмъ, всѣхъ тѣхъ, которые строго исполняли это правило, народъ на улицахъ останавливалъ и если находилъ въ карманѣ въ скляночкѣ уксусъ, либо порошки хлористой извести, заставлялъ, въ удостовѣреніе, что это не ядъ, вышивать, а порошокъ насильно сыпалъ въ ротъ. Несчастныя жертвы заботливости о самосохраненіи были избиваемы, и многіе поплатились даже жизнію. Всѣ эти явленія происходили отъ усвоенной тогда властями ложной отправной точки, что холера обладаетъ свойствами чумы и переносится людьми и вещами; поэтому правительство придумывало цѣлый рядъ охранительно-стѣснительныхъ мѣръ, вызвавшихъ только народныя волненія и всеобщее неудовольствіе.

Въ «Наставленіи» попадаются и комическія страницы; такъ напримѣръ запрещалось жить въ жилищахъ тѣсныхъ и нечистыхъ; запрещалось предаваться гнѣву, страху, унынію и безпокойству духа и вообще сильному движенію страстей; запрещалось вскорѣ послѣ сна выходить на воздухъ. «А если требуетъ того необходимость, то должно одѣваться теплѣе, и никакъ не выходить безъ обуви». Запрещалось выходить изъ дому, не омывши все тѣло, или, по крайней мѣрѣ, руки, виски и за

ушами «растворомъ хлориновой соды или извести, а за недостаткомъ оныхъ, чистымъ уксусомъ, или простымъ виномъ, смѣшаннымъ съ деревяннымъ чистымъ масломъ».

Въ объявленіи «Положенія С.-Петербургскаго комитета, составленнаго подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора, для принятія мѣръ противъ распространенія холеры въ здѣшней столицѣ», отъ 20-го іюня 1831 года, между прочимъ, сказано было: «При полученіи извѣстій отъ частнаго пристава о каждомъ сомнительномъ больномъ, попечитель отправляется самъ для освидѣтельствованія больнаго, оказанія ему пособія и чтобъ собрать всѣ нужныя свѣдѣнія о томъ домѣ, гдѣ больной оказался, дабы всѣ мѣры къ огражденію самаго дома были приняты» и проч.

Очевидецъ тревожныхъ холерныхъ дней 1831 года разсказываетъ слѣдующій случай, вызванный упомянутымъ объявленіемъ: «Разъ, проходя по Моховой улицѣ, я увидѣлъ, что трехъ-этажный домъ, находящійся наискось церкви Симеона, былъ запертъ и оцѣпленъ полиціей; у воротъ стояли два будочника, а третій—ходилъ подъ окнами по тротуару. Жители, въ страхѣ и отчаяніи, высунувшись изъ отворенныхъ оконъ всѣхъ этажей, что-то кричали,—я разобрать не могъ. Лица, проходящія мимо этого дома, бѣжали, затыкая платками носы, или нюхали уксусъ. Я изъ любопытства остановился наблюдать, что будетъ; думалъ, что вотъ явится попечитель или частный, или квартальный и распорядится, чтобы больной былъ удаленъ въ больницу, а здоровые были выпущены. Но напрасны были мои ожиданія; прошло вѣрныхъ полчаса, никто не являлся и никакого распоряженія не послѣдовало. Слышу въ воротахъ крикъ, шумъ, стукъ молотковъ; ворота шатаются, и видно, что на нихъ изнутри напираютъ. Къ счастію жителей, на дворѣ жилъ слесарь, который, собравъ своихъ рабочихъ, сбилъ калитку съ петель; калитка упала, и вся эта толпа съ радостью и крикомъ бросилась на улицу; жители вздохнули свободно; въ одну минуту у оконъ никого не было; всѣ ринулись вонъ изъ дома и разбѣжались по всѣмъ направленіямъ; полиція въ мигъ исчезла; что было далѣе, сказать не могу, потому что я, дивясь тому, что видѣлъ, продолжалъ путь свой» [1]).

Встрѣчались и другія картины тогдашнихъ петербургскихъ нравовъ. Неумѣлая и невѣжественная полиція того времени нерѣдко забирала въ домахъ пьяныхъ людей и, принимая ихъ за холерныхъ, отправляла въ больницы. Здѣсь, подобный мнимый больной, очнувшись, бѣжалъ домой по улицѣ въ больничномъ халатѣ и въ колпакѣ, распространяя въ

---

[1]) И. Р. Фонъ-деръ-Ховенъ: Холера въ С.-Петербургѣ въ 1831 году. „Русская Старина", 1884 г., т. 44, стр. 395.

народѣ ненависть къ докторамъ и къ больницамъ, а также молву, что туда хватаютъ народъ для отравы.

Множество народа покинуло въ холерное время столицу; эти бѣглецы разнесли по Россіи нелѣпые слухи объ отравѣ; въ новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ подобные слухи нашли для себя благопріятную почву и послужили поводомъ къ страшному возмущенію.

«Въ Старой Руссѣ,—писалъ императоръ Николай графу Паскевичу 15-го (27-го) іюля 1831 года, — и въ другихъ мѣстахъ повторились здѣшнія сцены и подъ тѣмъ же глупымъ предлогомъ. Въ Старую Руссу посланы войска, и дальнѣйшаго еще не знаю».

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ посвятилъ этому печальному событію въ своихъ запискахъ слѣдующія строки:

«Несмотря на всѣ перемѣны, внесенныя въ военныя поселенія императоромъ Николаемъ, сѣмя общаго неудовольствія, взращенное между поселянами коренными основами первоначальнаго ихъ образованія и стѣснительнымъ управленіемъ Аракчеева, еще продолжало въ нихъ корениться. Прежніе обыватели этихъ мѣстъ, оторванные отъ покоя и независимости сельскаго состоянія и подчиненные строгой дисциплинѣ и трудамъ военнымъ, покорялись и той и другимъ лишь противъ воли. Введенные въ ихъ составъ солдаты, скучая однообразіемъ безпрестанной работы и мелочными требованіями, были столь же недовольны своимъ положеніемъ, какъ и прежніе крестьяне. Достаточно было одной искры, чтобы вспыхнуло общее пламя безпокойства. Холера и слухи объ отравѣ послужили къ тому лишь предлогомъ. Военные поселяне, возбуждая другъ друга, дали волю давнишней своей ненависти къ начальству и бросились съ яростію на офицеровъ и врачей. Всѣ округи огласились общимъ воплемъ, требовавшимъ смерти офицеровъ и отравителей; всякій, кто не могъ спастись отъ нихъ скорымъ бѣгствомъ, былъ безпощадно убиваемъ, и одно только поселеніе 1-го Карабинернаго полка не приняло никакого участія въ этихъ звѣрскихъ кровопролитіяхъ. Резервные батальоны тѣхъ полковъ, которые такъ мужественно дрались въ Польшѣ, равнодушно смотрѣли на совершавшіяся въ ихъ глазахъ неистовства, и хотя не уклонялись прямо отъ повиновенія, но очень вяло исполняли приказанія своихъ начальниковъ. Уже люди злонамѣренные начинали являться для направленія этого гнуснаго возстанія, уже эмиссары старались возбудить окрестныхъ помѣщичьихъ крестьянъ противъ ихъ владѣльцевъ. Въ Старой Руссѣ народъ бросился на помѣщеніе полиціи, умертвилъ городничаго, нанесъ жестокіе побои прочимъ полицейскимъ чиновникамъ, разбилъ питейные дома и въ торжествѣ бѣгалъ по опустѣлымъ улицамъ. Генералы собрали батальоны, но не отважились идти на бунтовщиковъ, въ опасеніи, что приказанія

ихъ останутся неисполненными. Все, что еще оставалось на сторонѣ законной власти, было погружено въ уныніе и бездѣйствовало [1]).

---

[1]) Когда начался бунтъ въ военныхъ поселеніяхъ, графъ Аракчеевъ, опасаясь за свою безопасность, поспѣшилъ удалиться изъ Грузина въ Новгородъ. Но здѣсь графа ожидало не менѣе чувствительное огорченіе; мѣстное начальство не только не озаботилось принять мѣры къ его успокоенію, но поступками своими даже побуждало его къ выѣзду въ Тверскую губернію. Тогда Аракчеевъ обратился къ императору Николаю съ письменною жалобою.

По поводу этого письма, государь написалъ графу Чернышеву нижеслѣдующія строки:

„Изъ прилагаемаго письма г. Аракчеева увидите, сколь неприлично поступаютъ съ генераломъ, въ службѣ считающимся. Напишите предписаніе г. Люце и г. губернатору, что на личную ихъ отвѣтственность возлагаю блюсти за безопасностью г. Аракчеева во время его пребыванія въ Новгородѣ; что ихъ дѣло охранять отъ обидъ каждаго, подавно же тѣхъ, кои удостаиваютъ носить мой военный мундиръ. Г. Люце, какъ временному коменданту, поставить слѣдующихъ по уставу часовыхъ къ дому г. Аракчеева и принять всѣ мѣры, еслибъ, чему не вѣрю, была точная опасность, чтобъ съ нимъ ничего не приключилось. Напишите въ сильныхъ и положительныхъ выраженіяхъ".

Вслѣдствіе высочайшей воли, выраженной въ приведенной нами резолюціи, графъ Чернышевъ обратился изъ Царскаго Села 1-го (13-го) августа 1831 года къ новгородскому коменданту генералъ-маіору Люце съ слѣдующимъ отношеніемъ:

„До высочайшаго свѣдѣнія дошло, что г. генералъ-отъ-артиллеріи графъ Аракчеевъ, по случаю разнесшихся слуховъ объ угрожающей будто бы ему опасности буйства военныхъ поселянъ, пріѣхалъ изъ имѣнія своего Грузина въ Новгородъ, полагая быть тамъ безопаснѣе; но, что вопреки сего ожиданія, мѣстное начальство не только не заботилось принять зависящія мѣры къ его успокоенію, но, напротивъ того, совершенно несоотвѣтственными ни званію, ни лѣтамъ его своими поступками, показало рѣшительную наклонность побудить его къ выѣзду въ Тверскую губернію.

„Въ чувствахъ негодованія на столь неприличное отношеніе къ полному генералу, состоящему на службѣ его величества, государь императоръ высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ немедленно предписать вашему превосходительству, что его величество изволитъ возлагать на личную вашу и г. новгородскаго гражданскаго губернатора отвѣтственность имѣть за безопасностью графа Аракчеева, во все пребываніе его въ Новгородѣ, самое дѣятельнѣйшее попеченіе, поставя при томъ на видъ вамъ, что ежели вы по настоящему званію и г. губернаторъ облечены непремѣнно обязанностію ограждать отъ обидъ всѣхъ и каждаго, то кольми паче были обязаны обратить сугубое вниманіе ваше къ особѣ генерала высшей степени, и что сверхъ того въ особенности ваше превосходительство, какъ временный комендантъ города, имѣли долгомъ своимъ поставить къ дому генерала графа Аракчеева слѣдующихъ по уставу часовыхъ и вообще употребить къ охраненію его способы, ежели бы ему дѣйствительно могла угрожать какая-либо опасность, что однако же государь императоръ изволитъ полагать совершенно невѣроятнымъ.

«Но, среди произведенныхъ безчинствъ, поселяне сами испугались всего ими совершеннаго и рѣшились послать депутацію къ государю. Нѣкоторые изъ числа ихъ повѣренныхъ были остановлены за станцію до Царскаго Села, другіе прошли прямо въ Петербургъ. Государь пожелалъ видѣть этихъ людей и приказалъ графу Орлову привести ихъ въ Ижору, куда взялъ и меня съ собою. Когда они предстали передъ его величествомъ, то онъ велѣлъ всѣмъ стать на колѣни, строго изобразилъ имъ всю гнусность ихъ поступковъ и всю тягость заслуженнаго ими наказанія.

— Ступайте домой,—заключилъ онъ,—и скажите вашимъ, что я пришлю моего генералъ-адъютанта Орлова, чтобы произвести строжайшее разысканіе и принять надъ ними начальство. Смотрите же слушаться его.

«Орловъ вслѣдъ затѣмъ поѣхалъ въ поселеніе. Его твердость, присутствіе духа и значеніе, которое давала ему присылка отъ высочайшаго имени, ободрили начальниковъ и утвердили повиновеніе въ колебавшихся солдатахъ.

«Но государь хотѣлъ самъ все лично видѣть и потушить въ его началѣ бунтъ, угрожавшій самыми опасными послѣдствіями. Онъ отправился въ поселеніе совершенно одинъ, оставя императрицу въ послѣднемъ періодѣ ея беременности и въ смертельномъ безпокойствѣ, по случаю этой отважной поѣздки. Постоянный рабъ своихъ царственныхъ обязанностей, государь исполнялъ то, что считалъ своимъ долгомъ; ничто, лично до него относившееся, не въ силахъ было остановить его.

«Онъ пріѣхалъ прямо въ округъ военныхъ поселеній и предсталъ передъ собранными батальонами, запятнавшими себя кровью своихъ офицеровъ. Лицъ ему не было видно; всѣ преступники лежали распростертыми на землѣ, ожидая безмолвно и трепетно монаршаго суда. Повторивъ сказанное ихъ депутатамъ, государь приказалъ вывести изъ рядовъ главныхъ виновныхъ и предать ихъ немедленно военному суду. Все было исполнено съ слѣпою покорностію. Одному батальону, еще болѣе другихъ осквернившему себя злодѣяніями и также лежавшему лицомъ къ землѣ, государь тутъ же велѣлъ выйти изъ экзерцигауза и идти немедленно, въ полномъ его составѣ, въ Петербургъ, гдѣ людей размѣстить по крѣпостямъ, подвергнуть суду и выключить изъ списковъ. Весь батальонъ поднялся, повернулся направо и пошелъ въ величайшемъ порядкѣ, къ мѣсту своего назначенія. Ни одинъ солдатъ не отва-

---

„Таковую высочайшую волю объявляя вашему превосходительству къ точному и непремѣнному исполненію, долгомъ считаю присовокупить, что вмѣстѣ съ симъ предписано уже объ оной и г. новгородскому гражданскому губернатору".

жился даже попросить позволенія проститься съ семьею или взять что-нибудь изъ своего имущества.

«Потомъ государь обратился къ начальникамъ, отдалъ имъ приказанія о составѣ военно-судныхъ коммиссій и о дальнѣйшихъ распоряженіяхъ для возстановленія порядка [1]). Старорусскіе жители также хотѣли просить себѣ помилованія, но государь, наиболѣе противъ нихъ раздраженный, отозвался, что его нога не будетъ въ ихъ преступномъ городѣ, и что ихъ разберетъ также военный судъ.

«Между тѣмъ, обнаружившіяся на дѣлѣ пагубныя послѣдствія существованія военныхъ поселеній, почти у воротъ столицы, и глубоко укоренившагося въ поселеніяхъ неудовольствія къ своему положенію не могли не обратить на себя особеннаго вниманія. Явилась необходимость измѣнить начала устройства поселеній и уничтожить этотъ духъ братства и совокупныхъ интересовъ, который изъ двѣнадцати гренадерскихъ полковъ составлялъ какъ бы отдѣльную и при томъ вооруженную общину, разъединенную и отъ арміи, и отъ народа. Но такъ какъ, послѣ случившагося, надлежало избѣгать малѣйшей уступки, то ко всѣмъ перемѣнамъ было приступлено уже позже и при томъ болѣе въ видѣ наказанія. Одинъ 1-й Карабинерный полкъ, въ награду за свое поведеніе, остался на прежнемъ своемъ положеніи; во всѣхъ прочихъ велѣно дѣтей поселянъ, причислявшихся прежде къ своимъ полкамъ, распредѣлять безъ разбора по полкамъ армейскимъ; убыль въ гренадерскихъ полкахъ пополнить рекрутами изъ всѣхъ губерній; отдѣлить солдатъ отъ поселянъ, оставляя первыхъ только на жительствѣ у послѣднихъ, какъ вообще въ деревняхъ, и обложить поселянъ денежными сборами. Впослѣдствіи помѣщенія двухъ гренадерскихъ полковъ были заняты двумя гвардейскими кавалерійскими полками, квартировавшими прежде въ Варшавѣ, а помѣщеніе третьяго—отведено подъ кадетскій корпусъ.

«Изъ этой поѣздки, составлявшей столь блестящую страницу царствованія императора Николая,—онъ успѣлъ возвратиться ко времени разрѣшенія августѣйшей своей супруги. Богъ обрадовалъ его, 27-го іюля (8-го августа) 1831 года, рожденіемъ сына Николая [2]). Послѣ

---

[1]) Подверглись наказанію: розгами — 150 человѣкъ, шпицъ-рутенами — 1.599 человѣкъ, кнутомъ—88 человѣкъ, исправительно—773 человѣка.

Послѣ тѣлеснаго наказанія и во время таковаго умерло 129 мятежниковъ.

[2]) Въ письмѣ къ графу П. А. Толстому, императоръ Николай 28-го іюля (9-го августа) пишетъ: „Богъ меня наградилъ за поѣздку мою въ Новгородъ, ибо, спустя нѣсколько часовъ послѣ моего возвращенія, Богъ даровалъ женѣ счастливое разрѣшеніе отъ бремени сыномъ Николаемъ".

Въ тотъ же день государь писалъ по тому же поводу графу Паскевичу: „Богъ благословилъ жену мою, давъ ей вчера счастливое разрѣшеніе отъ

всѣхъ испытанныхъ государемъ огорченій, это радостное событіе было первымъ свѣтлымъ проблескомъ и какъ бы началомъ новой, лучшей эпохи въ его жизни. Въ прошедшемъ все было омрачено печалями и бѣдствіями, надъ будущимъ висѣла, казалось, такая же черная туча. Война въ Польшѣ, возстаніе въ западныхъ губерніяхъ, страшная смертность въ столицахъ, матежъ на Сѣнной площади и въ военныхъ поселеніяхъ,—все это мало обѣщало хорошаго. И вдругъ все измѣнилось: съ каждымъ курьеромъ стали приходить, одна за другою, лишь добрыя вѣсти».

Но до прибытія въ Петербургъ столь нетерпѣливо ожидаемыхъ добрыхъ вѣстей изъ дѣйствующей арміи, императоръ Николай испыталъ еще много душевныхъ волненій. «Что за минута! лихорадка бьетъ, но съ покорностью жду, что Богъ дастъ», — писалъ государь Паскевичу. Къ существовавшимъ тогда политическимъ тревогамъ присоединилось еще потрясающее впечатлѣніе, которое должно было произвести на государя погребеніе тѣла скончавшагося цесаревича Константина Павловича. 1-го (13-го) августа императоръ Николай писалъ графу Паскевичу: «Вчера привезли тѣло брата въ Гатчино, и, признаюсь, тяжелый былъ мнѣ день; свиданіе съ сестрой было ужасно, и я больной воротился».

Церемонія ввоза тѣла цесаревича черезъ Петербургъ въ крѣпость состоялась лишь 14-го (26-го) августа; шествіе двинулось отъ Московской заставы и продолжалось четыре часа, во время проливнаго дождя. За колесницей ѣхалъ верхомъ императоръ Николай со свитою. 17-го (29-го) августа тѣло было предано землѣ въ Петропавловскомъ соборѣ.

Ближайшимъ послѣдствіемъ кончины цесаревича Константина Павловича явился указъ отъ 29-го августа 1831 года, въ которомъ сказано:

«На основаніи закона, постановленнаго въ Учрежденіи объ императорской фамиліи, повелѣваемъ: любезнѣйшаго сына нашего наслѣдника всероссійскаго престола, его императорское высочество великаго князя Александра Николаевича, отнынѣ впредь наименовать во всѣхъ случаяхъ государемъ наслѣдникомъ цесаревичемъ и великимъ княземъ».

Княгиня Ловичъ поселилась въ Царскомъ Селѣ. По разсказу генералъ-адъютанта Бенкендорфа: «болѣзненная, печальная, убитая судьбою, неумолчно оплакивавшая того, который возвелъ ее на степень невѣстки царской и не переставалъ до конца своихъ дней питать къ ней самую нѣжную привязанность и дружбу, она не хотѣла никого видѣть

бремени сыномъ Николаемъ. Наша радость, велика, и нельзя отъ глубины души не признавать милость Божію, что среди всѣхъ несчастій и скорбей поддержалъ здоровье жены моей столь удивительнымъ образомъ".

и заключалась въ своей скорби. Только для меня сдѣлано было исключеніе, такъ какъ въ послѣднее время я состоялъ въ постоянной перепискѣ съ цесаревичемъ и при томъ жилъ въ одномъ изъ флигелей того дворца, который она занимала. Я нашелъ, что умъ и сердце ея сохранили всю прежнюю теплоту и живость; но постигшій ее ударъ и несчастіе горячо любимой ею отчизны сильно подѣйствовали на ея нервы и разстроили воображеніе. Она съ жаромъ заступалась за образъ дѣйствія покойнаго супруга и старалась, если не оправдать, то по крайней мѣрѣ ослабить безразсудство и неблагодарность своихъ соотечественниковъ. Вся ея бесѣда свидѣтельствовала о сильномъ волненіи, въ конецъ разрушившемъ остатокъ жизненныхъ силъ, уже истощенныхъ слабымъ сложеніемъ. Вскорѣ княгиня пала жертвой нервическаго недуга».

Между тѣмъ, польскій мятежъ все болѣе приближался къ окончательной кровавой развязкѣ. 4-го (16-го) іюля русская армія начала переправляться на лѣвый берегъ Вислы у Осыка близъ прусской границы, а затѣмъ продолжала медленно и осторожно наступать къ Варшавѣ. Наконецъ, двухъ-дневный штурмъ 25-го и 26-го августа (6-го и 7-го сентября) рѣшилъ участь польской столицы; остатки мятежной арміи очистили городъ и Прагу, отступивъ къ Модлину. Гвардія, подъ личнымъ предводительствомъ великаго князя Михаила Павловича, вступила 27-го августа (8-го сентября) въ покоренную Варшаву, черезъ Іерусалимскую заставу; къ вечеру графъ Паскевичъ переѣхалъ въ Бельведерскій дворецъ.

«Варшава у ногъ вашего императорскаго величества»,—доносилъ фельдмаршалъ Паскевичъ императору Николаю.

Посланный съ этимъ радостнымъ извѣстіемъ флигель-адъютантъ ротмистръ князь Суворовъ, внукъ генералиссимуса, прибылъ въ Царское Село 4-го (16-го) сентября. За два дня до того государь получилъ отъ фельдмаршала диспозицію для предстоящаго штурма Варшавы; легко представить себѣ, въ какомъ безпокойствѣ провелъ Николай Павловичъ эти двое сутокъ въ ожиданіи рѣшительнаго извѣстія. Все русское общество въ Петербургѣ и въ Москвѣ находилось съ нѣкотораго времени въ подобномъ же тревожномъ ожиданіи грядущихъ событій. Наконецъ, вожделѣнный курьеръ прибылъ. Окружавшая Царское Село цѣпь остановила Суворова. Государь самъ къ нему выѣхалъ и привезъ его торжествуя во дворецъ.

«Какъ всегда, первымъ движеніемъ великаго нашего монарха было возблагодарить Бога. Въ нѣсколько минутъ дворецъ наполнился людьми, и всѣ были внѣ себя отъ радости»,—пишетъ Бенкендорфъ.

По словамъ государя, «восторгъ Петербурга описать нельзя, только что съ ума не сходятъ, что будетъ въ Москвѣ» [1]).

Императоръ Николай осчастливилъ своего побѣдоноснаго фельдмаршала слѣдующими милостивыми строками:

«Слава и благодареніе всемогущему и всемилосердному Богу!—Слава тебѣ, мой старый отецъ-командиръ, слава геройской нашей арміи! Какъ мнѣ выразить тебѣ то чувство безпокойства, которое вселило во мнѣ письмо твое отъ 24-го числа, все, что происходило во мнѣ тѣ три безконечные дня, въ которые между страха и надежды ожидалъ роковой вѣсти и, наконецъ, то счастье, то неизъяснимое чувство, съ коимъ обнялъ я твоего вѣстника.

«Ты! съ помощью Бога всемилосерднаго, поднялъ вновь блескъ и славу нашего оружія, ты наказалъ вѣроломныхъ измѣнниковъ, ты отомстилъ за Россію, ты покорилъ Варшаву—отнынѣ ты свѣтлѣйшій князь Варшавскій! Пусть потомство вспоминаетъ, что съ твоимъ именемъ неразлучна была честь и слава россійскаго воинства, а имя твое да сохранитъ каждому память дня, вновь прославившаго имя русское. Вотъ искреннее изреченіе благодарнаго сердца твоего государя, твоего друга, твоего стараго подчиненнаго. Ахъ! зачѣмъ я не летѣлъ за тобой, по-прежнему въ рядахъ тѣхъ, кои мстили за честь Россіи; больно носить мундиръ и въ таковые дни быть прикованну къ столу, подобно мнѣ несчастному» [2]).

Паденіе Варшавы не положило сразу конецъ кровопролитію въ Польшѣ. Война продолжалась еще нѣкоторое время, но не долго.

Ромарино съ 14.000 человѣкъ при 42-хъ орудіяхъ перешелъ въ Галицію и 5-го (17-го) сентября сдался австрійцамъ; вмѣстѣ съ нимъ удалился изъ Польши князь Адамъ Чарторижскій, который, предугадывая печальную судьбу, ожидавшую его въ Россіи, воспользовался случаемъ безпрепятственно выйти изъ сферы русскаго вліянія [3]).

---

[1]) Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому, отъ 10-го (22-го) сентября 1831 года, изъ Царскаго Села.

Въ томъ же письмѣ, государь относительно Франціи замѣтилъ:

„Ежели французы дѣйствительно столь же сумасбродны быть хотятъ, какъ ученики ихъ—поляки, то врядъ-ли избѣгнуть намъ всеобщей войны. Что-то будетъ въ Парижѣ, когда узнаютъ про штурмъ Варшавы? Цѣлаго стекла не оставятъ у Поццы въ домѣ... Желаю мира, но не надѣюсь“.

[2]) Письмо императора Николая къ князю Варшавскому, отъ 4-го (16-го) и 5-го (17-го) сентября 1831 года.

[3]) 6-го (18-го) октября 1831 года послѣдовалъ указъ Правительствующему Сенату:

„Члена Государственнаго Совѣта и сенатора тайнаго совѣтника князя Чарторижскаго, нарушившаго присягу вѣрности и съ упорствомъ участвовавшаго во всѣхъ преступныхъ предпріятіяхъ польскихъ мятежниковъ, до

*

Занятіе генераломъ Ридигеромъ вольнаго города Кракова побудило Ружицкаго также искать спасенія на австрійской территоріи. Главныя силы польской арміи, удалившіяся къ Модлину, кончили тѣмъ, что 23-го сентября (5-го октября), подъ начальствомъ новаго главнокомандующаго Рыбинскаго, перешли въ Пруссію въ числѣ 21.000 человѣкъ, при 95 орудіяхъ. При польскихъ войскахъ, удалившихся изъ Варшавы, находилось новое мятежное правительство, съ Бонавентурой Немоевскимъ во главѣ. Модлинъ, съ 6.000-мъ гарнизономъ, сдался 26-го сентября (8-го октября), а въ заключеніе, Замостье—съ 4.000-мъ гарнизономъ—9-го (21-го) октября 1831 года. Польскій мятежъ кончился; но для Россіи вожделѣнный миръ сопровождался новымъ зломъ: въ Европѣ появилась польская эмиграція. Десятки тысячъ человѣкъ разсѣялись по всему міру, утративъ отечество; интересы ихъ и испытанныя невзгоды требовали выставлять себя и Польшу жертвами тиранства и гоненій; они понесли свою ненависть и вопль противъ Россіи въ Парижъ, Лондонъ, Бельгію и Америку. Образовавшейся тогда эмиграціи обязаны мы были съ 1831 года враждебнымъ настроеніемъ общественнаго мнѣнія въ Западной Европѣ къ русскому правительству, выражавшимся при каждомъ удобномъ случаѣ и словомъ и дѣломъ.

Въ Петербургѣ, побѣдоносное окончаніе польско-русской войны отпраздновали 6-го (18-го) октября торжественнымъ парадомъ и молебствіемъ на Марсовомъ полѣ.

«Помолившись сегодня утромъ Богу и воздавъ Ему за благодѣянія Его,—писалъ государь князю Варшавскому,—обращаюсь вторично къ тебѣ, мой любезный Иванъ Ѳедоровичъ, какъ виновнику сегодняшняго торжества, именемъ моимъ и отъ лица благодарнаго отечества; спасибо, отъ глубины души спасибо! Смотръ и вся церемонія были прекрасны; войска было 19.000 при 84 орудіяхъ, погода прекрасная и видъ чрезвычайный». Вмѣстѣ съ тѣмъ, императоръ Николай обрадовалъ князя Варшавскаго новою милостью: сынъ фельдмаршала удостоился производствомъ въ прапорщики. «Поздравляю тебя съ прапорщикомъ имени твоего полка, княземъ Ѳедоромъ Варшавскимъ; желаю, чтобы онъ шелъ по стопамъ отца и былъ достойный ему во всемъ наслѣдникъ».

Глубоко растроганный неожиданною царскою милостію, фельдмаршалъ отвѣчалъ государю:

«Еще одна милость изліяна вашимъ императорскимъ величествомъ на меня, пожалованіемъ моего сына въ офицеры. Увеличенныя благо-

---

самаго окончательнаго ихъ усмиренія и покоренія оружіемъ нашимъ всего края, признавая недостойнымъ присутствовать въ Государственномъ Совѣтѣ и Правительствующемъ Сенатѣ, повелѣваемъ изъ списковъ службы исключить".

дѣянія ваши налагаютъ на меня обязанность приложить стараніе заслужить оныя, но вашимъ милостямъ нѣтъ конца, и силы мои къ службѣ вашей, государь, у ногъ вашихъ, чтобы заслужить оныя» [1]).

На это письмо императоръ Николай отвѣчалъ безцѣнными для фельдмаршала строками, ярко освѣщающими отношенія, окончательно установившіяся, послѣ взятія Варшавы, между государемъ и его другомъ—отцомъ-командиромъ.

«Я радуюсь,—писалъ государь,—ежели назначеніемъ сына могъ тебѣ принести удовольствіе; но знай, что и твои заслуги выше моихъ наградъ, ежели мнѣ по моимъ чувствамъ судить. Наружные знаки милостей для людей; но то сердечное чувство благодарности, которое въ моемъ сердцѣ, оно для твоей души, которая мою понимаетъ; стало, ежели ты вѣришь моей благодарности, моей искренной любви, дружбѣ и довѣренности,—то я доволенъ» [2]).

Въ день петербургскаго мирнаго торжества, обнародованъ былъ манифестъ, въ которомъ объявлялось, что возжженная измѣной война прекратилась; вмѣстѣ съ тѣмъ, государь коснулся въ немъ и будущей своей политической программы по отношенію къ побѣжденной Польшѣ.

«Россіяне! съ помощію небеснаго Промысла, мы довершимъ начатое нашими храбрыми войсками»,—читаемъ мы въ заключительныхъ словахъ манифеста. «Время и попеченія наши истребятъ сѣмена несогласій, столь долго волновавшихъ два соплеменные народа. Въ возвращенныхъ Россіи подданныхъ нашихъ царства Польскаго вы также будете видѣть лишь членовъ единаго съ вами великаго семейства. Не грозою мщенія, а примѣромъ вѣрности, великодушія, забвенія обидъ, вы будете способствовать успѣху предначертанныхъ нами мѣръ, тѣснѣйшему, твердому соединенію сего края съ прочими областями имперіи, и сей государственный неразрывный союзъ, къ утѣшенію нашему, ко славѣ Россіи, да будетъ всегда охраняемъ и поддерживаемъ чувствомъ любви къ одному монарху, однѣхъ нераздѣльныхъ потребностей и пользъ общаго, никакимъ раздоромъ не возмущаемаго счастія» [3]).

На молебствіе 6-го октября были также приглашены представители дипломатическаго корпуса. Французскій полномочный министръ баронъ Бургоэнъ, въ бесѣдѣ съ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ импе-

---

[1]) Изъ письма князя Варшавскаго императору Николаю, отъ 19-го (31-го) октября 1831 года.

[2]) Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому, отъ 24-го октября (5-го ноября) 1831 года.

[3]) Манифестъ императора Николая, отъ 6-го (18-го) октября 1831 года. Одновременно съ манифестомъ императоръ Николай отдалъ еще приказъ по арміи.

ратору Николаю людей, сказалъ: «Что скажетъ Франція, если, въ моемъ лицѣ, ея цвѣта появятся на предстоящемъ торжествѣ? Я не въ правѣ поступать такъ, и сердце мое возмущается при этой мысли». Послѣ приведенныхъ здѣсь словъ французскаго дипломата, неудивительно, что онъ не присутствовалъ на молебствіи, чѣмъ очень опечалилъ государя, осыпавшаго его нѣкогда знаками своего вниманія.

Въ Варшавѣ молебствіе и парадъ, по случаю окончанія Польской войны, происходили 4-го (16-го) октября на равнинѣ между Іерусалимскою и Вольскою заставами; парадомъ командовалъ великій князь Михаилъ Павловичъ. По окончаніи молебствія его высочество, неожиданно приказавъ войскамъ взять на караулъ, отдалъ честь князю Варшавскому и, подъѣхавъ къ фельдмаршалу, опустилъ шпагу предъ представителемъ русской военной славы. Шумное и долго неумолкавшее «ура!» раздалось въ рядахъ войска. «Въ минуту этого піитическаго состоянія каждаго изъ находившихся на парадѣ, всѣ были поражены новымъ зрѣлищемъ,—пишетъ очевидецъ этого торжества,— фельдмаршалу угодно было приказать войскамъ взять на караулъ, чтобы отблагодарить его высочество, и только-что его свѣтлость, подъѣхавъ къ его высочеству, снялъ шляпу, безъ всякаго предварительнаго приказанія вновь разлилось по войску «ура!»—безпрерывное, безконечное; восторгъ былъ всеобщій» [1]).

За границею извѣстіе о взятіи Варшавы, какъ и слѣдовало ожидать, не было принято сочувственно.

«Въ Парижѣ бѣсились нѣсколько дней сряду,—писалъ императоръ Николай,—и насъ ругали до крайности; но все это очень хорошо, ибо доказываетъ ясно, что они заодно стояли, и что сей ударъ, par contre coup, имъ отдался сильно. Въ Англіи, напротивъ, приняли сіе какъ должно и благородно» [2]).

Государь остался также недовольнымъ австрійскимъ правительствомъ, когда, между прочимъ, явились затрудненія при выдачѣ нижнихъ чиновъ корпуса Ромарино. Объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующія строки письма императора Николая къ князю Варшавскому: «Затѣи австрійцевъ подлы и двуличность гнусна, но не время съ ними ссориться, а ты весьма умно и хорошо поступилъ—велѣвъ объявить нижнимъ чинамъ, что могутъ возвратиться; оно не только не противно, но даже совершенно согласно съ моими намѣреніями, тебѣ извѣстными. Поведеніе нашихъ сосѣдей тѣмъ неблагоразумнѣе, что не даетъ имъ право въ тяжелое для нихъ время просить нашей помощи; и я, вѣрно, не

---

[1]) Достопамятныя черты изъ жизни генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго и храбрыхъ его сподвижниковъ. Москва, 1833 г., стр. 193—201.

[2]) Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому, отъ 24-го сентября (6-го октября) 1831 года, изъ Царскаго Села.

пролью капли драгоцѣнной русской крови за ихъ дѣло, ежели они произвольно нарушать станутъ трактаты, а для насъ однихъ считать ихъ будутъ святыми. Предвижу имъ всѣмъ плохой конецъ съ подобной политикой. Тѣмъ нужнѣе намъ скорѣе кончить и упрочить наше дѣло» [1]).

Основной взглядъ императора Николая на польскія дѣла, выработавшійся послѣ братоубійственной войны 1831 года и опредѣлившій собою послѣдующую судьбу Польши, выразился въ слѣдующихъ словахъ, сказанныхъ государемъ въ разговорѣ съ барономъ Бургоэномъ:

— Да, я знаю, Европа несправедлива въ отношеніи меня. Обоихъ насъ, моего брата Александра и меня, подвергаютъ отвѣтственности за то, чего мы оба не дѣлали. Не намъ принадлежитъ мысль о раздѣлѣ Польши: это событіе уже стоило Европѣ многихъ хлопотъ, пролило много крови и можетъ пролить еще; но не насъ слѣдуетъ упрекать въ томъ. Мы должны были принять дѣла такими, какими ихъ передали намъ. Я имѣю обязанности, какъ императоръ Россійскій. Я долженъ остерегаться повторенія тѣхъ ошибокъ, которыя породили нынѣшнюю кровопролитную войну. Между поляками и мною можетъ существовать лишь полнѣйшая недовѣрчивость (méfiance absolue). Привожу доказательства: покойный братъ мой осыпалъ благодѣяніями королевство Польское, а я свято уважалъ все имъ сдѣланное. Что была Польша, когда Наполеонъ и французы пришли туда въ 1807 году? Песчаная и грязная пустыня. Мы провели здѣсь превосходные пути сообщенія, вырыли каналы въ главныхъ направленіяхъ. Промышленности не существовало въ этой странѣ; мы основали суконныя фабрики, развили разработку желѣзной руды, учредили заводы для ископаемыхъ произведеній, которыми изобилуетъ страна, дали обширное развитіе этой важной отрасли народнаго богатства. Я расширилъ и украсилъ столицу; существенное преимущество, данное мною польской промышленности для сбыта ея новыхъ продуктовъ, возбудило даже зависть въ моихъ другихъ подданныхъ. Я открылъ подданнымъ королевства рынки имперіи; они могли отправлять свои произведенія далеко, до крайнихъ азіатскихъ предѣловъ Россіи. Русская торговля высказалась даже по этому поводу, что всѣ новыя льготы дарованы были моимъ младшимъ сыновьямъ въ ущербъ старшихъ сыновей. Вы отвѣтите, что это только матеріальныя благодѣянія, и что въ сердцахъ таятся другія чувства, кромѣ стремленій къ выгодамъ. Очень хорошо! Посмотримъ, не сдѣлали ли мы, мой братъ и я, всего возможнаго, чтобы польстить душевнымъ чувствамъ, воспоминаніямъ объ отечествѣ, о національности и даже либеральному

[1]) Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому, отъ 18-го (30-го) октября 1831 года, изъ Москвы.

чувству. Императоръ Александръ возстановилъ названіе королевства Польскаго, на что̀ не рѣшался даже Наполеонъ. Братъ мой оставилъ за поляками народное обученіе на ихъ національномъ языкѣ, ихъ кокарду, ихъ прежніе королевскіе ордена: Бѣлаго Орла, Святаго Станислава и даже тотъ военный орденъ, который они носили въ память войнъ, веденныхъ съ вами и противъ насъ. Они имѣли армію совершенно отдѣльную отъ нашей, одѣтую въ національные цвѣта. Мы надѣлили ихъ оружейными заводами и пушечными литейными. Мы дали не только то, что удовлетворяетъ всѣ интересы, но и что льститъ страстямъ законной гордости: они нисколько не оцѣнили всѣхъ этихъ благодѣяній. Оставивъ имъ все, что было даровано, значило бы не признать опыта. Мои-то дары они и обратили противъ своего благодѣтеля. Прекрасная армія, такъ хорошо обученная братомъ моимъ Константиномъ, снабженная вдоволь всѣми необходимыми предметами, вся эта армія возстала; литейные, оружейные заводы, арсеналы, мною же столь щедро наполненные, послужили ей для того, чтобы воевать со мною. Я въ правѣ принять предосторожности, чтобы предупредить повтореніе случившагося. Углубимся, какъ говорятъ, въ самую суть вопроса. Что такое поляки? Народъ, разбросанный по обширной территоріи, которая принадлежитъ тремъ различнымъ державамъ. Развѣ я въ правѣ вернуться къ раздѣлу, такъ давно исполненному тремя различными державами? Всѣ сторонники поляковъ разглагольствуютъ объ этомъ на досугѣ. Они забываютъ, что я россійскій императоръ, что я долженъ принимать во вниманіе не только выгоды, но и страсти моихъ русскихъ подданныхъ и сочувствовать ихъ страстямъ въ томъ, что онѣ имѣютъ въ себѣ справедливаго. Гдѣ же я возьму составныя начала Польши, возстановляемой въ воображеніи? Имѣютъ ли въ виду раздѣлъ 1792 года, или мечтаютъ о возстановленіи всей Польши, какъ она существовала до перваго раздѣла? Но вѣдь ни Австрія, ни Пруссія, ни мои русскіе подданные не позволили бы мнѣ этого. Вы видите, что нѣтъ возможности вернуться къ прошедшему. Могу утверждать съ полною искренностью, что мы осыпали поляковъ всякаго рода благодѣяніями; могу сказать самымъ восторженнымъ ихъ сторонникамъ: найдите мнѣ, въ какое угодно время, подъ русскимъ ли владычествомъ, въ эпоху ли герцогства Варшавскаго, въ пору ли буйнаго избирательнаго королевскаго правленія, Польшу болѣе богатую, лучше устроенную, съ болѣе превосходною арміей, съ болѣе цвѣтущими финансами, съ болѣе развитою промышленностью передъ Польшею въ царствованіе императора Александра и мое. Поляки не оцѣнили всѣхъ этихъ преимуществъ; довѣріе навсегда разрушено между ими и мною. (La confiance est à jamais détruite entre eux et moi).

Всѣ доводы императора Николая не поколебали, однако, убѣжденій барона Бургоэна, который продолжалъ настаивать на необходимости

возстановить въ Польшѣ, хотя отчасти, тотъ порядокъ вещей, который существовалъ до мятежа, находя, что поляковъ скорѣе можно образумить милосердіемъ, нежели строгостію. Государь возразилъ, въ свою очередь, дипломату, что никогда не позволитъ себѣ этого (Je m'en garderai bien). Впрочемъ, въ семъ роковомъ вопросѣ баронъ Бургоэнъ былъ не одинокимъ проповѣдникомъ политики милосердія и всепрощенія. Парротъ, опальный другъ императора Александра, также заступился за поляковъ и писалъ въ 1831 году его преемнику:

«Прежде чѣмъ написать вамъ эти строки, я палъ ницъ предъ Божествомъ. Я просилъ Его очистить мое сердце отъ всякой слабости, а мой умъ—отъ всякаго предубѣжденія. Я умолялъ Его осѣнить меня, чтобы подать вамъ совѣтъ. Почтите, государь, эту мольбу безкорыстнаго старца, который имѣетъ въ виду лишь васъ, ваши истинные интересы, вашу славу. Я вопрошалъ свое сердце, соразмѣрялъ настоящее, и вся моя душа взываетъ къ вамъ: милосердіе! милосердіе! Конфисковать имѣнія мятежниковъ—это значитъ обогащаться гнуснымъ способомъ. Желать отомстить русскую пролившуюся кровь—заблужденіе. Казня живыхъ, нельзя воскресить мертвыхъ. Месть—проявленіе страстей. Прощать—это сѣять братство среди людей, предотвратить месть въ какой-либо критическій моментъ. А кто поручится вамъ, государь, что критическій моментъ не наступитъ для васъ? или для вашего дорогаго сына? Развѣ у васъ, государь, нѣтъ какого-либо грѣха, который нужно было бы искупить? И вотъ милосердіе въ отношеніи Польши искупитъ ихъ всѣ» [1]).

Наконецъ, независимо отъ краснорѣчивыхъ изліяній неисправимаго александровскаго идеалиста, даже среди русскаго общества, несмотря на патріотическія увлеченія минуты, раздавались голоса въ пользу примирительной политики. Князь П. А. Вяземскій въ одномъ изъ своихъ писемъ пишетъ: «что дѣлается въ Петербургѣ послѣ взятія Варшавы?

---

[1]) „Avant de vous écrire ces lignes je me suis prosterné devant la Divinité. Je L'ai priée de purifier mon coeur de toute faiblesse et mon esprit de toute prévention. Je L'ai suppliée de me sanctifier pour vous donner des conseils. Honorez, Sire, cette prière d'un vieillard désintéressé qui ne voit que vous, votre véritable intérêt votre gloire. J'ai sondé mon coeur, j'ai calculé le présent et l'avenir et mon âme entière vous crie: clémence! clémence! Confisquer le bien des rebelles, c'est s'enrichir d'une manière odieuse. Vouloir venger le sang russe qui a coulé c'est une erreur. On ne ressucite pas les morts par le supplice des vivants. La vengeance est de la passion. Pardonner, c'est fraterniser les hommes, c'est prévenir la vengeance dans un moment critique. Et qui vous répondra, Sire! que le moment critique ne viendra pas pour vous? ou pour votre fils chéri? N'avez vous pas, Sire, quelque péché à expier. Eh bien! la clémence envers la Pologne les expiera tous". (Изъ письма Паррота къ императору Николаю, отъ 2-го (14-го) марта 1831 года).

Именемъ Бога (если Онъ есть) и человѣчности (если она есть) умоляю васъ, распространяйте чувства прощенія, великодушія и состраданія. Миръ жертвамъ. Право сильнаго восторжествовало. Такимъ образомъ, Провидѣніе удовлетворено. Да будетъ оно прославлено, равно какъ и тѣ, кому сіе надлежитъ; но не будемъ подражать дикарямъ, съ пѣснями пляшущимъ вокругъ костровъ, на которые положены ихъ плѣнники. Будемъ снова европейцами»[1]).

Тѣмъ не менѣе, идеи строгости и возмездія одержали верхъ. Императоръ остался вѣренъ мысли, высказанной имъ еще до усмиренія польскаго мятежа, что «если вопросъ рѣшится оружіемъ, тогда между нами будетъ лишь полнѣйшее недовѣріе (la méfiance la plus absolue)».

XVII.

Государь, раздѣлившій съ Москвою въ 1830 году холерное бѣдствіе, пожелалъ теперь побывать снова въ своей древней столицѣ, когда, послѣ усмиренія польскаго мятежа, воцарились снова въ землѣ миръ и спокойствіе. 11-го (23-го) октября императоръ Николай прибылъ въ Москву, а черезъ три дня пріѣхала туда императрица Александра Ѳеодоровна, а 28-го октября (9-го ноября) наслѣдникъ цесаревичъ.

«Ты удивишься, любезный Иванъ Ѳедоровичъ, когда узнаешь мой внезапный отъѣздъ съ женой сюда; но я считалъ его полезнымъ для того, чтобы удостовѣриться самому объ духѣ Москвы и дать оному нужное мнѣ направленіе»,—писалъ императоръ Николай князю Варшавскому, 15-го (27-го) октября 1831 года. По пріѣздѣ же въ Москву, государь писалъ: «сказать восторгъ жителей Москвы невозможно, надо самому это видѣть; день былъ прелестный, и народу было столько, что сверху страшно было смотрѣть. Замѣчательно, что ключи Модлина ко мнѣ доставлены наканунѣ молебствія; ключи Замостья здѣсь, наканунѣ

---

[1]) „Que devient Pétersbourg après la prise de Varsovie? Au nom de Dieu, s'il y en a un, et de l'humanité, s'il y en a une, propagez des sentiments de pardon, de générosité, de commisération. Paix aux victimes! Le droit du plus fort a eu le dessus. La Providence est donc en règle. Gloire lui soit rendue, ainsi qu'à tous à qui de droit; mais n'imitons pas les sauvages, qui dansent autour des bûchers de leurs ennemis. Redevenons Européens". (Изъ письма князя П. А. Вяземскаго къ Елисаветѣ Михайловнѣ Хитровой, отъ 7-го (19-го) октября 1831 года, изъ Москвы. „Русскій Архивъ" 1895 года, книга 2-я, стр. 111).

же молебствія. Великъ Богъ русскій, десница Его видна вездѣ и во всемъ, Онъ любитъ Россію» [1]).

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ пишетъ по поводу пребыванія государя въ Москвѣ, что площадь передъ дворцомъ съ утра до ночи кишѣла народомъ, надѣявшимся увидѣть кого-нибудь изъ членовъ императорской фамиліи въ окошко. «При ихъ выѣздахъ, толпа бѣжала имъ на встрѣчу и сопровождала радостными криками ихъ экипажи. Государь, посѣщая съ обычною своею дѣятельностью общественныя заведенія, работалъ, между тѣмъ, неусыпно надъ преобразованіемъ управленія царства Польскаго и надъ сліяніемъ западныхъ нашихъ губерній, въ отношеніи къ ихъ законамъ и обычаямъ, съ великороссійскими. Дано было новое направленіе Виленскому университету и другимъ мѣстнымъ училищамъ, введеніемъ въ нихъ преподаванія русскаго языка, какъ основы всего ученія. Бездомное и вѣчно безпокойное сословіе шляхты было отдѣлено, въ правахъ и привилегіяхъ своихъ, отъ истиннаго дворянства и обращено въ нѣчто среднее между помѣщикомъ и землевладѣльцемъ. Наконецъ, присутственныя мѣста и должностныя лица, вмѣсто прежнихъ польскихъ своихъ названій, получили тѣ же, какъ и въ Россіи. Въ это пребываніе двора въ Москвѣ, привезли туда всѣ знамена и штандарты бывшей польской арміи, и государь приказалъ поставить ихъ въ Оружейную палату, въ числѣ трофеевъ, скопленныхъ тутъ вѣками [2]). Тамъ же, на полу, у подножія императора Александра, была положена и хартія, нѣкогда имъ пожалованная царству Польскому» [3]).

---

[1]) Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому, отъ 18-го (30-го) октября 1831 года, изъ Москвы.

Фельдмаршалъ отвѣчалъ 27-го октября 1831 года:

„Восторгъ жителей Москвы меня не удивляетъ, это восторгъ благороднаго народа, который чувствуетъ, чѣмъ онъ обязанъ своему царю".

[2]) Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ забылъ упомянуть, что въ качествѣ трофеевъ также присланы были въ Москву тронъ королевскій и дворцовый флагъ. Всѣ эти знаки прежняго существованія Польши, какъ самостоятельнаго королевства, сданы были, подобно знаменамъ и штандартамъ, на храненіе въ Оружейную палату.

[3]) Къ этимъ словамъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ прибавляетъ, что императоръ Александръ въ послѣдній годъ царствованія оплакивалъ дарованную имъ царству Польскому конституцію, „какъ актъ великодушія, столь же предосудительный для политической будущности царства, сколько оскорбительный для самолюбія русской имперіи". Здѣсь, кажется, Бенкендорфъ приписываетъ собственныя свои мысли и разсужденія императору Александру; едва-ли мы имѣемъ достаточное основаніе утверждать, что творецъ соглашенія 1815 года съ Польшею измѣнилъ своимъ кореннымъ убѣжденіямъ по поводу этого вопроса и оплакивалъ принятое имъ рѣшеніе? Напротивъ того, существуютъ несомнѣнныя доказательства, что императоръ Александръ по-

По этому поводу императоръ Николай писалъ князю Варшавскому изъ Москвы: «Спасибо за charte constitutionelle и за знамена; все здѣсь храниться будетъ въ Оружейной палатѣ, какъ памятникъ великодушія нашего Александра I и польской благодарности, равно какъ твоей славы и храбраго нашего войска»[1]). Затѣмъ въ позднѣйшемъ письмѣ къ фельдмаршалу государь посвятилъ тому же предмету еще нѣсколько строкъ.

«Я получилъ ковчегъ съ покойницей конституціей, за которую благодарю весьма; она изволитъ покоиться здѣсь въ Оружейной палатѣ».

Относительно генераловъ бывшей польской арміи императоръ Николай распорядился не очень милостиво.

Сначала казалось, что правительство откажется отъ репрессивныхъ мѣръ относительно генераловъ мятежной арміи. Дѣйствительно, 10-го (22-го) сентября, графъ Чернышевъ писалъ князю Варшавскому, что государь повелѣваетъ, чтобы всѣ польскіе генералы, пользовавшіеся этимъ званіемъ въ арміи до революціи, отправлены были въ Москву и тамъ ожидали бы полученія дальнѣйшихъ приказаній его величества. Чернышевъ прибавилъ, что государь не желаетъ, чтобы господа эти, направляясь въ Москву, были арестованы, но только сопровождаемы (Elle désire que ces messieurs se dirigent sur Moscou sans être arrêtés, mais accompagnés); напротивъ того, — писалъ Чернышевъ, — государь желаетъ, чтобы генералы эти знали, что, требуя ихъ въ Москву, онъ не намѣревается принять противъ ихъ карательныя мѣры; они должны остаться въ Москвѣ, пока Польша не будетъ вновь организована и тогда,—какъ полагалъ Чернышевъ,—государь намѣревается ихъ видѣть и дозволить имъ возвратиться.

Но вскорѣ снисходительное настроеніе государя измѣнилось, и уже 1-го (13-го) октября государь писалъ князю Варшавскому изъ Царскаго Села: «Польскихъ генераловъ, ни въ какомъ случаѣ, я не полагалъ оставить въ Москвѣ, но разошлю врозь по губернскимъ городамъ и подалѣе». Затѣмъ, по пріѣздѣ въ Москву, государь писалъ въ разное время: «Польскіе генералы валятъ сюда ежедневно и спроваживаются немедля въ Ярославль и Вологду»[2]). «Подвозъ поляковъ съ недѣлю

мышлялъ даже объ увѣнчаніи водруженнаго имъ политическаго зданія новыми мѣропріятіями въ прежнемъ духѣ. Поэтому нельзя приписать императору Александру мыслей и чувствъ, вызванныхъ въ душѣ его преемника неумолимымъ ходомъ позднѣйшихъ событій.

[1]) Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому, отъ 15-го (27-го) октября 1831 года, изъ Москвы.

[2]) Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому, отъ 24-го октября (5-го ноября) 1831 года, изъ Москвы.

какъ пріостановился было, какъ вдругъ сегодня привезены трое, въ томъ числѣ его милость Крюковецкій! Какъ имъ будетъ весело любоваться другъ на друга! Я ихъ прибралъ по мастямъ, такъ что всѣ наслѣдники главнокомандованія обрѣтаться будутъ въ Ярославлѣ, а прочая ..... въ Вологдѣ» [1]).

Разрѣшеніе возвратиться въ Польшу дано было весьма немногимъ избраннымъ лицамъ, съумѣвшимъ внушить къ себѣ довѣріе правительства.

Императоръ Николай воспользовался своимъ пребываніемъ въ Москвѣ, чтобы съѣздить въ Ярославль. Въ этой поѣздкѣ, государя сопровождалъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, который въ своихъ запискахъ пишетъ: «На пути въ Ярославль, мы ночью посѣтили Троицко-Сергіевскую лавру. Архимандритъ съ братіею встрѣтили насъ у Святыхъ воротъ съ зажженными свѣчами. Несмотря на 12 градусовъ мороза, государь пошелъ съ непокрытою головою черезъ дворъ и корридоры въ ту древнюю и великолѣпно-украшенную церковь, гдѣ нѣкогда, въ польскую осаду, иноки, ослабленные трудами защиты, голодомъ и ранами, собрались въ ожиданіи конечнаго штурма и неминуемой смерти, для причащенія въ послѣдній разъ Св. Таинъ, а вмѣсто того послѣдовало неожиданное отступленіе непріятеля. Воспоминанія этой сцены, древность зданія, посвященнаго молитвѣ, окружавшій насъ мракъ, разсѣеваемый лишь свѣтомъ свѣчей, едва достаточнымъ, чтобы видѣть золото и драгоцѣнные камни на иконахъ,—все это вмѣстѣ произвело во мнѣ глубокое и благоговѣйное умиленіе. Монахи проводили государя обратно до его саней, и, поѣхавъ далѣе, мы около обѣда прибыли въ Ростовъ, гдѣ все народонаселеніе высыпало передъ соборомъ. Помолившись въ немъ, государь остановился въ отведенномъ для него домѣ одного изъ значительнѣйшихъ мѣстныхъ купцовъ, отъ котораго, послѣ разспросовъ о торговлѣ этого города, принялъ и обѣдъ, поданный съ привычнымъ русскимъ хлѣбосольствомъ. Вечеромъ мы пріѣхали въ Ярославль, коего улицы были усѣяны народомъ и дома ярко освѣщены. Общій восторгъ выразился здѣсь еще явственнѣе, чѣмъ въ Москвѣ. Государь уже давно находился въ своихъ комнатахъ, а крики все не умолкали, возобновляясь иногда съ большею еще силою. Пришлось, нако-

---

[1]) Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому, отъ 3-го (15-го) ноября 1831 года, изъ Москвы.

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ императора Николая къ князю Варшавскому, отъ 14-го (26-го) декабря 1831 года, изъ Петербурга, гнѣвное настроеніе государя выразилось еще болѣе рѣзкимъ образомъ. Упоминая о безпорядкахъ, происшедшихъ въ Данцигѣ, Николай Павловичъ пишетъ: „Поляки въ Данцигѣ дотого начудили, что самихъ французовъ испугали; очень здорово и здорово и пруссакамъ, за всѣ ихъ комплименты съ этими .....“.

нецъ, выслать сказать, что государь усталъ отъ дороги и хочетъ спать; только тогда толпа разошлась, но съ ранняго утра она снова уже стояла подъ его окнами. Государь посѣтилъ соборъ и общественныя заведенія, въ томъ числѣ и Демидовскій лицей, этотъ благородный памятникъ щедрости русскаго вельможи. Украшеніе города, нивеллировка волжской набережной, фабрики шелковыхъ и льняныхъ издѣлій и прекрасный Спасскій монастырь—обратили на себя его особенное вниманіе. Дворянство дало для него балъ въ своемъ общественномъ домѣ, въ которомъ помѣщается приказъ общественнаго призрѣнія и училище для неимущихъ дѣтей обоего пола. Осмотрѣвъ все и отдавъ соотвѣтственныя нуждамъ и потребностямъ приказанія, государь возвратился въ Москву, гдѣ пробылъ до 25-го ноября (7-го декабря). Большіе концерты въ дворянскомъ собраніи и вечера у императрицы и у военнаго генералъ-губернатора дали высшей публикѣ возможность насладиться высочайшимъ лицезрѣніемъ, и ихъ величества восхитили всѣхъ своимъ благодушіемъ и свойственною имъ привѣтливостью, передъ которой исчезали принужденность этикета и различіе сана».

Пребываніе государя въ Москвѣ ознаменовалось встрѣчею съ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ. Она не прошла безслѣдно.

Императоръ Николай, какъ уже выше упомянуто, питалъ глубокое, можно сказать, непреодолимое недовѣріе и нерасположеніе къ бывшему проконсулу Грузіи; эти чувства продолжали существовать и въ 1831 г., хотя со времени невольной отставки Ермолова прошло уже болѣе четырехъ лѣтъ. Настроеніе государя вполнѣ отразилось въ перепискѣ его съ княземъ Варшавскимъ. 15-го (27-го) октября императоръ Николай писалъ отцу-командиру: «Здѣсь нашелъ я Ермолова; онъ былъ у меня, ужасно постарѣлъ, растолстѣлъ и обрюзгъ, и *какъ кажется*, присмирѣлъ. Полагаютъ, что ему хочется проситься вновь на службу, хотя мнѣ онъ про сіе ничего не говорилъ; но казалось и мнѣ, что симъ кончится; ежели такъ, я не откажу, но не мнѣ его приглашать». Нѣсколькими днями позже, 24-го октября (5-го ноября) государь продолжалъ: «Мое ожиданіе сбылось, сегодня Ермоловъ просилъ меня письмомъ принять паки въ службу! Вотъ, до чего дожили, посмотримъ, что изъ сего будетъ; повидимому, присмирѣлъ; не проведетъ, дружокъ!» [1]).

[1]) Въ такихъ же малосочувственныхъ выраженіяхъ императоръ Николай отозвался въ своей перепискѣ съ княземъ Варшавскимъ и о князѣ П. А. Вяземскомъ и А. И. Тургеневѣ: „Довольно странно, что всѣ извѣстные говоруны, какъ-то: князь Вяземскій и А. Тургеневъ, зашаркались и первый усердно служитъ“. (Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому отъ 3-го (15-го) ноября 1831 года, изъ Москвы). Камергеръ, коллежскій совѣтникъ князь П. А. Вяземскій въ то время занималъ мѣсто чиновника по особымъ порученіямъ въ министерствѣ финансовъ; въ 1831 году онъ былъ командированъ въ Москву членомъ коммиссіи по устройству выставки россійскихъ произведеній и промышленности въ большомъ королевскомъ дворцѣ.

Къ этимъ неблагопріятнымъ отзывамъ императоръ Николай прибавилъ 3-го (15-го) ноября слѣдующія строки: «Ермоловъ покуда скроменъ и тихъ, посмотримъ, что дальше будетъ, я за нимъ съ любопытствомъ слѣдую и покуда еще не понимаю».

Внѣшнимъ образомъ, государь и императрица Александра Ѳеодоровна обошлись съ Ермоловымъ въ Москвѣ чрезвычайно милостиво; при различныхъ встрѣчахъ съ ветераномъ 1812 года, Николай Павловичъ удостаивалъ его продолжительными разговорами [1]). Всѣ глаза устремились на Ермолова. Всѣ чаяли его скорое возвышеніе и, какъ пишетъ Погодинъ: «придворные паразиты посыпались къ нему съ визитами» [2]). Тѣмъ не менѣе, ничего особеннаго или чрезвычайнаго не случилось, и назначеніе Ермолова на должность, соотвѣтствующую его способности и опытности, все-таки не послѣдовало. Императоръ Николай принялъ только Ермолова вновь на службу и назначилъ членомъ Государственнаго Совѣта, вслѣдствіе чего Алексѣй Петровичъ долженъ былъ переселиться въ Петербургъ.

Денисъ Давыдовъ сообщаетъ въ своихъ запискахъ слѣдующія подробности относительно обстоятельствъ, обусловившихъ вторичное вступленіе на службу Ермолова. «Государь, ожидавшій, что Ермоловъ, обласканный имъ, вступитъ снова въ службу, былъ крайне недоволенъ тѣмъ, что онъ даже не намекнулъ ему о подобномъ желаніи. Бенкендорфъ, посѣтивъ Ермолова, сказалъ ему, по порученію государя, слѣдующее: «его величеству весьма непріятно то, что вы, будучи столь милостиво приняты имъ, не изъявили до сего времени желанія поступить на службу», на что Ермоловъ отвѣчалъ: «государь властенъ приказать мнѣ это, но никакая сила не заставитъ меня служить вмѣстѣ съ Паскевичемъ». Это было передано куда слѣдуетъ. Графъ А. Ѳ. Орловъ, посѣтивъ Ермолова въ то время, какъ онъ собирался въ подмосковную, объявилъ ему о волѣ государя, дабы онъ вступилъ вновь въ ряды войска. Онъ сказалъ ему, что государь даетъ ему слово, что его никогда не сведетъ съ фельдмаршаломъ. Вынужденный написать въ этомъ смыслѣ письмо къ государю, Ермоловъ вскорѣ узналъ изъ приказа о принятіи своемъ на службу.

---

[1]) Денисъ Давыдовъ пишетъ, что Ермоловъ, будучи позванъ къ императорскому столу, едва не навлекъ гнѣва государя, принятіемъ участія въ нѣкоторыхъ польскихъ генералахъ, „которые,—какъ онъ выразился,—поступили какъ благородные граждане“. Государя, начинавшаго возвышать голосъ и намекать на то, что эти любезные ему граждане будутъ сосланы въ Сибирь, Ермоловъ успокоилъ лишь словами: „никто ихъ, конечно, не убѣдитъ, что милосердіе государя никогда не обратится на нихъ“.

[2]) А. П. Ермоловъ. Матеріалы для его біографіи, собранные М. Погодинымъ. Москва. 1864.

Можетъ быть нѣчто подобное дѣйствительно случилось и можетъ быть до нѣкоторой степени согласовано съ содержаніемъ писемъ императора Николая объ Ермоловѣ къ князю Варшавскому [1]).

Намъ остается еще упомянуть объ одномъ распоряженіи, сдѣланномъ императоромъ Николаемъ въ Москвѣ въ 1831 году; оно касалось государственной уставной грамоты императора Александра I.

Когда вспыхнула революція въ Варшавѣ, поляки захватили множество секретныхъ бумагъ, принадлежавшихъ цесаревичу Константину Павловичу и Н. Н. Новосильцову. Въ числѣ послѣднихъ находилась также государственная уставная грамота, разработкою которой нѣкогда занимался Новосильцовъ. Польское революціонное правительство воспользовалось сдѣланной находкой для своихъ цѣлей и напечатало грамоту 18-го (30-го) іюня 1831 года въ Варшавѣ на русскомъ и французскомъ языкахъ съ прибавкою предисловія, написаннаго министромъ иностранныхъ дѣлъ Андреемъ Городискимъ (André Horodyski) [2]). Когда русскія войска вступили въ Варшаву, государственная уставная грамота продавалась въ книжныхъ магазинахъ города; узнавъ объ этомъ, императоръ Николай написалъ князю Варшавскому, 14-го (26-го) сентября 1831 года, слѣдующія замѣчательныя строки:

---

[1]) Когда Ермоловъ находился уже въ Петербургѣ, ему было сдѣлано странное предложеніе. Графъ Чернышевъ спросилъ Алексѣя Петровича согласился ли бы онъ принять на себя званіе предсѣдателя въ главномъ ауditоріатѣ. Ермоловъ отклонилъ сдѣланное ему лестное предложеніе, сказавъ: „Единственнымъ утѣшеніемъ была для меня всегда привязанность ко мнѣ войска, и я не хочу потерять ее. Готовъ принять всякую должность, какую государю угодно возложить на меня, но только не могу быть наказателемъ". Такъ пишетъ М. П. Погодинъ.

Денисъ Давыдовъ формулируетъ отказъ Ермолова почти въ тѣхъ же выраженіяхъ: „Единственнымъ для меня утѣшеніемъ была привязанность войска; я не приму этой должности, которая бы возлагала на меня обязанности наказывать". Государь замѣтилъ на это: „Ермоловъ не такъ это понимаетъ".

[2]) Государственная уставная грамота напечатана въ приложеніяхъ къ 4-му тому сочиненія: „Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе".

Въ предисловіи Городискій объясняетъ слѣдующимъ образомъ причину появленія въ печати Государственной уставной грамоты:

„Nous laissons à la nation russe le soin d'apprécier les motifs pour lesquels une idée aussi grande, une oeuvre aussi importante est tombée dans l'oubli. Les Polonais désirent ardemment que cette découverte fortuite rappelle au gouvernement russe qu'il serait temps enfin que la nation dont il se fait obéir et qui attend depuis si longtemps l'amélioration de son existence politique, que cette nation composée de tant de millions d'êtres opprimés par le despotisme, commence enfin à goûter les fruits d'une monarchie constitutionelle. Les Polonais s'estimeront heureux, si en portant ce projet à la connaissance du public, ils se trouvent avoir rendu service à ce grand peuple".

«Чертковъ привезъ мнѣ экземпляръ проекта конституціи для Россіи, найденный у Новосильцова въ бумагахъ; напечатаніе сей бумаги крайне непріятно; на 100 человѣкъ нашихъ молодыхъ офицеровъ, 90 прочтутъ, не поймутъ, или презрятъ, но 10 оставятъ въ памяти, обсудятъ—и, главное, **не забудутъ**. Это пуще всего меня безпокоитъ. Для того, столь желательно мнѣ, какъ менѣе возможно, продержать гвардію въ Варшавѣ. Вели графу Витту стараться достать елико можно болѣе экземпляровъ этой книжки и уничтожить, а рукопись отыскать и прислать ко мнѣ, равно какъ и оригинальный актъ конституціи польской, который искать должно въ архивѣ сената... Начальникамъ велѣть обращать самое бдительное вниманіе на сужденіе офицеровъ и стараться и словами, и собственнымъ примѣромъ доказывать, коликаго презрѣнія заслуживаютъ тѣ, кои подобнымъ оружіемъ намъ вредить хотятъ».

Князь Варшавскій отвѣчалъ государю 26-го октября (7-го ноября) 1831 года:

«Генералъ графъ Виттъ, которому я, во исполненіе высочайшей воли вашего императорскаго величества, поручилъ сдѣлать розысканіе о такъ называемой русской конституціи, донося мнѣ, что изъ числа 2.000 экземпляровъ, въ Варшавѣ напечатанныхъ, взято революціоннымъ правительствомъ для раздачи всѣмъ министрамъ, членамъ рѣволюціоннаго правленія и депутатамъ сейма 150, отправлено помянутымъ правленіемъ къ главнокомандующему арміею мятежниковъ, для употребленія по его усмотрѣнію, 150, распродано частнымъ лицамъ: до занятія нашими войсками Варшавы 102 и въ первые дни по занятіи сего города распродано 18,—доставилъ ко мнѣ рукопись сей книги на французскомъ и русскомъ языкахъ и 1.578 печатныхъ экземпляровъ, нами выкупленныхъ, кромѣ экземпляра, представленнаго вашему императорскому величеству, и экземпляра, врученнаго его императорскому высочеству государю великому князю Михаилу Павловичу. Поднося при семъ вашему императорскому величеству упомянутую рукопись, всеподданнѣйше доношу, что означенные 1.578 экземпляровъ отправлены мною въ двухъ запечатанныхъ печатью генерала графа Витта ящикахъ, для представленія вашему императорскому величеству къ генералъ-адъютанту графу Чернышеву.

«Что же касается до экземпляровъ, взятыхъ революціоннымъ правительствомъ и распроданныхъ частнымъ лицамъ, то генералъ графъ Виттъ при всемъ усерднѣйшемъ стараніи не успѣлъ еще открыть, у кого оные находятся и по сіе время никакого не оказалось повода, по коему бы можно было полагать, чтобы нѣкоторые изъ тѣхъ экземпляровъ были у гвардейскихъ офицеровъ».

Участь присланныхъ въ Москву ящиковъ съ уставною грамотою вскорѣ опредѣлилась. 23-го ноября (5-го декабря) генералъ-адъютантъ

Адлербергъ сообщилъ московскому коменданту генералу Стаалю, что «государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ, въ присутствіи вашего превосходительства и моемъ, сжечь 1.578 экземпляровъ одного сочиненія, распространеніе коего, по содержанію своему, не можетъ быть допущено. Вслѣдствіе сего покорнѣйше прошу ваше превосходительство назначить на сихъ же дняхъ время и мѣсто къ должному исполненію сей высочайшей воли».

Дальнѣйшій ходъ дѣла виденъ изъ нижеслѣдующаго секретнаго всеподданнѣйшаго рапорта, отъ 27-го ноября (9-го декабря) 1831 года:

«Во исполненіе высочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія, доставленные отъ главнокомандующаго дѣйствующею арміею два запечатанныхъ ящика, сего числа, со всѣми находившимися въ оныхъ 1.578-ю экземплярами, такъ называемой русской конституціи, на арсенальномъ дворѣ въ Кремлѣ сожжены. О чемъ счастіе имѣемъ всеподданнѣйше донести вашему императорскому величеству.

Московскій комендантъ генералъ-маіоръ Стааль.

Генералъ-адъютантъ Адлербергъ» [1]).

Императоръ Николай остался чрезвычайно довольнымъ временемъ, проведеннымъ въ Москвѣ, отдохнувъ здѣсь отъ *девятимѣсячнаго мученія*, какъ выразился государь въ письмѣ къ князю Варшавскому, прибавивъ, «которое Богъ прекратилъ чрезъ твое лицо». Печальное извѣстіе внезапно прервало пребываніе двора въ первопрестольной столицѣ: 17-го (29-го) ноября княгиня Ловичъ скончалась въ Царскомъ Селѣ въ первую годовщину польской революціи. «Бѣдная сестра княгиня Ловичъ кончила свою страдальческую жизнь» [2]), писалъ государь князю Варшавскому. «Подобно императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, княгиня не могла пережить своего супруга».

Государь выѣхалъ изъ Москвы 25-го ноября (7-го декабря) вмѣстѣ съ императрицею и проводилъ ее до ночлега въ Твери. Здѣсь онъ сѣлъ въ открытыя, какъ всегда въ его поѣздкахъ, сани и проѣхалъ въ сопровожденіи генералъ-адъютанта Бенкендорфа, нигдѣ не останавливаясь, до Царскаго Села. По разсказу Бенкендорфа, «близъ Новгорода холодный проливной дождь пробилъ насъ до костей и остался нашимъ спутникомъ во всю ночь. Нужно было имѣть крѣпкое здоровье, чтобы остаться здоровымъ послѣ этой поливки. Но государь спѣшилъ въ Царское Село для отданія послѣдняго долга скончавшейся княгинѣ Ловичъ. Весь дворъ

---

[1]) Архивъ канцеляріи военнаго министерства.

[2]) Въ томъ же письмѣ, отъ 20-го ноября (2-го декабря) 1831 года къ князю Варшавскому, императоръ Николай пишетъ: „Я ѣду въ среду съ тѣмъ, чтобы быть на похоронахъ. Въ Петербургѣ будемъ съ женой въ субботу 28-го числа; признаюсь, съ сожалѣніемъ оставляю Москву".

былъ тамъ собранъ, и тѣло ея предали землѣ въ тамошней римско-католической церкви, избранной ею самою для послѣдняго своего обиталища».

Когда императоръ Николай возвратился въ Петербургъ, совершилась уже одна, не лишенная значенія, перемѣна въ личномъ составѣ высшей администраціи. Еще до московской поѣздки, государь сообщилъ князю Меншикову, что графъ Закревскій просится въ отставку, и поручилъ ему спросить графа, кого онъ избралъ бы себѣ въ преемники по управленію министерствомъ. Вскорѣ, 19-го ноября (1-го декабря) 1831 года, дѣйствительно состоялось увольненіе графа Закревскаго въ отставку, въ которой Арсеній Андреевичъ пробылъ до 1848 года, когда, по личной просьбѣ государя, графъ снова вступилъ на служебное поприще. Управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ былъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ; должность же финляндскаго генералъ-губернатора занялъ генералъ-адъютантъ князь Меншиковъ.

Въ чемъ же заключалась причина столь внезапнаго и неожиданнаго увольненія столь заслуженнаго государственнаго дѣятеля? Баронъ М. А. Корфъ въ своихъ запискахъ пишетъ, что графъ Закревскій, при назначеніи его министромъ внутреннихъ дѣлъ, принесъ съ собою въ управленіе, несмотря на недостатокъ высшаго образованія, очень много усердія, добросовѣстности и правдивости, и, сверхъ того, очень энергическій характеръ, доходившій, въ незнаніи угодливости сильнымъ, нерѣдко до строптивости. Возстановивъ противъ себя черезъ эту черту всѣхъ пользовавшихся властью, въ особенности предсѣдателя Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ графа Кочубея, графъ Арсеній Андреевичъ естественно не могъ долго удержаться на мѣстѣ. Начало его опалѣ положено было проектомъ *закона о состояніяхъ*, разсматривавшимся въ Государственномъ Совѣтѣ въ 1830 году.

«Я не только,—разсказывалъ Закревскій барону Корфу,—сопротивлялся всѣми силами этому, какъ его называлъ, *нелѣпому проекту*, но и осмѣлился даже въ Совѣтѣ, въ присутствіи государя, собиравшагося тогда въ Варшаву, сказать, что первымъ условіемъ для изданія новаго закона считаю присутствіе его величества въ столицѣ.—Почему жъ?—спросилъ государь съ весьма раздраженнымъ видомъ.—Потому,—отвѣчалъ я,—что невозможно предвидѣть, какія послѣдствія будетъ имѣть этотъ государственный переворотъ, и я, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, не могу принять на себя отвѣтственности за сохраненіе народнаго спокойствія въ отсутствіе вашего величества.

«Прямаго возраженія не послѣдовало и хотя проектъ былъ отложенъ и потомъ совсѣмъ взятъ назадъ, однако, съ тѣхъ, именно, поръ, государь, видимо, ко мнѣ охолодѣлъ, а Кучубеи, мужчины и женщины, во всѣхъ поколѣніяхъ и во всей ихъ роднѣ, еще болѣе на меня озлобились, по-

*

тому что проектъ, какъ вы знаете, былъ созданіемъ этой ватаги, вмѣстѣ съ Сперанскимъ. Потомъ, при появленіи у насъ впервые холеры, государь командировалъ меня во внутрь Россіи, для мѣстныхъ распоряженій, а позже—назначилъ главнымъ распорядителемъ по всѣмъ мѣрамъ противъ болѣзни въ столицѣ. Здѣсь, увидясь со мною на другой день послѣ несчастныхъ іюньскихъ происшествій на Сѣнной, онъ спросилъ:

— Чему приписать народное волненіе?

— Единственно распоряженіямъ и злоупотребленіямъ полиціи.

— Это что значитъ?

— То, государь, что полиція силою забираетъ и тащитъ въ холерныя больницы и больныхъ и здоровыхъ, а потомъ выпускаютъ только тѣхъ, которые отплатятся.

— Что это за вздоръ,—закричалъ государь, видимо, разгнѣванный,— Кокошкинъ, доволенъ ли ты своею полиціею?

— Доволенъ, государь,—отвѣчалъ оберъ-полиціймейстеръ, тутъ же находившійся.

— Ну и я совершенно тобою доволенъ!

«Съ этимъ словомъ государь отвернулся и ушелъ въ другую комнату. Тутъ я еще болѣе убѣдился, что мой часъ насталъ: такая очная ставка съ подчиненнымъ и такое предпочтеніе его передо мною ясно доказывали, что мнѣ уже не оставаться министромъ. Я хотѣлъ только докончить нѣкоторыя, особо мнѣ данныя порученія, а потомъ откланяться. Между тѣмъ, дѣло нѣсколько оттянулось отъ того, что государь велѣлъ ѣхать въ Финляндію, для наблюденія за расположеніемъ тамъ умовъ, въ случаю революціи въ Польшѣ. Я остался въ Финляндіи до извѣстія объ окончаніи польскаго мятежа и, воротясь въ концѣ октября 1831 года, въ самуѣ минуту отъѣзда государя изъ Петербурга, послалъ просьбу объ отставкѣ, застигшую его еще въ Царскомъ Селѣ. Отставка дана мнѣ была тотчасъ же безъ затрудненій и даже безъ личнаго свиданія».

Въ дополненіе къ этому разсказу слѣдуетъ еще замѣтить, что немилости, въ которую впалъ тогда графъ Закревскій, наиболѣе способствовали слишкомъ крутыя мѣры, принятыя имъ во время объѣзда Россіи по случаю холерной эпидеміи; онѣ вызвали много неудовольствія и справедливыхъ жалобъ [1]).

---

[1]) Баронъ М. А. Корфъ въ своихъ запискахъ приводитъ слѣдующую записку, полученную имъ 4-го (16-го) іюля 1831 года отъ графа Кочубея, изъ Царскаго Села, подтверждающую повсемѣстный ропотъ, вызванный мѣропріятелями графа Закревскаго: „Изъ докладной записки г. министра внутреннихъ дѣлъ вы увидите, что онъ, наконецъ, и самъ почувствовалъ все неудобство мѣръ, прежде имъ къ охраненію отъ холеры предписанныхъ.

Въ эту пору императора Николая не переставала занимать мысль о возможномъ вредномъ вліяніи польскаго общества на молодыхъ представителей нашей арміи среди покоренной ею страны. Тотчасъ послѣ занятія Варшавы, государь не замедлилъ высказать фельдмаршалу, что онъ крайне опасается для офицеровъ, находящихся въ Польшѣ, «заразы нравственной» и писалъ, 14-го (26-го) сентября, изъ Царскаго Села, совѣтуя чаще мѣнять гарнизонъ въ Варшавѣ и обратить самое бдительное вниманіе на сношенія и поведеніе офицеровъ. Къ этому наставленію государь присовокупилъ: «заразы нравственной всего болѣе боюсь». Послѣднія слова были три раза подчеркнуты государемъ.

По прибытіи изъ Москвы, императоръ Николай, въ своей перепискѣ, снова возвратился къ этому жгучему вопросу и 10-го (22-го) декабря сообщилъ князю Варшавскому еще слѣдующія дополнительныя мысли:

«Все, что говоришь о спокойствіи края, мнѣ весьма пріятно [1]), но

Страшно подумать, что по одному московскому тракту скончалось въ карантинахъ до 12.000 душъ. Нѣтъ добрѣе и смирнѣе нашего народа!"

Впрочемъ, неудовольствіе, высказанное императоромъ Николаемъ противъ графа Закревскаго, началось ранѣе 1831 года. Приведемъ здѣсь примѣръ, относящійся къ 1828 году. Во время пребыванія государя въ арміи въ Турціи, главнокомандующій въ Петербургѣ графъ П. А. Толстой представилъ графу Дибичу отзывъ Закревскаго, въ которомъ сообщалось, что министръ внутреннихъ дѣлъ не принимаетъ сношеній съ нимъ помощника начальника штаба по военнымъ поселеніямъ, а требуетъ, чтобы въ этомъ случаѣ былъ соблюдаемъ порядокъ, начертанный въ Общемъ Учрежденіи министерствъ, относительно сношеній министровъ съ одними только главнокомандующими лицами, а не съ подчиненными ихъ.

20-го августа (1-го сентября) 1828 года послѣдовала въ Одессѣ нижеслѣдующая собственноручная резолюція императора Николая:

„Поручить графу Толстому, призвавъ генералъ-адъютанта Закревскаго, къ себѣ, объявить ему, что я съ удивленіемъ и съ крайнимъ неудовольствіемъ узналъ странную прихоть его, и что я подтверждаю и впредь не отступать отъ данныхъ Главному штабу правилъ".

Слово „прихоть" было три раза подчеркнуто государемъ.

[1]) 29-го ноября (11-го декабря) 1831 года, князь Варшавскій писалъ императору Николаю: „Здѣсь вездѣ утихло и успокоилось; въ провинціяхъ гораздо лучше приняли манифестъ вашего императорскаго величества. Варшава издавна была гнѣздо революціонистовъ; надобны годы на ихъ исправленіе. Въ провинціяхъ же даже въ продолженіе самой войны, гдѣ жители въ нѣкоторыхъ мѣстахъ все имущество потеряли, не находилъ я того ожесточенія, каковое встрѣчалось въ другихъ войнахъ и противъ другихъ народовъ. Я думаю, что если уменьшится власть помѣщиковъ надъ крестьянами, какъ я буду имѣть счастіе представить проектъ, то Польша можетъ современемъ быть если не привержена, то, по крайней мѣрѣ, во время войны съ другими націями не опасна.

прошу на сіе не полагаться и вездѣ подтверждать быть осторожнымъ. Я боюсь женщинъ; этотъ адскій народъ ими всегда дѣйствовалъ, и наша молодежь между ихъ соблазна и яда вольныхъ мыслей, точно въ опасномъ положеніи; молю тебя, ради Бога, смотри, что дѣлается, и не принимается ли зараза у насъ? Въ семъ наблюденіи нынѣ состоитъ какъ твоя, такъ и всѣхъ начальниковъ самая первая, важная, священная обязанность. Надо вамъ сохранить Россіи вѣрную армію; въ долгой же стоянкѣ память прежней вражды скоро можетъ исчезнуть и замѣниться чувствомъ соболѣзнованія, потомъ сожалѣнія и, наконецъ, желаніемъ подражанія. Сохрани насъ отъ того Богъ! Но повторяю, въ семъ вижу крайнюю опасность и неотступно прошу усугубить за симъ самое бдительное попеченіе, надзоръ и подтвержденіе всѣмъ начальникамъ. Надо елико можно дѣйствовать оружіемъ презрѣнія и во всѣхъ случаяхъ передъ нашими выставлять всю гнусность мятежническихъ правилъ и указать ужасныя онаго послѣдствія для края и для всѣхъ состояній. Пиши мнѣ, что ты по сему думаешь и замѣчаешь. Но лучшій способъ избѣгать опасности есть удаляться отъ оной, то-есть выслать домой все, безъ чего обойтиться можно».

На предостереженіе императора Николая князь Варшавскій отвѣчалъ 18-го (30-го) декабря:

«Спокойствіе края до сихъ поръ, благодаря Бога, продолжается; ни одного важнаго происшествія не случилось; съ самаго начала я сколь возможно занялся, чтобы войска, а особливо офицеры не испортились въ Варшавѣ, и для того по вашему повелѣнію войска перемѣняются; солдаты стоятъ въ казармахъ. Гренадеры теперь смѣняются; офицеры сего корпуса весьма хорошо вели себя, сохраняя дисциплину и мало гдѣ знакомились. Я займусь, нельзя ли будетъ какими постановленіями предупредить дурныя знакомства; но сіе весьма трудно по деревнямъ исполнить; но я думаю, что на массу офицеровъ знакомства сіи не сдѣлаютъ большаго вліянія, но можетъ быть нѣсколько шалуновъ и будутъ въ ихъ мысляхъ. Я думаю, что сіе еще не такъ опасно, ибо до сихъ поръ почти половина нашей арміи стояла въ Польшѣ; но кромѣ 6-го корпуса, который былъ составленъ изъ поляковъ, всѣ другія войска весьма хорошо дрались и не слышно было приверженности къ революціоннымъ мыслямъ; но еще предпишу всѣмъ начальникамъ обратить на сіе строгое вниманіе. При томъ же, я сколько примѣчаю, то и самые поляки не весьма хорошо насъ принимаютъ; вмѣсто того, я замѣчаю нѣкоторую въ нихъ гордость и удивленіе, что осмѣливаются съ ними строго обходиться и пренебрегать. Словомъ, я не вижу, чтобы сей народъ былъ къ намъ весьма уклончивъ».

Въ отвѣтъ на приведенное письмо, государь благодарилъ отца-командира «за добрыя извѣстія объ краѣ», но прибавилъ: «Весьма

желаю, чтобы надежды твои на счетъ сохраненія добраго духа въ войскахъ сбылись, но самая бдительная осторожность необходима. Для большаго раздѣленія офицеровъ варшавскаго гарнизона отъ жителей, предлагаю тебѣ размѣстить ихъ предпочтительно въ видѣ казармъ, въ домахъ секвестрованныхъ, какъ напримѣръ въ домѣ Паца и Чарторижскаго; такимъ образомъ, всѣ будутъ вмѣстѣ и подъ однимъ надзоромъ, и городу будетъ тогда легче отъ квартированія. Гордость польская не помѣшаетъ имъ всячески стараться пробовать и портить образъ мыслей молодежи, въ чемъ женщины будутъ главнымъ орудіемъ, такъ, какъ всегда бывало. Удивленіе же ихъ, что строго съ ними обходятся, крайне мило и забавно... Прощай, любезный отецъ-командиръ, обнимаю тебя сердечно и поздравляю съ наступающимъ новымъ годомъ; да будетъ онъ миренъ и счастливъ для Россіи, которой нуженъ отдыхъ, но ежели присуждено быть иначе, да будетъ же онъ случаемъ новой славы храбрымъ нашимъ героямъ, подъ предводительствомъ варшавскаго побѣдителя. Да благословитъ тебя Богъ!» [1]).

Закончился столь тревожный всякими событіями 1831-й годъ; для Россіи наступило мирное восемнадцатилѣтіе, продолжавшееся, безъ перерыва, до Венгерской войны 1849 года. Чего не могло бы быть достигнуто для благосостоянія Россіи при столь благопріятной обстановкѣ! Но государь былъ уже не тотъ, какимъ онъ являлся на престолъ въ 1825 году; польская революція довершила пагубное вліяніе, оставленное въ умѣ Николая Павловича событіями 14-го декабря. Отнынѣ императоръ сталъ все болѣе и болѣе склоняться на сторону абсолютизма, погубившаго его отца и столь много повредившаго его брату въ общественномъ уваженіи. Направленіе, данное дальнѣйшимъ ходомъ царствованія императора Николая, привело принца Евгенія Виртембергскаго къ слѣдующимъ размышленіямъ:

«Я сказалъ бы императору Николаю: испытай свое сердце, и ты увидишь, что оно благородно, доброжелательно и склонно ко всему великому; не обманывай самого себя насчетъ собственныхъ чувствъ. Протяни Европѣ братскую руку и не дѣлай ни для кого исключенія. Открой двери твоего государства просвѣщенію и торговлѣ! Ты самъ настолько великодушенъ, человѣколюбивъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ твердъ и рѣшителенъ, что тебѣ предначертано играть блестящую роль во главѣ могущественнѣйшаго государства. Тебѣ слѣдуетъ стать во главѣ всякаго добраго начинанія и презирать крикуновъ; но если ты не тиранъ, то не старайся же казаться имъ! [2]).

---

[1]) Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому, отъ 26-го декабря 1831 года (7-го января 1832 года).

[2]) Aus dem Leben des Prinzen Eugen von Württemberg. T. 4, 158.

Этими строками заканчиваются воспоминанія принца Евгенія, сочувственныя отношенія котораго къ императору Николаю и къ Россіи не могли быть поколеблены, несмотря на всѣ невзгоды и несправедливости, испытаныя имъ въ разное время на служебномъ поприщѣ. Поэтому за отзывомъ принца слѣдуетъ признать значеніе безпристрастнаго историческаго приговора.

Н. Шильдеръ.

Записки генерала В. И. Левенштерна.

Quand avec des pensées naturellement tristes on a l'imagination gaie, et avec l'esprit malin, le coeur bon, on est à coup sûr de la meilleure espèce de gens.

Авторъ помѣщаемыхъ здѣсь записокъ, баронъ Владиміръ Ивановичъ фонъ-Левенштернъ, родился въ 1777 г. въ замкѣ Разиксъ въ Эстляндіи. Онъ происходилъ изъ стариннаго рода лифляндскихъ барономъ; его дѣдъ, наслѣдовавъ въ Эстляндіи нѣсколько имѣній, въ томъ числѣ вышеупомянутый замокъ Разиксъ, продалъ свои лифляндскія помѣстья и переселился въ Эстляндію.

Баронъ Владиміръ Ивановичъ получилъ въ родительскомъ домѣ весьма тщательное первоначальное образованіе подъ руководствомъ приглашенныхъ изъ-за границы гувернеровъ, а затѣмъ былъ помѣщенъ въ дворянское училище (Ritterakademie) въ г. Ревелѣ, гдѣ и окончилъ курсъ наукъ.

17 лѣтъ онъ оставилъ родительскій домъ и, отправившись въ Петербургъ, поступилъ на службу въ л.-гв. Семеновскій полкъ, куда, по обычаю того времени, онъ съ дѣтства былъ записанъ сержантомъ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1794 г. онъ перешелъ вахмистромъ въ конную гвардію, а 1-го января 1795 г. былъ переведенъ ротмистромъ въ армію и зачисленъ въ Украинскій полкъ легкой кавалеріи.

Перемѣны, воспослѣдовавшія въ арміи по вступленіи на престолъ Павла I, коснулись молодаго барона Левенштерна въ томъ отношеніи что ему, какъ лицу, отсутствовавшему изъ своего полка въ моментъ восшествія на престолъ императора, пришлось выйти въ отставку. Однако,

благодаря протекціи его дяди, генерала Бенкендорфа, онъ былъ вскорѣ принятъ въ кирасирскій полкъ, съ которымъ совершилъ итальянскій походъ 1799 г., успѣлъ отличиться и заслужить повышеніе.

Въ 1804 г. онъ вышелъ въ отставку, женился и поселился въ имѣніи, занявшись сельскимъ хозяйствомъ. Но его бракъ былъ непродолжителенъ, его жена скончалась въ 1809 г.; томимый тоскою, онъ думалъ найти забвеніе на полѣ битвы. Обстоятельства благопріятствовали этому желанію. Баронъ поступилъ снова на службу въ прежнемъ чинѣ маіора, участвовалъ въ Отечественной войнѣ и совершилъ всю кампанію, вступивъ съ нашими войсками въ Парижъ.

Послѣднія 25 лѣтъ жизни баронъ Владиміръ Ивановичъ провелъ въ отставкѣ, дослужившись до чина генералъ-маіора.

Человѣкъ образованный и начитанный, баронъ былъ пріятный собесѣдникъ и всегда былъ желаннымъ гостемъ въ самыхъ луч шихъ домахъ столицы. Въ скромной квартирѣ, которую онъ занималъ послѣдніе годы жизни на Мойкѣ, всегда можно было встрѣтить министровъ, дипломатовъ, художниковъ, дамъ лучшаго общества. Въ особенно дружественныхъ съ нимъ отношеніяхъ находились гр. Нессельроде, генералы кн. Чернышевъ и Воронцовъ, гр. Паленъ, Ридигеръ и Бергъ. Онъ велъ до конца жизни дѣятельную переписку съ своими многочисленными друзьями въ Россіи и за границей. Баронъ Левенштернъ скончался 21-го января 1858 г., 82-хъ лѣтъ отъ роду; несмотря на преклонный возрастъ, онъ сохранилъ до послѣднихъ дней жизни ясность ума; по словамъ лицъ, близко его знавшихъ, его мощный умъ поддерживалъ его бренное тѣло.

Въ 1858 г., тотчасъ по его кончинѣ, появились въ Гейдельбергѣ «Denkwürdigkeiten eines Lifländers aus den Jahren 1790 — 1815»; издатель, Смитъ, лично знакомый съ Левенштерномъ, составилъ эти записки въ 1850 г. со словъ барона Владиміра Ивановича и по предоставленнымъ въ его распоряженіе письмамъ и разнымъ фамильнымъ документамъ; но ихъ отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ собственноручными записками барона Левенштерна, съ которыми онѣ сходны по содержанію, и поэтому ошибочно принимались нѣкоторыми (см. словарь Эфрона) за извлеченіе изъ этихъ записокъ. Собственноручныя на французскомъ языкѣ записки барона Владиміра Ивановича Левенштерна не были до сихъ поръ изданы ни полностью, ни въ извлеченіи, онѣ хранятся въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной библіотеки и нынѣ впервые появляются въ переводѣ на страницахъ «Русской Старины».

I.

Введеніе.

Происхожденіе.—Рожденіе и воспитаніе.—Графъ Бобринскій.—Морской бой русскихъ со шведами близъ Ревеля. — Побѣда, одержанная адмираломъ Чичаговымъ.

Очень трудно говорить о себѣ и въ особенности о событіяхъ своего времени и заслужить при этомъ всеобщее одобреніе. Слогъ долженъ быть тщательно выработанъ, истина должна быть строго соблюдена, событія, которыя быстро слѣдуютъ одно за другимъ, должны быть изображены крупными штрихами и, несмотря на это, представлять собою стройное цѣлое и быть переданы съ точностью.

Всѣ эти трудности, которыя я вполнѣ сознаю, заставили бы меня отказаться отъ мысли писать мои записки, если бы меня не успокоивала мысль, что я пишу лишь для друзей; только эта мысль можетъ дать мнѣ смѣлость приступить къ исторіи моей частной и политической жизни, богатой событіями и интересной по всему тому хорошему и худому, которое я испыталъ.

Истина всегда полезна, ее надобно говорить непрестанно, хотя бы даже въ томъ случаѣ, когда рискуешь изложить ее не особенно хорошо. Поэтому я буду говорить ее всегда, хотя бы отъ этого страдало мое самолюбіе.

Въ молодости я на многое смотрѣлъ не разсуждая и пользовался жизнью, ни къ чему особенно не стремясь; мои мысли перелетали съ предмета на предметъ такъ же, какъ и мои желанія. Ставъ нынѣ болѣе спокойнымъ, болѣе разсудительнымъ, я никогда не смотрю на предметъ не думая о немъ и не смотрю на него не видя его. Итакъ начнемъ писать; долго живутъ тѣ сочиненія, которыя задуманы съ серьезной цѣлью.

Я появился на свѣтъ при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ и родился въ одинъ годъ и въ одинъ день съ блаженной памяти императоромъ Александромъ. Всѣ предвѣщали мнѣ счастливую и благополучную жизнь.

Я увидѣлъ свѣтъ въ замкѣ Разиксъ (Rasix) въ Эстляндіи, который принадлежалъ моему отцу, богатому землевладѣльцу этой губерніи, бывшему нѣсколько лѣтъ подъ рядъ предводителемъ дворянства.

За услуги, оказанныя имъ во время войны съ Швеціей, онъ удостоился особаго благоволенія императрицы Екатерины II.

Моя мать была рожденная баронесса Сталь-Гольштейнъ, двоюродная сестра бывшаго шведскаго посланника въ Парижѣ, мужа извѣстной баронессы Сталь-Гольштейнъ (Неккеръ). — Благодаря такому родству эта

необыкновенная женщина, замѣчательная своимъ умомъ, своимъ пылкимъ характеромъ и некрасивой наружностью, приняла меня 30 лѣтъ спустя въ высшей степени любезно.

Я получилъ воспитаніе настолько тщательное, насколько позволяли обстоятельства и мѣстныя условія. Я долженъ отдать справедливость моему отцу, что онъ не пренебрегъ ничѣмъ, не щадя ни денегъ, ни заботъ, чтобы я получилъ самыя разностороннія и основательныя познанія. Моя мать, женщина весьма умная и обладавшая прекраснымъ характеромъ, заботилась преимущественно о моемъ нравственномъ воспитаніи. Чувствительность (la sensibilité) была, по ея мнѣнію, величайшимъ сокровищемъ, какимъ можетъ обладать человѣкъ.

Отецъ, занимавшій въ Эстляндіи весьма значительныя должности и владѣвшій въ то же время большими помѣстьями, былъ слишкомъ обремененъ дѣлами, чтобы входить въ подробности моего воспитанія. Къ тому же, живя открыто для всѣхъ, въ особенности для иностранцевъ, онъ болѣе заботился о томъ, чтобы я пріобрѣлъ хорошія и изящныя манеры, нежели о моихъ успѣхахъ въ наукахъ. Эта часть моего воспитанія была предоставлена всецѣло моимъ наставникамъ, получавшимъ большое вознагражденіе и изъ коихъ одинъ былъ выписанъ изъ Парижа, а другой изъ Лейпцига.

Мой отецъ былъ строгъ и требователенъ въ вопросахъ чести и честности, поэтому съ самаго вступленія моего въ свѣтъ моею первою и самою серьезною заботою было достигнуть почестей не раболѣпствуя. Съ этой цѣлью я старался сближаться по мѣрѣ возможности съ тѣми, кои слыли людьми честными и обладающими достоинствами. Я нерѣдко оставлялъ игры съ товарищами, чтобы прислушаться къ разговору о войнѣ и политикѣ, услышать разсказы о сраженіяхъ, описаніе только-что бывшей осады Очакова и Измаила (1786 г.), вслѣдствіе чего товарищи нерѣдко называли меня педантомъ. Когда мнѣ было 12 лѣтъ, благодаря счастливой случайности я былъ свидѣтелемъ морскаго сраженія, въ которомъ адмиралъ Чичаговъ разбилъ близъ Ревеля шведскій флотъ, коимъ командовалъ герцогъ Зюдерманландскій, потерявшій при этомъ два линейныхъ корабля, изъ коихъ одинъ взлетѣлъ на воздухъ, а другой былъ взятъ непріятелемъ.

Графъ Бобринскій, жившій въ то время въ ссылкѣ въ Ревелѣ за проказы, учиненныя имъ въ Лондонѣ и Парижѣ, часто посѣщалъ домъ моего отца; онъ встрѣтилъ меня 2-го мая на улицѣ, усадилъ въ свои дрожки и повезъ меня въ гавань, гдѣ мы сѣли съ нимъ на маленькую лодку и отправились на батарею, защищавшую входъ въ гавань. На немъ былъ его роскошный мундиръ Конногвардейскаго полка, въ коемъ онъ числился капитаномъ, такъ что никто и не подумалъ воспрепятствовать намъ с о й т и н а б а т е р е ю; я слѣдовалъ за нимъ съ искренно

дѣтской радостью. Шведскія ядра долетали до насъ; свистъ, который они производили, пролетая надъ нашей головою, приводилъ меня въ восторгъ; нѣкоторыя ядра попали въ стѣну этой старой деревянной батареи, и я замѣтилъ, что окружающіе ни мало не раздѣляли мое радостное настроеніе; нѣкоторые старые воины даже поблѣднѣли. Ихъ ужасъ и еще болѣе величественная картина сраженія произвели на меня глубокое впечатлѣніе; съ тѣхъ поръ я только и мечталъ о сраженіяхъ и ничего такъ не желалъ, какъ еще разъ быть свидѣтелемъ битвы. Это желаніе было впослѣдствіи вполнѣ удовлетворено.

Появленіе шведскаго флота навело ужасъ на жителей Ревеля, изъ коихъ одни выѣхали изъ города, другіе попрятались въ погреба; остальные направились въ гавань, чтобы лицезрѣть единственное въ своемъ родѣ замѣчательное зрѣлище, какое представляетъ собою морское сраженіе. Шведское судно, горѣвшее болѣе двухъ часовъ, взлетѣло на воздухъ съ оглушительнымъ шумомъ и трескомъ; затѣмъ наступила мертвенная тишина и, когда всѣ опомнились отъ ошеломившаго ихъ впечатлѣнія, то на судахъ, въ гавани и на морскомъ берегу раздалось громогласное «ура». Картина была великолѣпная!

Во время сраженія въ городѣ царствовало страшное смятеніе; было извѣстно, что суда еще не получили необходимаго количества пороха, который перевозили наскоро съ величайшей опасностью.

Дѣйствіями на сушѣ руководили генералы Волковъ и Паленъ (отецъ); въ этой мѣстности было немного войска, и казаки, въ то время очень плохо дисциплинированные, грабили предмѣстья, вслѣдствіе чего жители были еще болѣе объяты страхомъ.

Наконецъ, благодаря умѣлымъ дѣйствіямъ адмирала Чичагова и храбрости нашихъ моряковъ, была одержана рѣшительная побѣда.

Я пишу о себѣ и не подражаю тѣмъ лицамъ, которыя, желая писать себѣ панегирики, говорятъ о себѣ подъ вымышленнымъ именемъ. Я не настолько тщеславенъ и глупъ, чтобы превозносить себя безо всякаго повода, но ложный стыдъ также не помѣшаетъ мнѣ сказать о себѣ то, что можетъ послужить къ моей чести, если это правда.

Счастье часто благопріятствовало мнѣ, но нерѣдко оно отвертывалось отъ меня; оно слѣпо. Награждая иногда честнаго человѣка, оно чаще всего воспитываетъ глупца. Я убѣдился слишкомъ поздно въ томъ, что, руководствуясь однимъ разумомъ, нельзя достигнуть цѣли и что самые лучшіе поступки и самые прекрасные планы не приносятъ пользы, если ихъ не стараются выставить и не пускаютъ въ ходъ интригъ для того, чтобы добиться осуществленія этихъ плановъ.

Вращаясь съ юныхъ лѣтъ въ свѣтѣ, я пріобрѣлъ многіе его недостатки. Можно себѣ представить, что́ я долженъ былъ выстрадать, когда убѣдился на опытѣ въ суетности всего того, что́ не основано на нрав-

ственныхъ принципахъ. Прійдя къ этому вполнѣ справедливому, но грустному заключенію, къ сожалѣнію слишкомъ поздно, я все же во-время опомнился.

II.

Поступленіе въ Семеновскій полкъ и въ ординарцы къ графу Солтыкову.— Графиня Солтыкова.—Князь Платонъ Зубовъ.—Тогдашніе нравы.—Внѣшность и внутреннія качества императрицы Екатерины.— Переходъ въ легкую украинскую кавалерію.

Я кончилъ образованіе въ Ревельской дворянской академіи (académie de la Noblesse), которая пользовалась въ то время большой извѣстностью, и былъ записанъ, по тогдашнему обычаю, какъ ребенокъ изъ хорошей семьи, въ л.-гв. Семеновскій полкъ сержантомъ (1794 г.); къ величайшему моему удовольствію, мнѣ нашили на обшлага три широкихъ галуна, чѣмъ я гордился, какъ Артабанъ.

Мой дядя, достойный и прекрасный генералъ Бенкендорфъ (впослѣдствіи рижскій генералъ-губернаторъ) взялся отвезти меня въ Петербургъ и представилъ командиру полка, графу Николаю Солтыкову (впослѣдствіи князь и фельдмаршалъ); послѣдній по его просьбѣ назначилъ меня состоять ординарцемъ при его особѣ. Это чрезвычайно польстило моему самолюбію, такъ какъ этимъ преимуществомъ, дававшимъ право носить шпоры, пользовалось въ полку всего четыре человѣка. Остальные трое избранныхъ были два графа Толстыхъ и князь Мещерскій.

Графиня Солтыкова, закадычный другъ г-жи Бенкендорфъ, обошлась со мною какъ съ роднымъ. Я былъ удостоенъ ея особымъ расположеніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ приходилось нерѣдко сносить ея капризы. Эта дама была очень своеобразна и суевѣрна. Она не терпѣла духовъ, никогда не садилась за столъ, если было 13 собесѣдниковъ, немилосердно прогоняла изъ-за стола того, кто имѣлъ неосторожность просыпать соль. Однажды, когда я былъ напомаженъ помадой, которая пахла геліотропомъ, она прогнала меня, сдѣлавъ мнѣ громогласно выговоръ; другой разъ я былъ лишенъ обѣда за то, что пришелъ тринадцатымъ.

Такъ какъ я былъ очень молодъ и легкомысленъ, то я этимъ не особенно огорчался и не сердился на нее; она была признательна мнѣ за это и не лишала меня своего покровительства.

Съ наступленіемъ весны, графъ Солтыковъ, занимавшій прекрасную квартиру въ Зимнемъ дворцѣ, переѣхалъ въ свой красивый загородный домъ, на Петергофской дорогѣ, близъ Тріумфальныхъ воротъ. Я ѣздилъ

туда каждый разъ, какъ того требовало исполненіе моихъ служебныхъ обязанностей, и прогуливался въ саду и паркѣ, пользуясь самымъ разнообразнымъ обществомъ, которое постоянно смѣнялось. Не разъ гр. Салтыковъ, желая послать меня съ какимъ-либо порученіемъ или съ письмомъ ко двору, который находился въ Царскомъ Селѣ, былъ вынужденъ поднять на ноги всѣхъ лакеевъ, чтобы розыскать меня; они находили меня обыкновенно ухаживающимъ за горничной-калмычкой, которая была дурна собою, какъ смертный грѣхъ, но прельщала меня лакомствами, коими всегда были полны ея карманы.

Бѣдняжка; мнѣ было всего 16 лѣтъ! она тратила даромъ свои конфекты. Это была первая женщина, выказавшая ко мнѣ нѣжное участіе, и я безотчетно заинтересовался ею болѣе, нежели другими женщинами, которыя были такъ же хороши собою, какъ она была дурна.

Во время моихъ поѣздокъ въ Царское Село, которыя я совершалъ на отвратительныхъ курьерскихъ телѣгахъ и по отвратительнѣйшей дорогѣ, я имѣлъ счастіе видѣть и восхищаться императрицей Екатериной II. Великіе князья Александръ и Константинъ, никогда не разставшіеся съ нею, обѣщали уже въ то время все то, чѣмъ они сдѣлались со временемъ; великій князь Александръ былъ прекрасенъ, какъ Аполлонъ, любезенъ, привѣтливъ и добръ, какъ ангелъ.

Мои обязанности давали мнѣ право сопровождать графа Салтыкова къ великимъ князьямъ, и даже на придворные балы, гдѣ я имѣлъ возможность видѣть самыхъ выдающихся личностей при дворѣ Екатерины.

Великій князь Павелъ Петровичъ фигурировалъ при дворѣ на первомъ планѣ, хотя настоящіе царедворцы старались избѣгать его. Всеобщимъ вниманіемъ пользовался въ то время князь Платонъ Зубовъ; самые важные сановники преклонялись передъ этимъ молодымъ человѣкомъ, который держалъ себя гордо и безстрастно и едва удостоивалъ ихъ вниманіемъ. Пріемныя комнаты и залы князя Зубова, графа Салтыкова, бывшаго въ то время предсѣдателемъ военнаго департамента, оберъ-прокурора графа Самойлова и вице-канцлера князя Безбородко были всегда полны народа.

Я имѣлъ случай наблюдать каждый день, какъ голубыя ленты умѣютъ сгибаться и въ случаѣ надобности ступевываться. Но я замѣчалъ, что, дѣлая эти раболѣпные поклоны, люди не утрачивали хорошаго тона и манеръ настоящихъ вельможъ; при дворѣ еще существовали манеры и тонъ вѣка Людовика XIV; въ обращеніи съ вельможами и въ преклоненіи передъ людьми, стоявшими въ то время у власти, не было ничего рѣзкаго, даже люди гордые и низкопоклонные были вѣжливы и соблюдали извѣстныя приличія.

Совершенно вѣрно, что графъ (впослѣдствіи князь) Салтыковъ мылся, полоскалъ зубы и одѣвался въ присутствіи всѣхъ господъ, украшен-

ныхъ лентами, которые почитали за счастье присутствовать при его туалетѣ.

Князь Зубовъ причесывался при нихъ, и ихъ одежда была покрыта пудрою, но они не счищали ее и, проходя по другимъ заламъ, гордились тѣмъ, что могли сказать и даже доказать съ полной очевидностью, что они были у него.

И однако тотъ же гордый и высокомѣрный князь Зубовъ ни передъ кѣмъ не возвышалъ голоса; этого никто бы не потерпѣлъ! Присутствовать при туалетѣ—не противорѣчило тогдашнимъ нравамъ, но относительно всего другаго всѣ требованія вѣжливости и все то, чего требовала честь (point d'honneur), соблюдалось строго.

Мѣсто, занимаемое мною, давало мнѣ возможность наблюдать все своими собственными глазами. Стоя спокойно въ нишѣ у окна, я наблюдалъ за всѣми тогдашними знаменитостями, которыя проходили передъ моими глазами; между прочимъ я видѣлъ графа Ферзена, когда онъ ѣхалъ сражаться съ Костюшкой, который былъ взятъ имъ въ плѣнъ. Я читалъ на лицахъ зависть по поводу выбора, сдѣланнаго императрицею, который графъ Ферзенъ такъ блистательно оправдалъ.

Онъ предполагалъ взять меня съ собою, но графиня Солтыкова не согласилась на это, говоря, что я еще слишкомъ молодъ; правда, мнѣ было всего 16 лѣтъ. Она хотѣла сдѣлать изъ меня изящнаго гвардейскаго офицера, а я горѣлъ желаніемъ участвовать въ серьезномъ сраженіи.

Морское сраженіе, видѣнное мною въ Ревелѣ, воспламенило мое воображеніе, и я никогда не могъ отдѣлаться отъ этого впечатлѣнія. Громъ орудійныхъ выстрѣловъ всегда былъ для меня самой пріятной музыкой. Какое-то предчувствіе вселило во мнѣ увѣренность въ мою счастливую звѣзду, поэтому моя заслуга была не такъ велика; впослѣдствіи я всегда преклонялся передъ тѣми изъ товарищей, которыхъ угнетало предчувствіе противуположнаго свойства и которые тѣмъ не менѣе шли въ сраженіе хладнокровно и съ покорностью судьбѣ.

Эта увѣренность въ моей неуязвимости проистекала еще изъ слѣдующаго обстоятельства: въ тотъ день, когда я долженъ былъ ѣхать въ армію, моя мать призвала деревенскую гадалку, которая, давъ мнѣ проглотить какое-то зелье изъ ствола ружья, увѣряла, что послѣ этого меня не можетъ постигнуть никакая бѣда. Я не особенно вѣрилъ въ дѣйствительную силу этого снадобья, но проглотилъ его, чтобы сдѣлать удовольствіе моей матери.

Невѣдомое для насъ необъяснимо,—сказалъ еще Наполеонъ,—я не хочу быть болѣе вольнодумнымъ, нежели онъ; какъ бы то ни было, я всегда избѣгалъ какъ бы какимъ-то чудомъ самыхъ серьезныхъ опасностей, и воспоминаніе объ этой старой и отвратительной колдуньѣ под-

держивало меня въ тѣ моменты, когда ядра и пули свистѣли надъ моей головою.

Моя мать, женщина очень религіозная, вѣроятно также мало вѣрила ея предсказанію, какъ и я, однако она уговорила меня продѣлать эту кабалистическую процедуру.

Навѣрно никто не былъ такъ часто въ огнѣ, какъ я; между тѣмъ я не только не получилъ никакого серьезнаго поврежденія, но, будучи три или четыре раза легко раненъ, я отдѣлался такъ благополучно, что у меня не было повреждено ни одной кости; пули и даже кирпичъ (какъ напр. подъ Бородинымъ) всегда останавливались въ моихъ мускулахъ, а это было не такъ легко, ибо мяса у меня почти не было. Всѣ хирурги были поражены этимъ обстоятельствомъ.

Я имѣлъ случай видѣть императрицу также за обѣдней въ дворцовой церкви.

Екатерина Великая была велика лишь нравственно; она была не высока ростомъ и по ея лицу было видно, что она была скорѣе красавицей, нежели хорошенькой; величавыя черты ея лица смягчались выраженіемъ глазъ и очаровательной улыбкой. По ея лбу было видно, что она одарена памятью и воображеніемъ; ея губы свидѣтельствовали объ ея откровенномъ и веселомъ характерѣ. Императрица имѣла въ молодости, вѣроятно, очень свѣжій цвѣтъ лица, она много заботилась о своемъ туалетѣ, кланялась по-русски, всегда одинаковымъ образомъ; войдя, она кланялась сперва направо, потомъ налѣво и затѣмъ прямо; вообще всѣ ея дѣйствія казались методичны и разсчитаны.

Она обладала въ высшей степени умѣніемъ слушать и такъ хорошо владѣла собою, что казалось, будто она слышитъ говорящаго даже тогда, когда она думала совсѣмъ о другомъ.

Она умѣла поддерживать этикетъ, не придавая ему характеръ чего-то театральнаго или преувеличеннаго, и не требовала наружныхъ знаковъ поклоненія.

Въ выборѣ людей, коимъ она покровительствовала, часто играли роль счастье и благосклонность; но она умѣла указать каждому надлежащее мѣсто и умѣла оцѣнить истинное достоинство.

Она была очень щедра; многихъ одѣляла деньгами изъ щедрости, какъ человѣкъ великодушный, многимъ благодѣтельствовала, какъ человѣкъ добрый, и многихъ награждала въ видѣ поощренія, какъ человѣкъ, желающій, чтобы ему служили хорошо.

Такъ какъ служба поглощала незначительную часть моего времени, то я употреблялъ все остальное на осмотръ достопримѣчательностей Петербурга, бралъ уроки фехтованія и верховой ѣзды, бывалъ въ нѣкоторыхъ домахъ лучшаго общества и довольно часто посѣщалъ театръ.

Я занималъ въ городѣ вмѣстѣ съ двумя моими соотечественниками

хорошенькую квартирку на Малой Морской; у насъ было общее хозяйство; со мною жили Гельфрейхъ и баронъ Карлъ Будбергъ, служившіе въ одномъ полку со мною. Они уѣхали оба въ отпускъ; я остался одинъ, мною овладѣла тоска по родинѣ, и я рѣшилъ просить графа Солтыкова позволенія съѣздить навѣстить родныхъ. Онъ далъ мнѣ четырехъ-мѣсячный отпускъ, и я уѣхалъ изъ Петербурга.

Я пріѣхалъ очень удачно на Троицынъ день. Моя мать встрѣтила меня со слезами радости; сестры не знали, какъ обласкать меня; отецъ былъ очень доволенъ: я былъ вполнѣ счастливъ. Я возмужалъ, но атмосфера и развратъ большаго города не коснулись меня. Моя мать, съ раннихъ лѣтъ заботившаяся укоренить въ моемъ сердцѣ правила нравственности, радовалась тому, что я вернулся изъ столицы, не утративъ чистоты нравовъ и чувствъ.

Четырехъ-мѣсячный отпускъ пролетѣлъ быстро. 1-го октября я былъ уже въ Петербургѣ.

Имѣя рѣшительное пристрастіе къ кавалерійской службѣ, я перешелъ въ томъ же году гофъ-фурьеромъ въ Конную гвардію, а 1-го января 1795 г. былъ зачисленъ капитаномъ въ легкую украинскую кавалерію (chevaux légers d'Ukraine).

Столь быстрое повышеніе преисполнило меня радостью. Я былъ всецѣло обязанъ этимъ расположенію и могущественному покровительству графа Солтыкова.

Голубой мундиръ (bleu de Prusse) съ красными обшлагами, серебряными пуговицами и аксельбантами былъ сшитъ въ 24 часа, и я присутствовалъ въ немъ 1-го января на придворномъ балу. Я имѣлъ счастье благодарить императрицу, которая милостиво дала мнѣ поцѣловать руку.

Мнѣ шелъ всего 17-й годъ, но я считалъ себя человѣкомъ вполнѣ взрослымъ; по крайней мѣрѣ я усвоилъ манеры взрослаго человѣка, былъ всегда при саблѣ и, потрогивая аксельбанты, старался казаться въ кругу товарищей серьезнымъ и воздержаннымъ.

Какъ полонъ счастья тотъ день, въ который надѣваешь впервые мундиръ. Принцъ де-Линь былъ правъ, говоря, что всѣ наши радости ребяческія; этотъ умный юмористъ насчитывалъ въ своей жизни всего четыре дня истинно счастливыхъ: тотъ день, въ который онъ впервые надѣлъ мундиръ, день его первой битвы, день, въ который ему сказали впервые «я люблю тебя», и тотъ день, когда онъ всталъ съ постели послѣ оспы. Первый и послѣдній изъ этихъ счастливыхъ дней не могли болѣе повториться, но такъ какъ другіе два повторились въ его жизни разъ пятнадцать, то они вскорѣ утратили всю свою прелесть.

III.

Отъѣздъ изъ Петербурга въ Бѣлостокъ.—Кончина сестры.—Князь Репнинъ.—Прибытіе въ полкъ.—Встрѣча съ Суворовымъ.—Увольненіе въ отпускъ.

Пробывъ два мѣсяца въ Петербургѣ, гдѣ экипировался, я отправился къ мѣсту своего служенія. Полкъ, въ который я былъ зачисленъ, состоялъ въ арміи фельдмаршала кн. Суворова и стоялъ (1795 г.) въ окрестностяхъ Варшавы. Я заѣхалъ проѣздомъ навѣстить родныхъ, которые были очень рады видѣть вновь капитана легкой конницы, но радость нашего свиданія была омрачена горестнымъ событіемъ: моя сестра Елена скончалась на моихъ рукахъ, послѣ родовъ; она была замужемъ всего 13 мѣсяцевъ, и ей только-что минуло 18 лѣтъ. Какъ тяжело переносить первое горе; человѣкъ обыкновенно всецѣло предается ему и даже не допускаетъ мысли, что ему слѣдовало бы чѣмъ-нибудь отвлечься отъ него. Я избѣгалъ всякихъ удовольствій и считалъ для себя счастье впредь несбыточной мечтою, такъ какъ я лишился его въ одно мгновеніе. Отецъ обожалъ мою сестру; онъ страшно страдалъ и, заболѣвъ, едва не умеръ. Опасное состояніе, въ которомъ онъ находился, заставило меня выйти изъ того безучастнаго состоянія, въ которомъ я находился; но есть чувства, которыхъ не убиваетъ самое большое горе,—таковы долгъ и честь. Приближалось время, когда я долженъ былъ явиться въ полкъ. Я вырвался изъ объятій родныхъ, которые напутствовали меня своими благословеніями.

Рижскій генералъ-губернаторъ Паленъ, къ которому отецъ далъ мнѣ рекомендательное письмо, принялъ меня какъ роднаго. Желая облегчить мнѣ поѣздку въ Варшаву, онъ поручилъ мнѣ отвезти депеши фельдмаршалу Суворову и далъ мнѣ курьерскую подорожную.

Оставивъ Ригу, я ѣхалъ день и ночь, до Гродно, гдѣ остановился, чтобы передать депеши князю Репнину.

Князь принялъ меня ласково; онъ очень любилъ моего отца, который былъ предводителемъ дворянства въ то время, когда кн. Репнинъ занималъ мѣсто лифляндскаго и эстляндскаго генералъ-губернатора.

Сыновья графа Палена, состоявшіе при штабѣ кн. Репнина, предложили мнѣ помѣститься вмѣстѣ съ ними. Такъ какъ они дежурили у короля польскаго, который находился въ то время въ изгнаніи, то я часто раздѣлялъ съ ними скуку въ королевскомъ салонѣ, но за то пользовался прекраснымъ обѣдомъ.

Я часто имѣлъ случай видѣть послѣдняго короля польскаго и былъ свидѣтелемъ политической агоніи этой страны; князь Репнинъ подав-

лялъ (écraser) короля своей представительной осанкой и тѣмъ превосходствомъ, какое побѣдитель всегда имѣетъ надъ побѣжденнымъ, какова бы ни была разница въ ихъ соціальномъ положеніи. Я восхищался граціей, красотою и кокетливостью польскихъ дамъ, военной выправкой нашихъ войскъ, великолѣпіемъ и роскошью, коими окружалъ себя кн. Репнинъ, въ домѣ котораго самый изысканный французскій тонъ и нравы самыхъ цивилизованныхъ странъ сочетались съ обычаями и утонченностью Востока.

Я отправился въ Бѣлостокъ, гдѣ находился штабъ моего полка, и явился полковому командиру полковнику Анрепу. Впослѣдствіи я неоднократно радовался тому, что я поступилъ въ этотъ полкъ. Полковникъ Анрепъ былъ отцомъ для своихъ офицеровъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ ознакомиться со всѣми подробностями службы и обѣщалъ дать мнѣ вскорѣ эскадронъ. Я всегда обѣдалъ за его столомъ; вечеромъ мы играли въ бостонъ; время, проведенное мною въ Бѣлостокѣ, глубоко запечатлѣлось въ моей памяти.

Нѣкоторые штабъ-офицеры выказывали мнѣ особое расположеніе; въ числѣ ихъ назову подполковника Козенца (Cosenz), графа Витгенштейна, графа Мантейфеля и Курселя.

Мой полкъ получилъ приказаніе выступить; мы двинулись къ Плоцку и вошли въ составъ дивизіи, въ которой числились Кіевскій полкъ конныхъ егерей подъ командою полковника Сарса, гренадерскій Фанагорійскій полкъ подъ командою полковника Жеребцова и полкъ казаковъ; главное начальство надъ этимъ отрядомъ принялъ генералъ-лейтенантъ Ласи.

Товарищи приняли меня и отнеслись ко мнѣ какъ нельзя лучше: нѣкоторые старые поручики завидовали мнѣ, но я снискалъ въ концѣ концовъ ихъ расположеніе: въ мою пользу говорили моя молодость и неиспорченность.

Въ лагерѣ велась крупная игра; я умѣлъ играть во всѣ игры и испробовалъ счастье, которое благопріятствовало мнѣ.

Отецъ далъ мнѣ деньги, необходимыя на покупку лошадей; приложивъ къ нимъ то, что я выигралъ въ карты, я могъ купить три прекрасныхъ лошади. Мы часто катались верхомъ; графъ Витгенштейнъ до страсти любилъ верховую ѣзду и хотѣлъ превзойти меня въ ней; мы устраивали состязанія; сѣрая кобыла, купленная мною, оставалась почти всегда побѣдительницей, что было не особенно пріятно для самолюбія графа.

Генералъ Ласи, а затѣмъ фельдмаршалъ Суворовъ произвели смотръ полкамъ. Я былъ несказанно счастливъ видѣть вблизи героя Россіи.

Въ тотъ день, когда онъ пріѣхалъ, я былъ дежурнымъ. Когда я

рапортовалъ ему, меня охватила дрожь. Не давъ мнѣ докончить, онъ спросилъ неожиданно, какой супъ ѣдятъ въ Ревелѣ по четвергамъ?

— Щи,—смѣло отвѣчалъ я.

Онъ видимо былъ доволенъ.

— А по пятницамъ? а по субботамъ? и т. д.

Я перечислилъ все меню эстляндской кухни.

Фельдмаршалъ Суворовъ, будучи въ низшихъ чинахъ, служилъ въ Ревельскомъ гарнизонѣ, и ему было извѣстно, что на моей родинѣ существуетъ обыкновеніе подавать каждый день въ недѣлю извѣстный супъ.

Однажды, въ большую жару, послѣ кавалерійскаго ученія у меня сдѣлалось сильное кровохарканье, кровь у меня такъ и полилась изъ горла. Врачи признали болѣзнь серьезною и предписали мнѣ оставить палатку и поселиться гдѣ-либо въ деревнѣ. Добрый полковникъ Анрепъ навѣстилъ меня и, полагая, что я страдаю легкими, совѣтовалъ мнѣ уѣхать на время изъ арміи и отправиться для поправленія здоровья на родину.

Я воспользовался этимъ позволеніемъ и уѣхалъ. По пути я остановился на двѣ недѣли въ Гродно, чтобы отдохнуть и окрѣпнуть, и поселился снова у молодыхъ графовъ Паленъ. Второй братъ графъ Петръ Паленъ былъ также боленъ, и я пользовался вмѣстѣ съ нимъ у врача князя Репнина.

Старшій, графъ Павелъ Паленъ, отправился въ Петербургъ курьеромъ съ депешами къ императрицѣ; я слѣдовалъ за нимъ болѣе медленно. Я останавливался въ Ковно и Митавѣ, гдѣ обѣдалъ у графа Палена (отца), только-что передъ тѣмъ назначеннаго генералъ-губернаторомъ Курляндіи, которую онъ такъ ловко заставилъ добровольно изъявить покорность Россіи, хотя въ силу вещей это случилось бы неизбѣжно немного ранѣе или немного позднѣе. Палену удалось достигнуть этого безъ потрясенія, за что̀ императрица была признательна ему, осыпала его милостями и щедро наградила.

Я пробылъ нѣсколько дней въ Ригѣ, чтобы посовѣтоваться съ докторомъ Штофрегеномъ, который вполнѣ успокоилъ меня на счетъ состоянія моихъ легкихъ; я провелъ двѣ недѣли самымъ пріятнымъ образомъ у сестры моего отца, баронессы Будбергъ, въ ея хорошенькомъ загородномъ домѣ въ Виддрихѣ и явился неожиданно къ родителямъ, которые думали, что я нахожусь за 2.000 верстъ отъ родительскаго крова.

Они были весьма удивлены и обрадованы. Заботливый уходъ и исландскій мохъ возстановили въ скоромъ времени мое здоровье. Такъ какъ у меня былъ безсрочный отпускъ, то я пробылъ у родныхъ до конца года и съ наслажденіемъ забавлялся охотой, которую я всегда

страстно любилъ. У моего отца было все необходимое для охоты; сосѣди и даже иностранцы пріѣзжали издалека въ Ревель, чтобы охотиться у него, и отецъ оказывалъ всѣмъ столь широкое гостепріимство, что въ его замкѣ жили зачастую на всемъ готовомъ болѣе ста человѣкъ посѣтителей, а въ его конюшняхъ кормилось болѣе ста лошадей.

IV.

Поѣздка въ Дерптъ.—Возвращеніе въ полкъ.—Вступленіе на престолъ императора Павла I.—Исключеніе изъ службы и поступленіе вновь въ кирасирскій полкъ Нумзена.—Жизнь въ Митавѣ.

Отецъ совѣтовалъ мнѣ съѣздить въ Дерптъ, чтобы познакомиться съ нашими родными, жившими въ этомъ городѣ. Я отправился туда съ моимъ братомъ Карломъ, который былъ въ то время адъютантомъ князя Сергѣя Голицына.

Въ началѣ января (1796 г.) въ Дерптъ съѣзжалось все дворянство, чтобы устроить свои дѣла и въ то же время повеселиться. Оживленіе, которое царило въ городѣ вслѣдствіе съѣзда столькихъ лицъ, и ярмарка, открывавшаяся въ то же время, придавали Дерпту видъ столицы.

Я провелъ въ Дерптѣ очаровательныхъ 6 недѣль: обѣды, балы, любительскіе спектакли, игры—все способствовало пріятному препровожденію времени.

Въ Дерптѣ я былъ первый разъ влюбленъ. Молодая дѣвушка, прелестная, какъ амуръ, съумѣла затронуть нѣжныя струны до тѣхъ поръ безмолвнаго моего сердца.

Я не имѣлъ смѣлости признаться ей въ любви, но мое обращеніе, мое ухаживаніе, мои глаза говорили ей о моихъ чувствахъ. Одна болтливая подруга открыла ей мою тайну; я хотѣлъ во что бы то ни стало жениться на ней! Къ счастью, братъ, болѣе меня благоразумный, отговорилъ меня отъ этого намѣренія: какой бы я былъ прекрасный мужъ въ 17 лѣтъ!

Я отправился, чтобы разсѣять свое горе (1796 г.) въ Виддрихъ къ моей доброй тетушкѣ; она приняла меня ласково; вскорѣ разсудокъ взялъ верхъ, и я оставилъ мысль о бракѣ. Впослѣдствіи я узналъ съ удовольствіемъ, что эта молодая и хорошенькая дѣвушка вышла замужъ за князя ***.

Мой братъ, сдѣлавшій все возможное, чтобы помѣшать моей женитьбѣ, не устоялъ передъ искушеніемъ вступить въ бракъ съ молодой и очень богатой наслѣдницей. Правда, онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ

не по влеченію сердца, а по разсчету. Онъ женился на дочери генералъ-лейтенанта барона Фрейзель; она была сирота и вступила на другой день послѣ брака во владѣніе обширными имѣніями.

Этотъ бракъ, заключенный по разсчету, не былъ особенно счастливъ, и примѣръ брата надолго отвратилъ меня отъ женитьбы.

Въ исходѣ 1796 г. я отправился въ свой полкъ, который стоялъ на зимнихъ квартирахъ въ Подольской губ. и числился въ корпусѣ князя Прозоровскаго.

Проѣздомъ черезъ Ригу я узналъ горестную вѣсть о кончинѣ императрицы Екатерины. Вся Россія была глубоко опечалена.

При вступленіи на престолъ императора Павла всѣми овладѣлъ страхъ.

Новый императоръ ознаменовалъ начало своего царствованія исключеніемъ изъ службы всѣхъ офицеровъ, отсутствовавшихъ изъ своихъ полковъ. Я былъ въ числѣ исключенныхъ, хотя я уже ѣхалъ въ это время въ полкъ. Этотъ указъ, вслѣдствіе котораго я остался въ столь юныхъ лѣтахъ безъ мѣста и безъ занятій, привелъ меня въ уныніе.

Къ счастью, мой дядя, достойный генералъ Бенкендорфъ, назначенный рижскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, написалъ генералу Нумзену, назначенному генералъ-инспекторомъ кавалеріи, прося его вновь принять меня на службу и опредѣлить въ кирасирскій полкъ, коимъ онъ командовалъ. Эта просьба увѣнчалась полнымъ успѣхомъ.

Мой бывшій полкъ былъ переформированъ. Легкая конница и конные егеря, оказавшіе столь видныя услуги въ Турціи и Польшѣ, прекратили свое существованіе. Они были созданы княземъ Потемкинымъ, котораго императоръ Павелъ не любилъ, точно такъ же, какъ и все исходившее отъ этого замѣчательнаго человѣка, столь же колоссальнаго ростомъ, какъ гигантскаго въ своихъ проектахъ. Генералъ Бауръ хотѣлъ взять меня въ свой гусарскій Павлоградскій полкъ, но я предпочелъ поступить въ полкъ генерала Нумзена, пользовавшагося лучшей славой. Генералъ Бауръ получилъ прозвище «le tireur de chevaux de poste»: такъ какъ никто не могъ совершить болѣе головоломныхъ курьерскихъ поѣздокъ, какъ этотъ бывшій адъютантъ князя Потемкина.

Генералъ Нумзенъ, человѣкъ достойный и храбрый, весьма свѣдущій въ своемъ дѣлѣ, ветеранъ Семилѣтней войны, которую онъ совершилъ въ чинѣ полковника въ рядахъ французскаго войска, обошелся со мною какъ съ роднымъ сыномъ; онъ искренно полюбилъ меня, и я обязанъ ему любовью къ военнымъ наукамъ, которыя онъ самъ преподавалъ мнѣ.

Онъ зналъ въ превосходствѣ всѣ подробности военнаго дѣла и тре-

бовалъ, чтобы къ его урокамъ относились съ большимъ вниманіемъ и вполнѣ сознательно.

Главная квартира генерала Нумзена находилась въ Митавѣ (1797 г.). Онъ вызвалъ по одному эскадрону изъ каждаго полка, который онъ былъ посланъ инспектировать, самъ обучалъ офицеровъ, училъ ихъ строевой службѣ, верховой ѣздѣ, училъ ихъ даже подковывать лошадей, ковать желѣзо и т. п.

По новой организаціи его полкъ получилъ названіе кирасировъ Нумзена.

Я прожилъ въ Митавѣ нѣсколько мѣсяцевъ какъ нельзя болѣе пріятно. Утро посвящалось службѣ, ученью, верховой ѣздѣ, а вечера я проводилъ въ прелестномъ избранномъ обществѣ.

Я имѣлъ случай сдѣлать много пріятныхъ знакомствъ на балахъ, которые часто давались въ казино и у мѣстныхъ землевладѣльцевъ.

Я съѣздилъ въ Ревель, но, не заставъ отца, не остановился въ этомъ городѣ и поѣхалъ повидаться съ нимъ на границу Лифляндіи, гдѣ онъ ожидалъ (1797 г.) уже нѣсколько дней пріѣзда короля польскаго. Онъ былъ назначенъ привѣтствовать его и сопровождать въ путешествіи. Императоръ Павелъ, поступая во всемъ противно тому, какъ поступала императрица Екатерина, велѣлъ отдавать ему королевскія почести.

V.

Переводъ полка въ Валкъ.—Генералъ Нумзенъ.—Характеристика общества.—Полученіе эскадрона.—Перемѣна обмундированія и строеваго устава. — Выступленіе въ 1799 г. въ походъ противъ французовъ.—Затрудненія въ обмундированіи.—Освобожденіе завязшаго экипажа Суворова.—Кончина матери.—Увольненіе Нумзена отъ командованія корпусомъ и назначеніе Корсакова.—Генералъ Воиновъ.

Стародубскіе карабинеры, пришедшіе въ Митаву (1797 г.), пробывъ въ пути нѣсколько мѣсяцевъ, были наскоро переформированы въ кирасировъ Нумзена; затѣмъ этотъ полкъ выступилъ изъ Митавы въ Валкъ, небольшой городокъ Лифляндіи, который, казалось, на первый взглядъ, не могъ представить намъ тѣхъ удобствъ, коими мы пользовались въ Митавѣ; но, пробывъ тамъ нѣкоторое время, мы перезнакомились съ окрестными помѣщиками, и я проводилъ время весьма пріятно.

Генералъ Нумзенъ вмѣнилъ мнѣ въ обязанность ежедневно обѣдать у него. Онъ любилъ хорошо поѣсть и въ особенности любилъ хорошее вино. У него бывалъ каждую пятницу большой обѣдъ; за столъ садились

въ 2 часа, а изъ-за стола рѣдко вставали ранѣе полуночи. Приходилось пить до полнаго изнеможенія.

Однажды, когда въ числѣ приглашенныхъ было нѣсколько сосѣднихъ помѣщиковъ, шампанское, выпитое въ большомъ количествѣ, дотого разгорячило всѣмъ головы, что генералъ поссорился съ барономъ Унгернъ-Стернбергомъ, мѣстнымъ землевладѣльцемъ, человѣкомъ весьма благовоспитаннымъ. Всѣ встали изъ-за стола, генералъ приказалъ принести пистолеты. Я счелъ долгомъ не допустить дѣло до дуэли и всталъ между противниками, но генералъ схватилъ меня своей геркулесовской рукою и хотя онъ былъ на костыляхъ, страдая отъ полученныхъ имъ серьезныхъ ранъ, но онъ такъ сильно прижалъ меня къ своему толстому животу, что едва не задушилъ. Однако въ это время его гнѣвъ немного улегся; къ тому же, употребивъ усиліе, генералъ нѣсколько ослабѣлъ; остальные гости схватили барона; поссорившихся успокоили, и они помирились.

Въ тотъ же вечеръ графъ Панинъ, отправлявшійся посланникомъ въ Берлинъ, заѣхалъ повидаться съ генераломъ, который принялъ его лежа въ постелѣ, и хотя онъ былъ выпивши, но онъ бесѣдовалъ съ нимъ далеко за полночь со свойственнымъ ему умомъ и находчивостью. Графъ Панинъ, полагая, что генералъ боленъ, не подозрѣвалъ, что онъ бесѣдовалъ съ человѣкомъ, выпившимъ дюжину бутылокъ шампанскаго. Подобныя оргіи повторялись каждую пятницу. Въ остальные дни этотъ, достойный уваженія, старикъ жилъ весьма умѣренно, пилъ одну воду, слегка подкрашенную виномъ, и работалъ въ своемъ кабинетѣ часовъ 5—6 подъ рядъ.

Два раза въ недѣлю у него собирались офицеры, и онъ объяснялъ имъ военныя дѣйствія союзныхъ войскъ, посланныхъ противъ французскихъ санкюлотовъ. Я никогда не забуду, какъ, держа въ рукахъ газеты, онъ предсказалъ отступленіе Моро, указывая намъ заранѣе на картѣ тѣ пункты, куда долженъ былъ двинуться Моро, чтобы выйти съ честью изъ затруднительнаго положенія, въ которое онъ былъ поставленъ пораженіемъ, понесеннымъ по винѣ эрцгерцога Карла при Журданѣ.

Лѣто и зима прошли довольно однообразно, но не безъ пріятности. Корпусъ офицеровъ основалъ клубъ; жители принимали участіе въ его собраніяхъ, и зимою въ клубѣ часто танцовали; охота, которую я страстно любилъ, также доставляла мнѣ немало наслажденій.

Въ то время не было въ модѣ порицать правительство и критиковать постоянно всѣ его дѣйствія; общество предоставляло вѣдать дѣла тѣмъ, которые понимали ихъ лучше насъ; мы наблюдали не разсуждая о томъ, какъ и почему дѣлается то-то и то-то, и дѣла шли отъ этого не хуже.

Играя каждый вечеръ въ бостонъ съ полковникомъ Шираемъ, пле-

мянникомъ князя Бездородко, я къ сожалѣнію очень скоро пристрастился къ игрѣ. Мнѣ, какъ говорится, везло, и я много выигрывалъ, что не особенно хорошо для молодыхъ людей, которые со свойственной имъ самонадѣянностью воображаютъ, что счастье должно всегда благопріятствовать имъ, и при первой неудачѣ впадаютъ въ отчаяніе, и въ концѣ концовъ обыкновенно совершенно разоряются.

Я получилъ разрѣшеніе провести Рождественскіе праздники (1798 г.) у моихъ родныхъ. Они всѣ съѣхались въ замокъ, къ моей сестрѣ, графинѣ Стенбокъ.

Я встрѣтилъ у нея ту молодую даму, о которой я говорилъ выше. Мы сблизились и обманывали другъ друга на счетъ нашихъ истинныхъ чувствъ. Съ кокетками остается только платить имъ тою же монетою, но нельзя не порицать тѣхъ мужчинъ, которые имѣютъ несчастную привычку бѣгать за всѣми женщинами, не столько для удовлетворенія присущаго имъ желанія нравиться, какъ изъ тщеславнаго желанія увеличить число своихъ побѣдъ. Это смѣшное тщеславіе въ модѣ, но его слѣдовало бы строго преслѣдовать.

Въ это время освободилась вакансія эскадроннаго командира; генералъ Нумзенъ далъ мнѣ эскадронъ; назначеніе мое было утверждено императоромъ, и эскадронъ сталъ называться моимъ именемъ. Трудно представить себѣ, какъ много очаровательнаго въ мысли, что нѣсколько сотъ молодцевъ носятъ ваше имя и болѣе или менѣе гордятся этимъ, смотря потому, насколько они цѣнятъ своего камандира и насколько они ему преданы. Я квартировалъ въ Руценѣ (Rouzen), въ 50 верстахъ отъ Риги.

Мой эскадронъ былъ въ довольно плохомъ состояніи, такъ какъ мой предшественникъ болѣе заботился о томъ, чтобы наполнить свой кошелекъ, нежели о томъ, чтобы имѣть попеченіе о лошадяхъ; мнѣ стоило не мало труда привести его въ хорошее состояніе.

Императоръ Павелъ измѣнилъ обмундированіе войскъ, желая сдѣлать изъ него вмѣсто національнаго войска плохую копію прусской арміи временъ Фридриха II. Обмундированіе солдатъ по новому образцу доставило намъ безконечно много труда и хлопотъ.

Солдаты и въ особенности офицеры вскорѣ были измучены различными перемѣнами въ формѣ, выправкѣ и дисциплинѣ. Вынужденные то и дѣло усвоивать новыя правила и вскорѣ забывать ихъ, офицеры нехотя исполняли получаемыя приказанія, которыя, какъ они были вполнѣ увѣрены, будутъ такъ-же скоро отмѣнены, какъ и предъидущія. Смотря по строгости, небрежности или суетливому усердію начальства, каждый гарнизонъ, каждый полкъ имѣлъ особую выправку.

Лучшіе офицеры оставили службу; я также собирался просить объ увольненіи меня въ отставку, какъ вдругъ былъ получено (1798) прика-

заніе выступить въ походъ противъ Франціи. Это былъ счастливѣйшій моментъ моей жизни!

Намъ приказано было выступить въ 24 часа въ Брестъ-Литовскъ, назначенный сборнымъ пунктомъ войскъ, коими командовалъ князь Сергѣй Голицынъ и который долженъ былъ войти въ составъ арміи фельдмаршала Суворова, избраннаго союзными державами главнокомандующимъ австро-русскихъ войскъ.

Приказаніе выступить въ 24 часа не допускало колебаній, но, отдавая его, забыли, что было слишкомъ мало времени, чтобы превратить русское войско въ прусскую армію. У насъ не было ни мундировъ, ни обуви, однако мы выступили.

Я выѣхалъ 1-го января 1799 г.; по пути, когда мы останавливались на ночлегъ, и на всѣхъ дневкахъ портные и сапожники усердно принимались за работу; благодаря неусыпнымъ трудамъ и заботамъ, мнѣ удалось наконецъ обмундировать эскадронъ. Не успѣли сдѣлать только ботфортовъ; между тѣмъ намъ предстояло пройти въ полной парадной формѣ черезъ Ригу, и всѣмъ намъ было извѣстно, что слово «невозможно» не существуетъ въ словарѣ императора. Тогда я придумалъ, чтобы каждый кирасиръ надѣлъ только по одному высокому сапогу, такъ что когда они шли по обыкновенію, по два въ рядъ, то ноги, находившіяся снаружи, были обуты въ высокіе сапоги, а ноги, находившіяся внутри, были обуты въ полусапожкахъ. Никто не заподозрѣлъ этой хитрости, къ которой прибѣгнулъ весь полкъ; императоръ, получивъ отъ генералъ-губернатора донесеніе объ образцовой выправкѣ нашего корпуса, осыпалъ насъ похвалами; намъ было совѣстно, что онѣ были такъ мало нами заслужены, но при поспѣшности, съ какою все дѣлалось въ то время, коммиссаріатъ не могъ доставить намъ во-время весь нужный матеріалъ.

Надобно еще сказать, что зима 1799 г. была чрезвычайно суровая. Холодъ былъ ужасный, однако педантизмъ доходилъ до того, что отъ офицеровъ и солдатъ требовали, чтобы они были всегда причесаны и напудрены, въ лосиныхъ брюкахъ и съ открытыми ушами. Офицеры должны были подавать примѣръ. По тѣмъ страданіямъ, какія приходилось переносить, этотъ походъ былъ настоящимъ мученіемъ.

Флигель-адъютанты дѣлали постоянные разъѣзды по большимъ дорогамъ, и горе тому, кто оказывался въ чемъ-либо виновенъ: генералы и офицеры неумолимо исключались изъ службы.

Главнокомандующій князь Голицынъ нагналъ насъ по пути; онъ произвелъ намъ смотръ и велѣлъ идти какъ можно поспѣшнѣе въ Брестъ, гдѣ должна была сосредоточиться вся армія, и откуда нашъ армейскій корпусъ долженъ былъ идти на соединеніе съ арміей фельдмаршала Суворова, который шелъ на Вѣну и въ Италію.

Но въ царствованіе императора Павла, слѣдующій день никогда не походилъ на предъидущій; князь Голицынъ не успѣлъ дойти до Бреста, какъ былъ уволенъ отъ командованія корпусомъ, его смѣнилъ достойный генералъ Нумзенъ, который шелъ все время со своимъ полкомъ. Онъ насъ оставилъ и устроилъ свою главную квартиру въ Брестѣ.

Фельдмаршалъ Суворовъ обогналъ насъ. Его экипажъ увязъ въ снѣгу; я подоспѣлъ со своимъ эскадрономъ и высвободилъ его. Въ то время какъ мои кирасиры работали, Суворовъ кричалъ не переставая изъ своей кареты: «ура, ура, молодцы, рымникскіе карабинеры». Онъ не забылъ, что полкъ Стародубскихъ карабинеровъ рѣшилъ своей молодецкой атакой участь сраженія при Рымникѣ,—сраженія, столь достопамятнаго, что это названіе было прибавлено къ имени Суворова.

Мы прибыли въ мартѣ мѣсяцѣ къ мѣсту своего назначенія. Полковникъ графъ Игельштромъ принялъ командованіе полкомъ. Насъ разставили по квартирамъ по берегу Буга.

Разливъ рѣкъ едва не былъ для насъ пагубнымъ; онѣ вышли изъ береговъ такъ неожиданно и быстро, что мы едва успѣли спасти лошадей и сбрую. Я былъ по плечи въ водѣ и схватилъ лихорадку; генералъ Нумзенъ, узнавъ, что я лежу безъ всякой помощи и ухода, въ плохой крестьянской хижинѣ, разрѣшилъ мнѣ пріѣхать въ главную квартиру.

Я уже начиналъ поправляться, когда получилъ горестное извѣстіе о кончинѣ моей дорогой матери, которую я нѣжно любилъ. Ни одна женщина не была столь оплакиваема своими дѣтьми и друзьями; весь городъ облекся въ трауръ, и всѣ, даже простой народъ, шли за ея гробомъ.

Эта горестная вѣсть такъ повліяла на мое здоровье, что я былъ на краю могилы, у меня сдѣлалась горячка, и я проболѣлъ шесть недѣль.

Въ это время мимо нашей главной квартиры проѣзжалъ король Людовикъ XVIII, направлявшійся въ Митаву.

Генералъ Нумзенъ пригласилъ ко мнѣ главнаго врача короля. Этотъ достойный человѣкъ прописалъ мнѣ лѣкарство, предписалъ извѣстную діэту и возстановилъ мои силы.

Однако я поправлялся весьма медленно: вернувшись къ жизни, я почувствовалъ себя одинокимъ на свѣтѣ. Мнѣ необходимо было развлечься, я хотѣлъ забыться на нѣкоторое время въ шумной жизни главной квартиры. Мое сердце, не изсушенное еще страстью, искало предмета, къ которому оно могло бы привязаться. Напрасная надежда! Я вскорѣ подмѣтилъ, что я давалъ болѣе, нежели получалъ; отъ меня никто не требовалъ глубокаго и возвышеннаго чувства; я чувствовалъ вокругъ себя ужасную пустоту, старался измельчать свои чувства, чтобы подойти подъ общій уровень моихъ веселыхъ и беззаботныхъ товарищей. Всѣ называли меня мечтателемъ; я устыдился той роли, какую

игралъ, и рѣшилъ заняться исключительно службою, но такъ какъ одинокая и монотонная жизнь сдѣлалась мнѣ наконецъ нестерпима, то я мало-по-малу снова втянулся въ общество.

Я былъ утомленъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же впечатлѣній, однѣхъ и тѣхъ же сценъ, однѣхъ и тѣхъ же мыслей.

Я задавалъ себѣ вопросъ: чего жаждало мое сердце? Послѣ смерти моей матери у меня не было болѣе желаній.

Тогда передъ моими умственными взорами промелькнуло честолюбіе; я ухватился за эту мысль съ тою страстностью, съ какою я принимался за осуществленіе всѣхъ моихъ плановъ. Я искалъ въ безпредѣльномъ пространствѣ это невѣдомое благо, мысль о которомъ преслѣдовала меня.

Между тѣмъ настало время выступить; генералъ совершенно неожиданно для него былъ уволенъ, и на его мѣсто назначенъ генералъ Корсаковъ.

Полкъ Нумзена былъ ввѣренъ генералу Воинову.

Положеніе генерала Нумзена было въ высшей степени тягостное. Еще наканунѣ онъ былъ на высшей степени власти и благосостоянія и лишился внезапно всего, что нужно для человѣка, привыкшаго къ достатку и къ широкой дѣятельности!

Большинство лицъ, льстившихъ ему наканунѣ, покинули его; я позналъ чрезъ это людей и научился презирать ихъ.

Къ счастью, нашлись люди, которые примирили меня съ человѣческимъ родомъ. Къ числу этихъ людей принадлежалъ генералъ Воиновъ, который держалъ себя вполнѣ чистосердечно и въ высшей степени деликатно.

Что касается меня, то я выразилъ доброму генералу Нумзену мою признательность и расположеніе, и предложилъ эскадроннымъ командирамъ отказаться отъ всѣхъ претензій, какія мы могли предъявить генералу и вручить ему подписанныя нами квитанціи. Мои товарищи согласились на мое предложеніе, одни—охотно, другіе—нехотя. Мнѣ удалось такимъ образомъ избавить этого превосходнаго старика отъ необходимости уплатить около 10 тысячъ рублей, чѣмъ онъ былъ тронутъ до слезъ.

Генералъ Нумзенъ, датчанинъ по происхожденію, былъ потомкомъ извѣстнаго и вліятельнаго рода. Въ молодыхъ лѣтахъ, онъ поступилъ на службу Франціи, участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ, служа подъ начальствомъ маршала де-Брогли. Какъ человѣка усерднаго, весьма дѣятельнаго, трудолюбиваго и обладавшаго прекрасными свойствами характера, его отличали по службѣ.

Императрица предложила ему перейти на русскую службу, въ чинѣ генералъ-лейтенанта; онъ изъявилъ свое согласіе, съ отличіемъ коман-

довалъ армейскимъ корпусомъ въ Финляндіи, во время войны со шведами, и былъ награжденъ орденами: Александромъ Невскимъ и Георгіемъ 3-й ст.

Императрица, всегда щедро награждавшая его, не могла, однако, обогатить Нумзена; его расходы всегда превышали его средства, такъ что онъ находился постоянно въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и ему приходилось изворачиваться; не будучи интересаномъ, онъ казался таковымъ, и, когда у него не было денегъ, онъ старался добыть ихъ, не особенно стѣсняясь въ этомъ случаѣ способами. Онъ часто не выдавалъ намъ денегъ, потребныхъ на покупку фуража, и мы были нерѣдко жертвами его расточительности.

Генералъ Нумзенъ былъ настоящій колоссъ, при этомъ чрезмѣрно толстъ; онъ ходилъ на костыляхъ. Однажды я поставилъ его латы въ видѣ лодки и сѣлъ въ нихъ. Онъ вошелъ въ этотъ моментъ и много смѣялся моей выдумкѣ, ибо онъ любилъ шутки и никогда на нихъ не сердился.

Генералъ съ трудомъ садился на лошадь, но, усѣвшись верхомъ на своей прекрасной англійской кобылѣ, которая одна только и могла везти этого Голіафа, онъ былъ превосходный наѣздникъ и вообще прекрасный кавалерійскій офицеръ, и могъ заткнуть за поясъ самаго сильнаго и ловкаго наѣздника.

Я никакъ не могъ отдѣлаться отъ лихорадки; мнѣ пришлось ѣхать за полкомъ въ экипажѣ, но такъ какъ лихорадка все усиливалась, то мои друзья, и въ особенности полковникъ графъ Ламбертъ, уговорили меня остановиться въ Краковѣ.

Я напалъ на прекраснаго врача, который радикально излѣчилъ меня. Доказавъ свои знанія, онъ пожелалъ еще облагодѣтельствовать меня, и, когда я, совершенно оправившись, хотѣлъ отблагодарить его 50 дукатами, то онъ наотрѣзъ отказался взять ихъ и вдобавокъ предложилъ мнѣ въ распоряженіе свой кошелекъ.

Такъ какъ я въ деньгахъ совершенно не нуждался, то я настоялъ на томъ, чтобы онъ взялъ эти 50 дукатовъ.

VI.

Движеніе черезъ Силезію и Моравію.—Празднества въ Прагѣ.—Французскіе эмигранты.—Графиня Донгольская.—Прибытіе въ Регенсбургъ.—Дальнѣйшее движеніе.—Полковникъ баронъ Виммеръ.—Вступленіе въ Аугсбургъ.

Когда я совершенно поправился, я взялъ почтовыхъ лошадей и догналъ мой полкъ въ Ольмюцѣ (1799 г.). Во время моего отсутствія

моимъ эскадрономъ командовалъ графъ Моденъ, сдѣлавшій все возможное, чтобы содержать его въ должномъ порядкѣ.

Пройдя большую часть Силезіи и Моравіи, мы вступили въ Богемію. Въ Коллинѣ я осмотрѣлъ знаменитое поле сраженія, гдѣ Фридрихъ Великій былъ разбитъ маршаломъ Дауномъ.

Я остановился близъ Праги, на землѣ графа Филиппа Кинскаго, бывшаго фаворита Іосифа II, который участвовалъ въ путешествіи въ Херсонъ съ императрицей Екатериной.

Графъ Кинскій принялъ меня весьма любезно и пригласилъ на соколиную охоту; я провелъ у него двое сутокъ, и онъ далъ мнѣ свой экипажъ, чтобы догнать полкъ у воротъ Праги.

Мы прошли чрезъ Прагу въ полной парадной формѣ. Въ этомъ городѣ была главная квартира генерала Корсакова.

Князь Ауэрсбергъ далъ большой обѣдъ, на который были приглашены русскіе генералы и нѣкоторые офицеры. Я былъ въ числѣ приглашенныхъ. На этомъ обѣдѣ, за которымъ царствовала обычная въ Австріи пышность и этикетъ, присутствовали всѣ мѣстные сановники; было также много хорошенькихъ женщинъ, которыя любопытствовали взглянуть вблизи на сѣверныхъ варваровъ.

Послѣ обѣда, я отправился осматривать достопримѣчательности города и обратилъ особенное вниманіе на мѣсто, на которомъ погибъ славной смертью маршалъ графъ Шверинъ, павшій со знаменемъ въ рукахъ.

Вечеромъ, я былъ приглашенъ къ графу де-Монбуазье, знатному французскому эмигранту.

Всѣ знатные французы, проживавшіе въ то время (1799 г.) въ Прагѣ, собрались въ салонъ г-жи де-Монбуазье. Три дочери этой дамы, очаровательныя дѣвицы, придавали еще болѣе прелести этому избранному обществу. Гости пѣли, играли, бесѣдовали. Я восхищался любезностью французовъ. Мнѣ никогда еще не приходилось слышать такой пріятной и остроумной бесѣды, я не имѣлъ о ней понятія. Мнѣ приходилось слышать, какъ люди разсуждаютъ о разныхъ предметахъ, но въ обществѣ этихъ французскихъ эмигрантовъ мнѣ впервые довелось слышать увлекательную бесѣду людей, которые умѣли касаться предмета, не углубляясь въ него, вносили веселость въ серьезный разговоръ, умѣли приноравливаться къ тому, кто ихъ слушалъ, умѣли придать интересъ самому сухому предмету, обсуждали его со всѣхъ сторонъ дѣлая видъ, что они касаются его слегка, умѣли вполнѣ естественно переходить отъ одного тона къ другому.

Вторая дочь г-жи де-Монбуазье, Полина, была дѣвушка очаровательная; въ правильныхъ чертахъ ея лица было что-то пикантное; въ ея наружности и умѣ были всѣ данныя для того, чтобы нравиться.

Я едва серьезно не влюбился въ эту очаровательную женщину.

Въ этомъ обществѣ я былъ единственный русскій, меня очень обласкали, всѣ удивились тому, что я былъ не такимъ медвѣженкомъ, какъ думали сначала. О моихъ соотечественникахъ имѣли въ то время самое нелѣпое мнѣніе. Трудно себѣ представить, какіе мнѣ дѣлали нелѣпые вопросы: одна дама спросила меня совершенно серьезно:

— Правда ли, что ваши солдаты ѣдятъ маленькихъ дѣтей?

— Не только маленькихъ,—отвѣчалъ я,—но и большихъ, если они такіе хорошенькія, какъ вы, mesdames.

Этотъ отвѣтъ очень понравился.

Меня просили позвать моего слугу, чтобы посмотрѣть, какой имѣютъ видъ простые русскіе люди; мой Алексѣй, не отличавшійся красотою Антиноя, терпѣливо позволилъ осмотрѣть себя со всѣхъ сторонъ.

Если бы къ намъ пріѣхалъ готтентотъ, его разсматривали бы не съ бо́льшимъ любопытствомъ, какъ всѣ оглядывали моего денщика-татарина. Надобно сознаться, что со своими калмыцкими глазами онъ походилъ дѣйствительно на людоѣда.

На слѣдующій день, я былъ снова приглашенъ къ графу де-Монбуазье; послѣ великолѣпнаго обѣда, мы совершили прогулку на водѣ и остановились на прелестномъ островѣ, чтобы закусить. Вечеръ мы провели въ театрѣ; день закончился блестящимъ баломъ у князя Сольмскаго, пражскаго архіепископа. Къ нему съѣхались всѣ знатныя лица города. Женщины, не стѣсняясь, окружили меня и удостоили меня чести сказать, что я очень любезенъ и хорошо воспитанъ; словомъ, мною интересовались какъ новинкою; ко мнѣ относились какъ къ игрушкѣ; я былъ обязанъ успѣху моей молодости, скромности и неиспорченности и умѣнью говорить по-французски и по-нѣмецки. Это могло бы вскружить мнѣ голову, если бы мы не уѣхали два дня спустя.

Мы остановились (1799 г.) на границѣ Богеміи и Баваріи, чтобы дать нашей пѣхотѣ время подойти; я нашелъ прекрасное помѣщеніе въ замкѣ графа Донгальскаго (Donhalsky).

Онъ былъ женатъ на княжнѣ Яблоновской; въ его домѣ все было на англійскій ладъ, и онъ самъ былъ англоманъ съ головы до ногъ.

Графиня, женщина лѣтъ 30—35, еще довольно красивая, отнеслась ко мнѣ весьма дружелюбно. Она часто бесѣдовала со мною о соблазнахъ, какіе могутъ встрѣтиться молодому человѣку въ свѣтѣ, старалась укрѣпить мои принципы и указать мнѣ средства избѣжать соблазновъ.

— Женщины, — говорила она,—будутъ играть въ вашей жизни большую роль, слѣдовательно, вамъ нужно какъ можно ранѣе выработать себѣ извѣстныя идеи и принципы, коими порядочный человѣкъ долженъ руководствоваться въ своихъ сношеніяхъ съ ними.

Она не совѣтовала мнѣ никогда ухаживать за дѣвушкой, если я не имѣлъ намѣренія жениться на ней, и предоставить моимъ родителямъ избрать мнѣ жену, такъ какъ, любя меня, они не принесутъ моего счастья въ жертву матеріальнымъ выгодамъ и честолюбію, ибо, заключая бракъ на всю жизнь, благоразуміе требуетъ прежде всего, чтобы мы справились, какъ взглянутъ на него лица, заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ.

— Хотя наша жизнь коротка,—говорила она,—но всеблагій Создатель ниспосылаетъ много радостей тому, кто умѣетъ найти ихъ и пользоваться ими, когда онѣ выпадаютъ на его долю.

Она убѣждала меня избѣгать интимныхъ связей съ замужними женщинами и никогда не вносить разладъ въ семьи.

Я былъ тронутъ ея совѣтами, но такъ мало былъ расположенъ слѣдовать имъ, что въ то время, какъ она проповѣдывала мнѣ съ такою добротою всѣ эти истины, я только и думалъ о томъ, какъ бы ей понравиться, если бы она допустила это.

Къ счастью, намъ пришлось скоро выступить изъ этой мѣстности. Снова началась моя скитальческая жизнь; воспоминаніе объ осторожной графинѣ изгладилось изъ моей памяти въ тотъ моментъ, какъ я потерялъ изъ вида ея замокъ, всѣ мои мысли были заняты моими кирасирами и лошадьми.

Мы перевалили черезъ Богемскія горы и, проѣхавъ не останавливаясь по чуднымъ равнинамъ Баваріи, прибыли въ Регенсбургъ.

Нашъ полкъ сталъ лагеремъ на прелестномъ островкѣ, образуемомъ Дунаемъ въ центрѣ города.

Княгиня Туръ-и-Таксисъ сдѣлала намъ честь пригласить насъ на обѣдъ. Она была такъ же привѣтлива и хороша собою, какъ ея сестра, королева прусская.

Старикъ князь de-la-Tour посѣтилъ нашъ лагерь; я былъ дежурнымъ и объяснилъ ему все, что онъ пожелалъ знать. Онъ любезно пригласилъ меня посѣтить его на слѣдующій день въ его загородномъ замкѣ близъ Регенсбурга.

Изъ Регенсбурга мы направились въ Аугсбургъ, прекрасный торговый городъ Швабіи. Я осмотрѣлъ его достопримѣчательности, прекрасную городскую ратушу и запасный водоемъ.

Графъ Фуггеръ представилъ меня нѣсколькимъ весьма милымъ дамамъ, съ которыми я ѣздилъ завтракать въ общественный садъ, въ разстояніи четверти версты отъ города, гдѣ можно получить только редисъ, отличное свѣжее масло и пиво.

Я встрѣтилъ тамъ австрійскаго полковника барона Виммера, главнаго поставщика провіанта и фуража (entrepreneur général des vivres et fourrages) австро-русской арміи. Это былъ человѣкъ замѣчательный

по своему уму, храбрости и предпріимчивости. У него было огромное состояніе, онъ владѣлъ обширными помѣстьями; правительство было должно ему болѣе 20 милліоновъ. Его магазины были разсѣяны по всей Германіи.

Наши коммиссаріатскіе и провіантскіе чиновники, какъ напр. Трофимовскій, Свѣчинъ и многіе другіе, нажили благодаря ему сотни тысячъ флориновъ; наживая самъ, онъ давалъ и другимъ возможность обогатиться.

У меня было нѣсколько молодыхъ лошадей, которыхъ мнѣ хотѣлось продать; онъ купилъ ихъ за высокую цѣну заглазно, единственно изъ желанія сдѣлать мнѣ одолженіе.

Я помѣстился въ Аугсбургѣ вмѣстѣ съ графомъ Ламбертомъ въ гостиницѣ «Бѣлаго барана». Такъ какъ въ городѣ было нѣсколько игорныхъ домовъ, то мнѣ захотѣлось попытать счастье. Одинъ французскій эмигрантъ, по фамиліи Дюпюи, относившійся ко мнѣ весьма пріязненно, совѣтовалъ мнѣ воздержаться отъ игры, увѣряя, что мнѣ никогда не удастся выиграть; но я былъ настолько самоувѣренъ, что не придалъ этимъ словамъ никакого значенія. Тогда онъ открылъ мнѣ, что онъ самъ былъ членомъ игорнаго дома; несчастное положеніе эмигранта заставляло его чѣмъ-нибудь заработывать хлѣбъ; онъ ручается мнѣ, что игрокамъ приходится бороться не съ однимъ только счастьемъ. Этотъ поступокъ былъ такъ честенъ, что я охотно простилъ ему его двусмысленное положеніе, поблагодарилъ его и послѣдовалъ его совѣту. Я встрѣтился съ нимъ впослѣдствіи въ арміи принца Конде.

Мы имѣли съ графомъ Ламбертомъ въ Аугсбургѣ столкновеніе съ однимъ баварскимъ офицеромъ, котораго мы спустили съ лѣстницы; онъ вызвалъ насъ на дуэль, но самъ не явился въ назначенный часъ. Вскорѣ послѣ этой исторіи мы уѣхали изъ Аугсбурга и догнали нашъ полкъ въ Стокахѣ (Stokach), гдѣ эрцгерцогъ Карлъ только передъ тѣмъ одержалъ побѣду.

VII.

Нейкирхъ.—Лауфенскій водопадъ.—Неудачныя дѣйствія генерала Корсакова противъ Массены.—Движеніе къ нему на помощь.—Затруднительное положеніе генерала Воинова подъ Винтертуромъ.—Отступленіе къ Эглизау и потомъ къ Шафгаузену.—Стычка близъ Шлатта и Дрейенгофена.—Отступленіе къ Рейтлингену.

Послѣ столь длиннаго перехода надобно было дать отдохнуть лошадямъ; войско было разставлено по квартирамъ. Я помѣстился въ Ней-

кирхѣ (Neukirch), неподалеку отъ прелестнаго Констанцкаго озера и по близости отъ Линдау.

Я часто ѣздилъ въ этотъ городъ,—Венецію Констанцкаго озера, и катался по озеру въ обществѣ очаровательныхъ женщинъ, безъ коихъ я уже почти не могъ проводить время.

Двѣ недѣли пролетѣли, какъ сонъ; наконецъ, было получено приказаніе идти далѣе. Сколько было вздоховъ съ той и съ другой стороны.

Армія направилась къ Шафгаузену; пройдя чрезъ этотъ городъ, мы стали лагеремъ на правомъ берегу Рейна, возлѣ прекраснаго и величественнаго Лауфенскаго водопада.

Я никогда не видѣлъ болѣе живописной картины.

Сидя на обломкѣ скалы, я удивлялся тому, какую грусть навѣваетъ шумъ, производимый паденіемъ воды. Люди любятъ источники потому, что между ними и быстротечностью нашей жизни существуетъ тайное сходство.

Шумъ водопада привлекалъ и въ то же время отталкивалъ меня, онъ возбуждалъ и разрушалъ мои надежды. Пока мы стояли возлѣ этого водопада, я ходилъ любоваться имъ каждый вечеръ. Мы были наканунѣ кровавыхъ событій; размышленіе объ этомъ заставило меня обратиться къ Богу; я просилъ его защитить меня и пощадить мою молодую жизнь.

Въ одну изъ поѣздокъ въ Шафгаузенъ, я пилъ превосходный рейнвейнъ на самомъ берегу рѣки Рейна; мы были съ товарищами въ самомъ веселомъ настроеніи, какъ вдругъ мы услыхали какой-то гулъ, напоминавшій раскаты отдаленнаго грома. Это была пушечная пальба, происходившая въ окрестностяхъ Цюриха. Мы поспѣшно вскочили на лошадей.

Нашъ полкъ получилъ приказаніе перейти Рейнъ у Эглизау (Eglisau) и присоединиться къ 4.000 баварцамъ, чтобы подкрѣпить корпусъ Корсакова, котораго атаковалъ генералъ Массена.

Генералъ Воиновъ собралъ эскадронныхъ командировъ, далъ намъ инструкціи для предстоявшаго ночнаго марша, и мы весело двинулись въ путь. На слѣдующій день пушечная пальба возобновилась съ большой силою. Массена разбилъ Корсакова на всѣхъ пунктахъ; намъ было приказано идти рысью, чтобы поддержать и прикрыть отступленіе.

Генералъ Корсаковъ попался намъ на встрѣчу со всѣмъ своимъ штабомъ. Самонадѣянный видъ, который онъ имѣлъ до этого пораженія, исчезъ; генералъ былъ блѣденъ и разстроенъ. Его сопровождали гусары Лекоргина [le général Lekorbine (?)]; этотъ великолѣпный полкъ подвергался въ теченіе нѣсколькихъ часовъ убійственному огню и жестоко пострадалъ; у командира храбраго генерала Лекоргина оторвало ядромъ ногу.

*

Мы продолжали идти впередъ; артиллерія и военный обозъ поспѣшно отступали, тогда какъ мы горѣли желаніемъ сразиться съ непріятелемъ.

Наконецъ, мы увидѣли его, но такъ какъ уже стемнѣло, то мы остановились, успѣвъ однако захватить нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ; мы ограничились тѣмъ, что наблюдали за дорогами, которыя шли въ разныхъ направленіяхъ, и сдерживали движеніе непріятеля.

Мы развели костры и разнуздали половину лошадей въ каждомъ эскадронѣ. Это былъ нашъ первый бивуакъ.

Я не легъ спать; ожиданіе слѣдующаго дня поглощало меня всецѣло.

Какъ передать всѣ мысли, тѣснившіяся въ моей головѣ, когда я сидѣлъ возлѣ костра, окруженный моими молодцами кирасирами.

Я наслаждался, но чѣмъ именно, я не могъ бы точно сказать. Душа вѣчно жаждетъ новаго; едва достигнувъ желаемаго, она уже предъявляетъ новыя требованія. Весь міръ не можетъ ее удовлетворить. Ее можетъ удовлетворить лишь безконечное; тѣмъ не менѣе я былъ счастливъ, я предвкушалъ съ наслажденіемъ завтрашнюю битву съ врагомъ человѣческаго рода; чувство гордости заставляло усиленно биться мое сердце при мысли, что быть можетъ на завтра мнѣ суждено отличиться! Какъ безуменъ человѣкъ, придавая столь большое значеніе такимъ бреннымъ вещамъ. Но мои радужныя мысли омрачались время отъ времени тягостнымъ чувствомъ, когда разсудокъ напоминалъ мнѣ, что я могу ежеминутно быть убитымъ. Звукъ трубы вывелъ меня изъ этого страннаго и тягостнаго настроенія, я мигомъ овладѣлъ собою и сталъ въ главѣ моихъ дорогихъ кирасиръ.

Войско построилось въ боевой порядокъ; мы двинулись къ непріятелю, который перешелъ тотчасъ въ отступленіе, привѣтствовавъ насъ однако нѣсколькими пушечными выстрѣлами.

Генералъ Корсаковъ, узнавъ, что нѣсколько пѣхотныхъ полковъ и одинъ артиллерійскій паркъ были отрѣзаны отъ его арміи и поспѣшно отступили къ Винтертуру, приказалъ генералу Воинову отыскать ихъ и далъ ему въ подкрѣпленіе полкъ донскихъ казаковъ Астахова и полкъ уральскихъ казаковъ Бородина. Эти остатки корпуса Корсакова направились къ Дрейенгофену, чтобы перейти въ этомъ мѣстѣ Рейнъ. Пылкій генералъ Воиновъ хотѣлъ облегчить ихъ поспѣшное отступленіе, произведя на непріятеля энергичную атаку. Онъ шелъ вдоль линіи французскихъ войскъ, въ надеждѣ соединиться съ нашими, но, достигнувъ Винтертура, былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ.

Непріятель, не подозрѣвавшій о нашемъ приближеніи, былъ удивленъ не менѣе насъ. Такъ какъ онъ не атаковалъ насъ, то мы взяли на себя иниціативу и повели атаку столь энергично, что захватили даже нѣсколько плѣнныхъ, но, несмотря на блестящее начало, мы были вынуждены нѣсколько минутъ спустя переправиться черезъ рѣку Туръ (la

Thur) вплавь, чтобы избѣжать столкновенія съ болѣе превосходными силами. Единственнымъ нашимъ спасеніемъ было выйти на дорогу, ведшую къ Эглизау по проселочнымъ дорогамъ, которыя были почти непроходимы.

Мы пронеслись рысью по деревнѣ, которая была переполнена французскими войсками. Они смотрѣли на насъ изъ оконъ: не знаю, чему приписать—изумленію или страху, обуявшему непріятеля, но онъ сталъ стрѣлять только по 5-му эскадрону. Я командовалъ четвертымъ; у меня была ранена всего одна лошадь, да двѣ лошади утонули.

Большая дорога была уже занята французами; поэтому намъ не оставалось никакой надежды присоединиться къ главнымъ силамъ арміи, находившимся въ Эглизау. Генералъ Воиновъ рѣшился кинуться въ лѣсъ, гдѣ не было иной дороги кромѣ узкой лѣсной тропы. Ему пришлось вскорѣ раскаяться въ этомъ движеніи, ибо лишь только половина его полка проникла въ лѣсъ, какъ люди, шедшіе въ головѣ колонны, очутились на краю пропасти, которую невозможно было перейти, и были вынуждены остановиться. Не было достаточно мѣста, чтобы повернуть лошадей одну за другой. Насъ нагоняла французская пѣхота; положеніе становилось все болѣе и болѣе критическимъ. Хладнокровіе генерала Воинова и храбрость солдатъ спасли насъ.

5-й и 4-й эскадроны тотчасъ построились въ боевой порядокъ и стали угрожать непріятелю, между тѣмъ какъ остальные три эскадрона вышли изъ лѣса. Это движеніе было поддержано казаками; наконецъ, блестящая атака, произведенная 5-мъ эскадрономъ подъ командою графа Ламберта и 4-мъ эскадрономъ подъ моею командою, дала намъ окончательно возможность выйти изъ бѣдственнаго положенія, въ которомъ мы очутились.

Продолжая сражаться, мы достигли до моста Эглизау въ тотъ моментъ, когда генералъ Корсаковъ отдалъ приказаніе взорвать его. Если бы мы пришли четвертью часа позже, то намъ не осталось бы инаго выбора, какъ сдаться въ плѣнъ или утонуть въ Рейнѣ.

Доблестный генералъ Воиновъ уже объявилъ намъ, что если мостъ въ Эглизау будетъ взорванъ, то онъ бросится вплавь; это значило идти на вѣрную смерть, такъ какъ вслѣдствіе близости водопада теченіе рѣки въ этомъ мѣстѣ столь быстро, что не было примѣра, чтобы черезъ нее могла переплыть даже свинья, хотя изъ всѣхъ животныхъ она считается самымъ лучшимъ пловцомъ.

Мостъ былъ взорванъ, лишь только мы успѣли перейти черезъ него, и мы расположились лагеремъ въ виноградникахъ, покрывающихъ правый берегъ Рейна. Въ двухъ шагахъ оттуда находился складъ овса. Мнѣ было поручено принять фуражъ для нашего и для двухъ

казачьихъ полковъ, и я воспользовался этимъ, чтобы дать моему эскадрону двойной раціонъ.

Когда люди и лошади подкрѣпились, намъ было приказано отступить къ Шафгаузену и стать лагеремъ за тетъ-де-пономъ, сооруженнымъ австрійцами по близости отъ монастыря du Paradis.

Вскорѣ остатки арміи Корсакова сосредоточились на правомъ берегу Рейна; генералъ Воиновъ принялъ командованіе передовыми постами нашего лѣваго фланга. Онъ перешелъ обратно Рейнъ у Дрейенгофена и занялъ позицію на лѣвомъ берегу передъ этимъ городомъ. Я былъ усиленъ егерями Титова и полкомъ казаковъ. Ни одного дня не проходило безъ стычки между нашими солдатами и французами.

Непріятель исчезъ въ тотъ моментъ, когда мы менѣе всего этого ожидали, и кн. Алексѣй Горчаковъ послалъ меня съ моимъ эскадрономъ и сотнею казаковъ отыскать его.

Я былъ впервые предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ и вынужденъ дѣйствовать по своему собственному вдохновенію.

Признаюсь, задача оказалась не столь легкою, какъ я воображалъ; когда приходится дѣйствовать по своему собственному усмотрѣнію, а не руководствоваться волею другаго, то видишь вещи совершенно иначе и иначе судишь о нихъ.

Я прошелъ три версты, не встрѣтивъ непріятеля, наконецъ примѣтилъ его у переправы черезъ р. Туръ. Парижскіе гусары, красные, какъ кровь, шли мнѣ на встрѣчу. Мои молодцы кирасиры не посрамили своего юнаго командира, горѣвшаго желаніемъ совершить какой-нибудь славный подвигъ. Гусары были опрокинуты рымникскими храбрецами, и мнѣ посчастливилось взять въ плѣнъ французскаго полковника, за что я получилъ похвалу отъ князя Горчакова и здоровый ударъ саблею по головѣ.

Я былъ счастливъ; мнѣ удалось отыскать непріятеля, скрывавшагося отъ насъ съ цѣлью, чтобы атаковать Суворова, и я опредѣлилъ его силы и движеніе, не натворивъ никакихъ глупостей; я возвратился поздно ночью въ лагерь, гдѣ всѣ поздравляли меня.

Весь день шелъ сильный дождь, я промокъ до костей; нашъ обозъ находился въ трехъ переходахъ отъ нашего лагеря, я не могъ смѣнить бѣлья и платья, поэтому былъ вынужденъ раздѣться догола, чтобы высушить одежду у костра, и прикрылся пока солдатской шинелью.

Когда человѣкъ молодъ, онъ все можетъ перенести. Былъ ноябрь мѣсяцъ, ночи были чрезвычайно холодныя, между тѣмъ я не схватилъ даже насморка! Я выпилъ изрядное количество пунша, улегся, хорошо укрывшись на сѣно, и всталъ по утру здравъ и невредимъ.

Полученная мною рана не мѣшала мнѣ нести службу; когда мой

эскадронъ стоялъ въ карауле на аванъ-постахъ, то я старался охранять монастырь св. Екатерины, находившійся во ввѣренномъ мнѣ районѣ.

Я послалъ аббатиссѣ стражу для ея охраны, а она, въ благодарность за мое вниманіе, присылала мнѣ ежедневно на бивуакъ обильный обѣдъ, превосходный кофе, ликеры и всевозможныя лакомства.

Я былъ весьма огорченъ тѣмъ, что во время жаркой стычки, которую мы имѣли съ непріятелемъ и вслѣдствіе которой мы были вынуждены оставить лѣвый берегъ Рейна, монастырь св. Екатерины былъ занятъ санкюлотами.

Это сраженіе происходило близъ Шлатта и Дрейенгофена. Произведя атаку на непріятеля, мнѣ удалось овладѣть батарей, состоявшей изъ 4-хъ орудій. При этомъ у меня было убито нѣсколько солдатъ; генералъ Воиновъ немного побранилъ меня за то, что я дѣйствовалъ не достаточно осмотрительно, но все же нашелъ возможнымъ наградить меня, производствомъ въ маіоры. Въ царствованіе императора Павла, не давали георгіевскаго креста, который я бы могъ получить за это дѣло.

Это кровопролитное сраженіе, въ которомъ счастье вначалѣ благопріятствовало русскимъ, окончилось побѣдою непріятеля.

Мостъ, находившійся на Рейнѣ у Дрейенгофена, былъ сожженъ, и наша армія, оставивъ окончательно лѣвый берегъ рѣки, расположилась близъ Шафгаузена.

Отличительною чертою характера генерала Корсакова было держать себя надменно и самонадѣянно до сраженія и быть малодушнымъ по окончаніи его. Войсками, сражавшимися противъ насъ, командовали генералы Лоржъ (Lorge) и Удино. Я разговаривалъ съ послѣднимъ у предмостнаго укрѣпленія Дрейенгофена въ то время, когда онъ уже былъ подожженъ. Мы находились отъ него всего въ нѣсколькихъ саженяхъ.

Булингенскій тетъ-де-понъ былъ еще въ нашихъ рукахъ; генералъ Менаръ (Mesnard), дважды атаковавшій его, былъ отброшенъ нашими храбрыми гренадерами Екатеринославскаго полка, которые потеряли своего командира, генерала Сакена, въ Цюрихѣ, гдѣ онъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ.

Массена отступилъ къ Trullikon'у, и русская армія заняла снова Шафгаузенъ.

Лоржъ и Удино атаковали съ успѣхомъ Дрейенгофенъ. Генералы Соне (Sonet) и Газанъ (Gazan) атаковали Штейна и корпусъ принца Конде въ Констанцѣ. Мортье находился въ резервѣ.

Корсаковъ, боявшійся упрековъ со стороны Суворова, двинулся съ 10 батальонами и 22 эскадронами противъ непріятеля, сдѣ-

лавъ это вѣроятно болѣе для очистки совѣсти, нежели въ надеждѣ на успѣхъ.

Всѣ дѣйствія этого генерала отличались необдуманностью. Пѣхота прошла мостъ и лѣсъ, не ожидая кавалеріи, и была отброшена прежде, нежели послѣдняя могла поддержать ее.

Однако, наша пѣхота вступила вслѣдъ затѣмъ стремительно въ бой, и ей удалось даже отбросить непріятеля до Андельфингена, но, когда Массена сталъ лично во главѣ своего резерва—состоящаго изъ гренадеръ, то русская пѣхота была вынуждена отступить.

Мы оставили Буллингенскій тетъ-де-понъ; это было ошибкою съ нашей стороны, такъ какъ это лишило насъ возможности перейти снова въ наступленіе, отъ чего не было никакой причины отказываться.

Полагали, что генералъ Корсаковъ отступилъ по настоянію эрцгерцога Карла, который не сомнѣвался въ храбрости русскихъ и въ томъ, что они въ состояніи защитить свою позицію, но не былъ увѣренъ въ желаніи нашего генерала удержаться на этой позиціи. Зная несогласіе, существовавшее ранѣе между этими двумя начальствующими лицами, можно считать это объясненіе весьма вѣроятнымъ.

Какъ только мы оставили лѣвый берегъ Рейна, всѣ непріятельскія дѣйствія прекратились. Австрійскій генералъ Нанендорфъ прибылъ изъ Мангейма, смѣнилъ наши посты, и мы ушли ночью, предавъ огню нашъ бивуакъ къ великому негодованію австрійцевъ, которые видѣли въ этомъ остатокъ варварства.

Погода была отвратительная, проливной дождь промочилъ насъ до костей, и такъ какъ ночью подморозило, то наша одежда покрылась кристаллами снѣга, и мы походили на обсахаренный миндаль.

Мы прибыли наконецъ въ окрестности Штокаха (Stockach), но всѣ деревни были переполнены солдатами, и намъ пришлось снова стать бивуакомъ.

Я былъ совершенно измученъ. Для того чтобы согрѣться, я зашелъ въ хижину одного крестьянина, у котораго были виноградники. Послѣ многихъ просьбъ съ моей стороны старушка-крестьянка открыла мнѣ двери. Ея мужъ уже спалъ; я раздѣлся, заставилъ его встать съ постели и легъ на нагрѣтое мѣсто; меня прикрыли всевозможнымъ тряпьемъ. Хозяйка напоила меня плохимъ кофе съ цикоріемъ, и я крѣпко уснулъ.

Я никогда не спалъ такъ хорошо и не ощущалъ такого физическаго благосостоянія. Проснувшись на слѣдующій день совершенно бодрымъ и здоровымъ, я ужаснулся при видѣ того отвратительнаго ложа, которое послѣ перенесенныхъ мною наканунѣ страданій казалось мнѣ восхитительнымъ: оно было грязно.

Я поспѣшно соскочилъ съ постели, наскоро одѣлся и, щедро отблаго-

даривъ этихъ добрыхъ людей, отправился къ моимъ кирасирамъ, которые разложили большіе костры, зарѣзали нѣсколько коровъ и съумѣли обогрѣться и добыть себѣ пищу.

Между тѣмъ дошедшее до насъ извѣстіе объ отступленіи Суворова и о переходѣ имъ С.-Готарда серьезно встревожило насъ. Было необходимо обезпечить сношеніе съ этимъ героемъ; это было возложено на меня; мнѣ дали двѣ сотни казаковъ, съ коими я отправился на поиски Суворова.

Я прошелъ по берегу прекраснаго Констанцкаго озера, миновалъ Линдау и Брегенцъ и, вступивъ въ Граубинденскій кантонъ, встрѣтилъ передовыхъ казаковъ Суворова.

Извѣстія, которыя мнѣ приходилось сообщить этому великому человѣку, только-что преодолѣвшему передъ тѣмъ величайшія препятствія, были далеко не утѣшительны, но онъ не упалъ духомъ; онъ только и думалъ о томъ, какъ бы скорѣе соединиться съ Корсаковымъ, слить его армію со своею и заставить его забыть неудачи, испытанныя въ Цюрихѣ.

Я догналъ свой эскадронъ въ Швабіи, въ Кенигсекскомъ замкѣ. Намъ подали прекрасный обѣдъ; тутъ впервые съ начала кампаніи я провелъ ночь въ чистой и удобной постелѣ.

Нѣсколько дней спустя я остановился въ Бухаускомъ капитулѣ [1]) (Chapitre de Buchau) на озерѣ Федеръ (Federsee). Настоятельницею этого монастыря была графиня Стадіонъ; всѣ канониссы принадлежали къ знатнѣйшимъ фамиліямъ имперіи.

Меня приняли весьма радушно. Это аббатство походило на маленькій дворъ, тутъ было все: и камергеры, и маршалы.

Канцлеръ этого капитула былъ человѣкъ умный, но пропитанный доктринами современной философіи, коихъ онъ не только былъ ревностнымъ послѣдователемъ, но которыя старательно проповѣдывалъ. Я цѣнилъ его знанія и искалъ случая бесѣдовать съ нимъ; онъ взялся просвѣтить меня. Мы читали вмѣстѣ съ нимъ сдѣланныя имъ выписки изъ Гельвеція, Вольтера, д'Аламберта, Бюффона, Ж. Ж. Руссо, барона Гольбаха и Гримма.

Онъ объяснялъ мнѣ различныя теоріи мірозданія, дѣлая изъ нихъ выводы, противорѣчившіе моимъ религіознымъ взглядамъ; я слушалъ его со вниманіемъ, но мои вѣрованія не были имъ поколеблены.

Совершивъ въ теченіе нѣсколькихъ дней переходъ по весьма плодородной мѣстности, я расположился съ войскомъ на квартирахъ въ окрестностяхъ Рейтлингена, недалеко отъ истоковъ Дуная.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Капитулъ у католиковъ мѣсто, гдѣ происходятъ собранія монастырскаго духовенства, также духовныхъ орденовъ.

Два рескрипта о Н. И. Новиковѣ.

Рескриптъ Екатерины II—генералу Лопухину.

23-го января 1786 г.

Господинъ генералъ-маіоръ и Московскій губернаторъ Лопухинъ. Содержателя типографіи въ Москвѣ Николая Новикова прикажите призвавъ въ губернское правленіе изъяснить ему, что учрежденіе типографіи обыкновенно предполагается для изданія книгъ обществу прямо полезныхъ и нужныхъ, а отнюдь не для того, дабы пособствовать изданію сочиненій, наполненныхъ новымъ расколомъ для обмана и уловленія невѣждъ; изъ его же Новикова типографіи вышло немалое количество книгъ сему подобныхъ и потому допросить его о причинахъ, побудившихъ его къ изданію тѣхъ сочиненій и въ какомъ намѣреніи то дѣлано было и что онъ объявитъ, намъ донесите. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

Тоже отъ 11-го февраля 1786 г.

Господинъ генералъ-маіоръ и Московскій губернаторъ Лопухинъ. По разсмотрѣніи донесенія вашего отъ 30-го января и приложеннаго къ тому допроса содержателя московской типографіи Николая Новикова повелѣваемъ: книги, изданныя въ той типографіи, кои еще неокончены свидѣтельствованіемъ порученнымъ отъ насъ указомъ отъ 23-го декабря 1785 г. преосвященному архіепископу московскому, запечатать отъ управы Благочинія въ помянутой типографіи и книжной лавкѣ и продажу ихъ запретить, доколѣ по совершеніи того осмотра послѣдуетъ дальнѣйшее наше повелѣніе.

Внутреннія причины паденія Польши.

(Переводъ съ польской рукописи) [1]).

Важнѣйшимъ сословіемъ въ Польшѣ было сословіе шляхетское. Званіе шляхетства получалось преимущественно за отличіе на полѣ брани. Разъ признанное, шляхетство переходило на потомство.

Шляхта вела борьбу съ врагами страны, она составляла дворъ короля и вмѣстѣ съ королемъ правила страною. Пока вообще брали верхъ въ шляхтѣ добродѣтели: храбрость, вѣра и любовь къ ближнему, до тѣхъ поръ она была дѣйствительной поддержкой и помощью въ правленіи Пястовъ; когда же отъ вѣры

---

[1]) Авторъ предлагаемой вниманію читателей статьи, безпристрастный изслѣдователь историческихъ судебъ своего отечества, не могъ напечатать своего труда на польскомъ языкѣ, и отдавая свою рукопись въ наше распоряженіе, пожелалъ остаться неизвѣстнымъ. Мы печатаемъ это безпристрастное и правдивое историческое изслѣдованіе внутреннихъ причинъ паденія Польши въ дословномъ переводѣ съ польскаго на русскій языкъ.

Источниками служили слѣдующія сочиненія: 1) Исторія Польши, Шуйскаго. 2) Четырехлѣтній сеймъ, кс. Калинки. 3) Записки стараго шляхтича, Ржевускаго. 4) Замѣтки, до настоящаго времени не появившіяся въ печати и составляющія собственность шляхетской семьи, прадѣдъ которой былъ камергеръ короля Станислава-Августа. 5) Записки Китовича. 6) О престолонаслѣдіи въ Польшѣ, Северина Ржевускаго. 7) Размышленія надъ грамотой, изданной за подписью господина Ржевускаго, Потоцкаго. 8) О междуцарствіяхъ въ Польшѣ и объ избраніи королей, Ѳомы Езерскаго. (Въ сочиненіи онъ названъ Французомъ). 9) Патріотическія письма Выбицкаго. 10) Замѣчанія къ сочиненію, которое вышло въ Варшавѣ съ именемъ Северина Ржевускаго о престолонаслѣдіи въ Польшѣ, Гугона Коллонтая. 11) Considérations par Russeau. 12) Историческая хронологія Польскаго Королевства, Си-

осталась только форма, храбрость перешла въ кастовую гордыню, а любовь къ ближнему ограничилась исключительно родственными интересами, наступилъ разладъ съ королемъ, пренебреженіе къ интересамъ государства и забота только о собственномъ величіи, основанномъ не на разумѣ и честности, а на импонированіи величіемъ гордости и состоянія, пріобрѣтеннаго какими бы то ни было средствами. Справедливо можно сказать, что современный американскій принципъ «человѣкъ стоитъ столько, сколько у него денегъ», издавна былъ извѣстенъ въ Польшѣ. А когда, вмѣсто честности въ характерѣ, народилось достославное «liberum veto» и извѣстныя «вольныя шляхетскія права», выработался деспотизмъ шляхты, всякій въ своемъ помѣстьѣ хотѣлъ быть и, хоть не de jure, то de facto, почти былъ королемъ. Не удивительно, что воспитанные на такихъ началахъ потомки, занявъ высшія должности, всегда подозрѣвали короля, какъ врага «вольныхъ шляхетскихъ правъ», стремящагося къ неограниченной власти. Этимъ и вызвано раздвоеніе въ государствѣ. А такъ какъ въ машинѣ всякая неладица ведетъ къ распаденію, то и польское королевство должно было распадаться и распадалось.

Китовичъ въ своихъ запискахъ, изданныхъ въ Познани въ 1840 г., говоритъ: «въ Польшѣ два народа: одинъ—мелкопомѣстная шляхта, мѣщане и крестьяне, другой—властные паны и состоятельная шляхта». Мелкой шляхтой называли бѣдное шляхетское сословіе. Эти люди владѣли отдѣльными деревнями съ фольварками, или отдѣльными поселками, состоявшими изъ нѣсколькихъ дворовъ, или же кромѣ «шляхетскаго сокровища» (герба) не имѣли ничего; бывало также, что болѣе десятка расплодившихся шляхтичей владѣли одной деревней, пожалованной ихъ предку которымъ-либо изъ польскихъ королей. Вслѣдствіе незначитель-

---

меона Конопацкаго. 13) Полякъ въ czui (?), подшитой правдой. Варшава 1791 г.

Примѣчанія переводчика:

1) Во всей польской рукописи внушаетъ сомнѣніе только одно слово, вѣроятно архаическое: въ 13-мъ пунктѣ источниковъ, которыми руководствовался авторъ въ своемъ сочиненіи, брошюра 1791 года носитъ заглавіе: „Polak w czui, prawdą podszytej". Что означаетъ подчеркнутое слово—трудно угадать по смыслу, хотя это слово встрѣчается разъ и въ сочиненіи. Если тутъ говорится о какой-нибудь одеждѣ, то, быть можетъ, это слово имѣетъ одинъ корень съ русскимъ „чуйка".

2) Фамилія польскаго генерала иностранца Соссеі'а написана нами латинскими буквами, такъ какъ она непохожа ни на французскую, ни на нѣмецкую, и мы опасались ошибиться, передавая ее въ русскомъ начертаніи.

3) на страницѣ 309-й перевода, авторъ называетъ нѣсколько отнятыхъ у Польши воеводствъ „Западной Пруссіи" (Prussy Zachodnie); нужно думать, что это описка. N. N.

ности ихъ имѣній, они были названы «шляхтой загоновой» или «шарачками», отъ льняной сѣрой (szarej) одежды домашняго издѣлія, которую они носили.

Мелкая шляхта, не будучи въ состояніи содержать своихъ дѣтей или не желая дробить и безъ того скудное достояніе, обыкновенно высылала своихъ сыновей, научивъ ихъ съ грѣхомъ пополамъ читать и писать, а по большей части и совсѣмъ не научивъ,—въ усадьбы богатыхъ пановъ, чтобы тамъ они наживались и обезпечивали себѣ хлѣбъ. Въ большинствѣ случаевъ такая служба вначалѣ была безплатною. Вновь прибывшій исполнялъ обязанности комнатнаго служителя, или теперешняго лакея: чистилъ пану одежду, оружіе, прислуживалъ за столомъ, входилъ въ составъ воинской дружины пана и т. п. За юношескія шалости и прихоти его сѣкли, разложивъ на коврѣ, такъ какъ бить шляхтича на голой землѣ считалось оскорбленіемъ. Его содержаніе составляли подарки, получаемые отъ пана или болѣе состоятельныхъ товарищей, въ видѣ кунтуша, пояса, нѣсколькихъ червонцевъ, сабли, пистолета, булавки, коня и т. п. За малѣйшую дерзость въ отношеніи пана его прогоняли, били или бросали въ казематъ. Проявлять свое «я» передъ властнымъ паномъ не дозволялось бѣдному, состоящему на службѣ шляхтичу. Если такой «шляхтенокъ» служилъ своему пану вѣрно и покорно, онъ со временемъ могъ попасть въ смотрители тюрьмы конюшни и конскаго завода и даже въ начальники панской дружины,, въ экономы на фольваркѣ или въ деревнѣ, или въ уполномоченные пана по хозяйственнымъ дѣламъ. Довольно часто случалось, что неимущій шляхтичъ, поступивъ совершеннымъ бѣднякомъ на службу къ магнату, пріобрѣталъ расположеніе пана и получалъ въ пожизненное владѣніе или въ собственность одну или нѣсколько деревень съ угодьями и изъ бѣдняка обращался въ корень состоятельнаго рода. При тогдашнихъ понятіяхъ, служба у магнатовъ не была оскорбительной для шляхтича, напротивъ, бѣдный шляхтичъ считалъ высокой честью для себя, если могъ помѣстить своего сына въ усадьбѣ властнаго пана.

Въ виду того, что большая часть шляхты была бѣдна и нуждалась въ поддержкѣ со стороны богатыхъ, состоятельные паны легко овладѣли неимущими; послѣдніе стали «покорными слугами» своихъ властелиновъ. Благодаря этому въ неимущей шляхтѣ выработались такіе взгляды, какихъ требовала аристократія; выработалось и преобладаніе аристократіи въ сеймикахъ и сеймахъ,—преобладаніе тѣхъ аспираций, которыя она считала выгодными для себя. Другими словами, бѣдная шляхта, имѣя такое же, какъ и вельможи, право на «позволяю» или «не позволяю», помимо воли стала ширмою для орудованія вельможъ.

Другимъ народомъ въ Польшѣ были властные паны-аристократы.

Эти люди составляли дворъ короля, занимали высшія должности, извлекая изъ нихъ большія выгоды. Свое начало одни изъ нихъ вели изъ баснословной и темной древности, другіе же, люди новые, отъ королевскихъ пожалованій и щедротъ, за которыя они рѣдко отплачивали своему монарху «добромъ за добро». Великіе роды пошли преимущественно отъ епископовъ. Епископы были надѣлены большими помѣстьями, и доказательствомъ этому служитъ то, что въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ двѣ трети всего пространства края были собственностью костела. Экономный епископъ накоплялъ огромныя сокровища и завѣщалъ ихъ потомкамъ; болѣе вліятельный испрашивалъ у иностранныхъ монарховъ для своихъ родственниковъ дипломы на званіе князей, графовъ и маркизовъ, а эти титулы совсѣмъ не были извѣстны въ польскомъ законодательствѣ, такъ какъ оно признавало принципъ шляхетскаго равенства: общимъ принципомъ было то, что «всякій польскій шляхтичъ рождается отъ короны», т. е. путь къ престолу открытъ передъ нимъ. Такое убѣжденіе породило фальшивое понятіе о собственномъ величіи и безграничную гордость. Если прибавить къ этому вліяніе на неимущую шляхту, которая естественно нуждалась въ покровительствѣ и помощи вельможъ и, добившись ихъ, становилась «покорными слугами» своихъ благодѣтелей, если прибавить великія богатства въ золотѣ, драгоцѣнныхъ вещахъ, серебрѣ и земельныя пространства, бывшія во владѣніи вельможъ (были роды, собственность которыхъ составляла половину воеводства, напр., помѣстье Станислава-Феликса Потоцкаго),—то легко понять, каково было вліяніе вельможъ на судьбы страны. Аристократія очень полезна для страны, такъ какъ, имѣя болѣе легкій доступъ къ королю, она является посредницей между народомъ и тономъ. И счастлива та страна, въ которой аристократія понимаетъ и вполнѣ добросовѣстно относится къ своимъ аристократическимъ обязанностямъ. Однако для укорененія этихъ обязанностей необходима нравственная и физическая сила трона. Въ виду того, что въ Польшѣ тронъ замѣщался по выбору, и въ короли избирали того, кто сулилъ наиболѣе вольныхъ правъ шляхтѣ и скрѣплялъ свое обѣщаніе присягою,—у властныхъ пановъ должно было выработаться преувеличенное понятіе о собственномъ «я». Здѣсь брали свое начало теченія, дѣйствовавшія въ пользу или во вредъ краю. Аристократъ, будучи убѣжденъ, что онъ повліялъ на избраніе того или инаго короля, считалъ себя благодѣтелемъ его и не признавалъ надъ собой никакой сдерживающей власти трона. Подобно тому, какъ всякое принужденіе онъ считалъ невыносимымъ деспотизмомъ, такъ и всякое, состоявшееся безъ его участія постановленіе о судьбахъ страны признавалъ нарушеніемъ его правъ и злодѣйствомъ. Крупнымъ нравственнымъ недостаткомъ пановъ-

вельможъ было отсутствіе умственнаго образованія [1]). Установилось убѣжденіе, что шляхтичъ созданъ для сабли, а не для пера. При отсутствіи образованія, стремленіе къ высшимъ должностямъ должно имѣть прискорбныя послѣдствія. Исторія свидѣтельствуетъ, что никогда панъ-вельможа не былъ ни повѣтовымъ кравчимъ, ни земскимъ судьею и вообще не занималъ ни одной изъ второстепенныхъ должностей, такъ какъ для него онѣ были слишкомъ мелки. Онъ охотно соглашался служить странѣ, но только на высокой должности, къ которой чувствовалъ себя подготовленнымъ съ дѣтства. Въ виду прирожденныхъ ему способностей, онъ не признавалъ надъ собою закона, такъ какъ предосудительно было и подумать, что кто-нибудь изъ подобныхъ шляхтичей могъ провиниться передъ закономъ. Величайшія безправія и преступленія, учиняемыя надъ людьми, поставленными ниже, нисколько не отягчали ихъ совѣсти. Наша исторія приводитъ милліоны подобныхъ примѣровъ.

Несмотря на это, они наиболѣе болтали о шляхетскомъ «братскомъ равенствѣ», хотя въ сущности не признавали его, если не считать періодовъ, предшествовавшихъ сеймикамъ или «элекціи»,—при бочкѣ вина или меда. Въ то время на массы неимущей шляхты, жаждущей и ищущей протекціи властнаго пана, магнатъ-аристократъ имѣлъ несравненно больше вліянія, чѣмъ правительство. Собрать на сеймикахъ такія массы, въ которыхъ каждый имѣлъ право «veto», магнаты старались ревностно. Тогда, дѣйствительно, бывало шляхетское братское равенство. Панъ-вельможа окончательно спивался со шляхтенкомъ и на свой счетъ кормилъ эту, весьма многочисленную, армію. Въ результатѣ эта бѣдная и невѣжественная шляхта, очарованная любезностью магната, видѣла только въ немъ и въ его помощи спасеніе страны и не разъ безсознательно голосовала во вредъ ей. «Должно быть такъ, какъ панъ-гетманъ хочетъ, какъ панъ-воевода велитъ!»—такова была вся ея политическая премудрость. И ужъ вѣрно служили эти люди тому, съ чьего блюда ѣли. (Калинка. «Четырехлѣтній сеймъ», т. I, стр. 136). Поэтому не удивительно, что всѣ важнѣйшія постановленія сейма, основанныя на lauda'хъ въ сеймикахъ, всегда бывали такими, какихъ хотѣла аристократія.

Не слѣдуетъ осуждать всю массу польскаго магнатства, такъ какъ въ ней были люди, отличавшіеся твердостью духа, мужествомъ и разумомъ. Были такіе, которые дивили весь міръ своими подвигами, были

[1]) Только какъ исключенія, воспитывались нѣкоторые за границей, ибо въ странѣ не было высшихъ учебныхъ заведеній. Одни изъ нихъ извлекали пользу изъ пребыванія за границей и возвращались на родину проникнутые прекрасными и возвышенными принципами, другіе привозили изъ-за границы необузданную деморализацію, и послѣднихъ было болѣе.

такіе, которые для спасенія отчизны отдавали огромныя земельныя пространства и послѣдній грошъ своего достоянія. Но это были только исключенія. Большинство же, спеленутое въ грязные свивальники своей гордыни, только того желало и только то дѣлало, что̀ ему повелѣвала эта гордыня, независимо отъ пользы или вреда для края. Поэтому не разъ видывали пана-вельможу, который, безъ всякаго полномочія со стороны своего правительства, посѣщалъ иностранные дворы и тамъ готовъ былъ вступать въ соглашенія, рѣшающія участь государства, словно бы именно онъ возсѣдалъ на престолѣ, или судьбы страны находились исключительно въ его рукахъ и зависѣли отъ его воли. Словомъ, каждому изъ такихъ пановъ казалось, что онъ одинъ, какъ миѳологическій Атласъ, держитъ на своихъ плечахъ всю страну, и что только онъ, подобно Юпитеру, однимъ мановеніемъ своей всесильной десницы можетъ спасти или предать уничтоженію эту страну. Тяжело, и, однако, нужно признать это.

Извѣстно, какъ могущественна была Польша, какія тяжкія превратности она переживала и какъ благополучно выходила изъ нихъ. А вѣдь послѣднее случалось всегда благодаря геройству единицы, которая своимъ огнемъ воспламеняла общество. Отсюда и росли слава и могущество; однако могущество это и слава не имѣли никакой связи съ внутреннимъ государственнымъ строемъ. Господь Богъ надѣлилъ насъ великимъ качествомъ—геройствомъ, но не даровалъ намъ другаго качества: политическаго благоразумія и повиновенія своимъ властямъ; самъ же народъ потерялъ въ себѣ совѣсть. А народъ, въ которомъ не царствуетъ совѣсть, послушаніе и возможность награждать или наказывать, иначе сказать—сильное правительство, не можетъ существовать самостоятельно. Ни одно государство не имѣло, не имѣетъ и не будетъ имѣть такой свободы единицъ, какую имѣла Польша. Польскій шляхтичъ чувствовалъ себя полнымъ самодержцемъ въ своемъ помѣстьи, неограниченно правилъ своими подданными, и никто—ни король, ни сеймъ—не имѣли права вмѣшиваться въ дѣла его правленія. И еслибъ когда-либо король или сеймъ дерзнулъ вмѣшаться въ отношенія шляхтича къ его подданнымъ, въ этомъ усмотрѣли бы большое злоупотребленіе и несправедливость вопіющую, посягающую на естественныя права польскаго шляхтича. Правительство и короля этотъ шляхтичъ уважалъ, но не боялся ихъ, такъ какъ король, ограниченный правами олигарховъ, не могъ причинить ему никакого зла, а правительство составлялъ онъ самъ, имѣя право на рѣшающій голосъ, и все, что̀ ему не нравилось, онъ могъ отвергнуть. Правда, существовали законы, но что толку изъ того, если никто ихъ не выполняетъ! Пока правительство было посильнѣе—и законъ принимался въ уваженіе, и страна укрѣплялась и расширялась, а когда правительство ослабло—и

закономъ стали пренебрегать, край приходилъ въ упадокъ. Хотя было введено много узаконеній [1]), усугубленныхъ страхомъ наказанія, но никто не слѣдовалъ имъ, такъ какъ король, первый стражъ закона, былъ безсиленъ. Ограничусь нѣсколькими примѣрами изъ Калинки («Четырехлѣтній сеймъ»). Казнохранителя считали главной причиной бѣдности страны. Всякіе контракты заключались казнохранителями по ихъ собственному усмотрѣнію, хоть бы во вредъ странѣ, безъ вмѣшательства со стороны короля и правительства. Они завѣдывали казною безъ всякаго контроля и хотя обязаны были представлять отчеты сейму, но при помощи своей партіи изъ бѣднѣйшей шляхты легко могли расторгнуть сеймъ въ силу принципа «liberum veto». Значитъ, они дѣлали, что имъ было угодно. Король же, хоть бы и зналъ о величайшихъ злоупотребленіяхъ, не имѣлъ никакого права наказывать виновныхъ и даже требовать возвращенія взятаго. Вслѣдствіе этого частные шляхетскіе роды гордились, если никто изъ ихъ членовъ не бывалъ казнохранителемъ, такъ какъ это избавляло ихъ отъ упрека, что состояніе ихъ возросло въ ущербъ казнѣ.

Въ завѣдываніи канцлеровъ находились города и королевскія помѣстья. Они оказывали вліяніе на замѣщеніе должностей, они судили дѣла шляхты съ мѣщанами, они имѣли право отказать въ приложеніи канцелярской печати къ грамотѣ о королевской милости. Словомъ, они имѣли большое значеніе, оказывали большое вліяніе,—но въ свою пользу. То же самое было и на другихъ должностяхъ. Каждый изъ сановниковъ былъ очень вліятеленъ, но всегда дѣйствовалъ не во благо краю, а «pro domo sua». Что же сказать о власти гетмана, который имѣлъ право давать офицерскіе чины и размѣщать войска, гдѣ ему заблагоразсудится. Если гетманъ хотѣлъ овладѣть сеймикомъ, онъ вводилъ туда войска, и сеймикъ постановлялъ, что приказывалъ панъ-гетманъ. Что же сказать о другихъ злоупотребленіяхъ! Было, напримѣръ, время при Августѣ III, когда народная армія на границѣ Украйны представляла собою скопище контрабандистовъ, которое приносило гетманамъ около милліона дохода,—разумѣется, въ ущербъ казнѣ. Король, хоть бы питавшій наилучшія намѣренія, не могъ пресѣчь зло, такъ какъ не имѣлъ власти для этого, а за отсутствіемъ верховной власти не было никакого коллективнаго взгляда въ дѣлахъ общественной службы и никакого

[1]) До XVII вѣка всѣ законы заключались въ двухъ томахъ, но такъ какъ ихъ исполняли—страна была сильна; съ XVII же вѣка—съ 1611 до 1784 г.—т. е. въ теченіе полутора столѣтія, на тридцати сеймахъ было утверждено столько законовъ, что понадобилось цѣлыхъ шесть объемистыхъ томовъ, чтобы включить ихъ, и однако эти законы не спасли страны, вслѣдствіе всеобщей развращенности гражданъ.

единства во благо краю. Все откладывалось до сейма, а когда онъ наступалъ, легко было отмѣнить его.

Бросимъ бѣглый и безпристрастный взглядъ на польскія судебныя установленія.

Чувство независимости и произвола, которое овладѣло всей аристократіей и шляхтой, должно было передаться и судебному вѣдомству. Судъ—это расправа во имя справедливости за нарушеніе закона. Судебное вѣдомство не можетъ быть отдѣлено отъ верховнаго правительства, т. е. отъ короля. Въ противномъ случаѣ упадаетъ и авторитетъ судовъ и авторитетъ короля. Когда знаменитый государственный канцлеръ Янъ Замойскій, во времена короля Стефана Баторія, видя переутомленіе короля при разборѣ судебныхъ дѣлъ, учредилъ особый трибуналъ юстиціи,—произволъ шляхты немедленно же овладѣлъ этимъ храмомъ правосудія. Ни король Августъ III, ни его преемники, несмотря на свои ревностныя старанія, уже не могли возстановить прежнія королевскія права относительно судебнаго вѣдомства. А это лишеніе короля права на надзоръ должно было вызвать пренебрежительное отношеніе судей къ ихъ обязанностямъ. Хотя общество роптало на бездѣйствіе судовъ, но не было силы и средствъ, чтобы принудить ихъ къ труду. Еще хуже, чѣмъ праздность, были въ судахъ пристрастіе и безсовѣстность; старосты, имѣвшіе «jus gladii», пользовались этимъ страшнымъ правомъ въ собственныхъ интересахъ, а не для общественнаго спокойствія, судьи же заправляли имѣніями мелкой шляхты не по закону, а по собственной волѣ. Если же такой судья еще пользовался могущественной протекціей магната, онъ могъ равнодушно относиться къ осуждающему его общественному голосу и нимало не опасаться юридической отвѣтственности. Поэтому польскіе суды ксендзъ Калинка называетъ «школой беззаконія и разгула». А еще до него Сташицъ сказалъ, что «трибуналы не знаменовали правосудія, а только свидѣтельствовали, кто въ данномъ году былъ сильнѣе». И епископъ Красицкій въ «Панѣ Додосинскомъ» приводитъ слишкомъ много примѣровъ судейскаго безправія. Ржевускій въ «Запискахъ стараго шляхтича» (стр. 63) передаетъ, что въ Люблинскомъ трибуналѣ былъ образъ Іисуса Христа съ отвороченнымъ назадъ ликомъ. Причиною этого, какъ гласитъ преданіе, былъ слѣдующій фактъ. Нѣкая вдова шляхтянка терпѣла гоненіе отъ какого-то магната. Дѣло поступило въ трибуналъ, и хотя правда была на сторонѣ шляхтянки, магнатъ выигралъ его. Приведенная въ отчаяніе шляхтянка будто бы сказала: «если бы меня судили черти, приговоръ былъ бы справедливѣе». По окончаніи суда, когда судьи и свѣтскіе и духовные разошлись, а остались только низшіе чиновники, подъѣхало нѣсколько каретъ, изъ нихъ высадились черти и,

перейдя въ залу засѣданій, въ присутствіи находившихся тамъ чиновниковъ, начали разбирать дѣло этой шляхтянки и рѣшили его безусловно въ ея пользу. Тогда Спаситель на крестѣ отвернулъ свой ликъ, и въ такомъ положеніи онъ останется, пока народъ не избавится отъ продажности судовъ, чревоугодія ксендзовъ и пьянства шляхты.

Итакъ бѣдный шляхтичъ тщетно искалъ правосудія, такъ какъ воля магната составляла законъ. Говоря это, я не осуждаю весь судебный персоналъ и не заподозриваю его въ злонамѣренности, такъ какъ и въ немъ были люди честные; слагаю вину на духъ общества и на обстоятельства. Польское законодательство вмѣняло судьямъ въ обязанность знакомство съ законами страны, но въ цѣлой Польшѣ не было школы правовѣдѣнія, и люди только на практикѣ знакомились съ закономъ. Къ тому же, поступленію на должность судьи не предшествовали никакіе экзамены, и его рѣшала только протекція магната. Въ польскомъ кодексѣ не было параграфа объ исполненіи приговора. Въ гражданскихъ дѣлахъ его исполняла выигравшая сторона, а если противникъ былъ сильнѣе, онъ самъ, даже безъ суда, приводилъ въ исполненіе приговоръ, имъ самимъ постановленный; если же онъ былъ слабѣе, то и отъ приговора по суду не было никакого толка, такъ какъ правительство (король) не имѣло право вмѣшиваться въ судебныя дѣла. Такимъ образомъ ни произволъ болѣе сильнаго, ни право болѣе слабаго не имѣли ни узды, ни защиты.

Въ дѣлахъ уголовныхъ законъ предписывалъ старостамъ принимать экзекуціонныя мѣры лишь въ томъ случаѣ, если дѣло шло о государственномъ преступленіи. Въ исполненіе же приговоровъ по дѣламъ о преступленіяхъ, хоть бы самыхъ тяжкихъ, противъ частныхъ лицъ старосты не обязаны были вмѣшиваться. При такихъ условіяхъ сколько справедливѣйшихъ приговоровъ должно было остаться безъ исполненія, сколько обидъ безъ удовлетворенія, и какимъ поощреніемъ это было къ дерзкому произволу! Неудивительно, что общеевропейскимъ мнѣніемъ, по словамъ Эссена, было, что «трибуналы въ Польшѣ—предметъ для смѣха и подтруниванія въ Европѣ» («Nachrichten über Polen»). А Сташицъ говоритъ: «Боже упаси, чтобы какой-нибудь неимущій шляхтичъ дерзнулъ стать при законѣ или противиться которому-либо изъ этихъ гордецовъ (магнатовъ)! Счастливъ онъ былъ, если его не разрубали на мѣстѣ! Съ той минуты ни въ дорогѣ, ни дома онъ не могъ быть спокоенъ за свою жизнь. Вскорѣ онъ получалъ со стороны магната оффиціальное увѣдомленіе, что владѣетъ чужой деревней. И такъ все должно было пресмыкаться передъ торжествующей гордыней».

Законодательной конституціей при Сигизмундѣ I, въ 1532 г., было обнародовано, что дозволительно «насиліе отражать насиліемъ». Тутъ уже явственно выступаютъ сила и наглость олигарховъ. На практикѣ

*

которая выработалась во времена безправія, не только нужно, но и необходимо было отражать силу силой, а у кого этой силы не было, тому приходилось терпѣть все. И вотъ терпѣлъ крестьянинъ, которымъ совершенно пренебрегали въ судахъ, не принимая его жалобъ. Терпѣлъ еврей, если не могъ откупиться. Долженъ былъ терпѣть мѣщанинъ, если не былъ въ состояніи выпросить себѣ помощь у ассесорствъ или воеводы. Терпѣлъ неимущій шляхтичъ, если былъ строптивъ передъ состоятельнымъ. Властный же панъ или шляхтичъ, пользовавшійся покровительствомъ аристократа, могъ безнаказанно позволять себѣ всякія безчинства, въ увѣренности, что никто не дерзнетъ привлечь его къ отвѣтственности. При такихъ условіяхъ совѣсть должна была заглохнуть, давая мѣсто горделивому понятію о собственномъ всемогуществѣ, въ рамкахъ котораго не одинъ магнатъ чувствовалъ себя и законодателемъ, и правительствомъ. На такія понятія о справедливости и законности страна не можетъ опираться и должна пасть!

Никто не станетъ отрицать, что какъ нѣтъ для страны ничего лучшаго, чѣмъ аристократія, блещущая добродѣтелями, качествами характера и разумомъ, такъ нѣтъ ничего пагубнѣе, чѣмъ аристократическое правительство по вырожденіи аристократіи. Въ послѣднемъ случаѣ править не законъ, а произволъ, не желаніе блага странѣ, а алчность, не вѣрно понятая амбиція, а смѣшное и достойное презрѣнія чванство. Такое правленіе, уже по одному только закону природы о преобладаніи зла надъ добромъ, должно погубить край. Увы, такъ было и въ Польшѣ! Пока сосѣднія государства были слабѣе, это безправіе у насъ сходило съ рукъ безнаказанно. Польша импонировала мужествомъ, восхищала Европу своими молодеческими побѣдами, за которыя получала выраженія признательности и восторга. Добивались ея расположенія и считали ее какъ бы китайской стѣной, отдѣляющей Европу отъ чрезвычайно могущественнаго въ то время магометанскаго царства. Когда же сосѣднія государства, шествуя по пути логическаго законодательства, опирающагося о силу трона, въ естественномъ порядкѣ вещей окрѣпли и стали мощными, Польша со своимъ заплѣснѣвшимъ безправіемъ не могла остаться среди нихъ. По подстрекательству Фридриха Великаго, короля Пруссіи, и несмотря на протесты со стороны Россіи, въ Ниссѣ, на свиданіи австрійскаго императора Іосифа II съ тѣмъ же Фридрихомъ Великимъ, въ 1769 г. былъ постановленъ первый раздѣлъ Польши. Россія отвергла этотъ проектъ. Тогда Фридрихъ Великій, чтобы достигнуть разъ намѣченной цѣли и обогатиться польской землею, въ 1770 г. подстрекнулъ Іосифа II занять Спижъ и Новотарчину, чтобы дать поводъ къ переступленію польскихъ границъ и тѣмъ самымъ убѣдить Россію, что Австрія первая даетъ примѣръ раздѣла Польши, который и былъ провозглашенъ въ 1773 г. Россія, занятая войной съ Турціей,

была бы вынуждена, желая и впредь противиться волѣ двухъ сосѣдовъ, вести войну и съ ними; чтобы избѣжать этого, она подписала актъ раздѣла (Шуйскій «Исторія», т. II, стр. 360, 361). Что она не сочувствовала ему—это, кромѣ историческаго факта, можетъ доказывать также чисто матеріальная сторона дѣла. Въ то время какъ Пруссія и Австрія взяли богатыя и заселенныя области, Россіи досталась область безлюдная и сравнительно бѣдная. Наибольшую долю при раздѣлѣ получила Австрія: эту долю составляла Червонная Русь съ частью Малой Польши и Подоліи и Краковскія копи, что въ совокупности названо Галиціей. Пруссаки захватили воеводства вальборское, поморское, хелминское и Вармію, т. е. почти всю западную (?) Пруссію, кромѣ Данцига и Торна, да еще часть Великой Польши, Россія же—воеводства мстиславское, витебское и заднѣпровскій участокъ. При Польшѣ осталось еще 9.630 кв. миль и около 8.000.000 населенія. Самъ по себѣ фактъ раздѣла свидѣтельствуетъ, какъ безсильна была Польша, если ни предотвратить его, ни воспротивиться ему она не была въ состояніи.

Послѣ того какъ была утрачена треть государства, слѣдовало не щадить силъ, чтобы удержать за собою и сберечь то, что осталось. Между тѣмъ раздоры не прекращались, вина сваливалась на сосѣдей, на собственнаго короля, и никто не хотѣлъ признать дѣйствительную причину, заключавшуюся въ произволѣ шляхты. А такъ какъ не врачевали того, что было наиболѣе поражено недугомъ, то неудивительно, что болѣзнь должна была истощить силы и убить тѣло Рѣчи Посполитой. Общій голосъ поляковъ осуждаетъ короля Станислава Понятовскаго и слагаетъ на него всю вину. Это было бы справедливо, если бъ этотъ король пользовался хоть половиною тѣхъ правъ, какія имѣли и имѣютъ короли въ другихъ государствахъ. Если бы, пользуясь этими правами, онъ злоупотребилъ ими и предалъ страну измѣною, онъ дѣйствительно заслуживалъ бы осужденія, но у насъ король имѣлъ только титулъ, подданныхъ же у него не было, такъ какъ магнатство всегда вело борьбу противъ короля.

Въ 1787 г. гетманъ Браницкій, Феликсъ Потоцкій, гетманъ Ржевускій, Сапѣга, Валевскій и другіе послали россійской императрицѣ Екатеринѣ проектъ конфедераціи, имѣвшей цѣлью ниспровергнуть въ Польшѣ тогдашнее правительство и создать новое, въ которомъ они, Браницкій и Потоцкій, играли бы первенствующую роль. Они просили у императрицы денегъ и войскъ для осуществленія своего проекта. Они предлагали, чтобы конфедерація была устроена въ провинціи, а не въ Варшавѣ, такъ какъ король, собравъ въ своихъ рукахъ всѣ средства (если бы конфедерація была въ Варшавѣ), станетъ думать объ интересахъ не Россіи, а своихъ собственныхъ. Они же, какъ лица ча-

стныя, будутъ чувствовать признательность къ императрицѣ и станутъ дѣйствовать въ ея пользу. За исполненіе просьбы они обѣщали помощь въ войнѣ съ Турціей («Четырехлѣтній сеймъ» Калинки). По истинѣ, нужно было большое великодушіе со стороны Екатерины, чтобы не воспользоваться этимъ предательствомъ поляковъ. Императрица отвергнула этотъ проектъ, сказавъ, что не хочетъ въ чужомъ государствѣ дѣйствовать во вредъ королю, такъ какъ это походило бы на бунтъ противъ короля, и добавила, что «нужно сохранить все, что̀ касается вѣрности царствующему Станиславу-Августу» (слова Екатерины). Она издала рескриптъ на имя Штакельберга, чтобы онъ склонялъ поляковъ къ полному спокойствію, а князю Потемкину повелѣла совсѣмъ не принимать польскихъ волонтеровъ въ русскую армію.

Король—первый, естественный защитникъ государства; охрана государства—армія: значитъ, король долженъ имѣть власть надъ арміей. Безъ этого король не имѣлъ бы подобающаго авторитета ни внѣ, ни внутри страны. Говорю «внѣ», такъ какъ король безъ арміи—это красивая, малеванная фигурка, которою восторгаются, но которой не боятся, такъ какъ она ничего не можетъ сдѣлать; «внутри» потому, что король безъ арміи не въ состояніи оберегать порядокъ, безопасность и справедливость въ странѣ. Между тѣмъ въ Польшѣ уже съ XVII столѣтія не король, а гетманы имѣли власть надъ войскомъ. Гетманъ имѣлъ рѣшающій голосъ въ государственныхъ дѣлахъ; при немъ было рѣшающее «liberum veto». И этой гетманской власти не могъ преодолѣть ни одинъ польскій король: начиная отъ Владислава IV, всѣ они по очереди должны были покориться ей. А Августъ II сказалъ: «Если бъ я зналъ, что такое въ Польшѣ гетманская власть, я добивался бы гетманства, а не короны».

Послѣ перваго раздѣла Польши, важнѣйшія особы, вмѣсто того, чтобы думать о защитѣ и обезпеченіи страны, вступаютъ въ уговоръ (гетманъ Браницкій съ генераломъ подольскаго края Потоцкимъ), чтобы совершенно ограничить королевскую власть и даже устроить такъ, чтобы государство могло обойтись безъ короля, а представителями власти являлись поочередно вельможи изъ каждаго воеводства. Браницкій получилъ бы исключительную власть надъ арміей и за то долженъ былъ силою обезпечить престолонаслѣдіе родственнику генерала Потоцкаго, зятю Чарторыйскихъ,—принцу Вюртембергскому.

Когда въ 1788 г. коронное генеральство оказалось вакантнымъ, и король хотѣлъ дать его очень даровитому князю Іосифу Понятовскому, семья Потоцкихъ, завидуя королевской семьѣ, посягнула на это достоинство, и Феликсъ Потоцкій, 19-лѣтній юнецъ, поставилъ свою кандидатуру; когда же король не захотѣлъ согласиться на нее, Потоцкіе обратились къ русскому послу Штакельбергу и заявили ему, что «долж-

ность, имѣющую столь важное значеніе, должно занимать лицо, преданное къ Россіи (Калинка)». Посолъ упросилъ короля; и это званіе досталось Феликсу. Вскорѣ послѣ того, когда общественное мнѣніе перешло на сторону Пруссіи, этотъ же самый Феликсъ Потоцкій осмѣивалъ тѣхъ, кто стоялъ за Россію, а во время сейма участвовалъ въ обѣдахъ, даваемыхъ маршаломъ сейма Александровичемъ. Ихъ называли прихлебателями Россіи за то, что они обѣдали у своего короля; сторонниковъ же Пруссіи, которые собирались у Чарторыйскихъ, называли патріотами, и на лѣстницѣ дворца Чарторыйскихъ дѣвицы осыпали ихъ цвѣтами.

Этотъ духъ противодѣйствія и оппозиціи королю былъ прирожденъ олигархамъ. Сапѣга говаривалъ: «Я не считалъ бы себя настоящимъ Сапѣгою, если бы не чувствовалъ охоты къ борьбѣ съ королемъ». Этою-то борьбою и достигнуто то, что, вмѣсто того, чтобы собирать силы при тронѣ и укрѣплять его, короля лишили права давать офицерскіе чины, устранили отъ завѣдыванія иностранными дѣлами, отняли у него всякое вліяніе на управленіе арміей и ея организацію. Армія должна была присягать на вѣрность не королю, а гетману, такъ какъ гетманъ былъ стражемъ «вольности». Защита отъ внѣшнихъ враговъ была для него дѣломъ второстепеннымъ. Главной задачей гетмана было держать въ осадномъ положеніи короля и присматривать за нимъ, такъ какъ его считали первымъ врагомъ шляхетской вольности. Принципомъ Ржевускаго было: не давать трону никакой власти, такъ какъ это было бы ослабленіемъ Рѣчи Посполитой, а кто хотѣлъ бы придать власть королю, того слѣдуетъ считать врагомъ государства; мѣщанъ не допускать къ правленію, такъ какъ при ихъ помощи король могъ бы урѣзать вольность и наложить ярмо на шляхту; того, кто хотѣлъ бы упразднить «liberum veto», должно признавать врагомъ отчизны; относительно крестьянъ правительство не имѣетъ права дѣлать какія бы то ни было постановленія, такъ какъ они крѣпостные шляхты и въ ихъ отношенія къ пану никто не долженъ вмѣшиваться. Такимъ образомъ: 1) liberum veto, 2) безсиліе королей, 3) неприкосновенность шляхетской вольности, 4) полное устраненіе городовъ отъ дѣлъ правленія и 5) подневольное состояніе крестьянъ — были непремѣнными условіями существованія Польши, по мнѣнію олигарховъ. Стражъ этихъ условій, гетманъ,—важнѣйшая особа въ странѣ и узда королевской воли. Дерзость его дошла до такой степени, что когда нѣкій вертопрахъ поддѣлалъ письмо отца и обманомъ увезъ изъ монастыря барышню, а отецъ обратился за помощью къ королю, при чемъ король, желая спасти несчастную, потребовалъ у польнаго гетмана вооруженной силы, то гетманъ не только не далъ военной помощи, но даже не отвѣтилъ на требованіе короля.

За оказаніемъ поддержки вышеупомянутымъ принципамъ Ржевускій обратился къ Россіи, но Екатерина съ презрѣніемъ отвергнула его

планы. Послѣ этого онъ обратился къ Австріи и за содѣйствіе таковой гетманской власти обѣщалъ императору Іосифу II неограниченное вліяніе въ Польшѣ, но, отвергнутый и тутъ, онъ обратился къ Пруссіи. Объ этомъ будетъ рѣчь въ свое время.

Въ военномъ отношеніи Польша стояла ниже критики. Въ то время когда Россія имѣла армію въ 300.000 чел., а Австрія и Пруссія по 200.000,—въ Польшѣ было всего 16.000, да и то какихъ?! Въ литовской арміи въ 1776 г. найдено всего 3.928 солдатъ, но за то 1.172 офицера. Въ брошюркѣ «Полякъ въ czui(?) правдой подшитой» (Варшава, 1791 г.) приведенъ рапортъ коннаго полка, состоящаго изъ шести взводовъ. По рапорту долженъ былъ быть комплектъ въ 120 человѣкъ и 120 лошадей, а между тѣмъ недоставало до комплекта 50 солдатъ и лошадей 119. Итого для отправленія службы состоитъ на-лицо: офицеровъ въ комплектѣ 25, унтеръ-офицеровъ 4, солдатъ 41, лошадь 1, сѣдло 1. Такимъ образомъ въ кавалерійскомъ полку была одна лошадь и одно сѣдло, солдатъ 41, но комплектъ офицеровъ былъ полонъ: ихъ было налицо 25.

Значитъ, войска почти не было, а то, которое имѣлось, находилось въ жалкомъ состояніи. Оружія—почти никакого, матеріальное содержаніе—какъ нельзя быть хуже; вѣрнѣе сказать, войско совершенно не прокармливалось, такъ какъ солдатъ вмѣсто пищи получалъ жалованье. За то у него не было ни гроша, ассигнованнаго на оружіе, мундиръ, обувь, бѣлье, порохъ, пули и т. д. При отсутствіи же взысканія податей въ порядкѣ экзекуціи, жалованье получалось солдатомъ нерегулярно, рѣдко помѣсячно, иногда по четвертямъ года или по полугодіямъ, а зачастую еще рѣже. Получивъ жалованье, солдатъ скоро прокучивалъ все и, значитъ, жилъ въ кредитъ, когда въ кредитѣ ему отказывали, бралъ, что только могъ. Да и что же ему было дѣлать! Когда будетъ получено жалованье, онъ не зналъ, а житейскія потребности у него были. Хотя самъ Станиславъ-Августъ не былъ воиномъ, однако всѣ признаютъ, что благодаря его заботамъ, войска, довольно малочисленныя, были приведены въ надлежащій порядокъ.

Барская конфедерація уничтожила почти всю армію; въ отдѣльныхъ полкахъ не было болѣе 50—90 человѣкъ, крайне дурно одѣтыхъ и вооруженныхъ. Король Станиславъ-Августъ израсходовалъ изъ собственныхъ средствъ на плавильню въ Козеницахъ, на укрѣпленіе Каменца и на арсеналъ свыше 700.000 злотыхъ. Кромѣ того онъ подарилъ странѣ 200 пушекъ и на собственный счетъ построилъ казармы въ Варшавѣ. Желая привести армію въ сносное состояніе, онъ просилъ своихъ подданныхъ вельможъ о содѣйствіи, а когда они отказали, обратился къ русскому посланнику Штакельбергу, за исходатайствованіемъ у Россіи ограниченія гетманской власти. Штакельбергъ въ 1776 г. поѣхалъ въ

Петербургъ, гдѣ въ то время гетманъ Ржевускій и Игнатій Потоцкій трудились надъ исходатайствованіемъ ограниченія королевской власти. Однако Штакельбергъ, очертивъ дѣйствительно жалкое положеніе короля, а при такихъ условіяхъ и скорбную будущность Рѣчи Посполитой, склонилъ императрицу стать на сторонѣ праваго, именно привезъ уполномочіе на созваніе конфедеративнаго съѣзда. Этотъ сеймъ, подъ покровительствомъ Россіи, постановилъ, чтобы войска были отданы въ управленіе департамента; гетманъ долженъ быть только предсѣдательствующимъ въ департаментѣ, обязанъ подписывать то, что будетъ постановлено большинствомъ голосъ. «Liberum veto» не будетъ тутъ мѣста. Отмѣнена присяга войскъ на вѣрность гетманамъ, предписанная арміи Браницкимъ. Производство во всѣ офицерскіе чины было передано королю, а по всѣмъ дѣламъ, касавшимся обмундированія, вооруженія, обученія и пропитанія войскъ, департаментъ долженъ былъ сноситься съ королемъ и состоявшіяся резолюціи представлять на утвержденіе государственнаго совѣта. Этотъ замѣчательный шагъ впередъ, сдѣланный исключительно по указанію Екатерины, оказалъ рѣшительное дѣйствіе на сокрушеніе гетманской власти и развязалъ руки королю для усовершенствованія арміи.

Въ 1778 г. король ввелъ въ силу постановленіе, что все касающееся пополненія и снабженія войскъ должно быть рѣшаемо даже на вольныхъ сеймахъ большинствомъ голосовъ, что тутъ нѣтъ мѣста «veto», а всякіе остатки казенныхъ суммъ должны быть обращаемы на армію, по соглашенію короля и департамента. Такимъ образомъ послѣ каждаго сейма прибывало отъ 500 до 700 солдатъ. Была обезпечена регулярная уплата увеличеннаго жалованья, и тѣмъ самымъ добросовѣстныхъ офицеровъ склонили остаться на службѣ. Немалымъ поощреніемъ для нихъ было и то, что въ 1783 г. была запрещена продажа офицерскихъ чиновъ. Прежде былъ такой обычай, что, напр., полковникъ, желающій оставить службу, имѣлъ право продать свой чинъ за наличныя деньги или имѣніе, какъ заблагоразсудится. Такимъ образомъ нерѣдко личность, не имѣющая никакого понятія о военной службѣ, покупала этотъ чинъ и своею некомпетентностью не только причиняла вредъ странѣ, но и выставляла себя на посмѣшище даже простымъ солдатамъ. Старанія короля привели къ тому, что уже въ 1776 г. въ комплектѣ войскъ насчитывалось: пѣхоты 10.335, а кавалеріи 8.200, прекрасно вооруженныхъ и обученныхъ. Далѣе, въ виду того, что ежегодно распускалось по домамъ извѣстное количество солдатъ, а на ихъ мѣсто набирались рекруты, можно было имѣть при надобности около 30.000 регулярнаго и обученнаго войска. За все это, сдѣланное подъ вліяніемъ Штакельберга, слѣдуетъ быть благодарнымъ Россіи; жаль, что мы сами не сознавали этой потребности! Король жаждалъ идти далѣе. Въ то время Польша имѣла хорошихъ ге-

нераловъ: Брюля, Coeczi'a (?), Гольца, но они были иностранцами. Нуженъ былъ кто-нибудь свой, чтобы на родной нивѣ онъ добросовѣстнѣе трудился для собственной отчизны. Король Станиславъ-Августъ нашелъ такого человѣка въ лицѣ Комаржевскаго, который подъ начальствомъ Фридриха Великаго, короля прусскаго, дослужился до почестей и славы. Ему король довѣрилъ урегулированіе арміи. Страна не ошиблась въ выборѣ короля. Комаржевскій не только добросовѣстно, но и геніально справился съ своею задачей. Онъ любилъ родину и желалъ ей добра. Въ виду того, что тогдашнее европейское общественное мнѣніе считало прусскую армію наиболѣе совершенною, Комаржевскій организовалъ польскую армію по образцу прусской. Къ этому склоняло его не столько европейское общественное мнѣніе, сколько извѣстное ему, какъ подполковнику прусской службы, нерасположеніе Пруссіи къ Польшѣ и ея желаніе обогатиться новымъ захватомъ польскихъ областей. И вотъ онъ образовалъ по прусскому образцу не только пѣхоту, но и кавалерію, а такъ какъ трудно было держать въ повиновеніи волонтеровъ изъ шляхты, «пановъ-товарищей», то онъ постепенно уменьшалъ ихъ число, чѣмъ вызывалъ неудовольствіе въ нелюбящей субординаціи шляхтѣ. Не имѣя же достаточнаго числа способныхъ офицеровъ въ лицѣ коренныхъ жителей страны, онъ заполнялъ недохваты иноземцами изъ прусской и саксонской армій,—словомъ, старался создать армію, которая была бы въ состояніи дать отпоръ болѣе сильному противнику. И въсамомъ дѣлѣ насколько ему позволили время и силы, онъ сдѣлалъ это такъ, что и сеймъ выразилъ ему одобреніе и сосѣднія государства признали его заслуги, а Эссенъ, англійскій посолъ, говоритъ: «съ того времени, какъ войско избавлено отъ прожорливости гетмановъ, оно несравненно лучше организовано и обучено, стало болѣе дисциплинированнымъ и получаетъ плату регулярно».

Однако магнатство позавидовало значенію Комаржевскаго, тѣмъ болѣе, что король, видя въ немъ личность, желающую добра странѣ, неоднократно довѣрялъ ему миссіи къ иностраннымъ дворамъ. И вотъ Браницкій, Потоцкіе, Чарторыйскіе и комп. рѣшили запятнать и погубить эту почтенную и полезную личность. Они придумали гнусный планъ клеветы, будто Комаржевскій хотѣлъ лишить жизни генерала подольскаго края Феликса Потоцкаго. Слѣдствіе, начатое вопреки вліянія магнатства, покрыло клеветниковъ позоромъ. По этой причинѣ главная иниціаторша клеветы, княгиня Любомирская, выѣхала въ Парижъ и уже болѣе не возвращалась въ отечество. Король въ возмездіе за несправедливыя нравственныя страданія Комаржевскаго произвелъ его въ генералъ-лейтенанты съ жалованьемъ въ 18.000 злотыхъ. Но и эта резонная награда возмутила магнатство, признавшее невозможнымъ, чтобы «человѣкъ чужой и свѣжаго шляхетства» имѣлъ столь высокій чинъ (Ка-

линка, т. I, стр. 166). Комаржевскій, видя, что съ предразсудками магнатовъ ему не совладать, къ большому огорченію арміи, подалъ въ отставку и выѣхалъ за границу—навсегда! Въ его лицѣ страна потеряла энергичнаго преобразователя застарѣлыхъ убѣжденій, а это случилось благодаря магнатству и подъ вліяніемъ Пруссіи.

Это—воспоминанія скорбныя, однако, необходимыя при современныхъ условіяхъ. Отъ чистаго сердца слѣдуетъ признать, что по странному стеченію обстоятельствъ, въ нашей безпредѣльной неурядицѣ все, что сдѣлано у насъ хорошаго, сдѣлано подъ вліяніемъ иностранныхъ дворовъ, и по большей части—Россіи. Чтобы смирить дурныя намѣренія Браницкаго, нужно было суровое запрещеніе Екатерины; чтобы склонить Феликса Потоцкаго къ единодушнымъ дѣйствіямъ съ королемъ, понадобилось предложеніе Екатерины; чтобы кн. Чарторыйскаго, сторонника Австріи, приблизить къ королю, нужно было строгое замѣчаніе австрійскаго канцлера, данное при посредничествѣ Россіи («Четырехлѣтній сеймъ», Калинка). Можно бы привести сотни другихъ примѣровъ, и все-таки всѣ старанія, при внутренней распущенности, не повели ни къ чему!

Кто питалъ и растравлялъ гордыню, хоть бы это былъ злѣйшій врагъ, считался хорошимъ, а кто искренно желалъ добра, напрямикъ стремился къ цѣли, говоря правду, и освѣщалъ скорбноее будущее, тотъ былъ врагомъ страны!

Россія была доброжелательна къ намъ, хотѣла, чтобы Польша осталась Польшей. Императрица Екатерина не забавлялась салонной любезностью съ поляками, какъ это дѣлали пруссаки, и, не питая злыхъ намѣреній въ отношеніи Польши, говорила правду и ее-то бросала въ глаза польскимъ панамъ. Пруссія же, жаждавшая новыхъ областей и польскихъ городовъ, льстила ихъ прирожденнымъ страстямъ, зная, что это приведетъ нашу страну къ паденію. И вотъ салонное лицемѣріе Пруссіи вызвало то, что поляки перестали вѣрить доброжелательной Россіи, а сочувствовали и вѣрили Пруссіи. Когда былъ возбужденъ проектъ объ увеличеніи войска, и король потребовалъ, чтобы землевладѣльцы дали знать, какую именно часть состоянія они посвящаютъ на эту цѣль, дабы увеличить войско, соображаясь со средствами, то требованіе это не понравилось шляхтѣ, утверждавшей, что лишь бы было сдѣлано постановленіе относительно войска, а средства найдутся. И, по наущенію прусскаго посла (Калинка, «Четырехлѣтній сеймъ»), единогласно было рѣшено увеличить армію до 100.000 человѣкъ. Во всей Европѣ это страшное постановленіе бросило очень дурной свѣтъ на резолюцію сейма, такъ какъ страна не была въ силахъ выставить и содержать столь многочисленную армію. Польша послѣ различныхъ эпидемій—холеры, тифа, оспы, скарлатины и т. д., которыя въ нѣкоторыхъ

мѣстностяхъ обезлюдили цѣлыя деревни, имѣла въ то время 7.000.000 населенія. Если исключить изъ этого числа дѣтей, стариковъ, женщинъ, ксендзовъ, монаховъ и неспособныхъ къ военной службѣ, то остался бы всего милліонъ людей, способныхъ къ ней. Изъ послѣднихъ приходилось бы брать въ армію десятаго, а отъ того сильно бы пострадало сельское хозяйство, составлявшее едва-ли не важнѣйшій источникъ доходовъ страны. Содержаніе такой арміи стоило бы около 50.000.000 злотыхъ, а между тѣмъ всей монеты, обращавшейся въ странѣ, было на 100.000.000. Значитъ, не было никакого соотношенія между циркулировавшей монетой, составлявшей имущество страны, и расходомъ на армію. Тогдашніе источники доходовъ приносили 18 мил. злотыхъ, а на одну только армію нужно было 50 мил. Во всей странѣ было 20.000 деревень, нужно было брать по пяти рекрутовъ изъ каждой; достигнуть этого было бы трудно даже въ случаѣ всеобщей революціи, а чего же ожидать, когда дѣло шло о регулярномъ войскѣ! Поэтому о постановленіи сейма Штакельбергъ справедливо сказалъ: «это дѣти, которыя сегодня забавляются, но наступитъ горькое раскаяніе, когда нужно будетъ платить». А англійскій посолъ говорилъ въ своей депешѣ: «и половины нужной суммы не соберутъ; это можетъ дать понятіе о польской политикѣ».

При томъ, откуда взять сразу нѣсколько тысячъ способныхъ офицеровъ для 100.000-й арміи, если для 18.000-ой Комаржевскому приходилось искать ихъ за границей?! Откуда взять ручное оружіе и пушки, если въ странѣ не было ихъ? Откуда, наконецъ, взять рекрутовъ, если обязательной воинской повинности не было? Надъ этими существенными вопросами отнюдь не задумывались; современникамъ казалось, что самое постановленіе возмѣститъ армію. За то подавались голоса и постановлялось, чтобы эта большая армія, словно бы она существовала, была изъята изъ вѣдѣнія Совѣта и короля. Было предположено при посредничествѣ Пруссіи просить Екатерину о поддержкѣ этихъ плановъ, но Пруссіи казалось неумѣстнымъ посредничество въ столь безсмысленныхъ требованіяхъ. Прусское государство, управляемое разумно и зарившееся на новый захватъ у Польши, не могло протежировать наивнымъ требованіямъ поляковъ, такъ какъ это обнаружило бы его хищническое стремленіе, которое оно не хотѣло проявлять преждевременно. Въ виду этого Бухольцъ, прусскій посолъ, зная душевное настроеніе поляковъ, столь скорое на порожденіе безсмыслицъ, доложилъ своему монарху, Фридриху II, что такое содѣйствіе не своевременно: «нужно ждать, чтобы поляки сдѣлали какую-нибудь глупость; дабы эта глупость позволила намъ явно вмѣшаться въ ихъ дѣла, а для этого нужно, чтобы наши войска стояли вблизи польской границы» (Калинка). И вотъ

прусскій дворъ отказалъ полякамъ на просьбу о посредничествѣ въ Петербургѣ.

Чтобы заручиться средствами на содержаніе увеличиваемой до ста тысячъ арміи, необходимо было утверждать новыя подати. Съ этой цѣлью примасъ Понятовскій, снесшись съ епископами, объявилъ въ сеймѣ 12-го марта 1789 г., что все духовенство обязуется вносить вдвое болѣе того, что будетъ уплачивать шляхта, и даже пошло дальше въ своей готовности на пожертвованія: обязалось представить 35% своихъ доходовъ. Король, со своей стороны, пожертвовалъ чистую прибыль съ городовъ Гродно и Бреста, что составляло свыше 200.000 злотыхъ въ годъ; шляхта же обязалась давать 10% чистаго дохода съ имѣній, но съ условіемъ, чтобы это называлось не податью, а «добровольнымъ вѣчнымъ приношеніемъ землевладѣльцевъ». Условіе «по доброй волѣ землевладѣльцевъ» вскорѣ доказало, что эта «добрая воля» была только на словахъ, а не на дѣлѣ. Черезъ двѣ недѣли послѣ постановленія о жертвованіи «десятаго гроша» депутатъ Стройновскій увѣдомилъ сеймъ, что хотя ясно оговорено, чтобы эту подать уплачивала шляхта, а не крѣпостные крестьяне, однако во многихъ деревняхъ помѣщики взыскиваютъ ее со своихъ крѣпостныхъ. Король и нѣкоторые изъ пановъ требовали строгаго закона и наказанія виновныхъ, но—тщетно! Шляхта, движимая собственными интересами, не позволила этого. Вмѣсто того, чтобы добросовѣстно исполнять свое обязательство относительно пожертвованія на войско, она платила не 10%, а едва 3%, такъ что весь сборъ съ государства на армію, вмѣсто 50 м., принесъ едва 6 мил. злотыхъ, тогда какъ на личныя удовольствія шляхта ежегодно тратила за границей 100 мил. злотыхъ (Калинка «Четырехлѣтній сеймъ»). Но трудно понять, почему былъ констатированъ столь малый доходъ. Шляхта по мѣрѣ возможности скрывала свои доходы, да и признанные оцѣнивала очень низко. Были обнаружены имѣнія, которыя при ревизіи утаили по нѣсколько фольварковъ, были пивоваренные заводы, которые опредѣлили число изготовляемыхъ ими бочекъ пива на нѣсколько тысячъ меньше, чѣмъ оно было въ дѣйствительности. Хлѣбъ, гдѣ онъ былъ наиболѣе дорогъ и продавался легко, оцѣнивался такъ: копа пшеницы 8 злотыхъ, ржи 4 злота. Доходы со скота были совершенно откинуты на томъ основаніи, что они перемѣнчивы. Дѣло дошло до того, что люди, о которыхъ было достовѣрно извѣстно, что они имѣютъ 50.000 годоваго дохода, уплачивали вмѣсто 5.000 злотыхъ только 900, а тѣ, у кого было 40.000 дохода, записывали, что получаютъ 10.000, и вмѣсто 4.000 платили 1.000. Кто имѣлъ 12.000 дохода, вмѣсто 1.200 платилъ 200 злотыхъ.

Значитъ, кромѣ отсутствія патріотизма въ тогдашней шляхтѣ было еще притупленіе совѣсти: вѣдь каждый шляхтичъ передъ опредѣле-

ніемъ дохода приносилъ присягу, что покажетъ правду и опредѣлитъ истую цифру. А какія ложныя свѣдѣнія давалъ онъ! Поэтому-то Сташицъ обратился къ сейму съ слѣдующими словами: «перестанемъ употреблять присягу, такъ какъ она въ Польшѣ уже не откроетъ правды, а душу загубитъ. Она свидѣтельствуетъ, какъ извращены у насъ нравы, какъ упала религія, между тѣмъ какъ остались только обряды». И тутъ были благородныя исключенія. Іоахимъ Потоцкій подарилъ странѣ 300 солдатъ, обмундированныхъ и вооруженныхъ на его счетъ. Радзивиллъ обязался подарить государству 2.000 солдатъ. Янъ Потоцкій обезпечилъ своими имѣніями пожертвованіе въ 10.000 злотыхъ. Но это—благородныя исключенія, и только исключенія, которыя должны были затеряться во всеобщей недобросовѣстности.

16-го сентября 1789 г. сеймъ затронулъ вопросъ о другомъ податномъ сборѣ—налогѣ на табакъ. Проектъ былъ мотивированъ примѣромъ Франціи, которая получала изъ этого источника выше 30 мил. франковъ дохода. Во Франціи было въ то время 24 милліона населенія, въ Польшѣ же, если считать и дѣтей, до 8 мил., но табакъ въ несравненно большемъ количествѣ употреблялся въ Польшѣ, чѣмъ во Франціи. Доходъ изъ этого источника былъ разсчитанъ приблизительно на 20 мил. злотыхъ, и его было рѣшено обратить на армію. И тутъ, однако, оказалась препятствіемъ несообразительность сдѣлавшихъ постановленіе. У Франціи были собственныя табачныя фабрики и строго соблюдавшійся законъ о взысканіи податей, въ Польшѣ же не было ни одной фабрики: былъ только домашній промыселъ. Права на принудительное взысканіе она не имѣла. Для введенія табачной промышленности, которая могла бы доставить странѣ 20 мил. злотыхъ, нужно было, чтобы казна ассигновала одинъ мил. злотыхъ, а она была пуста, и, значитъ, проектъ, способный при разумномъ правленіи доставить желательный доходъ, въ Польшѣ долженъ былъ упасть и упалъ.

Затѣмъ былъ затронутъ другой вопросъ. Въ Польшѣ казна взимала налогъ съ убоя, шкуры же въ сырцѣ вывозились за границу и, выдѣланныя тамъ, возвращались въ край, какъ товаръ гораздо большей стоимости. Шкуръ ежегодно вывозилось въ Пруссію отъ 400.000 до 800.000 штукъ, и продавались онѣ по 10 злотыхъ за каждую. По выдѣлкѣ же ихъ въ Пруссіи, нужно было платить до 120 злотыхъ за штуку. И вотъ сеймъ, желая предотвратить заграничную эксплоатацію и имѣть доходъ съ собственнаго продукта страны, постановилъ взимать съ мясниковъ, вмѣсто практиковавшагося дотолѣ налога съ убоя, плату въ натурѣ, самыми шкурами, и выдѣлывать ихъ въ Польшѣ Благодаря этому ежегодный доходъ казны увеличился бы на 12—18 мил. На первый взглядъ это—постановленіе разумное, но, глубже вникнувъ въ него, мы ясно поймемъ, какъ вредна торопливость въ дѣлѣ, кото-

раго не знаютъ основательно. Дабы получить желаемый доходъ, нужно было содержать цѣлыя сотни чиновниковъ для пріема шкуръ и наблюденія, чтобы онѣ были сняты безъ поврежденій, а при всеобщей недобросовѣстности трудно было найти такихъ чиновниковъ. Нужно было построить много сушиленъ, такъ какъ ихъ не было; нужны были дубильщики: и ихъ страна не имѣла въ достаточномъ количествѣ. При томъ, для устройства необходимыхъ сушиленъ и привлеченія способныхъ дубильщиковъ нуженъ былъ милліонъ злотыхъ, а пустая казна не была въ состояніи доставить эту сумму. Надъ этимъ однако не задумывались, и хотя на дурные результаты такого постановленія указывали сейму король, Чацкій, Малаховскій и др., это нисколько не помогло, и постановленіе было сдѣлано! Дурныя послѣдствія обнаружились немедленно же. Въ тотъ самый день, когда вступилъ въ силу приговоръ сейма, 1-го января 1790 г., мясники доставили 500 недавно снятыхъ шкуръ, а такъ какъ не было ни сушильни, ни прислуги для развѣшиванія, то всѣ онѣ испортились, и ихъ пришлось выбросить въ Вислу. Коммиссія, при такихъ условіяхъ, вынуждена была продавать шкуры евреямъ, которые по-прежнему вывозили ихъ въ Пруссію. Кончилось тѣмъ, что казна, получавшая раньше 9 милліоновъ злотыхъ съ убоя, послѣ постановленія относительно шкуръ имѣла всего 3 милліона дохода. Спустя годъ, этотъ законъ былъ отмѣненъ, а жаль, такъ какъ при болѣе энергичномъ правительствѣ онъ могъ бы значительно увеличить доходъ казны!

Несмотря на эти нелѣпости, гетманская партія, враждебная королю, не переставала требовать въ сеймѣ стотысячной арміи, а къ финансовому вопросу о содержаніи этой арміи относилась очень равнодушно. Королевская партія, подъ вліяніемъ Штакельберга, потребовала у военной коммиссіи разъясненій, касающихся состоянія арміи. Рапорты были весьма неудовлетворительны! Несмотря на повелѣніе сейма, чтобы въ данномъ году (1789-мъ) было совершено три набора: въ январѣ, апрѣлѣ, и іюнѣ,—оказалось, что первый наборъ былъ невполнѣ оконченъ, второй доведенъ едва до половины, а третьяго совсѣмъ не начинали. Какъ разъясняютъ многіе изъ ротмистровъ въ своихъ рапортахъ, это произошло потому, что хотя въ назначенное время они скомплектовали свои части, но, не получая денегъ на ихъ содержаніе, прокармливаютъ ихъ на свой счетъ; другіе же, не имѣя собственныхъ средствъ, должны были распустить солдатъ или совсѣмъ не вербовали ихъ. Всего было собрано едва 35.000 солдатъ, но Китовичъ въ своихъ «Запискахъ» (т. I, стр. 27) характеризовалъ ихъ такъ: «Я видѣлъ солдатъ, которые уже по 3 мѣсяца были на службѣ, а еще ходили босикомъ, безъ оружія и мундировъ,—только въ кителяхъ». При такихъ условіяхъ нельзя было мечтать ни о дисциплинѣ и обученіи, ни о разверсткѣ на полки и

бригады. Ротмистры и полковники, всякій разъ какъ просили денегъ на содержаніе войскъ, отсылались назадъ съ пустыми руками. Не было никого, кто устранилъ бы эту неурядицу и этотъ хаосъ. Король не могъ сдѣлать это, такъ какъ подданные наконецъ добились того, что армія и казна были изъяты изъ вѣдѣнія короля. Сеймъ, правда, завѣдывалъ ими, но что толку отъ того, если свои постановленія онъ только записывалъ, а въ исполненіе ихъ не приводилъ, если на пустяки тратилъ цѣлые мѣсяцы, а важныя дѣла рѣшалъ, не задумываясь, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Такъ, напр., въ теченіе семи часовъ было постановлено конфисковать помѣстья краковскаго епископства, существовавшаго семь столѣтій; въ теченіе одного часа увеличили армію съ 18 до 100 тысячъ, не имѣя понятія объ условіяхъ, необходимыхъ для столь важнаго шага; въ теченіе трехъ четвертей часа согласились на заключеніе союза съ Пруссіей, не разсчитавъ его тяжкихъ и скорбныхъ послѣдствій.

Въ ноябрѣ разсуждавшія въ сеймѣ головы, видя страшную неладицу, какъ будто бы нѣсколько отрезвѣли и пришли къ убѣжденію, что стотысячной арміи имъ не собрать и не организовать, тѣмъ болѣе, что не было установленнаго закономъ воинскаго набора. Вербовка была просто грабежемъ; военный отрядъ налеталъ на деревню, королевскую или костельную (рѣдко на шляхетскую, такъ какъ это считалось бы нарушеніемъ шляхетскихъ вольностей и нарушеніемъ собственности, которою былъ хлопъ), силою хваталъ парней и зачислялъ ихъ въ войска; но и отъ того было мало толку, такъ какъ изъ одной лишь Великой Польши въ теченіе года бѣжало въ Пруссію отъ набора 10 тысячъ крестьянъ. Поэтому было постановлено собрать временно 65 тысячную армію, съ расходомъ въ 40 милл. злотыхъ. 4-го декабря былъ утвержденъ законъ, уполномочивавшій вербовать одного человѣка на сто шляхетскихъ дворовъ и на пятьдесятъ костельныхъ и королевскихъ. Срокъ службы былъ опредѣленъ на шесть лѣтъ.

Это былъ законъ прекрасный, но иное дѣло утверждать законы и иное—соблюдать ихъ. На утвержденіе законовъ много было готовности, но соблюдать ихъ не было у насъ охоты. И вотъ, прискорбно читать мнѣнія иностранцевъ, пребывавшихъ въ Варшавѣ въ концѣ XVIII вѣка: они говорятъ напрямикъ, что замѣтили въ полякахъ полное отсутствіе чувства собственнаго достоинства, нравственности и даже ординарнѣйшей порядочности. И въ самомъ дѣлѣ было такъ. Король не могъ вывести общество изъ упадка, такъ какъ былъ лишенъ власти; хоть онъ и воодушевлялъ словомъ, хоть поощрялъ примѣромъ къ жертвамъ въ пользу страны, отдавъ всѣ свои драгоцѣнности, даже перстни и часы, казнѣ для спасенія государства, но его не слушали и ему не подражали.

Когда на нужды арміи «подымный» налогъ былъ увеличенъ до пяти злотыхъ, шляхта, чтобы обойти этотъ законъ, соединяла нѣсколько печныхъ трубъ съ одной наружной (этимъ и объясняется происхожденіе непомѣрно широкихъ трубъ, которыя и въ настоящее время встрѣчаются по деревнямъ въ старинныхъ усадьбахъ), лишь бы не дать пяти злотыхъ на спасеніе отчизны. На собственные же капризы, на дорогія яства и заморскія «фрикассе», на дорогія и старыя вина, на дружины тѣлохранителей, капеллы, богатыя ливреи, на поваровъ, выписываемыхъ изъ Франціи, на позолоченныя кареты,—на все это шляхта швыряла деньги тысячами и сотнями тысячъ, и только для бѣдной отчизны не было пяти злотыхъ! А вѣдь она кричала, что любитъ свою родину! Возможна ли любовь безъ жертвъ? Мы далеко ищемъ причины паденія государства, а не хотимъ видѣть и вѣрить, что она въ насъ самихъ. Были голоса, призывавшіе къ порядку и сознанію своихъ заблужденій, но никто не внималъ имъ!

Животрепещущимъ вопросомъ было улучшеніе доли крестьянъ. Хлопъ, какъ крѣпостной, былъ собственностью того, въ чьей деревнѣ онъ жилъ. У него не было ни воли, ни собственнаго дома—это было панское, а онъ былъ рабомъ своего пана. Въ отношенія крѣпостнаго и пана никто—ни правительство, ни король—не имѣлъ права вмѣшиваться. Хлопъ не могъ протестовать противъ причиненной ему обиды или жаловаться на нее. Поэтому неудивительно, что обращеніе съ хлопомъ было просто безчеловѣчно; и таковымъ было оно въ имѣніяхъ и шляхты, и духовенства. Въ естественномъ порядкѣ вещей, развилась въ этомъ угнетаемомъ простонародьи крайняя деморализація: о нравственности хлопа не заботился никто—ни панъ, ни ксендзъ. Уже сто лѣтъ не было прироста населенія въ Польшѣ, такъ какъ крестьянскія дѣти хоть и рождались на свѣтъ, но умирали отъ нужды, неряшества и отсутствія опеки надъ ними. Хлопъ ясно сознавалъ причиняемую ему кривду; поэтому хоть онъ и кланялся пану, но ненавидѣлъ его, духовныхъ лицъ почиталъ, но не довѣрялъ имъ. Эти ненависть и недовѣрчивость донынѣ остались въ простомъ народѣ и не скоро исчезнутъ, такъ какъ память о пережитыхъ обидахъ переходитъ въ поколѣнія. Панщина вызвала то, что шляхтичъ и хлопъ разлѣнились и спились съ круга; что Польша, въ то время плодороднѣйшая страна на свѣтѣ, продуктировала меньше хлѣба, чѣмъ, напримѣръ, Англія, которая по пространству равнялась польскому воеводству; что едва одна треть всего пространства Польши воздѣлывалась; что эта $^1/_3$ не производила и доли того, что она давала бы, если бъ культивировалась надлежаще; что на одну квадратную милю насчитывалось въ Польшѣ 700 человѣкъ, тогда какъ въ другихъ государствахъ населеніе на томъ же пространствѣ доходило до 5.000; что эта миля въ Польшѣ приносила податнаго сбора 1.200 зл., а въ дру-

гихъ государствахъ—отъ 60 до 120 тысячъ дохода. У насъ были люди, разсуждающіе трезво и желающіе счастья странѣ; они били въ набатъ и разъясняли въ цифрахъ, какія бѣдствія причиняетъ панщина. Иные писали брошюры, но никто не хотѣлъ читать ихъ, а если и читалъ, то не вѣрилъ имъ. Замойскій совѣтовалъ облегчить долю хлопа и обезпечить его отъ обидъ со стороны помѣщика. Сташицъ доказывалъ, что «панщина причинила Рѣчи Посполитой больше зла, чѣмъ всѣ ея враги въ совокупности»; онъ восклицалъ: «упразднимъ панщину, и черезъ 20 лѣтъ наша родина преобразится; у нея не будетъ недостатка ни въ людяхъ, ни въ деньгахъ, ни въ средствахъ защиты. А если упразднить ее у насъ еще нѣтъ смѣлости, то замѣнимъ ее на чиншъ или окружную работу, но признаемъ за хлопомъ право на владѣніе землею, какъ собственностью!» Сташицъ предусматривалъ скорбныя послѣдствія угнетеннаго состоянія этого важнѣйшаго общественнаго слоя и не поколебался произнести публично слѣдующія памятныя слова: «Паденіе Польши будетъ карою за угнетеніе хлопа!» Однако ни Замойскаго, котораго закричали, ни Сташица, какъ мѣщанина, не слушали. Французскаго писателя Руссо чуть не обожали тогдашніе поляки, и въ польскомъ обществѣ онъ слылъ ревностнымъ польскимъ патріотомъ; однако этотъ самый Руссо осмѣивалъ режимъ въ Польшѣ, а о первомъ раздѣлѣ онъ говоритъ въ письмѣ къ Фридриху II: «По слухамъ, раздѣлъ Польши—твое дѣло, государь; вѣрю этому, такъ какъ это мысль геніальная». Въ своемъ же сочиненіи, «Considérations», ch. III, онъ обращается къ полякамъ со слѣдующими словами: «Вы не въ состояніи предотвратить поглощеніе васъ сосѣдями; какія бы средства вы ни употребляли, Польша будетъ сто разъ раздавлена». Это и не удивительно, такъ какъ неурядица и безправье губятъ не только семейства, но и государства, и именно они были важнымъ факторомъ въ паденіи Польши.

Мѣщанское сословіе хотя и въ меньшей степени, но тоже нуждалось въ улучшеніи своей доли. Мѣщане не допускались въ государственный совѣтъ. Имъ дозволялось учиться, но только для себя самихъ, а не для государства; до высшихъ степеней мѣщанинъ не могъ дослужиться ни въ арміи, ни въ духовенствѣ, такъ какъ онѣ были монополіей шляхты. Города были собственностью тѣхъ, въ чьихъ владѣніяхъ они были расположены; поэтому владѣлецъ угнеталъ и мѣщанина почти какъ хлопа, а такъ какъ это было сословіе сравнительно богатое въ странѣ, то оно деньгами откупалось отъ гнета, исправно вносило подати въ казну и желало добра государству. Напримѣръ, варшавскіе мѣщане вносили въ казну, въ видѣ различныхъ налоговъ 3.141.000 злотыхъ, а когда было утверждено повышеніе подымнаго сбора, дававшаго съ одной только Варшавы 140.000 зл., жители столицы, мѣщане, добровольно обязались уплачивать въ годъ 400.000 зл.; кромѣ того, всѣ

города объявили, что будутъ платить 20% съ оборотнаго капитала, лишь бы придти съ помощью отчизнѣ. Мѣщане требовали только, чтобы сеймъ призналъ ихъ гражданами государства, далъ имъ права, которыми они пользовались въ прежней Польшѣ, чтобы въ арміи они могли дослуживаться до офицерскихъ чиновъ, а въ духовенствѣ до высшихъ степеней; чтобы имъ дозволили пріобрѣтать имѣнія, подчинили ихъ юрисдикціи сословной или королевской и уволили ихъ отъ юрисдикціи старостъ и маршала, которые имъ, мѣщанамъ, дали таки себя знать.

Признать эти льготы мѣщанамъ не дозволила шляхта, опасаясь, чтобы король съ помощью мѣщанъ не отмѣнилъ «самой природою данныхъ шляхетскихъ привилегій и вольностей». Депутація, состоявшая изъ мѣщанъ, представителей всѣхъ городовъ, обратилась прежде всего къ королю, но онъ совсѣмъ не былъ въ состояніи помочь имъ, такъ какъ не имѣлъ правъ; затѣмъ обратились къ канцлеру Малаховскому, но этотъ принялъ депутацію холодно, сказавъ, что онъ канцлеръ при тронѣ, а дома—Малаховскій, и спровадилъ ее ни съ чѣмъ; обращалась она и къ другимъ министрамъ со своими справедливыми требованіями, но всюду должна была наслушаться горькихъ упрековъ, заявленій, что требовать для себя привилегій, которыя подобаютъ только шляхтѣ,—«дерзость». Назвать дерзостью справедливыя требованія важной части общества, отзывчивой на нужды страны и любящей ее,—на это были способны развѣ только польскіе министры конца XVIII столѣтія. Стало быть, и этотъ многоважный вопросъ пошелъ «ad acta».

Люди здравомыслящіе затронули и другой, не менѣе важный вопросъ—о престолонаслѣдіи. Въ Польшѣ каждый изъ королей былъ избираемъ шляхтою. Шляхта обыкновенно выбирала того изъ кандидатовъ, который давалъ ей наиболѣе привилегій. И на элекціяхъ не обходилось безъ интригъ иностранныхъ дворовъ, и, сказать по справедливости, Польша самостоятельно, безъ чуждыхъ вліяній, избрала только двухъ королей: Собѣскаго и Вишневецкаго. Дабы избѣжать иностранныхъ вліяній, лица, видѣвшія положеніе вещей яснѣе, высказали мнѣніе, что слѣдуетъ сдѣлать престолъ наслѣдственнымъ. Выбицкій въ «Патріотическихъ письмахъ» (1780 г.) говоритъ прямо, что «Польша не спасетъ себя отъ гибели, если не откажется отъ привилегіи выбирать себѣ короля». За это однако Выбицкаго едва не убили. Впослѣдствіи отдѣльныя лица начали выступать смѣлѣе съ рѣчью о престолонаслѣдіи, что̀ дало поводъ Северину Ржевускому написать небольшое сочиненіе «О престолонаслѣдіи въ Польшѣ», въ которомъ онъ съ ужасомъ и съ опасеніемъ за шляхетскія вольности оспариваетъ, на основаніи нелогическихъ аргументовъ, голоса за наслѣдственность. Онъ говоритъ, что послѣдняя приведетъ страну къ деспотизму, такъ какъ наслѣдственный король, подъ предлогомъ благоустройства, привлечетъ всѣ власти подъ

свое начало, возмутитъ крестьянство, чтобы наложить ярмо на шлехетское сословіе, установитъ новые налоги, чтобы разорить шляхту, перессоритъ властные роды, чтобы они не могли защищать шляхетскія вольности, овладѣетъ войскомъ, чтобы употребить его противъ шляхты. А сынъ такого короля, принявъ дѣло, уже на половину готовое, навѣрно доведетъ до конца. Шляхтичъ же лишь тогда примѣтитъ перемѣну въ правительствѣ и своемъ сословіи, когда его собственный крѣпостной начнетъ привлекать его къ суду! Далѣе онъ пугаетъ общество картиной деспотизма Тиверія и Траяна и патетически восклицаетъ: «Развѣ въ польскомъ мірѣ еще не было достаточно Траяновъ, чтобы тоскливо мечтать о королѣ!» Затѣмъ пугаетъ сосѣдними державами, которыя, по его мнѣнію, никогда не согласятся на наслѣдственность престола въ Польшѣ, потому именно, что наслѣдственный король могъ бы собрать армію числомъ около 200.000 челов. и тогда сталъ бы страшенъ сосѣдямъ. Въ заключеніе онъ совѣтовалъ организовать правительство безъ короля, съ тѣмъ чтобы управляло только магнатство. Эти слова, произнесенныя съ горячностью и льстившія гордости шляхты, при томъ подкрѣпленныя обаяніемъ гетманскаго званія и авторитетомъ магната, который никогда не благоволилъ къ королю, вызвали очень сильное впечатлѣніе въ обществѣ. Да и можно ли было не вѣрить, когда говорилъ такой мужъ, противникъ короля, движимый будто бы чистѣйшей любовью къ родинѣ,—и говорилъ въ защиту шляхетскихъ вольностей! И вотъ Браницкій былъ такъ восхищенъ этой брошюрой, что велѣлъ немедленно же перепечатать ее въ Варшавѣ и разослать по всей странѣ.

На эту брошюру отвѣтили сторонники наслѣдственности престола, люди высокообразованные, какъ напримѣръ, Гугонъ Коллонтай, епископъ Красинскій, Игнатій Потоцкій, Ѳаддей Морскій, Іакинфъ Езерскій и Францъ Езерскій.

Потоцкій въ своей брошюрѣ «Размышленія надъ граматой, изданной за подписью господина Ржевускаго» притворяется, будто не вѣритъ, что Ржевускій могъ быть ея авторомъ; онъ полагаетъ, что кто-то другой прикрылся его фирмой, такъ какъ немыслимо, чтобы гетманъ, столь высокій сановникъ, былъ такъ близорукъ. Въ заключеніе онъ донимаетъ колкостями Ржевускаго, говоря, что если, и въ самомъ дѣлѣ, авторъ брошюры—онъ самъ, то написалъ ее съ той мыслью, чтобы сохранить избирательный престолъ для главнокомандующаго русской арміи Потемкина. А слѣдуетъ замѣтить, что Потемкинъ нещадно бранилъ Ржевускаго за его злонамѣренность въ отношеніи короля, называлъ его пьяницей, буяномъ, непатріотомъ, тиранномъ, страшнѣйшимъ деспотомъ и т. д.

Коллонтай доказываетъ, что авторъ брошюры неосновательно смѣшалъ понятія о наслѣдственной монархіи и о неограниченной, такъ

какъ, не будучи наслѣдственнымъ государемъ, можно править самодержавно, какъ правили Марій, Сулла и Цезарь; и наоборотъ, располагая наслѣдственной властью, можно править при условіяхъ строгой ограниченности, какъ напримѣръ, въ Голландіи. Далѣе онъ говоритъ, что не народъ боится наслѣдственности престола въ Польшѣ, а олигархи, которымъ наслѣдственный престолъ не позволитъ нарушать общественныя права по собственному усмотрѣнію. Видя, что престолъ, въ данное время избирательный, имѣетъ связь съ усиленіемъ гетманской власти, онъ говоритъ: «Отдѣлайтесь отъ королей, выберите себѣ магнатовъ въ начальники областей, и если такъ легко состоялся шокировавшій всю Европу раздѣлъ Польши, то еще легче будетъ захватывать разрушенныя области подъ власть чуждыхъ державъ». (Замѣчанія къ сочиненію, которое вышло въ Варшавѣ съ именемъ Северина Ржевускаго «О престолонаслѣдіи въ Польшѣ», 1790 г.).

Францъ Езерскій въ своемъ замѣчательномъ разсужденіи: «О междуцарствіяхъ въ Польшѣ и объ избраніи королей» доказываетъ, что девять междуцарствій въ Польшѣ со временъ Сигизмунда-Августа были страшнымъ бѣдствіемъ для народа, что избраніе королей вызываетъ всегда неурядицу, послѣдствіемъ которой была постоянная потеря областей и вмѣстѣ съ тѣмъ независимости государства. Въ заключеніе онъ говоритъ: «Достаточно еще одной элекціи, самое большое—двухъ, чтобы всей Польши окончательно не стало».

Однако, при застарѣлости предразсудковъ, эти трезвыя мнѣнія оказывались совершенно недѣйствительными. Радзивиллъ, «Пане-Коханку», уже на смертномъ одрѣ говорилъ окружающимъ: «Никто не можетъ болѣе, чѣмъ я, ненавидѣть вольную элекцію, такъ какъ изъ-за нея родъ мой пришелъ въ упадокъ. Однако, какъ добрый полякъ, откладываю въ сторону частные интересы—и наслѣдственности престола не желаю». Сухоржевскій, калишскій депутатъ, защищая элекцію въ сеймѣ, сказалъ: «Не убоюсь признаться вамъ: не хочу существованія Польши, не хочу имени поляка, если мнѣ быть невольникомъ короля!» А епископъ Коссаковскій прочиталъ въ сеймѣ меморіалъ, въ которомъ, ссылаясь на польскіе законы, выражаетъ мнѣніе, что «врагомъ отчизны слѣдуетъ считать того, кто дерзнетъ предлагать наслѣдственность престола». Самъ король Станиславъ-Августъ, бездѣтный, совѣтовалъ наслѣдственность. Въ 1790 г. онъ произнесъ въ сеймѣ слѣдующія слова: «Вѣдь моя жизнь, исполненная огорченій, оскорбленій и печалей, вѣроятно уже не будетъ продолжительна. Послѣ моей смерти осиротѣетъ престолъ и на него будутъ посягать люди, проникнутые амбиціей, а такъ какъ единодушія не будетъ, то должна произойти домашняя война. Признавъ наслѣдственность престола, въ настоящее время можно еще предотвратить бѣдствіе».

Эти добросовѣстные голоса подверглись различнымъ экспериментамъ;

ихъ фильтровали, взвѣшивали и въ заключеніе отвергли, чтобы только не нарушать шляхетскихъ вольностей. Шляхта предпочитала загубить край, только бы не допустить хотя одной привилегіи для спасенія отчизны! Это горькое признаніе, но оно справедливо. Голосовъ, призывавшихъ къ усовершенствованіямъ въ странѣ, не слушали, а управиться со зломъ было некому. Польское общество сгнило окончательно.

Крѣпкая организація государства, опирающаяся о сильный престолъ, переносится на подданныхъ, удѣляя имъ свою твердость и крѣпость, и внѣдряетъ въ народъ необходимыя доблести. У насъ было иначе. По мѣрѣ того, какъ ослабѣвала государственная организація съ XVI столѣтія, доблести убывали, а пороки все возрастали. Безнаказанное магнатство портило правительство, а правительство не имѣло способа оградить его самого отъ порчи. Это было взаимное пагубное воздѣйствіе, такъ какъ отсутствіе дисциплины въ народѣ должно повлечь за собою деморализацію. И хотя доблести въ единичныхъ родахъ, хотя страстныя желанія единицъ спасти отчизну вспыхивали отъ воспоминаній о былыхъ геройствахъ, однако доблести массы, талантливости и позывъ къ службѣ сообща—исчезали по мѣрѣ ослабленія правительства, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезала и сила государства. Не король, не Россія, а общественное безначаліе погубило Польшу, расшатало совѣсть и испортило народъ. Въ древнихъ римлянахъ плѣняютъ насъ героизмъ и самоотверженіе, проявляемые въ общественныхъ дѣлахъ, а вѣдь древній римлянинъ не отличался бо́льшимъ мужествомъ, чѣмъ теперешній италіанецъ. Въ повседневномъ быту онъ былъ холоденъ и разсчетливъ; но, пройдя черезъ суровую школу римскихъ легіоновъ, научившись въ сплоченныхъ кадрахъ службѣ, дисциплинѣ и уваженію къ власти, онъ измѣнялъ свою натуру и обращался въ непобѣдимаго воина.

Народную гордость слѣдуетъ цѣнить, и ей подобаетъ честь, но—гордости, вѣрно понятой. Въ Польшѣ же была гордость абсолютная и эгоистическая; такую гордость должно осудить. И испанскій народъ славился своею гордостью, но такъ какъ она основывалась на любви къ престолу, въ которой взростали цѣлыя поколѣнія, то Испанія, эта малолюдная страна, и произвела столь блистательные перевороты въ исторіи міра. По принципу преданности трону, она научилась повиновенію и дисциплинѣ. Этого уваженія къ правительству и повиновенія властямъ не было въ Польшѣ, и это было главною причиною ея паденія.

Памяти Д. В. Григоровича.

(Пребываніе его въ Главномъ Инженерномъ училищѣ).

Главное Инженерное училище, въ которое поступилъ Д. В. Григоровичъ въ тридцатыхъ годахъ (1836 г.), созданное великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ (1819 г.), имѣло совсѣмъ отличный характеръ отъ прочихъ того времени военно-учебныхъ заведеній: составъ училища былъ небольшой (126 чел.), каждый поступавшій въ училище былъ не моложе 14 лѣтъ, назывался кондукторомъ и присягалъ на вѣрность службы. Вся внутренняя и внѣшняя обстановка (пища, содержаніе, обмундированіе и проч.) были совсѣмъ иныя, чѣмъ въ кадетскихъ корпусахъ. Молодые люди, считавшіеся на службѣ и пользовавшіеся нѣкоторыми правами (относительно пенсіи) и избавленные отъ тѣхъ взысканій, которыя существовали въ кадетскихъ корпусахъ, щеголяли своимъ мундиромъ и считали свое званіе кондуктора выше имени кадета. Многимъ кондукторамъ были извѣстны кадетскіе порядки, права ротныхъ командировъ въ корпусахъ наказывать тѣлесно воспитанниковъ, и не забыты были въ военно-учебныхъ заведеніяхъ наставленія бывшаго директора 1-го кадетскаго корпуса ген. Клингера, говорившаго неоднократно: «Die Russen muss man mehr schlagen und weniger lehren».

Въ Инженерномъ училищѣ существовали, большею частію, взысканія строевыя, хотя, тѣмъ не менѣе, не мягкія, а скорѣе суровыя; но требованія и взысканія были одинаковыя какъ съ кондуктора, такъ и съ офицера, находившагося въ офицерскомъ классѣ; и кондуктора, отпустившаго длинные волосы, и за длинную шевелюру офицера, стригли «подъ гребенку»; и кондуктора, замѣченнаго въ куреніи табаку, и офицера, курившаго въ классной комнатѣ или на дежурствѣ, сажали

подъ арестъ или высылали на службу. Еще строже взыскивали за нарушеніе дисциплины, несоблюденіе формы одежды, головнаго убора, за хожденіе въ фуражкахъ по улицѣ, или въ калошахъ и пр. Тѣмъ не менѣе, въ небольшой семьѣ кондукторовъ, замкнутыхъ по недѣлямъ вмѣстѣ, не получавшихъ газетъ, почти не знакомыхъ съ внѣшнимъ міромъ, дѣлившихъ между собою и горе и радости, представлявшихъ собою отдѣльный мірокъ, были и свои традиціонные уставы, обычаи и пожалуй законы. Хотя всѣ эти постановленія иногда были сильнѣе драконовскихъ, но въ сущности заключали въ себѣ много хорошаго, ослабляя въ привычкахъ молодыхъ людей остатки дурнаго домашняго воспитанія. Сближеніе между товарищами было такъ велико, и эта связь такое имѣла вліяніе на всю жизнь бывшихъ кондукторовъ Инженернаго училища, что никакія ни счастливыя, ни несчастныя обстоятельства не разрушали этой связи. Съ шестидесятыхъ годовъ, къ сожалѣнію, все измѣнилось. Но во внутренней жизни училища долго еще были и свои достоинства, и свои недостатки, можетъ быть, слѣды тогдашняго общественнаго настроенія—преобладаніе старшаго надъ младшимъ: въ училищѣ были старшіе I и II класса и были младшіе — III и IV класса кондукторы; значеніе старшихъ было такъ велико и надзоръ надъ младшими былъ такъ серьезенъ и строгъ, что проявленіе въ кондукторахъ младшаго класса нарушенія мѣстныхъ традиціонныхъ обычаевъ или моды, безнравственныхъ привычекъ, отсутствіе честности, хвастовство, и обманъ и проч., позорящіе человѣка, въ особенности кондуктора Инженернаго училища, наказывались товарищами старшаго класса, или внушеніями всякаго рода, или неисправимому предлагалось выйти въ отставку, и все это дѣлалось келейно, никто изъ начальства этого не зналъ. Къ сожалѣнію, самосудъ, эта домашняя расправа прививалась и въ семьѣ другихъ двухъ младшихъ классовъ, и тамъ былъ самосудъ и были старшіе и младшіе—первые были кондукторы III класса, послѣдніе были IV класса (обитатели «Камчатки»), такъ называемые «рябцы». Участь этихъ илотовъ была почти та же самая, какая существовала въ то время во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ школахъ, пансіонахъ, гимназіяхъ, училищахъ, бурсахъ и пр.; вездѣ, вновь поступавшіе подвергались всякаго рода насмѣшкамъ, оскорбленіямъ и побоямъ. Трудно сказать, были ли эти недостатки послѣдствіями дурнаго тогдашняго воспитанія, или грубости нравовъ извѣстнаго времени, наконецъ, были ли они порокомъ не человѣка, а вѣка (non vitia hominis, sed vitia saeculi), только они существовали въ Инженерномъ училищѣ въ то время, когда Д. В. Григоровичъ поступилъ въ него по экзамену.

Въ своихъ воспоминаніяхъ [1]) Д. В. Григоровичъ о первомъ годѣ

[1]) Изд. А. Ф. Маркса, XII, стр. 227.

своего поступленія въ Главное Инженерное училище не могъ забыть этого тяжелаго для него времени; уже старикомъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ:... «что онъ рѣшительно не можетъ понять, какъ онъ, мальчикъ по природѣ въ высшей степени нервный, впечатлительный, робкій, мягкій, какъ воскъ, съ развитіемъ запоздалымъ—могъ пережить въ той атмосферѣ, гдѣ товарищи его были суровѣе, безпощаднѣе, чѣмъ само начальство».

Къ этимъ чувствамъ, которыя испытывалъ Д. В. въ первый годъ его пребыванія въ Инженерномъ училищѣ, и мнѣнію его о томъ обществѣ, гдѣ онъ началъ служить и жить, можно только прибавить, что Григоровичъ, ни по своему воспитанію, ни по своимъ душевнымъ качествамъ и слабостямъ, по крайней мѣрѣ въ ту пору, какъ мы его знали, совсѣмъ не былъ подготовленъ къ той средѣ общества—своеобычной и суровой, въ которую онъ поступилъ.

Нравственныя страданія начались за долго до поступленія Д. В. въ Инженерное училище, съ того дня, какъ старушка-мать привезла его въ пансіонъ инж.-капитана Костомарова, для приготовленія къ экзамену въ Инженерное училище. «Первый мой визитъ,—говоритъ Д. В.,—къ Костомарову произвелъ на меня удручающее впечатлѣніе». Онъ увидѣлъ передъ собою пожилаго, высокаго офицера съ большими черными усами; съ серьезнымъ, даже, сколько ему тогда показалось, суровымъ лицомъ, его испугали бывшіе у Костомарова воспитанники (то были: Достоевскій, Паукеръ, Звѣревъ, Готовскій и др.) и еще болѣе, чѣмъ самъ капитанъ. Каждый день пріемнаго экзамена производилъ на Григоровича особенныя страданія, которыхъ конца онъ не могъ дождаться. Наконецъ, онъ былъ принятъ, и снова начались для него испытанія:. Достаточно вспомнить, что Григоровича прежде, чѣмъ онъ поступилъ въ Инженерное училище, какъ избраннаго по экзамену для пріема, въ числѣ 15-ть такихъ же кандидатовъ, повели сначала въ лазаретъ для осмотра, потомъ въ какую-то комнату, гдѣ всѣхъ раздѣли донага («гдѣ онъ корчился, какъ дѣвочка, едва удерживаясь отъ слезъ»). Затѣмъ, начались его страданія со вступленіемъ въ училище: нарушилось его спокойствіе, явилась тревога во всемъ; утромъ и вечеромъ барабанный бой, утромъ и вечеромъ классы, въ промежуткѣ строевыя занятія: «стойка», «выправка», маршировка, хожденіе въ три пріема, держаніе ноги на-вѣсу, и отпусканіе по командѣ; вѣчный крикъ, команда «смирно», даже тогда, когда всѣ стояли во фронтѣ, молча, какъ вбитые въ землю и проч. и, въ довершеніе тяжелыхъ впечатлѣній Григоровича, начались назойливыя приставанія, разспросы такъ называемыхъ «старыхъ» кондукторовъ, которыхъ забавляла его чувствительность, по ихъ понятіямъ женственность; насмѣшки ихъ переходили въ грубость и могли кончиться очень печально для Григоровича, «рябца», если бы не выручилъ его изъ

бѣды, случайно проходившій мимо, старшаго класса Радецкій [1]) (Ѳ. Ѳ.), и, узнавъ причину слезъ Григоровича, своими внушеніями не прекратилъ совсѣмъ преслѣдованія его товарищами.

Благодаря богатымъ способностямъ и хорошему домашнему воспитанію, Григоровичъ въ первый годъ пребыванія въ Инженерномъ училищѣ учился прекрасно, хотя уже тогда у него были любимые и нелюбимые научные предметы и лекціи симпатичныя и антипатичныя. Ему нравились словесныя науки: исторія, географія, русская и иностранная словесность, и др., и сильно не долюбливалъ онъ математики, однѣ лекціи которой производили на него тяжелое впечатлѣніе. «Лишь только что-либо касалось,—говоритъ Григоровичъ,—математической выкладки, вычисленія, мозгъ мой словно вдругъ застилался туманомъ, чѣмъ-то придавливался. При одномъ появленіи преподавателя математики Л. М. Кирпичева, сердце мое замирало». Лекціи же литературы онъ прослушивалъ всегда съ напряженнымъ вниманіемъ, составлялъ по нимъ записки и особенно заслушивался литературнымъ сообщеніямъ г. Прокоповича, друга Н. В. Гоголя. Литературныя ли лекціи г. г. Прокоповича и послѣ него Плаксина были для Григоровича тѣми благодѣтельными сѣменами, которыя нашли обильную и плодотворную почву въ душѣ высокоталантливаго Д. В., или его природное влеченіе къ литературѣ, только уже въ первый годъ его классныхъ занятій онъ началъ предпочитать словесныя науки и равнодушно относиться къ наукамъ спеціальнымъ. Обычное нерасположеніе Григоровича къ этимъ послѣднимъ наукамъ увеличивалось съ возраставшей антипатіей его къ фортификаціи. Онъ не могъ спокойно переносить непріятныя для него насмѣшки преподавателя фортификаціи инж.-поручика Густава К., который не стѣснялся смѣяться надъ отвѣтами Григоровича, когда они были неудовлетворительными, и особенно, когда Григоровичъ позволялъ себѣ замѣнять иностранныя техническія названія простыми русскими словами, такъ вмѣсто слова «туръ», или «габіонъ» называлъ плетеная корзина, «брустверъ» называлъ: грудная защита (по-старинному: перси), «потерны», «сортіи»—проходами, «брульонъ»—черновой рисунокъ, «банкетъ»—приступокъ, пѣшеходня и др., все это вызывало грубыя насмѣшки Густава К. надъ Григоровичемъ и доводило его до слезъ.

Въ Инженерномъ училищѣ было много такихъ личностей, которыя проникались особеннымъ пристрастіемъ къ какому-либо предмету, увлекались его изученіемъ и, по выходѣ изъ Инженернаго училища, своими почтенными трудами достигали почестей и славы, только не на инженерномъ поприщѣ [2]). Точно также и Григоровичъ съ особенною любовію

[1]) Впослѣдствіи герой Шибки.

[2]) Достоевскій, Сѣченовъ, Трутовскій, Рехневскій, фонъ-Кауфманъ, Герсевановъ, Лееръ, Струве, Яблочковъ и мн. др.

занимался словесными науками, преимущественно литературою, относясь совершенно равнодушно къ остальнымъ наукамъ, какъ бы предчувствуя, что будетъ занимать его въ будущемъ, и, что, какъ онъ говоритъ, составитъ счастіе всей его жизни.

Рядъ впечатлѣній, испытанныхъ Д. В. Григоровичемъ въ первый годъ его пребыванія въ Инженерномъ училищѣ, не дѣлали его грубѣе, равнодушнѣе ко всему, что его прежде занимало и тревожило. Потеря нѣкоторыхъ имъ любимыхъ товарищей, высланныхъ юнкерами въ саперные батальоны, по поводу владыкинской исторіи, желавшихъ, по ихъ понятіямъ, искоренить въ ротѣ наушничество, не уменьшила природныхъ особенностей Григоровича. Его мучилъ недостатокъ искренности въ человѣкѣ, къ которому онъ преданъ былъ душою, съ кѣмъ онъ хотѣлъ раздѣлять минуты своего досуга, въ комъ онъ могъ еще найти сочувствіе къ своимъ мечтамъ, кого онъ уважалъ и любилъ, какъ наприм. Ѳ. М. Достоевскій. Это былъ человѣкомъ совсѣмъ другаго характера, иначе держалъ себя и спокойнѣе смотрѣлъ на все окружающее, чѣмъ Григоровичъ, который говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что Ѳ. М. выказывалъ черты несообщительности, сторонился, не принималъ участія въ играхъ, сидѣлъ, углубившись въ книгу, и искалъ уединеннаго мѣста. «Съ неумѣренною пылкостію моего темперамента,—говоритъ Григоровичъ,—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, крайнею мягкостію и податливостію характера, я не ограничился привязанностію къ Достоевскому, но подчинился его вліянію». Не только съ этимъ можно согласиться, но и даже съ тѣмъ, что на Григоровича имѣли большое вліяніе начитанность Достоевскаго, знаніе имъ трудовъ многихъ русскихъ и иностранныхъ писателей, и все, что говорилъ Ѳ. М., для Григоровича, по его словамъ, «было откровеніемъ, назиданіемъ, оказавшимъ благодѣтельное дѣйствіе на всю его будущую литературную дѣятельность». Но надобно припомнить, что эти два человѣка съ дѣтства были двѣ совершенно разнородныя силы, анодъ и катодъ, положительныя и отрицательныя, такъ что то, что нравилось и занимало одного, не могло нравиться другому, что привлекало Григоровича (игры «загонки», танцы, пѣсни, живыя картины и пр.), Достоевскому казалось скучнымъ. На то, что особенно сердило Григоровича: барабанный бой, вытягиваніе носка на маршировкѣ и стояніе, какъ онъ говоритъ въ журавлиной позѣ на одной ногѣ, пока не скомандуютъ ее опустить—Достоевскій смотрѣлъ равнодушно, усердно вытягивалъ носокъ, учился подходить на ординарцы, хотя сознавалъ, что по его тѣлосложенію, болѣзненной структурѣ и по его блѣдному лицу, онъ уже по природѣ не былъ красавцемъ, чтобъ быть представителемъ строеваго кондуктора. Григоровича сердили нерѣдко фразы инструктора солдатика Образцоваго полка, говорившаго: когда маршируете, то такъ, чтобы «носокъ

вашъ игралъ», когда идетъ по фронту начальство справа, то держите лѣвое ухо вострѣе и смотрите начальству «глазъ въ глазъ»,—однимъ словомъ, ему не нравились многія обычныя солдатскія выраженія: «уберите третье ребро, или подавайтесь всѣми средствіями впередъ, не упираясь на оныя» и т. п. Ѳ. М. Достоевскаго наставленія эти не только не сердили, но казались любопытными по своей оригинальности. Походъ изъ Петербурга, лѣтомъ, въ лагерь Григоровичу не нравился, его утомляли и аммуниція, и ружье съ «полунагалищемъ» (чехломъ на куркѣ) и тѣсакъ, шанцовой инструментъ, бившій по ногамъ, и киверъ (всегда наполняемый книгами, апельсинами и пр.), наконецъ ранецъ, тоже набитый не соломой, а «бонбоніерками» и пирожками. Достоевскій, какъ «слабый по фронту», назначался въ «квартирьеры», т. е. въ то число (четырехъ человѣкъ) кондукторовъ, которыхъ посылали съ офицеромъ за день до выступленія роты изъ Петербурга въ Петергофъ, для занятія избъ и сараевъ для ночлега роты, въ дер. «Старая Кикинка».

Какъ зимою, такъ и лѣтомъ, въ лагерѣ, образъ жизни и привычки Григоровича и Достоевскаго не мѣняли своего обычнаго характера. Первый любилъ удовольствія, прогулки, игры, купанья, его занимали фонтаны, штурмы на каскады, а владѣя прекрасно французскимъ языкомъ, онъ легко знакомился съ дѣтьми нашихъ аристократовъ и богатыхъ людей, съ подпрапорщиками и пажами. Втораго, Достоевскаго, ничто подобное не занимало, по-прежнему его можно было найти или одного въ уголкѣ шатра, съ книгою или письмомъ, всегда задумчивымъ и если говорившимъ, то тихо и особенно продолжительно. Григоровичъ, когда перешелъ въ слѣдующій (III) классъ, и когда вышелъ изъ разряда «рябцовъ», сдѣлался неузнаваемъ: къ природной мягкости присоединилось особое добродушіе, онъ сдѣлался душою общества, и дѣйствительно это была личность милая и сердечная, которая увлекала товарищей своею дружбою и въ особенности своими интересными разсказами, дышавшими неподдѣльною искренностію, веселостію и остроуміемъ. По воспоминаніямъ его товарищей, современниковъ, Григоровичъ, лѣтомъ, сидя на завалинкѣ шатра, декламировалъ изъ «Горя отъ ума», «Цыганъ» или наизусть читалъ цѣлыя строфы изъ сочиненій: Державина, Озерова и др. Любимымъ чтеніемъ Григоровича лѣтомъ были переводы де-Шапле-та (его времени дежурнаго офицера), романы Вальтеръ-Скотта, или сочиненія миссъ Эджевортъ, Фенимора Купера, Ламартина и др. Въ рукахъ Достоевскаго никогда не было романовъ, и зимой и лѣтомъ можно было видѣть или рукописи, которыхъ никто не касался или книги серьезнаго содержанія, между прочимъ: Масильона, Монтескье, Zschokke: Die Stunden der Andacht, или Knigge: Über den Umgand mit Menschen и т. п.

Не могу забыть того времени, когда въ молодости, будучи дежур-

нымъ офицеромъ въ Главномъ Инженерномъ училищѣ, мнѣ приходилось часто видѣться и говорить со многими молодыми людьми, кондукторами училища. До сихъ поръ въ моей памяти сохранились имена многихъ изъ этихъ юношей, не только занимавшихъ меня своими разговорами и тѣмъ сокращавшихъ часы суровой тогдашней службы, но и привлекавшихъ меня къ себѣ своею чистосердечною и откровенною бесѣдою. Въ то время не всякое начальство могло вызывать юношей-кондукторовъ къ бесѣдѣ съ нимъ; мнѣ можетъ-быть удалось воспользоваться этимъ правомъ, отчасти потому, что между нами была небольшая разница въ лѣтахъ, а можетъ быть они довѣряли моей скромности и ласковому, не служебному отношенію съ ними. Молодежь нерѣдко увлекалась своимъ характеромъ, наклонностями и откровенно передавала мнѣ свои впечатлѣнія, и такимъ образомъ представляла мнѣ случай быть нравственно для нея полезнымъ. Это я узналъ впослѣдствіи, когда спустя десятки лѣтъ, мнѣ приходилось нерѣдко слышать отъ людей пожилыхъ, заслуженныхъ благодарность за все доброе, мною имъ оказанное, во время ихъ пребыванія въ Инженерномъ училищѣ. Припоминая это прошлое даже давноминувшее, мнѣ ясно представляются многія личности, бывшіе воспитанники училища, у меня сохранились въ памяти нѣкоторые предметы нашихъ разговоровъ, общая ихъ характеристика, и, какъ теперь, помню мои частыя бесѣды съ Достоевскимъ, Григоровичемъ и др. Какъ теперь слышу тихую, спокойную рѣчь Достоевскаго, передаваемую имъ послѣдовательно остановками, прерываемую имъ, повидимому, съ намѣреніемъ или для облегченія груди или же размышленія. Бесѣда Достоевскаго была для меня интересною по изобилію его начитанности и мастерскому ея изложенію. Совсѣмъ другой характеръ имѣла рѣчь Григоровича: какъ теперь слышится его звонкій голосъ, его одушевленные, живые разсказы, пополняемые хотя мелкими, но яркими блестками остроумія. Не мудрено, что онъ своими разсказами привлекалъ многихъ слушателей изъ своихъ товарищей, даже самыхъ угрюмыхъ. Весьма часто, не чувствительно переходя отъ одного предмета къ другому, отъ минутныхъ впечатлѣній къ мечтамъ о будущности, Григоровичъ то забывалъ о своемъ служебномъ положеніи, объ училищѣ, той средѣ, куда судьба его занесла, и радъ былъ случаю поговорить съ кѣмъ-нибудь, чтобъ подѣлиться своими впечатлѣніями, своими розовыми надеждами; то, чувствуя тягость своей зависимости, Григоровичъ представлялъ себя только тогда совершенно счастливымъ человѣкомъ, когда онъ будетъ на свободѣ, за предѣлами классной жизни, внѣ той школы, которая утомляла его своими уставами, казенщиной, притуплявшей въ немъ всякую энергію. Онъ представлялъ себя художникомъ, артистомъ мысли, чувства, вся жизнь котораго посвящена изящному, искусству, его не изсякаемому источнику

очарованія, свѣжести и красоты. Онъ заранѣе радовался успѣхамъ своихъ трудовъ, представляя себя любящимъ общество академикомъ, профессоромъ, лауреатомъ—забывая, что еще нѣсколько минутъ и команда: строиться «на ученье», или барабанный бой къ вечерней зорѣ разрушатъ его иллюзіи.

Въ памяти знавшихъ Григоровича въ Инженерномъ училищѣ сохранилась замѣчательная его любовь къ рисованію, особенная любовь къ изящному; была ли эта способность въ немъ врожденная, природный талантъ, или явилась и развилась въ училищѣ, частію большою практикою пріобрѣтаемою, или посѣщеніемъ Эрмитажа, музеевъ и Академіи художествъ,—трудно сказать. Впослѣдствіи, большую часть жизни своей посвящая труды свои литературѣ, Григоровичъ, въ то же время и можно сказать со страстію занимался также изящнымъ искусствомъ, изучая монументальные памятники живописи, скульптуры, ваянія, и пр. Теперь, когда имя его сохранилось въ почтенномъ Обществѣ, поощренія художниковъ, можно припомнить то, что Григоровичъ часто говорилъ, что онъ многимъ обязанъ первому и симпатичному учителю рисованія и черченія, преподавателю этихъ предметовъ въ Инженерномъ училищѣ, инженеръ-капитану Ал. Петр. Реймерсу.

Кромѣ того, что г. Реймерсъ былъ страстный любитель и знатокъ живописи и пластическаго искусства, это была личность особенно интересная. Воспитанникъ того же училища, первыхъ годовъ по его основаніи, человѣкъ хорошо образованный и отличной души, онъ былъ извѣстенъ въ инженерномъ мірѣ по одному прискорбному случаю. Онъ пострадалъ за то, что не исполнилъ лично ему даннаго приказанія начальства. Въ видахъ сбереженія мундировъ, ежедневно носимыхъ кондукторами, построены были сѣрыя куртки съ кожаными локотниками, и приказано было ихъ надѣть, и, когда послѣ нѣсколько разъ повторенныхъ приказаній младшаго и затѣмъ старшаго начальства (графа Оппермана), кондукторы приказаній не исполнили, увѣдомили объ этомъ генералъ-инспектора по инженерной части, великаго князя Николая Павловича, проживавшаго тогда въ Аничковскомъ дворцѣ. Великій князь скоро пріѣхалъ. Кондукторская рота была въ сборѣ, въ павильонѣ (гдѣ она была первоначально помѣщена). Послѣ выраженнаго великимъ княземъ ротѣ неудовольствія, и, когда на его приказаніе надѣть куртки не послѣдовало исполненіе, великій князь обратился къ право-фланговому, это былъ кондукторъ Реймерсъ.

— Сейчасъ надѣть куртку!—сказалъ великій князь.

— Простите, ваше высочество, мы не промѣняемъ нашего мундира на куртку фурштата!—отвѣтилъ Реймерсъ.

— Такъ ты надѣнешь лямку солдата!—сказалъ великій князь и оставилъ училище.

Къ счастію, гнѣвъ великаго князя скоро прошелъ. Реймерсъ кончилъ курсъ наукъ и вышелъ въ офицеры, но только прапорщикомъ, котораго долго не производили въ слѣдующіе чины. На его счастіе, когда онъ былъ въ Инженерномъ училищѣ уже преподавателемъ ситуаціи, рисованія и перспективы и когда перемѣнилось начальство, измѣнился и составъ училища, прошлое было забыто, кондукторы попрежнему носили мундиры, одинъ только виновникъ ихъ сохраненія въ училищѣ оставался въ одномъ чинѣ,—пріѣзжаетъ въ Инженерный замокъ императоръ Николай Павловичъ. Государь, обойдя офицерскіе классы, вошелъ въ верхній кондукторскій классъ, гдѣ читалъ лекцію о перспективѣ и теоріи тѣней прапорщикъ Реймерсъ. Государь полюбовался рисунками кондукторовъ, сѣлъ на первую скамейку подлѣ кондуктора, прослушалъ всю лекцію, всталъ и взволнованнымъ голосомъ сказалъ:

— Реймерсъ, поди ко мнѣ, и когда Реймерсъ подошелъ, государь обнялъ его со слезами на глазахъ и нѣсколько разъ повторилъ: Прошлое забываю; мы по-прежнему остаемся друзьями!

Вечеромъ въ тотъ же день, изъ капитула орденовъ присланъ былъ пакетъ съ орденомъ св. Владиміра 4-й степени на имя инженеръ-подпоручика Реймерса.

Съ каждымъ годомъ, можетъ быть и съ каждымъ мѣсяцемъ развивалась въ Григоровичѣ любовь къ рисованію, къ живописи; онъ все менѣе и менѣе занимался научными предметами. По его словамъ, онъ «годъ отъ году неохотнѣе, хуже учился», его увлекали съ одной стороны, чтеніе, съ другой, любовь къ художеству. Въ праздничные дни, не сообщая никому, Григоровичъ сталъ ходить въ Академію художествъ, началъ брать уроки рисованія и живописи у художника Тамаринскаго, а знакомство съ его товарищами-коллегами, ихъ «независимость,— какъ онъ говоритъ—свобода жизни, при занятіяхъ «любимымъ предметомъ», о чемъ, возвращаясь въ училище, онъ разсказывалъ только друзьямъ своимъ, давали ему сильно чувствовать строгую зависимость въ стѣнахъ Михайловскаго замка. Скрывая свои мечты отъ своей старушки-матери, Григоровичъ ждалъ съ нетерпѣніемъ времени свободы, «хотѣлось скорѣе вырваться на волю»... Мечты его осуществились скоро, только по поводу прискорбнаго случая.

Въ своей автобіографіи Д. В. Григоровичъ подробно описалъ этотъ случай, какъ, гуляя по Большой Морской, заглядѣвшись на эстампы, выставленные въ окнахъ одного магазина съ картинами, онъ не замѣтилъ проѣзжавшаго мимо великаго князя Михаила Павловича и не отдалъ ему воинской чести, и, еще хуже, будучи позваннымъ къ великому князю, Григоровичъ, подъ вліяніемъ овладѣвшаго имъ страха, бросился въ ближайшій магазинъ, оттуда на Мойку, и не заѣзжая домой, пріі-

ѣхалъ въ училище. Вернувшіеся вскорѣ за нимъ его товарищи Подымовъ и Донцовъ, бывшіе свидѣтели горестнаго случая съ Григоровичемъ, старались его успокоить, и самое взысканіе, послѣдовавшее за этотъ проступокъ, ограничилось кратковременнымъ арестомъ, но этотъ случай такъ сильно подѣйствовалъ на нервнаго Григоровича, что онъ заболѣлъ и изъ лазарета увѣдомилъ свою старушку-мать о своемъ несчастіи, и просилъ ее взять его изъ училища. Никто не могъ измѣнить его намѣренія: ни убѣжденія и уговоры начальства (Шарнгорста, барона Розена и Дальвица), ни просьбы его матери и друзей его: Достоевскаго, Бекетова и Витковскаго, не могли убѣдить его остаться въ училищѣ; прошеніе объ увольненіи было подано, и онъ былъ уволенъ изъ училища по болѣзни. Такъ кончилъ службу въ инженерномъ корпусѣ одинъ изъ весьма талантливыхъ и рѣдкихъ душевныхъ качествъ воспитанниковъ Главнаго Инженернаго училища, прославившій впослѣдствіи колыбель своего начальнаго воспитанія своими прекрасными учеными и литературными трудами.

Желательно, чтобы почтенное имя Д. В. Григоровича, нашего народнаго писателя, автора «Антона Горемыки», «Рыбаковъ», «Смедовской долины» и многихъ другихъ, осталось въ памяти Петербурга на стѣнѣ дома (Екатерининскій каналъ, д. № 77), гдѣ долгое время жилъ и умеръ Д. В. Григоровичъ.

Ал. Савельевъ.

Переправа императора Николая I черезъ Нѣманъ въ 1846 году [1]).

Приказъ по 5-й пѣхотной дивизіи 2-го декабря 1846 г. № 187, г. Вильно.

Командиръ 2-го баталіона Вологодскаго пѣхотнаго полка, содержащаго нынѣ караулы въ г. Ковно, маіоръ Домбровскій, рапортомъ отъ 28-го минувшаго ноября за № 452, по эстафетѣ донесъ мнѣ, что 27-го числа того мѣсяца, въ 12 часовъ полудня прибылъ туда изъ С.-Петербурга фельдъегерь съ извѣщеніемъ, что его величество государь императоръ изволитъ проѣзжать черезъ г. Ковно за границу въ царство Польское.

Вслѣдствіе сего маіоръ Домбровскій, съ приготовленнымъ отъ 2-й гренадерской роты почетнымъ карауломъ, ожидалъ высочайшаго прибытія. Въ часъ по полуночи 28-го числа августѣйшій монархъ, въ сопровожденіи графа Орлова, изволилъ прибыть въ Ковно и намѣренъ былъ отправиться въ то же время въ дальнѣйшій путь, но при переправѣ черезъ рѣку Нѣманъ, его величество подвергся очевидной опасности, экипажъ сталъ тонуть. Маіоръ Домбровскій, увидѣвъ это, тотчасъ бросился въ воду съ бывшими при немъ офицерами ввѣреннаго ему баталіона, и, хотя были увлекаемы быстрымъ теченіемъ воды и плывущими кругами льда, не допустивъ однакожъ его величеству выскочить изъ коляски, но употребивши всѣ свои силы, маіоръ Домбровскій на собственныхъ плечахъ вынесъ на берегъ августѣйшаго Монарха.

Гг. офицеры того баталіона, при семъ случаѣ находившіеся, послѣдуя достопохвальному примѣру маіора Домбровскаго, бросившись въ воду, вытаскивали коляску на берегъ, а именно: капитанъ Петри, поручикъ Кардиналовскій 1-й и прапорщикъ Печинскій, усердіемъ которыхъ и

---

[1]) Въ февральской книжкѣ „Русской Старины“ нынѣшняго года въ „Запискахъ барона Корфа“ (стр. 329 и 330), упоминается о той опасности, которой подвергся императоръ Николай при переправѣ черезъ р. Нѣманъ. Помѣщаемъ здѣсь болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ происшествіи. При этомъ считаемъ не лишнимъ замѣтить, что въ г. Ковно, на берегу р. Нѣмана, въ память этого событія, выстроена церковь во имя св. Николая чудотворца, и въ ней находится вызолоченная мѣдная доска, на коей описанъ этотъ случай и подвигъ маіора Іосифа Домбровскаго. Ред.

помощью находившихся тутъ нижнихъ чиновъ ввѣреннаго ему баталіона экипажъ былъ вытащенъ на берегъ.

При семъ случаѣ въ особенности поручикъ Кардиналовскій 1-й подвергался опасности: съ потерею своей жизни три раза весь былъ погруженъ въ воду и тонулъ; но нижними чинами былъ спасенъ и вынесенъ на берегъ и въ то же время онъ съ маіоромъ Домбровскимъ, по приказанію государя императора, въ сопровожденіи лейбъ-медика, были отведены въ ближайшую прибрежную избу, для обогрѣнія ихъ.

По сему случаю его величество, пріостановивъ дальнѣйшій путь свой, изволилъ переночевать въ г. Ковно, и на другой день, замѣтивъ порядокъ по гарнизонной службѣ по карауламъ, изволилъ лично благодарить гг. офицеровъ: капитана Петри, поручиковъ Бурочка и Кардиналовскаго 2-го, подпоручика Гиленскаго и прапорщика Печинскаго.—Маіору же Домбровскому и поручику Кардиналовскому 1-му за оказанное усердіе при переправѣ всемилостивѣйше пожаловано первому—1.000 рублей, а послѣднему—700 рублей ассигнаціями; а нижнимъ чинамъ въ числѣ 67 человѣкъ отъ 2-го баталіона Вологодскаго пѣхотнаго полка, бывшимъ при томъ случаѣ,—100 рублей серебромъ. Затѣмъ его величество, по полученіи извѣстія отъ наслѣдника цесаревича великаго князя Александра Николаевича, изволилъ предпринять обратный путь въ С.-Петербургъ.

Сдѣлавъ донесеніе его превосходительству господину командующему корпусомъ, я съ признательными чувствами душевнаго уваженія къ примѣрно-достопохвальному подвигу, оказанному маіоромъ Домбровскимъ и гг. офицерами 2-го баталіона Вологодскаго пѣхотнаго полка, поставляю въ лестный для меня долгъ сдѣлать извѣстнымъ по ввѣренной мнѣ дивизіи. Присовокупляя, что отличительный поступокъ ихъ пребудетъ въ войскѣ съ чувствами глубокаго уваженія къ каждому изъ гг. офицеровъ, а въ особенности маіору Домбровскому, подавшему примѣръ въ высокой преданности и самоотверженіи примѣрные, къ послѣдованію,—не могу умолчать, чтобы не выразить, что гг. офицеры высоко украсили усердную ихъ службу незабвеннымъ подвигомъ предъ священной особой всемилостивѣйшаго государя нашего, и оный пребудетъ приснопамятнымъ какъ для нихъ самихъ, такъ и предъ начальствомъ.

Подлинный подписалъ начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ Батуринъ.

Сообщ. подполковн. К. І. Домбровскій.

Изъ записокъ Д. А. Кармазина [1].

I.

Дѣтство, уѣздное училище и гимназія.—Посѣщеніе гимназіи министромъ А. С. Норовымъ.—Новый директоръ Н. Н. Мурзакевичъ.—Инспекторъ І. Г. Михневичъ.—Бомбардированіе Одессы англо-французами въ 1854 г.—Попечители одесскаго округа: Демидовъ и Н. И. Пироговъ.

(1839—1857 гг.).

Нѣтъ настоятельной необходимости знать, кто были мои предки. Сынъ мой Евгеній, которому я оставляю эти записки, будетъ имѣть всѣ необходимые документы о происхожденіи рода. Ему не придется выносить тѣ тяготы, которыя достались на мою долю при розысканіи формулярныхъ списковъ, грамотъ и т. д. при ходатайствахъ моихъ о присоединеніи меня къ роду дѣда, уже записаннаго въ дворянскую книгу Херсонской губерніи. Скажу только, что отецъ мой служилъ въ началѣ 30-хъ годовъ форстмейстеромъ въ

---

[1]) Часть настоящихъ записокъ, заключающихъ въ себѣ юность и годы ученія автора, прислана намъ П. А. Тулубомъ. Въ своемъ письмѣ онъ между прочимъ говоритъ: „авторъ записокъ — Даніилъ Адріановичъ Кармазинъ—скончался 13-го мая 1899 г. на шестидесятомъ году жизни. Онъ умеръ въ своемъ имѣніи въ с. Макарихѣ Херсонской губерніи Александрійскаго уѣзда. Въ послѣднемъ уѣздѣ протекала и вся общественная дѣятельность почившаго. Покойный служилъ сначала судебнымъ слѣдователемъ, потомъ—участковымъ мировымъ судьею и предсѣдателемъ мироваго съѣзда; а послѣ упраздненія мироваго института и введенія земскихъ начальниковъ—почетнымъ мировымъ судьею. Свидѣтель введенія судебныхъ уставовъ 1864 года, Д. А. Кармазинъ въ дѣятельности своей, въ качествѣ слѣдователя и судьи, всегда оставался вѣрнымъ завѣтамъ эпохи освободительныхъ реформъ. Помимо судебныхъ обязанностей почившій, какъ землевладѣлецъ, отдавалъ не-

извѣстномъ на югѣ по громадности Черномъ лѣсѣ (въ сѣверо-западной части Александрійскаго уѣзда, гдѣ, совершенно случайно, пришлось жить и дѣйствовать мнѣ), вышелъ въ отставку, какъ говорили, въ 36 году и переѣхалъ на жительство въ материнское имѣніе Ананьевскаго уѣзда, Марьевку. Здѣсь я и родился въ 1839 году. Смутно, но вспоминаю, что отецъ любилъ меня и баловалъ, что мать, несомнѣнно тоже любившая,— была строже съ нами, дѣтьми. У меня были двѣ старшихъ сестры.

Шести лѣтъ отъ роду я потерялъ мать, а послѣ,—говорили, черезъ полгода—отца.

Въ 1846 году я припоминаю себя на противоположной почти окраинѣ Ананьевскаго уѣзда, въ имѣніи дѣда по матери, Онуфрія Андреевича Жеребко. Дѣдъ, тогда уже 80 лѣтъ, жилъ одинокимъ вдовцомъ, но еще былъ подвижнымъ и относительно бодрымъ старикомъ. Переѣхавъ къ дѣду, я уже читалъ. Вскорѣ дѣдъ воспользовался моею, вѣроятно, плохою грамотою и усадилъ меня за чтеніе, какъ говорилъ, слова Божія. Въ 1847 году дѣдъ отвезъ меня въ г. Балту (въ 18 верстахъ) продолжать «науку». Мнѣ было тамъ хорошо въ знакомой, вѣроятно, ему семьѣ. Учили меня двѣ взрослыя дочери. Къ праздникамъ большею частью дѣдъ

мало энергіи, труда и нравственныхъ силъ земскому дѣлу своего уѣзда. Особенно ревностно относился покойный къ вопросу о народномъ образованіи. Крестьяне съ ихъ бѣдностью и темнотою были всегда предметомъ самаго заботливаго его вниманія. И густая сѣть земскихъ школъ, покрывающая Александрійскій уѣздъ, многимъ обязана почину и настойчивости покойнаго. Все пережитое и передуманное за долгую жизнь занесено Кармазинымъ въ его записки. Онѣ обнимаютъ почти полувѣковой періодъ — отъ 1839 года (годъ рожденія автора) по 1886 годъ. Но писались онѣ не вслѣдъ за событіями, а лишь въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ, начиная съ 1892 года, вскорѣ послѣ выхода автора въ отставку. Писалъ свои записки Кармазинъ медленно, съ любовью, писалъ исключительно для своего единственнаго сына Евгенія, мечтая подѣлиться съ нимъ воспоминаніями о прошломъ, думая воспроизведеніемъ своей жизни пробудить и въ сынѣ свои завѣтныя стремленія, свои излюбленные взгляды. Этой мечтѣ не суждено было осуществиться: Евгеній, уже ученикъ 8-го класса Елисаветградской гимназіи, 21-го февраля 1899 года покончилъ жизнь самоубійствомъ. Онъ бросился подъ курьерскій поѣздъ и былъ раздавленъ. Трагическая смерть сына окончательно подкосила больнаго чахоткою отца и ускорила развязку. Умирая, Кармазинъ завѣщалъ 27 тысячъ на устройство въ с. Макарихѣ народной школы имени его сына. Земству же отказана покойнымъ и его благоустроенная усадьба съ прекраснымъ садомъ и землею въ количествѣ восьмидесяти десятинъ—для устройства образцовой сельско-хозяйственной фермы. Остальная часть имѣнія, до 755 десятинъ, по смыслу духовнаго завѣщанія, должна быть продана крестьянамъ с. Макарихи и сосѣдней деревни Диковки, и лишь вырученная отъ продажи сумма достается наслѣдникамъ. Такимъ образомъ потребности земства, нужды крестьянъ и забота о народномъ образованіи до послѣдней минуты были тѣмъ предметомъ, къ которому неотступно влеклись всѣ помыслы усопшаго".

самъ пріѣзжалъ за мною. Припоминаю, что въ суровый зимній день, спустили меня внизъ подъ фартухъ полуоткрытаго возка, прикрывъ съ головой большимъ кожухомъ,—такъ что я дышалъ въ оставленное для этого отверстіе, и въ такомъ видѣ везли меня много верстъ. Вообще у дѣда я чувствовалъ себя привольно: проводилъ время въ саду и на конюшнѣ съ первѣйшимъ другомъ кучеромъ.

Въ 1848 году дѣдъ отвезъ меня въ Одессу и опредѣлилъ въ уѣздное училище. Конечно, меня поразилъ шумный большой городъ, въ особенности я дивился, когда изъ гостиницы на Новомъ Базарѣ пришлось около получаса ѣхать на противоположный конецъ города, къ родственникамъ Жеребко. Дѣдъ помѣстилъ меня на квартирѣ у нѣкоей вдовы Батуринцевой. Она была добрая старуха, но сынъ ея Василій болѣзненный и злой, служившій тогда уже въ какой-то канцеляріи, обижалъ меня и командовалъ. Кормили плохо. Посылали меня на базаръ, въ ближайшую лавку за сахаромъ, углемъ и даже «околотомъ» (связки вымолоченной ржаной соломы); я же носилъ и дрова изъ сарая. Бѣганье на базаръ, вѣроятно, мало отягощало меня; большое мученіе было въ томъ, что я помѣщался въ одной комнатѣ съ несимпатичнымъ Василіемъ. Въ маѣ дѣдъ, посылая въ Одессу по надобностямъ деревни, прислалъ теткѣ моей Настасьѣ Ивановнѣ Жеребко деревенскихъ гостинцевъ. Тетя, желая надѣлить меня, везла ихъ лично. Когда она подъѣзжала къ дому, гдѣ жили Батуринцевы, я какъ разъ слѣдовалъ изъ лавки съ коробкою древеснаго угля, къ тому же, вѣроятно, не совсѣмъ приглядно одѣтый. Почтенная старуха была шокирована и возмущена,—и въ результатѣ—чрезъ нѣсколько дней я водворенъ на квартирѣ у нѣкоей 55-ти-лѣтней вдовы Орлянской.

Полька по происхожденію, потомственная дворянка, бездѣтная и одинокая, она имѣла у себя крѣпостную женщину, купленную еще ея покойнымъ мужемъ, Авдотью. Тетушка, опредѣляя меня къ Орлянской, первѣе всего выяснила, что я сынъ дворянина и помѣщика и что меня слѣдуетъ содержать сообразно этимъ моимъ достоинствамъ. Орлянская занимала три небольшихъ комнаты и кухню. Какими средствами она жила, такъ какъ я былъ ея единственнымъ квартирантомъ и, разумѣется, дешевымъ,—не знаю, но подъ ея заботами, сравнительно, я благоденствовалъ. Она пріучила меня не быть замухрышкой и только въ смыслѣ этихъ, новыхъ для меня требованій, возбуждала не рѣдко мое недовольство; кормила же, что называется, до отвала. Помню и до сей поры вкуснѣйшіе пироги, которые пекла Авдотья. Какой особый типъ тяжелаго прошлаго представляла собою эта, безфамильная для всѣхъ окружающихъ, Авдотья! Вѣрнѣйшій домочадецъ, услужливая и заботливая Авдотья, что касалось кухни, была нерѣдко со своей полновластной госпожей на ножахъ. Но попробуй кто-либо дурно отозваться объ ея госпо-

жѣ или затронуть мою дворянскую честь, Авдотья, спокойно выносившая личныя, не касающіяся кухни, обиды,—набрасывалась на нашего обидчика, готовая выцарапать глаза.

Орлянская, вообще религіозная, много и долго молилась по утрамъ; днями вышивала по канвѣ или вязала чулокъ, а на досугѣ любила читать русскія книги и въ особенности слушать чтеніе; помню, по ея желанію, разумѣется урывками,—я читалъ громко Вѣчнаго Жида (Е. Сю). Мнѣ также сообщилось религіозное настроеніе: я много молился и въ праздники не пропускалъ ни одной службы, бѣгая для этого въ церковь Архангело-Михайловскаго монастыря. Такъ прошелъ еще годъ; я выдержалъ экзаменъ во 2 классъ. За мною дѣдъ обѣщалъ прислать на лѣтнія вакаціи. Прошла недѣля въ напрасномъ ожиданіи. Наконецъ, я узналъ, что изъ имѣнія двоюроднаго дѣда В. А. Жеребко (гдѣ нынѣ ст. Жеребково юго-зап. ж. д.) прибыли подводы съ хлѣбомъ. Прикащикъ передалъ мнѣ, что дѣдъ Онуфрій Андреевичъ тяжело боленъ и, вѣроятно, умретъ. Орлянская и слышать не хотѣла, чтобы меня отпустить съ «мужиками». Тогда я подъ покровительствомъ Авдотьи, видѣвшей мои искреннія слезы и поговорившей по душѣ съ прикащикомъ, уѣхалъ тайно. Авдотья снабдила меня на дорогу, чѣмъ могла. Мы выѣхали утромъ. Орлянская же, не дождавшись меня къ обѣду, начала волноваться, а къ вечеру подняла страшную тревогу; но я былъ уже, сравнительно, далеко. Прикащикъ, хотя и ѣхалъ на повозкѣ, въ которую впряжены были три лошади, но, имѣя подъ своимъ надзоромъ до 30 возовъ, слѣдовалъ за возами шагомъ. Мы останавливались для отдыха и ночлега подъ открытымъ небомъ, въ степи, въ порядкѣ стараго чумачества. Довольный своимъ новымъ положеніемъ у костра и котелка съ закипавшей кашей или галушками, я вспоминалъ мою Авдотью, которой былъ обязанъ своею свободою и возможностью свидѣться съ дѣдомъ. Но какое бы негодованіе возбудилъ я въ ней, если бы признался, что ѣлъ изъ общаго котла съ мужиками, что эти каша и галушки казались мнѣ вкуснѣе ея прославленныхъ, не мною только, пирожковъ.

Прибыли на мѣсто только на третій день къ вечеру. Вспоминаю съ благодарностью, какъ за мною ухаживалъ, укладывая непремѣнно на возу и прикрывая ноги, добрый старикъ-прикащикъ изъ крестьянъ. Я засталъ еще дѣда въ живыхъ, и, умирая, онъ благословилъ меня, поручивъ заботу обо мнѣ родному сыну, а моему дядѣ, Ф. О. Жеребко. Дядя, въ качествѣ опекуна (имѣніе въ 800 десятинъ), взялъ меня къ себѣ въ г. Ананьевъ, а оттуда, не помню уже какъ, я къ началу ученія прибылъ въ Одессу и былъ особенно торжественно встрѣченъ Авдотьей. Затѣмъ я продолжалъ мой курсъ. И въ іюнѣ 1852 года окончилъ выпускной изъ училища экзаменъ съ наградой.

Другой дядя мой, Осипъ Михайловичъ Жеребко, жившій въ Одессѣ,

опредѣлилъ меня въ пансіонъ 1-й одесской гимназіи. Онъ былъ мѣстный домовладѣлецъ, служилъ секретаремъ въ коммерческомъ судѣ и по характеру всѣхъ судебныхъ учрежденій того времени, какъ секретарь и дѣлецъ, былъ настоящимъ воротилой въ коммерческой Одессѣ. Благодаря этому, тогдашній директоръ 1-й гимназіи Петровъ, выражая дядѣ О. М. сожалѣніе въ томъ, что онъ опоздалъ съ моимъ опредѣленіемъ, такъ какъ штатъ воспитанниковъ уже полонъ, и, не желая отказать ему, согласился принять меня сверхштатнымъ, получивъ однако же, какъ говорили, усерднѣйшее приношеніе.

Едва вмѣсто 4-го класса, я принятъ въ третій, такъ какъ въ уѣздномъ училищѣ не изучали новѣйшихъ языковъ. При этомъ также необходимо было вліяніе директора. Въ нашемъ «благородномъ», какъ тогда величали, пансіонѣ, я скоро освоился; оказалось болѣе 20 земляковъ изъ моего роднаго Ананьевскаго уѣзда; изъ нихъ съ братьями Синицыными, Флоринскими, Шварцами, Сергѣемъ Гонскимъ я былъ друженъ до выхода изъ гимназіи. Единственное, что на первыхъ порахъ вызывало пріятныя воспоминанія о моемъ пребываніи у Орлянской, это—плохой пансіонскій столъ.

Кажется, въ концѣ 1852 года, намъ объявили о скоромъ пріѣздѣ для ревизіи министра народнаго просвѣщенія А. С. Норова. Началась усиленная маршировка, подготовленіе къ хоровому привѣтствію министра и видимая забота начальства по обмундировкѣ.

Въ ожиданіи гостя усердно и непрерывно въ теченіе многихъ дней дѣйствовали швабры для поддержанія чистоты половъ; бѣлились и перебѣливались стѣны.

Министра мы, выстроенные въ шеренги, привѣтствовали громкимъ «здра-ві-я же-ла-емъ» и т. д. Первѣе всего было обращено вниманіе на обмундировку; замѣченъ былъ выступившій къ низу бортъ мундира, мѣшковатость, недоброкачественность бѣлыхъ пуговицъ съ красноватой тѣнью. И все это выражалось тутъ же въ присутствіи учениковъ. Вообще наибольшія заботы министра были обращены на выправку и на экономическую сторону, такъ какъ говорили, что о характерѣ дѣйствій Петрова, въ послѣднемъ смыслѣ, министръ былъ предупрежденъ. Директоръ видимо страшно волновался и трусилъ. Передавали, что Норовъ по окончаніи обзора дѣлопроизводства въ общемъ правленіи гимназіи и лицея, направился къ выходу. Директоръ бросился впередъ для подготовленія его высокопревосходительству шинели и галошъ, и вдругъ видитъ только одну галошу министра; испуганный, онъ поднялъ страшную суету; но кто-то, болѣе спокойный, остановилъ метавшихся, объяснивъ, что его высокопревосходительство носитъ только одну галошу на здоровой ногѣ: нижняя часть правой ноги оторвана при Бородинѣ.

Помню, однажды ревизоръ-министръ прибылъ въ 8 час. утра къ на-

чалу классовъ; слушалъ нашу общую молитву, заходилъ нѣсколько разъ въ столовую, былъ на урокѣ маршировки, но не помню, былъ ли въ нашемъ классѣ во время учебныхъ занятій.

Говорили тогда, что Норовъ присутствовалъ въ лицеѣ на лекціи заслуженнаго профессора богословскихъ наукъ, протоіерея Михаила Карповича Павловскаго. О. Михаилъ, извѣстный проповѣдникъ меньше по существу, нежели по формѣ и ораторскимъ пріемамъ рѣчи, вообще не удовлетворялъ слушателей студентовъ. Не ручаюсь за истину, но передамъ то, что говорили тогда студенты. Когда вошелъ къ нимъ въ аудиторію Норовъ, Павловскій, послѣ привѣтствія и наступившей тишины, обратился къ слушателямъ студентамъ съ такими словами:

— Я васъ предупредилъ, что сегодня мы приступимъ, къ изложенію понятій о новой для васъ наукѣ—логикѣ,—и далѣе продолжалъ: «что же такое логика? Логика есть наука объ истинѣ. Но что такое истина? Да, была на свѣтѣ истина и вопросили истину, что такое истина, и—не дала истина отвѣта».

Министръ вышелъ восторженно-довольнымъ.

Прощаясь съ лицеемъ, Норовъ пригласилъ дирекцію, М. К. Павловскаго и профессоровъ къ обѣду. За обѣдомъ, обратившись къ о. Михаилу съ выраженіемъ благодарности за то высокое удовлетвореніе, которое онъ вынесъ, прослушавъ его лекцію,—Норовъ спросилъ профессоровъ,—бываютъ ли они на лекціяхъ у Михаила Карповича. Профессора смутились. Храбрѣйшій изъ нихъ, — юристъ-профессоръ Лохвицкій,—рѣшился отвѣтить. Желали бы, молъ, но неудобно по времени, и не принято, ваше высокопревосходительство.

— А совѣтую, совѣтую вамъ, господа,—прибавилъ министръ,—провозгласивъ общее привѣтствіе.

Результатомъ ревизіи было, между прочимъ, удаленіе Петрова,—его замѣстилъ Н. Н. Мурзакевичъ.

Новый директоръ Николай Никифоровичъ «изъ состава профессоровъ»,—какъ говорили,—серьезный ученый, извѣстный археологъ, всю жизнь прожилъ безсемейнымъ, видимо, не любилъ и былъ далекъ отъ пониманія дѣтскаго міра. Въ свою очередь, мы, гимназисты, его не любили. Огромнаго, какъ намъ казалось тогда, роста, тучный, великій чревоугодникъ, Мурзакевичъ наводилъ на насъ страхъ, въ особенности своими послѣобѣденными появленіями. Случалось иногда, что, при такомъ появленіи, директоръ за пустую сравнительно шалость примѣнялъ практиковавшіяся тогда въ нашемъ «благородномъ» пансіонѣ розги.

Здѣсь умѣстно сказать хотя нѣсколько словъ объ инспекторѣ и вообще о составѣ администраціи пансіона. Іосифъ Григорьевичъ Михневичъ, также профессоръ упраздненной послѣ 1848 г. каѳедры философіи, по отношенію къ намъ, гимназистамъ, былъ совершенною противуположъ-

ностью Мурзакевичу. Добрый и, очевидно, любившій дѣтей, Іосифъ Григорьевичъ лишь по требованіямъ того времени старался казаться суровымъ. Всегда спокойный, справедливый, онъ примѣнялъ наказанія лишь въ случаяхъ серьезныхъ проступковъ, или за уклоненіе или небреженіе къ молитвѣ и церковной службѣ. Предусмотрительный во всемъ, инспекторъ дѣйствовалъ какъ по клавишамъ, дозволяя отступленіе только во время появленія своего въ предѣлахъ пансіона, но появленія эти были неопредѣленны,—мы не знали ни дня, ни часа инспекторскаго пришествія. Совершенно несоотвѣтственно кто-то изъ шустрыхъ далъ Іосифу Григорьевичу имя «злой духъ». Это потому, что, при серьезномъ выговорѣ, онъ непремѣнно повторялъ: «исправься,—въ тебѣ злой духъ!» Михневичъ былъ также и инспекторомъ студентовъ; ему подчинены были два субъ-инспектора. Надзиратели, по большей части, относились къ намъ порядочно, и все это, благодаря строю, установленному инспекторомъ. Въ каждой половинѣ растворчатыхъ дверей класса были вдѣланы небольшія овальныя стекла, такъ что во время классныхъ занятій надзиратели, по примѣру инспектора, подходя къ стекламъ, безшумною походкою, извнѣ наблюдали за нашимъ вниманіемъ и поведеніемъ. При директорѣ Мурзакевичѣ, мы поняли вскорѣ, что Іосифъ Григорьевичъ господствуетъ надъ пансіономъ и гимназіею, и, къ большой нашей радости, замѣчали, что директоръ болѣе и болѣе отдѣлялся отъ пансіона, появляясь лишь въ торжественныхъ случаяхъ на литургіи, молебнахъ, иногда въ столовой въ большіе праздники. Справедливость требуетъ сказать, что безкорыстіе директора, все-таки главнаго представителя по управленію, было причиною улучшеннаго, по возможности, пансіонскаго содержанія.

Ярко помнится мнѣ одинъ изъ торжественныхъ случаевъ появленія Мурзакевича и суетливо-непривычной для него дѣятельности. Это было въ памятное для Одессы утро, 11-го апрѣля 1854 г. На разсвѣтѣ этого дня изумленная торговая Одесса поражена была видомъ появившагося соединеннаго англо-французскаго флота, стоявшаго отъ берега на разстояніи выстрѣла. Въ 6 час. утра (Страстная суббота), уже началась бомбардировка. Помню,—уже въ то время, когда ясно слышалась канонада, когда одно изъ ядеръ упало на нашемъ рекреаціонномъ дворѣ, пробивъ раздѣлявшую дворъ стѣну, когда другое ядро произвело разрушеніе въ противуположномъ корпусѣ гимназіи, домѣ Камфати, на Дерибасовской,—директоръ вмѣстѣ съ Іосифомъ Григорьевичемъ собрали насъ, гимназистовъ, для торжественной молитвы въ нашу домовую церковь. Служилъ профессоръ Павловскій. Кажется, кто-то, командированный отъ генералъ-губернатора или попечителя, побудилъ начальство скорѣе вывести насъ. Порѣшили вести насъ на собственный лицейскій хуторъ, за Ботаническимъ садомъ. Не очень наблюдали, конечно, чтобы

мы шли стройно. Догадливые изъ насъ захватили присланныя къ Пасхѣ снадобья. По пути, въ чудный, теплый, ясный день, издалека мы видѣли носившіяся надъ Одессой облачка; это были вылетавшія изъ орудій бомбы, разрывавшіяся у насъ на виду. Когда мы подходили къ цѣли,—снова посолъ, принесшій распоряженіе, чтобы мы не входили на хуторъ, въ виду близости его къ морю и въ виду опасности, могущей грозить намъ, одѣтымъ въ красные воротники и форменныя фуражки. Намъ указано было слѣдовать назадъ и остановиться на привалѣ, за стѣнами зданія училища, въ Ботаническомъ саду. Сюда привезли намъ только повозку булокъ. Это было уже около 11 ч. дня. Не успѣвъ выпить чаю, мы, разумѣется, накинулись на булки, присоединивъ къ этому сухоядѣнію, кто могъ и успѣлъ, аппетитные куски захваченныхъ домашнихъ припасовъ. Въ два часа новое распоряженіе,—вести насъ въ помѣщеніе женскаго института, расположеннаго въ части города, не обстрѣливаемой непріятелемъ.

Благородныя, какъ и мы, обитательницы института на почтовыхъ и въ наемныхъ каретахъ вывезены, въ 7 час. утра, въ г. Вознесенскъ, гдѣ было соотвѣтственное для нихъ помѣщеніе въ такъ-называемомъ дворцѣ. Въ зданіе института мы прибыли около 4 час. по полудни. Голодные и усталые, мы, однакоже, бросились для осмотра еще неостывшихъ слѣдовъ такъ внезапно спугнутыхъ и увезенныхъ нашихъ благородныхъ согражданокъ. Записки, оказавшіяся кое-гдѣ подъ матрацами, въ укромныхъ мѣстахъ спальныхъ и классныхъ ящиковъ, по своему спеціально внутреннему и наивному содержанію, доставили намъ возможность хотя на время заглушить голодъ. Кое-какой обѣдъ дали намъ въ 6 ч. вечера. Къ ночи слѣдующаго, перваго дня Пасхи, мы были уже на своихъ матрацахъ, конечно, не возбудившихъ, за отсутствіемъ нашимъ, ни въ комъ никакого интереса.

Религіозное настроеніе, переходившее, для моего возраста, въ крайность, не оставляло меня въ гимназіи. Нерѣдко въ пансіонѣ, избирая укромныя мѣста, иногда запираясь на ключъ въ уборной, я молился долго, насколько могъ. Конечно, я всегда охотно отправлялся для слушанія церковныхъ службъ, въ домовой церкви.

Нашъ благородный пансіонъ нерѣдко парадировалъ въ Городскомъ соборѣ при разныхъ торжественныхъ службахъ. Намъ отводили видное мѣсто,—противъ праваго боковаго алтаря, смежнаго съ главнымъ придѣломъ во имя Спаса Преображенія. Кажется, въ осень 55 года, состоялось августѣйшее посѣщеніе Одессы императоромъ Александромъ II, прибывшимъ ко времени выхода изъ Одессы нѣсколькихъ гренадерскихъ или гвардейскихъ полковъ въ Крымъ, для помощи изнывавшему Севастополю. Полки были выстроены на Соборной площади, гдѣ должно

было быть, послѣ освященія воды, совершено напутственное благословеніе. Архіепископъ Иннокентій привѣтствовалъ государя рѣчью.

Преосвященный Иннокентій, со времени прибытія въ Одессу въ концѣ сороковыхъ годовъ, всегда привлекалъ массы ко времени своего архіерейскаго служенія въ соборѣ и въ другихъ мѣстныхъ храмахъ. Люди высшаго общества, преимущественно дамы, задолго до срока узнавали, гдѣ будетъ совершать службу архипастырь.

Въ годы 1855—1856, попечителемъ Одесскаго округа былъ Демидовъ. Мы знали только, что онъ обладалъ громадными средствами,—какъ говорили,—милліонеръ. Не знаю, была ли эта сторона благодѣтельна для лучшаго устройства округа; но, вообще, о дѣятельности Демидова, какъ попечителя, слуховъ къ намъ не доходило. По традиціямъ, насъ и къ нему водили въ большіе праздники. При блестящей обстановкѣ дома, черезчуръ скользкихъ паркетахъ, безмолвныхъ бакенбардистахъ-лакеяхъ въ безукоризненныхъ, конечно, фракахъ,—мы себя, вообще, чувствовали неловко. У прежняго попечителя, Бугайскаго, устраивались забавы, игры, насъ садили за общій столъ, подавали послѣ другихъ, и мы знали, видѣли, какъ быть въ крайнихъ случаяхъ.

Однажды m-me Демидова объ Рождествѣ устроила для гимназистовъ (все-таки по выбору) что-то въ родѣ аллегри. Насъ, четырнадцать, повелъ надзиратель въ часъ дня. У входа мы были впущены и предоставлены собственному благоразумію. Надзиратель ушелъ, объявивъ, что явится въ три часа. Г-жа Демидова вошла къ намъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ дамъ, очевидно, приглашенныхъ для «случая», насъ осматривали какъ звѣрковъ,—съ милыми улыбками, перебрасываясь французской рѣчью. Патронесса поспѣшила, наконецъ, усадить насъ.

Въ большомъ залѣ, усѣвшись въ рядъ, всѣ 14-ть, мы, порядочно смущенные, представляли, вѣроятно, курьезный видъ. Рады были, когда насъ позвали къ столу; усѣлись за 14-ть приборовъ; къ намъ 15-мъ присоединился гувернеръ-французъ. Обѣдъ былъ несомнѣнно изысканный и тонкій; но мы едва-ли оцѣнили это. Выходила въ промежуткахъ хозяйка, обращаясь то къ малышамъ, которые, знай, уписывали; то преимущественно, къ старшему изъ насъ. То былъ нѣкто Перестіани, грекъ, большой, широкоплечій, съ длиннымъ носомъ, угреватый, говорившій на-распѣвъ. Онъ, видимо, былъ убитъ вниманіемъ элегантной патронессы и на повторенный ею вопросъ, почему ѣстъ мало,—отвѣтилъ повышеннымъ, зычнымъ голосомъ: «я же говорю, что не хочу!»

Насъ увели въ $3^1/_2$ часа гулять; ходили мы долго, такъ что и намъ, охочимъ до прогулокъ по городу, порядочно надоѣло. Узнали мы послѣ, что въ это время, раньше обычнаго своего срока, обѣдала семья нашего принципала. Привели насъ снова къ попечителю (котораго тогда и не

удалось намъ лицезрѣть) въ 5½ часовъ. Угостили чаемъ, фруктами, сластями и подарками по жребію.

На вакаціонное время, въ 1856 году, я поѣхалъ съ Флоринскими. Невдалекѣ было имѣніе товарища К., жившаго съ двумя меньшими сестрами при вдовѣ-матери. Матушка его, Надежда Васильевна, представляла собою особенно тяжелый типъ до-реформенной помѣщицы. При небольшомъ, впрочемъ, ростѣ, плотная, энергичная, она, видимо, обладала большою физическою силою. Нерѣдко сама объѣзжала лошадей своего завода, осаживала на скаку въ упоръ четверню рослыхъ большихъ коней. Въ ту пору намъ доставляло большое удовлетвореніе, когда Надежда Васильевна, управляя лошадьми, насвистывала, какъ самый лихой ямщикъ.

Бѣгая по саду и въ ближайшей, почти смежной съ домомъ рощѣ, гдѣ расположена была пасѣка, мы часто проводили время свободно; покуривая въ куренѣ пасѣчника, старика Матвѣя,—или, какъ его почему-то звали,—Мафтея; а потому не всегда были свидѣтелями всего происходившаго.

У Надежды Васильевны въ особомъ флигелѣ помѣщался пансіонъ «неблагородныхъ» крестьянскихъ дѣвушекъ, вѣчно сидѣвшихъ за пяльцами или иглой. Кромѣ своихъ, Надежда Васильевна принимала дѣвушекъ отъ другихъ помѣщиковъ,—понятно, на условіяхъ присылки провизіи и платы за обученіе, съ тѣмъ, что, по прохожденіи опредѣленнаго курса, Надежда Васильевна имѣетъ право два года эксплоатировать работу ученицъ въ свою пользу.

Какъ-то дошелъ къ намъ слухъ, что одной изъ дѣвушекъ за какую-то провинность обрѣзали косу. Узнали мы и то, что пострадавшая—дочь нашего любимца-старика Матвѣя. Почуялъ ли Матвѣй скорое исполненіе вѣщихъ словъ поэта «Рабство, падшее по манію царя» и, что вскорѣ взойдетъ желанная, прекрасная заря «свободы», или, быть можетъ, подъ его грубой оболочкой порвалась чуткая, слишкомъ натянутая струна, какъ знать? Но нашъ Матвѣй со сватомъ (будущій свекоръ дочери), явился къ барынѣ спросить: «за какую-такую провинность понесла дочь постыдную для дѣвушекъ кару?» При чемъ, въ понятномъ волненіи, Матвѣй бросилъ какую-то угрозу помѣщицѣ. Скоро мы услышали грозный крикъ Надежды Васильевны о призывѣ исполнителя экзекуціи. Кого-то изъ обычныхъ не оказалось; позванъ былъ фаворитъ барыни,—кучеръ. Рослый, красивый, молодой, лѣтъ 26-ти, но по-прежнему порядку—«Гришка», на приказаніе разложить старика замялся; оказалось, что Матвѣй—его родной дядя... Надежда Васильевна, стоя на 3-й ступени крыльца, подозвала Гришку къ себѣ и звонкимъ ударомъ по лицу заставила его забыть всякія родственныя чувства.

Произошла еще болѣе дикая расправа....

Вакаціи прошли, и я началъ послѣдній учебный годъ въ гимназіи. Войдя какъ-то къ намъ, инспекторъ объявилъ, что попечитель Демидовъ выбылъ и къ намъ назначенъ новый—Н. И. Пироговъ.

Въ одинъ изъ учебныхъ дней предстоялъ урокъ всеобщей исторіи; преподавалъ одинъ изъ лучшихъ учителей—В. Ф. Щерецкій, обладавшій большою способностью передачи и умѣвшій возбудить дѣйствительный интересъ къ своему предмету. Щерецкій, всегда заботливо одѣтый, въ черную пару, со складнымъ цилиндромъ,—на этотъ разъ, вошелъ въ классъ въ новѣйшемъ вицъ-мундирѣ, особенно эффектнымъ.

Зналъ ли В. Ф., что предполагается посѣщеніе попечителя,—очень можетъ быть, что почтеннѣйшій и предусмотрительный Іосифъ Григорьевичъ надавилъ одну изъ клавишей своего механизма,—но, спросивъ на-скоро 2—3 учениковъ, Щерецкій объявилъ намъ, что хочетъ возстановить въ нашей памяти одну изъ блестящихъ эпохъ Римской исторіи—время Цезаря. Только-что приступилъ В. Ф. къ изложенію, безшумно открылись обѣ половины двери, и вошелъ попечитель, въ сопровожденіи нашего начальства.

Н. И. Пироговъ, въ длиннополомъ тяжеломъ, рыжемъ сюртукѣ, суровый, съ обнаженнымъ черепомъ, на которомъ бросались въ глаза большія выпуклости, произвелъ на насъ впечатлѣніе, вызвавшее чувство робости, пожалуй страха. Послѣ привѣтствія и какого-то вопроса къ учителю,—Щерецкому предложено продолжать занятія. Нисколько не смутившись, В. Ф. продолжалъ и, обладая вообще прекрасной рѣчью, въ этотъ разъ, какъ намъ казалось, говорилъ лучше, чѣмъ когда-либо; и, когда раздался звонокъ, эффектно закончилъ: «вы помните, господа, что Цезарь, пораженный Брутомъ, палъ къ подножію статуи Помпея!»

Не скажу, одобрилъ ли попечитель чтеніе Щерецкаго, но мы, помню, имѣли сіяющій видъ. Можетъ быть, это побудило Николая Ивановича остаться, послѣ звонка, нѣсколько минутъ въ нашемъ классѣ, и, когда попечитель обратился къ нѣкоторымъ изъ насъ съ какимъ-то вопросомъ, когда мы услышали его голосъ, когда улыбка освѣтила его суровый видъ, первое невыгодное впечатлѣніе исчезло.

Наконецъ, завѣтная мечта моя приблизилась. Въ концѣ мая 1857 г., я заказалъ себѣ студентскую фуражку и, втихомолку примѣряя ее безпрестанно, еще до окончанія экзаменовъ, истрепалъ ее порядочно.

II.

Періодъ лицейскій.

(1857—1861).

На вакаціи 1857 года, уже студентомъ, я отправился къ дядѣ въ Ананьевъ. Выѣхалъ я на почтовыхъ съ однимъ изъ товарищей, которому путь лежалъ, черезъ Ананьевъ же, въ Балтскій уѣздъ Подольской губерніи. Я пригласилъ товарища отдохнуть и провести еще день со мною. Дядя встрѣтилъ меня уже совсѣмъ ласково и симпатично; за обѣдомъ поздравилъ меня и товарища шампанскимъ. Сестры, съ сіяющимъ видомъ, глядѣли на меня, какъ на что-то феноменальное. Обѣ сестры играли на рояли,—старшая даже хорошо,—отваживались и пѣть. Намъ, въ жизнерадостномъ нашемъ настроеніи, и музыка и пѣніе казались блистательными, мы заслушивались не только ходкими тогда романсами «ея ужъ нѣтъ», «когда бъ онъ зналъ»,—но приходили въ восторгъ отъ давно забытыхъ «матушка голубушка», «сарафанчикъ» и др.

Товарищъ мой, вмѣсто сутокъ, прогостилъ, кажется, четыре дня. Я не удерживалъ его, зная, что родные ждутъ не дождутся своего студента, да кромѣ того сестры уже успѣли мнѣ сообщить, что дядя женится и свадьба предположена 30-го іюня, т. е. черезъ недѣлю. Спустя нѣсколько дней мы съ дядей, его дочерью и сыномъ выѣхали въ имѣніе Войновку—мѣсто жительства невѣсты, гдѣ я уже бывалъ въ вакаціи 1856 г.

Будущая тетя, Флора Александровна Войнова, почти однихъ со мною лѣтъ, симпатичная, черноокая, виртуозка, вызывала и во мнѣ почтительное поклоненіе, въ особенности выраженіемъ своихъ лукавыхъ, вѣчно смѣющихся глазъ.

30-го іюня я фигурировалъ въ роли шафера, и на меня дядя возложилъ подготовленіе причта и обстановки въ приходской церкви с. Вредіевки.

Свадебное торжество было скромное, исключительно въ кругу своихъ. Дядя оставался въ Войновкѣ еще дней десять. Заботы всѣхъ и прежде всего были направлены на то, чтобы не быть помѣхой новобрачнымъ.

Положеніе окружавшихъ незавидное. Нужно было, въ свою очередь, искать въ чемъ-либо интереса, и это оказалось возможнымъ на мѣстѣ. Осмотрѣвшись, я въ первый разъ увидѣлъ и сознательно оцѣнилъ настоящій хозяйственный механизмъ. Въ числѣ обитателей Войновскаго дома, кромѣ молодой тети, были только матушка ея Анна Яковлевна Войнова, старшій родной ея братъ Трофимъ Яковлевичъ Мезинъ и родственница ихъ Марія Ивановна (фамиліи ея я не зналъ и не знаю).

Это были, не по задачѣ конечно, истые представители теоріи раздѣленія труда. Анна Яковлевна завѣдывала домомъ, садомъ, огородомъ; Марія Ивановна—спеціально молочнымъ хозяйствомъ и наружными кладовыми; Мезинъ—полевымъ хозяйствомъ, имѣя въ своемъ распоряженіи двухъ, такъ называемыхъ, приказчиковъ. Все у нихъ шло по разъ заведенному порядку, насколько возможно безшумно и, какъ говорится, по маслу. Хозяйничая, въ такомъ порядкѣ, на 800-хъ десятинахъ лѣтъ двадцать, тріо это пріобрѣло земельный участокъ въ 1.000 десятинъ, устроивъ на мѣстѣ полную чашу: прекрасный 2-хъ этажный домъ, солидныя хозяйственныя службы, амбары, засыпанные хлѣбомъ; обширный садъ, огородъ; а кладовыя, привлекавшія и раньше мое исключительное вниманіе, говорили о высшей степени довольства. Одна изъ такихъ обширныхъ кладовыхъ (домовая) была въ распоряженіи Анны Яковлевны; входъ въ нее былъ изъ столовой, расположенной въ нижнемъ этажѣ. Круглый годъ кладовая эта была наполнена всякимъ съѣдобнымъ добромъ. Въ соотвѣтственное время—зелень, ягоды, фрукты; во всякое другое время—засахаренные, сушеные и вяленые плоды, прелестнѣйшій квасъ, сладости, вина и т. д. Т. Я. Мезинъ, тогда лѣтъ около 55 старый холостякъ («паничъ»—какъ его величала прислуга), любилъ насъ, дѣтей. Единственной его слабостію была охота и то только зимой, въ свободное для хозяйства время. Лучше всего мы чувствовали себя въ его кабинетѣ, обставленномъ оружіемъ и принадлежностями охоты.

Около 15-го іюля мы возвратились въ Ананьевъ, гдѣ я прожилъ еще мѣсяцъ и успѣлъ увѣрить себя, что я безповоротно влюбленъ въ одну изъ моихъ дальнихъ родственницъ, однихъ со мною лѣтъ. Правду сказать, моя отдаленная кузина, гуляя со мной «при лунѣ», не только не поддерживала моихъ фантазій, но очень мило и умѣло отрезвляла меня. 22-го августа я выѣхалъ въ Одессу, имѣя въ виду, что лицей переводятъ въ новое зданіе и что переходъ долженъ совершиться ко дню акта, 30-го августа.

Прибывъ въ Одессу, я остановился въ гостиницѣ, незная, какъ и гдѣ мы, пансіонеры-студенты, будемъ устроены. Новое помѣщеніе, спеціально построенное (гдѣ нынѣ университетъ), было вполнѣ готово. Гимназисты съ 25-го августа были въ полномъ сборѣ.

Я засталъ уже нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей: грека Перестіани, Макарова, Романова. Это были казенно-коштные, воспитывавшіеся на особыя опредѣленныя суммы, съ обязательствомъ поступленія на факультетъ восточныхъ языковъ. Эти три были уроженцы Маріуполя и Таганрога и, по отдаленности и несостоятельности, не ѣздили на вакаціонное время, проживая лѣто на лицейскомъ хуторѣ. Имъ, пока, дали временное помѣщеніе въ новомъ зданіи, гдѣ, съ разрѣшенія инспектора, пріютился и я. Стали прибывать остальные пансіонеры. По

штату полагалось только 16. Насъ помѣстили затѣмъ въ нижнемъ этажѣ праваго крыла, выходящаго на Херсонскую улицу. Всѣ 16 кроватей, одна противъ другой, установлены были въ одномъ большомъ, достаточно свѣтломъ отдѣленіи. Въ силу недавняго порядка и привычекъ, насъ такое совмѣстное пребываніе нисколько не отягощало; напротивъ того, съ 8 ч. утра, а то и ранѣе, къ намъ являлись уже приходящіе товарищи, внося понятное оживленіе.

Шли приготовленія къ акту необычныя, въ виду того, что предстояло въ тотъ же день освященіе зданія въ присутствіи оффиціальныхъ представителей всѣхъ вѣдомствъ и почетнѣйшихъ гражданъ, гостей, приглашенныхъ и къ завтраку. Мы знали, что столовая гимназистовъ, на этотъ разъ, назначалась для пріема гостей; но 28-го и 29-го августа еще не слышно было, будутъ ли приглашены къ завтраку представители и отъ студентовъ. Опасенія, что приглашенія не послѣдуетъ (какъ это и случилось), вызвали недовольство вообще студентовъ, а въ особенности среди насъ, пансіонеровъ, собравшихся для обѣда въ обычное отдѣленіе, въ общей связи (подъ угломъ) съ столовою, куда приглашены гости.

Нашлись предусмотрительные коллеги, принесшіе въ карманахъ нѣсколько бутылокъ вина; послѣ того, какъ въ свое время были провозглашены тосты за здоровье государя императора, всего царствующаго дома, далѣе въ честь присутствовавшаго преосвященнаго, здоровье генералъ-губернатора, попечителя округа, мы, не допустивъ дальнѣйшихъ тостовъ, уже съ разлитымъ въ стаканахъ собственнымъ виномъ, гаркнули тостъ за процвѣтаніе лицея, будущаго университета, и затѣмъ, послѣдовательно, за благоденствіе высоко-чтимаго Н. И. Пирогова и— за здоровье студентовъ.

Неожиданность, понятное смущеніе высокихъ гостей вызвали страшный, но заслуженный переполохъ нашего ближайшаго начальства. Выходку нашу замолчали. Передавали тогда, будто бы попечитель заявилъ, что онъ винитъ себя въ томъ, что не освѣдомился, приглашены ли представители студентовъ, и на слова директора Беккера, сославшагося на экономическую сторону—на отсутствіе ассигнованія, будто-бы отвѣтилъ: «это наивно». Игнорированіе студентовъ на торжествѣ вызвало неодобреніе и городской публики.

Чрезъ нѣсколько часовъ мы, порядочною компаніею, гуляли по Дерибасовской съ поднятыми головами; намъ казалось, что въ городѣ всѣ уже должны знать объ афронтѣ, который мы учинили нелюбезному начальству. Часовъ около 6-ти вечера нѣсколько человѣкъ пансіонеровъ съ «вольными», какъ называли мы приходящихъ, зашли во вновь открытую, въ новомъ домѣ извѣстнаго булочника Дурьяна, кондитерскую Кальгера. У него кто-то открылъ раньше прекрасную малиновую

наливку. Общество постоянно возрастало; гулъ уже разносился далеко. Студентъ Чербаджогло остроумно копировалъ несимпатичнаго растерявшагося директора Беккера и почтеннѣйшаго Іосифа Григорьевича утонченная политика котораго, на этотъ разъ, спасовала.

Между тѣмъ въ кондитерской только и слышно было или басовое «водки», или болѣе мягкое—«un petit verre de framboise». Щеголяли еще неутраченными дискантами; юнцы выкрикивали возможно громче. Долго ли мы оставались, что происходило, кто кого велъ, и гдѣ мы устраивались—объ этомъ были самые разнорѣчивые толки на слѣдующій день, когда мы собрались къ Кальгеру же для похмѣлья!..

Состоя полнымъ пансіонеромъ, т. е. на всемъ готовомъ до платья и сапогъ, я, какъ и другіе мои сожители, свободные отъ постояннаго надзора и заботъ о нуждахъ дня, зажилъ припѣваючи. На лекціи заглядывали больше изъ любопытства и новизны. Но вскорѣ разнесся слухъ о возвращеніи командированнаго на два года за границу адъюнкта-профессора А. В. Лохвицкаго, и за тѣмъ появилось объявленіе о томъ, что вступительная его лекція, по энциклопедіи законовѣдѣнія, назначена на 20-е сентября.

Къ слушанію вступительной лекціи собралось масса студентовъ всѣхъ факультетовъ. Одна изъ самыхъ обширныхъ аудиторій не могла вмѣстить всѣхъ жаждущихъ. Вблизи профессорскаго стола, у колоннъ, по обѣ стороны были поставлены кресла для директора, инспектора и профессоровъ. Явилось и изъ нихъ большинство. Александръ Васильевичъ, что называется человѣкъ бывалый, а скорѣе всего, по свойствамъ своей натуры, не обнаружилъ видимаго смущенія. Небольшаго роста, плотный, здоровый, съ большимъ открытымъ лбомъ, онъ появился въ какомъ-то жизнерадостномъ настроеніи. Начавъ скромнымъ выраженіемъ благодарности за то вниманіе, которымъ онъ, еще быть можетъ незаслуженно, удостоенъ слушателями и почтеннѣйшими сотоварищами, А. В. ясно и толково ознакомилъ слушателей студентовъ съ существомъ предмета и будущихъ чтеній. Блестящая отчасти зажигательная лекція, продолжавшаяся два часа, была выслушана молодежью съ восторженнымъ вниманіемъ. Громъ аплодисментовъ, еще тогда дозволенныхъ, и искренній, очевидный восторгъ молодежи проводили лектора.

На послѣдующихъ лекціяхъ А. В. аудиторія была переполнена. Ведя, въ промежуткахъ, частныя бесѣды съ нами, Лохвицкій предложилъ посѣщать его по субботамъ. У него бывало въ эти дни человѣкъ по десяти. Но немного насчитали мы такихъ субботъ! Вскорѣ оказалось, что, по предложенію министерства, уже оповѣщеннаго, въ извѣстномъ смыслѣ, о томъ впечатлѣніи, какое произвелъ профессоръ на слушателей-студентовъ,—на лекціяхъ Лохвицкаго всегда долженъ былъ присутствовать директоръ.

Помнится мнѣ одна лекція: А. В. читалъ намъ о роли стряпчаго (царево око) въ правительственныхъ учрежденіяхъ. Указавъ, что стряпчій, подчиненный лишь губернскому прокурору de jure, независимый отъ мѣстной администраціи, былъ какъ бы постояннымъ контролеромъ ея дѣйствій, имѣлъ надзоръ за всѣми присутственными мѣстами, опредѣленія которыхъ только тогда приводились въ исполненіе, когда на нихъ была надпись стряпчаго «читалъ». Пояснивъ, далѣе, значеніе и силу этого надзора въ теоріи и, коснувшись вопроса о томъ, всегда ли такіе результаты достигаются практикою жизни,—А. В., обративъ вниманіе на столъ у колонны, за которымъ помѣщался директоръ, замѣтилъ, что Беккеръ дремлетъ, помовая опущенной головой. Находчивый профессоръ, заканчивая чтеніе, вдругъ обратился къ намъ съ вопросомъ: «такъ для чего же, мм. гг., стряпчій?» И, съ сильнымъ ударомъ рукою по столу, отвѣтилъ: «да чтобъ судья не спалъ!» Уже запрещенное, единодушное браво пробудило смущеннаго директора, выбѣжавшаго изъ аудиторіи и забывшаго свою обязанность выразить намъ внушеніе за нарушеніе порядка...

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ А. В. долженъ былъ уйти изъ Одессы; его перевели въ Петербургъ, подъ ближайшій надзоръ министерства. Этому способствовало, какъ говорили тогда, сообщеніе губернскаго предводителя на имя генералъ-губернатора о распущенности и нежелательныхъ движеніяхъ среди лицейской молодежи.

При введеніи судебной реформы въ 1865 г., Лохвицкій перешелъ въ образовавшійся составъ присяжныхъ повѣренныхъ. Мы жили безъ особыхъ недоразумѣній, что называется беззаботно, а въ большинствѣ и весело. Особенно бдительнымъ надзоромъ со стороны начальства мы не были отягощаемы. Требовалось, однако, чтобы всѣ мы находились въ 11 часовъ ночи на своихъ постеляхъ. Это требованіе немало печалило и озабочивало насъ. Пришедшіе ранѣе, зная, что тотъ или другой изъ товарищей не скоро, а можетъ быть и совсѣмъ не явится, въ ожиданіи возможнаго прихода инспектора, являвшагося не рѣдко около 12 часовъ ночи для обзора, все ли обстоитъ благополучно,—устроивали, изъ чего представлялось возможнымъ, на постели отсутствующую фигуру, прикрывая ее съ головою одѣяломъ. При слабомъ освѣщеніи единственной лампы, много разъ такіе пріемы приводили къ благополучному исходу, въ особенности при сочувствіи Мартына, на вопросъ инспектора: «всѣ ли на лицо?» всегда бойко отвѣчавшаго: «точно такъ, ваше высокородіе».

Но или кто-либо намекнулъ І. Гр—чу, или онъ началъ недовѣрять тому, что всѣ мы «паиньки»,— однажды инспекторъ остановился у постели одного изъ товарищей, почти ежедневно замѣнявшагося фигурою,

прикоснулся у мѣста, гдѣ должны быть ноги, и при возникшемъ сомнѣніи, прошелся по всей фигурѣ, убѣдившись въ подлогѣ.

Не спавшій рядомъ, но притаившійся товарищъ все это видѣлъ, видѣлъ, какъ І. Гр., ходившій вообще безшумно, на цыпочкахъ вышелъ; не слышно было обычнаго вопроса къ дежурному тогда Мартыну, поджидавшему инспектора, по обыкновенію, у выходной двери. На слѣдующій день І. Гр. имѣлъ солидный разговоръ съ пансіонерами старшихъ курсовъ, взывая къ порядку и благонравію. Послуживший нѣкоторое время пріемъ являлся послѣ этого уже негоднымъ.

Вскорѣ найденъ былъ другой способъ и оказался болѣе находчивымъ. Всякій разъ, когда 2—3 изъ пансіонеровъ предполагали отсутствовать, вмѣсто нихъ являлись на свободныя койки замѣстители изъ приходящихъ студентовъ, укладывались спать, и если случалось, что І. Гр. заходилъ въ дортуаръ, то, прикоснувшись, при сомнѣніи, къ спавшему, находилъ настоящія ноги, и сомнѣніе разсѣевалось. Такой пріемъ служилъ намъ извѣстное время; но, вѣроятно, инспекторъ какими-то судьбами освѣдомился, что одинъ изъ самыхъ юркихъ изъ нашей безпардонной компаніи постоянно не ночуетъ. Желая провѣрить, І. Гр. уже недовольствовался тѣмъ, что нашелъ настоящія ноги, подошелъ къ спавшему, укрытому съ головой, и, отвернувъ одѣяло, вмѣсто искомаго юнца—свѣтлаго блондина еще безъ всякой растительности—нашелъ брюнета и бородатаго. Опять внушеніе и затѣмъ болѣе усиленный надзоръ.

Мы стали замѣчать, что, когда компанія собиралась по вечерамъ у Кальгера или въ ресторанѣ Алексѣева, рѣдко кто изъ подошедшихъ не заявлялъ, что натолкнулся на прогуливающагося педеля. Это—оставшійся несомнѣнно въ памяти всѣхъ студентовъ довольно длиннаго періода лицейской жизни—Карлъ Ивановичъ Мальскій.

Небольшаго роста, вѣчно улыбающійся, но доносчикъ по характеру службы, К. И. какъ-то умудрялся жить на 144 рубля въ годъ. Во многихъ случаяхъ студенты, предвидя возможность доноса, преподносили ему или небольшую денежную мзду, или незатѣйливый подарокъ. Мальскій принималъ, вздыхая и обыкновенно произнося при этомъ: «вы не повѣрите, какъ трудно служить по министерству просвѣщенія!» Справедливость требуетъ сказать, что послѣ приношенія К. И. оставался передъ начальствомъ нѣмъ.

Кондитеръ Кальгеръ оказался любимцемъ студентовъ; разносторонній, услужливый, открывшій довольно широкій кредитъ, онъ каждаго изъ студентовъ зналъ и называлъ по фамиліи (имя и отчество не были въ модѣ); выписывалъ газеты, завелъ шахматы, домино (играли на пирожки), а главное—перемѣнилъ тѣсное помѣщеніе у Дурьяна на болѣе обширное въ д. Калафати на Дерибасовской улицѣ, съ просторной особой комнатой окнами во дворъ и отдѣльнымъ туда выходомъ. Въ этомъ

*

отдѣленіи мы были изолированы отъ сторонней публики, посѣщавшей кондитерскую, и зачастую сиживали тамъ безъ сюртуковъ.

III.

Послѣ ухода А. В. Лохвицкаго Лицей понесъ новую потерю уже вслѣдствіе причинъ естественныхъ.

Умеръ заслуженный профессоръ Зеленецкій, читавшій съ 30-хъ годовъ русскую словесность. Не только свѣдущій по предмету, но съ громаднымъ запасомъ разносторонннихъ знаній, оставившій видныя работы по своей спеціальности, Зеленецкій, къ сожалѣнію, не обладалъ желанною способностію передачи. Производя достаточно тяжелое впечатлѣніе изложеніемъ предмета (дикціею), онъ сообщалъ всегда такую массу интересныхъ данныхъ, что всегда имѣлъ слушателей, чѣмъ не могли похвалиться нѣкоторые изъ болѣе даровитыхъ товарищей Зеленецкаго. Имѣя прекрасную, многотомную библіотеку, профессоръ охотно предлагалъ этотъ богатый запасъ желавшимъ изъ студентовъ.

По обычаю того времени, студенты, смѣняясь, дежурили у гроба покойнаго въ квартирѣ его на Дерибасовской улицѣ въ домѣ Синицына; а затѣмъ проводили останки въ соборъ и къ могилѣ. На кладбищѣ профессоръ протоіерей Павловскій сказалъ надгробное слово. Очертивъ личность покойнаго и его заслуги по профессіи, Михаилъ Карповичъ, между прочимъ, сказалъ: «Твоя эрудиція, твое трудолюбіе и вмѣстѣ съ тѣмъ, при высокихъ душевныхъ качествахъ, твоя скромность служили для насъ образцомъ».

Свое слово ораторъ заключилъ слѣдующимъ образомъ: «Другъ и товарищъ! Что, если бъ ты всталъ? Какія откровенія принесъ бы ты намъ изъ того, лучшаго міра, откровенія, какихъ не нашелъ ты здѣсь, въ твоихъ книгахъ, а ихъ такъ много было у тебя?!»

Профессоръ Павловскій, обладавшій, какъ я упоминалъ уже, ораторскою рѣчью и пріемами, не привлекалъ къ себѣ слушателей. Постоянно-торжественный тонъ его лекцій ослаблялъ у аудиторіи вниманіе къ существу предмета. Кромѣ того, М. К. вызывалъ нерасположеніе студентовъ требованіемъ особой почтительности и вообще своими традиціонными притязаніями, явно опиравшимися на дружбу вліятельнаго І. Гр. Михневича.

Подъ истиннымъ или напускнымъ, какъ считали многіе, увлеченіемъ, Павловскій иногда, послѣ звонка, продолжалъ еще чтеніе, при чемъ не любилъ, если кто-либо изъ студентовъ среди лекціи выходили изъ аудиторіи.

І. Гр. Михневичъ, всегда дѣйствуя по духу времени въ періодъ

управленія Одесскимъ округомъ Н. И. Пироговымъ, былъ, или, по крайней мѣрѣ, казался либераломъ.

Кто изъ насъ, еще оставшихся въ живыхъ лицеистовъ, не вспомнитъ съ глубокимъ уваженіемъ, къ сожалѣнію, кратковременный, но блестящій періодъ 1857—1858 гг.

Пироговъ несомнѣнно одно изъ самыхъ свѣтлыхъ лицъ среди русскихъ общественныхъ дѣятелей XIX вѣка. Н. И. былъ не только великимъ мыслителемъ, замѣчательнымъ хирургомъ, но и выдающимся администраторомъ и педагогомъ. «Мы не воспитаны!»—взывалъ нѣкогда Пироговъ въ своихъ извѣстныхъ «Вопросахъ Жизни». Масса свѣтлыхъ взглядовъ и мыслей о просвѣщеніи и воспитаніи юношества, даже при невозможности проведенія ихъ въ жизнь, доставили бы автору «Вопросовъ» славу педагога. Но Н. И., по счастливой случайности, взгляды тѣ и мысли примѣнялъ на дѣлѣ, управляя Одесскимъ округомъ, осчастливленнымъ его представительствомъ, — примѣнялъ безбоязненно, со свойственными ему стойкостію и энергіею, пока хватило силъ. Въ качествѣ истиннаго «попечителя» юношества, Пироговъ, у котораго слова никогда не расходились съ дѣломъ, проводилъ на практикѣ свои гуманныя педагогическія начала и просвѣтительные взгляды, наставляя и учащихъ и учащихся. Извѣстно, что при немъ «Одесскій Вѣстникъ» изъ безцвѣтнаго провинціальнаго листка превратился въ серьезный, литературный органъ, переданный по ходатайству попечителя подъ редакцію профессоровъ Лицея А. И. Георгіевскаго и Н. М. Богдановскаго.

Новыхъ редакторовъ Н. И. Пироговъ привѣтствовалъ статьею:

«Вы, вѣрно, не угодите Лицею, если будете помѣщать дребедень въ фельетонѣ или сдѣлаете его газету лавочной выставкой. Вспомните, что «Од. Вѣст.» можетъ попасть въ руки и великоросса, и малороссіянина, и молдована, и грека, и еврея. Вспомните, что Одесса живетъ пшеницей что степь — плохой проводникъ убѣжденій и просвѣщенія. Вспомните, что великое слово «впередъ», столь одушевлявшее солдатъ Суворова и Блюхера, не на всѣхъ дѣйствуетъ также магически: есть еще много на свѣтѣ господъ и степныхъ, и столичныхъ, которые не знаютъ, что можно и должно идти впередъ, но... и т. д.». А затѣмъ далѣе въ той же статьѣ: «Я сравниваю васъ, гг. редакторы, съ артистомъ, выступающимъ на сцену предъ разнохарактерной публикой. Его публика такъ же, какъ и ваша, занимаетъ и партеръ, и ложи, и раекъ. Если артистъ человѣкъ съ талантомъ и призваніемъ, станетъ ли онъ своею игрою заискивать благоволенія у сидящихъ во всѣхъ ярусахъ и рядахъ — вверху и внизу? Истинный талантъ и истинное искусство привлекаетъ не спускаясь»...

Далѣе Н. И. въ качествѣ публициста поучалъ разноплеменную, разношерстую, но кичливую Одессу такими словами:

«Съ тѣхъ поръ какъ я выступилъ на поприщѣ гражданственности путемъ науки, мнѣ всего противнѣе были сословныя предубѣжденія, и я невольно перенесъ этотъ взглядъ и на различія національныя. Какъ въ наукѣ, такъ и въ жизни, какъ между своими товарищами, такъ между всѣми подчиненными и начальниками, я никогда не думалъ дѣлать отличія въ духѣ сословной и національной исключительности. Эти убѣжденія, какъ слѣдствіе моего образованія, выработавшіяся цѣлою жизнію, сдѣлались для меня уже второю натурою и не покинутъ меня до конца жизни»...

Въ строѣ студенческой коллегіальной жизни, попечитель предоставилъ студентамъ имѣть «свою» библіотеку, кассу для недостаточныхъ товарищей и право сходокъ въ опредѣленное, свободное отъ занятій, время и въ строгихъ предѣлахъ внутреннихъ интересовъ коллегіи. Н. И. нерѣдко появлялся среди насъ, постоянно повторяя, что предоставленіе извѣстныхъ правъ налагаетъ и соотвѣтственныя обязанности; что, независимо отъ всего того, что можетъ произойти въ будущемъ, помимо нашей воли,—мы должны каждую минуту думать и помнить, что укрѣпленіе и развитіе предоставленныхъ намъ начинаній въ области нашей лицейской жизни зависитъ и отъ насъ самыхъ и что самымъ горькимъ упрекомъ для насъ будетъ то, если предоставленныя права будутъ отняты по нашей собственной винѣ.

Всегда ли молодежь была повинна въ отнятіи у нея дорогихъ для жизни коллегіи правъ—скажетъ, въ свое время, безстрастная исторія...

А между тѣмъ—откуда взялась масса книгъ для основанія библіотеки, книги притекали безостановочно; студентская касса, общая для всѣхъ безъ различія курсовъ и какихъ бы то ни было группъ, не оскудѣвала, пополнялась взносами имущихъ товарищей, преимущественно бессарабцевъ (Леонарды, Кессо, Руссо, Доничи, Писаржевскій и другіе). Достаточные сборы давали музыкальныя утра (по воскресеньямъ), въ которыхъ, кромѣ студентовъ, принимали участіе лучшія музыкальныя силы города. Но главный фондъ кассы составляли сборы со спектаклей, устраиваемыхъ студентами. Благодаря ходатайству попечителя, при видимомъ сочувствіи бывшаго тогда генер.-губернатора графа Александра Григорьевича Строгонова, спектакли разрѣшены были и ставились въ городскомъ театрѣ, что̀ обусловливало лучшіе сборы. Графъ Строгоновъ никогда не присылалъ за билетъ менѣе ста рублей. Плата въ 50 рублей (Полетика, Волоховъ, Массъ, графъ Толстой и др.) была не рѣдкость. Спектакли устраивались студентами исключительно, при режиссерномъ только руководствѣ такихъ артистовъ, какъ Никитинъ, Васильевъ I, Ѳедотова, Фабіянская. Помню, какъ шумно и многолюдно прошла тогда

еще новая пьеса «Свадьба Кречинскаго», въ которой роль Расплюева даровито исполнилъ студентъ Константинъ Чербаджогло. Женскія роли также исполнялись студентами, въ «Ревизорѣ», напр., роль жены Городничаго игралъ Науменко, а дочери—Бѣлецкій; такъ оба они и остались подъ именами «Анны Андреевны» и «Маріи Антоновны». Каждый спектакль давалъ чистаго сбора не менѣе полуторы тысячи, обогащая кассу раза два-три въ зиму.

Изъ кассы, по приговорамъ схода, не только выдавалась недостаточнымъ товарищамъ плата за слушаніе лекцій, но выдавались и ссуды временно-нуждающимся и безвозвратная помощь членамъ, утратившимъ или не нашедшимъ заработка. Не помню не только случаевъ злоупотребленій, но даже рѣзкихъ ошибокъ. Да и могло ли быть иначе? Кто же могъ лучше товарищей знать и нуждающихся, и степень ихъ нужды? Въ то время не случалось читать: такіе-то студенты уволены за невзносъ платы, а такимъ-то назначенъ окончательной срокъ тогда-то;—не случалось наталкиваться на такія полныя отчаянія объявленія объ «урокѣ» и заработкѣ, какія не шутки же ради печатаетъ теперь нуждающаяся университетская молодежь.

Тогда же зародились среди насъ надежды на преобразованіе лицея въ университетъ. Честь возбужденія объ этомъ ходатайства и умѣлое представленіе вѣскихъ данныхъ—опять таки дѣло Н. И. Пирогова. Все, что я по силамъ моей памяти сказалъ о дѣятельности Н. И.—выписки, которыя я позволилъ себѣ сдѣлать,—все это знаю, извѣстно и не ново; но иногда полезно заносить въ хронику, для вящшей памяти, образцы дѣятельности и пламенной любви къ родинѣ такихъ людей, какъ покойный Пироговъ.

Старымъ людямъ въ воспоминанье,
Молодымъ въ назиданье.

Точно не помню когда, но около этого времени въ газетѣ «le Nord» появилась статья о предположенномъ освобожденіи крестьянъ. Понятно, какое впечатлѣніе эта великая, еще неосязаемая, какъ фактъ, надежда должна была произвести среди насъ, студентовъ. Газету вырывали, перехватывали изъ рукъ въ руки, истрепали; но вскорѣ появились доставленные кѣмъ-то новые экземпляры той же газеты. Великая вѣсть поглотила всякіе другіе интересы.

Вечеромъ собрались къ Кальгеру; конечно и—джонка. Трудно передать оживленныя рѣчи, выраженіе надеждъ и пожеланій, связанныхъ и ожидаемыхъ отъ великаго акта освобожденія.

Въ особомъ изолированномъ отдѣленіи кондитерской гулъ стоялъ невообразимый, но безъ всякаго покушенія на нарушеніе общественной тишины. Впрочемъ, предусмотрительный Кальгеръ около 11 ч.

ночи уговорилъ насъ разойтись и былъ, быть можетъ, невольною причиною всего послѣдовавшаго.

Явились горячія головы, и вмѣсто того, чтобы разойтись по домамъ, мы большой и нельзя сказать чтобы вполнѣ добропорядочной компаніей вошли въ извѣстный тогда ресторанъ Алексѣева, помѣщавшійся въ домѣ на Садовой, гдѣ нынѣ Благородное Собраніе. Мы застали въ саду ресторана за столиками публику, не охваченную волновавшею насъ благою вѣстью, но видимо спокойную и занятую лишь собой и обыденными интересами. Къ намъ сейчасъ же присоединились студенты, попавшіе ранѣе нашего прихода къ Алексѣеву, такъ что группа наша выросла до 50 и болѣе. Спустя полчаса, публика, вѣроятно замѣтивъ возбужденное, а быть можетъ и слишкомъ развязное настроеніе студентовъ,—испарилась. Остались кое-гдѣ у нѣсколькихъ столовъ, видимо, коммерсанты-иностранцы, исключительно мужчины, за обычной бутылкою краснаго вина.

Нестѣсняемые уже присутствіемъ дамъ, мы овладѣли музыкою и, помню, танцовали въ садикѣ, по песчаной площадкѣ нѣсколько кадрилей; роль дамъ исполняли наши же «Анна Андреевна» и «Марія Антоновна» и другіе женоподобные товарищи. Стало слышно, что уже требуется ужинъ—не въ саду, а въ одной изъ залъ ресторана, лѣтомъ обыкновенно пустующей и выходящей окнами съ одной стороны въ садъ, а съ другой—въ большую галлерею, также пустовавшую.

Мы размѣстились за длиннымъ столомъ, ничего не подозрѣвая; а между тѣмъ мы были уже подъ наблюденіемъ аргусовъ, какъ оказалось, злыхъ и, въ лучшемъ смыслѣ, невѣжественныхъ. Насъ не трогали, и мы, воодушевленные искреннимъ, быть можетъ лучшимъ настроеніемъ въ жизни каждаго изъ насъ, думали, что «благоденствуемъ».

Начались тосты... Проходитъ съ той поры четвертый десятокъ лѣтъ, но и теперь, какъ и прежде, говорю чистосердечно: мы были повинны лишь въ томъ, что перекрикивали другъ друга, виноваты во внѣшнемъ, такъ сказать, непорядкѣ; но никто изъ насъ громогласно не произнесъ ни одного тоста антиправительственнаго или антирелигіознаго. Пили, правда, здравицы «за освобожденный народъ русскій», за пріобщеніе его къ просвѣщенію; за будущій университетъ, свѣтильникъ нашего благословеннаго Юга... Слышны были спорадическіе крики: «Долой тьму и невѣжество; да возсіяетъ яркій свѣтъ истины и правды и да расточатся врази ихъ!»... И многое, но въ такомъ только смыслѣ.

Мы благополучно, разумѣется лишь не въ строгихъ требованіяхъ дисциплины, разошлись. А на слѣдующій день оказалось, что мы всѣ записаны соглядатаями, что уже доложено «о происшествіи» попечителю и генералъ-губернатору; что насъ винятъ чуть ли не въ государственномъ преступленіи; говорили даже о возможности высылки всѣхъ насъ изъ Одессы.

Попечитель, по обыкновенію, потребовалъ къ себѣ выборныхъ (шесть лицъ по два отъ курса); отъ нашего курса, какъ и ранѣе, ходилъ я. Къ ужасу нашему, мы услышали отъ Н. И. Пирогова, читавшаго по докладной запискѣ, что нами произносились тосты: «долой преосвященнаго», религію почитаній, «да здравствуетъ религія разума» и т. д.

Выслушавъ нашу «исповѣдь» — преимущественно тѣхъ, кто были участниками ужина, попечитель предложилъ намъ позаботиться о сохраненіи порядка съ обычнымъ посѣщеніемъ лекцій и не собираться на сходки, объявивъ, что онъ лично будетъ въ Лицеѣ черезъ сутки и къ тому времени распорядится о созывѣ нужныхъ лицъ. Эти послѣднія слова—«нужныхъ» лицъ, при другихъ условіяхъ, могли бы звучать непріятнымъ будущимъ, но мы вѣрили въ Пирогова и, на самомъ дѣлѣ, согласно данному обѣщанію, внесли покой и увѣренность въ среду товарищей.

На третій день попечитель прибылъ въ Лицей; были собраны всѣ «участники преступленія»; явилась масса и не участвовавшихъ, которымъ никто не препятствовалъ присутствовать.

— Прежде всего—сказалъ Пироговъ—я старался добыть истину о томъ, что происходило при вашемъ сборищѣ въ ресторанѣ Алексѣева. Какъ молодежь, вы увлеклись симпатичною мыслію о будущемъ русскаго общества. Но вы забыли то, что должны были помнить, что въ прессу попадаютъ такіе слухи, которые, въ существѣ, не рѣшены еще главенствующею волею государя императора. Разъ бы таковая воля была выражена въ установленномъ порядкѣ, я первый раздѣлилъ бы съ вами прекрасныя движенія вашего сердца. Нынѣ же я не одобряю ваши дѣйствія, какъ преждевременныя, совершенныя массою, въ публичномъ мѣстѣ, такъ какъ отсутствіе публики, о чемъ вы говорили, было лишь случайностію и, какъ я думаю, происшедшею по вашей же винѣ. Надѣюсь, что впредь вы будете дѣйствовать осмотрительнѣе съ полнымъ благоразуміемъ, обратившись еще съ большимъ вниманіемъ къ вашимъ занятіямъ, какъ главному залогу той пользы, которую вы, въ качествѣ будущихъ гражданъ, можете, въ свое время, принести родинѣ и русскому народу.

Мы поняли справедливость укоризны и старались загладить впечатлѣніе понятнаго мнѣ и теперь, но сказавшагося не въ должной формѣ нашего молодаго порыва.

Между тѣмъ слухи по полицейской редакціи проникли въ городъ; стоустая молва преувеличила ихъ. Передавали тогда за достовѣрное, что представитель дворянства губернскій предводитель доносилъ министру внутреннихъ дѣлъ о распущенности учащейся молодежи и о томъ, что онъ не ручается за дальнѣйшее спокойствіе и порядокъ.

Къ счастію, такое зловѣщее карканіе не оправдалось...

Лицей и мы, студенты, благоденствовали, благодаря высокогуманнымъ

отношеніямъ и дѣйствіямъ Н. И. Пирогова по управленію округомъ. Въ свое время я говорилъ, совершенно искренно, о характерѣ гимназической жизни моего времени. Въ короткій промежутокъ 2—3-хъ лѣтъ, заходя въ пансіонъ гимназіи, гдѣ у меня оставались отсталые товарищи и младшіе по классамъ земляки, я не узнавалъ гимназіи. Иныя отношенія старшихъ къ младшимъ, иные разговоры, возможное знакомство съ литературою, съ текущими интересами жизни. Старшіе гимназисты принимали участіе въ устраиваемыхъ тогда литературно-научныхъ бесѣдахъ, при участіи самого попечителя. Помню, 6-й классъ гимназіи, съ разрѣшенія и полнаго вѣдома начальства, издавалъ даже свой журналъ.

Какое значеніе и благотворное вліяніе имѣли на учениковъ устраиваемыя по иниціативѣ попечителя литературныя и научныя бесѣды, указалъ самъ Н. И. Пироговъ въ одномъ изъ писемъ къ І. В. Бертензону, напечатанномъ, въ послѣднее время, въ «Русской Школѣ». Въ письмѣ томъ покойный Н. И. Пироговъ говорилъ:

«Ученики, безъ различія національностей, съ необыкновеннымъ рвеніемъ бросались за работу (письменную, не словесную) и подготовлялись къ устному веденію бесѣды о томъ или другомъ предметѣ и, конечно, выбирали иногда предметъ для бесѣдъ не по силамъ, но всегда по склонности, и эти склонности какъ учениковъ, такъ и учителей обнаруживались наглядно; свобода воззрѣній, конечно, недопускаемая на оффиціальныхъ урокахъ, поощряла учениковъ къ серьезному занятію предметомъ, избраннымъ для бесѣдъ, и обнаруживала неузнанныя на обыкновенныхъ урокахъ способности и знанія».

Между тѣмъ въ городѣ уже циркулировали настойчивые слухи о переводѣ Н. И. Пирогова изъ Одессы. Вскорѣ слухи превратились въ несомнѣнный фактъ, глубоко опечалившій въ особенности насъ, студентовъ. Объявлено было, что Н. И. въ извѣстный день прибудетъ проститься съ Лицеемъ. Явилась мысль объ изготовленіи благодарственной, отъ лица студентовъ, напутственной рѣчи. Рѣчь была составлена студентомъ 3-го курса Владиміромъ Антоновичемъ Аристовымъ (нынѣ старшій предсѣдатель Варшавской судебной палаты).

Помню, Аристовъ прекрасно произнесъ прощальную рѣчь. Выразивъ Н. И. глубокую благодарность и признательность за постоянно проводимыя имъ начала прямыхъ и открытыхъ отношеній къ студентамъ, за умѣлыя заботы о лучшемъ устройствѣ нашего быта и отношеній къ намъ (непосредственнаго) начальства и представителей науки, профессоровъ, Аристовъ закончилъ словами: «благодаримъ васъ, Николай Ивановичъ, за ту разумную свободу, которую вы даровали намъ. Она заставила насъ быть болѣе строгими къ своимъ поступкамъ, къ своей жизни».

— Оставляя Одесскій округъ,—отвѣчалъ Н. И. Пироговъ,—я сохраню о васъ самыя благопріятныя воспоминанія, потому что нашелъ въ васъ добрыхъ и благонамѣренныхъ студентовъ.

Въ день выѣзда студенты большой массой, кто какъ могъ, на верховыхъ лошадяхъ, въ экипажахъ, на извозчикахъ проводили Н. И. до первой почтовой станціи, простившись съ незабвеннымъ «попечителемъ» съ глубокою и неподдѣльною скорбью и съ неутѣшительною, но вѣрною мыслью, выраженною кѣмъ-то изъ товарищей, что Николая Ивановича, какъ попечителя, можно «смѣнить, не замѣнивъ».

Къ намъ назначенъ былъ Н. Р. Ребиндеръ, которому профессоры и студенты были представлены въ актовомъ залѣ. Привѣтливо обратившись къ профессорамъ, новый попечитель, между прочимъ, заявилъ намъ, студентамъ, что «всѣми силами постарается не уклониться отъ избраннаго его предшественникомъ пути, что недоразумѣнія, какія могутъ возникать, онъ надѣется, будутъ чистосердечно выясняемы чрезъ представителей отъ студентовъ».

Несмотря на такое обѣщаніе, отношенія къ намъ ближайшаго начальства и нѣкоторыхъ профессоровъ стали измѣняться къ худшему.

Въ строѣ лицейской жизни наступали другіе порядки.

І. Гр. Михневичъ выбылъ въ Кіевъ, куда назначенъ помощникомъ попечителя. Не помню, по какимъ причинамъ Н. Р. Ребиндеръ не долго оставался у насъ попечителемъ; на его мѣсто былъ назначенъ Могилянскій.

Каждый день въ Лицеѣ появлялось новое объявленіе, начинавшееся словомъ «воспрещается». Объявленія сначала прибивались на открытой доскѣ. Одно изъ нихъ, вѣроятно самое строгое, было кѣмъ-то изъ студентовъ сорвано. Объявленія стали тогда помѣщаться подъ проволочной сѣткой. Мы то-и-дѣло читали: «Воспрещается въ свободные часы (если чтеніе почему-либо не состоялось) оставаться въ стѣнахъ Лицея, собираться толпой; воспрещается входить въ читальную болѣе десяти лицъ, разговаривать; воспрещается куреніе папиросъ въ корридорахъ; разбрасываніе окурковъ» и т. д.

Наступилъ и прошелъ май 1861 года. Окончились благополучно выпускные экзамены. Мы, такъ сказать, въ преддверіи настоящей жизни. Естественная мысль — отпраздновать достиженіе цѣли, проститься съ нашимъ нетяжелымъ прошлымъ.

Насъ, болѣе близкихъ ко всему прошлому, собралось около сорока; къ намъ пристегнулись нѣсколько лицъ, постороннихъ лицею и студентской средѣ, но имѣвшихъ среди насъ каждый одного или двухъ знакомыхъ. Въ ресторанѣ Алексѣева заказанъ былъ незатѣйливый студентскій ужинъ. Оттуда по программѣ, около 3-хъ часовъ ночи, мы направились на Приморскій бульваръ встрѣтить восхожденіе солнца.

Бульваръ всегда былъ любимымъ мѣстомъ для отдыха и прогулокъ. Товарищи, переводившіеся ранѣе въ другіе университеты, разъ снова попадали въ Одессу, прежде всего отдавали дань бульвару, заявляя каждый, что никакіе виды Москвы, Кіева, а тѣмъ болѣе Харькова,

Казани не сравнятся, при южной ночи, съ видами на море съ одесскаго Приморскаго бульвара.

Въ это послѣднее для многихъ изъ насъ посѣщеніе бульвара, въ особенности при той обстановкѣ, мы пользуясь просторомъ, никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняемые, школьничали весело, искренно, что называется, во всю.

Такое хорошее настроеніе было неожиданно прервано несерьезнымъ, но непріятнымъ эпизодомъ. Я упомянулъ, что къ нашему сплоченному кружку пристегнулись нѣсколько добровольцевъ. Въ числѣ ихъ былъ князь К. Всѣ мы болѣе или менѣе подпили. Но К., выпивши, какъ говорятъ, на грошъ, шумѣлъ, и съ нимъ постоянно возились, то подводя его какъ не могущаго идти, то удерживая его отъ намѣренія бить окна, стучать въ чужія двери.

Наконецъ я слышу крикъ К. «пустите, пустите меня! Я уже ничего лучшаго не жду отъ жизни!» При чемъ К. какъ бы намѣревался броситься съ уступовъ внизъ бульвара. Нѣкоторые изъ добродушныхъ товарищей употребляли крайнія усилія не допустить К. сорваться съ высоты около ста футовъ (три уступа).

Совсѣмъ неожиданно и необдуманно я въ свою очередь крикнулъ: «оставьте его, господа! Что вы съ нимъ возитесь? Князекъ не бросится въ пропасть—ручаюсь вамъ головой». Я не предполагалъ, что товарищи отступятъ отъ К., но это случилось. Князь остался въ незавидномъ положеніи и, не додумавшись обратить все въ шутку и забывъ, что за минуту передъ тѣмъ онъ хотѣлъ казаться безсознательно пьянымъ, — самымъ серьезнымъ тономъ объявилъ мнѣ, что пришлетъ секундантовъ, а затѣмъ уѣхалъ съ бульвара не простившись.

Этотъ непріятный перерывъ не помѣшалъ нашей программѣ. Съ бульвара мы непосредственно и, конечно, по образу пѣшаго хожденія направились на хуторъ Ланжерона, гдѣ рѣшено было отдохнуть у моря, подъ покровомъ майскаго неба. Тамъ заказали мы для себя къ 2 часамъ обѣдъ, прекрасно провели день, а къ вечеру — назадъ, въ городъ, въ излюбленный нашъ пріютъ кондитерскую Кальгера.

Предупрежденіе и предварительный заказъ были излишними: у Кальгера уже все было готово для послѣдней товарищеской джонки. Сюда привезли и К., въ сущности незлобиваго сердечнаго человѣка, и мы, за общимъ брудершафтомъ, выпивъ по формѣ черезъ руку, забыли съ нимъ наше недавнее недоразумѣніе и сдѣланный имъ сгоряча вызовъ.

Проведя почти безъ сна двое сутокъ, мы простились, обнимая другъ друга съ сочувствіемъ и искренностію, пожалуй не повторявшимися впослѣдствіи, при иныхъ отношеніяхъ, къ инымъ товарищамъ.

Чрезъ день-два многіе изъ насъ были уже далеко отъ всегда мною любимой, на самомъ дѣлѣ великолѣпной Южной Пальмиры...

Гортензія Богарнэ.

I.

В о Франціи, въ бывшей области О р л е а н э [1]), существовала древняя дворянская фамилія Богарнэ, одинъ изъ представителей которой, маркизъ Богарнэ, будучи губернаторомъ подвѣтренныхъ [2]) острововъ въ Америкѣ, подружился въ 1757 году съ семействомъ Ташеръ-де-ла-Пажери, принадлежавшимъ также къ орлеанскому дворянству. Со временемъ сынъ маркиза, виконтъ Богарнэ, блестящій капитанъ 19-ти лѣтъ, вступилъ, въ 1779 году въ Парижѣ, въ бракъ съ Жозефиною Ташеръ-де-ла-Пажери [3]), имѣвшей всего 16 лѣтъ. Бракъ этотъ былъ не изъ счастливыхъ. Богарнэ—прекрасный танцоръ, очаровательный собесѣдникъ, красивый и вѣтреный офицеръ, постоянно ухаживалъ съ успѣхомъ за другими дамами, позабывая о своей женѣ, горько сѣтовавшей на такое поведеніе мужа. У нихъ въ 1781 году родился сынъ Евгеній (будущій извѣстный генералъ Наполеона I), а затѣмъ 10-го апрѣля 1782 года родилась дочь Евгенія-Гортензія. Отецъ ея въ это время былъ въ Америкѣ, куда онъ, подобно многимъ другимъ французамъ, отправился для участія въ войнѣ американцевъ за независимость, подъ начальствомъ извѣстнаго Рошамбо, Лафайетта и другихъ. По заключеніи мира Богарнэ посѣтилъ родныхъ на островѣ Мартиникѣ и скоро увлекся одною особою и подпалъ вполнѣ ея вліянію. Его супруга, оставаясь въ Парижѣ, также не отличалась безупречною вѣрностью,

---

[1]) Орлеанэ—прежняя провинція Франціи, лежавшая въ центрѣ королевства, изъ которой, при раздѣленіи Франціи на департаменты, составилось ихъ нѣсколько.

[2]) Подвѣтренными островами называется группа мелкихъ Антильскихъ острововъ въ Мексиканскомъ заливѣ, не вдалекѣ отъ острова Мартиники.

[3]) Эта Жозефина со временемъ была первою супругою Наполеона I.

вслѣдствіе чего, Богарнэ, по дошедшимъ до него о томъ извѣстіямъ, вернулся въ Парижъ съ цѣлью добиться развода. Говорятъ, что и Жозефина въ свою очередь подала просьбу о разводѣ и впредь до рѣшенія дѣла удалилась, по принятому въ то время обычаю, въ монастырь Пантемонъ, вмѣстѣ съ своею малолѣтнею дочерью. Сынъ же былъ помѣщенъ уже въ 1787 году въ пансіонъ.

Дѣло о разводѣ совершилось миролюбиво; супруги разъѣхались: сынъ остался у отца, а дочь—у матери, при чемъ отецъ обязался выдавать ежегодно на содержаніе дочери до семи лѣтъ по тысячѣ франковъ, а потомъ по полторы тысячи, выплачивая деньги по третямъ впередъ.

Вскорѣ послѣ этого въ іюнѣ 1788 года, Жозефина съ дочерью отправилась въ Мартинику къ роднымъ. Роскошная тропическая природа, при чудномъ небѣ, изумительной растительности и совершенно иной обстановкѣ, нежели во Франціи, произвели большое впечатлѣніе на малолѣтнюю Гортензію, получившую страсть къ зелени, цвѣтамъ и сельской жизни.

Пробывъ не болѣе двухъ лѣтъ въ Мартиникѣ, Жозефина, оставивъ роднымъ новорожденнаго ея ребенка, вернулась въ 1790 году съ Гортензіею въ Парижъ, гдѣ ее встрѣтилъ мужъ ея Богарнэ; они стали снова жить вмѣстѣ, словно постановленія о ихъ разводѣ не существовало.

Между тѣмъ, французская революція быстро развивалась, и въ 1793 году генералъ Богарнэ былъ назначенъ на мѣсто Кюстина начальникомъ рейнской арміи. Ему однако не удалось во-время выручить Майнцъ, который, по недостатку продовольствія, сдался непріятелямъ, и Богарнэ, опасаясь быть уволеннымъ, самъ просилъ освободить его отъ командованія. Онъ пріѣхалъ въ Парижъ и, взявъ жену и обоихъ дѣтей, уѣхалъ въ деревню Фертэ, но не надолго. Онъ былъ арестованъ и въ концѣ 1794 г. заключенъ вмѣстѣ съ супругою въ тюрьму, а дѣти ихъ были взяты на попеченіе теткою Фанни Богарнэ и все время террора провели въ Парижѣ.

Наступившій 9-й термидоръ [1]) освободилъ изъ тюрьмы Жозефину Богарнэ; мужъ же ея былъ казненъ ранѣе, имѣя всего 34 года. Она попала въ кругъ лицъ, которыя собирались у молодаго и очаровательнаго Барраса, одного изъ членовъ директоріи, и скоро сдѣлалась его любовницею; она воспользовалась этимъ положеніемъ для спасенія отъ казни и темницы многихъ изъ своихъ друзей и пріятелей. Заботясь о воспитаніи дѣтей своихъ, она помѣстила Гортензію въ извѣстный тогда пансіонъ г. Кампанъ.

Революція уничтожила, какъ извѣстно, монастыри и духовныя конгрегаціи, имѣвшія въ то время въ своихъ рукахъ монополію воспитанія

---

[1]) 28-го іюля 1794 года Робеспьеръ былъ низвергнутъ, и учреждена директорія.

лицъ женскаго пола; всѣ подобныя заведенія были закрыты. Нѣкто Жене (Genet), служившій въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, имѣлъ дочь, которой далъ хорошее по понятіямъ того времени образованіе. Извѣстный Гольдони училъ ее итальянскому языку; Дюкло, Мармонтель, Тома— знакомили съ французскою и классическою литературою. Благодаря этому она 15-ти лѣтъ сдѣлалась чтицею дочерей Людовика XV и вышла въ 1774 году замужъ за гардеробмейстера графини д'Артуа, нѣкоего Бертолэ Кампанъ (Campan) и скоро сдѣлалась первою каммеръ-юнгферше Маріи-Антуанетты, которой не разъ аккомпанировала на арфѣ и фортепіано, когда она пѣла модные романсы Гретри. Казнь Маріи-Антуанетты разстроила спокойную жизнь г-жи Кампанъ. Лишенная всякихъ средствъ и имѣя на своемъ попеченіи престарѣлую мать, больнаго мужа и еще малолѣтняго сына, г-жа Кампанъ, ради насущнаго хлѣба, открыла учебное заведеніе для дѣвицъ, которое должно было замѣнить собою одно изъ существовавшихъ прежде при монастыряхъ. Труды ея увѣнчались успѣхомъ. Близкое знакомство съ обществомъ, правильность воззрѣній и твердость убѣжденій г-жи Кампанъ доставили извѣстность ея заведенію, которое скоро получило названіе «Сентъ-Жерменскій національный институтъ» и занимало великолѣпное помѣщеніе на улицѣ Единства, съ громаднымъ садомъ. Г-жа Кампанъ имѣла какъ бы призваніе къ преподаванію; она обучала сама большинству предметовъ, очень придерживаясь правилу обучать забавляя и совмѣщая пріятное съ полезнымъ. Хотя курсъ обученія и раздѣлялся на четыре класса, но преподаваемые предметы проходились въ небольшомъ объемѣ. За то всѣ ученицы умѣли прекрасно танцовать и дѣлать поклоны, благодаря стараніямъ моднаго учителя Кулонъ; отлично играли на арфѣ и фортепіано; много занимались пѣніемъ и живописью. Г-жа Кампанъ для этого не жалѣла средствъ и нанимала лучшихъ преподавателей. Но все вниманіе и главныя усилія г-жи Кампанъ были направлены къ развитію искусства нравиться (l'art de plaire) и умѣнья вести разговоры. Она ежедневно занималась съ воспитанницами старшаго класса спеціально разговоромъ на какую-либо, избранную ею самою тему и указывала, какъ его вести прилично, ясно, не скучно. Равнымъ образомъ, она подробно и обстоятельно внушала ежедневно правила свѣтскаго обращенія, приличія, вѣжливости, обходительности, присоединяя къ этому обыкновенно разсказы или анекдоты, относящіеся къ различнымъ случаямъ свѣтской жизни. Словомъ сказать, воспитаніе было хотя и тщательное, но свѣтское, при томъ исключительное, для лицъ достаточныхъ, при чемъ даже обращалось немного вниманія и на религіозно-нравственную сторону, такъ какъ различныя условія того времени, именно легкость нравовъ, вообще, господствовавшія воззрѣнія Вольтера и его послѣдователей и, наконецъ, отсутствіе священниковъ и

закрытіе церквей, дѣлали крайне затруднительнымъ внушеніе дѣтямъ религіозныхъ началъ. Правительство того времени воспретило г-жѣ Кампанъ устроить церковь и имѣть священника для обученія Закону Божію, сказавъ, что «нація признаетъ только безсмертіе души и Высшее Существо». Гораздо позднѣе просьба ея была удовлетворена, и преподавателемъ Закона Божьяго явился аббатъ Бертранъ, со временемъ наставникъ сына Гортензіи, Людовика-Наполеона. Нельзя не упомянуть, что г-жа Кампанъ, зорко слѣдившая за поведеніемъ и обращеніемъ своихъ ученицъ, избѣгала наказаній и старалась всегда дѣйствовать убѣжденіемъ и внушеніемъ; она даже избѣгала бранить ученицъ или дѣлать имъ выговоры въ присутствіи другихъ, находя болѣе цѣлесообразнымъ дѣлать это наединѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ у нея была установлена цѣлая система разныхъ наградъ и поощреній, начиная отъ раздачи различныхъ книгъ до поѣздокъ съ нею за городъ и посѣщенія бѣдныхъ и несчастныхъ (что считалось одною изъ высшихъ наградъ).

Г-жа Кампанъ установила особенную награду за благонравіе (prix de bon caractère), разумѣя подъ этимъ хорошее поведеніе, учтивость въ обращеніи, скромность, повиновеніе, чистоту и опрятность, хорошее материнское отношеніе воспитанницъ старшаго класса къ младшимъ и т. д. Подобная награда состояла изъ искусственно сдѣланной розы, которую удостоенная надѣвала по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ (отсюда названіе ихъ rosière) и допускалась къ завтраку съ начальницею за однимъ столомъ. Высшею наградою при окончаніи курса была та же роза, поднесенная въ фарфоровой вазѣ съ соотвѣтствующею надписью.

Въ свободное отъ занятій время ученицы занимались обыкновенными дѣтскими играми, свойственными ихъ возрасту и полу. Г-жа Кампанъ, кромѣ того, старалась ихъ развлекать своими разсказами, нарочно ею составленными и впослѣдствіи изданными, а также заставляя играть небольшія комедіи. Ежегодно бывалъ большой балъ, на который, кромѣ родителей, приглашались и воспитанники учебнаго заведенія Collège Irlandais, основаннаго ирландцемъ Дермонтъ, хорошо знавшимъ г-жу Кампанъ.

Въ это-то училище Жозефина и отдала въ 1795 году свою двѣнадцатилѣтнюю дочь Гортензію, а вскорѣ послѣ того и свою племянницу Эмилію Богарнэ [1]), кузину Гортензіи, очень красивую особу. Онѣ обѣ помѣстились въ одной комнатѣ вмѣстѣ съ двумя племянницами самой г-жи

---

[1]) Въ эту Эмилію Богарнэ влюбился Луи Бонапартъ (будущій супругъ Гортензіи); но Наполеонъ не пожелалъ этого брака, отправилъ своего брата въ Тулонъ, а Эмилію выдалъ за своего адъютанта Лавалетта, котораго она впослѣдствіи при реставраціи спасла отъ смертной казни.

Кампанъ и скоро съ ними коротко подружились. Гортензія занималась очень прилежно и отличалась особеннымъ талантомъ къ живописи, которой и обучалась у извѣстнаго тогда Изабэ. Многія изъ дѣвицъ, находившихся вмѣстѣ съ Гортензіею въ то время въ пансіонѣ, пріобрѣли впослѣдствіи не малую извѣстность, какъ-то Зоя Талонъ (будущая извѣстная графиня Кайла, любовница Людовика XVIII); дѣвица Фодоасъ (Faudoas), современемъ герцогиня Ровиго, приближенная очень къ Наполеону I; Каролина Бонапартъ, сестра Наполеона I, будущая супруга Мюрата, извѣстная своими похожденіями съ Жюно, Меттернихомъ, Лавогюонъ (La Vauguyon) и т. д., дѣвица Леклеркъ, вышедшая за маршала Даву; дѣвица Гюло (Hulot), со временемъ супруга генерала Моро; Луиза Кошелэ, оставившая любопытныя воспоминанія о Гортензіи и т. д. Со всѣми ими Гортензія болѣе или менѣе близко подружилась.

Пока Гортензія находилась въ пансіонѣ, Жозефина, тяготясь своимъ положеніемъ, пыталась неоднократно снова устроиться, т. е. выйдти замужъ. Вступить въ бракъ съ Баррасомъ [1]) не представлялось возможнымъ, ибо онъ былъ женатъ; намѣреніе ея сдѣлаться супругою генерала Гошъ (Hoche) [2]) не осуществилось; наконецъ, ей удалось побѣдить непобѣдимаго, совершенно еще молодаго Наполеона I и вступить съ нимъ въ бракъ 19-го ventose, послѣ чего на другой день онъ отправился въ свою знаменитую итальянскую кампанію и вернулся въ Парижъ въ январѣ 1798 года, послѣ Раштадтскаго конгресса. Г-жа Кампанъ по этому поводу давала праздникъ, на которомъ ученицы играли трагедію «Эсѳирь» (подражая въ этомъ г-жѣ Ментенонъ, заставившей нѣкогда воспитанницъ Сенъ-Сира играть ту же трагедію предъ Людовикомъ XIV). Наполеонъ былъ очень польщенъ этимъ. Роль Эсѳири играла Гортензія, почему-то не имѣвшая никакого расположенія къ своему вотчиму. Она была недовольна этимъ бракомъ ея матери и очень тосковала, хотя среди своихъ подругъ могла смѣло имъ гордиться. Бонапартъ недолго пробылъ въ Парижѣ и отправился въ Египетскій походъ.

---

[1]) Баррасъ, потомокъ очень древней фамиліи, родился въ 1755 году, служилъ во флотѣ у Суффрена въ Индіи и потомъ сдѣлался ревностнымъ дѣятелемъ революціи; былъ членомъ Конвента, а потомъ и директоріи. Будучи противникомъ Бонапарта, онъ послѣ переворота 19-го ноября 1799 г. (18 брюмэра) уѣхалъ въ Бельгію, гдѣ за нимъ долгое время наблюдали. Впослѣдствіи онъ вернулся во Францію и умеръ въ 1829 году. Человѣкъ безъ всякихъ принциповъ, онъ велъ самую развратную жизнь и заслужилъ презрѣніе во всѣхъ отношеніяхъ.

[2]) Гошъ родился 1768 г. близъ Версаля; одинъ изъ выдающихся генераловъ революціи и человѣкъ самыхъ строгихъ и честныхъ правилъ. Онъ пріобрѣлъ извѣстность усмиреніемъ вандейцевъ, а затѣмъ своими дѣйствіями противъ арміи роялистовъ на Рейнѣ; во время этихъ дѣйствій онъ внезапно умеръ по необъясненной причинѣ въ лагерѣ подъ Вецларомъ въ 1799 году.

Проводивъ супруга до Тулона, Жозефина поѣхала на воды въ Пломбьеръ [1]). Однажды, вечеромъ, она стояла вмѣстѣ съ другими дамами на балконѣ, какъ вдругъ балконъ обрушился. Жозефина упала, получила значительные ушибы и лишилась на время употребленія рукъ. Она вызвала къ себѣ дочь Гортензію, которая за нею ухаживала и пробыла въ Пломбьерѣ болѣе трехъ мѣсяцевъ. Это пребываніе внѣ училища ей понравилось, и она стала часто уѣзжать отъ г-жи Кампанъ, тѣмъ болѣе, что мать ея оправившись вывозила ее охотно съ собою на всѣ общественные балы. Впрочемъ, молва о поведеніи Жозефины скорѣе препятствовала успѣху Гортензіи въ обществѣ; съ нею избѣгали знакомиться вслѣдствіе поведенія ея матери, которая, пользуясь пребываніемъ мужа въ Египтѣ, возобновила сношенія съ прежнимъ поклонникомъ своимъ Ипполитомъ Шарль и помѣстила его въ Мальмэзонъ [2]), въ которомъ сама жила. Затѣмъ она все болѣе и болѣе сближалась съ членомъ директоріи Гойэ (Gohier) и его супругою, въ надеждѣ, что дружба ея съ женою послѣдняго отвратитъ всякое подозрѣніе Бонапарта и не допуститъ его придавать значенія всѣмъ разсказамъ о ея похожденіяхъ, сообщаемыхъ ему въ Египетъ какъ преданными лицами, такъ и членами его семейства, особенно его матерью и женами его братьевъ. Жозефина, для отстраненія всякаго подозрѣнія, задумала выдать Гортензію замужъ за сына Гойэ (Gohier); но его родители не пожелали имѣть подобнаго родства, не предвидя, конечно, что Гойэ будетъ со временемъ консуломъ въ странѣ, въ которой Гортензія будетъ королевою. Испытавъ эту неудачу, Жозефина вознамѣрилась женить на Гортензіи Рюбелль (Rewbell) [3]), сына одного изъ членовъ директоріи, очень молодаго человѣка, большаго прія-

---

[1]) Пломбьеръ—очень маленькое мѣстечко въ Вогезскихъ горахъ—очень замѣчательно своими цѣлебными водами, которыя посѣщалъ часто императоръ Наполеонъ III.

[2]) Мальмэзонъ (Malmaison)—небольшое имѣніе, купленное супругою Наполеона, Жозефиною, близъ Парижа въ 1798 году у семейства Кутэ (Coulteux). Она прекрасно устроила домъ, садъ, паркъ и любила въ немъ жить. Здѣсь она подготовляла переворотъ въ пользу Наполеона во время пребыванія его въ Египтѣ. Наполеонъ сперва также любилъ жить въ Мальмэзонѣ, но, послѣ провозглашенія своего императоромъ въ 1804 году, сталъ жить въ Сенъ-Клу, и Мальмэзонъ былъ заброшенъ. Послѣ развода своего Жозефина снова удалилась въ Мальмэзонъ и въ немъ доживала свой вѣкъ. Тутъ посѣтилъ ее императоръ Александръ I. По смерти Жозефины это имѣніе досталось ея сыну, принцу Евгенію, было продано шведскому банкиру, отъ котораго купила Мальмэзонъ испанская королева и снова возстановила его.

[3]) Рюбелль, род. въ 1747 г. и умеръ въ 1807 г. въ Кольмарѣ, былъ ревностный приверженецъ революціи, говорилъ противъ парламента, эмигрантовъ, священниковъ и королевской власти и настаивалъ на казни Людовика XVI. Впослѣдствіи былъ членомъ директоріи. Онъ отличался неподкупною честностью и вслѣдствіе этого имѣлъ не мало враговъ.

теля кутилы Іеронима Бонапарта. Онъ очень не нравился самой Гортензіи, которая и слышать не хотѣла о подобномъ бракѣ; къ тому же старикъ Рюбелль заявлялъ, что онъ и его сынъ слишкомъ хорошіе эльзасцы, чтобы вступать въ родство съ Жозефиною и корсиканцемъ.

Жозефина непремѣнно хотѣла воспользоваться дочерью какъ средствомъ закрѣпить свое положеніе и въ особенности среди членовъ семейства Бонапарта, относившагося къ ней враждебно. Если это ей теперь еще и не удалось, то она при посредствѣ дочери и сына добилась примиренія съ Бонапартомъ, который, возвратясь изъ Египта, не хотѣлъ даже и видѣть своей супруги. Дѣти умолили раздраженнаго генерала простить ихъ мать; супруги помирились, и Жозефина не замедлила оказать услугу Бонапарту при совершенномъ имъ въ скоромъ времени переворотѣ. Въ ночь на 18-е брюмера воспитанницы г-жи Кампанъ были пробуждены необычайнымъ шумомъ и волненіемъ народа и скоро узнали, что директорія ниспровергнута Бонапартомъ, установлено консульство, и Франція отдана на произволъ одного, хотя и геніальнаго человѣка. Вскорѣ Наполеонъ съ Жозефиною перебрались въ Люксембургскій дворецъ, куда перемѣщены были Гортензія Богарнэ и Каролина Бонапартъ. Но честолюбіе Наполеона не довольствовалось этимъ жилищемъ. Онъ со всѣми своими перебрался 19-го февраля 1800 года въ Тюльери. Тутъ Гортензія имѣла тоже свою комнату, въ которой художникъ Изабэ продолжалъ давать ей уроки живописи. Г-жа Кампанъ не позабывала свою воспитанницу, достигшую такого величія; она продолжала съ нею переписываться, давала ей всякаго рода полезные совѣты, приводила на память поступки и дѣянія предшествовавшихъ обывательницъ Тюльери и т. д. Она совѣтовала ей быть скромною, внимательною, не ослѣпляться своимъ положеніемъ, а помнить о сопряженныхъ съ нимъ обязанностяхъ, не вмѣшиваться въ дѣла политики, не увлекаться вихремъ свѣтскихъ удовольствій и т. д. Всѣ эти совѣты, изложенные теперь въ «Перепискѣ г-жи Кампанъ» (т. I), перемѣшивались не рѣдко восхваленіями Наполеона I, доходившими по назначенію, а также совѣтами, обращенными къ Гортензіи продолжать занятія и чтеніе. Г-жа Кампанъ, по просьбѣ Гортензіи, указывала ей книги, которыя было желательно, чтобы она прочла. Она составляла для Гортензіи росписаніе занятій по днямъ отъ $9^1/_2$ час. утра до 12 час., настаивала, чтобы она занималась живописью. пѣніемъ, игрою на фортепіано и т. п. Гортензія благодарила ее, спрашивала дальнѣйшихъ совѣтовъ и указаній, но на дѣлѣ едва-ли могла ими пользоваться. Тому препятствовала во многомъ шумная и веселая жизнь, которую вела Гортензія. Въ Парижѣ въ то время были постоянныя празднества по случаю побѣдъ, одерживаемыхъ Наполеономъ; во дворцѣ— происходили ежедневные пріемы и балы, на которыхъ Гортензія являлась неизбѣжнымъ украшеніемъ и въ силу своей очаровательной наружности

*

и также роскошнаго и изящнаго туалета. Празднества почти не прерывались. Наполеонъ, отмѣнивъ установленные революціею праздничные дни, ввелъ опять прежніе маскарады, балы въ «Оперѣ», самъ давалъ часто балы у себя, а примѣру его слѣдовали всѣ прочіе. Кромѣ того, всякіе десять дней были постоянно небольшія собранія въ комнатахъ Жозефины, на которыхъ присутствовало отборное общество и всѣ, чѣмъ-либо замѣчательные люди. Самъ Бонапартъ дѣлалъ ежедневно пріемы, возобновлялъ извѣстное въ прежніе годы катанье въ Лонгшанъ; по вечерамъ—бывалъ въ театрѣ. При всемъ этомъ непремѣнно присутствовала Жозефина съ Гортензіею, которую первая все старалась пристроить за одного изъ членовъ семейства Бонапарта съ цѣлью упрочить этимъ и свое положеніе въ семействѣ, къ ней нерасположенномъ. Это не препятствовало ей однако приглашать и другихъ болѣе видныхъ молодыхъ людей, которые могли быть со временемъ выгодными женихами для Гортензіи, а въ настоящемъ—не упускали случая ухаживать за самою Жозефиною не безъ корыстныхъ, впрочемъ, цѣлей. Эти молодые люди были по преимуществу изъ семействъ прежнихъ аристократовъ и роялистовъ и надѣялись этимъ путемъ достигнуть осуществленія всевозможныхъ просьбъ, съ которыми уже въ то время они обращались къ Бонапарту. Гортензія сама обнаруживала расположеніе къ роялистамъ вообще и нерѣдко ходатайствовала за нихъ предъ Бонапартомъ, который въ минуты веселости называлъ ее маленькая Вандейка или Шуанка [1]) и подтруниваль тогда надъ ея роялизмомъ. Въ то время (вскорѣ послѣ Маренго) мечтали о возстановленіи монархіи и, по словамъ Буріенна, секретаря Наполеона, а также Хейдъ-де-Невилля (Hyde de Neuville, mémoires, т. I, стр. 269—270), самъ графъ д'Артуа чрезъ очаровательную герцогиню Гиншъ (Ginche) пытался вывѣдать взглядъ Наполеона на это предположеніе.

Въ числѣ выдающихся кавалеровъ роялистовъ былъ нѣкто г. Мэнъ (Mun), котораго Жозефина намѣтила въ супруги Гортензіи. Но сія послѣдняя въ то время упорно держалась само-по-себѣ прекрасному правилу, что выйдетъ замужъ только за того, кого сама полюбитъ, а потому, несмотря на всѣ доводы и убѣжденія матери, не согласилась вступить въ бракъ съ Мэномъ, не пользовавшимся нисколько ея расположеніемъ,

---

[1]) Въ провинціи Вандеѣ было упорное возстаніе всего населенія противъ революціи и въ пользу прежняго порядка. Революція съ трудомъ усмирила это возстаніе, принявшее характеръ народной войны. Сторонниковъ возстанія звали шуанами; но происхожденіе этого названія объясняется различно. Одни говорятъ, что былъ отважный предводитель шайки, носившій имя Jean Chouan; другіе же говорятъ, что возставшіе, желая дать о себѣ извѣстіе другъ-другу, подражали крику совы (chat huant), откуда и произошло данное имъ прозвище.

тѣмъ болѣе, что узнала изъ разговоровъ, что онъ былъ влюбленъ въ г-жу Сталь. Къ тому же сама Гортензія была занята въ то время очень извѣстнымъ тогда въ Парижѣ, богатымъ роялистомъ Шарль Гонто (Gontaut), очень умнымъ и привлекательнымъ человѣкомъ. Семейство Гонто не желало этого брака и, чтобы разомъ прервать всѣ дальнѣйшія къ тому стремленія, отправило Шарля въ Англію.

Присутствуя ежедневно на всѣхъ обѣдахъ и завтракахъ перваго консула, видя ежедневно множество блестящихъ молодыхъ военныхъ офицеровъ, играя и очень часто танцуя съ ними, она, не получившая полнаго и основательнаго воспитанія, скоро обратила особенно благосклонное свое вниманіе на молодаго Дюрока и изъ-за него отказала новому жениху, нравившемуся очень ея матери, графу де Пауло (de Paulo), человѣку очень обыденному и слишкомъ большому болтуну, котораго Наполеонъ скоро за неумѣстныя и смѣлыя рѣчи выслалъ изъ Парижа въ Лангедокъ.

Дюрокъ былъ адъютантомъ Наполеона и пользовался необычайнымъ его довѣріемъ. Ему было около 27—28 лѣтъ; онъ обладалъ красивою наружностью и прекрасными манерами, изысканнымъ обращеніемъ, при томъ былъ очень прямодушенъ, не очень воздержанъ въ словахъ, но очень благороденъ, честенъ и прекрасно воспитанъ. Неудивительно, что Дюрокъ обратилъ на себя вниманіе Гортензіи, которая въ него скоро совершенно влюбилась. Это конечно не укрылось отъ проницательности Наполеона I. Онъ съ удовольствіемъ согласился бы на бракъ Гортензіи съ Дюрокомъ, если бы сей послѣдній рѣшился искать ея руки, но Дюрокъ самъ повидимому не очень торопился и не былъ слишкомъ увлеченъ Гортензіею. Въ это время Дюрокъ былъ посланъ въ Петербургъ для принесенія императору Александру поздравленія со вступленіемъ на всероссійскій престолъ, и въ продолженіе своего пребыванія въ Петербургѣ переписывался съ Гортензіею, при посредствѣ секретаря Наполеона Буріенна и съ вѣдома Жозефины, желавшей теперь однако непремѣнно выдать Гортензію за брата своего мужа Луціана. Гортензіи было уже 22 года; всѣ ея подруги по пансіону большею частію вышли за мужъ; она была окружена множествомъ молодыхъ дамъ, въ числѣ которыхъ одно изъ видныхъ мѣстъ занимала ея подруга Лора Пермонъ, вышедшая за генерала Жюно [1]) и оставившая извѣстныя записки подъ именемъ герцогини д'Абрантэсъ. Гортензія желала примкнуть къ ихъ числу, а потому не очень отклоняла намѣреніе Жозефины

[1]) Жюно родился въ 1771 году, былъ одинъ изъ отважнѣйшихъ генераловъ Наполеона, обладалъ хладнокровіемъ, но не отличался военными дарованіями. Онъ завоевалъ Португалію въ два мѣсяца и взялъ городъ Абрантэсъ на рѣкѣ Таго, отъ чего и получилъ титулъ герцога д'Абрантэсъ.

устроить ея бракъ съ Луціаномъ, тѣмъ болѣе, что убѣдилась въ нежеланіи Дюрока сдѣлать ей предложеніе. Луціанъ Бонапартъ въ свою очередь исключительно заботился о наживѣ денегъ. Возвратясь изъ Испаніи, онъ привезъ большія сокровища и занимался, будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, постыдными, но весьма для него прибыльными спекуляціями на хлѣбъ, за что и лишился мѣста. Онъ вовсе не намѣревался вступить въ бракъ съ Гортензіею и далъ довольно ясно понять Жозефинѣ, которая тогда обратилась къ Луи Бонапарту, еще менѣе нравившемуся самой Гортензіи. Самъ Луи Бонапартъ былъ еще влюбленъ въ Эмилію Богарнэ, недавно только вышедшую за мужъ за Лавалетта, и не могъ еще утѣшиться. Для разсѣянія онъ отправился въ Пруссію присутствовать на военныхъ маневрахъ, надѣясь, что Гортенсія, его вовсе нетерпѣвшая, выйдетъ тѣмъ временемъ за мужъ. Но это не оправдалось, и Луи по возвращеніи изъ Потсдама испросилъ разрѣшеніе отправиться въ Португалію, гдѣ и участвовалъ въ походѣ Леклерка. Тѣмъ не менѣе онъ не избѣгъ судьбы. По настоятельнымъ убѣжденіямъ своей супруги Бонапартъ самъ посовѣтовалъ брату жениться на Гортензіи, и Луи, не въ силахъ будучи отказать въ чемъ-либо Бонапарту, согласился на это. То же самое сдѣлала и Гортензія по внушеніямъ ея матери, хотя не чувствовала никакого расположенія къ будущему своему супругу. Кардиналъ Капрара благословилъ этотъ бракъ въ небольшой залѣ, такъ какъ церкви еще не были возстановлены, 3-го января 1802 года, а торжественное празднованіе происходило 14-го января, въ продолженіе котораго новобрачные поражали всѣхъ грустнымъ и печальнымъ своимъ видомъ.

Луи Бонапартъ обладалъ пріятною наружностью, но недугъ, пріобрѣтенный имъ въ Италіи, разстроилъ его здоровье и повліялъ на расположеніе его духа. Онъ былъ обыкновенно задумчивъ и серьезенъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ окончательно убѣдился въ нерасположеніи и даже отвращеніи къ нему его супруги. Онъ былъ довольно набоженъ, былъ болѣе строгихъ правилъ, нежели остальные его братья, любилъ читать и заниматься. Къ несчастью, онъ былъ довольно мелоченъ, принималъ упрямство за характеръ и силу воли, и полагалъ, что исполняетъ обязанности долга, занимаясь разными мелочами своей служебной дѣятельности. Онъ видѣлъ ранѣе, что Гортензія не имѣетъ никакого къ нему расположенія, и теперь, женившись, упорно старался преодолѣть ея нерасположеніе и желалъ наперекоръ всему составить счастіе своей супруги. Но Гортензія презрительно относилась ко всему этому. Она не могла простить Луи Бонапарту, что онъ, видя явное къ нему нерасположеніе съ ея стороны, не отказался заблаговременно самъ отъ ея руки. Согласившись съ досады на его предложеніе, Гортензія теперь сожалѣла объ этомъ необдуманномъ поступкѣ и

надѣялась, что мужъ не будетъ имѣть какого-либо значенія въ ея жизни, какъ это и бывало во многихъ супружествахъ. Она не обращала никакого вниманія на его любезность и предупредительность и скоро достигла того, что совмѣстная ихъ жизнь походила только на одно спокойное перемиріе. Луи Бонапартъ все болѣе и болѣе уединялся, предаваясь литературнымъ занятіямъ, супруга же его—предалась свѣтскимъ развлеченіямъ. Она каждый день выѣзжала, танцовала съ увлеченіемъ, и всѣ считали ее счастливѣйшею особою. Привлекательная ея наружность доставляла ей успѣхъ въ обществѣ и толпу поклонниковъ. Это доходило конечно до свѣдѣнія Луи Бонапарта; онъ дѣлался подозрительнымъ и мнительнымъ, упрекалъ жену въ такомъ образѣ жизни и въ порывѣ гнѣва дошелъ однажды до того, что съ полною откровенностію и подробностію разсказалъ Гортензіи образъ жизни и поведеніе ея матери, воспретивъ ей имѣть какое-либо сношеніе или свиданіе съ Жозефиною безъ его присутствія. Гортензія, дрожа отъ ужаса, слушала всѣ эти слова мужа, глубоко ее оскорбившія. Она не понимала, къ чему эти упреки и оскорбленія чести ея матери. Еще болѣе возмущалась она запрещеніемъ бывать у матери и тѣмъ строгимъ надзоромъ, который мужъ учредилъ надъ нею самою. Луи Бонапартъ платилъ прислугѣ, чтобы она слѣдила за его женой; онъ не отдавалъ Гортензіи никакихъ писемъ и записочекъ, ей присланныхъ, не прочтя ихъ предварительно самъ; онъ запрещалъ ей входить въ сношенія съ кѣмъ бы то ни было безъ его вѣдома. Это было своего рода тиранство, оправдываемое быть можетъ только тѣми наклонностями къ легкомыслію, которыя Луи Бонапартъ замѣчалъ въ своей супругѣ.

Вскорѣ однако, 10-го октября 1802 года, у Гортензіи родился сынъ, Луи Наполеонъ; она страшно полюбила младенца и проводила съ нимъ весь день, сидѣла дома и стала преимущественно заниматься искусствами. Кромѣ рисованія она много играла на арфѣ, сочиняла очень извѣстные въ то время романсы для пѣнія и сама ихъ пѣла съ большимъ выраженіемъ. Ей удалось добиться отъ мужа разрѣшенія ѣздить одной въ Мальмэзонъ, а потомъ Сенъ-Клу, гдѣ проживала Жозефина съ супругомъ, и принимать участіе въ различныхъ невинныхъ развлеченіяхъ, до которыхъ былъ охотникъ самъ первый консулъ. При этомъ Гортензія по привычкѣ кокетничала со множествомъ офицеровъ; это вызвало со стороны ея супруга сперва замѣчанія, а затѣмъ ссоры и крупныя объясненія, молва о которыхъ понемногу распространялась въ публикѣ.

Между тѣмъ было немало общаго у обоихъ супруговъ. Гортензія выказывала любовь въ литературѣ, мужъ же ея не только ее любилъ, но и самъ занимался ею; онъ писалъ даже сонеты Гортензіи, которые она принимала съ презрительнымъ высокомѣріемъ. Луи Бонапартъ любилъ

еще и ванны изъ внутренностей животныхъ, заражавшихъ воздухъ на далекомъ пространствѣ. Корвизаръ былъ того мнѣнія, что воздухъ въ подобной спальнѣ вреденъ для здоровья Гортензіи, и сообщилъ объ этомъ Жозефинѣ, которая не замедлила передать это мужу своему, выразившему по этому поводу крайнее удивленіе и неудовольствіе своему брату. Однако Луи Бонапартъ на этотъ разъ обнаружилъ сопротивленіе и сказалъ своему могущественному брату, что онъ хозяинъ у себя въ домѣ, что никто не въ правѣ вмѣшиваться въ его домашнія дѣла, что ему одному принадлежитъ рѣшеніе вопроса о надлежащемъ обращеніи съ своею женою и что при дальнѣйшемъ вмѣшательствѣ въ его семейную жизнь онъ удалится за границу. Наполеонъ не сталъ настаивать, видя что если братъ его и не правъ по отношенію къ своей женѣ, то онъ лично не въ силахъ принудить его обходиться съ нею иначе. Онъ совѣтовалъ Гортензіи быть потерпѣливѣе, а Луи—обходиться съ нею болѣе снисходительно и ласково.

Вскорѣ въ Парижъ явилась депутація изъ Голландіи для объясненія и переговоровъ о новой формѣ правленія. Послѣ непродолжительныхъ объясненій, 15-го іюня было возвѣщено объ учрежденіи вновь Голландскаго королевства, а королемъ его былъ назначенъ Луи Бонапартъ, безъ предварительныхъ съ нимъ объясненій объ этомъ. Наполеонъ сказалъ ему, что голландцы сами предназначаютъ ему корону, отъ которой онъ не въ правѣ отказаться. Гортензія была очень этимъ довольна; новая конституція опредѣляла, что при малолѣтствѣ она будетъ регентшею. Луи самъ видѣлъ въ этомъ возможность отдалить свою супругу отъ слишкомъ развязнаго двора Наполеона и подчинить ее вполнѣ образу жизни, соотвѣтствующему его понятіямъ и вкусу.

Настало время отъѣзда въ новое королевство. Гортензія предпочла бы отправить въ Голландію только своего супруга и остаться самой королевою Голландіи въ Парижѣ. Она просила Наполеона разрѣшенія остаться, ссылаясь на слабость своего здоровья, сырой климатъ Голландіи и на все усиливающееся несогласіе ея съ мужемъ. Однако Наполеонъ не тронулся этимъ и настоялъ на томъ, чтобы Гортензія ѣхала вмѣстѣ съ мужемъ въ Голландію. Супруги въ непродолжительномъ времени совершили торжественный въѣздъ въ Гаагу и поселились въ королевскомъ дворцѣ, убранномъ весьма просто и скромно. Чтобы не обременять бюджета, Луи удовольствовался тѣмъ, что имѣлось.

Впрочемъ нельзя утверждать, чтобы король былъ хорошо принятъ въ странѣ, въ которой былъ призванъ царствовать. Его считали врагомъ Голландіи и смотрѣли на учрежденіе королевства какъ на переходную мѣру къ полному присоединенію Голландіи къ Французской имперіи. Несмотря на то, Луи принялся добросовѣстно исполнять лежавшія на немъ обязанности, обнаруживъ при этомъ трудолюбіе и чрезвы-

чайную любовь къ порядку и бережливости. Онъ берегъ деньги своихъ подданныхъ, соблюдалъ крайнюю во всемъ экономію и опредѣлилъ въ точности всѣ расходы собственнаго двора. Это очень понравилось голландцамъ, но Луи скоро отступилъ отъ этихъ мудрыхъ правилъ. Онъ поставилъ дворъ на слишкомъ большую ногу, взявъ при томъ по преимуществу французовъ. Штатъ королевы, также очень многочисленный, состоялъ исключительно изъ дамъ парижскаго общества, въ числѣ которыхъ была и дѣвица Кошелэ (Cochelet), подруга Гортензіи по пансіону, оставившая намъ любопытныя свои записки. Аббатомъ при дворѣ Гортензіи былъ прежній ея учитель Бертранъ, будущій первый наставникъ ея сына Наполеона III.

Всѣ лица, состоявшія при дворѣ, принадлежали къ старому французскому дворянству, къ роялистамъ, которымъ особенно благоволила Горсензія. При ея дворѣ мало-по-малу водворялись порядки, расходы и наряды прежняго французскаго двора. Голландія же въ то время была далеко не въ цвѣтущемъ состояніи. Торговля ея была въ упадкѣ, порты и склады—пусты, лавки въ большинствѣ закрыты. Не было никакого движенія и жизни въ городахъ, нѣкогда кипѣвшихъ дѣятельностію; на улицахъ поросла трава; оставшіяся немногія богатыя семейства жили очень скромно и просто среди всеобщаго разоренія. Въ такой-то странѣ, разоренной вторженіемъ французовъ въ началѣ революціи, а затѣмъ континентальною системою, предстояло Гортензіи царствовать и съумѣть понравиться. Послѣднее ей впрочемъ удалось въ такой же мѣрѣ, какъ и ея мужу. Гортензія, устроивъ домъ, принялась опять за развлеченія. Она посѣщала различные музеи и могла вполнѣ удовлетворить свой артистическій вкусъ. Осматривая различныя достопримѣчательности въ окрестностяхъ, она вздумала посѣтить деревню Брэкъ [1]), гдѣ находились огромные склады сокровищъ, пріобрѣтенныхъ прежнею торговлею голландцевъ и состоявшихъ изъ драгоцѣнныхъ камней, кружевъ, и проч. Но какъ королева не предувѣдомила о своемъ посѣщеніи, то по правиламъ и не была допущена въ деревню (въ которую постороннихъ не пускаютъ), къ великой ея досадѣ. Но дѣлать было нечего; необходимо было подчиниться установленнымъ правиламъ. Труднѣе гораздо было для нея послѣдовать новому требованію ея супруга. Онъ пожелалъ, чтобы Гортензія вела жизнь уединенную и вполнѣ скромную, вѣроятно побужденный къ этому неисправимымъ кокетствомъ Гортензіи, возбуждав-

[1]) Деревня Брэкъ—цвѣтущее мѣстечко въ сѣверной Голландіи, недалеко отъ Амстердама; это резиденція богатыхъ голландскихъ купцовъ, достигшихъ богатства до неслыханныхъ размѣровъ; улицы и тротуары въ деревнѣ были фаянсовые, тщательно ихъ мыли, не пускали ѣздить въ экипажахъ и ходить животнымъ. Иноземцы также не могли проникнуть въ улицу, не надѣвъ особыхъ войлочныхъ туфель и т. д.

шимъ въ немъ сильную ревность, быть можетъ и лишенную въ то время всякаго основанія. Это конечно дошло скоро до Наполеона, писавшаго брату 4-го апрѣля 1807 года изъ Финкенштейна, чтобы онъ измѣнилъ обращеніе съ своею женою. «Ты имѣешь лучшую и самую добродѣтельную жену,—пишетъ Наполеонъ,—и ты дѣлаешь ее несчастною. Пусть она пляшетъ сколько ей угодно, это вполнѣ естественно въ ея годы. Моей женѣ сорокъ лѣтъ, и я съ поля сраженія пишу ей, чтобы она отправлялась на балъ. А ты хочешь, чтобы женщина въ двадцать лѣтъ, полная жизни и мечтаній, проводила время въ монастырѣ или была бы кормилицею, вѣчно занятою дѣтьми. Ты слишкомъ много проявляешь свою личность въ домашней своей жизни и слишкомъ мало въ управленіи страною. Сдѣлай счастливою мать своихъ дѣтей. Къ этому имѣется одно только средство: оказывать ей полное уваженіе и довѣріе. Къ несчастью, ты имѣешь слишкомъ добродѣтельную жену; если бы твоя жена была бы кокетка, она ловко водила бы тебя за носъ».

Луи Наполеонъ, будучи только четырьми годами старше своей супруги, былъ слишкомъ рѣзокъ и настойчивъ въ обращеніи съ нею и не зналъ, что въ семейной жизни еще болѣе, нежели въ политикѣ, надо часто уменьшать и ослаблять выраженія мыслей и чувствъ, не надо быть до крайности откровеннымъ. Въ настоящемъ случаѣ супруги откровенно высказывали взаимное нерасположеніе и даже отвращеніе, и это окончательно ихъ поссорило.

Подобная жизнь, сопровождаемая исключительно только горемъ и непріятностями, могла разстроить и самое крѣпкое здоровье. Неудивительно, что Гортензія начинаетъ недомогать и постоянно жаловаться на нездоровье, объясняя это сырымъ климатомъ Голландіи. Король, еще болѣе болѣзненный, страдалъ гораздо значительнѣе отъ сырости, но не жаловался однако и готовъ былъ не вѣрить словамъ своей супруги, объясняя ихъ ея желаніемъ перемѣнить мѣстожительство. Оба они видимо таяли, но каждый изъ нихъ замѣчалъ это только на себѣ. Гортензія наконецъ впала въ какую-то мрачную меланхолію, король же, не будучи тираномъ, переселилъ ее въ загородный домъ на морскомъ берегу. Но извѣстно, что ничто не располагаетъ къ меланхоліи въ такой сильной мѣрѣ, какъ ежедневный и постоянный видъ моря. Гортензія впала окончательно въ полное уныніе; тогда доктора сочли необходимымъ отправить ее на воды въ Аахенъ (Aix la Chapelle); король послѣдовалъ за нею, чтобы пользоваться и самому водами. Вскорѣ Гортензія, въ октябрѣ 1806 года, когда Наполеонъ начиналъ свою знаменитую прусскую кампанію, отправилась въ Майнцъ къ Жозефинѣ, которая находилась въ этомъ городѣ во время военныхъ дѣйствій. Туда же пріѣхала мило-

видная и капризная молодая принцесса Баденская Стефанія [1]), которою увлекался Наполеонъ. Начались опять всякія увеселенія и забавы, играли даже въ жмурки, при чемъ никто и не помышлялъ о кровавыхъ битвахъ подъ Іеною и Ауерштедтомъ.

Пришлось наконецъ возвращаться въ Гаагу и снова жить вмѣстѣ съ ненавистнымъ мужемъ; начались снова всякія ссоры, доказавшія полную невозможность совмѣстной жизни. Супруги рѣшили жить отдѣльно, на разныхъ половинахъ. Гортензія проводила время въ праздности, болтая съ состоявшими при ней дамами. Мужъ же ея предавался все болѣе и болѣе занятіямъ отчасти по долгу, отчасти чтобы забыться отъ непріятностей, которыхъ было немало. Къ непріятностямъ семейнымъ присоединились непріятности по управленію. Наполеонъ настоятельно требовалъ осуществленія континентальной блокады. Это было разореніе для Голландіи; Луи Бонапартъ это понялъ и старался разными изъятіями и разрѣшеніями ослабить суровость этой мѣры. Это вызвало неудовольствіе Наполеона, требовавшаго отъ своего брата точнаго и неуклоннаго исполненія его приказаній. Кончилось тѣмъ, что Луи Бонапартъ чрезъ нѣкоторое время отказался отъ престола. Вскорѣ постигло его новое семейное несчастіе.

П. Майковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

[1]) Это Стефанія Богарнэ, вышедшая по требованію Наполеона на Пресбургскомъ мирѣ замужъ за великаго электора Баденскаго.

О тайномъ ввозѣ въ Россію сочиненія Н. Тургенева.

Письмо графа Орлова—Л. А. Перовскому.

15-го августа 1847 г. № 1355.

Дошло до меня свѣдѣніе, что въ недавнемъ времени проникла въ Россію книга, подъ заглавіемъ «Les mémoires d'un proscrit», сочиненія государственнаго преступника Николая Тургенева, и что для провоза этой книги употребленъ былъ тотъ подлогъ, что первыя страницы въ оной заключаютъ въ себѣ листы изъ «L'histoire universelle de Ségûre». По сдѣланнымъ же мною негласнымъ розысканіямъ обнаруживается, что сочиненіе Тургенева ввезено въ числѣ 50 экземпляровъ, которые всѣ распроданы.

Какъ съ одной стороны книгопродавцы, продававшіе это изданіе, безъ сомнѣнія будутъ отклонять отъ себя вину, а съ другой—дознано, что запрещенныя сочиненія почти всегда ввозятся не книгопродавцами, а модными торговками и уже ими раздаются книгопродавцамъ, то я полагаю, что формальное преслѣдованіе этого дѣла не приведетъ къ желаемымъ послѣдствіямъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ, считая моею обязанностію предупреждать подобныя злоупотребленія, обращаюсь къ вашему высокопревосходительству съ покорнѣйшею просьбою, не изволите ли приказать объявить всѣмъ книгопродавцамъ, что недобросовѣстныя дѣйствія нѣкоторыхъ изъ нихъ извѣстны правительству, а также взять съ нихъ подписку въ томъ, что не будутъ заниматься продажею запрещенныхъ сочиненій подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ подвергнуться взысканію.

Обязываюсь присовокупить, что я съ симъ вмѣстѣ сообщилъ о вышеизложенномъ г. министру финансовъ, дабы онъ приказалъ имѣть и въ таможняхъ бдительнѣйшій надзоръ за недопущеніемъ къ тайному водворенію въ Россію запрещенныхъ сочиненій, а также извѣстилъ объ этомъ и г. министра народнаго просвѣщенія.

Листки изъ дневника М. К. Мердеръ.

(Переводъ съ французскаго).

5-го февраля 1836 г. Среда.

Съ вечера у княгини Голицыной пришлось уѣхать на балъ къ княгинѣ Бутеро.

На лѣстницѣ рядами стояли лакеи въ богатыхъ ливреяхъ. Рѣдчайшіе цвѣты наполняли воздухъ нѣжнымъ благоуханіемъ. Роскошь необыкновенная!

Поднявшись наверхъ, матушка и я очутились въ великолѣпномъ саду—предъ нами анфилада салоновъ, утопающихъ въ цвѣтахъ и зелени. Въ обширныхъ аппартаментахъ раздавались упоительные звуки музыки невидимаго оркестра. Совершенно волшебный, очарованный замокъ. Большая зала съ ея бѣломраморными стѣнами, украшенными золотомъ, представлялась храмомъ огня—она пылала.

Оставались мы въ ней недолго: въ этихъ многолюдныхъ, блестящихъ собраніяхъ задыхаешься...

Въ толпѣ я замѣтила Д'Антеса, но онъ меня не видѣлъ. Возможно, впрочемъ, что просто ему было не до того.

Мнѣ показалось, что глаза его выражали тревогу—онъ искалъ кого-то взглядомъ и, внезапно устремившись къ одной изъ дверей, исчезъ въ сосѣдней залѣ.

Чрезъ минуту онъ появился вновь, но уже подъ руку съ госпожею Пушкиною.

До моего слуха долетѣло: «Partir—y pensez Vous bien, Madame,—je ne le crois pas – ce n'était pas là Votre intention»... [1])

---

[1]) Уѣхать—думаете ли вы объ этомъ—я не вѣрю этому—это не ваше намѣреніе.

Выраженіе, съ которымъ произнесены эти слова, не оставляло сомнѣнія насчетъ правильности наблюденій, сдѣланныхъ мною ранѣе,—они безумно влюблены другъ въ друга!

Пробывъ на балу не болѣе получаса, мы направились къ выходу: баронъ танцовалъ мазурку съ г-жею Пушкиной—какъ счастливы они казались въ эту минуту!..

22-го января 1837 г. Пятница.

На балу я не танцовала. Было слишкомъ тѣсно.

Въ мрачномъ молчаніи я восхищенно любовалась г-жею Пушкиной. Какое восхитительное созданіе!

Д'Антесъ провелъ часть вечера неподалеку отъ меня. Онъ оживленно бесѣдовалъ съ пожилою дамою, которая, какъ можно было заключить изъ долетавшихъ до меня словъ, ставила ему въ упрекъ экзальтированность его поведенія.

Дѣйствительно—жениться на одной, чтобы имѣть нѣкоторое право любить другую, въ качествѣ сестры своей жены,—Боже! для этого нуженъ порядочный запасъ смѣлости (courage)...

Я не разслышала словъ, тихо сказанныхъ дамой. Что же касается Д'Антеса, то онъ отвѣтилъ громко, съ оттѣнкомъ уязвленнаго самолюбія:

— J'entend, madame, ce que Vous voulez me faire comprendre, mais c'est que je ne suis pas du tout sûr, moi, d'avoir fait une bêttise!

— Prouvez au mondeque Vous saurez être un bon mari... et que les bruits qui courent ne sont pas fondés!

— Merci, mais le monde n'a qu'à me juger [1])!

Минуту спустя я замѣтила проходившаго А. С. Пушкина. Какой уродъ! (Quel monstre!)

Разсказываютъ,—но какъ дерзать довѣрять всему, о чемъ болтаютъ?! Говорятъ, что Пушкинъ, вернувшись какъ-то домой, засталъ Д'Антеса tête-à-tête со своею супругою.

Предупрежденный друзьями, мужъ давно уже искалъ случая провѣрить свои подозрѣнія; онъ съумѣлъ совладать съ собою и принялъ участіе въ разговорѣ. Вдругъ у него явилась мысль потушить лампу, Д'Антесъ вызвался снова ее зажечь, на что Пушкинъ отвѣчалъ: «не безпокойтесь, мнѣ, кстати, нужно распорядиться насчетъ кое-чего» . .

Ревнивецъ остановился за дверью и чрезъ минуту до слуха его долетѣло нѣчто похожее на звукъ поцѣлуя. . .

---

[1]) — Я понимаю то, что вы хотите дать мнѣ понять, но я совсѣмъ не увѣренъ, что сдѣлалъ глупость!

— Докажите свѣту, что вы съумѣете быть хорошимъ мужемъ. . . и что ходящіе слухи не основательны.

— Спасибо, но пусть меня судитъ свѣтъ.

Впрочемъ, о любви Д'Антеса извѣстно всѣмъ. Ее, якобы, видятъ всѣ. Однажды вечеромъ, я сама замѣтила, какъ баронъ, не отрываясь, слѣдилъ взорами за тѣмъ угломъ, гдѣ находилась о н а. Очевидно, онъ чувствовалъ себя слишкомъ влюбленнымъ для того, чтобы, надѣвъ маску равнодушія, рискнуть появиться съ нею среди танцующихъ.

28-го января 1837 г. Четвергъ.

Только-что были г.г. Лип. Фид... Они сообщили о кончинѣ г. Пушкина. Какъ быстро распространяются слухи! Еще утромъ намъ объ этомъ говорилъ кто-то изъ прислуги. Вотъ къ чему привела женитьба барона Д'Антеса! Разъ дуэли было суждено состояться, то ужъ не проще ли было покончить съ мужемъ прежде, чѣмъ обвѣнчаться съ сестрою его жены? Теперь же послѣднее представляется совершенно невозможнымъ. Каково положеніе вдовы!?

Говорятъ, встрѣча произошла въ 4 часа утра, послѣ бала. Пуля попала въ животъ и тамъ засѣла. Подробности дуэли мнѣ еще не извѣстны. Завтра все узнаемъ въ тысячѣ пересказовъ—запишу нѣсколько варіантовъ, чтобы было изъ чего выбрать заслуживающій наибольшаго довѣрія.

Сегодня утромъ уѣхала лэди Лондондери. Я видѣла, какъ она садилась въ карету. Ее провожалъ кавалеръ въ шляпѣ, украшенной бѣлымъ плюмажемъ. Они поцѣловались; затѣмъ онъ пожалъ ей руку на англійскій манеръ и отеръ слезу...

Маркиза была очаровательна: головку ея украшала шапочка (фасонъ вродѣ нашихъ кучерскихъ) небесно-голубаго бархата, отдѣланная бѣлымъ мѣхомъ. На плечахъ красовалась великолѣпная шуба.

Вчера къ ней заѣзжалъ государь императоръ, и у подъѣзда перебывало великое множество народа. Кто былъ господинъ, провожавшій ее утромъ,—не разглядѣла—я слишкомъ близорука. Думала, что это Гал..., или Ап..., но исторія Д'Антеса заставляетъ теперь въ этомъ сомнѣваться.—Сегодня утромъ врядъ ли онъ [1]) могъ быть свободенъ.

Пушкинъ, несомнѣнно, великій поэтъ. Не знаю, представлялъ ли онъ изъ себя еще что-нибудь. О немъ говорятъ, какъ о человѣкѣ грубомъ (brutal). Но кто, въ концѣ концовъ, не грубъ? Особенно, когда имѣешь глупость жениться на писанной красавицѣ, будучи столь некрасивымъ! (étant aussi laid soi même) [2]).

29-го января. Пятница.

Въ моемъ распоряженіи двѣ версіи. Тетя разсказываетъ одно, бабушка совсѣмъ другое—послѣднее мнѣ милѣе. У бабушки Д'Антесъ-де-

---

[1]) который изъ двухъ? Примѣч. перевод.

[2]) (Будучи столь некрасивъ).

Геккеренъ является «en chevalier galant» [1]). Если вѣрить тетѣ—«c'est un personnage brutal» [2]).

Говорятъ, будто со дня свадьбы, даже ранѣе вѣнчанія, Пушкина преслѣдовали анонимныя письма. Одно изъ нихъ онъ не въ силахъ былъ переварить: подъ изображеніемъ роговъ стояло множество именъ обманутыхъ мужей, выражавшихъ свое восхищеніе по поводу того, что общей ихъ участи не избѣжалъ человѣкъ, пользующійся репутаціею далеко не добродушнаго, которому случается даже и поколачивать жену...

Таковъ смыслъ письма, имѣвшаго рѣшающее значеніе.

Пушкинъ показалъ его барону Д'Антесу: тогда послѣдній, будто бы, сказалъ:

— Послушайте, когда обладаешь женой красавицей, тогда не слѣдуетъ удѣлять много вниманія злымъ выходкамъ подобнаго рода.

— Быть можетъ, вы правы,—отвѣтилъ Пушкинъ,—но я, тѣмъ не менѣе, прошу, чтобы нога ваша не была въ моемъ домѣ.

На это Д'Антесъ возразилъ:

— Если вы любите вашу супругу, то также ли сильна любовь ваша и къ ея сестрѣ? Отчего вы не допускаете мысль, что я прихожу для нея?

— Если такъ—то женитесь на ней.

Вотъ какъ сдѣлалось дѣло.

Цѣною этого самопожертвованія удавалось спасти репутацію любимой женщины.

Тетя разсказываетъ, будто Д'Антесъ стрѣлялъ первымъ и ранилъ Пушкина, который упалъ, но затѣмъ поднялся со словами: le combat n'est pas fini—tenez Vous, Monsieur, tranquille [3])! выпустилъ зарядъ. Д'Антесъ, раненый въ плечо, въ свою очередь падаетъ. Пушкинъ спрашиваетъ «убитъ?» Секундантъ противника отвѣчаетъ: «Нѣтъ».

— Жаль,—произноситъ Пушкинъ и лишается чувствъ — его рана смертельна.

Возможно ли, имѣя прострѣленныя внутренности, найти въ себѣ достаточно силы, чтобы стрѣлять?

Бал...инъ, очевидно, правъ, говоря, что всѣ женщины отдаютъ предпочтеніе бездѣльникамъ (aux mauvais sujets): Д'Антесъ мнѣ симпатичнѣе Пушкина...

Секундантомъ Д'Антеса былъ молодой человѣкъ изъ французскаго посольства—это также говоритъ въ его пользу: онъ не хотѣлъ компрометтировать кого-либо изъ товарищей по полку.

---

[1]) Галантнымъ рыцаремъ.

[2]) Это—грубая личность.

[3]) Бой не конченъ, стойте, милостивый государь, смирно.

Государь послалъ сказать Пушкину—чтобы онъ умеръ, какъ подобаетъ доброму христіанину.

Матушка послала камердинера узнать, живъ ли А. С. Пушкинъ.

У Су...невыхъ говорили о Пушкинской исторіи. Самъ С. вполнѣ порядочный человѣкъ, но служитъ въ полку, соперничающемъ съ кавалергардскимъ, а потому естественно было бы слышать отъ него что-либо, говорящее не въ пользу Д'Антеса—слабость, свойственная честнѣйшимъ людямъ: соперники всегда обладаютъ недостатками...

— Несомнѣнно Д'Антесу, увлеченному до безумія г-жею Пушкиной, не слѣдовало жениться на ея сестрѣ, но разъ онъ это сдѣлалъ, нельзя не сказать,—говоритъ Су...евъ,—что этимъ онъ думалъ спасти репутацію той, которую любилъ. Поступокъ необдуманный, но являющій признаки высокой души, особенно послѣ того, какъ всѣмъ было говорено о рѣшимости ѣхать во Францію, съ цѣлью положить конецъ оскорбительнымъ толкамъ и клеветѣ, распространеннымъ въ обществѣ насчетъ г-жи Пушкиной. На этихъ дняхъ Д'Антесъ получилъ отъ ея мужа письмо, полное самыхъ оскорбительныхъ выраженій. Не оставалось ничего другаго, какъ требовать удовлетворенія, или, по меньшей мѣрѣ, объясненій. Пушкинъ принялъ вызовъ. Д'Антесъ стрѣлялъ первымъ и ранилъ противника, который упалъ. Тогда секундантъ Д'Антеса спросилъ: «не пора ли кончить?»

— Нѣтъ!—отвѣчалъ раненый и, минуту спустя, потребовалъ оружіе, крикнувъ Д'Антесу «стойте хорошенько!»

Выстрѣлъ былъ неудаченъ. Молодой французъ, секундантъ Д'Антеса, повторилъ—«теперь кончено!»

— Нѣтъ,—сказалъ Пушкинъ, и, потребовавъ, чтобы его поддержали, прицѣлился снова и ранилъ Д'Антеса въ руку, послѣ чего тотъ, въ свою очередь, упалъ.

Пушкинъ, улыбаясь, спросилъ: «онъ умеръ?»

— Нѣтъ!—отвѣтилъ французъ.

— Жаль!—проговорилъ Пушкинъ.

Какъ только Д'Антесъ оправится, онъ съ женою уѣдетъ за границу. Вотъ его собственныя слова: «Уѣду, и ее увезу съ собою». Онъ говоритъ всѣмъ, кто хочетъ его слушать, что женился, дабы спасти честь сестры жены отъ оскорбительной клеветы, но теперь считаетъ своимъ долгомъ заняться несчастною жертвою, ставшею его женою.

Пусть говорятъ послѣ этого, что въ дѣйствіяхъ его сказывается нѣчто возвышенное (du reélement grand), а у его противника заключается нѣчто грубое, дьявольское (brutalement diabolique!).

По крайней мѣрѣ онъ не измѣнилъ своей любви и испытанной храбрости.—Ces têtes chaudes de notre siècle—les têtes françaises! [1])

[1]) Эти горячія головы нашего столѣтія—французскія головы!

*

[Далѣе, позднѣйшая приписка: De grandes et belles folies! Blanches et belles d'un côté—noires et laides de l'autre . . . . .] [1]).

30-го января. Суббота.

У насъ г. Эс—ъ. Онъ утверждаетъ, что поведеніе Д'Антеса въ послѣднее время было безупречнымъ. Пушкинъ адресовалъ ему ужаснѣйшее письмо, которое оскорбленный догадался кое-кому показать, прежде чѣмъ идти на поединокъ. Названный отецъ Д'Антеса—баронъ де Геккеренъ, какъ говорятъ, первый настаивалъ на принятіи вызова.

Новыхъ подробностей происшествія нѣтъ.

Раненый (Д'Антесъ) лежитъ у себя на квартирѣ, на рукахъ у жены, которая его страстно любитъ.

Онъ удивительно красивъ....

Вотъ что, между прочимъ, припоминаю изъ разсказовъ о Пушкинѣ.

Однажды, на спектаклѣ, публика не скупилась на апплодисменты, но Пушкинъ упорно ничѣмъ не проявлялъ своего одобренія. Его сосѣдъ, человѣкъ увлекающійся, не утерпѣлъ и, глядя въ его сторону, сказалъ: «какой глупецъ!»

Пушкинъ промолчалъ. Занавѣсъ падаетъ. Встаютъ. Тогда Пушкинъ подходитъ къ энтузіасту, говоря: «вы обозвали меня глупцемъ—изволите ошибаться—я Пушкинъ, давшій себѣ слово не апплодировать:—вотъ причина, почему вы остались ненагражденнымъ пощечиной,—публика могла бы принять ее за апплодисментъ»...

1-го февраля.

Сегодня состоялись похороны Пушкина, при участіи громадной толпы...

2-го февраля.

Поговариваютъ о томъ, что Д'Антесъ можетъ лишиться руки—бѣдный молодой человѣкъ!

6-го февраля.

. . . . Говорили о Пушкинѣ, котораго г-жа К—ова обвиняетъ: «два мѣсяца тому назадъ я нашла бы, что дуэль естественна, но теперь, послѣ того какъ Д'Антесъ женился на сестрѣ той, которую любилъ, когда онъ принесъ въ жертву собственное счастіе, ради чести другаго,—обстоятельства перемѣнились. Надо было къ подобному самопожертвованію отнестись съ уваженіемъ. Мы знаемъ, что г-жа Пушкина была единственною женщиною, которую онъ почиталъ (qu'il ait respecté), для него она была божествомъ, въ ней была его жизнь, идеалъ сердца. Несомнѣнно, образъ ея издавна жилъ въ немъ. Когда они встрѣтились—она уже принадлежала

---

[1]) Большія и прекрасныя глупости! Бѣлыя и красивыя съ одной стороны—черныя и некрасивыя—съ другой стороны.

другому. Онъ полюбилъ,—но свѣтъ позавидовалъ счастью. Злые языки начали свою работу. Влюбленный ясно увидѣлъ приближеніе той минуты, когда его ангела коснется людская клевета... Тогда собравъ все свое мужество, онъ объявилъ во всеуслышаніе, что женится. Для подобной жертвы нужно обладать сильнымъ духомъ».

У насъ, въ царствѣ морозовъ, гдѣ сила любви слишкомъ часто соразмѣряется съ приданымъ, которое разсчитываютъ получить,—любовь, какъ страсть, остается непонятною. Все ограничивается заключеніемъ болѣе или менѣе выгодной сдѣлки...

17-го февраля.

Припоминается слѣдующій анекдотъ:

Однажды сидитъ Пушкинъ въ оперѣ, рядомъ съ неизвѣстнымъ, который все время подпѣваетъ пѣвцу Петрову.

Крайне раздосадованный, Пушкинъ произноситъ: «что-за глупецъ!—мѣшаетъ слушать!»

— Позвольте, милостивый государь, васъ спросить,—обращается къ нему сосѣдъ,—кого вы называете глупцомъ.

— Конечно, актера Петрова, такъ какъ онъ лишаетъ меня удовольствія васъ слушать!

Сообщилъ **Алексѣй Мердеръ.**

Къ характеристикѣ П. Коновницына.

Письмо П. Коновницына къ В. Н. Каразину.

26-го мая 1813. Верхней Силезіи близъ Нейса замокъ Грунау.

Г-нъ Жадко лично, уповаю, удостовѣрилъ уже васъ, сколь я готовъ охотно былъ исполнить отъ всего сердца комисіи ваши, но къ несчастію моему нашелъ меня почти близъ смерти: я раненъ въ ногу пулею навылетъ съ поврежденіемъ кости, но при всемъ тяжкомъ отъ того страданіи старался какъ возмогъ произвести по письмамъ вашимъ все въ дѣйствіе; не имѣя другаго способа, долженъ былъ все препроводить къ графу Аракчееву и 6 дипломовъ для отсылки ученымъ по адресамъ; надѣюсь, что не оставилъ онъ исполнить. За г-на Жадко заступиться просилъ также, который успѣлъ мнѣ уже хвалиться ласковымъ графа пріемомъ.

Фельдмаршала письмы ваши уже не застали, онъ навѣрно много бы способствовалъ во всемъ по желанію вашему. Благодарю покорно за присылку образцовыхъ своихъ произведеній, радуюсь, что все у насъ въ краю столь успѣшно идетъ.

Я увѣренъ, что вы, милостивый государь, возьмете участіе въ положеніи моемъ, хотя я и не лишился благодаря Бога совсѣмъ ноги: но все страдаю тяжко, и едва-ли буду въ состояніи ею настояще ходить. Остается мнѣ та отрада, что и въ сей послѣдней кампаніи сошелъ съ своего поприща, какъ вѣрный сынъ отечества. Сія увѣренность облегчаетъ раны мои. Простите, почтенный Василій Назарьевичъ, не лишите меня дружества вашего, и будьте совершенно увѣрены, что съ своей стороны ничего ..... [1]) къ пріобрѣтенію его, какъ быть навсегда съ почтеніемъ и преданностью вамъ, милостивый государь, покорный и искренній другъ Петръ Коновницынъ.

---

[1]) Одно слово не разобрано

Къ исторіи русской литературы.

III.

Попытки братьевъ А. А. и М. А. Бестужевыхъ издавать журналъ.

(1818—1823 г.)

1.

Представленіе С.-Петербургскаго цензурнаго комитета попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа С. С. Уварову.

22-го ноября 1818 г. № 95.

Лейбъ-гвардіи драгунскаго полка прапорщикъ Александръ Бестужевъ [1]), въ поданномъ имъ въ сей Комитетъ прошеніи прописывая, что «онъ намѣревается издавать съ будущаго 1819 года журналъ подъ названіемъ «Зимцерла», представляетъ послужной свой списокъ и программу того журнала. О сочиненіяхъ же своихъ объясняетъ, что, будучи занятъ дѣлами по службѣ, не могъ еще быть извѣстенъ публикѣ, кромѣ слѣдующихъ пьесъ, помѣщенныхъ въ журналѣ «Сына Отечества», и именно: «Духъ Бури» (стихами изъ Лагарпа) и «О состояніи эстонскихъ и ливонскихъ крестьянъ», первая—въ 31-мъ, а послѣдняя—въ 38-мъ нумерѣ; но надѣется заслужить вниманіе оной изданіемъ помянутаго журнала, на что и проситъ разрѣшеніе.

Въ приложенной же программѣ значитъ, что въ составъ журнала «Зимцерлы» имѣютъ входить слѣдующія статьи:

«Иностранная и отечественная литература, переводы въ стихахъ и въ прозѣ, сочиненія, до всѣхъ отраслей гражданскихъ и военныхъ наукъ

[1]) Извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ «Марлинскій».

касающіяся, стихотворенія всѣхъ родовъ поэзіи, библіографія, критика и смѣсь. Черезъ двѣ недѣли,—т. е. каждаго 15-го и послѣдняго числа мѣсяцевъ, будетъ выходить одна книжка въ обыкновенный форматъ, содержащая въ себѣ не менѣе четырехъ печатныхъ листовъ».

Цензурный комитетъ, на основаніи предложенія вашего превосходительства отъ 8-го іюля сего года за № 346, имѣя долгъ представить вышнему начальству мнѣніе свое о всякомъ вновь предполагаемомъ къ изданію журналѣ и объ издателѣ онаго, разсмотрѣвъ представленные отъ г. Бестужева документы и вошедши во всѣ прикосновенныя къ дѣлу сему соображенія, честь имѣетъ объяснить слѣдующее:

1) По содержанію программы, кругъ журнала, предполагаемаго г. Бестужевымъ, будетъ обширнѣйшій, заключая въ себѣ не только всѣ части словесности отечественной и иностранной, но также критику и всѣ отрасли гражданскихъ и военныхъ наукъ. Къ выполненію такого обширнаго плана потребны также и обширныя по всѣмъ частямъ свѣдѣнія, а не менѣе того и практическая опытность для правильнаго сужденія о предметахъ, до государственнаго управленія относящихся:—чего въ г. Бестужевѣ ни отрицать, ни предполагать, по его слишкомъ еще молодымъ лѣтамъ, Комитетъ не можетъ (ему отъ роду 20 лѣтъ).

2) Хотя же въ послужномъ его, Бестужева, спискѣ значитъ, что онъ обучался языкамъ: латинскому, французскому и нѣмецкому, географіи и исторіи, риторикѣ, поэзіи, логикѣ, философіи, натуральной исторіи, физикѣ, механикѣ, химіи, вышней математикѣ, астрономіи, статистикѣ, политической экономіи, правамъ, архитектурѣ, артиллеріи и фортификаціи,—однакоже въ писанной имъ г. Бестужевымъ программѣ, Комитетъ не безъ удивленія замѣтилъ въ десяти не болѣе строкахъ, три ошибки противъ правописанія; что доказываетъ по меньшей мѣрѣ его невнимательность и небрежность.

3) Что касается до двухъ статей его перевода, на которыя онъ указываетъ: то опыты сіи похвальны только потому, что свидѣтельствуютъ объ охотѣ его къ полезнымъ упражненіямъ. Впрочемъ, переводъ въ прозѣ о состояніи эстонскихъ и ливонскихъ крестьянъ не отличается ни чистотою слога, ни правильностью языка.

4) Для исправности въ изданіи періодическихъ сочиненій, потребно имѣть издателю, кромѣ достаточныхъ свѣдѣній, еще величайшее терпѣніе, безпрерывную внимательность и навыкъ къ трудамъ. А какъ г. Бестужевъ въ прошеніи своемъ изъясняетъ, что онъ, будучи занятъ дѣлами по службѣ, не могъ быть извѣстенъ публикѣ, кромѣ по двумъ только вышеупомянутымъ пьесамъ, то Комитетъ имѣетъ причину думать, что самый родъ его службы и занятія по оной будутъ часто отвлекать его отъ многотрудныхъ занятій журналиста. Къ тому жъ, на случай откомандировки его по службѣ, что случиться можетъ ежедневно, должно

опасаться либо совершенной остановки, либо неисправности въ изданіи журнала.

5) Комитетъ неоднократно имѣлъ случай замѣтить, что многіе, особливо изъ молодыхъ людей, къ ученому сословію не принадлежащихъ, предпринявъ изданіе какого-нибудь журнала, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ прекращали оное; отчего не только публика оставалась обманутою (ибо деньги собраны впередъ), но и цензура нѣкоторымъ образомъ терпѣла нареканіе, поелику публика привыкла считать цензорское дозволеніе на изданіе журнала какъ бы ручательствомъ въ исправномъ и безостановочномъ продолженіи онаго по крайней мѣрѣ на годичное время. Комитетъ не имѣлъ до сего времени никакихъ средствъ къ отвращенію отъ себя такого нареканія, не считая себя въ правѣ, по силѣ высочайше утвержденнаго устава о цензурѣ, воспрещать кому-либо изданіе журнала. Впрочемъ, Комитетъ не относитъ сего насчетъ г. Бестужева, а представляетъ въ видѣ общихъ по сему предмету соображеній.

Изложивъ мнѣніе свое по преднамѣреваемому журналу Бестужева, Комитетъ честь имѣетъ приложить при семъ копію съ послужнаго его списка и съ программы журнала, прося покорнѣйше вашего превосходительства по сему дѣлу рѣшенія.

Подп. цензоры: Ив. Тимковской, Г. Яценковъ, Х. Зонъ, А. Спада.

2.

Отношеніе попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

2-го декабря 1818 г. № 645.

Лейбъ-гвардіи драгунскаго полка прапорщикъ Александръ Бестужевъ просилъ дозволенія на изданіе съ будущаго 1819 года журнала подъ названіемъ: «Зимцерла» и представилъ въ С.-Петербургскій цензурный Комитетъ послужной свой списокъ и программу преднамѣреваемаго имъ журнала.

Комитетъ, на основаніи предписанія вашего сіятельства отъ 29-го іюня сего года подъ № 1379, войдя въ надлежащія съ своей стороны соображенія, въ представленіи своемъ отъ 22-го минувшаго ноября, при семъ въ подлинникѣ прилагаемомъ, объяснилъ свое по предмету сему мнѣніе.

Хотя Комитетъ достаточно доказалъ, какъ сомнѣнія свои и опасенія въ разсужденіи надежности онаго журнала, по причинѣ занятія издателя службою, также по причинѣ неопытности его и неизвѣстности въ публикѣ важными сочиненіями, и хотя я согласенъ съ таковымъ мнѣніемъ

Комитета, но полагаю дозволить прапорщику Бестужеву издавать подъ его отвѣтственностью оной журналъ, только для опыта, во-первыхъ, потому, что въ предположеніи, ежели изданіе будетъ хорошо, то въ такомъ случаѣ предварительное запрещеніе было бы нѣкоторымъ стѣсненіемъ охоты къ ученымъ и можетъ быть очень полезнымъ для публики сего рода занятіямъ; а во-вторыхъ, потому, что ежели бы журналъ впредь найденъ былъ недостойнымъ вниманія публики и безполезнымъ, или же бы прекратился неблаговременно по винѣ издателя, то тогда бы неудачный опытъ Бестужева послужилъ бо́льшимъ еще правомъ для правительства обуздывать несоразмѣрную съ силами предпріимчивость новыхъ подобныхъ издателей.

Впрочемъ, имѣю честь предать все сіе на благоусмотрѣніе вашего сіятельства.

Подп. Сергѣй Уваровъ.

Резолюція: Главное училищное правленіе, признавая заключеніе цензурнаго Комитета основательнымъ, предоставляетъ г. министру увѣдомить г. попечителя для объявленія Бестужеву, что изданіе сего журнала можетъ еще на нѣсколько времени быть удержано, когда издатель успѣетъ пріобрѣсть трудами своими болѣе извѣстности въ ученой публикѣ. 4-го декабря 1818 г.

Подписалъ директоръ Василій Поповъ.

3.

Отношеніе министра народнаго просвѣщенія попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа.

23-го декабря 1818 г. № 3021.

Отношеніе вашего превосходительства отъ 2-го сего декабря № 645, съ приложеніемъ въ подлинникѣ представленія С.-Петербургскаго цензурнаго Комитета и слѣдующихъ къ оному бумагъ, по предмету предпринимаемаго лейбъ-гвардіи драгунскаго полка прапорщикомъ Александромъ Бестужевымъ изданія съ будущаго 1819 года журнала подъ заглавіемъ: «Зимцерла» предложены были мною на разсмотрѣніе Главнаго правленія училищъ. Правленіе нашло мнѣніе цензурнаго Комитета о неизвѣстности въ публикѣ издателя уважительными сочиненіями основательнымъ, и потому предоставило мнѣ для объявленія г. Бестужеву, увѣдомить васъ, милостивый государь мой, что изданіе онаго журнала можетъ еще нѣсколько времени быть удержано, пока издатель успѣетъ пріобрѣсть учеными трудами своими болѣе извѣстности въ публикѣ.

Будучи согласенъ съ таковымъ заключеніемъ Главнаго правленія училищъ, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство увѣдомить объ этомъ прапорщика Бестужева.

Подписалъ: министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князь Александръ Голицынъ.

4.

Прошеніе отставнаго штабсъ-капитана Михаила Бестужева-Рюмина въ С.-Петербургскій цензурный комитетъ.

6-го сентября 1823 года.

Предполагая съ будущаго 1824 года приступить къ изданію литературнаго журнала подъ названіемъ С.-Петербургскаго, убѣждаюсь покорнѣйше просить С.-Петербургскій цензурный комитетъ о исходатайствованіи мнѣ на сей предметъ надлежащаго разрѣшенія. Указъ, данный мнѣ объ увольненіи моемъ отъ службы его сіятельствомъ командиромъ отдѣльнаго Финляндскаго корпуса, господиномъ генераломъ отъ инфантеріи и кавалеромъ графомъ Штейнгелемъ, въ которомъ прописана служба моя; программу предполагаемаго мною С.-Петербургскаго журнала и роспись изданнымъ мною книгамъ, для усмотрѣнія изъ оной извѣстныхъ публикѣ занятій моихъ въ словесности, имѣю честь у сего почтеннѣйше представить.

5.

С.-Петербургскій цензурный комитетъ въ засѣданіи 20-го декабря 1853 года слушали:

Прошеніе уволеннаго отъ службы изъ Вильманстрандскаго пѣхотнаго полка штабсъ-капитана Михаила Бестужева-Рюмина, о исходатайствованіи разрѣшенія на предполагаемое имъ съ будущаго 1824 года изданіе литературнаго журнала подъ заглавіемъ «С.-Петербургскаго». Причемъ проситель представилъ: указъ объ увольненіи его изъ помянутаго полка, въ которомъ прописана служба его, программу предполагаемаго имъ журнала, и роспись изданнымъ имъ книгамъ, для усмотрѣнія изъ оной извѣстныхъ публикѣ занятій его въ словесности. А въ программѣ изъяснено, что въ составъ С.-Петербургскаго журнала будутъ входить:

I. Изящная словесность.

1) Проза. Повѣсти, разговоры, любопытныя описанія, достопамятныя происшествія, біографіи, разные отрывки и проч.

2) Стихотворенія. Оды, посланія, элегіи, идилліи, баллады, романсы, эпиграммы, надписи, вообще новѣйшія произведенія отечественной поэзіи.

II. Критика.

Современное обозрѣніе россійской словесности. Краткія извѣстія о вновь выходящихъ въ Россіи книгахъ, преимущественно относящихся до словесности, съ изложеніемъ краткихъ же, но безпристрастныхъ замѣчаній о содержаніи, цѣли и достоинствѣ оныхъ. Статья сія будетъ составляться, сколько возможно, по біографическому порядку.

Къ сей же статьѣ принадлежатъ и рецензіи или подробныя разсмотрѣнія новыхъ выходящихъ книгъ, какъ равно и антикритики, или возраженія, дѣлаемыя противъ нихъ.

III. Пантеонъ россійскихъ писателей.

Исчисленіе произведеній отечественныхъ писателей и подробныя разсмотрѣнія оныхъ. На 1824 годъ для статьи сей предназначены: Ломоносовъ, Петровъ, Херасковъ, Державинъ, Николевъ, Озеровъ и др.

IV. Пантеонъ иностранныхъ писателей.

Краткое біографическое извѣстіе о какомъ-нибудь иностранномъ писателѣ. Въ оном будутъ изображены нѣкоторыя черты его жизни и характера. Также помѣщено обозрѣніе его сочиненій и проч. На 1824 годъ для статьи сей предназначены: Дантъ, Тассъ, Аріостъ, Мильтонъ, Монтань, Шапелль, Боссюетъ, ла-Брюйеръ, Лесажъ, Фонтенель, Кребильонъ, Томасъ, Боало, Лейбницъ, Геснеръ и многіе другіе.

V. Смѣсь.

1) С.-Петербургскія театральныя вѣдомости. Извѣстія о представляемыхъ на С.-Петербургскихъ императорскихъ театрахъ пьесахъ и обозрѣніе содержанія новѣйшихъ изъ оныхъ. Сужденія и замѣчанія о игрѣ актеровъ и тому подобное.

2) С.-Петербургскія записки. Извѣстія о какихъ-нибудь, заслуживающихъ вниманія, новостяхъ въ столицѣ, некрологическія записки и проч.

3) Разность. Все то, что не можетъ быть помѣщено ни въ одномъ отдѣленіи изъ вышепомянутыхъ статей, будетъ содержаться въ сей статьѣ, каковою долженъ заключаться каждый нумеръ С.-Петербургскаго журнала. Всякіе небольшія статьи, замѣчанія, извѣстія о новыхъ книгахъ и пр. и пр.

Къ выходу сего журнала каждый мѣсяцъ предполагается по двѣ книжки. Каждая будетъ состоять не менѣе какъ изъ 4-хъ печатныхъ листовъ, или ста страницъ въ большую 12 д. листа.

Роспись изданнымъ г. штабсъ-капитаномъ Бестужевымъ-Рюминымъ книгамъ.

I. Приношеніе 1816 году, содержащее въ себѣ нѣсколько мелкихъ пьесъ въ стихахъ. Москва, 1816, въ типографіи С. Селивановскаго, въ 8 [1]).

II. Стихи ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, на случай обрученія ея императорскаго высочества великой княжны Анны Павловны съ кронъ-принцемъ Нидерландскимъ Вильгельмомъ. Москва, 1816, въ типографіи Соливановскаго, въ 8 [2]).

III. Краткій памятникъ для полевыхъ офицеровъ, содержащій въ себѣ разсужденіе о правилахъ, коими долженъ руководствоваться офицеръ, какъ напоминающими ему важнѣйшія обязанности его званія. С.-Петербургъ, 1818, въ типографіи Іосифа Іоаннесова, въ 8 [3]).

IV. Онаго же изданіе второе. С.-Петербургъ, 1820, въ типографіи Іосифа Іоаннесова, въ 12-ю долю листа [4]).

V. Разсужденіе о пѣвцѣ въ станѣ русскихъ воиновъ. С.-Петербургъ, 1822, въ типографіи І. Іоаннесова, въ 8 [5]).

VI. Пѣвецъ среди русскихъ воиновъ, возвратившихся въ отечество въ 1816 году. С.-Петербургъ, 1823, въ типографіи І. Іоаннесова, въ 8 [6]).

Указъ, данный объ увольненіи отъ военной службы г. штабсъ-капитану Бестужеву-Рюмину, отъ 21-го февраля 1823 г. за № 197, есть слѣдующій:

По указу его величества государя императора Александра Павловича, самодержца всероссійскаго и проч. и проч.

Предъявитель сего штабсъ-капитанъ Михаилъ Александровъ сынъ Бестужевъ-Рюминъ, который, какъ значится изъ формулярнаго о службѣ его списка, отъ роду имѣетъ 25-ть лѣтъ, изъ дворянъ, въ службу вступилъ подпрапорщикомъ 816 г. декабря 9-го въ Вильманстрандскій пѣхотный полкъ; портупей-прапорщикомъ 818 г. января 19-го, подпоручикомъ 819 г. января 13-го, поручикомъ декабря 4-го; въ походахъ и

---

[1]) За исключеніемъ двухъ страницъ заглавнаго листа сихъ стихотвореній оныя помѣщены на шести страницахъ.

[2]) Сіи стихи заключаютъ четыре страницы.

[3]) Сія книжка напечатана на 31 страницѣ.

[4]) Оная книжка второе изданіе печатана на 47-ми страницахъ.

[5]) Сія книжка занимаетъ 67 страницъ.

[6]) Сіе изданіе напечатано на 104 страницахъ.

штрафахъ не бывалъ, по-россійски и французски, ариѳметику, поэзію, риторику, логику, географію и миѳологію знаетъ; въ домовыхъ отпускахъ былъ: 818 году на 28 дней, 819 г. на 3 мѣсяца, 821 г. на 2 мѣсяца и 822 г. на 2 же мѣсяца и на срокъ явился; холостъ, къ повышенію аттестовался достойнымъ, а минувшаго 1822 года декабря въ 23 день высочайшимъ его императорскаго величества приказомъ уволенъ по домашнимъ обстоятельствамъ отъ службы штабсъ-капитаномъ. Во свидѣтельство чего по высочайше предоставленному мнѣ уполномочію и данъ сей указъ ему, штабсъ-капитану Бестужеву-Рюмину, за моимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ герба моего печати въ корпусной квартирѣ въ г. Гельсингфорсѣ. Подлинный подписалъ генералъ-отъ-инфантеріи командиръ отдѣльнаго финляндскаго корпуса графъ Штейнгель.

Справка. Предписаніемъ господина министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, сообщеннымъ С.-Петербургскому цензурному комитету въ спискѣ при предложеніи бывшаго г-на попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа дѣйствительнаго статскаго совѣтника Уварова отъ 8-го іюля 1818 года за № 346, поручено было г-ну попечителю: предписать цензурному комитету, дабы оный самъ собою не разрѣшалъ къ изданію новыхъ періодическихъ сочиненій, но представлялъ бы о каждомъ вновь предполагаемомъ изданіи оныхъ установленнымъ порядкомъ къ нему, г-ну министру, черезъ г. попечителя на разрѣшеніе, излагая подробно цѣль и содержаніе сочиненія, кто онаго издатель, какими другими сочиненіями уже извѣстенъ, и представлялъ при томъ послужной таковаго списокъ и другія о немъ свѣдѣнія, а сверхъ того и мнѣніе свое о предполагаемомъ къ изданію періодическомъ сочиненіи.

6.

Отношеніе С.-Петербургскаго цензурнаго комитета попечителю.

23 декабря 1823 г. № 150.

Уволенный отъ службы Вильманстрандскаго пѣхотнаго полка штабсъ-капитанъ Бестужевъ-Рюминъ представилъ въ С.-Петербургскій цензурный комитетъ прошеніе объ исходатайствованіи ему отъ высшаго начальства позволенія издавать въ будущемъ 1824 году періодическое сочиненіе подъ заглавіемъ: «С.-Петербургскій журналъ».

Цензурный комитетъ въ исполненіе сдѣланнаго на случай таковыхъ просьбъ предписанія отъ господина министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, которое сообщилъ комитету предмѣстникъ вашего превосходительства при своемъ предложеніи отъ 8-го іюля 1818 года

за № 346, разсматривалъ представленныя г. Бестужевымъ-Рюминымъ при прошеніи программу С.-Петербургскаго журнала, изданныя имъ нѣкоторыя стихотворныя и прозаическія сочиненія, и указъ объ отставкѣ просителя изъ военной службы.

По разсмотрѣніи всего, комитетъ нашелъ:

1) Что печатныя сочиненія г. Бестужева-Рюмина не имѣютъ еще той степени достоинства и извѣстности, какую, по мнѣнію комитета, должны сперва пріобрѣсть литературные труды принимающаго на себя обязанность издателя періодическаго сочиненія.

2) Программа С.-Петербургскаго журнала обѣщаетъ представлять публикѣ критическій разборъ не только новѣйшихъ книгъ, выходящихъ въ Россіи, но и твореній первостепенныхъ нашихъ писателей, какъ-то: Ломоносова, Державина, Николева, Озерова и другихъ; обѣщаетъ представлять также разборъ сочиненій славнѣйшихъ писателей иностранныхъ, изъ коихъ назначены для одного 1824 года: Дантъ, Тассъ, Аріостъ, Мильтонъ, Монтанъ, Шапелль, Боссюетъ, ла-Брюйеръ, Лесажъ, Фонтенель, Кребильонъ, Томасъ, Боало, Лейбницъ, Геснеръ. По сему такая программа заставляетъ предполагать въ издателѣ журнала большія свѣдѣнія не только въ отечественной, но и иностранной словесности. Между тѣмъ въ сей самой программѣ, писанной рукою г. Бестужева, усмотрѣны грамматическія ошибки, доказывающія, что г. сочинитель оной не имѣетъ основательнаго познанія и въ отечественномъ языкѣ; и

3) Въ прошеніи и другихъ своихъ бумагахъ г. Бестужевъ-Рюминъ не называетъ будущихъ своихъ сотрудниковъ, которые могли бы замѣнить недостатокъ его познаній и исполнить принимаемую имъ на себя обязанность въ отношеніи къ публикѣ.

При такихъ обстоятельствахъ комитетъ полагаетъ, что изданіе въ С.-Петербургѣ новаго литературнаго журнала г. Бестужевымъ-Рюминымъ едва-ли можетъ быть нужно и полезно для читающей публики, особливо при множествѣ другихъ періодическихъ изданій, здѣсь печатаемыхъ, ибо число однихъ таковыхъ изданій, которыя разсматриваетъ цензурный комитетъ, простирается уже до 17-ти. Упоминая о семъ множествѣ журналовъ, комитетъ находитъ случай представить при семъ на благоусмотрѣніе вашего превосходительства особенную вѣдомость объ оныхъ. При всей краткости таковой вѣдомости ваше превосходительство безъ сомнѣнія изволите замѣтить, какихъ трудовъ, вниманія и осмотрительности требуетъ пропускъ въ свѣтъ къ назначеннымъ срокамъ болѣе тысячи двухсотъ печатныхъ листовъ, или безмала двадцати тысячъ страницъ, составляющихъ одинъ годъ изъ сихъ изданій, ибо многія тысячи читателей оныхъ дѣлаются судьями трехъ цензоровъ, и болѣе ихъ имѣя досугъ и способовъ разсматривать напечатанныя сочи-

ненія со всѣхъ сторонъ, могутъ открывать въ оныхъ (иногда въ одномъ выраженіи), то, чего не возможно открыть одному цензору, озабоченному множествомъ разнообразныхъ дѣлъ, требующихъ скорости и незнающихъ различныхъ обстоятельствъ сочиненія, извѣстныхъ нѣкоторымъ только лицамъ. Но отъ прозорливости вашего превосходительства, конечно, не скроется, что выходящіе изъ печати журналы не даютъ еще полнаго понятія о трудахъ цензоровъ: не рѣдко осторожность побуждаетъ ихъ справляться о разныхъ обстоятельствахъ и случаяхъ, объясняющихъ закрытое, но истинное намѣреніе сочинителя, съ какимъ пишутся многія піесы, на каковыя справки нужно время и терпѣніе; часто чтеніе и перечитываніе большихъ піесъ, какъ скоро онѣ окажутся подлежащими запрещенію или потребуютъ исправленія, дѣлается напраснымъ трудомъ, ибо въ семъ случаѣ цензоръ обязанъ заниматься новымъ непредвидимымъ чтеніемъ, чтобы не дѣлать остановки въ печатаніи срочнаго изданія; часто цензоры принуждены бываютъ тратить много времени на словесныя объясненія и даже на переписку съ сочинителями или переводчиками піесъ, которыхъ цензура одобрить не можетъ безъ нужныхъ, по ея мнѣнію, перемѣнъ; иногда легко раздражающееся самолюбіе авторовъ побуждаетъ ихъ утруждать самое начальство цензурнаго комитета жалобами на оный и отнимаетъ у цензоровъ отъ исправленія настоящей ихъ должности время на сочиненіе оправданій противу неосновательныхъ жалобъ.

Изъ одного сего понятія о части трудовъ каждаго цензора, обязаннаго разсматривать срочныя изданія, явствуетъ, что размноженіе сихъ изданій болѣе всего увеличиваетъ работы и отвѣтственность цензоровъ: ибо никакія книги, говоря вообще, столько не обращаются въ публикѣ, какъ журналы. Но по мѣрѣ умноженія трудовъ занимающагося разсматриваніемъ журналовъ сокращается время, остающееся ему на чтеніе другихъ полезнѣйшихъ книгъ, которыхъ число ежегодно простирается до нѣсколькихъ сотъ. Въ истекающемъ 1823 году количество вступившихъ на разсмотрѣніе С.-Петербургскаго цензурнаго комитета рукописей и печатныхъ книгъ простирается нынѣ до 574 разныхъ званій.

Уже опытъ двухъ слишкомъ лѣтъ показалъ С.-Петербургскому цензурному комитету не только трудность лежащихъ на немъ обязанностей, но и физическую и нравственную невозможность исполнять сіи обязанности всѣ къ общему удовольствію, по крайней мѣрѣ исполнять оныя такъ, чтобы къ наступающему году не оставалось отъ прошедшаго не разсмотрѣнныхъ книгъ.

Такимъ образомъ невольное задержаніе нѣкоторыхъ другихъ изданій, кромѣ періодическихъ, подвергаетъ комитетъ новой непріятности слышать роптанія сочинителей и даже опасаться жалобъ, которыми каждый изъ нихъ найдетъ благовидную причину утруждать начальство комитета

ибо не для всякаго ясно, что количество журналовъ и другихъ сочиненій безпрестанно умножается и можетъ умножаться до неограниченнаго числа, а число цензоровъ ограничивается здѣсь тремя, и сіе малое число можетъ еще уменьшиться болѣзнями, или отъ другихъ причинъ [1]).

Вошедшая въ цензурный комитетъ просьба о позволеніи издавать здѣсь новый литературный журналъ подала комитету поводъ вмѣстѣ съ разсмотрѣніемъ ея и представленіемъ вашему превосходительству относящихся къ сему дѣлу обстоятельствъ разсмотрѣть ближе другой болѣе важный вопросъ, а именно: не можетъ ли размноженіе литературныхъ журналовъ затруднять у насъ самые успѣхи просвѣщенія? Если всякое срочное изданіе не позволяетъ издателю зрѣло обдумывать и хорошо излагать многихъ предметовъ; если умноженіемъ числа таковыхъ повременныхъ сочиненій можно опредѣлять распространеніе вкуса къ чтенію легкому и неосновательному; если сей вкусъ нечувствительно истребляетъ охоту заниматься лучшими книгами, требующими размышленія, и если съ непомѣрнымъ умноженіемъ числа журналовъ, истощаются вмѣстѣ и матеріалы каждаго и самые способы читателей пріобрѣтать какъ оные журналы [2]), такъ и полезныя книги, то комитетъ осмѣливается воспользоваться симъ случаемъ, чтобы сказать свое мнѣніе, что въ неограниченномъ размноженіи литературныхъ журналовъ, издаваемыхъ частными людьми, которые еще неизвѣстны полезными трудами, онъ не видитъ умноженія надежныхъ пособій къ распространенію истиннаго просвѣщенія и образованію нравовъ, не видитъ сего главнаго предмета, коему должны отвѣчать назначаемыя къ общественному употребленію книги — словомъ, не видитъ здѣсь предмета, поставленнаго на видъ цензурѣ въ самыхъ первыхъ статьяхъ высочайше утвержденнаго для нея устава.

Впрочемъ, цензурный комитетъ долгомъ своимъ считаетъ отдать на судъ вашего превосходительства всѣ свои разсужденія, къ коимъ подали поводъ обстоятельства, сопровождающія вступившую въ оный просьбу о изданіи новаго журнала. Отъ вашего превосходительства совершенно будетъ зависѣть довесть до свѣдѣнія высшаго начальства

---

[1]) При семъ случаѣ можно и необходимо замѣтить, что ни одинъ цензурный комитетъ въ Россіи не разсматриваетъ такого множества періодическихъ изданій, какое обязанъ разсматривать С.-Петербургскій комитетъ. При томъ члены находящихся во всѣхъ университетахъ цензурныхъ комитетовъ имѣютъ по своей должности помощниковъ въ профессорахъ и адъюнктахъ, читающихъ представленныя цензору книги и рукописи.

[2]) Примѣчаніе. На покупку только 17 журналовъ, разсматриваемыхъ С.-Петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ, потребно въ одинъ годъ болѣе 500 рублей; но въ показанномъ числѣ не заключаются еще всѣ журналы, печатаемые въ Петербургѣ, а петербугскими періодическими изданіями не ограничивается еще число журналовъ, издаваемыхъ въ Россіи.

таковую просьбу г. Бестужева-Рюмина вмѣстѣ съ симъ донесеніемъ комитета. На случай представленія о семъ дѣлѣ его сіятельству господину министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, комитетъ имѣетъ честь пріобщить къ своему донесенію программу изданія С.-Петербургскаго журнала и роспись мелкихъ сочиненій, изданныхъ штабсъ-капитаномъ Бестужевымъ-Рюминымъ. Сіи два приложенія комитетъ покорнѣйше проситъ ваше превосходительство приказать возвратить ему по минованіи въ оныхъ надобности

ВѢДОМОСТЬ

о періодическихъ изданіяхъ, разсматриваемыхъ С.-Петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ.

НАЗВАНІЕ ИЗДАНІЙ И ИЗДАТЕЛЕЙ.	Число книжекъ или нумеровъ, выдаваемыхъ			Число печатныхъ листовъ въ годовомъ изданіи.
	въ недѣлю.	въ каждый мѣсяцъ.	въ годъ.	
1. „Журналъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества“, издаваемый комитетомъ по ученой части.	—	по 1 кн.	12 кн.	66 листовъ (или 1.056 страницъ).
2. „Соревнователь просвѣщенія и благотворенія“, издаваемый Обществомъ любителей словесности .	—	по 1 кн.	12 кн.	90 листовъ
3. „Сынъ Отечества“, издаваемый коллежскимъ совѣтникомъ Гречемъ .	по 1 №	по 4 №	52 №	148 „
4. Литературныя прибавленія къ „Сыну Отечества“, издаваемыя коллежскимъ совѣтникомъ Княжевичемъ	—	по 2 №	24 кн.	72 „
5. „Сибирскій Вѣстникъ“, издаваемый бергмейстеромъ 8 класса Спасскимъ	—	по 2 кн.	24 кн.	72 „
6 „Отечественныя Записки“, издаваемыя коллежскимъ совѣтникомъ Свиньинымъ	—	по 1 кн.	12 кн.	72 „
7. „Благонамѣренный“, издаваемый коллежскимъ совѣтникомъ Измайловымъ	—	по 2 №	24 кн.	60 „
8. „Русскій Инвалидъ“, издаваемый коллежскимъ совѣтникомъ Воейковымъ	по 6 №	отъ 26 до 27 №	до 306 №	153 „
9. Литературныя прибавленія, издаваемыя г. Воейковымъ и Козловымъ	—	отъ 3 до 4 №	до 48 №	25 „
10. „Сѣверный Архивъ“, издаваемый г. Булгаринымъ	—	по 2 №	24 кн.	85 „
11. Литературные листы къ „Сѣверному Архиву“.	—	по 1 №	12 №	24 „

НАЗВАНІЕ ИЗДАНІЙ И ИЗДАТЕЛЕЙ.	Число книжекъ или нумеровъ, выдаваемыхъ въ недѣлю.	въ каждый мѣсяцъ.	въ годъ.	Число печатныхъ листовъ въ годовомъ изданіи.	
12. „St. - Petersburgische Zeitschrift“, издаваемый коллежскимъ секретаремъ Ольдекопомъ	—	по 1 кн.	12 кн.	„	
13. „Дѣтскій Музеумъ“, на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ	—	по 1 №	12 №	12	„
14. „Сѣверная Арфа“, музыкальный журналъ	—	по 1 №	12 №	30	„
15. „Журналъ изящныхъ искусствъ“, издаваемый титулярнымъ совѣтникомъ Григоровичемъ	—	1 книжка въ каждые два мѣсяца	6 кн.	60	„
Сверхъ сихъ періодическихъ изданій будутъ печататься въ 1824 году новые журналы:					
16. „Указатель открытій по Физикѣ, Химіи, Естественной Исторіи и Технологіи“.	—	1 кн.	6 кн.	50	„
По Высочайшему соизволенію:					
17. „Ученый и литературный журналъ Россійской Имперіи по части Путей Сообщенія“					
на русскомъ языкѣ	—	по 1 кн.	12 кн.	60	„
„ французскомъ	—	по 1 кн.	12 кн.	60	„
Всего же.	—	54	624 кн.	1.239 печатн. листовъ.	

Изъ сей вѣдомости явствуетъ, что общее число печатныхъ листовъ, составляющихъ годовое изданіе семнадцати журналовъ, простирается до 1.239 листовъ, или, считая въ каждомъ печатномъ листѣ 16 страницъ въ 8-ю долю листа, до 19.824 страницъ.

7.

Предписаніе исправляющаго должность попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа Д. Рунича С.-Петербургскому цензурному комитету.

31-го декабря 1823 года за № 1269.

Не находя въ уставѣ о цензурѣ ясныхъ указаній, на основаніи которыхъ предоставлялось бы мнѣ право входить въ разсмотрѣніе обстоятельствъ, въ представленіи комитета отъ 23-го сего декабря изложенныхъ, относительно новаго періодическаго изданія: «С.-Петербургскій журналъ», и такъ какъ комитету дано право непосредственнаго раз-

смотрѣнія книгъ и сочиненій, то и предоставляю оному поступить въ семъ случаѣ на законномъ основаніи, тѣмъ болѣе, что есть ли издатель останется рѣшеніемъ комитета недоволенъ, можетъ, на основаніи того же устава о цензурѣ, принести жалобу главному правленію училищъ. Подлинную программу изданія упомянутаго журнала и роспись сочиненій штабсъ-капитана Бестужева-Рюмина у сего возвращаю.

8.

Отношеніе С.-Петербургскаго цензурнаго комитета исправляющему должность попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа.

8-го января 1824 года № 3.

С.-Петербургскій цензурный комитетъ, имѣвъ честь получить отвѣтъ вашего превосходительства отъ 31-го числа декабря прошлаго 1823 г. № 1269, на представленіе его отъ 23-го того же мѣсяца № 150, относительно поданной въ комитетъ г. штабсъ-капитаномъ Бестужевымъ-Рюминымъ просьбы объ исходатайствованіи ему отъ высшаго начальства позволенія издавать въ семъ 1824 году періодическое сочиненіе подъ заглавіемъ «С.-Петербургскій журналъ» — долгомъ считаетъ вторично войти къ вашему превосходительству съ представленіемъ по сему предмету.

Хотя высочайше утвержденный іюля 9-го дня 1804 года Уставъ о цензурѣ дѣйствительно даетъ комитету право заниматься непосредственнымъ разсматриваніемъ книгъ и сочиненій, однако жъ на печатаніе періодическихъ изданій, къ которымъ принадлежитъ и предпринимаемое г. Бестужевымъ изданіе «С.-Петербургскаго журнала», комитетъ обязанъ всякій разъ предварительно испрашивать позволенія высшаго начальства въ исполненіе упомянутаго въ первомъ представленіи комитета и при семъ въ копіи прилагаемаго предписанія господина министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, какое на подобный случай сдѣлано было уже въ 1818 году.

Какъ комитетъ по сему предписанію не имѣетъ права самъ собою ни позволить, ни запретить никакого періодическаго изданія, и какъ оный по 5, 14 и 35 статьямъ Устава о цензурѣ обязанъ по дѣламъ своимъ относиться къ вашему превосходительству, то комитетъ поставляетъ нынѣ долгомъ покорнѣйше просить ваше превосходительство представить при вашемъ мнѣніи на благоусмотрѣніе его сіятельства господина министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія первое представленіе свое о просьбѣ г. Бестужева, съ препровождаемыми при семъ обратно подлинною программою изданія упомянутаго журнала и росписью сочиненій сего просителя.

9.

Предписаніе исправляющаго должность попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа Д. Рунича С.-Петербургскому цензурному комитету.

2-го іюня 1824 года № 742.

Господинъ министръ народнаго просвѣщенія, въ предписаніи отъ 31-го минувшаго мая подъ № 1795, увѣдомилъ меня, что представленіе мое отъ 28-го января сего года, вмѣстѣ съ отзывомъ С.-Петербургскаго цензурнаго комитета относительно испрашиваемаго отставнымъ штабсъ-капитаномъ Бестужевымъ-Рюминымъ дозволенія издавать періодическое сочиненіе, подъ названіемъ: «С.-Петербургскій журналъ» разсматривалось въ главномъ правленіи училищъ. Правленіе, по основанію причинъ, изъясненныхъ въ отзывѣ цензурнаго комитета, какъ въ разсужденіи степени достоинства и извѣстности литературныхъ трудовъ просителя, не соотвѣтствующихъ пріемлемой имъ на себя обязанности, такъ и вообще въ разсужденіи невыгоднаго вліянія, какое можетъ имѣть размноженіе журналовъ на распространеніе вкуса къ чтенію легкому и неосновательному, положило не давать дозволенія на изданіе помянутаго журнала.

Господинъ министръ, будучи съ своей стороны согласенъ съ таковымъ заключеніемъ главнаго училищъ правленія, предоставилъ мнѣ предложить здѣшнему цензурному комитету, для увѣдомленія о томъ штабсъ-капитана Бестужева-Рюмина.

О всемъ вышеозначенномъ предлагаю С.-Петербургскому цензурному комитету къ свѣдѣнію и надлежащему исполненію.

Приказъ графа Барклая-де-Толли по арміямъ съ благодарностью короля прусскаго.

12-го іюня 1814 года № 120 Главн. кварт. Г. Гагенау.

Рескриптъ, на имя мое послѣдовавшій отъ его величества короля прусскаго, изъявляющаго особенное его величества расположеніе къ воинамъ, въ прошедшей войнѣ участвовавшимъ, я къ свѣдѣнію у сего сообщаю: «Арміи императора вашего и вѣрнаго моего союзника были соединены съ моими, храбростью и столькимъ перенесеніемъ трудностей для достигнутой нынѣ цѣли. Миръ прикратилъ сіе соединеніе оружія, но онъ никогда не изгладитъ изъ памяти единодушіе, доброе согласіе и тотъ духъ геройскій, съ которымъ единственно можно было одержать только трудную побѣду. Я прошу васъ, господинъ генералъ-фельдмаршалъ, быть истолкователемъ моимъ передъ арміями императора повелителя вашего въ изъявленіи сихъ моихъ чувствованій, которыя вездѣ меня сопровождать будутъ, объявивъ имъ, что напоминать о томъ времени, въ которое я былъ свидѣтелемъ безпрерывныхъ опытовъ сихъ добродѣтелей, всегда для меня драгоцѣнно будетъ, и что возобновитъ во мнѣ всякій разъ чувство уваженія къ симъ храбрымъ арміямъ.

«Вамъ лично не имѣю надобности повторять то расположеніе, которымъ я къ вамъ преисполненъ; надѣюсь, что оно вамъ довольно извѣстно»

Подлинный подписалъ главнокомандующій всѣми арміями, генералъ-фельдмаршалъ графъ Барклай-де-Толли.

Александръ Ефимовичъ Измайловъ.

1779—1831 гг. [1]).

V [1]).

Обозрѣніе литературной дѣятельности Измайлова.—Произведенія въ прозѣ.

Впервые имя Александра Ефимовича Измайлова появилось въ печати въ 1797 году подъ стихотвореніемъ «Смерть», переведеннымъ изъ Малерба; можетъ быть, стихами же и начались его литературные опыты. Но такъ какъ первымъ крупнымъ произведеніемъ Измайлова былъ прозаическій романъ, и вообще въ области прозы преимущественно онъ работалъ въ первые годы своей литературной дѣятельности, то мы и начнемъ обозрѣніе послѣдней съ прозаическихъ произведеній нашего писателя.

Съ небольшимъ сто лѣтъ назадъ (въ половинѣ 1799 года) въ книжныхъ лавкахъ Глазунова поступила въ продажу слѣдующая книга: «Евгеній или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и сообщества.—Повѣсть, написанная А. Измайловымъ». Это была первая часть. Вторая часть вышла подъ тѣмъ же заглавіемъ два года спустя, въ 1801 г. [2]), и повѣсть, такимъ образомъ, разрослась въ цѣлый романъ, подъ каковымъ наименованіемъ она обыкновенно и упоминалась впослѣдствіи.

Напечатанный въ 1799 году, но написанный еще ранѣе (приблизительно въ 1797 г., когда Измайловъ, какъ онъ самъ говоритъ, былъ,

---

[1]) См. „Русскую Старину“ іюль 1900 г.

[2]) Кстати исправимъ ошибочное мнѣніе, что будто-бы 1-я часть въ 1801 г. была переиздана: была переиздана лишь обложка, помѣченная дѣйствительно 1801-мъ годомъ.

«осьмнадцати не больше лѣтъ»), романъ этотъ не имѣлъ успѣха при жизни автора, въ настоящее же время почти забытъ. Въ подтвержденіе неуспѣха романа достаточно указать и на то, что послѣ 1801 года онъ не переиздавался ни разу вплоть до 1891 года, когда «Русскій книжный магазинъ» (въ Москвѣ) выпустилъ «полное собраніе» сочиненій А. Е. Измайлова; даже самъ авторъ, издавъ въ 1826 году свои прозаическія произведенія, романъ этотъ исключилъ; исключенъ онъ и изъ Смирдинскаго изданія 1849 года, хотя «по причинѣ, отъ издателя не зависящей». Критика осудила романъ, публика забыла.—Но, насколько справедливо такое отношеніе къ «Евгенію», мы постараемся выяснить въ своемъ разборѣ этого романа; въ виду малоизвѣстности послѣдняго считаемъ нелишнимъ изложить его содержаніе.

На первыхъ страницахъ своего романа авторъ знакомитъ насъ съ дѣдомъ и родителями героя. Дѣдъ его—Негодяевъ, канцелярістъ по службѣ, былъ пьяницей и оставилъ своему сыну въ наслѣдство «одинъ старый войлокъ, замѣнявшій у него мѣсто постели». Но Лука Лукичъ (отецъ героя романа) доставилъ себѣ послѣ 40-лѣтней службы «кусокъ хлѣба» и, пріобрѣтя путемъ выгодной женитьбы деревеньку (въ коей и поселился), не сидѣлъ безъ дѣла, но «казалось, жилъ единственно для услугъ рода христіанскаго», которыя выражались въ даваніи денегъ въ проценты, пріемѣ закладовъ и проч. Въ свободное время онъ занимался чтеніемъ указовъ и адресъ-календарей. Жена Луки Лукича «очень помнила» свое дворянское происхожденіе и майорскій чинъ мужа, «имѣла не малыя свѣдѣнія въ искусствѣ нарядовъ и злословія» и жила «на знатной ногѣ». Черезъ полтора года у этой четы родился сынъ, котораго назвали Евгеніемъ, именемъ одного гвардейскаго офицера, весьма любезнаго и знающаго свѣтъ человѣка, который госпожѣ Негодяевой «всегда дѣлалъ компанію». Тотчасъ по рожденіи, еще до крестинъ, родители поторопились записать Евгенія, по установившемуся обычаю, въ гвардію, и госпожа Негодяева, принимая поздравленія съ рожденіемъ сына, говорила всѣмъ съ улыбкой восхищенія: «у меня уже сынокъ сержантъ гвардіи». Воспитаніе Евгенія сначала было поручено кормилицѣ, штату мамушекъ и нянюшекъ, затѣмъ гувернеру Pendard'y (бѣглому французскому солдату), изъ рукъ котораго нашъ герой попалъ въ пансіонъ нѣкоего Эдельмана, недалекаго нѣмца, «который безпрестанно занимался куреніемъ табака и своими выгодами». Пробывъ въ этомъ пансіонѣ 5 лѣтъ и научившись въ немъ—какъ ни странно—лишь пьянству и разврату, Евгеній послѣ одного гнуснаго поступка былъ взятъ родителями домой, такъ какъ госпожа Негодяева «не хотѣла болѣе, чтобы сынъ ея учился у такихъ людей, которые не знаютъ обходиться съ благородными людьми». Спустя немного времени мы видимъ Евгенія въ стѣнахъ университета, куда родители отдали

свое дѣтище, чтобы онъ «по выходѣ изъ онаго на большой театръ свѣта получилъ отъ всѣхъ зрителей и актеровъ, его наполняющихъ, пріятное названіе благовоспитаннаго и ученаго молодаго человѣка».

Но храмъ науки показался скучнымъ и тѣснымъ нашему герою, и онъ или пропускалъ лекціи, или же занимался на нихъ просто шалостями. Но за то онъ вполнѣ сумѣлъ воспользоваться всѣми прелестями столичной жизни, во всю ширь своей молодой барской натуры, вмѣстѣ съ такимъ пріятелемъ-студентомъ, какъ Развратинъ, нравственныя качества котораго вполнѣ отвѣчали его фамиліи. Евгеній, «презирая явно тѣхъ студентовъ, которые имѣли болѣе знанія, нежели платья, а особливо тѣхъ, у которыхъ въ жилахъ обращалась кровь неблагородная», близко сошелся съ Развратинымъ, такъ какъ онъ лучше всѣхъ умѣлъ помогать ему въ его увеселеніяхъ. Итакъ, Развратинъ научалъ Евгенія, тотъ учился, и, въ полугодовое пребываніе въ званіи студента, герой нашъ, кромѣ того, что пріобрѣлъ богатый запасъ знаній и убѣжденій въ духѣ Развратина, практически «усовершенствовался играть на билліардѣ и выучился въ познаніи напитковъ, а также въ обращеніи съ женщинами, обращающимися съ цѣлымъ свѣтомъ».

«Таково было его воспитаніе, стоившее нѣсколько тысячъ его родителямъ», заключаетъ авторъ первую книгу романа. Полугодовымъ пребываніемъ въ университетѣ закончилось образованіе Евгенія. Онъ оставилъ университетъ, пріѣхалъ домой и, выждавъ чинъ поручика, началъ собираться въ Петербургъ къ отбыванію службы. Родители снабдили Евгенія 5-ю тысячами рублей (на первое время) и наставленіями, при чемъ со стороны отца они имѣли больше отношенія къ службѣ, или, лучше сказать, низкопоклонству; со стороны матери—къ соблюденію моды и ухаживанію за дамами свѣта: «Не скучай—говорила она—знатнымъ дамамъ дѣлать компанію въ карточной игрѣ и въ променадахъ, выполняй всѣ ихъ коммиссіи: черезъ это можешь получить себѣ счастіе»... «Не тотъ одинъ чины хватаетъ, кто надъ работой умираетъ», наставлялъ отецъ.

Наконецъ, послѣ долгихъ объятій, слезъ и наставленій, Евгеній при помощи своего гусара сѣлъ въ экипажъ и тронулся въ дорогу. Развратинъ былъ его спутникомъ. Ихъ сопровождала и свита Евгенія, состоявшая изъ камердинера, парикмахера, повара и домашняго адвоката. «Шествіе сіе замыкалось пятью возами, ѣдущими другъ за другомъ, на которыхъ накладенъ былъ деревенскій запасъ, состоящій изъ разнаго рода какъ хлѣба, такъ и живности. Скуку длиннаго путешествія наши герои разгоняли самыми непристойными развлеченіями, останавливаясь подолгу въ попутныхъ гостиницахъ, кабакахъ, играя въ карты и проч. Порой Развратинъ услаждалъ нашего героя разсказами

о своей жизни и подвигахъ, излагалъ предъ нимъ свои разсужденія, грубыя, даже циничныя до крайности...

Наконецъ, пріятели наши прибыли въ Петербургъ. Вскорѣ по пріѣздѣ Евгеній вмѣстѣ съ Развратинымъ отправился представляться знакомому своего отца Вѣтрову, тоже барину, имѣвшему 400 душъ крестьянъ и 50.000 долгу; онъ «проживалъ очень хорошо оброкъ, получаемый имъ съ деревень своихъ, и имѣлъ удовольствіе тщеславиться тѣмъ, что годовой его расходъ превышаетъ доходъ болѣе, нежели вдвое». Вѣтровъ, его супруга и вся семья приняли хорошо молодыхъ людей, хотя, конечно, предпочтеніе отдавали Евгенію за его манеры свѣтскаго воспитаннаго молодаго человѣка, которыхъ не имѣлъ Развратинъ. Въ первый же день своего посѣщенія Вѣтровыхъ, герои наши близко сошлись съ хозяевами, а спустя немного времени Евгеній былъ даже другомъ дома Вѣтровыхъ. Въ салонѣ госпожи Вѣтровой («которая, хотя была лѣтъ сорока, но имѣла благородное соревнованіе не уступать въ великолѣпіи и разборчивости убранства щеголихамъ, превосходящимъ ее вдесятеро богатствомъ») Евгеній имѣлъ случай познакомиться съ весьма разнообразнымъ обществомъ. Тутъ были гости «во фракахъ, въ мундирахъ, въ шаляхъ, въ шляпахъ, въ чепцахъ», особы «различнаго возраста, различнаго званія и различнаго дурачества». О характерахъ и качествахъ гостей Вѣтровыхъ можно судить по фамиліямъ: богатый и дѣльный помѣщикъ Тысящниковъ, имѣвшій супругу, весьма похожую по своимъ нравственнымъ качествамъ на г-жу Негодяеву, братья Подлянкины, г-жа Лицемѣркина, Распутинъ, Прыжковъ и др. Евгенію пришлось по душѣ это общество, охотно принявшее его въ свой кругъ, и герой нашъ, почувствовавъ себя въ своей сферѣ, «занимался всѣми увеселеніями, какими только желалъ и могъ», тѣмъ болѣе, что у него всегда было въ достаточномъ количествѣ и денегъ, и времени (отъ обязательной службы офицера онъ откупался). Но скоро начались и страданія Евгенія. Первое изъ нихъ принесла «измѣна» г-жи Вѣтровой, которая, промѣнявъ мужа на Евгенія, и послѣдняго замѣнила Прыжковымъ (онъ былъ соперникомъ Негодяева въ танцованіи). Евгеній отомстилъ ей, пославъ написанное подъ диктовку Развратина письмо, полное самыхъ сильныхъ выраженій. Но на ея мѣсто вступила къ нему дѣвица Миловзорова, за которой Евгеній и началъ ухаживать. Впрочемъ, ухаживанія эти скоро окончились для него трагикомическимъ образомъ. Оказалось, что домъ Миловзоровыхъ, гдѣ часто бывалъ Евгеній, былъ не что иное, какъ притонъ шуллеровъ, и герой нашъ послѣ цѣлаго ряда злоключеній попалъ въ сѣти, которыя были искусно разставлены Миловзоровымъ купно со своею дочерью, прельстившей Евгенія. Евгеній жестоко поплатился за свои увлеченія и неопытность; но скоро къ нему опять вернулись и здоровье, и деньги, которыя съ прежней щедростью посылались

родителями въ отвѣтъ на краснорѣчивыя и полныя нѣжныхъ чувствъ письма сына; вмѣстѣ съ ними въ Евгеніи проснулась и жажда новыхъ наслажденій, и онъ вновь пустился въ прежнюю жизнь.

Изъ слѣдующихъ двухъ послѣднихъ главъ романа и заключенія мы узнаемъ, что Евгеній не успѣлъ прожить такимъ образомъ въ столицѣ и года, какъ былъ вызванъ матушкой въ деревню. Дѣло въ томъ, что отецъ его «лишился внезапно языка и черезъ нѣсколько часовъ и жизни». Герой нашъ летитъ домой и застаетъ уже и мать умирающей: она жестоко простудилась, выѣхавъ въ театръ на другой день послѣ похоронъ своего мужа. Черезъ недѣлю по пріѣздѣ Евгенія и она умерла. Евгеніюшка, похоронивши великолѣпно свою матушку и взявши съ собой всѣ оставшіеся послѣ нея брилліанты и дорогія вещи, равно какъ наличныя деньги и векселя послѣ батюшки, возвратился въ Петербургъ, куда призывали его тогдашняя служба и веселость, прожилъ въ пять лѣтъ все, что его отецъ нажилъ въ пятьдесятъ, вошелъ въ неоплатные долги, хотѣлъ поправить свое состояніе выгодной женитьбой, посаженъ былъ по просьбѣ своихъ заимодавцевъ въ магистратъ, занемогъ тамъ горячкой и скончался на 24-мъ году отъ рожденія, имѣя уже чинъ поручика гвардіи.

Изъ этой же главы мы узнаемъ дальнѣйшую судьбу и другихъ героевъ романа. Такъ Развратинъ скоро потерялъ въ нетрезвомъ видѣ по своей оплошности скопленныя имъ, живучи съ Евгеніемъ, нѣсколько тысячъ рублей, поступилъ на службу учителемъ чистописанія, грамматики и др., и, наконецъ, былъ убитъ ударомъ молніи въ тотъ самый моментъ, когда, прогуливаясь съ однимъ изъ своихъ учениковъ, доказывалъ ему, «что нѣтъ ни Бога, а посему ни награжденія, ни наказанія небеснаго».

Печаленъ былъ конецъ и Вѣтровыхъ, и прочихъ героевъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе романа, сорокъ главъ котораго, заключенныхъ въ пять книгъ, почти сплошь заняты изображеніемъ дурнаго воспитанія и сообщества и дурныхъ слѣдствій того и другаго. На протяженіи сорока главъ авторъ не выставилъ ни одного лица, которое могло бы возбудить къ себѣ симпатіи въ душѣ читателя; авторъ не далъ ни одной картины, которая привлекла бы къ себѣ читателя. Весь романъ – изображеніе однѣхъ лишь отрицательныхъ сторонъ русской жизни, русской молодежи. Само собою разумѣется, что такое скопленіе отвратительныхъ личностей съ низкими склонностями, среди гадкихъ и подлыхъ дѣлъ и дѣлишекъ,—какъ справедливо еще замѣтилъ А. Д. Галаховъ—сильно повредило его достоинству, «какъ преднамѣренная односторонность[1]): она уронила «Евгенія» и во мнѣніи публики и критики. Критика встрѣтила романъ Измайлова болѣе чѣмъ недружелюб-

[1]) „Исторія русской словесности", т. II, Спб. 1875 г, стр. 170.

но, прямо враждебно, и въ лицѣ рецензента «Новостей» сочла «Евгенія» книгой недостойной для чтенія: «Такъ не пишутъ романовъ для воспитанія!»—восклицаетъ между прочимъ рецензентъ въ своемъ пространномъ отзывѣ [1]). Молодой авторъ былъ возмущенъ такимъ отношеніемъ критики къ первому дѣтищу его музы и на страницахъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» скоро помѣстилъ свое объясненіе, въ которомъ называлъ критику на его книгу не иначе, какъ забавнымъ объявленіемъ» [2]).

Впрочемъ, впослѣдствіи Измайловъ и самъ охладѣлъ къ своему роману и даже не разъ осмѣивалъ его на страницахъ собственнаго журнала «Благонамѣренный» [3]). Но неуспѣхъ романа, какъ во мнѣніи критики современной, такъ и болѣе поздней (напр. Бѣлинскаго) [4]) и даже самый фактъ охлажденія къ нему его автора еще не рѣшаютъ вопроса о значеніи его въ исторіи нашей литературы. Вопросъ этотъ, получающій особую важность, если мы вспомнимъ, какъ немногочисленна была семья нашихъ первыхъ русскихъ романовъ, къ которымъ присоединился въ концѣ XVIII вѣка «Евгеній», можетъ быть рѣшенъ только при болѣе внимательномъ отношеніи къ роману Измайлова, въ каковомъ ему до сихъ поръ отказывали. Роману Измайлова историкъ литературы долженъ отвести, если не важное, то, во всякомъ случаѣ, далеко не второстепенное мѣсто въ ряду нашихъ первыхъ по времени романовъ уже потому, что «Евгеній» одинъ изъ первыхъ, или, лучше сказать, первый русскій реальный романъ, ибо ни въ одномъ изъ русскихъ романовъ до Измайлова мы не встрѣчаемъ такого реальнаго изображенія нашего быта, какъ въ романѣ «Евгеній». Картины, составленныя Измайловымъ, реальны и, надо отдать ему справедливость, фотографически точны: раскройте мемуары того времени, приподнимите сатирическій покровъ съ листковъ русскихъ сатирическихъ журналовъ конца прошлаго столѣтія—и передъ вами мелькнутъ портреты русскихъ людей, такъ поразительно схожіе съ портретами, даваемыми Измайловымъ. Отмѣтимъ при этомъ, что молодой авторъ затрогивалъ въ своемъ романѣ одинъ изъ жгучихъ вопросовъ того времени—воспитаніе и, показывая обществу похожденія «Евгенія», имѣлъ весьма серьезную и хорошую идею: «Ежели—заканчивалъ Измайловъ предисловіе къ своему роману—моя книга будетъ похвалена хотя немногими знающими людь-

[1]) „Новости“ 1799 г., іюль. Отрывки изъ нея, какъ примѣръ тогдашней критики, приводились не разъ и въ позднѣйшей литературѣ (см. напримѣръ книгу Н. А. Бѣлозерской „Н. Т. Нарѣжный“. Спб. 1886).

[2]) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1799, № 93, стр. 2338. Между прочимъ Измайловъ требовалъ „объясненія“ со стороны „Новостей“, но его не послѣдовало, ибо журналъ этотъ вскорѣ прекратилъ свое существованіе.

[3]) См. „Полное собраніе сочиненій“ т. II, стр. 267, 294.

[4]) Сочиненія, т. VII, Спб. 1860, стр. 383.

ми, ежели хотя немногіе родители приложатъ рачительнѣйшее стараніе о воспитаніи дѣтей своихъ, я почту себя весьма награжденнымъ за мои труды».

Но въ чемъ же кроется причина неуспѣха романа Измайлова, несмотря на оригинальность его, реализмъ, привдиво отвѣчающій дѣйствительности? Конечно, не въ одномъ лишь крайнемъ реализмѣ, не въ одномъ лишь смѣломъ изображеніи отрицательныхъ сторонъ нашей жизни, что̀ ставилось главнымъ образомъ въ упрекъ Измайлову его критиками; ибо читаетъ наше общество и понынѣ «Мертвыя души», и давно уже критика отказалась отъ мысли подвергать осужденію «неумолимый рѣзецъ» Гоголя. Но тѣмъ-то и великъ Гоголь въ своемъ реализмѣ, что изъ-подъ его «неумолимаго рѣзца», «выпукло и ярко» выходила,—какъ настойчиво повторялъ Бѣлинскій,—«совершенная истина жизни»; произведенія его отвѣчаютъ вполнѣ основному требованію реальной поэзіи—«извлекать поэзію жизни изъ прозы жизни и потрясать души вѣрнымъ изображеніемъ этой жизни». Гоголь, выражаясь словами другаго современнаго ему критика, «ни на одно мгновенье не упускалъ изъ виду общечеловѣческихъ условій характера каждаго изъ своихъ героевъ, и потому всѣ дѣйствующія лица его поэмы прежде всего являются людьми, какъ-бы малы и ничтожны они ни были по положенію своему въ обществѣ, до какого бы нравственнаго униженія ни были доведены воспитаніемъ и неизбѣжнымъ теченіемъ дѣлъ» [1]). Въ каждомъ героѣ его не трудно усмотрѣть всѣ человѣческія движенія, и потому-то всѣ они возбуждаютъ къ себѣ глубокое сочувствіе въ душѣ читателя, у котораго найдется чувство жалости и состраданья даже и при взглядѣ на Плюшкина, эту «прорѣху на человѣчествѣ».

Обращаясь къ роману «Евгеній», мы прежде всего должны отмѣтить односторонность его автора въ изображеніи жизни и характеровъ. Романъ Измайлова, говоря языкомъ Бѣлинскаго, даже не «синтетическія повѣрки аналитическихъ наблюденій надъ жизнью», но просто протокольная запись безобразій въ нашей жизни, фотографическіе снимки съ молодежи своего времени «въ непозволительныхъ позахъ». Авторъ «Евгенія», такъ сказать, «обезчеловѣчилъ» своихъ героевъ, сдѣлалъ изъ нихъ негодяевъ, лишенныхъ сколько-нибудь общечеловѣческихъ желаній, уродовъ, со страстями и побужденіями самыми порочными [2]). Дѣйствительно, въ чемъ проходитъ день нашихъ героевъ, вся жизнь ихъ? Въ какомъ-то чаду безобразій: старики занимаются ростовщиче-

---

[1]) В. Н. Майковъ. „Критич. опыты". Спб. 1891, стр. 265.

[2]) Такъ назвалъ своего героя самъ авторъ:

„Восьмнадцати не больше лѣтъ
Урода этого я произвелъ на свѣтъ".

ствомъ, сутяжничествомъ, флиртомъ, карточной игрой..., молодежь ходитъ по кабакамъ, игорнымъ домамъ и всю жизнь свою проводитъ въ одномъ лишь стремленіи къ наслажденіямъ, порою грубымъ и унизительнымъ...

Читателю скучно и душно въ такой атмосферѣ, онъ ищетъ хоть одной сцены, на которой онъ могъ бы отдохнуть въ своемъ слѣдованіи за похожденіями героевъ романа, хоть одного побужденія въ нихъ общечеловѣческаго. Не находя ни того, ни другаго, читатель, пробѣгая романъ, не чувствуетъ въ немъ и присутствія автора, его «души», не видитъ той объединяющей идеи, которая охватывала бы все произведеніе. Идея эта поставлена лишь въ предисловіи, но провести ее черезъ свой романъ молодому автору было не подъ силу. Не мудрено, поэтому, что критику «Новостей» показалось, что авторъ «Евгенія» тѣшитъ лишь свое воображеніе, и Измайлову, такимъ образомъ, пришлось разочароваться въ своемъ ожиданіи, что романъ его будетъ прочтенъ и даже, можетъ быть, «нѣсколько пріятенъ».

Другой причиной неуспѣха романа Измайлова слѣдуетъ считать и нѣкоторую несвоевременность его появленія. Не забудемъ, что въ концѣ прошлаго вѣка въ нашей литературѣ завоевало себѣ симпатіи иное изображеніе жизни, чѣмъ-то, съ которымъ мы встрѣчаемся въ «Евгеніи»: переводные романы Ричардсона и др. и подражанія имъ, повѣсти Карамзина и цѣлой плеяды его подражателей открывали новую эпоху въ нашей литературѣ и вкусахъ, эпоху, въ которой герои «Евгенія» никакъ не могли уже привлечь къ себѣ вниманіе нашей публики. Дѣйствительно, Евгеній могъ имѣть успѣхъ лишь въ годы появленія пьесъ Фонъ-Визина и Екатерины II. Онъ былъ первый опытъ смѣло показать, именно въ формѣ реальнаго романа, неурядицы въ нашей жизни, благодаря дурному воспитанію и сообществу, неурядицы, о которыхъ такъ много говорили русскіе люди Екатерининской эпохи, подъ иноземнымъ вліяніемъ, теребя на разные лады и въ салонахъ, и на театральныхъ подмосткахъ, и на листкахъ періодической печати, и въ проектахъ объ улучшеніи рода человѣческаго одну и ту же тему о воспитаніи. Но извѣстно, что шумные дебаты нашего высшаго общества о воспитаніи, послѣ созданія: «Недоросля» и «Бригадира», болѣе уже не находили рѣзкаго выраженія въ нашей литературѣ, это—во-первыхъ; во-вторыхъ,—гордо провозглашавшіяся теоріи по тому же вопросу не осуществлялись на практикѣ, не проникали въ жизнь, или проникали слишкомъ мало. Послѣ всего сказаннаго уже не трудно вывести, какое значеніе имѣетъ для насъ романъ Измайлова: являясь какъ-бы дополненіемъ къ литературѣ Екатерининской эпохи (по идеѣ, своему нравственно-сатирическому характеру и пр.), «Евгеній», въ то же время, прекрасный показатель, что нравы нашего общества въ концѣ прошлаго и на зарѣ настоящаго столѣтій, общества, «вздыхавшаго» по бѣдной

Лизѣ, не измѣнились, или измѣнились очень мало къ лучшему, сравнительно съ нравами временъ Простаковыхъ и имъ подобныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, присмотримся ближе къ дѣйствующимъ лицамъ романа Измайлова. О родителяхъ главнаго героя романа (Евгенія Негодяева) скажемъ немного: они—сколокъ съ портретовъ родителей, знакомыхъ намъ по драматическимъ произведеніямъ императрицы Екатерины, Фонвизина и сатирическимъ листкамъ того времени. Болѣе оригиналенъ въ изображеніи Измайлова самъ Евгеній Негодяевъ. Съ дѣтства пріученный къ мысли, что онъ, во-первыхъ, дворянинъ, во-вторыхъ, сержантъ, Евгеній имѣлъ высокое понятіе о своихъ достоинствахъ, тѣмъ болѣе, что модное воспитаніе, данное ему его родителями, его знаніе свѣта, умѣнье изъясняться по-французски, кланяться непринужденно и танцовать превосходно, а главное—деньги въ большомъ количествѣ и мундиръ офицера гвардіи—давали ему возможность быть однимъ изъ видныхъ представителей тогдашней золотой молодежи и одерживать безъ труда немало побѣдъ надъ женскими сердцами. Трудно сказать, какіе интересы, кромѣ жажды развлеченій, были у Евгенія: удовлетвореніе своимъ страстямъ было цѣлью жизни этого барчука, въ плоть и кровь котораго вошло убѣжденіе, что онъ дворянинъ и по сему не долженъ ничего дѣлать; «cherchez la femme!», казалось, было его постояннымъ лозунгомъ. Избравъ своимъ ментором Развратина, онъ прошелъ всю свою жизнь съ университетской скамьи рука объ руку съ этимъ человѣкомъ, превосходя часто даже его въ своемъ ненасытимомъ сладострастіи. Въ пять лѣтъ онъ успѣлъ промотать все, что его отецъ нажилъ въ пятьдесятъ, и умеръ въ «магистратѣ».

Другъ его, Развратинъ, какъ показываетъ самая фамилія этого героя, былъ развратнымъ во всѣхъ смыслахъ, начиная съ убѣжденій и кончая поступками [1]). Назвавшись другомъ богатаго барчука, онъ принялъ на себя роль его наставника и руководителя и, засыпая его кучей безсмысленныхъ силлогизмовъ, всякій разъ, какъ тотъ находился въ нерѣшительности, всегда склонялъ Евгенія на свою сторону. Онъ въ конецъ заглушилъ въ душѣ Евгенія тѣ немногочисленныя крупицы добрыхъ чувствъ, которыхъ въ немъ не успѣло уничтожить воспитаніе, и, обманывая частенько его самымъ подлымъ образомъ, особенно когда дѣло шло о деньгахъ, успѣлъ скопить себѣ къ смерти Евгенія крупную сумму. Но какъ приходили деньги, такъ онѣ и уходили; онъ лишался

[1]) Вотъ какъ характеризуетъ его самъ авторъ: „это былъ человѣкъ посредственныхъ знаній, испорченныхъ нравовъ и испорченнаго сердца; хвасталъ какъ педантъ, пилъ какъ ремесленникъ, игралъ на биліардѣ, какъ маркеръ, злословилъ, какъ богомолка, и умѣлъ съ несказаннымъ искусствомъ жить на счетъ другихъ“.

ихъ самымъ неожиданнымъ образомъ: его обворовывали. Конецъ его извѣстенъ.

Что касается остальныхъ героевъ романа, то о нихъ, въ немногихъ словахъ, можно сказать слѣдующее: не служеніе на благо общества, не трудъ, полезный для него и разумный, но лишь удовлетвореніе собственныхъ мелкихъ, чисто эгоистическихъ страстишекъ лежало въ основѣ ихъ жизни, которую они прожигали всевозможными средствами, начиная съ баловъ, обѣдовъ, салонной болтовни, кончая картами, винами и т. п. Однообразная до утомительности и пошлая ихъ жизнь, съ внѣшней стороны, была бѣдна, убога, и съ внутренней, духовной; о послѣдней авторъ даже какъ-бы избѣгаетъ говорить.

Таковы въ общихъ чертахъ герои романа «Евгеній»; таково русское дворянское общество въ изображеніи Измайлова,—изображеніи, совершенно правдивомъ въ частностяхъ, какъ отмѣтилъ еще А. Д. Галаховъ.

Присматриваясь ближе къ этому обществу, не трудно замѣтить въ немъ тѣхъ же Чудихиныхъ, Ханжихиныхъ, Простаковыхъ и т. д., словомъ, галлерею тѣхъ самыхъ типовъ, что мы видимъ въ пьесахъ Екатерининской эпохи, хотя съ нѣкоторыми новыми чертами. Но если въ 70-хъ и 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія существовали: Иванушки, Митрофанушки, Ханжихины, Чудихины и проч., то развѣ ихъ не стало въ 90-хъ годахъ? развѣ воспитаніе стало лучше, а прежнее не дало своихъ результатовъ, и дѣти Простаковыхъ стали дѣйствительно людьми потому, что начали вздыхать надъ горькой участью героинъ сентиментальныхъ романовъ?—Нѣтъ, общество было то же общество, но повторяемъ, конечно, съ нѣкоторыми новыми чертами. Евгеніи Негодяевы 90-хъ годовъ существовали и раньше, и, какъ увидимъ, они будутъ жить и позже, хотя подъ другой фамиліей и въ другихъ костюмахъ. Они явились на нашей землѣ, какъ разъ съ того момента, какъ въ хоромахъ помѣщичьихъ усадебъ, на всемъ протяженіи нашего отечества, зазвучала изъ устъ россіянъ французская рѣчь, и крѣпостные «людишки» гнули свои выи передъ годовалымъ барчукомъ, но уже въ чинѣ сержанта, выводимымъ на показъ въ мундирѣ, сему чину присвоенномъ. Чадолюбивые родители примѣняли къ нимъ, сообразно измѣнявшимся понятіямъ и условіямъ жизни, разныя системы воспитанія, съ результатами которыхъ мы хорошо можемъ познакомиться, присмотрѣвшись къ портретамъ питомцевъ Вральмана, m-lle Pendard, m-me Sans Pudeur, m-r L'Abbé и т. п.

Итакъ, какія бы системы воспитанія ни примѣнялись къ нашимъ Евгеніямъ, и какъ бы послѣдніе ни различествовали между собой по своему темпераменту, уму и характерамъ,—они все тѣ же Россійскіе Евгеніи. Не сразу явились на русской почвѣ Онѣгины, но они развивались постепенно, и, какъ всякое общественное явленіе въ своемъ

развитіи подчиняется непреложнымъ законамъ измѣненій и преемственности, такъ и литературные типы, вродѣ разсматриваемыхъ нами, выработанные самой жизнью, лишь вѣрные снимки съ одного и того же русскаго человѣка, сдѣланные лишь въ разныя эпохи его возраста, въ которыя онъ успѣлъ немало измѣниться. Неизмѣримая разница, хотя бы въ умственномъ отношеніи, между Евгеніемъ романа Пушкина и Евгеніемъ романа Измайлова, но громадная разница между Евгеніемъ послѣдняго и Иванушкой Фонъ-Визина, но всѣ они братья между собой, всѣ дѣти однихъ родителей: русскаго барина временъ крѣпостничества, знающаго только, что онъ—дворянинъ, и русской барыни, знающей, что она дворянка и что ея дѣтямъ нужно достойное ихъ званія воспитаніе—нужны лоскъ, свѣтъ, французскій языкъ и мундиръ,

„Одинъ мундиръ, расшитый и красивый".

правда, потомъ, замѣненный чернымъ фракомъ, но подъ которымъ

„Слабодушіе, разсудка нищета",

скрывался тотъ же эгоизмъ, та же душа, можетъ быть, и даровитая но искавшая лишь удовлетворенія собственнымъ страстямъ, страдавшая порой отъ неудовлетворенности собственнаго эгоизма, душа, которая не въ состояніи была подняться выше личныхъ интересовъ, въ сознательномъ или безсознательномъ стремленіи за которыми проходила вся жизнь нашихъ Евгеніевъ. Было время, когда они кричали: «не хочу учиться, хочу жениться»; было время, когда они кидались въ омутъ разврата и или погибали тамъ, или выходили разбитыми, усталыми и ни на что негодными, кромѣ жалкаго петиметрства; было время, когда имъ надоѣдалъ и Дидло и всѣ блага земныя, и говорили они, окутавшись въ Чайльдъ-Гарольдовскій плащъ, что они, «не созданы для блаженства», или, еще лучше, что

„Жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ" и т. д.

Поэтъ правъ, рисуя въ 30-хъ годахъ современное ему поколѣніе, какъ поколѣніе людей «къ добру и злу постыдно равнодушныхъ». Негодное воспитаніе, даваемое негодными отцами—вотъ главная причина, породившая такое поколѣніе. Такихъ взглядовъ держался очевидно и Лермонтовъ, смотря на «наше поколѣнье», какъ на «обманутыхъ сыновъ промотавшихся отцовъ»; такіе взгляды мы найдемъ и далеко до него

„На васъ, родители, потребуютъ отчета,
Что вашихъ жизнь дѣтей позоромъ стала свѣта
И что въ безпутствахъ дни свои влекутъ они,
Причиною тому лишь вы одни".

доносится до насъ изъ XVIII вѣка [1]). Измайловъ, рисуя своего Евгенія, главной причиной, почему изъ него вышелъ уродъ (какъ онъ самъ назвалъ его впослѣдствіи), полагаетъ воспитаніе. Итакъ, вотъ какую связь и преемственность литературныхъ типовъ и представителей русской золотой молодежи мы можемъ наблюдать въ развитіи нашей литературы въ связи съ развитіемъ русской жизни вообще. Евгеній Негодяевъ—связующее звено между героями Екатерининской эпохи и начала XIX вѣка, онъ—преемникъ первыхъ и прототипъ вторыхъ. И вотъ почему романъ Измайлова можетъ занимать видное мѣсто между романами, имѣющими не малое общественное значеніе.

Но не одинъ Евгеній имѣетъ такую связь съ предшествующими и послѣдующими типами. Не вдаваясь въ подробности, отмѣтимъ слѣдующее. Подлянковъ—блестящій прототипъ Грибоѣдовскаго Молчалина. Господа въ родѣ мосье Лепандардъ, смѣнившіе господъ Вральмановъ и т. п., со временемъ стали называться мосье Бопре, l'Abbé и т. д.; г-жа Sans Pudeur, «которая довольно дурно говорила по-русски, а читать не умѣла нисколько» и т. д., жила еще долго на Руси, и—нужно ли говорить—что подобныхъ ей не трудно встрѣтить и понынѣ.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о степени оригинальности романа Измайлова. Мы назвали его первымъ русскимъ оригинальнымъ реальнымъ романомъ,—можно еще прибавить нравственно сатирическимъ. Но, само собою разумѣется, что опредѣленіе это до нѣкоторой степени условно и требуетъ оговорокъ.

Въ прекрасномъ трудѣ Н. А. Бѣлозерской о В. Т. Нарѣжномъ [2]), статьѣ Благосвѣтова «Русскій прозаическій романъ [3]), А. Г. Лященко «Публицистическій элементъ въ романахъ Эмина» [4]) и нѣкоторыхъ другихъ читатель найдетъ немало указаній на то, что какъ элементъ, и реальное изображеніе русской жизни и общества, и нравственно-сатирическое обличеніе недостатковъ русскихъ людей, испорченныхъ дурнымъ воспитаніемъ и пр., не трудно встрѣтить въ старыхъ романахъ до Измайлова. Съ своей стороны можемъ прибавить, что Измайловъ, создавая своихъ героевъ, находился подъ сильнымъ вліяніемъ литературы какъ иностранной, такъ и русской. Достаточно указать на сходство его разсужденій о воспитаніи со взглядомъ на тотъ же предметъ Руссо, на тотъ burlesque въ его романѣ, который напоминаетъ Скаррона и пр. Что касается до вопроса о вліяніи на Измайлова лите-

---

[1]) См. „Живописецъ", 1772 г., л. 8, письмо VII.

[2]) Н. А. Бѣлозерская „В. Т. Нарѣжный". Спб., 1886.

[3]) „Сынъ Отечества", 1856 г., №№ 28, 31, 38.

[4]) Отд. оттискъ изъ „Jahresbericht der Reform. Kirchenschule für 1897—98". Спб. 1898.

ратуры русской, то мы уже успѣли замѣтить, что типы, обрисованные Измайловымъ въ своемъ романѣ, весьма напоминаютъ героевъ комедій и сатирическихъ листковъ Екатерининской эпохи. Мало того, мы можемъ указать нѣсколько статей изъ старой сатирической журналистики, даже совпадающихъ по заглавію съ заглавіемъ «Евгенія», напр.: «Слѣдствія худаго воспитанія», «О дѣйствіи добраго и худаго воспитанія», «Отъ воспитанья все зависитъ», «О худомъ воспитаніи сельскихъ дворянъ» (переводъ), «Хорошее воспитаніе лучше богатаго наслѣдства» [1]) и др. Но всѣ эти статьи въ двѣ-три странички, иной разъ переводныя, имѣютъ общаго съ романомъ Измайлова лишь заглавіе и тему, о разработкѣ же въ нихъ типовъ и подробномъ развитіи ихъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Статьи эти могли быть для нашего писателя лишь толчкомъ къ написанію романа, но отнюдь не источникомъ.

Заслуга Измайлова въ области исторіи русскаго романа въ томъ-то и состоитъ, что онъ былъ однимъ изъ первыхъ нашихъ романистовъ, которые глубоко чувствовали весь вредъ «ложнаго» воспитанія, скорбѣли о крайней распущенности нашей молодежи и полуобразованнаго общества, какъ результатѣ нерадѣнія о своихъ дѣтяхъ родителей, предпочитавшихъ «ввѣрять нравъ дѣтей распутнымъ бѣглецамъ». Измайловъ вмѣстѣ съ Н. П. Николевымъ, хорошо понималъ, что въ томъ воспитаніи, «. . . что свѣтскимъ мы зовемъ

„Разврата общаго зародыши всѣ въ немъ" [2]).

Но въ то время, какъ Николевъ, для борьбы съ «развращенными нравами нынѣшняго вѣка» [3]), взялъ старое оружіе и уже не имѣвшее силы надъ современниками, именно сатиру, Измайловъ предпочелъ иное средство: онъ задумалъ показать обществу его правдивое изображеніе въ такой литературной формѣ, въ которой бы можно было соединить всѣ пріемы, въ частности практиковавшіеся въ нашей литературѣ для борьбы съ невѣжествомъ и проч.,—онъ задумалъ реальный романъ, въ которомъ бы не надо было пускать своего героя за тридевять земель, распространяться о примѣрахъ добродѣтели, дѣлать нравственно-дидактическія вылазки и т. п., словомъ, бросить рутину и дать простое реальное изображеніе дикихъ нравовъ своихъ современниковъ, какими онъ видѣлъ ихъ постоянно передъ глазами.

---

[1]) „Живописецъ" стр. 138; „Праздное время", ч. I, стр. 163; „Ярославск. ежемѣсяч. соч.", ч. I, стр. 133; „Праздное время", ч. III, стр. 371 (см. также „Библіот. ученая", ч. IV, стр. 156); „Ярославск. ежемѣсяч. сочин"., ч. I, стр., 131; „Иртышъ, превращающ. въ Иппокрену, 1791, сент.

[2]) См. любопытныя страницы о состояніи.

[3]) См. его сатиру „На развращенные нравы нынѣшняго вѣка", находящуюся въ сборникѣ С. А. Венгерова. „Русская поэзія", т. I, Спб., 1880 г., стр. 801—802.

Обширное знакомство съ литературой и хорошіе образцы сатирическихъ изображеній въ нашей журналистикѣ помогли ему въ обработкѣ типовъ; пребываніе въ закрытомъ учебномъ заведеніи (гдѣ, какъ мы отмѣтили, нравы не отличались цѣломудріемъ) и ранняя тонкая наблюдательность дали ему сюжетъ и героевъ романа. Молодость и неопытность 18-ти-лѣтняго автора, повторяемъ, были виной, что Измайловъ не справился съ своей задачей: изображеніе вышло односторонниимъ и, хотя онъ могъ сказать въ свое оправданіе, что

„Я ихъ (т. е. порочныхъ) описывалъ порочныя дѣла,
А честнымъ у меня едина похвала",

все же общество сочло книгу его вредной и недостойной для чтенія. Главный же недостатокъ романа,—его грубоватость и въ выраженіи, и въ подборѣ сценъ, и въ изображеніяхъ, грубоватость, доходившая до цинизма.

Какъ увидимъ, эта особенность въ творчествѣ Измайлова осталась навсегда характерной чертой его произведеній.

Слѣдующее по времени болѣе крупное произведеніе Измайлова—повѣсть «Бѣдная Маша» [1]), изданная отдѣльной книжкой въ 1801 г.

«Простаковъ,—начинается повѣсть,—пожилой отставной офицеръ, посредственнаго достатка, посредственнаго разума, но весьма добраго сердца, жилъ со старухой, своей женой, одинакихъ съ нимъ свойствъ въ городѣ N. Главнѣйшее ихъ занятіе состояло во снѣ, въ хожденіи по праздникамъ въ церковь и употребленіи со своими сосѣдями и пріятелями домашнихъ наливокъ». Они пріютили у себя на старости лѣтъ сироту-племянницу Машу, дѣвушку такихъ прекраснѣйшихъ качествъ, что всякій сынъ говорилъ себѣ: «Дай мнѣ Богъ такую невѣсту, какова Маша». Многіе ее сватали, но понравился ей и ея родственникамъ одинъ только Миловъ, за котораго она и вышла замужъ. Но не долго наслаждалась Маша прелестями супружеской жизни: «по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ свадьбы Миловъ сталъ собираться въ ***, гдѣ, какъ сказывалъ, находился при мѣстѣ». Маша хотѣла было ѣхать съ нимъ вмѣстѣ, но краснорѣчіе мужа и Простаковыхъ убѣдило ее остаться, и Миловъ уѣхалъ одинъ, выпросивъ наканунѣ отъѣзда у своей жены ея приданное, состоявшее изъ денегъ и жемчуга. Но скоро обнаружился обманъ Милова: Маша пріѣхала съ сыномъ въ городъ, гдѣ былъ Миловъ, и застала своего мужа въ объятіяхъ какой-то Шарлотты. Свиданіе кончилось драмой: Шарлотта, понявъ, что она обольщена женатымъ человѣкомъ, «вонзила себѣ въ грудь большой ножъ»... Миловъ въ отчаяніи покушается на самоубійство, его удерживаютъ. Но такая

[1]) „Россійская отчасти справедливая, повѣсть". Съ эпиграфомъ изъ Флоріана: „Il n'est point de bonheur que dans l'amour légitime".

развязка такъ на него подѣйствовала, что онъ занемогъ «пресильной горячкой» и былъ на краю смерти. Старанія лѣкаря и заботы Маши возстановили его силы, и онъ началъ поправляться. Однако мысль о самоубійствѣ вновь овладѣла имъ, и онъ скоро привелъ ее въ исполненіе. Маша была потрясена до глубины души, и только «священный долгъ» матери и христіанки препятствовалъ ей кончить жизнь свою. Схоронивъ мужа и взявши изъ всего имѣнія, оставшагося послѣ Милова, только одинъ силуэтъ его, она возвратилась въ домъ своихъ родственниковъ, гдѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и «умерла съ грусти».

Повѣстью этой Измайловъ отдалъ дань входившему тогда въ силу новому теченію въ нашей литературѣ—сентиментализму. Она написана въ духѣ сентиментальныхъ, или, какъ иные тогда въ шутку называли, «раздирательныхъ» повѣстей, въ подражаніе «Бѣдной Лизѣ» Карамзина. Но сентиментальное, очевидно, не было въ натурѣ Александра Ефимовича,—онъ былъ сатирикъ-юмористъ, что̀ отразилось и на настоящей его повѣсти. «Природа,—какъ вѣрно замѣчаетъ Галаховъ,—отказала Измайлову въ тѣхъ принадлежностяхъ чувствительности, изъ которыхъ она становится сентиментальностью, и, напротивъ, даровала ему ту ея степень, на которой она отличается простодушіемъ и грубоватостью» [1]). Такимъ образомъ, повѣсть Измайлова выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ сентиментальныхъ повѣстей того времени, съ одной стороны,—своимъ мелодраматизмомъ (на который, намъ кажется, и нельзя смотрѣть иначе, какъ на неудачную попытку автора замѣнить чувствительность «раздирающими» сценами), съ другой,—реальнымъ, близкимъ къ естественности, но съ легкимъ оттѣнкомъ юмора изображеніемъ такъ-называемаго «низменнаго» быта. Еще Булгаринъ отмѣтилъ, что въ разсматриваемой повѣсти «сцены провинціальнаго сватовства и вообще домашній бытъ провинціала мастерски списаны съ натуры, т. е., въ чувствительной повѣсти лучшая сторона—юмористическая» [2]). Булгаринъ на сей разъ правъ: страницы, гдѣ описано сватовство, или, напримѣръ, гдѣ приводится письмо Филимона Фатюева и т. п., читаются съ удовольствіемъ даже и теперь. Вообще, нужно замѣтить, что юмористическія нотки частенько слышатся въ этой повѣсти; при томъ въ ней нѣтъ и утомительныхъ отступленій съ сентиментальными изліяніями; плаксивый, чувствительный тонъ въ ней чувствуется, сравнительно съ другими повѣстями того же рода, весьма мало [3]): въ ней больше простоты и естественнаго чувства, и, не приведи авторъ такихъ страшныхъ и грубыхъ кровавыхъ развязокъ, это произведеніе Измайлова было бы прекраснымъ отрывкомъ

[1]) „Современникъ“ 1850 г., т. 23, стр. 89.

[2]) „Сѣверная Пчела“ 1849 г., № 141.

[3]) Въ другомъ болѣе позднемъ подражаніи Карамзину („Что нужно актеру?“) Измайловъ вовсе отбросилъ „чувствительность“.

изъ жизни простодушныхъ россіянъ, прозябающихъ въ провинціи за своими будничными дѣлишками да наливочками, въ мирной болтовнѣ съ сосѣдями, со всею ихъ наивностью, а вмѣстѣ и невѣжествомъ.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что языкъ повѣсти отличается ясностью и легкостью, начало же ея, которое мы выписали, прямо-таки прекрасно по своей простотѣ и ровному, спокойному тону эпическаго разсказа съ легкимъ оттѣнкомъ юмора.

Слѣдующею и послѣднею повѣстью Измайлова была повѣсть «Ибрагимъ и Османъ или трудись, дѣлай добро и будешь счастливъ» [1]).

«Въ царствованіе славнаго калифа Гарунъ Альрашида,—начинается повѣсть,—жилъ неподалеку отъ Багдада старый мудрецъ, по имени Ибрагимъ». Это былъ человѣкъ идеальной честности, человѣкъ, всю жизнь свою посвятившій «дѣланію добра» своимъ ближнимъ; благодѣянія, щедро, но съ разборомъ, расточаемыя имъ, назидательныя бесѣды, умные совѣты, знаніе жизни и людей, глубокія познанія въ наукахъ,—все это привлекало много народу въ деревню, гдѣ онъ жилъ, и слава о немъ разносилась на далекое пространство. Молва о немъ дошла и до Османа, сына Кебиба (короля дамасскаго), который, несмотря на всѣ удобства жизни, роскошь, славу и прочія блага, ниспосланныя ему судьбой, чувствовалъ себя неудовлетвореннымъ. Онъ рѣшилъ пріѣхать къ Ибрагиму и просить мудреца помочь ему найти счастье жизни. Мудрецъ ласково принялъ королевича и предложилъ Осману остаться у него. Тотъ согласился, и вотъ тутъ-то, за непродолжительное пребываніе у Ибрагима, Османъ, познакомившись съ основными положеніями ученія мудреца: «трудись, дѣлай добро» etc. и вкусивши сладость жизни въ трудѣ и дѣланіи добра, поялъ, въ чемъ кроется счастье человѣка. Съ радостью Османъ возвратился домой и во все продолженіе своей жизни, твердо памятуя наставленія Ибрагима и на дѣлѣ слѣдуя его ученію, чувствовалъ себя счастливымъ, ибо жизнь его проходила, полная труда, радѣнія о ближнихъ и дѣланія добра.

Повѣсть эта принадлежитъ къ числу такъ-называемыхъ «восточныхъ» повѣстей. Въ своей статьѣ объ А. П. Бенитцкомъ [2]), мы имѣли уже случай говорить о восточной повѣсти вообще и о степени ея распространенія у насъ въ Россіи. Поэтому, здѣсь отмѣтимъ лишь, что Измайловъ,—сатирикъ-бытописатель по преимуществу,—рано почувствовалъ, на-ряду съ другими сродными ему по таланту писателями, все удобство «восточной повѣсти», какъ формы, въ которой весьма удобно можно уложить ту или другую морально-дидактическую идею или намекъ

[1]) Первоначально напечатана въ „Любителѣ словесности“ 1806 г., №№ 11, 12; затѣмъ въ „Благонамѣренномъ“ 1818 г., ч. 3.

[2]) „Журналъ министерства народнаго просвѣщенія“ 1900 г., апрѣль.

на обстоятельства, требующія огласки, но о которыхъ нельзя говорить открыто и прямо.

Въ только-что разсказанной повѣсти Измайловъ, очевидно, имѣлъ въ виду провести одну изъ излюбленныхъ своихъ идей, одно изъ основныхъ положеній своего нравственнаго кодекса: «трудись, дѣлай добро» и проч.; если же мы обратимъ вниманіе на предшествующую этой повѣсти его статейку «Наставленіе стараго индѣйскаго мудреца молодому государю» [1]), тѣсно примыкающую къ повѣсти и представляющую какъ бы эскизъ для нея, то намъ ясны станутъ и смыслъ, и цѣль этихъ двухъ произведеній Измайлова. Мы смотримъ на эти произведенія Александра Ефимовича, какъ на своего рода публицистическія работы. Дѣло въ томъ, что въ первые годы царствованія Александра, когда общественное настроеніе было особенно возбуждено, и рѣдко какой пінта не привѣтствовалъ молодаго монарха и не выражалъ самыхъ радостныхъ надеждъ, начали появляться массами разнаго рода произведенія, въ которыхъ явно или между строкъ, дѣлались намеки на необходимость тѣхъ или другихъ перемѣнъ, предлагались совѣты и т. п., даже болѣе: начали подаваться указанія, которыя нельзя было отнести ни къ кому иному, какъ къ личности государя. Такъ и въ «Наставленіи индѣйскаго мудреца» Измайлова мы усматриваемъ желаніе автора сдѣлать нѣсколько добрыхъ указаній самому монарху, и, такъ какъ это неудобно было дѣлать прямо, то Александръ Ефимовичъ избралъ путь окольный. Съ этой точки зрѣнія можно смотрѣть, въ связи съ только-что названнымъ наброскомъ, и на «Ибрагимъ и Османъ».

Особыхъ литературныхъ достоинствъ эти работы не имѣютъ.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ отмѣтить, что послѣдняя повѣсть принята была весьма сочувственно въ свое время [2]), долго нравилась публикѣ, и Измайловъ даже перепечаталъ ее впослѣдствіи въ «Благонамѣренномъ».

Своего рода публицистическими попытками можно считать и слѣдующія произведенія Измайлова: «Разсужденіе о нищихъ» [3]) и «Вчерашній день» [4]).

Первое написано подъ вліяніемъ высочайшаго рескрипта, даннаго на имя камергера Витовтова 12-го мая 1802 года. Измайловъ взялъ эпиграфомъ слѣдующія слова рескрипта: «Обыкновенное подаяніе ни-

---

[1]) Первоначально напечатана въ „Любителѣ словесности“ 1806 г., № 2, стр. 111—116.

[2]) Между прочимъ, повѣсть „Ибрагимъ и Османъ“ была читана въ 1806 г. на засѣданіи вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ и одобрена къ напечатанію.

[3]) Спб., 1804 г., in 8°.

[4]) Спб., 1807 г., in 12° (по Сопикову (№ 3115) „рѣдка“).

щимъ умножаетъ только число́ оныхъ» и написалъ по этому поводу разсужденіе о томъ, «какимъ способомъ можно уменьшить у насъ, въ Россіи, великое число оныхъ (т. е. нищихъ) и доставить всѣмъ прочимъ безнужное пропитаніе безо всякаго на то иждивенія отъ казны».

«Нищета и бѣдность, сіи два несносныя въ общежитіи бѣдствія»,—говоритъ авторъ въ предувѣдомленіи «Разсужденія»,—«такія представляютъ намъ ужасныя картины и такія пагубныя влекутъ за собою слѣдствія, что, по мнѣнію моему, давно бы уже должны были обратить на себя вниманіе искусныхъ политиковъ и патріотовъ. Августѣйшій нашъ патріотъ чувствовалъ всю важность, отъ сего зла происходящую, и доказательствомъ отеческаго его попеченія о несчастныхъ его подданныхъ, страждущихъ подъ игомъ нищеты, доказательствомъ неизреченной о семъ заботливости есть высочайшій его и всѣмъ намъ извѣстный рескриптъ отъ 12-го мая 1802 года, который служилъ немалымъ побужденіемъ и мнѣ къ тому, что я вздумалъ писать о семъ предметѣ».

Затѣмъ Измайловъ, послѣ краткихъ разсужденій о необходимости и спасительности благотворенія, подходитъ къ опредѣленію истинно-несчастныхъ, каковыми онъ считаетъ нищихъ. Распредѣливъ, затѣмъ, нищихъ на три категоріи (нищіе изъ отставныхъ солдатъ, нищіе—крестьяне, нищіе—увѣчные и т. п.) и доказавъ настоятельную необходимость въ облегченіи ихъ участи, авторъ говоритъ о тѣхъ неудобствахъ, съ которыми сопряжено обычное подаяніе, о невозможности имѣть при всѣхъ приходахъ богадѣльни и проч., и, наконецъ, предлагаетъ свой проектъ: переписать всѣхъ нищихъ по каждому приходу и завести во всѣхъ церквахъ нарочныя для нихъ кружки. «Нищіе, будучи извѣстны по всякому приходу, станутъ приходить по воскресеньямъ въ церковь, гдѣ, по окончаніи обѣдни, въ присутствіи старосты и священника, будетъ происходить раздача денегъ, сколько на еженедѣльное содержаніе каждаго, или на другія надобности потребуется».

«Я могу увѣрить»,—прибавляетъ Александръ Ефимовичъ,—«что сборъ денегъ на нищихъ превзойдетъ ожиданіе... Каждый усердный прихожанинъ, идучи въ праздникъ въ церковь и бравши съ собою на свѣчи, на церковное строеніе и проч. деньги, конечно, не забудетъ положить нѣсколько монетъ въ одну изъ сихъ кружекъ». Кромѣ церквей, по предложенію автора, слѣдуетъ поставить кружки и въ другихъ мѣстахъ, «куда собираются часто для одного только увеселенія и излишнихъ прихотей, напримѣръ: въ маскарадахъ, театрахъ, рынкахъ, даже въ самыхъ кофейныхъ домахъ и трактирахъ». Вотъ средства для борьбы съ нищетою, которыя 80 лѣтъ тому назадъ Измайловъ предлагалъ съ нѣкоторымъ опасеніемъ за ихъ «сообразность», но которыя, какъ всѣмъ извѣстно, въ наше время практикуются въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Но вниманіе гуманнаго Измайлова останавливали не одни лишь

нищіе: онъ живо сознавалъ необходимость подачи помощи и бѣднякамъ ремесленникамъ, художникамъ и т. п. лицамъ, обремененнымъ часто большими семействами и по тѣмъ или другимъ причинамъ не могущимъ доставать себѣ необходимыхъ средствъ къ существованію. Вотъ почему онъ съ искреннимъ восторгомъ повторялъ въ концѣ своего проекта слѣдующія слова рескрипта: «надлежитъ искать несчастныхъ въ самомъ жилищѣ ихъ, въ обители плача и стенанія, ласковымъ обращеніемъ, спасительными совѣтами, словомъ, всѣми нравственными и физическими способами стараться облегчать судьбу ихъ,—вотъ въ чемъ состоитъ истинное благодѣяніе». Изъ біографіи Измайлова мы уже знаемъ, что онъ въ продолженіе всей своей жизни удовлетворялъ всѣмъ только-что изложеннымъ требованіямъ «истиннаго благодѣянія».

Еще болѣе благородства и искренняго прямодушія выказалъ Измайловъ въ другой своей работѣ «Вчерашній день». Это—небольшой разсказъ, гдѣ авторъ между картинами сытой праздности нашего дворянства и непосильнаго труда бѣдняка вставилъ нѣсколько своихъ разсужденій о жалованіи и пенсіяхъ. Будучи самъ чиновникомъ и свидѣтелемъ, какъ тяжело жилось въ столицѣ его сослуживцамъ, Измайловъ предлагаетъ для вспомоществованія имъ слѣдующія средства: съ рѣдкимъ простодушіемъ онъ проситъ господъ отставныхъ чиновниковъ, имѣвшихъ родовое имѣніе, или скопившихъ въ продолженіе службы благопріобрѣтенное состояніе, отказаться отъ небольшихъ пенсій, а богатыхъ молодыхъ людей, получавшихъ, но проматывавшихъ по пустякамъ свое жалованіе, отказаться—отъ него, дабы и то и другое (т. е. пенсіи и жалованье) обратить въ пользу бѣдныхъ чиновниковъ.

Объ остальныхъ прозаическихъ произведеніяхъ Измайлова, которыя авторъ помѣщалъ на страницахъ издаваемыхъ имъ журналовъ, можно ограничиться немногими словами. Александръ Ефимовичъ писалъ были, анекдоты, діалоги, посланія, «мысли» и т. п. небольшіе наброски, которые въ то время служили необходимымъ балластомъ послѣднихъ страницъ каждой книжки журнала. Несмотря на разнообразіе только-что перечисленныхъ набросковъ, всѣ они имѣютъ нѣсколько общихъ чертъ.

Во-первыхъ, они написаны прекраснымъ, по тому времени, легкимъ, языкомъ; во-вторыхъ, большинство ихъ не что иное, какъ картинки изъ нашей прошлой для автора или современной ему жизни, странички изъ нашего быта, на которыхъ просто и правдиво авторъ разсказываетъ о тѣхъ неурядицахъ въ нашемъ строѣ жизни, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ; или которыя въ изобиліи хранилъ въ своей памяти по наслышкѣ. Заявивъ себя въ первомъ крупномъ прозаическомъ сочиненіи бытописателемъ юмористическимъ, Измайловъ остался таковымъ во все продолженіе своей литературной дѣятельности. Во всѣхъ своихъ мелкихъ прозаическихъ произведеніяхъ (и, какъ увидимъ, въ басняхъ) нашъ писатель

имѣлъ въ виду бытописаніе, иной разъ, съ морально-дидактическими тенденціями, но почти всегда подъ легкой дымкой простодушнаго юмора.

Безобразія въ нашей жизни различныхъ слоевъ общества (преимущественно дворянъ), самодурство, грубость и дикость нравовъ, корыстолюбіе, неблагодарность, ханжество и т. п.—вотъ главныя темы Измайлова. Замѣтимъ при этомъ, что онъ любилъ иногда обращаться къ тѣмъ самымъ вопросамъ, что̀ волновали его раньше и о которыхъ онъ успѣлъ уже высказаться,—возьмемъ хотя бы вопросъ о дурномъ воспитаніи и сообществѣ: показавъ слѣдствія того и другаго въ романѣ «Евгеній», Измайловъ много лѣтъ спустя въ анекдотахъ «Красныя дѣти» и «Русская жена» [1]) разсказалъ о двухъ фактахъ, которые могутъ служить хорошей иллюстраціей къ его юношескому произведенію. Но описывая отрицательныя стороны нашей жизни и общества, Измайловъ нерѣдко съ любовью останавливался на изображеніи и противуположныхъ, въ доказательство чего можно привести, напр., его анекдотъ «Стряпчій Миротворовъ» [2]) и др.

Наконецъ, между мелкими прозаическими твореніями Измайлова можно насчитать немало и такихъ, которыя имѣютъ интересъ исключительно біографическій, гдѣ авторъ говоритъ о своей особѣ, сообщая иной разъ даже мельчайшія подробности своей жизни, говоритъ о томъ, какъ проводитъ день, какія у него занятія, привычки, говоритъ о своей семьѣ, знакомыхъ, прислугѣ и пр. Въ наше время появленіе такихъ признаній автора въ печати было бы, конечно, курьезомъ въ высшей степени, но при патріархальныхъ нравахъ печати временъ «Благонамѣреннаго», они не казались компрометтирующими автора; рѣшимость же Измайлова обнародовать на страницахъ своего журнала можно объяснить лишь крайней откровенностью нашего писателя, его простодушіемъ, доходящимъ иной разъ до наивности.

О другихъ мелкихъ прозаическихъ произведеніяхъ Измайлова, имѣющихъ ближайшую связь съ дѣятельностью его какъ редактора-издателя «Благонамѣреннаго», скажемъ въ своемъ мѣстѣ, пока же заключимъ эту главу обзоромъ двухъ работъ его характера критическаго; мы имѣемъ въ виду его «Опытъ о разсказѣ басни» и «Разборъ басенъ».

Рано избравъ басню излюбленной формой своего творчества, Измайловъ скоро обратился къ изученію теоретической ея стороны. Съ этой цѣлью, вооружившись знаніемъ французскихъ теоретиковъ басни, онъ приступилъ къ широко задуманной работѣ—трактату о баснѣ, и

---

[1]) „Полное собраніе сочиненій", т. II, стр. 110, 115.
[2]) Ibid, стр. 106.

затѣмъ, утвердившись въ теоретическихъ принципахъ, началъ примѣнять на практикѣ свои научно-выработанные пріемы. Плодами его занятій въ этомъ направленіи явились «Опытъ о разсказѣ басни» и «Разборы басенъ» извѣстныхъ нашихъ баснописцевъ: Хемницера, Дмитріева, Крылова и др. (Второй трудъ остался незаконченнымъ: обстоятельства помѣшали Измайлову выполнить его въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ онъ хотѣлъ). Разсужденія о баснѣ и разборы появлялись частями, съ 1815 г., сперва на страницахъ «Вѣстника Европы», затѣмъ «Сына Отечества» и «Благонамѣреннаго»; въ исправленномъ видѣ, авторъ помѣщалъ ихъ въ собраніяхъ своихъ сочиненій (изд. 1817, 1821 г.), и, наконецъ, они вышли отдѣльной книгой, составлявшей 3-ю часть собранія сочиненій Измайлова, изд. 1826 года.

Опыты эти съ самаго начала появленія своего въ свѣтъ вызвали оживленные толки въ журналистикѣ, мало того, появились даже отдѣльныя изданія за и противъ Измайлова [1]); но большинство привѣтствовало появленіе такихъ работъ Александра Ефимовича [2]), его называли даже законодателемъ русскаго баснописанія [3]); самъ авторъ считалъ свои опыты одними изъ лучшихъ трудовъ своихъ и ставилъ ихъ себѣ въ особую заслугу. И дѣйствительно Измайловъ былъ въ правѣ гордиться ими: для своего времени, его разсужденія были дѣйствительно «классическимъ» трудомъ,—это была первая (на русскомъ языкѣ) серьезная и болѣе полная работа по теоріи басни. Но для насъ теперь она, конечно, имѣетъ мало значенія, какъ по характеру критическихъ пріемовъ Измайлова, такъ и потому, что «Опытъ» его далеко не оригиналенъ. Дѣло въ томъ, что немногочисленный запасъ критическихъ пріемовъ Измайлова былъ заимствованъ имъ изъ французскихъ теоретическихъ сочиненій. Критика Измайлова была критика чисто французская конца прошлаго столѣтія. Ни эстетическая, ни психологическая оцѣнка не имѣла виднаго мѣста въ критическихъ отзывахъ тогдашнихъ даже извѣстныхъ французскихъ критиковъ, съ которыми обращался Измайловъ; главное вниманіе ихъ устремлялось на чисто внѣшнюю сторону произведенія, и ихъ поверхностныя разсужденія вертѣлись на критикѣ языка и филологическихъ замѣткахъ: грамматика, стилистика и версификація— вотъ главные пункты, изъ которыхъ исходили ихъ отзывы.

Взявъ себѣ за руководство комментарій на Лафонтена, составленный

---

[1]) См. Окуловъ: „Разсмотрѣніе разсужденія, изданнаго Измайловымъ въ журналѣ „Сынъ Отечества“ о баснѣ и самыя басни его“. Спб. 1817; А. Р. „Два опыта въ словесности“. Спб. 1816.

[2]) См. „Духъ Журналовъ“. 1816, № 3; „Русск. Вѣстн.“. 1817, №№ 11—12; „Отеч. Записки“. 1821, ч. VIII; „Украинск. Вѣстникъ“, 1817, ч. VIII, 113—120 и др.

[3]) См. „Карманная книжка Аонидъ“. Спб. 1821, стр. 194.

Батте, Гильономъ, Шамфоромъ, Нодье etc., Измайловъ былъ вѣренъ въ своемъ «Опытѣ» и въ разборахъ басенъ. Такъ что, въ этомъ отношеніи, т. е. по тѣмъ самымъ пріемамъ, которыми пользовался Измайловъ въ своихъ критическихъ разсужденіяхъ, онъ въ правѣ былъ назвать свои разборы «примѣчаніями», ибо говорить о цѣлостности, о полнотѣ подобной критики, конечно, нельзя. Дѣйствительно, это были примѣчанія на отдѣльныя слова произведенія, выраженія красивыя и некрасивыя, легкія и тяжелыя и т. п., но особенности чисто метрическія и пр. Согласно такимъ взглядамъ на роль и обязанности критика, Измайловъ, конечно, былъ правъ допустить и такія—съ нашей точки зрѣнія—вольности, какія онъ позволилъ себѣ по отношенію къ изданію сочиненій Озерова. Ему не понравились нѣкоторыя шероховатости въ стихахъ—и онъ сгладилъ ихъ. Напр., Эдипъ говоритъ Полинику:

„Зри ноги ты мои, скитавшись изъязвленны;
Зри руки, милостынь прошеньемъ утомленны;
Ты зри главу мою, лишенную волосъ".

Измайловъ послѣдній стихъ исправляетъ такъ:

„Зри и главу мою, лишенную волосъ".

И сдѣлалъ онъ это по слѣдующему соображенію, приведенному въ предисловіи изданія:

«.... Озеровъ, равно какъ и Державинъ, былъ великій поэтъ, но не всегда, какъ и тотъ, искусный стихослагатель (versificateur). Этотъ недостатокъ есть, такъ сказать, неизбѣжная дань, заплаченная ими тому времени, въ которое начали они писать, не учась классической словесности и не имѣя тогда образцовъ исправнаго стихосложенія» [1]).

Не вдаваясь въ болѣе подробную оцѣнку названныхъ трудовъ Измайлова, изложимъ содержаніе его «Опыта» и приведемъ примѣры его разборовъ.

«Опытъ» состоитъ изъ 7 главъ: въ первой говорится о 3-хъ главныхъ качествахъ разсказа: краткости, ясности и правдоподобіи; при томъ рекомендуется «не начинать разсказа весьма издалека и не входить въ излишнія подробности», оканчивать разсказъ въ надлежащемъ мѣстѣ не дѣлать безъ нужды отступленій отъ главной матеріи, особенно, продолжительныхъ, не говорить того, что всякій легко можетъ подразумѣвать и т. д. Въ слѣдующей главѣ говорится «объ украшеніяхъ разсказа», затѣмъ о простотѣ, естественности, «о пріятномъ» (le gracieux), «о забавномъ» (le plaisant); послѣдняя болѣе обстоятельно изложенная глава посвящена разсужденію о простодушіи (le naif). Самостоятельнаго

[1]) Извѣстно, что за такое самоуправство съ текстомъ Измайлова немало упрекали. Тотъ оправдывался. (См. „Благонамѣренный", 1824, т. 8).

во всѣхъ этихъ отдѣлахъ мало; по большей части разсужденія Измайлова представляютъ или пересказъ или переводъ изъ того или другаго автора, подкрѣпляемый сравненіями и примѣрами изъ басенъ отечественныхъ писателей; къ чести нашего писателя слѣдуетъ отмѣтить ясность изложенія его «Опыта» и простоту въ систематизаціи добытыхъ имъ матеріаловъ. Изъ «Разбора басенъ» Измайлова приведемъ для примѣра отрывки изъ его разбора басни Крылова «Лягушки, просящія царя».

По обыкновенію, писатель нашъ приводитъ сначала басню и затѣмъ сопровождаетъ нѣкоторыя строки ея примѣчаніями». Вотъ что́ напр. говоритъ онъ по поводу стиха

„И плотно такъ онъ трепнулся на царство":

«Какъ выразителенъ и этотъ тяжелый пятистопный стихъ! Первая половина онаго оканчивается односложнымъ словомъ, вторая оканчивается также односложнымъ, за которымъ слѣдуетъ длинное слово «трепнулся». Невозможно не остановиться на сихъ двухъ односложныхъ словахъ и на первомъ слогѣ слѣдующаго слова: трепнулся. Все это чрезвычайно живо изображаетъ описываемое здѣсь дѣйствіе. Кажется, видишь, какъ этотъ царь упалъ съ неба на землю, отскочилъ немного вверхъ, потомъ опять упалъ и остался уже на мѣстѣ».

По поводу слѣдующаго стиха

„Что ходенемъ пошло трясинно государство".

Измайловъ вспоминаетъ отзывъ В. А. Жуковскаго [1]) и прибавляетъ свое замѣчаніе:

«Живопись въ самыхъ звукахъ! Два длинныхъ слова: ходенемъ и трясинно прекрасно изображаютъ потрясеніе болота. Гильенъ въ примѣчаніи своемъ въ баснѣ Лафонтена: «Le chat et un vieux rat» говоритъ, что изобрѣтенное имъ слово: la gent trottemenu, такъ какъ многія другія его же выраженія и прочихъ оригинальныхъ поэтовъ, потеряны для иностранныхъ языковъ. То же самое должно сказать и о настоящемъ русскомъ выраженіи: ходенемъ пошло: этого нельзя перевести ни на какой языкъ. Трясинно государство — весьма удачный эпитетъ» и т. д.

Заключаетъ свой разборъ Измайловъ слѣдующими словами: «Вообще басня сія у Крылова несравненно лучше, нежели у Лафонтена — а это — скажу вмѣстѣ съ г. Жуковскимъ—весьма много; ибо Лафонтенова басня прекрасна: въ стихахъ послѣдняго менѣе живописи и самый разсказъ его не столь забавенъ». Французскій стихотворецъ Павильонъ (Ра-

[1]) Жуковскій, „Вѣстникъ Европы". 1809, № 9, стр. 82.

villon), жившій еще во времена Людовика XIV, вздумалъ сравнить голландцевъ съ лягушками этой басни:

„Ce peuple me parut dans ces lieux aquatiques,
Un reste libertin des grenouilles antiques,
Qui ne voulurent point de roi".

Однако въ исходѣ минувшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, французы гораздо болѣе, нежели голландцы, походили на лягушекъ. Разность только въ томъ, что у нихъ, вмѣсто одного журавля было два: Робеспьеръ и Наполеонъ.

„Одинъ-ли у себя считаютъ черный годъ?
Ахъ! каждый день въ нихъ былъ великой недочетъ".

Всего вышеизложеннаго, полагаемъ, достаточно, чтобы судить о критическихъ пріемахъ Измайлова и ихъ достоинствахъ. Въ заключеніе позволимъ себѣ повторить, что, какъ бы для насъ въ настоящее время, ни были малоцѣнны эти безхитростныя разсужденія Измайлова [1]), въ въ ту пору нашей литературы, въ частности критики, они были дорогимъ вкладомъ: не даромъ о нихъ такъ заговорила тогдашняя печать. Измайловъ былъ однимъ изъ первыхъ нашихъ поэтовъ и первымъ изъ баснописцевъ, обратившимъ серьезное вниманіе на теоретическую сторону одной изъ формъ поэтическихъ произведеній и желавшимъ утвердить критику на болѣе прочныхъ основаніяхъ; онъ сдѣлалъ попытку дать ей научно-обоснованный фундаментъ. При такомъ серьезномъ взглядѣ на критику, понятно, почему нашъ писатель считалъ ее дѣломъ не легкимъ: «Критика не легка,—говорилъ онъ въ «Благонамѣренномъ» (1819, XI)—можно въ одинъ вечеръ написать удачно рецензію, но должно прежде употребить много времени на прочтеніе и обсуживаніе». Вотъ почему Измайловъ и дорожилъ изданіями «комментированными», «критическими» и желалъ видѣть въ таковомъ изданіи сочиненія Ломоносова, котораго весьма уважалъ [2]).

Ив. Кубасовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Извѣстно, что Кеневичъ назвалъ ихъ мелочными (См. его „Библіограф. и историч. примѣчанія къ баснямъ Крылова". Спб. 1868).

[2]) „Славянинъ" 1828, VIII.

Записки Михаила Чайковскаго.

(Мехметъ-Садыкъ паши).

LXX [1]).

Правила для пограничныхъ войскъ.—Измаилъ-паша.— Сборъ войскъ на Коссовомъ полѣ.—Маневры.—Недоразумѣніе между великимъ визиремъ и Измаиломъ-пашею.—Выступленіе изъ лагеря.

Я написалъ на французскомъ языкѣ подробный проектъ правилъ для пограничныхъ войскъ и приложилъ къ нему карту границы съ обозначеніемъ всѣхъ военныхъ постовъ, для занятія которыхъ требовалось по моему разсчету всего три баталіона пѣхоты и два эскадрона кавалеріи. Коммиссія разсмотрѣла этотъ проектъ по пунктамъ, и онъ былъ одобренъ безъ всякаго измѣненія. Военный совѣтъ согласился съ мнѣніемъ коммиссіи; сераскиръ представилъ проектъ на утвержденіе султана, который скрѣпилъ его своею подписью. Занятія коммиссіи продолжались два мѣсяца.

Я получилъ приказаніе отправиться въ Битаглію, а оттуда на Коссово поле, гдѣ должно было собраться болѣе 20 тысячъ войска, подъ командою маршала Измаила-паши.

Было время рамазана; высадившись на берегъ въ Салоникахъ, я спѣшилъ застать маршала въ главной квартирѣ. Онъ принялъ меня холодно, но вѣжливо; я сдѣлалъ видъ, что не обращаю на это вниманія, тотчасъ занялся приготовленіемъ войска къ походу, въ чемъ офицеры дѣятельно помогали мнѣ; самыми дѣятельными и ревностными мо-

[1]) См. „Русскую Старину“ іюль 1900 г.

ими помощниками были, какъ всегда, тѣ, которые противъ меня интриговали.

Маршалъ Измаилъ-паша, прозванный Шайтаномъ, былъ родомъ черкесъ; онъ былъ выкупленъ изъ плѣна Хозревомъ пашею; человѣкъ храбрый, онъ умѣлъ держать военныхъ въ рукахъ; его всѣ боялись. Онъ отличался чисто военнымъ добродушіемъ и прямотою, легко поддавался вліянію лицъ, стоявшихъ ниже его въ нравственномъ отношеніи. Воспользовавшись этимъ, поляки, по своему обыкновенію, наклеветали ему на меня такъ, что онъ относился ко мнѣ съ завистью и недоброжелательствомъ. Не щадя своихъ силъ, я дѣлалъ все возможное, чтобы наше войско и всѣ служащіе въ немъ были на хорошемъ счету, чтобы поляки стояли какъ можно выше въ отношеніи военномъ и политическомъ; я пересталъ писать и только и думалъ день и ночь о томъ, какъ бы увеличить значеніе поляковъ въ глазахъ султана, всѣхъ турокъ и славянъ, а поляки эмигранты затѣвали противъ меня всякія каверзы; мои же сослуживцы интриговали противъ меня, сочиняли доносы, стараясь погубить меня.

Въ то же время съ родины я никогда не получалъ ни малѣйшаго знака сочувствія, но по крайней мѣрѣ тамошніе поляки молчали, какъ будто меня и моихъ казаковъ не было на свѣтѣ. Когда мы обсуждали однажды съ однимъ изъ моихъ пріятелей причины подобнаго равнодушія, то онъ сказалъ: «всему виною то, что ты, генералъ, все дѣлаешь самъ, ни съ кѣмъ не совѣтуешься и никому не позволяешь руководить тобою!» Выходило такъ, какъ мнѣ говорилъ однажды генералъ Дверницкій: «если хочешь имѣть значеніе и вліяніе на поляковъ, дѣлай видъ, что ты глупѣе ихъ, что у тебя нѣтъ ни воли, ни ума, что всякій можетъ водить тебя за носъ и дѣлать съ тобою, что хочетъ; тогда они будутъ любить тебя, ты будешь ихъ любимымъ начальникомъ». Это была великая истина.

Мы собрались на Коссово поле на могилу славянской свободы, славянской народности. Эта плоская возвышенность тянется на 60 верстъ въ длину, на 30 верстъ въ ширину и лежитъ болѣе чѣмъ на тысячу футъ надъ уровнемъ моря; на ней находятся пахотныя поля и луга, встрѣчаются пригорки и долины, но нѣтъ лѣса. На этомъ полѣ происходила славная битва, сковавшая свободу славянскихъ народовъ и воспѣтая сербами въ ихъ народныхъ пѣсняхъ.

Нигдѣ въ Турціи нѣтъ такого обилія всякаго рода звѣрей, рыбъ, овощей, ягодъ, грибовъ, какъ на Коссовомъ полѣ и на окрестныхъ горахъ. Это благодатный край для солдата; у насъ были ежедневно лукуловскіе обѣды, которые не стоили намъ почти ни гроша; вино можно было пить ведрами; въ сербской сливянкѣ также не было недостатка. Сербы подружились съ казаками, арнауты также братались съ ними.

Я явился въ лагерь съ девятью эскадронами и засталъ тамъ столько же эскадроновъ кавалеріи, 24 баталіона пѣхоты и 10 батарей артиллеріи. Маршалъ принялъ насъ съ почетомъ, подобающимъ войску; но наши отношенія не были сердечны, они были только сносны. Начались маневры; они велись безтолково; на дѣлѣ никогда не удавалось выполнить то, что было предположено на бумагѣ. Выдумали какой-то маневръ, названный по-турецки forteca, состоявшій въ томъ, что вся пѣхота строилась въ каре, по краямъ котораго становились пушки, а кавалерія, штабные офицеры и баталіоны, не вошедшіе въ это каре, должны были вступить въ него. Маршалъ, держа въ рукахъ планъ мѣстности разсылалъ приказанія со штабными и адъютантами; но каре никакъ не могло построиться, и остальныя части никакъ не могли вступить въ него; все выходило не ладно. Маршалъ былъ очень недоволенъ.

Однажды, ѣдучи съ нимъ съ маневровъ, мы обсуждали этотъ вопросъ; я выразилъ мнѣніе, что штабные офицеры отдавали не тѣ приказанія, какія слѣдовало, и что адъютантамъ не слѣдовало отдавать приказаній. Маршалъ спросилъ меня, могъ ли бы я выполнить этотъ маневръ? Я отвѣчалъ, что я понимаю его и могъ бы это сдѣлать. Когда же онъ мнѣ сказалъ: «ну, такъ завтра вы его исполните», то я просилъ его не настаивать на этомъ, такъ какъ это было бы обидно для него и для другихъ; но предложилъ ему вернуться въ лагерь и произвести маневръ примѣрно на палочкахъ, написать приказы съ тѣмъ, что на слѣдующій день онъ произведетъ маневръ самъ. Мы такъ и сдѣлали; на другой день маневръ удался какъ нельзя лучше. Съ тѣхъ поръ мы были съ маршаломъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ, составляли вмѣстѣ съ нимъ планы маневровъ, и онъ былъ мною очень доволенъ.

Къ великому неудовольствію поляковъ я былъ въ самыхъ хорошихъ дружественныхъ отношеніяхъ съ маршаломъ Измаиломъ, который во многомъ совѣтовался со мною и чрезвычайно довѣрялъ мнѣ. Онъ подарилъ мнѣ прекраснаго породистаго жеребца. «Какъ,—закричали всѣ,—истый мусульманинъ подарилъ безъ всякаго повода иностранцу породистую лошадь; это слишкомъ».

Назначенный въ это время великимъ визиремъ Кибризли Мехмедъ-паша былъ посланъ осмотрѣть нѣкоторыя мѣстности Турціи; ему были даны большія полномочія для введенія танджимата и для строгаго взысканія съ тѣхъ, кто будетъ противиться этому. Кибризли-паша былъ человѣкъ доброжелательный, горячо любившій свою родину и радѣвшій о ея славѣ, но онъ не отличался хладнокровіемъ и самообладаніемъ восточныхъ людей, которые улыбаются, подписывая смертный приговоръ; онъ былъ человѣкъ живой, горячій, болѣе походилъ на француза, чѣмъ на турка, легко раздражался и поддавался вліянію близкихъ и льсте-

цовъ; однако надобно отдать ему справедливость, когда у него проходила первая вспышка гнѣва, его всегда можно было убѣдить въ томъ, что было дѣйствительно полезно и справедливо.

Вслѣдствіе интригъ Ахмеда-эфенди Кибризли былъ предубѣжденъ противъ маршала Измаила. Ахмедъ-эфенди, сынъ гречанки и янычара, воспитывавшійся до двадцатилѣтняго возраста въ Аѳинахъ, остался туркомъ и мусульманиномъ и обладалъ всѣми чертами характера прежнихъ византійцевъ, въ особенности унаслѣдовалъ ихъ любовь къ интригамъ. Будучи коммиссаромъ по введеніи танджимата въ Битаглiи онъ не однократно получалъ выговоры отъ маршала и съ тѣхъ поръ сдѣлался его заклятымъ врагомъ. Когда я пріѣхалъ въ Битаглію, онъ сталъ подговаривать меня дѣйствовать съ нимъ заодно противъ маршала. Я съ гнѣвомъ отвергъ его предложеніе и тѣмъ создалъ себѣ въ лицѣ его врага, онъ все-таки нашелъ средство сдѣлать въ желаемомъ имъ смыслѣ донесеніе Кибризли-пашѣ чрезъ грековъ къ которымъ благоволилъ Кибризли и съ которыми поддерживалъ сношенія Ахмедъ-эфенди. Такимъ образомъ великій визирь былъ предубѣжденъ противъ маршала, и послѣднему это было извѣстно черезъ его тайныхъ агентовъ, коихъ имѣетъ каждый турецкій сановникъ, руководясь ихъ донесеніями въ своихъ поступкахъ.

Маршалъ выразилъ желаніе, чтобы я выѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ и съ отрядомъ казаковъ на встрѣчу Кибризли, котораго ожидали въ нашъ лагерь. Я охотно согласился на это потому, что могъ такимъ образомъ скорѣе увидѣть Кибризли.

При встрѣчѣ съ маршаломъ Измаилъ-пашею Кибризли обошелся съ нимъ такъ непріязненно, что между ними едва не произошла бурная сцена; къ счастію, великій визирь сѣлъ на коня и велѣлъ сопровождать его мнѣ и казакамъ. Мы проскакали галопомъ полдороги. Быстрое движеніе подѣйствовало на него успокоительно; поѣхавъ тише, я началъ уговаривать его, и мнѣ настолько удалось склонить его въ пользу маршала, что они были впослѣдствіи въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ, чему я былъ несказанно доволенъ, такъ какъ оба эти сановника были люди весьма достойные и ихъ дѣятельность была полезна султану и Турціи.

Всѣ три дня, которые великій визирь провелъ у насъ въ лагерѣ, происходили маневры, ученія, фейерверки, однимъ словомъ, были всевозможныя торжества; на третій день охотники, записавшіеся въ драгуны, и казаки присягали на вѣрную службу султану подъ казацкими знаменами въ присутствіи всего войска и народа.

Кибризли любилъ подобныя торжества, тѣмъ болѣе, что они не противорѣчили танджимату и, будучи оглашены въ газетахъ, свидѣтель-

ствовали о дружелюбныхъ отношеніяхъ, существовавшихъ между христіанами и мусульманами.

По отъѣздѣ великаго визиря мы простояли въ лагерѣ еще двѣ недѣли; когда же наступили холода, то войску было приказано идти на зимнія квартиры. Маршалъ Измаилъ, съ которымъ мы были очень хороши, пріѣхавъ ко мнѣ въ лагерь съ нѣкоторыми пашами въ скверную дождливую погоду, жаловался, что нельзя выступить изъ лагеря, такъ какъ командиры требуютъ три или четыре дня для приготовленія. Я сказалъ, что не понимаю такого войска, что если бы мнѣ было приказано выступить, то я былъ бы готовъ въ нѣсколько часовъ.

— Ну такъ покажи имъ,—сказалъ маршалъ,—что значитъ войско и солдаты.

Я разослалъ приказанія, велѣлъ протрубить разные сигналы; солдаты начали быстро собираться. Маршалъ сидѣлъ подъ открытымъ небомъ съ часами въ рукахъ и слѣдилъ за сборами; не прошло и двухъ часовъ, какъ эскадроны были на лошадяхъ и я рапортовалъ ему, что мы выступаемъ.

Онъ обнялъ меня и едва не задушилъ въ своихъ объятіяхъ, говоря пашамъ:

— Вотъ это войско, это настоящіе солдаты! Съ такимъ войскомъ можно идти на край свѣта и быть спокойными, что съ нимъ достигнешь всего, что хочешь. Благодарю тебя, паша, благодарю васъ, казаки и драгуны, чего вы учите войско султана какъ должно служить. Вашему примѣру послѣдуютъ быть можетъ остальные.

Я скажу со своей стороны, что трудно было бы найти лучшихъ солдатъ, нежели были казаки и драгуны, собравшіеся на Коссовомъ полѣ.

Во время ночныхъ тревогъ, которыя мы производили довольно часто, было достаточно пяти минутъ, чтобы цѣлый эскадронъ выстроился на площади верхомъ на лошадяхъ. Безъ сомнѣнія, при этомъ играла большую роль казацкая сбруя, но и солдаты были дѣйствительно проворны и расторопны.

Всѣ признавали эти качества драгунъ и казаковъ и отдавали имъ справедливость, говоря, что они составляютъ лучшую кавалерію турецкаго войска; турки-солдаты и офицеры относились къ нимъ съ уваженіемъ. Я радовался этому отъ всего сердца и думалъ, что временныя непріятности миновали и что намъ удастся послужить Польшѣ и дождаться лучшихъ временъ. Съ этой надеждой, съ этой твердой увѣренностью я проводилъ эскадроны на зимнія квартиры сперва въ Ускюпъ, а оттуда въ Битаглію.

LXXI.

Кончина Абдулъ-Меджида. — Новый сераскиръ Намыкъ-паша. — Перемѣны, вызванныя новымъ царствованіемъ. — Смерть Измаила-паши. — Фирманъ на званіе ферикъ-паши.

Мнѣ было приказано сераскиромъ оставить полкъ на зимнихъ квартирахъ въ Ускюпѣ (Uskiupiè) и Прилепѣ, а самому явиться въ Стамбулъ.

Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ столицу, послѣ непродолжительной, но тяжкой болѣзни, скончался султанъ Абдулъ-Меджидъ; врачи опредѣлили его болѣзнь Салоникской лихорадкой, которую онъ получилъ при посѣщеніи въ предыдущемъ году Салоникъ. Этотъ великій монархъ, благодѣтель своего народа и всѣхъ, кто былъ близокъ къ нему, не былъ оцѣненъ своими подданными, какъ онъ того заслуживалъ; одинъ только Риза-паша и нѣкоторые сановники изъ бывшихъ приближенныхъ Решида-паши отдавали ему должное.

Послѣ Абдулъ-Меджида на престолъ вступилъ его братъ, султанъ Абдулъ-Азисъ-ханъ. Съ новымъ царствованіемъ можно было ожидать многихъ перемѣнъ, и нельзя было ручаться, что наша польско-славянская организація остается неприкосновенною. Великимъ визиремъ остался по-прежнему Кибризли Мехмедъ-паша. Мехмедъ-Али-паша, съ которымъ я былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ, помимо званія генерала-адмирала былъ назначенъ оберъ-гофмаршаломъ и слылъ любимцемъ новаго султана.

Говорятъ, будто сераскиръ, Риза-паша, хотѣлъ возвесть на престолъ Мурада-эфенди, старшаго сына покойнаго султана, человѣка, прекрасно образованнаго и по своимъ нравственнымъ качествамъ и стремленіямъ походившаго на отца. Когда султанъ былъ при смерти, то Риза-паша вызвалъ въ Стамбулъ съ азіатскаго берега войска, которыя были такъ преданы ему, что офицеры и солдаты повиновались бы ему слѣпо, если бы онъ выразилъ свое желаніе.

Призывъ войска встревожилъ великаго визиря и Мехмедъ-Али, ярыхъ сторонниковъ новаго султана, и они стали неусыпно слѣдить за состояніемъ здоровья Абдулъ-Меджида. Жена Мехмеда-Али, любимая сестра султана, не отходила отъ него и безпрестанно сообщала мужу о положеніи умирающаго. Въ моментъ кончины султана, во дворцѣ Долма-Бахче, оба моста, перекинутые черезъ Золотой Рогъ, были подняты, и вся флотилія вышла изъ адмиралтейства на Золотой Рогъ и на Босфоръ; морскіе баталіоны заняли караулы во дворцѣ, и Абдулъ-Азисъ былъ провозглашенъ султаномъ въ Долма-Бахче. Сухопутнаго войска во дворцѣ не было; въ казармахъ находилась только одна ар-

тиллерія. Все войско болѣе 20 тысячъ человѣкъ находилось въ это время съ сераскиромъ въ Стамбулѣ. Когда тѣло скончавшагося султана было выставлено напоказъ народу на рогожѣ, какъ тѣло самаго простаго бѣдняка, въ знакъ того, что передъ Богомъ всѣ люди равны и что смерть равняетъ всѣхъ, то вновь провозглашенный султанъ уже возсѣдалъ на тронѣ, имѣя возлѣ себя только великаго визиря и генералъ-адмирала съ нѣсколькими флотскими пашами.

Привѣтствовать новаго султана собралось такъ мало лицъ, что капитану Грыглашевскому и поручику Горенштейну, случайно пріѣхавшимъ во дворецъ, пришлось быть въ числѣ лицъ, цѣловавшихъ полы царской одежды.

Сераскиръ, паши и войско прибыли въ Долма-Бахче, только часъ спустя, когда султанъ Абдулъ-Азисъ былъ уже по всѣмъ правиламъ провозглашенъ падишахомъ и калифомъ; тотчасъ было совершено погребеніе султана Абдулъ-Меджида. Я искренно оплакивалъ этого монарха, относившагося столь сочувственно къ полякамъ и къ интересамъ бѣдной Польши.

Риза-паша лишился своего мѣста, успѣвъ однако устроить положеніе казаковъ и драгунъ въ регулярномъ войскѣ султана; имъ было сдѣлано распоряженіе объ укомплектованіи казаковъ до тысячи человѣкъ, а драгунъ до пятисотъ человѣкъ.

Сераскиромъ былъ назначенъ Намыкъ-паша, человѣкъ дѣльный, но, мусульманинъ стараго закона, онъ былъ первымъ полковникомъ низама и въ царствованіе султана Махмуда исполнялъ разныя дипломатическія порученія; не было того европейскаго двора, въ которомъ онъ не былъ посланникомъ; онъ прекрасно владѣлъ иностранными языками, въ особенности французскимъ, и былъ вполнѣ свѣтскимъ человѣкомъ, но былъ безжалостенъ къ своимъ подчиненнымъ и, соблюдая выгоды правительства, не платилъ имъ жалованья.

Онъ самъ былъ богатъ, любилъ жить широко и не входилъ въ положеніе подчиненныхъ и не давалъ себѣ отчета въ томъ, что нужда заставляла ихъ нерѣдко дѣлать всевозможныя злоупотребленія, за которыя онъ, однако, строго взыскивалъ и каралъ ихъ. Вслѣдствіе этого, несмотря на его знаніе военнаго дѣла и на его административныя способности и несмотря на его дѣятельность и усердіе, нравственныя качества превосходнаго турецкаго войска, которое можно было назвать по справедливости войскомъ Риза-паши, значительно понизились; этимъ былъ нанесенъ войску первый ударъ; но ему еще болѣе повредило введеніе такъ называемыхъ мектеблій, учителей. Тотъ, кто видѣлъ это боевое войско въ 1854 и 1855 г., не узналъ бы его теперь, ибо оно не имѣетъ нынѣ даже тѣхъ качествъ, которыя необходимы войску въ мирное время.

Намыкъ-паша относился доброжелательно ко всѣмъ иностранцамъ, поступавшимъ въ турецкое войско и исполнявшимъ добросовѣстно свои служебныя обязанности. Онъ былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Омеръ-пашею, покровительствовалъ Измаилу-пашѣ, а обо мнѣ говорилъ не разъ:

— Я не люблю христіанъ, райевъ, носящихъ турецкій мундиръ, но я цѣню Садыка-пашу и до тѣхъ поръ, пока я буду сераскиромъ, я всегда буду защищать и оберегать созданное имъ войско.

Намыкъ-паша сдержалъ слово. Онъ ассигновалъ сто тысячъ на покупку лошадей для казацкаго полка и далъ предписаніе отпустить мнѣ эти деньги въ Салоникахъ, гдѣ онѣ были выданы звонкой монетой, тогда какъ въ Стамбулѣ были въ обращеніи исключительно бумажныя деньги, каимы, стоимость которыхъ, по курсу, была вдвое менѣе звонкой монеты.

Начало царствованія султана Абдулъ-Азиса ознаменовалось многими перемѣнами и нововведеніями. Никогда не забуду того момента, когда на торжество открытія военной школы, въ присутствіи всей арміи, прибывшей на это торжество въ Стамбулъ, Намыкъ-паша вынесъ на рукахъ маленькаго сына султана, Юзуфъ-Изединъ-эфенди, и представилъ его войску, какъ вольноопредѣляющагося въ пѣхотный полкъ; онъ велъ въ то же время за руку сына султана Абдулъ-Меджида, Нуреддинъ-эфенди, и представилъ его войску, какъ вольноопредѣляющагося въ стрѣлковый пѣхотный батальонъ; на обоихъ мальчикахъ были мундиры ихъ частей. Видѣть дѣтей султана, принцевъ крови, служащихъ въ войскѣ наравнѣ съ прочими было новостью; это означало наступленіе новой эры въ оттоманскомъ государствѣ, и это было первымъ шагомъ на пути къ цивилизаціи, къ сближенію съ прочими европейскими государствами.

Къ сожалѣнію, впечатлѣніе, произведенное этимъ какъ на христіанъ, такъ и на мусульманъ, было ослаблено слѣдующими двумя распоряженіями: уменьшеніемъ жалованія войскамъ, которое было сдѣлано по представленію Намыка-паши, и отмѣною всѣхъ пожизненныхъ пенсій, пожалованныхъ султаномъ Абдулъ-Меджидомъ. Покойный султанъ былъ человѣкъ щедрый и великодушный; онъ награждалъ за всякую оказанную ему услугу, не желая, чтобы люди, послужившіе ему, терпѣли въ чемъ-либо недостатокъ.

Щедрость—прекрасная черта въ монархѣ; про султана Абдулъ-Меджида нельзя сказать, что онъ былъ расточителенъ, или благодѣтельствовалъ по прихоти, а не по заслугамъ. Распоряженіе объ отнятіи пожалованныхъ имъ пенсій, сдѣланное Кибризли-пашею, не обогатило казну, но уронило съ глазахъ народа величіе царскаго сана.

Достойно вниманія, что эту тѣнь набросили на новое царствованіе

два самыхъ выдающихся сановника Турціи, которые были наиболѣе ревностными турецкими патріотами. Народъ и войско молча, но съ тревогою въ сердцѣ ожидали, что принесетъ имъ новое царствованіе.

Слуги покойнаго султана, жаловались на свою судьбу, а слуги новаго султана желая избѣгнуть подобной участи и обезпечить себя подъ старость средствами къ существованію, позволяли себѣ безнаказанно всевозможныя злоупотребленія. Что было выгоднѣе для правительства? предоставляю судить объ этомъ всякому.

Покойный султанъ былъ окруженъ лицами вполнѣ достойными, коихъ онъ приближалъ къ себѣ самъ и рекомендовалъ ему Решидъ-паша; въ числѣ его первыхъ сановниковъ были такія личности, которыя могли бы съ честью занять мѣсто при любомъ европейскомъ дворѣ. При новомъ же царствованіи, гофмаршалъ Махмудъ-Али-паша, опасаясь вліянія и контроля приближенныхъ, принялъ за правило удалять отъ султана всѣхъ дѣльныхъ и энергичныхъ людей, замѣнивъ ихъ личностями ничего незнающими и слѣдовательно неспособными играть никакой роли; поэтому султанъ былъ окруженъ одними лишь интриганами.

Это принесло огромный вредъ новому царствованію, которое при иныхъ условіяхъ могло бы довершить дѣло, начатое султаномъ Абдулъ-Меджидомъ, и поставить Турцію на высшую степень могущества. Но для этого необходимо, чтобы султана окружали такіе люди, какими были Риза-паша, Фуадъ-паша и имъ подобные.

Въ Стамбулѣ проживалъ въ то время на покоѣ маршалъ Измаилъ-паша, болѣвшій отъ ранъ, полученныхъ имъ въ тѣхъ многочисленныхъ сраженіяхъ, въ коихъ онъ принималъ столь доблестное участіе. По удаленіи Риза-паши онъ былъ уволенъ въ отставку съ незначительной пенсіей, въ 5 тысячъ піастровъ; у него не было при дворѣ покровителей, которые могли бы заступиться за него, такъ какъ онъ былъ, какъ извѣстно, незнатнаго происхожденія. Въ Турціи человѣкъ, не занимающій никакого мѣста, никакого оффиціальнаго положенія, все равно, что мертвый, отъ него всѣ сторонятся, такъ какъ въ немъ болѣе нѣтъ надобности заискивать. Я поѣхалъ навѣстить Измаила-пашу и засталъ его огромный конакъ пустымъ; я едва разыскалъ слугу, который провелъ меня къ больному. Старикъ встрѣтилъ меня со слезами на глазахъ и былъ искренно тронутъ моимъ вниманіемъ; мы долго и о многомъ бесѣдовали съ нимъ. Отъ него я отправился къ великому визирю, и мнѣ удалось добиться, что его пенсія была увеличена съ 5 до 15 тысячъ и что самъ великій визирь навѣстилъ его вмѣстѣ со мною. Послѣ этого посѣщенія въ его конакѣ постоянно толпились посѣтители; онъ былъ благодаренъ мнѣ и говорилъ, извиняясь за свое прежнее недружелюбное ко мнѣ отношеніе:

— Въ этомъ были виноваты поляки, коимъ ты сдѣлалъ такъ много

добра и которые только и думали, какъ бы отплатить тебѣ за добро зломъ и неблагодарностью; они хотѣли возстановить насъ другъ противъ друга, сдѣлать насъ злѣйшими врагами, но Господь не допустилъ этого. Горе полякамъ и черкесамъ, которые не умѣютъ цѣнить людей и все то, что посылаетъ имъ Господь.

Это были послѣднія слова, слышанныя мною отъ этого доблестнаго черкеса, который не получилъ никакого образованія, выдвинулся единственно своими личными заслугами и храбростью.

Онъ вскорѣ скончался, и объ немъ забыли, какъ будто его и не было на свѣтѣ.

Я отправился вторично на Коссово поле, чтобы принять начальство надъ отрядомъ, который состоялъ изъ 6 эскадроновъ кавалерійскаго полка (называвшагося татарскимъ полкомъ; когда-то онъ дѣйствительно состоялъ изъ татаръ, но и въ то время въ немъ было не болѣе 5 или 6 офицеровъ татаръ), изъ 6 казацкихъ эскадроновъ, коими командовалъ мой старый другъ и пріятель Киркоръ-бей; изъ 3-хъ эскадроновъ драгунъ подъ командою Муратъ-бея и изъ одной бригады артиллеріи.

Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Стамбула Намыкъ-паша показалъ мнѣ бумагу, полученную имъ изъ Высокой Порты, въ которой ему сообщали, что въ Ускюпѣ началось волненіе, что нѣсколько арнаутовъ, подстрекаемыхъ казаками, взялись за оружіе, и дѣло едва не дошло до рѣзни, но губернаторъ Ускюпа, Джавутъ-паша, возстановилъ порядокъ, принявъ энергичныя мѣры. Не довѣряя донесенію губернатора, Намыкъ-паша поручилъ мнѣ, проѣздомъ черезъ этотъ городъ, разузнать подробно, какъ было дѣло, и по полученіи свѣдѣній отъ меня рѣшилъ послать коммиссію для производства слѣдствія.

У Джавудъ-паши было въ Высокой Портѣ немало покровителей; поэтому онъ получилъ благодарность; былъ произведенъ въ слѣдующій чинъ и получилъ орденъ Меджидіе 3-й ст.

Пріѣхавъ въ Ускюпъ, я былъ удивленъ необыкновенной любезностью губернатора, который встрѣтилъ меня за двѣ мили отъ города и хотѣлъ, чтобы я непремѣнно остановился въ его конакѣ; я едва упросилъ его позволить мнѣ отправиться на мою прежнюю квартиру; онъ хвалилъ казаковъ и полковника Киркора, говорилъ о какомъ-то столкновеніи; когда же я сказалъ ему, что мнѣ ничего не извѣстно, то онъ былъ весьма удивленъ и тотчасъ же сталъ доказывать, что все это были сущіе пустяки и что это дѣло слѣдуетъ предать забвенію.

Когда я вернулся поздно вечеромъ къ себѣ на квартиру, ко мнѣ явился тайкомъ одинъ изъ первыхъ беевъ санджака, Мехмедъ-бей, личный врагъ губернатора, разсказалъ мнѣ подробно все дѣло и обѣщалъ принести мнѣ мазбашъ съ описаніемъ всего происшествія за подписью

и печатью беевъ. Мазбашъ былъ мнѣ доставленъ въ ту же ночь, онъ уже былъ у меня въ карманѣ, когда, рано утромъ, ко мнѣ пріѣхалъ губернаторъ, чтобы сопровождать меня изъ города.

Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ. Въ полку служилъ волонтеромъ Рифатъ-бей, Михаилъ-оглу, изъ Стамбула, потомокъ бывшихъ румелійскихъ бейлербеевъ. Между нимъ, двумя казаками и нѣсколькими арнаутами завязалась у колодца ссора, по поводу разбитаго кувшина. Въ это время проѣзжалъ мимо губернаторъ, который ударилъ одного изъ споривших—Рифатъ-бея, съ такою силою, что у него слетѣла съ головы феска. Видя, что ему на помощь прибѣжало нѣсколько казаковъ, губернаторъ поспѣшно ускакалъ въ конакъ; произошелъ всеобщій переполохъ; капитанъ Яблоновскій и другіе казаки, бывшіе немного подъ хмѣлькомъ, приказали сѣдлать лошадей и взялись за оружіе. Увидѣвъ это, жители также схватились за оружіе, и дѣло быть можетъ дошло бы до рѣзни, если бы полковникъ Киркоръ, узнавъ о случившемся, не вывелъ поспѣшно эскадроны за городъ; затѣмъ, ставъ во главѣ карабинеровъ, онъ разставилъ по всему городу патрули; изъ одного окна въ него стрѣляли; виновный тотчасъ схваченъ. Губернатора полковникъ не могъ розыскать, такъ какъ онъ спрятался въ подвалѣ и не показывался всю ночь. Онъ пришелъ къ Киркору только тогда, когда казаки снова вступили въ городъ. Киркоръ сдѣлалъ ему строгій выговоръ за то, что онъ ударилъ солдата султана; губернаторъ извинился, благодарилъ, а вернувшись въ свой конакъ, написалъ ложное донесеніе, въ которомъ жаловался на казаковъ и восхвалялъ себя и свою распорядительность. Я донесъ Намыкъ-пашѣ о случившемся и препроводилъ ему мазбашъ-беевъ. По моемъ возвращеніи изъ лагеря, было произведено слѣдствіе; Джавадъ-паша былъ смѣщенъ, однако, не былъ лишенъ полученнаго имъ чина и ордена. Киркоръ былъ оправданъ

Никто не умѣетъ такъ, какъ турки, протрубить о дѣлѣ, ничего не стоющемъ, и замолчать о заслугѣ другаго; они на это большіе мастера.

Съ наступленіемъ зимы, я прибылъ съ казаками, драгунами и артилеріей на зимнія квартиры въ Ускюпъ, куда пріѣхали ко мнѣ и мои сыновья, окончившіе уже курсъ наукъ въ Сенъ-Сирской школѣ во Франціи. Я опредѣлилъ ихъ офицерами въ казацкій полкъ. Пробывъ два мѣсяца въ Ускюпѣ, я получилъ приказаніе отправиться въ Битаглію. Былъ довольно сильный морозъ, и по дорогѣ лежалъ глубокій снѣгъ; насъ застигла по пути такая снѣжная мятель, что мы потеряли нѣсколько лошадей; у насъ также заболѣло нѣсколько солдатъ. Я ѣхалъ по обыкновенію всю дорогу верхомъ, во главѣ моего полка, и такъ заболѣлъ по пріѣздѣ въ Битаглію, что едва не умеръ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ, я получилъ приказаніе явиться въ Стамбулъ. Въ это время садразамомъ былъ назначенъ Фуадъ-паша, а сераскиромъ

Мехмедъ-Ружди-паша. Когда я явился въ сераскеріатъ, то мнѣ было объявлено желаніе султана зачислить меня окончательно въ іерархію турецкаго войска, и мнѣ былъ врученъ фирманъ о назначеніи меня ферикомъ, т. е. дивизіоннымъ генераломъ.

Званія миримиряна и бейлербея не считаются военнымъ званіемъ, они означаютъ только происхожденіе изъ дворянской среды и даютъ право на званіе паши; поэтому всѣ запорожскіе гетманы получали званіе миримиряна и бейлербея, по той же причинѣ и я пользовался этимъ званіемъ. Въ царствованіе султана Абдулъ-Меджида, бейлербей считался важнѣе ферика, а миримирянъ выше ливаони (бригаднаго офицера); въ царствованіе же султана Абдулъ-Азиса этотъ порядокъ былъ измѣненъ. По правдѣ сказать, я неохотно разстался съ званіемъ, которое было освѣщено традиціей, такъ какъ я страстно любилъ все, что имѣетъ историческую основу; но я не могъ противиться волѣ монарха, тѣмъ болѣе, что мое новое званіе совершенно точно опредѣляло мое положеніе въ войскѣ. Мехмедъ-Ружди-паша сказалъ мнѣ по этому поводу: «было бы несообразно, чтобы, командуя полкомъ, вы не носили военнаго званія», такимъ образомъ я сдѣлался ферикомъ, т. е. дивизіоннымъ генераломъ.

Во время моего пребыванія въ Константинополѣ было получено извѣстіе о возстаніи, которое вспыхнуло въ Греціи и угрожало престолу короля Оттона; вслѣдствіе этого войска были двинуты въ Ѳессалію.

Я поѣхалъ моремъ въ Салоники, а оттуда сухимъ путемъ въ Лариссу (Іенишеръ), гдѣ губернаторствовалъ Исманлъ-паша, внукъ Али-паши.

Въ Лариссу подходили со всѣхъ сторонъ войска; ожидали прибытія маршала Абдулъ-Керимъ-Надиръ-паши, который долженъ былъ принять начальство надъ всѣми войсками, стянутыми на границу Греціи.

LXXII.

Взяточничество турецкихъ пашей.—Возстаніе въ Польшѣ въ 1863 г.—Маркизъ Велепольскій и графъ Замойскій, ихъ взаимныя отношенія.—Положеніе офицеровъ-поляковъ, служившихъ въ Турціи.—Мнѣніе Чайковскаго о возстаніи.—Сераскиръ Фуадъ-паша и его организаторская дѣятельность.—Гуссейнъ Авни-паша.

Поимка разбойника Щемо интересовала гражданское и военное управленіе Ѳессаліи гораздо болѣе, нежели усмиреніе возстанія въ Греціи, хотя это возстаніе могло распространиться и на наши владѣнія, ибо греки были не прочь овладѣть не только Іоническими островами,

но также Эпиромъ, Ѳессаліей и даже Македоніей; но у насъ объ этомъ не особенно тревожились. Щемо, арнаутъ, бывшій чаушъ сергердаря Габи-паши, служа много лѣтъ въ полиціи, прекрасно изучилъ мѣстные обычаи и съумѣлъ войти въ близкія сношенія съ жителями и въ особенности съ мѣстными землевладѣльцами беями, которымъ онъ помогалъ держать въ повиновеніи кметовъ. Когда наше войско было отозвано изъ Ѳессаліи, Щемо оставилъ службу, собралъ шайку разбойниковъ изъ арнаутовъ и греческихъ поликаровъ и сталъ хозяйничать въ Ѳессаліи, какъ у себя дома, нападалъ на деревни, на фольварки, обиралъ и убивалъ путешественниковъ, въ особенности грабилъ почту. Губернаторъ не заботился о спокойствіи ввѣренной ему провинціи, и Щемо вскорѣ навелъ ужасъ на всю Ѳессалію. Для поимки его былъ посланъ маршалъ Абди-паша, съ четырьмя баталіонами пѣхоты, тысячью башибузуками, двумя стами жандармовъ, четырнадцатью эскадронами кавалеріи и двумя орудіями. Оба паши, военный и статскій, разъѣзжали въ удобныхъ экипажахъ по большимъ дорогамъ изъ села въ село, а войско шло вслѣдъ за ними колоннами по краю дороги, отыскивая Щемо, но онъ не показывался, и никто не могъ сказать, гдѣ онъ находится.

Проведя цѣлый мѣсяцъ въ такихъ поискахъ, паши возвратились, не напавъ на слѣдъ разбойниковъ. Тогда на поимку ихъ были посланы драгуны, которые изловили ихъ въ Эпирѣ. Поимка Щемо принесла болѣе всего пользы губернатору Эпира, Гусни-пашѣ, который помѣстилъ его въ хорошенькомъ конакѣ, поилъ, кормилъ, навѣщалъ его, разсказывая ему о разбойникахъ-арнаутахъ, которые сдѣлались со временемъ важными сановниками, и такъ съумѣлъ вкрасться къ нему въ довѣріе, что Щемо выболталъ ему о своихъ сношеніяхъ съ беями, чорбаджіями и даже съ чиновниками ѳессалійскаго губернатора. Гусни-паша составилъ имъ поименный списокъ и противъ фамиліи каждаго бея отмѣтилъ ту сумму, какую онъ желалъ получить съ нихъ за то, чтобы ихъ не выдавать. Наибольшей мздою—въ пять тысячъ турецкихъ лиръ, былъ обложенъ самъ губернаторъ. Съ этимъ спискомъ отправилось отъ его имени къ беямъ довѣренное лицо съ такимъ ультиматумомъ: либо заплати деньги, либо въ Стамбулъ будетъ послано донесеніе, слѣдствіемъ котораго можетъ быть потеря мѣста, конфискація имущества или изгнаніе.

Всѣ беи уплатили то, что съ нихъ требовали, и вдобавокъ благодарили, говоря, что паша пощадилъ ихъ и потребовалъ немного. Эта жатва принесла ему свыше трехъ милліоновъ піастровъ. Мнѣ разсказывали объ этомъ два бея, которые сами порядкомъ поплатились.

Когда сборъ былъ покончень, Гусни-паша препроводилъ Щемо въ Лариссу, съ дружескимъ совѣтомъ повѣсить его, не препровождая

въ Стамбулъ, чтобы онъ не бѣжалъ съ дороги, какъ это случилось въ Янинѣ. Совѣтъ его былъ исполненъ. Щемо привезли въ Лариссу вечеромъ, а на утро онъ уже былъ повѣшенъ. Все дѣло до поры до времени было шито-крыто; Гусни-паша получилъ даже повышеніе и въ концѣ-концовъ сталъ во главѣ министерства полиціи. Но гдѣ повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сложить; съ теченіемъ времени были обнаружены всѣ его злоупотребленія, и онъ не только потерялъ мѣсто, но даже былъ сосланъ.

Стоявшія жары не позволяли ни производить ученій въ полѣ, ни охотиться. Соскучившись отъ бездѣйствія, я взялся за перо и написалъ сочиненіе: «Dziwne zýcia dziwnych Polakòw», которое было издано въ Лейпцигѣ и появилось въ «Собраніи польскихъ писателей», издаваемомъ Брокгаузомъ. Лишь только я окончилъ это сочиненіе и размышлялъ о томъ, чѣмъ бы мнѣ заняться до осени, какъ было получено извѣстіе о злополучномъ возстаніи, вспыхнувшемъ въ Польшѣ.

Я собралъ къ себѣ офицеровъ-поляковъ и совѣтовалъ имъ подать просьбу Фуаду-пашѣ, назначенному въ то время сераскиромъ, и высказавъ въ ней нашу признательность турецкому правительству и нашу готовность по-прежнему служить султану, упомянуть о томъ, что мы все-таки не перестали быть поляками и хотимъ служить отечеству и польскому дѣлу; поэтому мы просимъ войти въ наше положеніе и обсудить вопросъ о томъ, какимъ образомъ мы могли бы исполнить свой долгъ по отношенію къ Польшѣ, не нарушая нашихъ обязанностей относительно Турціи; однимъ словомъ, чтобы мы могли быть поляками, не переставая быть достойными слугами султана.

Прошеніе это было написано мною и одобрено всѣми единогласно. Я просилъ драгунъ, чтобы они выбрали изъ своей среды одного офицера, который отправился бы съ этой просьбою въ Стамбулъ. Большинствомъ голосовъ былъ избранъ капитанъ Карлъ Марквартъ.

Признаюсь откровенно, я былъ горячимъ сторонникомъ политики маркиза Велепольскаго и считалъ великаго князя Константина Николаевича однимъ изъ самыхъ способныхъ и самыхъ благородныхъ людей въ мірѣ. Мнѣ было извѣстно о несчастной зависти, съ какою Замойскіе относились къ маркизу Велепольскому, такъ какъ еще зимою я видѣлся съ двумя довѣренными лицами Замойскаго, которыя пріѣзжали въ Стамбулъ съ цѣлью посмотрѣть, что я дѣлаю, и разузнать мои дальнѣйшія намѣренія. Изъ разговора съ ними я убѣдился, что Андрей Замойскій опасался, какъ бы Сигизмундъ Велепольскій, пользуясь именемъ своего отца, не сдѣлался для него опаснымъ соперникомъ и не помѣшалъ ему осуществить его намѣренія. Къ сожалѣнію, Замойскихъ всегда занимала одна мысль—о желѣзномъ фондѣ. Я хорошо помню слова этихъ господъ:

— Преданные вѣрѣ нашихъ отцовъ, какъ ревностные католики, мы будемъ энергично противиться панславянскимъ стремленіямъ Велепольскаго.

Я видѣлъ ясно, что эта политика, напоминавшая политику Владислава Замойскаго, не могла привести ни къ чему иному, какъ къ новымъ распрямъ и ссорамъ, какъ это было въ 1855 и 1856 гг.

Однако дѣлать было нечего; такъ какъ возстаніе началось, то разсуждать было не время; надобно было думать только о томъ, какъ бы быть полезнымъ Польшѣ.

Капитанъ Марквартъ возвратился вскорѣ съ письменнымъ отвѣтомъ Фуада-паши, въ которомъ паша, выражая свое полное сочувствіе намъ и нашему дѣлу и поблагодаривъ насъ за довѣріе, съ какимъ мы обратились къ нему, обѣщалъ передвинуть нашъ полкъ въ Балканы и писалъ, чтобы мы были готовы выступить, но при этомъ совѣтовалъ соблюдать порядокъ и спокойствіе и присовокуплялъ, что если офицеры не хотятъ ждать, то онъ разрѣшаетъ мнѣ уволить ихъ въ отпускъ, выдать имъ прогоны изъ кассы 3-го корпуса и отправить этихъ господъ немедленно, чтобы не подать повода къ какимъ-либо возраженіямъ со стороны дипломатовъ, которые не сочувствовали польскому возстанію.

Одновременно съ этимъ письмомъ командующій 3-мъ корпусомъ получилъ приказаніе удовлетворить всѣ мои просьбы относительно увольненія офицеровъ въ отпускъ и выдачи имъ денегъ на дорогу.

Я прочелъ офицерамъ письмо сераскира и объяснилъ имъ наше положеніе.

Нѣсколько офицеровъ подали вслѣдъ за тѣмъ прошеніе объ отпускѣ и уѣхали, но нѣкоторые, не довольствуясь тѣми льготами, которыя предоставило имъ турецкое правительство, начали склонять солдатъ къ дезертирству; мало того, подучили ихъ похитить полковое оружіе. Когда эти господа были удалены изъ полка, то у насъ водворилось спокойствіе; случаи дезертирства стали рѣдки, но нашъ полкъ уже не былъ посланъ въ Балканы, такъ какъ онъ потерялъ довѣріе правительства. Я боялся просить объ этомъ, не рѣшаясь брать на себя отвѣтственность за полкъ; между тѣмъ эта демонстрація могла имѣть самыя важныя послѣдствія. Съ точки зрѣнія нравственной, она могла поднять духъ жителей Украйны; чего не могли сдѣлать золотыя грамоты, то сдѣлали бы навѣрно казацкое имя и воспоминаніе о запорожскомъ кошѣ. Въ Балканахъ ряды нашего войска могли увеличиться болгарами, которые не только братались съ нами, но желали вполнѣ слиться съ нами. Но поляки не хотѣли или не могли понять сущность дѣла. Поляки никогда не оказывали нашей организаціи, какъ я уже говорилъ, ни нравственной, ни матеріальной поддержки; они относились къ ней не только равнодушно, но даже пренебрежительно.

Я не удерживалъ ни одного офицера, выразившаго желаніе ѣхать въ Польшу, и даже помогъ имъ чѣмъ могъ, хотя смотрѣлъ на это возстаніе какъ на величайшую ошибку, когда-либо сдѣланную Польщею, ибо поляки затѣяли его въ царствованіе императора Александра II, который, предавъ забвенію все прошлое, далъ полякамъ величайшій знакъ своего благоволенія, пославъ намѣстникомъ въ царство Польское своего роднаго брата. Политика маркиза Велепольскаго, хлопотавшаго о сліяніи поляковъ со славянами, сулила намъ въ будущемъ большія выгоды; передъ Польшею открывалось широкое будущее, но зависть и недоброжелательство не позволили полякамъ воспользоваться этимъ. Таковъ былъ мой взглядъ на повстаніе; въ этомъ духѣ я писалъ моимъ друзьямъ въ Парижъ. Я горевалъ надъ участью поляковъ и Польши, и отъ всего сердца желалъ имъ съ честью выйти изъ этого затруднительнаго положенія. Мнѣ не хотѣлось, чтобы поляки выказали себя неблагодарными по отношенію къ турецкому правительству, которое относилось къ намъ всегда такъ прекрасно, и я прилагалъ къ этому всевозможное стараніе.

Вскорѣ къ намъ пріѣхалъ маршалъ Абдулъ-Керимъ-Надиръ-паша, которому было поручено объѣхать границы; я, какъ человѣкъ, хорошо знакомый съ мѣстностью, былъ назначенъ сопровождать его. Этотъ объѣздъ продолжался полтора мѣсяца. Моимъ сыновьямъ, изъ коихъ старшему Раза-паша далъ названіе Тимуръ-бея, а младшему—Музаферъ-бея, велѣно было исполнять обязанности штабныхъ офицеровъ: они снимали планъ мѣстности и укрѣпленій и заслужили одобреніе маршала. Въ продолженіе этой поѣздки во время своихъ разговоровъ съ маршаломъ я старался всячески поднять въ его глазахъ значеніе казаковъ и всей нашей организаціи.

Рапортъ, представленный маршаломъ по объѣздѣ границы, былъ весьма благопріятенъ для насъ и, такъ сказать, загладилъ все то, въ чемъ провинились казаки и драгуны Я получилъ отъ Фуадъ-паши благодарность за добросовѣстное исполненіе своихъ обязанностей, и мнѣ было приказано послать эскадронъ казаковъ и эскадронъ драгунъ въ Стамбулъ для представленія султану и самому явиться туда же, отославъ полкъ въ Битаглію.

Эскадронъ казаковъ, посланный въ Стамбулъ, былъ сборный, а изъ драгунскаго полка былъ посланъ первый эскадронъ. Люди, лошади и обмундированіе этихъ эскадроновъ не оставляло желать ничего лучшаго; на казакахъ былъ ихъ традиціонный мундиръ, а на драгунахъ былъ мундиръ, напоминавшій мундиръ 5-го уланскаго полка во время войны 1831 г.

Сераскиръ Фуадъ-паша принялъ меня весьма любезно; это былъ настоящій джентльменъ, прекрасно образованный, любезный, краси-

вый собою и быстро всё схватывавшій, пріятный и остроумный собесѣдникъ, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасный дипломатъ и хотя никогда не былъ на войнѣ, но отлично понималъ духъ, потребности войска и безъ сомнѣнія лучше многихъ маршаловъ могъ бы предводительствовать арміею. Усмиреніе Эпира и Ѳессаліи доказало его способности какъ дипломата и предводителя войска. Какъ сераскиръ или военный министръ, онъ много сдѣлалъ для того, чтобы поднять значеніе корпуса офицеровъ; благодаря ему турецкіе офицеры перестали носить за пашами папуши (туфли), перестали быть слугами и сдѣлались настоящими офицерами; окончивъ свои служебныя обязанности, они проводили время вмѣстѣ съ пашами, садились при нихъ за столъ, бесѣдовали съ ними въ гостиной. Фуадъ-паша дополнилъ то, чего не доставало войску Риза-паши. Онъ сдѣлалъ бы еще много полезнаго, если бы не былъ къ несчастью такъ скоро смѣненъ; на его мѣсто былъ назначенъ маршалъ Гуссейнъ-Авни-паша, который съумѣлъ испортить все заведенное въ войскѣ Риза и Фуадъ пашами.

Фуадъ-паша происходилъ изъ хорошаго стариннаго рода, давшаго Турціи не мало ученыхъ, историковъ и поэтовъ; онъ учился въ молодости медицинѣ и былъ врачемъ; по смерти отца, обезглавленнаго по повелѣнію султана Махмуда, онъ поступилъ въ драгоманы и посвятилъ себя политической карьерѣ, исполнивъ весьма удачно многія возлагавшіяся на него дипломатическія порученія. Султанъ Абдулъ-Меджидъ, убѣдившись въ способностяхъ Фуада-паши во время его службы на границѣ, послалъ его для усмиренія мятежа въ Сирію и Дамаскъ, что онъ и исполнилъ съ удивительной энергіей и ловкостью и за что онъ былъ пожалованъ маршаломъ. Султанъ Абдулъ-Азисъ, по вступленіи на престолъ, назначилъ его сераскиромъ; смѣло можно сказать, что послѣ Риза-паши не было болѣе способнаго и дѣльнаго сераскира.

Гуссейнъ-Авни-пашѣ по выходѣ его изъ военной школы покровительствовалъ одинъ изъ преподавателей этой школы французъ, капитанъ Маньянъ (Magnan), которому онъ отплатилъ за это ненавистью также какъ и всѣмъ прочимъ французамъ. Омеръ-паша аттестовалъ его во время войны 1854 г. человѣкомъ неспособнымъ, за что онъ воспылалъ ненавистью ко всѣмъ иностранцамъ, были ли то христіане или мусульмане, пренебрегалъ старыми офицерами, оскорблялъ ихъ и наводнилъ армію офицерами, окончившими курсъ въ военной школѣ. Они не успѣвали ознакомиться хорошенько со службою, какъ ихъ уже назначали дивизіонными и корпусными командирами. Его ненависть къ Риза-пашѣ и ко всѣмъ иностранцамъ сблизила его съ Али-пашею, который розыгрывалъ роль архи-турка, чтобы этимъ отличиться отъ Решидъ и Фуадъ-пашей.

Фуадъ-паша назначилъ Гуссейнъ-Авни-пашу своимъ помощникомъ, кай-

макамомъ, что̀ принесло огромный вредъ ему самому, турецкому войску и всему государству. Онъ питалъ къ Риза-пашѣ такую страшную ненависть, что когда тотъ умеръ и онъ, будучи въ то время сераскиромъ, долженъ былъ отдать ему послѣднюю честь, какъ заслуженному предводителю войскъ султана, то онъ не поѣхалъ на его похороны, сказавъ своимъ друзьямъ:

— Я радъ и счастливъ, ибо на свѣтѣ не можетъ быть величайшей радости и удовольствія, какъ видѣть своего врага зарытымъ въ землю такъ глубоко, что ему оттуда не встать.

Эти слова характеризуютъ лучше всего этого сановника.

Перев. **В. В. Тимощукъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

...ших былъ 15-го декабря 1839 г. войти къ государю императору съ докладомъ, въ которомъ, указавъ на трудности выполненія высочайшей воли отъ 16-го декабря 1836 г., просилъ отсрочить силу этого указа до 16-го декабря 1845 г. На этотъ докладъ воспослѣдовала слѣдующая резолюція: «Быть по сему. Я несомнѣнно надѣюсь, что въ скоромъ времени изъ среды дерптскихъ студентовъ найдутся многіе, которые въ состояніи будутъ поступить въ учители русскаго языка въ своемъ краѣ, ибо отличный духъ ихъ мнѣ давно извѣстенъ».

Въ связи съ этимъ выраженіемъ высочайшей воли послѣдовало распоряженіе гр. Уварова о томъ, что поступившіе въ Дерптскій университетъ послѣ января 1845 г. не могутъ получить соотвѣтствующихъ дипломовъ иначе, какъ доказавъ свое умѣніе вполнѣ грамматически-правильно выражать свои мысли на русскомъ языкѣ.

14-го апрѣля 1860 г., при попечителѣ К. К. фонъ-Брадке было утверждено министерствомъ выработанное профессоромъ М. П. Розбергомъ «Положеніе о преподаваніи русскаго языка и словесности въ императорскомъ Дерптскомъ университетѣ»; но и по введеніи точныхъ правилъ преподаванія и слушанія русскаго языка и литературы въ университетѣ и по опредѣленіи степени обязательности такихъ этимъ предметомъ для студентовъ всѣхъ факультетовъ,—дѣло все-таки шло не удовлетворительно, и университетъ продолжалъ тяготиться русскимъ языкомъ.

9-го января 1865 г. былъ утвержденъ новый уставъ для Дерптскаго университета. По этому уставу положена была на историко-филологическомъ факультетѣ, взамѣнъ бывшей кафедры «русскаго языка и литературы»,—кафедра «русскаго языка въ особенности и славянскаго языковѣдѣнія вообще»; и одна изъ литературъ въ концѣ 60-хъ годовъ была обращена на предметъ «русскаго языка и литературы».

Предложеніемъ министра народнаго просвѣщенія попечителю Рижскаго учебнаго округа отъ 12-го сентября 1893 г., прежде дѣйствовавшія правила были замѣнены слѣдующими новыми: 1, Тѣ изъ студентовъ императорскаго Дерптскаго университета, которые получили образованіе въ гимназіяхъ съ русскимъ преподавательскимъ языкомъ или обучались въ нихъ не менѣе пяти лѣтъ, а равно выдержавшіе въ этихъ гимназіяхъ испытаніе зрѣлости, освобождаются отъ контрольныхъ испытаній по сему предмету; 2, студенты же, окончившіе курсъ гимназій Рижскаго учебнаго округа въ то время, когда въ сихъ гимназіяхъ велось преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ, а равно принятые въ университетъ по аттестатамъ зрѣлости гимназій, обязаны сдать въ теченіе университетскаго курса особое испытаніе по русскому языку, въ доказательство полнаго съ нимъ знакомства, какъ теоретическаго, такъ и практическаго. Испытаніе производится въ факультетской коммиссіи, съ депутатомъ отъ историко-филологическаго факультета; 3, въ основу такого испытанія полагается классная работа, состоящая въ письменномъ переводѣ даннаго испытательной коммиссіей отрывка съ нѣмецкаго или другого иностраннаго языка на русскій. По разсмотрѣніи перевода членами коммиссіи, производится устное испытаніе по содержанію работы для провѣрки ея самостоятельности и знакомства съ русской грамматикой; 4, посѣщеніе лекцій русскаго языка и литературы не обязательно для студентовъ не-филологовъ; но, въ случаѣ желанія, имъ предоставляется записываться на общіе и спеціальные курсы по сему предмету, читаемые на историко-филологическомъ факультетѣ, съ уплатою гонорара за такіе курсы на общемъ основаніи.

Эти правила остаются въ силѣ и до настоящаго времени.

Во второй половинѣ своего труда г. Пѣтуховъ даетъ довольно подробныя свѣдѣнія о жизни и научной дѣятельности профессоровъ, преподавателей и доцентовъ Юрьевскаго университета по каѳедрѣ русскаго языка и словесности, съ 1802 по 1895 годъ.

Н. К-ш-ъ.

Русская словесность съ XI по XIX столѣтіе включительно; библіографическій указатель произведеній русской словесности въ связи съ исторіей литературы и критикой. Книги и журнальныя статьи. Составила А. В. Мезіеръ. Часть 1.—Русская словесность съ XI по XVIII в. С.-Петербургъ. 1899.

Громадное большинство прекрасныхъ и достойныхъ вниманія книгъ и журнальныхъ статей, не утратившихъ своего значенія и даже общаго интереса до сего дня, не находитъ себѣ читателей,—говоритъ авторъ въ предисловіи,—потому только, что читающей публикѣ онѣ не извѣстны, или потому, что она забыла о нихъ.

А. В. Мезіеръ взяла на себя довольно трудную задачу, требующую кропотливаго труда,—составить возможно полный библіографическій указатель всѣхъ произведеній русской словесности, изслѣдованій ихъ и критическихъ статей о нихъ, и вполнѣ справилась съ своей задачей, а потому ея трудъ, безъ сомнѣнія, принесетъ пользу какъ для спеціалистовъ ученыхъ, такъ и для преподавателей русской словесности, а также и для учащихся, да и широкой публикѣ напомнитъ о существованіи многихъ хорошихъ книгъ и статей, несправедливо забытыхъ.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1900 г.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Циндерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 11. Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1899 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **безплатно.**

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXI-й. СЕНТЯБРЬ. 1900 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Воспоминанія о нѣкоторыхъ лицейскихъ товарищахъ.** Михаилъ Васильевичъ Буташевичъ-Петрашевскій. Акад. К. С. Веселовскій..... 449—456
II. **Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.** И. Дубровина. 457—483
III. **Записки генерала В. И. Левенштерна**..... 485—522
IV. **Меттернихъ и его внѣшняя политика.** А. П. Рѣдкина..... 523—540
V. **Софья Петровна Сѣчена.** (Ея жизнь и переписка). II..... 541—557
VI. **Къ исторіи русской литературы:** О. В. Булгаринъ и Н. И. Гречъ: I. О. Булгаринъ и его «Сѣверный Архивъ»; II. Н. Гречъ и его «Сынъ Отечества»; III. Булгаринъ и Гречъ вмѣстѣ; IV. Булгаринъ послѣ 14-го декабря 1825 года. Сообщилъ П. Д..... 559—591
VII. **Гортензія Богарнэ.** (Окончаніе). П. М. Майкова. 593—614
VIII. **Александръ Ефимовъ. Изъ жизни.** Ив. Кубасова. 615—628
IX. **Изъ воспоминаній Михайловскаго - Данилевскаго,** 1822 годъ. Сообщ. Н. К. Шильдеръ..... 629—649
X. **Смоленскіе партизаны въ 1812 г.** А. Слезскинскаго..... 651—665
XI. **Англо-французы въ Китаѣ въ 1860 г.** А. П. Рѣдкина..... 667—684
XII. **Записная книжка „Русской Старины“:** Стихи, приписываемые И. А. Крылову (стр. 484).—Императоръ Александръ I и его гофмаршалъ графъ Н. А. Толстой въ 1815 году (558). — Возвращеніе барона Беннигсена въ армію въ 1812 году. Всеподданнѣйшее письмо барона Беннигсена. 20-го августа 1812 г. (592).—Исцѣленіе полковника Повиша. Письмо полковника Повиша къ ген.-лейтен. Ренну. 21-го іюля 1706 г. Сообщилъ М. К. Марченко (650).—О принятіи имп. Николаемъ I въ непосредственное свое вѣдѣніе собственной Его Величества Канцеляріи. Собственноручный рескриптъ имп. Николая гр. Аракчееву, 20-го дек. 1825 г. (666).
XIII. **Библіографич. листокъ** (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) **Архивъ Брюлловыхъ.**

2) Портретъ **Софьи Петровны Сѣченовой.** Грав. И. И. Хелминскій.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1900 г.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“.

Большая Подъяческая, 39.

1900.

IX-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го сентября 1900 г.

Библіографическій листокъ.

Крестьянская реформа въ Новгородской губерніи. Записки С. И. Носовича. 1861—1863. Съ предисловіемъ В. И. Семевскаго. С.-Петербургъ. 1900.

Для исторіи подготовленія крестьянской реформы въ первые годы царствованія императора Александра Николаевича издано уже не мало матеріаловъ, хотя еще большее количество ихъ хранится въ столичныхъ и провинціальныхъ архивахъ. Менѣе данныхъ имѣется о введеніи Положенія 19-го февраля 1861 года. Кое-что, правда, напечатано,—говоритъ въ своемъ предисловіи В. И. Семевскій,—но все же мы не имѣемъ свѣдѣній о дѣятельности мировыхъ посредниковъ и присутствій по крестьянскимъ дѣламъ въ первое время по освобожденіи крестьянъ во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи.

Весьма существеннымъ дополненіемъ къ тѣмъ матеріаламъ, которыми располагаетъ уже въ настоящее время русская наука, служатъ разбираемыя нами весьма интересныя записки генералъ-лейтенанта Сергѣя Ивановича Носовича о службѣ его по введенію крестьянской реформы въ Новгородской губерніи въ 1861—63 гг. Первоначально эти записки были напечатаны въ X и XI тт. «Историческаго Обозрѣнія» Сборника Историческаго Общества при С.-Петербургскомъ университетѣ, издаваемаго подъ редакціей Н. И. Карѣева.

Начавъ свое служеніе крестьянскому дѣлу въ Новгородской губерніи, С. И. Носовичъ продолжалъ его въ Витебской и Могилевской губерніяхъ. Затѣмъ, въ 1867 г., онъ былъ назначенъ въ Ташкентъ чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ Кауфманѣ; занималъ должность уѣзднаго начальника въ Кокандѣ, былъ предсѣдателемъ организаціонной коммиссіи въ Маргеланѣ и командированъ въ Бухару съ порученіемъ, успѣшнымъ исполненіемъ котораго заслужилъ высочайшую благодарность[1]). Послѣ того онъ служилъ въ Болгаріи, во время ея оккупаціи, и, наконецъ въ 1882 г. былъ назначенъ губернаторомъ въ Иркутскъ. Прослуживъ тамъ четыре года, онъ, по слабости здоровья, оставилъ это мѣсто, заручившись обѣщаніемъ бывшаго генералъ-губернатора Туркестанскаго края принять его туда на службу. Прождавъ своего назначенія два года безъ содержанія, С. И. Носовичъ принужденъ былъ выйти въ отставку и скончался 1-го января 1897 г., прослуживъ на государственной службѣ 37 лѣтъ.

«Если придется кому-нибудь читать бѣглыя замѣтки эти о ходѣ крестьянскаго вопроса,—говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи,—то я прошу знать, что онѣ писаны подъ впечатлѣніемъ дня, безъ строгой соотвѣтственности предыдущаго къ послѣдующему, т. е. безъ задуманнаго плана, а просто изъ желанія сохранить воспоминаніе о тѣхъ ежедневныхъ случаяхъ и мысляхъ, которыми сопровождалось для меня мое личное участіе въ реформѣ».

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ этихъ записокъ.

«Я пріѣхалъ въ Исаково[1]) два мѣсяца спустя послѣ объявленія манифеста объ освобожденіи крестьянъ и былъ не мало удивленъ—читаемъ мы подъ 26-мая 1861 года,—встрѣтивъ со стороны помѣщиковъ большую или меньшую апатію и пассивность въ дѣлѣ, столь важномъ для нихъ, каковымъ должно быть освобожденіе крестьянъ; съ другой же стороны я былъ тотчасъ же успокоенъ въ моихъ непріятныхъ ожиданіяхъ найти крестьянъ въ томъ нравственномъ неспокойно-опасномъ состояніи, о которомъ мнѣ писали въ Петербургъ. Я нашелъ, однако, крестьянъ въ очень возбужденномъ, натянутомъ состояніи духа, главное же—въ состояніи полнаго невѣдѣнія всего того, что ожидаетъ ихъ не только въ нѣсколько отдаленномъ будущемъ, но даже и непосредственно по обнародованіи крестьянскаго положенія, которое имъ читали и которое они можетъ быть, и читали сами, но которое осталось для нихъ совершенно непонятнымъ. Многіе изъ нихъ (помѣщиковъ), продолжаетъ С. И. Носовичъ,—понимаютъ всю практическую пользу реформы въ будущемъ, но первые два, три трудныхъ года заставляютъ ихъ противиться новому порядку вещей, какъ будто совершенно вредному для нихъ.

«По обнародованіи манифеста и Крестьянскаго Положенія, всѣ крестьяне сряду почувствовали неудобство своей неграмотности; они должны были нанимать ттецовъ или просить читать имъ своихъ господъ; пономари и дьячки съ Положеніемъ подъ мышками, обходили деревни и собирали подать за свои познанія въ русской грамотѣ; многіе крестьяне, полагая, что можно выучиться читать въ нѣсколько пріемовъ, просили научить ихъ дѣтей, вообще всѣ стали охотно посылать ихъ въ нашу домашнюю школу; сами дѣти занимаются хорошо, и можно надѣяться, что осенью и зимой будетъ много желающихъ учиться, такъ что придется завести не одну школу для равныхъ мѣстностей».

Говоря о празднованіи въ Новгородѣ 8-го сентября 1862 г. тысячелѣтія Россіи, какъ самостоятельнаго государства,—С. И. Носовичъ утверждаетъ, что единственный непринужденный восторгъ этихъ дней былъ въ народѣ, который тысячами прихлынулъ на торжество въ Новгородъ изъ окрестныхъ деревень. Нужно сказать,—продолжаетъ онъ,—что дворянство наше оставалось совершенно равнодушнымъ ко всѣмъ приготовленіямъ, необходимымъ для пріема государя, такимъ образомъ, что нужно было все

[1]) Записки Носовича о посольствѣ въ Бухару напечатаны въ «Русской Старинѣ» 1898 г., т. XCV (№ 8 и № 9).

[1]) Село Демянскаго уѣзда Новгородской губерніи.

СОФІЯ ПЕТРОВНА

СВѢЧИНА.

Воспоминанія о нѣкоторыхъ лицейскихъ товарищахъ.

Михаилъ Васильевичъ Буташевичъ-Петрашевскій.

Конецъ 1849 года былъ отмѣченъ печальною исторіею, извѣстною подъ именемъ «дѣла Петрашевскаго». Оно выдвинуло изъ неизвѣстности человѣка, вовсе не рожденнаго для того, чтобы занимать какую-либо роль на исторической сценѣ. И единственно сцѣпленію особыхъ обстоятельствъ обязанъ онъ тѣмъ, что сталъ своего рода извѣстностью. Судьба какъ бы сама взялась сдѣлать то, о чемъ онъ всегда думалъ—и чего всегда желалъ—быть не такъ, какъ всѣ люди.

Я зналъ Петрашевскаго съ лицейской скамьи; мы были товарищами, хотя и не однокурсниками: я былъ — IX курса, выпущеннаго въ 1838 году, а онъ X курса выпуска 1839 года. Въ его курсѣ, состоявшемъ изъ 20 воспитанниковъ, въ числѣ которыхъ были А. В. Головнинъ, М. Хр. Рейтернъ, баронъ А. П. Николаи, и др.,—онъ одинъ выпущенъ съ чиномъ XIV класса. При его несомнѣнно хорошихъ способностяхъ и живости ума, и при той легкости, съ какою въ тогдашнемъ Лицеѣ, при тогдашнемъ не очень значительномъ объемѣ всего преподаванія, можно было пріобрѣсти при выпускѣ и болѣе высокіе чины,—выйти коллежскимъ регистраторомъ—это нельзя иначе назвать, какъ «быть не какъ всѣ».

Что не недостатокъ способностей былъ причиною такого фіаско окончанія Петрашевскимъ лицейскаго курса, доказательствомъ служитъ то, что онъ тотчасъ послѣ выпуска, пользуясь правомъ, которое въ то время было предоставлено лицеистамъ, поступилъ въ Петербургскій университетъ и не далѣе, какъ 19-го августа 1841 года совѣтомъ университета удостоенъ, по успѣхамъ въ наукахъ, степени кандидата юридическаго факультета. Поступивъ на службу въ министерство иностран-

ныхъ дѣлъ по департаменту внутреннихъ сношеній, онъ въ 1840 г. опредѣленъ третьимъ переводчикомъ, а въ 1843 году перемѣщенъ во вторые переводчики.

Въ бытность свою въ Лицеѣ, Петрашевскій отличался такими странностями, что въ общемъ мнѣніи товарищей онъ слылъ за взбалмочнаго и вздорнаго мальчишку. Онъ производилъ впечатлѣніе избалованнаго «матушкина сынка», котораго въ дѣтствѣ слишкомъ захвалили, и который привыкъ считать дозволительною всякую свою фантазію. У такихъ дѣтей легко развивается непомѣрное самолюбіе и самонадѣянность, особенно же, если тѣ годы, въ которыхъ человѣкъ всего сильнѣе испытываетъ на себѣ вліяніе окружающей среды, протекли въ семействѣ, незнакомомъ съ правилами благовоспитанности, уже смолода дисциплинирующими съ нѣкоторой стороны нашу волю и пріучающими насъ даже во внѣшности и въ самыхъ незначительныхъ поступкахъ не позволять себѣ ничего, что по принятымъ обычаямъ считается неприличнымъ. Эти двѣ причины — избалованность и неблаговоспитанность, въ связи съ чрезмѣрнымъ самолюбіемъ,—выродились у Петрашевскаго въ несчастную страсть—оригинальничать, которая и погубила его. Онъ всегда и вездѣ, гдѣ только могъ, старался «не быть какъ всѣ». Такъ, будучи чиновникомъ такого министерства, въ которомъ корректность въ костюмѣ считается строго обязательною, онъ ходилъ по улицамъ въ какомъ-то широкомъ плащѣ и въ шляпѣ съ самыми широкими полями — въ настоящемъ сомбреро, скандализируя тѣмъ своихъ сослуживцевъ дипломатовъ и съ явнымъ намѣреніемъ обратить на себя вниманіе полиціи, такъ какъ въ высшемъ правительствѣ не очень благосклонно смотрѣли на всякія эксцентричности въ костюмѣ на улицахъ. Однажды, какой-то тароватый французъ привезъ изъ Парижа модную новинку, которую надѣялся пустить въ ходъ въ Петербургѣ—мужскія шляпы, у которыхъ верхъ тулья состоялъ не изъ круга, какъ у теперешнихъ цилиндровъ, а изъ квадратнаго четвероугольника, какъ у уланскихъ шапокъ,—и первымъ, явившимся въ такой смѣшной обновкѣ, на Невскомъ, въ часы наибольшаго тамъ оживленія, былъ, конечно, не кто иной, какъ Петрашевскій. Пріятели смѣялись надъ нимъ, и это его тѣшило. Одинъ изъ нихъ, Я. Т. Спѣшневъ говаривалъ ему: «Ты, дружище, дѣлаешь все возможное, чтобы быть высѣчену въ полиціи, а полиція тебя презираетъ и не хочетъ тебя сѣчь. Вѣдь это, какъ ты себѣ хочешь, а обидно для тебя».

Въ то время гражданскіе чиновники не могли носить бороды, усовъ и длинныхъ волосъ на головѣ, а Петрашевскій, изъ погони за оригинальностью, отростилъ себѣ длинную шевелюру и съ кудрями по плечамъ явился на службу въ министерство. Директоръ департамента долго косился на него за это, но такъ какъ Петрашевскій не хотѣлъ понять

этихъ нѣмыхъ внушеній, то директоръ поручилъ одному изъ чиновниковъ передать ему уже на словахъ совѣтъ остричься. На другой день Петрашевскій является съ тѣми же длинными волосами, и директоръ, выведенный изъ терпѣнія, уже самъ обратился съ нему съ укоризной за неисполненіе приказанія.

— Я не только исполнилъ приказаніе вашего превосходительства,— отвѣчалъ Петрашевскій, приподнимая на головѣ парикъ,—но и обрился.

Подобныя выходки были его обыкновеннымъ занятіемъ.

Все это были школьничества и глупыя школьничества, недостойныя взрослаго человѣка; но они рисуютъ вполнѣ Петрашевскаго: его вѣчную страсть — оригинальничать, простиравшуюся до того, что онъ не чувствовалъ, какъ дѣлается черезъ то смѣшнымъ и жалкимъ. Весь онъ былъ какимъ-то умственнымъ недоноскомъ, неспособнымъ сообразовать свои поступки съ разумно сознанною цѣлью. Онъ много читалъ, но все прочитанное не претворялось въ его умѣ въ связное цѣлое и не шло на образованіе твердыхъ убѣжденій. Живи онъ въ болѣе спокойное время, онъ вѣроятно свѣковалъ бы благополучно, съ незавидною репутаціею смѣшнаго, но безвреднаго чудака. А между тѣмъ, обстоятельства времени, въ которомъ ему, волею судебъ, пришлось жить, сдѣлали его героемъ трагедіи, внесшей его имя въ исторію, какъ государственнаго преступника, хотя и комическаго, по выраженію барона М. А. Корфа.

Петрашевскій, выйдя въ свѣтъ изъ стѣнъ Лицея, долженъ былъ ощущать недостатокъ въ обществѣ. Какъ актеру нужны зрители, такъ ему нужны были люди, передъ которыми онъ могъ бы рисоваться своею эксцентричностью. Не имѣя большой родни, лишенный даже пріятельскихъ отношеній къ школьнымъ товарищамъ, которые для вступающаго на жизненное поприще обыкновенно составляютъ первое общество, но съ которыми у него никогда не было особаго сближенія, онъ задумалъ самъ создать вокругъ себя свое общество и уже съ 1845 года завелъ у себя «пятницы», т.-е. то, что въ свѣтѣ называется jours fixes, съ тою разницею, что въ свѣтѣ такіе журъ-фиксы для людей въ извѣстномъ положеніи, имѣющихъ большой кругъ знакомства, служатъ средствомъ поддержанія общественныхъ связей, тогда какъ Петрашевскій, наоборотъ, еще самъ долженъ былъ вербовать для себя знакомыхъ для того, чтобы «пятницы» могли состояться. И какія же знакомства могъ онъ дѣлать—человѣкъ безъ всякаго общественнаго положенія, не представлявшій и самъ собою, за исключеніемъ странностей, ничего интереснаго и привлекательнаго. Легко себѣ представить, что такое были эти справа и слѣва, безъ разбора, нахватанныя знакомства — большею частью такіе же юнцы, какъ онъ самъ, изъ разныхъ слоевъ общества, разныхъ профессій и званій, люди, случайно встрѣченные гдѣ-нибудь и зазванные на чашку чаю, — молодежь, еще не слишкомъ занятая

серьезнымъ дѣломъ и не знающая подчасъ куда сунуться вечеромъ, штатскіе и военные, молодые офицеры и юнкера, учители и студенты, новички въ службѣ по министерствамъ, въ особенности по департаменту внутреннихъ сношеній, сослуживцы Петрашевскаго. Между всѣми ими было только одно общее: юность, еще не тронутая опытомъ жизни, юность до глубины мозга, которой все еще кажется легкимъ и возможнымъ, которой еще «море по колѣно». Не трудно себѣ представить, чѣмъ могли быть разговоры въ такой разнохарактерной и разношерстной компаніи, собиравшейся у Петрашевскаго, когда «языкъ безъ костей», не умудренный еще жизненнымъ опытомъ, былъ выпускаемъ въ четырехъ стѣнахъ на полную свободу, внѣ всякихъ стѣсненій не только со стороны полиціи и цензурной ферулы, но иногда даже и здраваго смысла. Тутъ даже и люди, обыкновенно очень смирнаго образа мыслей, могутъ, въ жару задорнаго спора, высказывать такія мнѣнія, которыя если бы были въ то время зачерчены незримымъ фонографомъ, показались бы имъ самимъ сумасбродными. А мы знаемъ изъ показанія Ѳ. М. Достоевскаго, одного изъ участниковъ «пятницъ» Петрашевскаго, какую роль играли споры въ этихъ собраніяхъ. «Въ обществѣ, которое собиралось у Петрашевскаго»,—говоритъ Достоевскій [1]),—«не было ни малѣйшей цѣлости, ни малѣйшаго единства, ни въ мысляхъ, ни въ направленіи мыслей. Казалось, это былъ споръ, который начался одинъ разъ съ тѣмъ, чтобъ никогда не кончиться. Во имя этого спора и собиралось общество,—чтобы спорить и доспориться. Безъ споровъ у Петрашевскаго было бы чрезвычайно скучно, потому что одни споры и противорѣчія и могли соединить этихъ разнохарактерныхъ людей. Говорилось обо всемъ и ни о чемъ исключительно, и говорилось такъ, какъ говорится въ каждомъ кружкѣ, собравшемся случайно... Я участвовалъ иногда въ спорахъ у Петрашевскаго... и не пугался, когда слышалъ иное горячее слово... въ увѣренности, что тутъ дѣло происходило семейственно, въ кругу общихъ знакомыхъ и пріятелей, а не публично».

Самъ Петрашевскій былъ страстный спорщикъ. Еще въ Лицеѣ особымъ удовольствіемъ его было заводить диспуты со своими товарищами, а одинъ изъ гувернеровъ, добрѣйшій Алексѣй Ивановичъ Кохъ бывалъ нерѣдко его жертвою; это былъ человѣкъ болѣзненно-нервный и поэтому легко раздражавшійся, и Петрашевскій забавлялся тѣмъ, что, заведя съ нимъ какую-нибудь бесѣду, доводилъ его, своими возраженіями и софизмами, до крайняго изступленія, до «бѣло-калильнаго жара», къ явному вреду для его здоровья. Достоевскій, въ вышеупомянутомъ его «показаніи», говоритъ, что Петрашевскому было тягостно вести съ нимъ продолжительный разговоръ, и они оба опасались долго загова-

[1]) «Космополисъ», сентябрь 1898 г., стр. 206.

риваться другъ съ другомъ, такъ какъ съ десятаго слова они бы оба заспорили, а это ужъ надоѣло.

Сороковые года были во Франціи, какъ извѣстно, временемъ особеннаго оживленія въ области политико-экономическихъ наукъ и появленія разныхъ теорій и системъ, порожденныхъ желаніемъ найти средства для избавленія человѣчества отъ золъ пауперизма и пролетаріата. Таковы были возникавшія тогда ученія сенсимонизма, коммунизма, кабетизма, фурьеризма et tutti quanti. Все это были самыя несбыточныя утопіи, грѣшившія тѣмъ, что онѣ были придуманы не для людей, существующихъ въ дѣйствительности, а для какихъ-то идеальныхъ людей, никогда не существовавшихъ и какими они и впредь по всей вѣроятности никогда существовать не будутъ. Одному наиболѣе фантастическому изъ этихъ ученій, фурьеризму, посчастливилось особенно понравиться Петрашевскому, и онъ, какъ человѣкъ, вѣчно суетящійся, вѣчно набирающій на себя какія-нибудь хлопоты, хотя бы и самыя ненужныя, вспалъ на странную мысль распространять у насъ ученіе фурьеризма, очевидно, самъ его хорошенько не понимая и не замѣчая, что въ этой утопіи, достаточно осмѣянной и освистанной даже въ самой Франціи, у насъ никому не было никакой надобности. Въ своемъ ослѣпленіи красотами фаланстеріи, Петрашевскій въ роли пропагандиста фурьеризма проявилъ всю суетливость своей натуры, раскрывая прелести этой доктрины посѣтителямъ своихъ пятницъ, заводя у себя для нихъ цѣлую спеціальную библіотеку, для раздачи изъ нея для прочтенія книгъ кому только можно, знакомымъ и полузнакомымъ, устроилъ 7-го апрѣля 1849 года въ честь Фурье, въ день его рожденія, обѣдъ съ торжественными тостами и рѣчами, да еще какими! И все это творилось съ большою серіозностью, съ чувствомъ исполненія какого-то великаго подвига, какъ будто дѣло шло о какомъ-то особенно важномъ предметѣ, а не о невинныхъ фантазіяхъ добродушнаго французскаго мечтателя. Если величайшій комизмъ заключается въ никому ненужной дѣятельности, то можно сказать, что Петрашевскій въ роли пропагандиста фурьеризма осуществилъ въ себѣ, въ иной рамкѣ, и toute proportion gardée, комическій типъ, сродный тому, какой созданъ Сервантесомъ въ его безсмертномъ «Донъ-Кихотѣ».

Не довольствуясь пріобрѣтеніемъ себѣ адептовъ въ средѣ интеллигентной, Петрашевскій пробовалъ проводить излюбленную имъ доктрину и въ болѣе простыя души, полагая, повидимому, что для воспріятія его проповѣди довольно имѣть уши. Собравъ однажды дворниковъ домовъ своихъ и сосѣднихъ, онъ прочиталъ имъ лекцію о фурьеризмѣ и спросилъ: «поняли, ребята?»

— Поняли, сударь, поняли, какъ не понять.

Довольный такимъ отвѣтомъ, Петрашевскій далъ имъ по двугри-

венному на брата и пригласилъ придти еще въ другой разъ и привести съ собою и другихъ своихъ товарищей. Когда они снова пришли къ нему, онъ, «давъ волю словъ теченію», угостилъ ихъ еще болѣе длинною лекціею и, отпуская, далъ имъ по пятаку.

— Баринъ!—сказали они, — это маловато будетъ; мы у вашей милости пробыли нонѣ долѣе, чѣмъ въ первой, а получили меньше!

Когда потомъ у нихъ спрашивали, что̀ говорилъ имъ баринъ, они отвѣчали:

— Что говорилъ! извѣстно, баринъ балуетъ; работы никакой мы у него не дѣлали, а денегъ далъ невѣсть за что.

Не знаю, такъ ли это было; по крайней мѣрѣ, такъ разсказывали смѣясь въ городѣ о подвигахъ этого забавнаго пропагандиста. Если такъ, то, значитъ, Петрашевскій на полстолѣтіе упредилъ Нехлюдова, объяснявшаго своимъ крестьянамъ прелести теоріи землевладѣнія американца Жоржа.

Я не видѣлся съ Петрашевскимъ съ самаго Лицея; не случалось ни разу встрѣтиться съ нимъ гдѣ-нибудь ни въ обществѣ, ни даже на улицѣ; поэтому былъ нѣсколько удивленъ, когда онъ, въ одинъ прекрасный день, въ февралѣ 1849 года пришелъ ко мнѣ и послѣ первыхъ привѣтствій сказалъ: «а я принесъ тебѣ хорошую книжку, не хочешь ли почитать?» Взглянувъ на заглавіе, я увидѣлъ, что то было сочиненіе Фурье, уже достаточно мнѣ извѣстное. Поэтому я его поблагодарилъ за его желаніе меня просвѣтить, но сказалъ, что книжка мнѣ не нужна, потому что я уже ее знаю.

— Ну, такъ возьми ее и сообщи кому-нибудь изъ своихъ знакомыхъ; книжка запрещенная, и не всякъ можетъ ее достать, поэтому кому-нибудь изъ твоихъ знакомыхъ было бы, можетъ быть, интересно ее почитать.

На такое странное предложеніе я отвѣчалъ, что такихъ знакомыхъ у меня нѣтъ, и отказался принять книжку. Посидѣвъ у меня немного и видя, что разговоръ между нами какъ-то не клеился, онъ собрался уйти, но передъ уходомъ просилъ бывать у него, при чемъ сообщилъ, что по вечерамъ, въ пятницу, онъ бываетъ всегда дома и радъ принимать своихъ добрыхъ пріятелей.

Чтобы не показаться гордецомъ и неучтивцемъ, я нѣсколько времени спустя отправился къ нему отдать визитъ вечеромъ въ пятницу, въ исходѣ февраля или въ самыхъ первыхъ числахъ марта. Онъ жилъ въ своемъ собственномъ домѣ, гдѣ-то въ Коломенской части. Было довольно рано, и я засталъ у него еще небольшое общество: одинъ юнкеръ, какой-то студентъ и какой-то блѣднолицый юнецъ,—вотъ и все; но всего больше меня поразила та обстановка, въ которой Петрашевскій принималъ этихъ «своихъ добрыхъ пріятелей». Это была одна средней величины комната, въ

которой всю мебель составляли старый диванъ, покрытый грязнымъ ситцемъ, очень жесткій для сидѣнія, повидимому, набитый мочалами; нѣсколько грошовыхъ рыночныхъ стульевъ, старый столъ, на которомъ стояла одна сальная свѣчка, составлявшая все освѣщеніе комнаты. Такая обстановка у человѣка, несомнѣнно очень достаточнаго, являлась чѣмъ-то умышленнымъ, преднамѣреннымъ,—отпечаткомъ страсти хозяина оригинальничать,—«быть не какъ всѣ». У него было въ то время, какъ значилось въ его послужномъ спискѣ, въ Петербургѣ два дома—одинъ каменный, другой деревянный, пустопорожнее мѣсто, а въ Петербургской губерніи 250 душъ крестьянъ, да у матери его было въ Новгородской губерніи 150 душъ и въ Петербургѣ два каменныхъ дома.

Вступая въ такое неожиданное общество, въ неожиданной обстановкѣ, я не могъ въ первую минуту достаточно овладѣть собою, чтобы скрыть свое изумленіе, и это, кажется, было замѣчено присутствовавшими; и какъ мы ни пытались завязать, изъ приличія, какой-нибудь разговоръ на самыя ходячія банальныя темы, ничего не выходило; чувствовалась съ той и другой стороны какая-то натянутость, не позволявшая намъ разговориться. Впрочемъ, пробовалъ говорить о чемъ-то одинъ Петрашевскій, а его «добрые пріятели», юнцы, сколько помню, почти не раскрыли рта. Посидѣвъ немного, сколько требовала учтивость, я выдумалъ какой-то предлогъ, чтобы сократить свое посѣщеніе и распростился съ Петрашевскимъ, котораго я потомъ уже ни разу не видалъ. И благо мнѣ было; видно, я родился подъ счастливою звѣздою. Впослѣдствіи оказалось, что та пятница, въ которую я такъ неудачно сунулся къ Петрашевскому, была одною изъ послѣднихъ, если даже не самою послѣднею, передъ пятницею 11-го марта 1849 года, съ которой началъ постоянно посѣщать собранія у Петрашевскаго особый тайный агентъ, составившій тотъ списокъ всѣхъ участниковъ этихъ собраній, который послужилъ первою основою сперва для слѣдствія, а потомъ для суда надъ ними.

О пятницахъ Петрашевскаго зналъ весь городъ, но зналъ такъ, что о нихъ говорили не иначе какъ смѣясь; знала о нихъ и полиція, которая не упускала ихъ изъ вида, но не находила въ нихъ ничего такого, что̀ требовало бы ея вмѣшательства и репрессіи. Но насталъ 1848 годъ, грянула въ Парижѣ февральская революція со всѣми ея послѣдствіями, и картина перемѣнилась. Роль, какая въ эту революцію выпала на долю коммунистовъ, бросила черную тѣнь и на фурьеризмъ. Пропагандированіе этой мирной системы, казавшееся дотолѣ лишь комическою затѣею чудака, получило значеніе дѣла опаснаго для государственнаго спокойствія. Безумные разговоры, бывшіе у неразумныхъ посѣтителей «пятницъ» Петрашевскаго, сдѣлались предметомъ ближайшаго наблюденія, а потомъ обширнаго слѣдствія, которымъ, по замѣчанію М. А. Корфа,

«обнаружено, что дѣло отнюдь не имѣло ни такой важности, ни такого развитія, какія въ началѣ придавали ему слухи и что все дѣло представляло болѣе видъ безумія, нежели преступленія». О докладѣ, представленномъ по дѣлу Петрашевскаго слѣдственною коммиссіею, баронъ Корфъ въ своихъ «Запискахъ» говоритъ, что «члены называли это дѣло — заговоромъ идей, чѣмъ и объясняли трудность дальнѣйшихъ раскрытій: ибо если можно обнаруживать факты, то какъ же уличить въ мысляхъ, когда онѣ не осуществились еще никакимъ проявленіемъ, никакимъ переходомъ въ дѣйствіе?» [1]).

«Дѣло Петрашевскаго» кончилось 22 декабря 1849 г. на Семеновскомъ плацу сценою, рельефно описанною барономъ Корфомъ [2]), и въ этотъ же день 28-ми лѣтній виновникъ этого дѣла отправленъ на безсрочныя каторжныя работы въ рудникахъ Сибири, гдѣ и умеръ въ 1867 году.

К. Веселовскій.

---

[1]) «Русс. Стар.» 1900, май, стр. 278 и 279.

[2]) Тамъ же, стр. 279 и 280. О томъ же въ «Матеріалахъ для жизнеописанія Ѳ. М. Достоевскаго», О. Ѳ. Миллера въ Полн. Собр. сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго, Спб. 1883, Том. I, стр. 121 и слѣд.

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

IX [1]).

Перемѣна административныхъ дѣятелей.—Удаленіе Новосильцова, графа Строганова, гр. Кочубея и Вязмитинова.—Кончина гр. Васильева.—Назначеніе министрами: Голубцова, кн. Куракина, графа Румянцева и гр. Аракчеева.—Характеристика новыхъ министровъ.—Посольство Савари и Коленкура.—Внутреннее положеніе Россіи.—Разладъ между обществомъ и правительствомъ.—Положеніе Александра.—Нерасположеніе общества къ Наполеону и его представителямъ.

Императоръ Александръ сознавалъ, что внутреннее состояніе государства требовало коренныхъ преобразованій, но, чувствуя свое одиночество въ государствѣ и въ виду политическаго положенія Россіи, не считалъ возможнымъ приступить къ этому немедленно.

Возвратившись изъ Тильзита въ Петербургъ и встрѣтившись съ Н. Н. Новосильцовымъ, Александръ сказалъ ему:

— Ну, я принялъ (отъ Наполеона) орденъ Почетнаго Легіона.

— Теперь,—отвѣчалъ Новосильцовъ,—оставаясь на службѣ, я могъ бы повредить новому союзу вашего величества и новой вашей политикѣ. Наполеону извѣстна моя личная къ нему вражда и моя пріязнь къ Англіи: слѣдовательно, пока я при васъ, онъ не можетъ полагаться на искренность вашихъ чувствъ. Чтобы упрочить довѣріе новаго вашего союзника, вамъ никакъ нельзя долѣе держать меня при себѣ. Вы, напротивъ, должны меня прогнать и прогнать гласно.

---

[1]) См. «Русскую Старину» 1899 г. № 8 (августъ).

Воспитанный въ Англіи и постоянный сторонникъ союза съ этою державою, Н. Н. Новосильцовъ не скрывалъ, что сближеніе съ Наполеономъ и новая политика Россіи противна его видамъ и убѣжденіямъ. Высказанныхъ словъ было достаточно, чтобы императоръ Александръ потерялъ расположеніе къ Новосильцову, но какъ человѣкъ, тонкій въ обращеніи съ людьми, императоръ не сразу отдалилъ отъ себя бывшаго своего любимца.

Занимая весьма важный постъ: «при особо порученныхъ отъ его императорскаго величества дѣлахъ», Новосильцовъ постепенно лишался личныхъ докладовъ государю и вообще доступа къ нему. Тѣмъ не менѣе, не скрывая своихъ убѣжденій, онъ гласно осуждалъ новую политику петербургскаго кабинета и, послѣ неосторожныхъ словъ, сказанныхъ имъ на одномъ многолюдномъ обѣдѣ, окончательно порвалъ тѣ отношенія, которыя существовали между нимъ и государемъ.

«Александръ Тургеневъ давно въ Петербургѣ,—сообщалъ Я. И. Булгаковъ своему сыну [1]),—писалъ, но вдругъ пересталъ: или недосугъ или оттого, что начальнику его Новосильцову, говорятъ, *не хорошо*. Ему велѣно выѣхать изъ дворца, гдѣ онъ жилъ». Вскорѣ послѣ того Новосильцовъ дѣйствительно уѣхалъ *за границу* [2]).

15-го августа 1807 года скоропостижно скончался одинъ изъ выдающихся дѣятелей, министръ финансовъ графъ Алексѣй Ивановичъ Васильевъ. Потерю эту считали тогда весьма чувствительною для Россіи.

Работникъ по финансовой части въ теченіе трехъ царствованій: Екатерины II, Павла I и Александра I, онъ постоянно обращалъ на себя вниманіе и умѣлъ обойтись безъ чрезвычайныхъ мѣръ во время войнъ съ Франціею въ 1805—1807 г. г. Это одно уже характеризуетъ его финансовыя способности и административную дѣятельность.

Сожалѣя о кончинѣ графа, императоръ Александръ въ указѣ Сенату 18-го августа 1807 г. между прочимъ писалъ:

---

[1]) Въ письмѣ изъ Москвы отъ 7-го ноября 1807 г. „Русск. Арх." 1898 г. № 2, 219.

[2]) Впослѣдствіи, въ 1809 году, князь А. Чарторыжскій старался оправдать Новосильцова въ глазахъ императора. „Я постарался,—говоритъ онъ,—навести его (Александра) на Новосильцова и на извѣстный доносъ, недавно сдѣланный на насъ обоихъ. Какъ только императоръ замѣтилъ, къ чему я веду рѣчь, онъ прервалъ меня, сказавъ, что это дѣло покончанное, что я тутъ замѣшанъ лишь косвенно, ибо остался безучастнымъ въ то время, какъ г. Новосильцовъ велъ самыя странныя рѣчи въ мѣстѣ столь публичномъ, какъ трактиръ. Дѣло шло объ обѣдѣ, на которомъ Новосильцовъ будто бы разсуждалъ о письмѣ, недавно полученномъ его величествомъ отъ Наполеона. Императоръ былъ весьма раздраженъ. Я защищалъ, какъ умѣлъ, Новосильцова, но все было напрасно". („Русскій Арх." 1871 г. № 4 и № 5, стр. 752 и 753).

«Въ царствованіе наше, управляя всѣми отраслями государственныхъ доходовъ и расходовъ, неусыпными трудами своими, содержалъ онъ многочисленную часть сію не только въ строжайшемъ порядкѣ и цѣлости, но со времени образованія министерствъ вновь устроилъ ввѣренный управленію его департаментъ, присовокупя къ оному новые источники доходовъ, и въ самыя трудныя времена, при чрезвычайныхъ государственныхъ нуждахъ, благоразуміемъ и опытностію своею, избиралъ наилучшіе способы къ исправленію всѣхъ оборотовъ, къ его части принадлежащихъ, содѣйствовалъ тѣмъ къ облегченію важнѣйшихъ предпріятій, къ пользѣ и славѣ отечества обращенныхъ.

«Сверхъ таковыхъ достоинствъ и заслугъ государственнаго человѣка, представлялъ онъ собою въ домашней жизни примѣръ добродѣтельнаго гражданина. И по всѣмъ симъ отношеніямъ, пріобрѣвшимъ ему всеобщее уваженіе и наше особенное благоволеніе и довѣренность, заслуживаетъ онъ пребыть въ памяти признательнаго отечества» [1]).

Мѣсто графа Васильева занялъ племянникъ его, Голубцовъ, человѣкъ далеко не такихъ способностей, какъ даровитой и опытный его дядя.

Въ ноябрѣ 1807 года оставилъ свою должность и другой близкій совѣтникъ Александра, графъ В. П. Кочубей. Саратовскій губернаторъ Бѣляковъ, за злоупотребленія, былъ удаленъ отъ должности и отданъ подъ судъ помимо министра внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея, ему покровительствовавшаго. Честолюбивый министръ, оскорбясь нарушеніемъ того, что считалъ принадлежностью своей власти, а еще болѣе возбужденными этимъ дѣломъ личными объясненіями съ государемъ, просилъ объ увольненіи его отъ должности. Подъ предлогомъ болѣзни, графъ Кочубей уѣхалъ въ безсрочный отпускъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, бывшій въ то время малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ.

Противникъ Наполеона графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ, вслѣдствіе измѣнившихся къ нему отношеній императора, также находилъ невозможнымъ оставаться въ прежнемъ положеніи совѣтника государя, былъ переименованъ изъ тайныхъ совѣтниковъ въ генералъ-маіоры, назначенъ генералъ-адъютантомъ и поступилъ на службу въ войска.

Графъ Павелъ Александровичъ былъ одинъ изъ благороднѣйшихъ, честнѣйшихъ и благонамѣреннѣйшихъ людей, бывшихъ при дворѣ Александра I. «Ангелъ душою, съ умомъ свѣтлымъ и глубокимъ, съ высо-

---

[1]) «Графъ А. И. Васильевъ, первый министръ финансовъ въ Россійской имперіи». „Русская Старина" 1893 г. № 3, стр. 577.

кимъ образованіемъ, графъ П. А. любилъ Россію выше всего въ мірѣ и обожалъ государя, въ которомъ чтилъ высокія дарованія и пламенное желаніе къ просвѣщенію и возвеличенію отечества» [1]). Отецъ не желалъ, чтобы единственный сынъ его служилъ въ военной службѣ, и графъ Павелъ Александровичъ состоялъ при императорѣ въ гражданскомъ чинѣ. Во время войны съ Наполеономъ графъ Строгановъ находился въ главной квартирѣ государя чиновникомъ по дипломатической части.

Гражданская служба не удовлетворяла его и среди военныхъ дѣйствій, съ разрѣшенія атамана Платова, графъ съ полкомъ донцовъ произвелъ смѣлый набѣгъ на непріятеля. Переправившись вплавь черезъ рѣку Алле, онъ напалъ врасплохъ на французовъ, разсѣялъ ихъ, захватилъ много плѣнныхъ и этимъ отважнымъ подвигомъ снискалъ себѣ всеобщую похвалу и уваженіе. Дальнѣйшій жребій его былъ рѣшенъ; отецъ позволилъ ему перейти въ военную службу, и графъ воспользовался этимъ позволеніемъ, сознавая, что обстоятельства измѣнились и прежнее положеніе было для него невозможно. «Императоръ Александръ называлъ его своимъ другомъ—и этотъ другъ всегда говорилъ ему правду». Графъ Строгановъ постоянно являлся заступникомъ безвинно угнетенныхъ злоупотребленіями власти и вполнѣ оправдывалъ слова Державина, обращенныя къ вельможѣ:

Вашъ долгъ, Монарху, Богу, Царству
Служить и клятвой не играть,
Неправдѣ, злобѣ, мздѣ, коварству
Пути повсюду пресѣкать!

Не чувствуя себя въ силахъ идти по этому пути, графъ П. А. Строгановъ удалился.

Ушелъ и бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ баронъ Будбергъ, настаивавшій на продолженіи военныхъ дѣйствій и ненавидѣвшій французскаго императора. «Будбергъ былъ отъявленный врагъ Наполеона,—говоритъ С. М. Соловьевъ [2]),—который, не рѣшаясь прямо потребовать у Александра смѣны министра, какъ потребовалъ у Фридриха-Вильгельма смѣны Гарденберга, однако позволялъ себѣ выходки противъ Будберга. Не Будбергъ велъ переговоры, не онъ подписался подъ тильзитскимъ договоромъ. При видимой перемѣнѣ системы нельзя было ему оставаться министромъ».

Баронъ Будбергъ, смѣнившій князя Чарторыжскаго, уже тѣмъ самымъ пріобрѣлъ себѣ въ немъ врага. Давно уже онъ настаивалъ на смѣнѣ

---

[1]) Воспоминанія Ѳ. В. Булгарина, изд. 1847 г., т. III, стр. 177.
[2]) «Императоръ Александръ», изд. 1877 г., стр. 164.

Будберга и военнаго министра Вязмитинова, который ему тоже не нравился.

«Выставивъ бѣдствія, грозящія Россіи,—отвѣчалъ ему императоръ Александръ [1]),—вы предлагаете для избавленія отъ нихъ: 1) чтобы я объявилъ себя королемъ польскимъ; 2) смѣнилъ министровъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ. Было бы долго входить въ разсужденія по первой статьѣ, что же касается второй, то объявляю, что доволенъ службою обоихъ министровъ. Кромѣ того, я не вижу никого, кто бы могъ ихъ замѣнить. Не генералъ ли Сухтеленъ? Говорю громко, что не нахожу въ немъ способностей нужныхъ для военнаго министра, и предпочитаю Вязмитинова.... Надобно, чтобы я уважалъ тѣхъ, съ которыми работаю; только при этомъ условіи могу имъ довѣрять».

По возвращеніи изъ Тильзита мнѣніе императора объ обоихъ министрахъ совершенно измѣнилось. Подъ предлогомъ болѣзни, Будбергъ былъ уволенъ, и съ сентября 1807 года мѣсто его занялъ графъ Николай Петровичъ Румянцовъ, остававшійся вмѣстѣ съ тѣмъ и министромъ коммерціи. Назначеніе это было полнымъ торжествомъ для немногихъ сторонниковъ союза съ Франціею и встрѣчено непріязненно противною партіею.

«Достойные слуги его (Александра),—пишетъ Н. И. Гречъ [2]),—были удалены или удалились сами. Возвысились глупые и недобрые Куракины (и) не способный говорунъ Румянцовъ».

«Не имѣю я надобности, писалъ позже фельдмаршалъ князь Прозоровскій [3]),—описывать личныхъ его (Румянцова) достоинствъ; они вамъ извѣстны: чего же тутъ добраго ожидать? Его, конечно, купить нельзя; но онъ не болѣе какъ un animal à manger du foin».

Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ былъ человѣкъ высокообразованный, страстный любитель наукъ и художествъ. Онъ располагалъ огромнымъ состояніемъ, дѣлавшимъ его человѣкомъ совершенно независимымъ. Если бы онъ и не занималъ высокой должности, то по своему уму, привѣтливости имѣлъ бы всегда большое вліяніе на общество; но, къ сожалѣнію, это былъ человѣкъ слабаго характера.

Не проходя службы въ мелкихъ чинахъ и назначенный прямо камергеромъ, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, графъ Румянцовъ не зналъ хода административной машины, и потому окружавшіе его чиновники всегда имѣли большое вліяніе на дѣла и часто злоупотребляли его именемъ. При учрежденіи Государственнаго Совѣта императоръ Александръ назначилъ Румянцова членомъ его, а при обра-

---

[1]) С. М. Соловьевъ. «Императоръ Александръ I», изд. 1877 г., стр. 164.

[2]) Въ своихъ запискахъ, стр. 264 и 265.

[3]) Князю С. Ѳ. Голицыну въ письмѣ отъ 23-го іюля 1809 г. «Русскій Арх.» 1876 г. № 6, стр. 57 и 58.

зованіи министерствъ—министромъ коммерціи. Это министерство графъ Николай Петровичъ сохранилъ за собою и теперь и сверхъ того былъ директоромъ вновь учрежденнаго департамента водяныхъ сообщеній (коммуникацій). При всемъ своемъ правосудіи, честности и пламенной любви къ общему благу, Румянцовъ, обремененный множествомъ дѣлъ и не углубляясь въ канцелярскія тонкости, не могъ искоренить злоупотребленій и безпорядковъ въ управленіи. Про высшихъ чиновниковъ Коммерцъ-Коллегіи разсказывали самыя вопіющія вещи, и графъ Румянцовъ не обращалъ на нихъ вниманія; ему говорили, что это клевета, зависть, и графъ считалъ своею обязанностію защищать преданныхъ ему людей. Эта защита налагала на него печать неспособнаго государственнаго дѣятеля.

Графа Румянцова считали сторонникомъ Наполеона потому, что онъ указывалъ не разстройство финансовъ, на необходимость устроить войска, упрочить начатыя преобразованія внутри имперіи и слѣдовательно до времени жить въ мирѣ съ Франціею.

Вскорѣ послѣ Будберга былъ уволенъ и Вязмитиновъ отъ должности военнаго министра.

Сергѣй Кузьмичъ Вязмитиновъ, впослѣдствіи графъ, съ которымъ намъ придется не разъ встрѣчаться, былъ сынъ небогатаго дворянина Курской губерніи. Почти ребенкомъ онъ былъ записанъ въ полкъ, тамъ квартировавшій и затѣмъ переведенный въ Петербургъ для содержанія карауловъ. Президентъ Военной коллегіи графъ З. Г. Чернышевъ потребовалъ отъ полка въ свою канцелярію одного унтеръ-офицера, умѣющаго хорошо писать. Полкъ отправилъ С. К. Вязмитинова. Тамъ онъ скоро снискалъ себѣ благосклонность сначала правителя канцеляріи, а потомъ и самого гр. Чернышева, который сдѣлалъ его своимъ флигель, а потомъ генеральсъ-адъютантомъ. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ Вязмитиновъ состоялъ при графѣ Чернышевѣ, управлялъ его канцеляріей и всѣми дѣлами. За участіе въ устройствѣ Бѣлорусскихъ губерній императрица Екатерина II пожаловала Вязмитинову 800 душъ крестьянъ въ Бѣлоруссіи. Съ производствомъ въ полковники Сергѣй Кузьмичъ былъ назначенъ командиромъ Вологодскаго мушкетерскаго полка, «который онъ довелъ до того, что полкъ этотъ служилъ образцомъ въ арміи». Потомъ сформировалъ онъ Сибирскій гренадерскій полкъ; но съ производствомъ въ генералъ-маіоры, по болѣзни глазъ, принужденъ былъ оставить строй и былъ назначенъ сначала губернаторомъ въ Могилевъ, а затѣмъ сенаторомъ.

Зная лично Вязмитинова, императрица Екатерина II, по полученіи извѣстій о безпорядкахъ въ Башкиріи, назначила его уфимскимъ генералъ-губернаторомъ, гдѣ онъ и оставался до вступленія на престолъ императора Павла I. Послѣдній пожаловавъ ему тысячу душъ въ Мин-

ской губерніи, вызвалъ его изъ Уфы, сдѣлалъ комендантомъ Петропавловской крѣпости и генералъ-кригсъ-коммиссаромъ. Со вступленіемъ на престолъ императора Александра I Вязмитиновъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи, назначенъ вице-президентомъ Военной коллегіи, а при учрежденіи министерствъ—военнымъ министромъ и главнокомандующимъ въ С.-Петербургѣ.

Безпорядки по хозяйственной части въ войну 1807 года, въ особенности по довольствію и обмундированію войскъ, требовали радикальныхъ мѣръ къ ихъ искорененію. Старику Вязмитинову трудъ такой былъ не по силамъ, тѣмъ болѣе, что постороннія внушенія ослабляли съ каждымъ днемъ довѣріе императора Александра къ военному министру. Государь имѣлъ при себѣ особаго докладчика, генералъ-адъютанта гр. Ливена, черезъ котораго и проходили всѣ дѣла по военной части. Открывшееся послѣ кампаніи лихоимство и, можно сказать, даже хищничество коммиссаріатскихъ и провіантскихъ чиновниковъ [1]) окончательно лишило Вязмитинова не только довѣрія государя, но и вызвало его немилость. Сергѣй Кузьмичъ былъ уволенъ въ отставку даже безъ мундира, и на его мѣсто былъ назначенъ графъ А. А. Аракчеевъ, который считался врагомъ Вязмитинова.

«Среди военной олигархіи любимцевъ,—писалъ де-Мэстръ [2]),—вдругъ выросъ изъ земли, безъ всякихъ предварительныхъ знаменій, генералъ Аракчеевъ. Онъ жестокъ, строгъ, непоколебимъ; но, какъ говорятъ, нельзя назвать его злымъ. Я считаю его очень злымъ. Впрочемъ, это не значитъ, чтобы я осуждалъ его назначеніе, ибо въ настоящую минуту порядокъ можетъ быть возстановленъ лишь человѣкомъ подобнаго закала. Остается объяснить, какъ рѣшился его императорское величество завести себѣ в и з и р я: ничто не можетъ быть противнѣе его характеру и его системѣ. Основное его правило состояло въ томъ, чтобы каждому изъ своихъ помощниковъ удѣлять лишь ограниченную долю довѣрія. Полагаю, что онъ захотѣлъ поставить рядомъ съ собою п у г а л о п о с т р а ш н ѣ е, по причинѣ внутренняго броженія, здѣсь господствующаго.

«Аракчеевъ имѣетъ противъ себя обѣихъ императрицъ, графа Ливена, генерала Уварова, Толстыхъ—словомъ, все то, что здѣсь имѣетъ вѣсъ. Онъ все давитъ; передъ нимъ исчезли, какъ туманъ, самыя замѣтныя вліянія».

Прошлое графа Аракчеева не вызываетъ необходимости опровергать слова де-Мэстра, будто-бы онъ выросъ изъ земли безъ всякихъ предварительныхъ знаменій.

---

[1]) См. объ этомъ „Русскую Стар." 1898 г. № 12, стр. 500.

[2]) Въ январѣ 1808 г. „Русскій Арх." 1871 г., т. I., стр. 116.

Графъ Алексѣй Андреевичъ служилъ уже третьему императору и былъ извѣстенъ всей Россіи. Сынъ бѣднаго дворянина, гр. Аракчеевъ гордился своимъ происхожденіемъ и древностью своего рода.

«Благодарю васъ,—писалъ онъ С. Н. Глинкѣ [1])— за приглашеніе ваше подписаться на изданіе «Русскаго Вѣстника»; онъ мнѣ близкій родня, какъ старому русскому дворянину. Родной мой прадѣдъ, генералъ-маіоръ Аракчеевъ, служилъ въ семъ чинѣ, во время Минихова похода къ Очакову. Кажется, что сіи чины тогда были важны и болѣе почтены. А я, бѣдный дворянинъ, воспитанъ былъ совершенно по-русски: учился грамотѣ по часослову, а не по рисовальнымъ картамъ [2]). Потомъ выученъ будучи читать псалтирь за упокой по своимъ родителямъ, посланъ на службу государя и препорученъ въ С.-Петербургѣ чудотворной Казанской иконѣ, съ такимъ родительскимъ приказаніемъ, дабы я всѣ мои дѣла начиналъ съ Ея соизволенія—чему слѣдую и по сіе время».

По природѣ сухой сердцемъ, чуждый всему изящному, любящій только положительное, основанное на разсчетѣ, никогда и ничѣмъ не увлекающійся, Аракчеевъ, поставившій себѣ цѣлью исключительно фронтовую службу, шелъ твердо по избранному имъ пути. Человѣкъ не дюжиннаго ума, онъ еще въ молодости съумѣлъ обратить на себя вниманіе начальства.

Поступивъ 20-го іюля 1783 года въ шляхетный артиллерійскій и инженерный корпусъ, Аракчеевъ, въ августѣ 1786 года, за отличные успѣхи въ наукахъ и поведеніи, былъ пожалованъ вызолоченною медалью, установленною за отличіе. «Съ сегодняшняго дня,—писалъ директоръ корпуса кадету Аракчееву [3]),—вы властны посѣщать классы или заниматься у себя; вы сами себѣ составите планъ наукъ и будете одной совѣсти вашей отдавать въ ономъ отчетъ. Вашъ вѣрный другъ П. Мелиссино».

Съ пятнадцати-лѣтняго возраста Аракчеевъ былъ уже помощникомъ корпусныхъ офицеровъ въ обученіи кадетъ слабыхъ по фронту и наукамъ. При помощи «тычковъ», пинковъ и разныхъ наказаній, Аракчеевъ скоро достигалъ того, что кривые и неуклюжіе кадеты обращались въ прямыхъ и ловкихъ, лѣнтяи выучивали свои уроки, а самъ наставникъ пріобрѣталъ себѣ репутацію человѣка способнаго и необыкновенно усерднаго. Эта репутація была настолько прочна, что съ производствомъ Аракчеева, 27-го сентября 1787 года, поручикомъ арміи, онъ, по совѣту

---

[1]) Отъ 4 мая 1808 г. „Отрывокъ изъ письма знаменитаго сына отечества къ издателю „Русскаго Вѣстника“.—„Русскій Вѣстникъ“ 1808 г., №, 5 стр. 244.

[2]) Первымъ наставникомъ его былъ сельскій дьячекъ, получавшій за уроки четверть ржи и двѣ четверти овса въ годъ.

[3]) Отъ 4-го апрѣля 1787 года.

Мелиссино, остался при корпусѣ преподавателемъ артиллеріи и математики. За трудъ его при формированіи во время шведской войны при кадетскомъ корпусѣ артиллеріи, за обученіе людей фронту, стрѣльбѣ, лабораторному искусству и наконецъ за составленіе краткихъ артиллерійскихъ записокъ, Аракчеевъ былъ переведенъ въ артиллерію и назначенъ командиромъ особой гренадерской команды, составленной изъ лучшихъ фронтовиковъ трехъ ротъ кадетскаго корпуса.

По просьбѣ Н. И. Салтыкова (впослѣдствіи князя), сына котораго Аракчеевъ обучалъ математикѣ, онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ генералу Мелиссино, рекомендовавшему его потомъ великому князю Павлу Петровичу, какъ офицера очень свѣдущаго и трудолюбиваго.

4-го сентября 1792 г. Аракчеевъ, въ чинѣ капитана, имѣя 24 года отъ роду, прибылъ въ Гатчино и былъ назначенъ командиромъ артиллерійской роты гатчинскихъ войскъ наслѣдника, и съ этого момента началось его быстрое возвышеніе. Человѣкъ нелюдимый, не любившій общества и свѣтскія увеселенія, не отличавшійся ловкостью и тонкостью воспитанія, Аракчеевъ не могъ тягаться съ лицами, окружавшими великаго князя, и потому всецѣло предался служебнымъ занятіямъ. Онъ производилъ ученья, продолжавшіяся по двѣнадцати часовъ въ день, не сходя съ поля. На этихъ ученьяхъ долженъ былъ присутствовать, по волѣ отца, и великій князь Александръ Павловичъ, пріѣзжавшій для того изъ Петербурга въ Павловскъ. Сначала онъ ѣздилъ одинъ разъ въ недѣлю, а съ 1795 года—по четыре раза и занимался маневрами, ученьями и парадами. Эти ученья послужили первымъ сближеніемъ Александра съ Аракчеевымъ.

Въ день вступленія своего на престолъ императоръ Павелъ вызвалъ изъ Гатчины Аракчеева и, обратившись къ нему, сказалъ:

— Смотри, Алексѣй Андреевичъ, служи мнѣ вѣрно, какъ и прежде.

Затѣмъ, призвавъ великаго князя Александра Павловича, императоръ сложилъ его руку съ рукою Аракчеева.

— Будьте друзьями,—сказалъ государь,—и помогайте мнѣ.

7-го ноября, на другой день по вступленіи на престолъ, императоръ Павелъ назначилъ великаго князя Александра Павловича полковникомъ въ Семеновскій полкъ, а полковника Аракчеева—комендантомъ г. Петербурга и въ Преображенскій полкъ. Ему было отведено помѣщеніе въ Зимнемъ дворцѣ, въ покояхъ, прежде занимаемыхъ княземъ П. Зубовымъ. На слѣдующій день, 8-го ноября, Аракчеевъ, имѣя 27 лѣтъ отъ роду, былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а 13-го ноября—награжденъ орденомъ Св. Анны 1-й степени. Въ день коронованія императора 5-го апрѣля 1797 г. онъ получилъ орденъ Св. Александра Невскаго и баронское достоинство.

Вскорѣ послѣ того, великій князь Александръ Павловичъ былъ на-

значенъ первымъ с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, шефомъ л. гв. Семеновскаго полка, инспекторомъ по кавалеріи и пѣхотѣ С.-Петербургской и Финляндской дивизій, а съ 1-го января 1798 г.—предсѣдателемъ въ военномъ департаментѣ.

Около того же времени и именно 19-го апрѣля 1797 г. Аракчеевъ былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ всей арміи, а 10-го августа—командиромъ Преображенскаго полка.

Обязанности, возложенныя на великаго князя и барона Аракчеева, какъ коменданта города, вызывали безпрерывное сношеніе ихъ другъ съ другомъ. По званію военнаго губернатора, Александръ Павловичъ обязанъ былъ два раза, утромъ и вечеромъ, подавать императору рапортъ о такихъ событіяхъ, которыя прямо или косвенно относились и до вѣдѣнія коменданта. Въ рапортахъ этихъ излагались подробности о состояніи гарнизона, о всѣхъ караулахъ и конныхъ патруляхъ, посылаемыхъ по городу и его окрестностямъ, при чемъ за малѣйшую ошибку давался строгій выговоръ. «Великій князь Александръ былъ еще молодъ,—говоритъ Саблуковъ [1]),—и характеръ его былъ робокъ; сверхъ того онъ былъ близорукъ и немного глухъ; поэтому можно себѣ представить, что занимаемая имъ должность не была синекурою и стоила ему многихъ безсонныхъ ночей. Оба великіе князя смертельно боялись своего отца и, когда онъ смотрѣлъ сколько-нибудь сердито, блѣднѣли и дрожали, какъ осиновый листъ. Они также искали покровительства у другихъ, вмѣсто того чтобы имѣть возможность (какъ можно было бы ожидать по ихъ высокому положенію) самимъ его оказывать. Поэтому они внушали мало уваженія».

Весьма естественно, что Александръ, сознававшій свою неопытность, обращался за совѣтомъ къ человѣку, съ которымъ ему приходилось имѣть сношеніе чаще, чѣмъ съ другими, человѣку, рекомендованному ему въ «друзья», знающему службу до тонкости, знающему привычки императора и оберегавшему его безопасность. «Нужно было сознаться,—говоритъ Саблуковъ,—что онъ (Аракчеевъ) былъ искренно преданъ своему повелителю и заботливъ о личной безопасности императора» [2]).

Дружба эта дѣйствительно скоро завязалась, и Александръ весьма часто обращался за совѣтами къ Аракчееву, «почитая лучше спросить хорошаго совѣта, нежели надѣлать вздору». «Прости мнѣ, другъ мой,—писалъ онъ въ одномъ письмѣ къ Аракчееву,—что я тебя безпокою, но я молодъ, и мнѣ нужны весьма еще совѣты, и такъ я надѣюсь, что

---

[1]) Воспоминанія о дворѣ и временахъ императора Павла I и проч. „Русс. Арх". 1869 г., стр. 1896.

[2]) Воспоминанія о временахъ Павла I. „Русскій Арх. "1869 г., стр. 1898.

ты меня не оставишь? Прощай, другъ мой, не забудь меня и будь здоровъ». Не только болѣзнь, но и малѣйшее недомоганіе Аракчеева крайне безпокоило Александра Павловича. Онъ просилъ его беречь себя для него изъ опасенія даже временно лишиться его совѣтовъ. «Ради Бога, — писалъ онъ, — побереги себя, если не для себя, то, по крайней мѣрѣ, для меня. Мнѣ отмѣнно пріятно видѣть твои расположенія ко мнѣ. Я думаю, что ты не сомнѣваешься въ моемъ и знаешь, сколько я тебя люблю чистосердечно[1])».

Аракчеевъ шелъ на встрѣчу всѣмъ желаніямъ и просьбамъ великаго князя и, при неуступчивости своего характера, скоро подчинилъ себѣ слабохарактернаго и молодаго Александра, склоннаго поддаться вліянію сильнаго характера. Аракчеевъ сталъ для него человѣкомъ неоцѣненнымъ, необходимымъ совѣтникомъ въ сложныхъ порядкахъ тогдашней службы и опекуномъ во всѣхъ поступкахъ неопытнаго административнаго дѣятеля. Всякая разлука съ Аракчеевымъ безпокоила Александра и вызывала желаніе съ «отмѣннымъ нетерпѣніемъ» его видѣть, сознаніе, что ему грустно безъ него, и что онъ ему крайне необходимъ. Александръ видѣлъ въ Аракчеевѣ настолько вѣрнаго и неподкупнаго друга, что писалъ ему интимныя письма, касающіяся частныхъ его отношеній съ императоромъ-отцомъ.

Скоро друга Александра постигла опала, вызванная крутыми мѣрами и жестокими поступками. Будучи командиромъ Преображенскаго полка и генералъ-квартирмейстеромъ, Аракчеевъ успѣлъ возбудить ненависть въ своихъ подчиненныхъ. Холодный и придирчивый, онъ старался всюду находить безпорядки и неисправности и рѣдко отдавалъ справедливость усердію и заслугамъ. Повторяя часто преображенцамъ, что «чистыя казармы—здоровыя казармы», Аракчеевъ дѣйствительно достигъ необыкновенной чистоты и опрятности, но для этого нижніе чины, проводившіе большую часть дня на ученьяхъ, по ночамъ мыли полы, чистили улицы и не знали покоя. Часто полковой командиръ жесто наказывалъ солдатъ, осыпалъ офицеровъ выговорами, бранью и вообще обращался съ ними весьма грубо.

Поведеніе Аракчеева, какъ генералъ-квартирмейстера, было еще того хуже. По свидѣтельству графа Толя, служба свитскихъ офицеровъ была преисполнена «отчаянія». Съ 7 часовъ утра и до 7 часовъ вечера, съ двухчасовымъ только перерывомъ, Аракчеевъ заставлялъ офицеровъ чертить планы, часто ненужные и устарѣвшіе. Живя надъ чертежною, онъ приходилъ въ нее по нѣсколько разъ въ день, осыпалъ офицеровъ бранью и разъ забылся до того, что молодому колоновожа-

[1]) Н. К. Шильдеръ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе". Т. I, стр. 177—181.

тому Фитингофу далъ пощечину. Завѣдывающій чертежною подполковникъ Ленъ, сподвижникъ Румянцова и Суворова, украшенный георгіевскимъ крестомъ, будучи обругапъ Аракчеевымъ самымъ площадным образомъ, застрѣлился. Это событіе надѣлало шуму въ городѣ. Ленъ былъ лично извѣстенъ императору Павлу, а изъ оставленнаго имъ письма выяснилась причина самоубійства. 1-го февраля 1798 г. Аракчеевъ былъ уволенъ въ отпускъ для излѣченія болѣзни, а 18-го марта отставленъ отъ службы, съ награжденіемъ, впрочемъ, чиномъ генералъ-лейтенанта. Онъ уѣхалъ въ имѣніе Грузино, подаренное ему императоромъ Павломъ. Тамъ онъ получалъ письма великаго князя Александра Павловича, увѣрявшаго его въ неизмѣнности дружбы и выражавшаго желаніе скорѣе его видѣть и беречь свое здоровье. Желаніе наслѣдника скоро исполнилось, и ему же поручено было императоромъ написать, чтобы Аракчеевъ пріѣхалъ въ Петербургъ. 11-го августа 1798 г. Аракчеевъ былъ вновь принятъ на службу, 22-го декабря былъ назначенъ опять генералъ-квартирмейстеромъ, а 4-го января 1799 года—командиромъ л. г. артиллерійскаго баталіона и инспекторомъ артиллеріи. На слѣдующій день онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Іоанна Іерусалимскаго съ содержаніемъ по ордену въ 1.000 руб. въ годъ, и, наконецъ, 5-го мая пожалованъ графомъ, при чемъ при утвержденіи герба императоръ Павелъ собственноручно прибавилъ надпись: «безъ лести преданъ».

Несмотря на всѣ эти милости и вниманіе императора, Аракчеевъ не долго оставался въ Петербургѣ. Въ артиллерійскомъ арсеналѣ, неизвѣстными ворами, былъ обрѣзанъ галунъ и золотыя кисти со старинной колесницы, для артиллерійскаго штандарта. Отвѣтственность падала на караулъ, который въ этотъ день былъ отъ л. гв. артиллерійскаго баталіона и которымъ командовалъ родной братъ инспектора артиллеріи. Аракчеевъ донесъ, что караулъ былъ наряженъ отъ полка генералъ-лейтенанта Вильде, который и былъ за то отставленъ отъ службы. Вильде обратился къ графу Кутайсову и разсказалъ ему всю правду, а тотъ передалъ все слышанное императору Павлу... «Въ тотъ вечеръ былъ у государя балъ въ Гатчинѣ. Аракчеевъ, ничего не подозрѣвая, явился во дворецъ, но лишь Павелъ его завидѣлъ—послалъ черезъ флигель-адъютанта Кутлубицкаго приказаніе Аракчееву ѣхать домой [1])». На слѣдующее утро, 1-го октября 1799 г., послѣдовалъ высочайшій приказъ, которымъ Аракчеевъ былъ отставленъ отъ службы «за ложное донесеніе», а генералъ Вильде принятъ вновь на службу. Эта отставка, интересна для насъ по дальнѣйшему ходу событій.

---

[1]) М. И. Богдановичъ, „Исторія царствованія императора Александра I“ Т. II, приложеніе, стр. 51.

На вахтъ-парадѣ того же 1-го октября вѣсть объ отставкѣ Аракчеева радостно разнеслась между присутствующими.

Великій князь Александръ Павловичъ, прибывъ также на плацъ до начала развода, подошелъ къ генералъ-маіору Тучкову.

— А слышалъ ты объ Аракчеевѣ,—спросилъ онъ Тучкова,—и знаешь, кто вмѣсто него назначенъ?

— Знаю, ваше высочество,—Амбразанцевъ.

— Каковъ онъ?

— Онъ пожилой человѣкъ, можетъ быть, не такъ знаетъ фронтовую часть, но, говорятъ, добрый и честный человѣкъ.

— Ну, слава Богу; эти назначенія настоящая лотерея; могли попасть опять на такого м е р з а в ц а, какъ Аракчеевъ [1]).

Спустя двѣ недѣли послѣ разговора, а именно 15-го октября великій князь Александръ Павловичъ писалъ Аракчееву: «Я надѣюсь, мой другъ, что мнѣ нужды нѣтъ, при семъ несчастномъ случаѣ, возобновить увѣренія о моей непрестанной дружбѣ; ты имѣлъ довольно опытовъ объ оной, и я увѣренъ, что ты объ ней не сомнѣваешься... Повѣрь, что она никогда не перемѣнится... Прощай, другъ мой, Алексѣй Андреевичъ! не забывай меня, будь здоровъ и думай, что у тебя вѣрный во мнѣ другъ остается». Въ другомъ письмѣ отъ 12-го декабря Александръ писалъ Аракчееву: «Твоя дружба всегда для меня будетъ пріятна, и повѣрь, что моя не перестанетъ на вѣкъ [2]).

Въ мартѣ 1801 года, по недовѣрію къ окружающимъ, императоръ Павелъ послалъ графу Аракчееву приказаніе прибыть въ Петербургъ. Послѣдній вечеромъ 11-го марта подъѣхалъ къ петербургской заставѣ, но былъ задержанъ по распоряженію военнаго губернатора графа Палена. Въ ночь съ 11-го на 12-е марта императоръ Павелъ неожиданно скончался...

Событіе это легло всею тяжестью на душу Александра и отразилось на всей послѣдующей нравственной жизни вновь вступившаго на престолъ императора. Не легко было ему встрѣтиться и съ Аракчеевымъ. Вотъ почему послѣдній оставался на нѣкоторое время безъ всякой дѣятельности; 16-го августа 1801 года ему было разрѣшено носить мундиръ гвардейской артиллеріи [3]), а въ апрѣлѣ 1803 года онъ получилъ слѣдующую собственноручную записку императора Александра I: «Алексѣй Андреевичъ! Имѣя нужду видѣться съ вами, прошу васъ пріѣхать въ Петербургъ».

---

[1]) Мнѣніе великаго князя Александра Павловича объ Аракчеевѣ въ 1799 г. „Рус. Старина“ 1871 г., ст. 241 и 242.

[2]) Н. К. Шильдеръ. „Императоръ Александръ“. Т. I., стр. 177—186.

[3]) Записка гр. Ливена 16-го августа 1801 года. Арх. канц. воен. министерства.— Высочайшія повелѣнія, кн. № 127.

Аракчеевъ тотчасъ же пріѣхалъ и предсталъ онъ передъ Александромъ «съ сердцемъ чистымъ и духомъ правымъ» [1]) относительно покойнаго отца его императора Павла I. Аракчеевъ могъ сказать, что, при его присутствіи въ Петербургѣ, быть можетъ, и не было бы событія, совершившагося въ ночь съ 11-го на 12-е марта. Эта мысль должна была невольно придти въ голову и молодому императору; онъ помнилъ, какъ отецъ завѣщалъ ему не разлучаться съ Аракчеевымъ, и исполненіе этого завѣщанія стало теперь священною обязанностью для Александра. Безусловно покорный власти, весь преданный долгу, Аракчеевъ стоялъ среди окружающихъ почти одинъ съ чистою совѣстью и какъ бы съ упрекомъ. По благородству души Александръ не могъ не уважать стараго слугу отца, которому обязанъ былъ многимъ. Люди нерѣшительнаго и слабаго характера всегда довольны, когда возлѣ нихъ стоитъ человѣкъ противоположныхъ свойствъ, къ которому они могутъ прибѣгнуть за совѣтомъ въ трудныя минуты и передать ему часть своихъ обязанностей, требующихъ твердости характера, водворенія порядка, чего сами, по своему характеру, сдѣлать не могутъ. Аракчеевъ понималъ это и стоялъ особнякомъ, ни въ комъ не заискивая. Гордый, самолюбивый, онъ не видалъ себѣ равнаго, былъ холоденъ, молчаливъ и исполнителенъ. Онъ стоялъ передъ Александромъ одинъ, какъ п а м я т н и к ъ, какъ представитель Павла и тѣхъ людей, «прямыхъ и суровыхъ, но преданныхъ безъ лести государю, какъ дѣти отцу... Онъ гнушался корысти и любостяжанія и презиралъ почести новаго времени. Однимъ онъ не пренебрегалъ, одного добивался—неограниченной довѣренности монарха и для того, чтобы поддерживать въ Александрѣ воспоминанія о родителѣ, давалъ службѣ своей колоритъ гатчинскій... Такимъ образомъ онъ попалъ въ душу и сердце Александра, легъ у него на совѣсти, сдѣлался для него непрестаннымъ, задушевнымъ воспоминаніемъ [2])». Аракчеевъ сталъ для Александра нравственно необходимымъ, и обстоятельства складывались такъ, что чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе упрочивалась связь государя съ его другомъ-подданнымъ.

14-го мая 1803 года графъ Аракчеевъ былъ назначенъ опять командиромъ л. гв. артиллерійскаго баталіона и инспекторомъ всей артиллеріи.

Въ этомъ званіи онъ трудился дѣятельно и неутомимо. Онъ преобразовалъ артиллерію, далъ ей такое устройство, что въ послѣдующихъ войнахъ, организація ея признавалась лучшею, среди всѣхъ европейскихъ государствъ [3]). Улучшая матеріальную часть артиллеріи,

---

[1]) Надпись на памятникѣ императору Павлу I, воздвигнутомъ Аракчеевымъ въ своемъ имѣніи Грузинѣ.

[2]) Императоръ Александръ и графъ А. А. Аракчеевъ (рукоп.).

[3]) См. переписку его съ Гнейзенау. „Русская Старина“. 1900 г. № 1, стр. 98.

Аракчеевъ заботился и объ образованіи офицеровъ. Онъ учредилъ при гвардейской артиллеріи училище, дабы—писалъ онъ [1])—«я могъ самъ видѣть недостатки онаго и, усовершенствуя уже во всемъ, тогда заведу для блага общаго и въ другихъ полкахъ. Между тѣмъ совѣтую вашему превосходительству о своихъ юнкерахъ и фейерверкерахъ приложить какъ возможно лучшее стараніе о доставленіи имъ средствъ къ знанію артиллерійской науки, для собственной вашей пользы, дабы черезъ оное имѣли у себя офицеровъ не по одному только названію артиллерійскихъ».

Вопросъ объ образованіи офицеровъ очень заботилъ Аракчеева.

«Получа образованіе,—писалъ онъ Н. В. Верещагину [2]),—и успѣхи въ математическихъ наукахъ по методѣ, преподаваемой вашимъ превосходительствомъ, я нахожу ее самою лучшею и превосходною, какъ въ прошедшихъ, такъ и въ нынѣшнихъ временахъ. Будучи же по волѣ монарха нашего поставленъ начальникомъ такого корпуса, котораго все совершенство зависитъ единственно отъ знанія математическихъ наукъ, къ достиженію сей цѣли, я полагаю непремѣнно нужнымъ завести при полкахъ артиллерійскихъ училища, дабы чрезъ сіе доставить всѣ способы молодымъ людямъ къ усовершенствованію познанія тѣхъ наукъ, которыя непосредственно однѣ токмо должны отличить и дать дѣйствительно названіе артиллерійскаго офицера.

«Сдѣлавши хорошій каменный фундаментъ, старое деревянное строеніе, можетъ на долгое время спорить въ прочности новому каменному, да и тогда, когда придетъ въ совершенную гнилость, то имѣвши уже готовый и хорошій (фундаментъ), гораздо прочнѣе и скорѣе можно выстроить новое. Но такъ какъ для фундамента нужно непремѣнно имѣть лучшей доброты матеріалъ и хорошій совѣтъ знающаго мастера по опыту, уже надъ собой собственно испытанному,—я не нахожу нигдѣ лучше ни того, ни другаго, кромѣ васъ, почему и прошу ваше превосходительство, для пользы всей артиллеріи, прислать мнѣ вашей методы ариѳметику, геометрію и алгебру, черезъ что̀ много обяжете того, который всегда пребываетъ» и проч.

Для поднятія уровня образованія офицеровъ Аракчеевъ употреблялъ всѣ средства и, неутомимо слѣдя за всѣми техническими работами, велъ артиллерію по пути къ совершенству. Императоръ Александръ цѣнилъ своего стараго друга, вѣрилъ безусловно въ его честность, неподкупность и правдивость.—«Сейчасъ получилъ письмо твое,

---

[1]) Генер.-лейтен. Петру Михайловичу Кашевичу отъ 2-го ноября 1803 г. № 29. Арх. С.-Петерб. Артилл. музея, дѣла Аракчеева, связка 875, кн. 151.

[2]) Генералу Николаю Васильевичу Верещагину отъ 30-го ноября 1803 г. № 109. Тамъ же.

Алексѣй Андреевичъ,—писалъ государь [1]),—и сейчасъ же далъ предписаніе министру выгнать Космачева изъ департамента, не объясняя другой причины, кромѣ извѣстныхъ мнѣ обстоятельствъ».

«Обстоятельства таковы, — писалъ Александръ въ другомъ письмѣ Аракчееву [2]), — что полезнѣе будетъ, если ты, Алексѣй Андреевичъ, перемѣнишь планъ поѣздки своей и, вмѣсто Казани, осмотришь по границѣ тѣ изъ своихъ полковъ (артиллерійскихъ), которые назначены въ маршъ» [3]).

Посѣщая арсеналъ, или разсматривая чертежи вновь проектированныхъ орудій и принадлежности къ нимъ, Александръ торопился высказать свою благодарность инспектору артиллеріи.

«Графъ Алексѣй Андреевичъ!—писалъ ему Александръ [4]).—Съ большимъ удовольствіемъ видѣлъ я сегодня, при посѣщеніи здѣшняго арсенала изготовленную вновь полевую и осадную артиллерію со всѣми къ ней принадлежностями, распоряженіе работъ, занятія мастеровыхъ, подручность каждому въ способахъ и достойный великаго уваженія порядокъ. Все сіе и получаемыя отъ главнокомандующихъ дѣйствующими арміями донесенія объ исправности находящейся при оныхъ артиллеріи, обязываютъ меня отдать усердію вашему на пользу службы совершенную справедливость и симъ засвидѣтельствовать достойно пріобрѣтаемую признательность пребывающаго къ вамъ благосклоннымъ».

«Доведеніе до превосходнаго состоянія артиллеріи,—писалъ Александръ въ другомъ рескриптѣ [5]),—и успѣшное дѣйствіе оной въ продолженіе сей войны, также исправное снабженіе оной всѣмъ нужнымъ, обязываетъ меня сдѣлать достойное воздаяніе заслугамъ вашимъ; почему приказомъ моимъ вчерашняго дня произведены вы въ генералы-отъ-артиллеріи. Примите сіе знакомъ моей признательности и особаго моего благоволенія».

«Со вступленія вашего въ службу сдѣланныя вами распоряженія по артиллерійскому департаменту, при нынѣшней кампаніи, исправнымъ дѣйствіемъ артиллеріи и достаточными во всѣхъ частяхъ онаго департамента запасами, оправдали мою къ вамъ довѣренность, и симъ самымъ уже вы и получаете собственное ваше и мое удовольствіе» [6]).

Не довольствуясь такими знаками довѣрія и благодарности, императоръ Александръ 14-го декабря 1807 года повелѣлъ: объявляемыя гра-

---

[1]) Въ запискѣ безъ года и числа.

[2]) Также безъ числа, но относящемся къ 1805 году.

[3]) Т. е. въ походъ передъ войной 1805 г.

[4]) Отъ 8-го февраля 1807 г. Собраніе рескриптовъ и писемъ къ гр. Аракчееву (рукоп.).

[5]) Рескриптъ императора отъ 28-го іюня 1807 г. изъ Таурогена. Тамъ же.

[6]) Рескриптъ отъ 1-го іюля 1807 г. изъ Доблена, близъ Митавы. Тамъ же.

фомъ Аракчеевымъ высочайшія повелѣнія считать именными указами императора [1]), а 21-го декабря государь писалъ ему:— «Если исправленіе дѣлъ особо вамъ препорученныхъ отъ насъ, позволитъ, то присутствовать вамъ въ Государственной Военной коллегіи и Артиллерійской ея Экспедиціи» [2]).

Довѣріе императора къ графу Аракчееву, какъ къ человѣку, отличавшемуся строгою исполнительностью и взыскательностію по службѣ, постепенно возростало, и въ глазахъ Александра онъ являлся человѣкомъ необходимымъ тамъ, гдѣ нужно было уничтожить безпорядки и злоупотребленія. Понятно, что когда открылись безпорядки въ провіантскомъ и коммиссаріатскомъ вѣдомствахъ, то для искорененія ихъ императоръ призвалъ Аракчеева и 13-го января 1808 года назначилъ его военнымъ министромъ вмѣсто уволеннаго отъ службы С. К. Вязмитинова.

Аракчеевъ не сразу принялъ эту должность, но потребовалъ устраненія графа Ливена отъ доклада государю по военнымъ дѣламъ, уничтоженія военно-походной канцеляріи и господства надъ главнокомандующими дѣйствующихъ армій. На все это послѣдовало согласіе императора и дало возможность Аракчееву единолично распоряжаться военнымъ вѣдомствомъ. Считая себя необходимымъ и чувствуя свое вліяніе на императора, Аракчеевъ сталъ дѣйствовать самостоятельно и независимо.

Недѣли черезъ двѣ послѣ вступленія въ должность военнаго министра онъ подалъ прошеніе объ отчисленіи его отъ этой должности.

— Какая тому причина?—спросилъ удивленный Александръ.

— Если ваше величество—отвѣчалъ Аракчеевъ,—отставили съ такимъ позоромъ Вязмитинова, то всѣ думали, равно какъ и я, что онъ найденъ вами въ нераченіи, изобличенъ въ злоупотребленіи и въ разстройствѣ въ дѣлахъ. Но когда я принялъ его должность и вошелъ въ подробность дѣлъ, то увидѣлъ, что коллегія и департаменты, равно и канцелярія главнокомандующаго—все было въ совершенномъ порядкѣ; не только не замѣтилъ злоупотребленія, но, напротивъ, рѣдкое его безкорыстіе. А потому судя, что если такой человѣкъ, каковъ Вязмитиновъ, служа всегда съ такою честію и столь долгое время императрицѣ, бабкѣ вашей, императору, родителю вашему, и вашему величеству, отставленъ такъ позорно, то я и всякій другой должны ожидать такой же участи, безъ всякой причины, по одному только вашему капризу. Для чего и прошу меня отставить и иначе не соглашусь служить, если не отдадутъ должной справедливости Вязмитинову.

---

[1]) Арх. Сената. Копіи высочайшихъ повелѣній, кн. 295.

[2]) Военно-Ученый Архивъ. Отд. I, д. № 438.

Государь приказалъ объявить, что Вязмитиновъ уволенъ въ отставку по прошенію, съ мундировъ и со всѣмъ содержаніемъ, прежде имъ получаемымъ. Александръ I написалъ ему лестный рескриптъ и спустя нѣкоторое время назначилъ его членомъ Государственнаго Совѣта [1]).

Благородное заступничество Аракчеева за Вязмитинова не перемѣнило о немъ мнѣнія общества, да и вообще назначеніе новыхъ министровъ было встрѣчено несочувственно. Съ ними началъ императоръ Александръ I второй періодъ своего царствованія, «когда,—говоритъ современникъ [2]),—все измѣнилось въ немъ и вокругъ него, когда онъ долженъ былъ разорвать прежніе союзы, удалить отъ себя прежнихъ любимцевъ, когда насильно влекомый Наполеономъ, долженъ онъ былъ казаться идущимъ съ нимъ рука объ руку, когда притворство сдѣлалось для него необходимостью».

Не желая оставлять Александра безъ своего вліянія, а пожалуй и безъ нѣкоторой опеки, Наполеонъ, тотчасъ послѣ отъѣзда русскаго императора изъ Тильзита, отправилъ въ Петербургъ свои глаза и уши въ лицѣ генерала Савари. Послѣдній прибылъ въ столицу въ три часа дня 11-го (23-го) іюля, и въ тотъ же день въ 8 часовъ вечера имѣлъ аудіенцію у императора.

— Генералъ, — сказалъ ему императоръ Александръ [3]),—я очень радъ васъ видѣть у себя. Вы были единственный человѣкъ, котораго я не видѣлъ въ Тильзитѣ, а для меня было бы большое удовольствіе васъ тамъ встрѣтить. Впрочемъ, вы уже давно знаете мои чувства... Онъ (Наполеонъ) оказалъ мнѣ въ Тильзитѣ преданность, которую я никогда не забуду. Я очень признателенъ за выраженіе мнѣ дружбы въ настоящее время и благодаренъ ему за то, что выбралъ васъ для выраженія этого чувства. Чѣмъ болѣе я думаю, тѣмъ болѣе доволенъ, что видѣлъ его. Я все боюсь, чтобы изъ множества сказаннаго имъ въ столь короткое время не выскользнуло изъ моей памяти какое-нибудь слово. Это человѣкъ удивительный, необыкновенный, и надо сознаться, что хотя мы имѣемъ право на ваше уваженіе, но вы имѣете значительное преимущество, и надо быть безумнымъ, чтобы это у васъ оспаривать. Впрочемъ, я надѣюсь, что все дѣло кончено: я далъ ему слово и сдержу его.

По окончаніи аудіенціи Савари приглашенъ былъ на слѣдующій день къ императорскому столу.

---

[1]) Записки Энгельгардта. Москва, изд. 1867 г., стр. 228—231.

[2]) Записки Ф. Вигеля, ч. II, стр. 238.

[3]) Депеша Савари Наполеону 25-го іюля (6-го августа) 1807 г. Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. т. 83, стр. 2 и 3.

— Императоръ не любитъ церемоній и въ особенности съ посланнымъ отъ императора Наполеона,—сказалъ гр. Толстой Савари.—Онъ проситъ васъ завтра обѣдать, и тамъ вы будете представлены императрицѣ.

За обѣдомъ Савари сидѣлъ возлѣ императора по правую его сторону, и во все время Александръ былъ съ нимъ любезенъ, особенно предупредителенъ и внимателенъ. Онъ хорошо зналъ, что Савари былъ въ то время самымъ близкимъ человѣкомъ къ Наполеону, преданнымъ ему тѣломъ и душою, обожающимъ своего покровителя, повиновавшимся ему безъ разсужденій и исполнявшимъ буквально всѣ его приказанія. Съ самаго начала военной славы Наполеона, Савари былъ его адъютантомъ, употреблялся всегда для самыхъ важныхъ порученій тамъ, гдѣ необходимы были безусловная преданность, скромность и самоотверженіе. Человѣкъ не геніальный, не дипломатъ и даже мало образованный, Савари былъ, однакоже, человѣкомъ умнымъ и ловкимъ. Природа одарила его особымъ полицейскимъ умомъ, и Наполеонъ всегда употреблялъ его тамъ, гдѣ нуженъ былъ сыщикъ, гдѣ приходилось открывать тайны или наблюдать за поступками людей.

Савари завѣдывалъ тайною полиціею Наполеона, былъ невидимымъ его стражемъ и блюстительнымъ окомъ. Шпіонство превратилось въ страсть у Савари: онъ хотѣлъ все знать и предугадать и дѣлалъ это при посредствѣ подкупа и мѣръ, часто самыхъ безнравственныхъ. Онъ привезъ съ собою въ Россію множество шпіоновъ и еще болѣе шпіонокъ. Для этого были выбраны женщины хитрыя, умныя и недурныя собой. Впрочемъ, пріискать такихъ и въ самой Россіи было тогда нетрудно. Раскиданные по всему пространству русской земли французы—гувернеры и гувернантки, живя въ русскихъ семействахъ и пользуясь полною откровенностью, знали многія тайны. Прикидываясь искренними и преданными, они вывѣдывали не только семейныя тайны, но и государственныя. «При томъ и честнѣйшій иностранецъ,—говоритъ современникъ [1]),—преданъ своему государю и отечеству, безъ зазрѣнія совѣсти, интересы и выгоды онаго предпочитаетъ выгодамъ Россіи, ему дающей пропитаніе; чѣмъ умнѣе, тѣмъ удобнѣе можетъ проникнуть въ тайны государственныя и оныя передать своимъ землякамъ,—что и совершается къ крайнимъ невыгодамъ нашего отечества».

— Я ужасно боюсь связей съ француженками,—говорилъ однажды за обѣдомъ графъ Потоцкій.—Это застрѣльщицы Наполеона, и я готовъ биться объ закладъ, что всѣ онѣ, или по крайней мѣрѣ три-четверти—шпіонки.

---

[1]) Всеподд. записка тайнаго совѣтника А. И. Арсеньева 2-го апрѣля 1826 г.

— Забыла тебѣ сказать,—говорила какъ бы мимоходомъ нѣкая Шарлота, весьма близкая къ Булгарину, что у меня есть въ Парижѣ двоюродный братъ, который занимается составленіемъ общей европейской статистики и просилъ меня сообщить ему нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія о Россіи. Возьмись, любезный другъ, собрать свѣдѣнія. Вотъ, напримѣръ, о вашей кавалеріи: тебѣ весьма легко будетъ собрать извѣстія въ канцеляріи вашего штаба [1]).

Такими лицами пользовался Савари, и что же онъ узналъ отъ нихъ?

Возвращеніе императора Александра,— доносилъ онъ [2])—не произвело никакого впечатлѣнія и не вызвало радости; извѣстіе о мирѣ не произвело также никакого впечатлѣнія. «Всеобщее мнѣніе, надъ которымъ работали болѣе двухъ лѣтъ, достигло до высшей степени экзальтаціи противъ насъ. Умы были слишкомъ расположены къ продолженію войны, чтобы миръ былъ принятъ въ Петербургѣ съ тѣмъ восторгомъ, который всегда вызываетъ подобное событіе. Мой пріѣздъ сдѣлалъ большое впечатлѣніе. За мною слѣдовали, въ теченіе нѣсколькихъ дней, въ театръ и на гулянья, какъ за любопытнымъ предметомъ. Я замѣтилъ всюду молчаніе о политическихъ дѣлахъ, похожее на удивленіе. Никто не смѣлъ говорить ни о Тильзитѣ, ни о мирѣ, ни о Франціи, ни объ императорѣ (Наполеонѣ). За два дня до моего пріѣзда еще молились въ церквахъ противъ насъ, но указъ 12-го (24-го) іюля заставилъ прекратить эти молитвы [3]); другой такой же указъ [4]) повелѣлъ, чтобы въ разговорахъ, актахъ и другихъ документахъ говорили объ императорѣ французовъ не иначе, какъ съ уваженіемъ, подобающимъ его сану».

Далѣе Савари говоритъ, что появилось въ журналахъ нѣсколько пасквилей и статей, выражающихъ презрѣніе къ французамъ; что на биржѣ увѣряли, будто миръ не заключенъ, и порицали императора Александра за то, что онъ поѣхалъ на свиданіе къ Наполеону, тогда какъ этотъ послѣдній долженъ былъ это сдѣлать по отношенію къ русскому императору. Все это было вполнѣ справедливо.

Въ присылкѣ Савари, Наполеонъ выказалъ свою обычную наглость, такъ какъ Савари былъ участникомъ гибели герцога Энгіенскаго, изъ-за котораго начались непріязненныя отношенія между Наполеономъ и Александромъ. На протестъ послѣдняго объ ужасномъ поступкѣ съ герцогомъ, Наполеонъ отвѣчалъ дерзкимъ вопросомъ: что сдѣлалъ бы госу-

---

[1]) Воспоминанія Ѳ. В. Булгарина, ч. III, стр. 369—371.

[2]) Tableau de St.-Petersbourg à l'epoque du 23-ro juillet au 5 août.—Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества, т. 83, стр. 21 и 22.

[3]) Указъ этотъ состоялся 30-го іюля стараго стиля.

[4]) Такого указа не было, и Савари вѣроятно имѣетъ въ виду нѣкоторыя цензурныя распоряженія.

дарь, если бы ему доложили, что въ Петербургъ ѣдутъ нанятые Англіею злоумышленники на жизнь императора Павла? Этого вопроса русскій императоръ никогда не могъ простить Наполеону. «Вообще Александръ I-й былъ злопамятенъ и никогда въ душѣ своей не прощалъ обидъ, хотя часто, изъ видовъ благоразумія и политики, скрывалъ и подавлялъ въ себѣ это чувство» [1]). Онъ ненавидѣлъ Наполеона и послѣ его вопроса поставилъ себѣ цѣлью жизни отомстить ему.

Когда, въ 1809 году, по Петербургу распространился слухъ объ умственномъ разстройствѣ, угрожающемъ Наполеону, и о припадкахъ падучей болѣзни, которымъ онъ будто бы подверженъ,—Чарторыжскій спросилъ императора, правда ли это и есть ли въ этихъ слухахъ хотя доля истины [2]).

— Никогда Наполеонъ не сойдетъ съ ума,—отвѣчалъ Александръ. — Это вещь невозможная; и тѣ, которые этому вѣрятъ, совсѣмъ его не знаютъ. Это человѣкъ, который среди самыхъ выдающихся обстоятельствъ остается спокойнымъ и хладнокровнымъ; всѣ припадки его гнѣва дѣлаются съ нимъ только для другихъ и по большей части суть дѣйствія разсчета. Онъ не дѣлаетъ ничего, не предусмотрѣвши и не сообразивши всѣхъ послѣдствій. Тѣ изъ его дѣйствій, которыя кажутся самыми порывистыми и смѣлыми, разсчитаны всего хладнокровнѣе. Одна изъ любимыхъ его поговорокъ та, что во всякомъ дѣлѣ прежде всего нужно отыскать методъ, что нѣтъ такой трудной вещи, съ которою не можно было бы справиться, если только придумаешь надлежащій способъ дѣйствій; что если только этотъ послѣдній отысканъ, остальное ничто. Но что съ другой стороны, какъ бы ни было просто дѣло, не слѣдуетъ за него приниматься, не отыскавши къ тому надлежащаго метода, ибо иначе все испортишь и не достигнешь никакого результата. Что же касается до его здоровья, то это сказки; никто не пользуется лучшимъ здоровьемъ: онъ никогда не бываетъ боленъ, и единственный недугъ, который за нимъ знаютъ, есть паршивое худосочіе, бросившееся внутрь и отъ котораго его лѣчили. Никто лучше его не выноситъ труда и усталости; но ему нуженъ сонъ, хотя бы въ неопредѣленные часы, съ тѣмъ только, чтобы онъ могъ проспать восемь часовъ въ сутки. Онъ не краснорѣчивъ ни на словахъ, ни въ письмѣ; онъ при мнѣ диктовалъ письма слогомъ отрывочнымъ, безсвязнымъ.

Это говорилъ человѣкъ тонкій, не даромъ изучившій до мельчайшихъ подробностей характеръ своего противника и сознававшій, что вокругъ него нѣтъ или по крайней мѣрѣ мало людей, ему сочувствующихъ, его понимающихъ, такихъ, которымъ онъ могъ бы довѣриться и

---

[1]) Записки Н. И. Греча, стр. 260.

[2]) «Русскій Арх.» 1871 г. т. I, стр. 766 и 767.

на которыхъ могъ бы положиться. Мы указали на то состояніе, въ которомъ находился Александръ по возвращеніи изъ Тильзита, и на то неудовольствіе, съ которымъ встрѣчены были условія мира не только обществомъ, но и членами царскаго семейства [1]). Государь скорбѣлъ, что подданные не понимаютъ его двуличія съ Наполеономъ, вызваннаго силою обстоятельствъ, а подданные не понимали поведенія своего государя. Непониманіе это вытекало изъ различія взглядовъ. Александръ заглядывалъ въ будущее и не сознавалъ всей тяжести положенія настоящаго; его подданные тяготились настоящимъ, мало думали о будущемъ, которое представлялось имъ гадательнымъ.

«Не слѣдуетъ забывать,—говоритъ кн. Вяземскій [2]),—что Наполеонъ, какъ императоръ, былъ не что иное, какъ воплощеніе, олицетвореніе и оцарствованіе революціоннаго начала. Онъ былъ равно страшенъ и царямъ и народамъ. Кто не жилъ въ ту эпоху, тотъ знать не можетъ, догадаться не можетъ, какъ душно было жить въ это время. Судьба каждаго государства, почти каждаго лица, болѣе или менѣе, такъ или иначе, не сегодня, такъ завтра зависѣла отъ прихотей тюильрійскаго кабинета или отъ боевыхъ распоряженій Наполеоновской главной квартиры. Всѣ были какъ подъ страхомъ землетрясенія или изверженія огнедышащей горы. Никто не могъ ни дѣйствовать, ни дышать свободно».

«Общее мнѣніе, общее негодованіе обвиняло Александра, а онъ самъ терпѣлъ болѣе всѣхъ, принужденъ былъ скрывать свои мысли и чувства. Тяжелое грустное время» [3]).

Причиною оппозиціи правительству была тяжесть положенія. Общество и народъ не задавались государственными и міровыми вопросами, а жили подъ гнетомъ настоящаго. Внѣшніе успѣхи и слава имперіи мало кого привлекали, когда у себя, дома, были неустройства и лишенія. Съ объявленіемъ войны Англіи, заграничная морская торговля прекратилась и, хотя война эта велась вяло, но очень тяготила населеніе. «Не было ни кофе, ни винограднаго вина въ общемъ употребленіи публики: богатые и знатные, конечно, ѣли и пили, что хотѣли, но всѣ прочіе терпѣли недостатокъ въ первыхъ потребностяхъ, жаловались, роптали» [4]). Цѣны на все возвысились, курсъ упалъ, рабочія руки отрывались то наборами, то сборомъ милиціи; появилась зараза, распространившаяся изъ Кавказской губерніи въ Астраханскую и Саратовскую и грозившая Москвѣ, а черезъ Макарьевскую ярмарку и всей Россіи.

---

[1]) См. „Русскую Старину", 1898 г. № 12, стр. 516.
[2]) Полное собр. сочин. кн. Вяземскаго, т. VII, стр. 442 и 443.
[3]) Записки Н. И. Грéча, стр. 271 и 272.
[4]) Записки Н. И. Греча, стр. 271.

Во многихъ мѣстахъ былъ неурожай, затруднительная, по случаю заразы, доставка соли изъ Элтонскаго озера и неполученіе заграничной соли черезъ Балтійскіе порты [1]),—все это усиливало тяжесть положенія населенія. Разореніе было настолько велико, что недостатку средствъ Свербеевъ приписывалъ свое плохое образованіе [2]). На скорое поправленіе обстоятельствъ къ лучшему разсчитывать было трудно, потому что Наполеонъ не умиротворялъ, а разжигалъ страсти.

Не понимая и не сознавая всей тяжести жизни, Александръ не могъ себѣ объяснить причинъ ропота и смотрѣлъ съ презрѣніемъ на общество, какъ на капризнаго ребенка, къ которому необходимо примѣнить нѣкоторую строгость.

Современники стали замѣчать не только теперь, но и ранѣе значительное измѣненіе въ характерѣ и обращеніи императора.

Неудачная попытка командовать арміею и распоряжаться ея дѣйствіями въ Аустерлицкомъ сраженіи и сознаніе превосходства въ этомъ отношеніи Наполеона оказали «великое вліяніе на характеръ Александра», и сраженіе это «можно назвать эпохою въ его правленіи. До того времени онъ былъ кротокъ, довѣрчивъ, ласковъ, а послѣ сдѣлался подозрителенъ, строгъ до безмѣрности, недоступенъ и не терпѣлъ уже, чтобы кто говорилъ ему правду».

Тильзитскій миръ произвелъ въ Александрѣ еще болѣе существенную перемѣну. «Съ тѣхъ поръ прекратились или чрезвычайно ослабли благородныя его помышленія о благѣ и просвѣщеніи Россіи. Онъ сдѣлался недовѣрчивѣе и нелюдимѣе прежняго [3])».

«Между отвратительными свойствами сердца человѣческаго,—писалъ де-Местръ [4]),—въ особенности замѣчательно слѣдующее: когда человѣкъ знаетъ, что онъ тяжко оскорбилъ общественное мнѣніе, вмѣсто того чтобы уступить, онъ упорствуетъ. Боюсь, чтобы такъ не было и въ настоящемъ случаѣ. Императоръ знаетъ, что онъ всѣмъ не по нутру, и онъ окруженъ совѣтниками, которые говорятъ ему, будто его обвиняютъ въ безхарактерности. Такія внушенія—величайшая глупость и величайшее преступленіе. Ихъ достаточно, чтобы обезпечить осуществленіе самыхъ гибельныхъ плановъ. Присовокупите къ этому неуваженіе къ собственному народу, глубоко укоренившееся въ сердцѣ его величества, и

---

[1]) Исторія министерства внутренн. дѣлъ. Варадинова, ч. I, стр. 204.

[2]) Общее дѣло,—говорилъ онъ,—отражалось на частномъ всѣхъ и каждаго, а потому и на дальнѣйшемъ ходѣ моего воспитанія" (Записки Свербеева, т. I, 46).

[3]) Записки Н. И. Греча, стр. 264 и 265.

[4]) Въ письмѣ отъ 16-го (25-го) декабря 1808 г. „Русскій Арх." 1871 г. стр. 130.

вы согласитесь, что нельзя представить себѣ положенія дѣлъ болѣе опаснаго».

Александръ находился тогда въ нравственно удручающемъ состояніи; онъ былъ такъ озлобленъ и нервно разстроенъ, что готовъ былъ раскрыть карты своимъ врагамъ. Ненавидя Наполеона и не питая довѣрія къ его представителю Савари, государь такъ откровенничалъ съ послѣднимъ [1]):

— Если эти глупцы,—говорилъ Александръ о своихъ подданныхъ,—имѣютъ намѣреніе отправить меня на тотъ свѣтъ, то пусть торопятся, но только они напрасно воображаютъ, что могутъ меня принудить къ уступчивости или обезславить. Я буду толкать Россію къ Франціи насколько въ состояніи сдѣлать это. Не судите объ общественномъ мнѣніи по разговорамъ нѣсколькихъ бездѣльниковъ, въ которыхъ я вовсе не нуждаюсь, и, къ тому же слишкомъ трусливыхъ, чтобы предпринять что-либо. Здѣсь не достаетъ для этого ни ума, ни рѣшимости. Горе тому, кто не идетъ прямымъ путемъ. Мнѣ извѣстно, что интригуютъ, что Англія еще работаетъ и что то, что вы видѣли, является результатомъ этихъ происковъ. Я не опасаюсь ихъ; несмотря ни на что, я буду идти къ своей цѣли. Будьте спокойны на этотъ счетъ. Въ концѣ концовъ должны будутъ подчиниться. Я работаю надъ тѣмъ, чтобы все перемѣнить, но могу произвести все это лишь медленно. Я намѣренъ все поставить на другую ногу. Я очень люблю моихъ родныхъ, но я царствую и требую, чтобы мнѣ оказали должное вниманіе.

Какое впечатлѣніе должны были произвести эти слова на Савари? Какое мнѣніе онъ могъ вынести изъ дворца о самомъ Александрѣ? По меньшей мѣрѣ какъ объ императорѣ, находящемся въ разладѣ со своими подданными, какъ о человѣкѣ, увлеченномъ Наполеономъ и готовомъ идти рука объ руку съ Франціею. Послѣдующія событія могли только подтвердить послѣднія заключенія.

Зима 1807—1808 г въ Петербургѣ была оживленнѣе, нежели предъидущая. Императоръ Александръ желалъ, чтобы столица, несмотря на всѣ невзгоды и трудное матеріальное положеніе, веселилась для доказательства, что въ Россіи нѣтъ унынія, о которомъ говорили противники Наполеона. Балы въ аристократическихъ домахъ, у иностранныхъ пословъ и негоціантовъ и у банкировъ бывали чаще, чѣмъ когда-либо. Государь самъ посѣщалъ даже балы богатыхъ купцовъ и тѣмъ привлекалъ на нихъ населеніе столицы. Все это онъ дѣлалъ для того, чтобы примирить общество съ Наполеономъ и его представителемъ, сначала Савари, а потомъ съ Коленкуромъ. Но щегольская молодежь, окружав-

---

[1]) Н. К. Шильдеръ „Императоръ Александръ I", т. II, стр. 298, примѣчаніе 366.

шая того и другаго, долгое время не могла подкупить высшее общество, несмотря на все его пристрастіе къ иностранцамъ и въ особенности къ французамъ. Ихъ почти никуда не приглашали хотя государь и дворъ оказывали имъ всякаго рода вниманіе, но дома знати большею частью оставались для нихъ долгое время недоступными.

— Изъ тридцати визитовъ,—говорилъ Савари [1]),—которые я сдѣлалъ людямъ высокопоставленнымъ, я былъ принятъ и посѣщаемъ только княземъ Лобановымъ и графомъ Толстымъ. Я замѣтилъ, что многія лица не смѣютъ со мною говорить, и даже офицеры, которыхъ я зналъ во время послѣдней кампаніи. Французскіе негоціанты не смѣютъ ко мнѣ приходить.

Императоръ Александръ I оказывалъ Коленкуру особое вниманіе и, при нахальствѣ посла, подчинился его вліянію и капризамъ. Коленкуръ былъ помѣщенъ въ прекрасномъ домѣ, на Дворцовой набережной, почти рядомъ съ Эрмитажемъ [2]).

«Сіяя славой своего повелителя», Коленкуръ скоро сталъ во главѣ дипломатовъ, господствовалъ своимъ политическимъ вліяніемъ и игралъ роль проконсула, а его свита затмевала всѣхъ великолѣпіемъ обстановки [3]). Государь явно и громко высказывалъ свое личное расположеніе къ нему и къ Наполеону, чѣмъ посолъ и пользовался совершенно безцеремонно.

По воскресеньямъ производились такъ называемые кейзеръ-парады, не отмѣняемые даже при 10 градусахъ мороза. На этихъ парадахъ всѣ иностранные послы (военные) находились обыкновенно въ свитѣ государя. По словамъ графа П. Д. Киселева, императоръ Александръ I по нѣсколько разъ подбѣгалъ къ окну посмотрѣть, пріѣхала ли на Дворцовую площадь карета Коленкура, и уже съ появленіемъ ея отправлялся на кейзеръ-парадъ. Тамъ «Коленкуръ ѣхалъ обыкновенно

---

[1]) Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества, т. 83, стр. 22.

[2]) Употребляя всѣ усилія къ тому, чтобы понравиться Александру, императоръ Наполеонъ купилъ у Мюрата для русскаго посла въ Парижѣ особый домъ.

— Мюратъ,—спросилъ онъ,—что тебѣ стоитъ твой отель въ улицѣ Серрути?

— Четыреста тысячъ франковъ.

— Но я говорю не о четырехъ стѣнахъ; я разумѣю отель со всѣмъ тѣмъ, что въ немъ находится, съ мебелью, посудою и пр.

— Въ такомъ случаѣ онъ обошелся мнѣ милліонъ.

— Завтра тебѣ выплатятъ эту сумму—это отель русскаго посла.

Въ отвѣтъ на это императоръ Александръ купилъ домъ князя Волконскаго для французскаго посла.

[3]) Коленкуру было назначено 500.000 франковъ ежегодно.

впереди всѣхъ, съ правой стороны возлѣ императора и, разговаривая съ нимъ, ухитрялся скакать на полъ-лошади впереди государя [1])».

Въ началѣ 1809 года, во время пребыванія въ Петербургѣ короля и королевы прусскихъ, общество старалось оказать имъ самый радушный и почетный пріемъ, что, конечно, было демонстраціею противъ Наполеона. Посолъ его Коленкуръ понималъ это очень хорошо и не церемонился въ выраженіи своего неудовольствія. Въ день пріѣзда прусскихъ гостей онъ отказался иллюминовать домъ, въ которомъ жилъ, что безъ сомнѣнія, было выходкою скорѣе противъ императора Александра, чѣмъ противъ короля прусскаго и его супруги. Въ отвѣтъ на эту дерзость петербургское общество не стѣснялось при каждомъ случаѣ выказывать свое нерасположеніе къ французскому послу.

Всѣ знатнѣйшія государственныя лица и аристократія давали въ честь короля и королевы великолѣпные балы. Въ числѣ такихъ лицъ былъ и графъ А. С. Строгановъ, врагъ Наполеона, удалявшійся отъ всякихъ сношеній съ Коленкуромъ. На балѣ у А. Л. Нарышкина, императоръ Александръ сказалъ Строганову:

— Ты дашь балъ и не будешь дурачиться. Понимаешь! Это значило, чтобы онъ пригласилъ Коленкура.

Графъ безмолвно поклонился и исполнилъ приказаніе, хотя при этомъ не обошлось безъ недоразумѣній. Наканунѣ бала пріѣхалъ къ графу Строганову чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ и привезъ записку Коленкура къ графу Румянцову съ жалобою, что онъ не приглашенъ на балъ. Графъ Строгановъ послалъ за своимъ секретаремъ Ласковскимъ, который заявилъ, что имя Коленкура стоитъ первымъ въ спискѣ.

— Ваши же курьеры,— сказалъ Ласковскій чиновнику, — развозили билеты.

Призвали курьеровъ.

— Развезли ли билеты по адресамъ?

— Развезли,—отвѣчали они,—только одного не нашли.

— Кого?

— Дюка де-Висанса.

Тутъ недоразумѣніе объяснилось. Новый титулъ Коленкура не былъ извѣстенъ еще экзекутору министерства, и потому онъ не получилъ приглашенія.

«Великолѣпный балъ,—пишетъ Н. И. Гречъ [2]),—кончился ужиномъ. Въ одномъ концѣ залы накрытъ былъ круглый столъ на девять кувертовъ, по числу царственныхъ особъ, удостоившихъ балъ своимъ посѣщеніемъ. Отъ этого круглаго стола тянулись два длинные стола для вѣрноподданныхъ и прочихъ. Передъ самымъ окончаніемъ танцевъ, Ко-

[1]) Изъ записокъ Ѳ. Я. Мирковича „Русскій Арх." 1890 г. № 3, стр. 403.
[2]) Въ своихъ запискахъ, изд. 1886 г., стр. 272 и 273.

ленкуръ вошелъ въ столовую, увидѣлъ распоряженіе, по которому онъ исключался изъ общества царскихъ особъ, и рѣшился захватить свое мѣсто наглостью. Онъ сталъ у круглаго стола и взялся за стулъ.

«Входятъ гости. Александръ въ первой парѣ велъ королеву, взглянулъ, увидѣлъ Коленкура, догадался и сказалъ королевѣ:

— Сегодня позвольте мнѣ не садиться подлѣ васъ. Ужъ и такъ мнѣ нѣтъ покоя отъ моей жены. Буду ходить вокругъ стола и ухаживать за всѣми.

«Королева стала смѣючись возражать. Императрица Елисавета Алексѣевна, понявъ мысль государя, начала играть роль ревнивой жены. Государь не садился и былъ до крайности любезенъ со всѣми, а особенно съ Коленкуромъ, который согналъ его съ мѣста».

Все это, конечно, не нравилось русскимъ людямъ, въ особенности жившимъ въ вѣкъ Екатерины II, привыкшимъ первенствовать въ Европѣ, и они только сдерживались отъ явнаго и грубаго выраженія непріязненныхъ чувствъ къ Наполеону и его посланнику. Нерасположеніе было такъ сильно, что въ сентябрѣ 1809 г. извѣстная М. А. Нарышкина устроила на своей дачѣ великолѣпный праздникъ, съ фейерверкомъ и ужиномъ на 200 человѣкъ; но ни французскій посолъ и ни одинъ французъ не были приглашены [1]). Только ухаживая за публикой, давая самъ великолѣпные праздники [2]), Коленкуръ кое-какъ добился лучшаго къ себѣ расположенія.

«Замѣчательно,—говоритъ А. П. Бутеневъ,—что въ такомъ самодержавномъ государствѣ, какъ наше, при государѣ, столь любимомъ, какъ былъ Александръ Павловичъ, несмотря на вкоренившееся въ высшихъ классахъ предпочтеніе къ иностранцамъ, политическія обстоятельства того времени произвели въ обществѣ глухой, но все же внятный ропотъ противорѣчія открыто выражаемымъ симпатіямъ двора. Это общее настроеніе замѣтилъ я и въ моемъ непосредственномъ начальникѣ графѣ А. Н. Салтыковѣ [3]): онъ раздѣлялъ чувства большинства [4]). Не однимъ только глухимъ ропотомъ высказывалось общество, были и такіе люди, которые говорили и писали явно и открыто.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) „Русскій Арх.“ 1871 г. т. I, 138.

[2]) На одномъ изъ ужиновъ у Коленкура были поданы груши, которыя стоили по 300 франковъ каждая; каждая бутылка бордо стоила по 8 руб., что по тогдашнимъ цѣнамъ составляло рѣдкость.

[3]) Въ то время бывшемъ товарищемъ, министра иностранныхъ дѣлъ.

[4]) Воспоминанія А. П. Бутенева „Русскій Арх.“ 1881 г. кн. III (1), 46.

Стихи, приписываемые И. А. Крылову [1]).

Обласканный не по заслугамъ
И вамъ и вашимъ всѣмъ подругамъ,
Крыловъ изъ кельи шлетъ поклонъ,
Гдѣ мухой злой укушенъ онъ,
Сидитъ раздутъ какъ купидонъ;
Но не пафосской и не критской,
А иль татарской иль калмыцкой.
Что жъ дѣлать, надобно терпѣть!
Но чтобъ у боли сбавить силы,
Нельзя-ль меня хоть пожалѣть?
Вы такъ добры, любезны, милы—
Нельзя-ль уговорить подругъ,
Чтобъ вспомнить бѣднова Крылова,
Когда десертъ пойдетъ вокругъ;
Повѣрьте, онъ изъ вашихъ рукъ
Лѣкарствомъ будетъ для больнова.

---

[1]) Печатаемые стихи взяты изъ стариннаго рукописнаго сборника.—Дѣйствительно-ли они принадлежатъ перу И. А. Крылова, желательно было бы знать мнѣніе лицъ, близко знакомыхъ съ біографіею и сочиненіями нашего знаменитаго баснописца. Ред.

Записки генерала В. И. Левенштерна.

VIII [1]).

Французскіе эмигранты.—Стоянка въ дер. Мюльгаузенъ. — Герцогъ Энгіенскій.— Аугсбургъ. — Главная квартира Суворова. — Отношенія его къ дамамъ.—Боевая жизнь.—Перенесеніе главной квартиры въ Прагу.—Кн. Багратіонъ.—Окончаніе военныхъ дѣйствій и возвращеніе въ Россію.

Я переплылъ верхомъ черезъ Дунай, черезъ который переправа была сопряжена впослѣдствіи съ такимъ трудомъ не только для меня и для пловцовъ, несравненно болѣе искусныхъ, нежели я.

Я остановился въ замкѣ Пфлумернъ, принадлежавшемъ барону Шютцу (Schütz), у котораго проживало нѣсколько знатныхъ эмигрантовъ, которымъ онъ оказывалъ, какъ это было принято въ Германіи, самое широкое гостепріимство. Въ то время эмигранты еще не испортили свою репутацію интригами, сплетнями и легкомысліемъ; у нихъ были еще матеріальныя средства, и они не были вынуждены унижаться передъ республикой, подобно маркизу де-Путенэ, который именовался «фабрикантомъ табакерокъ и игрушекъ по милости единой и нераздѣльной французской республики».

Жизнь въ эмиграціи была для нихъ тяжела; хлѣбъ, который они ѣли за границею, былъ для нихъ горекъ, и увѣренность, что, вернувшись во Францію, они погибнутъ на гильотинѣ, была перспективою не особенно утѣшительной; несмотря на это, они сохранили свою врожденную веселость и съ ними можно было провести время веселѣе, нежели въ обществѣ весьма добродѣтельныхъ, но тяжеловѣсныхъ нѣмецкихъ бароновъ.

Судья округа жилъ въ той же деревнѣ, гдѣ я остановился; это былъ человѣкъ почтенный, съ которымъ можно было провести время пріятно

[1]) См. „Русскую Старину“, августъ 1900 г.

и не безъ пользы; я всегда любилъ обогащать себя познаніями и не раскаиваюсь въ томъ, ибо тѣ немногія свѣдѣнія, коими я обладаю, пріобрѣтены мною отъ интеллигентныхъ собесѣдниковъ, съ коими проводилъ время: умъ и знанія—два качества, изъ коихъ первое дается Богомъ, но второе каждый можетъ пріобрѣсти самъ.

Князь Суворовъ приказалъ намъ расположиться на квартирахъ ближе къ Аугсбургу, гдѣ находилась его главная квартира; я стоялъ въ деревнѣ Мюльгаузенъ, близъ Лехскаго поля, на которомъ происходило великое сраженіе Атиллы.

Вмѣстѣ съ моимъ полкомъ въ этой деревнѣ стоялъ эскадронъ драгунъ герцога Энгіенскаго.

Занимая, съ военной точки зрѣнія, съ герцогомъ одинакое положеніе, будучи оба молоды и сходясь во вкусахъ, мы вскорѣ съ нимъ сблизились, и между нами возникли самыя сердечныя отношенія.

Я провелъ съ герцогомъ три недѣли самымъ пріятнымъ образомъ; въ то время никто не предвидѣлъ его трагической судьбы; онъ былъ окруженъ самой блестящей французской молодежью; каковы д'Антейль, Карлъ и Гастонъ, Дамасъ, Сюлли, Тюренъ, Бонтильe, Грюнгеймъ и т. д.

Мы проводили время во всевозможныхъ удовольствіяхъ, которыя переходили иногда въ оргіи. Бравый генералъ Нумзенъ, съ чисто отеческой заботливостью старавшійся пріучить меня къ веселымъ кутежамъ и попойкамъ, довелъ меня дотого, что я могъ поспорить съ самымъ завзятымъ кутилой. Принцъ Конде, который пріѣзжалъ инспектировать эскадронъ герцога Энгіенскаго, ни мало не подозрѣвалъ, что я одолжилъ его драгунамъ шапки и сбрую, которыя были у нихъ въ самомъ жалкомъ состояніи; за то ихъ повара были несравненно лучше нашихъ.

Я часто ѣздилъ въ главную квартиру въ Аугсбургъ, гдѣ проводили время очень весело; иностранцевъ съѣхалось множество, люди спѣшили со всѣхъ концовъ Европы, чтобы взглянуть на героя Италіи; дамы съ восторгомъ цѣловали ему руки, которыя онъ давалъ имъ для поцѣлуя не стѣсняясь.

Всѣ гостиницы были переполнены; я зашелъ однажды въ богатый игорный домъ; поигралъ, поужиналъ даромъ за роскошно накрытымъ столомъ и такъ какъ было слишкомъ поздно возвращаться въ деревню, то я ничего не говоря растянулся на диванѣ и проспалъ такъ всю ночь. Никто не былъ этимъ возмущенъ кромѣ меня самого; по утру мнѣ было стыдно подумать, что я ночевалъ въ этомъ притонѣ. Но въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, пришлось мириться съ необходимостью.

Повеселившись и отдохнувъ нѣсколько недѣль, намъ пришлось снова идти въ походъ.

Мой слуга, выросшій вмѣстѣ со мною, въ одинъ прекрасный день

покинулъ меня, тайкомъ увезя съ собою почти все мое имущество, между прочимъ мою прекрасную скрипку, на которой быть можетъ онъ играетъ теперь въ кабакахъ. Съ досады я совершенно бросилъ этотъ инструментъ.

Проѣздомъ черезъ Регенсбургъ я былъ приглашенъ на обѣдъ къ княгинѣ de la Tour Taxis, я былъ свидѣтелемъ того, какъ она любезничала съ тогдашнимъ героемъ, кн. Багратіономъ, и присутствовалъ при урокахъ французскаго языка, которые ему давалъ генералъ Хитровъ.

Хорошее было время; хорошо служилось и еще лучше всѣ веселились.

Фельдмаршалъ Суворовъ устроилъ свою главную квартиру въ Прагѣ и расквартировалъ свое войско въ Богеміи, въ Рокиданѣ, гдѣ я заболѣлъ и былъ вынужденъ переѣхать въ Пильзенъ.

Окончательно поправившись, я поѣхалъ въ Прагу, гдѣ намѣревался провести масляницу. Въ то время въ Прагѣ блистали графини Кламъ, Шликъ и Колловратъ; за ними ухаживала наша молодежь: Милорадовичъ, Хитровъ, Шепелевъ, кн. Багратіонъ и иные; балы слѣдовали за балами.

Въ отелѣ барона Виммера, въ которомъ остановился кн. Суворовъ, собиралось высшее общество.

У г. Виммеръ ежедневно былъ накрытъ столъ на 50 человѣкъ, и его обѣды славились.

Возникли новые политическіе планы. Суворовъ, наскучивъ тѣмъ, что кабинеты мѣшали всѣмъ его военнымъ операціямъ, былъ непреклоненъ; онъ отступилъ съ арміей, горѣвшей желаніемъ сразиться съ французами, коими командовалъ самъ Наполеонъ.

Къ величайшему нашему сожалѣнію, Суворовъ повелъ насъ обратно къ русской границѣ.

Мы прошли чрезъ Брюнъ, Ольмюцъ, Краковъ; начальство надъ нами принялъ генералъ Розенбергъ. Это былъ другъ моего отца; онъ пригласилъ меня къ себѣ, привѣтствовалъ меня съ моими успѣшными дѣйствіями во время кампаніи.

IX.

Краткая оцѣнка военныхъ дѣйствій.—Состояніе русской арміи.

Прежде нежели перейти границу, сдѣлаемъ бѣглый обзоръ тѣхъ причинъ, которымъ надобно приписать неудачу славнаго дѣла, возложеннаго на князя Суворова; посмотримъ, каковъ былъ составъ различныхъ корпусовъ, съ коими ему приходилось дѣйствовать, и укажемъ, почему именно его должна была постигнуть неудача.

Фельдмаршалъ князь Суворовъ, главнокомандующій австро-русскими войсками, пользуется слишкомъ большою извѣстностью и славою, что мнѣ могла придти мысль быть судьею его дѣйствій.

По своимъ выдающимся заслугамъ онъ могъ претендовать на роль умиротворителя Европы; онъ не преслѣдовалъ честолюбивыхъ цѣлей, но желалъ только общаго блага, и его умъ былъ также великъ, какъ были славны его побѣды.

По характеру это былъ человѣкъ благородный, великодушный и добрый. Писатели пристрастные или мало свѣдущіе ошибочно приписывали ему кровожадность. Штурмъ Измаила и Праги не подтверждаетъ этого обвиненія. Суворовъ былъ вынужденъ къ этому обстоятельствами и первый горевалъ о пролитой имъ крови; нѣкоторые видѣли, какъ онъ плакалъ! Большое число плѣнныхъ, взятыхъ въ особенности въ Прагѣ, не позволяетъ сомнѣваться въ умѣренности побѣдителя. При томъ начальствующимъ лицамъ рѣдко удается сдержать горячность солдатъ и предотвратить ея послѣдствія во время сраженія, а еще менѣе во время штурма, въ особенности такого, каковъ былъ штурмъ Праги, когда большинство русскихъ было наэлектризовано воспоминаніемъ объ убійствахъ, совершенныхъ во время возстанія въ Варшавѣ нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ.

Этотъ выдающійся человѣкъ, одаренный самыми возвышенными качествами, пренебрегъ великолѣпнѣйшей ролью, какую только могла ниспослать ему судьба.

Онъ слишкомъ явно выказалъ свою досаду противъ австрійскаго правительства и съумѣлъ внушить ее императору Павлу. Вотъ единственно, что можно поставить въ вину этому великому человѣку.

Одного его генія было не достаточно, такъ какъ ему пришлось бороться противъ невѣжества, самонадѣянности, зависти и отсутствія единодушія.

Своими успѣхами въ Италіи онъ былъ обязанъ единственно своему генію, и каждое его дѣйствіе было драгоцѣннымъ урокомъ; въ то время онъ былъ безспорно величайшимъ полководцемъ своего вѣка.

Его выдающіяся способности ярко выразились въ цѣлесообразности принятыхъ имъ мѣръ, въ распредѣленіи войскъ и въ смѣлости, съ какою были задуманы его планы. Тамъ, гдѣ онъ не могъ быть лично, слава нашего оружія была скомпрометтирована, да и могло ли быть иначе?

Императоръ Павелъ создавалъ генераловъ изъ ничтожества, изъ лицъ, не имѣвшихъ понятія о войнѣ.

Все было ниспровергнуто. Было почти запрещено говорить и писать, даже совѣсть была порабощена волею одного человѣка: во время этого печальнаго царствованія не осталось и воспоминанія о благосостояніи,

коимъ мы пользовались въ продолженіе славнаго и благодѣтельнаго царствованія его матери.

Въ арміи не осталось ни одного изъ генераловъ, столь прославившихъ ея оружіе.

Генералъ Корсаковъ, человѣкъ знающій, довольно опытный, но весьма гордый и самонадѣянный, относился съ пренебреженіемъ къ французской арміи и ея генераламъ и, разумѣется, не былъ способенъ поддержать высокую славу, которую наша армія пріобрѣла въ Италіи, благодаря генію Суворова.

Корсаковъ совершилъ походъ вмѣстѣ съ арміей принца Конде, которая шла вслѣдъ за графомъ д'Артуа: въ обществѣ этихъ молодыхъ вертопраховъ, которые хвастались тѣмъ, что при одномъ ихъ появленіи армія санкюлотовъ будетъ уничтожена, онъ научился относиться къ врагу пренебрежительно; это была роковая ошибка, которая его погубила и дорого обошлась князю Суворову и коалиціи.

Корсаковъ ничего не слушалъ и ни съ кѣмъ не совѣтовался; онъ не придавалъ ни малѣйшаго значенія опытности принца Карла и не съумѣлъ даже составить себѣ штабъ. Его армія была олицетвореннымъ хаосомъ. Отдѣльныя лица терпѣли отъ его деспотизма, а вся армія—отъ его невѣжества. Причина его пораженія лежала въ немъ самомъ; онъ поставилъ себя въ такое положеніе, что Массена былъ вынужденъ побѣдить его.

Подчиненные ему генералы достигли высшихъ чиновъ не сражаясь; это были по большей части гатчинцы, которые не имѣли даже понятія о томъ, что надобно имѣть карту для того, чтобы ориентироваться въ какой-либо мѣстности и въ особенности въ странѣ, столь гористой, какъ Швейцарія.

Я могъ бы привести много другихъ примѣровъ, но считаю, что и сказаннаго достаточно, чтобы доказать, насколько мы были не способны воевать противъ генераловъ, для коихъ Карно составлялъ планы кампаній и которые умѣли энергично приводить эти планы въ исполненіе.

Поэтому Массена надѣлалъ намъ много хлопотъ, и армія была спасена отъ окончательной гибели только благодаря ея личной храбрости.

Но все-таки нѣкоторые генералы имѣли случай отличиться; назову Сакена, Воинова, Фока, Likorhine и кн. Алексѣя Горчакова.

Воиновъ, самый старшій изъ генераловъ, по необходимости командовалъ лѣвымъ флангомъ арміи; генералъ-лейтенанты, которые возростали также быстро, какъ спаржа растетъ въ огородѣ: Гудовичъ, Свѣчинъ, Есиповъ и многіе другіе добровольно подчинялись его приказаніямъ; чувство самосохраненія, столь сильное въ человѣкѣ и которое не соображается ни съ долгомъ, ни съ обязанностями, ни съ чиноначаліемъ, побудило каждаго изъ нихъ сдѣлать все возможное, чтобы спасти остатки

разбитой арміи; слѣдствіемъ этого были единичные подвиги храбрости, но совокупность дѣйствій начальствующихъ лицъ доказала, что хотя храбрыми могутъ быть и молодые люди, но одной храбрости мало и она не можетъ замѣнить опытности и привычки, пріобрѣтенной на войнѣ.

Преимущества, которыя непріятель извлекъ изъ нашего пораженія, парализовали всѣ старанія нѣкоторыхъ генераловъ, которые были вынуждены держаться оборонительной системы дѣйствій, кругъ дѣятельности которой съуживался съ каждымъ днемъ, вслѣдствіе того, что военныя операціи были плохо задуманы и еще того хуже выполняемы.

Приготовленія къ битвѣ при Цюрихѣ обнаружили непредусмотрительность, нерѣшимость и безпорядокъ, коими были отмѣчены всѣ наши дѣйствія во время отступленія вплоть до соединенія съ арміей Суворова.

Но такова стойкость русскаго солдата, что никакія страданія, бѣдствія и опасности не были въ состояніи поколебать бодрости его духа. Несмотря на всѣ испытанныя имъ бѣдствія, онъ былъ также отважевъ и неустрашимъ; генералы же, за весьма малыми исключеніями, потеряли голову, если допустить, что она была у нихъ раньше.

Только князь Горчаковъ, Сакенъ, Воиновъ, Рѣзвой и Фокъ не потеряли голову.

Вмѣсто того, чтобы разсѣять свой армейскій корпусъ, Корсакову слѣдовало сосредоточить его въ Эглизау или занять позиціи, не доходя Глатта, занять отрядомъ Цюрихъ, поддержать его главными силами арміи въ томъ случаѣ, если бы непріятель атаковалъ его, и ожидать прибытія князя Суворова или возвращенія эрцгерцога Карла, который совершилъ въ это время довольно безполезную диверсію къ Мангейму.

Корсаковъ совершенно позабылъ, что главнымъ основаніемъ всякаго военнаго дѣйствія должна быть забыта о своей собственной безопасности, и что достигнуть этого можно только сосредоточеніемъ своихъ силъ. Онъ перешелъ въ наступленіе три недѣли ранѣе, чѣмъ слѣдовало; вслѣдствіе этого Суворовъ, придававшій большое значеніе этой позиціи, лишился всѣхъ плодовъ своихъ побѣдъ.

Наша артиллерія, столь прекрасная въ настоящее время, была тогда въ самомъ жалкомъ состояніи; лошади были плохія, у нихъ не было достаточно корма, и уходъ за ними былъ плохой. Они рѣдко имѣли силы ввезти орудія даже на небольшую гору, и людямъ приходилось помогать имъ.

Кавалерійскія лошади были плохи, плохо выѣзжены, плохо взнузданы, офицеры были плохо обучены верховой ѣздѣ, они были храбры, но весьма мало образованы.

Пѣхота была хороша, но одѣта въ высшей степени смѣшно. У насъ

былъ огромный обозъ и множество повозокъ, мы походили болѣе на турецкое войско, нежели на европейскую армію.

Генералъ Корсаковъ имѣлъ неосторожность помѣстить этотъ обозъ въ самомъ Цюрихѣ, почти на аванпостахъ: поэтому французы очень скоро избавили насъ отъ заботъ о немъ, захвативъ его почти цѣликомъ.

Одною изъ первыхъ заботъ князя Суворова послѣ соединенія съ нами было расформировать корпусъ Корсакова и слить его съ своей арміей.

Соединенныя усилія трехъ союзныхъ державъ: Австріи, Англіи и Россіи не увѣнчались успѣхомъ.

Только одинъ Суворовъ одержалъ побѣду въ Италіи; въ Швейцаріи и въ Голландіи наши войска были разбиты.

Ошибочно принятыя мѣры были причиною, то эта кампанія, начатая въ интересахъ престоловъ, не принесла тѣхъ плодовъ, на какіе можно было разсчитывать.

X.

Отступленіе къ Брестъ-Литовску.—Генералъ Линденеръ.—Дуэль.—Прибытіе на прежнія квартиры въ г. Валкъ.—Уничтоженіе 13, кавалерійскихъ полковъ.—Формированіе обсерваціоннаго корпуса.—Кончина императора Павла I.

Зима уже наступила, когда мы пришли въ Брестъ-Литовскъ, истребленный страшнымъ пожаромъ въ ту самую ночь, когда мы въ него вступили. Въ этомъ городѣ стоялъ гарнизономъ (1800 г.) гр. Ланжеронъ со своимъ полкомъ.

Перейдя границу, мы тотчасъ почувствовали, что мы лишились многихъ прелестей походной жизни; если исключить бѣдствія, испытанныя нами въ Цюрихѣ, то все остальное время было для насъ однимъ непрерывнымъ наслажденіемъ.

Намъ было объявлено, что генералъ Линденеръ, завзятый гатчинецъ, произведетъ намъ инспекторскій смотръ. При этомъ извѣстіи всѣми овладѣлъ паническій страхъ; намъ было извѣстно, что инспекторскіе смотры генерала Линденера никогда не обходились безъ жертвъ. Его репутація въ этомъ отношеніи дотого упрочилась, что каждый заранѣе безропотно покорялся своей участи, т. е. быть исключеннымъ изъ службы, посаженнымъ въ крѣпость и т. д. Этотъ всесильный человѣкъ, коего жестокость равнялась его всемогуществу, считалъ позволительнымъ всякій самовольный поступокъ.

Къ счастью, онъ опасно заболѣлъ, и мы отдѣлались однимъ страхомъ.

Мы пошли далѣе, къ Вильно.

Близъ этого города, я имѣлъ несчастье поссориться съ однимъ изъ моихъ лучшихъ друзей, графомъ Ипполитомъ де-Моденъ, служившимъ въ чинѣ капитана въ моемъ эскадронѣ.

Мы рѣшили нашъ споръ съ оружіемъ въ рукахъ. Мы были оба молоды, горячи и, не успѣвъ даже пригласить секундантовъ, отправились на гумно и стали рубить другъ друга саблею на свободѣ. Кровь, лившаяся въ изобиліи изъ ранъ, которыя мы нанесли другъ другу, успокоила нашъ гнѣвъ. Наша злоба улеглась, минуту спустя мы почувствовали, какъ глубока была связывавшая насъ дружба. Съ тѣхъ поръ она ни разу не нарушалась.

Мы подошли къ Ригѣ. Мостъ черезъ Двину еще не былъ исправленъ. Генералъ Воиновъ послалъ меня къ генералъ-губернатору, генералъ-лейтенанту Ребиндеру просить ускорить постройку моста. Надъ нимъ работали нѣсколько дней безъ перерыва и, когда онъ былъ оконченъ, то мы прошли чрезъ городъ въ полной парадной формѣ.

Изъ Риги мы пошли въ Валкъ, гдѣ расположились на прежнихъ квартирахъ. Насъ встрѣтили такъ же любезно, какъ въ Ригѣ.

Я получилъ отпускъ, чтобы повидаться съ отцомъ.

Проживъ въ Ревелѣ мѣсяцъ, я отправился къ своему эскадрону, который былъ для меня второй семьей.

Въ 1801 г. императоръ Павелъ, уничтоживъ однимъ почеркомъ пера 13 полковъ кавалеріи, наводнилъ прочіе полки офицерами. Къ намъ поступило ихъ 30 человѣкъ, въ томъ числѣ 12 штабъ-офицеровъ. Изъ 4-го по списку я сталъ 13-мъ и слѣдовательно сверхштатнымъ.

Я передалъ мой эскадронъ подполковнику Китаеву, офицеру Румянцевской школы, въ которой держались правила воспитывать солдата палкою.

Это обстоятельство внушило мнѣ отвращеніе къ службѣ, я видѣлъ, какъ худо обращались съ моимъ любимымъ дѣтищемъ, съ моими молодцами кирасирами, которыхъ я заставилъ любить себя и бояться, не прибѣгая къ брани и къ палкѣ. Я не помню, чтобы мнѣ приходилось ихъ наказывать. Во все время, пока я командовалъ эскадрономъ, у меня не было ни одного дезертира, ни одной кражи.

Вслѣдствіе недоразумѣній, возникшихъ (1801 г.) между Петербургскимъ и Сенъ-Джемскимъ кабинетами, и чуть не всѣми прочими дворами Европы, мы образовали обсерваціонный корпусъ и были посланы на Балтійское побережье.

Главнокомандующимъ войскомъ былъ назначенъ графъ Паленъ-отецъ, хотя онъ продолжалъ жить въ Петербургѣ. Генералъ Воиновъ командовалъ летучимъ отрядомъ. Но трагическое событіе сдѣлало всѣ эти мѣры излишними. Это была внезапная кончина Павла I и восшествіе на престолъ императора Александра.

Тогда все измѣнилось, всѣ вздохнули; улеглось всякое соперничество, всякая ненависть, люди цѣловались, встрѣчаясь на улицѣ; казалось, всѣ проснулись отъ тяжелаго и страшнаго сна.

Отъ императора Александра, внука Екатерины и воспитанника Лагарпа, ожидали все то, что онъ сдержалъ впослѣдствіи. Онъ спасъ Россію отъ бездны, въ которую ее ввергнулъ его отецъ.

Немедленно былъ заключенъ миръ съ Англіей.

Графъ Паленъ уѣхалъ въ Ревель, чтобы начать переговоры съ Нельсономъ, коего флотъ былъ уже въ виду этого порта, и вскорѣ вошелъ на Ревельскій рейдъ.

Я видѣлъ англійскаго адмирала у адмирала Спиридова. Этотъ знаменитый человѣкъ угощалъ насъ на своемъ кораблѣ; онъ былъ некрасивъ, но его глаза горѣли отвагой и геніемъ.

XI.

Вступленіе на престолъ императора Александра I. — Реорганизація кавалерійскихъ полковъ.—Переводъ полка въ Глуховъ.—Гр. Разумовскій. — Полученіе отпуска. — Женитьба. — Выходъ въ отставку. — Избраніе депутатомъ округа.

Императоръ Александръ, съ самаго вступленія своего на престолъ, занялся реорганизаціей арміи. Онъ уменьшилъ число кирасирскихъ полковъ; расформированные полки были превращены въ драгунъ.

Въ томъ числѣ былъ и мой полкъ, получившій прежнее названіе Стародубскаго полка. Мы охотно сбросили наши кирасы, нашу кожаную аммуницію, лосиныя брюки и облеклись въ зеленый мундиръ, каску, и взяли въ руки ружье со штыкомъ.

Насъ послали въ Глуховъ, въ Малороссію, въ Черниговскую губернію.

Это была въ прежнее время резиденція малороссійскихъ гетмановъ.

Пройдя черезъ Псковъ, Смоленскъ, Новгородъ-Сѣверскій и Стародубъ, мой полкъ прибылъ въ Глуховъ, совершивъ этотъ переходъ въ два мѣсяца. Генералъ Кологривовъ долженъ былъ инспектировать войска, стоявшія въ окрестностяхъ Глухова.

Мы постарались устроиться какъ можно лучше. Эта мѣстность была богата естественными произведеніями, хлѣбомъ, но бѣдна деньгами. Одесса была въ то время небольшимъ мѣстечкомъ и не представляла еще вѣрнаго и доходнаго рынка для сбыта произведеній промышленности, фабричныхъ и земледѣльческихъ продуктовъ. Крестьяне были полудикари, но большіе землевладѣльцы ни въ чемъ не уступали по

части внѣшняго благосостоянія и просвѣщенія жителямъ самыхъ цивилизованныхъ странъ.

Маркевичъ, Кочубей, Скоропадскіе и т. д. приняли меня очень любезно.

Батуринъ—мѣстопребываніе графа Разумовскаго, находился въ нашемъ районѣ. Мнѣ не случалось видѣть, чтобы кто-либо изъ вельможъ жилъ роскошнѣе и оказывалъ болѣе широкое гостепріимство.

Я жилъ въ имѣніи Кочубея, которое принадлежало его бабушкѣ и невѣсткѣ. Хозяйствомъ завѣдывала компаньонка-француженка, особа весьма привѣтливая и не глупая, съ которой я съ удовольствіемъ проводилъ время въ этомъ уединеніи. Она была умна, но слишкомъ романична: это была женщина еще свѣжая, не отличавшаяся впрочемъ ни особенной красотою, ни фигурой, но въ ней было нѣчто, способное очаровать болѣе, нежели красота. Она никогда не испытала чувства, которыя она была способна возбудить, и всегда говорила о страсти съ пренебреженіемъ.

Я долго велъ постоянную переписку съ этой интересной особой и благодаря ей выработалъ себѣ слогъ и пристрастился къ литературѣ.

Я прожилъ въ Глуховѣ нѣсколько лѣтъ. Общество офицеровъ состояло изъ очень милыхъ людей. Вздумавъ завести свою библіотеку, мы всѣ сложились и выписали книги изъ Лейпцига и Петербурга. Завѣдующимъ ея былъ избранъ маіоръ Герцбергъ. Мы также жертвовали въ библіотеку свои собственныя книги; отдѣлъ военныхъ сочиненій былъ очень полонъ.

Чтеніе, охота и бостонъ, такова была неизмѣнная программа нашего препровожденія времени. Проведя въ Глуховѣ три года, я получилъ 4-хъ мѣсячный отпускъ (1804 г.).

По пути на родину я заѣхалъ въ Черниговъ, гдѣ провелъ нѣсколько дней, желая представиться малороссійскому генералъ-губернатору князю Алексѣю Куракину. Затѣмъ я заѣхалъ въ Витебскъ, къ дядѣ генерала Воинова, генералъ-губернатору Михельсону, который принялъ меня весьма ласково; миновавъ Могилевъ, Шкловъ, Полоцкъ, Псковъ и Дерптъ, я пріѣхалъ въ январѣ мѣсяцѣ къ моему отцу и, проведя у него всего нѣсколько дней, отправился въ Петербургъ, гдѣ я не былъ 9 лѣтъ.

Я представлялся императору Александру и великому князю Константину. Послѣдній предложилъ мнѣ поступить въ его Конногвардейскій полкъ, но такъ какъ эта карьера требовала большихъ средствъ, то просилъ позволенія посовѣтоваться предварительно съ отцомъ. Генералъ Уваровъ со своей стороны предложилъ мнѣ поступить въ Кавалергардскій полкъ, коимъ онъ командовалъ, я и отъ этого отказался или, лучше сказать, просилъ позволеніе повременить отвѣтомъ по той же при-

чинѣ, хотя я объ этомъ очень сожалѣлъ, такъ какъ это было единственное средство сдѣлать быструю и хорошую карьеру.

Всѣ эти планы разсѣялись, какъ дымъ, когда я познакомился съ графиней Наталіей Тизенгаузенъ, фрейлиной ихъ императорскихъ величествъ, и дочерью оберъ-гофмейстера, гр. Тизенгаузена. Она мнѣ очень понравилась, и я просилъ ея руки.

Мой отецъ, весьма довольный этимъ бракомъ, обезпечилъ меня, отдавъ въ мое полное владѣніе прекрасное имѣніе и замокъ Разиксъ.

Мнѣ надобно было однако возвратиться въ полкъ, такъ какъ моему отпуску истекалъ срокъ; я поѣхалъ въ Глуховъ, съ намѣреніемъ выйти въ отставку. По пріѣздѣ въ полкъ, я привелъ въ порядокъ дѣла, отослалъ мои экипажи, лошадей и собакъ и подалъ прошеніе объ отставкѣ.

Я былъ уволенъ два мѣсяца спустя съ чиномъ подполковника. Передъ отъѣздомъ изъ Глухова, на меня напали однажды мошенники. Я провелъ вечеръ у одного изъ моихъ товарищей; было уже поздно, ночь была очень темная, я возвращался домой одинъ,—какъ вдругъ три негодяя напали на меня, одинъ изъ нихъ нанесъ мнѣ ударъ по головѣ, которую онъ разсѣкъ; я былъ ошеломленъ, но не потерялъ сознанія, и имѣлъ силы замахнуться саблею и закричать «караулъ».

Мерзавцы испугались и пустились бѣжать. Меня подняли какіе-то прохожіе и отнесли въ сосѣдній домъ. Оказалось, что это была квартира Трегубова, адъютанта генерала Воинова; онъ послалъ за хирургомъ, который сдѣлалъ мнѣ перевязку, успокоилъ меня на счетъ того, что моя рана не опасная, и сказалъ, что я буду въ состояніи выѣхать недѣли черезъ три.

Генералъ-губернаторъ кн. Алексѣй Куракинъ, бывшій въ то время въ Глуховѣ, велѣлъ розыскать виновныхъ, но ихъ не удалось найти; поводомъ къ нападенію на меня было, вѣроятно, то обстоятельство, что я въ этотъ день получилъ по почтѣ значительную сумму денегъ—5.000 р., что не могло остаться тайною въ такомъ маленькомъ городѣ, какъ Глуховъ.

Проболѣвъ нѣсколько недѣль, я наконецъ совершенно оправился и съ полубритой головою (что было не особенно кстати для человѣка, ѣхавшаго вѣнчаться), я поспѣшилъ уѣхать изъ города, въ которомъ меня едва не постигъ столь роковой конецъ.

Мнѣ было тяжело разставаться съ генераломъ Воиновымъ и моими славными товарищами.

По моемъ возвращеніи, состоялась моя свадьба. Я былъ несказанно счастливъ; моя жена обладала всѣми качествами ума и сердца. Ея двоюродная сестра, графиня Бобринская, которая очень любила ее, пріѣзжала изъ Петербурга къ намъ на свадьбу.

Я проводилъ время очень пріятно лѣтомъ въ имѣніи, а зимою въ городѣ.

На сеймѣ, который состоялся вскорѣ по вступленіи моемъ въ бракъ съ графиней Тизенгаузенъ, я былъ избранъ депутатомъ моего округа съ правомъ присутствовать въ гражданскомъ и военномъ судѣ и рѣшать споры, возникающіе между жителями и солдатами. Вмѣстѣ съ тѣмъ я былъ избранъ первымъ депутатомъ по церковнымъ дѣламъ того прихода, въ которомъ я былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ.

Можно было предполагать, что я достигъ всего того, что было предназначено мнѣ судьбою на землѣ; я полагалъ, что я достигъ на 27-му году жизни тихой пристани и, къ довершенію счастья, у меня родился (1805 г.) сынъ, котораго я назвалъ Львомъ (Léon) въ честь г-жи Сталь, моей родственницы, которая только-что издала свой романъ «Дельфина».

Четыре мѣсяца спустя я имѣлъ несчастье лишиться этого ребенка. Моя бѣдная Наташа была неутѣшна. Люди съ чувствительнымъ сердцемъ сильнѣе испытываютъ горе; они такъ предаются ему обыкновенно, что этимъ подрываютъ свое здоровье. Такъ было и съ моей женою.

XII.

Замыслы Наполеона противъ Англіи.—Война 1805 г.—Поѣздка въ Италію.—Жизнь въ Вѣнѣ.—Графъ Огинскій.—Болѣзнь и кончина жены.—Занятіе французами Вѣны въ 1809 г.—Волонтерство.

Вспыхнула война 1805 г., я не принималъ въ ней участія, отказавшись отъ всякихъ честолюбивыхъ плановъ; къ тому же я никогда не былъ серьезно преданъ военному дѣлу.

Главнокомандующимъ арміей противъ Наполеона былъ назначенъ Кутузовъ.

Вся Европа считала химерой задуманный этимъ исполиномъ проектъ завоеванія Англіи. Въ самомъ дѣлѣ, вторженіе въ Англію казалось дѣломъ невыполнимымъ, однако, свѣдущіе люди доказали впослѣдствіи, что этотъ проектъ не былъ, какъ многіе говорили и писали, только искусной политической маской, коей Наполеонъ прикрывалъ другіе завоевательные планы, и что опасность вторженія угрожала Англіи, такъ же точно, какъ тверда была рѣшимость Наполеона предпринять эту войну.

Вооруженіе многочисленнаго флота было почти окончено, постройка различнаго типа судовъ была также окончена: Булонская гавань была расширена

Наполеонъ, понявъ наконецъ всю трудность, съ какою было сопряжено его обширное предпріятіе, еще тверже рѣшилъ преодолѣть его. Онъ разсчитывалъ для этого на морскія силы Франціи и Европы.

Только морской министръ былъ посвященъ въ его тайные замыслы; армія горѣла нетерпѣніемъ сражаться. Маршалы Сультъ, Даву, Ней соперничали въ усердіи и дѣятельности, чтобы поддержать рвеніе сухопутныхъ и морскихъ силъ постоянными военными упражненіями. Присутствіе Наполеона всѣхъ воодушевляло, придавало всѣмъ бодрость.

Англійское правительство, серьезно встревоженное, не жалѣло золота. Образовалась коалиція, и Наполеону пришлось по неволѣ отказаться отъ своихъ замысловъ противъ Англіи.

Войска выступили изъ Булонскаго лагеря, и береговой арміи было приказано идти на Рейнъ и вступить въ Германію.

Французская армія, страстно желавшая, чтобы этотъ исполинскій проектъ былъ осуществленъ, такъ какъ она зарилась на богатства Англіи, съ трудомъ отказалась отъ своихъ надеждъ. Но благодаря легкомыслію, свойственному французскому характеру, это впечатлѣніе вскорѣ изгладилось.

Увѣренная въ томъ, что ей предстояло пожать новые лавры, французская армія съ радостью готовилась перенести всѣ труды и опасности.

Австрійскій главнокомандующій Макъ потерпѣлъ пораженіе на всѣхъ пунктахъ и сдался въ плѣнъ при Ульмѣ, съ остатками своей арміи.

Послѣ этого пораженія, Кутузову пришлось имѣть дѣло со всѣми французскими силами. Между обѣими арміями произошло нѣсколько славныхъ, но кровопролитныхъ сраженій, которыя привели наконецъ къ битвѣ при Аустерлицѣ. Мы были разбиты, и наши войска возвратились въ Россію.

Въ этомъ сраженіи, былъ убитъ братъ моей жены, графъ Фердинандъ Тизенгаузенъ, флигель-адъютантъ и зять генерала Кутузова; это былъ прекраснѣйшій молодой человѣкъ. Онъ былъ убитъ со знаменемъ въ рукѣ, во главѣ малороссійскаго гренадерскаго полка, который онъ повелъ въ штыки на непріятеля. Съ нимъ были положены въ могилу полученные имъ нѣсколько дней передъ тѣмъ Георгіевскій крестъ и крестъ Маріи Терезіи.

Это былъ новый ударъ для моей бѣдной Наташи! Она едва не умерла, но Господь сжалился надъ нею,ославъ ей втораго сына, котораго я назвалъ Фердинандомъ въ память его дяди, графа Тизенгаузена.

Такъ какъ моя нервная система была совершенно потрясена, то мое здоровье внушало женѣ серьезныя опасенія. Она ухаживала то за мною, то за сыномъ, рожденіе котораго разсѣяло ея горе.

Нашъ маленькій Фердинандъ скончался, когда у него прорѣзывались зубы. Я былъ чрезвычайно огорченъ, а моя жена была въ совершенномъ отчаяніи и никогда не могла забыть этого страшнаго горя.

Во время Прусской кампаніи (1807 г.) я хворалъ и просидѣлъ все время безпомощно въ своемъ креслѣ; испытанное мною горе и досада, что я не могу участвовать въ походѣ, истощили мои силы; я медленно угасалъ; врачи потеряли надежду на мое выздоровленіе и совѣтовали мнѣ ѣхать въ Италію.

Неожиданный пріѣздъ моихъ братьевъ: Георгія, Ѳедора и Эдуарда доставилъ намъ нѣкоторое облегченіе. Молодые, блестящіе гусарскіе офицеры, они возвращались съ войны, участвовали въ сраженіяхъ при Пултускѣ, Эйлау и Фридландѣ, во всѣхъ аванъ и арьергардныхъ стычкахъ, и благополучно избѣгли всѣхъ опасностей.

Въ то же время пріѣхалъ и мой братъ-морякъ, окончившій свое кругосвѣтное путешествіе. Смерть моей сестры графини Стенбокъ и моего брата Ѳедора, молодаго человѣка, подававшаго самыя блестящія надежды, омрачила наше счастье, которое было такъ же кратковременно, какъ лучъ солнца, освѣщающій небо, которое заволокли тучи.

Гусары уѣхали обратно въ армію, а морякъ ушелъ въ Черное море, гдѣ онъ командовалъ фрегатомъ, взятымъ у турокъ.

Я рѣшилъ ѣхать въ Италію. Поручивъ управленіе моимъ имѣніемъ честному и образованному человѣку, я уѣхалъ.

Мы остановились на нѣсколько дней въ Оберпаленѣ, у двоюродной сестры моей жены, графини Бобринской; къ ней также пріѣхали родители моей жены; это разсѣло на время ея меланхолію. Къ сожалѣнію, въ ней уже таился недугъ, о которомъ никто не подозрѣвалъ. У нея образовался на груди нарывъ, распухли железы. Съ этой минуты ни она, ни я не знали болѣе покоя. Врачи, съ которыми мы совѣтовались въ Дерптѣ, объявили, что лѣченіе болѣзни можетъ быть только оперативное, и что для радикальнаго ея излѣченія необходимо вырѣзать ракъ, образовавшійся у нея на груди.

Моя жена съ удивительнымъ самообладаніемъ рѣшилась подвергнуться операціи и перенесла ее благополучно. Она поправлялась медленно и такъ какъ то время года было уже позднее, то мы рѣшили провести зиму въ Вѣнѣ.

Проѣхавъ черезъ Ригу, я остановился на нѣсколько дней въ Вильно, чтобы посовѣтоваться съ сыномъ извѣстнаго доктора Франка, который самъ уже былъ знаменитостью. Онъ далъ мнѣ рекомендательное письмо къ своему отцу въ Вѣну.

Изъ Вильно мы направились на Брестъ и Люблинъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ дорога отъ Люблина до Кракова была отврати-

тельна; имѣя берлинъ, запряженный 8-ю и нерѣдко 10-ю лошадьми, я съ трудомъ могъ проѣхать двѣ станціи въ день.

Переправляясь черезъ Вислу, мы едва не утонули. Съ нами ѣхалъ графъ Огинскій. Мы бѣдствовали вмѣстѣ съ нимъ и разстались въ Краковѣ съ искреннимъ сожалѣніемъ.

Гр. Огинскій извѣстенъ своими несчастіями, своей ссылкой, своимъ богатствомъ и въ особенности своими музыкальными способностями.

Императоръ Александръ былъ настолько великодушенъ, что разрѣшилъ ему вернуться изъ ссылки и вернулъ ему все его состояніе. Онъ женился впослѣдствіи на пѣвицѣ италіанкѣ и жилъ очень хорошо во Флоренціи, гдѣ я встрѣчался съ нимъ. Полонезъ, сочиненный имъ въ ссылкѣ, извѣстенъ всѣмъ; онъ послалъ его своей женѣ, которую онъ обожалъ, и она поняла по преобладавшему въ немъ мотиву все то, что происходило у него на душѣ.

Въ Вѣнѣ мы остановились въ отелѣ императрицы австрійской (hôtel de l'Impératrice d'Autriche); нѣсколько дней спустя, я нанялъ квартиру напротивъ церкви св. Петра въ домѣ, носившемъ названіе Всевидящаго ока (l'oeil de Dieu). Это показалось мнѣ добрымъ предзнаменованіемъ.

Моя жена хорошо перенесла утомительное путешествіе и мало-помалу окрѣпла; мои нервы также успокоились; на нихъ благотворно подѣйствовалъ однообразный стукъ экипажныхъ колесъ. Я думалъ, что намъ еще возможно счастье.

Я имѣлъ рекомендательныя письма къ графу Андрею Разумовскому, закадычному другу моего тестя, который принялъ меня какъ нельзя любезнѣе. Обѣды и вечера непрерывно слѣдовали одинъ за другимъ.

Молодая графиня Кувенговенъ (Couvenhoven), рожденная Левенштернъ, познакомила мою жену съ графиней Стадіонъ и другими дамами. У насъ часто проводили вечеръ французскій посланникъ и нѣкоторые члены дипломатическаго корпуса. Въ ихъ обществѣ моя бѣдная Наташа почти забыла о своей меланхоліи.

Такъ какъ здоровье не позволяло ей сидѣть позднѣе 10-ти часовъ, то графу Андреосси пришла счастливая мысль написать мѣломъ на зеркалѣ крупными буквами: «приказано расходиться по домамъ въ 10 часовъ», такъ что, всякій, взглянувъ въ зеркало хотя мимоходомъ, невольно прочитывалъ эту фразу.

Заѣхать къ намъ посидѣть часокъ другой, прежде нежели ѣхать куда-нибудь на вечеръ или на балъ, вошло въ моду, и мнѣ было довольно трудно поддерживать равновѣсіе между обиліемъ посѣтителей и тѣснотою нашего помѣщенія.

Попавъ въ свѣтъ, я пожелалъ быть представленнымъ ко двору.

Въ Вѣнѣ этикетъ не допускаетъ, чтобы иностранецъ былъ пред-

ставленъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, онъ долженъ быть представленнымъ посланникомъ, между тѣмъ у насъ не было въ то время посланника въ Вѣнѣ. Г. Аншттеттъ попросилъ французскаго посланника представить ко двору меня, генерала Вердеревскаго, Цызерева и полковника графа Витта. Это не особенно понравилось австрійцамъ, точно такъ же, какъ и намъ, русскимъ, такъ какъ отношенія Франціи и Австріи становились уже натянуты и хотя въ салонъ французскаго посланника съѣзжалось ежедневно самое избранное вѣнское общество, но можно было предполагать, что буря скоро разразится.

Императоръ и императрица удостоили меня нѣсколькими словами. Императрица была хороша собою и очень привѣтлива.

Я былъ также представленъ эрцгерцогинѣ Маріи-Луизѣ-Беатрисѣ, матери императрицы, всѣмъ эрцгерцогамъ и герцогу Альберту Саксенъ-Тергенскому (Saxe-Terhen).

Я былъ приглашенъ на многіе парадные обѣды.

Принцъ де-Линь или князь принялъ меня съ отмѣнной любезностью; онъ любилъ русскихъ, и двери его отеля были всегда для нихъ открыты.

Въ роскошный салонъ къ супругѣ маршала кн. Любомірскаго съѣзжалось лучшее вѣнское общество. Присутствіе ея племянницы, очаровательной графини Замойской, ея внучатаго племянника кн. Генрика Любомірскаго и ея внуковъ Артура и Альфреда Потоцкихъ придавало еще болѣе блеска этимъ собраніямъ.

Графъ Разумовскій роскошно принималъ гостей въ своемъ только-что отстроенномъ великолѣпномъ отелѣ. Мнѣ оказывали большое расположеніе въ семействѣ графа Аппони, сынъ котораго, бывшій впослѣдствіи посланникомъ въ Парижѣ, только-что женился на дѣвицѣ Ногаролла (Nogarolla), умной и прелестной особѣ.

Я также завелъ знакомство въ финансовомъ мірѣ, посѣщая семейства Арнштейновъ, Пфейра, Эскалесъ и Фріеса; пребываніе въ Вѣнѣ было для меня какъ нельзя болѣе пріятно.

Я также усердно посѣщалъ Пратеръ и театры. Баронесса Шпехтъ, столь извѣстная своимъ умомъ и красотою, а также своею связью съ княземъ Лудвигомъ Лихтенштейномъ, на что все вѣнское общество смотрѣло снисходительно, и графиня Фюнфкирхенъ, впослѣдствіи Эстергази, рожденная Шеппингъ (Schoepping k) придавали особую прелесть прогулкамъ въ Пратерѣ.

Намъ оказывали также всевозможное вниманіе генералъ Вердеревскій, графъ Головкинъ, графъ Толстой, бывшій посланникъ, графъ Виттъ, Булгаковъ и нѣкоторые другіе наши соотечественники.

Посѣщая такъ часто общество и пользуясь всѣми развлеченіями, жена моя, казалось, чувствовала себя прекрасно; однако я пригласилъ извѣстнаго доктора Франка; онъ нашелъ состояніе ея здоровья весьма

утѣшительнымъ въ данное время, но внушающимъ серьезныя опасенія въ будущемъ.

Лучшіе вѣнскіе врачи: Каппелини, Мальфати, Сальватори и Ранвельцофферъ составили консиліумъ подъ предсѣдательствомъ Франка, и рѣшили, что необходимо сдѣлать операцію вторично. Мною овладѣло страшное отчаяніе; тотъ, кому было извѣстно все, что я выстрадалъ во время первой операціи, могъ представить себѣ, что я чувствовалъ въ ожиданіи второй.

Моя бѣдная Наташа, нѣкогда столь красивая и счастливая, могла остаться въ живыхъ только при условіи перенесенія страшныхъ страданій; это приводило меня въ самое мрачное настроеніе, и я совершенно упалъ духомъ, но не рѣшался сообщить несчастной приговоръ врачей.

Наконецъ Франкъ, этотъ патріархъ врачей, взялся сообщить ей, что она могла ожидать спасеніе, только рѣшившись перенести вторично весьма тяжелую операцію. Она выслушала его безропотно, кротко взглянула на меня и сказала: «лишь бы я поправилась».

Ее успокоили, и операція была сдѣлана. Великолѣпный уходъ быстро возстановилъ ея силы, и вмѣстѣ съ ними вернулся ея ангельскій характеръ и ея всегдашняя бодрость духа!

Вѣнское общество отнеслось къ намъ въ этихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ удивительно, всѣ наперерывъ оказывали больной самое сердечное вниманіе и участіе.

По прошествіи двухъ мѣсяцевъ, Наташа, казалось, вполнѣ оправилась. Радость и счастье снова посѣтили нашъ домъ, но, къ сожалѣнію, это продолжалось недолго. Появились симптомы болѣе опасные, и уже на выздоровленіе ея не было никакой надежды! Она скончалась на моихъ рукахъ въ страшныхъ страданіяхъ. Я остался совершенно одинъ на свѣтѣ, удрученный этимъ ужаснымъ горемъ, не имѣя съ кѣмъ раздѣлить его.

Занятіе Вѣны французами (1809 г.) въ тотъ самый моментъ, когда моя жена была при смерти, придало этому горестному для меня событію еще болѣе зловѣщій характеръ.

Во время бомбардировки, продолжавшейся всю ночь, одинъ изъ снарядовъ, брошенныхъ французами, попалъ въ домъ Ветцлара, гдѣ мы жили. Произведенный этимъ шумъ и волненіе, крики: «пожаръ», бѣгство другихъ жильцовъ, такъ напугали мою жену, что это ускорило ея смерть. Впрочемъ, ея состояніе было таково, что врачи считали ея смерть благодѣяніемъ. Ея тѣло было набальзамировано тѣмъ же химикомъ, который бальзамировалъ маршала Ланна (Lannes), герцога Монтебелло, и положено въ часовнѣ, въ ожиданіи того, когда событія позволятъ перевезти его на родину, въ склепъ, гдѣ покоились ея предки.

Вѣнское духовенство не разрѣшило мнѣ поставить ея тѣло въ ча-

совню, но я обратился къ графу Андреосси, только-что назначенному генералъ-губернаторомъ Вѣны, и духовнымъ лицамъ пришлось уступить силѣ. Флигель-адъютантъ императора Александра I полковникъ Горголи и молодой и блестящій Чернышевъ были такъ добры, помогли мнѣ отдать послѣдній долгъ усопшей.

Они и графъ Виттъ, съ которымъ я былъ издавна друженъ, употребили все свое стараніе, чтобы вывести меня изъ того безчувственнаго состоянія, въ какое меня повергла кончина моей бѣдной Наталіи. Они совѣтовали мнѣ искать утѣшеніе на полѣ битвы и воспользоваться политическими обстоятельствами, чтобы принять участіе волонтеромъ въ военныхъ дѣйствіяхъ Наполеона.

Опасность, съ какою это было сопряжено, соблазнила меня; я уже смотрѣлъ на смерть равнодушно, я смотрѣлъ на нее скорѣе какъ на благо, такъ какъ она дала бы мнѣ возможность соединиться вновь съ дорогимъ существомъ, котораго я лишился.

Какъ разъ въ это время (1809 г.) въ главную квартиру Наполеона прибылъ генералъ-адъютантъ князь Павелъ Гагаринъ.

Я былъ знакомъ съ нимъ еще въ то время, когда онъ состоялъ въ чинѣ капитана при главной квартирѣ князя Репнина въ Гродно, и очень сошелся съ нимъ, какъ съ человѣкомъ очень умнымъ и пріятнымъ. Онъ быстро сдѣлалъ карьеру благодаря своему браку съ красавицей княжною Гагариной и особому благоволенію императора Павла, и я потерялъ его изъ вида. Встрѣтившись съ нимъ въ главной квартирѣ Наполеона, я убѣдился, что онъ все еще былъ добрымъ и сердечнымъ человѣкомъ, какимъ я зналъ его въ Гродно.

Онъ представилъ меня принцу Невшательскому (Бертье), оберъ-гофмаршалу Дюроку, графу де Шампаньи (Champagny), министру иностранныхъ дѣлъ и герцогу де Бассано.

Наполеонъ изъявилъ согласіе на мою просьбу. Я присоединился къ графу Витту, который былъ причисленъ къ той же категоріи, и мы вмѣстѣ стали снаряжаться къ войнѣ; у графа Витта была по истинѣ царская конюшня; поэтому выборъ лошадей не представлялъ для насъ ни малѣйшаго затрудненія; мы обзавелись лучшими лошадьми, нежели многіе французскіе генералы, и онѣ были конечно не хуже, нежели лошади щегольскихъ адъютантовъ принца Невшательскаго и ординарцевъ Наполеона. Мы приняли участіе въ походѣ и участвовали въ сраженіяхъ при Аспернѣ, Ваграмѣ, Голабрюннѣ и Знаймѣ.

XIII.

Краткая характеристика Наполеона.—Война 1809 г.—Участіе въ ней Левенштерна въ качествѣ волонтера.—Характеристика австрійскихъ войскъ.—Вооруженіе жителей Вѣны.—Защита города.—Бомбардированіе столицы Австріи и вступленіе въ нее французовъ.—Графъ Андреосси.—Характеристика французскихъ генераловъ.—Наружность Наполеона.—Жизнь его въ Шёнбруннѣ.—Парадъ французскимъ войскамъ.

Первыя блестящія побѣды были одержаны Бонапартомъ въ Италіи: его имя было у всѣхъ на устахъ! Онъ пробудилъ усыпленные умы и съумѣлъ приковать всѣ взоры.

Мнѣ было любопытно видѣть и наблюдать этого необыкновеннаго человѣка вблизи, въ особенности въ день битвы.

Его изумительная карьера, его выдающіеся военные подвиги, достопамятные походы, совершенные имъ въ Италію, войны 1800, 1805 и 1807 г.г. такъ мало походили на все видѣнное до тѣхъ поръ, что мое любопытство было вполнѣ простительно; видѣть его вблизи было весьма поучительно.

Бонапартъ принадлежитъ исторіи; ей придется выяснить необычайныя качества, коими былъ одаренъ этотъ человѣкъ; современнику трудно исполнить эту задачу, но онъ можетъ изложить ясно и главное правдиво тѣ событія, въ коихъ ему пришлось быть участникомъ, и отмѣтить нѣкоторыя особенныя черты, присущія Наполеону, которыя ему довелось самому наблюдать или о которыхъ ему пришлось слышать.

Я не имѣю намѣренія и даже возможности разсматривать съ научной точки зрѣнія вопросы, касающіеся военныхъ дѣйствій; я хочу только высказать о нихъ свое сужденіе. Каково бы оно ни было, оно можетъ пригодиться со временемъ какъ матеріалъ для историческаго изслѣдованія и можетъ представить нѣкоторый интересъ потому, что оно высказано искренно и безпристрастно.

Политическія событія находятся всегда въ тѣсной внутренней связи съ дѣйствіями арміи и имѣютъ огромное вліяніе на судьбу отдѣльныхъ личностей. Со времени революціи политика европейскихъ державъ никогда не шла рука объ руку съ политикой Франціи, и поэтому нельзя было предполагать, что мнѣ представится когда либо-случай видѣть этого замѣчательнаго человѣка, въ особенности въ день битвы. Это могло случиться лишь въ виду тѣхъ чрезвычайныхъ, выдающихся событій, какія народамъ Европы пришлось испытать.

Тильзитскій договоръ и Эрфуртскій конгрессъ доставили мнѣ этотъ случай.

Франція расширила предѣлы своихъ владѣній и увеличила число

своихъ союзниковъ. Изъ смертельныхъ враговъ Наполеона мы дѣлались его союзниками. Исторія съ трудомъ повѣритъ этому.

Когда началась война Франціи съ Австріей, то князь Сергѣй Голицынъ былъ назначенъ командующимъ корпусомъ, который долженъ былъ дѣйствовать въ Галиціи противъ нашихъ бывшихъ союзниковъ.

Въ главную квартиру Наполеона былъ посланъ одинъ генералъ-адъютантъ (князь Гагаринъ) и нѣсколько флигель-адъютантовъ русскаго императора: слѣдовательно, можно было принять участіе въ походѣ французской арміи, не нарушая этимъ приличія и не оскорбляя общественнаго мнѣнія, что я и сдѣлалъ.

Французская армія, въ ея тогдашнемъ видѣ, безъ сомнѣнія, могла считаться образцовою.

Великіе таланты, находившіеся въ этой арміи, ихъ многочисленные подвиги храбрости и сраженія, въ коихъ участвовала эта армія, представляли обширное поле для наблюденія.

Послѣ испытаннаго мною несчастія, мой умъ былъ склоненъ къ серьезнымъ размышленіямъ. Я мало дѣлился своими мыслями, но много наблюдалъ. Мнѣ хотѣлось въ особенности изучить Наполеона. Онъ одинъ былъ достоинъ самыхъ серьезныхъ размышленій какъ въ отношеніи его оригинальной личности, такъ и въ силу его многочисленныхъ и разнообразныхъ военныхъ операцій.

Выдающіяся качества, коимъ онъ былъ обязанъ своему возвышенію, усугублялись въ день битвы величественной картиной этого зрѣлища, которое заставляло позабыть всѣ его недостатки. Намъ не извѣстны многія весьма важныя подробности о дѣйствіяхъ непріятельскихъ армій; ни въ бюллетеняхъ Наполеона, ни въ австрійскихъ бюллетеняхъ не слѣдуетъ искать правды.

Передавая ихъ буквально, мы представили бы событія въ ложномъ свѣтѣ, и это дало бы впослѣдствіи поводъ ко многимъ ошибочнымъ выводамъ. Но, описывая событія по своимъ личнымъ наблюденіямъ, не руководствуясь ни чьимъ постороннимъ мнѣніемъ, не отдавая предпочтенія ни той, ни другой арміи, можно льстить себя надеждою, что разсказъ объ этихъ событіяхъ будетъ любопытенъ если не по изложенію, то по его безпристрастію и по нѣкоторымъ подробностямъ, доселѣ быть можетъ неизвѣстнымъ.

Я не упускалъ случая все видѣть и собрать объ всемъ самыя обстоятельныя свѣдѣнія; но, клянусь Богомъ, я не имѣю притязанія написать сочиненіе безупречное: я ручаюсь за одно,—что мой разсказъ будетъ изложенъ добросовѣстно.

Послѣ объявленія войны, въ 1809 г., Наполеонъ быстро одержалъ

рядъ побѣдъ, которымъ онъ былъ обязанъ своему выдающемуся генію и которыя привели его армію къ воротамъ Вѣны.

Императоръ Францискъ II, вся императорская фамилія и всѣ высшіе сановники выѣхали изъ города. Эрцгерцогъ Максимиліанъ остался въ Вѣнѣ, чтобы защищать столицу.

Генералъ Гиллеръ (Hiller), командовавшій арьергардомъ австрійской арміи, отступалъ передъ побѣдоносной арміей Наполеона, по большой дорогѣ, идущей въ столицу изъ Браунау (Braunau), между тѣмъ какъ эрцгерцогъ Карлъ приближался къ Вѣнѣ съ главными силами своей арміи, спускаясь съ Богемскихъ горъ.

Появленіе корпуса Гиллера нѣсколько ободрило упавшихъ духомъ вѣнцевъ. Жители столицы соперничали другъ передъ другомъ, чтобы встрѣтить подобающимъ образомъ этихъ храбрецовъ, лица которыхъ, потемнѣвшія отъ загара и пыли, имѣли внушительный, воинственный видъ. Они стали бивуакомъ на улицахъ и городскихъ площадяхъ, гдѣ имъ были розданы въ изобиліи съѣстные припасы и вино.

На площади передъ замкомъ расположилось шесть великолѣпнѣйшихъ баталіоновъ венгерскихъ гренадеръ самаго воинственнаго вида. Въ городѣ всѣ волновались и только говорили о томъ, что надобно защищаться до послѣдней крайности. На валахъ была поставлена гвардія, жители просили выдать имъ оружіе и отправились за нимъ въ арсеналъ. Имъ были розданы ружья и патроны. Горе тому, кто позабылъ бы прицѣпить къ шляпѣ австрійскую кокарду или, будучи въ состояніи носить оружіе, не имѣлъ бы ружья на плечѣ.

Я причислился изъ любопытства къ числу сражающихся и просилъ также дать мнѣ ружье; я сталъ на часахъ на валу, называемомъ «le Bastey», который служитъ въ хорошую погоду мѣстомъ прогулки для лучшаго общества г. Вѣны.

Мнѣ хотѣлось самому видѣть и наблюдать своими собственными глазами, до какой степени можетъ дойти энтузіазмъ народа. Но я вскорѣ убѣдился, что у добрыхъ вѣнцевъ онъ бываетъ не особенно продолжителенъ.

Съ наступленіемъ ночи, когда жареные цыплята, которыхъ истребляютъ въ Вѣнѣ въ такомъ огромномъ количествѣ, были всѣ съѣдены, умы успокоились и всѣ разошлись по домамъ.

Я также бросилъ ружье и сталъ простымъ зрителемъ событій, которыя слѣдовали одно за другимъ съ удивительною быстротою.

Наполеонъ потребовалъ, чтобы городъ сдался, и, получивъ отказъ, приказалъ тѣсно обложить Вѣну, возвести батареи и бомбардировать столицу.

Эрцгерцогъ Максиміліанъ выѣхалъ изъ города ночью, предоставивъ его своимъ собственнымъ силамъ. Князь Лудвигъ Лихтенштейнъ, тя-

жело раненый, остался въ Вѣнѣ. Генералъ Одонелль принялъ командованіе войсками.

Бомбардированіе продолжалось всю ночь: нѣсколько домовъ было сожжено. Первымъ запылалъ большой домъ на Грабенѣ, называемый Тратнергофъ. Домъ, въ которомъ я помѣщался, также не былъ пощаженъ.

На улицахъ царствовала полнѣйшая тишина.

Жители не смѣли выйти на улицу, опасаясь быть ранеными осколками бомбъ; солдаты жались къ домамъ со стороны, противуположной непріятельскимъ батареямъ; зрѣлище было довольно грустное и зловѣщее: одни только пожарные проявляли большую дѣятельность и исполняли свой долгъ безъ шума, дѣйствуя смѣло и безукоризненно.

Въ четыре часа утра бомбардированіе прекратилось. Я вышелъ на улицу, чтобы составить себѣ понятіе объ опустошеніи, произведенномъ въ городѣ, и къ величайшему моему разочарованію, увидѣлъ, что пострадали только однѣ оконныя стекла и что благодаря стараніямъ пожарныхъ обгорѣло всего нѣсколько крышъ.

Я розыскалъ нѣкоторыхъ знакомыхъ, которые спрятались въ подвалы, и убѣждалъ ихъ выйти изъ этихъ сырыхъ помѣщеній, увѣряя, что опасность миновала; что французы займутъ по всей вѣроятности городъ, который не имѣлъ никакихъ средствъ къ защитѣ, ибо иначе онъ будетъ превращенъ въ груду развалинъ. Дѣйствительно, въ 11 часовъ бомбардированіе возобновилось, но въ полдень была подписана капитуляція, и въ два часа французы вступили въ Вѣну.

Способъ, коимъ совершилась эта оккупація и вступленіе войскъ въ Вѣну, былъ настолько характеренъ, что онъ обратилъ мое вниманіе, и по моему мнѣнію былъ превосходно разсчитанъ по характеру жителей Вѣны.

Я отправился на площадь передъ замкомъ, неподалеку отъ воротъ, называемыхъ Бургторъ (Burgthor).

Прежде всего въ воротахъ появился маленькій барабанщикъ французъ, нѣчто въ родѣ гамэна въ мундирѣ. Онъ шелъ одинъ, держа въ рукахъ большое письмо, которое онъ несъ такъ, чтобы его было замѣтно, и чтобы нельзя было ошибиться на счетъ свойства даннаго ему порученія. Его схватилъ офицеръ городской стражи и повелъ къ австрійскому главнокомандующему.

Нѣсколько минутъ спустя явились два изящно одѣтыхъ французскихъ офицера; можно было подумать, что они шли съ визитомъ, а не изъ непріятельскаго лагеря. Одного изъ нихъ звали Марбёфъ, и я познакомился съ нимъ впослѣдствіи. Они шли подъ руку, какъ будто гуляли. Сказавъ нѣсколько словъ офицеру, командовавшему постомъ, они прошли далѣе, весело болтали между собою, вѣжливо кланялись дамамъ, спрашивали встрѣчныхъ на прекрасномъ нѣмецкомъ языкѣ, ко-

торый часъ, благодарили и проходили дальше. Вслѣдъ за ними явилось четыре гвардейскихъ гренадера безъ ружей; они вошли въ кафе, начали играть на билліардѣ, заплатили впередъ за все, что̀ потребовали; вели себя тихо и благопристойно.

Народъ былъ весьма изумленъ тѣмъ, что непріятель считалъ себя повидимому въ совершенной безопасности; волненіе, царствовавшее въ толпѣ нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, смѣнилось величайшимъ спокойствіемъ.

Вслѣдъ за этими веселыми солдатами, игравшими на билліардѣ, вступилъ небольшой отрядъ артиллеристовъ. Ни у кого не спрашивая дороги, онъ направился прямо къ арсеналу, который былъ имъ занятъ.

Затѣмъ въ городъ вступилъ баталіонъ гренадеръ и занялъ вмѣстѣ съ городской стражею большую гауптвахту передъ замкомъ. Наконецъ прибылъ графъ Андреосси, назначенный генералъ-губернаторомъ Вѣны. Онъ сошелъ съ лошади у самаго замка и занялъ комнаты императрицы. Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ главный интендантъ графъ Дарю, который помѣстился также въ замкѣ.

Корпусъ маршала Ланна (Lannes), герцога Монтебелло, вступилъ въ городъ съ развернутыми знаменами и съ барабаннымъ боемъ. Вслѣдъ за нимъ ѣхалъ Массена, и затѣмъ въ городъ устремились подобно потоку отряды французовъ, которые шли непрерывно одинъ за другимъ, и жители убѣдились нѣсколько поздно, что кротость и скромность, выказанныя французами въ моментъ ихъ вступленія въ городъ, имѣли цѣлью только испытать народъ, взглянуть, какъ онъ будетъ держать себя, что можно отъ него ожидать, и велики ли его энергія и отчаяніе.

Главная квартира Наполеона находилась въ Шёнбруннѣ. Гвардія расположилась въ окрестностяхъ этой императорской резиденціи.

Я нанялъ, еще до вторженія французовъ, для себя загородный домъ близъ Шёнбрунна, въ деревнѣ Гитцингенъ и къ моему величайшему неудовольствію былъ выселенъ оттуда гренадерами старой гвардіи. Они безъ церемоніи заняли мой домъ и когда я зашелъ туда по окончаніи оккупаціи, чтобы посмотрѣть, какая участь постигла мою мебель, то я увидѣлъ съ изумленіемъ, что французы поставили въ залѣ на столъ боченокъ вина и употребляли его такъ, какъ мы употребляемъ бокалы съ пуншемъ, распѣвали пѣсни и не обращали ни малѣйшаго вниманія на мое изумленіе. Я избралъ благую долю, удалился, не сказавъ имъ ни слова, и болѣе не возвращался въ этотъ домъ.

Такъ какъ я былъ хорошо знакомъ съ генераломъ графомъ Андреосси, въ то время когда онъ былъ посланникомъ въ Вѣнѣ, то я сдѣлалъ ему визитъ. Онъ принялъ меня какъ нельзя лучше; но, несмотря на свою скромность, не удержался, чтобы не замѣтить, что онъ принимаетъ меня

въ тѣхъ самыхъ покояхъ, гдѣ два мѣсяца передъ тѣмъ мы были вмѣстѣ съ нимъ на пріемѣ у императрицы.

Мнѣ не понравилось это замѣчаніе, и я отвѣчалъ, «что разумѣется въ то время никто не могъ предвидѣть подобнаго бѣдствія».

— Вы правы,—сказалъ онъ,—это большое несчастіе, но по правдѣ сказать, нельзя пытаться поднять дубину Геркулеса, когда на это не хватаетъ силъ.

Онъ пригласилъ меня отобѣдать вмѣстѣ съ нимъ. Роскошь и изысканность, царствовавшая два мѣсяца передъ тѣмъ за столомъ бывшаго посланника, смѣнились самой скудной трапезой, такъ какъ насъ угощалъ австрійскій маршалъ, завѣдывавшій столомъ губернатора. Посуда и ливреи лакеевъ были украшены императорскимъ гербомъ, но вина были не съ береговъ Гаронны и Роны, какъ прежде.

Столъ былъ накрытъ на 40 персонъ, но насъ обѣдало всего 12 человѣкъ, въ томъ числѣ было нѣсколько генераловъ. Со мною бесѣдовали генералы Лагранжъ и Вальтеръ; всѣ остальные были типичные военные, отъ нихъ издали пахло казармой. Войдя въ зало, они не сняли своихъ шляпъ и мѣховыхъ шапокъ, никому не поклонились, говорили другъ другу ты, не бывъ друзьями, и не умѣли сказать двухъ словъ, не сопровождая ихъ излюбленнымъ крѣпкихъ словцомъ.

Генералъ Лагранжъ былъ человѣкъ совсѣмъ инаго рода: онъ казался мнѣ человѣкомъ весьма почтеннымъ и любезнымъ; онъ потерялъ руку въ сраженіи при Аспернѣ.

Генералъ Вальтеръ командовалъ гвардейской кавалеріей: имъ очень дорожили. Это былъ типъ конно-гренадера; храбрый воинъ, онъ уже нѣсколько отполировался въ пріемныхъ Наполеона.

Генералъ Лагранжъ познакомилъ меня съ полковникомъ Беркгеймомъ, командовавшимъ 1-мъ кирасирскимъ полкомъ, и съ полковникомъ Лепотромъ (Lepaultre), командиромъ 9-го полка; оба они были люди весьма любезные и принадлежали къ хорошему обществу.

Беркгеймъ былъ въ Петербургѣ во время перваго пріѣзда въ Россію Коленкура; онъ вспоминалъ объ оказанномъ ему пріемѣ съ удовольствіемъ и благодарностью.

Я поѣхалъ въ Шёнбруннъ и присутствовалъ на большомъ парадѣ, который происходилъ на замковомъ дворѣ. Наполеона окружала во время парада вся его военная свита.

Я увидѣлъ, наконецъ, этого замѣчательнаго человѣка—и признаюсь, онъ не произвелъ на меня ожидаемаго впечатлѣнія. Его лицо было мнѣ знакомо по портретамъ; но я нашелъ, что онъ былъ полнѣе, нежели его обыкновенно изображали. Его походка была неграціозна, онъ держалъ себя слишкомъ просто, въ его поступи было мало достоинства. Онъ находился постоянно въ движеніи, не могъ ни минуты простоять

на мѣстѣ, но говорилъ очень мало; часто нюхалъ табакъ и, какъ будто сгорая отъ нетерпѣнія, то закладывалъ руки за спину, то скрещивалъ ихъ на груди. Не знаю, подражалъ ли онъ Фридриху Великому или просто былъ нетерпѣливъ, но я видѣлъ, что онъ бралъ табакъ изъ кармана, не трудясь достать для этого табакерку.

Возлѣ него стоялъ принцъ Невшательскій (Бертье); онъ одинъ носилъ такую же шляпу, какъ Наполеонъ, и мундиръ безъ шитья. Наполеонъ только съ нимъ обмѣнялся нѣсколькими словами.

Парадомъ командовалъ генералъ Борсеннъ; это былъ красивый, прекрасно одѣтый и еще молодой человѣкъ, съ замѣчательной военной выправкой. Во время парада ружейные пріемы и церемоніальный маршъ были исполнены съ большой отчетливостью; одежда гвардейскихъ гренадеръ поражала чистотою и изяществомъ.

Къ Наполеону подошли безъ церемоніи нѣсколько офицеровъ и солдатъ линейнаго полка и подали ему прошенія. Онъ принялъ ихъ благосклонно, отрывисто предложилъ имъ нѣсколько вопросовъ, затѣмъ, передавъ ихъ просьбы Бертье, сдѣлалъ знакъ, чтобы они удалились.

Доступность, съ какою онъ позволялъ подходить къ нему во время парада, была однимъ изъ тѣхъ средствъ, коими онъ умѣлъ снискать любовь арміи. Военнымъ было лестно, что они имѣли право обращаться къ монарху, въ верховному вождю арміи, и высказать ему свои желанія и все то, что̀ ихъ тревожило.

Эти просьбы нерѣдко оставлялись безъ послѣдствій, но надежда уже сама по себѣ есть счастье; къ тому же каждому было лестно, что императоръ обратилъ на него вниманіе хотя бы на пять минутъ. Этотъ великій человѣкъ былъ большой шарлатанъ, но его шарлатанство было разсчитано на характеръ французовъ и вообще на свойства человѣческаго сердца.

Принцъ Невшательскій, которому я былъ уже представленъ княземъ Гагаринымъ, представилъ меня въ свою очередь Наполеону.

«Что вы дѣлали въ Вѣнѣ?»—спросилъ императоръ и, не ожидая отвѣта, такъ какъ Бертье уже передалъ ему о моемъ желаніи слѣдовать за главной квартирою, онъ присовокупилъ: «Ну, такъ вы будете въ числѣ нашихъ». Я сдѣлалъ глубокій поклонъ. Въ ту же минуту, примѣтивъ Баварскаго королевскаго принца, Наполеонъ подошелъ къ нему и обнялъ его.

Вѣнскіе зѣваки толпою устремились въ Шёнбруннъ, чтобы взглянуть на этого необыкновеннаго человѣка.

Часовымъ, которые были разставлены въ аллеяхъ, ведшихъ ко дворцу, было приказано пропускать во дворъ всякаго, кто былъ прилично одѣтъ; вслѣдствіе этого на парадахъ была всегда огромная толпа народа, же-

лавшая видѣть Наполеона вблизи. Для его личной безопасности не было принято повидимому никакихъ мѣръ.

По окончаніи парада онъ сдѣлалъ общій поклонъ и поднялся съ изумительной быстротою въ замокъ, шагая черезъ двѣ и три ступеньки, такъ что свита съ трудомъ поспѣвала за нимъ.

Въ одной залѣ, смежной съ его кабинетомъ, уже былъ сервированъ обильный завтракъ. Приглашенныхъ угощалъ гофмаршалъ, а Наполеонъ завтракалъ одинъ съ Бертье. Я приглашался обыкновенно на эти завтраки, которые болѣе походили на изобильный обѣдъ, такъ какъ при этомъ подавался супъ и кофе со сливками.

Отрядъ конногвардейцевъ, въ мѣховыхъ шапкахъ, былъ всегда наготовѣ сѣсть на лошадь по первому сигналу: собираясь выѣхать, Наполеонъ никогда не предупреждалъ о томъ; «мою лошадь»,—говорилъ онъ, и это служило сигналомъ къ отъѣзду, и, дѣйствительно, двѣ минуты спустя онъ уже былъ на лошади. Для него всегда стояла наготовѣ осѣдланная и взнузданная лошадь.

Въ тотъ моментъ, когда онъ произносилъ: «мою лошадь», всѣ спѣшили вскочить на коней, толкали, роняли другъ друга, не соблюдая при этомъ ни малѣйшей вѣжливости. Отъѣздъ императора походилъ всегда на тревогу, на внезапное нападеніе непріятеля.

Вскочивъ на свою арабскую лошадь, онъ мчался съ мѣста въ галопъ, рѣдко давая себѣ трудъ подобрать поводья.

Вслѣдствіе этого, однажды случилось, что лошадь, вмѣсто того, чтобы ѣхать по дорогѣ, направилась прямо въ конюшню; это привело Наполеона въ такое бѣшенство, что когда одинъ изъ дежурныхъ конюховъ остановилъ ее, то императоръ, не сказавъ ни слова, ударилъ его пять или шесть разъ хлыстомъ и затѣмъ пустилъ лошадь ея обыкновеннымъ аллюромъ.

Онъ совершалъ эти поѣздки съ чисто военною цѣлью: производилъ рекогносцировки, по всѣмъ направленіямъ вдоль праваго берега Дуная; между прочимъ, посѣщалъ также островъ Лобау. Только однажды онъ проѣхалъ чрезъ Вѣну, но не останавливался въ городѣ.

Наполеонъ часто производилъ смотры различнымъ армейскимъ корпусамъ, которые дефилировали предъ нимъ; онъ хвалилъ ихъ или дѣлалъ замѣчанія, инспектировалъ артиллерію и парки; его интересовало все, имѣвшее отношеніе къ арміи; онъ не упускалъ ни одного случая, чтобы пріобрѣсти расположеніе солдатъ и офицеровъ. Поэтому, рѣдкій начальникъ былъ такъ обожаемъ ими.

Я уважалъ Наполеона за его таланты, за его изумительное счастье, но не любилъ его за зло, сдѣланное Европѣ. Однако безпристрастіе, коимъ я далъ себѣ слово руководствоваться, заставляетъ меня сказать, что какъ предводитель арміи онъ былъ безподобенъ.

XIV.

Переходъ французской арміи черезъ Дунай.—А. И. Чернышевъ.—Движеніе арміи по лѣвому берегу Дуная.—Сраженіе при Асперне.—Поѣздка въ Баденъ и Швенау.—Графъ Виттъ.—Ординарцы Наполеона.—Валевская.—Жизнь въ Вѣнѣ по занятіи ея французами.—Вторичная переправа французской арміи черезъ Дунай.—Князь Гагаринъ.—Горголи.—Бернадотъ.—Бассано.—Сраженіе при Ваграмѣ.

Въ Шёнбруннѣ, въ тишинѣ своего кабинета, Наполеонъ обдумывалъ планъ переправы черезъ Дунай и остановился на островѣ Лобау. На рукавахъ Дуная были сооружены мосты. Все было окончѣно съ изумительной быстротою и съ величайшей тайнѣ. Въ Вѣнѣ объ этомъ почти не подозрѣвали.

21-го мая армія перешла наконецъ Дунай, а 22-го числа произошло сраженіе при Асперне.

Еще 13-го мая, въ день сдачи г. Вѣны, Наполеонъ пытался перейти Дунай при Нурсдорфѣ, но эта попытка не удалась. Пришлось прежде всего овладѣть островомъ, названнымъ впослѣдствіи островомъ Ласаль, который лежитъ противъ Нурсдорфа. Понтонеры и моряки гвардейскаго экипажа высадили на этотъ островъ 1.000 человѣкъ, посланныхъ генераломъ Сентъ-Илеромъ (St.-Hilaire). Австрійцы энергично атаковали этотъ отрядъ, который сражался съ изумительной храбростью и погибъ до послѣдняго человѣка.

Во время этого дѣла, Наполеонъ подвергся ружейному огню австрійцевъ; его шляпа была прострѣлена. Возлѣ него находился въ этотъ моментъ одинъ только молодой и блестящій Чернышевъ. Онъ разсказывалъ намъ впослѣдствіи, что Наполеонъ пришпорилъ свою лошадь, чтобы выѣхать изъ ущелья, образуемаго въ этомъ пунктѣ берегомъ. Достигнувъ плоской возвышенности, которая была внѣ сферы ружейныхъ выстрѣловъ непріятеля, онъ сдѣлалъ видъ, будто не онъ приказалъ Сентъ-Илеру послать 10 ротъ, чтобы сдѣлать попытку переправиться въ этомъ пунктѣ.

Какъ всегда ловкій шарлатанъ, онъ сказалъ:

— Во всемъ этомъ и въ понесенной нами потерѣ виноватъ безумецъ Сентъ-Илеръ. Я приказалъ ему послать всего 50 стрѣлковъ.

Эта неудавшаяся попытка заставила Бонапарта избрать для переправы другой пунктъ, выше Эберсдорфа, приблизительно въ двухъ верстахъ ниже Вѣны. Переправа черезъ Дунай совершилась, какъ я уже сказалъ, 21-го и 22-го мая.

Французская армія выступила съ острова и двинулась по лѣвому берегу Дуная, имѣя для сообщенія съ противуположнымъ берегомъ всего

только одинъ понтонный мостъ, обстрѣливаемый все время непріятелемъ. Мостъ, наведенный черезъ второй рукавъ Дуная, былъ разрушенъ во время сраженія—австрійцами; впрочемъ, благодаря дружнымъ усиліямъ французскихъ матросовъ и понтонеровъ, онъ былъ вскорѣ исправленъ. Тѣмъ временемъ, сраженіе велось весьма энергично.

Для того, чтобы разрушить понтоны, австрійцы то и дѣло посылали плавучіе отряды, и, несмотря на бдительный надзоръ понтонеровъ, 22-го мая были разрушены два большихъ понтонныхъ моста.

Такъ какъ французская армія не имѣла сообщенія съ противуположнымъ берегомъ, то въ ней вскорѣ сталъ ощущаться недостатокъ въ боевыхъ зарядахъ и хотя ихъ подвозили на лодкахъ, но ихъ было недостаточно по сравненію съ выпускаемымъ количествомъ снарядовъ.

Матросы и понтонеры, энергія которыхъ возрастала по мѣрѣ того, какъ увеличивалась опасность арміи, трудились неутомимо надъ починкою поврежденныхъ мостовъ; имъ удалось исправить ихъ послѣ полудня, но мостъ, перекинутый черезъ первый рукавъ Дуная, былъ разрушенъ вторично, а для его починки у французовъ не было необходимыхъ матеріаловъ.

Австрійцы не знали, какъ велика была опасность, угрожавшая французской арміи, но все же они воспользовались минутою замѣшательства, чтобы перейти въ наступленіе; французы, у которыхъ уже истощились боевые заряды, употребили со своей стороны невѣроятныя усилія, чтобы вернуться на островъ Лобау.

Массена, баловень судьбы, одержавшій на своемъ вѣку такъ много побѣдъ, покрылъ себя и въ этотъ день славою.

Наполеонъ двинулъ своихъ кирасиръ, пожертвовавъ ими для спасенія арміи: все поле битвы было усѣяно убитыми и раненными солдатами въ латахъ.

Ланнъ, выказавшій чудеса храбрости, былъ смертельно раненъ и скончался нѣсколько часовъ спустя на рукахъ Наполеона.

Положеніе императора было отчаянное, но его звѣзда еще не померкла. Онъ приказалъ съ большимъ хладнокровіемъ уменьшить артилерійскій огонь, чтобы сохранить оставшіеся боевые заряды, и пожертвовалъ, какъ я уже сказалъ, тяжелой кавалеріей, чтобы спасти армію, которая успѣла отступить на островъ Лобау, прикрываемый Массеною, который бросился въ лѣсъ влѣво отъ острова и храбро выдержалъ натискъ всей австрійской арміи.

Самому Наполеону угрожала опасность быть взятымъ въ плѣнъ или убитымъ, чего онъ едва избѣжалъ.

Онъ переплылъ черезъ Дунай въ маленькой лодкѣ въ сопровожденіи Бертье, Дюрока, Савари и Чернышева, который былъ въ то время

весьма молодъ, даже моложе всѣхъ насъ въ чинѣ, но удостоился особаго вниманія со стороны Наполеона.

Вслѣдствіе моего неопредѣленнаго положенія въ арміи, я былъ мало на виду и, не имѣя ни малѣйшаго желанія быть убитымъ австрійцами или пожертвовать жизнью за французовъ, я избѣгнулъ благоразумно опасности, воспользовавшись удобнымъ моментомъ. Одинъ жандармскій офицеръ, пользовавшійся большимъ значеніемъ во французской арміи, взялъ меня съ собою въ небольшую лодку, и мнѣ осталось только перейти черезъ мостъ, который еще не былъ разрушенъ, чтобы вступить на островъ Лобау, гдѣ армія была скучена, не имѣя никакихъ средствъ къ спасенію. По недостатку перевозочныхъ средствъ она терпѣла въ теченіе нѣсколькихъ дней недостатокъ въ провіантѣ и могла бы очутиться въ еще болѣе критическомъ положеніи, если бы эрцгерцогъ Карлъ, вмѣсто того, чтобы удивляться и радоваться своей побѣдѣ, прогналъ отрядъ Массены изъ лѣса, въ который онъ укрылся, и началъ обстрѣливать островъ Лобау. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ разбилъ бы на голову всю французскую армію.

Вслѣдствіе отсутствія сообщеній, резервамъ, находившимся на правомъ берегу Дуная, и армейскому корпусу Даву пришлось бы въ такомъ случаѣ только быть зрителями этого печальнаго событія.

Апатія и нерѣшительность австрійцевъ спасли и этотъ разъ французовъ отъ рѣшительной гибели.

Перейдя съ большимъ трудомъ мосты и пройдя черезъ островъ Лобау, Наполеонъ расположился въ Кайзеръ-Эберсдорфѣ и легъ спать, предоставивъ докончить дѣло маршаламъ и Бертье.

Послѣ всѣхъ этихъ неудачъ французская армія была до такой степени разстроена, что въ нѣкоторыхъ полкахъ осталось подъ ружьемъ не болѣе 50 человѣкъ. Полковникъ Беркгеймъ, командовавшій 1-мъ кирасирскимъ полкомъ, показывалъ мнѣ списокъ наличныхъ силъ своего полка; у него осталось всего 60 солдатъ и незначительное число офицеровъ, способныхъ продолжать кампанію. 9-й кирасирскій полкъ, коимъ командовалъ полковникъ Лепотръ (Lepaultre), и полкъ графа Уденара были не въ лучшемъ состояніи.

По приказанію Наполеона, кавалерія расположилась на квартирахъ въ окрестностяхъ Бадена. Пѣхота заняла хорошо построенные бараки, которые походили на деревенскіе дома, крытые соломою. Мѣстные жители должны были доставлять арміи все необходимое и горько жаловались на это.

Великолѣпные дома, дворцы, между прочимъ, дворецъ эрцгерцога Карла, были превращены въ госпитали.

Чрезвычайная дѣятельность, выказанная въ семъ случаѣ Наполеономъ, огромныя средства, кои онъ съумѣлъ извлечь изъ страны и даже

въ самой Вѣнѣ, бездѣйствіе австрійской арміи,—все способствовало тому, чтобы дать ему время и необходимыя средства для того, чтобы реорганизовать армію.

Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль французская армія была реорганизована и успѣла окончательно оправиться; вскорѣ армія и главная квартира позабыли о всѣхъ понесенныхъ ими неудачахъ и невзгодахъ.

Я употребилъ время, проведенное нами въ отдыхѣ, по случаю пріостановки военныхъ дѣйствій, чтобы совершить поѣздку въ Баденъ и его окрестности. Мнѣ сопутствовалъ полковникъ Горголи; въ Баденѣ мы посѣтили графа Витта, жившаго тамъ со своей семьею.

Въ этомъ городѣ нашли убѣжище нѣсколько русскихъ семействъ. Я встрѣтилъ тутъ, между прочимъ, графиню Самойлову и познакомился у графини Виттъ, какъ съ нею, такъ и со многими французскими офицерами и особенно сошелся съ генераломъ Бордесу и Арриги (герцогъ Падуанскій).

Въ компаніи этихъ дамъ и французскихъ генераловъ мы отправились въ Швенау. Мы совершали обыкновенно всѣ поѣздки въ экипажахъ графа Витта. Французовъ поражало то обстоятельство, что русскій полковникъ, коимъ въ то время былъ графъ Виттъ, могъ катать насъ на своихъ собственныхъ великолѣпныхъ лошадяхъ, предоставивъ одновременно въ наше распоряженіе коляску, запряженную четверкою врядъ, съ русскою упряжью, коляску, запряженную четверкой à la D'Aumont, фаэтонъ, запряженный парою лошадей въ англійской упряжи, кабріолетъ и русскія дрожки въ одну лошадь съ пристяжкой и польскую бричку, съ польской упряжью и краковской сбруей. За то графъ Виттъ съумѣлъ истратить огромныя суммы денегъ; колоссальнаго состоянія его матери, красавицы графины Потоцкой, не хватало на то, чтобы пополнять его траты и сохранить милліонное состояніе.

Швенау и его паркъ слишкомъ хорошо извѣстенъ, чтобы стоило описывать ихъ прелести; но необыкновенное зрѣлище представлялъ нашъ бивуакъ, расположенный во дворѣ замка, и гиганты кирасиры, занимавшіе всѣ дома. Я долженъ, однако, отдать справедливость французскому начальству: солдаты ничего не испортили, не помяли даже цвѣтниковъ.

Мы посѣтили императорскій замокъ Люксенбургъ, который также былъ переполненъ французами, пользовавшимися тутъ временнымъ отдыхомъ; они вездѣ уважали чужую собственность и хотя брали все нужное для жизни, но брали съ толкомъ. Французская администрація обставляла все извѣстной формальностью: у васъ брали платье, но вамъ оставляли рубашку.

Я видѣлъ напримѣръ въ Люксенбургѣ, въ кабинетѣ австрійскаго императора, прелестныя меленькія картины, которыя легко можно было

унести, однако, до нихъ никто не дотронулся, точно также, какъ и до множества рѣдкихъ и цѣнныхъ предметовъ, находившихся въ покояхъ стариннаго замка, посреди озера.

Мой слуга, уроженецъ Вѣны, былъ менѣе щепетиленъ. Онъ утащилъ изъ столовой древнихъ рыцарей очень старинную и любопытную вещь, которую онъ подарилъ мнѣ по возвращеніи изъ Вѣны. Какъ я его ни бранилъ, но никакъ не могъ убѣдить этого бывшаго венгерскаго подданнаго, что эта вещь украдена имъ у его собственнаго монарха; онъ отвѣчалъ мнѣ, что тамъ, гдѣ непріятель и гдѣ война, позволительно брать все, что попадетъ подъ руку, а что взято, того не стоитъ возвращать.

Взятую вещь,—хрустальный подносъ съ инкрустаціей изъ слоновой кости, нельзя было возвратить, тѣмъ болѣе было не время наказывать слугу; но я все же прочиталъ ему нравоученіе, а затѣмъ далъ ему за подносъ нѣсколько дукатовъ и подарилъ его моему тестю, графу Тизенгаузену, который велъ свое происхожденіе съ 1200 года и которому было пріятно имѣть вещь, быть можетъ, служившую нѣкогда одному изъ его предковъ.

Въ Вѣнѣ я часто проводилъ время съ ординарцами Наполеона и съ адъютантами Бертье. Это былъ цвѣтъ блестящей парижской молодежи: любезные въ обществѣ, они блистали своею храбростью на полѣ битвы. Всѣ эти лица ютились въ домѣ жены маршала, княгини Любомірской. Я встрѣчалъ у нея Флаго, Монтескье, Канонвиля, Фегезака, Мортемара, Монмора (Montmaure), Марбефа, Хлоповскаго, Сентъ-Эньяна (St.-Aignan), Перигора, Тюренна, Порталеса, Камири (Camiry) и многихъ другихъ. Бесѣдуя съ ними, я имѣлъ возможность узнать многія подробности и оцѣнить слабыя и доблестныя стороны французской арміи.

Мы болтали, играли, пѣли, говорили обо всемъ; французы люди откровенные. Я замѣтилъ однажды этимъ господамъ, что ихъ бюллетени очень прикрашены и что событія, происходившія на нашихъ глазахъ, описаны въ нихъ далеко не вѣрно.

— Это правда,—сказалъ де-Сентъ-Эньянъ, но, если хотите, я скажу вамъ, какая разница существуетъ между нашими и вашими бюллетенями: мы пишемъ только для парижскихъ зѣвакъ и для легковѣрныхъ людей Европы, но Наполеону мы всегда говоримъ правду. Въ вашихъ же бюллетеняхъ скрываютъ правду отъ монарха, хотя народъ догадывается о ней.

Въ доказательство своихъ словъ, онъ показалъ мнѣ донесенія, посылаемыя Наполеону, и я убѣдился, что отъ него не смѣли скрывать правду и ее говорили императору безъ прикрасъ.

У графини Виттъ я встрѣчалъ часто графа Косинскаго и многихъ другихъ поляковъ.

Я познакомился съ хорошенькой Валевской, пріѣхавшей изъ Варшавы, чтобы усладить тоску Шёнбруннскаго героя (Наполеона); я видѣлъ, какъ она возвращалась, сіяя счастьемъ, когда ей удавалось разсѣять думы съ чела этого человѣка, заставлявшаго трепетать всю Европу.

Валевскую нельзя было назвать красавицею, но она была очень хорошенькая женщина; въ ея фигурѣ не было изящества, но за то ея глаза были очаровательны, а цвѣтъ лица ослѣпительный. Прибавьте къ этому восхитительный ротъ, очаровательную улыбку, доброе сердце и въ особенности страстное преклоненіе передъ ея знаменитымъ любовникомъ, чего мы, обыкновенные люди, никакъ не могли понять; но она увѣряла насъ въ этомъ съ такою простотою и искренностью, что намъ приходились изъ вѣжливости дѣлать видъ, что мы этому вѣримъ. Она вышла впослѣдствіи за мужъ за графа Орнано, молодаго и блестящаго генерала императорской гвардіи.

Если перенестись мысленно въ ту эпоху, то легко себѣ представить, какое обаяніе имѣли въ нашихъ глазахъ всѣ лица, приближенныя къ обитателю Шёнбрунна, и что чай, который мы пили ежедневно съ этой хорошенькой женщиной, до губъ которой только-что коснулся Богъ войны, казался намъ вкуснѣе чая, получаемаго нами обыкновенно изъ Китая.

Она проводила съ Наполеономъ ежедневно всего одинъ часъ и разсказывала намъ въ дружеской бесѣдѣ у г-жи Виттъ, что онъ былъ съ нею любезнымъ въ продолженіе этихъ 60 минутъ, но по прошествіи этого времени становился нетерпѣливъ, и тогда надобно было уйти, не выказывая неудовольствія и не жеманясь; онъ требовалъ, чтобы съ нимъ были, какъ говорится, покладисты.

Несмотря на огромныя повинности, коими была обложена Вѣна, въ ней соблюдался строгій порядокъ. Бывали конечно злоупотребленія, но они преслѣдовались. Я приказалъ разстрѣлять одного французскаго кригсъ-коммиссара, который позволилъ себѣ притѣснять жителей.

Театры были открыты, рестораны всегда были переполнены. Нерѣдко приходилось видѣть, что какой-нибудь гренадеръ сидѣлъ рядомъ съ генераломъ; почтительно вставая при его приближеніи, сдѣлавъ подъ козырекъ, онъ садился, требовалъ шампанскаго и пилъ за здоровье своего генерала. Мы удивлялись этой простотѣ обращенія, но французы находили это вполнѣ естественнымъ, а дисциплина и подчиненіе отъ этого ни мало не страдали.

Французскій солдатъ послушенъ въ строю и слѣпо повинуется начальству; остальное время онъ считаетъ себя человѣкомъ и прежде всего гражданиномъ, гордится этимъ и пользуется этимъ по-своему.

Отдыхъ, коимъ армія пользовалась въ теченіе двухъ недѣль, можно было сравнивать съ спокойствіемъ, предшествующимъ бурѣ. Наполеонъ и Бертье обдумывали въ это время въ тишинѣ кабинета гибель австрійской арміи и монархіи.

Наполеонъ рѣшилъ еще разъ попытаться перейти Дунай, и самъ избралъ пунктъ для переправы. Испытанная имъ неудача показала, какъ было опасно совершить переправу черезъ такую большую рѣку въ виду арміи, которая твердо рѣшилась не допускать этой переправы.

Наполеонъ испыталъ во время сраженія при Аспернѣ, что въ состояніи сдѣлать армія, воодушевленная любовью къ отечеству и наэлектризованная командующимъ ею принцемъ (эрцгерцогомъ Карломъ).

Было интересно видѣть эти двѣ арміи, коими предводительствовали люди, умѣвшіе воодушевить солдатъ.

Благоразуміе требовало избрать для переправы иной пунктъ; по крайней мѣрѣ маршалы полагали, что Наполеонъ такъ поступитъ. Но либо другаго болѣе удобнаго пункта не было, либо желѣзная воля Наполеона не могла помириться съ мыслію, что ему придется отказаться отъ своего первоначальнаго плана. Какъ бы то ни было, онъ упорно стоялъ на своемъ и рѣшилъ, что переправа черезъ Дунай совершится у острова Лобау. Всѣ возраженія, сдѣланныя ему по этому поводу, оказались безполезны. Онъ хотѣлъ отомстить австрійцамъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ понесъ пораженіе.

Приготовленія, сдѣланныя имъ, были столь же грандіозны, сколь смѣло было самое предпріятіе. Для переправы армейскихъ корпусовъ съ Лобау на лѣвый берегъ Дуная, было построено девять мостовъ; всего же для переправы войска было сооружено 17 мостовъ.

Французы нашли въ Вѣнѣ всѣ необходимые матеріалы, коими они искусно съумѣли воспользоваться. Дѣятельность и распорядительность, выказанная имъ при исполненіи этого предпріятія, превосходятъ всякое вѣроятіе. Съ знаніемъ сочеталась желѣзная воля.

Намѣреніе Наполеона не могло быть тайною для австрійцевъ. Если бы ихъ не предувѣдомили даже изъ Вѣны, то шумъ, производимый рабочими, былъ слишкомъ великъ, чтобы непріятель могъ не догадаться о его причинѣ.

За нѣсколько дней до переправы Наполеонъ началъ тревожить австрійцевъ на всѣхъ пунктахъ, утомляя и обманывая на счетъ своихъ истинныхъ намѣреній. Онъ разставилъ на берегу острова Лобау артилерію самаго большаго колибра, найденную имъ въ вѣнскихъ арсеналахъ, чтобы имѣть возможность обстрѣливать лѣвый берегъ Дуная и подготовить переправу своей арміи, и перенесъ главную квартиру изъ Шёнбрунна въ Кайзеръ-Эберсдорфъ.

Ночь, предшествовавшая сраженію, была очень бурная: все время

свирѣпствовалъ ураганъ, сопровождавшійся проливнымъ дождемъ; опасались, чтобы и этотъ разъ половодіе не разрушило мосты.

Французская армія, скученная на островѣ Лобау, перенесла все стойко и терпѣливо. Въ самую грозу 1.500 стрѣлковъ были посажены на суда и переправлены на противоположный берегъ Дуная; эта переправа совершилась подъ наблюденіемъ адъютанта Массены, полковника Лакруа, который покрылъ себя славою и былъ въ тотъ же день произведенъ въ генералы. Наполеонъ любилъ немедленно награждать заслуги.

Какъ только переправились стрѣлки, тотчасъ были наведены мосты и Наполеонъ могъ сказать: «Нѣтъ болѣе Дуная».

Мы отправились изъ Вѣны рано утромъ вмѣстѣ съ графомъ Виттомъ, чтобы присутствовать при великихъ событіяхъ этого дня.

Князь Гагаринъ находился еще въ Эберсдорфѣ; Горголи и Чернышевъ были уже съ Наполеономъ на островѣ Лобау.

Признаюсь, я былъ нѣсколько удивленъ тому, что генералъ-адъютантъ императора Александра, лицо оффиціальное, не находился возлѣ героя этого дня, и даже высказалъ Гагарину свое удивленіе по этому поводу. Онъ принялъ мое замѣчаніе довольно добродушно; но впослѣдствіи я имѣлъ случай убѣдиться, что дѣло, которымъ мы всѣ интересовались, было ему не по вкусу. Непонятно, какъ могъ императоръ Александръ такъ ошибиться,ославъ въ главную квартиру Наполеона человѣка столь мягкосердечнаго и такъ мало способнаго быть представителемъ нашей арміи.

Князь Гагаринъ, человѣкъ весьма умный и обходительный, тушевался въ блестящей толпѣ молодыхъ людей, которые воодушевлялись, едва заслышавъ запахъ пороха. Къ счастью, Горголи и Чернышевъ не уступали никому своими выдающимися личными качествами и воинственнымъ огнемъ, коимъ горѣли ихъ глаза.

Я убѣдилъ князя Гагарина поспѣшить къ Наполеону; и мы подъѣхали къ нему въ тотъ моментъ, когда онъ переходилъ черезъ послѣдній мостъ. Смѣшавшись съ толпою, князь Гагаринъ держалъ себя безупречно; никто не могъ заподозрить его антипатію къ войнѣ и предпочтеніе, которое онъ отдавалъ ботаническому саду Шёнбрунна, что и было причиною того, что онъ не принималъ участія въ интереснѣйшихъ и поучительныхъ рекогносцировкахъ, которыя предшествовали этому великому дню.

Когда Наполеонъ появился на равнинѣ, на ней уже выстроено было огромное количество пѣхоты. Его привѣтствовали возгласомъ: «да здравствуетъ императоръ!» Саксонская кавалерія развернула фронтъ въ присутствіи Наполеона; онъ былъ видимо доволенъ.

Я увидѣлъ тутъ впервые Бернадотта, окруженнаго блестящимъ штабомъ; быть можетъ, онъ уже предвидѣлъ въ то время видную роль,

какую ему пришлось играть впослѣдствіи. Онъ отличался величественной наружностью и прекрасными манерами; саксонцы, коими онъ командовалъ, обожали его. Наполеонъ, отдавая должное большимъ способностямъ Бернадотта, однако не любилъ его.

Императоръ поговорилъ съ минуту съ Даву и Массеной, изъ коихъ первый командовалъ правымъ, а второй лѣвымъ крыломъ французской арміи. Оба маршала поскакали въ галопъ. Тогда императоръ отъѣхалъ отъ такъ называемой главной квартиры, коей командовалъ Дюрокъ, и которую составляли всѣ ординарцы, всѣ штабные офицеры, адъютанты принца Невшательскаго, министры: Шампаньи, Маре и Дарю, коихъ конвоировали жандармы, дежурный эскадронъ конно-гренадеръ и эскадронъ гвардейскихъ конныхъ егерей.

Императора сопровождалъ Бертье съ двумя берейторами, въ мундирахъ, обшитыхъ галунами. Наполеонъ объѣхалъ въ галопъ позиціи.

Между тѣмъ мы всѣ сошли съ лошадей и, чтобы лучше видѣть движеніе и позицію непріятеля, взобрались на какое-то старое зданіе, полуразрушенное попавшими въ него ядрами.

На этой развалинѣ я познакомился съ герцогомъ де-Бассано (Маре). Живя въ Берлинѣ, онъ былъ хорошо знакомъ съ графиней де-Брэ, (de Вгау), рожденной Левенштернъ, моей кузиной, и вспоминалъ объ ней съ большимъ сочувствіемъ. Онъ показалъ мнѣ полученный имъ изъ Парижа красивый портретъ его жены и съ нѣжностью говорилъ о ней и о своихъ дѣтяхъ, не подозрѣвая, какъ мое сердце обливалось при этомъ кровью.

Кажется, ему было не особенно пріятно очутиться на нашей развалинѣ въ своемъ придворномъ шитомъ мундирѣ, тѣмъ болѣе, что онъ провелъ всю ночь подъ проливнымъ дождемъ.

— Императоръ,—сказалъ онъ,—промокъ точно такъ же, какъ мы, но онъ можетъ смѣнить бѣлье и платье, когда ему заблагоразсудится, мы же должны будемъ находиться при немъ, не смѣнивъ платья.

Де-Бассано прочиталъ мнѣ письмо, которое императоръ передалъ ему съ улыбкою и въ которомъ анонимный авторъ предупреждалъ Наполеона, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ были заложены мины и что предполагалось взорвать на воздухъ большую часть французской арміи и его самого. Императоръ посмѣялся надъ этимъ извѣстіемъ, но герцогъ де-Бассано былъ, повидимому, очень озабоченъ, хотя дѣлалъ видъ, что не придаетъ значенія этому предостереженію. Онъ вытащилъ изъ кармана бутылку превосходнаго коньяка и далъ мнѣ выпить его изрядное количество.

Пока мы разговаривали, Дюрокъ приказалъ намъ двинуться далѣе вмѣстѣ съ главной квартирой. Всѣ поспѣшили сойти съ развалинъ и сѣсть на лошадей. Я спустился однимъ изъ послѣднихъ: такъ какъ я

былъ подверженъ головокруженію, то я никакъ не рѣшался спуститься со стѣны, которая была почти отвѣсна. Графъ Тюреннъ сжалился надо мною и помогъ мнѣ, переставляя мои ноги изъ одной расщелины въ другую, пока я не соскочилъ наконецъ на землю. Безъ его помощи я пожалуй и до сихъ поръ сидѣлъ бы на этой стѣнѣ.

Мы поспѣшно вскочили на лошадей и поскакали во весь опоръ за Наполеономъ. Онъ ѣхалъ шагомъ за арміей, которая перешла въ наступленіе.

По всей линіи происходила усиленная канонада: сраженіе началось. День былъ великолѣпный, зрѣлище было величественное. Наполеонъ былъ спокоенъ и безмолвенъ. Со всѣхъ сторонъ къ нему подъѣзжали адъютанты съ рапортами: онъ выслушивалъ ихъ, предлагалъ имъ вопросы и отпускалъ, давъ имъ самыя точныя указанія.

Если надобно было послать кого-нибудь съ приказаніемъ, то онъ никогда не указывалъ, кого именно послать: Дюрокъ называлъ по очереди адъютантовъ по списку, составленному заранѣе.

Когда отдѣльнымъ отрядамъ надобно было присоединиться къ тому или другому корпусу или дивизіи, то опять таки Дюрокъ указывалъ, въ какомъ направленіи имъ надлежало идти. Такимъ образомъ все шло безъ шума и суетни. Излишнему усердію, которое такъ часто встрѣчается въ другихъ главныхъ квартирахъ, здѣсь не было мѣста.

Чтобы получить награду, недостаточно было исполнить свой долгъ, надобно было отличиться: храбрость цѣнилась, но неустрашимость удостоивалась особой похвалы. «Благодаря ей, выигрываются сраженія»,— говорилъ Наполеонъ. Протекція только помогала выдвинуться, но, при отсутствіи личныхъ качествъ, ея было недостаточно для того, чтобы получить незаслуженную награду, и я думаю, нельзя указать ни одного случая, когда крестъ былъ полученъ только благодаря протекціи.

Наполеонъ говорилъ мало и обращался исключительно къ одному Бертье.

Въ критическій моментъ, когда лѣвому крылу угрожала опасность отъ натиска австрійцевъ, Наполеонъ послалъ Бертье узнать, въ какомъ положеніи было дѣло, и указалъ ему, какъ исправить его. При этомъ было ясно, что именно онъ, а никто иной руководилъ дѣйствіями арміи, и что онъ ни съ кѣмъ не совѣтовался и не подчинялся постороннему вліянію, ибо, давъ инструкцію Бертье, онъ сказалъ: «Хорошо ли вы поняли меня?»

— Понялъ, ваше величество,—отвѣчалъ Бертье.

— Ну, такъ повторите мое приказаніе.

Человѣкъ, говорящій такимъ тономъ первому генералу своей арміи, увѣренъ въ самомъ себѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что сраженія выигры-

валъ самъ Наполеонъ, единственно благодаря своему генію: Бертье руководилъ только частными движеніями арміи.

Къ вечеру была произведена энергичная атака на центръ. Саксонцы потеряли при этомъ множество людей. Наполеонъ былъ недоволенъ Бертье, который сдѣлалъ однако болѣе, нежели былъ въ силахъ.

Приказавъ направить атаку на центръ, императоръ сошелъ съ лошади, отошелъ отъ насъ шаговъ на 40—50 и сталъ рвать пшеничные колосья, составляя изъ нихъ букеты, которые онъ тотчасъ бросалъ, срывая новые колосья.

Атака была неудачна: поле битвы было усѣяно убитыми и ранеными; Наполеонъ сѣлъ снова на лошадь; его лицо было мрачно; всѣ переглядывались молча, никто не произнесъ ни слова.

Ночь застигла насъ на полѣ битвы; мало-по-малу пальба прекратилась съ обѣихъ сторонъ; участь сраженія еще не была рѣшена.

Наполеонъ остался со своей гвардіей на полѣ битвы и провелъ ночь подъ открытымъ небомъ.

Со всѣхъ сторонъ виднѣлись пылавшія деревни, слышались стоны раненыхъ; ночь была темна и прекрасна. Темнота еще болѣе увеличивала зловѣщую красоту зрѣлища: на горизонтѣ пылали бивуачные огни, и виднѣлось зарево пылавшихъ деревень.

Пока всѣ не размѣстились по своимъ мѣстамъ, въ главной квартирѣ царствовалъ невообразимый хаосъ: всѣ толкали другъ друга, лошади лягали насъ, всѣ громко звали своихъ товарищей.

Наши лошади не получали корма въ теченіе 24-хъ часовъ. Такъ какъ можно было предполагать, что сраженіе возобновится на слѣдующій день, то нѣкоторые изъ насъ рѣшили вернуться въ Эберсдорфъ, гдѣ находилась главная квартира и обозъ.

Только одинъ Чернышевъ, которому было назначено отвезти извѣстіе о сраженіи въ Петербургъ, остался при Наполеонѣ. Онъ нравился этому великому человѣку, что онъ и доказалъ не разъ на дѣлѣ.

Трудно было опредѣлить, въ какомъ направленіи находился островъ Лобау: бивуачные огни сбивали насъ съ толку и мѣшали намъ ориентироваться.

Князь Гагаринъ, человѣкъ весьма милый и любезный, былъ, къ несчастью, весьма плохимъ кавалеристомъ, онъ свалился въ глубокій ровъ и едва не убился до смерти; мы съ трудомъ вытащили его изъ этой пропасти. Графъ Виттъ, Горголи, графъ Каници (Canizy), шталмейстеръ Наполеона, я и нѣсколько незнакомыхъ намъ офицеровъ съ трудомъ добрались до перваго моста. Два берейтора, мундиры которыхъ были всѣ обшиты золотыми галунами, и коихъ Савари, временно исполнявшій обязанности Коленкура, приставилъ къ намъ для личныхъ услугъ, много помогли намъ при этомъ.

На островѣ Лобау были проведены дороги, освѣщенныя фонарями, какъ въ большомъ городѣ.

Въ Эберсдорфѣ мы получили съѣстные припасы, вина, фуражъ. Наполеонъ приказалъ самымъ строжайшимъ образомъ, чтобы русскіе офицеры ни въ чемъ не терпѣли недостатка.

Бѣдный кн. Гагаринъ такъ пострадалъ отъ своего паденія, что ему пришлось возвратиться въ Вѣну.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Меттерних и его внѣшняя политика.

Обширный трудъ, предпринятый подъ этимъ заглавіемъ [1]) г. Демеличемъ, составляетъ едва-ли не первую попытку полнаго общаго очерка внѣшней политики Австро-Венгріи за весь любопытный періодъ министерства Меттерниха. До настоящаго времени вышелъ пока только первый, весьма объемистый томъ этого изслѣдованія, основаннаго, помимо другихъ источниковъ, преимущественно на подлинныхъ документахъ изъ австрійскихъ архивовъ. Во введеніи къ этому тому авторъ даетъ сжатый обзоръ событій, предшествовавшихъ войнѣ 1809 г. и сопутствовавшихъ ей, причемъ излагаетъ въ главнѣйшихъ чертахъ и условія шёнбрунскаго мира. Слѣдующія затѣмъ главы обнимаютъ періодъ отъ заключенія этого мира до исхода русско-французской войны 1812 г., послѣ которой судьбы Европы измѣнились и Австро-Венгрія отказалась отъ усвоенной ею до тѣхъ поръ французской системы. Два дальнѣйшіе тома, которыми Демеличъ предполагаетъ завершить свое изслѣдованіе, будутъ посвящены исторіи австрійской дипломатіи до іюльской революціи, а можетъ быть коснутся и событій болѣе поздняго времени.

Написанная живо и интересно, книга Демелича заслуживаетъ вниманія, какъ по тщательности, съ которою сгруппированъ авторомъ собранный имъ историческій матеріалъ, такъ и по тому, что она даетъ довольно яркую картину отношеній, существовавшихъ въ описываемую эпоху между западно-европейскими государствами и Россіею. Поэтому ознакомленіе русскаго читателя съ этимъ солиднымъ трудомъ

---

[1]) Metternich und seine auswärtige Politik. von Fedor von Demelitsch. Erster Band. – Stuttgart, 1898.

представляется далеко не лишнимъ; именно для этой цѣли и предназначается приводимый ниже пересказъ обширнаго изслѣдованія Демелича.

I.

Войны, веденныя съ Франціею въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтій, поколебали, какъ извѣстно, политическія основы старой Европы, пошатнувъ, между прочимъ, также положеніе, могущество и вліяніе Австріи, которая понесла значительный ущербъ, въ видѣ территоріальныхъ урѣзокъ и утраты части ея населенія. Дефицитъ монархіи постоянно возрасталъ, а государственный долгъ ея, составлявшій въ началѣ этого періода 377,627 милліоновъ, достигъ 630,397 милліоновъ гульденовъ. Торговый балансъ слагался все менѣе и менѣе благопріятно и въ 1805 г. потери на курсѣ за-границею выразились, говорятъ, цифрою 76 милліоновъ. Внутри государства одно за другимъ объявлялись банкротства и національное имущество неуклонно шло на убыль. Послѣ люневильскаго мира совокупная цѣнность земли всѣхъ австрійскихъ областей опредѣлялась въ 3.640.000.000 гульд., а въ 1805 году упала до 320.000.000. Послѣ пресбургскаго мира и вслѣдствіе уплаты въ пользу Франціи вознагражденій, военныхъ контрибуцій и проч., доходы Австріи значительно уменьшились и составляли всего 8.400.000 гульденовъ.

Пресбургскій миръ оставилъ, сверхъ того, нѣсколько вопросовъ неразрѣшенными, что повлекло за собою долгіе и трудные переговоры, во время которыхъ тюильрійскій кабинетъ занялъ положеніе, не предвѣщавшее Австріи ничего хорошаго.

По очищеніи австрійскими войсками Венеціанской области, въ провинціяхъ этихъ остались различные предметы, несомнѣнно составлявшіе собственность австрійскаго государства и представлявшіе собою цѣнность въ $23^1/_2$ милліона франковъ. Часть этого имущества принадлежала морскому вѣдомству, другая заключалась въ разнаго рода запасахъ. Всѣ требованія Австріи относительно вознагражденія оставались безплодными; ей не были возвращены также и податныя недоимки земель, уступленныхъ Франціи на правомъ берегу рѣки Изонцо; кромѣ того, Франція удержала еще причитавшіеся Австріи доходы съ находившихся въ тѣхъ земляхъ государственныхъ имуществъ. Между тѣмъ, помянутыя недоимки и доходы составляли около $1^1/_2$ милліоновъ франковъ.

Наполеонъ вообще не обращалъ никакого вниманія на притязанія Австріи. Мало того, что онъ совершенно подорвалъ ея морскую торговлю, французскими каперами захвачено было, на основаніи наполеоновскихъ декретовъ, 40 австрійскихъ судовъ, шедшихъ изъ англійскихъ портовъ; при этомъ не было принято въ соображеніе то обстоятельство, что означенныя суда, находясь въ морѣ, никакъ не могли знать о распоряженіяхъ императора.

Вскорѣ послѣ подписанія пресбургскаго мира, со стороны Франціи было самымъ настойчивымъ образомъ потребовано открытіе военной дороги черезъ австрійскій Литораль, причемъ имѣлось въ виду установить лучшія сообщенія между Истріею и Далмаціей. Въ Вѣнѣ заподозрѣли въ этомъ требованіи замаскированное намѣреніе Франціи овладѣть въ скоромъ времени самимъ Литоралемъ. По смыслу конвенціи, заключенной по этому дѣлу 16-го апрѣля 1806 г., по означенной дорогѣ могли быть проводимы одновременно не болѣе 800 человѣкъ и 150 лошадей; но число это было вскорѣ превышено, и французы постепенно ввели здѣсь правильное почтовое сообщеніе и даже стали ввозить названною дорогой товары. Все это крайне оскорбляло вѣнскій кабинетъ и еще болѣе усиливало раздраженіе, и безъ того уже вызванное въ Австріи тягостными условіями пресбургскаго мира. Особенно горько ощущалась въ Вѣнѣ утрата германской императорской короны: семьсотъ лѣтъ носили ее государи Габсбургскаго дома, и вдругъ чужой монархъ сорвалъ ее съ ихъ головы и не только увеличилъ этимъ свое преобладаніе, но еще и пріобрѣлъ, вслѣдствіе сдѣланныхъ въ имперіи и въ Италіи преобразованій, могущественное оружіе для дальнѣйшихъ переворотовъ. Обладаніе германскою императорскою короной поднимало значеніе династіи и придавало ея власти бо́льшій вѣсъ передъ иностранными государствами. По отношенію же къ внутреннимъ дѣламъ, связь съ Германіею служила для Австріи основою духовнаго развитія и единственнымъ объединяющимъ базисомъ этой многоязычной монархіи.

Очень тяжела была для австрійцевъ также и потеря итал іанскихъ владѣній, утрата которыхъ не только нанесла ущербъ морскимъ интересамъ Австріи, но и лишила ее вліянія въ Турціи и на Левантѣ. Италіанскими владѣніями Австрія всегда дорожила. Съ тѣхъ поръ, какъ Австрія и Франція начали между собою борьбу за преобладаніе въ Европѣ, обѣ онѣ постоянно стремились утвердиться на Аппенинскомъ полуостровѣ — путемъ ли непосредственныхъ завоеваній, или посредствомъ вовлеченія мелкихъ италіанскихъ дворовъ въ сферу своихъ интересовъ, понимая, что тотъ, кто станетъ хозяиномъ на полуостровѣ, будетъ господствовать также и на Средиземномъ морѣ. Кромѣ того, Италія составляла для обѣихъ державъ первую наступательную и оборонительную линію.

ліямъ. Вѣнское правительство не сомнѣвалось, что германскій народъ возстанетъ противъ своего притѣснителя, какъ только австрійскія войска перейдутъ границы. Наконецъ, большія надежды возлагались на высадку англійскихъ войскъ въ сѣверной Германіи и на возстаніе въ Италіи.

Все это не могло, конечно, остаться скрытымъ отъ Наполеона, и онъ быстро принялъ рѣшеніе. Какъ ни неудобною могла казаться ему тогда война съ Австріею, онъ видѣлъ, что при данномъ положеніи дѣлъ столкновеніе неизбѣжно. Для Австріи важнѣйшимъ вопросомъ было то, какое положеніе займетъ Россія и можно ли разсчитывать на ея содѣйствіе. Императору Александру война была, казалось, не ко времени, такъ какъ онъ желалъ, прежде всего, обезпечить завоеваніе Финляндіи и дунайскихъ княжествъ. Изъ-за этого онъ не ставилъ Наполеону препятствій въ Испаніи, призналъ всѣ перемѣны въ Германіи и Италіи и обязался обнажить мечъ, еслибы Австрія нарушила миръ. Онъ, однако, вовсе не желалъ усиленія могущества Наполеона и его приближенія къ границамъ Россіи. Поэтому онъ совѣтовалъ Австріи держаться мира, хотя и не принималъ угрожающаго положенія. Въ такомъ же смыслѣ онъ говорилъ и съ княземъ Шварценбергомъ, не скрывая, впрочемъ, отъ него принятыхъ передъ Франціею обязательствъ. Императоръ Александръ желалъ австрійской арміи успѣха, и потому вѣнскій кабинетъ не хотѣлъ видѣть враждебныхъ намѣреній Россіи даже тогда, когда князь Шварценбергъ уже выѣхалъ изъ Петербурга.

4-го апрѣля 1809 г. австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Стадіонъ, писалъ графу Грюнне, что повѣренный въ дѣлахъ Россіи въ Вѣнѣ, Анштетъ, сообщилъ ему депешу Румянцова, изъ которой можно заключить, что со стороны Россіи—по крайней мѣрѣ, въ началѣ войны—опасаться нечего. Въ депешѣ, будто бы, говорилось, что императоръ Александръ изумленъ дѣйствіями Австріи. «Неужели Австрія въ самомъ дѣлѣ хочетъ войны?»—спрашиваетъ императоръ: «это побудило бы меня сообразоваться впредь исключительно съ интересами моей имперіи и обязательствами, принять которыя на себя побудили меня мои интересы». Въ заключеніе, императоръ говоритъ, что этимъ онъ не имѣетъ въ виду выразить угрозу, и повелѣваетъ Анштету лишь освѣдомиться, что вѣнскій дворъ признаётъ необходимымъ сдѣлать для огражденія его интересовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ повторилъ сдѣланное ранѣе князю Шварценбергу заявленіе, что Россія находится въ союзѣ съ Франціею, какъ на случай войны, такъ и на случай мира.

Графъ Стадіонъ былъ вполнѣ увѣренъ, что командующій австрійскимъ корпусомъ въ Галиціи эрцгерцогъ Фердинандъ не будетъ слишкомъ обезпокоиваемъ русскими, и что стоитъ только благополучно миновать первому мгновенію, какъ успѣхи въ Германіи сдѣлаютъ остальное; воз-

можности неудачъ графъ Стадіонъ, повидимому, вовсе не принималъ въ разсчетъ. Оптимистическіе взгляды Стадіона по отношенію къ Россіи раздѣлялись не всѣми, но воинственное настроеніе возъимѣло перевѣсъ, и война стала дѣломъ рѣшенымъ. Никто не мечталъ, однако, о войнѣ завоевательной; въ виду имѣлось лишь возвратить Австріи ея прежнее положеніе и обезпечить миръ, чтобы монархія могла посвятить себя развитію ея внутреннихъ силъ и выполнить свою историческую миссію. Въ случаѣ побѣды австрійскаго оружія, первымъ долгомъ полагалось освободить Германію отъ французскаго покровительства и установить болѣе благопріятныя для Австріи военныя границы. При этомъ, прежде всего, предполагалось пріобрѣсть вновь Тироль и Форарльбергъ. Сверхъ того, имѣлось въ виду добиться нѣкоторыхъ территоріальныхъ измѣненій въ пользу младшихъ линій императорскаго дома. Права германскихъ государей предполагалось оставить нетронутыми и только замѣнить тѣхъ изъ правителей, которые держали сторону Наполеона, другими принцами ихъ домовъ. Герцогство Варшавское предназначалось первоначально для прусскаго короля, однако, эрцгерцогъ Карлъ желалъ, чтобы этотъ пунктъ оставался до времени въ тайнѣ, такъ какъ Пруссія пользовалась въ герцогствѣ лишь слабымъ сочувствіемъ и мѣстное населеніе могло бы стать во враждебныя отношенія къ Австріи, еслибы узнало о предположеніи подчинить его Пруссіи. Въ концѣ концовъ, проектъ этотъ былъ оставленъ, въ силу того соображенія, что прусскій король, изъ опасенія навлечь на себя неудовольствіе петербургскаго двора, навѣрное никогда не согласился бы занять герцогство Варшавское.

При такихъ обстоятельствахъ началась въ апрѣлѣ 1809 г. война. Эрцгерцогъ Карлъ, какъ уже сказано, былъ противъ войны и выступилъ въ походъ противъ собственнаго убѣжденія, въ единственной надеждѣ на то, что въ случаѣ первой побѣды австрійскихъ войскъ германскіе государи отступятся отъ Наполеона. Когда этого не случилось, онъ сталъ совѣтовать заключить миръ, пока непріятель еще не вступилъ въ предѣлы Австріи; но военная партія, съ графомъ Стадіономъ во главѣ, не хотѣла и слышать о мирѣ. Императоръ Францъ, находившійся въ то время въ Шердингѣ, послалъ графа Стадіона въ главную квартиру эрцгерцога съ порученіемъ передать ему, что его величество считаетъ настоящую минуту неудобною для того, чтобы предлагать миръ, но что если эрцгерцогъ признаетъ подобный шагъ возможнымъ безъ нанесенія ущерба достоинству престола и монархіи, то императоръ не замедлитъ дать согласіе на заключеніе мира.

Эрцгерцогъ затруднился разгадать истинный смыслъ этихъ словъ; ему казалось, что императоръ, съ одной стороны, желаетъ мира, а съ другой хочетъ еще разъ попытать счастія съ оружіемъ въ рукахъ. Эрцгерцогъ Карлъ колебался; но событія требовали быстраго рѣшенія, и вотъ онъ

написалъ Наполеону то злосчастное письмо, которымъ противники эрцгерцога постарались воспользоваться во вредъ ему, обвинивъ его въ отсутствіи мужества; въ этой чертѣ характера эрцгерцога они усматривали причину всѣхъ постигшихъ Австрію бѣдствій. Хотя исторія давно уже очистила Карла отъ обвиненія въ малодушіи, однако письмо его къ Наполеону, неоднократно появлявшееся съ тѣхъ поръ въ печати, дѣйствительно было весьма неудачно по формѣ. Эрцгерцогъ писалъ, что Наполеонъ возвѣстилъ о своемъ прибытіи громомъ орудій и не далъ государямъ времени привѣтствовать его величество. О присутствіи императора—продолжалъ Карлъ—ему стало извѣстно по той убыли, которую онъ понесъ: онъ потерялъ много людей, но и австрійскія войска захватили много плѣнныхъ тамъ, «гдѣ командовалъ не Наполеонъ». Затѣмъ Карлъ предлагалъ произвести размѣнъ плѣнныхъ и заключалъ свое письмо слѣдующими словами: «Государь, я считаю себя польщеннымъ тѣмъ, что веду борьбу съ величайшимъ полководцемъ нашего времени, и былъ бы счастливъ, если бы судьба избрала меня для обезпеченія моему отечеству благъ прочнаго мира. Но какъ бы ни сложились случайности войны или же состоялся бы миръ, мое честолюбіе всегда будетъ вести меня навстрѣчу вашему величеству, и я буду одинаково польщенъ честью вести переговоры съ вашимъ величествомъ, все равно—со шпагою ли или съ миртовою вѣтвью въ рукѣ».

Письмо это было оставлено безъ отвѣта, и война продолжалась. 13-го мая Вѣна сдалась на капитуляцію. Быстрое побѣдоносное шествіе Наполеона вызвало въ австрійскомъ населеніи величайшее отчаяніе, тѣмъ болѣе сильное послѣ недавняго всеобщаго одушевленія и недавнихъ блестящихъ ожиданій военнаго успѣха. Положеніе Австріи оказалось безнадежнымъ и могло улучшиться единственно въ случаѣ оборота военнаго счастія, на что разсчитывать было почти невозможно. Однако, побѣда подъ Асперномъ и нѣкоторыя другія обстоятельства возбудили въ правительственныхъ кругахъ новыя надежды на болѣе благопріятный поворотъ въ положеніи дѣлъ. 30-го мая графъ Стадіонъ писалъ эрцгерцогу Карлу, что, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, прусскій король рѣшилъ идти объ руку съ Австріей, хотя бы это даже повело къ его разрыву съ Россіей. Въ виду этого, Стадіонъ считалъ крайне необходимымъ отправить въ Кёнигсбергъ высшаго австрійскаго офицера, такъ какъ переговоры между прусскимъ министромъ фонъ-деръ-Гольцомъ и австрійскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, барономъ Весенбергомъ, нисколько не подвигаются впередъ. Гольцъ умышленно-де затягиваетъ переговоры, вслѣдствіе распространившихся въ Кёнигсбергѣ слуховъ, будто послѣ паденія Вѣны между Австріею и Франціей начались переговоры о мирѣ. Стадіонъ полагалъ, что Австрія могла бы принудить Пруссію къ содѣйствію, занявъ по отношенію къ

ней такое положеніе, которое скомпрометтировало бы прусскаго короля передъ Франціей и такимъ отразомъ помѣшало бы ему вести дальнѣйшіе переговоры. Совѣтъ министра иностранныхъ дѣлъ былъ исполненъ: въ австрійской главной квартирѣ рѣшили отправить въ Кёнигсбергъ полковника Штайгентеша. Отъ этой миссіи Стадіонъ ожидалъ наилучшихъ результатовъ, но уже первое, полученное отъ Штайгентеша донесеніе значительно охладило его. Полковникъ Штайгентешъ засталъ прусскаго короля въ угнетенномъ состояніи духа; король сказалъ, что его, повидимому, хотятъ погубить одновременно съ Австріею, но что онъ не можетъ допустить этого. Послѣдующія донесенія Штайгентеша были еще менѣе утѣшительны: всѣ усилія его оказывались тщетными, въ виду опасенія короля, что въ случаѣ новыхъ неудачъ Австрія, какъ случилось послѣ Аустерлица, можетъ заключить миръ, а Пруссіи придется понести расходы, а также въ виду того, что король сознавалъ собственную свою слабость. Даже настоянія королевы, Шарнгорста Гнайзенау и Бейме не могли склонить короля къ согласію дѣйствовать совмѣстно съ Австріею. Вообще, миссія Штайгентеша окончилась полною неудачей, и его попросили, именемъ короля, выѣхать обратно изъ Кёнигсберга.

Главною причиной этой неудачи было, во всякомъ случаѣ, уже въ то время питаемое Пруссіею желаніе обезпечить свое будущее положеніе въ Германіи путемъ точнаго установленія предѣловъ власти обоихъ государствъ, съ признаніемъ р. Майна границею между ними. Австрія не могла, однако, предрѣшать столь важный вопросъ въ такую минуту, когда, прежде всего, требовалась быстрота дѣйствій. Вопросъ о будущемъ устройствѣ Германіи надо было оставить до болѣе благопріятнаго времени. При томъ, полковникъ Штайгентешъ убѣдился, что король Фридрихъ-Вильгельмъ, безъ соучастія Россіи, никогда не согласится оказать содѣйствіе Австріи. Изъ нѣкоторыхъ заявленій короля можно было заключить, что онъ принялъ на себя въ Петербургѣ какія-то обязательства, о которыхъ ничего не было извѣстно даже наиболѣе приближеннымъ къ нему лицамъ. Однажды, бесѣдуя съ Бейме, который старался склонить его къ опредѣленному рѣшенію, онъ сказалъ: «Вы не знаете, до какого предѣла мнѣ можно идти». По мнѣнію Весенберга, склонить короля къ дѣйствіямъ постоянными настояніями едва-ли было бы возможно, такъ какъ онъ усматривалъ въ нихъ лишь стремленіе заручиться его помощью, а помощь свою онъ былъ намѣренъ оказать лишь за высокую цѣну. Понимая въ этомъ смыслѣ также и миссію Штайгентеша, онъ говорилъ Шарнгорсту: «Должно быть, они очень чувствуютъ свою слабость, если настоятельно просятъ моей помощи». Положеніе дѣлъ могло бы быть измѣнено только рѣшительною побѣдой Австріи.

Итакъ, вотъ какова была политическая обстановка въ началѣ и при

*

дальнѣйшемъ ходѣ войны. Настроеніе двора, какъ извѣстно, не раздѣлялось въ Пруссіи народомъ и арміею, болѣзненно чувствовавшими униженіе государства. Еще до открытія военныхъ дѣйствій между Австріею и Франціей, комендантъ Берлина, графъ Шазо, представилъ главнокомандующему австрійской арміей проектъ сформированія корпуса добровольцевъ; такіе же проекты были представлены потомъ, во время начавшагося уже похода, эрцгерцогу Блюхеромъ, Шарнгорстомъ и Гнайзенау, причемъ Блюхеръ заявлялъ, что онъ въ четырехнедѣльный срокъ соберетъ отрядъ, силою отъ 12 до 15 тысячъ человѣкъ. Отрядъ этотъ былъ бы отданъ подъ полное командованіе эрцгерцога и численность его могла бы, при какомъ-нибудь счастливомъ событіи, быть увеличена до 50.000 человѣкъ. Блюхеръ изъявлялъ готовность присоединиться къ корпусу Гнайзенау и войти въ сношенія съ Англіею по вопросу о поддержкѣ. Силы эти, въ соединеніи съ брауншвейгскимъ, вестфальскимъ, нижне-саксонскимъ и ганноверскимъ контингентами, признавались достаточными для обороны сѣверной Германіи.

Эрцгерцогъ Карлъ хотя и признавалъ пользу, которую принесли бы означенные корпусы добровольцевъ, особенно при популярности Блюхера и Гнайзенау въ прусской арміи, благодаря чему подъ знамена ихъ стеклось бы много людей, однако высказался противъ принятія сдѣланныхъ предложеній въ такое время, когда еще не было рѣшено продолжать войну. Въ случаѣ мира, австрійскій императоръ былъ бы скомпрометтированъ передъ Наполеономъ, а Блюхеръ и Гнайзенау имѣли бы право требовать принятія ихъ на австрійскую службу. Означенныя предложенія не встрѣтили, такимъ образомъ, сочувствія въ австрійской главной квартирѣ, гдѣ Блюхера и Гнайзенау сочли даже за людей, желавшихъ во что бы ни стало играть роль. Во всякомъ случаѣ, отъ Пруссіи не ждали скораго рѣшенія.

Еще менѣе увѣренности питали въ Вѣнѣ по отношенію къ Россіи. Хотя вѣнскій дворъ и предполагалъ, что она относится къ Австріи благопріятно, однако все же не считалъ невозможными и враждебныхъ дѣйствій съ ея стороны. Многаго ожидали отъ австрійской партіи въ Петербургѣ. Въ главной квартирѣ эрцгерцога Фердинанда пресерьезно разсказывали, будто императоръ Александръ отрекся отъ престола и передалъ регентство сенату. Слухи эти казались тѣмъ болѣе правдоподобными, что русскіе офицеры проявляли величайшую предупредительность передъ австрійцами, тогда какъ отношенія ихъ къ ихъ союзникамъ-полякамъ были очень натянуты, на что поляки постоянно жаловались. Австрійскіе генералы старались извлечь изъ этого выгоды. Имъ было поручено настойчиво бороться съ инсургентами и вытѣснить ихъ изъ Галиціи, съ русскими же обходиться дружественно, пока они, въ соединеніи съ поляками, не перейдутъ къ военнымъ дѣйствіямъ. Такъ,

маіоръ графъ Ходицъ, при столкновеніи съ русско-польскимъ отрядомъ, немедленно прекратилъ бой, какъ только оттѣснилъ инсургентовъ. Русскій генералъ Сиверсъ приписывалъ этотъ эпизодъ недоразумѣнію. Такой же случай былъ и подъ Краковомъ. Отношеніе Австріи къ полякамъ было, впрочемъ, обусловлено не только ея соображеніями относительно Россіи, но и относительно поляковъ. Вторженіе варшавскихъ войскъ въ Галицію равнялось утратѣ этой области. Австрія рисковала увидѣть Галицію включенною въ составъ вассальнаго государства Наполеона, владычество котораго простерлось бы тогда до Карпатовъ. Лишь немногіе думали, что русскіе овладѣютъ Галиціей; говорили, что даже и въ этомъ случаѣ петербургскій дворъ не былъ бы обезпеченъ отъ возстановленія Польши. Всѣ эти разсчеты относительно Россіи существенно препятствовали военнымъ дѣйствіямъ австрійской арміи въ Галиціи. Достигнутыя выгоды оказывались безуспѣшными и не могли задержать наступленія русской арміи, какъ доказало занятіе вновь Сандомира. Поэтому эрцгерцогъ Фердинандъ прибѣгнулъ къ переговорамъ и отправилъ въ главную квартиру князя Голицына генерала графа Фикельмона съ предложеніемъ не предпринимать военныхъ дѣйствій противъ австрійцевъ. Фикельмону было, однако, заявлено, что русскимъ генераламъ приказано занять Галицію до Вислы, но не дѣлать ни шага за эту рѣку. Въ случаѣ противодѣйствія ихъ движенію, они будутъ вынуждены начать военныя дѣйствія безъ предварительнаго объявленія войны. Генералъ графъ Суворовъ изъявилъ готовность пріостановить свое наступленіе, впредь до полученія отъ эрцгерцога объясненій. Фикельмонъ опредѣлялъ силы русскихъ въ 46.000 человѣкъ. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, подробности которыхъ не имѣютъ существеннаго значенія, между австрійскими и русскими военачальниками состоялось къ концу іюня тайное соглашеніе, по которому, впредь до дальнѣйшихъ событій, установлена была демаркаціонная линія.

Тѣмъ временемъ, пока совершались эти дѣла въ Галиціи, графъ Стадіонъ подготовлялъ отправку высшаго австрійскаго офицера къ русскому императору, съ цѣлью испросить, если будетъ возможно, пріостановку наступленія русскихъ войскъ. Миссія эта возложена была на генерала барона Штуттергейма, которому и поручено отвезти къ императору Александру письмо австрійскаго монарха, которое не могло быть истолковано въ смыслѣ предложенія какихъ-либо обязательствъ, а также не могло послужить и къ пресѣченію или ограниченію мѣръ, уже принятыхъ эрцгерцогомъ Фердинандомъ. Такимъ образомъ, въ задачу генерала Штуттергейма не входило вступать въ опредѣленные переговоры. Ему велѣно было явиться къ русскому императору лишь въ томъ случаѣ, если императоръ будетъ находиться близъ австрійской границы или не далѣе Вильны. Далѣе этого города барону Штуттер-

гейму ѣхать не было приказано. Если бы видѣть императора ему не удалось, онъ долженъ былъ вернуться въ австрійскую главную квартиру и сдать письмо эрцгерцогу Фердинанду, который затѣмъ направилъ бы его установленнымъ порядкомъ къ русскому императору. Но передъ своимъ отъѣздомъ Штуттергеймъ долженъ былъ дать понять русскимъ генераламъ, что они взяли бы на себя тяжелую отвѣтственность, если бы стали препятствовать ему въ выполненіи возложенной на него миссіи, такъ какъ письмо не только имѣетъ значеніе для австро-русскихъ отношеній, но, можетъ быть, находится въ связи съ судьбами Европы. Графъ Стадіонъ придавалъ огромное значеніе тому, чтобы наступленіе русскихъ войскъ было пріостановлено до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ рѣшительнаго дѣла при австрійской главной арміи. Онъ допускалъ возможность того, что вслѣдствіе письма австрійскаго императора, Александръ I сдѣлаетъ первый шагъ къ начатію переговоровъ. Дѣйствительно, письмо это было выраженіемъ личной дружбы императора Франца къ его старому союзнику. Императоръ признавалъ существовавшее между Россіею и Австріей военное положеніе и намѣчалъ нѣсколько исходныхъ точекъ для примирительныхъ предложеній, ничѣмъ не связывая, однако, австрійскаго двора. Онъ спрашивалъ, между прочимъ, не найдется ли какого-нибудь, совмѣстимаго съ существованіемъ и независимостью Австріи, средства къ прекращенію войны, и, въ заключеніе, просилъ императора Александра сказать слово, которое могло бы положить конецъ прискорбному осложненію, жертвами котораго,—если бы оно продлилось,—пали бы оба императора.

Баронъ Штуттергеймъ, прибывъ въ русскую главную квартиру, не засталъ тамъ князя Голицына, видимо избѣгавшаго встрѣчи, вѣроятно не желая возбуждать въ полякахъ подозрѣнія, будто онъ намѣренъ въ тайнѣ вести переговоры съ Австріей. Штуттергеймъ подтверждалъ, однако, въ своемъ донесеніи, что русскіе офицеры относятся къ Австріи сочувственно; даже въ присутствіи поляковъ они сознавались-де, что неохотно участвуютъ въ занятіи Галиціи. Союзники ненавидятъ-де другъ-друга отъ всей души, но императоръ Александръ, вопреки настроенію своего народа, намѣренъ, кажется, сохранить союзъ, въ надеждѣ пріобрѣсть польскую корону. Вообще же, въ поведеніи русскихъ много-де противорѣчій. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они заставали австрійское управленіе, они оставляли его въ силѣ; но точно такъ же поступали они и по отношенію къ революціонному правительству въ мѣстахъ, которыя были заняты галицкими повстанцами или варшавскими войсками. Въ этихъ полумѣрахъ и въ этой неопредѣленности дѣйствій петербургскаго кабинета Штуттергеймъ усматривалъ намѣреніе выждать исхода борьбы на Дунаѣ, а можетъ быть и новаго вторженія французской арміи въ Венгрію. Въ томъ же, что русскіе хо-

тятъ овладѣть Галиціей, Штуттергеймъ ни минуты не сомнѣвался;—по его мнѣнію, если Австрія выйдетъ изъ борьбы побѣдительницею, императоръ Александръ немедленно же возвратитъ ей эту область, а въ случаѣ пораженія монархіи постарается оставить завоеванную Галицію за собою.

Что касается ввѣреннаго ему письма, Штуттергеймъ видѣлъ, что ему нельзя будетъ вручить это письмо самому императору Александру, такъ какъ императоръ не выѣзжалъ изъ Петербурга. Не удалось ему также увидѣться и съ княземъ Голицынымъ. Послѣдній прислалъ въ Пильзно, куда прибылъ Штуттергеймъ, начальника своего штаба, графа Берга, и тотъ объяснилъ австрійскому посланцу, что князь Голицынъ никакъ не можетъ принять его въ своей главной квартирѣ, потому что это дастъ новую пищу польскимъ интригамъ. Принятіе письма не могло бы остаться тайною: его надо будетъ переслать съ курьеромъ къ графу Аракчееву, который-де не замедлитъ разсказать о немъ своимъ приближеннымъ, и такимъ образомъ о письмѣ узнаютъ и поляки, и Наполеонъ, что̀ повредитъ успѣху дѣла. Въ виду этого, графъ Бергъ предлагалъ вручить письмо ему самому, послѣ чего князь Голицынъ отправилъ бы его чрезъ своего адъютанта въ Петербургъ, и письмо попало бы императору въ руки безъ малѣйшей огласки. Баронъ Штуттергеймъ хотя и возражалъ противъ этого предложенія, однако, въ виду даннаго положенія дѣлъ, вынужденъ былъ отдать письмо графу Бергу.

Пока происходили эти переговоры, пораженіе австрійцевъ подъ Ваграмомъ рѣшило участь похода. Исходъ этого боя повергъ всю Австрію въ глубокое уныніе. Въ главной квартирѣ императора всѣ потеряли голову и въ первое мгновеніе сочли, повидимому, продолженіе борьбы совершенно невозможнымъ. По крайней мѣрѣ, императоръ Францъ, тотчасъ послѣ боя, обратился къ эрцгерцогу Карлу съ вопросомъ, что̀ дѣлать, если Наполеонъ не захочетъ вступить въ переговоры о мирѣ? Эрцгерцогъ Карлъ тотчасъ же отвѣчалъ въ томъ смыслѣ, что надо продолжать войну съ тѣми малыми средствами, которыми еще располагаетъ Австрія. По его мнѣнію, въ томъ случаѣ, если Наполеонъ обнаружитъ склонность къ переговорамъ, но поставитъ условія, которыя были бы оскорбительны для чести монархіи и слишкомъ подрывали бы ея силы, надо отвергнуть эти условія самымъ рѣшительнымъ тономъ, потому-что лучше ужь погибнуть, чѣмъ согласиться на унизительный миръ. Отвѣтъ этотъ дѣлаетъ тѣмъ болѣе чести эрцгерцогу, какъ воину, что ему слишкомъ хорошо было извѣстно прискорбное состояніе арміи. Общая численность ея хотя и опредѣлялась въ 235.000 человѣкъ, однако армія лишена была единства командованія, продовольственная часть въ ней была очень неудовлетворительна и, сверхъ того, обставлена множествомъ трудностей.

На слѣдующій послѣ ваграмскаго боя день, въ Эрнстбрунѣ, гдѣ находился австрійскій императоръ, состоялось нѣсколько совѣщаній между императоромъ, графомъ Стадіономъ и посломъ Меттернихомъ. Послѣдній сообщилъ о заявленіяхъ преемника Тальрана, Шампаньи, изъ которыхъ можно было заключить, что Наполеонъ не станетъ уклоняться отъ мирныхъ предложеній. О заявленіяхъ этихъ Меттернихъ слыхалъ во время своего недобровольнаго пребыванія въ непріятельскомъ лагерѣ, куда онъ попалъ въ качествѣ военноплѣннаго, которымъ онъ былъ объявленъ тотчасъ по начатіи войны, впредь до перемѣны посольскаго персонала при вѣнскомъ дворѣ. Сообщеніе его побудило императора Франца отправить генерала князя Іоганна Лихтенштейна во французскую главную квартиру для подготовки мирныхъ переговоровъ. Миссія эта потерпѣла, однако, неудачу, такъ какъ Наполеонъ потребовалъ раздробленія Австріи на мелкія государства и отреченія императора Франца отъ престола.

Тѣмъ временемъ эрцгерцогъ Карлъ отступилъ въ Цнаймъ, куда вскорѣ послѣдовалъ за нимъ и императоръ Францъ, въ свитѣ котораго находились графъ Меттернихъ и легаціонный совѣтникъ Флоре. Однако, быстрое наступленіе французовъ заставило императора покинуть Моравію и отправиться обратно въ Венгрію, куда онъ и поѣхалъ, пригласивъ съ собою въ экипажъ Меттерниха. Послѣдній, повидимому, въ то время былъ уже намѣченъ въ преемники графу Стадіону, который еще при отправкѣ князя Лихтейштейна къ Наполеону заявлялъ, что считаетъ свою задачу выполненною и намѣренъ во время переговоровъ удалиться, такъ какъ присутствіе его безполезно и даже, скорѣе, вредно. Однако императоръ не соглашался пока на отставку министра иностранныхъ дѣлъ и повелѣлъ ему оставаться при главной квартирѣ эрцгерцога Карла и продолжать веденіе иностранныхъ дѣлъ согласно полученнымъ указаніямъ, такъ какъ сношенія между главною квартирой Карла и императорскимъ дворомъ въ Венгріи легко могли быть прерваны, причемъ эрцгерцогъ остался бы безъ дипломатическаго совѣтника. Въ ту пору средоточіемъ всѣхъ военныхъ операцій былъ Коморнъ и, пока туда желали стянуть всѣ силы, чтобы въ данный моментъ возобновить борьбу, эрцгерцогу Карлу приказано было держаться, стараясь занять непріятеля, чтобы вынудить его раздробить свои силы.

Кровопролитные бои 10-го и 11-го іюля вокругъ Цнайма вынудили, однако, эрцгерцога вступить съ французами въ переговоры о перемиріи. Потери австрійской арміи были громадны. Съ 5-го іюля она лишилась 51.626 человѣкъ и 7.482 лошадей; однихъ генераловъ пало 17, а штабъ- и оберъ-офицеровъ 847. О возмѣщеніи этой убыли нечего было и думать. При томъ, послѣ такихъ жестокихъ пораженій духъ арміи былъ угнетенъ и на новый бой нельзя было рѣшиться, не ставя на карту

самое существованіе монархіи. Карлъ поручилъ графу Бельгарду предложить непріятелю заключеніе перемирія. Затѣмъ къ австрійскимъ форпостамъ прибылъ генералъ Монбрёнъ, и генералу Вимпфену было поручено веденіе переговоровъ.

Извѣстіе о заключеніи цнаймскаго перемирія дошло до императора Франца ранѣе полученія имъ донесенія эрцгерцога Карла, который указывалъ на совершенную невозможность рѣшиться на новый бой. Императоръ былъ крайне пораженъ дошедшею до него вѣстью и написалъ своему брату, что не можетъ повѣрить, чтобы тотъ до такой степени превысилъ свои полномочія и выпустилъ изъ рукъ выгоды, которыхъ достигъ. Находя, что на краткое перемиріе онъ еще могъ бы согласиться, но четырехнедѣльнаго не допускаетъ, императоръ запретилъ всѣмъ генераламъ соблюдать перемиріе безъ его ратификаціи. Въ полученномъ вслѣдъ за тѣмъ донесеніи эрцгерцога Карла мотивы принятой имъ мѣры были изложены со всею обстоятельностью, во всей ихъ неотразимой силѣ; тѣмъ не менѣе, противники эрцгерцога безповоротно осудили заключеніе перемирія, и, вѣроятно, именно ихъ вліянію и слѣдуетъ приписать сильное неудовольствіе императора противъ брата. За эрцгерцогомъ оставлено было командованіе лишь непосредственно ввѣренными ему войсками. Управленіе военнымъ министерствомъ у него отняли, устранили отъ должностей его любимцевъ, генераловъ Грюнне и Розенберга, а лицамъ, вѣдавшимъ дѣла военнаго министерства, дали другія назначенія. Послѣ этого эрцгерцогъ Карлъ подалъ въ отставку, которая принята была императоромъ, и сдѣлался частнымъ человѣкомъ. Императоръ назначилъ главнокомандующимъ князя Лихтенштейна, того самаго, который посланъ былъ ранѣе въ непріятельскую главную квартиру для переговоровъ. Онъ вызванъ былъ императоромъ въ Коморнъ въ то время, когда князь находился, послѣ первыхъ переговоровъ съ Наполеономъ, въ своихъ помѣстьяхъ. Поѣхавъ черезъ Вѣну, онъ представился Наполеону и спросилъ его, не будетъ ли отъ него порученій къ австрійскому императору. Наполеонъ высказался въ весьма миролюбивомъ духѣ, заявивъ, что не требуетъ отъ Австріи бо́льшихъ жертвъ, чѣмъ въ 1805 г., и даже смягчилъ бы ихъ, если бы императоръ Францъ рѣшился отречься отъ престола. Вслѣдъ за тѣмъ австрійскій императоръ написалъ Наполеону 18-го іюля, что онъ назначилъ Меттерниха и Нюжана коммиссарами для веденія мирныхъ переговоровъ, а 22-го іюля Наполеонъ отвѣтилъ на это, что назначилъ, съ своей стороны, уполномоченнымъ Шампаньи. Послѣдній изложилъ въ нотѣ слѣдующія предварительныя условія: 1) распущеніе ополченія; 2) сокращеніе численности арміи на половину нынѣшнихъ кадровъ; 3) увольненіе всѣхъ состоящихъ на австрійской службѣ французовъ, слѣдовательно какъ бывшихъ гражданъ Франціи, такъ и выходцевъ изъ присоединенныхъ впослѣдствіи къ ней странъ.

Мирный конгрессъ былъ открытъ 17-го августа въ Альтенбургѣ. Въ Австріи съ тревогою стали слѣдить за ходомъ преній, опасаясь не только территоріальныхъ потерь, но и громадныхъ, непосильныхъ денежныхъ требованій. Будущее представлялось австрійцамъ въ самомъ мрачномъ цвѣтѣ; дипломаты высказывали увѣренность, что Наполеонъ ни въ какомъ случаѣ не допуститъ такихъ условій мира, которыя могли бы способствовать подъему и усиленію приниженной монархіи. Напротивъ, военная партія при австрійскомъ дворѣ именно въ безотрадности положенія, казавшагося безнадежнымъ, усматривала достаточное основаніе для того, чтобы еще разъ попытать счастья съ оружіемъ въ рукахъ; она утверждала, что лучше погибнуть въ почетной борьбѣ, чѣмъ принимать позорную гибель въ униженіи. Что касается Россіи, то при австрійскомъ дворѣ снова начали вѣрить въ благопріятный съ ея стороны поворотъ. Толковали, будто императоръ Александръ выразилъ Голицыну и Суворову удовольствіе по поводу ихъ медленнаго наступательнаго движенія въ Галиціи; изъ этого заключали, что императоръ настроенъ теперь болѣе благопріятно по отношенію къ Австріи. Толки эти, однако, едва-ли имѣли достаточное основаніе. По крайней мѣрѣ, въ Галиціи, несмотря на всѣ сочувственныя австрійцамъ заявленія русскихъ офицеровъ, Суворовъ заявилъ, что въ случаѣ, если по истеченіи срока перемирія австро-французская война вспыхнетъ вновь, русскія войска будутъ вынуждены дѣйствовать противъ австрійцевъ. Таковы же были отзывы всѣхъ русскихъ офицеровъ. Нѣкоторые изъ нихъ утверждали, что имъ приказано ограничиться занятіемъ Галиціи, другіе же увѣряли, что русскія войска двинутся въ Венгрію, тогда какъ задачею поляковъ будетъ вторженіе въ Моравію и Богемію. Но при австрійскомъ дворѣ все-таки надѣялись, что событія повернутся къ выгодѣ Австріи, и именно вслѣдствіе письма императора Франца, отъ 30-го іюля, къ русскому императору. Въ письмѣ этомъ Францъ, извѣщая своего прежняго союзника о заключеніи цнаймскаго перемирія, увѣрялъ, что онъ всегда стремился къ возстановленію мира, но такого, который заслуживалъ бы этого названія, а потому и предложилъ императору французовъ вступить въ мирные переговоры. Уполномоченные отъ обѣихъ сторонъ уже назначены и соберутся немедленно. Императоръ Францъ заявлялъ, что горячо желаетъ, чтобы переговоры эти повели къ возстановленію спокойствія и такихъ отношеній къ Франціи, которыя были бы совмѣстимы съ достоинствомъ короны и безопасностью народовъ Австріи. Если Наполеонъ желаетъ мира, миръ будетъ заключенъ; въ случаѣ же неудачи мирныхъ попытокъ, императоръ можетъ быть увѣренъ, что причиною тому были французскія условія, противорѣчившія лежащему на австрійскомъ императорѣ, какъ государѣ, долгу, или же угрожавшія независимости монархіи, или, наконецъ, представлявшіяся настолько обманчи-

выми, что принятіе ихъ должно было бы имѣть самыя пагубныя послѣдствія. Въ заключеніе, въ письмѣ указывалось на общность интересовъ Австріи и Россіи. Императоръ Францъ старался въ этомъ письмѣ выставить Наполеона нарушителемъ спокойствія и показать русскому императору, что обстоятельствъ, имѣвшихся въ виду при заключеніи его договора съ Франціею уже не существуетъ, да въ сущности никогда и не существовало, такъ какъ Австрія всегда желала мира и если вынуждена была взяться за оружіе, то только для защиты своего существованія.

Въ отвѣтъ на это императоръ Александръ, въ письмѣ изъ Петербурга, отъ 3-го августа, выразилъ удовольствіе по поводу желанія Франца прекратить войну. «Вашему величеству—писалъ онъ—извѣстно, какъ сильно я желалъ, чтобы Австрія не нарушала мира. Я заранѣе указывалъ на то зло, которое должно было произойти и которое я предвидѣлъ». Далѣе государь выражалъ сожалѣніе о томъ, что онъ находится такъ далеко отъ театра событій, такъ какъ для него было бы утѣшеніемъ, если бы онъ могъ оказать добрыя услуги къ быстрому возстановленію мира и соглашенію интересовъ, а также и упроченію дружественныхъ отношеній между Австріею, Франціей и Россіей. Такимъ образомъ, императоръ Александръ ясно далъ понять, что вину въ печальномъ положеніи дѣлъ онъ приписываетъ Австріи. Послѣ этого, австрійцамъ уже нечего было ожидать отъ Россіи. Александръ былъ еще въ долгу передъ Наполеономъ за то, что тотъ не мѣшалъ завоеванію русскими Финляндіи и дунайскихъ княжествъ. Кромѣ того, и отношенія къ варшавянамъ вынуждали русскаго императора къ наступленію въ Галицію. Инсургенты пріобрѣтали тамъ все большее значеніе, что могло быть выгодно только для будущей Польши; чтобы воспрепятствовать этому, русскимъ было необходимо стараться предупредить ихъ польскихъ союзниковъ. Недаромъ князь Голицынъ упрекалъ австрійскихъ военачальниковъ въ томъ, что они недостаточно серьезно отнеслись къ инсургентамъ и не постарались вытѣснить ихъ изъ Галиціи, пока численность русскихъ войскъ не была еще достаточна для дѣйствій противъ австрійцевъ. Голицынъ, очевидно, намекалъ на то, что теперь, когда въ корпусѣ его числится 50.000 человѣкъ, ему уже невозможно оставаться спокойнымъ зрителемъ, если бы австрійцы стали тѣснить поляковъ. Высшіе русскіе офицеры, не скрывая своего сочувствія къ Австріи, открыто заявляли, что они обязаны начать дѣйствія противъ австрійскихъ войскъ, если тѣ будутъ противиться ихъ наступательному движенію. Они говорили также, что въ Россіи всѣ противъ союза съ Франціей, но императоръ держится его. При томъ, численность инсургентовъ такъ велика (отъ 50 до 60 тысячъ человѣкъ),

что Россіи было бы слишкомъ много хлопотъ съ ними, если бы она присоединилась къ Австріи.

Такое положеніе дѣлъ дало Меттерниху поводъ предложить другую политику по отношенію къ Россіи. Галиція представлялась ему потерянною для Австріи и могла быть, по его мнѣнію, завоевана вновь лишь послѣ побѣды надъ Наполеономъ; но онъ считалъ нужнымъ постараться привлечь поляковъ на сторону общаго отнынѣ дѣла Австріи и Пруссіи. Для достиженія этой цѣли, онъ предлагалъ слѣдующій планъ: 1) Пруссія отступается на нѣкоторое время отъ герцогства Варшавскаго; 2) Австрія—тоже временно—отказывается отъ частей Галиціи; 3) обѣщается возстановить польскую корону и отдать ее польскому королю; 4) между Австріей, Пруссіей, Польшей, Портой, Англіей, Испаніей, Португаліей, Сициліей, Сардиніей и проч. заключается оборонительный и наступательный союзъ; 5) Австрія обѣщаетъ соединить всю западную Галицію и части восточной съ польскою короной; 6) польская армія обязывается немедленно примкнуть къ арміи австрійской.

Само собою разумѣется, что Меттернихъ совѣтовалъ дѣйствовать съ величайшею осторожностью и ознакомить съ этимъ планомъ только графа Понятовскаго, посуливъ ему, за его поддержку, королевскій титулъ.

Стадіонъ, который еще не былъ удаленъ отъ дѣлъ, не безъ основанія возражалъ противъ предложенія Меттерниха, что поляковъ едвали удастся отклонить отъ Наполеона, такъ какъ чрезъ него они уже большею частью достигли того, что̀ можетъ дать имъ Австрія, и при его помощи гораздо легче достигнутъ бо̀льшаго. Поляковъ, полагалъ Стадіонъ, можно было бы склонить на сторону Австріи только въ томъ случаѣ, если бы удалось возбудить въ нихъ озлобленіе противъ замысловъ или власти Наполеона. При томъ, даже въ лучшемъ случаѣ, отъ инсургентовъ можно ожидать развѣ только пассивной поддержки. Стадіонъ указывалъ также, какой вредъ могло бы причинить Австріи то, если бы она пригрозила Россіи возстановленіемъ Польши: такая угроза могла бы побудить императора Александра дѣятельно вступиться за Наполеона, тогда какъ теперь нельзя еще считать несомнѣннымъ, что онъ не пощадитъ вѣнскій дворъ. Доводы Стадіона подѣйствовали, и предложеніе Меттерниха было оставлено безъ исполненія.

А. Рѣдкинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Софья Петровна Свѣчина.

(Ея жизнь и переписка).

Въ настоящее время имя Софьи Петровны Свѣчиной мало кому извѣстно. Между тѣмъ въ свое время, въ 20-хъ—50-хъ годахъ этого столѣтія, она возбуждала самые разнообразные толки, какъ въ Парижѣ, гдѣ жила въ то время, такъ и въ Петербургѣ. Еще гр. Ѳ. В. Ростопчинъ, сообщая графу М. С. Воронцову въ самомъ концѣ 1819 года о различныхъ парижскихъ новостяхъ, писалъ, что «Свѣчина разыгрываетъ роль Севиньи, расположившись между чувствительностью и умомъ [1])». Постепенно ее стали считать вліятельнымъ членомъ, почти центромъ ультрамонтанской партіи. Говорили, что ея гостиная соединяла всѣхъ знаменитыхъ католиковъ, всѣхъ яростныхъ приверженцевъ папы; въ Парижѣ носился слухъ, что Свѣчина своими совѣтами, разговорами оказывала вліяніе на молодые таланты католической церкви, славилась своею горячею любовью къ ней, граничившею съ изувѣрствомъ, и проповѣдывала всѣмъ обращеніе въ католицизмъ. Разсказывали, что она была всесильна у кардиналовъ и у папы, и что послѣ ея смерти рѣчь шла даже о томъ, чтобы причислить ее къ лику католическихъ святыхъ.

На-ряду съ этимъ, уже въ позднѣйшее время, высказывалось обвиненіе ея въ національномъ, религіозномъ и политическомъ ренегатствѣ; что, въ чаду своей славы и силы, она не интересовалась «муравьиною работою» русскаго народа, что для нея не существовало родины; что

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, книга 8, гр. Ѳ. В. Ростопчинъ къ гр. М. С. Воронцову 23 дек. 1819 г. (4 янв. 1820 г.).

«отъ всего историческаго образа Свѣчиной, когда она была еще жива, вѣяло уже чѣмъ-то прошлымъ, отжившимъ свое время, вѣяло этою именно историческою мертвенностью, которая называется историческимъ безсмертіемъ». Проводилась мысль, что Свѣчина «далеко не реальная современная сила, а смѣсь какого-то резонерства и религіознаго педантизма съ нѣсколько сухимъ и холоднымъ сердцемъ; что «тутъ сила была разбита въ мелкіе куски подъ молотомъ насильно привитой мертвенной идеи католицизма». Но и при наличіи подобныхъ отзывовъ признавалось, что это была безспорно крупная историческая женская личность своего времени [1]).

Вскорѣ послѣ смерти Свѣчиной одинъ изъ ея близкихъ друзей, графъ Фаллу, членъ французской академіи, издалъ въ четырехъ томахъ ея біографію, переписку и собраніе оставшихся послѣ нея сочиненій, афоризмовъ и пр. Все, что̀ такимъ образомъ стало извѣстно о Свѣчиной, рисуетъ ее не только какъ несомнѣнно выдающуюся историческую личность, но и какъ женщину, надѣленную скромностью, задушевностью и сердечностью, составляющими отличительныя черты именно русской женщины.

Предлагаемая статья имѣетъ цѣлью познакомить читателя съ личностью Свѣчиной и съ ея письмами, представляющими значеніе для исторической науки, такъ какъ въ нихъ она касалась видныхъ дѣятелей и вопросовъ пережитаго ею времени.

I.

Софья Петровна Свѣчина, урожденная Соймонова, родилась въ Москвѣ 10-го ноября 1782 года. Ея отецъ, Петръ Александровичъ Соймоновъ, занималъ въ то время въ Москвѣ видный служебный постъ. Впослѣдствіи онъ былъ сенаторомъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, президентомъ коммерцъ-коллегіи, быстро подвинувшись по службѣ въ царствованіе императора Павла [2]). Ея мать, урожденная Болтина, была дочь извѣстнаго историка, генералъ-маіора Ивана Никитича Болтина-члена Россійской академіи и члена Военной коллегіи [3]).

---

[1]) Д. Мордовцевъ, III.

[2]) Такъ, 19-го ноября 1796 года, въ чинѣ генералъ-поручика, П. А. Соймоновъ былъ назначенъ президентомъ коммерцъ-коллегіи; въ 1797 году ему, уже въ чинѣ тайнаго совѣтника, было пожаловано 800 душъ крестьянъ, а 28-го октября 1798 г., въ званіи сенатора, былъ произведенъ въ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

[3]) Родился 11-го января 1735 года, скончался 6-го октября 1792 г.

Вскорѣ послѣ рожденія дочери, нареченной при крещеніи Софіей, въ честь дѣвичьяго имени Екатерины II, Соймоновъ былъ назначенъ статсъ-секретаремъ императрицы. Вслѣдствіе этого ему пришлось переѣхать на жительство въ Петербургъ, гдѣ ему была отведена квартира въ Зимнемъ дворцѣ.

Занятія царедворца не помѣшали Соймонову отдаться дѣлу воспитанія маленькой Софіи, въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ оставшейся его единственнымъ ребенкомъ. Подъ вліяніемъ проблесковъ у дѣвочки незауряднаго ума, въ немъ развивалась родительская гордость, соединявшаяся съ самой нѣжной любовью. Уже съ раннихъ лѣтъ юная Софія обнаруживала большія способности къ языкамъ, музыкѣ и рисованію. Въ то же время въ ней развивалось и рѣдкое для ребенка качество—твердость характера, проявлявшаяся въ крайне своеобразной формѣ, имѣющей особое значеніе для выясненія ея позднѣйшаго міровоззрѣнія. Какъ-то она выразила страстное желаніе имѣть часы, и отецъ обѣщалъ ей подарить ихъ. Дни ожиданія прошли безъ сна, въ лихорадочномъ состояніи. Наконецъ, часы были получены, нѣкоторое время дѣвочка носила ихъ съ большою радостью, какъ вдругъ ея дѣтскій умъ прорѣзала неожиданная мысль, что есть нѣчто болѣе прекрасное, чѣмъ часы,—это добровольно отказаться отъ нихъ. Тотчасъ же она побѣжала къ отцу и возвратила ему часы, признавшись въ побужденіяхъ, руководившихъ ею. Соймоновъ пристально посмотрѣлъ на дочь, взялъ часы, положилъ ихъ въ ящикъ своего бюро, и больше о нихъ не было и рѣчи.

Квартира Соймонова была украшена цѣнными картинами, бронзою, мраморомъ. Маленькая Софія сжилась съ этими представителями вымысла и исторіи, но чувствовала непреодолимое отвращеніе къ кабинету, въ которомъ находилось нѣсколько мумій. Она стыдилась этой слабости, возмущалась за нее на самое себя и, наконецъ, рѣшила отдѣлаться отъ нея. Однажды, когда возлѣ нея никого не было, она раскрыла страшную для нея дверь, подбѣжала къ ближайшей муміи, приподняла ее и стала обнимать, до тѣхъ поръ, пока, ослабленная сдѣланнымъ надъ собою усиліемъ, она не упала безъ сознанія на паркетъ. На шумъ отъ паденія тѣла прибѣжалъ самъ Соймоновъ, вынесъ ее на своихъ рукахъ и не безъ труда добился признанія въ чувствѣ страха, которое до того времени она скрывала отъ него. Но это усиліе надъ самой собою обезпечило ей побѣду: съ этого дня муміи превратились для нея лишь въ предметъ любопытства и интереса и ничего болѣе.

Среди дѣтскихъ игръ Софіи Соймоновой, какъ и у большинства дѣвочекъ ея возраста, особенное мѣсто занимали куклы. Она привязывалась къ кукламъ, какъ къ друзьямъ, и свою любовь къ нимъ сохранила далеко за предѣлами дѣтства. Однако, и въ свою любовь къ кукламъ она вносила духовный, подчасъ драматическій интересъ. Она давала имъ имена,

извѣстное назначеніе, устанавливала между этими различными лицами постоянныя систематическія отношенія, заставляла ихъ вести одушевленные разговоры, живо занимавшіе ея воображеніе, а иногда становившіеся и средствомъ умственнаго развитія для нея самой: игра въ куклы уже являлась для нея, по словамъ ея біографа, введеніемъ въ область знанія людей и предзнаменованіемъ ея духовнаго міровоззрѣнія.

Подъ вліяніемъ блестящихъ празднествъ, происходившихъ въ Эрмитажѣ, она сочинила балетъ, который назвала «Пастушка вѣрная и пастушка легкомысленная». Она перетанцовала и переиграла передъ отцомъ и его друзьями всѣ сцены своего балета, и успѣхъ, выпавшій при этомъ на ея долю, дотого врѣзался въ ея памяти, что, уже на склонѣ своихъ лѣтъ, она съ улыбкою вспоминала о немъ.

Въ дни празднествъ, дворецъ весь блисталъ огнями, а при малѣйшемъ поводѣ устраивались роскошныя иллюминаціи. Въ своихъ играхъ юная Софія естественно подражала этому. Гостиной въ квартирѣ Соймонова предшествовала большая галлерея, и часто ее предоставляли въ полное распоряженіе Софіи съ ея куклами. По этому поводу уже въ старости, послѣ шестидесяти лѣтъ своей жизни, она писала: «Въ моемъ дѣтствѣ однимъ изъ самыхъ сильныхъ удовольствій для меня было устройство различныхъ праздничныхъ украшеній, которыя я иллюминовала, располагая ихъ на каминѣ изъ бѣлаго мрамора, находившемся въ моей классной комнатѣ. Просто невѣроятно рвеніе, съ которымъ я принималась рисовать, вырѣзать транспаранты, раскрашивать ихъ, придумывать эмблемы и девизы. Мое сердце билось отъ радости все время, пока продолжались приготовленія, но какъ только моя иллюминація начинала гаснуть, невыразимая, гнетущая грусть овладѣвала мною, и никогда позднѣе «sic transit gloria mundi» не звучало для меня болѣе печально, чѣмъ тогда».

Въ одинъ изъ вечеровъ осенью 1789 года Соймоновъ, вернувшись домой, былъ пораженъ, увидѣвъ, что галлерея, ведшая къ гостиной, была освѣщена безчисленнымъ количествомъ разсѣянныхъ по ней маленькихъ свѣчей. Спросивъ у дочери о причинахъ подобной иллюминаціи, онъ услышалъ въ отвѣтъ, что «развѣ не нужно отпраздновать взятіе Бастиліи и освобожденіе этихъ несчастныхъ французскихъ узниковъ».

Это восклицаніе семилѣтней дѣвочки явилось, по словамъ біографа Свѣчиной, отголоскомъ моднаго направленія, господствовавшаго въ то время на сѣверѣ Европы,—въ Берлинѣ, Вѣнѣ и, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, въ Петербургѣ; подъ вліяніемъ этого направленія было принято возставать противъ злоупотребленій власти, съ жаромъ говорить о свободѣ и человѣческомъ достоинствѣ, о всеобщемъ освобожденіи умовъ и народовъ. «Въ минуту чисто царскаго воодушевленія, Петръ Великій проронилъ слѣдующее восклицаніе: «Увы! я тружусь надъ перерожденіемъ своихъ

подданныхъ, а не могу передѣлать самого себя». Эти благородныя слова, – продолжаетъ де-Фаллу,—въ еще большей степени должны были служить девизомъ Екатерины и ея двора, какъ и большинства преобразователей XVIII вѣка.

Соймоновъ, обладавшій всѣми свойствами своего времени, раздѣлялъ также и всѣ его иллюзіи. Онъ былъ великодушенъ, свободомыслящъ, отзывчивъ ко всякому плану улучшенія соціальнаго строя, но забывалъ объ указаніяхъ опыта, былъ доступенъ иллюзіямъ и совершенно введенъ въ заблужденіе антирелигіозными предразсудками. При такихъ-то условіяхъ было закончено воспитаніе его дочери; въ системѣ ея воспитанія ничѣмъ не было пренебрежено, за исключеніемъ одного—идеи о божественномъ законѣ.

Къ четырнадцати годамъ Софія Соймонова знала русскій языкъ, котораго, по словамъ ея біографа, не знало большинство ея соотечественницъ, говорила по-италіански и по-англійски столь же чисто и увѣренно, какъ и по-французски, правильно выражалась по-нѣмецки и изучала латинскій, греческій и еврейскій языки. Но что касается религіи, то она была знакома съ нею лишь по пышнымъ богослуженіямъ въ придворной церкви, и никогда ни утромъ, ни вечеромъ, не молилась Богу.

Пятнадцати лѣтъ, вскорѣ по восшествіи на престолъ императора Павла Петровича, Софія Соймонова была пожалована во фрейлины къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

Извѣстной близости, въ которую такимъ образомъ она была поставлена по отношенію къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, Фаллу приписываетъ вліяніе на развитіе въ Софіи Соймоновой пониманія людей. Съ этихъ поръ, по его словамъ, она стала проникать въ тайны кажущагося счастья и безмолвныхъ слезъ.

Пребываніе у двора нисколько не отразилось на любви ея къ труду; ея дарованія подъ вліяніемъ соревнованія получили дальнѣйшее развитіе; ея пастели признавались достойными имени профессіональнаго художника; ея голосъ отличался звучностью, гибкостью и былъ очень большой по объему; при этомъ она прекрасно играла на клавесинѣ.

По своей наружности она не останавливала на себѣ вниманія, но выраженіе ея лица, ея жесты, звукъ ея голоса были необыкновенно привлекательны и симпатичны. Ея небольшіе голубые глаза смотрѣли оживленно и ласково; кончикъ ея носа былъ слегка приплюснутъ, цвѣтъ ея лица поражалъ своею свѣжестью: она была небольшаго роста; ея поступь была удивительно свободна и изящна; каждое ея слово, каждое движеніе носили отпечатокъ деликатности и достоинства.

Когда Софія Соймонова стала взрослой дѣвушкой, она сдѣлалась предметомъ ухаживаній со стороны многихъ молодыхъ людей. Но вы-

боръ ея отца остановился на его личномъ другѣ, генералѣ Николаѣ Сергѣевичѣ Свѣчинѣ, бывшемъ одно время при императорѣ Павлѣ военнымъ губернаторомъ Петербурга. Это былъ человѣкъ уже 42 лѣтъ, высокаго роста, внушительной наружности, твердаго характера. Софія Соймонова отнеслась къ выбору отца какъ и ко всему, что̀ исходило отъ него—съ любовной почтительностью. Мать ея умерла нѣсколько лѣтъ передъ этимъ, и что особенно плѣняло ее въ бракѣ со Свѣчинымъ, это увѣренность, что ея младшая сестра, которую она любила какъ мать, останется вмѣстѣ съ нею.

Вскорѣ послѣ свадьбы дочери Соймоновъ впалъ въ немилость у императора Павла Петровича, былъ отставленъ отъ службы (26-го августа 1799 г.) и долженъ былъ выѣхать изъ Петербурга. Онъ отправился въ Москву. Тамъ, слѣдствіемъ потрясеній, испытанныхъ имъ отъ постигшей его опалы, разлуки съ нѣжно любимой дочерью и охлажденія друзей, явился апоплексическій ударъ, унесшій его въ могилу (2-го января 1800 г.).

Когда Свѣчина получила извѣстіе о кончинѣ отца, оно произвело на нее такое сильное впечатлѣніе, что она, какъ подкошенная, упала на колѣни. «Этотъ первый случай душевнаго одиночества, эта потребность поддержки, въ которой она никогда не ощущала недостатка, вдругъ обратила ея взоръ къ небу; ея первая молитва была внушена ея первымъ испытаніемъ, и, не имѣя болѣе возможности сказать «мой отецъ», она воскликнула «мой Богъ»!

II.

Служебное положеніе генерала Свѣчина удерживало его въ Петербургѣ, и жена его не могла уклониться отъ выполненія обязанностей, налагаемыхъ жизнью среди общества, хотя, въ глубинѣ души, она всецѣло была поглощена постигшимъ ее несчастьемъ—потерею отца. Подъ вліяніемъ этого ея характеръ, и безъ того наклонный къ преждевременной зрѣлости, сталъ дѣлаться еще болѣе серьезнымъ, и она все болѣе и болѣе стала отдаваться размышленіямъ.

Смерть отца способствовала пробужденію въ ней религіознаго чувства, и умъ ея работалъ главнымъ образомъ именно въ этомъ направленіи. «Богъ остался предметомъ ея безпокойной мысли: она искала, призывала, вопрошала его; но этотъ Богъ— былъ еще Богъ отвлеченный, безъ свѣта и тепла; это былъ уже излюбленный предметъ ея занятій, но еще не единственное сокровище ея сердца».

Въ то время, въ концѣ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія, Пе-

тербургъ былъ переполненъ блестящей толпой французскихъ эмигрантовъ, закинутыхъ въ него французской революціей. Въ числѣ гостиныхъ, оказавшихъ имъ особенно радушный пріемъ, была и гостиная Свѣчиной. Каждый день въ ней докладывали объ именахъ, когда-то звучавшихъ въ Версали и Тріанонѣ: Брогли, Крюссоль, Дама, д'Отишанъ, Ростиньякъ, Торси, Ла-Гардъ, Ла-Мезонфоръ, Сенъ-При.

Вмѣстѣ съ тѣмъ французская революція выбросила въ Петербургъ и нѣсколькихъ видныхъ представителей французскаго духовенства, воспользовавшихся радушіемъ пріютившей ихъ страны для окатоличенія многихъ лицъ изъ русскаго высшаго общества. Іезуиты тоже прочно обосновались въ Петербургѣ, и глава ихъ Груберъ имѣлъ свободный доступъ даже къ императору Павлу. Если принять при этомъ во вниманіе роль и вліяніе графа де-Мэстра, сардинскаго посланника при петербургскомъ дворѣ, то станутъ понятны тѣ успѣхи, которые дѣлалъ католицизмъ среди высшаго русскаго общества въ концѣ прошлаго и въ первую треть настоящаго столѣтія.

Хотя многіе считали, что первымъ, кто ввелъ католицизмъ среди русскихъ — былъ графъ де-Мэстръ, но въ дѣйствительности «честь» этого, по словамъ Свѣчиной, принадлежитъ одному изъ эмигрантовъ шевалье д'Огаръ (d'Augard.) Графъ же де-Мэстръ былъ, по ея свидѣтельству «великимъ свѣтителемъ», но, все-таки, не первымъ, введшимъ католицизмъ среди русскихъ. Этотъ д'Огаръ, бывшій офицеръ французскаго флота, эмигрировалъ изъ Франціи въ 1791 году и былъ назначенъ императрицей Екатериной помощникомъ директора императорскихъ библіотекъ. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ и постоянныхъ посѣтителей гостиной Свѣчиной. Онъ не обладалъ ни высшими дарованіями, ни вдохновенностью де-Мэстра, но его простота, чисто французское изящество ума и веселость тѣмъ болѣе помогали ему, что никто и не думалъ остерегаться ихъ. Онъ оказалъ дѣлу католицизма такія большія услуги, что впослѣдствіи, во всю свою жизнь, Свѣчина съ особеннымъ чувствомъ вспоминала о «первомъ мореплавателѣ», какъ она называла его.

Такимъ образомъ Свѣчина, въ періодъ пробужденія въ ней понятій о Богѣ, была окружена людьми, только и ждавшими случая отвѣтить на запросы ея религіозной пытливости.

III.

Біографъ Свѣчиной имѣлъ въ своемъ распоряженіи рукописные мемуары ея мужа и, руководствуясь ими, передаетъ въ своемъ трудѣ одинъ эпизодъ изъ жизни Свѣчина, имѣвшій большое значеніе въ его жизни, а слѣдовательно и въ жизни Свѣчиной, и, повидимому, явив-

шійся одной изъ причинъ, обусловившихъ впослѣдствіи ихъ отъѣздъ во Францію на постоянное жительство. Вмѣстѣ съ тѣмъ Фаллу сообщаетъ въ своемъ сочиненіи нѣсколько данныхъ, интересныхъ для характеристики и императора Павла и мужа Свѣчиной.

Въ кругу своей семьи Павелъ Петровичъ проявлялъ ту же строгость и требовалъ той же дисциплины, какъ и въ жизни общественной. Разсѣянность при исполненіи требованій этикета, неправильный поцѣлуй руки навлекали какъ на великихъ князей, такъ и на великихъ княгинь нѣсколько дней, а иногда и цѣлую недѣлю ареста. Великіе князья должны были участвовать въ безпрестанныхъ парадахъ и маневрахъ. Александръ Павловичъ былъ крайне искусенъ въ ружейныхъ пріемахъ, а Константинъ Павловичъ, по словамъ рукописныхъ мемуаровъ Свѣчина, не имѣлъ равнаго себѣ въ умѣніи бить на барабанѣ.

Не менѣе строгій надзоръ былъ установленъ надъ всѣми отдѣльными частями арміи, гдѣ бы онѣ ни стояли гарнизономъ. Бывали случаи, что офицеровъ внезапно арестовали, сажали въ сани и прямо доставляли въ Петербургъ для суда, часто, въ присутствіи императора. Колебаніе, робость равнялись признанію, самыя суровыя наказанія налагались совершенно безаппелляціонно. Однажды Павелъ Петровичъ возложилъ на Свѣчина приведеніе въ исполненіе жестокаго приговора надъ однимъ полковникомъ. Когда все было приготовлено къ экзекуціи, Свѣчинъ подходитъ къ осужденному, уже раздѣтому до пояса, и объявляетъ ему:

— Возьмите вашу шпагу, немедленно уѣзжайте изъ Петербурга; государь милуетъ васъ.

Послѣ этого Свѣчинъ отправился во дворецъ, прямо къ Павлу Петровичу.

— Государь,—сказалъ онъ,—я приношу вамъ свою голову; я не исполнилъ повелѣній вашего величества. Полковникъ свободенъ; я возвратилъ ему честь и жизнь. Теперь прикажите вмѣсто него покарать меня.

Павелъ Петровичъ крѣпко пожалъ ему руку и, послѣ нѣкотораго колебанія, сказалъ:

— Вы хорошо поступили; я сожалѣлъ, что не поговорилъ объ этомъ съ великимъ княземъ Александромъ. — И затѣмъ онъ прибавилъ: — Пусть только, впрочемъ, это никогда не будетъ извѣстно въ Петербургѣ.

Несмотря на приведенный случай, благоволеніе Павла Петровича къ Свѣчину не только не уменьшилось, но, повидимому, даже возросло, такъ какъ затѣмъ, впослѣдствіи (12-го августа 1800 г.) Свѣчинъ былъ назначенъ временнымъ военнымъ губернаторомъ Петербурга.

Къ этому-то времени и относится упомянутый выше эпизодъ изъ жизни Свѣчина.

Объ этомъ эпизодѣ Свѣчинъ въ своихъ мемуарахъ передаетъ слѣдующее:

«Среди лицъ, явившихся поздравить меня по случаю назначенія меня военнымъ губернаторомъ,—пишетъ онъ,—выдѣлился адмиралъ Р. [1]), разсыпавшійся въ самыхъ лестныхъ похвалахъ. Онъ бывалъ на вечерахъ моей жены и сумѣлъ проявить тамъ свое превосходство надъ другими. Графъ ** [2]) сдѣлалъ визитъ новому губернатору, несмотря на свое обыкновеніе, изъ чувства достоинства, ни у кого не бывать. Онъ пригласилъ меня заѣхать къ нему, чтобы поговорить о дѣлахъ. Я направился къ нему, въ шесть часовъ вечера, какъ это было указано имъ. За исключеніемъ швейцара, домъ былъ пустъ, прислуги не было. Графъ ** встрѣтилъ меня съ подсвѣчникомъ въ рукахъ, предупредилъ, что онъ одинъ, и провелъ меня въ отдѣльно расположенный кабинетъ».

Затѣмъ графъ ** объявилъ Свѣчину, что обращается къ нему, какъ къ начальнику вооруженной силы столицы. Говорилъ о планахъ «группы самыхъ знатныхъ людей страны», помнящихъ о славномъ положеніи Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины и чувствующихъ себя униженными, видя, что Россія отстранена отъ Европы и не имѣетъ союзниковъ. Кучка этихъ людей, по словамъ графа, пользовалась поддержкой со стороны Англіи, и онъ спрашивалъ Свѣчина, какъ отнесется онъ къ этимъ планамъ въ качествѣ военнаго губернатора столицы.

— Графъ,—отвѣчалъ Свѣчинъ,—я не раздѣляю мнѣнія, чтобы честные лица, дѣйствуя лишь по своему собственному произволу, были въ правѣ дѣлать измѣненія въ строѣ правительства... Король больной или слабоумный, какъ мы видѣли это въ исторіи другихъ странъ, замѣняется совѣтомъ регентства. Смерть Карла I и Людовика XVI—убійства, преступленія, величайшая измѣна. Вотъ мое мнѣніе, я останусь вѣренъ своей роли и не буду мѣнять ея, какъ арлекинъ на сценѣ. Но, впрочемъ, будьте спокойны: я не воспользуюсь вашимъ довѣріемъ, чтобы путемъ гнуснаго доноса добиться милостей. Законъ предоставляетъ мнѣ право и средства добраться до головы, начиная съ ногъ, и я займусь этимъ. Забудьте, графъ, что я говорилъ съ вами и смотрите пожалуйста на нашъ разговоръ какъ на сонъ.

Нѣсколько дней спустя, адмиралъ Р. снова заѣхалъ къ Свѣчину и спросилъ его, на какомъ рѣшеніи остановился онъ послѣ своего разговора съ графомъ **. Свѣчинъ отвѣтилъ, что останется вѣренъ долгу и чести. Тогда Р. бросился ему на шею, сталъ цѣловать его и совѣтовалъ не измѣнять принятаго рѣшенія.

---

[1]) Повидимому, здѣсь рѣчь идетъ объ извѣстномъ адмиралѣ Рибасѣ.

[2]) Графъ Паленъ.

«Два дня спустя,—пишетъ въ заключеніе Свѣчинъ,—утромъ я былъ назначенъ сенаторомъ, а вечеромъ—отставленъ».

Нѣсколько времени спустя послѣ внезапной опалы Свѣчина, военнымъ губернаторомъ Петербурга былъ назначенъ (21-го октября 1800 г.) графъ Паленъ.

IV.

Послѣ своей отставки Свѣчинъ съ женою остались жить въ Петербургѣ.

Около этого времени доктора объявили Свѣчиной, что ей не суждено испытать радостей матери. Этотъ приговоръ, въ связи съ пошатнувшимся здоровьемъ, не могъ не придавать будущему, въ ея глазахъ, отпечатка чего-то безотраднаго, холоднаго, что̀ должно было побуждать ее еще болѣе сосредоточиваться въ самой себѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ, искать пищи для своего любящаго сердца. И дѣйствительно, она удвоила заботы о воспитаніи своей младшей сестры, съ еще бо̀льшей предупредительностью стала относиться къ своему мужу; съ чисто материнской любовью занялась судьбою маленькой дѣвочки, Нади Стаелинъ, которую Свѣчинъ любилъ, какъ дочь, и которую она приняла къ себѣ въ домъ на правахъ родной дочери; дѣятельно и съ большой отзывчивостью занялась дѣлами благотворительности. Вмѣстѣ съ тѣмъ все свое свободное время она стала посвящать чтенію, являвшемуся для нея не простымъ развлеченіемъ, такъ какъ каждая книга выходила изъ ея рукъ съ массой помѣтокъ, послуживъ ей матеріаломъ для многочисленныхъ комментаріевъ и выписокъ. Эти выписки заносились въ особыя тетради, составившія впослѣдствіи тридцать пять переплетенныхъ томовъ.

По выраженію біографа Свѣчиной, «эти томы являлись стадіями, черезъ которыя постепенно прошелъ ея умъ». Значеніе ихъ для нея можетъ быть выражено слѣдующими словами де-Мэстра, написанными имъ по поводу надобнаго же собранія своихъ собственныхъ выписокъ. «Вы отсюда видите эти громадные тома, лежащіе на моемъ бюро, читаемъ мы въ «Петербургскихъ вечерахъ»; вотъ уже въ теченіе тридцати лѣтъ какъ я записываю туда все, что̀ особенно поражаетъ меня при чтеніи. Иногда я ограничиваюсь простыми указаніями; иногда, слово въ слово, переписываю наиболѣе существенныя мѣста; часто я сопровождаю ихъ кое-какими замѣтками, а часто заношу туда также и тѣ проносящіяся мысли, тѣ внезапные проблески, которые гибнутъ безплодно, если ихъ мимолетное проявленіе не будетъ закрѣплено письменно. Эти сборники никогда не покидали меня во всѣхъ моихъ странствіяхъ по

различнымъ странамъ Европы, и теперь вы не повѣрите, съ какимъ удовольствіемъ я пробѣгаю эту огромную кипу. Каждое мѣсто пробуждаетъ во мнѣ массу интересныхъ мыслей и грустныхъ воспоминаній, въ тысячу разъ болѣе пріятныхъ, чѣмъ то, что̀ принято называть удовольствіями».

О характерѣ и разнообразіи чтенія Свѣчиной можно судить по тому, что въ ея сборникѣ встрѣчаются выдержки изъ Руссо, Мармонтеля Бартелеми (изслѣдованіе о морали), Жанлисъ, Гарація, Ла-Гарпа, Дюкло, Паскаля, Массильона, Боссюэ, Коттэнъ, Стааля, Лейбница, Декарта, Марка Аврелія и др.

Не ограничиваясь чтеніемъ, Свѣчина не упускала случая пополнить свои знанія и другимъ путемъ. Такъ, съ идеями Канта, Фихте, Гегеля ознакомилась изъ бесѣдъ съ извѣстнымъ впослѣдствіи въ Германіи философомъ Раупахомъ, однимъ изъ частыхъ посѣтителей ея гостиной въ бытность его въ Петербургѣ.

Изъ числа близкихъ друзей Свѣчиной въ эту эпоху слѣдуетъ отмѣтить графа де-Мэстра. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ концѣ 1803 года, въ качествѣ посланника сердинскаго короля, и быстро занялъ въ петербургскомъ обществѣ выдающееся положеніе. Въ частности, на Свѣчину должно было оказывать вліяніе то обстоятельство, что частная жизнь де-Мэстра вполнѣ гармонировала съ тѣмъ, что̀ онъ говорилъ и проповѣдывалъ. Посланникъ несчастнаго короля, онъ прилагалъ всѣ усилія, чтобы, подъ оболочкой гордости и путемъ личныхъ лишеній, скрыть бѣдность, которую онъ раздѣлялъ вмѣстѣ со своимъ государемъ. Иногда обѣдъ уполномоченнаго посланника состоялъ изъ куска хлѣба со стаканомъ воды, но этими лишеніями обезпечивалось содержаніе кареты и егеря, которыхъ онъ считалъ необходимыми для поддержанія достоинства своей миссіи. По словамъ Фаллу, ничто не могло ни устранить его преданности, ни сдержать его искренности. «Онъ не зналъ лучшей мѣры для привязанности, чѣмъ откровенность. Обращаясь поперемѣнно со словомъ то къ народамъ—громко,—то къ государямъ, тихо,—онъ говорилъ каждому изъ нихъ не то, что̀ онъ могъ предполагать пріятнымъ для нихъ; а то, что̀ онъ считалъ полезнымъ для нихъ же».

Сближеніе Свѣчиной съ де-Мэстромъ началось подъ вліяніемъ инстинктивнаго взаимнаго влеченія ихъ другъ къ другу; по удостовѣренію Фаллу, несмотря на разницу въ возрастѣ (49 и 21 годъ) и различіе исходныхъ точекъ ихъ міровоззрѣнія, они не замедлили отгадать сродство своихъ душъ. Однако, при всемъ томъ, умъ молодой женщины нисколько не былъ порабощенъ умомъ де-Мэстра, чему, впрочемъ, воспротивилась бы врожденная независимость ея натуры.

Материнскія заботы о младшей сестрѣ и пріемной дочери, предупредительность по отношенію къ мужу, попеченіе о бѣдныхъ, свѣтскія

обязанности, чтеніе—все это наполняло время, сердце и умъ Свѣчиной; но это не могло удовлетворить жившей въ ней и присущей каждому человѣку потребности въ яркомъ личномъ счастьи, даваемомъ почти исключительно какой-либо страстной привязанностью, не имѣющей ничего общаго съ чувствомъ долга и потому являющейся совершенно самопроизвольной. Такой привязанностью для Свѣчиной явилась ея привязанность къ Роксандрѣ Стурдзѣ, фрейлинѣ императрицы Елизаветы Алексѣевны, вышедшей затѣмъ замужъ за графа Эдлинга. Привязанность къ Стурдзѣ граничила у Свѣчиной съ влюбленностью, и она сохранила ее во всю свою жизнь [1]).

Молодыхъ женщинъ сближало также и то, что обѣ онѣ, по словамъ Свѣчиной, не носили на себѣ отпечатка того міра, въ которомъ вращались; напротивъ того, все то, что было въ нихъ хорошаго, лучшаго, обусловливалось началами, неизвѣстными въ этомъ мірѣ и переносящими далеко за предѣлы его нравственныхъ изъяновъ.

Когда младшая сестра Свѣчиной стала выѣзжать, она вышла за

---

[1]) Роксандра Стурдза родилась въ Константинополѣ 12-го октября 1786 г. Ея родители, греки по происхожденію, владѣли въ Молдавіи большими помѣстьями. Послѣ заключенія Ясскаго договора, они сочли болѣе благоразумнымъ эмигрировать въ Россію, гдѣ были приняты императрицей Екатериной очень благосклонно. Роксандра Стурдза была пожалована во фрейлины къ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ на шестнадцатомъ году отъ рожденія и пользовалась большимъ расположеніемъ со стороны императрицы. Она вышла замужъ за графа Эдлингъ въ 1816 году. Графъ Эдлингъ былъ въ то время главнымъ лицомъ при дворѣ мужа великой княгини Маріи Павловны великаго герцога Саксенъ-Веймарскаго. Вскорѣ послѣ замужества графиня Роксандра Эдлингъ добилась отъ своего мужа осуществленія своей давнишней мечты—основать поселеніе, гдѣ бы она могла примѣнить всѣ послѣдне добытыя блага цивилизаціи. Частью они купили сами, частью имъ было пожаловано громадное пространство совершенно необработанной земли близъ Одессы, и тамъ-то они и обосновались, назвавъ свое имѣніе „Манзырь". Они сами расчистили почву, насадили деревья, виноградники, вырыли колодцы, распахали землю. Вскорѣ тамъ появились церкви, школы, больницы и т. д. Сохранилось указаніе, что въ имѣніи гр. Эдлингъ примѣнялся свободный, соотвѣтственно оплачиваемый трудъ. Въ 1825 году Манзырь еще одинъ возвышался среди необозримой степи, а въ 1840 году онъ былъ уже окруженъ цѣлою сѣтью русскихъ деревень, нѣмецкихъ и болгарскихъ колоній. Въ 1829—30 г. графиня Эдлингъ оказала большую услугу краю. Среди массы плотниковъ и каменщиковъ, работавшихъ въ Манзырѣ, появилась чума. Подъ вліяніемъ паники, они хотѣли разбѣжаться по различнымъ мѣстамъ, чѣмъ еще болѣе распространили бы заразу. Гр. Эдлингъ поняла всю опасность, и ей личными увѣщаніями удалось уговорить рабочихъ не разбѣгаться. Ту же энергію и то же пренебреженіе опасностью для себя лично она проявила и впослѣдствіи во время холеры. Она умерла въ 1854 году. Послѣ нея остались воспоминанія, представляющія, какъ извѣстно, большое значеніе для исторіи царствованія императора Александра.

мужъ за князя Григорія Гагарина, и семья сестры, быстро увеличивавшаяся рожденіемъ дѣтей, стала для Свѣчиной какъ бы ея собственной семьею.

Такъ продолжалось до 1811 года, когда установившійся порядокъ жизни Свѣчиной былъ нарушенъ отъѣздомъ Свѣчина въ армію. Вслѣдствіе этого Свѣчина уѣхала на нѣкоторое время въ свои деревни въ Нижегородскую и Саратовскую губерніи. Вернувшись затѣмъ въ Петербургъ, она была избрана предсѣдательницей общества по оказанію помощи московскимъ погорѣльцамъ и съ большой энергіей отдалась этому дѣлу.

Въ 1813 году Свѣчину ожидало новое огорченіе, разлука со Стурдзой, уѣхавшей сопровождать императрицу Елизавету Алексѣевну въ ея продолжительномъ заграничномъ путешествіи. Оба друга вели между собою довольно оживленную переписку. Письма Стурдзы, къ сожалѣнію, не сохранились, письма же Свѣчиной къ Стурдзѣ уцѣлѣли. Главнымъ образомъ они могутъ служить для объясненія нравственнаго облика Свѣчиной, но въ то же время заключаютъ въ себѣ и нѣсколько интересныхъ данныхъ для исторіи Россіи того времени.

Очерчивая общій характеръ этой переписки, Фаллу замѣчаетъ, что «слѣдя шагъ за шагомъ за интимной жизнью этихъ двухъ молодыхъ блестящихъ женщинъ, причастныхъ ко всему, что человѣческія событія представляли когда-либо наиболѣе громкаго или притягательнаго, невольно проникаешься почтительнымъ удивленіемъ, видя, что онѣ извлекали изъ всего этого только одни серьезные уроки и позволяли своему честолюбію лишь мечты о страстной дружбѣ, уединеніи и любви къ человѣчеству».

V.

Мы уже упомянули выше, что Свѣчиной не было суждено испытать яркаго личнаго счастья. Поэтому, при ея характерѣ и міровоззрѣніи, жизнь начала постепенно представляться ей ниспосланною для совершенія нравственныхъ трудовъ.

«Прежде, когда я была молода, еще три или четыре года тому назадъ,—какъ-то писала она своему другу гр. Эдлингъ, выказывая стремленіе старить себя,—я горѣла жаждою все видѣть, все знать: я съ наслажденіемъ отправилась бы въ Индію, не имѣя другой цѣли, какъ желаніе удовлетворить ненасытное любопытство. Теперь же какая разница! Если мнѣ не показать впереди надежды быть полезною или обязанностей, налагаемыхъ любовью, я не только не подумаю двинуться,

а какъ-то, машинальнымъ движеніемъ, еще болѣе углублюсь въ свое кресло, и мои руки и ноги повиснутъ сами собою въ знакъ полнаго безучастія». Къ этому присоединялась какая-то разочарованность въ людяхъ, заставившая ее высказать однажды, что наказаніемъ за способность изучать людей является несчастіе узнать ихъ. Она уже ищетъ убѣжища для своего «угнетеннаго, оскорбленнаго и неизмѣнно грустнаго сердца» какимъ убѣжищемъ, пока явилась не религія, а дружба съ Эдлингъ. Порою ею овладѣвала душевная скука, душевное одиночество, обусловленное тѣмъ, что окружавшее ее общество оставляло ее неудовлетворенной, что среди него она чувствовала себя чужой. По-своему она старалась забыться, но и эти попытки, повидимому, не всегда приводили къ цѣли.

«Вы не можете себѣ представить той жизни, которую я веду,—признавалась она Эдлингъ,—у меня почти нѣтъ свободной минуты. У меня въ головѣ родъ утомленія, которое чувствуешь въ глазахъ, когда въ нихъ отражается масса смѣняющихся одинъ за другимъ предметовъ, которыхъ не можешь даже отличить въ отдѣльности... Увы! да, у меня тысячи плановъ, десять начатыхъ сочиненій, намѣреніе все сдѣлать, а,—въ силу закона, столь стараго, что его можно бы считать вѣчнымъ,—изъ-за желанія все сдѣлать я ничего не дѣлаю». Вполнѣ естественно, что при такихъ условіяхъ она должна была сознавать себя несчастною. Она не могла утѣшать себя и надеждами на личное счастье въ будущемъ, такъ какъ смотрѣла на надежду, какъ на пищу, крайне несытную, которая утомляетъ, но не возстановляетъ силъ. Не видя личнаго счастья, отказавшись отъ надежды на него въ будущемъ, она стала полагать свое счастье въ счастьѣ другихъ. «Я слишкомъ устала отъ самой себя,—писала она Эдлингъ,—чтобы не испытывать потребности вѣрить въ другихъ. Уже давно какъ я безвозвратно помѣстила свое состояніе въ тѣхъ, кого люблю: ихъ благосостояніе, ихъ надежды являются процентами, которыми я существую».

Надежнымъ якоремъ спасенія для Свѣчиной явилась религія. Она все болѣе и болѣе стала находить въ ней поддержку. «И какихъ только сокровищъ не предлагаетъ религія!—какъ-то писала она;—что бы я сдѣлала, если бы была лишена ея! И что дѣлаютъ эти существа, слишкомъ несчастныя для того, чтобы признавать ихъ преступными, которыя не знаютъ могущества ея доброты».

VI.

Какъ уже сказано ранѣе, смерть отца впервые заставила мысль Свѣчиной обратиться къ Богу. По этому поводу она писала впослѣдствіи: «я проснулась отъ сна, худшаго, чѣмъ смерть. Въ девятнадцать лѣтъ я бросилась въ объятія къ Богу съ такою страстностью, что по

порывистости не могу сравнить ее ни съ чѣмъ, испытаннымъ мною ранѣе. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ моя религіозность носила этотъ характеръ, и пять минутъ религіознаго экстаза были достаточны, чтобы придать всей моей послѣдующей жизни принятое ею направленіе».

Можно смѣло сказать, что въ эти нѣсколько лѣтъ Свѣчина, исполняя обряды православной церкви, въ сущности, сознательно не принадлежала ни къ православной, ни къ католической церкви. Когда страстность порыва къ Богу стала постепенно проходить, явились сомнѣнія, колебанія, исканіе истины,—гдѣ же истина,—на сторонѣ православной или же католической церкви? Здѣсь же Свѣчину ждали д'Огаръ, де-Мэстръ и др., и неудивительно, что подъ воздѣйствіемъ искусства одного, ума другаго и сплоченныхъ усилій остальныхъ, мысль Свѣчиной стала склоняться въ одну опредѣленную сторону. Одно изъ главныхъ достоинствъ русской церкви—отсутствіе диктатуры надъ сердцемъ и убѣжденіями, въ данномъ случаѣ могло лишь послужить цѣлямъ д'Огара и его единомышленниковъ, такъ какъ колеблющійся человѣкъ всегда пойдетъ туда, гдѣ ему обѣщаютъ болѣе опредѣленности.

Но при всемъ томъ Свѣчина долго не сдавалась. Она усиленно занималась вопросами церковной исторіи, изучала постановленія вселенскихъ соборовъ и съ особымъ вниманіемъ относилась ко всему, что касалось раздѣленія церквей и папства. Какъ ни странно, она проявляла при этомъ столько педантизма, что даже вызывала ироническія замѣчанія со стороны де-Мэстра. Чтобы окончательно провѣрить и углубиться въ себя, оставаясь побольше наединѣ съ самой собою, она поселилась на лѣто 1815 года на дачѣ Барятинскаго, на берегу Финскаго залива. 29-го іюня 1815 года она въ послѣдній разъ пріобщилась въ Петергофѣ по греческому обряду съ «единственною цѣлью разсѣять послѣднія остававшіяся сомнѣнія», а 27-го октября того же года перешла въ католичество, принявъ имя Жанны, въ честь Іоанна Крестителя.

Около этого времени благосклонное отношеніе императора Александра къ іезуитамъ, свободно дѣйствовавшимъ въ Россіи, стало измѣняться, и это побуждало ихъ быть особенно осторожѣ. Поэтому было рѣшено, что обращеніе Свѣчиной должно сохраняться въ тайнѣ. Однако, эта тайна слишкомъ тяготила ее, и вскорѣ она выдала ее.

Въ концѣ декабря 1815 года появился указъ объ изгнаніи іезуитовъ изъ Петербурга и Москвы; въ этомъ указѣ упоминалось между прочимъ, что они совратили съ пути православія нѣсколькихъ женщинъ съ умомъ слабымъ и непослѣдовательнымъ, и юношей, воспитаніе которыхъ было довѣрено имъ. Затѣмъ, впослѣдствіи эта мѣра была распространена на всю Россію, и іезуитскіе пансіоны и прочія учрежденія ордена были закрыты.

Когда былъ обнародованъ первый указъ объ изгнаніи іезуитовъ,

Свѣчина рѣшила, что дальнѣйшее сохраненіе тайны являлось бы малодушіемъ, боязнью подвергнуться преслѣдованіямъ, и она открыто заявила о перемѣнѣ вѣроисповѣданія.

Однако, благородный порывъ Свѣчиной не повлекъ для нея никакихъ неблагопріятныхъ послѣдствій. Отношеніе къ ней императора Александра нисколько не измѣнилось къ худшему. Напротивъ того, оно приняло около этого времени особенно благосклонный оттѣнокъ, что̀ можетъ быть объяснено тѣмъ, что ихъ невольно сближало одушевляющее ихъ тогда исканіе религіозной истины.

Расположеніе императора Александра къ Свѣчиной стало дѣлаться настолько очевиднымъ, что, по удостовѣренію ея біографа, это обстоятельство встревожило очень многихъ изъ приближенныхъ государя и подало поводъ къ интригамъ противъ Свѣчиной. Но такъ какъ по своимъ личнымъ качествамъ она представлялась слишкомъ трудно уязвимой, то всѣ усилія ея недруговъ обратились противъ ея мужа. Къ этому присоединилось еще злопамятство со стороны тѣхъ, которые не могли простить ему его образа мыслей относительно дѣйствій, приведшихъ къ событію 11-го марта 1801 года. Вскорѣ интрига восторжествовала, и въ результатѣ Свѣчинъ рѣшилъ уѣхать за границу. Прощаясь со Свѣчиной, государь выразилъ сожалѣніе по поводу ея отъѣзда и высказалъ желаніе, чтобы она писала ему. Переписка между императоромъ Александромъ и Свѣчиной продолжалась вплоть до самой кончины государя. Послѣ смерти императора Александра письма къ нему Свѣчиной были возвращены ей обратно въ Парижѣ. Было ли это сдѣлано въ силу выраженной почившимъ государемъ воли, или же въ силу утонченной деликатности со стороны императора Николая Павловича—не извѣстно. Свѣчина благоговѣйно хранила какъ письма императора Александра, такъ и возвращенныя ей ея собственныя письма вплоть до 1845 г., когда она довѣрила ихъ для прочтенія одному выдающемуся государственному человѣку того времени,—и съ тѣхъ поръ они исчезли безслѣдно. Въ его бумагахъ послѣ его смерти ихъ не оказалось, и Фаллу высказываетъ предположеніе, что или они были сожжены въ тревожную эпоху 1848 года, или, быть можетъ, возвращены въ Россію, и, въ такомъ случаѣ, когда-либо станутъ достояніемъ исторической науки.

Путешествіе по Европѣ, въ частности, по Франціи и Англіи, составляло давнишнюю мечту Свѣчиной. Тѣмъ не менѣе, она не безъ грусти уѣзжала изъ Россіи; ея чувства въ этомъ отношеніи ярко отразились въ слѣдующихъ строкахъ ея письма къ Александру Тургеневу, могущихъ служить прекрасной характеристикой ея личности. «Вотъ я снова обращаюсь къ вамъ съ моими вѣчными просьбами... Но я оставляю здѣсь столько несчастныхъ, что то, что̀ оказывалось бы безполезнымъ для одного, пригодилось бы для другаго. Сдѣлайте мнѣ милость заняться

ими, а если начинаете падать духомъ, подбодрите себя мыслью, что вскорѣ совершенно помимо моей воли я оставлю васъ въ покоѣ. А, дорогой мой, когда у меня не будетъ другой связи съ моей родиной, какъ эти бѣдные и слабые, эта связь будетъ все-таки постоянно болѣе сильна, чѣмъ все, что могло бы понравиться мнѣ въ другомъ мѣстѣ. Все то, что я не перестала чувствовать въ этомъ отношеніи, служитъ лучшей гарантіей стремленій, которыя, быть можетъ, приведутъ меня сюда ранѣе, чѣмъ я сама думаю это».

По пріѣздѣ въ Парижъ Свѣчина была радушно встрѣчена старыми друзьями, расположеніе которыхъ было испытано ею еще на родинѣ: маркизомъ д'Отишанъ, графомъ де-ла-Гардъ, герцогомъ Ришелье и др. Кромѣ того, де-Местръ, съ своей стороны, снабдилъ ее рекомендательными письмами къ своимъ друзьямъ. Въ одномъ изъ такихъ писемъ, къ виконту де-Бональду, онъ писалъ между прочимъ о Свѣчиной, что нельзя встрѣтить въ одномъ лицѣ бо́льшаго соединенія нравственности, ума и образованія съ добротою, на что де-Бональдъ отвѣчалъ ему: «это—другъ, достойный васъ, и одинъ изъ лучшихъ умовъ, которые я встрѣчалъ—слѣдствіе или причина душевныхъ качествъ, наиболѣе совершенныхъ, которыми только можетъ быть одарена смертная».

Особенно быстро Свѣчина освоилась съ салономъ и кругомъ знакомыхъ герцогини Дюра. Тамъ, между прочимъ, она впервые познакомилась со Стааль. Въ виду желанія Свѣчиной познакомиться съ извѣстной писательницей, которой Наполеонъ дѣлалъ честь бояться ея, герцогиня устроила интимный обѣдъ, на который пригласила Свѣчину и Стааль. Въ продолженіе всего обѣда Свѣчина, по своей обычной сдержанности, почти не проронила ни слова и едва поднимала глаза на сидѣвшую противъ нея Стааль. Наконецъ, послѣ обѣда, Стааль сама подошла къ ней со словами: «мнѣ говорили, что вы желаете познакомиться со мною; или меня обманули?»

— Конечно, нѣтъ,—возразила Свѣчина,—но всегда вѣдь первымъ заговариваетъ—король.

Въ салонѣ же герцогини Дюра Свѣчина познакомилась съ Шатобріаномъ, Вильманомъ, Ремюза, Кювіе и другими знаменитостями, изъ которыхъ многіе сдѣлались впослѣдствіи ея друзьями.

Послѣ шестимѣсячнаго пребыванія въ Парижѣ Свѣчинъ нашелъ необходимымъ побывать въ Петербургѣ и пробылъ тамъ съ женою до конца осени 1818 года, когда они снова уѣхали за границу и уже обосновались тамъ на постоянное жительство.

Мѣстомъ для этого была избрана Франція. По словамъ біографа Свѣчиной, одной изъ главныхъ причинъ, побудившихъ ее остановить свой выборъ именно на Франціи,—было положеніе въ ней католической церкви.

П.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Императоръ Александръ I и его гофмаршалъ графъ Н. А. Толстой.

Письмо Петра Лунина—А. П. Тормасову.

13-го апрѣля 1815 г.

Между нами скажу, что гофмаршалъ графъ Николай Александровичъ Толстой, хотя старается скрывать, но очень опечаленъ, что государь его не призываетъ къ себѣ и къ его должности, и пишутъ, что государь отзывается, что онъ отъ экономіи не токмо голоднымъ былъ, прашивалъ у другихъ чашку, вторично не хочетъ той же нуждѣ и недостатку подвергаться.

Я отъ васъ и на сей почтѣ писемъ не получалъ; не пеняю, но признаюсь, не пріятно быть забыту и по чести сего не заслуживаю. Худо намъ ничтожнымъ на вельможъ полагаться и всегда надежнѣе быть отъ нихъ далѣе, издали кланяться, пока спина гнуться на старости позволяетъ.

Къ исторіи русской литературы.

Ѳ. В. Булгаринъ и Н. И. Гречъ.

(Какъ издатели журналовъ).

I.

Булгаринъ и его журналъ „Сѣверный Архивъ".

18-го іюня 1819 г. Ѳ. В. Булгаринъ писалъ князю А. Н. Голицыну [1]): «Ваше сіятельство, безъ сомнѣнія, дозволите мнѣ представить вамъ планъ, основанный на слѣдующихъ началахъ. Нравы женщинъ имѣютъ толикое вліяніе на духъ народный каждой страны, что желающій распространять между людьми правила нравственности и религіи, долженъ начать наставленіемъ женщинъ въ истинномъ предметѣ ихъ занятій, нераздѣльномъ съ добродѣтелью и мудростію. Дѣти, воспитайныя подъ надзоромъ матерей добродѣтельныхъ и ученыхъ, безъ сомнѣнія, сдѣлаются полезными сынами отечества и почтенными членами общества. Но женщины, имѣя уже отъ природы наклонность искать прекраснаго во всемъ, ихъ окружающемъ, пріятное и занимательное чтеніе всегда предпочитаютъ строгимъ наставленіямъ моралистовъ. И такъ веселою токмо тропою, усѣянною цвѣтами, надлежитъ вести прекрасный полъ, всегда чувствительный и остроумный, ко храму добродѣтели. Вотъ цѣль, для которой я предполагаю, согласно съ нѣкоторыми учеными моими единоземцами, издавать въ С.-Петербургѣ Дамскій журналъ на польскомъ языкѣ.

---

[1]) Въ то время министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Просьба г. Булгарина была подана на французскомъ языкѣ.

Въ надеждѣ на милостивое соизволеніе на сіе вашего сіятельства, беру смѣлость предоставить мудрому благоусмотрѣнію вашему предметы, имѣющіе входить въ составъ сего изданія:

1) Исторія знаменитыхъ женъ, преимущественно обѣихъ націй.

2) Нравы и обычаи древнихъ.

3) Нравоучительныя повѣсти.

4) Сужденія и мысли объ обязанностяхъ прекраснаго пола и объ образованіи юношества.

5) Религіозныя и пріятныя стихотворенія.

6) Эстетика.

7) Пѣсни и романсы съ музыкальными нотами.

8) Парижскія, Англійскія и С.-Петербургскія моды съ изображеніями.

Убѣдительнѣйше прошу ваше сіятельство изъ таковой просьбы моей усмотрѣть единственно желаніе быть полезнымъ моему отечеству».

При этомъ была приложена объяснительная записка, въ которой Ѳ. Булгаринъ указывалъ на источники и обѣщалъ помѣщать въ своемъ журналѣ:

1) По русской исторіи:

«Я пройду,—говорилъ онъ,—оную тщательно, упоминая о всѣхъ отличныхъ особахъ женскаго пола, а между тѣмъ означу токмо: Ольгу, княгиню Кіевскую, Рогнѣду, супругу Владиміра Великаго, Марѳу, жену посадника Борецкаго, Екатерину I, супругу Петра Великаго».

2) Приописаніи нравовъ и обычаевъ древнихъ и восточныхъ народовъ, «обращу я вниманіе матерей на все, что только различные сіи нравы и обычаи представляютъ выгоднаго для общества».

Въ разсужденіяхъ и мысляхъ объ обязанностяхъ прекраснаго пола и объ образованіи юношества. Ѳ. Булгаринъ обѣщалъ помѣстить «мѣста изъ славнѣйшихъ сочинителей какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ».

Въ Эстетикѣ разобрать лучшія сочиненія женщинъ-авторовъ, а при печатаніи пѣсенъ и романсовъ—тщательно выбирать одно только лучшее изъ того, что̀ написано въ семъ родѣ, избѣгая всего, что̀ можетъ оскорбить нравы.

«Удивительно,—писалъ въ заключеніи проситель,—съ какимъ тщаніемъ дамы наши обучаются искусству нравиться, которое прилично имъ можетъ быть только 10-ть или 12-ть лѣтъ не болѣе, а между тѣмъ не радѣютъ о своемъ умѣ, который долженствуетъ служить имъ въ продолженіе всей ихъ жизни, и объ образованіи, кое единственно можетъ доставить имъ истинныя прелести, несмотря ни на какія превратности времени. И для того я употреблю всѣ усилія, для убѣжденія прекраснаго пола

моды свои согласовать всегда съ правилами стыдливости и благопристойности, которыя суть лучшія украшенія женщинъ. Съ другой стороны, постараюсь изобразить имъ презрѣніе, коему онѣ подвергаются, желая нравиться нашему полу не существенными достоинствами своими, но кокетствомъ и разорительною прелестью одеждъ своихъ. Напослѣдокъ я присовѣтую имъ употреблять въ семъ случаѣ благородную простоту, которая единственнымъ правиломъ своимъ должна имѣть хорошій вкусъ и климатъ.

«Надѣюсь, что ваше сіятельство, котораго августѣйшій монархъ нашъ столь достойно избралъ въ покровители изящныхъ искусствъ, съ особенною вашею добротою и остроуміемъ благоволите просмотрѣть предполагаемый мною планъ, который не прежде принимаю смѣлость представить вамъ, сіятельнѣйшій князь, какъ по одобреніи онаго отличными мужами Польши какъ духовными, такъ и свѣтскими».

По наведенной справкѣ оказалось, что губернскій секретарь Маркіановичъ еще ранѣе Ѳ. Булгарина просилъ разрѣшеніе издавать на польскомъ языкѣ журналъ духовно-нравственнаго и литературнаго содержанія, но попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа не разрѣшилъ этого изданія потому, что ни одинъ изъ цензоровъ С.-Петербургскаго цензурнаго комитета не знаетъ польскаго языка. На этомъ основаніи и Ѳ. Булгарину было также отказано. Онъ на этомъ не остановился и въ сентябрѣ 1821 года подалъ прошеніе тому же князю А. Н. Голицыну о разрѣшеніи ему издавать журналъ на русскомъ языкѣ.

«Нижеподписавшійся,—писалъ Ѳ. Булгаринъ,—желая по мѣрѣ силъ своихъ участвовать въ распространеніи полезныхъ знаній, вознамѣрился издавать съ начала будущаго 1822 года періодическое сочиненіе подъ заглавіемъ: «Мнемозина»,—журналъ исторіи, статистики и путешествій.

Цѣль сего журнала будетъ состоять, во-первыхъ, въ распространеніи полезныхъ свѣдѣній по части исторіи древней и новой, иностранной и отечественной, статистики и политической экономіи относительно къ Россіи и другимъ странамъ, и во-вторыхъ, въ доставленіи отечественной нашей публикѣ чтенія пріятнаго и наставительнаго, которое способствовало бы изгнанію романовъ и простыхъ сказокъ, занятіями болѣе достойными людей просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ. Журналъ сей, какъ и заглавіе онаго показываетъ, будетъ состоять изъ трехъ главныхъ частей: исторіи, статистики и путешествій и раздѣляться еще на слѣдующія статьи:

I. Исторія.

1) Древняя исторія. Переводы изъ классическихъ писателей древности. Біографіи сихъ писателей.

2) Новая исторія. Переводы изъ новыхъ историковъ. Изображеніе

случаевъ современной намъ исторіи о біографіи знаменитыхъ современниковъ.

3) Отечественная исторія. Грамматы, извлеченія изъ лѣтописей, хронографовъ и другія достопамятности древней и новой исторіи россіянъ и прочихъ славянскихъ народовъ, до-нынѣ ненапечатанныя. Переводы изъ иностранныхъ писателей о Россіи и сопредѣльныхъ съ нею странахъ. Критическія изысканія о темныхъ мѣстахъ исторіи россійской. Изображеніе малоизвѣстныхъ случаевъ изъ всѣхъ періодовъ россійской исторіи. Новѣйшіе историческіе анекдоты.

4) Археологія. Описаніе и истолкованіе древнихъ надписей, барельефовъ и другихъ памятниковъ древности, находимыхъ въ Россіи и другихъ странахъ.

5) Нумизматика. Описаніе древнихъ монетъ, медалей и прочихъ сего рода достопамятностей.

II. Путешествія.

1) Путешествія россіянъ по чужимъ краямъ, еще не напечатанныя.

2) Путешествія россіянъ и иностранцевъ по Россіи въ подлинникѣ или переводѣ, съ критическими въ приличныхъ случаяхъ замѣчаніями.

3) Важнѣйшія путешествія и географическія открытія во всѣхъ частяхъ свѣта. Въ сей статьѣ предлагаемы будутъ только путешествія достойныя особеннаго любопытства по странамъ ли, въ которыхъ оныя совершались, или по цѣли, съ коею они были предприняты. Въ нихъ, по возможности, избѣгаемо будетъ повторенія того, что уже извѣстно просвѣщенной публикѣ, особенно же всего того, что уже было напечатано въ другихъ русскихъ журналахъ. Извѣстія о новыхъ открытіяхъ полярныхъ экспедицій будутъ помѣщаемы со всею подробностью.

III. Статистика.

1) Статистическія статьи о Россіи и смежныхъ съ нею государствахъ, также о странахъ отдаленныхъ, новооткрытыхъ и вообще малоизвѣстныхъ, но любопытныхъ по своему положенію, произведеніямъ и физическимъ явленіямъ.

2) Политическая экономія. Въ сей важной статьѣ сообщаемы будутъ теоретическія изысканія и практическіе опыты, клонящіеся къ усовершенствованію земледѣлія, фабрикъ, рукодѣлій, торговли, домоводства и словомъ всего того, что способствуетъ къ умноженію народнаго богатства и промышленности. Издатель намѣренъ руководствоваться лучшими по сей части иностранными писателями, во всякомъ случаѣ избирая только предметы, собранные съ географическимъ положеніемъ, климатомъ, законодательствомъ и внутреннимъ устройствомъ.

IV. Смѣсь.

1) Подробныя извѣстія о новыхъ историческихъ книгахъ, выходящихъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ.

2) Извѣстія о новыхъ книгахъ по части географіи, статистики и политической экономіи.

3) Рецензіи сочиненій, относящихся къ вышеупомянутымъ предметамъ. Въ сихъ рецензіяхъ будутъ соблюдаемы строжайшая благопристойность и безпристрастіе.

Политика отнюдь не входитъ въ составъ сего изданія. Никакія стихотворенія не будутъ помѣщаемы, исключая описывающихъ историческія происшествія, также древнихъ пѣсней или гимновъ, по содержанію своему достойныхъ особеннаго вниманія.

Издатель считаетъ въ числѣ сотрудниковъ своихъ многихъ отличныхъ нашихъ литераторовъ, имѣетъ великое число ненапечатанныхъ еще матеріаловъ, пользуется всѣми иностранными пособіями по избраннымъ имъ предметамъ и проситъ всѣхъ благонамѣренныхъ любителей полезныхъ знаній споспѣшествовать ему въ семъ предпріятіи.

Журналъ сей будетъ выходить по два раза въ мѣсяцъ, книжками въ 4, 5 и до 6-ти листовъ. Четыре книжки составятъ часть, а шесть частей годовое изданіе. Къ каждой части присовокупленъ будетъ портретъ, видъ или карта.

Цѣна годовому изданію въ С.-Петербургѣ и Москвѣ 30 р., съ пересылкою во всѣ города 35 рублей».

Имѣя въ виду, что Булгаринъ въ то время былъ дѣйствительнымъ членомъ высочайше утвержденныхъ Обществъ: «Любителей россійской словесности» и «Любителей словесности, наукъ и художествъ»,—С.-Петербургскій цензурный комитетъ не нашелъ препятствія къ разрѣшенію, тѣмъ болѣе, что издатель былъ уже извѣстенъ публикѣ «по разнымъ напечатаннымъ въ періодическихъ изданіяхъ россійскихъ, любопытнымъ сочиненіямъ его, изъ коихъ наиболѣе примѣчанія достойны статьи: о польской словесности, о переводчикахъ Гомера, о древнихъ и новыхъ библіотекахъ и проч.».

Булгаринъ былъ тогда 35-ти лѣтъ отъ роду, дворянинъ и помѣщикъ Гродненской губерніи и царства Польскаго. Съ 1806 до 1810 годовъ находился въ русской службѣ, въ Уланскомъ его величества полку, былъ въ кампаніяхъ въ Пруссіи въ 1806 и 1807 году и въ Финляндіи въ 1808 году.

За оказанное отличіе въ сраженіи при Фридландѣ, награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени. Послѣ того, вышедши въ отставку, вступилъ въ польскую службу и съ польскими легіонами находился въ чинѣ капитана въ Испаніи до 1813 года и награжденъ орденомъ Почетнаго Легіона. По заключеніи всеобщаго мира въ Европѣ, оставилъ службу, посвятивъ себя наукамъ, проживая доходами изъ собственнаго своего имѣнія [1]).

Получивъ 6-го октября разрѣшеніе издавать журналъ, Ѳ. В. Булга-

[1]) Собственноручная записка Ѳ. Булгарина 1-го сентября 1821 г. „О службѣ и состояніи“.

ринъ спустя нѣсколько дней просилъ дозволить ему перемѣнить заглавіе «Мнемозины» на «Сѣверный Архивъ», на что и получилъ согласіе министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія [1]).

15-го декабря 1822 года, исправляющій должность попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа Д. Руничъ писалъ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія:

«Издатель журнала, подъ названіемъ: «Сѣверный Архивъ» Булгаринъ, въ письмѣ своемъ на имя мое изъясняетъ, что, желая способствовать распространенію въ Россіи историческихъ и статистическихъ свѣдѣній, съ начала 1822 года издаетъ онъ упомянутый журналъ, помѣщая въ ономъ различные до-нынѣ неизвѣстные матеріалы, къ Россійской Имперіи относящіеся, и собирая любопытнѣйшія географическія и статистическія свѣдѣнія о Россіи и другихъ странахъ. При помѣщеніи статей онъ руководствуется самымъ строгимъ выборомъ, отвергая все то, что не согласуется съ доброю нравственностью и вѣрноподданническимъ повиновеніемъ правительству. Но какъ для собиранія различныхъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ необходимы большія издержки, которыхъ онъ сдѣлать не въ состояніи; то проситъ меня объ обращеніи вниманія вашего сіятельства на сіе первое въ своемъ родѣ изданіе о Россіи и сдѣланіи онаго извѣстнымъ по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ вѣдомства департамента народнаго просвѣщенія.

«Читая издаваемый г. Булгаринымъ журналъ: «Сѣверный Архивъ», я нашелъ оный дѣйствительно полезнымъ, какъ по части преподаванія географіи, статистики и отечественной исторіи, такъ и потому, что онъ можетъ служить и для преподающихъ вѣрнымъ и хорошимъ руководствомъ въ отношеніи къ новѣйшимъ свѣдѣніямъ и открытіямъ, и для учащихся любопытнымъ и наставительнымъ чтеніемъ. По сему и предложилъ я правленію здѣшняго университета о выписаніи какъ для университета, такъ и для прочихъ высшихъ учебныхъ заведеній и гимназій С.-Петербургскаго округа, по одному экземпляру полнаго изданія означеннаго журнала, и впредь о подпискѣ на полученіе онаго. Но какъ мѣра сія, для поддержанія полезнаго труда г. Булгарина недостаточна, то въ вознагражденіе издержекъ, на сіе имъ употребляемыхъ, и въ ознаменованіе благотворнаго покровительства учебнаго начальства, всего полезнаго и добраго, не благоугодно ли будетъ вашему сіятельству предложить и прочимъ гг. попечителямъ обратить вниманіе на сей журналъ. Чрезъ умноженіе числа пренумерантовъ, г. Булгаринъ получитъ подкрѣпленіе, а сіе усугубитъ ревность его при продолженіи полезнѣйшаго его предпріятія».

---

[1]) Отношеніе князя А. Н. Голицына попечителю 2-го ноября 1821 года № 3551.

На циркулярное отношеніе министра народнаго просвѣщенія, попечитель Харьковскаго округа отвѣчалъ, что подвѣдомственныя ему учебныя заведенія по недостатку суммъ не находятъ возможнымъ выписать журналъ. Попечитель же Дерптскаго округа графъ К. Н. Ливенъ,—что въ округѣ «заготовляются необходимо нужныя пособія для опредѣленныхъ предметовъ ученія, кои нужны всѣмъ учителямъ; большая же часть учителей, по причинѣ незнанія русскаго языка, не будутъ имѣть пользы отъ упомянутаго журнала»; остальные попечители ничего не отвѣчали.

Въ іюнѣ 1823 года Ѳ. Булгаринъ находилъ, что для пополненія своего журнала, заключающаго въ себѣ статьи единственно до наукъ касающіяся, ему необходимо издавать въ видѣ прибавленій къ журналу особые «Литературные листки», въ которыхъ помѣщаться будутъ:

1) Проза. Замѣчанія о нравахъ и обыкновеніяхъ, краткія нравственныя изреченія и повѣствованія, грамматическія изысканія, критики, и проч.

2) Стихи. Легкія стихотворенія, ихъ коихъ рѣшительно исключаются любовь и вино (благородное чувство любви не подразумѣвается подъ симъ выраженіемъ).

3) Объявленія о книгахъ, эстампахъ, нотахъ, типографіяхъ.

4) Извѣстія о художникахъ и ихъ произведеніяхъ, описаніе достопримѣчательныхъ случаевъ и проч.

Испрашивая дозволеніе на печатаніе листковъ, Булгаринъ заявлялъ, что оные издаваться будутъ безъ возвышенія цѣны на «Сѣверный Архивъ» и что издатель не опредѣляетъ числа ихъ и времени выхода въ свѣтъ.

«Хотя,—писалъ Д. Руничъ [1]),—изложенныя въ прошеніи г. Булгарина статьи, кои намѣревается онъ помѣщать въ «Литературныхъ листкахъ» въ видѣ прибавленій къ издаваемому имъ журналу исторіи, статистики и путешествій, суть предметы, коихъ печатаніе позволено во многихъ журналахъ, и хотя по сдѣланной въ канцеляріи Комитета (цензурнаго) справкѣ никто изъ издателей другихъ періодическихъ сочиненій не получилъ на сіе исключительнаго права; но какъ г. Булгаринъ намѣреваемымъ изданіемъ «Литературныхъ листковъ» нѣкоторымъ образомъ измѣняетъ и распространяетъ прежній планъ «Сѣвернаго Архива», то Комитетъ долгомъ своимъ считаетъ представить прописанную просьбу его на благоусмотрѣніе высшаго начальства, съ таковымъ мнѣніемъ, что Комитетъ, съ своей стороны, тѣмъ менѣе находитъ затрудненія въ удовлетвореніи просителя, что г. Булгаринъ желаетъ увеличить свое изданіе прибавленіемъ «Литературныхъ листковъ» безъ возвышенія цѣны на свой журналъ».

---

[1]) Въ представленіи князю А. Н. Голицыну отъ 23-го іюня 1823 г., № 621.

Получивъ разрѣшеніе на изданіе «Листковъ», Булгаринъ въ апрѣлѣ 1824 года просилъ с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора графа Милорадовича о разрѣшеніи ему присоединить къ своему изданію листки, подъ заглавіемъ «Городской Вѣстникъ», въ которомъ могли бы помѣщаться разныя свѣдѣнія, полезныя городу [1]).

«Какъ многія изъ сихъ извѣстій,—писалъ графъ Милорадовичъ [2]),—печатаются въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», то я покорнѣйше прошу ваше сіятельство почтить меня увѣдомленіемъ, можетъ ли въ семъ отношеніи удовлетворена быть просьба г. Булгарина».

На запросъ, сдѣланный президенту Академіи наукъ, С. Уваровъ отвѣчалъ [3]), что «самая большая часть статей, предполагаемыхъ къ печатанію въ «Городскомъ Вѣстникѣ» Булгарина, печатаются въ «Академи-

---

[1]) Записка Булгарина о печатаніи городскихъ извѣстій.

Ѳ. Булгаринъ, издатель „Сѣвернаго Архива", журнала исторіи, статистики и путешествій и „Литературныхъ листковъ", журнала нравовъ и словесности, покорнѣйше проситъ о позволеніи присоединить къ его изданію листки подъ названіемъ: „Городской Вѣстникъ", которые будутъ заключать въ себѣ городскія извѣстія столичнаго города С.-Петербурга, какъ-то:

I. Извѣстія по части хозяйственной: а) О привозѣ жизненныхъ припасовъ. б) Такса оныхъ. в) О баржахъ, приходящихъ изъ внутренности Россіи. г) О приходящихъ и отходящихъ иностранныхъ корабляхъ. д) Прейсъ-курантъ.

II. Извѣстія любопытныя: а) Объ аукціонахъ и лотереяхъ казенныхъ и частныхъ. б) О съѣздахъ. 1) Въ торжественные празднества при церквахъ. 2) При высочайшемъ дворѣ. 3) О парадахъ. 4) О собраніяхъ въ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ. 5) О народныхъ увеселеніяхъ и гуляньяхъ. 6) О концертахъ и театрахъ. 7) О пріѣзжающихъ въ столицу и выѣзжающихъ изъ оной. 8) О продажѣ домовъ и отдачѣ въ наемъ квартиръ. 9) О замерзаніи и вскрытіи Невы, о разведеніи и наведеніи мостовъ. 10) О пожарахъ и причинѣ оныхъ. 11) О найденныхъ и потерянныхъ вещахъ съ описаніемъ оныхъ.

III. Извѣстія, заключающія въ себѣ нравственные примѣры, подвиги человѣколюбія, пожертвованія, благотворительности, и другія христіанскія добродѣтели гражданъ столицы.

IV. Извѣстія статистическія. а) Описаніе храмовъ Божіихъ, императорскихъ дворцовъ, казенныхъ и частныхъ зданій. б) Описанія богоугодныхъ, учебныхъ и ученыхъ заведеній. в) Народонаселеніе столицы. г) О родившихся, умершихъ и бракомъ сочетавшихся.

Цѣль сего изданія есть общая польза и удовольствіе, и потому издатель проситъ покорнѣйше предписать полиціи, городской думѣ и биржевому правленію сообщать ему нужныя свѣдѣнія, возлагая на себя обязанность ничего не помѣщать, что̀ не будетъ подписано г. оберъ-полиціймейстеромъ или на кого возложено будетъ отъ его сіятельства г. военнаго генералъ-губернатора, и одобрено существующимъ цензурнымъ Комитетомъ.

[2]) Въ отношеніи кн. Голицыну 21-го апрѣля 1824 г. № 2036.

[3]) Въ отношеніи кн. Голицыну отъ 1-го мая 1824 г. № 60.

ческихъ Вѣдомостяхъ» и составляютъ ихъ отличительное достоинство. Вслѣдствіе того я полагаю, что позволеніе, о коемъ проситъ г. Булгаринъ, не можетъ быть ему дано, безъ ущерба для Академіи и безъ нарушенія правъ, ей высочайше дарованныхъ».

Узнавъ о такомъ отвѣтѣ президента Академіи, Булгаринъ жаловался князю А. Н. Голицыну на несправедливость такого отзыва.

«Желая по мѣрѣ моихъ способностей—писалъ онъ [1])—споспѣшествовать успѣхамъ просвѣщенія, я исключительно посвятилъ себя словесности, три года издаю журналъ «Сѣверный Архивъ», который удостоился благосклонности публики и лестнаго для меня вниманія вашего сіятельства; ибо вы, сіятельнѣйшій князь, изволили рекомендовать оный всѣмъ учебнымъ заведеніямъ, за что всю жизнь пребуду благодаренъ и никогда не истреблю изъ памяти и сердца вашихъ благодѣяній.

«Видя недостатокъ городскихъ извѣстій въ столицѣ обширной имперіи, тогда какъ губернскіе города имѣютъ свои особенные ежедневные листки, я вознамѣрился издавать, на-подобіе прилагаемыхъ при семъ листковъ, издаваемыхъ въ городахъ Ригѣ и Ревелѣ, еженедѣльныя извѣстія подъ названіемъ: «Городской Вѣстникъ», для общей пользы и удовольствія. Но какъ сего изданія нельзя предпринять безъ содѣйствія городской полиціи, то я и отнесся прежде къ г. военному генералъ-губернатору, будучи совершенно увѣренъ, что ваше сіятельство, какъ покровитель всего полезнаго, не откажете мнѣ въ моей покорнѣйшей просьбѣ. Къ крайнему моему прискорбію открылись въ начатіи сего благаго предпріятія непредвидѣнныя препятствія. Г. президентъ Академіи наукъ Сергѣй Семеновичъ Уваровъ, по личнымъ на меня неудовольствіямъ за то, что я въ прошломъ 1823 году, открылъ грубыя ошибки въ Извѣстіяхъ, издаваемыхъ Академіею, на запросъ вашего сіятельства, не будетъ ли вреденъ «Городской Вѣстникъ» «Санктъ-Петербургскимъ Вѣдомостямъ», отвѣчалъ, что большая часть предметовъ, избранныхъ мною, принадлежитъ Академіи. Въ семъ случаѣ г-нъ Уваровъ нѣсколько отступилъ отъ истины, ибо я самъ справлялся въ его канцеляріи и оказалось, что изъ 15-ти моихъ пунктовъ [2]), только

---

[1]) Въ письмѣ отъ 4-го мая 1824 г.

[2]) Пункты эти были слѣдующіе:

1) О приходящихъ и отходящихъ иностранныхъ корабляхъ.
2) Объ аукціонахъ и лотереяхъ казенныхъ и частныхъ.
3) О концертахъ и театрахъ.
4) О пріѣзжающихъ въ столицу и выѣзжающихъ изъ оной.
5) О продажѣ домовъ и отдачѣ въ наемъ квартиръ.
6) О найденныхъ и потерянныхъ вещахъ съ описаніемъ оныхъ.

Сверхъ того иногда помѣщаются въ нихъ:

7) и цѣны жизненныхъ припасовъ.

четыре печатаются въ «Санктъ-Петербургскихъ вѣдомостяхъ». Впрочемъ, я разрѣшаю всѣ трудности по сему предмету, прося покорнѣйше ваше сіятельство повелѣть г. Уварову означить, какіе именно пункты принадлежатъ Академіи, и тогда я обѣщаюсь подъ строжайшимъ изысканіемъ печатать оные послѣ Академіи и показывать, что они оттуда почерпнуты. Въ семъ г. Уваровъ не можетъ и нынѣ никому воспрепятствовать, ибо это существуетъ въ цѣломъ мірѣ и здѣсь въ С.-Петербургѣ, что одна газета или журналъ имѣютъ право почерпать въ другомъ печатныя извѣстія.

«Сіятельнѣйшій князь, прибѣгая къ вашему великодушію, прошу защитить меня сильнымъ вашимъ покровительствомъ и удовлетворить покорнѣйшую мою просьбу для общей пользы.

«Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностью пребыть честь имѣю, сіятельный князь милостивый государь, вашего сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою Ѳаддей Булгаринъ, издатель «Сѣвернаго Архива».

Письмо это однако же не подѣйствовало, и разрѣшенія издавать «Городской Вѣстникъ» не послѣдовало.

II.

Н. И. Гречъ и его журналъ „Сынъ Отечества“.

Въ январѣ 1817 года [1]) министръ народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицынъ писалъ попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа Сергѣю Семеновичу Уварову:

---

8) Описаніе торжественныхъ собраній, особенно въ ученыхъ и въ учебныхъ заведеніяхъ.

9) О пожарахъ и подобныхъ случаяхъ.

10) О благотвореніяхъ и пожертвованіяхъ особенно при изъявленіи благодарности.

11) О богоугодныхъ, ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

8, 10 и 11 статьи входятъ также въ составъ журнала „Департамента Народнаго Просвѣщенія“.

Подобныя статьи помѣщаются и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“.

Въ мѣсяцесловахъ, издаваемыхъ Императорскою Академіею наукъ, находятся:

12) Статья о торжественныхъ дняхъ, празднуемыхъ при Высочайшемъ Дворѣ.

13) о родившихся, умершихъ и бракомъ сочетавшихся.

14) о вскрытіи и замерзаніи Невы, о разведеніи и наведеніи мостовъ.

Отъ Департамента Внѣшней торговли издается дважды въ недѣлю

15) Прейсъ-Курантъ.

[1]) Письмо отъ 18-го января 1817 г. № 177.

«Изъ копіи съ журнала «С.-Петербургскаго вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ» 14-го декабря прошлаго 1816 года, усмотрѣлъ я, что титулярный совѣтникъ Гречъ предложилъ обществу сему издавать «Сына Отечества» [1]) отъ имени сего сословія, съ тѣмъ, чтобы онъ въ званіи редактора принялъ на себя всѣ сопряженные по изданію труды и отвѣтственность, а общество занималось бы цензурою статей его, до наукъ, художествъ и словесности относящихся. Въ разсужденіи же статей политическихъ предоставляетъ онъ на благоусмотрѣніе общества, заняться ли оному цензурою ихъ или оставить ее по-прежнему при цензурномъ комитетѣ. И таковое предложеніе г. Греча обществомъ принято.

«Относительно положенія, сдѣланнаго симъ обществомъ,—печатать журналъ «Сына Отечества» за цензурою общества, а не цензурнаго комитета, я требую отъ онаго общества объясненія.

«По состоянію же г. Греча въ вѣдомствѣ вашего превосходительства, покорно прошу замѣтить ему, что въ семъ случаѣ поступилъ онъ не основательно. Журналъ сей издаетъ онъ съ высочайшаго свѣдѣнія и соизволенія. Почему если онъ имѣлъ какія-либо уважительныя причины передать изданіе его другому лицу или мѣсту, то не прежде надлежало бы дѣлать о семъ предложеніе, какъ по предварительномъ представленіи о томъ своему начальству, которое нашло бы, можетъ быть, нужнымъ довести до свѣдѣнія государя императора, отъ щедротъ коего сдѣлано Гречу первоначально на сіе изданіе вспоможеніе. Но онъ предложилъ передать право изданія вышеупомянутому обществу, предоставивъ впрочемъ себѣ названіе редактора и всѣ выгоды отъ изданія. Вслѣдствіе чего поручаю вашему превосходительству отобрать отъ него отвѣтъ, почему онъ поступилъ самопроизвольно въ сдѣланіи обществу предложенія на означенныхъ условіяхъ, не испросивъ прежде согласія на то начальства своего, и таковой отвѣтъ мнѣ доставить.

«А какъ изъ дѣла, имѣющагося въ Департаментѣ министерства просвѣщенія, видно, что Гречъ въ началѣ 1814 года предназначилъ изъ получаемаго имъ дохода отъ изданія журнала «Сына Отечества» вносить въ С.-Петербургскую губернскую гимназію ежегодно, доколѣ изданіе журнала продолжится, по 3.000 рублей, для содержанія и воспитанія въ оной неимущихъ сиротъ, дѣтей штабъ и оберъ-офицеровъ, положившихъ животъ свой за отечество въ кампаніи 1812 и 1813 годовъ; но вносятся ли имъ деньги сіи ежегодно и на какой предметъ употребляются, изъ дѣла не видно, то прошу васъ доставить мнѣ и по сему предмету надлежащее свѣдѣніе».

---

[1]) Н. И. Гречъ издавалъ „Сынъ Отечества“ съ 1812 года.

На сдѣланный запросъ Николай Ивановичъ Гречъ отвѣчалъ С. С. Уварову [1]):

«Во исполненіе предложенія вашего превосходительства отъ 26-го января сего года подъ № 84, при коемъ препровождая съ коніи отношеніе къ вамъ г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, отъ 18-го января подъ № 177, предписываете мнѣ представить вамъ требуемыя въ ономъ объясненія—честь имѣю донести вашему превосходительству слѣдующее:

«Главною причиною намѣренія моего передать издаваемый мною журналъ «С.-Петербургскому вольному обществу любителей словесности, наукъ и художествъ» было крайнее разстройство моего здоровья, извѣстное по службѣ и вашему превосходительству. Къ тому присоединялось желаніе доставить журналу сему, пріобрѣтшему нѣкоторую извѣстность не только въ Россіи, но и въ чужихъ краяхъ, болѣе достоинства и важности при содѣйствіи многихъ почтенныхъ литераторовъ, находящихся въ томъ обществѣ. Принимая на себя въ званіи редактора большую часть прежнихъ трудовъ, предоставлялъ я въ то же время обществу выгоды, какими не пользуется ни одно изъ литературныхъ обществъ въ Россіи, имѣя въ виду сими средствами содѣйствовать возстановленію и утвержденію общества словесности въ С.-Петербургѣ, нуждающемся еще въ заведеніи сего рода.

«На вопросъ, какое я имѣлъ право сдѣлать обществу помянутое предложеніе, долгомъ поставляю отвѣтствовать, что, по моему, можетъ быть, ложному, мнѣнію, надлежало мнѣ сперва узнать, хочетъ ли общество принять оное, а потомъ уже испрашивать начальственнаго утвержденія. Основываясь на сей мысли, я получилъ сначала согласіе общества, а потомъ не приступая, еще ни въ чемъ къ самому дѣлу, готовился представить его сіятельству г. управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія мое намѣреніе и донести ему о согласіи общества. Нынѣ узнавъ, что, по мнѣнію его сіятельства, журналу моему лучше оставаться на прежнемъ положеніи, я немедленно рѣшился сему послѣдовать и увѣдомить о томъ общество. Между тѣмъ, принимаю смѣлость замѣтить, что журналъ мой былъ предпріятіемъ частнаго человѣка и не пользовался отъ правительства никакимъ преимуществомъ предъ другими. Первоначальное пособіе отъ щедротъ Государя Императора, упоминаемое въ отношеніи его сіятельства, сдѣлано мнѣ было не по представленію начальства, а по ходатайству посторонней особы, его превосходительства Алексѣя Николаевича Оленина. Я буду помнить по гробъ, съ чувствомъ искренней благодарности, всѣ пособія и милости, оказанныя мнѣ въ семъ предпріятіи лично его сіятельствомъ графомъ Алек. Кир. Разумовскимъ, и вашимъ превосходительствомъ; также

[1]) Отъ 12-го февраля 1817 года.

умѣю цѣнить во всей силѣ благосклонность, изъявленную мнѣ въ отзывахъ о моемъ изданіи его сіятельствомъ княземъ А. Н. Голицынымъ; но министерство народнаго просвѣщенія не только не удостоило ни малѣйшимъ вниманіемъ многолѣтнихъ трудовъ моихъ, которые стоили мнѣ здоровья и вѣроятно скоро будутъ стоить и жизни, но даже не разсудило за благо довести до высочайшаго свѣдѣнія о сдѣланномъ мною въ пользу онаго, важномъ, по состоянію моему, пожертвованіи.

«На окончательный запросъ вашего превосходительства, въ состояніи ли я продолжать начатый мною денежный взносъ, честь имѣю донести, что нынѣ, по причинѣ нарочитаго уменьшенія подписчиковъ на мой журналъ, я никакъ не могу довершить начатаго мною. Пользуясь правомъ всякаго дарителя, осмѣливаюсь просить ваше превосходительство о позволеніи распорядить взнесенною мною суммою слѣдующимъ образомъ: 1) къ взнесеннымъ мною четыремъ тысячамъ пятистамъ двадцати пяти рублямъ намѣренъ я прибавить недостающіе до пяти тысячъ рублей деньги; 2) изъ сихъ пяти тысячъ и накопившихся съ нихъ и имѣющихъ накопиться процентовъ, желаю я воспитать при С.-Петербургской губернской гимназіи, наравнѣ съ казенными пансіонерами, двухъ сиротъ, сыновей убитыхъ въ прошедшую кампанію офицеровъ въ теченіе 6-ти лѣтъ, полагая за каждаго по пяти сотъ рублей въ годъ. О выборѣ и назначеніи сихъ сиротъ прошу министерство народнаго просвѣщенія отнестися, или позволить мнѣ обратиться къ первоприсутствующему въ Комитетѣ, высочайше учрежденномъ въ 18 день августа 1814 года, для вспоможенія инвалидамъ, вдовамъ и сиротамъ воинскихъ чиновниковъ графу Алексѣю Андреевичу Аракчеву; 3) о семъ намѣреніи моемъ прошу довести до высочайшаго Его Императорскаго Величества свѣдѣнія».

III.

Н. И. Гречъ и Ѳ. В. Булгаринъ вмѣстѣ.

Въ 1824 году (29-го мая) Н. И. Гречъ и Ѳ. В. Булгаринъ писали въ С.-Петербургскій цензурный комитетъ:

«Принявъ намѣреніе съ будущаго 1825 года соединить труды наши по издаваемымъ нами журналамъ и сдѣлать въ оныхъ рѣшительное по предметамъ, и болѣе сообразное съ цѣлію оныхъ распредѣленіе, честь имѣемъ представить С.-Петербургскому цензурному комитету планъ, по коему издаваемые нами до нынѣ четыре журнала: «Сынъ Отечества», «Литературныя къ оному прибавленія», «Сѣверный Архивъ» и

«Литературные листки» составляютъ три изданія, въ коихъ не будетъ ни одной статьи излишней или противной противъ тѣхъ, кои помѣщались до нынѣ въ помянутыхъ четырехъ періодическихъ сочиненіяхъ, и всепокорнѣйше просимъ о доведеніи сего нашего плана до свѣдѣнія начальства, дабы при исполненіи онаго не встрѣтилось какихъ-либо затрудненій».

Планъ.

Издававшіеся до нынѣ въ С.-Петербургѣ журналы: Сынъ Отечества, Литературныя къ оному прибавленія, Сѣверный Архивъ и Литературные листки предполагается съ будущаго 1825 года раздѣлить на три журнала слѣдующаго содержанія:

I. Сынъ Отечества, журналъ литературы, политики и современной исторіи; въ оный входятъ:

1) Русская Словесность. Духовное и свѣтское краснорѣчіе. Разсужденія о русскомъ языкѣ и о русской литературѣ.

2) Иностранная Словесность: Извѣстія объ успѣхахъ словесности въ чужихъ краяхъ. Переводы лучшихъ иностранныхъ произведеній.

3) Критика. Разборъ новыхъ достойныхъ вниманія произведеній Русской Словесности.

4) Поэзія. Стихотворенія отдѣльныя и отрывки изъ большихъ поэмъ, трагедій, комедій и проч.

5) Изящная Словесность. Повѣсти, сказки, анекдоты и т. п., изъ коихъ составлялися до нынѣ литературныя прибавленія къ Сыну Отечества.

6) Изящныя Искусства. Подробныя свѣдѣнія о новыхъ произведеніяхъ изящныхъ искусствъ въ Россіи и въ прочихъ краяхъ. Статьи, относящіяся къ Теоріи Художествъ.

7) Современная Исторія и Политика Европы. Разсужденія и повѣствованія о новѣйшихъ и прежнихъ политическихъ и военныхъ дѣлахъ; выписки изъ иностранныхъ историческихъ и политическихъ журналовъ, важнѣйшіе государственные акты, рѣчи, договоры и проч.

II. Сѣверный Архивъ. Журналъ исторіи, статистики, путешествій и словесности; въ оный входятъ:

1) Всеобщая Исторія. Переводы изъ древнихъ и новыхъ классическихъ писателей. Біографіи сихъ писателей.

2) Россійская Исторія. Граматы, извлеченія изъ лѣтописей, хронографовъ и другія достопамятности древней, средней и новой исторіи россіянъ и прочихъ славянскихъ народовъ. Критическія изысканія о темныхъ мѣстахъ исторіи Россійской и разборъ важнѣйшихъ историческихъ сочиненій. Древности. Монеты.

3) Статистика и политическая экономія. Свѣдѣнія статистическія о Россіи и смежныхъ съ нею государствахъ. Теоретическія изысканія и практическіе опыты, клонящіеся къ усовершенствованію земледѣлія, фабрикъ, рукодѣлій, торговли, домоводства и т. п.

4) Путешествія россіянъ по чужимъ краямъ, еще не напечатанныя, рос-

сіянъ и иностранцевъ по Россіи. Важнѣйшія путешествія и географическія открытія во всѣхъ частяхъ свѣта. Извѣстія объ экспедиціяхъ полярныхъ.

5) Правовѣдѣніе. Теорія и практика судопроизводства. Юридическія изслѣдованія. Знаменитые процессы (causes célèbres).

6) Нравы. Статьи о нравахъ и обычаяхъ, въ родѣ Адиссова Зрителя, Джонсонова Побродяги, Пустынника Жуи, до нынѣ помѣщавшіяся въ Литературныхъ листкахъ.

III. Сѣверная Пчела, журналъ новостей, по части исторіи, политики, литературы, нравовъ и т. п. Въ сей журналъ входятъ всѣ легкія статьи, по вышеприведеннымъ предметамъ.

1. Новости заграничныя, кои помѣщаемы были до нынѣ въ Сынѣ Отечества, заимствуемыя изъ Австрійскаго наблюдателя, Берлинскихъ вѣдомостей, Рижскаго Зрителя, С.-Петербургскихъ Академическихъ нѣмецкихъ вѣдомостей и Conservateur Impartial.

2) Новости внутреннія. О необыкновенныхъ случаяхъ и явленіяхъ въ природѣ и общежитіи.

3) Новости не-политическія. О новыхъ изданіяхъ и предпріятіяхъ, о произведеніяхъ наукъ, художествъ и ремеслъ.

4) Современная русская библіографія извѣстія обо всѣхъ выходящихъ въ свѣтъ русскихъ книгахъ съ краткими объ оныхъ замѣчаніями.

5) Словесность. Легкія стихотворенія. Краткія статьи о нравахъ, обычаяхъ и литературѣ. Петербургскія записки.

6) Извѣстія о новѣйшихъ модахъ.

Первые два журнала будутъ выходить по два раза въ мѣсяцъ книжками въ 6 печатныхъ листовъ, а послѣдній листами по три раза въ недѣлю. — Подписка на оные будетъ принимаема порознь.

Представляя прошеніе и планъ новыхъ изданій министру народнаго просвѣщенія, А. С. Шишкову, попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа Д. Руничъ писалъ ему [1]):

«Хотя сей новый видъ журналовъ, предполагаемыхъ къ изданію г.г. Гречемъ и Булгаринымъ, мало измѣняетъ сущность содержанія доселѣ составляемыхъ ими періодическихъ изданій, исключая то, что нѣкоторыя статьи изъ одного журнала переходятъ въ составъ другаго, и что издатели предполагаютъ чаще сообщать публикѣ политическія извѣстія, но цензурный комитетъ находитъ: 1) что въ числѣ предметовъ, которые должны входить въ составъ журнала: Сынъ Отечества, подъ статьею «Поэзія» означены отрывки изъ трагедій и комедій. Но какъ по предписанію предмѣстника вашего высокопревосходительства [2]) отъ 23-го минувшаго апрѣля за № 1433 дано знать комитету, что государь императоръ по докладу министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія высочайше повелѣть соизволилъ, дабы въ журналахъ и другихъ періодическихъ изданіяхъ вовсе запрещено было помѣщеніе отрывковъ изъ

[1]) Отъ 21-го іюня 1824 г. № 929.

[2]) Князя А. Н. Голицына.

театральныхъ піесъ, то комитетъ по сему полагаетъ неудобнымъ допустить печатаніе въ Сынѣ Отечества отрывковъ изъ трагедій и комедій или другихъ театральныхъ піесъ.

«2) Въ періодическихъ изданіяхъ, разсматриваемыхъ комитетомъ, не имѣютъ мѣста политическія извѣстія, кромѣ одного только Сына Отечества, котораго издатель сохранилъ сіе исключительное право съ 1812 года, печатая и нынѣ одинъ разъ въ недѣлю новости политическія. Сіе право гг. Гречъ и Булгаринъ желаютъ съ будущаго 1825 г. распространить на два изданія: 1) на Сынъ Отечества, въ которомъ по 7-й статьѣ новаго плана они предполагаютъ сообщать публикѣ два раза въ мѣсяцъ разсужденія и повѣствованія о новѣйшихъ политическихъ дѣлахъ, также важнѣйшіе государственные акты, рѣчи, договоры и т. п. и 2) на Сѣверную Пчелу, въ которой подъ статьею новости заграничныя будутъ выходить въ свѣтъ по три раза въ недѣлю политическія извѣстія, заимствуемыя изъ Австрійскаго наблюдателя, Берлинскихъ вѣдомостей, Рижскаго Зрителя, С.-Петербургскихъ Нѣмецкихъ вѣдомостей и Conservateur Impartial. Если цензурованіе сихъ статей возложено будетъ на с.-петербургскій цензурный комитетъ, то просимое гг. Гречемъ и Булгаринымъ распространеніе права помѣщать оныя въ двухъ изданіяхъ вмѣсто четырехъ разъ четырнадцать каждый мѣсяцъ, комитетъ съ своей стороны находитъ неудобнымъ, во-первыхъ потому, что пропускъ въ печать политическихъ извѣстій на русскомъ языкѣ требуетъ особенной осмотрительности, знанія всѣхъ отношеній Россіи къ иностраннымъ державамъ и соображенія случающихся въ сихъ отношеніяхъ перемѣнъ,—словомъ, требуетъ такихъ мѣръ осторожности, противу которыхъ цензурный комитетъ легко можетъ погрѣшить отъ незнанія новѣйшихъ политическихъ обстоятельствъ; во-вторыхъ, потому, что умноженіе числа періодическихъ изданій, до 16-ти, которыхъ чтеніе раздѣляется между тремя цензорами, почти не оставляетъ имъ времени на справки по симъ предметамъ въ сомнительныхъ случаяхъ, и что таковыя справки по необходимости останавливать будутъ цензурованіе другихъ книгъ.

«Поднося у сего на главноначальственное благоусмотрѣніе въ копіи прошеніе гг. Греча и Булгарина и планъ вновь предполагаемаго изданія журналовъ: Сынъ Отечества, Сѣверный Архивъ и Сѣверная Пчела, долгомъ поставляю присовокупить, что, по разсмотрѣніи оныхъ, равно какъ и мнѣнія здѣшняго цензурнаго комитета, относительно сего предпріятія, я нахожу, что на помѣщеніе въ оныхъ въ числѣ стихотворныхъ произведеній подъ статьею «Поэзія» отрывковъ изъ трагедій, комедій и другихъ театральныхъ піесъ, за изъясненнымъ высочайшимъ повелѣніемъ, дать просимаго позволенія невозможно; что же касается до прочихъ статей, въ составъ сихъ вновь предполагаемыхъ трехъ журналовъ вхо-

дящихъ, то къ изданію оныхъ я, съ моей стороны, не вижу никакого основанія къ препятствію, тѣмъ болѣе, что сіи три новые журнала нисколько не перемѣняютъ сущности издаваемыхъ доселѣ гг. Гречемъ и Булгаринымъ періодическихъ сочиненій. Что касается до представляемаго цензурнымъ комитетомъ затрудненія, то не могу признать его достаточнымъ; ибо въ дѣлѣ, къ службѣ относящемся, оно не можетъ быть принято въ уваженіе, а потому долгомъ поставляю представить о семъ вашему высокопревосходительству, испрашивая главноначальственнаго разрѣшенія».

По наведенной въ министерствѣ справкѣ оказалось, что коллежскій совѣтникъ Гречъ издаетъ журналъ подъ названіемъ: «Сынъ Отечества, съ высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго по докладу бывшаго министра народнаго просвѣщенія графа Разумовскаго 8-го октября 1812 г. Въ 1822 году присовокупилъ онъ къ сему изданію прибавленія подъ названіемъ Литературныхъ, но разрѣшенія со стороны министерства народнаго просвѣщенія на сіе дано ему не было.

Отставной капитанъ Булгаринъ издаетъ Сѣверный Архивъ съ 1822 и Литературные листки съ половины 1823 года, по разрѣшенію бывшаго министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

По докладу того же министра въ журналахъ, разсматриваемыхъ университетскими цензурными комитетами, высочайше запрещено помѣщать отрывки изъ театральныхъ піесъ, по принадлежности цензуры оныхъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ.

Высочайше утвержденнаго въ 25 день іюля 1803 года устава императорской Академіи наукъ въ § 115 изображено: «подтверждаемъ симъ право Академіи, коимъ она исключительно пользуется, печатать на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ календари, такъ равно и С.-Петербургскія Политическія вѣдомости».

Право печатать политическія статьи сверхъ журнала: «Сынъ Отечества», распространено и на «Московскія вѣдомости» вмѣстѣ съ «Вѣстникомъ Европы», по положенію комитета г. г. министровъ, высочайше утвержденному 15 іюня 1810 года.

По высочайшему повелѣнію, объявленному комитету г. г. министровъ въ 27 день февраля сего года, постановлено: чтобы россійскіе чиновники, находящіеся на службѣ, нигдѣ и ни на какомъ языкѣ не издавали въ свѣтъ никакихъ сочиненій, заключающихъ что-либо касающееся до внѣшнихъ или внутреннихъ отношеній Россійскаго государства сверхъ обыкновенной цензуры безъ дозволенія своихъ начальствъ.

По распоряженію предмѣстника вашего высокопревосходительства предписано было въ началѣ 1817 года здѣшнему цензурному комитету, дабы акты или статьи, относящіеся до правительства, позволялъ онъ

печатать не иначе какъ съ согласія того министерства, до коего сочиненіе относится.

Несмотря на такую справку, А. С. Шишковъ нашелъ возможнымъ изданіе просимыхъ журналовъ.

«Я согласенъ,—писалъ онъ въ предложеніи попечителю [1]),—чтобы дозволено было предполагаемое г. г. Гречемъ и Булгаринымъ изданіе журналовъ подъ названіемъ «Сынъ Отечества», «Сѣверный Архивъ» и «Сѣверная Пчела», на изъясненномъ вами основаніи, со включеніемъ и отрывковъ изъ комедій и трагедій, съ тѣмъ однакожъ: 1) что какъ подобные отрывки предназначено исключить изъ періодическихъ изданій въ томъ предположеніи, что могло бы случиться, что они взяты были бы изъ непропущенныхъ надлежащею цензурою театральныхъ піесъ, то въ предупрежденіе сего постановить, чтобы издатели, представляя въ подвѣдомственный вамъ цензурный комитетъ журналъ свой, въ составъ коего имѣютъ входить таковые отрывки, предъявляли ему удостовѣреніе, что оные уже пропущены цензурою министерства внутреннихъ дѣлъ; 2) строго подтвердить цензорамъ, дабы они особенное имѣли вниманіе въ просмотрѣніи заграничныхъ извѣстій и, въ случаѣ сомнѣнія, испрашивали бы разрѣшенія начальства».

IV.

Ѳ. В. Булгаринъ послѣ 14-го декабря 1825 года.

9-го мая 1826 года дежурный генералъ главнаго штаба, генералъ-адъютантъ Потаповъ писалъ с.-петербургскому военному генералъ-губернатору Кутузову:

«Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы ваше превосходительство имѣли подъ строгимъ присмотромъ находящагося здѣсь отставнаго французской службы капитана Булгарина, извѣстнаго издателя журналовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ его величеству угодно имѣть справку о службѣ Булгарина, гдѣ онъ служилъ по оставленіи россійской службы, когда и въ какія вступалъ иностранныя и когда оставлялъ оныя. О высочайшей волѣ сей имѣя честь донести вашему превосходительству, покорнѣйше прошу справку о службѣ Булгарина доставить ко мнѣ, для представленія государю императору».

По справкѣ оказалось:

«Подпоручикъ Ѳаддей Булгаринъ изъ дворянъ Минской губерніи;

[1]) Отъ 3-го сентября 1824 г. № 2804.

за отцомъ его 750 душъ крестьянъ мужскаго пола. Въ службу вступилъ изъ кадетовъ 1-го кадетскаго корпуса корнетомъ 1806 г. ноября 11-го въ бывшій Уланскій его императорскаго высочества цесаревича полкъ.

«По неспособности къ кавалерійской службѣ переведенъ 1809 году февраля 25-го въ Кронштадтскій гарнизонный полкъ.

«Переведенъ 1810 г. августа 23-го въ Ямбургскій драгунскій полкъ.

«По худой аттестаціи въ кондуитномъ спискѣ отставленъ отъ службы 1811 года мая 10-го.

«Всего въ службѣ въ офицерскихъ чинахъ состоялъ 4 года и 7 мѣсяцевъ.

«Былъ въ походахъ и сраженіяхъ въ 1807 г. противъ французскихъ войскъ и въ 1808 г.—противу шведовъ.

«Награжденъ орденомъ Св. Анны 3-й степени.

«Въ штрафахъ, кромѣ отставки по худой аттестаціи, и подъ судомъ не бывалъ.

«Къ повышенію по формуляру Ямбургскаго драгунскаго полка за 1810 г. аттестованъ достойнымъ.

«Отъ роду ему нынѣ 40 лѣтъ.

«По кондуитному списку за 1810 г. показанъ: «по службѣ ведетъ себя дурно, способности ума имѣетъ хорошія, пьянству иногда преданъ, въ хозяйствѣ хорошъ».

Такая справка была не особенно лестна для Булгарина, и 12-го мая 1826 г. онъ писалъ Алексѣю Николаевичу Потапову:

«Вамъ извѣстно, что, будучи произведенъ въ офицеры въ весьма молодыхъ лѣтахъ, въ Уланскій его императорскаго высочества государя цесаревича и великаго князя Константина Павловича полкъ, я дѣлалъ школьническія шалости, увлекаясь примѣрами товарищей и пылкостью моего характера. Полагаю, что не безъизвѣстно вашему превосходительству, что, не взирая на сіе, я оставилъ по себѣ въ полку память честнаго человѣка и не труса и даже имѣлъ случай отличиться въ Фридландскую кампанію 1807 и Финляндскую—1808 годовъ.

«Принужденъ будучи оставить россійскую службу, я въ Варшавѣ, во время существованія герцогства, увлекся общимъ стремленіемъ умовъ, страстію къ путешествіямъ, блескомъ славы Наполеона, и вступилъ въ службу подъ его знамена. Въ извиненіе сего ничего не могу представить кромѣ польскаго моего происхожденія и моей неопытности. Всегда, однако жъ, я сохранялъ братскую любовь къ Россіи и не участвовалъ въ войнѣ 1812 г. Когда въ 1814 г. имперія Наполеона рушилась и разнородныя племена, составлявшія его армію, разбрелись восвояси, какъ послѣ Вавилонскаго столпотворенія, я въ семъ общемъ хаосѣ, получивъ отъ французскаго правительства видъ, возвратился въ Вар-

шаву. Тогда герцогствомъ Варшавскимъ управляло временное правительство, и членъ онаго генералъ Вавржецкій, управлявшій военною частью, удержалъ у себя французскій видъ, а выдалъ мнѣ другой для свободнаго прожитія въ Гродненской губерніи. На основаніи сего я получилъ прилагаемый при семъ паспортъ [1]), для проѣзда въ Петербургъ, а данный мнѣ видъ временнымъ правленіемъ Варшавскимъ удержалъ у себя заступившій мѣсто гражданскаго губернатора, коего подпись находится на паспортѣ. Съ тѣхъ поръ я оставался въ Петербургѣ и нашедши здѣсь друзей, старыхъ товарищей и покровителей, поселился навсегда, занялся литературою, женился, и на жительство въ столицѣ сперва получилъ позволеніе военнаго губернатора Вязмитинова, который докладывалъ обо мнѣ блаженныя памяти государю императору, а послѣ того—графа Милорадовича.

«При полученіи позволенія на изданіе журнала «Сѣверный Архивъ», я, кромѣ вида для проживанія, представилъ avis принца Невшательскаго (Бертье) и свидѣтельство офицеровъ. Этихъ бумагъ при мнѣ теперь нѣтъ, а находятся онѣ у моей матери, въ деревнѣ, однако жъ, онѣ занесены въ протоколъ цензурнаго комитета. Вотъ краткое и чистосердечное разрѣшеніе вопроса о моемъ званіи французскаго офицера, которыми наполнена Литва и Польша. Засимъ, осмѣливаюсь представить вашему превосходительству мою покорнѣйшую просьбу, которую, если возможно, прошу повергнуть къ стопамъ всемилостивѣйшаго монарха, въ такомъ видѣ, въ какомъ я представляю вашему превосходительству.

«Я десять лѣтъ подвизаюсь на поприщѣ русской словесности въ столицѣ и въ продолженіе этого времени не подвергнулся ни малѣйшему замѣчанію со стороны правительства, какъ въ отношеніи къ моему поведенію, такъ и въ отношеніи къ моимъ сочиненіямъ. Напротивъ того, я имѣлъ счастіе заслужить благорасположеніе многихъ первостепенныхъ чиновниковъ государства и благоволеніе публики. Ни однимъ поступкомъ, ни одною строкою, я въ продолженіе 10 лѣтъ не погрѣшилъ противу установленнаго порядка вещей. А десять лѣтъ много времени въ нашей краткой жизни! Напротивъ того, я моими сочиненіями старался посѣять въ сердцахъ любовь и довѣренность къ престолу и чистую нравственность. Стоитъ взглянуть въ книжку «Сѣвернаго Архива», вышедшую въ свѣтъ тремя днями предъ несчастнымъ днемъ 14-го декабря (отпечатанную 8-го декабря), и прочесть мою повѣсть «Бѣдный Макаръ», чтобы удостовѣриться, какія правила я стараюсь распространять и какія чувства прививать молодымъ людямъ. Удаляясь всегда отъ всякихъ политическихъ видовъ, я даже не хотѣлъ никогда вступать въ сословіе франкъ-масоновъ, опа-

[1]) Паспорта этого въ дѣлѣ нѣтъ.

саясь какой-нибудь таинственной цѣли. Но званіе благонамѣреннаго русскаго писателя и смиреннаго вѣрноподданнаго столь несовмѣстно съ несчастнымъ моимъ званіемъ французскаго офицера, что это мучитъ меня и терзаетъ. Я рѣшился во что бы то ни стало вырвать эту страницу изъ моей жизни. Надѣюсь, что по ходатайству вашего превосходительства всемилостивѣйшій государь императоръ обратитъ вниманіе на бѣднаго литератора и внемлетъ моей всеподданнѣйшей просьбѣ, которая состоитъ въ томъ, чтобы въ уваженіе моихъ малыхъ заслугъ на полѣ брани въ 1807 и 1808 годахъ и трудовъ моихъ въ литературѣ была мнѣ выдана отставка изъ инспекторскаго департамента, въ томъ чинѣ, въ которомъ я находился въ русской службѣ, и чтобы переименовать меня въ статскій чинъ, для опредѣленія къ гражданскимъ дѣламъ, гдѣ я могу быть полезенъ государю императору пріобрѣтенными мною небольшими свѣдѣніями и опытностію. Смѣю надѣяться, что если ваше превосходительство захотите вступиться въ это дѣло, то великодушный и милосердный монархъ не откажетъ мнѣ въ этомъ желаніи, устремленномъ къ цѣли быть ему вѣрнымъ и полезнымъ слугою.

«Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть вашего превосходительства всепокорнѣйшимъ слугою Ѳаддей Булгаринъ».

Спустя нѣсколько дней Булгаринъ представилъ Потапову записку, «О цензурѣ въ Россіи и о книгопечатаніи вообще».

Записка эта была слѣдующаго содержанія:

Необыкновенные перевороты въ политическомъ мірѣ, воспослѣдовавшіе въ продолженіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, порождавшіе постепенно страхъ и надежду во всѣхъ сословіяхъ общества, сдѣлали людей любопытными, внимательными ко всѣмъ происшествіямъ и распространили вкусъ къ средствамъ, сообщающимъ познанія, свѣдѣнія и извѣстія, т. е. къ чтенію. По естественному порядку вещей каждый предметъ, обращающій на себя наше вниманіе, подвергается нашему сужденію. Большинство голосовъ или сужденій образуютъ общее мнѣніе, которое, не взирая на заблужденіе нѣкоторыхъ недальновидныхъ политиковъ, существуетъ вездѣ, во всякомъ государствѣ, во всякомъ образѣ правленія, увлекаетъ за собою толпу, раздаетъ славу или безславіе и порождаетъ добро и зло. Но большая часть людей, по умственной лѣни, занятіямъ, недостатку свѣдѣній, слабости характера, врожденной гибкости ума или раздражительному чувству, гораздо способнѣе принимать и присвоивать себѣ чужое сужденіе, нежели судить сами, и какъ общее мнѣніе уничтожить невозможно, то гораздо лучше, чтобы правительство взяло на себя обязанность напутствовать его и управлять онымъ посредствомъ книгопечатанія, нежели предоставлять его на волю людей злонамѣренныхъ. Этимъ средствомъ истребляются заро-

дыши многихъ бѣдствій, и всѣ политики, всѣ великіе люди согласны въ томъ.

Россія не столь просвѣщенна, какъ другія государства Европы, но по своему положенію она болѣе другихъ государствъ имѣетъ нужду въ нравственномъ и политическомъ воспитаніи взрослыхъ людей и направленіи ихъ къ цѣли, предназначенной правительствомъ. Силою невозможно остановить распространеніе идей, подобно какъ корабля на ходу при сильномъ волненіи: можно снять флюгеръ, указующій направленіе вѣтра, но этимъ невозможно перемѣнить вѣтра. Напротивъ того искусное направленіе парусами и рулемъ даже вопреки вѣтру выведетъ корабль мимо опасныхъ мѣстъ къ желаемой пристани.

Чтобы управлять общимъ мнѣніемъ, надобно знать его стихіи или элементы. Бросимъ краткій взглядъ на всѣ сословія, составляющія нашу публику.

1. Знатные и богатые люди. Большая часть ихъ, т. е. девятнадцать двадцатыхъ, получили самое поверхностное воспитаніе и не имѣютъ даже тѣхъ свѣдѣній, которыя почерпаетъ юношество въ обыкновенныхъ пріуготовительныхъ школахъ Германіи или въ гимназіяхъ Литовскихъ и Остъ-зейскихъ губерній. Отданные съ дѣтства на руки французскимъ гувернерамъ (въ числѣ коихъ весьма мало достойныхъ воспитателей), молодые русскіе дворяне, подъ ихъ руководствомъ, учатся только многимъ языкамъ, получаютъ поверхностное понятіе объ исторіи и другихъ наукахъ и, перенявъ совершенно образъ мыслей своихъ воспитателей, на 17 или 18 году вступаютъ въ свѣтъ, не имѣя никакого понятія о людяхъ и вещахъ и вовсе не зная Россіи. Они всѣхъ людей даже китайцевъ почитаютъ французами, смотрятъ на все французскими глазами и судятъ обо всемъ на французскій манеръ. Все, что было и есть во Франціи, кажется имъ совершеннымъ и примѣнительнымъ (applicable) повсюду. Верхъ мудрости почитаютъ они правила французскихъ энциклопедистовъ, которые и называютъ философіей. Хотя по своему положенію въ свѣтѣ сей классъ людей долженствовалъ бы быть привязанъ къ настоящему образу правленія, но преждевременное честолюбіе, оскорбленное самолюбіе, неумѣстная самонадѣянность, заставляетъ ихъ часто проповѣдывать правила вредныя для нихъ самихъ и для правительства. Какъ богатые и знатные люди имѣютъ возможность быть хорошо воспитанными, то многіе, судя по поверхности, уже почитаютъ ихъ хорошо воспитанными, т. е. они берутъ возможность исполненія за самое исполненіе. Правительству весьма легко истребить вліяніе сихъ людей на общее мнѣніе и даже подчинить ихъ господствующему мнѣнію дѣйствіемъ приверженныхъ къ правительству писателей. Ихъ легко можно перевоспитать, убѣдить и дать настоящее направленіе ихъ умамъ.

2. Среднее состояніе. Оно состоитъ у насъ изъ: a) достаточныхъ дворянъ, находящихся въ службѣ и помѣщиковъ, живущихъ въ деревняхъ; b) изъ бѣдныхъ дворянъ, воспитанныхъ въ казенныхъ заведеніяхъ; c) изъ чиновниковъ гражданскихъ и всѣхъ тѣхъ, которыхъ мы называемъ приказными; d) изъ богатыхъ купцовъ, заводчиковъ и даже мѣщанъ. Это состояніе самое многочисленное, по большей части образовавшееся и образующееся само собою, посредствомъ чтенія и сообщенія идей, составляетъ такъ называемую русскую публику. Она читаетъ много и большею частію по-русски, бдительно слѣдитъ за успѣхами словесности и примѣчаетъ быстрый или стѣсненный ея ходъ. Просвѣщеніе нашей публики нельзя сравнить съ другими государствами, но наша публика имѣетъ то преимущество передъ другими, что она подобно юношѣ живѣе ощущаетъ всѣ впечатлѣнія, способнѣе принять всякое направленіе и довольствуется весьма не многимъ. Не надобно большихъ усилій, чтобы быть не только любимымъ ею, но даже обожаемымъ. Къ этому два средства: справедливость и нѣкоторая гласность (publicité). Публикація о происшествіяхъ 14-го декабря навѣрно столько выиграла сердецъ въ пользу Монарха, сколько самый милостивый манифестъ. Нашу публику можно совершенно покорить, увлечь, привязать къ трону, одною тѣнью свободы въ мнѣніяхъ на счетъ нѣкоторыхъ мѣръ и проектовъ правительства, какъ сіе было до 1816 г. И понынѣ съ восторгомъ воспоминаютъ о царствованіи Екатерины II по ея Наказу, по сильнымъ нравственнымъ комедіямъ и журнальнымъ сужденіямъ о различныхъ предметахъ, по одамъ Державина и т. п. Споры, бывшіе въ «Духѣ Журналовъ» о нѣкоторыхъ мѣрахъ министерства внутреннихъ дѣлъ и статьи «Вѣстника Европы», въ началѣ царствованія императора Александра, понынѣ услаждаютъ нашу публику. Повторяю, что возстановленіемъ сужденій о томъ, что угодно будетъ правительству передать на сужденіе публики, произведется благодѣтельное вліяніе на умы и не только въ Россіи, но даже и въ чужихъ краяхъ.—Совершенное безмолвіе порождаетъ недовѣрчивость и заставляетъ предполагать слабость; неограниченная гласность производитъ своеволіе; гласность же, вдохновенная самимъ правительствомъ, примиряетъ обѣ стороны и для обѣихъ полезна. Составивъ общее мнѣніе, весьма легко управлять имъ, какъ собственнымъ дѣломъ, котораго мы знаемъ всѣ тайныя пружины. Другая важная отъ сего польза для правительства будетъ та, что оно узнаетъ способныхъ людей. Теперь вообще жалуются на ихъ недостатокъ, на disette d'hommes — тогда способности выплывутъ на верхъ.

3) Нижнее состояніе. Оно заключаетъ въ себѣ мелкихъ подъячихъ, грамотныхъ крестьянъ и мѣщанъ, деревенскихъ священни-

ковъ и вообще церковниковъ и важный классъ раскольниковъ. На нижнее состояніе у насъ понынѣ вовсе не обращали вниманія въ литературно-политическомъ отношеніи и по ихъ безмолвію судили о нихъ весьма неосновательно. Этотъ классъ читаетъ весьма много. Обыкновенное ихъ чтеніе составляютъ духовныя книги, странствія къ святымъ мѣстамъ, весело-нравственныя повѣствованія и все вообще относящееся ковнутреннему управленію Россіи.—Раскольничьи скиты, волостныя правленія и вольныя слободы суть мѣста, гдѣ разсуждаютъ о всѣхъ указахъ и мѣрахъ правительства и читаютъ статьи, относящіяся до устройства Россіи. Находящіеся въ Петербургѣ и Москвѣ повѣренные отъ раскольническихъ обществъ, отъ казенныхъ вотчинъ, мелочные продавцы, закупающіе гуртомъ на годъ товары для продажи въ провинціяхъ, запасаются новыми указами, нумерами газетъ или журналовъ, гдѣ находится что-либо для нихъ любопытное, и привозятъ съ собою или пересылаютъ съ земляками на родину. — Ко мнѣ нѣсколько разъ являлись мужики и торговцы съ просьбами продать или подарить нумерокъ журнала, и я отъ нихъ и отъ купечества узналъ многія занимательныя подробности объ ихъ положеніи. Раскольничьи скиты суть самыя опасныя жерла, которыхъ никакъ нельзя погасить одними полицейскими средствами. Нѣтъ другой возможности совершенно овладѣть ихъ умами, какъ силою убѣжденія. Магическій жезлъ, которымъ можно управлять по произволу нижнимъ состояніемъ, есть Матушка Россія. Искусный писатель, представляя сей священный предметъ въ тысячѣ разнообразныхъ видовъ, какъ въ калейдоскопѣ, легко покоритъ умы нижняго состоянія, которое у насъ разсуждаетъ болѣе, нежели думаетъ.

4) Ученые и литераторы. Истинныхъ ученыхъ, т.-е. людей, посвятившихъ себя исключительно наукамъ, у насъ кромѣ профессоровъ весьма мало и тѣ, по большей части, иностранцы. Истинныхъ литераторовъ, владѣющихъ языкомъ, начитанныхъ, знающихъ Россію и ея потребности и способныхъ распространить, изложить, украсить всякую заданную тему—должно сознаться, къ стыду, также мало. Но какъ у насъ всякой стихотворецъ и памфлетистъ пользуется въ обществѣ нѣкоторымъ преимуществомъ и даже имѣетъ вліяніе на свой кругъ общества, то вовсе безполезно раздражать этихъ людей, когда нѣтъ ничего легче, какъ привязать ихъ ласковымъ обхожденіемъ и снятіемъ запрещенія писать о бездѣлицахъ, напримѣръ о театрѣ и т. п. Ласковый пріемъ И. А. Крылова государемъ императоромъ произвелъ благопріятнѣйшее впечатлѣніе въ умахъ литераторовъ и публики, нежели какое-нибудь важное пожертвованіе въ пользу наукъ и учебныхъ заведеній.

Гіерархія литераторовъ увлекается мнѣніемъ тѣхъ, которые упра-

вляютъ ими силою своего дарованія.—Съ этимъ классомъ гораздо легче сладить въ Россіи, нежели многіе думаютъ.—Главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы дать дѣятельность ихъ уму и обращать дѣятельность истинно-просвѣщенныхъ людей на предметы, избранные самимъ правительствомъ, а для всѣхъ вообще имѣть какую-нибудь, одну общую, маловажную цѣль, напримѣръ, театръ, который у насъ долженъ замѣнить сужденія о камерахъ и министрахъ. Весьма замѣчательно, что съ тѣхъ поръ, какъ запрещено писать о театрѣ и судить объ игрѣ актеровъ, молодые люди перестали посѣщать театры, начали сходиться вмѣстѣ, толковать вкось и впрямь о политикѣ, жаловаться на правительство даже явно. Я въ душѣ моей увѣренъ, что сія неполитическая мѣра увлекла многихъ юношей въ бездну преступленія и въ тайныя общества. Я тысячу разъ слыхалъ отъ молодыхъ людей слѣдующія жалобы: «можно ли жить, когда даже запрещаютъ за свои деньги судить о театрѣ и актерахъ! Чего послѣ этого не въ состояніи запретить»! Я нѣсколько разъ говорилъ объ этомъ покойному графу Милорадовичу, подавалъ бумагу ему и въ комитетъ театровъ, излагалъ вредъ политическій отъ сихъ мѣръ, но тщетно. Театральныя интриги заглушали голосъ усердія, и все оставалось по-прежнему. Здѣсь не излишнимъ почитаю изложить вкратцѣ причины, заставившія принять сіи неполитическія мѣры въ пользу нѣкоторыхъ особъ, принадлежавшихъ къ театру.

Въ нашихъ столицахъ, кромѣ театровъ, нѣтъ никакихъ публичныхъ увеселеній. Этотъ предметъ занимаетъ всѣ состоянія. Помѣщаемыя статьи въ журналахъ о театрѣ служатъ пищею для всеобщихъ разговоровъ въ чертогахъ знатныхъ, въ казармахъ и въ гостиномъ дворѣ. Между тѣмъ, публика съ неудовольствіемъ замѣтила, что князь Шаховскій, овладѣвшій (по дружбѣ съ графомъ Милорадовичемъ) репертуаромъ, представляетъ однѣ свои піесы, изъ которыхъ множество дурныхъ, и что главныя роли роздаетъ своимъ питомцамъ и вообще состоящимъ подъ его покровительствомъ актрисамъ и актерамъ. — Журналы заговорили объ этомъ, и князь Шаховскій достигнулъ того, что запрещено писать не только о піесахъ, представляемыхъ на театрѣ, но даже объ игрѣ актеровъ. Должно ли упомянуть, что сіе запрещеніе произвело сильный переворотъ въ литературѣ, послужило къ погашенію возникающихъ дарованій и оскорбленію заслужившихъ вниманіе публики и привыкшихъ къ должной дани ихъ трудамъ и способностямъ? Должно ли упоминать здѣсь, что запрещено было публикѣ изъявлять какимъ бы то ни было образомъ свое неудовольствіе объ игрѣ актеровъ и актрисъ и даже хлопать въ знакъ удовольствія актрисамъ, непокровительствуемымъ дирекціею? Все это однакожь существуетъ. Но я обращаю болѣе вниманіе на политическую часть, т.-е. на препоны, поставленныя дѣятельно-

сти ума и чувства, которыя, бывъ раздражены, обратились къ другимъ предметамъ.

Къ сему должно присовокупить, что даже по отставкѣ князя Шаховскаго театральное начальство не охотно соглашается, чтобы публика, платящая деньги за свое удовольствіе, имѣла совѣщательный голосъ посредствомъ журналовъ въ представленіяхъ театральныхъ, ибо черезъ это начальство театра теряетъ часть своего вліянія. Тогда директоръ театра или начальникъ репертуарной части не можетъ уже по своему капризу и произволу распредѣлять роли покровительствуемымъ имъ актрисамъ и актерамъ, не можетъ по своей волѣ опредѣлять степени ихъ достоинства и не можетъ принимать посредственныхъ или дурныхъ піесъ своихъ пріятелей преимущественно предъ хорошими. Сужденіе о піесахъ въ театральномъ комитетѣ, куда приглашаются и нѣкоторые литераторы, есть одно театральное представленіе, есть одна форма. Изъ 50 принимаемыхъ піесъ едва одну читаютъ въ комитетѣ и то въ такомъ случаѣ, когда дирекція хочетъ отказать автору, имѣющему какое-нибудь значеніе въ свѣтѣ, и въ то же время хочетъ свалить на другихъ, а именно приглашенныхъ въ комитетъ литераторовъ, непріятность отказа. Что же касается до сужденія объ игрѣ актеровъ, то для избѣжанія личностей стоитъ только предписать два правила: 1) чтобъ всякій сочинитель критики подписывалъ свое имя; 2) чтобы журналистъ отвѣчалъ за всѣ двусмысленности и личности, помѣщаемыя въ его журналѣ. Послѣ этого исчезнутъ всѣ намеки и эпиграммы.

Я потому столько распространился о театрѣ, что почитаю это весьма важнымъ дѣломъ къ успокоенію умовъ и водворенію въ публикѣ довѣренности къ правительству, ибо знаю всѣхъ литераторовъ и публику, съ которою ежедневно бесѣдую, знаю въ точности, какое неудовольствіе произвело сіе запрещеніе въ умахъ пылкаго юношества и даже людей степенныхъ, любящихъ справедливость.

Разсмотрѣвъ четыре отдѣленія, составляющія публику, и потребность или стремленіе каждаго, обращаюсь къ дѣйствіямъ нынѣ существующей цензуры.

Цензура установлена для того, чтобы препятствовать распространенію идей вредныхъ вѣрѣ, нравственности, существующему образу правленія, и пресѣкать личности. Неискусными мѣрами наша цензура не только не достигла сей цѣли и не произвела желаемой пользы, но только раздражала умы и повредила правительству странными своими поступками. Бросимъ взглядъ на каждую часть въ особенности.

1) Въ отношеніи къ вѣрѣ. Цензура состояла сперва подъ вліяніемъ мистицизма, а нынѣ состоитъ подъ вліяніемъ противной ей партіи. Сперва выходило множество книгъ сектаторскихъ, мистическихъ,

нынѣ покровительствуются книги, служащія опроверженіемъ первыхъ. Изъ сего боренія партій не произошло никакой пользы для вѣры и нравственности, напротивъ того, размножились секты, толки о вѣрѣ и самыя вредныя идеи для правительства. Объ этомъ предметѣ нельзя говорить кратко, и потому я умалчиваю здѣсь объ ономъ. Мысли о семъ я излагалъ по волѣ покойнаго графа Милорадовича, для блаженной памяти императора Александра. Не знаю, гдѣ находится поданная мною бумага, въ кабинетѣ ли его величества или между бумагами покойнаго графа.

Что же дѣлала цензура подъ вліяніемъ мистиковъ и ихъ противниковъ? Распространяя вредные для чистой вѣры книги, она истребляла изъ словесности только одни слова и выраженія, освященныя временемъ и употребленіемъ. Вотъ для образчика нѣсколько выраженій, не позволенныхъ нашею цензурою, какъ оскорбительныхъ для вѣры: отечественное небо; небесный взглядъ, ангельская улыбка, божественный Платонъ; ради Бога, ей Богу, Богъ одарилъ его; онъ вѣчно занятъ былъ охотой и т. п. Всѣ подчеркнутыя здѣсь слова запрещены нашею цензурою, и словесность, а особенно поэзія совершенно стѣснены. Должно замѣтить, что даже папская цензура позволяетъ сіи выраженія, чему служитъ доказательствомъ нынѣшняя италіанская поэзія.

Столь смѣшное ханжество, представляя цензуру въ самомъ странномъ видѣ, заставляло многихъ молодыхъ людей принимать дѣйствіе за причину и уменьшило уваженіе ихъ къ правительству. Для краткости я пропускаю множество примѣровъ изъ дѣйствій цензуры, которые, безъ приложенія подлинныхъ доказательствъ, показались бы невѣроятными. Стоитъ посмотрѣть выключенныя мѣста изъ одного листка газеты или одной книжки журнала, чтобы удостовѣриться, что цензура не постигаетъ цѣли правительства, а вмѣсто того, чтобы смотрѣть на духъ сочиненій, привязывается къ однимъ словамъ и фразамъ.

2) Въ отношеніи къ правительству вмѣсто того, чтобы запрещать писать противу правительства, цензура запрещаетъ писать о правительствѣ и въ пользу онаго. Всякая статья, гдѣ стоитъ слово правительство, министръ, губернаторъ, директоръ, запрещена впередъ, что бы она ни заключала. Повторяю, все зло происходитъ отъ того, что у насъ смотрятъ не на духъ сочиненія, а на одни слова и фразы и тотъ, кто искусными перифразами можетъ избѣжать въ сочиненіи запрещенныхъ цензурою словъ, часто заставляетъ ее пропускать непозволительныя вещи. Напротивъ того, всякое чистое, благоразумное сужденіе и повѣствованіе о благодѣтельныхъ мѣрахъ правительства строго запрещено. Самыя сильныя препоны для

словесности и наукъ воспослѣдовали отъ изданія повелѣнія въ 1822 г., которымъ запрещено было всѣмъ служащимъ писать и публиковать о дѣлахъ, до службы касающихся, и о внутреннемъ, и внѣшнемъ состояніи Россіи, безъ позволенія начальства. Существо сего повелѣнія весьма справедливо, ибо нигдѣ, даже въ самой Англіи, не позволяется публиковать актовъ правительства безъ согласія онаго. Но наша цензура приняла сіе повелѣніе въ противномъ смыслѣ и не позволяетъ печатать никакихъ даже маловажныхъ извѣстій безъ согласія различныхъ министерствъ, которыя иногда изъ снисхожденія позволяютъ, а чаще отговариваются тѣмъ, что не имѣютъ предписанія, какъ дѣйствовать въ семъ случаѣ, и множество любопытныхъ вещей пропадаетъ для наукъ. Съ тѣхъ поръ географія и статистика Россіи пришли въ совершенный упадокъ. Цензура не позволяетъ даже извѣщать публику безъ согласія начальства разныхъ отраслей правленія о всенародныхъ происшествіяхъ, парадахъ, фейерверкахъ, гуляньяхъ, экзаменахъ въ казенныхъ и частныхъ заведеніяхъ, о феноменахъ природы въ разныхъ мѣстахъ Россіи случающихся и проч. Кто бы подумалъ, что для помѣщенія извѣстія о градѣ, засухѣ, ураганѣ должно быть позволеніе министерства внутреннихъ дѣлъ, о данномъ графомъ Милорадовичемъ фейерверкѣ въ Екатерингофѣ надлежало получить позволеніе самого графа; объ экзаменѣ частнаго пансіона нельзя извѣстить родителей безъ согласія самого начальника пансіона и т. п. Отъ этого періодическія изданія теряли свою занимательность, ибо издатели, будучи обязаны для напечатанія нѣсколькихъ страничекъ, обѣгать всѣ министерства и часто безъ успѣха, вовсе отказываются отъ помѣщенія отечественныхъ извѣстій, и мы только изъ иностранныхъ журналовъ почерпаемъ ложныя и ошибочныя извѣстія о Россіи, напримѣръ: на приложеніе изображенія медали за взятіе Парижа въ «Сѣверной Пчелѣ» самъ министръ просвѣщенія не могъ дать позволенія и издатели у г. военнаго генералъ-губернатора выпросили право извѣстить публику о томъ, что происходило всенародно. Трудно повѣрить, что̀ наша цензура почитаетъ вреднымъ правительству? Одинъ писатель при взглядѣ на гранитныя колоссальныя колонны Исаакіевскаго храма восклицаетъ: «это, кажется, столпы могущества Россіи»! Цензура вымарала съ замѣчаніемъ, что столпы Россіи суть министры. Другой писатель, описывая гербъ генерала де-ла-Круа, въ Ревелѣ, сказалъ, что ножки гроба изображаютъ орловъ—цензура вымарала съ замѣчаніемъ, что орелъ есть гербъ Россіи, а потому и нельзя говорить о немъ такимъ образомъ. Таковыми поступками цензура не могла пріобрѣсть себѣ уваженія, напротивъ сдѣлалась предметомъ насмѣшекъ, сатиръ и эпиграммъ, въ которыхъ всегда обвинялось правительство.

3) Въ отношеніи нравственности. Въ семъ случаѣ цен-

зура, какъ и въ двухъ первыхъ, привязываясь единственно къ словамъ, часто пропускала самыя соблазнительныя стихотворенія, а иногда запрещала самыя невинныя статьи. Напримѣръ, повѣсть, въ которой жидъ представленъ добродѣтельнымъ человѣкомъ (хотя въ той же повѣсти ни одинъ христіанинъ не представленъ злымъ); почтена безнравственною, потому что жиды не могутъ и не должны быть добродѣтельными. Въ повѣстяхъ нельзя сказать: женихъ поцѣловалъ свою невѣсту, но посмотрѣлъ на невѣсту; вмѣсто онъ любилъ ее, должно говорить онъ хотѣлъ жениться и т. п. Не смѣю утруждать вниманія множествомъ подобныхъ нелѣпостей и повторяю: стоитъ просмотрѣть одну книжку журнала.

4) Касательно личности. У насъ до сихъ поръ защищали не лица, но пороки и дурные поступки. Запрещено строжайше, даже въ переводахъ съ иностраннаго, представлять камергеровъ, министровъ, генераловъ и особенно князей и графовъ иначе какъ въ самыхъ блестящихъ краскахъ и людьми добродѣтельными. Отъ этого вмѣсто пользы проистекаетъ вредъ, ибо читатели, видя въ натурѣ слабости человѣчества и сравнивая съ идеалами, тѣмъ менѣе уважаютъ тѣхъ, которые представляются на бумагѣ всегда какъ образцы, какъ совершенство человѣчества. Добро не покажется добромъ, если не будетъ въ противоположности со зломъ: картина безъ тѣней не привлечетъ вниманія и похвалъ.

Намекнувъ самымъ краткимъ образомъ о дѣйствіяхъ цензуры и принимая на себя отвѣтственность доказать все сказанное о дѣлѣ по рукописямъ, хранящимся въ архивѣ цензурнаго комитета, осмѣливаюсь представить мои мысли касательно преобразованія цензуры.

Мысли о преобразованіи цензуры.

Петербургъ, средоточіе просвѣщенія, гдѣ находится дворъ, всѣ министерства, всѣ главныя учебныя заведенія, слѣдовательно самая просвѣщенная часть народа, гдѣ заведено болѣе казенныхъ типографій, нежели сколько ихъ существуетъ въ цѣлой Россіи, гдѣ издаются почти всѣ журналы и книги, имѣетъ только трехъ цензоровъ, а изъ того числа два русскихъ, когда напротивъ того всѣ города, гдѣ находятся университеты, имѣютъ ихъ до 20. Отъ этого цензура не можетъ быть бдительною и дѣятельною, часто поступаетъ на удачу, и по человѣчеству не можетъ выдержать необыкновенныхъ трудовъ, на нея возложенныхъ. У насъ въ Петербургѣ существуетъ Академія наукъ, которой члены не обременены трудами (исключая г. Френа и еще одного или двухъ). Одинъ разъ въ годъ или въ два года, Академія издаетъ одинъ томъ своихъ Записокъ, гдѣ немногіе академики помѣщаютъ свои статьи. Кромѣ того, академія издаетъ теперь вновь съ большими издержками

путешествія по Россіи своихъ путешественниковъ, которыя проданы были сперва на вѣсъ, какъ безполезныя вещи. Содержаніе имѣютъ гг. академики значительное и по службѣ получаютъ большія выгоды. Почему бы г.г. академикамъ не заниматься цензурою книгъ по ученой части, чтобъ быть полезнымъ правительству, которое ихъ награждаетъ свыше заслугъ? Во всѣхъ университетахъ гг. профессоры исполняютъ обязанность цензоровъ; ибо кому сходнѣе повѣрить цензуру книгъ, какъ не тѣмъ, кому повѣряется важнѣйшее воспитаніе юношества? Наши профессоры С.-Петербургскаго университета имѣютъ весьма мало занятій: нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ по двѣ каѳедры такихъ наукъ, которыя въ цѣломъ мірѣ преподаются нераздѣльно. Такъ напримѣръ, у насъ существуютъ особыя каѳедры географіи, статистики и политической экономіи, когда сіи три отрасли должны непремѣнно преподаваться вмѣстѣ, ибо онѣ отдѣльно могутъ быть преподаваемы какъ развѣ въ нижнихъ училищахъ. Гг. здѣшніе профессоры занимаются только преподаваніемъ частныхъ уроковъ по домамъ и симъ уничтожаютъ свое почтенное званіе, превратившись изъ ветерановъ наукъ въ coureurs des Cachets. Въ Москвѣ, Вильнѣ, Дерптѣ, гдѣ считается по нѣсколько сотъ студентовъ, профессоры съ всеобщимъ уваженіемъ занимаются своею обязанностью, не учатъ изъ постыдной прибыли въ частныхъ домахъ и суть въ то же время цензорами. На это можетъ быть станутъ отвѣчать, что профессоры должны заниматься частными уроками, по недостатку хорошихъ частныхъ учителей. Но почему же родители не посылаютъ дѣтей своихъ на публичные курсы въ гимназіи и университеты, какъ это дѣлается въ Вильнѣ, Дерптѣ и даже въ Москвѣ? Лучше, чтобы юношество училось на публичныхъ курсахъ, состоящихъ подъ надзоромъ правительства, нежели по домамъ, гдѣ никто не можетъ ручаться за преподаваемыя правила.

Итакъ, изъ гг. академиковъ и профессоровъ безъ малѣйшей прибавки жалованья можно составить многочисленный цензурный комитетъ, гдѣ могутъ засѣдать, какъ почетные члены, нѣсколько литераторовъ съ совѣщательнымъ голосомъ. Двѣ духовныя особы должны быть непремѣнно прикомандированы только для разрѣшенія духовныхъ пунктовъ, встрѣчающихся въ свѣтскихъ сочиненіяхъ. Всѣ же духовныя сочиненія подлежатъ Синоду и духовной цензурѣ.

Сей комитетъ долженъ раздѣляться на два отдѣленія подъ предсѣдательствомъ президента, назначеннаго правительствомъ:

1-е отдѣленіе—по части математическихъ и физическихъ наукъ;

2-е отдѣленіе—по части исторіи, статистики и словесности.

Гг. цензоры могутъ заниматься работою на дому, а два раза въ недѣлю собираться въ комитетъ, для представленія на общее разрѣшеніе

сомнительныхъ мѣстъ. При сихъ двухъ отдѣленіяхъ полагается секретарь и нѣсколько писцовъ на особомъ жалованьѣ.

3-е отдѣленіе—театральныхъ піесъ и періодическихъ изданій: журналовъ, газетъ и альманаховъ, должно быть при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ по части высшей полиціи (la haute police). Сюда же принадлежитъ и цензура приходящихъ изъ чужихъ краевъ книгъ. Это потому, что театральныя піесы и журналы, имѣя обширный кругъ зрителей или читателей, скорѣе и сильнѣе дѣйствуютъ на умы и на общее мнѣніе. И какъ высшей полиціи должно знать общее мнѣніе и направлять умы по произволу правительства, то оно же и должно имѣть въ рукахъ своихъ служащія къ сему орудія. 3-е отдѣленіе можетъ быть въ сношеніяхъ, но не должно быть въ зависимости отъ двухъ первыхъ и должно дѣйствовать особо, по волѣ самого государя императора, изъявляемой министру. Сіе 3-е отдѣленіе должно быть составлено изъ чиновниковъ просвѣщенныхъ въ полномъ смыслѣ слова, надежныхъ и нравственныхъ. Они должны получать хорошее содержаніе. Шесть человѣкъ, включая въ то число и секретаря, весьма достаточно для сего отдѣленія.

Апелляція на два первыя должна поступать въ главное правленіе училищъ, предсѣдательствуемое самимъ министромъ просвѣщенія, а на 3-е отдѣленіе—къ министру внутреннихъ дѣлъ или начальнику высшей полиціи, который въ важныхъ случаяхъ докладываетъ самому государю императору. Екатерина II и Наполеонъ не пренебрегали сею отраслью администраціи, управляющею общимъ мнѣніемъ.

Что же касается до правилъ, какими должна руководствоваться цензура, то сіе не подлежитъ моему разсужденію. Я представилъ нашу публику и цензуру въ ихъ настоящемъ положеніи и это почитаю достаточнымъ для принятія нужныхъ мѣръ къ удовлетворенію первой и усовершенствованію послѣдней. Исполненіе самыхъ лучшихъ законовъ зависитъ отъ наблюденія за исполнителями и указанія волею Монарха пути, по которому должно слѣдовать.

Симъ оканчиваю мое мнѣніе, которое мнѣ внушено любовью къ добру, къ тишинѣ, порядку и правосудію. Я бы вмѣнилъ себѣ въ преступленіе, если бы умолчалъ о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя мнѣ казались вредными правительству и доводили не только до неудовольствія, но даже до изступленія пылкіе умы, лишенные всякой дѣятельности. Какъ журналистъ, состоя въ безпрестанныхъ литературныхъ сношеніяхъ со всѣми литераторами, цензурою и публикою, я узналъ ихъ потребности, недостатки и похвальныя качества, о которыхъ теперь представляю правительству. Безкорыстная привязанность къ государю, ознаменовавшему начало своего царствованія твердостью характера и правосудіемъ, возлагаетъ на меня обязанность представить истину безъ

покрова, въ той надеждѣ, что если мысли мои будутъ удостоены того, чтобы быть ему представленными, онъ по великодушію своему проститъ мою смѣлость изъ уваженія къ чистотѣ моихъ намѣреній.

Ѳаддей Булгаринъ, издатель «Сѣверной Пчелы», «Сѣвернаго Архива» и «Сына Отечества».

Получивъ эту записку, Потаповъ передалъ ее барону И. И. Дибичу и получилъ отъ него приказаніе переговорить съ Булгаринымъ.

«По приказанію вашего превосходительства,—писалъ Потаповъ барону Дибичу,—я видѣлъ Булгарина. Вопросъ мой: полагаетъ ли онъ полезнымъ записку о цензурѣ сообщить министру просвѣщенія? огорчилъ его. Отвѣтъ заключается въ прилагаемомъ письмѣ.

«Наблюдая внимательно—писалъ Булгаринъ Потапову [1])—характеръ народа во всѣхъ сословіяхъ и размышляя надъ теченіемъ дѣлъ и различными необыкновенными случаями, я удостовѣрился, что почти все дурное происходитъ отъ того, что у насъ не обращали вниманіе на нравственность народа (le moral), не старались образовать общее мнѣніе и управлять онымъ. Движимый усердіемъ, личною привязанностью и благодарностью къ моему государю, любовью къ Россіи и желаніемъ порядка и тишины, я вознамѣрился изложить вкратцѣ мое мнѣніе о семъ предметѣ, предоставляя себѣ при случаѣ пояснить подробнѣе все сказанное въ моей запискѣ. Особа, которая, по прочтеніи оной, взялась доставить сіе государю императору, увѣрила меня честнымъ словомъ, что сія записка не выйдетъ изъ кабинета его величества и ни подъ какимъ видомъ не будетъ доведена до свѣдѣнія министра просвѣщенія. Это было условіе, на основаніи коего я согласился вручить мою записку.

«Записка сія заключаетъ въ себѣ одни политическія мнѣнія, наблюденія и соображенія. О цензурѣ говорится въ ней почти мимоходомъ и единственно потому, что въ это же время предоставленъ министерствомъ на утвержденіе новый цензурный уставъ, который по моему мнѣнію вовсе не сообразенъ съ нынѣшнимъ положеніемъ Россіи и вмѣсто того, чтобы приблизить правительство къ цѣли, удалитъ отъ оной. Если записка моя будетъ предоставлена министерству просвѣщенія, то я, излагая мысли противныя, подвергнусь жесточайшему преслѣдованію отъ всѣхъ лицъ, дѣйствующихъ такъ, какъ изъяснено въ моей запискѣ. Кромѣ того отъ записки моей не произойдетъ ни малѣйшей пользы, ибо въ оной заключаются такіе предметы, которые могутъ быть произведены въ дѣйство одною законодательною властью. Власть министерства не простирается до такой степени, чтобы оно могло преобразовать что-либо по моему плану. Я мыслю только для государя

[1]) Отъ 3-го іюня 1826 г.

императора, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство заступленія и покровительства въ семъ дѣлѣ. Если записка моя будетъ препровождена къ министру просвѣщенія, я погибну жертвою моего усердія и погибну безполезно. Меня заклюютъ всѣ мелочные люди, которые все дурное, сказанное въ общихъ выраженіяхъ, берутъ на свой счетъ. Если непремѣнно нужно, чтобы записка моя была куда-нибудь препровождена по части министерства просвѣщенія, то покорнѣйше прошу доставить ее Михаилу Михаиловичу Сперанскому, занимающемуся въ комитетѣ преобразованія училищъ. Онъ, по крайней мѣрѣ, не причтетъ мнѣ въ вину моего усердія и чистоты моихъ намѣреній, и я не подвергнусь преслѣдованію. Отослать же оную къ министру просвѣщенія значитъ наказать меня строжайше, а я, кажется, не заслужилъ этого. Лучше всего было истребить сію записку, если она не можетъ произвесть никакой дѣйствительной пользы. По крайней мѣрѣ симъ не нарушится честное слово, данное мнѣ особою, взявшеюся доставить записку государю императору».

На запискѣ А. Н. Потапова баронъ И. И. Дибичъ написалъ: «Призовите его къ себѣ и успокойте его, ибо именно для того прежде спрашивали его же, и онъ напрасно труситъ; можно сдѣлать выписку изъ онаго (проекта) и переписать рукою писаря и препроводить къ министру просвѣщенія, а оригиналъ оставить у меня самого.

«Я бы желалъ видѣть этого Булгарина, если онъ человѣкъ желающій добра и уменъ, то долгъ службы требуетъ ему открыть дорогу и простить прошедшее есть всегда дѣло доброе».

Записка была переписана до словъ: «Симъ оканчиваю мое мнѣніе...» и отправлена министру народнаго просвѣщенія.

«Государь императоръ,—писалъ при этомъ И. Дибичъ [1]),—получивъ прилагаемую при семъ выписку, заключающую въ себѣ нѣкоторыя замѣчанія на счетъ цензуры и книгопечатанія въ Россіи, высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ препроводить оную къ вашему высокопревосходительству на разсмотрѣніе и увѣдомить васъ, что его величеству угодно имѣть по сему предмету мнѣніе ваше».

Сообщилъ Н. Д.

[1]) Отъ 5-го іюля 1826 г. № 1182.

Возвращеніе барона Беннигсена въ армію въ 1812 году.

Всеподданнѣйшее письмо барона Беннигсена.

20-го августа 1812 г. [1]).

Всемилостивѣйшій государь!

Я находился не въ дальнемъ разстояніи отъ Петербурга, когда встрѣтилъ генерала князя Кутузова, который изустно сообщилъ мнѣ волю вашего императорскаго величества, чтобы я находился въ арміи и служилъ бы подъ начальствомъ его; нѣсколько дней спустя я удостоился счастія получить милостивое письмо вашего императорскаго величества. Лестныя выраженія, которыя вы, всемилостивѣйшій государь, изволите употреблять касательно преданности моей вашей августѣйшей особѣ и приверженности моей къ отечеству, преисполнили меня благодарностью. Каковъ бы ни былъ кругъ дѣятельности, который вашему величеству благоугодно было назначить мнѣ, несомнѣнно то, что когда дѣло идетъ о службѣ государю и отечеству, голосъ честолюбія долженъ замолкнуть, и всѣ желанія мои исполнятся, если мнѣ возможно будетъ слабыми моими талантами способствовать успѣху оружія вашего императорскаго величества и славѣ вашего царствованія. Вы изволили предоставить мнѣ къ тому случай, и я осмѣливаюсь повергнуть за то предъ вашимъ величествомъ дань живѣйшей благодарности.

[1]) Переводъ съ французскаго.

Гортензія Богарнэ.

II [1]).

Луи Бонапартъ очень любилъ своего старшаго сына, котораго также страстно любила и Гортензія. Самъ Наполеонъ привязался къ племяннику и нерѣдко подолгу съ нимъ игралъ и забавлялся; одна изъ такихъ сценъ прекрасно изображена на извѣстной картинѣ знаменитаго Жерара. Ребенокъ дѣйствительно былъ очень милъ, смышленъ и остроуменъ. 3-го мая 1807 года онъ внезапно захворалъ и, несмотря на всѣ старанія докторовъ, умеръ отъ дифтерита черезъ сутки. Гортензія пришла въ совершенное отчаяніе, ее съ трудомъ могли оттащить отъ трупа любимаго ея сына. Она впала въ какое то уныніе, въ полнѣйшую апатію, на нее нашелъ какой-то столбнякъ. Мужъ ея, также сильно опечаленный, по возможности утѣшалъ ее, насколько могъ. Гортензія, тронутая наконецъ такимъ его вниманіемъ въ ней, протянула ему руку съ признательною улыбкою.

Прибывшій нарочно изъ Парижа Корвизаръ нашелъ положеніе Гортензіи весьма серьезнымъ. Скоро прибыла въ Гаагу императрица Жозефина и сестра Луи, великая герцогиня Бергская (супруга Мюрата), чтобы по возможности утѣшить своего брата. Заботясь о здоровьи до-

[1]) См. „Русскую Старину“ августъ 1900 г.

чери, Жозефина предположила увезти ее съ собою во Францію въ Мальмэзонъ, на что супругъ ея изъявилъ согласіе. Онъ самъ же возвратился къ прежней своей должности и сталъ снова королемъ Голландіи.

Гортензія долгое время находилась въ какомъ-то оцѣпенѣніи и какъ бы въ безпамятствѣ произносила отдѣльныя слова и фразы, ясно доказывавшія, что она думаетъ только о своемъ умершемъ сынѣ и все вспоминаетъ объ его утратѣ. Перемѣна всей обстановки не оказывала ни малѣйшаго вліянія на состояніе Гортензіи; поэтому послѣ 15-ти дней пребыванія въ Мальмэзонѣ она отправилась на воды въ Котерэ (Cauterets) [1]), оставивъ единственнаго своего сына у Жозефины. Она была далеко еще не оправившись; но тихая жизнь среди дикой и красивой мѣстности, большія ежедневныя прогулки, горный воздухъ, восхожденіе на различныя горы понемногу возстановили ея душевное спокойствіе и физическія силы. Она стала гораздо бодрѣе, по временамъ говорила даже о смерти своего сына, начинала ощущать тихое успокоеніе, какъ вдругъ судьба свела ее съ лицомъ, который, потерявъ молодую обожаемую супругу, пріѣхалъ также искать забвенія и утѣшенія въ тѣхъ же Пиренейскихъ горахъ. Этотъ человѣкъ былъ Деказъ, будущій министръ Людовика XVIII. Онъ встрѣтилъ Гортензію и былъ пораженъ ея красивою наружностью. Общность горя сблизила ихъ болѣе, чѣмъ бы слѣдовало, тишина и уединеніе немало способствовали этому. Скоро они видѣлись не только всякій день, но и цѣлый день. Отношенія ихъ стали извѣстны въ Парижѣ. Луи Бонапартъ не подозрѣвалъ этого и отправился за своею женою на югъ Франціи. Однако онъ не доѣхалъ до Котерэ, такъ какъ Гортензія встрѣтила его въ Тулузѣ 12-го августа 1807 года. Встрѣча была очень сердечная и нѣжная съ обѣихъ сторонъ, и доброе согласіе могло повидимому водвориться въ этомъ жалкомъ супружествѣ, если бы сестра короля, великая герцогиня Бергская, не воспрепятствовала этому. Она разсказала своему брату, какъ бы не придавая сама этому вѣры, о всѣхъ отношеніяхъ Гортензіи къ Деказу и о томъ, что молва считаетъ Деказа даже виновникомъ новой беременности Гортензіи. Этого было достаточно; Луи и по природѣ былъ подозрителенъ и недовѣрчивъ; теперь же всякая надежда на согласіе съ женою исчезла.

Жозефина была встревожена блѣдностью, худобою и болѣзненнымъ видомъ своей дочери и настаивала, чтобы Гортензія осталась въ Па-

---

[1]) Котере (Cauterets) въ верхнихъ Пиренеяхъ, маленькое мѣстечко среди красивыхъ горъ, славится цѣлебными водами.

ижѣ. Мужъ ея на это не соглашался; но Жозефина склонила на свою сторону врачей и Наполеона, который и приказалъ брату оставить свою жену въ столицѣ Франціи. Луи Бонапартъ повиновался. Сама Гортензія не выражала желанія слѣдовать за мужемъ; она ссылалась на свое болѣзненное положеніе, хотя въ душѣ была очень рада остаться въ любимомъ ею Парижѣ. Она не желала разстаться также съ адмираломъ Верюэль (Verhuell), посланникомъ Голландіи въ Парижѣ, и намѣревалась при томъ, по примѣру г-жи Рекамье, Жанлисъ, Сталь и другихъ дамъ, собрать вокругъ себя литераторовъ и художниковъ и сдѣлаться покровительницею изящныхъ искусствъ. Въ то время какъ Гортензія составляла такіе блестящіе планы, ея супругъ одинъ, безъ жены и сына, направлялся въ Голландію, намекнувъ довольно ясно Гортензіи о своихъ подозрѣніяхъ въ ея невѣрности къ нему. Сцена разлуки была довольно бурная; Гортензія не скрыла полнаго къ нему презрѣнія и ненависти и рѣшилась никогда болѣе не возвращаться къ своему мужу. Она неоднократно выражала своимъ пріятельницамъ, что «съ этого времени считала свою жизнь совершенно разбитою, видѣла, что не можетъ избавиться отъ несчастій; чувствовала себя чуждою всѣхъ удовольствій жизни, лишенною всякихъ иллюзій, почти умершею для всего совершавшагося вокругъ нея».

Вскорѣ послѣ этого, въ концѣ сентября 1807 года, весь дворъ совершалъ извѣстную поѣздку въ Фонтенебло. Гортензія также участвовала въ этомъ, несмотря на свое крайне грустное настроеніе и свою беременность; она начинала уже, какъ говорили, харкать кровью. Жозефина очень обезпокоилась этимъ, весьма часто навѣщала свою дочь, была чрезвычайно къ ней внимательна и старалась ее всячески разсѣять, разсказывая всякія мелочи своей жизни, какъ-то различныя похожденія императора, ея безпокойства отъ ревности, домашнія ссоры, опасенія могущаго быть развода и т. д. Гортензія, немало рисовавшаяся въ своей болѣзни, слушала все это довольно безучастно. Однажды во время блестящей охоты, въ которой Гортензія участвовала сидя въ каретѣ, она заговорила съ императоромъ о своемъ несчастіи и о намѣреніи просить развода. Наполеонъ сказалъ ей, что никогда этого не дозволитъ, утѣшалъ ее, говорилъ о будущности сына и въ заключеніе выразилъ, что послѣ родовъ ей непремѣнно надо уѣхать къ мужу въ Голландію.

— Никогда!—отвѣчала Гортензія;—я не въ силахъ возвратиться въ страну, въ которой лишилась сына, тамъ слишкомъ много печальныхъ для меня воспоминаній. Къ тому же здоровье мое разстроено, честь моя опорочена, я не предвижу счастья въ жизни, не желаю болѣе ни престола, ни денегъ, хочу идти въ монастырь.

Наполеонъ утѣшалъ ее, совѣтовалъ быть терпѣливою, обѣщая мно-

гое уладить, но повторилъ рѣшительно, что нечего и думать о разводѣ. Вскорѣ въ газетѣ «Journal des Débats» появилась замѣтка, что Гортензія въ непродолжительномъ времени вернется въ Голландію. Это произвело переполохъ. Гортензія жаловалась Наполеону, и онъ, чрезъ министра полиціи Фуше, узналъ, что эта замѣтка доставлена отъ матери Наполеона, желавшей удалить Гортензію. По просьбамъ Гортензіи Наполеонъ разрѣшилъ помѣстить въ газетѣ опроверженіе за подписью врачей, что состояніе здоровья Гортензіи воспрещаетъ ей всякое путешествіе въ настоящее время.

По возвращеніи изъ Фонтенебло Гортензія помѣстилась въ улицѣ Черутти (теперь улица Лафитта) и имѣла очень небольшой дворъ. Веселость ея понемногу возвратилась: она была вдали отъ мужа. У нея собиралось небольшое, но избранное общество; при чемъ бывало весьма немного дамъ, только г-жа Ремюза, д'Абрантесъ, Реньо-Сенъ-Жанъ д'Анжели, отличавшаяся замѣчательною красотою и игравшая прекрасно на фортепіано, и еще нѣсколько ея прежнихъ подругъ. Занимались обыкновенно музыкою, Гортензія пѣла свои романсы съ большимъ успѣхомъ, что̀ очень льстило ея тщеславію, и она воображала себя артисткою. По временамъ она давала большіе вечера со всею пышностію, которой требовалъ Наполеонъ отъ членовъ своего семейства; на этихъ вечерахъ постоянно присутствовалъ Сегюръ, братъ оберъ-церемоніймейстера императора, и Моле—верховный судья. Гортензія любила заниматься убранствомъ своего помѣщенія; теперь она имѣла расположеніе къ готическому стилю, и вся прежняя обстановка и меблировка сообразно этому замѣнялась другою, соотвѣтствующею этому стилю. По временамъ она ѣздила за городъ въ деревню, чтобы нѣсколько отдохнуть, занималась цвѣтами и хотя утверждала, что предпочитаетъ сельскую жизнь и деревенское уединеніе, но на дѣлѣ она до безконечности любила свѣтъ и его удовольствія и развлеченія. Императоръ требовалъ, чтобы члены его семейства давали балы еженедѣльно. Гортензія установила ихъ у себя по понедѣльникамъ и приглашала лицъ всякаго рода безъ строгаго разбора, особенно художниковъ и писателей, полагая въ каждомъ изъ самыхъ незначительныхъ видѣть геніальныхъ людей. На одномъ изъ такихъ баловъ, данныхъ герцогинею Бергъ, Гортензія вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими дамами явилась въ легкомъ костюмѣ весталокъ (въ то время была мода на весталокъ вслѣдствіе оперы «Весталка», имѣвшей большой успѣхъ), предводительствуемыхъ дурачествомъ (Folie), которое изображала собою очень красивая и граціозная дѣвица Гильбуа (Guillebois), одѣтая также весьма легко. Мюратъ повидимому слишкомъ увлекся ею и намѣревался обнять эту особу, что̀ не ускользнуло отъ ревнивыхъ взглядовъ его супруги. Герцогиня Бергъ громко кричала, чтобы дѣвица Гильбуа немедленно покинула ея салонъ. Гортензія,

ее привезшая,—была очень обижена этимъ, имѣла непріятное объясненіе съ хозяйкою дома и, чтобы досадить ей, уговорила Жозефину взять эту Гилльбуа въ чтицы къ себѣ. Наполеонъ этому нисколько не противился, такъ какъ привыкъ видѣть, что всѣ чтицы его супруги были всегда очень миловидныя особы. Чрезъ нѣсколько дней Жозефина съ мужемъ поѣхала въ Байонну, и съ ними вмѣстѣ отправилась и Гилльбуа. Но скоро Жозефина, усмотрѣвъ, что супругъ ея ухаживаетъ за Гилльбуа внѣ предѣловъ всякаго приличія, уволила ее отъ должности и отослала въ Парижъ.

Въ это время Гортензія чуть не сдѣлалась испанскою королевою. Уѣзжая въ Байонну, Наполеонъ написалъ брату своему Луи, что въ случаѣ необходимости перемѣнить царствующую династію въ Испаніи онъ предназначаетъ испанскій престолъ ему, такъ какъ климатъ Испаніи гораздо здоровѣе для него и Гортензіи. Луи заранѣе и наотрѣзъ отказался отъ этого предполагаемаго перемѣщенія. 20-го апрѣля 1808 года у Гортензіи родился третій сынъ, названный Шарль Луи Наполеонъ. Мужъ ея не пріѣхалъ въ Парижъ ни къ ея болѣзни, ни къ крестинамъ, желая этимъ, какъ утверждали, показать, что не признаетъ новорожденнаго своимъ сыномъ.

Довольно давно носился въ Парижѣ слухъ о предстоящемъ разводѣ самого Наполеона съ Жозефиною. По возвращеніи изъ Фонтенебло разводъ былъ окончательно уже рѣшенъ. Гортензія была въ отчаяніи, но рѣшилась при этомъ снова заговорить и о своемъ разводѣ. Къ величайшему ея огорченію и изумленію, Наполеонъ и на этотъ разъ запретилъ ей думать о разводѣ. Самъ Луи Бонапартъ просилъ о разводѣ, но также безуспѣшно; статутомъ 30-го марта 1806 года разводъ былъ воспрещенъ всѣмъ членамъ императорскаго семейства. Но супруги вспомнили, что могутъ воспользоваться разлученіемъ отъ совмѣстнаго жительства, если императоръ разрѣшитъ имъ объ этомъ ходатайствовать. Наполеонъ отвѣтилъ, что это слишкомъ важный вопросъ, и онъ не берется рѣшить его одинъ, но соберетъ семейный совѣтъ. Совѣтъ дѣйствительно собрался и отклонилъ рѣшительно ходатайство Гортензіи и ея супруга.

Мужъ ея имѣлъ крупныя непріятности съ Наполеономъ по поводу управленія Голландіею, и рѣшено было произвести въ скоромъ времени измѣненія въ порядкѣ управленія этою страною. По этому поводу Наполеонъ имѣлъ объясненіе съ Гортензіею, причемъ упрекалъ ее, что она не съумѣла устроить свое положеніе и свои отношенія къ мужу, который во всемъ ей повиновался бы, если бы она съумѣла сначала взяться за дѣло.

— Вы не хотѣли его полюбить,—сказалъ Наполеонъ,— а онъ не довѣряетъ вамъ.

Въ этихъ немногихъ словахъ опредѣлялось совершенно правильно

отношеніе Гортензіи къ ея супругу, созданное ею же самою; она ясно могла оцѣнить всѣ послѣдствія своего фантастическаго упрямства его не любить. Кромѣ того Гортензіи предстояло еще другое униженіе: она должна была вести переговоры съ Меттернихомъ о бракѣ Наполеона съ Маріею Луизою, замѣщавшею ея мать; должна была нести шлейфъ новой императрицы вмѣстѣ съ другими королевами, испанскою и вестфальскою. Гортензія впослѣдствіи упрекала себя, что рѣшилась исполнить подобное приказаніе.

Къ торжествамъ по случаю этого бракосочетанія Наполеона съѣхались всѣ братья его, въ томъ числѣ Луи, остановившійся однако не въ домѣ своей супруги, а своей матери. Наполеонъ старался примирить супруговъ и съ умысломъ отвелъ имъ въ Компьеннѣ—куда всѣ поѣхали—комнаты почти рядомъ, но это не привело къ желаемой цѣли; супруги даже не проронили двухъ словъ между собою. Впрочемъ, Гортензія, не забывъ сказаннаго ей Наполеономъ, попыталась исправить послѣдствія своихъ ошибокъ и рѣшилась поѣхать въ Голландію; она намѣревалась при этомъ наблюдать за исполненіемъ ея мужемъ всѣхъ приказаній и распоряженій Наполеона и этимъ путемъ пріобрѣсти вліяніе надъ своимъ супругомъ. Она дѣйствительно поѣхала въ Гаагу, но не съ королемъ, вовсе не желавшимъ сближаться съ нею,—онъ теперь не питалъ къ ней никакой любви и привязанности, хотя и жилъ съ нею подъ одною крышею Голландцы же враждебно къ ней относились; они обвиняли ее въ томъ, что она имѣла большое вліяніе на мужа, подписавшаго трактатъ 16-го марта 1810 года, по которому уступалась Франціи часть голландскихъ провинцій, лежащихъ при рѣкѣ Шельдѣ, и усиливался вездѣ таможенный надзоръ. Вскорѣ возникли опять непріятности между братьями по управленію Голландіею. Луи, вслѣдствіе рѣзкаго письма къ нему Наполеона, прислалъ полное отреченіе отъ голландскаго престола и самъ отправился на воды въ Богемію, въ Теплицъ. Наполеонъ былъ очень раздраженъ этимъ, упрекалъ брата въ неблагодарности и послалъ къ нему Деказа съ предложеніемъ выѣхать изъ австрійскихъ владѣній и возвратиться если не во Францію, то въ страну, управляемую французскимъ принцемъ. Луи наотрѣзъ отказался и поселился окончательно въ Грацѣ въ Штиріи.

Надежда на примиреніе Гортензіи съ мужемъ окончательно исчезла. Наполеонъ тогда разрѣшилъ разлученіе супруговъ, при чемъ у Гортензіи оставались ея оба сына, изъ которыхъ старшій получалъ великое герцогство Бергское. Гортензія сама была отлично обезпечена. Она получала изъ государственнаго казначейства милліонъ франковъ ежегодно на старшаго сына, какъ французскаго принца, и еще милліонъ съ лѣсовъ около Сенъ-Лё и доходъ въ 500.000 франковъ съ поземельной собственности въ Голландіи на имя втораго сына. До совершеннолѣтія

дѣтей пользованіе этими деньгами предоставлялось Гортензіи. Вскорѣ однако имѣніе въ Голландіи было продано. Гортензія получала изъ казначейства эти 500.000 франковъ. Луи Бонапартъ, узнавъ объ этомъ, воспретилъ Гортензіи что-либо получать изъ казначейства и предписывалъ довольствоваться общимъ ихъ достояніемъ, но конечно Гортензія не обращала никакого вниманія на эти слова и скоро поѣхала въ Aix des bains для поправленія своего здоровья.

По возвращеніи въ Парижъ, она принимала болѣе, чѣмъ когда-либо; ее посѣщали не только художники и литераторы, но и множество военныхъ лицъ. Скоро заговорили о ея близкихъ отношеніяхъ съ молодымъ уланскимъ офицеромъ де Бракъ. Онъ былъ привлекательный человѣкъ и храбрый солдатъ, оставившій впослѣдствіи очень любопытное сочиненіе объ аванпостной службѣ легкой кавалеріи. Гортензія скоро плѣнилась имъ, но это не мѣшало ей продолжать свои побѣды, и скоро улана замѣнилъ полковникъ изъ штаба принца Нефшательскаго графъ Шарль Флахо (Flahaut), одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ молодыхъ людей Парижа того времени. Гортензія, какъ сама признала въ своихъ запискахъ, имѣла особенную слабость къ военнымъ и очень любила, когда именно военные за нею ухаживали. Флахо на долго сдѣлался ея обожателемъ, она вмѣстѣ съ нимъ пѣла, играла на фортепіано, каталась, гуляла и т. д. Флахо не пропускалъ ни одного вечера, маскарада, или бала, гдѣ могъ встрѣтить Гортензію. Зимою же 1811 года было множество баловъ у членовъ императорской фамиліи, но самый великолѣпный и замѣчательный изъ нихъ былъ у Гортензіи, на которомъ изображены были въ лицахъ перувіанцы, идущіе въ храмъ солнца. Гортензія вмѣстѣ съ Флахо шла въ первой парѣ въ ослѣпительныхъ костюмахъ. Впрочемъ, надо замѣтить, что Гортензія старалась скрыть, насколько возможно, свои отношенія къ Флахо; къ несчастью, она сдѣлалась беременною, и скрыть послѣдствія оной въ Парижѣ было очень затруднительно. Пользуясь тѣмъ, что всѣ знали о слабомъ состояніи ея здоровья, Гортензія отправилась въ свое имѣніе Сенъ-Лё со всѣмъ своимъ дворомъ, а затѣмъ тайно прибыла въ необходимое время въ Парижъ на квартиру доктора-акушера Гардіана и послѣ выздоровленія возвратилась опять въ Сенъ-Лё, какъ бы изъ своего дома. Новорожденный былъ записанъ въ книгахъ 22-го октября 1811 года и со временемъ сталъ извѣстенъ подъ именемъ графа Морни; Наполеонъ III всегда считалъ его роднымъ братомъ своимъ, и никто не оспаривалъ того, что Морни—сынъ Гортензіи.

Наступалъ печальный для Наполеона 1812 годъ. Гортензія, по словамъ г-жи Ремюза, сдѣлалась гораздо серьезнѣе и болѣе пребывала дома. Наставникъ ея дѣтей заставлялъ и ее заниматься; она старалась словно пополнить пробѣлы своего воспитанія, но дѣлала это безъ всякой сис-

темы. У нея собирались по-прежнему бесѣдовать Сегюръ, Моле и другіе, но она уже мало пѣла. Флахо совершалъ походъ въ Россію; скоро дошло извѣстіе, что онъ легко раненъ, а затѣмъ—что сдѣланъ старшимъ адъютантомъ принца Нефшательскаго. По временамъ Гортензія навѣщала императрицу Марію-Луизу, не столько по расположенію къ ней, сколько потому, что этого желалъ Наполеонъ. Она исполняла его волю, а затѣмъ какъ бы въ свое вознагражденіе уѣзжала въ Мальмэзонъ, гдѣ постоянно жила ея мать Жозефина.

1812 г. кончился печально для Франціи и французовъ. Безпокойства и тревоги овладѣвали и Гортензіею. Она безпокоилась за брата Евгенія, котораго очень любила, и часто совѣтовала ему въ письмахъ не подвергать себя явной опасности и въ то же время посылала ему романсы своего сочиненія. Флахо также былъ въ походѣ. Въ Парижѣ во множествѣ появились болѣе или менѣе раненые. Наконецъ, прибылъ и Наполеонъ для скорѣйшаго устройства новой великой арміи, вмѣсто погибшей въ Россіи. Начались опять всякаго рода празднества и балы по приказанію императора, хотя обстоятельства и положеніе страны отнюдь не располагали къ танцамъ и увеселеніямъ. На одномъ изъ такихъ баловъ обратила на себя вниманіе кадриль инковъ, составленная Гортензіею, которая также давала прекрасные балы. При этомъ она не упустила случая просить Наполеона выстроить ей новый дворецъ, что̀ и было ей обѣщано, но исполненіе откладывалось до заключенія мира. Мужъ же ея, жившій въ Грацѣ въ уединеніи, мечталъ о тронѣ и писалъ Наполеону о возстановленіи для него Голландскаго королевства и о всѣхъ выгодахъ этого для Франціи. Наполеонъ предлагалъ ему возвратиться во Францію, упомянувъ, что нечего болѣе мечтать о коронѣ, отъ которой онъ самъ отказался.

Гортензія была столь же мнительна и суевѣрна, какъ и ея мать, и придерживалась всякимъ примѣтамъ и предразсудкамъ. Она почему-то предчувствовала всякаго рода бѣды въ 1813 году, подобно тому, какъ позднѣе г-жа Крюднеръ предсказывала ихъ для 1815 года. Всѣ близкія ей лица отправились на войну. Гортензія отъ безпокойства и тоски видимо худѣла, доктора воспретили ей пѣть и много выѣзжать. Отъ скуки она часто ѣздила въ свое имѣніе Сенъ-Лё и составляла всѣ планы своему будущему дворцу, которому не суждено было быть построеннымъ. По временамъ она ѣздила въ Мальмэзонъ къ Жозефинѣ и навѣщала Марію-Луизу въ Тюильри. Скоро пришло извѣстіе о побѣдѣ при Дрезденѣ; лучъ свѣтлой надежды озарилъ Францію. Гортензія рѣшилась для поправленія своего здоровья ѣхать въ Савойю въ Aix les bains, оставивъ дѣтей на попеченіи Жозефины. Тутъ она узнала о смерти Дюрока, умершаго отъ раны послѣ двѣнадцати часовъ страданія. Трудно сказать, что̀ испытала Гортензія при этомъ

извѣстіи; можно предполагать, что время и забвеніе изгладили въ ней всякіе слѣды любви и расположенія къ Дюроку. Она только подумала о самомъ Наполеонѣ и о понесенной имъ потерѣ.

На водахъ Гортензія вела правильную, однообразную и простую жизнь, установленную для всѣхъ пользующихся водами и ваннами; это имѣло очень полезное вліяніе на ея здоровье. Но и тутъ постигло ее большое несчастіе. Отправившись осматривать одинъ водопадъ вмѣстѣ съ состоявшими при ней дамами, въ числѣ которыхъ была и любимая ею г-жа Брокъ, Гортензія была свидѣтельницею, какъ г-жа Брокъ, переходя по доскѣ чрезъ небольшой, но бурный ручей, оступилась и скрылась въ водѣ. Несмотря на всѣ усилія, не только не удалось ее спасти, но съ трудомъ послѣ 2-хъ, 3-хъ часовъ поисковъ отыскали тѣло утонувшей. Это печальное событіе произвело сильное впечатлѣніе на Гортензію, и остальная часть лѣта прошла весьма скучно. Подъ вліяніемъ внезапной смерти г-жи Брокъ, Гортензія предалась съ большимъ рвеніемъ благотворительности; она основала госпиталь и учредила при немъ общество сестеръ милосердія, кромѣ того она стала много помогать бѣднымъ.

По совѣту врачей Гортензія отправилась на морское купанье въ Дьепъ и при этомъ посѣтила помѣщеніе, въ которомъ трудился знаменитый естествоиспытатель Бюффонъ. Она помѣстилась въ Дьеппѣ въ особомъ зданіи, убранномъ для нея очень роскошно, и была очень довольна. Извѣстіе о пораженіи подъ Лейпцигомъ очень ее опечалило и встревожило, она стала опасаться появленія казаковъ близъ Дьеппа!

Новый 1814 годъ начинался еще грустнѣе предшествовавшаго. Наполеонъ послѣ сраженія при Ганау пріѣхалъ въ Парижъ формировать новые полки въ истощенной Франціи. Тѣмъ не менѣе оффиціальныя торжества при дворѣ шли по-прежнему; были выходы; Наполеонъ раздавалъ обычные подарки членамъ своего семейства и своимъ приближеннымъ, но уже въ нѣсколько меньшихъ размѣрахъ и меньшей стоимости, хотя, казалось бы, при приближеніи непріятелей со всѣхъ сторонъ въ предѣлы Франціи было уже не до подарковъ.

Въ то время Луи Бонапартъ прибылъ въ Парижъ, но былъ принятъ Наполеономъ очень холодно. Гортензія узнала о его пріѣздѣ чрезъ дѣвицу Кошелэ и выразила, что очень довольна этимъ. Это доказывало, по ея мнѣнію, что Луи былъ истый французъ, что онъ присоединяется къ общимъ усиліямъ французовъ къ защитѣ ихъ страны и т. д. Впрочемъ, Гортензія не видѣлась съ своимъ мужемъ, который, по словамъ очевидцевъ, былъ въ жалкомъ разслабленномъ положеніи и почти не владѣлъ своими членами; повидимому, желаніе не видѣться было обоюднымъ.

Наполеонъ напрягалъ послѣднія усилія въ борьбѣ съ союзниками; онъ торопилъ принца Евгенія, находившагося тогда въ Миланѣ, устрой-

ствомъ новой арміи и подозрѣвалъ, что его тесть, король баварскій, старается привлечь Евгенія на сторону союзниковъ. Наполеонъ поручилъ Гортензіи написать ея брату письмо съ цѣлію побудить его къ большей дѣятельности и энергіи. Она это исполнила, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по примѣру всѣхъ обывателей Парижа, занялась приготовленіемъ корпіи и бинтовъ для раненыхъ. Союзники тѣмъ временемъ быстро приближались къ самому Парижу. Начали принимать мѣры къ отъѣзду императрицы Маріи-Луизы. Гортензія, постигнувъ всѣ неблагопріятныя послѣдствія подобнаго отъѣзда, отправилась къ императрицѣ и прямо сказала ей, что отъѣздъ гибельно повліяетъ на оборону столицы и повлечетъ неизбѣжно потерю для нея короны.

— Вы правы,—отвѣчала императрица,—но я должна повиноваться регентству.

Возвратясь домой, Гортензія сама стала собираться, но снова поѣхала въ Тюильри и, узнавъ положительно, что отъѣздъ императрицы окончательно рѣшенъ, была въ отчаяніи.

— Это изумительно,—говорила она.—Охотно, по доброй волѣ губятъ Францію и императора. Этому нельзя вѣрить! Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ однѣ женщины обладаютъ отвагою!..

— Что же вы предполагаете дѣлать сами?—спросилъ ее Лавалеттъ.

— Пользуясь свободою дѣйствій, я не желаю быть схваченною на дорогѣ; я останусь въ Парижѣ и буду раздѣлять судьбу всѣхъ парижанъ,—отвѣтила Гортензія.

Она провела въ большомъ волненіи всю ночь, не зная, на что окончательно рѣшиться. Лишь только она забылась, какъ пришло письмо отъ ея мужа, сообщавшее о тяжкомъ положеніи Франціи и объ отъѣздѣ императрицы. Гортензія ничего не отвѣчала на это письмо; но, вслѣдъ затѣмъ, она получила второе и третье письмо отъ Луи Бонапарта, въ которыхъ онъ спрашивалъ жену о ея дальнѣйшихъ намѣреніяхъ и высказывалъ, что послѣ отъѣзда императрицы она не можетъ съ дѣтьми оставаться въ Парижѣ и должна непремѣнно уѣхать и что онъ желаетъ видѣть дѣтей.

Раннимъ утромъ явился молодой полковникъ Лабѣдойѣ съ предложеніемъ проводить Гортензію изъ Парижа, а скоро затѣмъ пришелъ полковникъ національной гвардіи Реньо-Сенъ-д'Анжели и сообщилъ, что отъѣздъ императрицы съ сыномъ изъ Парижа повергъ все войско въ большое уныніе. Послѣ нѣкоторыхъ объясненій, Гортензія рѣшилась остаться; она понимала, что паденіе Парижа повлечетъ паденіе имперіи и возстановленіе Бурбоновъ; что же тогда станется съ нею, дочерью узурпатора? Она утѣшала себя мыслью, что Наполеонъ непремѣнно придетъ въ Парижъ и что въ видахъ этого необходимо отстаивать и защищать городъ во что бы то ни стало. Ей доказывали долго невоз-

можность этого; всѣ утомились 22-лѣтними непрерывными войнами, ни у кого не было болѣе энергіи. Луи Бонапартъ снова писалъ ей, чтобы она не оставляла дѣтей въ рукахъ враговъ. Наконецъ, въ 9 часовъ вечера Гортензія съ дѣтьми и нѣкоторыми приближенными выѣхала изъ Парижа по дорогѣ въ Версаль. Поздно ночью послышались громкіе выстрѣлы. Союзники начали обстрѣливать Парижъ; вскорѣ однако все затихло. Гортензія долго не знала, какъ объяснить себѣ эту тишину, какъ вдругъ получила извѣстіе, чтобы скорѣе спасалась. Она немедленно направилась къ Рамбулье. По дорогѣ тѣснились сотни различныхъ экипажей и толпы людей, покидавшихъ Парижъ. Крайне затруднительно было чрезъ Рамбулье пробираться въ Наварру (близъ Эвре), куда Гортензія съ трудомъ прибыла 2-го апрѣля и нашла все въ большомъ смятеніи. Тутъ же находилась и Жозефина. Скоро прибылъ состоявшій при герцогѣ Бассано, секретарь Моссіонъ (Maussion) и сообщилъ о капитуляціи Парижа, объ отреченіи Наполеона отъ престола и о возвращеніи Бурбоновъ. Всѣ слушали эти извѣстія въ унынін. Жозефина плакала и завидовала участи Маріи-Луизы, которая имѣла возможность сопровождать Наполеона на Эльбу. Гортензія высказывала, что послѣдуетъ во что бы то ни стало за Наполеономъ и будетъ раздѣлять съ нимъ всякое заточеніе. Вскорѣ, однако, она стала говорить о продажѣ своихъ драгоцѣнностей и объ отъѣздѣ къ роднымъ въ Мартинику, а на самомъ дѣлѣ она вернулась въ Парижъ, отправивъ туда предварительно свою приближенную Кошелэ съ цѣлью повидаться съ Нессельродомъ, котораго Кошелэ знала ранѣе. Нессельроде выразилъ величайшее свое участіе къ Гортензіи и сказалъ, что она можетъ вернуться въ Парижъ, что даже это будетъ очень полезно для защиты ея личныхъ интересовъ и что всѣ союзные государи расположены къ ней очень благосклонно.

Гортензія, которой Кошелэ не замедлила все это передать,—писала изъ Наварры 9-го апрѣля,—что очень признательна г. Нессельроде за такое участіе къ ней, что она сама ничего не желаетъ, что ей бы не слѣдовало покидать Бонапартовъ въ такую минуту, что ей неудобно оставаться во Франціи, что она не желаетъ причинять кому-либо безпокойство и т. д. Тѣмъ не менѣе она послѣдовала новымъ убѣжденіямъ г-жи Кошелэ и прибыла въ Парижъ для болѣе выгоднаго устройства своихъ дѣлъ.

По договору въ Фонтенебло 11-го апрѣля, назначено было ежегоднаго содержанія королю Луи Бонапарту—200.000 франковъ, а Гортензіи—400.000 франковъ. Но это повидимому показалось ей недостаточнымъ, и она рѣшилась вступить сама въ непосредственные переговоры съ союзными государями, сохранивъ при этомъ не только свое достоинство, но даже придавъ видъ самоотреченія и преданности. Это кажущееся обмануло многихъ.

Гортензія всѣми силами старалась овладѣть довѣріемъ и дружбою императора Александра, отъ котораго въ дѣйствительности все зависѣло въ то время. Она вознамѣрилась удовлетворить самолюбіе монарха, доставивъ ему возможность побѣдить ее; на дѣлѣ же сама его побѣждала. Она держала себя очень холодно и крайне сдержанно при первомъ свиданіи съ императоромъ въ Мальмэзонѣ, конечно изъ разсчета, а не изъ патріотизма. Александръ, встрѣчаемый крайне любезно Жозефиною, былъ очень изумленъ подобнымъ пріемомъ со стороны Гортензіи и высказывалъ это Нессельроде, который передавалъ слова императора Кошелэ, сообщавшей ихъ въ свою очередь Гортензіи. Слова же и отзывъ Гортензіи объ императорѣ доходили до него тѣмъ же путемъ. Александръ I возымѣлъ большое уваженіе къ подобному возвышенному характеру Гортензіи и прибѣгнулъ ко всѣмъ чарамъ своего обхожденія, чтобы побѣдить ее. Видя, наконецъ, себя побѣжденною, она призналась въ этомъ Кошелэ. Скоро императоръ видѣлся съ Гортензіею всякій день не только у Жозефины, но и въ ея помѣщеніи въ улицѣ Черутти.

Гортензія не позабывала однако о своихъ дѣлахъ. При посредствѣ г-жи Кошелэ, а также Нессельроде, для большаго обезпеченія Гортензіи и ея дѣтей, лѣса, прилегающіе къ имѣнію Сенъ-Лё, были присоединены къ этому имѣнію, которое было сдѣлано герцогствомъ Сенъ-Лё и предоставлено указомъ Людовика XVIII во владѣніе Богарнэ съ титуломъ герцогини Сенъ-Лё. Гортензія была не особенно довольна, но такъ много говорила о Сенъ-Лё, что императоръ Александръ выразилъ желаніе посѣтить это мѣсто. Гортензія не замедлила пригласить его въ самомъ небольшомъ обществѣ, показывала ему паркъ, говорила о предполагаемыхъ ею постройкахъ и украшеніяхъ, а затѣмъ много пѣла. Императоръ былъ восхищенъ и голосомъ, и всею особою, сочинявшею такіе прелестные романсы. Бонапартисты относились неодобрительно къ такому расположенію Гортензіи къ побѣдителю Франціи и Наполеона; одинъ изъ нихъ герцогъ Ровиго прямо и открыто высказалъ ей неприличіе такого поведенія для дочери Наполеона.

Неожиданное событіе на время прервало заботы Гортензіи о своихъ дѣлахъ. Жозефина 23-го мая принимала у себя короля прусскаго, несмотря на то, что немного недомогала. На другой день у ней обнаружилась лихорадка, но тѣмъ не менѣе она принимала великихъ князей Николая и Михаила Павловичей, а также императора Александра I. Къ вечеру ей сдѣлалось настолько худо, что она удалилась къ себѣ, оставивъ съ высокими посѣтителями Гортензію. На другой день, Жозефина чувствовала себя еще хуже; врачи опасались за ея здоровье. Императоръ Александръ пріѣхалъ самъ узнать объ ея положеніи и остался обѣдать съ Гортензіею. Ночью Жозефинѣ сдѣлалось совсѣмъ худо, и утромъ въ день св. Троицы она скончалась. Гортензія, бывшая у обѣдни,

едва успѣла застать ея послѣднія минуты жизни. Она дотого была поражена смертью матери, что лишилась чувствъ и долгое время находилась въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Восемь дней спустя императоръ Александръ опять обѣдалъ у Гортензіи, одѣтой въ глубокій трауръ, вручилъ ей патентъ на герцогство Сенъ-Лё, подписанный королемъ, и затѣмъ, простившись, отправился въ скоромъ времени въ Англію. Онъ поручилъ секретарю посольства имѣть попеченіе о дѣлахъ Гортензіи и сообщать непосредственно ему о могущихъ возникнуть затрудненіяхъ по ея денежнымъ дѣламъ.

Принявъ титулъ герцогини, Гортензія считала необходимымъ поблагодарить того, кто ей даровалъ оный, къ величайшему изумленію приверженцевъ Наполеона, собиравшихся у ней въ это время въ незначительномъ числѣ. Она не считала нужнымъ обращать вниманія на ихъ мнѣнія и желала на всякій случай пользоваться расположеніемъ выдающихся лицъ всѣхъ партій, въ надеждѣ, что они могутъ ей пригодиться. Она старалась приблизить къ себѣ наиболѣе замѣчательныхъ роялистовъ, какъ-то г-жу Сталь, Рекамье и т. д. Принцъ Августъ прусскій не покидалъ въ то время Рекамье и слѣдовалъ за нею всюду, какъ тѣнь. Это побудило Гортензію пригласить къ себѣ и принца. Она старалась познакомиться также съ Веллингтономъ и просила Рекамье привести его къ ней. Веллингтонъ не замедлилъ воспользоваться подобнымъ приглашеніемъ. Такимъ образомъ Гортензія дружественно и радушно принимала у себя всѣхъ враговъ Наполеона.

Дворъ Людовика XVIII встревожился съ появленіемъ г-жи Сталь въ замкѣ Сенъ-Лё; опасались, что изъ этого возникнетъ дружба, опасная правительству. Для прекращенія подобныхъ предположеній, Гортензія собралась ѣхать на воды въ Э (въ Савойѣ), но туда случайно отправилась Марія-Луиза. Министръ Людовика XVIII Блака, полагая, что изъ совмѣстнаго пребыванія этихъ двухъ царственныхъ особъ въ одномъ городкѣ можетъ возникнуть опасность всему королевству, далъ знать Гортензіи, что король неблагосклонно смотритъ на ея предполагаемую поѣздку въ Э. Гортензія не настаивала именно на этой поѣздкѣ и отправилась въ Пломбьеръ, о чемъ и сообщила брату своему Евгенію, жившему около Мюнхена. Онъ не захотѣлъ ѣхать въ Пломбьеръ, и Гортензія, узнавъ объ этомъ, направилась въ Баденъ, гдѣ и встрѣтилась съ братомъ. Предполагаютъ, что она хотѣла его склонить пристать къ заговору, имѣвшему цѣлью изгнать Бурбоновъ; но это положительно ничѣмъ не доказано.

Въ Баденѣ она встрѣтила извѣстную Крюднеръ, которая тогда хотя и не знала императора Александра, но уже восхищалась и восторгалась имъ, называя его всеобщимъ спасителемъ, бѣлымъ ангеломъ и т. д.;

она тогда уже предсказывала возвращеніе Наполеона съ Эльбы и всѣ послѣдующія отъ этого бѣдствія для Франціи и Европы.

Предсказаніе это не замедлило осуществиться, а между тѣмъ, Гортензія, возвратясь въ Сенъ-Лё, нашла у себя повѣстку о вызовѣ въ судъ по слѣдующему дѣлу.

Ея супругъ неоднократно требовалъ отъ нея, чтобы она возвратила ему старшаго сына, оставивъ себѣ младшаго. Не желая доставить мужу какое-либо удовольствіе, Гортензія отказывала ему въ этой просьбѣ, несмотря на то, что братъ ея Евгеній и даже императоръ Александръ совѣтовали ей удовлетворить законную просьбу мужа, который предъявилъ, наконецъ, требованіе судебнымъ порядкомъ. Гортензія выбрала лучшихъ адвокатовъ изъ числа преданныхъ Бурбонамъ, надѣясь на то, что вліянія различныхъ роялистовъ доставятъ ей возможность выиграть дѣло; вмѣстѣ съ тѣмъ, она отправилась съ визитомъ и къ Людовику XVIII, чтобы повліять этимъ и на королевскій судъ. Король принялъ ее чрезвычайно любезно въ Тюильри. Онъ всегда былъ очень любезенъ и обходителенъ съ особами женскаго пола; теперь же онъ былъ еще доволенъ и тѣмъ, что Гортензія, одна изъ главнѣйшихъ бонапартистокъ, дѣлала такую грубую ошибку и являлась сама ко двору Бурбоновъ. Гортензія, по ея словамъ, также была очень довольна пріемомъ короля. Это посѣщеніе Тюильрійскаго дворца привлекло въ Сенъ-Лё множество любопытныхъ, желавшихъ узнать о результатѣ и въ свою очередь сообщавшихъ о впечатлѣніяхъ, произведенныхъ Гортензіею на короля. По ихъ словамъ, король былъ очарованъ Гортензіею, находилъ ее очень привлекательною и дотого часто объ этомъ говорилъ, что нѣкто Семонвиль возразилъ ему, наконецъ, «если герцогиня Сенъ-Лё дотого васъ плѣнила, то устройте ей разводъ и вступите съ нею въ бракъ».

Бонапартисты иначе отнеслись къ этому посѣщенію; они заключили, что нѣтъ болѣе никакого вѣроятія къ возстановленію имперіи, коль скоро Гортензія рѣшилась ѣхать къ королю, и продолжали однако по-прежнему во множествѣ посѣщать ее. Это не ускользнуло отъ вниманія правительства; полиція зорко наблюдала за Гортензіею и уже 16-го декабря 1814 года, представляя полную картину препровожденія ею всего дня, называла всѣхъ лицъ, болѣе или менѣе часто ее посѣщавшихъ, упоминала также о посѣщеніи Веллингтона, о разговорахъ съ нимъ въ продолженіе болѣе часа и т. д. Словомъ, все это встревожило Людовика XVIII, и онъ приказалъ 24-го декабря опечатать всѣ бумаги Гортензіи. Однако, она была во-время предупреждена и успѣла скрыть все болѣе или менѣе подозрительное. Стали поговаривать, что Гортензія стоитъ во главѣ заговора бонапартистовъ, что она руководила убійствомъ генерала Кенеля, которому бонапартисты не довѣряли, что скоро явится маленькій капралъ и т. д. На дѣлѣ же Гортензія и не думала стоять во главѣ заговора

противъ Бурбоновъ; она, быть можетъ, втихомолку возбуждала политическія негодованія къ нимъ въ своихъ друзьяхъ, но преимущественно въ это время была занята процессомъ съ мужемъ и своими стѣсненными денежными обстоятельствами. Король не выплачивалъ назначенной ей пенсіи, и Гортензія принуждена была распродать многія свои драгоцѣнныя вещи. Процессъ былъ проигранъ ею. Попытка ея адвоката, Боннэ, поставить дѣло на политическую почву и при томъ съ цѣлью выставить Гортензію преданнѣйшею подданною короля Людовика не привела къ желаемой цѣли. Противникъ ея, извѣстный Трипье, одержалъ верхъ, и судъ обязалъ Гортензію возвратить ребенка въ трехмѣсячный срокъ; въ тотъ же день она узнала о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы отъ одного англичанина лорда Киннэрдъ.

Общій ходъ событій ста дней слишкомъ извѣстенъ, чтобы его излагать здѣсь. Скажемъ только, что Гортензія сперва относилась очень сдержанно къ возвращенію Наполеона, даже высказывала свое объ этомъ сожалѣніе, говорила, что готова была бы всѣми своими силами отвратить подобное событіе, которое приведетъ къ междуусобной войнѣ и не представляетъ ручательства въ успѣхѣ для Наполеона.

Тѣмъ не менѣе она не покидала Парижа. Она увѣдомила даже Наполеона, что нѣкоторые крайніе роялисты, переодѣтые въ военное платье, отправились изъ Парижа съ намѣреніемъ его убить. Въ тотъ же день она писала Людовику XVIII, что она не принимала никакого участія въ происшедшихъ событіяхъ.

20-го марта, вечеромъ, Наполеонъ вступилъ снова въ Тюильри, и чрезъ нѣсколько минутъ появилась и Гортензія. Наполеонъ принялъ ее не только холодно, но и сурово; онъ рѣзко порицалъ ея поведеніе въ отношеніи къ союзнымъ монархамъ и Бурбонамъ и находилъ его недостойнымъ дочери Наполеона. Онъ признавалъ позорнымъ вымаливаніе ею титула и земель у враговъ отечества, ужасался, что она вступила въ переговоры съ его преслѣдователями, и т. д.

Гортензія слушала со слезами, въ большомъ смущеніи и, наконецъ, промолвила, что поступала такимъ образомъ по влеченію сердца, желая обезпечить будущность дѣтей.

— Въ такомъ случаѣ,—возразилъ Наполеонъ,—ваше сердце должно было подсказать вамъ, что, раздѣливъ съ моимъ семействомъ счастливые дни, вы должны были съумѣть раздѣлить съ нимъ же и ненастные дни.

Гортензія расплакалась и не могла промолвить слова; Наполеонъ же въ большомъ волненіи ходилъ по комнатѣ быстрыми шагами. Онъ подошелъ къ открытому окну, и немедленно толпа, стоявшая предъ дворцомъ, громко его привѣтствовала. Наполеонъ взялъ Гортензію за руку, подвелъ къ окну, заставилъ поклониться толпѣ и улыбнуться. Народныя восклицанія еще сильнѣе оглушили воздухъ. Наполеонъ помирился съ Гортен-

зіею, и она, за отсутствіемъ Маріи-Луизы, сдѣлалась полною хозяйкою въ Тюильри, къ великому своему удовольствію. Опять началась трата денегъ на пышные пріемы и празднества при дворѣ, въ самое неблагопріятное для этого время.

Наполеонъ поручилъ Гортензіи написать Маріи-Луизѣ, а также своему брату Евгенію о прибытіи ихъ въ Парижъ. Письмо къ Евгенію было перехвачено и доставлено императору Александру. Оно заключало, между прочимъ, слѣдующія слова: «Я надѣюсь, что у насъ войны не будетъ. Я полагаю, что она не будетъ начата императоромъ россійскимъ, потому что онъ очень оплакивалъ вообще войну; я умоляю его оставить намъ миръ. Употреби также на него вліяніе со своей стороны, этимъ ты окажешь услугу человѣчеству».

Въ то же время мужъ ея писалъ письмо Наполеону и снова просилъ разрѣшить ему развестись съ супругою. Наполеонъ по-прежнему отказалъ ему въ этой просьбѣ.

Марія-Луиза не возвращалась въ Парижъ. Гортензія, проживая въ своемъ домѣ, ежедневно въ семь часовъ утра пріѣзжала въ Тюильри и оставалась до десяти часовъ, занимаясь пріемомъ всякаго рода лицъ, являвшихся тогда во дворецъ. Ей нерѣдко говорили также рѣчи и восхваляли за то, что, оставшись во Франціи и Парижѣ, она служила утѣшеніемъ и надеждою добрымъ французамъ.

Однако скоро пріемы прекратились: всѣ отправились на войну, окончившуюся пораженіемъ при Ватерлоо. Наполеонъ отказался отъ престола въ пользу своего сына и отправился въ Мальмэзонъ, гдѣ Гортензія за нимъ сердечно ухаживала, какъ нѣжная дочь, утѣшала его въ несчастіи, ободряла и ласкала надеждами на болѣе благопріятное будущее.

Наконецъ насталъ часъ разлуки. Наполеонъ съ весьма немногими отправился въ Рошфоръ и островъ св. Елены, а Гортензія—въ Парижъ, гдѣ скоро опять собрала вокругъ себя всѣхъ ярыхъ наполеонистовъ, мечтавшихъ о мщеніи за Ватерлоо и возстановленіи имперіи.

— Теперь слишкомъ поздно,—говорила Гортензія;—теперь все кончено. Зачѣмъ императоръ уѣхалъ... Мнѣ теперь не слѣдуетъ вмѣшиваться болѣе въ великія дѣла, и я должна уединиться...

Она такъ и сдѣлала, нанявъ даже небольшую квартиру подъ чужимъ именемъ, въ ожиданіи болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Тѣмъ не менѣе своимъ присутствіемъ она внушала опасенія правительству, и за нею зорко наблюдали.

Союзники скоро вступили въ Парижъ; князь Шварценбергъ занялъ для себя домъ Гортензіи. Императоръ Александръ, посѣтивъ Шварценберга, не поинтересовался спросить о владѣтельницѣ дома. Говорили, что Людовикъ XVIII просилъ императора не возобновлять знакомства

съ герцогинею Сенъ-Лё; равнымъ образомъ утверждаютъ, что и г-жа Крюднеръ оказала свое таинственное вліяніе на то, чтобы Александръ не видѣлся съ Гортензіею. Послѣдняя долго не могла понять этой немилости, но наконецъ убѣдилась въ необходимости покинуть Парижъ. Она предложила Талейрану купить ея картины. Онъ это сдѣлалъ вмѣстѣ съ другими. Гортензія затруднялась, какимъ образомъ получить ей необходимые паспорты для проѣзда, какъ вдругъ префектъ полиціи Деказъ, давно ее знавшій въ Котерэ, прислалъ ей приказаніе немедленно покинуть Францію. Стали поговаривать объ открытіи заговора, въ которомъ участвовала будто бы Гортензія. Какъ бы то ни было, губернаторъ Парижа, прусскій генералъ Мюффлингъ, приказалъ Гортензіи выѣхать въ два часа. Неизбѣжно было подчиниться этому, и Гортензія въ сопровожденіи назначеннаго ей адъютанта князя Шварценберга и камергера австрійскаго императора офицера Война (Woyna) [1]) выѣхала съ дѣтьми въ Швейцарію.

По дорогѣ мѣстами Гортензія едва не подверглась оскорбленіямъ толпы, отъ которыхъ Война мужественно ее защитилъ. Въ мѣстечкѣ Э она встрѣтила извѣстнаго Флахо, завѣрявшаго ее въ своей преданности и привязанности. Женева, куда прибыла Гортензія, не оказала ей гостепріимства: ей предложено было немедленно удалиться по внушенію Талейрана, тогда французскаго посланника въ Швейцаріи, онъ опасался видѣть бонапартистку въ столь близкомъ разстояніи отъ границы Франціи.

— Мнѣ остается только кинуться въ озеро,—сказала Гортензія,—такъ какъ я должна же гдѣ-нибудь жить!

Рѣшено было опять вернуться въ Э-ле-бенъ, которое нравилось Гортензіи. Но на этотъ разъ сардинскія власти всячески ее притѣсняли и выживали изъ Пьемонта. Между тѣмъ представители союзныхъ державъ въ Парижѣ рѣшили, что Гортензія должна будетъ пребывать въ Швейцаріи, подъ наблюденіемъ дипломатическихъ агентовъ Священнаго союза. Но швейцарскія власти не соглашались на это и протестовали противъ подобнаго рѣшенія. Гортензія продолжала поэтому пребывать пока въ Э-ле-бенъ, гдѣ у нея по требованію мужа отобрали старшаго сына. Наконецъ, благодаря вмѣшательству герцога Ришелье, Гортензія получила разрѣшеніе жить по ея желанію въ Констанцѣ, во владѣніи великаго герцога Баденскаго, супруга ея кузины Стефаніи.

Тревога, безпокойства и огорченія совершенно разстроили здоровье Гортензіи; она впала въ страшную слабость и долго не могла поправиться настолько, чтобы покинуть Э. Наконецъ она пустилась въ путь

[1]) Этотъ Война такъ усердно и внимательно охранялъ Гортензію, что скоро совершенно ее побѣдилъ.

и почти вездѣ подвергалась разнымъ притѣсненіямъ и всякаго рода непріятностямъ со стороны зоркой, но подозрительной французской полиціи. Въ одномъ мѣстѣ (Преньи) окружаютъ полиціею домъ, въ которомъ она остановилась; изъ другаго (Берго)—предлагаютъ ей немедленно уѣхать; въ третьемъ (Мора)—задерживаютъ ее на два дня; въ Бернѣ—ее допрашиваютъ и только чрезъ двадцать четыре часа разрѣшаютъ ѣхать далѣе и т. д. Наконецъ она прибываетъ въ Констанцъ. Но герцогъ, ея родственникъ, опасается ее принять, боится, что она вовлечетъ его въ хлопоты и объясненія, и не дозволяетъ оставаться въ предѣлахъ его владѣній. Супруга его Стефанія ручается за свою двоюродную сестру и кое-какъ улаживаетъ дѣло, она проситъ Гортензію держаться хоть до весны спокойно, къ тому времени страсти улягутся, и многое будетъ забыто. Гортензія послѣдовала этому совѣту и прожила тутъ до весны 1816 года, когда переѣхала въ небольшой домикъ на берегу Констанцскаго озера. Тутъ навѣстилъ ее братъ Евгеній изъ Мюнхена и царствующая принцесса Гогенцоллернъ-Зигмарингская, оказавшая ей королевскія почести. Этого было достаточно, чтобы встревожить дипломатическій лагерь. Меттернихъ счелъ необходимымъ принять должныя мѣры. Онъ сообщилъ герцогинѣ Сенъ-Ле, что, узнавъ насколько берега Констанцскаго озера имѣютъ счастье ей нравиться, онъ поспѣшаетъ выслать ей паспортъ для пребыванія въ Брегенцѣ, гдѣ она будетъ пользоваться бо́льшею безопасностью, находясь подъ покровительствомъ австрійскихъ законовъ. Гортензія сообразила, что покровительство въ этомъ случаѣ означаетъ надзоръ, и предпочла остаться впредь до дальнѣйшихъ приказаній въ Констанцѣ. Она посѣтила своего брата, жившаго близъ Мюнхена на берегахъ озера Вурмъ, и скоро затѣмъ отправилась по совѣту врачей для пользованія сывороткою въ горныя мѣста кантона Аппенцель, гдѣ въ нее влюбился старшина кантона, нѣкто Цельвегнеръ дотого, что сдѣлалъ ей письменно предложеніе. Давно Гортензія такъ отъ души не смѣялась, какъ читая это письмо простодушнаго швейцарца; она конечно очень любезно отклонила его предложеніе.

Горный воздухъ, спокойствіе, уединенная жизнь имѣли благотворное вліяніе на ея здоровье. Здѣсь она получила длинное письмо отъ своего мужа, въ которомъ, изложивъ, такъ сказать, всю исторію своихъ отношеній къ Гортензіи, Луи Бонапартъ заканчивалъ увѣдомленіемъ, что намѣренъ ходатайствовать у папы полнаго уничтоженія ихъ брака и проситъ ее не дѣлать этому препятствій. Но папа не нашелъ никакихъ основаній къ удовлетворенію этого ходатайства.

Во время пребыванія въ Констанцѣ Гортензія занялась составле-

ніемъ своихъ воспоминаній, дошедшихъ до насъ въ отрывкахъ [1]). Она принимала по-прежнему, и не разъ навѣщалъ ее братъ. Это показалось подозрительнымъ, и великій герцогъ Баденскій получилъ приказаніе удалить Гортензію изъ его владѣній. На этотъ разъ и Стефанія не могла оказать помощи. Гортензія переселилась неподалеку въ Швейцарію, гдѣ пріобрѣла замокъ Арененбергъ, къ великому неудовольствію Талейрана. Она стала украшать свое новое владѣніе, въ которомъ проводила весну и лѣто, зиму же она жила сперва въ Аугсбургѣ, гдѣ имѣла также свой небольшой домъ, купленный впослѣдствіи графомъ Паппенгеймомъ, а потомъ въ Римѣ.

Письмо ея мужа о разводѣ какъ бы ослабило немного ихъ непріязненныя отношенія. Супруги если и не видѣлись по-прежнему, то изрѣдка переписывались. Луи Бонапартъ по желанію Гортензіи посылалъ къ ней иногда старшаго сына, воспитаніе котораго, по словамъ отца, было очень неудовлетворительно, и онъ занимался его исправленіемъ. Этотъ сынъ вскорѣ, 29-го іюня 1822 года, вступилъ въ бракъ съ дочерью Іеронима Бонапарта.

Гортензія на зиму отправилась въ Римъ (куда послѣ ежегодно ѣздила всякую зиму) и скоро собрала вокругъ себя прежнихъ приверженцевъ Наполеона, недавно предъ тѣмъ умершаго на островѣ св. Елены. Она жила въ виллѣ Паолина, принадлежавшей принцессѣ Паулинѣ Боргезе. Подъ опасеніемъ быть изгнанною изъ Рима, Гортензія въ своемъ салонѣ не допускала никакихъ разговоровъ о политикѣ; но можно полагать, что въ близкомъ кругу друзей отъ этого отступала. Она посѣщала церкви, монастыри и различные памятники древности, наполняющіе священный городъ. При одномъ изъ такихъ посѣщеній она встрѣтила г-жу Рекамье, которую прежде видѣла у Барраса. Онѣ обѣ подружились, но изъ осторожности не посѣщали другъ друга, а ежедневно назначали себѣ свиданіе въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ. Рекамье была крайняя роялистка, находилась въ близкихъ отношеніяхъ къ Лавалю Монморанси, французскому посланнику въ Римѣ, имѣла большое вліяніе во Франціи чрезъ своихъ друзей, какъ-то: Шатобріана, Монморанси и т. д. Ей было неудобно обнаруживать свою дружбу съ такою бонапартисткою, какою была Гортензія, которая надѣялась извлечь себѣ пользу изъ дружбы съ Рекамье. Не довольствуясь личными свиданіями, обѣ пріятельницы часто переписывались между собою и дѣлились получаемыми изъ Франціи извѣстіями. Въ Римѣ же Гортензія узнала о смерти своего брата Евгенія въ 1824 году и поспѣшила на его погребеніе въ Мюнхенъ.

---

[1]) Они изданы подъ заглавіемъ: „La reine Hortense en Italie, en France et en Angleterre".

Года брали свое; Гортензія начинала старѣть, находила удовольствіе въ небольшомъ обществѣ преимущественно художниковъ, въ числѣ которыхъ одинъ, живописецъ Коттеро (Cottereau), пользовался ея расположеніемъ. Она только повидимому мало занималась политикою и очень обрадовалась, узнавъ о революціи 1830 года въ Парижѣ и объ изгнаніи Бурбоновъ изъ Франціи. Она опять возъимѣла надежды, покинутыя ею уже нѣсколько лѣтъ, и даже мечтала видѣть своего сына на французскомъ престолѣ (послѣ вѣроятной смерти больнаго герцога Рейхштадскаго). Она снова увлекается разными фантастическими надеждами! Сынъ ея женатый занимался разными изобрѣтеніями; другой же, младшій, былъ въ военной артиллерійской школѣ въ Тунѣ (въ Бернскомъ кантонѣ) и возъимѣлъ также разныя мечты, которыя Гортензія еще болѣе развивала въ немъ. Это все очень безпокоило отца, бывшаго голландскаго короля, убѣждавшаго и жену и сына не принимать никакого участія въ политикѣ.

Смерть папы Пія VIII ускорила возстаніе въ Римѣ и въ другихъ мѣстахъ Италіи. Гортензія находилась въ Римѣ и принимала у себя не мало подозрительныхъ личностей, въ томъ числѣ бельгійца Верхюлстъ (Verhulst), занимавшагося химіею и въ особенности заговорами, въ одинъ изъ которыхъ были увлечены ея сыновья, къ великому отчаянію ихъ отца. Онъ обвинялъ въ этомъ Гортензію, которая принуждена была уѣхать изъ Рима, гордясь, что сыновья ея участвуютъ въ революціонномъ движеніи Италіи. Но скоро бунтовщики потерпѣли пораженіе. По дорогѣ въ Анкону Гортензія узнала, что старшій сынъ ея лежитъ больной въ Пезаро. Она поспѣшила туда, но застала его уже умершимъ, какъ она сама говоритъ, отъ кори; вѣроятнѣе однако, что онъ былъ убитъ. Приближеніе австрійскихъ войскъ принудило Гортензію бѣжать въ Анкону съ послѣднимъ своимъ сыномъ Луи Наполеономъ. Доставъ себѣ англійскіе паспорты, Гортензія отважилась пріѣхать въ Парижъ, желая видѣть новаго короля Луи Филиппа. Это ей удалось. Король принялъ ее очень ласково, выразилъ надежду, что въ скоромъ времени не будетъ болѣе лицъ, изгнанныхъ изъ Франціи, а между тѣмъ просилъ ее, по возможности, скрывать свой пріѣздъ въ Парижъ вмѣстѣ съ сыномъ. Гортензія видѣла также королеву и была въ восторгѣ отъ ея пріема. Она въ то же время переговорила о своихъ денежныхъ дѣлахъ съ банкиромъ Казиміромъ Перье, который завѣдывалъ, по ея порученію, всѣми ея имуществами. Болѣзнь сына заставила Гортензію промедлить въ Парижѣ, гдѣ начинали опять подготовляться разныя манифестаціи къ 5-му мая, годовщинѣ смерти Наполеона I. Правительство очень желало, чтобы Гортензія и ея сынъ выѣхали въ этотъ день изъ Парижа, тѣмъ болѣе, что они оба помѣщались въ отелѣ на Вандомской площади, гдѣ всего удобнѣе могла быть манифестація. Гортензія однако все медлила

отъѣздомъ. Наконецъ настало 5-е мая, манифестація совершилась, и Гортензія въ тотъ же день получила приказаніе немедленно выѣхать изъ Парижа. Она отправилась въ Лондонъ, гдѣ ее встрѣтили сочувственно. Однако французскій посолъ, бывшій аббатъ, а потомъ великій камергеръ Наполеона, Талейранъ испугался появленія Гортензіи и приказалъ вывѣдать у нея о цѣли ея пріѣзда. Гортензія отвѣтила, что собирается вернуться въ Швейцарію черезъ Бельгію. Это еще болѣе всѣхъ переполошило. Талейранъ поспѣшилъ ей выдать паспорты подъ чужимъ именемъ для проѣзда чрезъ сѣверную Францію, минуя Бельгію. Новый бельгійскій король, принцъ Леопольдъ Саксенъ-Кобургскій шутя сказалъ ей: «вы, надѣюсь, не захватите себѣ проѣздомъ моего королевства?»

Гортензія вновь посѣтила мѣста, преисполненныя для нея великихъ воспоминаній. Она видѣла мѣсто Булонскаго лагеря, Шантильи Мортфонтэнъ (имѣніе Іосифа Бонапарта, распроданное уже мелкими участками), Версаль и т. д., указывала все это сыну своему, добавляя разными мечтаніями. Теперь она начинала помышлять о польскомъ престолѣ для своего сына; но усмиреніе польскаго возстанія 1830—31 г. и взятіе Варшавы разсѣяли эту мечту.

Гортензія снова предалась полному покою, лежала неподвижно по цѣлымъ часамъ подъ тѣнію деревъ или въ колескѣ, катаясь по парку, устремивъ взоры въ пространство. По временамъ играла немного на фортепіано и продолжала писать свои воспоминанія.

Совершенно неожиданное событіе вывело ее изъ этого усыпленія: въ Вѣнѣ умеръ сынъ Наполеона, герцогъ Рейхштадтскій. Сынъ Гортензіи Луи сдѣлался главою семейства, и она стала мечтать о предоставленіи своему сыну короны.

Сынъ ея, Луи Наполеонъ, также мечталъ объ этомъ и намѣренъ былъ произвести военное возстаніе въ одномъ изъ большихъ городовъ Франціи, именно въ Страсбургѣ. Онъ сообщилъ объ этомъ замыслѣ Гортензіи, которая очень испугалась и всячески убѣждала его оставить подобное предпріятіе, которое по ея мнѣнію не представляло надежды на успѣхъ. Послѣ долгихъ объясненій она наконецъ дала свое согласіе.

Предпріятіе было вполнѣ неудачно. Молодой Луи былъ схваченъ въ 1836 году и заключенъ въ Парижѣ въ тюрьму. Узнавъ объ этомъ, Гортензія немедленно отправилась въ Парижъ ходатайствовать о прощеніи ея сына. Она была у королевы и у президента совѣта Моле, писала Рекамье и добилась того, что Луи Наполеонъ былъ изгнанъ въ Америку, получивъ на первое свое обзаведеніе въ Нью-Іоркѣ десять тысячъ франковъ отъ короля, котораго желалъ низвергнуть! Гортензіи оставалось только поблагодарить короля и возвратиться къ себѣ, что она и сдѣлала. Здоровье ея въ это время, по замѣчанію Рекамье, было крайне разстроено. Она совершенно удалилась отъ общества и по вре-

менамъ только писала г-жѣ Рекамье. 5-го октября 1837 года она скончалась. Сынъ ея успѣлъ однако пріѣхать изъ Америки и присутствовать при послѣднихъ минутахъ ея жизни. Она погребена во Франціи въ Рель (Rueil), въ церкви, въ которой покоится съ 1814 года и прахъ Жозефины. Принцъ Луи, ея сынъ, сдѣлавшись императоромъ Наполеономъ III, воздвигъ ей прекрасный памятникъ въ церкви съ надписью: «Королевѣ Гортензіи ея сынъ Наполеонъ III».

П. М. Майковъ.

Александръ Ефимовичъ Измайловъ

1779—1831 гг. [1]).

VI.

Стихотворныя произведенія Измайлова. — Басни. — Общая характеристика прочихъ стихотвореній.

Въ области поэзіи Измайловъ славился въ свое время и извѣстенъ и понынѣ, какъ баснописецъ. Значеніе его въ исторіи русской басни и мѣсто среди другихъ баснописцевъ точно опредѣлено въ обстоятельной и пространной статьѣ А. Д. Галахова, напечатанной имъ въ 1849 г. на страницахъ «Современника» (т. 18-й) по поводу Смирдинскаго изданія сочиненій нашего баснописца. Правда, нѣкоторыя разсужденія, съ которыми почтенный изслѣдователь подходилъ къ разбору басенъ Измайлова, въ настоящее время нѣсколько уже устарѣли, но съ выводами, къ какимъ привело его изученіе басенъ Измайлова, мы должны согласиться, и намъ остается о двухъ вышепоставленныхъ пунктахъ повторить лишь сказанное А. Д. Галаховымъ. Впрочемъ, сдѣлаемъ нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Въ началѣ текущаго столѣтія, когда выступилъ съ своими баснями нашъ «фабулистъ», какъ называлъ себя Измайловъ, басня получила у насъ широкое распространеніе: не говоря уже о томъ, что можно было насчитать много баснописцевъ въ обѣихъ столицахъ, ихъ было немало и въ провинціи, были даже отдѣльныя изданія провиціальныхъ басно-

[1]) См. „Русскую Старину“ августъ 1900 г.

писцевъ. О широкомъ распространеніи у насъ басни, о симпатіяхъ читателей къ ней свидѣтельствуютъ и письма Александра Ефимовича.

«Кажется, у насъ любятъ теперь читать басни—пишетъ онъ И. И. Дмитріеву.—Никогда еще не раскупали здѣсь такъ хорошо ни одной книги, какъ раскупаютъ нынѣ басни Крылова.... Завидуя его успѣхамъ—говорится въ томъ же письмѣ—многіе здѣсь принялись писать басни и пишутъ ежели неуспѣшно, за то весьма поспѣшно» [1]).

Несмотря на такое обиліе баснописцевъ, имя Измайлова было не изъ послѣднихъ между ними, и при каждомъ новомъ появленіи въ свѣтъ отдѣльныхъ изданій его басенъ—а ихъ было при жизни автора пять—критики тотчасъ пускались въ сравненіе Измайлова съ самыми видными представителями нашей басни. Его сравнивали съ Хемницеромъ, называли его «дружкой» Крылова и пр.; «Revue Encyclopedique» назвалъ его за басни первымъ русскимъ Теньеромъ [2]), и, съ легкой руки этого органа, прозвище Измайлова «Россійскій Теньеръ № 1-й» осталось навсегда за нашимъ писателемъ [3]); выраженіе: «теньерю по-прежнему» было однимъ изъ любимыхъ выраженій его, которымъ онъ опредѣлялъ характеръ своей дѣятельности, какъ баснописца. Званіе «фабулиста» для него было дороже всякихъ другихъ; басня была его излюбленной формой поэтическихъ произведеній, и въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Александра Ефимовича встрѣчаются частыя сѣтованія его на невозможность заниматься, по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, баснописаніемъ. Онъ былъ высокаго мнѣнія о баснѣ, какъ литературной формѣ, придавалъ ей весьма большое значеніе, считалъ, что въ ней именно и можно выказать свой талантъ и остроуміе предпочтительно предъ другими видами поэтическихъ произведеній [4]). «Баснописецъ,—говорилъ онъ въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву—долженъ быть настоящій поэтъ, то-есть долженъ имѣть чувство, составляющее существенное свойство поэта». Отмѣтимъ, наконецъ, что Измайловъ, держась вообще скромныхъ взглядовъ на свою писательскую дѣятельность, считалъ басни лучшими своими произведеніями:

„Хоть басни у меня не такъ-то хороши,
Но это лучшія мои стихотворенья“

говорилъ Александръ Ефимовичъ, поднося С. Д. Пономаревой изданіе своихъ басенъ. Печать и общество смотрѣли на Измайлова преимущественно какъ на баснописца. Что касается критики, то сужденія о на-

[1]) „Русск. Архивъ“ 1871 г., стр. 952.

[2]) „Revue Encyclopedique“. 1821, v. 9, p. 604.

[3]) „Россійскимъ Теньеромъ № 2-й“, звали В. Т. Нарѣжнаго.

[4]) Въ этомъ, конечно, можно усмотрѣть вліяніе Брейтингера, котораго ученіе о баснѣ, какъ высшемъ родѣ стихотворства, еще не потеряло силы при Измайловѣ.

шемъ баснописцѣ были весьма разнорѣчивы, часто прямо противоположны (иногда даже у одного и того же лица, какъ напр. Бѣлинскаго). Нѣкоторые признавали въ немъ недюжинный талантъ, считали однимъ изъ крупныхъ баснописцевъ, иногда даже превосходящимъ Дмитріева и Крылова, иные же отворачивались отъ него, не хотѣли говорить объ его басняхъ или упоминали имя нашего баснописца съ полнымъ пренебреженіемъ. Для наглядности приведемъ нѣсколько фактовъ изъ этихъ отношеній.

Первыя изданія басенъ Измайлова были, вообще, приняты весьма сочувственно; критика, благосклонно отнесшаяся къ первому (1814 г.) изданію басенъ скромнаго автора, выпустившаго ихъ въ свѣтъ—какъ онъ говорилъ въ предисловіи—единственно по просьбѣ друзей, въ 1817 г. (2-е изданіе), поставила Александра Ефимовича въ рядъ съ лучшими баснописцами того времени:

«Басни Хемницера, Дмитріева и Крылова—говорится въ одной рецензіи — должны быть въ библіотекѣ всякаго любителя отечественной словесности. То же почти самое можно сказать и о басняхъ г-на Измайлова.... Басни его и сказки, сверхъ піитическаго достоинства, имѣютъ чисто нравственную цѣль и могутъ быть одобрены для чтенія юношеству».... [2]).

О заимствованіяхъ Измайлова и подражаніи чужимъ образцамъ другой критикъ говоритъ:

«Въ семъ отношеніи можно причислить къ подлиннымъ русскимъ сочиненіямъ все то, что Измайловъ заимствовалъ изъ чужеземной словесности. Чистота слога, живое изображеніе мыслей принадлежитъ тому, кто обогатилъ память и мысли всѣми оборотами отечественнаго слова» [3]).

О широкихъ симпатіяхъ къ Измайлову за первый періодъ его дѣятельности, какъ баснописца, можно судить по тому факту, что, лишь только начали раздаваться неблагопріятные о немъ отзывы, большинство журналовъ и газетъ сочло нужнымъ вступиться за него; такъ было напр. въ 1817 г. при появленіи книги Окулова: «Разсмотрѣніе разсужденія, Измайловымъ изданнаго о баснѣ, и самыхъ басенъ его» [3]). Но чѣмъ далѣе шло время и Измайловъ болѣе уклонялся отъ образцовъ, которымъ раньше подражалъ, и становился самостоятельнѣе, чѣмъ болѣе онъ укрѣплялся въ своемъ «теньеровскомъ» направленіи, тѣмъ чаще начали появляться рецензіи на его произведенія, но за то и рѣзче становились нападенія на него. Конечно, среди критиковъ необходимо различать и друзей и враговъ Измайлова, каковыхъ было у

[1]) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1817 г., первое прибавленіе къ № 94 стр. 940.

[2]) „Русск. Вѣстникъ“ 1817 г., № 11—12, стр. 81.

[3]) См. выше.

него немало; но, подводя итогъ отзывамъ, которые мы встрѣтили въ современныхъ журналахъ, нельзя не замѣтить того общаго недоброжелательства и недовольства чрезмѣрнымъ «теньерствомъ» Измайлова, его мужиковатостью, которой проникнуты почти всѣ его басни.

Не желая утомлять вниманія читателя выписками, предложимъ болѣе характерные отзывы. Изъ числа одобрительныхъ укажемъ напр. рецензію «Сына Отечества»:

.... «Г-нъ Измайловъ трудами своими пріобрѣлъ почетное мѣсто между нашими баснописцами; особенно отличается онъ точнымъ, близкимъ изображеніемъ низкой природы: его сказки, въ которыхъ главную роль играютъ люди пятнадцатаго класса, могутъ назваться единственными въ нашей литературѣ»[1]).

«... Черты его рисунковъ почти всегда глубоки и вѣрны,—говорится въ другой рецензіи—образы естественны и живы; онъ умѣлъ схватить оригинальные оттѣнки народнаго характера, особенно же въ сочетаніи идей, тонъ народнаго чувства и покрой въ оболочкѣ мысли»[2])...

Или вотъ напримѣръ любопытный отзывъ «Библіотеки для Чтенія»:

«Свѣтъ коваренъ! Сердца человѣческія перемѣнчивы! Нельзя ничему и никому довѣрять. Тѣ, которые нѣкогда торжественно ставили басни Измайлова выше басенъ Крылова, нынче торжественно пьютъ шампанское въ честь неподражаемому таланту Крылова; тѣ, которые недавно утверждали, что басни Измайлова стыдно читать, теперь расхваливаютъ 5-е и 6-е изданіе его басенъ... А между тѣмъ Измайловъ право не заслуживалъ ni cet excès d'honneur, ni cette indignité... Измайлова упрекаютъ за выборъ, особенно въ его сказкахъ, предметовъ большею частью, низкихъ. Прошу покорно! а Поттерову корову находятъ геніальнымъ произведеніемъ. О люди, люди!—я хотѣлъ сказать: о лицемѣры, лицемѣры!... Измайловъ не былъ одаренъ ни талантомъ, ни остроуміемъ, ни вкусомъ Крылова, но онъ также не заслуживалъ того презрѣнія, которое теперь оказываютъ къ нему прежніе почитатели... У Измайлова много простодушія и при томъ большая часть его произведеній отличаются неподдѣльнымъ русскимъ юморомъ. Стихи его вообще гладки и многіе изъ нихъ обратились въ поговорки[3])»...

Сравненіе Измайлова съ Крыловымъ и другими баснописцами напрашивалось само собой, и рѣдкій критикъ упускалъ случай высказать это сравненіе. Между прочимъ, сравнивалъ его съ Крыловымъ князь П. А. Вяземскій, отмѣтившій въ своей записной книжкѣ: «Измайловъ—

---

[1]) „Сынъ Отечества“, 1821, № 36, стр. 135.

[2]) „Иллюстрація“ 1846, II, № 18 (Перепечат. въ словарѣ Крайя, Спб. 1847, т. VI, ч. I, стр. 46).

[3]) „Библіот. для Чтенія“ 1839, т. XXXII, стр. 71.

подгулявшій Крыловъ[1])»; также Ф. Ф. Вигель замѣчаетъ о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

«.... Это былъ Крыловъ, навеселѣ зашедшій въ казарму, въ харчевню или въ питейный домъ[2])» и др.

Но были отзывы и весьма неодобрительные, даже враждебные. Такой отзывъ, напр., былъ помѣщенъ въ «Галатеѣ[3])» (по поводу 6-го изданія), гдѣ басни его, какъ «чтеніе для юношества», были совершенно забракованы.

Но, конечно, болѣе разумная и дѣльная критика басенъ Измайлова была дана Бѣлинскимъ, поставившимъ ихъ выше напр. басенъ В. Измайлова, В. Пушкина и др.

«Измайловъ—говоритъ онъ—заслуживаетъ особенное вниманіе по своей оригинальности; тогда какъ первые подражали Хемницеру и Дмитріеву, онъ создалъ себѣ особый родъ басенъ, герои которыхъ: отставные квартальные, пьяные мужики и бабы, ерофеичъ, сивуха, пиво, паюсная икра, лукъ, соленая севрюжина; мѣсто дѣйствія—изба, кабакъ, харчевня. Хотя многія изъ его басенъ возмущаютъ эстетическое чувство своею тривіальностью, за то нѣкоторыя отличаются истиннымъ талантомъ и плѣняютъ какою-то мужиковатою оригинальностью. Таковы, напр., «Священникъ и крестьянинъ», «Пьянюшкинъ, отставной квартальный» и пр. Но лучшее его произведеніе, доставившее ему особенную славу—«Павлушка мѣдный лобъ»[4]).

Къ этому, во многихъ отношеніяхъ, вѣрному замѣчанію Бѣлинскаго въ свое время Галаховымъ были сдѣланы нужныя поправки. Совершенно справедливо отмѣтилъ Галаховъ, что Измайловъ, подражая иностраннымъ образцамъ, особливо Лафонтену и Флоріану, не забывалъ и своихъ. Во многихъ басняхъ его не трудно замѣтить вліяніе и русскихъ баснописцевъ, особенно Крылова. Впрочемъ, Измайловъ и не гонялся за самостоятельностью въ смыслѣ «изобрѣтенія сюжетовъ» и самъ сознавался въ бѣдности своего творчества. „Басни мои и сказки

---

[1]) Полное собраніе сочин. кн. П. А. Вяземскаго, т. VIII, стр. 25.

[2]) Записки Ф. Ф. Вигеля, т. III, Москва 1892, стр. 153.

[3]) „Галатея“ 1839, I, 562. Главнѣйшіе отзывы о басняхъ Измайлова въ хронологич. порядкѣ: „Русск. Вѣстн“. 1817, № 9; „Украинск. Вѣстн“. 1817, ч. VIII; „Отеч. Записки“ 1821, ч. VIII; „Соревноват. Просвѣщ.“ 1822; „Сынъ Отечества“ 1823, № 3; „Литер. Листки“ 1824, IV, VI; „Московск. Телегр“. 1826, ч. VII; „Сѣверн. Пчела“ 1826 № 138; «Московск. Телегр». 1827 № 13 и 14; Ibidem 1830; № 3 и 7. „Литерат. прибл. къ Русск. Инвалиду“ 1833, № 49; „Библіот. для Чтенія“ 1839, т. 32; „Сынъ Отеч.“ 1839, VIII; „Московск. Наблюдат“. 1839, т. II; „Отечеств. Зап.“ 1839, т. II; „Библіот. для Чтенія“ 1849 „Сѣверн. Пчела“ 1849, № 141, 142 и др.

[4]) Сочиненія т. IV², стр. 96. Хотя въ другомъ мѣстѣ (т. V, стр. 22) Бѣлинскій не высокаго мнѣнія о народности басенъ Измайлова.

суть большею частью не что иное, какъ вольное подражаніе иностраннымъ фабулистамъ:

„Я подражателя нѣзваніе желаю;
Свой трудъ достоинствомъ чужимъ я возвышаю"

говоритъ онъ въ предисловіи ко 2-му изданію своихъ басенъ и тутъ же приводитъ, какъ бы въ оправданіе, что и удачное подражаніе или даже просто хорошій переводъ басни—дѣло далеко не легкое. Въ посланіи къ В. И. Панаеву онъ прямо заявляетъ:

Бѣда съ моимъ не творческимъ умомъ!
Я въ вымыслахъ совсѣмъ удачи не имѣю.

Но главное достоинство басни лежитъ не въ «вымыслѣ», не въ фабулѣ и не ею опредѣляется. По образцамъ, завѣщаннымъ намъ баснописцами иностранными, а особенно отечественными, не трудно замѣтить, что главное достоинство басни заключается въ ея національности; басня прежде всего должна быть «вѣрнымъ выраженіемъ національности», не взирая на то, развита ли въ ней въ достаточной мѣрѣ фабула, поставлено ли въ началѣ или въ концѣ нѣсколько строкъ морали или же послѣдняя вытекаетъ непосредственно изъ басни и т. д. Второе требованіе отъ басни—современность. «Мысль общая при всей своей важности—говоритъ Галаховъ—можетъ быть пошлою потому именно, что она обща, всюду приложима. Сколько мелкіе баснописцы жадны къ общимъ мѣстамъ, столь же баснописцы геніальные всегда обходятъ ихъ, стремясь къ мѣстамъ, имѣющимъ современное значеніе, прямое отношеніе къ дѣйствительности. Чѣмъ важнѣе сфера современныхъ предметовъ, выражаемыхъ въ аллегорическомъ разсказѣ, тѣмъ больше басня выигрываетъ въ своемъ достоинствѣ. Чѣмъ мельче сфера предметовъ, захватываемыхъ баснею, тѣмъ мельче и сама басня. Современная національность—тѣмъ болѣе достойная, чѣмъ она важнѣе—вотъ какъ можетъ выразиться необходимое условіе басни, составляющее особенное ея отличіе, безъ котораго всѣ общія представленія принадлежности не возбуждаютъ сочувствія въ читателѣ» [1]).

Посмотримъ же, насколько басни Измайлова отвѣчаютъ «современной національности». Обратимъ прежде всего вниманіе на языкъ его басенъ. Правда, онъ лишенъ изящества, отдѣлки, лишенъ той художественной простоты, которая плѣняетъ насъ въ басняхъ Крылова, но въ немъ несомнѣнно чувствуется «отпечатокъ національной простонародности». Національная простонародность—вотъ отличительная черта басенъ Измайлова и съ внѣшней и съ внутренней стороны. Но, если со стороны языка басни Измайлова рѣзко отличаются отъ басенъ Крылова своею грубоватостью, то еще болѣе замѣтна по-

[1]) „Современникъ" 1849, т. 19, стр. 72.

слѣдняя, когда мы обращаемся къ сюжетамъ нашего баснописца. Сфера предметовъ, которыхъ обыкновенно касался Измайловъ, «низменная порода людей», низкій, простонародный кругъ нашей жизни. «Міръ его басенъ—говоря словами Галахова—населенъ такими личностями, которыя по табели о рангахъ не восходятъ выше титулярнаго совѣтника и съ которыми часто имѣла дѣло управа благочинія. Двери салоновъ затворены для нихъ, но за то открытъ имъ входъ въ неприхотливыя увеселительныя заведенія» [1]).

Измайловъ, повидимому, чувствовалъ всю важность народности въ поэзіи, особливо въ басняхъ, онъ даже возставалъ иногда съ сатирой противъ лицъ, ложно понимавшихъ народность [2]), но самъ-то нашъ писатель, если судить по его баснямъ, выразилъ ее и односторонне, и угловато.

Дѣйствительно, присматриваясь даже къ лучшимъ его баснямъ, составившимъ его славу, мы не можемъ не поразиться и цинизмомъ изображенія и той грубой низменной обстановкой, среди которой застаемъ обыкновенно его героевъ. Отсюда понятно то ожесточеніе нѣкоторыхъ критиковъ противъ Измайлова, съ которымъ они преслѣдовали нашего баснописца за его «теньерство», ибо, если не нравилась многимъ простонародность даже басенъ Крылова, несмотря на ихъ изящество, то басни нашего писателя отнюдь не могли удовлетворить сколько-нибудь развитой эстетическій вкусъ. Еще при жизни нашего баснописца на него сыпались ѣдкія эпиграммы; не пощадили его А. Ѳ. Воейковъ и А. А. Писаревъ.

. . . . . .

Я люблю носы съ прыщами,
Хожу съ лирою въ трактиръ,
Ѣмъ икру тамъ, лукъ съ сельдями:
Міръ квартальныхъ есть мой міръ".

говоритъ о немъ первый въ своемъ «Домѣ сумасшедшихъ».

«Въ твоихъ разсказахъ всѣ скоты
Скотами въ полной мѣрѣ»,

говоритъ о немъ второй въ «Пѣвцѣ на бивакахъ у подошвы Парнаса» [3]). «Къ сатирическимъ произведеніямъ Измайлова—замѣчаетъ Галаховъ—идетъ, какъ нельзя лучше, оправданіе одного автора, высказанное въ 52-й эпиграммѣ:

„Твои портреты очень схожи:
На лица пишешь ты?"
„Нѣтъ, я пишу на рожи" (т. I, стр. 412).

---

[1]) „Исторія русской словесности", т. II. Москва 1894, стр. 343.
[2]) См. „Полн. собраніе сочиненій", т. II, стр. 285.
[3]) „Библіографич. Записки", т. II, стр. 614.

Что же касается до сравненія Измайлова по выбору сюжета и способу изложенія съ Гогартомъ, Скарономъ, Пуссеномъ и особенно съ Теньеромъ, то, хотя оно построено на чисто внѣшнемъ сходствѣ, все же допустимо, и заключеніе Галахова, что Измайловъ не былъ художникомъ, врядъ ли основательно. Избравъ героями своихъ басенъ людей низшаго, совсѣмъ не образованнаго или малокультурнаго слоя общества и показывая ихъ намъ въ ихъ обычной обстановкѣ, Измайловъ умѣлъ живо и выпукло рисовать портреты такого сорта людей, вѣрно схватывать характерныя черты ихъ и говорить ихъ языкомъ. Приведемъ одну изъ лучшихъ басенъ Измайлова: «Пьяница».

Пьянюшкинъ, отставной квартальный,
Совѣтникъ титулярный,
Исправно насандалилъ носъ,
Въ худой шинелишкѣ, зимой, въ большой морозъ,
По улицѣ шелъ утромъ и шатался.
На встрѣчу кумъ ему, майоръ Петровъ попался.
„Мое почтеніе!“—А! здравствуй, Емельянъ
Архиповичъ! да ты, братъ, видно
Уже позавтракалъ! Ну, какъ тебѣ не стыдно?
Еще обѣденъ нѣтъ, а ты, какъ стелька, пьянъ!—
„Ахъ! виноватъ, мой благодѣтель!
Вѣдь съ горя, мой отецъ!“—Такъ съ горя-то и пить?—
„Да какъ же быть?
Вотъ Богъ вамъ, Алексѣй Ивановичъ, свидѣтель,
Ѣсть нечего, всѣ дѣти босикомъ;
Жену оставилъ я съ однимъ лишь пятакомъ.
Гдѣ взять? Давно уже безъ мѣста я, несчастный!
Сгубилъ меня разбойникъ приставъ частный!
Я до отставки не пивалъ:
Спросите, скажетъ весь кварталъ.
Теперь же съ горя какъ напьюся,
То будто-бы развеселюся“.
—Не пей, такъ я тебѣ охотно помогу.—
„Въ ротъ не возьму, ей Богу, не солгу;
Господь порукой!...“—Ну, полно, не божися,
Вотъ крестникамъ снеси полсотенки рублей.—
„Отецъ!.. дай ручку!..“—Ну, поди домой, проспися,
Да, чуръ, смотри, впередъ не пей.—
Летитъ Пьянюшкинъ нашъ, отколь взялися ноги,
И чуть-чуть не упалъ разъ пять среди дороги
Летитъ... домой?—О, нѣтъ!—Неужели въ кабакъ?
Да, какъ бы вамъ не такъ!
Въ трактиръ, а не въ кабакъ зашелъ; чтобы промѣна
Съ бумажки бѣленькой напрасно не платить,
Спросилъ ветчинки тамъ и хрѣна,
Немножко такъ перехватить,
Да рюмку водочки, потомъ бутылку пива.
А послѣ пуншику стаканъ,

Другой... и наконецъ, о! диво:
Пьянюшкинъ напился уже мертвецки пьянъ;
Къ несчастію еще въ трактирѣ онъ подрался,
А съ кѣмъ, за что - и самъ того не зналъ,
На лѣстницѣ споткнулся и упалъ,
И весь, какъ чортъ, въ грязи, въ крови перемарался.
Вотъ вечеромъ его по улицѣ ведутъ
Два воина осанки важной,
Съ сѣкирами, въ бронѣ сермяжной.
Толпа кругомъ. И кумъ, гдѣ ни возьмися, тутъ,
Увидѣлъ, изумился,
Пожалъ плечами и спросилъ:
— Что, вѣрно съ горя ты, бѣднякъ, опять напился?—
„За здравіе твое отъ радости я пилъ!"
У пьяницы всегда есть радость или горе,
Всегда есть случай пьянымъ быть;
Закается лишь только пить—
Да и напьется вскорѣ.
Однако, надобно, чтобъ больше пилъ народъ:
Хоть людямъ вредъ, за то откупщикамъ доходъ" [1]).

Въ баснѣ этой, какъ видитъ читатель, немало живаго драматизма, нѣтъ длинноты, излишнихъ отступленій, разсказъ ведется просто и естественно и въ цѣломъ рядѣ сценъ, мастерски схваченныхъ какъ бы съ натуры, встаетъ живой образъ одного изъ типичныхъ героевъ басенъ Измайлова. Но и въ этой мастерски и реально написанной картинѣ есть мѣста, гдѣ замѣтна небрежность автора, какъ будто привычная или намѣренная неряшливость. Врядъ ли Измайловъ, при его умѣньи владѣть языкомъ, не могъ измѣнить напр. такихъ стиховъ: «Изрядно насандаливъ носъ», «И весь, какъ чортъ, въ грязи, въ крови перемарался» и т. п. Кромѣ того можно сдѣлать замѣчаніе и относительно двухъ послѣднихъ стиховъ заключенія: безъ сомнѣнія, Измайловъ хотѣлъ закончить басню остротой, но она вышла у него угловатой, хотя въ ней и чувствуется «довольно ѣдкая иронія» [2]). По этой баснѣ Измайлова, справедливо считаемой одною изъ лучшихъ его басенъ, можно судить въ достаточной мѣрѣ какъ о свойствѣ таланта нашего писателя, такъ и о манерѣ его письма вообще.

Послѣ всего сказаннаго о національности басенъ Измайлова и тѣхъ крайностяхъ, къ которымъ привело Александра Ефимова не совсѣмъ пра-

[1]) (Т. I, стр. 147—150). Авторъ называетъ эту басню сказкой. Но дѣленіе Измайловымъ своихъ басенъ на басни и сказки крайне неясно, искусственно и не выдержано, такъ что Галаховъ отвергъ его, какъ излишній педантизмъ, навѣянный на Измайлова иностранными теоретиками. Съ своей стороны, мы не можемъ не присоединиться къ этому справедливому мнѣнію.

[2]) См. П. Н. Полевой: „Исторія русск. словесности". С.-Пбрг. 1900 г. т. II, стр. 429.

вильное пониманіе ея, и ограниченность его таланта и бѣдность воображенія, намъ слѣдовало бы разсмотрѣть, насколько современны его басни, т. е. отмѣтить темы, которыхъ касался Измайловъ въ своихъ басняхъ за все время своего баснописанія. Но объ этомъ скажемъ немного.

Басни Измайлова отличались злободневностью, и, вѣроятно, благодаря этому, главнымъ образомъ, онѣ и имѣли успѣхъ у современниковъ. Дѣйствительно, его обличенія и осмѣянія метромановъ, писателей-неудачниковъ, нападки на ненравившіяся Измайлову новыя направленія въ нашей литературѣ, негодованіе на дуэли, часто въ то время происходившія въ нашемъ обществѣ, сатирическія выходки противъ извѣстныхъ въ то время лицъ (напр. П. И. Свиньина, Ганина) и т. п. могли имѣть успѣхъ лишь при жизни автора, пользовавшагося при этомъ и безъ того популярностью. Въ этомъ не трудно убѣдиться, если мы сравнимъ число изданій басенъ Измайлова, появившихся при его жизни, съ числомъ посмертныхъ. За 12-ти лѣтній промежутокъ времени, басни нашего писателя выдержали 5 изданій, затѣмъ были переизданы вскорѣ послѣ его смерти (миніатюрное изданіе 1839 г.), и уже потомъ онѣ появились полностью лишь при такъ называемыхъ «полныхъ собраніяхъ сочиненій» Измайлова (1849, 1862, 1891 г.), отдѣльно же всѣ басни не издавались, но лишь избранныя (1891, 1892, 1893, 1895); въ хрестоматіяхъ и разнаго рода сборникахъ можно встрѣтить обыкновенно лишь 2—3 басни нашего писателя. Это понятно: для современнаго читателя грубовато отдѣланныя басни Измайлова, описывающія почти исключительно мелкіе факты будничной жизни такого круга людей, который такъ мало привлекаетъ къ себѣ вниманіе культурнаго человѣка, не могутъ представлять значительнаго интереса. Имѣя предъ собой басни Крылова, гдѣ съ веселой и лукавой ироніей, съ умомъ сильнымъ и трезвымъ и тонкой наблюдательностью, авторъ по истинѣ неподражаемо, въ чертахъ дѣйствительно народныхъ, изображаетъ намъ равно прекрасно и явленія общечеловѣческой жизни, и крупныя общественныя событія своего времени и пр., имѣя такіе классическіе образцы, современный читатель врядъ-ли назоветъ Измайлова «дружкой Крылова», какъ встарь его величали; современнаго читателя не подкупитъ ни теньерство Измайлова, ни яркое и типичное изображеніе его героевъ; но онъ безъ сомнѣнія обратитъ вниманіе на тотъ симпатичный образъ самого автора, который просвѣчиваетъ сквозь немного грязноватую оболочку его твореній. Являясь въ своихъ басняхъ не простымъ разсказчикомъ того, что происходитъ, между его героями, но принимая участіе въ описываемыхъ событіяхъ, Измайловъ, по свойственной ему откровенности, не можетъ не подѣлиться съ читателями своими чувствами и мнѣніями. Выраженія ихъ—какъ замѣтилъ еще Галаховъ,—выраженія простодушныя, иногда комичныя, но всегда вполнѣ искренни;

какъ элементъ субъективный, они могутъ служить хорошимъ біографическимъ матеріаломъ, чѣмъ мы уже успѣли воспользоваться при составленіи біографіи нашего писателя.

Еще болѣе субъективнаго элемента содержатъ въ себѣ всѣ другія стихотворныя произведенія Измайлова, каковыхъ у него немало.

Нашъ писатель, легко владѣя стихомъ, любилъ облекать свои мечты, думы, чувства, впечатлѣнія во всевозможныя стихотворныя формы, по истинѣ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Измайловъ писалъ оды, пѣсни, діалоги, посланія, элегіи, эпиграммы, эпитафіи, надписи, экспромпты, мадригалы, стихи въ альбомы и пр. и пр.; онъ пересыпалъ зачастую стихами и прозаическую рѣчь, стихами писалъ иногда дѣловыя бумаги, примѣчанія и выноски въ своемъ журналѣ (подъ чужими статьями), писалъ стихи во время безсонницы, разъѣздовъ, на постояломъ дворѣ, въ дорожной кибиткѣ, на трубѣ парохода, на которомъ ѣхалъ и т. д.

Но, несмотря на все обиліе и разнообразіе подобнаго рода произведеній Измайлова, о нихъ достаточно ограничиться нѣсколькими замѣчаніями. Предварительно позволимъ себѣ привести отрывокъ изъ одного стихотворенія нашего писателя: «На отъѣздъ пріятеля въ Москву». Провожая одного изъ своихъ пріятелей, Измайловъ даетъ ему нѣсколько наставленій и заключаетъ свое adieu слѣдующими словами:

„Ступай же съ Богомъ, отправляйся
И насъ въ Москвѣ не забывай,
Въ Москвѣ не долго заживайся
И въ Петербургъ къ намъ пріѣзжай
На новую свою квартиру,
Да привези по калачу.
А я, какъ должно рнемачу,
Примусь тогда, примусь за лиру.
Какая лира, чортъ,—шучу;
Играть на лирѣ не умѣю,
Перомъ и то кой-какъ владѣю.
За то, умѣю я любить
И уважать людей почтенныхъ;
За ихъ здоровье радъ я пить
И добрыхъ радъ въ стихахъ хвалить.
А для лукавыхъ и надменныхъ,
Пока въ умѣ, пока дышу,
Ни полстиха не напишу [1]),
При случаѣ жъ и укушу.
Ни крокодиловъ, ни лягушекъ

[1]) Въ высшей степени небрежномъ изданіи такъ наз. „Полнаго собр. сочинен. А. Е. Измайлова“ (т. I, стр. 291), стихъ этотъ совсѣмъ пропущенъ, почему цѣлая строфа лишается смысла. Возстановляемъ по рукописи.

Надувшихся я не терплю,
Равно какъ хвастуновъ Павлушекъ [1]);
А честныхъ, скромныхъ всѣхъ люблю".

Отрывокъ,этотъ—одинъ изъ любопытныхъ и цѣнныхъ признаній Александра Ефимовича. Съ свойственной ему правдивостью и откровенностью, онъ ясно и просто опредѣлилъ характеръ и суть своей литературной дѣятельности: изъ скромности, называя себя риемачемъ, онъ отказывается приняться за лиру и откровенно заявляетъ, что онъ перомъ «и то кой-какъ» владѣетъ; но за то онъ обладаетъ другими прекрасными качествами: искренней любовью къ людямъ честнымъ, скромнымъ и добрымъ, въ честь которыхъ онъ готовъ слагать гимны, и отвращеніемъ отъ злыхъ, на которыхъ у него готова сатира («при случаѣ жъ и у к у ш у»). Дѣйствительно, пробѣгая мелкія стихотворенія Измайлова, какъ напечатанныя, такъ и оставшіяся въ рукописи, мы не найдемъ въ нихъ перловъ поэзіи, не найдемъ въ нихъ большой глубины мысли и воображенія, слѣдовъ высокаго поэтическаго вдохновенія; но въ простыхъ, не блещущихъ отдѣлкой (хотя и «гладкихъ») стихахъ Измайлова чувствуется душа, умѣвшая горячо любить добро и ненавидѣть зло и откровенно, по-своему, выражавшая свои движенія въ риемахъ. Не будемъ сравнивать Измайлова съ его знаменитыми современниками-поэтами: его плодовитая, но бѣдная муза должна занять весьма скромное мѣсто на россійскомъ Парнасѣ; но мы должны признать Измайлова все же поэтомъ, хотя и съ небольшимъ талантомъ. Ограниченность послѣдняго сознавалъ и самъ Александръ Ефимовичъ:

„Къ несчастью, не всегда умѣю
Что чувствую, то изъяснить",

говорилъ онъ А. Д. Мякинину [2]).

„Стихи мои не хороши",—

писалъ онъ въ альбомъ одной знакомой дамѣ [3]). Но онъ не переставалъ писать ихъ до конца дней своихъ, ибо полагалъ, что

«Грѣшно пренебрегать искусствомъ
Тому, кто получилъ отъ Феба даръ и чувство» (т. I, стр. 315),

грѣшно «скрывать талантъ свой» (ibid, стр. 338).

Но какъ бы ни было мало и ограничено поэтическое дарованіе нашего писателя, Измайловъ считалъ себя дѣйствительно п о э т о м ъ, каковымъ считали его и современники.

---

[1]) См. его басню „Лгунъ" (т. I, стр. 180—183), начинающуюся словами
„Павлушка-мѣдный лобъ (приличное названье)!
Имѣлъ ко лжи большое дарованье"...

[2]) «Собр. сочин.» т. I, стр. 318.

[3]) Ibid., стр. 325.

Правда, въ нашей литературѣ начала нынѣшняго столѣтія какъ-то смѣшивали поэзію съ стихотворствомъ и, при сбивчивости понятій о творчествѣ и поэзіи, никому не казалась странной фраза Карамзина, сказанная имъ при разборѣ «Душеньки» Богдановича: «Хорошіе стихи всегда лучше хорошей прозы». Дѣло объясняется очень просто: въ стихахъ, въ то время, видѣли не что иное, какъ «мѣрную рѣчь, болѣе пріятную для слуха, чѣмъ проза»; отсюда выводили уже и преимущество стиховъ предъ прозой; этимъ же объясняется и чрезмѣрное обиліе стиховъ, буквально наводнявшихъ наши старые журналы и альманахи. Ложныя понятія о сущности поэзіи не замедлили породить у насъ легіонъ виршеслагателей, почитавшихъ себя не иначе, какъ дѣтьми Аполлона, и метроманія и риѳмобѣсіе достигли чудовищныхъ размѣровъ... Со стороны благомыслящихъ писателей начали раздаваться протесты, зачастую въ формахъ сатиры. Что же дѣлалъ Измайловъ? Какъ человѣкъ, постоянно вращавшійся въ средѣ писателей, и какъ редакторъ-издатель, онъ убѣждался болѣе, чѣмъ кто-либо, что страсть писать стихи обратилась въ манію, и вотъ, на страницахъ «Благонамѣреннаго» появляется цѣлый рядъ эпиграммъ, пародій и рой сатирическихъ статей въ прозѣ, направленныхъ противъ Пегасиныхъ, Риѳмолюбовыхъ, авторовъ одъ, шарадъ и пр. Но, при всемъ томъ, надо отмѣтить, что и самъ Измайловъ былъ увлеченъ общимъ потокомъ и самъ заплатилъ дань модѣ и, купно съ сотрудниками своего журнала, писалъ нерѣдко то, противъ чего возставалъ. Просмотрите вторую половину перваго томика его сочиненій, заключающую въ себѣ мелкія стихотворенія, и, на-ряду съ стихами, обличающими недюжинный талантъ автора, съ остроумными эпиграммами, вы встрѣтите потуги лирическаго паренія, неудачныя попытки казаться нѣжнымъ, рядъ эпиграммъ, въ которыхъ—по выраженію Галахова—остроуміе лишь подразумѣвается, нѣсколько десятковъ всякаго рода надписей (сочиненныхъ, порой, по заказу), логогриѳовъ, наконецъ... шарадъ. Это неудивительно: при смутномъ пониманіи различія поэзіи отъ стихотворства, Измайловъ, во-первыхъ, вообразилъ, что онъ съ одинаковымъ успѣхомъ можетъ проявить свой талантъ въ любой формѣ поэтическихъ произведеній, во-вторыхъ, казалось, готовъ былъ считать всякую риѳмованную или просто мѣрную рѣчь за плоды истиннаго вдохновенія. Но и то и другое было заблужденіями. Измайловъ былъ сатирикъ-бытописатель, и изъ-подъ его грубоватаго пера болѣе или менѣе удачно выходили строки обличенія, безразлично—писалъ ли онъ стихами или прозой, и посему лучшія его произведенія тѣ, въ которыхъ онъ является въ роли сатирика. И всѣ попытки Измайлова выйти изъ этого ограниченнаго круга своего дарованія оказывались тщетными, порой—забавными. Болѣе всего забавнымъ казалось современникамъ его желаніе прослыть «нѣжнымъ писателемъ» и постоянное повто-

*

реніе Измайловымъ незаконно присвоеннаго имъ титула «писателя для дамъ», надъ чѣмъ, какъ мы видѣли, посмѣялся въ свое время и Пушкинъ, злой Воейковъ и др.

Впрочемъ, какъ бы ни были маловажны стихотворныя произведенія Измайлова, о которыхъ сейчасъ идетъ рѣчь, нельзя обойти молчаніемъ того, что составляетъ ихъ драгоцѣнную особенность, это—искренность ихъ автора, благонамѣренность и благородство. Закрывая томикъ стихотворныхъ произведеній Измайлова, невольно вспоминается одно изъ «альбомныхъ» стихотвореній нашего писателя, посвященное В. И. Панаеву, въ которомъ, между прочимъ, Александръ Ефимовичъ говоритъ:

«Ты честный человѣкъ, и по стихамъ то видно». Фраза эта, на нашъ взглядъ, вполнѣ приложима къ стихотвореніямъ Измайлова.

Ив. Кубасовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ воспоминаній Михайловскаго-Данилевскаго.

1822 годъ [1]).

Происшествіе со мною на придворномъ маскарадѣ.—Какъ сохраняются тайны при Дворѣ.—Поѣздка въ деревню и Либаву.—Митавскій замокъ.—Селеніе Шрунденъ.—Солдатъ Семеновскаго полка.—Уничтоженіе масонскихъ ложъ.—Масонскія ложи въ Россіи.—Моя масонская исторія.—Отъѣздъ изъ Либавы.—Рига.—Военно-Сиротскій домъ.—Домъ сумасшедшихъ и присутственныя мѣста въ Ригѣ.—Генералъ-губернаторъ маркизъ Паулуччи.—Освобожденіе крестьянъ Остзейскихъ губерній.—Полковникъ Бокъ.—Суперъ-интендантъ Зонтагъ.—Возвращеніе мое въ Петербургъ.—Пребываніе императора Александра I въ Або въ 1812 году.—Заключеніе 1822 года.

Въ бывшемъ 1-го января 1822 года придворномъ маскарадѣ, я гулялъ во время ужина по Эрмитажу и стоялъ одинъ въ залѣ, по которой государь возвращался съ своею фамиліею. Проходя мимо меня, его величество смотрѣлъ необыкновенно пристально на меня, до того, что это возбудило мое вниманіе. На другой день я являюсь на разводъ, и государь, увидя меня, какъ будто о чемъ-то вспомнилъ и велѣлъ прислать къ нему послѣ развода князя Волконскаго. Едва я возвратился домой, какъ адъютантъ сего послѣдняго пріѣхалъ ко мнѣ съ извѣстіемъ, чтобы я былъ у князя того же дня въ 8 часовъ вечера. По прибытіи моемъ онъ началъ меня спрашивать, замѣтилъ ли я, что, выходя изъ-за ужина, императоръ смотрѣлъ на меня пристально? Я отвѣчалъ, что «нахожу сіе вниманіе государя весьма естественнымъ, что онъ взглянулъ лишній разъ на того, кто въ продолженіе многихъ важнѣйшихъ для него годовъ находился при немъ».

— Нѣтъ,—отвѣчалъ князь,—причина тому есть, что государь замѣ-

[1]) См. „Русскую Старину“ 1899 г. № 12.

тилъ, что вы были безъ маскараднаго платья, и приказалъ васъ спросить, отчего вы онаго не имѣли?

Я сказалъ, что я былъ въ маскарадномъ платьѣ, и завѣрилъ князя въ томъ честнымъ словомъ, прусовокупя, что ни чинъ мой, ни извѣстный ему образъ мыслей не позволили бы мнѣ явиться во дворецъ безъ приличнаго наряда.

На слѣдующій день, т. е. 3-го января, я пріѣхалъ на разводъ, государь подозвалъ меня немедленно и сказалъ: «Я передъ тобою виноватъ, мнѣ показалось, что ты былъ безъ маскараднаго платья».

— Виноватъ я,—отвѣчалъ я,—потому, что, идя изъ Георгіевской залы въ Эрмитажъ, не осмотрѣлся въ зеркало и не оправилъ своего домино.

— Нѣтъ,—сказалъ государь,—я передъ тобою виноватъ, совершенно виноватъ.

Въ доказательство того, какъ тайно при нашемъ дворѣ производились дѣла, и что кромѣ особъ, кому они были поручаемы, никто объ нихъ не зналъ ничего, можетъ послужить примѣромъ, что мы, флигель-адъютанты, равно и многіе генералъ-адъютанты извѣстились о помолвкѣ великаго князя Михаила Павловича съ дочерью виртембергскаго принца изъ гамбургскихъ газетъ.

Такъ какъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ настала прекрасная весенняя погода и мнѣ совершенно не было никакого дѣла, даже и обыкновенной обязанности флигель-адъютанта являться ежедневно во дворецъ, бывать на разводѣ и дежурить при государѣ, въ двѣ недѣли однажды, потому что его величество переѣхалъ изъ Петербурга въ Царское Село, то я просилъ увольненія въ отпускъ на 6 недѣль. Получивъ увольненіе, я отправился въ свои деревни (въ Нижегор. губ.) и ѣхалъ столь скоро, что, имѣя въ виду единственно хозяйственныя занятія, не останавливался ни въ одномъ городѣ, даже и въ Москвѣ.

Пріятно же всегда будетъ мнѣ вспомнить, что я во время сей весенней поѣздки ввелъ у себя въ деревняхъ прививаніе коровьей оспы, къ чему сначала надобно было принуждать крестьянъ.

По возвращеніи въ Петербургъ въ маѣ мѣсяцѣ, я нашелъ его совершенно опустѣлымъ. Дворъ жилъ въ Царскомъ Селѣ, и всѣ зажиточные люди на дачахъ. Въ Главномъ штабѣ дѣлали приготовленія къ путешествію государя въ Верону на конгрессъ, а я, узнавъ, что въ сію дорогу я не назначенъ, просилъ позволенія ѣхать Курляндской губерніи въ городъ Либаву, чтобы пользоваться морскими купаніями.

Я отправился туда съ семействомъ моимъ въ началѣ іюня мѣсяца и не хотѣлъ упустить сего случая, чтобы не познакомиться съ Остзейскими губерніями, имѣя къ тому возможность: я ѣхалъ очень тихо и былъ свободенъ [1]).

[1]) Данилевскій ѣхалъ чрезъ Нарву, Дерптъ, Ригу, Митаву (Шрунденъ на р. Виндавѣ) въ Либаву.

Я никогда не могу проѣхать безъ особеннаго чувства мимо Митавскаго зàмка, гдѣ въ 1727 году была подписана избранною тогда на Россійскій престолъ императрицею Анною Іоанновною условная грамота, по которой она обѣщалась царствовать. Грамота, по подлости нѣкоторыхъ вельможъ, а особенно Ягужинскаго, была уничтожена; не менѣе того самое предложеніе сего договора послужитъ памятникомъ просвѣщенія русскихъ бояръ. Усилія ихъ были не только не безуспѣшны, но и послужили имъ пагубою, тѣмъ болѣе славы предпринявшимъ привести въ исполненіе такую мысль въ землѣ, тогда еще полудикой. Любопытно бы было рѣшеніе задачи, какимъ образомъ русскіе вельможи, погруженные въ XVII столѣтіи въ невѣжество, противившіеся всѣми силами преобразованію, вводимому Петромъ Великимъ, возымѣли въ 1727 году желаніе ограничить верховную власть монарховъ своихъ.

Митавскій зàмокъ примѣчателенъ еще по двукратному пребыванію въ немъ Людовика XVIII. Сей мудрый государь заставилъ народъ свой забыть въ короткое время раздоры, обуревавшіе его въ продолженіе 25 лѣтъ, излѣчилъ раны, нанесенныя Франціи кровопролитными войнами, о каковыхъ исторія упоминаетъ и которому потомство отдаетъ должную справедливость. Черты лица короля отмѣнно похожи на князя Смоленскаго. Я благодарю всегда судьбу, что видѣлъ почти всѣхъ достопримѣчательныхъ мужей нашего времени, царей, генераловъ, министровъ, писателей и художниковъ. Воспоминаніе о нихъ доставляетъ мнѣ много наслажденій, и когда случается о комъ-нибудь изъ нихъ читать или думать, то, приводя себѣ на память черты лицъ ихъ, я воображаю, что помышляю или читаю о знакомомъ мнѣ человѣкѣ.

Въ нѣкоторыхъ лѣтахъ каждый изъ насъ живетъ съ удовольствіемъ въ прошедшемъ времени: сія мысль представилась и мнѣ въ селеніи Шрунденъ, гдѣ я остался ночевать.

Я вспомнилъ, какъ я здѣсь былъ за 14 лѣтъ, когда я ѣхалъ учиться въ Германію. Ночь была бурная, рѣка Виндава, покрытая льдомъ, поднялась до того, что нельзя было по ней переѣхать. Я встрѣтилъ здѣсь одно почтенное семейство, съ которымъ я провелъ вечеръ. Разставшись съ ними въ полночь, я сѣлъ у окна, смотрѣлъ на полный мѣсяцъ, слушалъ ревъ Виндавы и написалъ какіе-то стихи, которые впослѣдствіи были преданы огню со всѣми моими поэтическими произведеніями. Воображенію моему представлялись тогда воздушные зàмки, подобные тѣмъ, какіе могутъ войти въ голову 17-ти лѣтняго юноши, оставляющаго въ первый разъ отеческій домъ, ѣдущаго въ чужіе края и находящагося совершенно свободнымъ и независимымъ. Въ часы сихъ сладостныхъ мечтаній, я переносился въ будущность, жилъ въ мірѣ необъятномъ и мнѣ неизвѣстномъ. Миновало ровно 10 лѣтъ, въ которыя я видѣлъ Альпы и Апеннины, Тибръ и Сену, Донъ и Чатырдагъ, пламе-

нѣющую Москву и приступомъ взятый Монмартръ, и по прошествіи сихъ 10 лѣтъ, я очутился въ другой разъ въ 1818 году въ Шрунденѣ, сопровождая государя на Ахенскій конгрессъ. Какая великая перемѣна произошла въ образѣ мыслей моихъ и въ пріемѣ, мнѣ здѣсь сдѣланномъ. Въ первый разъ я былъ одинъ, незнаемый никѣмъ съ моими мечтами, а въ другой съ свѣтильникомъ опытности въ рукахъ, окруженный чиновниками, предлагавшими мнѣ наперерывъ угощенія и расточавшими передо мною вѣжливости, употребляемыя съ особами, сопровождающими царей. Тогда многое льстило моему самолюбію, и особенное расположеніе ко мнѣ императора позволяло предаваться честолюбивымъ надеждамъ. Вскорѣ обстоятельства перемѣнились, государь сдѣлался ко мнѣ равнодушенъ и пересталъ отличать отъ прочихъ моихъ товарищей. Сначала сіе огорчило меня, но когда я вспомнилъ примѣры изъ исторіи, особенно Суворова, которому по завоеваніи Италіи и по переходѣ чрезъ Альпійскія горы запретили въѣздъ въ столицу, я успокоился, сравнивая мое ничтожество съ симъ великимъ мужемъ. Я переносилъ не только равнодушно холодность, которую мнѣ оказывали, но имѣвъ въ сіе время довольно досуга, чтобъ взвѣсить на вѣсахъ благоразумія дворскія милости, я убѣдился въ глубинѣ души моей въ совершенной суетности почестей, наградъ и отличій, ограничилъ себя малымъ кругомъ пріятелей, научился находить наслажденія въ занятіяхъ и въ спокойной совѣсти, полагалъ счастіе мое въ счастіи моихъ двухъ малютокъ, здоровье мое въ ихъ здоровьѣ, жизнь мою въ ихъ жизни.

Съ такимъ расположеніемъ духа я пріѣхалъ въ 1822 году въ третій разъ въ Шрунденъ. Какая разница съ положеніемъ моимъ, въ которомъ я тамъ былъ въ 1808-мъ и 1818-мъ годахъ.

Въ Либавѣ расположенъ былъ 3-й егерскій полкъ, въ которомъ находится 50 человѣкъ, выписанныхъ изъ Семеновскаго полка вслѣдствіе непріятнаго случая, бывшаго въ немъ въ октябрѣ—ноябрѣ мѣсяцахъ 1820 года.

Начальникъ полка сказывалъ мнѣ, что онъ не могъ довольно нахвалиться поведеніемъ сихъ солдатъ, что въ теченіе полутора года, какъ они находились въ полку, ни одинъ изъ нихъ не былъ наказанъ и что, кажется, они дали слово другъ другу вести себя примѣрнымъ образомъ. Сколь ни горестно происшествіе, случившееся въ Семеновскомъ полку, но оно доказываетъ высокую степень образованности гвардейскаго солдата. Они поступили съ такимъ хладнокровіемъ, и когда участь ихъ была рѣшена,—съ такимъ благоразуміемъ и кротостью, что вселили въ себѣ уваженіе самихъ порицателей своихъ.

Тотъ же полковой начальникъ сказывалъ мнѣ, что запрещено главнокомандующимъ арміею семеновскихъ солдатъ, выписанныхъ въ полевые полки, производить въ унтеръ-офицеры и фельдфебели, а если кто

изъ нихъ окажетъ какое-либо особенное отличіе, заслуживающее производства въ унтеръ-офицеры, то представлять о таковомъ на утвержденіе главнокомандующаго. Сверхъ того запрещено было выписывать ихъ въ неспособные, и полковникъ затруднялся, что̀ дѣлать съ солдатомъ, который сошелъ съ ума. Онъ приводилъ мнѣ въ примѣръ, что въ полку, расположенномъ въ сосѣдствѣ, одинъ бывшій семеновскій солдатъ переломилъ себѣ ногу и не могъ ходить иначе, какъ на костыляхъ; его отослали въ неспособные, но высшее начальство обратило его въ полкъ.

Въ 3-мъ егерскомъ полку не было ни одного офицера съ состояніемъ; они содержали себя жалованіемъ; недостатки ихъ простирались до того, что полковой начальникъ велѣлъ офицерамъ являться на ученіе безъ эполетовъ, дабы они имѣли таковые въ исправности для смотровъ.

Либава, гдѣ я провелъ лѣто, маленькій красивый городокъ, лежащій на самомъ морскомъ берегу, и заключаетъ въ себѣ до 7.000 жителей. Купцы образуютъ почетнѣйшій классъ; разговоры о тарифѣ, о курсѣ, о кораблеплаваніи составляютъ въ торговомъ городѣ главный предметъ бесѣдъ. Женщины занимаются музыкою и нѣмецкою словесностью; супруга купца Гагендорна была начальницею общества, которое выписывало 11 нѣмецкихъ газетъ и журналовъ. Я думаю, что не во всѣхъ русскихъ университетахъ получается такое количество періодическихъ сочиненій. Въ Либавѣ находились двѣ книжныя лавки, гдѣ продавали сочиненія, касающіяся до воспитанія, земледѣлія и германской литературы. Есть театръ, но не было постоянно живущей труппы актеровъ. У богатыхъ жителей бывали нерѣдко обѣды и вечеринки, и въ іюлѣ мѣсяцѣ при большомъ съѣздѣ для морскаго купанія, публичные балы, отличавшіеся благопристойнымъ поведеніемъ посѣтителей. Что касается до меня, то я не могу нахвалиться довольно гостепріимствомъ либавцевъ.

Съ тѣхъ поръ какъ я выѣхалъ изъ чужихъ краевъ и обращался съ русскими, въ томъ числѣ съ первыми царедворцами, я не слыхалъ столько умныхъ разговоровъ, какъ здѣсь. Купцы, доктора, пасторы, помѣщики доставляли мнѣ самыя пріятныя и поучительныя бесѣды. Я нашелъ не пустыя затѣи на французскій ладъ, но сужденіе здравое, благородное, свободно-мыслящее; многіе слѣдили за успѣхами европейскаго просвѣщенія и принимали участіе въ усовершенствованіяхъ наукъ и искусствъ. Иные имѣютъ библіотеки и вообще занимаются садоводствомъ, сами ходятъ за деревьями и цвѣтами, и выписываютъ часто сѣмена изъ-за границы. Однажды я гулялъ по саду, въ которомъ была удивительная чистота и такъ много плодовъ и цвѣтовъ всякаго рода, что изъ-за нихъ почти не видать было зелени. Для содержанія въ исправности сего прекраснаго сада, насажденнаго рукою самого хозяина,

употребляли только одного человѣка и одну женщину. Въ Россіи не умѣютъ такъ веселиться, какъ здѣсь; это происходитъ отъ чиновъ, отъ рѣзкой черты, отдѣляющей состоянія, и отъ различія въ образованности ихъ, между тѣмъ какъ въ Курляндіи просвѣщеніе болѣе сравняло людей между собою.

За обѣдомъ во время десерта обыкновенно поютъ нѣмецкія пѣсни.

Слѣдующіе два анекдота, случившіеся въ 1802-мъ году, когда императоръ Александръ Павловичъ посѣтилъ Либаву, могутъ пригодиться комикамъ, которые выставляютъ на сцену маленькіе города съ смѣшной стороны.

За обѣдомъ бургомистръ, подчивая императора виномъ, сказалъ:— «кушайте, ваше величество, вино, оно изъ Спицмахерова погреба». Этотъ виноторговецъ почитался лучшимъ.

На балѣ государь пригласилъ одну даму танцовать, она просила извиненія говоря, что не можетъ танцовать съ его величествомъ, давъ прежде слово адвокату Гамму.

17-го августа, я получилъ повелѣніе изъ Петербурга объявить подписью: состою ли я въ числѣ масоновъ и къ какой ложѣ принадлежу, съ обязательствомъ не вступать впредь ни въ какія ложи и тайныя общества, ни внутри Имперіи, ни внѣ предѣловъ ея. Къ сему предписанію приложена была копія съ Высочайшаго рескрипта, послѣдовавшаго на имя министра внутреннихъ дѣлъ, въ коемъ изображено, что масонскія ложи во всемъ государствѣ уничтожаются.

Прекращеніе масонства не имѣло въ Россіи, сколько мнѣ извѣстно, другой цѣли, кромѣ благотворенія и пріятнаго препровожденія времени. Съ закрытіемъ ложъ, мы лишаемся единственныхъ мѣстъ, гдѣ собирались не для карточной игры, потому что у насъ нѣтъ теперь общества, въ которомъ бы карты не составляли главнаго или, лучше, исключительнаго занятія. Мы еще такъ несвѣдущи въ предметахъ, касающихся до политики, что правительству нельзя опасаться, чтобы бесѣды и разговоры о нихъ могли сдѣлаться цѣлію масонскихъ ложъ. Знатные люди у насъ рѣдко были масонами, по крайней мѣрѣ ни одинъ изъ нихъ не посѣщалъ ложъ [1]), обыкновенно наполненныхъ людьми средняго состоянія, офицерами, гражданскими чиновниками, художниками, весьма рѣдко купцами, а болѣе всѣхъ литераторами. Въ ложѣ «Избраннаго Михаила» я находилъ отличнѣйшихъ людей, напр. Ѳедора Глинку, извѣстнаго столько же прекрасными своими сочиненіями, сколько и добродѣтелями; Греча, остроумнаго издателя перваго въ Россіи журнала по части изящныхъ искусствъ; графа Толстаго, прославившагося лѣпными работами; Доброхотова, лучшаго русскаго рѣзчика на камнѣ; Рикорда, одного изъ

---

[1]) Это не вполнѣ справедливо. Ред.

превосходныхъ нашихъ мореплавателей, и другихъ почтенныхъ людей. Я не былъ ревностнымъ масономъ, и мнѣ не для чего принимать на себя защиту сей секты, но скажу откровенно, что въ русскихъ масонскихъ ложахъ я не слыхалъ никакихъ другихъ разговоровъ, кромѣ о вспоможеніи бѣднымъ, о словесности и объ искусствахъ. Польза, происстекавшая отъ соединенія такихъ отличныхъ людей, какихъ я именовалъ, очевидна: лишившись съ уничтоженіемъ ложъ средоточія, гдѣ они совокупно дѣйствовали во взаимномъ благотвореніи и просвѣщеніи, они разсѣятся по разнымъ обществамъ, гдѣ каждый изъ нихъ находится на службѣ или по семейнымъ своимъ связямъ.

Изъ сего видно, что масонство, сближавшее особъ различныхъ состояній, было въ семъ отношеніи благодѣтельно для Россіи, гдѣ раздѣленіе гражданскихъ сословій отмѣнно много препятствуетъ развитію просвѣщенія.

Не отвергаю однако же, чтобы между масонскими ложами не происходило злоупотребленій, но никакое человѣческое учрежденіе не существовало безъ недостатковъ. Сказываютъ, что въ нѣкоторыхъ ложахъ увлекались умствованіями о мистикѣ, и слѣдовательно предавались сужденіямъ, можетъ быть, не свойственнымъ истинному разуму закона. Но разсматривая сіе обстоятельство, равно множество сочиненій, написанныхъ на нашемъ языкѣ о мистическихъ предметахъ, и страсть къ чтенію ихъ, весьма усилившуюся, можно сдѣлать заключеніе, извлеченное изъ исторіи, что метафизическими книгами и преніями о религіозныхъ понятіяхъ начиналось просвѣщеніе у всѣхъ народовъ. Въ семъ смыслѣ, мы находимся въ такомъ же положеніи, въ какомъ были европейскія государства въ XVII вѣкѣ. Можетъ быть, также наклонность къ мистикѣ есть дань, платимая нашимъ вѣкомъ, ибо всякій вѣкъ имѣетъ къ чему-либо особенное пристрастіе.

Въ Россіи уже въ другой разъ закрываются масонскія ложи; въ первый разъ сіе случилось во время французской революціи въ 1793 или 1794 годахъ. Запрещеніе сіе послѣдовало для огражденія насъ тогда отъ политическихъ потрясеній, свирѣпствовавшихъ во Франціи, но можно утвердительно сказать, что Россія и безъ того осталась бы спокойною, особенно когда помыслимъ, что члены тогдашняго масонства были люди самые честные и образованные, какъ напр. Иванъ Влад. Лопухинъ, Иванъ Петр. Тургеневъ, Новиковъ, Невзоровъ, Карамзинъ.

Впрочемъ, дѣйствія, распространенныя французскою революціею, которая ежедневно болѣе и болѣе обнаруживается въ Европѣ и въ Америкѣ, подтверждаютъ справедливость изреченія Мирабо. Онъ говорилъ: французская революція обойдетъ кругомъ вселенную (La révolution française fera le tour du monde). Причины тому должно искать не

въ масонствѣ, а въ обветшалыхъ государственныхъ постановленіяхъ, не свойственныхъ просвѣщенію нашего вѣка.

Въ рескриптѣ министру внутреннихъ дѣлъ упомянуто кромѣ масоновъ о тайныхъ обществахъ; но мнѣ, выключая существовавшаго въ Михайловскомъ замкѣ мистическаго общества [1]), никакое другое не извѣстно, да и кто члены сихъ мнимыхъ тайныхъ обществъ? Дворянство? Но девять десятыхъ его находятся на службѣ, и живущіе въ деревняхъ преданы или игрѣ, или охотѣ, или устрашенные безпрерывною молвою о вольности крестьянъ, боятся, чтобы у нихъ не отняли собственности ихъ, и весьма удалены отъ всякихъ обществъ тайныхъ. Среднее состояніе? Но оно не существуетъ, ибо ученыхъ нѣтъ, а у малаго числа, занимающагося науками по обязанности или склонности, недостаетъ насущнаго пропитанія. Купцы еще въ невѣжествѣ и, вмѣсто всякихъ другихъ политическихъ перемѣнъ, желаютъ исправленія банкротнаго устава, ибо недостатокъ кредита повсемѣстный. Кто же опасные члены сихъ мнимыхъ тайныхъ обществъ? А ежели нѣтъ членовъ, то нѣтъ и обществъ: la guerre finit faute de combattants.

Обращаюсь теперь къ самому себѣ и начертаю здѣсь вкратцѣ вѣрное изображеніе собственныхъ моихъ масонскихъ связей.

Жизнь моя начинается съ 17-ти лѣтняго возраста. Тогда я остался одинъ въ мірѣ и воспользовался своею свободою, чтобы отправиться въ Геттингенъ. До тѣхъ поръ строгій родительскій присмотръ содержалъ меня въ неволѣ. Въ университетѣ я не имѣлъ досуга заниматься ничѣмъ другимъ кромѣ науки, и вспоминаю всегда съ восхищеніемъ о четырехъ годахъ, употребленныхъ тамъ единственно на образованіе самого себя. Во мнѣ поселилась тогда мысль издать какое-либо сочиненіе, могущее предать имя мое потомству. Конечно, то была мечта, но кто не согласится со мною, что это было благородное стремленіе въ 19-ти лѣтнемъ возрастѣ. Я избралъ предметомъ сочиненія моего «Государственный кредитъ»; посвятилъ ему нѣсколько лучшихъ лѣтъ жизни и принужденъ былъ вникать во всѣ отрасли политическихъ наукъ. Надѣясь принести Россіи честь, а себѣ славу — чѣмъ болѣе я углублялся въ науки, тѣмъ очевиднѣе казалось мнѣ, что все великое, изящное на свѣтѣ было произведено не обществами, составленными изъ многихъ членовъ, но частными усиліями людей (par des hommes isolés). Открытія, послужившія къ усовершенствованію человѣческаго рода, родились не въ академіяхъ, но въ уединенныхъ горницахъ ученыхъ; тайны законовъ нравственнаго и физическаго міра обнаружены не въ академическихъ собраніяхъ, но въ скромныхъ кабинетахъ, нерѣдко на чердакахъ, при слабомъ свѣтѣ лампады. Потому я обѣщалъ себѣ никогда

[1]) Секты Татариновой. Ред.

не вступать въ ученыя или какія другія общества, слѣдовательно, оставался чуждымъ и масонству, хотя его исторія и сокровенности достаточно мнѣ были извѣстны изъ различныхъ сочиненій, да и чего нельзя узнать при помощи Геттингенской библіотеки, а въ ней я проводилъ часовъ по шести ежедневно. Твердо сохраняя данное самому себѣ обѣщаніе, я объѣхалъ всю Германію, Францію, Швейцарію и Италію, не вступая въ масонскій союзъ, не взирая на различныя приглашенія быть принятымъ въ число братьевъ. Науки, искусства и изящная природа представляли мнѣ столько разнообразныхъ предметовъ для размышленій, что я не имѣлъ ни времени, ни желанія заниматься чѣмъ-либо постороннимъ.

Въ 1811 году я возвратился въ Россію. Вскорѣ загремѣли ужаснѣйшія бури. Я былъ увлеченъ вихрями войны, и отношенія мои къ самому себѣ и къ свѣту перемѣнились.

Въ половинѣ 1812 года я стоялъ уже въ рядахъ нашей арміи въ Бородинѣ и Тарутинѣ. Въ Отечественную войну никому не было возможности помышлять о чемъ другомъ, кромѣ отечества. Хотя въ началѣ похода и образовалась въ Вильнѣ «Военная ложа Святаго Георгія», но безпрерывныя движенія отъ Нѣмана до Москвы и обратно не дозволяли заниматься масонствомъ. Гроза, висѣвшая надъ Россіею, миновалась, и весною 1813 года мы очутились въ Германіи, какъ будто перенесенные туда волшебнымъ жезломъ.

Въ заграничномъ походѣ было несравненно болѣе свободнаго времени, нежели въ предыдущемъ, и сверхъ того каждый изъ насъ дышалъ вольнѣе, какъ будто у каждаго спалъ камень съ сердца. Въ теченіе войны 1813 года я жилъ съ полковникомъ Брозинымъ. Онъ былъ страстный масонъ и почти каждый вечеръ говорилъ мнѣ о прелестяхъ масонства. Увлеченный разсказами моего товарища, человѣка благородныхъ свойствъ, умнаго, уважаемаго императоромъ Александромъ, я рѣшился вступить въ масонство—но до Лейпцигскаго сраженія мы были всѣ въ какомъ-то недоумѣніи, еще не зная, на чьей сторонѣ останется перевѣсъ. Когда же на берегахъ Плейсы одержали мы рѣшительную побѣду, заботы о будущемъ исчезли, и мы уже сражались не для собственной защиты, но ополчались за освобожденіе Европы!

Въ такомъ счастливомъ расположеніи духа мы пришли въ Франкфуртъ на Майнѣ, гдѣ мы прожили 5 или 6 недѣль. Здѣсь-то я сдержалъ обѣщаніе, данное моему товарищу, который усильно упрашивалъ меня далѣе не отлагать моего намѣренія. Въ одно утро въ ноябрѣ мѣсяцѣ, мы пошли вмѣстѣ къ полковнику Сорочинскому. Онъ былъ начальникомъ «Военной ложи Св. Георгія», составившейся въ нашей арміи въ началѣ похода 1812 года. Онъ принялъ меня въ масоны у себя въ кабинетѣ, по власти, ему данной. Къ Сорочинскому вселило во мнѣ

большое довѣріе то обстоятельство, что онъ былъ женатъ на дочери князя Смоленскаго, котораго память для меня была священна. Едва первый шагъ былъ сдѣланъ, во мнѣ поселилось любопытство вникнуть далѣе въ масонство, тѣмъ болѣе, что, посѣщая французскія ложи, я нашелъ въ нихъ людей степенныхъ и умныхъ. Братскія общества мнѣ очень понравились, но привязанность моя къ нимъ возрасла еще отъ слѣдующаго обстоятельства.

1-го января 1813 года, мы перешли Рейнъ и вступили во Францію. Погода въ зимніе мѣсяцы была самая непріятная; мы дѣлали весьма сильные переходы, квартиры были дурныя. Французы принимали насъ не ласково; и вообще въ семъ походѣ отрады было мало, по безпрестаннымъ спорамъ съ нашими союзниками, желавшими мира и окончанія войны съ Наполеономъ, котораго они, боялись, какъ огня. Главное наше утѣшеніе и разсѣяніе состояло въ масонской ложѣ, образованной въ прусской арміи въ 1813 году, подъ названіемъ «Ложи желѣзнаго креста». Членами были люди почтенные и веселые. Они принимали насъ русскихъ посѣтителей съ радостнымъ гостепріимствомъ. Съ ними мы проводили единственные пріятные или лучше сказать счастливые вечера въ походѣ во Франціи. Произносимыя въ ложѣ Желѣзнаго креста рѣчи исполнены были пламеннѣйшей любви къ отечеству; говоренныя на другой день или наканунѣ сраженій, онѣ производили въ душахъ нашихъ самые благородные порывы. Пусть лица, нынѣ ополчающіяся противъ масонства, и которыя конечно во время войны ограничивали изъясненіе патріотическихъ чувствованій своихъ однѣми плясками на праздникахъ, даваемыхъ при полученіи извѣстій о нашихъ побѣдахъ, прочли бы рѣчи, говоренныя въ ложѣ Желѣзнаго креста. Каждый членъ ея носилъ многократно жизнь свою въ даръ отечеству. Если въ порицателяхъ есть совѣсть, конечно, они перестанутъ вооружаться противъ такихъ масоновъ, какихъ описываю я здѣсь.

Въ мартѣ мѣсяцѣ совершился великій подвигъ взятіемъ Парижа. Въ первыя двѣ недѣли я не могъ опомниться отъ множества впечатлѣній, потрясшихъ душу мою, я былъ восторженъ торжествомъ Россіи, потомъ началъ я осматривать масонскія ложи. Дружескій пріемъ, сдѣланный русскимъ офицерамъ въ Парижѣ, и удивленіе, съ какимъ смотрѣли на насъ парижане, облегчили мнѣ чрезвычайно входъ въ масонскія ложи и знакомство съ членами.

Первая ложа, гдѣ я былъ, именуется St. Jean de Jérusalem [1]). Тамъ, какъ впослѣдствіи и во всѣхъ ложахъ, встрѣтили меня съ привѣтствіями и посадили на самое почетное мѣсто. Увидя, что я былъ только ученикомъ, предложили на тотъ же вечеръ возвести меня на степень

[1]) Св. Іоанна Іерусалимскаго.

товарища и мастера, безъ всякихъ испытаній. Меня ввели въ такъ называемый храмъ, гдѣ происходилъ пріемъ одного француза въ сіи двѣ степени, съ обыкновенными церемоніями, и на другой же день 14-го апрѣля прислали мнѣ дипломъ на званіе мастера. 18-го числа того же мѣсяца меня сопричислили къ ложѣ «Des frères unis» [1]). Вслѣдъ за симъ я былъ почти въ 20-ти ложахъ; вездѣ меня принимали самымъ отличнымъ образомъ, и во всѣхъ ложахъ между привѣтствіями превозносили похвалами государя нашего. Энтузіазмъ парижанъ къ Александру былъ неизъяснимый во всѣхъ сословіяхъ, особенно между масонами.

Одно изъ любопытныхъ засѣданій происходило въ «Великомъ Французскомъ Востокѣ» (le grand Orient de France).

Насъ пригласили въ засѣданіе, имѣвшее цѣлью рѣшеніе вопроса, смѣнить ли Іосифа Бонапарта великаго магистра французскихъ ложъ, или возвести въ сіе званіе кого-либо изъ дома Бурбоновъ? Разумѣется, вопросъ былъ предложенъ изъ одного только обряда и уже былъ рѣшенъ со времени паденія Наполеона. Предсѣдатель ложъ открылъ засѣданіе приличною случаю рѣчью, и потомъ начали собирать голоса. Всѣ единодушно были въ пользу Бурбоновъ, какъ вдругъ пришла мнѣ мысль подшутить надъ французами. Вставъ съ своего мѣста, я сказалъ:

— Мнѣ кажется, что Іосифъ Бонапартъ, лишенный теперь царскаго сана и подпоры бывшаго недавно всемогущаго брата своего, не только сими несчастіями не потерялъ права на уваженіе масоновъ, но еще болѣе долженъ привязать къ себѣ благородныя сердца братьевъ. Неужели въ то время когда великій магистръ масонства французскаго постигнутъ бѣдствіями, долженъ еще къ довершенію своего злополучія видѣть себя оставленнымъ тѣмъ орденомъ, который смотритъ не на мірскія почести, а единственно на добродѣтель. Масонамъ должно быть все равно, находится ли Іосифъ въ изгнаніи или на престолахъ Неаполя, Испаніи и Америки.

Рѣчь моя, исполненная софизмами сего рода, произвела самое живое впечатлѣніе на слушателей. Французы, еще за нѣсколько минутъ подавшіе голоса свои противъ Іосифа, единодушно начали мнѣ аплодировать. Въ самомъ дѣлѣ, странно было, что русскій офицеръ, въ русскомъ мундирѣ, въ то время когда пала династія Наполеона, сокрушенная русскими штыками, защищалъ права брата Наполеона.

Въ скоромъ времени сдѣлали мнѣ предложеніе вникнуть далѣе въ масонство. Я согласился.

Предварительно, 22-го апрѣля, возвели меня на степени, между

---

[1]) Соединенныхъ братьевъ.

мастеромъ и Rose Croix, (Розенкрейцеромъ), а именно: les grades d'Elu du grand Ecossais et du chevalier d' Orient (степени избранника великаго Шотландца и кавалера Востока).

29-го апрѣля было назначено для пріема моего въ Rose Croix (Розенкрейцеры).—Меня ввели въ прекрасную нарочно для того украшенную залу. Зрѣлище новое, очаровательное! Храмъ не походилъ вовсе на обыкновенныя масонскія ложи. Предсѣдатель Руаіе исполнилъ съ особеннымъ искусствомъ обязанности званія своего. Мы были приняты въ степень Rose Croix. Она есть 18-я и высочайшая во французскомъ масонствѣ. Насъ было въ то время трое русскихъ, большихъ охотниковъ до масонства. Мы посѣщали ложи всегда вмѣстѣ и получали также вмѣстѣ высшія степени: полковникъ Брозинъ и геттингенскій мой товарищъ Тургеневъ, который имѣлъ несчастіе сдѣлаться сообщникомъ заговора въ 1825 году.—Посвященные въ первое званіе французскаго масонства, мы имѣли свободный доступъ во всѣ ложи и знали таинства ихъ. Я не нашелъ въ нихъ ничего предосудительнаго, а видѣлъ только повтореніе того, что происходитъ въ ученическомъ чинѣ, только съ различными въ каждой степени обрядами, выраженіями, знаками и орденами. И въ высшихъ степеняхъ ограничиваются пріемами, возбуждающими любопытство людей, не посвященныхъ еще въ мнимыя таинства. Французы, видя во мнѣ и товарищахъ моихъ желаніе узнавать такъ называемую царственную науку, могли бы воспользоваться тѣмъ и собрать съ насъ деньги, но они явили совершенное безкорыстіе. Правда, мы платили, но только за цѣну пергамента или бумаги, на которыхъ писали наши дипломы, за ордена, обѣды и ужины. Я не могу вспомнить безъ особеннаго удовольствія о веселости французовъ, рѣчахъ и пѣсняхъ ихъ. Почти всегда, кромѣ пріятностей масонскихъ связей, прославляли они нашего государя, какъ защитника Франціи и благотворителя человѣчества.

Одинъ изъ пріятнѣйшихъ вечеровъ провели мы въ Парижѣ въ «Прусской ложѣ Желѣзнаго креста», о которой я упоминалъ выше. Два товарища мои и я были приняты въ нее 20-го апрѣля. Ложа сія возникла при началѣ похода 1813 года, когда въ Пруссіи богатый и бѣдный, вельможа и поселянинъ, старецъ и юноша возстали противъ утѣснителей своихъ и ополчились за независимость отечества. Извѣстно, что послѣ Тильзитскаго мира образовались въ Германіи разныя тайныя общества, съ цѣлью пріуготовить умы къ могущему произойти впослѣдствіи перевороту. Они носили различныя наименованія и способствовали очень много къ всеобщему единодушному возстанію пруссаковъ. Когда послѣдовало объявленіе войны со стороны прусскаго короля противъ Наполеона въ началѣ 1813 года, нѣкоторые члены

тайныхъ обществъ составили ложу Желѣзнаго креста. Она существовала въ продолженіе всей войны и когда со взятіемъ Парижа прекратилась ужасная брань и возстановлена была независимость Пруссіи, слѣдовательно, достигнута цѣль тайныхъ обществъ, ложа Желѣзнаго креста праздновала закрытіе свое самымъ торжественнымъ образомъ. Множество братьевъ присутствовали на праздникѣ, между прочимъ и фельдмаршалъ Блюхеръ. Рѣчи, произнесенныя при семъ случаѣ, проникнули до глубины сердца моего. Пруссаки исчисляли бѣдственное положеніе своего отечества передъ войною, описывали священную брань и благодѣтельныя дѣйствія ложи въ продолженіе войны, приводили на память, какъ посреди громовъ битвъ они ободряли въ ложѣ взаимно другъ друга къ перенесенію трудностей похода, какъ слова, проистекающія изъ сердецъ, исполненныхъ дружбы и любви къ отечеству, приносили имъ въ рѣшительныя минуты истинную отраду, какъ они способствовали къ низложенію цѣпей, угнетавшихъ отечество ихъ, и къ утвержденію славы его. Потомъ, возблагодаривъ Бога за совершеніе подвига, они закрыли ложу «Желѣзнаго креста».

Мы были столь тронуты, что почти у каждаго изъ насъ навернулись на глазахъ слезы. Въ заключеніе былъ веселый братскій ужинъ, продолжавшійся до утра. Пруссаки неоднократно пили здоровье государя и россійской арміи, превознося ихъ величайшими и единодушными похвалами.

Между тѣмъ парижскіе масоны пригласили меня вступить въ самыя великія степени шотландскаго масонства. Начиная съ ученическаго чина, ихъ считается 33. 18-ю, или Rose Croix, я уже имѣлъ, слѣдовательно, мнѣ надобно было получить еще 14, а 33-ю степень даютъ весьма рѣдко: она есть знаніе управляющаго (grade administratif).

1-го мая пришелъ ко мнѣ г. Желенъ-Виленевъ (Geslin de Villeneuve) съ полномочіемъ сообщить мнѣ высшія степени. Дѣло было кончено въ одно утро; онъ произвелъ меня въ 30-й чинъ, подъ названіемъ Chevalier Kadosch [1]), учрежденный издавна для отмщенія за уничтоженіе Рыцарей храма (Templiers) и за гоненія, претерпѣнныя ими и великимъ магистромъ ихъ Яковомъ Моле, погибшимъ на кострѣ въ 1314 году. Здѣсь не упоминаютъ уже болѣе объ Ирамѣ, главномъ лицѣ символическаго масонства, и обнаруживается политическая цѣль, съ которою сія степень была учреждена въ среднихъ вѣкахъ. Такимъ образомъ должно обѣщать ненавидѣть память папы Климента V и короля французовъ Филиппа Прекраснаго, въ царствованіе коихъ прекратилось существованіе рыцарей храма.

[1]) Кавалеръ Кадошъ.

Съ сею присягою сопрягаютъ гораздо важнѣйшій обѣтъ: «ненавидѣть Бурбоновъ» и когда я возразилъ г-ну Желену, что на такой обѣтъ не могу согласиться, ибо одно любопытство и ничто другое влекло меня въ масонство, онъ отвѣчалъ мнѣ: «это дѣлается только для соблюденія обряда, истари принятаго».

Съ перваго взгляда сіе послѣднее обстоятельство должно показаться непростительнымъ, однакоже разсматривая, что французы съ одинаковою вѣтренностію присягаютъ то одному правительству, то другому, и почитаютъ монарховъ своихъ не земнымъ провидѣніемъ, какъ мы, русскіе, я убѣдился, что сколько ни кажется важнымъ такой обѣтъ, но онъ не можетъ имѣть никакихъ послѣдствій.

Вотъ образецъ двухъ встрѣтившихся кадошей:

Вопросъ: Кадошъ ли ты?

Отвѣтъ: (осмотрясь вокругъ себя). Находимся ли мы въ безопасномъ мѣстѣ?

В.: Знаешь ли ты измѣнниковъ?

О.: Филиппъ Прекрасный и Климентъ V.

В.: Сколько ты заплатилъ за принятіе тебя?

О.: Это моя тайна (а въ случаѣ настоятельнаго вопроса отвѣчать и мы довольны)

В.: Кто тебя принялъ и гдѣ?

О.: Вспомни нашу клятву.

Въ сей степени лѣтъ и возраста не считаютъ.

21-го мая я получилъ дипломъ на 32-ю степень, или Prince Souverain du Royal Secret, на французскомъ и англійскомъ языкахъ.

Такимъ образомъ въ 6 недѣль я былъ произведенъ изъ учениковъ въ высшій масонскій чинъ. Изъ сего можно заключить, что французы не полагаютъ важности въ высшихъ степеняхъ, хотя съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что вѣроятно во время революціи ложи, какъ тайныя общества, были употреблены къ политической цѣли.

Для меня останется знакомство съ французскими масонами пріятно потому, что я провелъ съ ними время весело, и мнѣ, какъ любителю исторіи, открылись многія поясненія оной. Въ парижскихъ ложахъ я находилъ людей средняго состоянія, словоохотливыхъ и привѣтливыхъ; одни были приверженны къ Бурбонамъ, другіе Наполеону, а иные республикѣ. Иначе и быть не могло въ народѣ, состоящемъ изъ 30 милліоновъ жителей, находившихся 25 лѣтъ въ ужасныхъ волненіяхъ. Невозможно требовать отъ нихъ единомыслія, но между всѣми, къ какимъ бы политическимъ партіямъ они ни принадлежали, проявлялись двѣ черты, въ которыхъ всѣ согласовались, а именно, въ любви къ своему отечеству, называемому ими la belle France, и въ уваженіи къ рус-

скимъ и къ нашему государю. Здравіе Александра I было съ восторгомъ провозглашаемо на всѣхъ празднествахъ. Во взаимность нельзя было намъ не пить за здоровье французской арміи. Однажды пили за славу Клебера, Дезея и героевъ, положившихъ животъ свой во время революціонной войны.

Оставя Парижъ, я возвратился въ Петербургъ, но не успѣлъ еще посѣтить ложъ, когда получилъ приказаніе ѣхать въ Вѣну на конгрессъ. Въ Австріи масонство запрещено, о чемъ мы не рѣдко жалѣли, ибо удовольствія, коими мы наслаждались во французскихъ ложахъ, были у насъ въ свѣжей памяти. Однажды только, Тургеневъ, Брозинъ и я, мы приняли въ моей комнатѣ, находившейся въ Императорскомъ дворцѣ, въ масоны секретаря нашего посольства при Туринскомъ дворѣ Гассе.

Въ 1815 году я находился Парижѣ день и ночь въ безпрестанныхъ занятіяхъ и не могъ располагать ни одною минутою, почему, не взирая на многократныя и усиленныя приглашенія, не имѣлъ возможности бывать въ ложахъ. Однажды только, влекомый любопытствомъ, я посѣтилъ женскую ложу, называемую la loge d'affiliation (присоединенная ложа), представительницею была г-жа Жакомелли. Тамъ было много прекрасныхъ француженокъ; по окончаніи работъ, мы танцовали съ ними до глубокой ночи.

Изъ Парижа я поѣхалъ съ государемъ въ Брюссель, а оттуда черезъ Швейцарію и Богемію въ Берлинъ. Здѣсь я получилъ отъ бывшей ложи Желѣзнаго креста орденскій знакъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ мы пріѣхали въ Варшаву, гдѣ я былъ только однажды въ ложѣ. Я до сихъ поръ сохраняю какое-то непріязненное чувство къ Польшѣ и вижу въ полякахъ закоренѣлыхъ враговъ Россіи. Это предубѣжденіе происходитъ во мнѣ вѣроятно отъ того, что я началъ чувствовать и размышлять въ такое время, когда была послѣдняя война съ польскими мятежниками въ 1794 году. Россія праздновала тогда совершенную побѣду надъ всегдашними своими непріятелями. Первые стихи, мною выученные наизусть, прославляли торжество Екатерины надъ поляками. Исполненный враждебнаго чувства, я не нашелъ никакого удовольствія въ Варшавской ложѣ; я не могъ признавать за братьевъ людей противныхъ моему сердцу.

Въ исходѣ 1815 года, мы возвратились въ Петербургъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ явилась ко мнѣ депутація изъ ложи «Избраннаго Михаила», составленная изъ господъ Греча, Фока и третьяго, коего не упомню имени, просить меня отъ лица ложи быть ея намѣстнымъ магистромъ. Я принялъ сіе званіе, но не былъ болѣе пяти разъ въ ложѣ. Засѣданія ея конечно подробно были извѣстны правительству, потому что Фокъ, не пропускавшій ни одного собранія, былъ начальникомъ тайной полиціи.

*

Въ сей ложѣ я находилъ молодыхъ людей различныхъ состояній, хорошо воспитанныхъ, прекраснаго поведенія, отличныхъ художниковъ и литераторовъ. Главною цѣлью была благотворительность. Каждый членъ неоднократно возилъ деньги бѣднымъ семействамъ, особенно наканунѣ большихъ праздниковъ.

Съ 1817 года, сдѣлавшись отцомъ семейства, я не посѣщалъ ни одной ложи и полагалъ, что и масоны забыли меня, но весною 1822 года пріѣхали ко мнѣ два депутата изъ французской ложи des amis réünis [1]). Господа Оде де-Сіонъ и адъютантъ генерала Бетанкура просить меня именемъ братьевъ принять надъ нею начальство. Просьбы ихъ были самыя убѣдительныя, но я не согласился, какъ будто предчувствуя, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ масонское званіе въ Россіи должно было рушиться.

Таковы были мои отношенія къ масонамъ.

1-го сентября мы выѣхали изъ Либавы, гдѣ провели 2½ мѣсяца съ пользою для здоровья и съ удовольствіемъ. Мнѣ будетъ всегда пріятно вспоминать о дружбѣ господъ Икскуля, Бурмана, Салемана, Гагедорновъ, Вонгаса и Гирша.

Многіе изъ нашихъ либавскихъ знакомыхъ провожали насъ нѣсколько верстъ за городъ до трактира, называемаго «Штатъ-Гофъ».

Простившись, мы проѣхали ночевать въ небольшой городъ Газенпотъ.

7-го сентября я пріѣхалъ въ Ригу, гдѣ прожилъ четыре дня, ибо не могъ отказаться отъ обѣдовъ, на которые меня звали военный губернаторъ маркизъ Паулуччи и другіе чиновники.

Въ первый день моего пріѣзда я осматривалъ военно-сиротское отдѣленіе, въ которомъ обучалось до 700 солдатскихъ дѣтей по благодѣтельной методѣ Ланкастера и Белля, которая, не взирая на то, что введена въ Россіи съ недавняго времени, произвела уже необыкновенные успѣхи. Правительство, ободрявшее первоначально взаимное обученіе, потомъ какъ бы устрашилось просвѣщеніемъ, отъ него происходящимъ, запретило заводить оное вновь въ школахъ безъ особеннаго на то позволенія. Удивительно, что въ XIX столѣтіи встрѣчаются люди, опасающіеся онаго, напр. рижскій военный губернаторъ и комендантъ сказывали мнѣ, что по ихъ мнѣнію система Ланкастера вредна, потому что она распространяетъ слишкомъ поспѣшно образованіе между такимъ классомъ людей, который должно содержать въ нѣкоторомъ мракѣ. Но сіи господа не знали, что отвѣчать, когда я имъ возразилъ, что ежели

[1]) Соединенныхъ друзей.

правительство, учрежденіемъ сиротскихъ отдѣленій имѣло цѣлью образовать солдатскихъ дѣтей, то почему же они отвергаютъ способъ, по которому можно достигнуть до сего намѣренія самымъ легкимъ образомъ.

Въ домѣ сумашедшихъ считается 36 человѣкъ, изъ которыхъ шестеро помѣшаны на религіи, читаютъ безпрестанно священное писаніе, дѣлаютъ толкованіе на Апокалипсисъ и говорятъ всякій вздоръ, который они испещряютъ изреченіями, почерпнутыми изъ Библіи.

И такъ шестая часть помѣшалась на св. писаніи, не есть ли это слѣдствіе библейскихъ обществъ, которыя суть странное явленіе въ исторіи ума человѣческаго; послѣ вѣка невѣрія, каковымъ было восьмое на десять столѣтіе, наступило время ханжества.

Я посѣтилъ рижскія присутственныя мѣста и нашелъ оныя въ лучшемъ порядкѣ, чистотѣ и опрятности, нежели наши велико-россійскія. Предстоитъ вопросъ, наблюдается ли въ оныхъ правосудіе, чего мнѣ, какъ постороннему, рѣшить нельзя, впрочемъ я слышалъ, что здѣсь сохраняютъ законы строго; это есть естественное послѣдствіе просвѣщенія, которое ведетъ насъ путемъ, хотя не всегда и не для всѣхъ яснымъ, къ лучшему исполненію нашихъ обязанностей.

Въ присутственныхъ мѣстахъ число чиновниковъ ограниченнѣе, нежели въ велико-россійскихъ губерніяхъ, что̀ служитъ доказательствомъ меньшаго количества тяжебныхъ дѣлъ.

Во время 4-хъ дневнаго пребыванія моего въ Ригѣ, я обѣдалъ два раза у военнаго губернатора маркиза Паулуччи, который принялъ меня самымъ обязательнымъ образомъ. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ иностранцевъ, которые въ Россіи безъ особенныхъ и долговременныхъ заслугъ пріобрѣли почести, чины и богатства.

Его приняли въ нашу службу изъ австрійской въ 1806 или 1807 годахъ надворнымъ совѣтникомъ въ иностранную коллегію, коею онъ и былъ назначенъ въ молдавскую армію въ главную квартиру генерала Михельсона. Будучи посланъ съ бумагами въ Петербургъ при возгорѣвшейся войнѣ съ Швеціею, онъ представилъ какіе-то проекты, былъ принятъ въ военную службу и отправленъ въ Финляндію къ главнокомандующему гр. Буксгевдену.

Разсказываютъ о дерзкомъ его поступкѣ съ симъ полководцемъ, который, какъ извѣстно, былъ человѣкъ весьма надменный. Когда Паулуччи пріѣхалъ къ нему, графъ занимался въ своемъ кабинетѣ и велѣлъ адъютанту никого не впускать къ нему. Адъютантъ объявилъ о приказаніи Паулуччи, но сей началъ говорить очень громко, что ему надобно непремѣнно видѣть графа, отчего въ пріемной комнатѣ сдѣлался шумъ. Графъ, выбѣжавъ изъ кабинета, въ сердцахъ спросилъ, кто смѣетъ тревожить его? Адъютантъ донесъ ему о происходившемъ. Главнокомандующій сказалъ въ сердцахъ маркизу Паулуччи: «Я васъ велю разстрѣлять».—

Сдѣлайте эту штуку,—отвѣчалъ маркизъ,—я не видывалъ еще, какъ разстрѣливаютъ русскаго полковника.

Въ Финляндіи онъ получилъ Георгіевскій крестъ за совѣтъ и чинъ генералъ-маіора и потомъ былъ посланъ въ Грузію съ предписаніемъ начальствовавшему тамъ генералу Тормасову, чтобы онъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ и представилъ маркиза въ генералъ-лейтенанты. Разумѣется, повелѣніе было исполнено безъ особыхъ подвиговъ маркиза. Правительство наше, устрашенное въ то время непомѣрнымъ славолюбіемъ Наполеона, и видя, что въ скоромъ времени надобно будетъ съ нимъ сразиться, отыскивало людей способныхъ противупоставить полководцамъ, находившимся во французской арміи. Паулуччи былъ одинъ изъ тѣхъ, на кого государь въ семъ отношеніи обратилъ свое вниманіе; что сей выборъ, какъ и многіе подобные того времени, былъ неудаченъ, вскорѣ обнаружилось, когда Паулуччи былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Грузію, гдѣ онъ не явилъ никакихъ особенныхъ способностей. Оттуда, по прошествіи малаго времени, онъ былъ вызванъ въ 1812 году и опредѣленъ начальникомъ штаба первой арміи, но по причинѣ дерзкаго и неуживчиваго характера своего чрезъ нѣсколько недѣль его смѣнили и опредѣлили военнымъ губернаторомъ въ Ригу.

Вотъ обозрѣніе кратковременной службы сего человѣка, занимавшаго одно изъ первыхъ мѣстъ въ Имперіи; онъ награжденъ чинами и столь щедро орденами, какъ ни одинъ изъ нашихъ генераловъ. Кромѣ содержанія, получаемаго имъ изъ казны, простирающагося до 90.000 рублей ежегодно, онъ имѣетъ двѣ аренды на 50 лѣтъ, приносящія ему 25.000 серебромъ дохода. Надобно съ другой стороны сознаться, что онъ весьма дѣятеленъ, рѣшителенъ, справедливъ и строгъ. Онъ встаетъ въ 3 часа утра, а съ 6-ти часовъ всякій имѣетъ къ нему свободный доступъ. Ему предоставлена была безсмертная честь: подать первому мысль о свободѣ крестьянъ Остзейскихъ губерній и привести ее въ исполненіе, не взирая на сопротивленіе многихъ дворянъ.

— Я взялъ вольность крестьянъ приступомъ,—сказалъ онъ мнѣ.

Я просилъ его объяснить сіе подробнѣе, и онъ продолжалъ:

— Я склонилъ на свою сторону нѣкоторыхъ помѣщиковъ, особливо молодыхъ, инымъ я обѣщалъ чины, другимъ кресты, третьимъ деньги, и былъ такимъ образомъ увѣренъ въ содѣйствіи ихъ; въ назначенный день собралось дворянство, въ приготовленной рѣчи изложилъ я ему мои мысли о свободѣ крестьянъ; тѣ изъ нихъ, которые были мною предупреждены, немедленно и громко пристали къ моему мнѣнію, а прочимъ не оставалось дѣлать ничего другаго, какъ съ ними согласиться.

Паулуччи объявилъ себя врагомъ масоновъ и велѣлъ въ 1816 году закрыть ложи во ввѣренныхъ ему губерніяхъ. Когда онъ въ томъ году

пріѣхалъ въ Петербургъ, государь и бывшій министръ полиціи графъ Вязмитиновъ сказали ему, что онъ не имѣлъ права закрывать ложъ, потому что масонство въ Россіи позволено. Паулуччи возразилъ, что особеннаго высочайшаго повелѣнія объ учрежденіи ложъ не существуетъ, а что онъ руководствовался указами, изданными Екатериною II-ю и Павломъ I-мъ, и присовокупилъ, что ежели введутъ масонство въ его губерніяхъ, то онъ слагаетъ съ себя званіе начальника ихъ, на что императоръ сказалъ ему по нѣкоторомъ размышленіи: «faites comme vous voulez».

Онъ увѣрялъ меня, что государь, разговаривая съ нимъ въ 1821 году, сказалъ ему, что черезъ годъ масонскія ложи во всей имперіи истребятся, что и сбылось.

Слѣдующій анекдотъ доказываетъ, до какой степени его боятся. Во время проѣзда государя чрезъ Курляндію въ 1818 году, коляска его величества была опрокинута. Почтовый смотритель той станціи, на которой сіе случилось, просилъ его величество извиненія и милости: не сказывать о происшествіи военному губернатору!

— Лифляндское дворянство,—сказалъ онъ (Паулуччи) мнѣ,—меня ненавидитъ, не взирая на многія благодѣянія, мною ему оказанныя. Дворянскія лифляндскія фамиліи смѣшались съ купеческими и между ними нѣтъ того единодушія и просвѣщенія, какъ между курляндскимъ и эстляндскимъ дворянствомъ.

Я слышалъ отъ него же (маркиза Паулуччи) слѣдующій любопытный анекдотъ. Нѣкто полковникъ Бокъ, котораго я зналъ въ арміи какъ офицера отличной храбрости, писалъ неоднократно къ государю и сообщалъ предположенія свои о конституціонномъ правленіи. Не знаю, замѣтилъ ли его величество въ нихъ непозволительное вольнодумство, или по какимъ-либо другимъ причинамъ, но, запечатавъ полученныя отъ него письма и предложенія въ одинъ пакетъ, отправилъ ихъ къ маркизу (Паулуччи) съ приказаніемъ отослать Бока въ Шлиссельбургскую крѣпость. Въ собственноручномъ же его величества письмѣ, посланномъ къ маркизу по сему предмету, сказано: что государь, судя по образу мыслей Бока, полагаетъ, что лучше бы было отсрочить еще на нѣкоторое время вольность крестьянъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Паулуччи,—правительство не должно показывать послабленія и, такъ какъ оно обѣщало дать свободу, то и должно сдержать свое слово.

Императоръ согласился съ нимъ.

Къ числу любопытныхъ людей въ Ригѣ принадлежитъ протестантскій суперъ-интендантъ Зонтагъ. Съ нимъ познакомилъ меня военный губернаторъ.

Зонтагъ извѣстенъ своими сочиненіями и занимался преимущественно лифляндскою исторіею.

— Въ царствованіе Екатерины I-й и Анны Ивановны,—сказалъ онъ мнѣ,—россійское правительство поступало съ Лифляндіею какъ съ избалованнымъ дитятею и наблюдало свято привилегіи сего края. Должно удивляться терпѣнію правительства, съ какимъ оно переносило безпрестанныя и неумѣстныя просьбы здѣшнихъ дворянъ, присвоивавшихъ въ то время себѣ разныя права, коихъ они прежде не имѣли, напр. чтобы никто кромѣ эстляндцевъ и лифляндцевъ не могъ имѣть помѣстій въ Остзейскихъ губерніяхъ.

Я не знаю въ самомъ дѣлѣ ничего унизительнѣе для великороссійскаго дворянства, какъ то обстоятельство, что лифляндскій и эстляндскій дворянинъ имѣетъ въ Россійскихъ губерніяхъ всѣ преимущества русскаго помѣщика, а сей послѣдній, коего предки завоевали Эстляндію и Лифляндію, не пользуется въ оныхъ всѣми правами, предоставленными тамошнему дворянству. Зонтагъ сказалъ мнѣ, что сіе происходитъ на основаніи слѣдующаго. Въ одной важной грамотѣ, которая хранится подлинникомъ въ Варшавѣ, сказано, что здѣшнее дворянство можетъ продавать помѣстья свои exteris, т. е. всѣмъ постороннимъ, и что, слѣдовательно, всякій посторонній, разумѣется и русскій дворянинъ, можетъ оными обладать, но что въ копіи съ сей грамоты, вмѣсто exteris значитъ caeteris, т. е. прочимъ, изъ чего вывели заключеніе, что слово прочимъ относится только до остзейскаго дворянства. Къ сему должно присовокупить, что сіе послѣднее почитаетъ себя выше русскихъ дворянъ; такимъ образомъ случалось, что въ Митавѣ предлагали иногда русскимъ генераламъ, командовавшимъ расположенными тамъ войсками, грамоту на курляндское дворянство; иные принимали ихъ, а другіе отвергали, какъ то сдѣлалъ Жеребцовъ, отзываясь, что онъ и безъ того русскій дворянинъ.

Зонтагъ весьма выхвалялъ набожность рижскихъ жителей и вообще лифляндцевъ; онъ говорилъ, что церкви становятся тѣсны. Напротивъ того, Библейскія общества въ Ригѣ не процвѣтали. Онъ видѣлся съ Панкертономъ, однимъ изъ ревностныхъ распространителей сихъ обществъ, который для надзора за ними по временамъ объѣзжалъ Европу.

— Я нашелъ въ немъ,—сказалъ мнѣ Зонтагъ,—фанатика, однакоже ему нельзя отказать въ умѣ. Когда я ему сказалъ, что съ распространеніемъ библейскихъ обществъ англичане, можетъ быть, имѣютъ политическую цѣль, тѣмъ, что миссіонеры обществъ, разъѣзжая по всему свѣту, собираютъ свѣдѣнія нужныя для Англіи, лицо Панкертона перемѣнилось, какъ будто бы совѣсть уличала его въ справедливости сего упрека.

Проведя весьма пріятно время въ Ригѣ, я хотѣлъ на возвратномъ

пути въ Петербургъ посѣтить Ревель, но суровость осени сего не позволила, почему я поѣхалъ прямо черезъ Дерптъ въ Петербургъ, гдѣ я нашелъ, по случаю отъѣзда государя на конгрессъ въ Верону, все тихо и спокойно; вообще во время отсутствія его величества столица наша уподобляется губернскому городу.

На досугахъ я началъ записывать то, что̀ слышалъ любопытнаго.

Генералъ Демидовъ, который въ 1812 году командовалъ 22-ю дивизіею, разсказывалъ мнѣ слѣдующее: государь, по условію съ теперешнимъ королемъ шведскимъ, бывшимъ тогда наслѣднымъ принцемъ (Бернадотомъ), назначилъ въ 1812 году съ нимъ свиданіе въ Або. Извѣстно, сколь сіе свиданіе было важно, потому что оно впослѣдствіи воспрепятствовало, не взирая на происки Наполеона, вторженіе шведовъ въ наши предѣлы и соединеніе ихъ съ непріятелями, находившимися въ Россіи. Государь, по пріѣздѣ въ Або́, жилъ тамъ четыре дня и началъ наконецъ терять надежду на пріѣздъ Бернадота. Сіе обстоятельство чрезвычайно печалило императора; тоска была примѣтна на лицѣ его и во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Кучеръ, съ которымъ онъ ѣздилъ ежедневно прогуливаться, разсказывалъ, что императоръ, отъѣхавъ нѣсколько верстъ отъ города, обыкновенно останавливалъ экипажъ и ходилъ одинъ пѣшкомъ въ продолженіе долгаго времени по лѣсамъ.

Я вообще провелъ 1822 годъ очень пріятно. Поѣздки весною въ деревни, а лѣтомъ въ Либаву были столь же полезны, сколь исполнены удовольствія и, по возвращеніи въ Петербургъ, я прожилъ тамъ осень и зиму очень весело.

Утро до 12-ти часовъ посвящено было службѣ, потомъ я занимался чтеніемъ, письмомъ или прогулкою, за столъ садился въ 3 часа и, такъ какъ кругъ знакомства моего сдѣлался весьма обширенъ, то рѣдко проходилъ день, въ который бы у меня не обѣдало нѣсколько пріятелей. Два вечера, почти каждую недѣлю, я проводилъ во дворцѣ, гдѣ по четвергамъ бывали комнатные театры у вдовствующей императрицы, а по воскресеньямъ у ея же величества балы; прочіе вечера я бывалъ или въ гостяхъ, или дома, или въ театрѣ, или въ англійскомъ клубѣ, коего я въ сіе время былъ членомъ.

Я обращался въ кругу людей умныхъ, любезныхъ и урывалъ почти ежедневно нѣсколько часовъ, чтобы слѣдовать за успѣхами просвѣщенія.

Сообщилъ **Н. К. Шильдеръ.**

Исцѣленіе полковника Повиша.

Письмо полковника Повиша къ генералъ-лейтенанту Рену.

21-го іюля 1706 г. Кіевъ.

Хотя я всегда надѣялся, чтобъ ваше превосходительство въ Кіевѣ застать, чтобъ мой поклонъ отдать, кушно, чтобъ меня князю Александру вручить, при семъ же моемъ несчастливомъ случаѣ недруги мои случай получили, ибо ежедневною лихорадкою объятъ былъ и для того отъ командира просилъ позволенія, чтобъ меня напередъ выпустить и какъ мой полкъ того дня 4 часа послѣ меня вшелъ, то (у)смотрѣлъ господинъ фельдмаршалъ и князь Репнинъ, что меня тутъ не было, то спросилъ моего подполковника и маіора, что гдѣ я, то онѣ сказали, что я боленъ и имѣю позволеніе съ полковымъ лѣкаремъ напередъ идти. Потомъ вдругъ два присланные отъ господина фельдмаршала и генерала Репнина пришли, чтобъ мнѣ въ полку стать и понеже не возможно было, то я приказалъ, чтобъ не погнѣвались, ибо не могу.

На другой день поутру пришелъ мой подполковникъ, какъ меня почала трясти лихорадка, и приказалъ, чтобъ я тотчасъ къ генералу Репнину шелъ, хотя бъ и невѣдомо, какъ боленъ былъ, ибо имѣетъ государевъ указъ до меня, то я почаялъ, помози Боже, они меня не на постелѣ генераломъ сдѣлаютъ; и я всталъ черезъ силу и какъ пришелъ, то часа съ три стоялъ и какъ онъ вышелъ, то сказалъ, что его царскаго величества указъ, чтобъ за арестъ идти и шпагу мою господину генералу-маіору Чамберсу отдалъ, которое я учинилъ и обрадовался, (что) на постель мою попалъ, ибо истинную имѣю, что мнѣ арестъ шкодить не можетъ, въ чемъ по сіе время есмь, ибо никого не имѣю, кто бъ за меня слово замолвилъ. Однако жъ, чрезъ сіе устрашеніе тако(го) поту воспріялъ, что здравіе получилъ [1]), тако прошу вашего превосходительства, моего высокопочтеннаго господина дядю, мой покорнѣйшій поклонъ объявить его сіятельству князю Александру, ибо обѣщалъ меня повѣсить и подъ свою команду взять, тако прошу, чтобъ въ полку драгунскомъ быть полковникомъ и полкъ драгунскій получить, нежели здѣсь генералъ-маіоромъ быть. А ежели полк(а) не могу получить, то прошу у его сіятельства отпуск(а) своего. Въ чемъ остаюсь вашего превосходительства всепокорный рабъ Б. Повишъ [2]).

Сообщилъ **М. К. Марченко.**

---

[1]) Курсивъ введенъ при снятіи копіи.

[2]) Въ III томѣ „Писемъ и бумагъ императора Петра Великаго“ на стр. 174, упоминается о пѣхотномъ полковникѣ „Повшіи“, съ которымъ, въ 1704 году 6-го августа, послано было письмо къ коменданту осажденной Нарвы—Горну.

Смоленскіе партизаны въ 1812 году [1].

По вступленіи Наполеона въ предѣлы Смоленской губерніи, населеніе, объятое ужасомъ, искало спасенія въ лѣсахъ и сосѣднихъ губерніяхъ. Препятствовать бѣгству никто не могъ, да и некому было удерживать обезумѣвшій людъ. Всѣ покидали свои дома, старъ и младъ, чиновникъ, помѣщикъ и крестьянинъ. Повсюду тянулись обозы съ наскоро захваченнымъ скарбомъ. Весьма немногіе встрѣтили врага дома у себя. Это были люди, не успѣвшіе скрыться, и отчасти такіе, которые считали бѣгство величайшимъ стыдомъ и рѣшили грудью защищать свое родное.

Шайки фуражировъ, заходя въ селенія, грабили имущество, а больше уводили скотъ и забирали хлѣбъ, въ чемъ такъ сильно нуждалась французская армія. Ограбленныя селенія поджигались непріятелемъ и пылали какъ костры.

Въ такой безчеловѣчный погромъ, сычевскій земскій исправникъ Богуславскій, страшно взволнованный, вбѣжалъ къ предводителю Нахимову и скороговоркой сообщилъ:

— В. п., французы близко; все по пути бьютъ, грабятъ, жгутъ.

— Знаю,—не менѣе взволнованный, отвѣчалъ предводитель.—Что будетъ съ нами, съ нашимъ отечествомъ?

Онъ задумался; отчаянніе пугало его мысли.

— Надо, в. п., прибѣгнуть къ самозащитѣ.

---

[1]) Источникомъ для настоящей статьи служитъ дѣло, хранящееся въ архивѣ Новгородскаго губернскаго правленія подъ заглавіемъ: «Объ истребленіи французской прокламаціи, о подчиненіи тверскому губернатору уѣздовъ другихъ губерній и о военныхъ дѣйствіяхъ предводителей дворянства исправниковъ и другихъ лицъ 1812 года». Сверхъ того авторъ пользовался и нѣкоторыми частными письмами партизановъ.

— Пожалуй, ваша мысль хорошая, но кто станетъ подъ ружье, когда всѣ бѣгутъ куда глаза глядятъ.

— Да, вѣдь кто-нибудь остался въ селеніяхъ.

— Допустимъ это, но какой въ оставшихся людяхъ духъ, какая воинственность, если всѣ дрожатъ отъ страха.

— Нѣтъ, в. п., я увѣренъ въ противномъ. Найдутся люди, которые готовы лечь костьми за свое отечество.

— Впрочемъ, вамъ, какъ исправнику, ближе извѣстно сердце народа.

— Я самъ, в. п., согласенъ управлять самозащитой и сражаться до послѣднихъ силъ.

Нахимовъ крѣпко пожалъ исправнику руку и растроганно сказалъ:

— Благодарю. И такъ рѣшено. Убѣдимъ крестьянъ взяться за оружіе, а сами станемъ во главѣ ихъ. Съ Богомъ, за дѣло!—восторженно крикнулъ предводитель.

Затѣмъ уговорившись во взаимныхъ дѣйствіяхъ насчетъ вербовки добровольцевъ, онъ сказалъ:

— Теперь вы отправляйтесь къ городничему и передайте отъ моего имени, чтобы онъ поднялъ на ноги купцовъ и мѣщанъ; сообщите также о приближеніи непріятеля инвалидной командѣ, если она еще не разбѣжалась. Тѣмъ временемъ я объѣду уѣздъ, по крайней мѣрѣ тѣ селенія, которыя ближе стоятъ къ большой дорогѣ. Не забудьте сообщить также о нашихъ намѣреніяхъ маіору Емельянову.

Исправникъ быстро удалился.

Это были, кажется, первые партизаны въ отечественную войну въ Смоленской губерніи.

Нахимовъ былъ уже въ лѣтахъ, человѣкъ сдержанный и весьма разсудительный. Онъ объѣхалъ селенія и въ каждомъ внушилъ крестьянамъ, что за вѣру, отечество и царя они не должны щадить своей жизни; разъяснилъ имъ, что, отражая врага, они сохранятъ тѣмъ свое имущество и обезпечатъ спокойствіе. Крестьяне, любя предводителя и всегда питая къ нему вѣру, готовы были идти на все. Поэтому Нахимову было не трудно собрать для борьбы съ мародерами едва-ли не всѣхъ оставшихся крестьянъ.

Собралось до 400 человѣкъ. Нахимовъ раздѣлилъ добровольцевъ на двѣ партіи и объявилъ, что одна будетъ подчиняться исправнику Богуславскому, а другая маіору Емельянову. При чемъ предводитель объяснилъ крестьянамъ, что они будутъ только отражать непріятеля, поэтому изъ нихъ по очереди добровольцы должны дѣлать вокругъ каждаго селенія конные объѣзды. Если увидятъ непріятеля или услышатъ о его приближеніи, немедленно обязуются дать знать своимъ начальникамъ, а тѣ соберутъ крестьянъ, вооруженныхъ чѣмъ попало, и станутъ наготовѣ.

Въ день возвращенія Нахимова въ г. Сычевку, Богуславскій и Емельяновъ приняли командованіе партіями и размѣстились на удобныхъ пунктахъ. Не дремалъ и городничій Корженковскій; онъ, при содѣйствіи членовъ ратуши, собралъ обывателей разнаго званія и вооружилъ ихъ ружьями, тесаками и пиками.

Вскорѣ появились французскіе отряды. Наши партизаны сражались храбро; командиры ихъ всегда находились впереди. Чтобы вызвать въ крестьянахъ больше мужества, въ иныхъ стычкахъ появлялся самъ предводитель и управлялъ обѣими партіями. Относительно аванпостовъ Нахимовъ соблюдалъ строжайшій порядокъ и въ день по нѣсколько разъ выѣзжалъ провѣрять конныхъ объѣздчиковъ.

Партіи были сформированы 18-го августа, и съ этого дня по 1-е сентября имѣли 15 стычекъ съ непріятелемъ, при чемъ оказалось убитыхъ французовъ 572, плѣнныхъ—325, въ томъ числѣ 3 оберъ-офицера. Среди партизановъ убыло: 44 убитыхъ и 67 раненыхъ.

Въ одну изъ схватокъ, гдѣ непріятель былъ гораздо сильнѣе, партія маіора Емельянова стала падать духомъ. Маіоръ, замѣтя это, крикнулъ: «съ Богомъ за мною!» и первый врѣзался въ ряды французовъ. Правда, послѣдніе отступили, а маіоръ былъ смертельно раненъ шашкою въ голову и на другой день скончался.

Жители Сычевки не только отражали непріятеля, но и находились въ осадномъ положеніи. Отрядъ польскихъ уланъ, не подозрѣвая воинственности города, вошелъ въ него совершенно спокойно и вдругъ встрѣтилъ сильный отпоръ; уланы смѣшались, но сейчасъ же выстроились въ боевой порядокъ, и завязалась ужасная рѣзня. Корженковскій командовалъ партизанами изъ обывателей; ему помогалъ подпоручикъ Подлуцкій съ инвалидной командой и квартальный надзиратель Леновъ со служителями и полицейскими писарями.

Послѣ боя непріятель вышелъ изъ города и окружилъ его цѣпью, въ ожиданіи сдачи. Два дня прошло, а городъ не сдавался. Уланы не разъ пытались атаковать, но напрасно.

Наконецъ, къ Корженковскому явился парламентеръ.

— Мой капитанъ желаетъ сдачи?— объявилъ офицеръ на русскомъ языкѣ съ польскимъ акцентомъ.

— Русскіе люди живыми не сдаются,—отвѣтилъ городничій.

Офицеръ выразилъ на лицѣ притворное сожалѣніе и удалился.

На разсвѣтѣ уланы снова обстрѣливали Сычевку, но затѣмъ стали отступать.

Городничій поскакалъ вслѣдъ съ конными партизанами, нагналъ отрядъ версты за двѣ и потрепалъ его порядочно. Партизаны и поляки потеряли въ общемъ числѣ до 100 человѣкъ убитыми и ранеными.

Когда Сычевскій уѣздъ сталъ внѣ опасности, Богуславскій склонилъ

свою партію къ дальнѣйшимъ подвигамъ на защиту мирныхъ обывателей въ другихъ уѣздахъ. Онъ снабдилъ всѣхъ добровольцевъ ружьями, тесаками и вообще, какъ человѣкъ военный, сформировалъ отрядъ по правиламъ военнаго искусства.

Партія въ разныхъ мѣстахъ имѣла много стычекъ съ непріятелемъ.

По примѣру сычевскихъ иниціаторовъ, стали возникать партіи партизановъ и въ другихъ пунктахъ. Такъ, Богуславскій встрѣтилъ отставнаго капитана Тимашева, который бродилъ со своими вооруженными крестьянами. Этотъ капитанъ, несмотря на болѣзнь, повлекшую его отставку, прекрасно управлялъ добровольцами и въ иныхъ случаяхъ даже самъ бросался въ бой. Двѣ партіи рѣшили дѣйствовать совмѣстно. 6-го октября имъ пришлось впервые выдержать значительное сраженіе. Дѣло было на большой дорогѣ, между Гжатскомъ и Вязьмой. Партизаны услыхали вдалекѣ выстрѣлы и поспѣшили къ нимъ форсированнымъ маршемъ. Послали двухъ развѣдчиковъ, которые сейчасъ же вернулись и сообщили, что это полковникъ Чернозубовъ съ донскими казаками напалъ на кавалерійскій французскій полкъ и сражается отчаянно.

— Братцы, не погибать же нашимъ удальцамъ!—сквозь слезы крикнулъ Богуславскій.

— Двумъ смертямъ не бывать—одной не миновать,—присовокупилъ Тимашевъ.

— Осѣнимъ себя крестомъ и ударимъ на варваровъ!—продолжалъ воодушевлять добровольцевъ исправникъ.

Въ знакъ согласія партизаны сняли шапки и начали молиться.

Въ эту минуту непріятельскія колонны переходили уже въ наступленіе. Богуславскій замѣтилъ это и сообразилъ, что непріятельскія колонны должны проходить близъ лѣса, откуда чрезвычайно выгодно открыть огонь по лѣвому флангу. Тимашевъ одобрилъ такой планъ, и партіи двинулись къ намѣченной цѣли. На ихъ счастье начинались уже сумерки. Партизаны прокрались и засѣли въ лѣсу. Разсчетъ былъ самый вѣрный. Едва колонны поравнялись съ лѣсомъ, какъ вдругъ раздался залпъ; непріятель пошатнулся, смѣшался, а вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ другой залпъ и «ура!» партизановъ. Чернозубовъ обрадовался подкрѣпленію и двинулся впередъ; казаки и партизаны налегли на врага и погнали французовъ за большую дорогу. Преслѣдованіе продолжалось недолго, такъ какъ проходящія французскія войска могли перерѣзать казакамъ и добровольцамъ путь отступленія. На мѣстѣ сраженія было подобрано 320 убитыхъ кавалеристовъ и отведено въ плѣнъ 3 офицера и 147 рядовыхъ. У нашихъ убыль оказалась въ 160 человѣкъ.

Между тѣмъ, все почти смоленское населеніе разбѣжалось по лѣсамъ, а дворяне и администрація наводнили Ржевскій уѣздъ Тверской губерніи,

какъ болѣе безопасный. Тамошній губернаторъ Л. С. Кологривовъ видѣлъ изъ этого, что смоленскіе уѣзды остались безъ начальственнаго надзора и брошены на произволъ судьбы. «Все попряталось и разбѣжалось—писалъ, между прочимъ Л. С. принцу Георгію Ольденбургскому [1])—даже смоленскій губернаторъ скрылся неизвѣстно куда». Принцъ молчалъ.

Л. С. снова писалъ генералъ-губернатору, что онъ, въ силу чрезвычайно важныхъ военныхъ обстоятельствъ, принялъ въ свое завѣдываніе Гжатскій, Сычевскій, Бѣльскій и Вяземскій уѣзды и дѣлаетъ распоряженіе объ отраженіи непріятельскихъ нападеній путемъ партизанства, по примѣру Сычевскаго уѣзда. Тогда было не до того, чтобы разбирать, правъ или неправъ былъ тверской губернаторъ, взявшій подъ надзоръ уѣзды безъ разрѣшенія свыше. Принцъ отвѣтилъ въ общемъ такъ: «и прекрасно сдѣлали» [2]).

Сначала Л. С. принялся за истребленіе французскаго воззванія, ходившаго по рукамъ смоленскаго населенія [3]). По уѣздамъ разъ-

---

[1]) Генералъ-губернатору Тверской, Новгородской и Ярославской губерній.

[2]) Предложеніе 2-го октября.

[3]) „Смоленскіе обыватели! Французское войско и гражданское правленіе употребляютъ всѣ способы, дабы предоставить вамъ спокойствіе, защиту и покровительство. Приходите и пріѣзжайте въ г. Смоленскъ, гдѣ открывается новое присутствіе, подъ названіемъ „муниципалитетъ“, т. е. градской правительственный совѣтъ. Здѣсь будутъ разбираться всякія дѣла, съ участіемъ васъ, русскихъ гражданъ. Около дорогъ, по которымъ проходятъ войска, одни поля и сѣнокосы разорены, но другіе остались въ цѣлости; между тѣмъ, владѣльцы ихъ скрылись, и французское правленіе не знаетъ, какъ съ этими землями быть. Поэтому, господа помѣщики и прочіе землевладѣльцы, явитесь и имѣйте довѣріе къ нашему правленію. Вы будете спокойны, въ чемъ увѣритъ васъ французскій императоръ и возстановитъ прежній порядокъ. Вы, крестьяне, снятый нынѣ съ полей озимый хлѣбъ и прочіе сельскіе продукты за оставленіемъ себѣ на обсѣмененіе и продовольствіе, привозите ихъ, какъ и прежде, для продажи въ г. Смоленскъ, гдѣ въ теченіе короткаго времени, вслѣдствіе множества французскаго народа, получите весьма изрядныя выгоды и скоро забудете прошедшую потерю. Если же вы желаете какой-либо защиты, то объявите объ этомъ, и васъ императоръ французскій приметъ подъ свое покровительство. Крестьяне, будьте спокойны, занимайтесь безъ всякаго страха вашими работами, французскія войска вамъ уже не будутъ больше мѣшать; они уже удаляются отсюда.. Что же касается войскъ, которыя имѣютъ намѣреніе проходить здѣсь въ будущемъ времени, то имъ даны строжайшія предписанія, чтобы вамъ обидъ и притѣсненій никакихъ не учиняли. Французское правительство ожидаетъ отъ васъ привоза въ городъ по-прежнему хлѣба и прочихъ жизненныхъ продуктовъ, за которые вы будетъ получать выгодную плату и большія деньги отъ самого французскаго императора; онъ въ настоящее время пребываетъ въ ожиданіи отъ васъ повиновенія и покорности“.

ѣзжали чиновники, перехватывали воззванія и внушали читателямъ ихъ, что хотя французы и обѣщаютъ не стѣснять торговлю на городскихъ рынкахъ, но на самомъ дѣлѣ возы съ хлѣбомъ забираютъ себѣ въ провіантъ безденежно, протестующихъ же таскаютъ, бьютъ и всячески мучаютъ.

Затѣмъ губернаторъ приступилъ къ формированію партизановъ въ указанныхъ уѣздахъ. Онъ попросилъ, чрезъ предводителя Карцева, созвать въ Ржевѣ смоленскихъ дворянъ и обратился къ нимъ со словами:

— Господа, развѣ вамъ неизвѣстно, какъ ваши и вашихъ крестьянъ жилища разоряются врагомъ, какъ нещадно разграбляется имущество? Въ мирное время крестьяне не щадили силъ, трудились до седьмаго пота для вашего благосостоянія, и теперь они лишены всякой защиты. Ваше дѣло вступиться за несчастныхъ. Неужели васъ не тревожитъ разоренный родной очагъ и голодныя крестьянскія семьи? По-моему, одна мысль объ этомъ должна призывать васъ на борьбу съ врагомъ. Повѣрьте, все то, что̀ осталось на вашей родинѣ, проситъ защиты, молитъ о пощадѣ. Что жъ вы тутъ сидите? Ступайте домой и помогите сколько возможно вашимъ людямъ. Сегодня я посылаю въ смоленскіе уѣзды чиновника; онъ сформируетъ изъ крестьянъ отряды, а вы возьмите надъ ними командованіе. Вѣдь долгъ и честь русскаго дворянина прежде всего.

Просты, но глубоко прочувствованы были эти слова. Къ сожалѣнію, дворянъ немного вернулось въ предѣлы Смоленской губерніи, да и то исключительно въ г. Сычевку, такъ какъ совершилось уже обратное движеніе наполеоновской арміи, и голодный, продрогшій отъ стужи непріятель нещадно опустошалъ населенныя мѣста. Командированный совѣтникъ Денисовъ пріѣхалъ въ Сычевку; здѣсь ему подчинились и прежнія партіи Тимашева, Богуславскаго и Корженковскаго. Для разслѣдованія Вяземскаго уѣзда Денисовъ послалъ засѣдателя Павлова, который, вернувшись, сообщилъ, что г. Вязьма и мѣстности вокругъ него заняты непріятельскими войсками, и оставшіеся жители терпятъ отъ мародеровъ большое разореніе. Денисовъ самонадѣянно послалъ разогнать непріятеля партію въ 80 человѣкъ, подъ начальствомъ дворянина Сысоева. Партизаны были на коняхъ и поѣхали къ большой дорогѣ, но, не доѣзжая дер. Теплухи, встрѣтили сторожевой отрядъ въ 100 человѣкъ и завязали бой. Кончилось тѣмъ, что французы разбѣжались, потерявъ 12 убитыми и 19 плѣнными. Пробираясь далѣе, Сысоевъ приблизился къ указанной деревнѣ и узналъ, что въ ней засѣлъ сильный непріятель.

— Страшно приступиться,—говорилъ по возвращеніи Сысоевъ.—Едва показались мы на ихъ глазахъ, французы закопошились, какъ муравьи.

— Вы бы въ атаку пустились или обманомъ какъ-нибудь,—совѣтовалъ Денисовъ.

— Нѣтъ, воля ваша, а это обошлось бы намъ дорого.

Были посланы три партіи, подъ командою дворянъ Лаврова и двухъ братьевъ Граблиновыхъ, съ приказаніемъ очистить деревню Теплуху и постараться какъ можно больше привести плѣнныхъ. Но не такъ-то легко дѣлается, какъ говорится. Французы встрѣтили партизановъ сильнымъ огнемъ. Попробовали броситься въ атаку, но безъ успѣха, ибо дер. Теплуха была хорошо укрѣплена непріятелемъ и въ ней находилось до 1.000 человѣкъ пѣхоты съ орудіями. Послѣ атаки нѣсколько часовъ партизаны стояли безполезно, взирая на непріятельскія укрѣпленія, какъ лисица на виноградъ. Надо было ретироваться, тѣмъ болѣе, когда стало извѣстно, что деревня Теплуха давно уже была занята французскими войсками. Настойчивый и самолюбивый Денисовъ не унимался насчетъ деревни Теплухи и послалъ убѣдиться въ превосходствѣ непріятельскихъ силъ опытнаго Богуславскаго, присоединивъ къ нему на всякій случай отрядъ стряпчаго Торбѣева. Эти партизаны чрезъ нарочнаго доставили съ мѣста менѣе утѣшительныя свѣдѣнія:—деревня Теплуха сильно укрѣплена и можетъ быть очищена лишь регулярными войсками. Но въ этомъ еще сравнительно небольшая бѣда для мирныхъ обывателей, а Богуславскій узналъ отъ четырехъ плѣнныхъ французовъ хуже—непріятель оставилъ большой трактъ и проходитъ правою стороною проселочными дорогами. Сейчасъ же развѣдавъ объ этомъ лично, Богуславскій привезъ Денисову довольно тревожныя вѣсти.

— Окончательное разореніе,—говорилъ исправникъ.

— Что вы?—воскликнулъ Денисовъ.

— Увѣряю васъ. Метлой метутъ: да и есть кому; вѣдь армія въ 50 тысячъ: проходитъ чрезъ село Ѳедоровское, въ 12 верстахъ отъ Вязьмы.

— Неужели надежда на оттѣсненіе къ большой дорогѣ потеряна?

— Ихъ безъ насъ тѣснятъ. По пятамъ преслѣдуетъ М. И. Платовъ съ казацкими полками и провожаетъ непрошенныхъ гостей пушечными выстрѣлами, а по сторонамъ авангардомъ идетъ генералъ Сысоевъ. Французскія войска двигаются въ безпорядкѣ, теряютъ много людей, пройденныя селенія жгутъ, чтобы остановить стремленіе нашихъ войскъ.

Тогда Денисовъ обратилъ все вниманіе на то, чтобы непріятельскія войска, при обратномъ движеніи, не расплывались вширь уѣздовъ и проходили бы въ строгихъ предѣлахъ. Для этой цѣли онъ рѣшилъ поставить пикетъ на границахъ Вяземскаго, Бѣльскаго и Гжатскаго уѣздовъ, т. е. такихъ, по которымъ должны были проходить французскія

войска. Въ Вяземскій уѣздъ Денисовъ командировалъ Торбѣева съ партіей въ 800 человѣкъ; въ Бѣльскомъ приказалъ заняться этимъ дѣломъ тамошнему исправнику Богуславскому [1]), а положеніе Гжатскаго уѣзда оказалось печальное. Тамъ отсутствовали не только власти, но и мелкіе чиновники; крестьяне же убѣжали изъ всѣхъ селеній и оставили ихъ на произволъ судьбы. Только въ имѣніи Крутицѣ помѣщиковъ Бѣлкиныхъ бурмистръ Игнатій Никитинъ удержалъ крестьянъ и образовалъ изъ нихъ маленькую партію.

Близъ села Спасскаго Торбѣевъ встрѣтилъ много крестьянъ съ обозами, которые на его вопросъ: куда они переселяются?—отвѣчали, что бѣгутъ отъ французовъ, приближающихся къ селу.

— Пустое, бояться нечего,—сказалъ онъ.

— Да, кому, батюшка, смерть красна отъ этихъ варваровъ,—отвѣчали крестьяне.

— Не тронутъ. Поворачивай обратно! Развѣ вы не видите, что я здѣсь со своимъ полкомъ,—самоувѣренно заявилъ Торбѣевъ и вернулъ бѣгущихъ во-свояси.

Руководитель партизановъ не столько надѣялся на себя, сколько на генерала Иловайскаго, случившагося по близости съ двумя казацкими полками и могшаго покидаемую крестьянами мѣстность поставить въ безопасное положеніе.

При формированіи партій въ Бѣльскомъ уѣздѣ между исправникомъ Богуславскимъ и начальникомъ казацкаго отряда полковникомъ Дибичемъ, стоявшимъ въ г. Бѣльскѣ, возникли недоразумѣнія. Послѣдній изъ-за какихъ-то личныхъ неудовольствій хотѣлъ подставить ногу первому. Дибичъ, узнавъ стороной о порученіи Денисова, позвалъ къ себѣ исправника и завелъ съ нимъ разговоръ.

— Я слышалъ, вы хотите партизановъ собирать?—спросилъ начальникъ отряда.

— Да, уже приступилъ.

— Что же вы будете дѣлать съ ними? куда ихъ употребите?

— Приказано набрать надежныхъ людей, по ихъ желанію, и поставить однихъ пикетами по границамъ уѣзда, а другихъ партіями содержать въ селеніяхъ и, на случай вторженія непріятеля, отражать его.

— Плюньте на это!—съ досадой воскликнулъ Дибичъ.—Можетъ ли знать военное дѣло гражданскій чиновникъ, вашъ Денисовъ? Мнѣ хорошо извѣстно, что французы потянутся по дорогѣ къ г. Духовщинѣ,—какой вредъ могутъ нанести ваши партіи и пикеты. Смѣшно, право. По-военному, надо ломать по дорогѣ мосты, чтобы задер-

[1]) Родственникъ сычевскому исправнику.

жать непріятеля и отдать его въ руки нашимъ войскамъ, идущимъ по пятамъ его.

— Вы полагаете?

— Обязательно; да иначе и быть не можетъ. Самое вѣрное средство.

— А начальство что скажетъ?

— За хорошее умное дѣло оно даже похвалитъ.

Исправникъ Богуславскій колебался въ принятіи предложенія Дибича. Это послѣдній замѣтилъ и сейчасъ же принялъ болѣе крутыя мѣры.

— Дѣлайте, какъ вамъ приказываютъ—сказалъ онъ—но знайте, что я донесу своему начальству и если вы испортите пикетами дѣло, то будетъ извѣстно, что я давалъ вамъ благой совѣтъ, а вы его не послушали.

На этихъ словахъ они разошлись.

Правда, исправникъ послѣдовалъ совѣту Дибича—партизановъ не вербовалъ, а съ десяткомъ крестьянъ ломалъ по Духовской дорогѣ мосты. Но каково было его удивленіе, когда онъ узналъ, что никакія непріятельскія войска по этой дорогѣ не пойдутъ, да и предположенія такого не существовало; Дибичъ просто обманулъ Богуславскаго.

Одновременно съ открытіемъ предательства исправникъ получаетъ отъ Денисова бумагу, въ которой выражается полная надежда не только на сформированіе добровольцевъ въ Бѣльскомъ уѣздѣ, но и на то, что пикеты уже на мѣстахъ и партіи во всей готовности, при чемъ въ концѣ говорилось, что Денисовъ не замедлитъ убѣдиться во всемъ лично.

Тутъ удивленіе смѣнилось страхомъ. Бугуславскій въ ту же минуту поскакалъ по деревнямъ; но вѣсть о приближеніи французовъ ходила уже нѣсколько дней, и населеніе разбѣжалось. Въ людяхъ ощущался крайній недостатокъ. Исправникъ самъ усовѣщевалъ вернуться изъ лѣсовъ въ селенія и вооружиться противъ непріятеля. Крестьяне откликнулись на призывъ и пожелали учредить между собою конные разъѣзды. Разставлялъ ихъ по пунктамъ засѣдатель Шляхтинскій и приказывалъ зорко слѣдить за вторженіемъ непріятельскихъ войскъ. Между тѣмъ Богуславскій продолжалъ собирать людей, и когда число ихъ достигло 300, онъ объявилъ себя командиромъ этой партіи.

Дѣйствительно, скоро въ г. Бѣлый пріѣхалъ Денисовъ. Богуславскій явился къ нему и доложилъ о поступкахъ полковника Дибича.

— Судите сами,—говорилъ онъ,—что это за человѣкъ. Онъ предлагалъ мнѣ бросить партизанство и заняться сломкой мостовъ въ г. Духовщинѣ, такъ какъ тамъ пойдутъ французскія войска. Въ противномъ случаѣ грозилъ мнѣ донесеніемъ по своему начальству. Я ломалъ мосты, но напрасно, французы той дорогой вовсе не пойдутъ. Онъ это старался дѣлать, чтобы я замѣшкался съ партизанствомъ, но ошибся, къ вашему пріѣзду у меня все готово въ лучшемъ видѣ. Я просилъ у

*

него помощи, чтобы взять кавалерійскій отрядъ, а онъ не только не прислалъ казаковъ, даже никакого отвѣта не далъ. Высокомѣрный господинъ! Да это ли одно!

— А что же еще?

— Онъ самовольно учинилъ смертную казнь надъ двумя крестьянами.

— Неужели?!

— Всѣмъ извѣстно. Дѣло происходило такъ. Помѣщикъ Дорогобужскаго уѣзда Лыкошинъ спасался съ дворовыми людьми въ Бѣльскомъ уѣздѣ и тутъ вдругъ получаетъ свѣдѣніе, что крестьяне его вотчины взбунтовались и не признаютъ русскихъ властей. Лыкошинъ съ дворовыми и знакомымъ дворяниномъ Бедряевымъ отправился усмирять крестьянъ, но они какъ львы бросились на пришедшихъ, господъ умертвили, а дворовыхъ избили. Избитые пришли въ Бѣлый и разсказали о дорогобужскомъ происшествіи. Дибичъ узналъ объ этомъ и послалъ туда для спокойствія команду, которая вернулась и привела виновныхъ. Полковникъ своимъ судомъ раздѣлался съ бунтовщиками: двоихъ разстрѣлялъ, а остальныхъ наказалъ кнутомъ.

Денисовъ покачалъ головой.

Явившись къ Дибичу, совѣтникъ упрекнулъ его въ отношеніяхъ къ Богуславскому, но онъ замѣтилъ:

— Сущій вздоръ! Нѣтъ, вы лучше позаботьтесь насчетъ перебѣжчиковъ.

— Не понимаю. Въ чемъ дѣло?

— А видите ли. Я ожидаю къ себѣ нѣсколько тысячъ нѣмцевъ и гишпанцевъ, которые уговорены мною перейти отъ непріятеля, такъ вы распорядитесь, чтобы люди, лошади и оружіе были доставляемы въ исправности и чтобы въ дорогѣ необходимое всѣмъ довольствіе было.

— Это не касается моихъ обязанностей.

— У вашего исправника есть партизаны; они люди самые подходящіе для сопровожденія обезоруженнаго непріятеля.

— Ихъ назначеніе совсѣмъ иное.

— Ужъ не войсковое ли!?

— Къ чему смѣяться, полковникъ, надъ людьми, которые приносятъ себя въ жертву за общее благо, не щадятъ своего живота одинаково, какъ вы и ваши казаки.

— Хорошо, я людей найду,—сказалъ задѣтый за самолюбіе Дибичъ.—Больше я съ вами переговоровъ вести не могу.

— Какъ угодно. Но мнѣ желательно узнать одно, полковникъ: вы можете помочь нашимъ партизанамъ?

— Дѣйствительно у меня есть полныя свѣдѣнія какъ о состояніи уѣзда, такъ и о положеніи непріятеля.

— Будьте любезны сообщите ихъ.

— Никогда. Это—военная тайна.

Дольше оставаться было незачѣмъ, и Денисовъ вышелъ отъ страннаго и сумасброднаго полковника.

Конечно, Денисовъ немедленно донесъ губернатору Кологривову о Дибичѣ; тутъ было все: и непріязнь къ Богуславскому, и взгляды на партизанство, и самосудъ полковника.

Дѣло получило дальнѣйшій ходъ и попало въ руки генералъ-адъютанта, князя Волконскаго. Явились въ г. Бѣлый полковники Ивашенцовъ и Балабинъ, произвели слѣдствіе, и Дибичъ былъ устраненъ отъ командованія.

Какъ извѣстно, Гжатскій уѣздъ былъ совершенно пустъ; тамъ некому было заниматься партизанствомъ. Оставался только бурмистръ Игнатій Никитинъ, который, впрочемъ, пикетовъ не ставилъ, объѣздовъ не дѣлалъ, а, сидя въ имѣніи, отбивался отъ мародеровъ, заходившихъ неоднократно поживиться хлѣбными припасами.

Партія была составлена изъ помѣщичьихъ крестьянъ, подъ управленіемъ Никитина, при чемъ, въ рядахъ ея находились братъ его Иванъ, сынъ Тимоѳей и другой бурмистръ Максимовъ. Сначала все шло хорошо, но въ одну изъ послѣднихъ стычекъ довелось поплатиться ощутительно. Къ имѣнію подошелъ сильный отрядъ кавалеристовъ и сталъ обстрѣливать своеобразное укрѣпленіе изъ хвороста, бревенъ и разнаго хлама. Партизаны рѣшились выйти на свободу и вступили въ горячій бой. Численность и дружный натискъ непріятеля принудили добровольцевъ оставить мѣсто сраженія. Послѣдніе снова укрылись въ своихъ укрѣпленіяхъ и стали считать потери. На этотъ разъ недоставало многихъ; самъ Никитинъ одною пулею былъ раненъ въ бокъ, а другою ему оторвало правое ухо; сынъ его оказался также раненымъ: ему нанесли ударъ въ голову и отрубили пальцы на лѣвой рукѣ. Такъ или иначе но партія Никитина истребила въ разное время до 300 человѣкъ и взяла въ плѣнъ болѣе 50.

Такимъ образомъ въ Гжатскомъ уѣздѣ французы хозяйничали въ полномъ смыслѣ слова. Одинъ отрядъ пришелъ въ деревню Кривцы и сталъ бродить по избамъ. Въ избу крестьянина Рыбкина зашли четыре француза; за домомъ присматривала дѣтвора, а взрослые обмолачивали хлѣбъ. Дѣти испугались солдатъ и, съ крикомъ «бусурмане, бусурмане!» побѣжали извѣщать родителей. Когда явились Рыбкины, то у французовъ было все вытащено изъ печи; они спокойно сидѣли вокругъ стола и съ аппетитомъ истребляли русскій обѣдъ. Людей они никого не тронули, даже, уходя, въ знакъ благодарности, мотали головами, за то на дворѣ облюбовали лошадь и повели съ собою. Сколько ни молили крестьяне, все-таки лошади французы не вернули. Покидая

деревню, отрядъ забралъ хлѣбъ, скотъ, разграбилъ церковь и поджегъ строенія.

Наконецъ, отъ лицъ, управлявшихъ партизанами, изъ разныхъ концовъ стали приходить къ Денисову вѣсти о томъ, что уѣзды мало-помалу очищаются отъ непріятельскихъ войскъ.

На основаніи этого совѣтникъ донесъ губернатору, что въ Вяземскомъ, Сычевскомъ, Бѣльскомъ, Гжатскомъ уѣздахъ набѣги болѣе уже не повторяются, такъ какъ Наполеоновская армія удалилась, а вторгавшіеся въ селенія французы частью перебиты, частью взяты въ плѣнъ и размѣщены по городамъ.

Кологривовъ поручилъ Денисову безотлагательно отправиться въ Порѣчскій, Духовской и Дорогобужскій уѣзды и точно также оградить ихъ отъ вторженія непріятеля.

Въ Бѣломъ совѣтникъ случайно повстрѣчалъ духовскаго исправника Храповицкаго, который сообщилъ ему, что Духовской уѣздъ весь разбѣжался, и самъ онъ укрывается въ чужомъ городѣ. Слѣдовательно, о мѣстномъ формированіи партіи нечего было и думать.

— Во всякомъ случаѣ, по долгу службы и дворянина, вы не откажетесь руководить защитой?—спросилъ Денисовъ.

— Съ удовольствіемъ, но гдѣ же люди?

— О, людей мы найдемъ.

На другой день согласилась идти въ Духовской уѣздъ партія изъ бѣльскихъ обывателей, подъ управленіемъ дворянина Лутковскаго. Тогда же явился къ Денисову отставной капитанъ Аландеръ съ 80-ю отборными, вооруженными крестьянами графа Панина и предложилъ «покумиться съ французомъ».

— Прекрасно, очень кстати ваше предложеніе,—говорилъ Денисовъ.— Я отправляю въ Духовской уѣздъ одну партію, ваша будетъ другая.

— Готовъ идти куда угодно,—отвѣчалъ Аландеръ.

Денисовъ призвалъ къ себѣ духовскаго исправника и приказалъ ему отправиться въ свой уѣздъ съ указанными двумя партіями. Онъ обязывался отдѣлить отъ нихъ нѣсколько человѣкъ и поставить пограничными пикетами, самыя же партіи водворить въ болѣе выгодныхъ пунктахъ, откуда можно было бы легко отражать врага.

На дѣлѣ оказалось, что непріятельскія массы непрерывно двигались черезъ Духовской уѣздъ, и партизанамъ поневолѣ пришлось искать спасенія въ бѣгствѣ.

Порѣчскій уѣздъ также страдалъ отсутствіемъ крестьянъ и чиновниковъ, но въ меньшей степени. Пріѣхавъ въ г. Порѣчье, Денисовъ нашелъ тамъ предводителя Баранцева, который, впрочемъ, съ тремя помѣщиками, подъ вліяніемъ увѣщаній губернатора Кологривова, тоже прибылъ въ городъ недавно. Предводитель, подъ руководствомъ совѣт-

ника, энергично принялся за организацію партій. Онъ убѣдилъ городскихъ обывателей защищаться и назначилъ имъ командиромъ поручика Цѣвловскаго. Затѣмъ поѣхалъ въ уѣздъ и собралъ въ удѣльныхъ и помѣщичьихъ селеніяхъ по одному человѣку съ пятидесяти душъ, которые составили двѣ партіи по 300 добровольцевъ подъ командою Загряжскаго и Аданцева. Во время прохожденія непріятеля, порѣчскіе партизаны имѣли много дѣлъ, но незначительныхъ и съ малыми отрядами. Несмотря на это, добровольцы убили до 400 человѣкъ, хотя и сами отдѣлались недешево, потерявъ болѣе 200 человѣкъ. Бывъ въ уѣздѣ, Баранцевъ наткнулся на пропагандистовъ отъ «Смоленскаго правительства» [1]), которые успѣли оказать вредное вліяніе на населеніе. Иныя деревни перестали повиноваться русскимъ властямъ и говорили о подданствѣ французскому императору. Предводитель привелъ въ повиновеніе заблудшихъ и главныхъ изъ нихъ наказалъ строго. Что же касается самихъ пропагандистовъ, то Баранцевъ писалъ Денисову съ мѣста, что они «преданы землѣ».

Теперь оставался дорогобужскій уѣздъ. Въ Дорогобужѣ Денисовъ не нашелъ ни одного человѣка, могущаго заняться вербовкой партизановъ. Совѣтникъ выписалъ Баранцева и послалъ его для организаціи.

— Напрасно потрудился,—говорилъ, возвратясь, Баранцевъ.—Въ селеніяхъ—ни души; былъ въ поляхъ, лѣсахъ, уговаривалъ крестьянъ—не идутъ. Надо бы показать имъ хотя маленькую частицу воинской команды.

— Это зачѣмъ же?

— Крестьяне говорятъ, что ни одного русскаго солдата не видали, и боятся. Команда дастъ имъ смѣлость, и они навѣрно возьмутся за оружіе.

— Откуда мы возьмемъ команду? Инвалидные солдаты разбѣжались, начальникъ ихъ тоже удралъ, да, кромѣ насъ, кажется, никого и въ городѣ нѣтъ.

— Иначе, я думаю, невозможно.

— Вы говорите,—«невозможно». Какъ же уѣздъ останется безъ охраны, что скажетъ губернаторъ?

— Вѣрю, положеніе щекотливое. Помогите; съѣздите еще разъ, постарайтесь какъ-нибудь, если не уговорить, такъ слегка принудить крестьянъ.

Баранцевъ снова отправился по селеніямъ, но вскорѣ вернулся съ худшими вѣстями.

— Какое тамъ партизанство, самимъ бы благополучно унести ноги,—вбѣжавъ, говорилъ встревоженный предводитель.

---

[1]) См. вышеприведенную прокламацію.

— Что такое? что случилось?

— Я встрѣтилъ вереницу повозокъ и крестьянскія семьи; они передавали, что идутъ на сѣверную границу губерніи, такъ какъ къ уѣзду приближаются сильныя полчища.

— Такъ ничего и не сдѣлали?

— Ровно ничего. Я сейчасъ удаляюсь.

— Куда?—спокойно спросилъ Денисовъ.

— Сзади тѣхъ, кто ищетъ спасенія.

Въ это время явился къ нимъ помѣщикъ Станкевичъ и подтвердилъ опасность.

— Господа, я пришелъ къ вамъ,—взволнованнымъ голосомъ говорилъ помѣщикъ. — Хотите на плечахъ носить голову, такъ бѣгите. Непріятель близко и, слышно, хочетъ близъ Дорогобужа дать сильное сраженіе.

— Вы вѣрно знаете?—спросилъ Денисовъ.

— Если не вѣрите, такъ оставайтесь, а я поѣду.

— Вотъ вы и обидѣлись. Быть можетъ, это боязливый слухъ.

— Какой слухъ! Крестьяне пошли въ сторону, я—въ другую. Собственными глазами видѣлъ, какъ потомъ моя деревня горѣла. А о сраженіи говорили наши офицеры; они пробирались чрезъ деревню для разслѣдованія мѣстности. Я пришелъ предложить вамъ ѣхать вмѣстѣ.

Они согласились и отправились окольными путями въ г. Сычевку.

Чрезъ нѣсколько дней изъ Сычевки Денисовъ писалъ губернатору, что Смоленская губернія чиста отъ непріятеля, послѣдній скрылся за ея предѣлами и оставилъ «одно разстройство».

Затѣмъ послѣдовали награды. Кологривовъ получилъ Высочайшее благоволеніе; Нахимовъ, Баранцевъ, Богуславскій (сычевскій), Корженковскій и Есновскій—ордена. Дворяне-чиновники, стоявшіе въ рядахъ партизановъ, произведены въ слѣдующій чинъ. Двадцать человѣкъ награждены медалями, а остальные—деньгами. Никитину съ сыномъ дано пожизненное пособіе. Въ память же храбраго маіора Емельянова, скончавшагося отъ тяжкой раны, два брата его, сычевскіе мѣщане, Савелій и Андрей, получили по 1000 руб. каждый.

Въ конецъ разоренная Смоленская губернія крайне озабочивала Кологривова своимъ положеніемъ. Поэтому онъ предпринялъ водворить въ ней порядокъ, все поставить на прежнія мѣста, словомъ, дать ей такой механизмъ, какой она имѣла въ мирное время. Для этой цѣли губернаторъ послалъ въ уѣзды чиновника Лукина и снабдилъ его инструкціей. Это было не что иное, какъ «наставленіе», разработанное самимъ губернаторомъ въ мелкихъ деталяхъ и отличающееся, конечно, казеннымъ характеромъ. Среди разныхъ наставленій, въ инструкціи говорилось о задержаніи укрывавшагося непріятеля, особенно поляковъ,

которые «совершенно свойственны къ развращенію умовъ слабыхъ и покорныхъ»; изъ русскихъ же слѣдовало задерживать тѣхъ, которые, въ угоду французамъ, доставляли имъ припасы, отправляли у нихъ какія-либо должности, поджигали дома, разносили прокламаціи и указывали имущество, зарытое въ землѣ и вообще гдѣ-либо сокрытое. Въ одномъ пунктѣ указывалось, что, если гдѣ окажутся мертвыя тѣла и палый скотъ, то русскихъ погребать на кладбищахъ, а для непріятельскихъ солдатъ вырывать на мѣстѣ общія ямы, при чемъ «лошадей зарывать особо, а людей тоже особо, потому что самый законъ запрещаетъ человѣка равнять со скотомъ, хотя они и злодѣи были наши».

Небезъинтересны также послѣднія слова инструкціи. Губернаторъ наставлялъ водворителя порядка внушать населенію, чтобы оно безропотно переносило несчастія, «каковое есть источникъ, не отъ чего другаго происшедшій, какъ отъ варваровъ, которыхъ попустило правосудное небо вразумить насъ, дабы мы были добродѣтельнѣе и усерднѣе къ Богу».

Лукинъ поѣхалъ исполнять порученіе и уже энергично взялся за дѣло, какъ вдругъ Кологривовъ получаетъ отъ калужскаго губернатора, сенатора, П. Н. Каверина, бумагу [1]), въ которой послѣдній писалъ, что, по распоряженію князя М. Л. Голенищева-Кутузова, Смоленская губернія еще 28-го августа отдана въ его управленіе и что въ городѣ Вязьмѣ имъ учрежденъ особый Комитетъ по дѣламъ ея.

Если вспомнить, что Кологривовъ сталъ управлять Смоленской губерніей со 2-го октября, то выходитъ, что въ одно и то же время одной и той же губерніей равноправно завѣдывали два лица. Чтобы выйти изъ такого ненормальнаго положенія, Кологривовъ уступилъ Каверину и немедленно отозвалъ отъ дѣлъ чиновника Лукина.

Когда губернія переживала тяжелые дни, Кологривовъ вербовалъ партизановъ, посылалъ своихъ чиновниковъ, перехватывалъ французскія прокламаціи, обращалъ въ повиновеніе крестьянъ, водворялъ порядокъ, словомъ, дѣятельность его по новой губерніи была очевидна и осязательна, но какое участіе въ то время принималъ въ ней калужскій губернаторъ—не извѣстно.

Слѣдовательно, сенаторъ Каверинъ заявилъ свои права на управленіе Смоленской губерніей Кологривову только тогда, когда въ ней не оставалось ни одного вооруженнаго француза.

А. Слезскинскій.

[1]) Отъ 15-го ноября.

О принятіи императоромъ Николаемъ въ непосредственное свое завѣдываніе собственной Его Величества Канцеляріи.

Собственноручный рескриптъ импер. Николая гр. Аракчееву.

20-го декабря 1825 г.

Графъ Алексѣй Андреевичъ! Желая сохранить здоровье ваше, столь сильно потерпѣвшее отъ поразившаго насъ общаго несчастія и столь мнѣ и отечеству нужнаго для окончанія предпринятаго вами устройства военныхъ поселеній, памятника благодѣтельныхъ намѣреній покойнаго государя, отца нашего, вамъ къ исполненію ввѣренному, нашелъ я удобнымъ перевести собственную мою канцелярію въ непосредственное мое завѣдываніе; канцелярію же комитета министровъ вручить управленію директора оной....[1]) Гежелинскому.

Съ истиннымъ уваженіемъ есмь на всегда вашъ искренно доброжелательный.

---

[1]) Точки въ подлинникѣ, потому что императоръ не зналъ чина Гежелинскаго.

Англо-французы въ Китаѣ въ 1860 году.

Нынѣшнія событія въ Китаѣ снова выдвигаютъ на очередь обширную политическую дилемму, которую—если играть словами—можно было бы назвать «желтою загадкой», въ подражаніе термину «желтая опасность», еще такъ недавно бывшему въ большомъ употребленіи. Упорное сопротивленіе китайцевъ европейскимъ вліяніямъ, съ возростающею рѣшительностью вторгающимся въ ихъ среду; обостреніе борьбы между двумя, столь несходными между собою элементами, какъ европейская и китайская культура; полная невыясненность того, существуетъ ли извѣстнаго рода солидарность между туземнымъ правительствомъ и бушующею массой—все это, въ сущности, не ново. Явленія, подобныя нынѣшней вспышкѣ народныхъ страстей, были наблюдаемы въ Китаѣ и ранѣе, причемъ событія развивались при условіяхъ, во многомъ сходныхъ съ современными. Въ виду этого представляется умѣстнымъ оглянуться, хотя-бы на-скоро, на сравнительно недавнее прошлое Китая, съ цѣлью освѣжить въ памяти характеристическія черты китайскихъ волненій и традиціонныхъ пріемовъ китайской дипломатіи въ трудныя минуты столкновеній съ европейскими державами.

Небезъинтересный въ этомъ отношеніи матеріалъ мы находимъ, между прочимъ, въ книгѣ графа д'Эрисона «Дневникъ переводчика въ Китаѣ» [1]). Книга эта, написанная лицомъ, неотлучно находившимся при генералѣ Монтобанѣ (впослѣдствіи графъ Паликао) и непосредственнымъ свидѣтелемъ важнѣйшихъ событій французской экспедиціи въ Китаѣ въ 1860 г., вышла въ 1886 г. Давность не лишаетъ

[1]) Journal d'un interprète en Chine, par le comte D'Hérisson. Paris.

ее, однако, современнаго интереса, въ виду извѣстной аналогіи между описываемыми авторомъ событіями и тѣмъ, что совершается въ Китаѣ въ настоящее время. Для русскаго читателя живые, бойкіе очерки д'Эрисона представляютъ интересъ еще и потому, что въ нихъ обрисовывается благотворная роль, сыгранная при заключеніи англо-франко-китайскаго мира тогдашнимъ представителемъ Россіи въ Пекинѣ, графомъ Игнатьевымъ.

Опуская рядъ сообщаемыхъ д'Эрисономъ подробностей относительно перевозки французскаго экспедиціоннаго отряда въ Китай и приготовленій къ военнымъ дѣйствіямъ, мы остановимся на тѣхъ мѣстахъ его книги, которыя могутъ служить для общей характеристики военнаго и дипломатическаго положенія въ Китаѣ сорокъ лѣтъ тому назадъ.

При снаряженіи экспедиціи, предпринятой Наполеономъ III совмѣстно съ Англіей, высшее руководство французскою экспедиціонною арміей возложено было на генерала Монтобана; другіе генералы, въ томъ числѣ Трошю и Форе, отказались передъ тѣмъ принять на себя эту миссію. Монтобану ввѣрены были вначалѣ не только главное командованіе сухопутными и морскими экспедиціонными силами, но также и всѣ дипломатическія полномочія. Только при условіи сосредоточенія въ его рукахъ такой широкой власти шестидесятитрехлѣтній генералъ съ установившеюся военною репутаціей и могъ взять на себя весь рискъ гадательнаго предпріятія въ столь дальнихъ краяхъ. Но уже вскорѣ полномочія Монтобана были постепенно урѣзаны отнятіемъ у него командованія морскими силами, переданными подъ начальство англійскаго адмирала, и передачею дипломатической роли французскому представителю въ Китаѣ, барону Гро. Человѣкъ болѣзненный, престарѣлый и слабовольный, Гро находился подъ вліяніемъ англійскаго представителя въ Пекинѣ, дѣятельнаго, подвижнаго и настойчиваго лорда Эльгена [1]). Такимъ образомъ, направленіе дѣйствій французской дипломатіи на театрѣ китайскихъ событій очутилось въ рукахъ Великобританіи. Военныя дѣйствія французскаго отряда тоже оказались связанными, вслѣдствіе подчиненія французской эскадры британскому командованію. Такую постановку дѣла д'Эрисонъ считаетъ умышленною со стороны Наполеона III, который, какъ онъ думаетъ, имѣлъ въ виду предоставленіемъ своихъ войскъ въ распоряженіе Англіи выплатить ей

---

[1]) Elgin, ошибочно называемый у насъ нерѣдко „Эльджиномъ". Онъ, какъ извѣстно, былъ въ Китаѣ сперва въ 1857 г., въ качествѣ спеціальнаго уполномоченнаго Великобританіи, и повелъ дипломатическія и военныя дѣйствія съ такою энергіей, что уже въ октябрѣ 1858 г. достигъ заключенія тянь-цзинскаго договора. Нарушеніе послѣдняго китайцами побудило англійское правительство вновь командировать Эльгена въ Китай во главѣ экспедиціи.

долгъ благодарности за услуги, оказанныя ему передъ его воцареніемъ. Какъ бы то ни было, но генералъ Монтобанъ, разочаровавшись на первыхъ же порахъ въ возможности придать своимъ дѣйствіямъ стройное единство, приступалъ къ порученному ему дѣлу въ удрученномъ состояніи духа. Впослѣдствіи настроенію его суждено было еще болѣе ухудшиться, когда, одинъ за другимъ, начали обнаруживаться признаки того, что союзники Франціи стремятся оттѣснить ее на второй планъ и воспользоваться успѣхами французскаго оружія исключительно къ выгодѣ Англіи.

Военныя дѣйствія направлены были собственно противъ китайскаго правительства, которое союзники желали принудить къ выполненію нарушеннаго имъ тянь-цзинскаго трактата 1858 г. Но такъ какъ въ странѣ бушевало также и народное возстаніе, то европейскимъ войскамъ приходилось дѣйствовать и противъ него, причемъ случалось, что союзныя войска оказывали помощь отъ мятежниковъ населенію, а отчасти и властямъ того самаго государства, съ которымъ находились въ войнѣ. Мѣстныя китайскія власти неразъ обращались къ англо-французамъ съ просьбами о защитѣ тѣхъ или другихъ мѣстностей отъ разграбленія мятежниками, но, съ другой стороны, изъ достовѣрныхъ источниковъ поступали свѣдѣнія о случаяхъ грабежа, совершеннаго богдыханскими войсками совмѣстно съ мятежниками, противъ которыхъ они были высланы. Такъ случилось, напр., въ Фу-Чеу; вся провинція была предана огню и мечу, и бѣжавшій оттуда вице-король прибылъ въ Шанхай просить помощи у генерала Монтобана.

Правильныя военныя дѣйствія начаты были въ іюнѣ, послѣ совѣщанія между командующими союзныхъ силъ. Англичане, настаивавшіе вначалѣ на открытіи дѣйствій на Пей-Тангѣ, несмотря на указанныя русскимъ посломъ въ Пекинѣ трудности въ этомъ раіонѣ, согласились подъ конецъ съ мнѣніемъ генерала Монтобана, что походъ слѣдуетъ начать взятіемъ фортовъ Таку, при входѣ въ устье р. Пей-Хо. Форты эти, какъ выяснили развѣдки, были хорошо вооружены съ фронта, но оставлены невооруженными съ тыла, такъ какъ китайцы, очевидно, допускали возможность нападенія на нихъ только со стороны рѣки, а не съ суши. Поэтому рѣшено было атаковать ихъ съ тыла. Пока генералъ Монтобанъ занятъ былъ въ Чефу послѣдними распоряженіями къ наступленію, его посѣтилъ русскій посолъ въ Пекинѣ, графъ Игнатьевъ, видѣвшійся съ Монтобаномъ еще ранѣе, въ Шанхаѣ. Графъ собирался по Пей-Хо въ Пекинъ черезъ Тянь-Цзинъ и, проходя на русскомъ фрегатѣ мимо Чефу, пожелалъ повидаться съ французскимъ главнокомандующимъ. Быть можетъ, онъ хотѣлъ составить себѣ представленіе о состояніи французскихъ войскъ, чтобы судить о степени ихъ пригодности къ выполненію предстоявшей имъ задачи. Молодой военный

дипломатъ, прекрасно говорившій по-французски, произвелъ въ главной квартирѣ наилучшее впечатлѣніе. Онъ долго бесѣдовалъ съ Монтобаномъ и, не выходя изъ предѣловъ строгаго и безпристрастнаго нейтралитета, показалъ французскому генералу любопытную карту Пекина, имъ самимъ составленную. Кромѣ того, онъ сообщилъ ему интересныя данныя о загражденіяхъ на р. Пей-Хо и о вооруженіи фортовъ Таку. Графъ полагалъ, что между Пей-Тангомъ и Пей-Хо союзники встрѣтятъ одинъ или два китайскихъ укрѣпленныхъ лагеря, съ 1.500 или 2.000 человѣкъ въ каждомъ, и находилъ, что это весьма благопріятно для союзниковъ, такъ какъ первыхъ успѣховъ имъ нетрудно будетъ достигнуть, а на китайцевъ первый разгромъ долженъ подѣйствовать устрашающимъ образомъ. Уѣзжая, спустя нѣсколько часовъ, изъ главной квартиры, графъ Игнатьевъ заявилъ (а лордъ Эльгенъ повторялъ потомъ то же самое барону Гро), что онъ будетъ присутствовать на своемъ фрегатѣ при высадкѣ союзниковъ у фортовъ и при первыхъ стычкахъ, какъ намѣренъ поступить и посланникъ Соединенныхъ Штатовъ. Это не замедлило возбудить во французскихъ войскахъ опасеніе, что дипломаты воспользуются, пожалуй, первымъ удобнымъ случаемъ для начатія переговоровъ о предварительныхъ условіяхъ мира и тѣмъ отнимутъ у солдатъ возможность выместить на китайцахъ досаду за перенесенныя трудности похода. Опасеніе это, однако, вскорѣ разсѣялось, когда стало извѣстно, что генералъ Монтобанъ и баронъ Гро условились не допускать никакого посредничества, пока форты Таку не будутъ взяты союзниками, и подписать окончательный миръ не иначе, какъ въ Тянь-Цзинѣ. Союзники считали необходимымъ, въ интересахъ ихъ будущихъ отношеній къ Китаю, сурово отмстить ему за понесенныя въ предшествовавшемъ году неудачи и внушить китайскому правительству убѣжденіе въ томъ, что нельзя впередъ безнаказанно нарушать принятыя обязательства.

Послѣ удачно исполненной высадки и занятія Пей-Танга, союзники не замедлили убѣдиться, что появленіе ихъ сильно напугало туземцевъ. Городъ Пей-Тангъ оказался покинутымъ жителями: скрылись всѣ, кромѣ небольшой группы людей, которымъ, очевидно, нечего было терять и, скорѣе, можно было разсчитывать поживиться чѣмъ-нибудь отъ щедротъ чужеземцевъ. Но и покидая городъ, китайцы не забыли минировать два его форта и зарыть въ разныхъ мѣстахъ бомбы, приспособленныя такъ, чтобы всякій, неосторожно наступившій на маскировавшую ихъ настилку, тѣмъ самымъ вызывалъ взрывъ. Въ роскошномъ домѣ одного мандарина французскіе офицеры застали потрясающую сцену: на особомъ приспособленіи, представляющемъ подобіе лежанки и служащемъ въ богатыхъ китайскихъ домахъ какъ для отопленія, такъ и для отдохновенія членовъ семьи, лежали, распростертыя, три женщины; одна была старуха, бѣдно одѣтая, а двѣ молодыя, въ роскошныхъ одѣ-

яніяхъ. У всѣхъ у нихъ было перерѣзано горло и изъ ранъ струилась кровь: женщины эти еще были живы и бились въ предсмертныхъ судорогахъ. Рядомъ съ ними, на полу, двѣ маленькія дѣвочки, не сознавая случившагося, весело играли, всѣ перепачканныя кровью умиравшихъ, какъ у насъ дѣти бываютъ иногда перепачканы вареньемъ. Противъ этой группы, въ прислоненномъ къ стѣнѣ креслѣ сидѣлъ самъ мандаринъ, глава этой семьи, которую онъ перерѣзалъ, вѣроятно съ цѣлью избавить своихъ близкихъ отъ истязанія варварами. Почему-то пощадивъ дѣтей или, быть можетъ, не успѣвъ покончить и съ ними, онъ перерѣзалъ и себѣ горло бритвою, которая валялась тутъ же около него. Весь въ крови, онъ былъ еще живъ и безстрастно смотрѣлъ на вошедшихъ потухающимъ взоромъ, причемъ медленно отмахивался вѣеромъ отъ облипавшихъ его зіяющую рану мухъ.

Сцена эта, отнюдь не единственная, свидѣтельствуетъ, какъ велико недовѣріе китайцевъ къ мягкосердечію европейцевъ, которымъ они приписываютъ такую же жестокость, какую проявляютъ, при случаѣ, сами по отношенію къ попавшимъ въ ихъ руки непріятелямъ. Дѣло не ограничилось, однако, только-что описанною сценой. Впослѣдствіи оказалось, что имѣющіеся при китайскихъ домахъ большіе чаны, въ которыхъ они хранятъ воду, а также пруды и колодцы, были засорены тѣлами дѣтей и женщинъ, удавленныхъ сострадательными отцами и мужьями, съ цѣлью спасти ихъ отъ грозившихъ со стороны иностранцевъ истязаній.

Оставляя въ сторонѣ подробности военныхъ дѣйствій союзниковъ, отмѣтимъ слѣдующую ихъ особенность. Д'Эрисонъ жалуется на неудобства, которыя причиняла французамъ чрезмѣрная склонность англійскихъ офицеровъ и солдатъ къ комфорту. Окруженные въ походѣ почти всѣми тѣми удобствами, какими они привыкли окружать себя дома, англійскіе военачальники нерѣдко оттягивали на нѣсколько часовъ начатіе боя, ссылаясь на то, что имъ надо сперва какъ слѣдуетъ пообѣдать или отдохнуть послѣ сдѣланнаго перехода. Обозъ англичанъ былъ такъ великъ, что крайне затруднялъ передвиженія, и это, конечно, самымъ невыгоднымъ образомъ отражалось на военныхъ дѣйствіяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вызывало и неудовольствіе между начальниками союзныхъ войскъ. Начатіе атаки фортовъ Таку, къ досадѣ генерала Монтобана, замедлилось именно англичанами. Но вотъ 16-го августа лордъ Эльгенъ прибылъ наконецъ къ французскому главнокомандующему и сообщилъ ему часть бумагъ, найденныхъ въ карманахъ одного изъ мандариновъ, который зарѣзался при взятіи союзниками укрѣпленнаго лагеря Синъ-Ко. Въ числѣ этихъ бумагъ находился указъ богдыхана, который повелѣвалъ подданнымъ всѣми возможными средствами истреблять враговъ, какъ зловредныхъ животныхъ. Въ указѣ назначены были цѣны за головы «варваровъ»: за убитаго посланника столько-то, за генерала

столько-то и такъ далѣе, по степенямъ. Послѣ этого тотчасъ же было рѣшено начать дѣйствія противъ фортовъ Таку, которые въ военномъ отношеніи могутъ быть признаны ключемъ къ Китаю.

Атака началась 24-го августа [1]), причемъ французы стали обстрѣливать съ тыла одинъ изъ двухъ находящихся на лѣвомъ берегу Пей-Хо фортовъ, тогда какъ соединенный флотъ, расположившись въ устьѣ рѣки, бомбардировалъ всѣ форты вообще, какъ на лѣвомъ, такъ и на правомъ берегахъ. Англійская артиллерія обстрѣливала форты лѣваго берега, дѣйствуя рядомъ съ французами. Китайцы, повернувъ орудія, направили на атаковавшихъ съ тыла сильный, но далеко не мѣткій огонь. Когда форты оказались достаточно поврежденными отъ дѣйствія артиллерійскаго огня, французская колонна бросилась на одинъ изъ нихъ и взяла его штурмомъ послѣ ожесточенной схватки съ китайцами, проявившими величайшее мужество и отбивавшимися съ поразительною стойкостью. Лишь немногіе изъ нихъ, укрывшись въ наполненномъ водою рву, погрузились въ воду съ головою, оставивъ наружу только носъ да губы, чтобы можно было дышать. Какъ прежде, въ лагерѣ Син-Ко, такъ и тутъ, въ фортахъ, оказалось нѣсколько тѣлъ мандариновъ, стоически перерѣзавшихъ себѣ горло при видѣ побѣды непріятеля. Въ числѣ ихъ одинъ, одѣтый богаче прочихъ и носившій въ знакъ отличія павлиное перо, былъ, какъ выяснилось впослѣдствіи, командиромъ фортовъ лѣваго берега.

По занятіи форта, на стѣны котораго, вскорѣ послѣ французской штурмовой колонны, взобрались и англичане, генералъ Монтобанъ хотѣлъ тотчасъ же идти впередъ, чтобы, пользуясь деморализаціею богдыханскихъ войскъ, теперь же проникнуть во второй фортъ, откуда китайцы поспѣшно убирались на лодки, увозя орудія, раненыхъ и убитыхъ. Но англичане, казалось, были скорѣе склонны ограничиться пока тѣмъ, что достигнуто. Монтобанъ былъ недоволенъ; онъ подозрѣвалъ, что англичане медлятъ не спроста и, въ самомъ дѣлѣ, на другой день онъ случайно узналъ, что именно въ тотъ часъ, когда у него происходили переговоры съ англійскими военачальниками по вопросу о продолженіи военныхъ дѣйствій, къ лорду Эльгену, гарцовавшему верхомъ со своимъ штабомъ, являлись мандарины съ письмомъ отъ вице-короля провинціи, который просилъ о пріостановкѣ дѣйствій. Вообще англичане съумѣли поставить дѣло такъ, что китайцы приписывали имъ главную, руководящую роль, а французовъ считали только ихъ помощниками, служащими на жалованьи у Англіи.

Послѣ нѣкоторыхъ препирательствъ, по настоянію Монтобана рѣшено было отправить нѣсколькихъ офицеровъ на развѣдку втораго

[1]) Всѣ числа по новому стилю.

форта, расположеннаго на разстояніи около двухъ километровъ отъ перваго, уже занятаго союзниками. Офицеры были встрѣчены съ форта довольно сильнымъ ружейнымъ огнемъ, но когда они вернулись съ развѣдки съ докладомъ англійскому и французскому генераламъ, на главномъ бастіонѣ этого отстрѣливавшагося форта неожиданно поднятъ былъ бѣлый флагъ. Тотчасъ же посланы были туда французскій и англійскій парламентеры; китайцы, не желая допустить ихъ во внутренность форта, выслали къ нимъ навстрѣчу своихъ парламентеровъ. Послѣ обмѣна самыми вѣжливыми привѣтствіями, мандарины эти изъявили желаніе быть представленными посламъ. Когда имъ отвѣчено было, что пословъ здѣсь нѣтъ, они выразили сожалѣніе по этому поводу, объяснивъ, что они должны бы передать посламъ письма, которыми разрѣшается союзникамъ войти въ Пей-Хо, подъ условіемъ пріостановки враждебныхъ дѣйствій. Само собою разумѣется, что это была просто уловка съ ихъ стороны, разсчитанная на то, чтобы выиграть время. Въ смыслѣ изворотливости и лукавства, какъ доказываетъ множество примѣровъ, китайцы рѣшительно лучшіе изъ дипломатовъ. Достаточно припомнить хотя бы, какъ поступилъ Китай по отношенію къ Франціи въ Тонкинѣ. Китайцы подписали трактатъ объ уступкѣ части территоріи, потомъ предательски нарушили его, причемъ французскія войска подверглись избіенію. Вслѣдъ затѣмъ, они снова предложили тотъ же самый трактатъ, но дополненный на этотъ разъ условіемъ о вознагражденіи пострадавшихъ. Французы отвергли это, какъ насмѣшку, снова начали военныя дѣйствія, потеряли много людей и понесли большія издержки, а кончилось дѣло все-таки тѣмъ, что подписанъ былъ прежній трактатъ, но уже безъ условія относительно вознагражденія. Такова обычная манера китайцевъ. Въ высшей степени искусный въ казуистикѣ, китаецъ готовъ цѣлые годы вести тончайшія препирательства о какой-нибудь запятой въ дипломатическомъ актѣ; онъ никогда не спѣшитъ, нисколько не дорожа временемъ, и потому почти всегда имѣетъ возможность опутать европейскаго дипломата, истощивъ его терпѣніе. Такъ поступали и явившіеся изъ форта китайскіе парламентеры: своими дипломатическими ухищреніями они совершенно озадачили офицеровъ союзныхъ войскъ, осыпая ихъ изъявленіями согласія, отрицаніями, уступками, которыя потомъ брали назадъ, и всевозможными оговорками и уклоненіями. Переговоры грозили затянуться до безконечности и, конечно, затянулись бы, если бы участвовавшій въ нихъ англійскій переводчикъ Паркесъ, который былъ очень хорошо знакомъ съ китайскими пріемами, не взялъ на себя руководства преніями и не заявилъ самымъ опредѣленнымъ образомъ, что союзники требуютъ ни больше, ни меньше, какъ безусловной сдачи фортовъ. На это парламентеры возразили, что въ такомъ случаѣ имъ остается только

удалиться, что фортъ ихъ хорошо вооруженъ, въ изобилiи снабженъ всѣмъ необходимымъ и будетъ защищаться до послѣдней крайности. Съ этимъ они и уѣхали. Монтобанъ, раздраженный такимъ высокомѣрнымъ заявленiемъ китайцевъ, хотѣлъ тотчасъ же начать атаку форта, но ее пришлось отложить на два часа, вслѣдствiе заявленiя лорда Эльгена, что его войскамъ надо сперва пообѣдать. По истеченiи означеннаго времени войска двинулись къ форту и заняли его... безъ боя: фортъ безмолвствовалъ. Безпрепятственно перейдя первый, а затѣмъ и второй ровъ, союзники недоумѣвали: какой адскiй замыселъ можетъ скрываться за этимъ отсутствiемъ всякой обороны со стороны форта, снабженнаго сильными орудiями? Отворивъ извнутри ворота и проникнувъ внутрь крѣпости, союзники, къ величайшему изумленiю, увидѣли неподвижно стоявшiй сплошною массой гарнизонъ въ 3.000 человѣкъ. Люди гарнизона побросали передъ собой на-земь свое оружiе. На вопросъ: гдѣ ихъ начальникъ? китайцы отвѣтили, что его у нихъ нѣтъ. Вслѣдъ за тѣмъ, изъ толпы выступили трое мандариновъ невысокаго ранга и объяснили, что ихъ главнокомандующiй убитъ въ первомъ фортѣ при взрывѣ пороховаго магазина, предшествовавшемъ занятiю форта союзниками (то былъ найденный въ фортѣ важный мандаринъ съ павлиньимъ перомъ). За его смертью — говорили трое мандариновъ — никто не смѣлъ безъ повелѣнiя богдыхана принять на себя командованiе; притомъ, если ужь самъ главнокомандующiй не смогъ отстоять первый фортъ, то что же могли предпринять люди, отнюдь не имѣющiе притязанiя быть лучше своего начальника? Съ этими словами мандарины пали на колѣни, начали сильно ударять себя въ грудь и просить, чтобы ихъ, вмѣстѣ съ гарнизономъ форта, отпустили невредимыми на правый берегъ.

Вмѣсто отвѣта, генералъ Монтобанъ отправилъ двухъ своихъ офицеровъ на правый берегъ, съ порученiемъ попытаться склонить тамошнiе форты къ сдачѣ. Едва отплыли эти офицеры, въ догонку за ними пустились на лодкѣ и два англiйскихъ офицера; люди практичные, они захватили съ собою, на всякiй случай, и британскiй флагъ.

Переправившись на правый берегъ Пей-Хо, союзные офицеры явились къ гражданскому и военному губернатору занятой англо-французами провинцiи Пе-чи-ли, но, какъ водится, попали въ самую гущу китайскихъ хитросплетенiй. Вице-король укрылся во внутреннихъ покояхъ, а мандарины затѣяли съ офицерами ни къ чему не ведущiе переговоры. Находившiйся при англiйскихъ офицерахъ переводчикъ Паркесъ, со свойственною ему крутостью, положилъ, однако, конецъ ихъ болтовнѣ, рѣшительно заявивъ, что если офицеры не будутъ немедленно приняты вице-королемъ, то уѣдутъ обратно, и вся отвѣтственность за возможныя послѣдствiя падетъ на вице-короля. Энергическiй

натискъ всегда смиряетъ китайцевъ. Вице-король тотчасъ же принялъ офицеровъ самымъ любезнымъ образомъ. Они потребовали сдачи фортовъ праваго берега (такъ-называемыхъ «южныхъ»). Требованіе это, конечно, не замедлило вызвать длиннѣйшіе разговоры: не видя имъ конца, офицеры заявили, что прерываютъ переговоры, и, откланявшись, удалились. Китайцы бросились за ними, вернули ихъ. Эта сцена повторилась дважды, и, наконецъ, послѣ переговоровъ, продлившихся два часа,вице-король подписалъ актъ о сдачѣ южныхъ фортовъ. При прощаніи, онъ попросилъ позволенія вывезти изъ форта на лѣвомъ берегу тѣло убитаго главнокомандующаго, на что́ ему и было дано разрѣшеніе. На слѣдующій день, 22-го августа, проходъ по р. Пей-Хо былъ уже свободенъ.

Паденіемъ фортовъ на Пей-Хо положеніе дѣлъ совершенно измѣнялось. Союзные дипломаты и главнокомандующіе могли ожидать, что послѣ этого китайцы вынуждены будутъ покориться и подписаніемъ мира въ Тянь-Цзинѣ устранятъ для союзниковъ надобность въ наступленіи на Пекинъ. Но вышло иначе.

Въ тотъ самый день, когда р. Пей-Хо была открыта для союзныхъ флотилій, случился эпизодъ, подавшій французамъ поводъ лишній разъ убѣдиться, что союзники ихъ, англичане, руководятся эгоистическими побужденіями. Англійскій адмиралъ Гоупъ [1]), не предупредивъ французовъ и, слѣдовательно, поступивъ наперекоръ своимъ инструкціямъ, взялъ съ собою три канонерки и направился вверхъ по теченію рѣки до Тянь-Цзина. Подъ сильнымъ впечатлѣніемъ, которое произвела на китайцевъ утрата ихъ фортовъ, жители Тянь-Цзина естественно должны были бы счесть побѣдительницею ту сторону, чей флагъ появится первымъ надъ городомъ; этого и хотѣлъ достигнуть адмиралъ Гоупъ, стремившійся упрочить престижъ своей родины въ Китаѣ. Лордъ Эльгенъ и британскій генералъ Грантъ, лично сообщая объ отъѣздѣ Гоупа генералу Монтобану, сдѣлали видъ, будто поступокъ адмирала совершенъ безъ ихъ вѣдома; но едва-ли можно предположить, чтобы Гоупъ, не предупредивъ хотя бы своего посла, могъ рѣшиться на такое предпріятіе, которое, въ концѣ-концовъ, могло бы повести къ возобновленію военныхъ дѣйствій. Дѣло въ томъ, что если бы тянь-цзинскій гарнизонъ, расположенный въ двухъ командующихъ надъ рѣкою фортахъ, пустилъ ко дну три непріятельныхъ канонерки, что́ онъ былъ бы въ правѣ сдѣлать, то союзникамъ пришлось бы распроститься съ трактатомъ, заключеніе котораго уже предвидѣлось. Подробность эта заслуживаетъ вниманія, какъ черта, обрисовывающая существовавшее между союзниками скрытое соперничество.

[1]) Hope.

Вслѣдъ за Гоупомъ, двинулись въ Тянь-Цзинъ — сухимъ путемъ — французскія и англійскія войска, которыя и прибыли туда одновременно. Тутъ французамъ былъ сдѣланъ ихъ союзниками новый сюрпризъ; оказалось, что англичане заключили съ главнѣйшими мѣстными купцами контракты на поставку провіанта для британскихъ войскъ, нисколько не позаботившись объ удовлетвореніи нуждъ французовъ. Послѣдствіемъ этого было то, что французскіе интенданты лишь съ большимъ трудомъ могли добывать продовольствіе. Возмущенный такою продѣлкой, генералъ Монтобанъ обратился къ англійскому главнокомандующему съ рѣзкими упреками по поводу такого грубаго нарушенія уговора, на основаніи котораго союзники должны были братски дѣлиться находимыми на мѣстѣ продуктами; англичане извинялись, ссылаясь на «недоразумѣніе».

На другой день по занятіи Тянь-Цзина, двое китайскихъ сановниковъ, назвавшихся коммиссарами богдыхана, дали знать англійскому и французскому посламъ, тоже расположившимся въ Тянь-Цзинѣ, что они готовы вступить въ мирные переговоры, причемъ выражали глубокое сожалѣніе по поводу возникшихъ между Небесною имперіей и воюющими съ нею державами недоразумѣній. Послы, не догадавшись потребовать отъ этихъ сановниковъ предъявленія полномочій, начали съ ними безконечные переговоры, чѣмъ китайскій генералиссимусъ Санъ-Ко-Ли-Цзинъ и воспользовался для сосредоточенія подъ Пекиномъ всѣхъ войскъ, какими только могъ располагать. Составили условія мира, а когда затѣмъ, послѣ длиннаго ряда пререканій, дѣло дошло до подписи, оба китайскіе сановника объявили, что у нихъ нѣтъ на это необходимыхъ полномочій и что надо посылать за императорскою печатью. Въ концѣ концовъ, когда выведенные изъ терпѣнія послы отправились къ сановникамъ на домъ, чтобы указать имъ на неумѣстность созданныхъ ими проволочекъ, оказалось, что сановниковъ и слѣдъ простылъ: они уѣхали и увезли съ собою всѣ врученныя имъ бумаги. Можно думать, что они немало посмѣялись надъ простоватостью европейскихъ дипломатовъ. На всѣ упреки, съ которыми обращался генералъ Монтобанъ по поводу этого упущенія къ французскому послу, баронъ Гро спокойно возражалъ: «Весьма сожалѣю, что я поступилъ не такъ, какъ бы слѣдовало; но между людьми извѣстнаго круга какъ-то неловко принимать извѣстнаго рода предосторожности».

Между тѣмъ, времени терять было нельзя; нужно было покончить кампанію до наступленія зимы, которая въ этой части Китая бываетъ сурова и могла бы вредно отразиться на состояніи войскъ. Такъ какъ на переговоры разсчитывать было нечего, то союзники рѣшили выступить по направленію къ Пекину, отправивъ по 200 человѣкъ отъ каждой стороны назадъ въ Шанхай, гдѣ китайскіе мятежники становились безпокойны. 10-го сентября англо-французскія войска выступили изъ

Тянь-Цзина, въ сопровожденіи лорда Эльгена и барона Гро. Китайское правительство, встревоженное тѣмъ, что непріятель продолжаетъ свое наступленіе, несмотря на всѣ противопоставляемыя ему препятствія, пыталось задержать союзниковъ въ пути, засылая къ нимъ сановниковъ съ просьбою отступить обратно къ Тянь-Цзину, гдѣ сановники обѣщали возобновить переговоры. Просьбы эти, послѣ недавняго опыта, были, конечно, оставляемы безъ послѣдствій, и союзники продолжали свое наступательное движеніе. Въ одномъ изъ пунктовъ, гдѣ сдѣлана была остановка, къ Монтобану явился некрупнаго ранга мандаринъ и сталъ просить, чтобы войска, измѣнивъ свой маршрутъ, не проходили черезъ два подвѣдомственныя этому мандарину селенія. Встрѣтивъ отказъ, онъ сдѣлалъ попытку подкупить д'Эрисона, служившаго при Монтобанѣ переводчикомъ. «Поймите—говорилъ онъ—вы получите тысячу таэлей, если убѣдите вашего начальника направить его войска въ сторону отъ этихъ селеній». И когда его начали послѣ этого выпроваживать, онъ, упираясь, говорилъ: «Если вамъ мало тысячи таэлей, то вамъ стоило только сказать».

13-го сентября французы прибыли въ Хо-Си-У; на пути туда они находили свѣжіе еще слѣды стоянки значительнаго количества конницы. Теперь цѣль, съ которою мандаринъ упрашивалъ войска измѣнить маршрутъ, стала ясна: онъ хотѣлъ, чтобы наступающій не узналъ о присутствіи вооруженныхъ силъ въ этомъ раіонѣ. По мѣрѣ дальнѣйшаго наступленія, все чаще и чаще попадались союзникамъ покинутыя обывателями жилища; мѣста становились все болѣе пустынными; было очевидно, что населеніе притаилось и готовитъ непріятелю что-то зловѣщее. И дѣйствительно, для союзниковъ готовилась ловушка. Они намѣрены были двинуться изъ Хо-Си-У на Тангъ-Че-У, но еще ранѣе ихъ выступленія принцъ Тцай, родственникъ богдыхана, прислалъ во французскую главную квартиру двухъ конныхъ мандариновъ съ депешами. Въ одной изъ нихъ, адресованной на имя барона Гро, говорилось: «Въ депешѣ, присланной намъ вами 12-го сентября, было сказано, что вы желаете подвинуться до Тангъ-Че-У. Мы далеки отъ мысли воспротивиться осуществленію этого вашего желанія; напротивъ, мы хотимъ войти съ вами въ соглашеніе. Если вы согласитесь расположить ваши войска лагеремъ въ селеніяхъ Янгъ-Тцзунъ, Чунъ-Чу и Хо-Си-У, не подвигая ихъ далѣе, то, согласно тому, что было установлено въ Тянь-Цзинѣ, ваше превосходительство можете прибыть въ Тангъ-Че-У съ малочисленною свитой и безъ оружія, чтобы договориться съ нами относительно всѣхъ статей конвенціи, которую мы могли бы составить и подписать съ приложеніемъ печатей, предварительно поѣздки вашего превосходительства въ Пекинъ для обмѣна ратификацій договора. Это устранитъ промедленіе и китайскимъ властямъ будетъ поручено заготовить для вашего превосходительства повозки и все необходимое для поѣздки. Итакъ,

просимъ васъ сообщить о числѣ лицъ, которыя будутъ васъ сопровождать, чтобы все могло быть заранѣе приготовлено». Подписали императорскіе коммиссары: принцъ Тцай и др.—Баронъ Гро, повѣривъ искренности этого письма (онъ неразъ уже попадался на удочку китайцевъ, характера которыхъ не понималъ), настоялъ на томъ, чтобы армія была остановлена въ двухъ миляхъ отъ Тангъ-Че-У; онъ былъ увѣренъ, что теперь дѣло совсѣмъ уже кончено и подписаніе мирнаго договора не заставитъ себя ждать. Не будь у генерала Монтобана отняты дипломатическія полномочія, остановки этой не случилось бы; но при данныхъ условіяхъ онъ, хотя и съ ропотомъ, вынужденъ былъ подчиниться распоряженію барона Гро и остановился въ двухъ миляхъ отъ города, въ которомъ суждено было пострадать нѣсколькимъ жертвамъ.

Въ виду начавшихся переговоровъ, не было, казалось, никакой опасности въ отправкѣ въ Тангъ-Че-У нѣсколькихъ офицеровъ, въ качествѣ парламентеровъ; для этого избраны были пять французскихъ офицеровъ и миссіонеръ аббатъ Дюлюкъ, въ качествѣ переводчика. Имъ поручено было заготовить провіантъ, заключить нужные контракты и вообще озаботиться удовлетвореніемъ нуждъ стоявшихъ въ двухъ миляхъ оттуда войскъ, сообразуясь съ инструкціями отъ посланниковъ. Съ тою же цѣлью посланы были съ англійской стороны два офицера, первый секретарь посольства, переводчикъ Паркесъ и еще нѣсколько лицъ; къ нимъ присоединились также корреспондентъ газеты «Times» Баульбэ, глава научной миссіи переводчикъ Эскеракъ де Лотюръ и его секретарь. Вся эта маленькая экспедиція отправилась въ Тангъ-Че-У; части войскъ велѣно было идти слѣдомъ за нею и ожидать подъ городомъ возвращенія всей группы. Во главѣ колонны пошли англичане; жителей на всемъ пути не оказалось, но всюду виднѣлись слѣды незадолго передъ тѣмъ стоявшей здѣсь многочисленной китайской конницы. Послѣ двухчасоваго перехода, вдали замѣчены были громадныя массы татарской конницы. Встревоженный Монтобанъ поѣхалъ въ англійскую главную квартиру и, по прибытіи туда, встрѣтилъ высокаго мандарина, слѣдовавшаго въ паланкинѣ, въ сопровожденіи многочисленной свиты. Мандаринъ, по имени Хангъ-Ки, носилъ коралловый шарикъ, что̀ означало чинъ, равный генеральскому. Онъ заявилъ, что прибылъ съ цѣлью договориться съ послами относительно церемоніала ихъ вступленія въ Пекинъ. Союзные генералы отвѣчали на это, что послы не находятся при авангардѣ, но что если ужь рѣчь идетъ о церемоніалѣ, то они хотѣли бы узнать, почему мѣсто лагернаго расположенія союзныхъ войскъ было занято татарскою арміей. Хангъ-Ки, со свойственнымъ китайцамъ умѣніемъ играть любую роль, выразилъ удивленіе и даже началъ разспрашивать генераловъ о позиціяхъ китайскихъ войскъ, которыя были ему извѣстны, конечно, лучше, чѣмъ союзникамъ. Затѣмъ онъ простился, утверждая, что тутъ, вѣ-

роятно, какое-нибудь недоразумѣніе, и что онъ тотчасъ же прикажетъ татарскимъ войскамъ удалиться. Вслѣдъ затѣмъ начали получаться вѣсти, что татарская армія не уходитъ, что въ ея составѣ должно быть не менѣе 15.000 всадниковъ да столько же пѣхотинцевъ, и всѣ они идутъ впередъ съ рѣшительнымъ воинственнымъ видомъ и съ зажженными фитилями при ружьяхъ. Положеніе становилось напряженнымъ. На горизонтѣ подымались столбы пыли, указывавшей на движеніе войскъ. Союзные генералы немедленно отдали нужныя приказанія. Положеніе ихъ было критическое: на открытой равнинѣ имъ приходилось съ незначительными силами принять бой съ большими непріятельскими массами. Монтобанъ, указывая на явное предательство китайцевъ, желалъ тотчасъ же открыть наступательныя дѣйствія; другаго средства къ спасенію ушедшихъ въ Тангъ-Че-У парламентеровъ онъ не находилъ. Англійскій генералъ Грантъ, напротивъ, полагалъ, что еще нѣтъ никакихъ доказательствъ предательскаго захвата союзныхъ офицеровъ въ плѣнъ и что начатіе боя, скорѣе, погубитъ ихъ. Тѣмъ временемъ, изъ Тангъ-Чѣ-У поспѣшно прибыли нѣсколько лицъ изъ числа сопровождавшихъ экспедицію парламентеровъ; всѣ они были крайне взволнованы, говорили, что имъ едва удалось пробраться сквозь толпы китайцевъ, и подтверждали справедливость полученныхъ ранѣе свѣдѣній о численности татарской арміи. Не оставалось сомнѣнія въ томъ, что воззваніе богдыхана возъимѣло свое дѣйствіе: исполняя его призывъ истреблять иноземцевъ всѣми возможными средствами, какъ гадовъ, китайцы задумали завлечь непріятеля въ ловушку и начали подготовлять осуществленіе этого замысла еще въ Тянь-Цзинѣ, куда засылались мандарины съ цѣлью сбить союзниковъ съ толку мнимыми переговорами. Они, очевидно, стремились застигнуть врасплохъ разсѣянныя непріятельскія силы и подавить ихъ численнымъ перевѣсомъ.

Союзные генералы простились, пожавъ другъ другу руки, и приготовились вести свои войска. Въ эту минуту издали донеслись три пушечныхъ выстрѣла, а спустя нѣсколько мгновеній показался несущійся вскачь взводъ кавалеріи въ разстроенномъ порядкѣ, и къ войскамъ прискакали, съ брошенными поводьями, нѣсколько англійскихъ всадниковъ, большею частью раненыхъ. Лошади ихъ едва переводили духъ, а одна изъ нихъ пала мертвою къ ногамъ генераловъ. Прибывшіе разсказали, что китайцы напали на парламентеровъ въ Тангъ-Че-У, затѣяли рѣзню съ находившимися недалеко отъ города англійскими солдатами и едва не перебили самихъ разсказчиковъ, которыхъ сперва пытались вѣжливо заманить въ свои палатки. Ускакать разсказчикамъ удалось только благодаря прекраснымъ лошадямъ, которыми снабжена была вся англійская кавалерія и артиллерія; у французовъ же были

мелкія лошади, купленныя въ Японіи, и они не могли бы спастись въ случаѣ погони.

На-скоро выслушавъ потрясающій разсказъ, генералы двинули впередъ свои войска, которыя вскорѣ и вступили въ горячій бой. Опуская подробности, отмѣтимъ только, что, несмотря на численный перевѣсъ китайцевъ, союзники взяли позицію Коа-Тцзунъ, километрахъ въ шести отъ Тангъ-Че-У, нанеся страшный ударъ китайскому генералиссимусу Санъ-Ко-Ли-Цзину, войска котораго оказались совершенно деморализованными, не говоря уже о понесенныхъ ими большихъ потеряхъ людьми и орудіями. Относительно участи парламентеровъ стало извѣстно, что, по прибытіи въ Тангъ-Че-У, они очень любезно и вѣжливо были приняты мандаринами и размѣщены по заранѣе приготовленнымъ для нихъ квартирамъ. Переговоры съ ними велись въ примирительномъ духѣ; а потомъ оказалось, что часть ихъ была замучена на смерть и часть искалѣчена невообразимыми истязаніями. Требованіе о выдачѣ ихъ не было исполнено китайскими властями, и потому союзники рѣшили идти на Пекинъ, чтобы навести на китайское правительство ужасъ и тѣмъ побудить его къ выдачѣ несчастныхъ. Всякіе переговоры, разумѣется, были прерваны; роль дипломатіи была донынѣ не блестящею, и персоналъ посольствъ держалъ себя теперь передъ генералами тише воды, ниже травы; рѣшающій голосъ получила армія.

Путемъ развѣдокъ и чрезъ лазутчиковъ было дознано, что татарская армія, получивъ, послѣ недавняго разгрома, свѣжія подкрѣпленія, стянута на разстояніи нѣсколькихъ километровъ отъ поля послѣдняго сраженія, у селенія и моста Паликао (что̀ значитъ «мостъ восьми лилій»). Мостъ этотъ, красиво построенный изъ камня и мрамора, соединяетъ между собою оба берега Императорскаго канала, который служитъ воднымъ сообщеніемъ между Тангъ-Че-У и Пекиномъ. Тутъ сосредоточено было китайцами около 50.000 человѣкъ. Плѣнный китаецъ показалъ на допросѣ, что онъ видѣлъ нѣсколькихъ связанныхъ европейцевъ, которыхъ везли въ повозкахъ къ Пекину. Представлялось вѣроятнымъ, что на этотъ разъ союзникамъ придется драться со всѣми оставшимися въ наличности войсками богдыхана; такимъ образомъ, предстоявшій бой долженъ былъ имѣть рѣшающее значеніе. 21-го сентября, раннимъ утромъ, началось наступленіе союзниковъ на Паликао; въ недалекомъ разстояніи отъ моста они были встрѣчены громадною массой татарской конницы, надвигавшейся на нихъ въ полномъ порядкѣ мелкою рысью. Въ промежуткахъ между группами всадниковъ виднѣлась пѣхота, а за нею, въ лѣсу, искусно замаскированныя деревьями, поставлены были батареи. Страннымъ казалось то, что въ этой массѣ войскъ не слышалось никакой команды; всѣ эволюціи производились при помощи флаговъ, которые то поднимались, то опускались, то склонялись на-

право или налѣво, наподобіе морскихъ сигналовъ. Татарская кавалерія упорно насѣдала на союзниковъ и, благодаря своей многочисленности, вѣроятно, успѣла бы подавить ихъ, если бы только китайская артиллерія оказалась на высотѣ своей задачи; но она стрѣляла черезъ головы противника, тогда какъ орудія французовъ и англичанъ пробивали, одну за другою, бреши въ непріятельскихъ рядахъ. При всей горячности ружейнаго и орудійнаго огня, союзники не несли почти никакихъ потерь и настойчиво подвигались впередъ, тѣсня и разстраивая китайскія полчища. Бой, начавшійся въ 8 час. утра, кончился къ тремъ часамъ пополудни занятіемъ моста союзниками и бѣгствомъ совершенно разстроенной татарской арміи, потерпѣвшей огромный уронъ (до 3.000 человѣкъ). Потери союзниковъ оказались незначительными: въ общей сложности, они лишились 51 человѣка убитыми и ранеными. Взятая англо-французами военная добыча была очень велика. Впослѣдствіи, подвинувшись къ Пекину, союзники нашли въ Лѣтнемъ дворцѣ богдыхана, среди многихъ другихъ документовъ, донесеніе Санъ-Ко-Ли-Цзина изъ Хо-Си-У о томъ, что союзники выступили изъ Тянь-Цзина съ такими небольшими силами, что онъ навѣрное уничтожитъ ихъ всѣхъ. Донесеніе это писано было въ тотъ самый день, когда принцъ Тцай увѣрилъ французовъ честнымъ словомъ, что миръ уже совсѣмъ готовъ къ подписанію. Неудивительно, что богдыханъ, успокоенный было увѣреніемъ своего генералиссимуса въ несомнѣнности побѣды, но затѣмъ потрясенный неожиданною близостью вступленія «варваровъ» въ Пекинъ, не нашелъ ничего лучшаго, какъ бѣжать въ Монголію, оставивъ тронъ и согласившись на переговоры о мирѣ, веденіе которыхъ онъ возложилъ на своего брата, принца Кунга.

Принцъ этотъ, согласно китайскому обыкновенію, началъ съ ухищреній. Онъ обратился къ посламъ съ письмомъ, которое было помѣчено заднимъ числомъ, чтобы казалось, будто порученіе вступить въ переговоры дано было ему ранѣе разгрома подъ Паликао, обойденнаго въ письмѣ полнымъ молчаніемъ. Послы, въ своемъ отвѣтѣ, указали Кунгу на неслыханное злодѣяніе, совершонное въ Тангъ-Че-У, гдѣ были схвачены и, какъ можно опасаться, увезены въ Пекинъ парламентеры; въ виду этого злодѣйства, послы заявляли, что никакихъ переговоровъ быть не можетъ до тѣхъ поръ, пока парламентеры не будутъ возвращены въ ихъ лагери. Принцъ Кунгъ началъ увертываться; онъ заявлялъ, что плѣнники здоровы и будутъ возвращены послѣ подписанія мира и проч. Такъ проходили дни за днями, что̀, наконецъ, вынудило союзниковъ, простоявшихъ двѣ недѣли подъ Паликао, вступить въ боевомъ порядкѣ въ Пекинъ, предварительно занявъ расположенный по сосѣдству съ нимъ роскошный Лѣтній дворецъ богдыхана. Въ этомъ дворцѣ, подвергшемся, какъ извѣстно, разграбленію со стороны союзныхъ войскъ, а отчасти

и набѣжавшихъ изъ окрестностей китайскихъ обывателей, были, между прочимъ, найдены разныя вещи, принадлежавшія нѣкоторымъ изъ пропавшихъ безъ вѣсти парламентеровъ, а также нѣсколько бумагъ, писанныхъ европейскою рукой. Бумаги эти, подобранныя французскими солдатами и доставленныя генералу Монтобану, оказались весьма любопытными документами: то были французскій и англійскій тексты трактата, обсуждавшагося въ Тянь-Цзинѣ лордомъ Эльгеномъ и барономъ Гро, съ одной стороны, и китайскимъ мандариномъ. Мандаринъ этотъ, не имѣвшій полномочій, внезапно исчезъ и увезъ оба списка съ собою, а потомъ либо доставилъ, либо переслалъ ихъ богдыхану. При сличеніи англійскаго и французскаго списковъ обнаружилась значительная разница въ ихъ содержаніи. Въ чемъ же она заключалась?

Когда Франція и Англія посылали свои войска въ Китай, было условлено, что какъ труды и жертвы, такъ и результаты экспедиціи должны быть одинаковы для обѣихъ сторонъ. Но втихомолку англичане разсчитывали взять себѣ львиную долю. Когда китайскій коммиссаръ явился въ Тянь-Цзинъ для переговоровъ, каждый изъ обоихъ пословъ вручилъ ему текстъ договора, написанный на соотвѣтственномъ языкѣ; оба текста были предварительно свѣрены обѣими сторонами, но, при врученіи мандарину, лордъ Эльгенъ замѣнилъ свѣренный англійскій списокъ другимъ, который былъ несходенъ со спискомъ французскимъ. Въ немъ выговаривались особыя выгоды въ пользу одной только Англіи—вознагражденія, территоріальныя уступки на китайскомъ побережьѣ и проч. А въ пояснительномъ къ тексту письмѣ лордъ Эльгенъ писалъ: «О французахъ не безпокойтесь. Дайте имъ какое-нибудь нравственное удовлетвореніе по части ихъ религіи. Мы уже сами позаботимся о томъ, чтобы они присоединились къ просимымъ нами условіямъ, потому-что они—наемники, состоящіе у насъ на жалованьи». Британскій посолъ, очевидно, не разсчитывалъ на то, что его продѣлка можетъ какъ-нибудь случайно обнаружиться.

Передавая эту подробность, д'Эрисонъ настаиваетъ на справедливости сообщаемаго имъ факта и приводитъ въ подтвержденіе его нѣсколько писемъ свѣдущихъ въ дѣлѣ лицъ.

Въ дополненіе приведенныхъ выше выдержекъ изъ книги д'Эрисона, остается сказать, что въ началѣ ноября, когда союзники шли въ Пекинъ, съ цѣлью занять его, двое англійскихъ офицеровъ явились къ генералу Монтобану съ извѣстіемъ, что китайцы прислали въ британскій лагерь пятерыхъ изъ содержавшихся въ плѣну французскихъ парламентеровъ. Всѣ они—въ томъ числѣ переводчикъ Эскеракъ, оказались въ самомъ плачевномъ состояніи: измученными, истощенными, одѣтыми въ грязныя лохмотья; нѣкоторые изъ нихъ были искалѣчены, одинъ даже самымъ варварскимъ образомъ оскопленъ. И какъ разъ въ то время, когда они

испытывали ужасныя мученія, братъ богдыхана, принцъ Кунгъ, съ которымъ союзники вели переговоры, писалъ барону Гро: «Имѣю чѣсть увѣдомить ваше превосходительство, что я отдалъ приказаніе, чтобы переводчику вашей великой имперіи Эскераку было оказываемо надлежащее вниманіе. По дружественномъ улаженіи съ нимъ всего, что́ касается подписанія конвенціи, я намѣренъ немедленно же и надлежащимъ образомъ возвратить къ вамъ вашихъ задержанныхъ соотечественниковъ». Разсказовъ плѣнниковъ о перенесенныхъ ими отъ китайцевъ истязаніяхъ мы передавать не будемъ, щадя нервы читателя.

Заключимъ наши выдержки указаніемъ д'Эрисона на то, что прекращеніемъ продолжительныхъ затяжекъ и увертокъ со стороны принца Кунга союзники были обязаны отчасти добрымъ услугамъ русскаго посла въ Пекинѣ, генерала Игнатьева. Онъ съумѣлъ повліять какъ на остававшіяся въ Пекинѣ китайскія власти, такъ и на богдыханскій дворъ. Созвавъ къ себѣ семерыхъ или восьмерыхъ оставшихся въ столицѣ офицеровъ, не имѣвшихъ, впрочемъ, полномочій для переговоровъ, онъ сталъ попрекать ихъ тѣмъ, что они ничего не предпринимаютъ въ виду угрозъ англо-французовъ бомбардировкою Пекина, если китайцы не приступятъ къ серьезнымъ переговорамъ о мирѣ. «Развѣ вы не видите,—говорилъ генералъ,—что вы рѣшительно не въ состояніи предотвратить это бѣдствіе и что англо-французамъ очень легко будетъ разрушить и сжечь дворецъ богдыхана, да и весь городъ?» Напуганные китайцы, растерявшись, начали жаловаться на то, что, за отсутствіемъ всѣхъ важныхъ сановниковъ, они ничего не могутъ сдѣлать и не знаютъ, какъ быть. «Научите насъ, какъ поступить», просили они. Генералъ Игнатьевъ сказалъ, что для Китая единственный выходъ изъ крайне опаснаго положенія въ томъ, чтобы заключить миръ во что бы ни стало, безусловно принявъ всѣ условія, какія будутъ поставлены побѣдителями, тѣмъ болѣе, что послѣдніе желаютъ только одного—именно искренняго подтвержденія трактата, заключеннаго китайцами два года тому назадъ безъ намѣренія соблюдать его. «Но мы не можемъ, у насъ нѣтъ полномочій на это»—возражали китайцы. «Въ такомъ случаѣ, ступайте отъ моего имени къ брату́ богдыхана, принцу Кунгу, передайте ему, что́ я вамъ говорилъ, и упросите его, какъ уполномоченнаго богдыханомъ, прибыть въ городъ вмѣстѣ съ сановниками для обсужденія и подписанія условій мира. Скажите ему, что ему нѣчего бояться, такъ какъ, въ случаѣ его готовности къ заключенію мира, союзники не тронутъ Пекина». Совѣтъ этотъ подѣйствовалъ: послѣ нѣкоторыхъ, неизбѣжныхъ въ Китаѣ проволочекъ, миръ былъ подписанъ, и экспедиціи положенъ конецъ.

При чтеніи телеграммъ изъ Китая, изо-дня въ день печатаемыхъ нынѣ въ газетахъ, невольно вспоминаются разсказы д'Эрисона о китай-

скихъ событіяхъ 1860 г. и кажется, что совершающееся нынѣ во многомъ сходно съ тѣмъ, что было 40 лѣтъ тому назадъ. Общій фонъ картины остается, повидимому, такимъ же, какимъ онъ былъ въ ту пору, и все различіе едва-ли не въ томъ только, что, вмѣсто двухъ державъ, передъ «желтою загадкой» стоятъ теперь въ нерѣшимости нѣсколько націй и что противъ нихъ, наравнѣ съ «Большими кулаками», выступаютъ уже не прежнія нестройныя китайскія полчища, съ луками, самострѣлами и негодными ружьями, а войска, обученныя европейскими инструкторами и снабженныя современнымъ вооруженіемъ. Въ остальномъ же какъ-бы повторяется все прежнее. Даже исторія съ послами, задержанными въ Пекинѣ—развѣ не напоминаетъ она во многомъ эпизодъ съ англо-французскими парламентерами, о которомъ повѣствуетъ д'Эрисонъ?

А. Рѣдкинъ.

Поправка:

Въ августовской книжкѣ „Русской Старины“ на страницѣ 391 вкралась ошибка: Во второй строкѣ сверху напечатано: „Попытки братьевъ А. А. и М. А. Бестужевыхъ издавать журналъ“. Слѣдуетъ читать: „Попытки А. А. Бестужева и М. А. Бестужева-Рюмина издавать журналъ“, такъ какъ братьями они не были.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1900 г.

ТОМЪ СТО ТРЕТІЙ.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

		стран.
I.	Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа	33— 55
II.	Изъ записокъ барона Дедема. Извлеч. В. В. Тимощукъ.	113—138
III.	Записки Михаила Чайковскаго. (Садыкъ-Мехмедъ-паши). Перев. В. В. Тимощукъ.	201—224; 431—448
IV.	Записки ген. В. И. Левенштерна	265—297; 485—522
V.	Изъ записокъ Д. А. Кармазина . . .	339—364
VI.	Воспоминанія о нѣкоторыхъ лицейскихъ товарищахъ. М. В. Буташевичъ-Петрашевскій. Акад. К. С. Веселовскаго.	449—456
VII.	Изъ воспоминаній Михайловскаго-Данилевскаго. 1822 годъ. Собщ. Н. К. Шильдеръ	629—649

Портреты.

I. Портретъ ген.-лейт. К. А. Бельгарда. Грав. И. И. Хелмицкій.
(При 7-ой книгѣ).

II. Портретъ А. Е. Измайлова. Грав. И. И. Хелмицкій.

(При 8-ой книгѣ).

III. Портретъ Софьи Петровны Свѣчиной. Грав. И. И. Хелмицкій.

(При 9-ой книгѣ).

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

		стран.
I.	Императоръ Николай I и Польша въ 1825—1831 гг. Н. К. Шильдера.	1—32; 257—264
II.	Къ исторіи Московскаго университета въ началѣ XIX вѣка. Письмо М. Муравьева къ В. Н. Каразину	56
III.	Александръ Ефимовичъ Измайловъ. 1779—1831 г. Ив. Кубасова . . . 57—78; 407—430;	615—628
IV.	Письмо М. Н. Каткова—П. Н. Батюшкову о положеніи дѣлъ въ виленскомъ генералъ-губернаторствѣ	79— 82
V.	Нѣмцы о Пушкинѣ въ 1899 г. М. Веневитинова	83—111
VI.	В. Збышевскій (изъ исторіи польской смуты въ 1863 г.). Сообщ. А. Мердеръ	112
VII.	Краткій очеркъ жизни и дѣятельности генералъ-лейтенанта К. А. Бельгарда. В. Ф. Ореусъ .	139—152
VIII.	Записка слободско-украинскаго губернатора Муратова о статскомъ совѣтникѣ Каразинѣ. 1-го марта 1826 года	153—154
IX.	Разбитая жизнь. Разсказъ ссыльнаго. (Къ исторіи бродяжничества на Руси). С. А. Коваленко	155—182
X.	Изъ дневника П. Г. Дивова	183—200
XI.	Два рескрипта о Н. И. Новиковѣ. Рескрипты Екатерины II—ген. Лопухину 23-го января и 11-го февраля 1786 года	298
XII.	Внутреннія причины паденія Польши. (Переводъ съ польской рукописи)	299—326
XIII.	Памяти Д. В. Григоровича. (Пребываніе его въ Главномъ Инженерномъ училищѣ). Ал. И. Савельева	327—336
XIV.	Переправа императ. Николая I черезъ Нѣманъ въ 1846 г. Приказъ по 5-й пѣхотной дивизіи 2-го декабря 1846 г. Сообщ. подполков. К. І. Домбровскій	337
XV.	Гортензія Богарнэ. П. М. Майкова. 365—381;	593—611

стран.

XVI. О тайномъ ввозѣ въ Россію сочиненія Н. Тургенева. Письмо графа Орлова Л. А. Перовскому 15-го августа 1847 года 382
XVII. Листки изъ дневника М. К. Мердеръ. (Переводъ съ французскаго). Сообщ. Алексѣй Мердеръ 383—389
XVIII. Къ характеристикѣ П. Коновницына. Письмо его—Н. Н. Каразину 26-го мая 1813 г. . . . 390
XIX. Приказъ графа Барклая-де-Толли по арміямъ съ благодарностью короля прусскаго, 12-го іюня 1814 г. 406
XX. Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка. Н. Ѳ. Дубровина . . . . . 457—583
XXI. Стихи, приписываемые И. А. Крылову 484
XXII. Меттернихъ и его внѣшняя политика. А. П. Рѣдкина . . . . . 523—540
XXIII. Софья Петровна Свѣчина. (Ея жизнь и переписка). П. . . . . 541—557
XXIV. Императоръ Александръ I и его гофмаршалъ гр. Н. А. Толстой 558
XXV. Возвращеніе барона Беннигсена въ армію въ 1812 году. Всеподданнѣйшее письмо барона Беннигсена 592
XXVI. Исцѣленіе полковника Повиша. Письмо его къ генералъ-лейтенанту Рену 650
XXVII. Смоленскіе партизаны въ 1812 году. А. Слезскинскаго . . . . . 651—665
XXVIII. О принятіи императоромъ Николаемъ въ непосредственное свое завѣдываніе собственной его величества канцеляріи 666
XXIX. Англо-французы въ Китаѣ въ 1860 г. А. П. Рѣдкина . . . . . 667—684
XXX. Систематическое оглавленіе 103-го тома . . . 685—688

Исторія русской литературы.

I. Къ исторіи русской литературы. Попытки А. А. Бестужева и М. А. Бестужева-Рюмина издавать журналъ (1818—1823 г.). 391—405
II. Къ исторіи русской литературы. Ѳ. В. Булгаринъ и Н. И. Гречъ: I. Ѳ. Булгаринъ и его „Сѣверный Архивъ"; II. Н. Гречъ и его „Сынъ Отечества"; III. Булгаринъ и Гречъ вмѣстѣ; IV. Булгаринъ послѣ 14-го декабря 1825 г. Сообщилъ Н. Д. . . . . 559—591

Библіографическій листокъ.

1. **Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ митрополиту московскому Филарету** (съ 1812 по 1867 г.), **изданныя съ біографическими свѣдѣніями и пояснительными примѣчаніями** А. Н. Львовымъ. Спб. 1900 г.—Н. И. **Кашкадамова.** (На оберткѣ іюльской книги).
2. **Каѳедра русскаго языка и словесности** въ Юрьевскомъ (Дерптскомъ) **университетѣ. Составилъ по архивнымъ и печатнымъ матеріаламъ** Е. В. **Пѣтуховъ.** Юрьевъ 1900 г.—Н. И. **Кашкадамова.** (На оберткѣ августовской книги).
3. **Русская словесность съ XI по XIX** ст. включительно, **библіографическій указатель произведеній русской словесности въ связи съ исторіей литературы и критикой. Книги и журнальныя статьи. Составила** А. В. **Мезіеръ.** Часть I. **Русская словесность съ XI по XVIII в.** Спб. 1899.—**Его же** (тамъ же).
4. **Крестьянская реформа въ Новгородской губерніи.** Записки С. И. Носовича. 1861—1863 гг. **Съ предисловіемъ** В. И. Семевскаго. Спб. 1900 г. Н. И. **Кашкадамова.** (На оберткѣ сентябрьской книги).
5. **Воспоминанія князя Григорія Григорьевича Гагарина о Карлѣ Брюлловѣ. Къ 100-лѣтію со дня рожденія** Брюллова. 1799—1899. **Съ предисловіемъ и статьей о художественной дѣятельности автора воспоминаній.** Спб. 1900 г.—**Его же** (тамъ же).

Приложенія.

Архивъ Брюлловыхъ . . . . . 161—195

бенное стараніе со стороны администраціи какъ высшей, такъ и мѣстной, чтобы подвинуть ихъ на издержки, сопряженныя съ гостепріимствомъ, которое нужно все-таки было оказать государю, хотя просто изъ одного приличія.

«Табунное начало,—записано, между прочимъ, авторомъ подъ 30-мъ сентября того же года,—преобладаетъ въ нашихъ крестьянахъ, какъ и во всѣхъ неразвитыхъ обществахъ, всегда бывшихъ подъ опекою и никогда не дѣйствовавшихъ самостоятельно. Нужно только овладѣть, подчинить своему вліянію двухъ-трехъ коноводовъ и, уже направляя ихъ, вести сзади весь табунъ, безсознательно идущій хоть на край пропасти.

«Я стараюсь доказать помѣщикамъ,—говоритъ С. И. Носовичъ въ своихъ запискахъ подъ 10-мъ октября,—что уставная грамота дѣлается исключительно актомъ юридическихъ отношеній помѣщика къ крестьянамъ, а не хозяйственныхъ, а потому она должна имѣть въ своемъ основаніи законъ, а не произволъ тамъ, гдѣ не воспослѣдовано обоюдное соглашеніе на этотъ счетъ; кромѣ того я всегда вижу, что господа помѣщики очень крѣпко и близко держатся закону, когда дѣло идетъ о повинностяхъ крестьянъ, т. е. о величинѣ оброка или барщины, но удаляются отъ него, по возможности, далеко, когда дѣло идетъ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ».

Обязанности мироваго посредника авторъ опредѣляетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ, напечатанныхъ въ запискахъ подъ 27-мъ октября 1862 года. «Въ настоящее время судебная сторона дѣятельности посредника уходитъ на второй планъ, т. е. уступаетъ мѣсто распорядительной сторонѣ, и дѣйствительно, когда взаимныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ точно опредѣлены по уставнымъ грамотамъ, обязанность посредника состоитъ въ наблюденіи за точнымъ исполненіемъ взаимныхъ обязанностей двухъ сторонъ, и, если онъ упускаетъ изъ вида, что самое главное есть не теоретическое опредѣленіе правъ и обязанностей, а фактическое ихъ осуществленіе, то, по моему мнѣнію, онъ не выполняетъ своего общественнаго призванія. Нужно пріучить народъ къ строгому соблюденію всякаго договора, нужно внушить ему уваженіе къ закону, иначе произволъ дѣлается пагубной привычкой, нетерпимой ни въ какомъ благоустроенномъ обществѣ».

О финансовой сторонѣ реформы г. Носовичъ высказываетъ слѣдующія соображенія: «со времени освобожденія крестьянъ, или, вѣрнѣе говоря, со времени уничтоженія барщиннаго труда и повсемѣстнаго замѣненія его вольнонаемнымъ трудомъ, та громадная масса денежныхъ бумажныхъ знаковъ, т. е. нашихъ кредитныхъ бумажекъ, которыя гнели своею тяжестью нашъ денежный рынокъ и тѣмъ производили вздорожаніе всѣхъ предметовъ, т. е. упадокъ цѣнности самыхъ денегъ,—найдутъ себѣ мѣсто и употребленіе во вновь открывшихся экономическихъ сношеніяхъ помѣщиковъ и крестьянъ».

9-го января 1863 года авторъ записалъ: «съ наступленіемъ мясоѣда, т. е. того времени, когда происходитъ большая часть крестьянскихъ свадебъ, въ нынѣшній годъ, также какъ и въ прошлый, до меня доходятъ частыя сѣтованія крестьянъ на корыстолюбіе мѣстныхъ приходскихъ священниковъ, которые, дѣлая крестьянамъ разныя незаконныя притѣсненія, или просто угрозы ихъ не вѣнчать, требуютъ съ нихъ за свадьбы, смотря по состоянію вѣнчающихся, отъ 5 до 10 руб. сер. Этотъ періодъ свадебъ крестьяне иронически называютъ поповскимъ сѣнокосомъ; и дѣйствительно, притѣсненіе крестьянъ, особенно со времени ихъ освобожденія, вполнѣ оправдываетъ названіе, данное ими мясоѣду. Въ эпоху крѣпостнаго права крестьяне вѣнчались всегда съ дозволенія, а иногда и по назначенію помѣщика, а потому они брали отъ сихъ послѣднихъ письма къ священникамъ, которые по этому самому не смѣли ихъ притѣснять».

Подъ 6-мъ іюня 1863 года С. И. Носовичъ пишетъ: «вотъ уже два года, какъ я живу въ деревнѣ, и въ этотъ небольшой промежутокъ времени (если обратиться мысленно назадъ) совершилась у насъ въ деревнѣ громадная перемѣна къ лучшему, правильному, человѣчному порядку вещей. Куда ни обратишь свой взоръ, всюду преданія стараго времени замѣнились новымъ порядкомъ, новыми условіями, новыми отношеніями».

По приведеннымъ нами выдержкамъ можно судить, насколько интересны записки С. И. Носовича.

Н. К-ш-ъ.

Воспоминанія князя Григорія Григорьевича Гагарина о Карлѣ Брюлловѣ. Къ 100-лѣтію со дня рожденія Брюллова 1799—1899. Съ предисловіемъ и статьей о художественной дѣятельности автора воспоминаній. СПБ. 1900 г.

Первые художественные шаги князя Г. Г. Гагарина были совершены подъ ближайшимъ воздѣйствіемъ и руководствомъ К. П. Брюллова, и поэтому его воспоминанія представляютъ немаловажный интересъ для исторіи русскаго искусства.

Въ своихъ воспоминаніяхъ кн. Г. Г. Гагаринъ даетъ картину постепеннаго развитія и совершенствованія таланта знаменитаго нашего художника въ зависимости отъ тѣхъ условій и обстоятельствъ, при которыхъ складывался его геній, и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ значеніе, какое долженъ былъ имѣть Брюлловъ въ дальнѣйшихъ судьбахъ живописи.

Очень изящная по внѣшности книга читается съ большимъ интересомъ.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1900 г.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Циверлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 14. Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

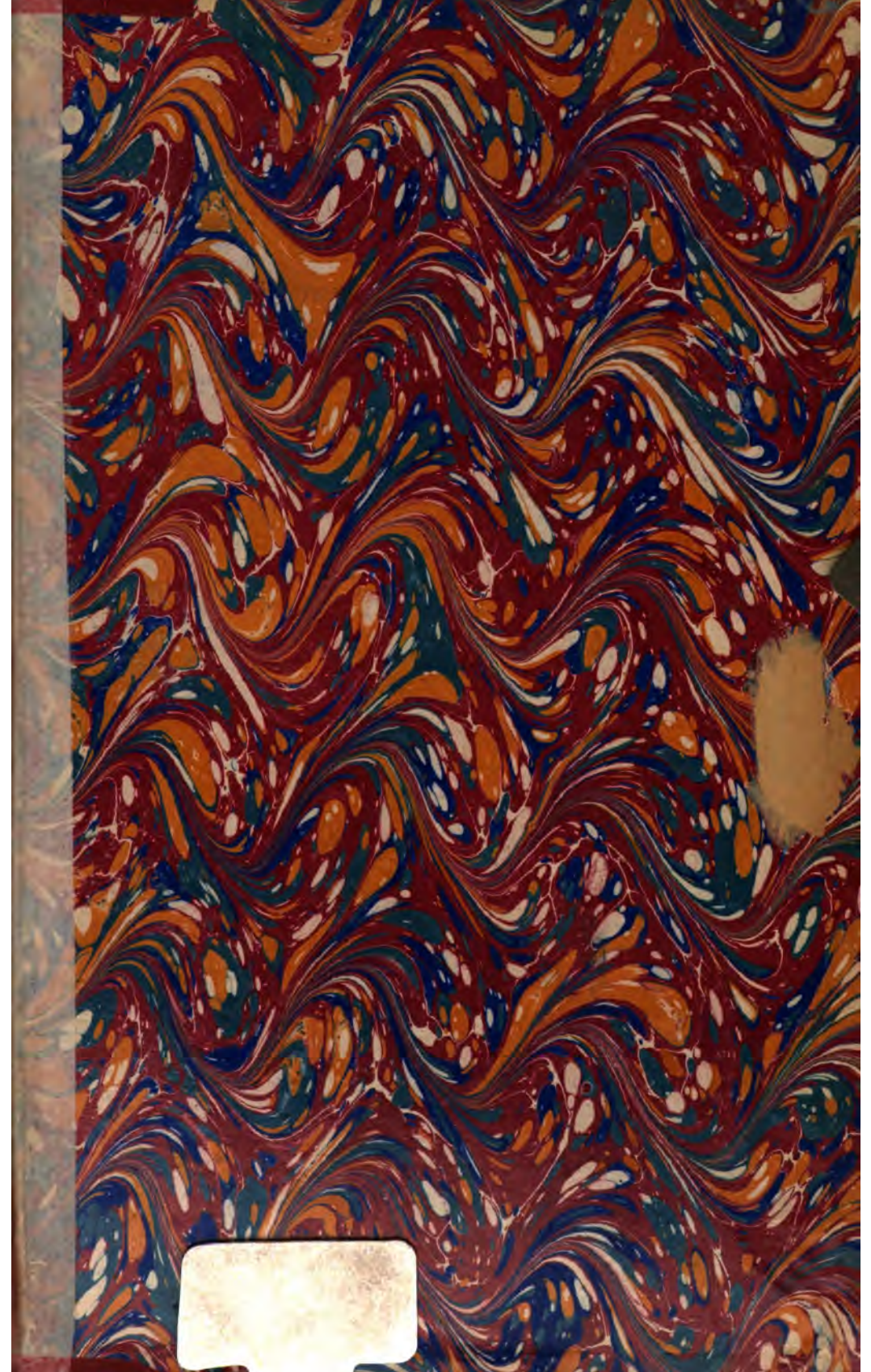
Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1899 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **безплатно**.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.



Widener Library
3 2044 099 702 490